К. Харламповичъ.

4655

ЗАПАДНОРУССКІЯ

ПРАВОСЛАВНЫЯ ШКОЛЫ

XVI и начала XVII вѣка,

отношеніе ихъ къ инославнымъ,

религіозное обученіе въ нихъ и заслуги ихъ въ дѣлѣ защиты православной вѣры и церкви.

КАЗАНЬ.
Типо-литографія Императорскаго Университета.
1898.

Академия наук СССР
Институт научной информации
и фундаментальная библиотека
по общественным наукам
1254
73

Печатать дозволяется. 15 ноября 1897 г. Ректоръ Академіи Епископъ Іоаннъ.

ВВЕДЕНІЕ.

Подъ западной Россіей разумѣютъ обыкновенно всѣ русскія земли, принадлежавшія польско-литовскому государству и жившія политическою жизнью, отдѣльной отъ московской Руси. Сюда входили, слѣдовательно, нынѣшнія губерніи: кіевская, подольская, волынская, черниговская, смоленская, могилевская, минская, витебская, виленская, гродненская, отчасти сѣдлецкая, люблинская и ковенская, и Галиція. Такова русская точка зрѣнія на объемъ и границы западной Россіи; въ основѣ ея лежитъ этнографическій принципъ. Съ точки же зрѣнія политическаго принципа, котораго держатся польскіе ученые, подкрѣпляющіе его односторонними историческими данными, говорить о русскомъ въ областяхъ, входившихъ когда—либо въ составъ Польши, не слѣдовало бы.... Намъ нѣтъ однако нужды спорить съ ними и доказывать присутствіе русскаго элемента и его преобладаніе во всѣхъ означенныхъ областяхъ: по отношенію и къ настоящему времени, и къ истекшимъ вѣкамъ это ясно доказывается безпристрастными исторіей и этнографіей. Чтобы показать, что мы, очертивши такъ широко границу западнорусскаго племени, не выступили за предѣлы правды, намъ достаточно остановиться на двухъ пунктахъ ея, повидимому, очень слабо защищеныхъ,—на губерніяхъ люблинской и сѣдлецкой и—виленской и ковенской. Уже принадлежность первыхъ двухъ къ „царству польскому“ можетъ укрѣплять нѣкоторыхъ въ мнѣніи, что онѣ населены польскимъ племенемъ. Но что восточныя и южныя части ихъ по своему этнографическому составу ближе къ Галиціи и Волыни, чѣмъ къ Польшѣ—это фактъ не только современный, но и историческій. Въ XVI вѣкѣ этнографическая граница русскаго и польскаго племенъ проходила даже значительно западнѣе, чѣмъ теперь. Теперь города Любартовъ, Люблинъ, Красноставъ, Соколовъ на этнографическихъ картахъ (напр. Риттиха) представляются островками русскаго племени на морѣ польскаго,

прежде же кругомъ ихъ ключомъ была русская жизнь; въ нихъ же самихъ въ XVI в. существовали не только православныя церкви, но и монастыри, братства, училища,—высшія проявленія тогдашней русской культуры. Относительно виленской и ковенской губерній мы готовы согласиться, что теперь онѣ очень значительно окатоличены и отчасти ополячены, но все же наибольшій процентъ населенія составляютъ не поляки, а литовцы и русскіе. Еще замѣтнѣе это было въ XVI в., когда польское племя имѣло здѣсь еще меньшее число представителей. И если русскихъ на пространствѣ этихъ двухъ губерній было гораздо меньше, чѣмъ литовцевъ, то нужно принять во вниманіе то обстоятельство, что Русь была сильнѣе Литвы своей культурой. Еще съ XIII ст. литовское государство начало завоевывать одно за другимъ русскія княжества и естественно стало перенимать у русскихъ всѣ стороны ихъ жизни—и соціальныя отношенія, и военное искусство, и формы судопроизводства, и языкъ. Послѣдній былъ оффиціальнымъ языкомъ на всемъ пространствѣ литовско-русскаго государства, даже въ коренной Жмуди. О какихъ-либо проявленіяхъ литовской культуры, кромѣ развѣ язычества, мы въ XVI в. ничего не знаемъ.

Но, настаивая на существованіи извѣстныхъ этнографическихъ границъ между польскимъ и русскимъ племенами, мы далеки отъ мысли что для XVI в. онѣ были настолько рѣзко очерченными, что восточнѣе ихъ не было ничего нерусскаго, ничего неправославнаго. Какъ бы строго границы государствъ и народовъ ни охранялись, онѣ всегда бываютъ безсильны въ области явленій умственныхъ, культурныхъ. Тѣмъ болѣе это должно было случиться съ западной Россіей, которая была политически связана съ Польшей. Нравственную физіономію XVI ст., которое стоитъ на порогѣ среднихъ и новыхъ вѣковъ, нѣтъ сомнѣнія, создала великая реформація, освободившая мысль европейца отъ узъ схоластицизма и провозгласившая принципъ духовной свободы. Но она вызвала на борьбу съ собой католическую церковь. Главными орудіями этой борьбы съ обѣихъ сторонъ были литература, типографіи и школы, размножившіяся въ XVI в. въ небываломъ дотолѣ количествѣ и способствовавшія необычайному умственному оживленію общества. И хотя главное вниманіе послѣдняго сосредоточивалось на религіозныхъ вопросахъ, но и школы и типографіи стали служить и общимъ интересамъ просвѣщенія. Начинаетъ все болѣе развиваться педагогика, какъ отдѣльная наука... Обращаясь къ польско-литовскому государству, мы видимъ, что и здѣсь были данныя для возникновенія и размноженія школъ различныхъ религіозныхъ типовъ, были они, въ частности, и въ западной Россіи. Здѣсь давно уже жили поляки и имѣло успѣхъ латинство. Въ XVI в. появились здѣсь протестанты различныхъ толковъ, и заки-

пѣла ожесточенная борьба ихъ съ католиками, въ которую были вовлечены и православные. Такъ какъ первымъ приходилось еще завоевывать себѣ положеніе въ государствѣ и обществѣ, то они должны были, наряду съ устной и письменной пропагандой своихъ идей, организовать въ самыхъ широкихъ размѣрахъ школьное образованіе въ духѣ своего вѣроисповѣданія. Не отстали отъ нихъ и католики, которые, не надѣясь на свои училища, существованія здѣсь уже давно, но оказавшіяся непригодными въ борьбѣ съ реформаціей, вызвали сюда извѣстныхъ тогда въ европейскомъ мірѣ педагоговъ—членовъ іезуитскаго ордена. Іезуиты сразу овладѣли положеніемъ и повели школьную и литературную войну на два фронта—противъ протестантовъ и православныхъ. Пришлось и послѣднимъ подумать объ умноженіи своихъ школъ и о приспособленіи ихъ къ новымъ религіознымъ и умственнымъ потребностямъ. Такимъ образомъ у насъ являются училища острожское и цѣлый рядъ братскихъ. По своему направленію наши школы держались греческо-православныхъ идеаловъ, но очень скоро совмѣстное существованіе съ высоко стоявшими въ мнѣніи общества католическими и протестантскими коллегіями и гимназіями, а также отдаленность Греціи создали почву для заимствованій нашими школьными дѣятелями тѣхъ или другихъ чертъ и особенностей инославныхъ школъ и частныхъ подробностей ихъ быта. Это было тѣмъ естественнѣе, что многіе наши учителя получили образованіе въ католическихъ и протестантскихъ училищахъ Польши и Европы, а иные и сами были протестантами.

Этимъ историческимъ ходомъ образованія въ западной Россіи обусловливаются и содержаніе и планъ нашей работы. Главный предметъ ея и цѣль—обслѣдованіе внѣшней и внутренней судьбы православныхъ школъ. Но уже въ силу того, что на ту и на другую въ концѣ XVI ст. оказали большое вліяніе инословныя училища, намъ приходится говорить и о нихъ,—сначала о католическихъ, какъ болѣе давнихъ, потомъ о протестантскихъ. Тѣмъ и другимъ отведено по одному отдѣлу нашего сочиненія; православныя школы составляютъ третій отдѣлъ его. Затѣмъ, такъ какъ мы доводимъ его до 1633 г., до вступленія на польскій престолъ короля Владислава IV, съ чѣмъ совпало обнаруженіе болѣе терпимыхъ отношеній правительства къ православнымъ и протестантскимъ школамъ и менѣе пристрастныхъ къ католическимъ (разумѣемъ выселеніе іезуитовъ изъ Кракова и допущеніе въ государство піаровъ),—то въ кругъ нашего изслѣдованія входятъ еще школы уніатскія, которыя по своему характеру и исторіи представляли переходъ отъ православныхъ къ католическихъ; онѣ служатъ предметовъ четвертаго и послѣдняго отдѣла сочиненія. Въ каждомъ отдѣлѣ мы обозрѣваемъ сначала условія появленія школъ извѣстнаго типа на территоріи западной Россіи и

внѣшнюю судьбу ихъ до конца избраннаго нами періода, а затѣмъ—внутреннюю сторону ихъ жизни, организацію ихъ, учебную программу, систему воспитанія. Получается такимъ образомъ изложеніе исторіи всѣхъ школъ, въ которыхъ учился западнорусскій народъ въ XVI и въ началѣ XVII в., не выходя за этнографическія границы своего племени. Въ частности, въ первомъ отдѣлѣ мы говоримъ о школахъ каѳедральныхъ и приходскихъ (гл. 1), объ іезуитскихъ училищахъ и организаціи ихъ (гл. 2 и 3), о духовныхъ семинаріяхъ (гл. 4) и о замостской академіи (гл. 5). Во второмъ отдѣлѣ излагается судьба западнорусскихъ протестантскихъ школъ въ связи съ исторіей самого протестантства въ зап. Россіи (гл. 6) говорится объ организаціи ихъ (гл. 7). Третій отдѣлъ начинается съ обрисовки положенія православнаго просвѣщенія въ зап. Россіи до XVI в. и въ первой половинѣ его и съ выясненія тѣхъ условій, которыя способствовали оживленію его во второй иоловинѣ XVI ст. (гл. 8), содержитъ исторію острожской школы (гл. 9), братскихъ училищъ и небратскихъ (гл. 10), сообщаетъ автобіографическія данныя объ извѣстнѣйшихъ учителяхъ братскихъ школъ (гл. 11) и заключается выясненіемъ общаго характера нашихъ братскихъ школъ и степени ихъ самостоятельности, постановки учебныхъ предметовъ и педагогическихъ идеаловъ и требованій (гл. 12). Наконецъ, въ четвертомъ отдѣлѣ сообщаются свѣдѣнія объ уніатскихъ школахъ до брестской уніи и послѣ нея и объ ихъ внутреннемъ устройствѣ (гл. 13).

Неравномѣрность отдѣловъ и главъ и различная степень нашей самостоятельности въ обслѣдованіи отдѣльныхъ школъ стоятъ въ зависимости отъ количества и качества того матеріала, которымъ мы располагали. По первоисточникамъ рукописнымъ и печатнымъ нами написаны не всѣ главы; на многихъ главахъ, особенно о протестантскихъ школахъ, замѣтно отразились вліяніе тѣхъ сочиненій, которыя служили намъ пособіями.—Источники мы дѣлимъ на рукописные и печатные. Первыми мы пользовались въ Архивѣ греко-уніатскихъ митрополитовъ, хранящемся въ архивѣ свят. Синода, и въ библіотекахъ: Императорской публичной въ Петербургѣ и софійской и печерской въ Кіевѣ. Эти же библіотеки, виленская публичная, а также принадлежащія духовнымъ академіямъ—С.-Петербургской и Казанской, и наконецъ С.-Петербургской римско-католической духовной академіи,—дали намъ возможность познакомиться съ учебниками школъ изслѣдуемой нами эпохи и съ другими старопечатными изданіями, преимущественно же съ церковнобогослужебными книгами, предисловія и послѣсловія которыхъ заключаютъ иногда въ себѣ цѣнныя историческія свѣдѣнія о школахъ и лицахъ, прикосновенныхъ къ нимъ. Отсутствіе недостававшихъ старыхъ изданій и

рукописей отчасти восполнили слѣдующіе библіографическіе труды и описанія рукописей:

Iocher, Obraz bibliograficzno — historyczny literatury i nauk w Polsce, I—III (1840. 1842).

Востоковъ, Описаніе рукописей Румянцевскаго музея (СПБ., 1842).

Émile Legrand, Bibliographie Hellénique, ou description raisonnée des ouvrages publiés en qrec par des qrecs aux XVI-e siècles, tt. I et II (Paris, 1888) и томы I—IV того же изданія за XVII-й вѣкъ (Paris, 1894—1896).

Добрянскій, Описаніе рукописей Виленской публичной библіотеки (Вильна, 1882).

Описаніе рукописнаго отдѣленія Виленской публичной библіотеки, Вып. I (1895).

Карамаевъ, Описаніе славяно-русскихъ книгъ, напечатанныхъ кирилловскими буквами, вып. I (1491—1652 г.), 1883 г.

Maciejowski, Piśmiennictwo Polskie od czasów najdawniejszych aż do r. 1830, I—III (1853).

Поповъ, Описаніе рукописей и каталогъ книгъ церковной печати библіотеки Хлудова, М. 1872.

Wierzbowski Th., Bibliographia polonica XV et XVI saeculi (Varsoviae, 1889—1894).

Wiszniewski, Historya literatury Polskiéj, Krakow, 1840—1857.

Затѣмъ, мы пользовались слѣдующими изданіями историческихъ документовъ всякаго рода и сочиненіями лицъ, жившихъ въ изслѣдуемую нами эпоху или очень близко къ ней, цитуемыми нами въ текстѣ подъ такими сокращеніями.

А. В. А. К.—Акты Виленской археографической коммиссіи (преимущественно т.т. VIII, XVI, XXII).

А. З. Р.—Акты, относящіеся къ исторіи западной Россіи (III—V).

А. Ю. и З. Р.—Акты южной и западной Россіи (II).

Akta Lwowskie=Akta grodskie i ziemskie z czasów Rzeczypospolitej Polskiej z archiwum tak zwanego bernardyńskiego we Lwowie (III и IV).

Academia et universitas Vilnensis Soc. Iesu, privilegiis, Constitutionibus, decretis erecta, aucta, roborata... 1738.

Albertrandi, Pamiętniki o dawnej Polsce z czasów Zygmunta Augusta, obejmujące listy Iana Franciszka Commendone do Karola Borromeusza, I—II. Wilno, 1851.

Argent Ian, De rebus Societatis Iesu in Regno Poloniae, Cracoviae, 1620.

Арх. Сб. = Археографическій сборникъ документовъ, относящихся къ исторіи сѣверо-западнаго края (преимущественно томы II, VI, [1]) VII, VIII, XI).

Арх. Ю-З. Р.—Архивъ юго-западной Россіи (преим. томы I, VI, VII и IX первой части; въ VII томѣ помѣщены памятники полемической литературы).

Arch. Sanguszków = Archiwum książąt Lubartowiczów Sanguszków w Slawucie (I—IV). Lwow. 1887.

Arch. Sapieh. = Archivum domus Sapiehanae (t. I; 1893, Leopoli)

Barącz Sadok, Pamiętnik dziejow polskich, z aktow urzędowych lwowskich i z rękopismów (Lw., 1855).

Bibliotheca fratrum polonorum, quos unitarios vocant. Irenopoli, 1656.

Bobrowicz, Zbior pamiętnikow o dawnej Polsce, wydanie nowe, 1838.

Бѣлор. арх. = Бѣлорусскій архивъ древнихъ грамотъ, I, 1824.

Витебская старина, изд. А. Сапунова, V, Витебскъ, 1888.

Виленскія грамоты—Собраніе древнихъ грамотъ и актовъ городовъ Вильны, Ковны, Трокъ, православныхъ монастырей, церквей и по разнымъ предметамъ, II, 1843. Вильна.

Голубевъ С. Т., Приложенія къ сочиненію: „Кіевскій митрополитъ Петръ Могила и его сподвижники“, т. I, 1883 г. [2]), Кіевъ.

Онъ-же, Приложенія къ „Исторіи кіевской духовной академіи“, вып. I (1886), Кіевъ.

Decreta congregationum generalium Soc. Iesu (Antverpiae, 1635).

Rat. Stud. S. I. = Ratio et institutio Societatis Iesu (1606. Romae).

Regulae S. I. (Vilnae, 1582). У насъ подъ руками было также позднѣйшее и полнѣйшее изданіе конституцій и декретовъ конгрегацій ордена—Institutum S. I., 1705, Pragae.

Зубрицкій, Лѣтопись львовскаго ставропигіальнаго братства (Ж. М. Н. Пр., 1849, кн. 62). Ее можно отнести къ числу источниковъ потому, что она составлена на основаніи подлинныхъ, современныхъ событіямъ документовъ.

Kojałowicz Alb. W., Miscellanea rerum ad statum ecclesiasticum in Magno Ducatu Lithuaniae pertinentium, Vilnae, 1650.

---

[1]) VI-ой томъ Археографическаго сборника составился изъ документовъ, первоначально напечатанныхъ въ Литовскихъ епархіальныхъ вѣдомостяхъ за 1867—1869 г г.

[2]) Первоначально огромное большинство документовъ, вошедшихъ сюда, было напечатано въ приложеніи къ «Тр. Кіев. дух. акад.», 1878 г., подъ названіемъ: «Матеріалы для исторіи западно-русской церкви».

Крыловскій А. С., Акты = Невышедшее еще въ свѣтъ приложеніе къ ненапечатанному еще изслѣдованію г. Крыловскаго о львовскомъ братствѣ.

Кулишъ П., Матеріалы для исторіи возсоединенія Руси, I. М. 1877.

Litterae annuae S. I. (Ежегодные отчеты о состояніи іезуитскихъ учрежденій) даютъ первостепенной важности матеріалъ для исторіи іезуитскихъ школъ. Къ сожалѣнію, мы не могли достать ихъ за всѣ годы нашего періода.

Magnum Bullarium Romanum ab B. Leone Magno, usque ad S. D. N. Clementem X. Lugduni, 1673, и

Bullarium Romanum. Auqustiae Taurinorum, tt. X, XIII, XIV.

Минскія грамоты = Собраніе древнихъ грамотъ и актовъ городовъ Минской губерніи, православныхъ монастырей, церквей и по разнымъ предметамъ (1848), Минскъ

Niemcewicz, Zbior pamiętnikow o dawnej Polszcze, IV (1822, Warszawa).

П. К. К. = Памятники Кіевской комиссіи—Памятники, изданные временной комиссіей для разбора древнихъ актовъ.... въ Кіевѣ, I—III. Кіевъ.

П. П. Л.—Памятники полемической литературы въ западной Россіи, книги I, II и III, представляющія IV, VII и ? томы Русской исторической библіотеки, издаваемой археографической комиссіей.

Relacye nuncyuszów apostolskich i innych osób w Polsce, 1548—1690. I—II. Berlin—Poznań, 1864.

Rostowski, Lithuanicarum S. I. Historiarum provincialium pars prima. Wilnae, 1768.

Sandius, Bibliotheca Anti-trinitariorum, Sive catalogus scriptorum, et succincta narratio de vita eorum auctorum, Freistadii, 1684.

Сборникъ лѣтописей, относящихся къ исторіи южной и западной Россіи, Кіевъ, 1888.

Scriptores rerum polonicarum, tt. VII, X, XIV, заключающіе дневникъ краковскаго іезуита *Велевицкаго*—Historicum diarium domus professae Societatis Iesu Cracoviensis ab anno 1579 ad 1637 inclusive (въ XIV томѣ дневникъ оканчивается 1619 годомъ). Краковъ, 1881. 1886. 1889.

Smotryski Mel., *Θρηνος*, Apologia, Paraenesis, Exethesis (въ текстѣ будутъ указаны полные ихъ заголовки).

Сказ. Курб.—Сказанія кн. Курбскаго, изд. Устрялова, II-ое, 1842, и

Жизнь кн. Курбскаго въ Литвѣ и на Волыни,—акты, изданные Иванишевымъ, I—II, Кіевъ, 1849.

Starczewski Adal., Historiae ruthenicae scriptores exteri saeculi XVI (I—II, 1841. 1842).

Starowolski Simon, Scriptorum polonicorum Ἑκατοντὰς, seu Centum illustrium Poloniae scriptorum elogia et vitae, editio nova, 1733 (*Simonis Starovolsci* Tractatus tres, III)

Susza, Saulus et Paulus, sive Meletius transformatus, Romae, 1666 (Новое изданіе этого сочиненія сдѣлано іез. Мартыновымъ въ 1864 г. въ Брюсселѣ).

Suppl.—Supplementum ad Historica Russiae Monumenta, ex archivis ac bibliothecis extraneis deprompta et a collegio archaeographico edita, 1848.

Theiner, Annales ecclesiastici, quos post Caesarem S. R. E. Barouium, Odoricum Raynaldum ac Iacobum Laderchium, ab anno 1563 ad nostra usque tempora continuat Augurtinus Theiner, III, Romae, 1856.

Theiner, Vetera Monumenta Poloniae et Lithuaniae, III, Romae, 1861.

Юбил. Изд. Львов. братства—Юбилейное изданіе въ память 300-лѣтняго основанія львовскаго ставропигіальнаго братства, т. I (1886).

Dipl. stat.—Diplomata statuaria a Patriarchis Orientalibus Confraternitati Stauropigianae Leopoliensi a. 1586—1592 data, cum aliis litteris coaevis et appendice (1895 г.; это—второй томъ Юбилейнаго изданія).

Monum. Confr.—Monumenta confraternitatis Stauropigianae Leopoliensis, I, 1895. (Часть документовъ, вошедшихъ въ составъ этихъ трехъ изданій, дающихъ весьма цѣнный матеріалъ для исторіи львовскаго братскаго училища и находившихся въ сношеніяхъ съ нимъ, раньше того была напечатана въ Временникѣ института ставропигійскаго, въ Науковомъ сборникѣ (Акты относящіеся къ южнозападной Руси, Петрушевича) и въ др. періодическихъ изданіяхъ.

Volumina legum, изд. Огрызки, СПБ. 1859.

Таковы болѣе важные источники нашихъ свѣдѣній о западнорусскихъ школахъ, но не всѣ они послужили намъ въ одинаковой мѣрѣ. Изъ нѣкоторыхъ мы извлекли не болѣе двухъ-трехъ извѣстій.

Переходимъ къ пособіямъ. Полной исторіи западнорусскихъ школъ за избранное нами время у насъ нѣтъ; нѣтъ въ частности и исторіи православныхъ училищъ. Изслѣдованіе *Іосифа Лукашевича*—Historya szkół w Koronie i w Wielkim Księstwie Litewskim do najdawniejszych czasów aż do roku 1794 (I—IV, Poznań, 1849—1851) [1]), представляю-

[1]) III и IV-й томы тогда-же вышли и подъ другимъ названіемъ: Zakłady naukowe w Koronie i t. d..., tt. I i II.

щее единственное сочиненіе въ польской и въ русской литературѣ, излагающее судьбу и внутреннее устройство училищъ въ польско-литовскомъ государствѣ, почти ничего не даетъ для исторіи школъ православныхъ и уніатскихъ въ XVI и нач. XVII в., до и по отношенію къ католическимъ и протестантскимъ школамъ значительно можетъ быть дополнено и исправлено на основаніи матеріаловъ какъ обнародованныхъ въ послѣднее время, такъ и старыхъ, о которыхъ Лукашевичъ, повидимому, не зналъ.

Въ сочиненіи г. *С. Миропольскаго*: Очеркъ исторіи церковно-приходской школы отъ перваго ея возникновенія на Руси до настоящаго времени, нашему предмету посвященъ одинъ отдѣлъ III выпуска (1895), но онъ очень кратокъ, не полонъ и притомъ составленъ не по первоисточникамъ, что неблагопріятно отозвалось на точности сообщаемыхъ авторомъ свѣдѣній.

Распредѣляя пособія по отдѣламъ нашего сочиненія, мы укажемъ для католическихъ школъ слѣдующія главнѣйшія, кромѣ Лукашевича:

Balinski, Historya miasta Wilna, I, II (Wilno, 1836—7).

Balinski i Lipinski, Starożytna Polska, I—IV (1843—1846, Warszawa).

Kraszewski, Wilno od początkòw iego do roku 1750, I—IV (1840—1842, Wilno).

Iaroszewicz, Obraz Litwy pod względem jej cywilizacyi, II, III (1844. 1845. Wilno).

Narbutt, Dzieje starożytne narodu Litewskiego, VIII, IX (1840, Wilno).

Przyałgowski, Zywoty biskupòw Wileńskich, I, II (1860, S.—Petersburg).

Baliński, Dawna akademia Wileńska, 1862, Petersburg.

Załęski, Czy iezuici zgubili Polskę? wydanie III, 1883. Krakow.

Для исторіи протестантскихъ школъ, кромѣ той же Исторіи школъ Лукашевича, пособіями служили:

Его же Dzieje kościołow wyznania Helweckiego w Litwie, I, II (1842. 1843).

Krasinski Val., Seschichte des Ursprungs, Fortschritt und Verfalls der Reformation in Polen, въ нѣмецкомъ переводѣ Линдау. Leipzig, 1841.

Соколовъ Ив., Отношеніе протестантизма къ Россіи въ XVI и XVII вв. (Москва, 1880).

Bukowski, Dzieje reformacyi w Polsce, I, 1883. Krakow.

При изображеніи внутренняго строя іезуитскихъ и протестантскихъ училищъ мы пользовались сочиненіями *Раумера Карла*: Исторія воспитанія и ученія отъ возрожденія классицизма до нашего времени, переводъ съ III нѣм. изд. Н. Весселя, 1878, СПБ., I, II, и *Шмидта Карла*: Исторія педагогики, въ переводѣ Циммермана, II и III.

Исторія православныхъ западнорусскихъ училищъ всего болѣе разработана въ Исторіи русской церкви *м. Макарія*, т т. IX—XI, и въ указанныхъ уже нами монографіяхъ *проф. Голубева*. Затѣмъ въ нашихъ періодическихъ изданіяхъ помѣщено очень много и матеріаловъ и статей, относящихся къ той или другой западнорусской школѣ и затрогивающихъ тотъ или другой частный вопросъ. Таковы: Чтенія въ московскомъ обществѣ исторіи и древностей россійскихъ, Чтенія въ историческомъ обществѣ Нестора лѣтописца, Вѣстникъ юго-Западной и западной Россіи, Журналъ министерства народнаго просвѣщенія, Труды кіевской духовной академіи, Волынскія, Литовскія, Кіевскія, Подольскія, Минскія епархіальныя вѣдомости, Холмско—Варшавскій епархіальный вѣстникъ, и нѣкоторыя другія.

Объ уніатскихъ школахъ кое-что можно найти въ статьѣ *прот. А. Сосновскаго*—О средствахъ умноженія въ греко-унитскомъ духовенствѣ просвѣщенія (Лит. еп. вѣд. 1874 г. и А. В. А. К., XVI), въ изслѣдованіи *проф. Петрова* о базиліанскомъ орденѣ (Тр. кіев. дух. акад., 1870), въ Очеркахъ уніатской церкви *Ю. Крачковскаго* (Чт. въ моск. общ. ист. и др. росс., 1871), у *м. Макарія*.

Въ заключеніе мы должны заявить, что наше изслѣдованіе стоитъ далеко отъ того идеала его, который предносился предъ нашими глазами и осуществленіе котораго возможно только въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ, когда будутъ изданы всѣ рукописные матеріалы, могущіе имѣть то или другое отношеніе къ западнорусскимъ школамъ и къ западнорусской образованности вообще, и когда пользованіе старопечатными книгами славяно-русскими, польскими, латинскими, разсѣянными теперь по множеству библіотекъ общественныхъ и частныхъ, русскихъ и заграничныхъ, сдѣлается болѣе возможнымъ и легкимъ. Если же мы взялись за эту работу, то это по слѣдующимъ причинамъ.

Во 1-хъ, мы видѣли, что литература вопроса о западнорусскихъ школахъ, вопроса въ высшей степени интереснаго и самого по себѣ и по его современному значенію, и не богата, и изобилуетъ массой неточностей, ошибокъ и догадокъ, выдаваемыхъ за историческіе факты. Во 2-хъ, мы желали выяснить детальнѣе обстоятельства, создавшія умственный подъемъ въ западной Россіи въ концѣ XVI ст. и такимъ образомъ опредѣлить характеръ возродившейся у насъ школьной науки и образо-

ванности. Въ 3-хъ, наконецъ, мы думали и думаемъ, что и при наличныхъ данныхъ и условіяхъ можетъ быть болѣе или менѣе полно представлено состояніе учебныхъ и образовательныхъ средствъ западной Россіи, особенно православной, въ избраную нами эпоху. Удалось ли намъ сдѣлать это—судить не намъ.

ОТДѢЛЪ I.

КАТОЛИЧЕСКІЯ ШКОЛЫ.

ГЛАВА I.

Школы каѳедральныя и приходскія.

Давнія и мирныя, и военныя отношенія между Русью и Польшей послужили первымъ поводомъ къ проникновенію въ русскія княжества римскаго католичества. Но послѣднее, понятно, не могло имѣть здѣсь большого успѣха до завоеванія части этихъ княжествъ Польшей и до соединенія съ нею другой части ихъ съ принятіемъ литовскимъ княземъ Ягеллой польской короны. Съ этого именно времени оно получило возможность распространяться среди православнаго населенія при помощи также правительства. Въ Польшѣ уже Казиміръ великій проектировалъ учрежденіе нѣсколькихъ католическихъ каѳедръ—во Львовѣ, Перемышлѣ, Галичѣ, Холмѣ, что и было выполнено въ 1375 г. [1]). Нѣсколько позже выступилъ въ роли апостола латинства въ литовско-русскихъ областяхъ Ягелло. Тотчасъ послѣ своего бракосочетанія съ королевой Ядвигой онъ крестилъ въ Вильнѣ толпы подданныхъ-язычниковъ и на съѣздѣ литовскихъ князей провелъ постановленіе, чтобы „всѣ литовцы, проживающіе въ Литвѣ и на Руси, переходили въ католическую вѣру отъ всякой другой секты". Въ 1387 году король учредилъ виленскую латинскую епархію и въ нѣсколькихъ декретахъ опредѣлилъ положеніе католичества, какъ религіи государственной, дающей только своимъ послѣдователямъ политическія права [2]). Затѣмъ онъ въ продолженіе цѣлаго года ѣздилъ по Литвѣ для его введенія и утвержденія [3]). Послѣ него проводниками католичества въ массы литовско-русскаго населенія въ теченіе XV—XVI ст. были многіе изъ его преемниковъ и латинскіе епископы въ Кіевѣ, Вильнѣ, Луцкѣ, въ Мѣдникахъ (на Жмуди), въ Каменцѣ Подольскомъ.

---

[1]) *Pelesz*, Geschichte der Union der Ruthenischen Kirche mit Rom, Wien, 1880, I Band, 412—416.

[2]) *Daniłowicz*, Scarbiec diplomatów, I, №№ 538—540.

[3]) *Стрыйковскій*—у *Бестужева-Рюмина*, Русская Исторія, т. II, вып. I, 119, примѣчаніе 263.

Ко второй половинѣ XIV в. должно относить и появленіе первыхъ латинскихъ училищъ въ западной Россіи. Заботиться о нихъ прежде всего должны были епископы и состоявшія при нихъ капитулы. Но ихъ вызывало на это не воззрѣніе на школу, какъ на самое удобное орудіе пропаганды римско-католическихъ идей, а практическая нужда,— необходимость восполнять составъ священно-церковно-служителей людьми, умѣющими читать и пѣть. Древнѣйшая католическая школа въ Польшѣ и Литвѣ была по своему назначенію духовной, а по программѣ —начальной. Однако программа эта въ нѣкоторыхъ школахъ была очень расширяема, благодаря отчасти вліянію краковскаго университета, бакалавры, магистры и доктора котораго стали мало-по-малу наполнять ряды членовъ капитулъ, особенно обладавшихъ значительными фундушами [1]). Къ XVI-му же вѣку создалась такая практика, что кандидатъ въ епископы обязательно долженъ былъ имѣть ученую степень или, въ противномъ случаѣ, свидѣтельство краковскаго университета о своей умственной, такъ сказать, зрѣлости [2]). Одновременно съ школами каѳедральными, имѣвшими въ нѣкоторомъ смыслѣ оффиціальный характеръ, въ предѣлахъ западной Россіи стали появляться школы парохіальныя, приходскія, заводившіяся отдѣльными ксендзами, хотя по побужденіямъ такого же рода, практическимъ. Въ городахъ на помощь духовенству приходятъ мѣщане, какъ классъ народа и болѣе развитой, и болѣе богатый. Но они преслѣдуютъ при устройствѣ школъ цѣли не только церковныя, но и свои личныя: грамота нужна была имъ въ интересахъ и торговли, и самоуправленія. Но и городскія школы оставались подъ контролемъ церкви: онѣ устраивались при костелахъ и поручались обыкновенно духовенству. Наконецъ, и правительство польское не оставалось безучастнымъ къ вопросу о народномъ образованіи. Не говоря уже объ учрежденіи польскими королями краковской академіи, мы имѣемъ факты его заботъ о распространеніи просвѣщенія среди даже простого народа, кметовъ. Такъ, петроковскій статутъ 1496 г. далъ право одному изъ сыновей каждаго крестьянина (если только онъ не единственный сынъ) оставлять родину для обученія наукамъ и ремесламъ. Петроковская же конституція 1501 г. сдѣлала еще одинъ шагъ впередъ, благодаря образованному королю Яну Альбрехту. § 20 ея позволилъ сыновьямъ хлоповъ на пространствѣ всей Польши оставлять отцовскіе грунты, къ которымъ привязывало ихъ подданство, съ цѣлью обученія наукамъ, искусствамъ и ремесламъ. И хотя удаленіе въ чужіе края могло совершаться только съ вѣдома и согласія вла-

---

[1]) Начало краковскаго университета иные относятъ къ 1364 г., когда король Казимиръ вел. издалъ грамоту объ его открытіи и его статутъ. Но Лукашевичъ не находитъ слѣдовъ его существованія до временъ короля Ягеллы, который въ 1397 г. исходатайствовалъ у п. Бонифація IX буллу и около 1400 г., дѣйствительно, открылъ университетъ (Hist. szkół, I, 33 et sqq.)

[2]) Объ этомъ имѣется свидѣтельство папскаго нунція въ Польшѣ Коммендоне, 1565 г. (*Albertrandi*, Pamiętniki o dawnej Polsce z czasów Żygmunta, obejmujące listy Jana Franciszka Commendoni do Karola Borromeusza, II, p. 98).

дѣльца, но послѣдній обязывался давать позволеніе по каждой просьбѣ. Правда, спустя два года, при королѣ Александрѣ, этотъ параграфъ былъ нѣсколько ограниченъ тѣмъ, что, дозволяя сыновьямъ хлоповъ уходить для обученія ремесламъ во всякомъ возрастѣ, сталъ требовать, чтобы отпуски для изученія наукъ совершались только передъ 12-мъ годомъ жизни. Во всякомъ случаѣ эта конституція должна была сильнѣйшимъ образомъ посодѣйствовать развитію просвѣщенія въ населеніи Польши и, слѣдовательно, русскихъ областей ея [1]). Впрочемъ, заботы правительства о народномъ образованіи въ польско-литовскомъ государствѣ до учрежденія въ 1773 г. эдукаційной комиссіи не были систематическими. Онѣ выражались въ фундаціи королями частныхъ школокъ, іезуитскихъ коллегій, въ покровительствѣ краковскому университету и его корпораціи [2]).

Изъ всѣхъ русскихъ областей богаче другихъ католическими школами должна была быть Галиція, какъ страна издавна подвергшаяся польско-католическому вліянію и вслѣдствіе этого ранѣе другихъ начавшая олатиниваться. Здѣсь мы уже въ концѣ XIV ст. находимъ католическія училища во *Львовѣ*, *Люблинѣ* [3]). Въ XV ст. становятся извѣстными школы *перемышльская* (каѳедральная, 1439 г.), *саноцкая* (подъ 1439 г. упоминается Іаковъ, ректоръ ея), *ново-сончская* (1456 г.), *остапковичская* (коломыйскаго повѣта, 1475 г.), *литвиновская* (галичскаго повѣта, 1483 г.), *комарнская*. Наконецъ, вѣроятно были школы въ *Гуковичахъ* (перемышльскаго повѣта) и *Гочовѣ* (близь Санока), плебаны которыхъ Андрей и Іоаннъ названы artium baccalaurei (1461 и 1467 гг.): возможно, что эти баккалавры краковскаго университета прививали и школьную науку своимъ прихожанамъ [4]). Что до литовско-русскихъ областей, то извѣстны по именамъ только двѣ католическія шко-

---

[1]) Volumina legum, I (1859), p. 119. 134. *Bostel*, «Nieznana konstytucya sejmowa z roku 1501». (Kwartalnik historyczny, 1887, I, str. 411 и 418). Король Александръ сдѣлалъ большой подрывъ образованію въ Польшѣ еще и тѣмъ, что запретилъ быть канонниками людямъ плебейскаго происхожденія (*Łukasz.*, I, 82).

[2]) Народное образованіе въ польско-литовскомъ государствѣ до XVIII в. не было сосредоточено въ однѣхъ рукахъ. Его вѣдали различныя учрежденія и лица: духовенство различныхъ исповѣданій и отдѣльные представители его, краковскій университетъ и всякій, кто хотѣлъ или имѣлъ къ тому средства. Однако, уже въ нашъ періодъ раздавались голоса, чтобы его взяло въ свои руки правительство. Такъ Христ. Варшевицкій въ панегирикѣ, написанномъ въ честь короля Стефана въ 1580 г., по случаю учрежденія имъ судебнаго трибунала, говоритъ, обращаясь къ королю: «Fac adhuc tribunal instructionis publicae. Respublica alit, respublica instruet, et hoc peracto rex nostrorum abnepotum in eorum gratitudine eris». Точно также разсуждалъ въ 1632 г. Каспаръ Семекъ (Siemok) въ сочиненіи: Civis bonus descriptus. Исходя изъ мысли, что отъ добраго воспитанія молодежи зависитъ счастье государства, онъ требовалъ, чтобы послѣднее само заботилось объ этомъ. «Nec a quopiam altero, praeter rempublicam dependebunt (studentes), ne magis alteri, quam reipublicae parere cogantur» (*Czacki*, O Litewskich i Polskich prawach, I, 52, uwaga 6; 53, uwaga 1).

[3]) Akta Lwowskie, III, № 70, str. 137. *Łukasz.*, I, 12.

[4]) Akta Lwowskie, III, № 126; VI, № 121; IX, №№ 59, 63; XI, №№ 1180—1184; cf, № 2691; XVI, № 3222. *Łukasz*, I, 80.

лы, существовавшія еще до XVI ст.,—виленская каѳедральная и трокская [1]).

Съ началомъ XVI ст. число католическихъ училищъ въ западной Россіи сильно умножается. Въ открытіи ихъ принимаютъ участіе не только духовенство и горожане, но и шлахта, и магнаты, и члены королевскаго дома. Но если представители высшихъ сословій заботились просто о подъемѣ образованія въ народѣ, который сильно отсталъ въ этомъ отношеніи отъ западной Европы, съ училищами и просвѣщеніемъ которыхъ они были хорошо знакомы и по собственному опыту, и по наслышкѣ, то духовенство было заинтересовано въ умноженіи школъ и съ другой стороны: съ запада надвигалась грозная туча въ лицѣ протестантства. Католическая іерархія очень скоро поняла, какъ неустойчива должна быть въ своихъ религіозныхъ убѣжденіяхъ та масса народа, которая и вѣрѣ и нравственности могла поучаться только изъ богослуженія и то на чуждомъ языкѣ. Нужно было спѣшить принимать рѣшительныя мѣры къ укрѣпленію пасомыхъ въ вѣрѣ [2]). Отзывчивѣе другихъ католическихъ епископовъ къ нуждамъ церкви оказался виленскій епископъ Янъ, изъ литовскихъ князей незаконный сынъ короля Сигизмунда I). Онъ въ 1526 г. созвалъ въ Вильнѣ епархіальный соборъ, который въ своихъ постановленіяхъ рекомендовалъ приходскому духовенству заводить при костелахъ школы, назначилъ фундуши для учителей и строго запретилъ принимать въ преподаватели прибывающихъ изъ Германіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ епископъ рекомендовалъ излагать въ школахъ Евангеліе и Посланія апостола Павла не только по-литовски, но и по-польски [3]). Одновременно съ этимъ и епископы другихъ епархій польско-литовскаго государства начинаютъ тревожиться за своихъ пасомыхъ и созывать частые соборы. Въ числѣ другихъ мѣръ къ укрѣпленію вѣры ихъ, проектированныхъ на этихъ соборахъ, много разъ подвергался обсужденію и вопросъ объ училищахъ. Стараясь отвратить толпы молодежи отъ нѣмецкихъ университетовъ, соборы обратили вниманіе на реформу краковскаго университета [4]) и на умноженіе низшихъ школъ — приходскихъ, каѳедральныхъ и частныхъ, которыя всѣ они стремятся подчинить контролю духовенства. Что до улучшенія университета, духовенство здѣсь ничего не могло сдѣлать, хотя его побу-

---

[1]) *Łukasz.*, I, 66, прим. 2.

[2]) Что, дѣйствительно, протестанты посодѣйствовали подъему католическаго просвѣщенія, объ этомъ свидѣтельствуетъ іезуитъ Скарга. «Przed Lutrem, говоритъ онъ въ одной изъ проповѣдей, bardzo byli w nauce y powinnosci swey stępieli naszy kapłany, zbroje ich i księgi y biblie y szkoły, zarzdzewiałe leżały. Gdy powstanie nieprzyjacel, wszystko sie ma poletować, y do woyny a szczęśliwego zwycięstwa sposabia» (*Maciejowski*, Piśmiennictwo polskie, I, 44 45).

[3]) *Iocher*, III, 381. *Baliński*, Historya miasta Wilna, II, 87, прим. 26. *Przyałgowski*, Żywoty biskupów Wileńskich, I, 113—115.

[4]) Constitutiones Synodorum Metropolitanae Ecclesiae Gnesnensis provincialium... 1630 г., Cracoviae, pp. 259—264. *Pawiński*, Źródła dziejowe, IV, № 122 и 123: Capita eorum, quae S. R. Majestati ex S. Synodo provinciali Petricoviensi relata sunt... 1577, 12 iunii...

ждали къ тому и сеймы, въ родѣ петроковскаго 1562—1563 г. [1]): ихъ усилія разбивались о косность самого университета, корпорація котораго не хотѣла никакихъ перемѣнъ. Епископамъ приходилось довольствоваться посылкой на свой счетъ даровитыхъ юношей въ заграничныя католическія академіи [2]). Изъ соборныхъ декретовъ относительно низшихъ школъ обращаетъ прежде всего вниманіе предписаніе второго лэнчицкаго (Lanciciensis) собора 1527 г., чтобы духовенство при всѣхъ каѳедрахъ и коллегіатахъ содержало въ качествѣ ректоровъ школъ— магистровъ свободныхъ наукъ. во всѣхъ большихъ и малыхъ городахъ, гдѣ средства бѣднѣе,—хотя бы баккалавровъ, а въ меньшихъ мѣстахъ даже взрослыхъ студентовъ (scholares maturos), только бы они были свѣдущи и годны къ учительству; причемъ духовенству поручалось имѣть надзоръ за школами, чтобы ученики были скромны, послушны и соблюдали дисциплину и чтобы ректора вручали ему неисправныхъ для наказанія. Петроковскій соборъ 1542 г. подтвердилъ зависимость школъ отъ плебановъ, коимъ внушалъ ревизовать ихъ по крайней мѣрѣ дважды въ годъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ запретилъ чтеніе въ школахъ книгъ Лютера, Меланхтона и ихъ приверженцевъ и рекомендовалъ тщательно изучать десять заповѣдей, Евангелія, Посланія апостола Павла, Cato moralis, Изократа, „О должностяхъ“ блаженнаго Амвросія, гимны, Цицерона, Виргилія, Эзопа, Сенеку и другихъ поэтовъ и ораторовъ, одобренныхъ и нисколько не заподозрѣнныхъ въ вѣрѣ. Высшій надзоръ надъ частными школами и домашними учителями синодъ поручилъ архидіаконамъ и другимъ оффиціаламъ, которые и должны были производить визитаціи ихъ. Въ такомъ же родѣ издавали постановленія и другіе соборы [3]). И хотя попытки католической іерархіи поднять народное образованіе часто парализовались лѣнью и бездѣятельностью отдѣльныхъ представителей духовенства, а также протестантскими панами, которые въ своихъ владѣніяхъ закрывали католическія школы или гнали учениковъ на полевыя работы [4]), во всякомъ случаѣ онѣ должны были замѣтно отразиться на поднятіи какъ количественной стороны католическаго образованія, такъ и качественной, и не только въ чисто польскихъ областяхъ, но и въ русскихъ, такъ какъ на подобныхъ соборахъ присутствовали и представители латинскаго духовенства русскихъ земель. Въ частности, качественная сторона низшаго образованія въ католическихъ школахъ должна была замѣтно улучшиться съ начала XVII ст., когда іерархія привлекла къ выработкѣ программъ низшихъ и среднихъ училищъ самое компетентное въ государствѣ учрежденіе— краковскій университетъ, который къ этому времени и самъ поднялся

---

[1]) Volumina legum, II, p. 21.

[2]) Постановленіе петроковскаго собора 1551 г. (Acta historica... I, № 848, p. 515).

[3]) Constitutiones synodorum... 257—259. Cf. Reformationes generales ad clerum et populum Dioecesis Cracoviensis pertinentes. Ab Ill-mo D. Martino Szyszkowski episcopo Cracoviensi in Synodo dioecesana sancitae et promulgatae, 10 febr. 1621, pp. 44—47.

[4]) Жалоба королю петроковскаго собора 1577 г. (*Pawiński*, Źródła dziejowe, IV, № 122).

въ научномъ отношеніи, поддавшись требованіямъ реформы—и со стороны іерархіи и изъ опасенія конкуренціи іезуитовъ. Это привлеченіе произошло въ 1612 г., когда краковскій діоцезальный соборъ, обнаружившій въ училищахъ упадокъ музыки, ариѳметики и другихъ свободныхъ наукъ, необходимыхъ для служенія церкви, просилъ университетъ составить учебно-воспитательный планъ для городскихъ и сельскихъ школъ. Планъ дѣйствительно былъ составленъ и напечатанъ въ томъ же году вмѣстѣ съ конституціями собора [1]).

Изъ каѳедральныхъ западнорусскихъ школъ одной изъ самыхъ древнихъ была *виленская*.

Нѣкоторые историки относятъ начало ея къ заложенію самой каѳедры, т. е. къ 1387—8 г., но твердыхъ данныхъ для установки этой даты нѣтъ и ее можно принимать только предположительно. Но есть ясные слѣды существованія этой школы въ первой половинѣ XV в. (Литовская метрика); во второй половинѣ XV ст. есть упоминаніе о ней въ архивѣ виленской капитулы [2]). Повидимому, до начала XVI ст. это была единственная школа въ Вильнѣ; притомъ она обладала монополіей на обученіе: виленская капитула, которая имѣла надзоръ за ней, получила „привилей“, въ силу котораго никто въ городѣ не могъ, безъ ея разрѣшенія, заводить и содержать школы, и если въ 1513 г. такое позволеніе было дано настоятелю св.-янскаго костела, то только по особой милости и то съ нѣкоторымъ ограниченіемъ числа учениковъ [3]). Еще болѣе выразительный примѣръ осторожности или даже боязливости за свое право и за результаты образованія обнаружила капитула въ 1539 году. Виленскій воевода Войтѣхъ Гаштольдъ ходатайствовалъ передъ нею за нѣкоего Георгія изъ Эйпшишекъ, магистра свободныхъ наукъ, который просилъ позволенія открыть частную школу для шляхты. Капитула обсуждала это ходатайство in occluso и разрѣшенія не дала, находя, что отсюда можетъ возникнуть зло для молодежи, да и преподаваніе въ школахъ замковой (каѳедральной) и св.-янской можетъ упасть за недостаткомъ учениковъ. Вѣроятно, тутъ на членовъ

---

[1]) *Muczkowski*, Statuta nec non liber promotionum philosophorum ordinis in universitate Jagellonica ab anno 1402 ad annum 1849 (Cracoviae, 1849), praef., p. CXLVII et sqq., in adnotatione.

[2]) *Kraszewski*, Wilno, IV, 88; *Iaroszewicz*, Obraz Litwy, III, прибавл. къ 39 стр. II тома.

[3]) *Baliński*, Dawna Akademia Wileńska, 26, 27. Крашевскій, по поводу постановленія капитулы 1513 г., замѣчаетъ. «Какая осторожность, какая бережливость въ удѣленія свѣта высказывается здѣсь!—Какъ бы до какой тайны, допускали учениковъ до познанія глоссъ. Какъ это хорошо рисуетъ важность тогдашняго даже элементарнаго образованія и монополію, которую дѣлали изъ него, оставляя его только одному классу». (Wilno, IV, 4 и прим. 2 на стр. 41).

капитулы дѣйствовалъ и страхъ предъ протестантствомъ, которое могло удобно распространиться черезъ школу, содержимую не духовнымъ лицомъ [1]).

Виленская каѳедральная школа получила особенное развитіе только около 1523 г., т. е. со времени учрежденія должности схоластика, спеціальной обязанностью котораго была именно забота объ училищѣ [2]). Первый виленскій схоластикъ Яковъ Сташковскій, человѣкъ умный и науколюбивый, упорядочилъ школу и нѣсколько регламентировалъ ея жизнь; онъ же установилъ плату съ учениковъ (scholares arcenses) за право обученія въ ней [3]). Около этого же времени много сдѣлалъ въ ея пользу извѣстный виленскій филантропъ, докторъ медицины и свободныхъ наукъ, виленскій каноникъ Мартинъ изъ Душниковъ, заложившій въ Вильнѣ первый госпиталь и построившій дома для канониковъ и для училища. О мотивахъ къ послѣднему въ актахъ капитулы говорится, что онъ „возлюбилъ украшеніе церкви... ибо.. и школы на свои средства воздвигъ“ [4]). Существовавшая сначала съ единственною цѣлью приготовлять служителей церкви, виленская каѳедральная школа послѣ расширила свою дѣятельность и стала общеобразовательнымъ училищемъ, не оставляя, конечно, первоначальной и главной задачи и не выходя изъ-подъ вѣдѣнія капитулы. Тѣсная связь ея съ капитулой и костеломъ выражалась въ томъ, что ученики ея принимали участіе въ церковномъ богослуженіи. Такъ, капитула опредѣляя въ 1557 г. порядокъ заупокойнаго богослуженія о душѣ кн. Витовта, постановила, чтобы схоластикъ пѣлъ обѣдню вмѣстѣ съ учениками второго и третьяго классовъ каѳедральной школы. Учителемъ послѣдній былъ въ то время нѣкій Николай Еленекъ (Jelenek) [5]). Около 1560 г. ректоромъ школы

---

[1]) *Kraszewski*, IV, 4. 5 и прим. 3 (на стр. 42) содержащее текстъ опредѣленія капитулы 28 апр. 1539 г. *Bukowski*, о. с., 358.

[2]) Должность схоластика учреждена была виленскимъ епископомъ Яномъ въ 1523 г., на что капитула изъявила свое согласіе еще въ предыдущемъ году (Описаніе рукоп. отдѣленія виленской публичной библіотеки, вып. I, 1895 г. Прилож., стр. 3 и 53). Цитуемое нами здѣсь и ниже подъ именемъ «актовъ или протококовъ вил. капитулы» приложеніе къ «Опис. рукоп. вил. публ. библ.» носитъ такое заглавіе: «Summaryjny wypis z protokołow aktow kapituły katedralney Wilenskiey od r. 1501 do r. 1783 Października 22, przez J. W. Xawierego Bohusza, Prelata Kantora Kathedry Wileńskiey uczyniony».

[3]) *Baliński*, Akademia, 26.

[4]) *Kraszewski*, I, 214 и прим. 49 (на стр. 392).

[5]) Id. IV, 5. Впрочемъ, нужно замѣтить, въ ежедневной заупокойной витовтовской обѣднѣ участвовали не всѣ ученики, а только четверо изъ нихъ и притомъ обычай этотъ не всегда существовалъ. Еп. Павелъ Гольшанскій каждому изъ пѣвчихъ учениковъ каѳедральной школы платилъ каждый кварталъ (четверть года) по 12 лит. грошей и со своего двора ежедневно отпускалъ имъ по порціи мяса, хлѣба и пива. Въ 1573 г. еп. Валеріанъ Протасевичъ хотѣлъ возобновить витовтовскую мшу, неизвѣстно при комъ прекратившуюся — при немъ или предшественникѣ его, но такъ какъ при этомъ возникли пререканія между нимъ и капитулой изъ-за того, кто долженъ платить пѣвчимъ, попытка его, кажется, не удалась (Wizerunki, XXII, 1841 г.: «Kilka uwag nad dziełem: Wilno od początków jego do roku 1750, przez Kraszewskiego». Str. 47, 48).

былъ панъ Войтѣхъ Стобницкій, который вытребовалъ отъ капитулы, чтобы она произвела ремонтъ школы, дала дрова и т. п. Другимъ учителемъ былъ Михаилъ; когда онъ оставилъ школу и затѣмъ опять просился въ учителя, Стобницкій былъ противъ этого, указывая капитулѣ, что Михаилъ человѣкъ молодой и малосвѣдущій [1]). Дальнѣйшее упоминаніе о каѳедральной школѣ встрѣчается въ привилеѣ короля Сигизмунда Августа отъ 16 сентября 1567 г., данномъ по просьбѣ и на имя еп. Валеріана. Привилей этотъ предоставлялъ ей по одному полѣну съ каждаго воза дровъ, ввозимаго въ городъ на торгъ по антокольской дорогѣ [2]). Въ 1570 г. въ Вильнѣ открылось іезуитское училище и сразу подорвало значеніе каѳедральной школы. Уже въ 1572 г. капитулѣ пришлось принимать мѣры къ тому, чтобы гарантировать хотя существованіе ея. Завѣдывавшій школой виленскій суффраганъ еп. Кипріанъ добился отъ іезуитовъ, чтобы они уступили ему изъ инфимы 20 мальчиковъ и другихъ 20—изъ св.-янской школки, и этимъ способомъ восполнилъ въ своей нужное количество учениковъ. Чрезъ годъ каѳедра, по уговору съ коллегіей, возвращала іезуитамъ этихъ учениковъ, обучивши ихъ грамматикѣ, и взамѣнъ ихъ брала 20 новыхъ [3]). Послѣднія извѣстія о виленской каѳедральной школѣ относятся къ 1603 г., подъ которымъ упоминается ея учитель Стан. Галонзка, послѣ виленскій юристъ, и къ 1604 г., когда ученики ея приняли участіе въ процессіи по случаю канонизаціи св. Казимира [4]). Въ исторіи ея мы не встрѣчаемъ указаній, въ какія отношенія она стала къ учрежденной въ Вильнѣ духовной семинаріи (1582 г.).

Львовская каѳедральная школа по своему происхожденію была городской и во все время своего существованія сохраняла зависимость отъ магистрата, раздѣливъ только ее, со второй половины XV в., съ подчиненіемъ и капитулѣ. Впрочемъ, и въ первомъ періодѣ своего существованія она не стояла внѣ всякой зависимости отъ духовенства: въ то время, какъ содержаніе и ремонтъ зданія и пріисканіе наставника (informator) для школы лежало на обязанности гражданъ Львова, которые ее и соорудили на своей землѣ и на свой счетъ, „ректору“ и настоятелю костела пресвятой Дѣвы Маріи предоставлено было участіе въ расходахъ на содержаніе учителя и, очевидно, надзоръ за ученіемъ. Въ самомъ концѣ XIV ст. (1399 г.) произошло столкновеніе между магистратомъ города и настоятелемъ маріинской церкви Яномъ Русиномъ (Rutnenus), по поводу притязанія послѣдняго отстранить бурмистровъ и „райцевъ“ города отъ заботъ объ учителѣ и власти надъ нимъ, съ оставленіемъ однако за ними всѣхъ рѣшительно матеріальныхъ затратъ на его содержаніе (мы не касаемся другихъ пунктовъ тяжбы). Споръ между ними былъ на разсмотрѣніи Якова, галицкаго

---

[1]) *Przyałgowski*, I, 171. *Baliński*, o. c., 26. прим. 1.

[2]) Описаніе рукоп. отд. вил. публ. библ., вып. 1, стр. 19; *Iaroszewicz*, II, 39; *Kraszewski*, IV, 5 и прим. 6. Оба отмѣчаютъ тотъ фактъ, что привилей писанъ по-русски.

[3]) *Baliński*, 45, 81, 82.

[4]) *Przyałgowrki*, I. 172; *Baliński*, 26, прим. 1, и 104.

архіепископа, а затѣмъ въ 1400 г. перешелъ къ королю Ягеллѣ, который рѣшилъ его, кажется, скорѣе въ пользу ректора маріинскаго костела, чѣмъ города, судя по тому, что на гражданъ возложена была обязанность строить и ремонтировать школу и отыскивать ректора ея, котораго они должны были представлять плебану; за послѣднимъ же оставлялось право, если онъ найдетъ кандидата неисправнымъ, непокладистымъ (discortus), несвѣдущимъ или непокорнымъ себѣ, о всѣхъ недостаткахъ его докладывать городскимъ властямъ и предлагать имъ найти другого; т. е. безъ воли настоятеля костела граждане не могли провести своего кандидата [1]). Во всякомъ случаѣ, магистратъ остался доволенъ этимъ рѣшеніемъ и когда въ 1402 г. открылась необходимость участія школы въ особыхъ богослуженіяхъ въ костелѣ пресв. Дѣвы, по случаю дарованія ему галицкимъ архіепископомъ Іаковомъ отпустовъ, магистратъ назначилъ ректору вознагражденіе въ количествѣ одной марки польскаго счета обычной монеты [2]).

Неизвѣстно, благодаря чему, но эта школа, спустя нѣкоторое время, прекратила свое существованіе, и львовскія власти въ 1444 г. испрашиваютъ вновь разрѣшеніе короля Владислава Варнскаго на построеніе внутри города, при церкви св. Духа, дома или школы для обученія дѣтей. Позволеніе было дано съ предоставленіемъ гражданамъ права избирать учителя по собственной волѣ и смѣщать его. Учиться въ школѣ могутъ не только дѣти ихъ самихъ, но и шляхты туземной (nobilium terrigenarum) и простыхъ людей, да и въ другія школы по всѣмъ городамъ королевства свободно имъ поступать и учиться тамъ; и впредь власти города вольны распоряжаться школой, какъ ея истинные фундаторы и ректоры. Королевскую грамоту львовяне представили въ Римъ, и папа Евгеній IV въ 1446 г. одобрилъ ихъ намѣреніе, такъ какъ „чрезъ занятіе науками люди грубые дѣлаются образованными и вѣра каголическая укрѣпляется“ [3]). Построеніе и дальнѣйшее существованіе львовской р.-католической школы удостовѣряется упоминаніемъ объ учителяхъ ея. Такъ, подъ 1464—6 гг. извѣстенъ магистръ Николай изъ Конаровъ (de Konary), подъ 1472 г. и 1484 г.—Климентъ, баккалавръ и алтаристъ львовскій, подъ 1503 г.—свободныхъ наукъ баккалавръ и львовской школы ректоръ Бенедиктъ Врачиславскій [4]).

Съ конца XV ст., со времени перенесенія въ Львовъ архіепископской каѳедры изъ Галича, городская школа, въ силу какого-то договора магистрата съ капитулой, была помѣщена въ новомъ зданіи вблизи каѳедры и надзоръ за нею сталъ принадлежать обоимъ учрежденіямъ. Но, повидимому, въ этомъ договорѣ права и обязанности ихъ по отно-

---

[1]) Akta Lwowskie, III, №№ 70 (str. 137) и 75.

[2]) Akta Lwowskie, IV, № 5. Марка въ это время равнялась приблизительно 7 нынѣшнимъ рублямъ (*Горбачевскій*, Словарь древняго актоваго языка сѣверо-западнаго края и царства польскаго, Вильна, 1874 г., 209).

[3]) Akta Lwowskie, V, №№ 105 и 118.

[4]) Ibidem, II, № 128; IX, №№ 152, 153; XV, №№ 1079—1081, 3284, 3348. Cf. *Łukasz.*, o. c., III, 461—463.

шенію къ школѣ не были точно опредѣлены, такъ какъ въ началѣ XVI ст. между ними произошелъ споръ изъ-за магистра училища. Споръ кончился въ 1514 г. „компактами", заключенными въ присутствіи королевскихъ уполномоченныхъ и сохранявшими силу въ теченіе цѣлаго столѣтія [1]). По новому соглашенію, избраніе ректора школы предоставлялось магистрату, а утвержденіе его — капитулѣ, при чемъ ему вмѣшалось, что онъ долженъ одинаково учить дѣтей и горожанъ и шляхты, даже бѣдныхъ, и повиноваться одинаково какъ магистрату, такъ и капитулѣ. Капитула могла смѣстить ректора за всякое проявленіе высокомѣрія и непослушанія, съ увѣдомленіемъ только магистрата, и послѣдній обязанъ былъ пріискивать новаго начальника школы. Отъ этихъ же учрежденій ректоръ школы зависѣлъ и въ матеріальномъ отношеніи. Расходы со стороны города на школу выражались въ починкѣ на его счетъ зданія училища и въ ежегодной уплатѣ ректору 4 злотыхъ отъ себя и 2-хъ — изъ львовскаго таможеннаго сбора (cła). Капитула съ своей стороны платила тоже 4 злотыхъ. Если самъ ректоръ не былъ магистромъ или баккалавромъ свободныхъ наукъ, онъ долженъ былъ содержать учителя съ такой ученой степенью на свой счетъ; онъ же долженъ былъ нанимать и кантора, или регента [2]). Съ теченіемъ времени матеріальное положеніе львовскаго ректора значительно улучшилось. Такъ, кромѣ означеннаго жалованья, онъ сталъ получать по записи шляхтича Гавріила Розена 24 злотыхъ, отъ городскихъ жидовъ добровольной дачи 20 злотыхъ, отъ жидовъ львовскихъ предмѣстій—9 зл. 10 гр., по записи львовскаго епископа Яна Замойскаго 30 зл., не говоря о доходахъ съ учениковъ; а какъ велики были эти доходы, можно судить по тому, что въ началѣ XVII ст. іезуиты львовскіе обязались платить 100 злотыхъ, въ вознагражденіе за уплату части ихъ, въ виду предполагаемаго перехода многихъ учениковъ въ іезуитскую коллегію.

Также разнообразны были источники содержанія и учениковъ, которые получали еженедѣльной дачи отъ капитулы 16 грошей и отъ жидовъ еженедѣльно же 10 грошей, а также проценты съ суммъ, пожертвованныхъ Мелецкимъ и Моравинскимъ. Кромѣ того отъ капитулы школьники получали ежегодно 11 злотыхъ и угощеніе за участіе въ обѣднѣхъ въ день св. креста и св. Духа (въ прочіе праздники они пѣли даромъ, по обязанности) [3]).

---

[1]) Въ 1592 г. договоръ этотъ былъ подтвержденъ кор. Сигизмундомъ III.

[2]) *Pirawski*, Relatio status Almae archidioecesis Leopoliensis—въ «Biblioteka narodowego zakładu imienia Ossolinskich», XI, 368—370. Пиравскій-львовскій деканъ, † 1625 г. См. также *Iosephowicz*, Leopoliensis archiepiscopatus historia (Рук. Имп. публ. библ. Лат. F, I, № 585), л. 110. Исторія эта, обнимающая періодъ отъ 1614 по 1700 г., составлена въ серединѣ 18 столѣтія львовскимъ каноникомъ Ѳомой Юзефовичемъ на основаніи, между прочимъ, подлинныхъ актовъ.

[3]) *Pirawski*—Bibliot. Ossolin., XI, 370—372. По Юзефовичу, участіе жидовъ въ содержаніи ректора и учениковъ относится по своему началу къ 1611 (Ibid., л. 111), но, вѣроятно, происхожденіе его должно отодвинуть гораздо дальше, если Пиравскій называетъ его «давнимъ обычаемъ».

Въ XVI в. львовская каѳедральная школа состояла изъ трехъ классовъ и управлялась ректоромъ, который самъ и преподавалъ, иногда только съ помощью другихъ учителей. Такъ, поступивъ въ 1550 г. въ учителя и ректора львовской школы, Бенедиктъ Гербестъ сначала занимался одинъ, а послѣ съ Григоріемъ Вигилянціемъ и Андреемъ Баргелемъ, уроженцами Самбора [1]); въ 70 годахъ здѣсь преподавали одновременно доктора Пенацій Педіанъ и Перлицкій. Изъ другихъ преподавателей и ректоровъ львовской школы мы можемъ отмѣтить Яна Урсина, Адама Бурскаго (Bursius; впослѣдствіи оба были профессорами замостской академіи), Фабіана Бирковскаго (1589), славнаго проповѣдника польскаго, „пана Крыштофа“, Ѳому Брозовскаго, магистра свободныхъ наукъ и философіи, Лаврентія Брозку (+ 1617), большого филантропа, Ст. Пенатія, Лаврентія Свѣчковича (1627) [2]).

Безъ сомнѣнія, самымъ крупнымъ событіемъ въ жизни львовскаго каѳедральнаго училища было открытіе въ городѣ іезуитской коллегіи въ 1608 г. Какое большое вліяніе должно было оказать оно на его судьбу, видно уже изъ того, что капитула и сенатъ (магистратъ) города обусловили это открытіе особымъ актомъ. Они потребовали отъ іезуитовъ обезпеченія прерогативъ и процвѣтанія своей древней школы, чтобы имъ

---

[1]) Заслуги Бенедикта Гербеста для педагогіи побуждаютъ насъ нѣсколько остановиться на этой личности. Уроженецъ Новаго Города близъ Самбора (Nowe Miasto, Nowa Civitas; отсюда усвоенное имъ себѣ прозвище Neapolitanus), Бенедиктъ Гербестъ двадцати лѣтъ отъ роду получилъ степень доктора философіи въ краковскомъ университетѣ. Послѣ трехлѣтнихъ занятій въ львовской школѣ, оставивши и въ львовскихъ гражданахъ уваженіе къ себѣ, и самъ проникшись уваженіемъ къ нимъ, изъ которыхъ многіе получили образованіе въ Краковѣ и отличались любовью къ наукѣ, Гербестъ перешелъ по предложенію краковскаго магистрата въ Краковъ, гдѣ сталъ преподавать въ школѣ при костелѣ Дѣвы Маріи. Уходя отсюда въ ректора скерневицкаго училища, содержимаго припасомъ Яномъ Пржерембскимъ, Б. Гербестъ оставилъ гражданамъ Краковскимъ наставленіе для преподаванія свободныхъ наукъ, подъ названіемъ: «Benedicti Herbesti Neapolitani, Cracoviensis Scholae apud s. Mariae templum, institutio. Ex qua omnes scholarum rectores, omnes etiam paedagogi, rectam in formandis pueris methodum petere possunt. Cracoviae, 1559». Чрезъ два года онъ былъ призванъ изъ Скерневицъ на каѳедру краснорѣчія въ краковскій университетъ. Въ званіи профессора онъ занялся изданіемъ рѣчей и писемъ Цицерона съ самымъ обстоятельнымъ комментаріемъ ихъ со всевозможныхъ точекъ зрѣнія. Изданія эти вовлекли его въ горячую литературную полемику съ другимъ извѣстнымъ профессоромъ Гурскимъ. Въ періодъ же своего пребыванія въ Краковѣ Гербестъ издалъ—Computus ecclesiasticus (пасхалія), Arithmetica linealis (1561), M. Tullii Ciceronis vita (1561). Изъ Кракова Гербестъ перешелъ въ ректора познанской гимназіи и окончилъ жизнь іезуитомъ (1593), оставивши послѣ себя еще нѣсколько богословскихъ сочиненій, въ томъ числѣ Maluczki catechizm Kościoła Powszechnego (См. предисловіе къ Учебному плану Гербеста. Cf. *Wielewicki*, Historicum diarium domus professae S. I. Cracoviae (Scriptores rerum polonic., VII, 178—180); *Starovolski*, Scriptorum polonicorum Ἑκατοντάς, ed. 1733, №53. *Sołtykowicz*, O stanie akademii Krakowskiey i o publicznych a mianowicie uczonych pracach academikow. 1810. 327 et sqq.).

[2]) «Vita Iohannis Ursini»... у *Iocher'a*, I, 178. 179. *Sołtykowicz*, 328. 430. *Barącz*, Pamiętnik dziejow polskich z aktow urzędowych i z rękopismow. Lwow, 1855, str. 8. *Iosephowicz*, o. c., 38. 110 об. и 111. Monumenta contraternitatis Leopoliensis Stauropigianae, №№ 260. 261. 263. *Simomis Storovolsci*, o. c., ed. 1733, № 72. *Łukasz.*, I, 156, прим. 1; III, 466. 467.

не пришлось терпѣть уменьшенія числа учениковъ отъ перехода ихъ къ отцамъ общества Іисусова; вмѣстѣ съ тѣмъ они добились, чтобы ректору ихъ училища іезуиты платили ежегодно по сту флориновъ съ дер. Стрыянице, записанной имъ еще епископомъ Соликовскимъ, какъ бы въ вознагражденіе за предполагаемый подрывъ его доходовъ. Оо. іезуиты обязались при этомъ не принимать въ свою коллегію тѣхъ мальчиковъ, которые не знали орѳографіи и этимологіи, а отсылать ихъ въ каѳедральную школу, которая дѣлалась какъ бы приготовительнымъ классомъ коллегіи. Переходъ изъ нея въ послѣднюю могъ совершаться только послѣ экзамена, который имѣлъ происходить въ присутствіи префекта коллегіи и ректора школы. Для избѣжанія недоразумѣній всякаго рода эти лица приглашались жить между собою въ ладу и сноситься другъ съ другомъ. Но іезуиты вопреки этому соглашенію стали обучать не только орѳографіи и этимологіи, но даже и азбукѣ (при помощи своихъ студентовъ), что было въ ущербъ не только каѳедральной школѣ, но и церкви, которая не могла имѣть годныхъ прислужниковъ, такъ что въ торжественные дни капитула должна была нанимать чуть не нищихъ мальчиковъ, одѣтыхъ въ лохмотья, тогда какъ еще въ началѣ XVI ст. въ ней обучалось не менѣе 30 человѣкъ [1]). Понятно, что капитулѣ приходилось напоминать не разъ іезуитамъ объ ихъ обязательствѣ не учить дѣтей начальнымъ правиламъ грамматики, какъ это было, напр., въ 1623 г. Но иногда изъ-за школы происходили недоразумѣнія у капитулы съ магистратомъ. Такъ, въ 1626 г. бурмистры и „райцы“ позвали „директора гимназіи школьной“ и серьезно внушали ему, чтобы ученики перваго и второго классовъ, обязанные пѣть при богослуженіи, не присутствовали въ церкви; тоже велѣли кантору и органисту [2]).

Въ 1423 г. декретомъ короля Владислава Ягеллы была учреждена *перемышльская* капитула въ составѣ девяти канониковъ, по примѣру другихъ каѳедральныхъ церквей. Это обстоятельство должно было вызвать появленіе и школы каѳедральной. И, дѣйствительно, подъ 1437 г. уже упоминается Михаилъ баккалавръ, подъ 1444 г. Стефанъ, викарій и ректоръ школы перемышльской, подъ 1462 г. ректоръ Георгій, въ 1469 г. ректоръ Мартинъ, краковскій баккалавръ, въ 1477 г. Павелъ-баккалавръ и т. д. [3]).

Въ *Красноставѣ*, который былъ съ конца XV в. резиденціей холмскихъ епископовъ, каѳедральная школа, кажется, образовалась изъ городской, которая, по мнѣнію Лукашевича, существовала уже въ 1407 г. [4]). Около 1545 г. учителемъ въ ней былъ Михаилъ Радрузіанъ, впослѣд-

---

[1]) Текстъ договора у Лукашевича, I, 156, пр. 1; ср. III, 464 и прим. *Baracz*, Pamiętnik dziejow polskich, str. 9. 10. 12. 13. *Iosephowicz*, Leopoliensis archiepiscopatus Historia, л. 26, 110 об. и 111.

[2]) *Josephowicz*, Leopoliensis archiepiscopatus Historia, л. 30.

[3]) Acta Lwowskie, VIII, №№ 46, 70, 74; XIII, pp. 589. 394; IX, 83. *Wisłocki*, Acta rectoralia Almae Universitatis studii Cracoviensis. Tomi 1 fasciculus I, Cr., 1893, p. 27.

[4]) *Łukasz.*, I, 19, прим. 3.

ствіи проповѣдникъ, кононикъ и оффиціалъ въ Красноставѣ [1]). Здѣсь учился извѣстный польскій канцлеръ Янъ Замойскій.

Вѣроятно, каѳедральную именно школу заложилъ въ *Кіевѣ* еп. Войтѣхъ Нарбуттъ [2]). „Латинская" школа въ Кіевѣ упоминается въ разсказѣ польскаго мемуариста Типловскаго: въ ней будто-бы учился гетманъ Богданъ Хмѣльницкій (до 1620 г.) [3]).

Относительно *мѣдницкой* или *жмудской* каѳедральной школы намъ извѣстно только то, что тамъ установился обычай, послѣ возведенный капитулой въ законъ, чтобы новый архидіаконъ дѣлалъ въ пользу ея магистра единовременный взносъ въ количествѣ 12 грошей; подобная контрибуція взыскивалась и въ пользу викаріевъ, канониковъ и нотарія капитулы [4]).

О луцкой каѳедральной школѣ мы знаемъ только то, что въ 1586 г. ученики ея, подъ предводительствомъ пьянаго ксендза Григорія, напали на городской рынокъ и изранили многихъ людей, а черезъ десять лѣтъ они же выступаютъ подъ именемъ „жаковъ школы костела головного" въ жалобѣ на ихъ городскихъ властей, у которыхъ они, „выпавши зъ конвенту", отбили одного изъ ведомыхъ мимо на смерть [5]).

Для луцкой епархіи большее значеніе имѣла *олыкская* коллегіатская школа, аналогичная съ каѳедральными и по участію въ ея учрежденіи епископа, и по своему отношенію къ коллегіатѣ или капитулѣ олыкской, и по своей дальнѣйшей судьбѣ (она превращена была въ 30 годахъ XVII ст. въ духовную семинарію). По новѣйшему изслѣдованію епископа Франциска-Альбина Сымона: „De ecclesiis, collegiata, seminario clericorum, scholisque academicis quondam Olycensibus" [6]), исторія олыкской школы въ нашъ періодъ представляется въ такомъ видѣ Новый владѣлецъ мѣстечка Олыки, Станиславъ Радивиллъ, ревностный католикъ, возстановилъ въ 1588 г. олыкскій костелъ, оскверненный прежнимъ владѣльцемъ—кальвинистомъ, и обязалъ „пароха" (настоятеля) содержалъ, между прочимъ, „для обученія дѣтей годнаго ученаго и старательнаго юношу (młodzieńca)" [7]) Въ этомъ же году прибылъ въ свою епархію новый луцкій епископъ Бернардъ Мацѣевскій, сразу обратившій вниманіе на печальное положеніе своего діоцеза. Луцкая римско-католическая епархія занимала въ XVI ст. огромный районъ, границы котораго опредѣлились съ запада р. Ливецъ (Liviec, недалеко отъ Вар-

---

[1]) *Стороженко*, «Кіевъ триста лѣтъ назадъ». (Кіев. старина, 1894 г., февр., 213).

[2]) *Jaroszewicz*, II, 121. Нарбуттъ былъ кіевскимъ бискупомъ до 1506 г. (*Маркевичъ*, Исторія Малороссіи, V, 189).

[3]) Лѣтопись Величка, IV, стр. 152, 158.

[4]) Constitutiones Ecclesiae Mednicensis. Рук. Имп. публ. библ. Лат. Q, II, № 426, л. 12 об.

[5]) Арх. Ю.-З. Р., ч. I, т. I, № 48; ч. III, т. I, № 37.

[6]) Напечатано оно въ годичномъ отчетѣ Спб. римско-католической академіи—Academia Caesarea Romano-catholica ecclesiastica Petropolitana anno academico 1889—1890. Изслѣдованіе доведено здѣсь только до 1640 г.

[7]) *X. Symon*, o. c., Appendix, № 2.

шавы), съ востока Пинскомъ, съ юга Черновцами, Браславлемъ и Уманью и съ сѣвера Тыкоцыномъ. Частыя нападенія татаръ заставили епископовъ еще въ половинѣ XV ст. переселиться въ м. Яново (сѣдл. губ.); туда же перебрались и члены капитулы. Въ Луцкѣ оставался одинъ кустосъ. Отдаленность епископа и капитулы отзывалась въ Луцкѣ отсутствіемъ церковной дисциплины и слабымъ образованіемъ клира; среди ксендзовъ попадались люди, не знавшіе даже краткаго катихизиса. Въ виду всего этого новый епископъ, пользуясь ревностью Станислава Радивилла къ католической церкви, убѣждаетъ его и помогаетъ ему въ его заботахъ о благоустройствѣ олыкской церкви и школы. Въ 1593 г. было дано новое устройство олыкскому костелу и новая фундація, что отразилось и на положеніи школы. Именно баккалавру или ректору ея, человѣку съ ученой степенью и добрыхъ нравовъ, назначено было 140 флориновъ въ годъ,—30 изъ городской казны и 110 флориновъ столовыхъ—съ питейнаго сбора, причемъ ему не запрещено было взимать и другіе доходы за свою науку. Утвержденіе учителя въ должности предоставлялось плебану [1]). По ординаціи 1596 г. значительно увеличиваются какъ средства содержанія олыкскаго костела, такъ и ея персоналъ: „препозитъ“ костела долженъ былъ содержать четырехъ „мансіонаровъ“, обязанности которыхъ отчасти соотвѣтствуютъ обязанностямъ членовъ капитулъ, и звонаря (campanator). Что до школы, то по прежнему забота о ней лежала на магистратѣ подъ надзоромъ настоятеля; матеріальное положеніе баккалавра осталось тоже, какъ и его двоякая зависимость—отъ властей города и отъ „препозита“; вновь сдѣлано подтвержденіе о его церковныхъ обязанностяхъ, именно онъ долженъ былъ присутствовать съ своей школой при ежедневной утренней молитвѣ и при обѣднѣ въ праздничные дни [2]). Переходъ Олыки въ руки сына Станислава Радивилла—Альберта Станислава, воспитанника виленскихъ іезуитовъ и человѣка настолько религіознаго, что онъ изобрѣлъ даже особую машину для бичеванія себя, долженъ былъ еще болѣе способствовать устроенію олыкскаго костела и школы, тѣмъ болѣе, что новый владѣлецъ былъ человѣкъ европейски образованный: по окончаніи курса виленской академіи онъ четыре года провелъ въ учебныхъ занятіяхъ за границей. Въ 1631 г. онъ пожертвовалъ краковскимъ доминиканамъ 11 тысячъ флориновъ на 4 стипендіи. Вотъ онъ то и учредилъ при олыкской церкви коллегіату или капитулу, по соглашенію съ епископомъ Гроховскимъ. Не вдаваясь въ изложеніе всѣхъ обязанностей членовъ ея, мы укажемъ только на то, что по новой ординаціи школьный персоналъ увеличивался канторомъ, который, понятно, долженъ былъ учить пѣнію воспитанниковъ, помогать викаріямъ въ церковномъ пѣніи въ извѣстныхъ случаяхъ, а обѣдню пѣть со всей школой. Онъ освобождался отъ городскихъ платежей за домъ, если былъ женатъ, а если нѣтъ—получалъ изъ казны князя извѣстное содержаніе. Олыкская коллегіата утверждена окончательно въ 1632 г. [3]).

---

[1]) X. *Symon*, Appendix, № 3, p. 113.

[2]) X. *Symon*, pp. 27—34.

[3]) X. *Symon*, pp. 42, 43, 50—52, 58, 60, 65

Одновременно съ этимъ въ судьбахъ олыкской школы произошла значительная перемѣна: умершій 27 ноября 1631 г. препозитъ Францискъ Заерскій по завѣщанію 11 сентября отказалъ двѣ деревни—Лудзинъ и Амбуковъ на учрежденіе при коллегіатѣ коллегіи клириковъ и семинаріи, въ которой бы юноши, учась наукамъ, усвоивали церковную дисциплину и приготовлялись къ занятію священныхъ должностей, причемъ въ качествѣ руководства при устройствѣ ея указалъ постановленіе тридентскаго собора и организацію сандомирской семинаріи. Хотя воля Заерскаго была выполнена княземъ только въ 1638 г., когда онъ по соглашенію съ коллегіатой и съ замостской академіей, которой подчинилъ олыкскую школу, какъ ея колонію, учредилъ семинарію съ пятью классами: 1) священнаго писанія и богословія, 2) логики и риторики, 3) поэзіи, 4) аналогіи и 5) первыхъ началъ науки, чему прежде училъ баккалавръ старой школы, за которымъ и оставлялись прежнія обязанности,—но еще до своей смерти Заерскій успѣлъ позаботиться, чтобы выстроены были зданія для будущей коллегіи и семинаріи и тогда же, призвавши годныхъ и ученыхъ наставниковъ и собравши немало юношей, открылъ школы и занятія [1]).

Каѳедральныя школы находились въ завѣдываніи состоящихъ при епископахъ капитулъ и, въ частности, схоластиковъ [2]). На обязанности ихъ лежало поддерживать на счетъ доходовъ съ имѣній капитулы или схоластеріи школьное зданіе, давать содержаніе учителю, слѣдить за преподаваніемъ, за добрыми нравами и римско-католическими убѣжденіями какъ учениковъ, такъ и самого учителя. Въ случаѣ жалобы на кого-либо изъ учениковъ, поступокъ послѣдняго обсуждался ректоромъ вмѣстѣ съ представителемъ капитулы, обыкновенно схоластикомъ же [3]). Къ характеристикѣ заботливости капитулъ объ ученикахъ относится то, что онѣ посылали ихъ каждыя 1—2 недѣли въ свои бани, требуя при этомъ, чтобы ученики пѣли въ банѣ псаломъ „De profundis clamavi“ и пѣснь: „Ave maris stella“ [4]).

Но подъ этотъ общій типъ каѳедральныхъ школъ не подходила школа львовская, насколько можно судить объ этомъ по указанной

---

[1]) X. *Symon*, pp. 65—67. 69. 79—84. (Ср. *Łukasz.*, III, 472—473). Въ 1638 г. олыкскія коллегія и коллегіата были утверждены варшавскимъ сеймомъ (Volum. legum, III, 461) — Съ названіемъ «аналогія» мы встрѣтимся и ниже. Это была одна изъ частей грамматики, не выдѣляющаяся теперь изъ общаго содержанія науки. Въ Encyklopedya powszechna она опредѣляется какъ zgodność w utworzeniu wyrazów, основывающаяся на сравненіи формъ сходныхъ; потому аналогія есть основаніе всѣхъ грамматическихъ правилъ, выведенныхъ при ея помощи грамматистами послѣ того, какъ языкъ получилъ полное развитіе (I, str. 719).

[2]) Схоластику, по самому названію его, принадлежалъ надзоръ за школами; но въ Польшѣ къ XVI вѣку должность эта сдѣлалась болѣе почетной и прибыльной, чѣмъ влекущей за собой дѣйствительныя обязанности по отношенію къ школѣ. Ее часто занимали даже люди необразованные, на что жаловались поляки въ родѣ Модржевскаго или Марицкаго (Слав. сборникъ, III, 73. 74. *Łukaszewicz Lesław*, Rys dziejów piśmiennictwa polskiego, wyd. 2, 164).

[3]) Monum. confrat., I, № 263.

[4]) Такъ было во Львовѣ (*Łukasz.*, Hist. szkół, III, 464, прим. *Baliński*, Akad. Wileń., 26, прим. 1).

нами брошюрѣ Бенедикта Гербеста: „Cracoviensis Scholae, apud S. Mariae templum, institutio“. Основаніе, по которому это „Наставленіе“ мы принимаемъ въ качествѣ документа для характеристики устройства и львовской школы, заключается въ томъ соображеніи, что Гербестъ излагалъ въ немъ не теорію, а результаты своего педагогическаго опыта, между прочимъ, во Львовѣ, какъ самъ онъ объясняетъ въ „Посвятительномъ письмѣ къ сенату краковскому“. Такимъ образомъ, во Львовѣ Гербестомъ была уже осуществлена или вся эта программа, или значительная часть ея. Но, далѣе, едва ли она цѣликомъ была впервые введена туда Гербестомъ; скорѣе нужно допустить, что она есть плодъ соглашенія его педагогическихъ убѣжденій съ требованіями львовскихъ гражданъ, какъ подобнымъ же образомъ въ Краковѣ Гербестъ ввелъ въ нее и нѣмецкій языкъ, сообразуясь съ существовавшимъ здѣсь обычаемъ. Съ другой стороны, планъ этотъ долженъ былъ оставаться дѣйствующимъ въ Львовѣ и послѣ удаленія Гербеста; по крайней мѣрѣ, около 1590 г. Янъ Урсинъ преподавалъ всѣ предметы, указанные въ его программѣ. Такъ, онъ обучалъ латинской и греческой грамматикѣ и діалектикѣ (по этимъ предметамъ онъ оставилъ для учениковъ записки), ариѳметикѣ, геометріи, пасхаліи (ecclesiasticus computus). Истолкованіе писемъ Цицерона къ домашнимъ и къ Аттику онъ сопровождалъ разъясненіями событій римской исторіи [1]).

Вступая въ Краковѣ въ должность префекта маріинской школы, Гербестъ заявилъ, что начальникомъ школы долженъ быть онъ и что граждане не должны вмѣшиваться въ дѣла. Ректоръ школы имѣетъ самъ принимать учениковъ и раздѣлять ихъ на классы, съ порученіемъ каждаго отдѣльному учителю. Подобный порядокъ Б. Гербестъ, очевидно, завелъ и въ Львовѣ, ограничивъ вмѣшательство гражданъ во внутреннія дѣла училища. По обученіи учениковъ (латинскому) чтенію, что совершалось обычнымъ путемъ знакомства съ буквами, складыванія слоговъ и словъ, и письму, школьныя занятія по плану Гербеста распредѣлялись такимъ образомъ. Въ воскресенье, а также въ праздничные дни, по утрамъ, ученики присутствовали при проповѣди и слушали истолкованіе какого-нибудь апостольскаго посланія или чего-либо подобнаго. Послѣ обѣда слушали объясненіе на польскомъ языкѣ Евангелія, затѣмъ чтеніе по гречески одной изъ новозавѣтныхъ книгъ, что было необходимо для успѣховъ учениковъ въ греческомъ языкѣ [2]). Въ понедѣльникъ все утро посвящалось греческой грамматикѣ—изъясненію ея, изученію и спрашиванію. Проходились всѣ части ея—этимологія, синтаксисъ,

---

[1]) *Jocher*, I, 178, 179. Въ виду послѣдняго обстоятельства для насъ не представляетъ существенной важности, былъ ли осуществленъ этотъ планъ въ Краковѣ или онъ представлялъ только pia desideria Гербеста, высказанныя имъ по адресу краковскихъ гражданъ, какъ утверждаетъ Лукашевичъ (I, 69, прим. 3).

[2]) Греческій языкъ вошелъ въ программу западнорусской римско-католической школы едва ли ранѣе середины XVI ст., такъ какъ и въ самомъ краковскомъ университетѣ онъ сталъ преподаваться только съ начала этого столѣтія и то — встрѣтивъ большое неудовольствіе и даже преслѣдованія въ средѣ академической корпораціи (*Jocher*, I, 109. 110. 132. *Łukasz.*, I, 54, прим. 1).

просодія. Обращалось вниманіе и на пункты несходства греческой грамматики съ латинской. Послѣ обѣда читался Цицеронъ и изъяснялся на польскомъ языкѣ. Въ теченіе слѣдующаго часа ученики должны были выучить урокъ и отвѣтить его. Здѣсь же и дома вечеромъ должны были переписать урокъ, слѣдя одновременно и за каллиграфіей. Такія же послѣобѣденныя занятія были въ школѣ и въ другіе дни до пятницы включительно, а въ предъобѣденное время толковалась и изучалась латинская грамматика, причемъ въ одну недѣлю этимологія съ просодіей и текстъ Цицерона (для укрѣпленія памяти его заучивали наизусть), въ другую—просодія и Виргилій. Въ субботу до обѣда выслушивалось чтеніе наизусть Цицерона, выученнаго за недѣлю. Послѣ этого въ теченіе часа изучалась музыка, затѣмъ читался Эзопъ съ переводомъ его на латинскій, а потомъ на польскій языкъ: это чтеніе Гербестъ находилъ пріятнымъ для дѣтей и полезнымъ, такъ какъ оно научало ихъ не безъ удовольствія философской этикѣ. Затѣмъ истолковывались письма Цицерона. Послѣ обѣда 2 часа посвящались ариѳметикѣ,—часъ на изъясненіе урока и часъ на изученіе его. Употреблялись два рода ариѳметическаго счета—цифирный и линейный,—et illa, quae figuris, et illa, quae lineis (значеніе этихъ выраженій выяснимъ ниже).

Кромѣ обычнаго задаванія и заучиванія уроковъ, въ львовской школѣ существовали и особые дидактическіе пріемы и прежде всего—еженедѣльное письменное упражненіе. Въ понедѣльникъ ученики писали по польски краткое и хорошо отдѣланное письмо (что важно было въ цѣляхъ изученія польской орѳографіи) и чрезъ три дня, въ пятницу, представляли учителямъ тщательно сдѣланный латинскій переводъ. Послѣдніе исправляли крупнѣйшія ошибки и предлагали свой переводъ, какъ образецъ для подражанія и какъ средство для собственнаго упражненія въ латинскомъ языкѣ. Но когда ученики нѣсколько выработали свой стиль, они могли обходиться и безъ подобной помощи учителя. Полезнымъ также считалось давать ученикамъ для упражненій какую-нибудь важную нравственную мысль,—ее тоже переводили на латинскій, а кто успѣлъ въ греческомъ—и на греческій языкъ. Наконецъ, по изученіи правилъ просодіи (латинской), поощряли учениковъ и къ писанію стиховъ.

Другой пріемъ—диспуты по всѣмъ частямъ грамматики въ предѣлахъ выученнаго и пониманія учениковъ. Диспутировали ученики въ присутствіи баккалавра. Въ воскресенье предметомъ спора были всѣ части греческой грамматики и значеніе словъ греческихъ, въ слѣдующіе четыре дня—орѳографія, просодія, этимологія и синтаксисъ латинскіе, въ пятницу—латинскія фразы.

По собственному опыту Гербестъ полезнымъ признавалъ въ опредѣленныя времена года разыгрывать латинскія комедіи: это и хорошему произношенію способствовало, и пріучало учениковъ владѣть собой въ публичныхъ собраніяхъ.

При такомъ планѣ наукъ Гербестъ находилъ необходимымъ, чтобы у префекта или ректора школы было по крайней мѣрѣ два баккалавра для раздѣленія труда по обученію [1]). Всѣ они должны быть объединены

[1]) Впрочемъ, въ послѣсловіи къ префектамъ и всѣмъ педагогамъ Гербестъ допускаетъ возможность и одному учителю, гдѣ нѣтъ другого, выполнить этотъ планъ.

однимъ убѣжденіемъ и идеей. Гербестъ предлагаетъ такое распредѣленіе занятій между ними. Ректоръ по утрамъ читаетъ одну лекцію по грамматикѣ. Одинъ изъ учителей занимается переводами изъ Цицерона и этимологіей, другой—Виргиліемъ и синтаксисомъ съ просодіей. Когда одинъ изъ учителей спрашиваетъ урокъ, другой исправляетъ написанное. Одинъ излагаетъ ариѳметику линейную, другой—фигурную. Въ воскресные дни они по очереди исправляютъ школьныя обязанности. Но Гербестъ на помощь этимъ преподавателямъ привлекаетъ и учениковъ—studiosi adolescentes, которые должны были заниматься съ дѣтьми, только что начавшими учиться и еще не дошедшими до грамматики. Дѣлалось это такимъ образомъ. Предварительно учитель изъяснялъ какой-нибудь непонятный стихъ, содержащій въ себѣ нравственную мысль, на польскомъ языкѣ и какъ можно короче и проще, а его помощники должны были тщательно выслушать объясненіе и втолковать его меньшимъ ученикамъ.

Школы каѳедральныя, не смотря на то, что первоначальнымъ ихъ назначеніемъ было приготовленіе священно-церковнослужителей, не были школами профессіональными: одновременно онѣ служили и цѣлямъ общеобразовательнымъ, особенно въ тѣхъ городахъ, гдѣ онѣ содержались совмѣстно капитулами и магистратами. Съ этой стороны къ нимъ легко примыкаетъ то множество парохіальныхъ школокъ, которое разсѣяно было по всему пространству зап. Россіи и программы которыхъ далеко не всегда были ниже ихъ программъ. Предлагая здѣсь перечень такихъ школъ, появившихся и существовавшихъ въ XVI и нач. XVII в., мы не выдаемъ его за полный, а смотримъ на него, какъ на матеріалъ для будущей статистики костельно-приходскихъ римско-католическихъ школъ въ зап. Россіи въ XVI в., если только она возможна.

Предполагаемъ, что тѣ училища, которыя существовали уже въ XV в., продолжали существовать и въ слѣдующемъ столѣтіи. Затѣмъ школы мы располагаемъ въ хронологическомъ порядкѣ—не появленія ихъ, а упоминаній о нихъ.

Подъ 1507 г. встрѣчается упоминаніе о *таурогенской* (россіенскаго повѣта) школѣ, открытой какимъ-то Бартошиномъ [1]). Въ 1513 г. уже существовала *семятичская* (въ бѣльскомъ повѣтѣ) школа [2]).

Въ 1513 г. учреждена, какъ мы видѣли, *школа при св.-янскомъ костелѣ въ Вильнѣ*. Виленская капитула, давая разрѣшеніе на открытіе ея, позволила обучать въ ней только 16 человѣкъ и еще шестерыхъ принять спеціально для хора. Баккалавръ долженъ былъ тщательно наблюдать за школьниками, даже по окончаніи ими курса ученія, и держать ихъ sub censuris ecclesiasticis [3]). Св.-янская школа по происхожденію и по характеру напоминала школу львовскую и другія городскія римско-католическія училища: состоя при костелѣ, она находилась подъ нравственнымъ и матеріальнымъ надзоромъ и плебана и магистрата.

---

[1]) *Jarosz.*, II. 39.

[2]) Copia fundationis Siemiaticensis Ecclesiae (документъ, принадлежащій семятичской православной церкви).

[3]) *Baliński*, Dawna akademia Wileńska. 26. 27. *Krasz.*, IV, 4 прим. 2 на стр. 41—42.

По особому договору между виленскимъ магистратомъ и духовенствомъ св.-янскаго костела, заключенному въ 1521 г. и утвержденному королемъ Сигизмундомъ I въ 1527 г., ректора школы избирали по очереди плебанъ, или настоятель костела, и магистратъ. Но въ послѣднемъ случаѣ утвержденіе ректора принадлежало плебану, который могъ удалить его, найдя его не совсѣмъ удобнымъ по его характеру. Повидимому, магистратъ и содержалъ школу,—по крайней мѣрѣ онъ обязался изыскивать средства на содержаніе костела, при которомъ находилось училище. Но въ этомъ городскимъ властямъ помогала сама школа: чтеніе псалтири надъ умершими прихожанами и проводы ихъ могли совершать только школьники и сборы за это поступали въ казну членовъ магистрата – патроновъ костела [1]).

Сохранилось мало слѣдовъ дальнѣйшаго существованія св.-янской школы. Знаемъ, что ея интересы, наряду съ интересами каѳедральной школы, защищала въ 1539 г. капитула, запрещая магистру Георгію заводить въ Вильнѣ новое училище [2]). Затѣмъ она перешла вмѣстѣ съ костеломъ къ іезуитамъ и продолжала существовать въ качествѣ низшаго училища при ихъ гимназіи, какъ видно изъ ординаціи еп. Кипріана 1572 г., причемъ она имѣла отдѣльнаго „бакаляра“ [3]). Вѣроятно, она существовала и послѣ и ученики ея, вмѣстѣ съ питомцами другихъ „низшихъ іезуитскихъ школъ“, участвовали въ 1604 г. въ религіозномъ торжествѣ по случаю канонизаціи королевича Казимира [4]).

Въ 1514 и 1520 г. королемъ Сигизмундомъ I выданы привиллегіи на постройку костеловъ и при нихъ училищъ въ *Гаевѣ* (борисовскаго повѣта) и въ *Жижморахъ* (на Литвѣ). Въ 1529 и 1534 г. открыты школки *начская* (на Подляшьи) и *трабская* (ошмянскаго повѣта), послѣдняя — виленскимъ воеводой Войтѣхомъ Гаштольдомъ [5]). Еще до 1535 г. существовало училище въ *Ярославѣ*, снабженное въ этомъ году лучшими средствами, благодаря Станиславу Одровонжу [6]). Королева Бона фундовала школы при костелахъ въ *Мостахъ* (надъ Нѣманомъ, гродненскаго повѣта) и въ *Кременцѣ* (1538 г.) [7]). Извѣстны, затѣмъ, школы *южновецкая* (возлѣ Бѣлостока, 1540 г.), *новодворская* (возлѣ Гродны, 1541), *недзвѣдская* (въ слуцкомъ повѣтѣ, 1545), фундованная виленскимъ епископомъ Павломъ, *ровенская*, фундованная въ 1548 г. кн. Беатой Острожской, *кіевская*, открытая кіевскимъ воеводой Мартиномъ Гаштольдомъ, *гродненская* (1555), *заблудовская*, фундованная въ

---

[1]) Zbior praw y przywilejow miastu stolecznemu W. X. L. Wilnowi nadanych, 1788 p. 42.

[2]) *Kraszewski*, IV. 5. 6. 42.

[3]) *Baliński*, o. c., 81. 82. Ср. П. П. Л., II, 1113.

[4]) *Baliński*, 104.

[5]) *Jarosz.*, II, 39., *Łukasz.*, I, 66, прим. 3. *Przyałgowski*, I, 127, 129.

[6]) *Площанскій*, «Нѣкоторыя мѣстности перемышльскаго округа».... (Науковый сборникъ, 1868 г., стр. 217).

[7]) Archiwum ks. Sanguszków, IV, № 119. *Przyałgowski*, I, 156.

1568 г. Григ. Алекс. Ходкевичемъ, православнымъ [1]), *самборская* (перемышльскаго округа) [2]).

Прибытіе въ польско-литовское государство іезуитовъ оказало малое вліяніе на развитіе парохіальныхъ школъ въ западной Россіи: онѣ умножаются въ той же постепенности, какъ и до того, вплоть до самыхъ шведскихъ, казацкихъ и московскихъ войнъ. Фундаторами ихъ по прежнему были короли, епископы, литовско-русскіе магнаты и шляхта. Особенно много школъ было открыто магнатами—Радивиллами, Сапѣгами, Ходкевичами, Заславскими... Представители этихъ и другихъ знатныхъ родовъ, совращаемые іезуитами въ латинство, какъ бы спѣшили засвидѣтельствовать свою ревность къ новой вѣрѣ основаніемъ латинскихъ монастырей, костеловъ, училищъ. Что до іезуитовъ, то они почти не заботились о школьномъ образованіи народныхъ массъ и объ открытіи приходскихъ школъ [3]). Такъ какъ имъ прежде всего необходимо было привлечь къ церкви и къ своему ордену лицъ вліятельныхъ въ государствѣ, то они и открывали свои коллегіи въ такихъ мѣстахъ, гдѣ контингентъ воспитанниковъ могъ бы состоять преимущественно изъ дѣтей аристократіи, шляхты, горожанъ. Впрочемъ, это не значитъ, чтобы они оставляли совершенно безъ вниманія крестьянскія массы: нѣтъ,—они и объ ихъ утвержденіи въ латинской вѣрѣ заботились, посылая по деревнямъ изъ своихъ резиденцій миссіонеровъ. Но какъ дѣйствовали послѣдніе, видно хотя бы изъ разсказа іезуита Ростовскаго. Члены ордена, разсѣявшись въ 1583 г. изъ Вильны по окрестной странѣ, совершали обращеніе народныхъ массъ изъ язычества и православія въ римско-католичество и утвержденіе въ послѣднемъ такимъ образомъ. Призывали народъ въ храмъ или собирали въ другомъ мѣстѣ для катихизаціи. Ему объясняли по частямъ символъ вѣры, молитву Господню и ангельское привѣтствіе Дѣвѣ Маріи въ формѣ понятной и легко усвоиваемой памятью. Въ результатѣ было то, что народъ безъ большого труда (negotio non maxime) знакомился не только съ начатками вѣры, но и со всѣмъ, что нужно для вѣры и жизни христіавской,—и тѣмъ дѣло и оканчивалось [4]). Дѣйствительнымъ результатомъ такого рода скороспѣлой миссіонерской дѣятельности было то, что въ какомъ религіозномъ невѣжествѣ находился литовскій народъ до призванія іезуитовъ, въ такомъ оставался и послѣ [5]).

---

[1]) А. В. А. К., XVII, № 699; XXI, № 1. Арх. сб., XI, № 114. *Jarosz.*, II, 39, 120. *Przyałgowski*, о. с., II, 41. *Теодоровичъ*, Описаніе волынской епархіи, II, 457, прим. 1.

[2]) Упоминаніе о ней встрѣчаемъ въ духовномъ завѣщаніи Григорія Самборчика († 1573 г.). Но, безъ сомнѣнія, она болѣе древняго происхожденія: чрезъ нее, вѣроятно, прошли самъ Григорій, Андрей Баргель, Гербесты и нѣсколько другихъ уроженцевъ Самбора, прежде чѣмъ попали въ краковскую академію (*Sołtykowicz*, 344, 359).

[3]) Намъ извѣстна только одна такая школа, открытая и содержавшаяся іезуитами, именно въ Лазовичахъ, климовичскаго повѣта; даты не знаемъ (*Jarosz.*, III, 231).

[4]) *Rostowski*, 120. См. также въ Litterae annuae, div. locis.

[5]) *Rostowski*, 118. 119. Ср. свидѣтельство папскаго нунція Маласпины, писавшаго въ 1588 г., что въ виленской епархіи находится до 100 тысячъ поселянъ, не знающихъ молитвъ, покланяющихся идоламъ, не считая татаръ, армянъ, еретиковъ и схизматиковъ—русскихъ (Relacye nuncyuszów apostolskich, I, 89).

Въ періодъ времени отъ прибытія въ польско-литовское государство іезуитовъ до 1633 г. появляются или становятся извѣстны слѣдующія парохіальныя школы: въ *Смотричѣ* (въ Подольѣ, 1579 г.), въ с. *Бѣлостокѣ* (на Волыни, 1581), *Холмѣ* (1582), *Старжинѣ* (минскаго повѣта, 1588), *Ивазнѣ* (дисненскаго повѣта, 1593), *Скміанѣ* (шавел., 1596), въ г. *Заславлѣ* (1599), *Задорожѣ* (диснен., 1601), *Ляховичахъ* (слуцкаго, 1602), въ *Рогатинѣ* (1602—3), въ *Лепелѣ* и *Череяхъ* (1604), *Могилевѣ* (1605), *жвингювская*, *вилькійская* и *войкуцкая* (россіенскаго повѣта, 1606), *логойская* (борисов., 1609), *криничинская* (упитскаго повѣта, 1611), *тельшевская и жодзинская* (новоалександровскаго, 1612), *въ Шкудахъ* (тельшев., 1614), *Вел. Берестовицѣ* (гроднен., 1615), *Повенденѣ* (тельш., 1620), *жоговская* (шавел., 1623), *клаваньская* (упит.) и *даниловская* (диснен., 1624), *чекусская* (россіен., 1625), въ *Коссовѣ* (слоним.) и въ *Горахъ* (оршан., 16 6), *мацѣевская* (близь Влодавы) и *любомльская* (на Бугѣ, 1627 г.), въ *Бѣлѣ* (сѣдл. губ., 1628), *декшицкая* (борисов.) и *скилондзіовская* (тельш., 1630), въ *Фецiернѣ* (?—in Fecierna), въ имѣніи красноставскаго капитана Якова Собѣсскаго, 1627 — 1630. Къ этому же, вѣроятно, времени относится происхожденіе приходскихъ школъ въ *Друѣ* и *Толочинѣ* [1]).

Устройство римско-католическихъ приходскихъ школъ въ XVI в. въ западной Россіи было самое примитивное. Такъ какъ многія изъ нихъ учреждались съ единственной цѣлью поддерживать благолѣпіе богослуженія, то и программа въ нихъ широтой не отличалась: пѣніе, чтеніе и письмо, иногда счетъ составляли весь курсъ ихъ. И во всякомъ случаѣ единства образовательнаго плана во всѣхъ западнорусскихъ школахъ не могло быть, потому что ихъ не вѣдала одна центральная власть. Фундаторы школы могли свободно предъявлять къ учителямъ свои педагогическія требованія. Впрочемъ, въ изслѣдуемый нами періодъ времени дѣлаемы были попытки какъ объединить парохіальныя школы, такъ и повысить въ нихъ учебный уровень, въ видахъ противодѣйствія протестантскому вліянію. Такъ, напр., виленскій синодъ 1526 г. такъ формулировалъ учебно-воспитательный планъ для школъ виленскаго діоцеза: „полезныя науки, добрые обычаи и главныя добродѣтели католической религіи". Подъ „полезными науками", кромѣ указанныхъ уже, разумѣлись катихизисъ и изученіе или чтеніе Священнаго Писанія— Притчей Соломона изъ Ветхаго Завѣта и Евангелія и Павловыхъ Посланій изъ Новаго. Относительно новозавѣтныхъ книгъ виленскій синодъ высказалъ пожеланіе, чтобы онѣ излагались на польскомъ и литовскомъ языкахъ [2]). Эта программа съ теченіемъ времени дополнялась и расширялась въ отношеніи и числа учебныхъ предметовъ, и объема

---

[1]) Свѣдѣнія о фундаціи большинства этихъ школъ, дожившихъ до конца XVIII ст. и даже до начала нынѣшняго, заимствованы нами у Ярошевича (III, 228—230). См. также А. В. А. К., XIX, №№ 360 и 380; XXIII, № 29. Рук. Императорской публичной библіотеки, Лат., F., I, № 585. л. 47 об. *Łukasz.*, IV, 275, прим. 1. *Przyałgowski*, II, 39. 40. 99. *Симашкевичъ*, Истор.—стат. опис. подольской епархіи, прил. № 12. Подол. еп. вѣд., 1872, стр. 632. *Теодоровичъ*, Описаніе волын. епархіи, III, 387. 421. Muzeum, 1885, 12—18: *Prochaska*, Uposażenie nauczyciela w Rohatynie w r. 1602—3 (Рецензія—въ Kwart. histor., 1895, IV, 304).

[2]) *Przyałgowski*, I, 115.

ихъ, причемъ въ городскихъ школахъ она всегда была шире, чѣмъ въ сельскихъ.

Для того, чтобы дать представленіе о ходѣ учебныхъ занятій въ приходскихъ римско-католическихъ школахъ конца нашего періода, мы изложимъ Планъ, выработанный въ 1612 г. краковскимъ университетомъ [1]). Такъ какъ, по заявленію университета, этотъ планъ былъ возстановленіемъ упавшаго было порядка ученія въ приходскихъ школахъ, то его можно считать характернымъ и для XVI ст.,—это во первыхъ. Во вторыхъ, хотя обязательность этого плана ограничивалась краковскимъ діоцезомъ, мы, въ виду того постояннаго вліянія, какое оказывалъ краковскій университетъ на школьное образованіе не только польскихъ областей, но и русскихъ, можемъ думать, что данная имъ школьному дѣлу постановка отразилась и на училищахъ западнорусскихъ. Въ третьихъ, требованія краковскаго университета мы считаемъ максимальными: быть можетъ, нѣкоторыя богатыя городскія школы, имѣвшія возможность нанимать въ учителя магистровъ университета, выполняли ихъ; но всѣ остальныя училища только болѣе или менѣе приближались къ этому идеалу.

Краковскимъ университетомъ указаны слѣдующіе учебные предметы для городскихъ и сельскихъ приходскихъ школъ: латинскій и греческій языки, катихизисъ, риторика, поэзія, исторія, музыка, ариѳметика и пасхалія (computus ecclesiasticus) [2]). Всѣ эти предметы распредѣлялись между нѣсколькими классами, на которые, въ силу древняго обычая, должны были дѣлиться ученики. Основаніемъ дѣленія учениковъ на классы служило различіе въ ихъ дарованіяхъ, развитіи и прилежаніи. Для каждаго класса было составлено особое росписаніе уроковъ. Въ низшемъ, напр., и старшемъ классахъ занятія шли въ такомъ порядкѣ.

Новички учились четыре часа въ день: два до обѣда и два послѣ обѣда. Утромъ они должны были изучать буквы и соединять ихъ, произнося ихъ громко и съ надлежащимъ акцентомъ Второй урокъ посвящался христіанскому ученію. Послѣ обѣда изучали краткія нравственныя изреченія и толкованіе обѣдни (ministerium missae). Навыкнувши въ этихъ предметахъ, ученики приступали къ склоненіямъ и спряженіямъ, что изучали въ первый утренній урокъ, и къ морали—во второй, именно тутъ изучались Distichia Катона или Михаила Верина или Сентенціи Публилія Сира мима (мимическаго актера), современника Юлія Цезаря. Послѣ обѣда изучались словарь латино-польскій и письма Цицерона къ роднымъ (ad familiares). Въ субботы прибавлялись ариѳметика и особые

---

[1]) *Muczkowski*, o. c., pp. CXLVII—CLIII, in annotatione.

[2]) Не нужно смѣшивать ариѳметики съ тѣмъ, что называется computus, счетомъ, какъ обыкновенно переводятъ это слово. Краковскій университетъ различаетъ ихъ и говоритъ о нихъ отдѣльно: объ ариѳметикѣ—что она служитъ для математическихъ занятій и полезна въ жизни, а по поводу «компута» выражается, что онъ необходимъ для церкви, такъ какъ даетъ знаніе перемѣнъ праздниковъ и другихъ временъ. См. также заявленіе Бенедикта Гербеста въ предисловіи къ его «Computus»: «въ канупы праздниковъ я читалъ въ львовской школѣ «Computum», чтобы мы, чада католической церкви, не явились чуждыми и невѣжами въ различеніи ея священныхъ временъ» (ne.... in eis computandis temporibus peregrini simus. *Łukasz.*, III, 464, прим. 1).

стишки (cisiojani), написанные двойнымъ гекзаметромъ и указывавшіе главные праздники въ каждомъ мѣсяцѣ. Стишки эти разучивались посредствомъ пѣнія (canendo), какъ разъясняетъ краковскій синодъ 1621 г. [1]). Кромѣ того въ послѣобѣденные часы производились упражненія на латинскомъ языкѣ и небольшіе диспуты между учениками изъ области спряженій и склоненій и латинскаго лексикона. Въ старшемъ классѣ было восемь уроковъ, которые такъ были расположены: утромъ 1-й часъ посвящался спрашиванію урока (examen memoriae) изъ грамматики, Цицерона и ариѳметики или музыки, 2-й—объясненію грамматики, 3-й—Цицерону, 4-й—ариѳметикѣ или музыкѣ (послѣднія чередовались черезъ день). Послѣ обѣда въ 1-й часъ учитель спрашивалъ уроки изъ греческаго и изъ поэзіи, во 2-й изъяснялъ греческія правила и басню или „Изреченія“ (Apophtegmata) Плутарха, въ 3-й занимался поэзіей и въ 4-й—исторіей. Каждый урокъ при этомъ сопровождался или спрашиваніемъ или диспутаціей. По субботамъ было спрашиваніе уроковъ за всю недѣлю (generale examen), читались вслухъ Цицеронъ и поэты (для провѣрки главнымъ образомъ вѣрности произношенія), катихизисъ и ариѳметика. Въ воскресные и праздничные дни читались по-гречески Евангеліе или письма Григорія Назіанзина, а въ церкви—польскій катихизисъ.

Нетрудно видѣть, что въ Планѣ, составленномъ краковскимъ университетомъ, на первомъ мѣстѣ стоитъ латинскій языкъ. Послѣдній всегда имѣлъ огромное значеніе въ Польшѣ, гдѣ благодаря религіозному, научному и дипломатическому употребленію его онъ былъ извѣстенъ не только шляхтѣ, но и горожанамъ и даже хлопамъ, какъ свидѣтельствуютъ о томъ историки Кромеръ и Гваньини, секретарь нунція Гаетана—Муканте и др. [2]). И хотя со второй половины XVI в. онъ въ Польшѣ, вслѣдъ за Европой, сталъ уступать мѣсто языку народному, въ школахъ онъ надолго укрѣпилъ свое первенствующее положеніе. Соотвѣтственно этому и Планъ краковскаго университета отводилъ ему самое видное мѣсто, добиваясь, повидимому, того, чтобы ученики могли на немъ и писать и говорить. Этому имѣли служить и упражненія, диспуты и особыя тетради. Составители Плана, соглашаясь съ блаженнымъ Іеронимомъ, что урокъ безъ записыванія его—не болѣе какъ сонъ (lectio sine stylo vel calamo somnus est), рекомендовали ученикамъ завести нѣсколько тетрадей, какъ стражей памяти (custodes memoriae). Въ одну изъ нихъ они записывали бы пріемы доказательствъ и искусно составленныя фразы (argumenta, artificia), въ другую—сентенціи, остроумныя изреченія, примѣры, въ третью—синонимичныя слова (copiam dicendi), въ четвертую—поэтическія фигуры, описанія мѣстъ, временъ года и дня (напр. сумерекъ, зари, ночи), лицъ, животныхъ. Все это нужно было располагать такимъ образомъ, чтобы при случаѣ можно было заимствовать изъ тетради, какъ изъ кладовой, что нужно для рѣчи.

---

[1]) Reformationes generales, p. 46.

[1]) *Макушевъ*, Общественные и государственные вопросы въ польской литературѣ XVI в. (Слав. сборникъ, III, 59. 60).

Для изученія латинскаго языка излюбленнѣйшимъ учебникомъ въ Польшѣ была грамматика Элія Доната, учителя блаженнаго Іеронима, состоящая изъ двухъ частей: а) Ars sive editio prima de litteris sillabisque, pedibus et tonis и б) Editio secunda de octo partibus orationis (первая часть извѣстна была подъ именемъ Donatus major, вторая называлась—Donatus minor). Въ Польшѣ было множество изданій Доната, начиная съ 1503 г., когда онъ впервые вышелъ въ Краковѣ съ объясненіями Іоанна Глоговскаго, и кончая 1795 г. [1]). Краковскій университетъ въ своемъ Планѣ, не упоминая ни о Донатѣ, ни о другихъ латинскихъ грамматикахъ, употреблявшихся въ польскихъ школахъ до этого времени [2]), рекомендовалъ съ своей стороны грамматику Корнелія Ультраектина, соединявшую краткость съ легкостью и заключавшую первоначальнѣйшія правила (rudimenta rudes), этимологію, синтаксисъ и просодію [3]). При толкованіи правилъ ея совѣтовалось указывать ихъ смыслъ и разъяснять его на примѣрахъ, такъ какъ употребленіе послѣднихъ, особенно письменное, всего болѣе можетъ служить этой цѣли. Для латинскаго чтенія, кромѣ упомянутыхъ уже сочиненій, университетъ указывалъ Цицероновы трактаты: Объ обязанностяхъ, О дружбѣ, О старости, Объ ораторахъ. Изъ поэтическихъ произведеній рекомендовалъ Овидіевы скорби (Tristia), Понтійскія письма, Виргиліевы Буколики, Георгики и Энеиду. При чтеніи нужно было избѣгать мѣстъ сладострастныхъ и грязныхъ и останавливаться на поэтическихъ перлахъ, нравственныхъ сентенціяхъ и различныхъ описаніяхъ.

Для изученія греческаго языка существовали грамматики Цепорина, Кленарда и Гретцера [4]). Для практическаго навыка въ греческомъ чтеніи Планъ указалъ: Евангеліе въ воскресные дни, творенія Григорія Богослова [5]) въ праздники и въ кануны праздниковъ—басни Эзопа, Apophtegmata Плутарха и греческія сентенціи и загадки (adagia).

Языкомъ, на которомъ шло преподаваніе въ р.—католическихъ школахъ Польши, былъ польскій; знаніе его учениками предполагалось уже и потому изученіе его въ программу не вошло. На польскомъ же языкѣ преподаваніе происходило и въ Литвѣ (впрочемъ, здѣсь—наравнѣ съ литовскимъ, какъ видно изъ постановленія виленскаго синода 1526 г. [6]) и въ тѣхъ городахъ и селахъ собственно западной Россіи, населе-

---

[1]) Объ этихъ изданіяхъ читатель можетъ найти у *Iochera* (№№ 528—533) и у другихъ польскихъ библіографовъ.

[2]) Онѣ указаны у *Лукашевича*, I, 83—88. 228. См. также у *Iochera*, №№ 649—667.

[3]) Грамматика Корнелія Вол. Ультраектина издана въ 1604 г. въ Краковѣ (*Iocher*, № 668).

[4]) Iacobi Ceporini, Compendium Grammaticae Graecae, Cracoviae, 1526. Institutiones absolutissimae in graecam linguam cum annotationibus in nominum verborumque difficultatesque etc. Nic. Clenardo auctore. Vilnae, 1600. Iacobi Gretser S. J. institutionum linguae graecae libri tres. Vilnae, 1604 г. (*Iocher*, №№ 624. 626. 627).

[5]) Быть можетъ, имѣлись въ виду изданныя въ 1565 г. въ Краковѣ «Duo poemata Gregorii Nasiansini Theologi; alterum de virtute hominis, alterum de vitae itineribus et vanitate rerum hujus seculi» (*Iocher*, № 67).

[6]) Относительно литовскаго языка должно замѣтить однако, что едва-ли онъ употреблялся въ XVI в. во всѣхъ школахъ Литвы. До конца XVI ст. онъ совсѣмъ почти не

ніе которыхъ было болѣе ополячено или гдѣ находились люди, болѣе симпатизировавшіе ему. По отношенію же къ остальнымъ областямъ западной Россіи, не такъ тронутымъ или даже совсѣмъ нетронутымъ польскимъ вліяніемъ, можно утверждать, что преподавательскимъ, если позволительно такъ выразиться, языкомъ былъ русскій. Допустить это не будетъ трудно, если мы вспомнимъ, что поляки и все польское въ литовско-русскомъ государствѣ особымъ расположеніемъ не пользовались. До самой люблинской уніи они считались здѣсь чужеземцами, и Польша въ Статутѣ 1529 г. названа чуждой землей по отношенію къ в. княжеству литовскому. Проникновеніе сюда поляковъ путемъ занятія правительственныхъ, придворныхъ и судебныхъ должностей, путемъ женитьбы и пріобрѣтенія поземельной собственности всегда вызывало протесты литовско-русскихъ пановъ противъ „иностранцевъ“. Правда эти протесты ни къ чему собственно не приводили, такъ какъ это проникновеніе согласовалось съ видами королей [1]), но они доказываютъ, какъ сильно было еще въ Литвѣ въ это время сознаніе національнаго достоинства. Подорвать послѣднее не всегда удавалось и р.—католической религіи. Хотя на первыхъ порахъ католическая іерархія по необходимости была восполняема въ литовско-русскомъ государствѣ поляками, но въ XVI в. уже почти всѣ высшія духовныя мѣста были заняты туземцами [2]). Въ самомъ концѣ XVI ст. виленская капитула оказала самое энергичное сопротивленіе намѣренію короля и папы назначить въ виленскіе епископы поляка; на сеймѣ 1597 г. литовскіе послы отстаивали право Литвы имѣть туземца на этой каѳедрѣ [3]). Далѣе, извѣстно, что еще до половины XVI

былъ научно разработанъ и для школьнаго употребленія представлялъ мало удобства. Съ другой стороны, Литва въ это время уже была отчасти знакома съ польскимъ языкомъ, который сталъ проникать въ нее со времени Ягайла, и еще болѣе съ русскимъ. Вліяніе русской культуры на Литву началось, надо полагать, со времени самыхъ первыхъ столкновеній между ними и особенно должно было усилиться, когда Литва начала завоевывать русскія княжества одно за другимъ. Повторилась и здѣсь старая исторія о побѣдѣ побѣжденныхъ надъ побѣдителями. Въ числѣ другихъ проявленій русской культуры литовское государство заимствовало и русскій языкъ, который сдѣлался языкомъ законодательства, управленія, суда и даже домашняго обихода. Этимъ только и можно объяснить тотъ фактъ, что всѣ сохранившіяся доселѣ отъ XVI и XVII в. актовыя книги даже коренной Жмуди составлены на русскомъ языкѣ. Извѣстенъ одинъ только документъ 1651 г. на западнорусскомъ нарѣчіи съ присягою на литовскомъ языкѣ (изъ актовыхъ книгъ упитскаго земскаго суда. Зап. Имп. акад. наукъ, т. 49, 1884 г., стр. 15—17; ср. *Шолковичъ*, Сборникъ статей, разъясняющихъ польское дѣло по отношенію къ Россіи, I, 124, прим.; 137, прим.). Для знакомства съ исторіей культурныхъ вліяній на Литву можно читать, между прочимъ, статью проф. *Дашкевича*: Борьба культуръ и народностей въ литовско-русскомъ государствѣ (Кіевскія университетскія извѣстія, 1884 г., октябрь и декабрь).

[1]) *Тумасовъ*, Дворянство западной Россіи въ XVI в. (Чт. въ моск. общ. ист. и древн. рос., 1868, IV, 4—7).

[2]) Изъ 18-ти виленскихъ епископовъ отъ учрежденія каѳедры и до середины XVII в. только первый, третій и четвертый были поляки (*Kojałowicz*, Miscellanea, 77—82), а изъ 25-ти жмудскихъ—поляковъ было только 6—7 (ibid., 83—88. *Iarosz.*, II, 276. 277).

[3]) Выписи изъ актовъ капитулы, №№ 161. 162. 186—188 (Опис. рукоп. отд. вил. публ. библ., вып I, прилож., стр. 70. 72). *Голубевъ*, Петръ Могила, прилож., стр. 46. 47. (Извлеченіе изъ рукописи, содержащей описаніе варшавскаго сейма 1597 г.).

в. католическое духовенство въ западной Россіи употребляло въ оффиціальной и даже частной перепискѣ русскій языкъ [1]). Мы уже отмѣтили, что королевскій привилей виленской капитулѣ 1567 г. былъ написанъ на русскомъ языкѣ. На немъ же писались и бумаги, имѣвшія отношеніе къ католическимъ костеламъ и монастырямъ [2]). И только со временъ люблинской уніи русскій языкъ пересталъ быть языкомъ католическаго духовенства, такъ что уже въ 1573 г. виленская капитула „ничего не увидѣла“ въ представленныхъ ей русскихъ документахъ [3]). Но нѣкоторые представители его (напр., луцкій епископъ Викторинъ Вержбицкій) все еще пишутъ на немъ [4]).

Въ виду всего этого и можно утверждать, что русскій языкъ былъ также и языкомъ преподаванія въ католическихъ школахъ западной Россіи. Въ пользу этого говоритъ и положительное свидѣтельство Михалона Литвина. Въ своемъ сочиненіи „De moribus Lithuanorum“ онъ, заявивши, что у нихъ (на Литвѣ) нѣтъ гимназій, продолжаетъ: „мы учимся московскому языку, не древнему и не заключающему въ себѣ никакого побужденія къ доблести, такъ какъ русское нарѣчіе чуждо намъ литовцамъ, т. е. итальянцамъ, происходящимъ отъ итальянской крови“ [5]). Хотя Михалонъ говоритъ только о литовцахъ, итальянское происхожденіе которыхъ онъ ниже доказываетъ, и отрицаетъ существованіе у нихъ гимназій, но утверждаетъ самый фактъ изученія ими (очевидно, школьнаго) русскаго языка. Тѣмъ съ большимъ правомъ можно говорить объ употребленіи его въ католическихъ училищахъ русскихъ областей Литвы. Конечно, съ теченіемъ времени русскій языкъ въ школахъ все болѣе долженъ былъ уступать польскому, сообразно съ тѣмъ, какъ это происходило и въ жизни, но какъ медленно это дѣлалось, показываетъ слѣдующій случай. Въ 1637 или 1638 г. краковскій епископъ Іаковъ Задзикъ учредилъ русскій приходъ изъ деревень Поврозника, Войковой и Ястребца въ Мушинскомъ ключѣ. Вмѣстѣ съ церковью онъ построилъ и школу, на содержаніе которой обязалъ подданныхъ давать ежегодно по корцу овса, съ тѣмъ, чтобы церковно-служитель училъ дѣтей польской и русской рѣчи (nauce), польскому письму, молитвѣ и обрядамъ

---

[1]) *Иконниковъ*, Опытъ русской исторіографіи, I, 500.

[2]) Виленскій вѣстникъ, 1889 г. № 230: Историческій архивъ виленской римско-католической духовной консисторіи.

[3]) Выписи изъ актовъ виленской капитулы, № 65. 1573 г. 6 февр. (Опис. рук. отд. вил. публ. библ., I, прилож., стр. 59).

[4]) *Н. Дашкевичъ*, Люблинская унія и ея послѣдствія (Кіев. унив. извѣстія 1885 г. I, прим. 2). *Батюшковъ*. Волынь, 114.

[5]) Сочиненіе Михалона Литвина было написано въ 1550 г. для короля Сигизмунда Августа. Отрывки изъ него были напечатаны въ 1615 г. въ Базелѣ Грассеромъ подъ заглавіемъ: Michalonis Litvani de moribus Tartarorum, Lithvanorum et Moscorum fragmina decem, multiplici historia referta. Приведенный нами отрывокъ въ подлинникѣ читается: Gimnasiis literariis, dolendum, caremus. Literas Moscoviticas nihil antiquitatis complectentes, nullam, ad virtutem efficaciam habentes ediscimus, cum idioma Ruthenum alienum sit a nobis Lithvanis, hoc est Italianis, Italico sanguine oriundis». (Архивъ историко-юридическихъ свѣдѣній, относящихся до Россіи. Второй книги половина вторая (1854), 42—43 и пред. Повидимому, отсюда перепечатанъ русскій переводъ сочиненія въ Вѣстникѣ юго-западной и западной Россіи, 186$^{3}/_{4}$, VIII).

церковнымъ [1]). Мы не знаемъ, правда, какой приходъ открытъ епископомъ—католическій или уніатскій. Но будь это и православный, остается фактъ, что даже въ XVII ст. католическіе епископы въ краковскомъ діоцезѣ признавали за своими русскими хлопами право учиться родному языку.

Кромѣ языковъ, обычными предметами преподаванія въ католическихъ школахъ Польши и даже всей Европы до XVII в. были тѣ или другія науки, издавна вошедшія въ составъ системы семи свободныхъ наукъ, которая получила начало въ V в. отъ римскаго филолога Марціана Капеллы и закрѣплена была въ христіанской школѣ блаж. Августиномъ. Septem liberales artes распадались на двѣ половины—trivium и quadrivium. Въ первую входили грамматика, риторика, діалектика, во вторую — ариѳметика, геометрія, музыка и астрономія. Задачи каждой изъ этихъ наукъ такъ выражены въ одномъ школьномъ стихотвореніи:

Grammatyka czcić, pisać, dobrze uczy dziatki,
Dialektika zasie rozwięzować gadki.
Rhetoryka wymowy, Arithmetika liczy,
Musika zaś spiewania. A liczyć zaś gwiazdy
Astronomia uczy co czynić w czas każdy [2])...

Почти всѣ эти науки указалъ и Планъ, составленный краковскимъ университетомъ.

Конечно, подъ грамматикой въ польскихъ училищахъ XVI—XVII в. нужно разумѣть латинскую, которая одна въ то время и была научно разработана. Что до риторики, то замѣчательно, что большинство учебныхъ руководствъ по этому предмету, вышедшихъ въ Польшѣ въ XVI в., сводятъ ея задачи къ искусству письма (Modus epistolandi Яна Урсина, Яна Освѣцимскаго, Яна Эстикомпіана и т. д.), нѣкоторыя предлагаютъ правила стихосложенія (поэзія и риторика близки другъ другу) и только немногія посвящены искусству ораторской рѣчи. Таковы труды краковскаго профессора Гурскаго—De generibus dicendi liber, adolescenti dicendi studioso opus et utile et necessarium (1559 г.), De periodis atque numeris oratoriis libri duo (1558). Затѣмъ, извѣстны переложенія риторикъ Цицерона и Аристотеля:—Rtetorica ex omnibus M. Tullii Ciceronis Rhetoricis verbis ejusdem collecta. Opera Ioannis Herbesti, Cr., 1566, и Aristotelis de arte rhetorica libri tres. Carolo Sigoni interprete, 1577 [3]). Планъ не указалъ руководства по этой наукѣ, но, порекомендовавъ чтеніе De oratore Цицерона, направивъ учителей отъ комментаторовъ этого писателя къ нему самому.

Діалектика въ низшихъ школахъ проходилась лишь постольку, поскольку имѣла приложеніе къ риторикѣ, и въ учебникахъ послѣдней можно было найти и правила первой науки. Но кромѣ такого рода изданій, какъ Dialecticae et rhectoricae praecepta (1563. 1581), были

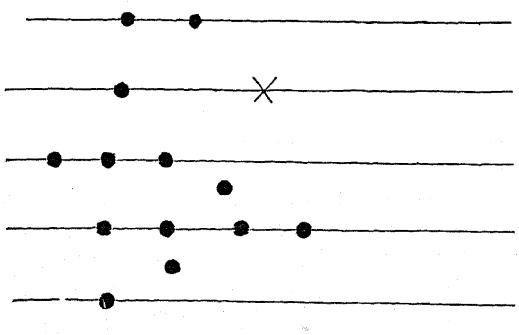
[1]) *Szaraniewicz*, Rzut oka na beneficya kościoła ruskiego za czasów Rp. polskiey (1875), стр. 12. 13.

[2]) *Maciejowski*, Piśmiennictwo polskie, III, 145.

[3]) *Łukasz.*, I, 90—92.

и спеціальные учебники діалектики, напр. Dialectica Ioannis Caesarei, 1569 г.

Польская литература XVI в. очень богата учебниками ариѳметики. Такъ, уже въ 1509 г. въ Краковѣ былъ изданъ Algorithmus [1]) Ioannis de Sacro Busto, выдержавшій до 1533 г. девять изданій. Затѣмъ, въ теченіе 1513—1562 г. вышло тринадцать изданій Algorithmus linealis магистра Іоанна изъ Ланцуты. Въ 1538 г. издана первая ариѳметика на польскомъ языкѣ ксендза О. Клоса—Algorithmus t. j. nauka liczby. Послѣ этого появились: De VI. arithmeticae practicae speciebus Henrici Glareani epitome и Algorithm, t. j. nauka liczby po polsku na liniach uczyniony, Bernarda Wojewodki, Krakow, 1553 г. (второе изданіе вышло тамъ же въ 1573 г. и третье въ Вильнѣ къ 1602 г.). Наконецъ, извѣстны намъ Arithmetices introductio ex variis authoribus concinnata (1556—1565) и Arithmetica linealis Бенедикта Гербеста, выдержавшая въ теченіе 1561—1577 гг. пять изданій.—Ариѳметика Клоса, которой мы пользовались [2]), представляетъ собой образецъ учебника ариѳметики линейной или колонной [3]). Отличіе ея отъ ариѳметики нелинейной состоитъ въ томъ, что въ послѣдней значеніе каждой цифры обусловливается тѣмъ мѣстомъ, какое занимаетъ она въ числѣ, а въ линейной ариѳметикѣ показателями значенія числа являются линіи, на которыхъ и распредѣляются—не цифры, а точки или кружки, подобно тому, какъ шарикъ на счетахъ обозначаетъ единицу, десятокъ, сотню и т. д. въ зависимости отъ того, на какой проволокѣ помѣщается. Для наглядности мы приведемъ примѣръ линейной записи числа.



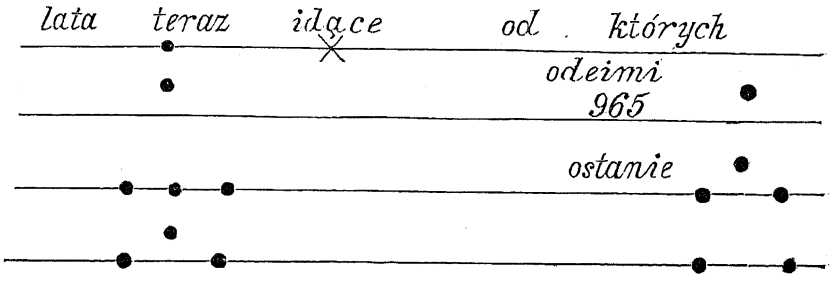
На нижней линіи помѣщаются единицы, на слѣдующей десятки, далѣе сотни, на линіи, обозначенной крестомъ, тысячи и т. д. Точка между первой и второй линіей равняется пяти, между второй и третьей—50 и т. д. Такимъ образомъ, все число должно прочитать 21396. Какимъ образомъ производились при такой системѣ ариѳметическія дѣйствія, учебникъ Клоса видѣть не даетъ и вообще онъ составленъ такъ нераціонально, что не могъ быть очень понятенъ для дѣтей безъ коммента-

[1]) «Algorithmus» происходитъ отъ имени провинціи Charism, уроженцемъ которой былъ авторъ цифровой арабской ариѳметики, жившій въ срединѣ IX в. и называвшійся Muhammed ibn Muza Alchwarizmi.

[2]) Она переиздана въ 1889 г. въ «Bibliotheka pisarzów polskich. Wydawnictwo Akademii Umiejętności w Krakowie». Въ предисловіи г. Баранецкаго перечислены почти всѣ указанныя нами польскія изданія ариѳметики. Ср. *Łukasz.*, I, 92 et sqq.

[3]) Происхожденіе колонной системы счета, которая представляетъ переходъ отъ системы предметныхъ счетовъ къ письменному закрѣпленію результатовъ ариѳметическихъ дѣйствій, выяснено въ статьѣ г. Мазинга: «Историческій очеркъ развитія счисленія» (Журн. мин. нар. просв., 1873, сент., 129—133).

ріевъ учителя. Да и начало его въ состояніи было подавить всякую мыслительную способность въ видахъ, вѣроятно, развитія памяти: въ немъ на 7—8 страницахъ помѣщена таблица умноженія, изъ которой ежедневно должно было заучивать наизусть по одному столбцу. Здѣсь мы встрѣчаемъ не только умноженіе единицъ на единицы, но и единицъ на десятки, единицъ на числа второго десятка, чиселъ второго десятка—но десятки (напр. 14×100=1400; 14×90=1260; 14×80=1120), единицъ на числа третьяго десятка (2×23=46; 3×23=69 и т. д.) и чиселъ третьяго десятка на десятки, чиселъ второго десятка на числа второго десятка и т. д., и т. д. Наконецъ, ученикъ долженъ былъ заучить рядъ частныхъ отъ дѣленій на 2 десятковъ и нечетныхъ чиселъ: 30 : 2=15, 50 : 2=25, 70 : 2=35, 90 : 2=45; 3 : 2=$1^1/_2$, 5 : 2=$2^1/_2$, 19 : 2=$9^1/_2$ и т. п. За этими таблицами слѣдуютъ §§ о дѣленіи на части римскаго фунта, о счетѣ и обозначеніи каждой цифры по мѣсту ея нахожденія въ ряду другихъ цифръ или на линіяхъ. Далѣе идутъ примѣры для произведенія на линіяхъ четырехъ ариѳметическихъ дѣйствій, безъ поясненія, какъ они совершаются. Такъ, напр.: Поляки приняли христіанство въ 965 г., теперь—1537 г. Отними—останется 572. На линіяхъ это такъ:



Далѣе сравненіе монетъ литовскихъ, польскихъ и другихъ. Съ 29 страницы начинается II часть—о тройномъ правилѣ въ цѣломъ числѣ и въ дроби (regula detri w całej i w łamanej liczbie). Съ 38 стр.—III часть—o rozmaitym rachunku na myńce i wage. Здѣсь: o towarzystwie regula, o porównaniu wag i mynć, wywrócona regula, regula nalezenia, łamanie łamaniu... Таковъ общій составъ Клосовской ариѳметики. Большое отличіе отъ нея представляетъ „Альгоритмъ“ Іоанна Сакро Бусто, списки съ котораго можно видѣть въ Имп. публ. библіотекѣ. Послѣ обычной похвалы ариѳметикѣ здѣсь идутъ главы: de numeratione, de additione, de subtractione, de mediatione, de duplicatione, de multiplicatione, de divisione, de progressione, de radicum extractione, de radicum extractione in numeris cubicis. Все одни правила безъ примѣровъ; образцы ариѳметическихъ дѣйствій посредствомъ системы линеекъ даны дальше, но опять-таки безъ надлежащихъ объясненій.

Руководствами по геометріи въ католическихъ школахъ могли быть: De lateribus et angulis triangulorum Николая Коперника (1542), а также Geometria to jest miernicka nauka po polsku krótko napisana z greckich

i łacinskich ksiąg etc., 1566 (Kr.) [1]). Были еще въ ходу рукописные учебники, какъ по ариѳметикѣ, такъ и по другимъ частямъ математики, каковъ, напр., курсъ математики, списанный въ 1629 г. и состоящій изъ ариѳметики (по Фризію), пасхаліи и геометріи, хранящійся въ Кіевософійской библіотекѣ подъ № 577 [2]). Но по пасхаліи были и печатные руководства,—Computi. Изъ самыхъ заглавій „Компутовъ“ и изъ предисловій къ нимъ видно, что въ низшихъ училищахъ подъ именемъ астрономіи часто выступала пасхалія именно, или что къ пасхаліи вся она сводилась. Таковы: Computus novus et ecclesiasticus totius fere astonomiae fundamentum pulcherrimum continens. Clericis nonminus utilis, quam necessarius (1518, Cr.). Computus jamjam ampliatus ac emendatus: continens perquam utile introductorium in Astronomiam (1530). Computus ecclesiasticus in pueriles quaestiones redactus manu, scalis, rotulis et figuris illustratus: omnibus studiosis utilis et necessarius. Authore Ioanne Spandenbergio (1552 и 1572). Benedicti Herbesti Neapolitani Computus, ex quo certum ejus artis usum, paucis hactenus cognitum, magnoque labore vix deprehensum, qui Ecclesiae tempora ignorare nolit, cognoscet [3]).

Должно, впрочемъ, замѣтить, что ариѳметика и пасхалія не были непремѣнными частями курса всѣхъ школъ. Краковскій синодъ 1621 г. относительно ихъ выразилъ только желаніе, чтобы онѣ изучались хотя въ училищахъ большихъ приходовъ [4]).

Послѣдней составной частью системы семи свободныхъ наукъ была музыка, т. е. церковное пѣніе, и ей Планъ, какъ мы видимъ, отводитъ приличное мѣсто.

Въ программѣ, составленной въ 1612 г. краковскимъ университетомъ, мы видимъ кромѣ того исторію. Предметъ этотъ былъ новостью въ курсѣ низшихъ и даже среднихъ училищъ и его не ввели еще тогда даже лучшія изъ тогдашнихъ школъ—іезуитскія. Изъ руководствъ университетомъ указаны Іустинъ и Флоръ, историки II ст. по Р. Х., Курцій и для болѣе зрѣлаго возраста—Саллюстій. Для отечественной исторіи служили Яницкій и Гербуртъ.

Конфессіональный характеръ католической школѣ XVI—XVII вв. придавало, конечно, изученіе церковныхъ обрядовъ и катихизиса. Въ XVI в. въ Польшѣ было извѣстно нѣсколько катихизисовъ. Наибольшей распространенностью пользовался во всемъ латинскомъ мірѣ катихизисъ іезуита Петра Канизія—R. P. Canisii S. I. Theologi Catechismus. Малый катихизисъ его издавался, между прочимъ, въ 1565, 1567, 1581, 1583, 1587 гг. [5]). Состоитъ онъ изъ пяти главъ: De fide et symbolo fidei, De

---

[1]) *Łukasz.*, I, 93. 94.

[2]) По листамъ этой книги есть надпись: «Ex bibliotheca Kievo-Mogilana». Но что это по прохожденію католическій учебникъ, доказываетъ слѣдующая фраза въ началѣ пасхаліи: «ars distinguendi annua tempora juxta debilum *ecclesiae catholicae* usum». Годъ написанія рукописи выводимъ изъ пасхалистическихъ примѣровъ. Рукопись неполная.

[3]) *Łukasz.*, I. 96. 97.

[4]) Reformationes generales, p. 46.

[5]) *Wierzbowski*, №№ 393, 429, 509, 2469, 2498.

spe et oratione Dominica, De charitate et decalogo, De sacramentis, De officiis justitiae christianae, изложенныхъ не болѣе, какъ на 12-ти страницахъ. Кромѣ катихизическаго ученія и краткой пасхаліи (doctrina brevis de calendis), къ нему обыкновенно присоединялись „на пользу юношеству“ нѣкоторыя географическія свѣдѣнія въ видѣ алфавитнаго списка названій городовъ, странъ и провинцій, а также система цифръ арабскихъ и римскихъ. Въ 1570 г. Малый катихизисъ Канизія былъ переведенъ Яковомъ Вуйкомъ на польскій языкъ [1]) и тогда же вышелъ другой польскій катихизисъ—Бенедикта Гербеста: Maluczki katechizm koscioła powszechnego, состоящій изъ двухъ частей. Вторая имѣла служить, очевидно, пособіемъ для учителей: она распространяетъ и осмысливаетъ содержаніе первой [2]). Краковскій университетъ рекомендовалъ въ 1612 г. греко-латинскій катихизисъ Канизія для школы и польскій—кардинала Беллярмина или Ледесмы [3]) для костела, гдѣ совѣтовалъ читать его наизусть въ праздничные дни въ присутствіи народа, въ формѣ вопросо-отвѣтовъ. Наизусть же ученики должны заучивать катихизисъ для отвѣта въ классѣ и это потому, что онъ излагаетъ чистое вѣро-и нравоученіе. Вмѣстѣ съ этимъ и университетъ, и синоды XVI в., и синодъ 1621 г. изгоняли всякія нечестивыя книги, откуда ученики могли почерпать мысли еретическія, атеистическія или баснословіе о ложныхъ богахъ или ненравственныя влеченія. Предписывалось избѣгать также и евангелій еретическихъ, написанныхъ стихами. Если же въ школѣ излагался какой либо языческій авторъ, то изъ него должно было выпустить все, могущее вредить нравственной чистотѣ. Христіанинъ долженъ знать прежде всего христіанское ученіе [4]). Изъ классическихъ моралистовъ наибольшимъ уваженіемъ пользовался Катонъ, потому что, хотя онъ былъ язычникомъ, говорится въ заключеніи одного изъ изданій его Distichia Moralia, но каждый изъ христіанъ могъ бы выучиться у него нравственнымъ обязанностямъ [5]).

Краковскій университетъ въ своемъ учебно-воспитательномъ планѣ тѣсно связываетъ съ программой ученія благочестіе и управленіе, изъ

---

[1]) *Łukasz.*, I, 336.

[2]) Катихизисъ Бен. Гербеста представляетъ одно изъ доказательствъ того, что поляки приняли христіанство въ восточной формѣ и долго ея держались: на картинкѣ, изображающей совершеніе крещенія, мы видимъ ясно выраженное намѣреніе ксендза погрузить младенца *въ купель* (л. 25 об. и 134). Экземпляръ Имп. публ. библ.—Другіе латино-польскіе катихизисы указаны у Iochera (№№ 2769 et sqq.).

[3]) Катихизисъ іезуита Ледесмы былъ переведенъ и на литовскій языкъ жмудскимъ каноникомъ Николаемъ Даукшею. *Вольтеръ*, Литовскій катихизисъ Н. Даукши, по изданію 1595 г. (Зап. Имп. акад. наукъ, т. 53, кн. II, введ., стр. XV, XVII). Извѣстенъ также греческій переводъ этого катихизиса—Διδασκαλία χριστιανική (Римъ, 1595 г. Bibliographie Hellénique s. XV et XVI, t. II, № 286).

[4]) Reformationes generales, 1621, p. 46.

[5]) *Iocher*, I, str. 151. Въ XVI в. въ одномъ Краковѣ вышло девять изданій Катона—по латыни и въ польскихъ поэтическихъ же переводахъ. Катонъ издавался здѣсь въ редакціи Эразма Роттердамскаго (*Iocher*, №№ 342—350).

каковыхъ элементовъ и слагается нормальный порядокъ школьной жизни. Для развитія въ ученикахъ нравственнаго настроенія онъ рекомендуетъ не только изложеніе христіанскаго ученія, но и возможно частыя увѣщанія къ добродѣтели во время уроковъ, при малѣйшемъ поводѣ. Понятно, что самые уроки должно было начинать молитвой, возможно чаще нужно было водить учениковъ къ обѣднѣ, а по праздникамъ привлекать ихъ и къ участію въ пѣніи. Надлежало ученикамъ почаще исповѣдываться и причащаться [1]), молиться, ложась спать и вставая, и стараться усвоить себѣ привычку предъ отходомъ ко сну испытывать свою совѣсть. Начальству школъ внушалось поддерживать дисциплину не розгами и нагайками, а умѣренными наказаніями. Такъ какъ при религіозно-нравственномъ воспитаніи всего сильнѣе могъ вліять на учениковъ примѣръ учителя или ректора, то требовалось, чтобы послѣдніе были людьми чистой нравственности и не заражены ересью. Въ виду этого настоятели костеловъ должны были при наймѣ учителя потребовать у него его исповѣданіе вѣры (согласно съ тридентскимъ соборомъ и буллой папы Пія IV) и осмотрѣть его библіотеку. А краковскій синодъ 1621 г. добавилъ, что учителя должны представлять планы своихъ занятій,—какихъ авторовъ они желаютъ излагать и какимъ методомъ [2]).

Высшій надзоръ за школами принадлежалъ въ каждой епархіи капитулѣ, которая время отъ времени и снаряжала для ревизіи ихъ архидіакона или схоластика. Ревизоры должны были вникать во всѣ стороны школьной жизни, въ случаѣ усмотрѣнія чего нибудь недозволительнаго и особенно еретическаго привлекать къ отвѣтственности настоятеля. Послѣдній былъ ближайшимъ начальникомъ школы и на его обязанности лежало какъ завести ее, такъ и пріискать учителя, содержать его и наблюдать за ходомъ ученія и воспитанія дѣтей, наказывать представленныхъ ему учителемъ непослушныхъ учениковъ и лично являться въ училище по крайней мѣрѣ дважды въ годъ.

Что до средствъ содержанія учителей, что они были чрезвычайно разнообразны. Всѣ учителя имѣли, конечно, готовое помѣщеніе, но размѣръ жалованія, начинаясь отъ 5 злотыхъ, доходилъ до 40 [3]). Кромѣ

---

[1]) Краковскій синодъ 1621 г. требуетъ этого не только отъ учениковъ, въ числѣ которыхъ включаетъ и пѣвчихъ, но и отъ учителей. (Reformationes generales, p. 46—47).

[2]) Reformationes generales..., 46. При исповѣданіи вѣры учителя давали обѣщаніе хранить неизмѣнно не только догматы католической церкви, но и ея каноны, преданія, постановленія, таинства, обряды (Constitutiones synodorum Dioecesis Vilnensis... Vilnae, 1633. De scholis).

[3]) *Łukasz.*, I, 454—461 въ прим. Польскій злотый или флоринъ въ 1505 г., когда онъ вошелъ въ обращеніе и когда онъ стоилъ 243½ нынѣшнихъ копѣекъ, къ 1629 г. упалъ въ цѣнѣ настолько, что сталъ равняться только 47½ коп. (*Н. Горбачевскій*, о. с., 133). Приведенные оклады жалованья заимствованы изъ визиты костеловъ и школъ краковскаго архидіаконата 1603 г. Что до западнорусскихъ собственно училищъ, то тамъ размѣръ жалованья не выступалъ за указанные предѣлы, но только переводился обыкновенно на копы литовскихъ грошей. Такъ, мы знаемъ, что юхновецкій учитель получалъ двѣ копы (*Przyałgowski*, о. с., II, 41). Копа—60. Литовскій грошъ въ 1505 г. стоилъ 10, 15 коп. и, постепенно понижаясь, дошелъ въ 1629 г. до 1,98 коп. (*Горбачевскій*, 146).

денегъ или вмѣсто нихъ учителя получали часто содержаніе натурою. Такъ, ректоръ семятичской школы получалъ половину сбора овса съ русскихъ крестьянъ деревни Чечелы. Въ Ярославѣ въ пользу клирика-бакаляра владѣлецъ Одровонжъ въ 1535 г. велѣлъ арендатору отпускать водку, фунтъ шафрану и 4 ф. перцу [1]). Какъ разнообразны были способы обезпеченія учителей фундаторами, можно видѣть изъ фундаціи школы въ Остапковичахъ. Здѣсь учителю прихожане, католики и православные, должны были платить по одному грошу въ Пасху и по одному въ праздникъ Михаила. Кромѣ того къ нему ежегодно поступалъ грошъ съ каждой извѣстной площади полей фундатора. Сверхъ того послѣдній давалъ учителю съ двумя учениками столъ; если почему-либо учитель не явился къ обѣду, ему присылались 4 хлѣба, кусокъ жаркого и кувшинъ пива стоимостью въ одинъ грошъ [2]). Наконецъ, учителя получали извѣстное вознагражденіе деньгами и натурой отъ своихъ учениковъ; бывало также, что въ случаѣ нужды учителя посылали ихъ для сборовъ съѣстныхъ припасовъ [3]). Ученики и въ своихъ интересахъ ходили подъ окнами съ пѣніемъ священныхъ пѣсенъ.

Чтобы полнѣе обрисовать жизнь р.-католическихъ школъ въ XVI и XVII ст., мы должны обратить вниманіе еще на одинъ фактъ. Нѣкоторыя приходскія школы учреждались главнымъ образомъ съ тѣмъ, чтобы при церкви былъ хоръ пѣвчихъ. Отсюда главной обязанностью ректора школы было— или самому учить дѣтей церковному пѣнію и игрѣ на органахъ (какъ было въ Ярославѣ) и присутствовать съ ними на богослуженіи, или подобрать кантора и пѣвчихъ (cantor et cantu ecclesiastico coadjutores, qui vulgo adolescentes nuncupantur). Католическія церковныя власти требовали, чтобы и самъ ректоръ былъ трезвеннымъ, прилежнымъ и умѣреннымъ, и избиралъ пѣвчихъ съ такими же нравственными качествами [4]). Такъ какъ канторъ съ пѣвчими былъ подчиненъ ректору, а ректоръ—плебану, то въ практикѣ школьно-костельной случались часто такія коллизіи: ректоръ и канторъ, оскорбленные или обиженные плебаномъ, отказывались отъ участія въ богослуженіи даже въ самые торжественные дни. Въ концѣ изслѣдуемаго нами періода такія явленія стали такъ часто повторяться, что краковскій діоцезальный синодъ 1621 г. относительно ослушниковъ постановилъ: лишать ихъ жалованія, а объ ихъ винѣ доносить офиціаламъ, которые подвергали бы ихъ отлученію, пока они не дадутъ клятвы повиноваться плебанамъ [5]).

Указанныя приходскія и каѳедральныя училища были по программѣ низшими ими въ лучшихъ случаяхъ средними. Но западная Россія еще

---

[1]) *Площанскій*, Наук. сборн., 1868, 217.

[2]) Akta Lwowskie, VI, № 121.

[3]) *Maciejowski*, Polska aż do pierwszej połowy XVII wieku pod względem obyczajów i zwyczajów. III, 30. 31.

[4]) Напр., львовскій синодъ 1593 г постановилъ, чтобы плебаны—scholas bene provisas et bene ordinatas habeant; praeceptores, cantores et juvenes modestos et non tabernarios (*Łukasz.*, I, 324, прим. l).

[5]) Reformationes generales..., p. 44.

до прибытія сюда іезуитовъ была знакома съ католическими учебными заведеніями высшаго сравнительно типа. Таково, прежде всего, кіевское, основанное во второй половинѣ XV в. генуэзцами, бѣжавшими сюда по разрушеніи Ѳеодосіи. Объ этомъ мы узнаемъ изъ рѣчи генуэзскаго посла къ королю Владиславу IV въ 1645 г. „Послѣ разрушенія Ѳеодосіи, говорилъ онъ, генуэзскіе бѣглецы обучали въ Кіевѣ, во владѣніяхъ короля польскаго, греческому и латинскому языкамъ и другимъ высшимъ наукамъ“ [1]).

Вторымъ училищемъ, носившимъ притомъ профессіональный характеръ, было училище гражданскаго права (praw cywilnych), заведенное въ Вильнѣ въ 1566 г. при костелѣ св. Яна, по иниціативѣ короля Сигизмунда Августа. Начальникомъ этой юридической академіи былъ кустосъ костела, архидіаконъ Петръ Роизій, читавшій право римское, саксонское и магдебургское; мѣстное литовское право излагалъ нѣкто Гроховскій, человѣкъ свѣтскій. Кромѣ нихъ было нѣсколько помощниковъ (correpetitores). Но черезъ 13 лѣтъ эта школа перешла въ руки іезуитовъ вмѣстѣ съ костеломъ св. Яна. Такъ передаетъ исторію ея Нарбуттъ, который и открылъ ея существованіе [2]).

Петръ Роизій, родомъ испанецъ, изъ знатной фамиліи Ruiz de Moros (онъ подписывался обыкновенно такъ: Petrus Maureus Royzius Hispanus Iurisconsultus), получилъ основательное юридическое образованіе въ Падуѣ и Болоніи. Въ послѣдней онъ самъ читалъ лекціи своимъ соотечественникамъ и пріобрѣлъ такую извѣстность, что въ 1542 году краковскій епископъ вызвалъ его для чтенія лекцій въ университетѣ. Послѣ 9-ти-лѣтняго профессорства въ Краковѣ, которое онъ сопровождалъ многочисленными литературными опытами [3]), Роизій, отклонивши приглашеніе императора Фердинанда въ Вѣну, перешелъ на службу къ королю Сигизмунду Августу, въ качествѣ придворнаго юриста. Съ званіемъ юрисконсульта онъ затѣмъ перешелъ въ Литву, гдѣ еще въ 1549 году получилъ крожскую плебанію, а скоро послѣ того мѣсто въ жмудской капитулѣ [4]). Въ 1563 г. Роизій поселяется въ Вильнѣ, гдѣ добивается званія каноника и архипресвитерства въ св.-янскомъ костелѣ, хотя и былъ и оставался до конца жизни діакономъ. Но не смотря на свои высокія должности, онъ въ душѣ больше тяготѣлъ къ учительскимъ занятіямъ, чѣмъ къ судейскимъ, больше желалъ jus docere, quam dicere: in schola interpretari, quam in foro reddere, doctor denique, quam cognitor esse [5]). Быть можетъ, эта любовь его къ научнымъ за-

---

[1]) *Narbutt*, VIII, 205. Въ числѣ ихъ называется какая-то «гуманистика».

[2]) *Narbutt*, IX, 481, прим. Подъ «литовскимъ» правомъ надо разумѣть литовско-русское, нашедшее себѣ выраженіе въ Литовскомъ Статутѣ (Encyklopedia powszechna, XXII, 207).

[3]) Большинство стихотворныхъ произведеній П. Роизія за это время вызвано свадебными торжествами и похоронами (Encykl. powsz., XXII, 207. 208).

[4]) Памятникомъ пребыванія Роизія въ жмудской капитулѣ остается сдѣланное имъ собраніе ея правъ и уставовъ—«Constitutiones Ecclesiae Mednicensis»(Рук. Имп. публ. библ. Лат. Q, II, № 426). *Ossolinski*, Wiadomości histor.-krytyczne, II, 162.

[5]) Decisiones Petri Roisii Maurei alcagnicen. regii jurisconsulti. Cracoviae, 1563 г.

нятіямъ въ области права, этой „науки добраго и справедливаго“, и, съ другой стороны, желаніе короля поднять въ Литвѣ изученіе права, особенно мѣстнаго (къ этому времени относятся заботы Сигизмунда II объ редакціи Литовскаго Статута), и обусловили появленіе юридической школы. Одновременно съ Роизіемъ жилъ въ Вильнѣ другой извѣстный правовѣдъ—докторъ права Ротундъ Милезій, получившій образованіе въ Виртембергѣ и отличавшійся любовью къ наукамъ. Очень правдоподобна потому догадка Лукашевича, что и онъ преподавалъ въ Роизіевской школѣ, хотя это не болѣе какъ догадка [1]).

У насъ нѣтъ данныхъ для сужденія объ устройствѣ школы Роизія и ея значеніи въ подготовкѣ полезныхъ для государства дѣятелей. Малая извѣстность ея писателямъ можетъ указывать на малую пользу ея для края. Осторожно отнесшійся къ сообщенію Нарбутта Крашевскій полагаетъ, что эта юридическая школа была чѣмъ-то въ родѣ частной „палестры“. „Такихъ школъ, говоритъ онъ, было, вѣроятно, и больше. Если мы правильно понимаемъ, то въ нихъ ученики учились практически, какъ ремесленники у мастеровыхъ. Такова была отчасти наука права или скорѣе традицій правовыхъ и судебныхъ даже въ болѣе просвѣщенныхъ странахъ. Подобнымъ образомъ учились и медики по большей части, хирурги, аптекари. Ученикъ проникался убѣжденіями и пріемами учителя, котораго и былъ образомъ или продолженіемъ, учился не систематически, а случайно“ [2]). Но предположеніе Крашевскаго было бы только тогда вѣрно, если бы не король заложилъ эту школу и если-бы здѣсь не преподавались ненужныя для юристовъ—практиковъ въ Литвѣ свѣдѣнія изъ римскаго и саксонскаго права. Но, тѣмъ не менѣе, мы не можемъ утверждать, чтобы эта школа долго существовала: даже 13-ти лѣтній періодъ, указываемый Нарбуттомъ, кажется намъ большимъ, такъ какъ Роизій, по смерти котораго св.-янскій костелъ перешелъ къ іезуитамъ, скончался въ 1571 г. [3]).

Таковы были образовательныя средства, которыми располагала въ западной Россіи католическая церковь. Они вообще не были скудны, но развились они и въ количественномъ и въ качественномъ отношеніи только со второй половины XVI в.. До этого же они были настолько недостаточны, что пришлось восполнить ихъ вызовомъ сюда іезуитовъ.

Письмо Роизія къ Сигизмунду Августу (въ предисл., стр. 20, ненумер.); ср. *Ossolinski*, Wiadomości histor.-krytyczne, II, 155. 161. 162. 205.

[1]) Hist. szkół., I, 66, прим. 2.

[2]) *Kraszewski*, IV, 4. 7.

[3]) *Krasz.*, II, 462—464. Письмо кардинала Коммендоне въ Римъ въ 1565 г. 18 янв. сообщаетъ намъ объ одномъ неизвѣстномъ, повидимому, біографамъ Роизія эпизодѣ изъ его жизни. Послѣдній возымѣлъ было въ 1564 г. желаніе возвратиться на родину и просилъ короля и папскаго нунція Коммендоне ходатайствовать предъ папой о дарованіи ему какой-нибудь духовной должности въ аррагонскомъ королевствѣ, гдѣ бы онъ могъ провести остатокъ дней. Нунцій рекомендовалъ его, какъ вѣрнаго сына костела и лучшаго правовѣда въ государствѣ, но желаніе Роизія почему-то не исполнилось. Онъ утѣшенъ былъ въ 1567 г. принятіемъ въ виленскую капитулу (*Albertrandi*, Pamiętniki o dawnej Polsce, II, 5. Опис. рук. отд. вил. публ. библ., вып. I, прилож., стр. 56).

ГЛАВА II.

Іезуитскія училища. Исторія ихъ.

Орденъ братьевъ Іисуса, учрежденный Игнатіемъ Лойолой, представляетъ замѣчательнѣйшее явленіе въ исторіи всего человѣчества. Основатель ордена первоначально хотѣлъ направить дѣятельность своихъ приверженцевъ противъ невѣрныхъ, т. е. мусульманъ, но такъ какъ оказалось, что въ самой Европѣ существовали болѣе грозные враги католической церкви, именно протестанты, то противъ послѣднихъ и противъ всякихъ проявленій либерализма и невѣрія и выступилъ новый орденъ. Орудія борьбы съ ними опредѣлялись цѣлью ордена, а послѣдняя такъ формулировалась въ утвержденіи ордена папой Павломъ III въ 1540 году: усовершеніе душъ въ жизни и ученіи христіанскомъ и распространеніе вѣры чрезъ публичную проповѣдь и служеніе слова Божія, духовныя упражненія, дѣла любви и особенно чрезъ христіанское обученіе дѣтей и необразованныхъ [1]). Послѣдняя цѣль, въ виду того вліянія, какое могло оказать школьное образованіе на цѣлыя поколѣнія молодежи, сразу же заняла въ орденскихъ конституціяхъ важнѣйшее мѣсто и, хотя орденъ былъ признанъ собственно нищенствующимъ, папы Павелъ III и Юлій III позволили ему принимать и владѣть имѣніями и доходами спеціально на содержаніе и обученіе молодежи; такое право было дано не всѣмъ резиденціямъ іезуитскимъ, а только коллегіямъ, т. е. тѣмъ колоніямъ, при которыхъ устраивались школы [2]).

Римскимъ папамъ нетрудно было увидѣть, какую силу могъ представить новый орденъ съ его школами, и они охотно предоставили іезуитамъ свободу повсюду основывать свои училища, даже высшія, съ привиллегіей производить въ ученыя степени баккалавровъ, магистровъ, лиценціатовъ и докторовъ [3]). И эти учебныя права іезуитовъ подтверждались всякимъ новымъ папой при его вступленіи на апостольскій престолъ.

---

[1]) Institutum S. I., Pragae, 1705, vol. I, p. 2. (Ср. утвержденіе ордена Юліемъ III въ 1550 г., p. 17).

[2]) Ibid., pp. 3, 17.

[3]) Юлій III (1552), Пій IV (1561), Пій V (1571), Григорій VIII и др. (Ibid. 22. 23. 27, 35, 59 et passim).

Покровительству папъ и энергіи своихъ первыхъ руководителей-генераловъ ордена іезуиты обязаны быстрому своему распространенію по всей Европѣ и по всему міру. Немало помогъ имъ въ этомъ тридентскій соборъ, гдѣ они хорошо познакомили съ своимъ уставомъ и своими цѣлями высшее католическое духовенство Европы. Высшіе представители католической церкви поняли, какую огромную услугу могутъ оказать латинству эти самоотверженные дѣятели, отрекшіеся отъ отечества, семьи и собственной воли и предавшіе себя всецѣло въ руки папы, и наперерывъ стали приглашать ихъ въ свои епархіи. Такимъ же образомъ совершилось и поселеніе ихъ въ предѣлахъ польско-литовскаго государства.

Мы уже видѣли, въ какомъ печальномъ положеніи находилось въ польско-литовскомъ государствѣ католическое образованіе въ половинѣ XVI столѣтія. Католическіе епископы пытались поднять его собственными силами, но это имъ не удавалось, какъ не смогли они реорганизовать и приспособить для болѣе успѣшной борьбы съ иновѣріемъ и краковскій университетъ. Оставалось одно—вызвать іезуитовъ. Мысль объ этомъ не была новостью. Еще на соборѣ въ Петроковѣ (1542—1544) было предположено пригласить іезуитовъ съ тѣмъ, чтобы они въ главныхъ городахъ (Краковѣ, Познани, Варшавѣ, Львовѣ, Вильнѣ) занялись воспитаніемъ молодежи для противодѣйствія ереси и возмѣщенія недостатка образованныхъ ксендзовъ [1]). Съ другой стороны, и самъ орденъ послалъ въ 1558 году въ Польшу одного изъ сочленовъ, Канизія, для изслѣдованія положенія мѣстныхъ дѣлъ. Онъ бесѣдовалъ здѣсь съ высшими духовными лицами, нашелъ, что вся страна заражена ересью, благодаря, главнымъ образомъ, нежеланію короля подавить послѣднюю насильственными мѣрами, но возвратился безъ опредѣленныхъ результатовъ своей миссіи [2]). Идею о вызовѣ въ польско-литовское государство іезуитовъ двинулъ впередъ папскій нунцій въ Польшѣ Коммендоне. Онъ убѣждалъ короля завести коллегіи іезуитовъ, какъ крѣпости вѣры (quasi praesidia religionis), въ главныхъ городахъ государства — въ Краковѣ, Вильнѣ, Львовѣ. Коммедоне удалось скорѣе привлечь къ дѣлу другое важное лицо въ государствѣ—польскаго кардинала и вармійскаго епископа Станислава Гозія [3]). Впрочемъ, послѣднему, возвратившемуся въ 1564 году съ тридентскаго собора, самому было очевидно, что безъ іезуитовъ не обойтись, и онъ просилъ генерала ордена Лайнеза прислать нѣсколькихъ членовъ ордена, и въ Брунсбергѣ въ 1565 году была основана первая въ Польшѣ іезуитская коллегія. Въ этомъ-же году епископъ плоцкій Андрей Носковскій, тоже не безъ внушенія со стороны Коммендоне, рѣшилъ основать іезуитскую коллегію въ своей епархіи, въ городѣ Пултускѣ, на что́ и получилъ отъ короля 8 октября позволеніе. Но такъ какъ Сигизмундъ Августъ признавалъ необходимымъ поддер-

---

[1]) *Bukowski*, Dzieje reformacyi w Polsce, I, 566, примѣч.

[2]) *Krasinski*, Geschichte des Ursprungs, Fortschritts und Verfalls der Reformation in Polen, 157.

[3]) *Любовичъ*, Папскій нунцій Коммендоне въ Польшѣ (Журн. мин. нар. просв. 1887, февр., 233).

жать чрезъ іезуитовъ „благочестіе и вѣру Христову“, то его привиллегія, адресованная на имя Носковскаго, имѣла и общее значеніе: король обѣщалъ ордену отъ себя и своихъ преемниковъ помощь и покровительство на пространствѣ всего государства [1]). Чрезъ 4 года іезуиты появились уже и въ предѣлахъ западной Россіи—въ Вильнѣ, и такимъ образомъ Брунсбергъ, Пултускъ и Вильна сдѣлались операціонными базисами іезуитовъ при ихъ распространеніи по всему польско-литовскому государству. А какъ быстро совершалось послѣднее, можно судить по тому, что уже въ 1574 году образовалась отдѣльная отъ австрійской польско-литовская іезуитская провинція, а въ 1608 году пришлось послѣднюю раздѣлить на двѣ самостоятельныя провинціи [2]).

Умноженію и процвѣтанію іезуитскихъ коллегій и школъ въ польско-литовскомъ государствѣ въ нашъ періодъ весьма много содѣйствовало и сочувствіе къ нимъ польскихъ королей, особенно Стефана Баторія и Сигизмунда III. Симпатіи къ іезуитамъ Баторія простирались до того, что онъ въ ихъ интересахъ не рѣдко допускалъ несправедливость въ отношеніи къ некатолическимъ исповѣданіямъ, хотя вообще отличался безпристрастіемъ, терпимостью и политическою мудростью [3]). Нѣкоторые объясняютъ этотъ фактъ такимъ образомъ: Баторій, говорятъ они, былъ полководецъ, приверженецъ строгой дисциплины и монархической формы правленія, въ разнузданномъ же польско-литовскомъ шляхетско-демократическомъ обществѣ іезуиты одни казались ему защитниками монархическаго принципа, уваженія къ закону, какое и проводили въ своихъ школахъ [4]). Возможно, что и это соображеніе имѣло значеніе, но имъ однимъ нельзя объяснить расположенности Баторія къ іезуитамъ: въ от-

---

[1]) *Albertrandi*, Pamiętniki o dawnej Polsce, II, 116—118; 245. 246. *Pieknorzccki*, Gratis plebański, 1627, 55. *Любовичъ*, Ж. М. Н. Пр., 1887, февр., 238.

[2]) Въ 1616 году польскую провинцію составляли домъ профессовъ и новиціатъ въ Краковѣ, коллегіи: познанская, калишская, люблинская, львовская, ярославская, сандомирская, луцкая, торнская, каменецкая, и резиденціи: данцигская, перемышльская, равская и кросенская, съ 459 членами ордена, а литовскую—дома профессовъ и коллегіи въ Варшавѣ и Вильнѣ, коллегіи: брунсбергская, пултуская, несвижская, полоцкая, рижская, дерптская, оршанская, ломжинская, крожская и резиденціи плоцкая и смоленская, съ 336 особами (*Łukasz.*, I, 126, прим. 1)

[3]) Въ 1581 году Стефанъ Баторій писалъ по поводу сожженія въ Вильнѣ протестантскихъ книгъ и нападенія школьниковъ и «гмина» на протестантскихъ министровъ, что хотя онъ желалъ бы, что бы всѣ обыватели исповѣдывали католическую вѣру, но все таки онъ противъ насилій въ дѣлахъ вѣры, ибо онъ знаетъ, что въ тѣхъ государствахъ, гдѣ вѣра утверждается насиліемъ, огнемъ, мечемъ, а не образованіемъ и добрыми обычаями, происходятъ кровопролитія и большія междоусобія (Письмо къ Август. Ротунду изъ-подъ Пскова, 26 сентября 1581 г. «Апокрисисъ». П. П. Л., II, 1111 sqq.). Исторія Польши блистательно оправдала Баторія. Извѣстенъ и еще случай, когда Баторій, отпуская въ 1585 г. типографа Родецкаго, арестованнаго за напечатаніе книги Франкена «Libri contra Trinitatem», въ письмѣ къ Станиславу Ташуцкому выразился, что онъ, ради процвѣтанія одной только католической религіи, готовъ пролить собственную кровь, но не располагаетъ употреблять для этого преслѣдованія или насиловать чужую совѣсть.... (*Sandius*, Bibliotheca anti-trinitariorum, 82. 83. 87.)

[4]) *Łukaszewicz*, Dzieje Kościołów Wyznania Helwieckiego w Litwie, I, 44, примѣч. I. *Baliński*, Dawna akademia Wileńska, 55.

ношеніяхъ короля къ нимъ яснѣе проглядываютъ другіе мотивы и, прежде всего, религіозный. Стефанъ Баторій былъ искреннимъ католикомъ и, слѣдовательно, считалъ своею нравственною обязанностью заботиться о распространеніи латинской церкви среди иновѣрцевъ и устроеніи душевнаго спасенія подданныхъ [1]). Въ іезуитахъ же онъ видѣлъ умѣлыхъ проповѣдниковъ католичества и способнѣйшихъ миссіонеровъ. „Такъ какъ, писалъ онъ іезуитамъ изъ-подъ Данцига въ 1577 году, орденъ вашъ кажется мнѣ весьма годнымъ для распространенія славы Божіей и царства Христова, то онъ всегда будетъ мнѣ милъ, и я докажу это не только на словахъ, но и на дѣлѣ [2])". Но, и не будучи убѣжденнымъ католикомъ, Стефанъ Баторій могъ поддерживать іезуитовъ изъ видовъ политическихъ, какъ представителей господствующей въ государствѣ религіи, — могъ дѣйствовать въ духѣ тѣхъ наставленій, какія преподалъ ему Янъ Соликовскій, привезшій ему въ Трансильванію извѣстіе объ его избраніи въ польскіе короли. И Баторій, дѣйствительно, заявлялъ въ жалованныхъ грамотахъ іезуитамъ, что святая католическая вѣра служитъ опорой и защитой противъ всякаго рода опасностей для государства [3]). Въ ней онъ видѣлъ средство для ассимиляціи новоприсоединяемыхъ областей и—основывалъ въ нихъ коллегіи (Дерптъ, Рига, Полоцкъ). Наконецъ, у Баторія былъ еще мотивъ къ содѣйствію успѣхамъ іезуитовъ,—желаніе пріобщить народности своего государства къ польско-католической культурѣ. Въ „Дневникѣ послѣдняго похода Баторія на Россію" записано объясненіе короля предъ полоцкой шляхтой по поводу отдачи имъ іезуитамъ нѣкоторыхъ городскихъ плацовъ. Онъ говорилъ шляхтѣ, что не для того поселяетъ здѣсь іезуитовъ, чтобы нарушать ея вольности и права, но чтобы они наставляли въ христіанской вѣрѣ и добрыхъ нравахъ и обычаяхъ (politioribus moribus) здѣшнихъ обывателей, которые не имѣютъ никакой гражданственности и ведутъ почти звѣрскій образъ жизни, и что іезуиты воспитаніемъ юношества прославились не только въ Польшѣ, но и на весь свѣтъ [4]).—Что до Сигизмунда III, то симпатіи этого „короля іезуитовъ" къ ордену объясняются тѣмъ, что онъ былъ воспитанъ іезуитами.

Но такъ какъ утвержденіе іезуитовъ въ томъ или другомъ городѣ обусловливалось не столько расположеніемъ къ нимъ королей, сколько матеріальными пожертвованіями частныхъ лицъ, то главная заслуга въ дѣлѣ распространенія по западной Россіи іезуитскаго просвѣщенія принадлежитъ не польскому правительству, а епископамъ съ капитулами и

---

[1]) Самъ Баторій относитъ къ своимъ обязанностямъ и то, чтобы утверждать подданныхъ въ истинной вѣрѣ и устраивать ихъ вѣчное спасеніе (см. привиллегію его виленской академіи 1 апр. 1579 г. и жалованную грамоту полоцкимъ іезуитамъ 2 янв. 1582 г.—*Baliński*, Akademia Wileńska, Dodatki, № 4; Витебская старина, V, ч. I, № 49).

[2]) *Rostowski*, Lithuanicarum Societatis Jesu historiarum provincialium pars prima, p. 59.

[3]) *Iana Dymitra Solikowskiego* Krótki pamiętnik rzeczy polskich. Przekład Syrokomli (1855), str. 26. 27. Вит. стар., V, I, № 49,

[4]) *Кулишъ*, Изъ исторіи Зап.-рус. церкви (Чт. въ общ. любит. дух. просвѣщ., 1877, I, 375, примѣч. 1.).

еще болѣе представителямъ польской и окатоличившейся русско-литовской аристократіи.

Виленская академія среди другихъ западно-русскихъ іезуитскихъ училищъ занимала первое мѣсто и по времени происхожденія, и по значенію. Идея открытія въ Вильнѣ іезуитской коллегіи принадлежала папскому нунцію въ Польшѣ кардиналу Коммендоне (1563—5 гг.). Онъ много разъ внушалъ эту мысль королю Сигизмунду. Капля долбитъ камень и—12 января 1565 г. Коммендоне извѣщалъ своего римскаго корреспондента кардинала Борромея, что Сигизмундъ Августъ даетъ въ Вильнѣ для помѣщенія іезуитовъ собственное зданіе, обширное и доходное, а также принимаетъ на себя издержки по устройству коллегіи и что король поручилъ ему написать Лайнезу, чтобы тотъ прислалъ полный комплектъ іезуитовъ, т. е. профессоровъ богословія, философіи, математики и иныхъ болѣе простыхъ и доступныхъ наукъ. Увлекаясь мыслію объ учрежденіи литовскаго университета, Коммендоне просилъ кардинала Борромея убѣдить генерала ордена принять предложеніе короля и назначить хорошихъ профессоровъ и проповѣдниковъ. Хотя одно время казалось, что политическія отношенія между Польшей и Литвой помѣшаютъ осуществленію проекта, но въ іюнѣ Коммендоне опять писалъ о полной готовности короля учредить въ Вильнѣ университетъ, который онъ намѣренъ поручить іезуитамъ, какъ опытнымъ и способнымъ людямъ; теперь это представлялось Коммендоне тѣмъ болѣе удобнымъ, что предъ тѣмъ умеръ главный покровитель протестантовъ виленскій воевода Николай Радивиллъ (Черный) [1]). Проектъ Коммендоне не осуществился, по той-ли причинѣ, что за его скорымъ выбытіемъ изъ Польши некому было вліять въ этомъ смыслѣ на короля или потому, что сами іезуиты нашли его пока неудобнымъ. Во всякомъ случаѣ, въ 1565 году генералъ ордена Фр. Боржіа посылалъ въ Вильну для ближайшаго ознакомленія съ мѣстными условіями Фр Суннера [2]).

Честь водворенія въ Вильнѣ іезуитовъ принадлежитъ по справедливости не кому другому, какъ виленскому епископу Валеріану Протасевичу Сушковскому, который употребилъ все, что было въ его власти, чтобы устроить въ столицѣ Литвы іезуитскую академію. Мы не совсѣмъ согласны съ принятымъ мнѣніемъ о томъ, что главнѣйшей и даже единственной цѣлью призванія имъ іезуитовъ было желаніе затормозить успѣхи протестантства [3]). Мы знаемъ, что этотъ епископъ, по перемѣщеніи съ луцкой каѳедры въ Вильну (1555), не заявлялъ особенной ревности къ католической церкви, такъ что капитула находила себя вынуждаемой напоминать ему объ его пастырскихъ обязанностяхъ [4]). Можно поэтому думать, что главнымъ мотивомъ къ призванію іезуитовъ была у Прота-

[1]) *Albertrandi*, Pamiętnik o dawnej Polsce, II, 10, 170, 246. (Listy Commendoni). См. также письмо Коммендоне къ Гозію отъ 10 янв. (*Н. Любовичъ*, Папскій нунцій Коммендоне въ Польшѣ—Журн. мин. нар. пр., 1887, февр., 238, прим. 3).

[2]) *Baliński*, Dawna akademia Wileńska, 29. 30.

[3]) *Kraszewski*, Wilno, I, 282. Encykl. powszechna, XXVII, 107.

[4]) 1557, 1559 гг. Выписи изъ актовъ виленской капитулы, №№ 22. 23 (Описаніе рукопис. отд. вил. публ. библ., вып. I, прилож., стр. 54. 55.) *Daniłowicz*, Scarbiec diplomatów..., № 2355.

севича не вѣра, а нѣчто другое, именно наука, просвѣщеніе. И, дѣйствительно, этотъ мотивъ проглядываетъ въ ходѣ самаго дѣла и весьма ясно выражается самимъ епископомъ въ его фундушовой записи на іезуитскую коллегію 25 августа 1578 г. „Такъ какъ мы давно уже замѣтили, говоритъ онъ здѣсь, что родинѣ (т. е. велик. княжеству литовскому), во всемъ великой, обильной и цвѣтущей, недостаетъ только одного,—что нѣтъ у нея никакихъ школъ и коллегій, гдѣ для славы Божіей и пользы Рѣчи Посполитой могли бы публично преподаваться добрыя науки, гдѣ молодежь могла бы получать образованіе, а люди возмужалые пріобрѣтать добродѣтель и учтивость (humanitatem), не тратя средствъ на поѣздки въ заграничныя училища, и такъ какъ мы видимъ, что въ то время, когда другія провинціи терпятъ въ этомъ не недостатокъ, а избытокъ, наша, въ которой, кромѣ католиковъ, есть много различныхъ отщепенцевъ и магометанъ, лишена этого блага, столь важнаго для церкви и государства, — то мы, обдумывая, чѣмъ бы могли быть полезны этой нашей родинѣ и матери, которая вознесла насъ на такую высоту чести и достоинства, порѣшили, съ согласія и совѣта нѣкоторыхъ лицъ, призвать іезуитовъ—людей извѣстныхъ и по учености и по благочестію [1])“... Правда, уже въ этомъ сквозитъ та мысль, что наряду съ общеобразовательными цѣлями призванія іезуитовъ у Протасевича были и другія—пропаганда истинной вѣры среди невѣрныхъ. Но иначе и быть не могло: школа почти во всѣ времена мыслилась въ союзѣ съ церковью. Понятно, что и Протасевичу, который не былъ реформаторомъ въ области педагогики и который притомъ носилъ санъ католическаго епископа, предстояло просвѣщать Вильну и Литву на основаніи латинской вѣры. Однако и у него, и у виленскихъ горожанъ, дѣйствовавшихъ заодно съ нимъ, интересы вѣры на первыхъ порахъ нѣсколько стушевывались предъ интересами знанія. Нѣтъ сомнѣнія, что іезуитовъ приглашали въ Вильну *прежде всего* съ цѣлью произвести въ Литвѣ умственный подъемъ, хотя бы и на почвѣ р.-католической религіи, а послѣ этого — парализовать успѣхи протестантства и подкопать схизму. Это уже другое дѣло, какъ поняли свою миссію сами іезуиты, переставившіе цѣли своего призванія одну на мѣсто другой и заявлявшіе, что Протасевичъ пригласилъ ихъ въ Вильну и воздвигъ училище, какъ крѣпчайшее оружіе противъ ересей и какъ нѣкую крѣпость воиновъ Христовыхъ, изъ коей бы, какъ изъ троянскаго коня, выходили отряды защитниковъ церкви. Они и сами смотрѣли на себя, какъ на псовъ, призванныхъ оберегать стадо Христово отъ расхищенія его хищными волками—протестантами, и другимъ внушили эту же мысль [2]).

Хлопоты еп. Валеріана по устройству въ Вильнѣ коллегіи начались съ 1567 г. Поводомъ къ этому послужило намѣреніе кальвинистовъ завести здѣсь высшую школу. Боясь, чтобы общественное образованіе не перешло въ ихъ руки и чтобы вмѣстѣ съ тѣхъ протестанты не совратили всю его паству, Протасевичъ завязываетъ съ кардин. Гозіемъ пере-

---

[1]) *Łukasz.*, IV. 11—12, въ примѣч.

[2]) *Petri Scargae*, Pro sacratissima eucharistia contra haeresim Zwinglianam, 1576, Посвященіе В. Протасевичу и Юрію Радивиллу, коадъютору.

писку чрезъ виленскаго войта Августина Ротунда Милезія. Съ призваніемъ іезуитовъ въ Вильнѣ заторопились и для ихъ помѣщенія уже приторговывали домъ умершаго архидіакона Ясинскаго, а для содержанія будущей коллегіи епископъ рѣшилъ купить у короля мѣстечко Мейшаголы съ принадлежащими къ нему деревнями. Но въ Брунсбергѣ не спѣшили, и вотъ Милезій въ новомъ письмѣ (3 янв. 1568) настойчиво убѣждаетъ Гозія посодѣйствовать присылкѣ въ Вильну іезуитовъ, прежде чѣмъ прибудутъ вызванные Бландратой протестантскіе ученые и возьмутъ въ руки воспитаніе дѣтей всей Литвы. Милезій сообщалъ о Протасевичѣ, что онъ все уже приготовилъ для пріема и обитанія іезуитовъ и ничего такъ не желаетъ, какъ дождаться того дня, когда ему удастся „услышать своими ушами голосъ ихъ, проповѣдующихъ слово Божіе и публично учащихъ наукамъ“ (literas publice docentium). Вмѣстѣ съ тѣмъ Ротундъ писалъ, что и многіе еретики ждутъ съ нетерпѣніемъ іезуитовъ, чтобы избавиться отъ расходовъ на посылку дѣтей за границу [1]).

Но, оказалось, не все еще было готово: вышеупомянутый домъ Ясинскаго купленъ былъ только 1 іюля 1568 г. Въ этотъ только день домъ повѣреннымъ наслѣдниковъ Ясинскаго былъ проданъ епископу за 4 тысячи копъ лит. грошей и послѣднему былъ врученъ „увяжчій листъ“. Замѣчательно, что при этомъ продавецъ поставилъ условіе: „князь бискупъ его милость кн. Валеріянъ“ и его преемники „не маютъ того дому за живота и по животехъ своихъ ни на што иного держати, ани оборочати, одно на пожитокъ речи посполитое земское тутошнего панства великаго князства литовскаго для наукъ и цвичэнья въ немъ сыновъ земскихъ и иныхъ и всякихъ обчихъ, т. е. меновите на колеиумъ докторовъ товариства езуитовъ и иныхъ людей ученыхъ послушенства вѣры и костела св. Рымского, которыхъ князь бискупъ его милость до того панъства и до места Виленьского призвати и въ томъ дому мешканемъ ихъ уфундовати и осадити умыслилъ [2])“... Мы, къ сожалѣнію, лишены возможности судить, выражалось ли въ этомъ условіи Ясинскаго его лич-

---

[1]) *Łukaszewicz*, I, 120, примѣч. 1. Слухъ объ этихъ переговорахъ разошелся по Польшѣ и далъ поводъ папскому нунцію Юлію Руджіери сказать въ своемъ донесеніи о положеніи Польши (1568), что іезуиты заложили три коллегіи: въ Вильнѣ, Брунсбергѣ, Пултускѣ и приносятъ огромную пользу, проповѣдуя, научая и воспитывая множество дворянскихъ дѣтей въ своихъ школахъ, въ которыя даже еретики отдаютъ своихъ сыновей для избѣжанія, какъ они говорятъ, расходовъ на учителей (Relacye nuncyuszów apostolskich i innych osób w Polsce, I, 193. 194; id. *Bobrowicz*, Zbior pamiętników o dawnej Polsce, III, 10). Послѣдняя фраза—передача своими словами одного мѣста изъ письма Ротунда къ Гозію отъ 3 янв. 1568 г.

[2]) А. В. А. К., XX, № 21. Это требованіе 28 сентября Михаилъ Ясинскій (наслѣдникъ архидіакона) дополняетъ такой статьей: «а где бы тая братья закону езуитовъ неякo въ тотъ край и до того мѣста прійти и въ немъ осѣсти воли не мѣли, тогды тотъ домъ ни нашто иного, одно предъ се на колеиумъ иншихъ докторовъ и людей учоныхъ, а ку наукамъ и цвиченью сыновъ земскихъ подле обычаю колеиумъ иншихъ местъ держанъ и хованъ быти маетъ, веры християнское повшехное и послушенства святое столицы апоштольское рымское а не инакшихъ вѣръ, а ни законовъ». (А. В. А. К., XX, № 23; id.—Арх. сб., III. № 20.)

ное желаніе содѣйствовать устроенію учебнаго католическаго заведенія въ Вильнѣ и самостоятельно выработанное имъ представленіе объ іезуитахъ, какъ наставникахъ по преимуществу, или то и другое было внушено ему епископомъ, что, судя по условію, очень вѣроятно. Въ такомъ случаѣ здѣсь заключается подтвержденіе той нашей мысли, что для еп. Валеріана нужны были больше преподаватели, чѣмъ миссіонеры, и ихъ онъ искалъ въ іезуитахъ. А знакомство съ образованнѣйшими вильнянами—войтомъ и королевскимъ секретаремъ Августиномъ Ротундомъ, „докторомъ обойга права“, и „Сымономъ Милецыюсомъ, докторомъ философіей въ лекарстве“ (sic!) [1]), могло только поддержать его въ его просвѣтительныхъ замыслахъ.

Между тѣмъ переписка между Вильной и Брунсбергомъ продолжалась; въ ней принялъ личное участіе и самъ Протасевичъ: онъ 20 авг. 1568 г. написалъ два письма къ Гозію и въ брунсбергскую коллегію съ приглашеніемъ къ себѣ членовъ ордена. Австрійскій провинціалъ Маджіо тоже торопилъ іезуитовъ, указывая на старость Протасевича, на множество ересей въ Вильнѣ и на попытку сектантовъ устроить тамъ свою гимназію, каковой замыселъ всего легче можетъ быть разстроенъ ихъ появленіемъ въ городѣ. [2]) Наконецъ, въ сентябрѣ 1569 г. Вильна съ любопытствомъ встрѣтила четырехъ первыхъ іезуитовъ, сопутствуемыхъ военной силой, прикомандированной епископомъ для ихъ защиты отъ протестантовъ, которые, какъ ходили слухи, готовились напасть на нихъ. Въ числѣ первыхъ іезуитовъ было два духовныхъ и два лаика (непосвященныхъ); сопровождалъ ихъ викарій провинціала Суннеръ [3]).

Въ Вильнѣ іезуитовъ уже ждала готовая квартира, расчитанная на 30 человѣкъ и снабженная всѣмъ необходимымъ. Къ коллегіи были приписаны имѣнія, могущія снабжать провизіей около 40 обитателей. Но первоначальный фундушъ епископъ и капитула увеличивали съ каждымъ годомъ и въ 1573 году виленскіе іезуиты владѣли шестью селами изъ епископскихъ столовыхъ имѣній (Мѣдниками или Каменнымъ Лохомъ, Бѣнюнцами, Носковцами, Пильцюнами, Меречью и Рикойной), фольваркомъ Дворищемъ, заставленнымъ епископу за 3 тыс. коп. лит. грошей Николаемъ Христофоромъ Радивилломъ, двумя тысячами коп. лит. грошей ежегоднаго дохода съ имѣнія Ширвинты, св.-янскимъ костеломъ съ дворомъ, двумя плацами противъ епископскаго дворца и двумя алтарями въ Мейшаголахъ [4]). Ко всему этому іезуиты присоединили нѣ-

---

[1]) А. В. А. К., XX, № 21.

[2]) *Rostowski*, 30—32.

[3]) *Kojałowicz*, Miscellanea, 68. 69. *Rost.*, 33. 34. Лукашевичъ (I, 122, прим. 1) и Нарбуттъ (IX, 480) ошибочно полагаютъ, что іезуиты введены были въ Вильну только въ іюнѣ-іюлѣ 1570 г. То письмо Маджіо, на которое ссылается первый, указываетъ, очевидно, на приглашеніе Маджіо къ торжественному открытію коллегіи.

[4]) Выписки изъ протоколовъ капитулы отъ 3 октября 1569 года и 6 февраля 1573 г., №№ 42, 65. (Опис. рукоп. отд. вил. публ. библіотеки, вып. I, прилож., стр. 56 и 59). Письма епископа Протасевича къ Н Хр. Радивиллу отъ 10 мая и 18 іюня 1570 г., 9 іюля 1571 г., 31 мая 1572 г. (Рукописи Импер. публ. библіотеки, Пол. F, IV, № 184. Копіи.) *Rostowski*, 37. А. В. А. К., XIV, № 31. *Iaroszewicz*, III, 213.—Передача янскаго костела іезуитамъ совершилась не безъ препятствій. Облюбовавъ этотъ храмъ, какъ находив-

сколько домовъ, купленныхъ ими вблизи коллегіи на пожертвованныя имъ денежныя средства [1]).

Оффиціальное открытіе виленской коллегіи и школы совершилось только въ началѣ іюля 1570 года при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Австрійско-польскій провинціалъ Маджіо началъ торжество рѣчью, въ которой благодарилъ еп. Валеріана за его расположеніе къ іезуитамъ и надѣялся, что скоро латинство, чрезъ воспитаніе юношей въ католическомъ духѣ, возстановится въ краѣ. Растроганный старецъ въ своемъ отвѣтѣ выразилъ радость по поводу осуществленія своего давняго желанія и обѣщалъ и впредь не оставлять іезуитовъ, этихъ „героевъ Христа“, какъ онъ ихъ назвалъ, и угостилъ ихъ обѣдомъ. Чрезъ нѣсколько дней онъ посѣтилъ коллегію и здѣсь вторично былъ привѣтствованъ братьями и учащимися рѣчью на латинскомъ языкѣ и стихами на еврейскомъ и греческомъ, въ которыхъ выражалась благодарность епископу отъ имени учреждающихся коллегіи и гимназіи. Затѣмъ Янъ Гай, учитель риторики, держалъ къ молодежи, сколько ея тамъ уже собралось, рѣчь о пользѣ свободныхъ наукъ и ихъ достоинствѣ; наконецъ, остальные профессора восхваляли въ рѣчахъ каждый свою науку. Но число учениковъ въ открытой такъ торжественно гимназіи на первыхъ порахъ было очень невелико: повидимому, населеніе города, состоявшее болѣе чѣмъ на половину изъ протестантовъ и православныхъ, было предубѣждено противъ іезуитовъ; притомъ же о новой школѣ не знала ничего провинція. Въ виду послѣдняго обстоятельства епископъ Валеріанъ, которому, до назначенія Стан. Варшевицкаго (3 окт. 1570 г.) ректоромъ коллегіи и, слѣдовательно, школы, принадлежали ближайшій надзоръ и забота о послѣдней, разослалъ по Литвѣ письма, въ которыхъ сообщалъ шляхтѣ, что въ Вильнѣ открыта для общей пользы гимназія, — пусть туда посылаютъ своихъ дѣтей, такъ какъ въ ней только они могутъ получить приличнѣйшее образованіе: учителя ея—избраннѣйшіе мужи, съ ученостію соединяющіе благочестіе. Къ 8 мая желательно было бы, писалъ епископъ, видѣть въ гимназіи какъ можно большее число юношей. Съ своей стороны сами іезуиты принимаютъ мѣры къ тому, чтобы зарекомендовать себя мѣстному населенію съ хорошей стороны. Перешедшій къ нимъ св.-янскій костелъ они украшаютъ наилучшимъ обра-

---

шійся ближе другихъ къ коллегіи, іезуиты, не желавшіе строить своего (хотя для этого у нихъ уже имѣлись деньги и плацъ), обратились черезъ посредство еп. Валеріана къ его настоятелю Роизію съ предложеніемъ уступить костелъ: взамѣнъ его епископъ обѣщалъ дать Роизію не менѣе богатый костелъ. Но добродушный старикъ почему-то не взлюбилъ іезуитовъ и отказалъ имъ. Мало того, боясь, вѣроятно, подрыва для своихъ школъ со стороны іезуитовъ, онъ предостерегалъ родителей отъ посыланія дѣтей къ іезуитамъ. Тѣмъ не менѣе іезуиты чарезъ посредство королевы Анны, нунція и Протасевича выхлопотали право овладѣть костеломъ по смерти Роизія. Послѣдній къ большой радости іезуитовъ не заставилъ долго себя ждать (+26 апр. 1571) и костелъ перешелъ къ нимъ. Впрочемъ, у іезуитовъ еще долго продолжались пререканія и съ капитулой и съ магистратомъ (Выпись изъ актовъ капитулы, №№ 52, 54, 55. 90 — Опис. рук. отд. вил. публ. библ., вып. 1, прил., стр. 58. 61. *Rostow.*, 44. 46. *Krasz.*, II, 437. Encykl. powsz., XXVII, 80. *Любовичъ*, Къ исторіи іезуитовъ въ лит.-рус. земляхъ въ XVI ст., 6, 7 и прим. 1).

[1]) А. В. А. К., XX, №№ 24, 25, 34, 35, 42, 99.

зомъ, упорядочиваютъ богослуженіе, музыку, организуютъ непрерывную почти проповѣдь на четырехъ языкахъ: польскомъ, нѣмецкомъ, итальянскомъ и латинскомъ. Случай-же и хитрость помогаютъ іезуитамъ принизить авторитетъ протестантовъ: послѣ перваго диспута съ кальвинистами, на который ихъ вызвалъ Андрей Воланъ, они стали практиковать публичные диспуты съ протестантами различныхъ толковъ, замѣняя отсутствующихъ оппонентовъ своими сочленами. Понятно, что подставные Кальвинъ, Арій, Лютеръ и Цвингли терпѣли всегда пораженіе [1]). Все это подняло репутацію іезуитовъ и значительно увеличило контингентъ учениковъ. Но правильное ученіе, едва начавшись осенью 1571 г., скоро опять затормозилось: благодаря разразившемуся въ городѣ повѣтрію, іезуиты должны были распустить школу, лишившись вмѣстѣ съ тѣмъ дѣятельнаго проповѣдника и преподавателя грамматики Луки Красовскаго. Возобновленіе ученія сопровождалось извѣстнымъ договоромъ іезуитовъ съ капитулой (4 февраля 1572 г.). Но своего обязательства—отсылать въ каѳедральную школу мальчиковъ, не знающихъ грамматики Доната, іезуиты не выполняли и продолжали пополнять свою гимназію на счетъ каѳедральнаго училища, какъ видно изъ вторичной жалобы капитулы отъ 12 декабря [2]).

Дальнѣйшая исторія іезуитской гимназіи до 1578 года въ повѣствованіи іезуитскихъ историковъ, напр. Ростовскаго, совершенно заслоняется общей жизнью коллегіи, ея отношеніями къ событіямъ политическимъ и церковнымъ. Дѣятельность виленскихъ іезуитовъ на этомъ поприщѣ хотя и имѣла нѣкоторое отношеніе къ педагогической сторонѣ, создавая славу іезуитскихъ ученыхъ и ихъ школъ, но прямо вліять на ходъ учебныхъ занятій не могла. Послѣднія шли своимъ чередомъ, пока гимназія не была преобразована въ академію. Но здѣсь мы должны сдѣлать оговорку: называя, вслѣдъ за Ростовскимъ, первоначальное іезуитское училище въ Вильнѣ гимназіей, мы утверждаемъ, что оно не было обычной пятиклассной общеобразовательной школой. Мы находимъ нѣкоторыя основанія думать, что въ Вильнѣ еще до открытія академіи существовали высшіе курсы. Что здѣсь читалась, въ частности, философія, въ этомъ убѣждаетъ насъ дарственная запись на коллегію еп. Валеріана отъ 25 августа 1578 года, въ которой онъ выражаетъ желаніе, чтобы въ будущей академіи читались лекціи не только по философіи, „какъ уже началось“, но и по богословію. Сохранилось и имя перваго профессора философіи Ѳомы Зделаритца, словака, ученаго лингвиста [3]). Съ самаго же начала, вѣроятно, еп. Валеріанъ обѣщалъ ввести въ преподаваніе и богословіе и кое-что было имъ сдѣлано для этого, хотя, кажется, богословскіе предметы не были выдѣлены въ особые курсы [4]). И

---

[1]) *Rostowski*, 39—43, 46.

[2]) Выпись изъ актовъ капитулы, № 60 (Опис. рукоп. отдѣл вил. публ. библ., вып. I, прилож., стр. 58). *Baliński*, 45.

[3]) *Łukasz.*, IV, 13 въ прим. *Baliński*, Akademia 40. 41. 61. 420.

[4]) Въ 1576 году Скарга говорилъ, обращаясь къ епископу: «Nec hactenus in instituenda etiam S. Theologiae exactiore professione, desinis esse de aliqua accessione solicitus» (*Petri Scargae*, Pro sacratissima eucharistia, посвященіе).

это тѣмъ болѣе должно допустить, что иначе не достигалась бы главная цѣль, ради которой были вызваны іезуиты — религіозное въ католическомъ духѣ образованіе юношества, такъ какъ вѣроученію въ гимназіяхъ іезуитскихъ было отведено самое ничтожное мѣсто [1]). За это-же говоритъ и заявленіе еп. Валеріана въ письмѣ къ папѣ, что въ виленской академіи за время ея существованія число классовъ возросло дивнымъ образомъ, при ревностномъ занятіи іезуитовъ изложеніемъ богословія, философіи и свободныхъ, моральныхъ и греческихъ наукъ [2]). Во всякомъ случаѣ, когда Протасевичъ и іезуиты желали имѣть въ Вильнѣ академію, то они добивались не права читать здѣсь тѣ или другіе предметы философскихъ и богословскихъ курсовъ, такъ какъ ихъ можно было преподавать въ любой коллегіи, а права давать ученыя степени и, главное, — титула академіи.

Проектъ устройства въ Вильнѣ не простой іезуитской коллегіи, а академической, существовалъ уже въ 1564—5 годахъ у Коммендоне и короля Сигизмунда Августа. Къ нему примкнулъ и еп. Валеріанъ, вызывая іезуитовъ. По крайней мѣрѣ Маджіо свидѣтельствовалъ въ 1568 году, что Протасевичъ намѣренъ учредить въ Вильнѣ католическую академію, въ противовѣсъ протестантскимъ попыткамъ поднять свою школу [3]). И хотя по независѣвшимъ отъ Протасевича обстоятельствамъ пришлось на первыхъ порахъ довольствоваться низшимъ училищемъ, но своей мысли епископъ не оставилъ, понимая, что въ академію или университетъ охотнѣе будутъ стекаться толпы учащейся молодежи [4]), и много лѣтъ просилъ короля о дарованіи виленской коллегіи титула академіи [5]). Но добиться послѣдняго епископу удалось только въ 1578 году при королѣ Стефанѣ. Въ своемъ дипломѣ на академію, датированномъ 7 іюля, Баторій заявляетъ, что, раздѣляя мысль еп. Валеріана о томъ, какъ много прибавилось бы славы и пользы литовскому княжеству, если бы виленская коллегія іезуитовъ получила права университета, т. е., если-бы въ ней могли быть раздаваемы ученыя степени баккалавровъ и магистровъ свободныхъ наукъ и философіи и лиценціатовъ и докторовъ богословія, такъ чтобы дана была возможность получать дешево образованіе не только туземцамъ, но и жителямъ сосѣднихъ странъ—еретическихъ и схизматическихъ, которые могли бы учиться здѣсь въ като-

---

[1]) Въ IV классѣ на изученіе катихизиса полагалось не болѣе получаса въ недѣлю (*Łukasz.*, I, 243).

[2]) Булла п. Григорія XIII отъ 19 окт. 1579 г. (*Łukasz.*, IV, 6, примѣч. I; id.—*Baliński*, Akademia Wileńska, Dodatki, № 3).

[3]) *Rostowski*, 32; cf. 37.

[4]) *Theiner*, Annales ecclesiastici, III, № 57. Письмо Протасевича къ папѣ отъ 29 окт. 1579 г.

[5]) *Iana Dymitra Solikowskiego* Krótki pamiętnik rzeczy polskich. 1855, str. 54. Что Протасевичъ, учредивъ гимназію, не считалъ своего дѣла законченнымъ, на это можетъ указывать и письмо къ нему Ник. Христ. Радивилла, отъ 16 іюня 1574 г., который обѣщалъ содѣйствовать епископу «особенно въ начатомъ его милостью предпріятіи относительно іезуитской коллегіи и записать на нее свое имѣніе Дворище, какъ только дѣло будетъ кончено и конфирмовано королемъ». Archiwum domu Radziwiłłów (Scriptores rerum polonicarum, VIII), № 2.

лическомъ духѣ, — онъ, король, охотно уступаетъ виленской коллегіи всѣ права и привиллегіи, какими владѣютъ академіи и пользуются коллегіи въ прочихъ христіанскихъ странахъ. Именно Баторій разрѣшилъ ей возводить въ ученыя степени различныхъ наукъ, кромѣ медицины и гражданскаго права, давъ будущимъ баккалаврамъ, магистрамъ и докторамъ тѣ же права, какими пользовались до того удостоенные этихъ званій краковскимъ университетомъ, освободилъ ее и ея имѣнія отъ всякихъ повинностей, а корпорацію и учащихся — отъ всякихъ податей и подсудности городскимъ и замковымъ властямъ и судамъ. Право суда надъ ними усвоялось ректору коллегіи, а въ болѣе важныхъ случаяхъ канцлеру академіи или „защитнику“ (defensor). Канцлеромъ былъ назначенъ виленскій епископъ, защитникомъ—жмудскій [1]).

Новое положеніе виленской коллегіи требовало, разумѣется, усиленныхъ расходовъ по ея содержанію, и епископъ Валеріанъ увеличилъ средства новыми пожертвованіями, закрѣпивъ всѣ ихъ фундушовой записью 25 августа 1578 года. Изъ нея мы узнаемъ, что еп. Протасевичъ съ капитулой въ теченіе десяти лѣтъ передалъ іезуитамъ, кромѣ того, что было указано нами выше, еще слѣдующія имущество и доходныя статьи: три дома, обращенные на площадь, прилегавшую къ коллегіи съ сѣверной стороны, плацъ на другомъ берегу Виліи, безпошлинный помолъ на епископскихъ мельницахъ и три имѣнія, перешедшія къ епископу за неуплату ссуды. Въ слѣдующемъ году іезуиты, воспользовавшись пріѣздомъ въ Вильну короля Стефана, который былъ такъ любезенъ, что посѣтилъ ихъ школу, обратились къ нему съ просьбой подтвердить дарственную запись Протасевича и свой дипломъ на академію. Король согласился и 1 апрѣля 1579 подтвердилъ то и другое [2]), хотя и встрѣтилъ сильное сопротивленіе со стороны литовско-русскихъ сенаторовъ и въ частности канцлера Н. Радивилла и подканцлера Евст. Волловича, которые не хотѣли приложить къ документу печати великаго княжества литовскаго, пока король не пригрозилъ послѣднему, что совсѣмъ отниметъ ее у него. Король, возмущенный упорствомъ пановъ, велѣлъ передать имъ, что ему „противна свобода, которая не хочетъ ни

---

[1]) Текстъ привилея напечатанъ въ «Academia et Universitas Vilnensis S. I», 1738, № 1, а также у Крашевскаго (IV, 43. 44), Лукашевича (IV, 2, прим.), Балинскаго (Akad., Dodatki, № 1), Онацевича (Panowanie Henryka Walezyusza, Stephana Batorego królów polskich. Z rękopismów Albertrandego podług wydania Z. Onacewicza. Krakow. 1849, str. 319).

[2]) Текстъ фундушовой записи Валеріана Протасевича, утвержденной королемъ 1 апрѣля 1579 г. и затѣмъ 23 февр. 1585 г. на варшавскомъ сеймѣ, съ освобожденіемъ всего имущества коллегіи отъ всякихъ податей и повинностей, государственныхъ и городскихъ,—у *Łukaszewicza*—IV, 10, примѣч. 1; см. также Academia et Universitas Vilnensis S. I., № 4, и *Baliński*, Dodatki, № 2. Текстъ диплома на академію—у Łukaszewicza, IV, 3, прим. 1; Онацевича, о. с., 324.—Второй привилей на академію, составленный королевскимъ секретаремъ Соликовскимъ и представляющій распространеніе королевскаго диплома 7 іюля 1578 г., хотя датированъ 1 апр. 1579 г., на самомъ дѣлѣ былъ опубликованъ чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ, по возвращеніи короля Стефана изъ-подъ Полоцка, быть можетъ, въ виду важныхъ военныхъ и политическихъ дѣлъ, занимавшихъ короля, а также—несочувственнаго отношенія къ іезуитамъ литовско-русскихъ пановъ (*Baliński* 69, прим. 1).

сама просвѣщаться, ни быть просвѣщаемой. Недоумѣваю, говорилъ онъ, откуда они могли взять такія привиллегіи, которыя дозволяли бы навсегда оставаться въ варварствѣ и невѣдѣніи Бога, почитанія Его и добрыхъ обычаевъ и даже безъ любви къ религіи Божіей и полезнымъ наукамъ [1])". Баторій не хотѣлъ, повидимому, понять, что у сенаторовъ, большинство которыхъ состояло изъ людей европейски образованныхъ, мотивомъ для ихъ сопротивленія была боязнь не науки вообще, а образованія іезуитскаго, грозившаго опасностью для общественнаго спокойствія и правъ диссидентовъ.

Теперь оставалось получить для академіи высшую санкцію—апостольскаго престола. Съ просьбой объ этомъ 26 іюля 1579 г. адресовался къ папѣ Григорію XIII все тотъ же еп. Валеріанъ, препроводившій при этомъ и королевскую привиллегію. Въ письмѣ Протасевича обращаетъ на себя особенное вниманіе стремленіе его ограничить власть епископа по отношенію къ академіи. Указавши на то, что въ дипломѣ короля ему, Протасевичу, усвоенъ титулъ канцлера академіи, а жмудскому епископу—судьи и протектора, епископъ Валеріанъ старается доказать, что присвоеніе имъ такихъ званій можетъ принести академіи больше вреда, чѣмъ пользы, и вообще неудобно, такъ какъ епископъ можетъ быть занятъ другими дѣлами, можетъ отсутствовать или не быть расположенъ къ іезуитамъ, что протекторство надъ академіей обязываетъ епископа знать хорошо тѣ предметы, какіе тамъ преподаются, а далеко не всѣ епископы могутъ быть свѣдущи въ философіи и въ другихъ наукахъ, что самъ онъ въ дѣла академіи не можетъ входить по болѣзни и что всего удобнѣе, чтобы высшій надзоръ за нею былъ присвоенъ компетентному лицу изъ среды самихъ же іезуитовъ. Въ концѣ концовъ Протасевичъ просилъ папу измѣнить въ этомъ смыслѣ привиллегію, что „будетъ величайшимъ благомъ для него и для всѣхъ добрыхъ [2])". Но папа, очевидно, понялъ, кто тѣ „добрые", которымъ освобожденіе отъ епископскаго надзора принесло бы „величайшее благо" и которые водили рукой епископа, и, утвердивъ 29 октября 1579 г. всѣ пункты королевской привиллегіи, просимаго Протасевичемъ измѣненія не произвелъ [3]). Наконецъ, виленская академія была признана и на варшавскомъ сеймѣ 1585 года, утвердившемъ за нею права и преимущества краковскаго университета и пожертвованія еп. Валеріана съ капитулой [4]).

Такъ было положено начало знаменитой виленской академіи, которая около 200 лѣтъ была источникомъ просвѣщенія для всего обширнаго западнорусскаго края. Но какого рода науку намѣрены были преподавать въ ней іезуиты и съ какими цѣлями учреждали ее, видно изъ того же письма Вал. Протасевича къ папѣ Григорію. Цѣлью возведенія іезуитской коллегіи въ Вильнѣ на степень университета и академіи выставлялось здѣсь привлеченіе въ нее возможно большаго числа уче-

---

[1]) *Sołikowskiego* Krótki pamiętnik rzeczy polskich, Petersb. 1855, 54. 55.

[2]) *Theiner*, Annales ecclesiastici, III, № 57, p 66. 67.

[3]) Magnum Bullarium Romanum, II, 489. (Id. Academia et Universitas Vilnensis S I., privilegiis. constitutionibus, decretis erecta, aucta, roborata... 1738, № 2; Cf. *Łukaszewicz*, IV, 6, примѣч.; *Bałiński*, Dodatki, № 3; Onacewicz, str. 320).

[4]) *Łukaszewicz*, IV, 18—19, въ примѣч.; Onacewicz, str. 327.

никовъ со всего обширнаго виленскаго діоцеза, а сама коллегія являлась, какъ крѣпость и миссіонерское учрежденіе для распространенія католичества среди татаръ, русскихъ и всякаго рода сектантовъ. Вслѣдствіе этого виленская академія со всѣми ея факультетами должна была принять характеръ высшаго духовнаго римско-католическаго училища; неудивительно поэтому, что въ программу ея не были включены не только медицина и гражданское право, какъ отрасли наукъ, не могшихъ служить миссіонерскимъ цѣлямъ, но и другіе предметы, въ родѣ гражданской исторіи [1]).

Вѣроятно, виленская академія начала осуществлять программу высшихъ курсовъ въ томъ-же 1579 году,—по крайней мѣрѣ, въ одномъ сочиненіи, вышедшемъ изъ коллегіи въ 1580 году, встрѣчаются указанія на различные учебные предметы философскаго и богословскаго факультетовъ,—именно на философію, математику, логику, риторику, поэзію, грамматику латинскую, греческую, еврейскую [2]). „Начала осуществлять", потому что и послѣ не всѣ предметы здѣсь преподавались и вообще составъ курса часто мѣнялся въ зависимостн отъ матеріальной обезпеченности коллегіи, отъ отвлеченія ученыхъ силъ въ другіе центры іезуитской дѣятельности [3]), отъ эпидемій и пожаровъ и т. п. У насъ нѣтъ однако данныхъ для выясненія числа преподавателей и каѳедръ за первые годы жизни академіи, и только подъ 1591 годомъ мы находимъ указаніе на существованіе въ ней 6-ти низшихъ классовъ съ шестью учителями [4]), философскаго съ однимъ преподавателемъ и богословскаго отдѣленія съ двумя профессорами схоластическаго богословія, однимъ—казуистическаго и однимъ—положительнаго и полемическаго богословій и еврейскаго языка [5]). Профессору полемическаго богословія впослѣдствіи было вмѣнено въ обязанность читать и священное писаніе [6]). Число профессоровъ въ слѣдующіе годы колеблется между десятью и двѣнадцатью. Такъ, въ 1599 г. ихъ было только 10 (схо-

---

[1]) Только впослѣдствіи, въ 1641 г., король Владиславъ IV предоставилъ виленскимъ іезуитамъ преподавать, кромѣ гуманитарныхъ наукъ и богословія съ философіей, еще каноническое и гражданское право и медицину (Текстъ привиллегіи—въ Academia et Universitas Vilnensis S. J., 1738, № 5. id. *Łukaszew.*, IV, 25, примѣч.. Юридическій факультетъ былъ, дѣйствительно, открытъ въ виленской академіи, благодаря фундаціи Льва Сапѣги, медицинскій же открываемъ не былъ (*Łukaszew.*, IV, 24. 25. 29. 30).

[2]) Epicedia in funebres exequias Valeriani episcopi Vilnensis (*Łukasz.*, IV, 22).

[3]) Такъ, въ 1582 г. орденъ отправилъ въ Англію виленскаго профессора математики Якова Бозграве, какъ хорошаго богослова и умѣлаго защитника вѣры. Но схваченный здѣсь, онъ едва не поплатился жизнью, если бы не заступничество за него предъ королевой англійской Елисаветой Стефана Баторія (*Baliński*, Akademia Wileńska, 88 и Dodatki, № 5: письмо короля Стефана къ Елисаветѣ отъ 29 янв. 1583 г.).

[4]) Низшихъ классовъ, по іезуитскому учебному плану, было только 5: три грамматики, одинъ-поэзіи и одинъ риторики, но въ Вильнѣ первый классъ, по многочисленности учениковъ, состоялъ изъ двухъ отдѣленій.

[5]) Lit. an. S. J. 1591, p. 764. Казуистика введена была въ курсъ въ 1583 г. (Lit. an. 1583, p. 82).

[6]) Ibid., 1596, p. 11.

ластическое богословіе читалось однимъ), въ 1600 г.—12, въ 1602 г. —11, въ 1606—8 гг.—то 12, то 11[1]).

Епископъ Валеріанъ Протасевичъ не ошибся въ расчетахъ, когда думалъ, что титулъ академіи привлечетъ въ виленскую коллегію множество юношей. Дѣйствительно, уже въ іюлѣ 1579 г іезуиты насчитывали около 600 студентовъ, чрезъ семь лѣтъ число это возросло до 700, а въ 1597 — 1600 гг. доходило до 800 [2]). Если не считать случайныхъ уменьшеній этой цифры по причинѣ пожаровъ, эпидемій, то число 700 —800 можно принять за норму для виленской коллегіи во все время нашего періода. Такъ, въ 1627 году студентовъ было 700 [3]). Такой наплывъ учащихся естественно велъ за собой и соотвѣтствующее увеличеніе педагогическаго персонала и расширеніе коллегіи. Число іезуитовъ въ виленской коллегіи въ 80-хъ годахъ было свыше 50 и, увеличиваясь съ году на годъ, оно къ 1594 году дошло до 64 человѣкъ, а еще чрезъ 10 лѣтъ—до 95 [4]). Въ виду этого данныя коллегіи еп. Валеріаномъ средства содержанія оказались бы очень недостаточными, если бы на помощь не пришло множество другихъ благодѣтелей, въ которыхъ нашла сочувствіе энергичная педагогическая и миссіонерская дѣятельность іезуитовъ. Во главѣ новыхъ благотворителей виленской коллегіи сталъ самъ король Стефанъ, который еще въ 1579 году велѣлъ отпускать ежегодно изъ королевской казны на ея нужды 20 плотовъ дровъ, а также освободилъ отъ десятины дрова, доставлявшіяся іезуитамъ сплавомъ по р. Виліи [5]). За епископомъ и королемъ пошли и другіе. Стан. Радивиллъ отдалъ академіи (1584) виленское предмѣстье Лукишки со всѣми угодьями и въ 1593 году подгородную виллу, Левъ Сапѣга—двѣ плебаніи (1593), Юрій Тышкевичъ — имѣніе (1597), Янъ Величко, ошмянскій подстолій, урочище Савсупы (1598), Мельхіоръ Гедройцъ, жмудскій епископъ, — фольваркъ Ржешу (Rzesza) съ свободной ловлей рыбы на всѣхъ гедройскихъ озерахъ (1608), Ст. Вильчовскій, виленскій каноникъ,— фольваркъ Безданы (1609) и каменный домъ (1610), Янъ-Корсакъ—400

---

[1]) Litterae annuae S. J. 1599, p. 466; 1600, p. 545; 1602, p. 711; 1606—8, p. 760; и отд. 1607, 448; 1608, 741.

[2]) *Theiner*, Annales ecclesiastici, III, p. 66. Annuae litterae S. J. 1586—7, p. 133. 134; 1597, p. 46; 1600, p. 546.

[3]) *Rostowski*, 307. Въ составъ этого числа не входятъ іезуитскіе алюмны, т. е. молодые люди, готовившіеся къ поступленію въ орденъ и слушавшіе отдѣльно отъ прочихъ студентовъ лекціи по риторикѣ, философскимъ и богословскимъ наукамъ. Количество ихъ не было велико; напр., въ 1599 году ихъ только 15. И если въ предыдущемъ году новиціевъ или схоластиковъ было 24, то, вѣроятно, въ это число входили алюмны францисканскаго ордена, присланные сюда въ 1594 году въ количествѣ 11 человѣкъ: двое на богословіе, пятеро на философію и четверо на риторику (Litterae annuae S. J., 1594, p. 321; 1598, 404; 1599, p. 466). Впрочемъ, въ началѣ XVII ст. количество алюмновъ доходило до 25 (Lit. an. 1607, 448; 1608, 741).

[4]) Въ 1605 году въ Вильнѣ всѣ іезуиты распредѣлялись по тремъ учрежденіямъ: въ коллегіи жило 57 человѣкъ, въ домѣ профессовъ 6 и въ домѣ испытанія (domus probationis)—32 (Lit. an. S. J., 1605, p. 935).

[5]) *Baliński*, 68, примѣч. 1.

копъ литовскихъ грошей (1618), Адр. Вержбицкій, королевской секретарь,—им. Блоне (1623) и т. д., и т. д. [1]).

То, что давалось іезуитской коллегіи жертвователями, обращалось на содержаніе самихъ іезуитовъ или лицъ, имѣвшихъ въ будущемъ принадлежать къ ихъ ордену, т. е. новиціевъ. Конечно, на эти же деньги строились и поддерживались зданія коллегіи, въ томъ числѣ училища, и иногда пріобрѣтались книги. Вся масса учащихся, не подававшихъ надеждъ на увеличеніе собою Общества Іисусова, учась даромъ въ іезуитскихъ школахъ, содержалась на свой счетъ, за исключеніемъ тѣхъ немногихъ, которые попадали въ бурсы или конвикты. Но и эти общежитія при іезуитскихъ коллегіяхъ устраивались, какъ и всѣ другія учрежденія, на счетъ щедрости благодѣтелей, которые старались дать юношамъ возможность учиться, не озабочиваясь вопросами о кровѣ и пропитаніи. Въ западной же Россіи къ этому присоединялся еще иногда и другой мотивъ — желаніе избавить юношей-католиковъ отъ необходимости жить на квартирахъ у еретиковъ и схизматиковъ, которыхъ въ такихъ городахъ, какъ Вильна, было гораздо больше, чѣмъ католическихъ обывателей. По такимъ именно побужденіямъ возникла первая іезуитская *бурса* въ Вильнѣ—*Валеріановская*, основанная еп. Валеріаномъ Протасевичемъ. Когда учреждена она — достовѣрно неизвѣстно. Ярошевичъ, пользовавшійся актами виленской капитулы, указываетъ двѣ даты—годы 1575 и 1577, изъ которыхъ въ первомъ устроенъ былъ конвинтъ, а во второмъ— бурса [2]). О конвиктѣ, для котораго епископъ купилъ домъ на Замковой улицѣ, мы болѣе ничего не знаемъ, какъ не знаемъ, въ какія отношенія онъ сталъ къ бурсѣ, которая, вѣроятно, получила свое начало въ 1577 году, когда подъ нее былъ отведенъ домъ, купленный епископомъ на Бернардинской улицѣ. а на содержаніе бурсаковъ назначены были доходы съ двухъ другихъ домовъ на Бискупской улицѣ, рядомъ съ коллегіей, и обширный погребъ, выходившій на Замковую улицу. Чрезъ два года фундація эта получила формальное подтвержденіе [3]). Тогда же, или нѣсколько позже, еп. Валеріанъ пожертвовалъ въ пользу бурсы 750 злотыхъ [4]).

Оставивъ за епископомъ и капитулой надзоръ надъ зданіями бурсы и завѣдываніе ея капиталами, Протасевичъ поручилъ внутреннее управленіе ею ректору академіи. Послѣднему было предоставлено право

---

[1]) Litterae annuae S. J. 1584, p. 150; 1593, p. 255; 1608, 746. *Kojałowicz*, Miscellanea, p. 15. *Bostowski*, p. 128. *Łukaszewicz*, IV, 20. 21 и 38, прим. *Balińki*, 90.

[2]) *Jarosz.*, III, 217. 218. Бурсой называлось такое общежитіе, въ которомъ ученики содержались на счетъ благотворителей (ex eleemosyna), обитатели же конвикта жили на средства своихъ родителей (Lit. an. 1607, 494).

[3]) Въ документахъ указаны двѣ даты фундушовой записи: 1577 и 1579 гг. Первый годъ видѣлъ Ярошевичъ въ актахъ капитулы и это подтверждается визитой архива капитулы въ 1828 г. (Опис. рукоп. отдѣленія вил. публ. библіотеки, вып. 1, стр. 28). 1579 годъ значится въ краткой выписи изъ актовъ капитулы, сдѣланной въ концѣ XVIII ст. и напечатанной въ томъ же выпускѣ Опис. рук. отд. вил. публ. библ. (Прилож., стр. 61, № 85: 10 апр. 1579 г), а также на томъ фундушовомъ актѣ, какой напечаталъ Балинскій въ Historya miasta Wilna, II, 254—264.

[4]) *Balińki*, Hist. miasta Wilna, I, 217.

назначать туда сеніора или префекта (іезуита, конечно), который слѣдилъ бы за жизнью бурсаковъ и воспитывалъ ихъ, уча ихъ правиламъ набожности, учтивости и братской любви, непослушныхъ карая, лѣнивыхъ побуждая и всѣхъ отечески любя. Содержаться въ бурсѣ могли только бѣдные (число ихъ не опредѣлено), которые свою благодарность къ фундатору должны были выражать въ молитвѣ о немъ, участвуя пѣніемъ въ обѣднѣ, совершавшейся каждые три мѣсяца. [1]) Впослѣдствіи жизнь бурсаковъ была еще подробнѣе регламентирована, и отъ нихъ требовали болѣе частаго участія въ торжественныхъ богослуженіяхъ. Наконецъ, кромѣ самого Протасевича на его бурсу жертвовали и другія лица, преимущественно изъ виленскихъ канонниковъ: въ 1583 г. на нее записалъ 2500 злотыхъ Стан. Горецкій, въ 1586 г. 250 зл. Вольскій и 500 зл. Март. Суходольскій, въ 1588 г. 250 зл. (100 коп. литов. грошей) Юрій Юрьевичъ Ходкевичъ [2]). Но при богатыхъ сравнительно средствахъ дѣла Валеріановской бурсы шли плохо, быть можетъ, оттого, что не были точно опредѣлены отношенія къ ней епископа съ капитулой, съ одной стороны, и коллегіи—съ другой. Столкновенія между капитулой и іезуитами начались очень скоро, если уже въ 1588 году капитула, постановляя, чтобы убогіе студенты Валеріановской бурсы въ праздничные и номинальные дни присутствовали въ каѳедрѣ при богослуженіяхъ и церемоніяхъ, добавила: „а если бы іезуиты тому воспротивились, тогда процентъ съ суммъ, пожертвованныхъ бурсѣ, которыхъ распорядительницей состоитъ капитула, она имѣетъ обращать на каѳедральную школу и содержаніе извѣстнаго числа учениковъ“ [3]).

Положеніе бурсы улучшилось лишь въ 1595 году, когда на нее обратилъ вниманіе папскій легатъ Александръ Комулей, который купилъ для нея на счетъ вакантной каѳедры домъ на рынкѣ и далъ ей новый уставъ. По уставу Комулея Валеріановская бурса назначалась исключительно для литовцевъ. Воспитанники ея въ знакъ того, что они не попусту пользовались даровымъ содержаніемъ, при окончаніи курса наукъ обязаны были публично защитить какое-нибудь разсужденіе по физикѣ или логикѣ; въ случаѣ нежеланія сдѣлать это, должны были платить по 50 злотыхъ за каждый годъ пребыванія въ бурсѣ. Скоро послѣ того новый епископъ Бенедиктъ Война предложилъ капитулѣ озаботится расширеніемъ бурсы и самъ въ 1601 году далъ въ ея пользу домъ. Вновь возникшія недоразумѣнія административнаго характера были поводомъ къ отказу іезуитовъ отъ завѣдыванія Валеріановской бурсой

---

[1]) *Baliński*, Historya m. Wilna, II, 254—264. *Kraszewski*, Wilno, IV, 27. 28. Въ Валеріановскую бурсу принимались вообще бѣдные, а не шляхтичи только, какъ говоритъ Ростовскій (p. 68).

[2]) Опис. рук. отд. вил. публ. библ., вып. I, прилож., стр. 21 и 28 (изъ книги визитъ) и 63 и 76 (выписи изъ журналовъ капитулы, № № 110 и 234). *Baliński*, Hist. m. Wilna, I, 216. 217; Akademia Wileńska, 91.

[3]) Выпись изъ протоколовъ капитулы, № 125 (Опис. рукоп. отд. вил. публ. библ., вып. I, прилож., стр. 65—66); ср. *Baliński*, Akademia Wileńska, 91.—Нужно замѣтить, что большая часть суммъ бурсы была взята въ долгъ самой капитулой, обязавшейся платить по 6 слишкомъ процентовъ (Выписи изъ актовъ капитулы, №№ 103, 105, 110 — въ прилож. къ Опис. рукоп. отд. вил. публ. библ., вып. I, стр. 63).

(1604), но въ 1631 году они опять приняли на себя надзоръ надъ ней. Ректоръ академіи Фризій, увеличивши фундушовый капиталъ въ 4000 злотыхъ своими 1500-ми, отдалъ эту сумму виленскому кагалу, съ котораго и получалось вплоть до 1763 года по 8%. Этотъ же Фризій, купивъ въ 1632 году у жмудскаго епископа Еліашевича домъ въ Вильнѣ, приносившій 800 злот. чиншу, половину послѣдняго обратилъ на Валеріановскую бурсу [1]).

Въ 1602 году получила начало другая бурса—*Бейнартовская* или *Амвросіанская*. Основаніе ей положилъ ксендзъ Амвросій Бейнартъ, записавшій на содержаніе бѣдныхъ учениковъ 4 тыс. копъ грошей (или 10 тыс. злот.), включая сюда стоимость пожертвованной имъ деревни Бологое, проданной въ 1609 году за 1 тыс. копъ. Въ 1605 году Янъ Мелешко пожертвовалъ на новую бурсу 1 тыс. копъ; въ 1606 году по волѣ визитатора виленскаго діоцеза Комулея къ этому фундушу присоединено изъ епископскихъ доходовъ 8 тыс. зл. пол. Кромѣ того Амвросіанской же бурсѣ принадлежалъ домъ на Рыбномъ концѣ, который отданъ былъ въ 1610 году въ аренду съ платой въ 200 злот.; впослѣдствіи плата была увеличена до 100 копъ грошей (т. е. до 250 злот.); арендаторъ же долженъ былъ и ремонтировать зданіе. Бейнартовская бурса помѣщалась на Скоповской улицѣ и находилась въ полномъ завѣдываніи капитулы. Послѣ пожара 1610 года на той же Скоповской улицѣ провизоромъ бурсы былъ купленъ другой плацъ, отъ чинша за который, какъ лежавшій въ ея юрисдикѣ, капитула отказалась въ 1613 г., и построено новое зданіе, которое было открыто въ 1619 году [2]).

Наконецъ, въ 1618 году Янъ Николай Корсакъ, земскій судья ошмянскаго повѣта. положилъ начало еще одной бурсѣ—*Корсаковской*, записавъ на нее домъ на Скоповской улицѣ, имѣніе Ясевъ въ ошмянскомъ повѣтѣ и 800 копъ грошей, съ тѣмъ, чтобы доходы съ имѣнія и суммы шли единственно на содержаніе бурсаковъ; послѣдніе, кромѣ того, получили право ловить рыбу въ озерѣ Нарочъ. Эта бурса была немногочисленна и носила чисто шлятетскій характеръ: жертвователь поставилъ условіемъ, чтобы въ ней жило 20 молодыхъ дворянъ—литовцевъ, въ томъ числѣ 10 изъ фамиліи Корсаковъ. Николай Корсакъ скончался въ 1618 году и попеченіе объ устройствѣ бурсы его имени перешло по завѣщанію къ капитулѣ, которая, въ лицѣ еп. Войны, отдала деньги въ долгъ и въ 1622 году купила для бурсы каменный домъ [3]).

Кромѣ бурсъ жизнь нѣкоторыхъ виленскихъ студентовъ облегчали стипендіи, хотя ихъ было очень немного. Извѣстно, что епископъ жмуд-

---

[1]) Выписи изъ актовъ капитулы, №№ 205. 217. 224. 311 — въ Опис. рукоп. отд. вил. публ. библ., вып. I, прилож., стр. 74. 75. 82. «Bursae Valerianae melioratio» Ал. Комулея—*Baliński*, Akademia, Dodatki, № IV и стр. 91 и 102. *Baliński*, Hist. m. Wilna, I, 216. 217. *Jarosz.*, III. 218. 219.

[2]) Опис. рук. отд. вил. публ. библ., вып. I, стр. 28 и прилож. стр. 77—79. 84 (выписи изъ актовъ капитулы, №№ 243, 257, 267, 321). *Baliński*, Hist. m. Wilna, I, 217; *Kraszewski*, IV, 28; *Jarosz.*, III, 219; *Łukaszew.*, IV, 37.

[3]) Описаніе рукопис. отдѣл. вилен. публ. библ., вып. I, прилож. стр. 21. 28; *Krasz.*, IV. 28. 29; *Łukaszew.*, IV, 38, примѣч. 1.

скій Мельхіоръ Гедройцъ содержалъ въ академіи на свой счетъ четырехъ студентовъ и на свои средства обучалъ свободнымъ наукамъ и воспитывалъ юношей изъ еретическихъ фамилій. Въ 1604 году два шведа занимали стипендіи Сигизмунда III [1]). Остальной массѣ бѣдныхъ студентовъ приходилось побираться по домамъ гражданъ, распѣвая пѣсни и часто подвергаясь крупнымъ непріятностямъ.

Заговоривши о бурсахъ, мы скажемъ здѣсь же и о двухъ другихъ учрежденіяхъ, существовавшихъ при виленской коллегіи и имѣвшихъ огромное значеніе для просвѣтительной дѣятельности іезуитовъ. Мы имѣемъ въ виду библіотеку и типографію [2]).

Начало первой положилъ еп. Валеріанъ, побудившій капитулу 12 мая 1570 г. передать въ коллегію книги, оставшіяся по смерти суффрагана Юрія Альбина,—того самаго, котораго въ 1550 году капитула заподозрила въ привозѣ еретическихъ сочиненій [3]). Затѣмъ, король Сигизмундъ II отказалъ іезуитамъ по завѣщанію (1572) всю свою библіотеку (за исключеніемъ богослужебныхъ книгъ), стоившую около 10 тыс. червонцевъ [4]). Послѣ этого іезуитская библіотека умножалась постепенно, благодаря пожертвованіямъ ксендзовъ и епископовъ. Такъ, въ нее поступило нѣсколько тысячъ томовъ по смерти епископа Валеріана († 1579), книги Николая Паца, епископа жмудскаго († 1619), ксендза Луки Краснодубскаго, Казимира Войснаровича, виленскаго каноника, Николая Диціуса, виленскаго декана, Евстафія Волловича, виленскаго епископа († 1630). Въ 1623 году Адріанъ Вержбицкій, королевскій секретарь, записалъ коллегіи имѣніе Блоне съ тѣмъ, чтобы изъ доходовъ его 100 злот. ежегодно шло на пріобрѣтеніе книгъ [5]).

Типографія подарена была виленской коллегіи мѣстнымъ воеводой Николаемъ Христофоромъ Радивилломъ, который этимъ актомъ хотѣлъ, очевидно, загладить грѣхъ противъ католичества своего отца, напечатавшаго въ этой типографіи кальвинскую польскую библію (Брестъ, 1563 г.). Передача ея іезуитамъ состоялась въ 1576 г. или незадолго до него. По крайней мѣрѣ, въ датированномъ 12 мая 1576 года посвященіи первой книги, напечатанной здѣсь, говорится, что Ник. Христ. Радивиллъ недавно (nuper) совершилъ новое благодѣяніе, подаривши іезуитамъ изъ ревности къ распространенію слова Божія типографію... [6]). Тѣмъ не менѣе и на этомъ сочиненіи и на нѣкоторыхъ позднѣйшихъ

---

[1]) *Kojałowicz*, Miscellanea, 15; *Baliński*, Akademia Wileńska, 110.

[2]) Исторію двухъ семинарій, которыми завѣдывали виленскіе іезуиты, излагаемъ въ другихъ мѣстахъ: епархіальной въ IV главѣ, а папской—въ послѣдней (XIII).

[3]) Выписи изъ протоколовъ капитулы, № № 12 и 44 (Опис. рук. отд. вил. публ. библ., вып. I, прилож., стр. 53. 57).

[4]) Уже у Сигизмунда I было до 85 книгъ на латинскомъ, русскомъ (славян.), чешскомъ и польскомъ языкахъ (каталогъ ихъ у *Krasz.*, IV, 108-110). Сиг. Августъ издержалъ на книги нѣсколько тысячъ рублей на наши деньги (*Baliński*, Akad., 46 и прим. 2; *Krasz.*, IV, 79—80).

[5]) *Łukasz*, IV, 41; *Baliński*, Akad., 90.

[6]) *Scarga*, Pro sacratissima eucharistia contra Haeresim Zwinglianam. Vilnae ex typographia et sumptibus Illus. D. Domini Nicolai Christ. Radivili Ducis in Olica et Niesuiss. M. D. L. Marssalci. 1576.

изданіяхъ типографія академическая обозначалась именемъ своего прежняго владѣльца. Кажется, первой книгой, вышедшей изъ іезуитской „академической“ типографіи, было надгробное слово Стан. Гродзицкаго, 1592 года [1]). Въ началѣ XVII ст. іезуитская типографія была помѣщена въ каменномъ домѣ, записанномъ коллегіи каноникомъ Стан. Вильчовскимъ [2]).

Теперь мы можетъ перейти къ передачѣ фактовъ внутренней жизни академіи и тѣхъ внѣшнихъ событій, которыя особенно близко касались ея, вызывая какъ профессоровъ, такъ и студентовъ на то или другое отношеніе къ себѣ.

Исторія виленской академіи началась торжествомъ: іезуиты встрѣчали въ янскомъ костелѣ своего высокаго покровителя—короля Стефана, возвращавшагося изъ-подъ Полоцка. Профессора почтили его латинскими рѣчами, студенты—стихами. Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ академія справила другое торжество, но уже печальнаго характера,—она хоронила своего отца и благодѣтеля—еп. Валеріана († 31 дек. 1579.) [3]). Еще чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ коллегія со студентами встрѣчала новаго виленскаго епископа и стараго благодѣтеля—Юрія Радивилла.—Юрій Радивиллъ, одинъ изъ четырехъ сыновей ревностнѣйшаго пропагандиста кальвинскихъ идей, Николая Радивилла Чернаго, перейдя съ братьями по смерти отца въ католичество, отдалъ всѣ силы свои на служеніе послѣднему. Въ 1575 году онъ сдѣлался коадъюторомъ виленскаго епископа Валеріана Протасевича [4]) и раздѣлилъ вмѣстѣ съ тѣмъ всю силу его симпатій къ іезуитамъ. Въ немалой долѣ его участію и протекціи предъ королемъ сама академія обязана была своимъ именемъ и привилегіями [5]). Когда онъ явился въ 1581 г. въ Вильну, какъ преемникъ Протасевича, учащаяся въ коллегіи молодежь встрѣтила его цѣлой серіей мелкихъ стихотвореній, изданныхъ подъ титуломъ: „Gratulationes illustrissimo ac reverendissimo Dno D. Georgio Radivilo“ etc. Студенты выражали въ нихъ свою радость, по случаю назначенія его епископомъ и благополучнаго прибытія въ Вильну, и надежду, что онъ будетъ патрономъ академіи и музъ и защитникомъ вѣры и церкви отъ еретиковъ, которымъ сулили не особенно пріятныя вещи. Надежда не обманула студентовъ: Юрій Радивиллъ ассигновалъ коллегіи 8 тыс. флориновъ (или пол. злотыхъ) и устроилъ торжественное аутодафе еретическихъ книгъ, разжегшее страсти католической черни до того, что она готовилась разрушить и

---

[1]) *Wierzbowski*, Bibliographia polonica XV et XVI saeculi, № 577.

[2]) *Kraszewski*, IV. 64-65.

[3]) Литературнымъ памятникомъ этихъ похоронъ осталось изданіе — Epicedia in funebres exequias Rnd. Valeriani Epp. Vilnensis Collegij Soc. Jesu in eadem Lithw. Metropoli fundatoris conscripta ab eodem collegio et gymnasiis Vilnensibus S. J., 1580. *Krasz.*, IV, 119. 120. *Baliński*, 71. 76.

[4]) Въ коадъюторы Ю. Радивиллъ избранъ капитулой 28 мая 1574 г. (Выписи изъ) актовъ капитулы, №№ 70. 74. 77—въ Опис. рук. отд. вил. публ. библ., вып. I, прил., стр. 59. 60.)

[5]) *Wielewicki*, Historicum diarium domus professae S. J. ad S. Barbaram Cracoviae Script. rerum polonic., X), p. 2.

храмы протестантскіе [1]). Этотъ случай употребленія въ религіозной полемикѣ средствъ болѣе сильныхъ, чѣмъ диспуты, очень скоро отразился на отношеніяхъ къ протестантамъ и учащейся католической молодежи. Уже въ томъ же 1581 году ученики св.-янской школы, къ которымъ, должно быть, присоединились и іезуитскіе питомцы, вмѣстѣ съ гминомъ едва не убили камнями двухъ „министровъ“ кальвинскихъ, шедшихъ съ погребенія [2]). Фанатическое отношеніе студентовъ академіи къ иновѣрцамъ, глубоко коренившееся къ самой воспитательной системѣ іезуитской, въ теченіе нашего періода времени проявилось много разъ. Таковы были случаи массовыхъ нападеній ихъ съ чернью на троицкое православное братство, его школу и св.-духовскую церковь въ великую субботу и свѣтлое воскресеніе 1598 года и разгрома въ 1611 году кальвинскихъ збора и гимназіи [3]), не говоря уже о множествѣ единичныхъ покушеній студентовъ на жизнь и спокойствіе горожанъ, въ родѣ происшедшаго въ 1597 году [4]).

Мы уже говорили о быстромъ увеличеніи числа студентовъ виленской академіи. Сюда шли учиться представители различныхъ національностей, даже не входившихъ въ составъ польскаго государства, и различныхъ вѣроисповѣданій [5]). Этотъ успѣхъ академіи обусловливался не только развившейся тогда общей потребностью въ образованіи, но и репутаціей іезуитовъ, какъ отличныхъ педагоговъ. А какъ создавалась эта репутація и какими средствами они привлекали къ себѣ молодежь, ясно изъ слѣдующаго. Въ 1586 году іезуиты обставили церемонію перенесенія Божьяго Тѣла невиданной до того въ краѣ помпой. Собрана была молодежь изъ всѣхъ подвластныхъ имъ школъ и одѣта въ нарядныя цвѣтныя одежды. Всѣ ученики дѣлились на четыре отряда. Одни шли съ факелами, другіе пѣли пѣсни, третьи изображали пророковъ,

---

[1]) *Narbutt*, Pomniesjze pisma historyczne szczególnie do historyi Litwy odnoszące się. Wilno, 1856, str. 249. Enc. powsz., XXVII. 81.

[2]) Письмо Баторія къ Августину Ротунду и магистрату—26 сентября 1581 г. («Апокрисисъ»—въ П. П. Л., II, 1113. 1114.) Объ іезуитскимъ студентахъ король не упоминаетъ, но онъ не говоритъ и объ іезуитахъ вообще, хотя при сожженіи книгъ они играли видную роль.

[3]) А. В. А. К., VIII, № № 13-15. *Васильевскій*, Вильна (Памятники русской старины въ западныхъ губерніяхъ, V, 78; VI, 10. 11).

[4]) А. В. А. К., XX, № 93. Впрочемъ, іезуитскіе студенты не всегда были стороной нападавшей и побѣждавшей. Такъ, въ 1595 году въ городскія книги занесена жалоба студента Брозовскаго на мѣщанина Медвѣцкаго, который избилъ и изранилъ его во время собиранія вмѣстѣ съ пѣвчими товарищами подаянія. Точно также въ 1608 году братья Корсаки напали на студента Ласковскаго и хотя тотъ оборонялся «пулгакомъ» (ружьемъ), избили его, изорвали на немъ одежду и заперли въ своемъ домѣ, отпустивъ только на другой день (А. В. А. К., VIII, №№ 179. 188). Въ 1619 году студенты академіи потерпѣли рѣшительное пораженіе въ «диспутѣ« съ учениками лютеранской школы, когда тѣ пустили въ ходъ «argumentum baculinum» (*Rostowski*, 273; *Baliński*, 120).

[5]) Крашевскій сообщаетъ со словъ іезуита Нарамовскаго извѣстіе, которому и самъ съ трудомъ вѣритъ,-будто возвращавшіеся въ 1585 году отъ короля татарскіе послы отдали въ науку виленскимъ іезуитамъ двухъ своихъ сыновей, взявши заложникомъ ксендза (I, 303. 304).

ангеловъ, кающихся. Участники процессіи несли крестъ и другія орудія мученій Христа. Смотрѣть на это торжество явилось множество католиковъ и иновѣрцевъ и въ результатѣ его было увеличеніе у іезуитовъ числа студентовъ, особенно на счетъ „цвингліанской школы", на что собственно и расчитывали іезуиты, напечатавшіе даже описаніе церемоніи [1]). Вообще участіе іезуитскихъ питомцевъ въ торжественныхъ процессіяхъ, гдѣ многимъ изъ нихъ приходилось играть очень лестныя роли, привлекало въ академію немалое число молодежи. Но не менѣе сильно дѣйствовали на послѣднюю и тѣ религіозные подвиги, которые совершали при публичныхъ процессіяхъ члены студенческаго братства (sodalitas), заведеннаго въ Вильнѣ въ 1585 году [2]): хожденіе босикомъ по улицамъ, самобичеваніе до крови и подобныя проявленія католическаго благочестія въ дѣтяхъ возбуждали и въ сверстникахъ ихъ желаніе отличаться такимъ же образомъ. Наконецъ, однимъ изъ самыхъ важныхъ средствъ, всегда и вездѣ покорявшимъ іезуитамъ сердца нерасположеннаго къ нимъ на первыхъ порахъ населенія, были спектакли въ стѣнахъ коллегіи. Виленскіе іезуиты, кромѣ обычныхъ зрѣлищъ, очень часто устраивали особенно торжественныя представленія въ честь посѣщавшихъ ихъ высокопоставленныхъ лицъ, которымъ организовали тріумфальныя встрѣчи. Случаевъ такого рода въ академіи за нашъ періодъ было немало. Въ Litterae annuae S. J. можно читать, что студенты встрѣчали стихами новаго епископа или короля, то праздновали побѣду Карла Ходкевича надъ шведами, то сыграли „комедію о св. Казимирѣ" въ честь королевской четы, то встрѣчали возвращеніе изъ-подъ Смоленска короля-побѣдителя, то почтили драмой смерть того или другого благодѣтеля коллегіи. Понимая значеніе всѣхъ такого рода торжествъ для успѣха академіи, іезуиты не упускали поводовъ къ нимъ, хотя приготовленіе къ нимъ студентовъ отнимало у послѣднихъ очень много учебнаго времени. Такъ, приготовленіе къ празднованію канонизаціи королевича Казимира, совершившемуся 10 мая 1604 года, продолжалось цѣлый годъ. О грандіозности приготовленія можно судить по тому, что къ этому времени 84 студента составили 91 стихотвореніе на латинскомъ и греческомъ языкахъ, вошедшихъ въ составъ напечатаннаго въ 1604 году „Theatrum sancti Casimiri", не говоря уже о поэтическихъ произведеніяхъ, составившихъ содержаніе „Litotika" и написанныхъ ко дню заложенія костела св. Казимира [3]).

Впрочемъ, успѣхъ виленской академіи создавался не только личными усиліями іезуитовъ, но и расположеніемъ къ нимъ короля Сигизмунда III, который, по словамъ Яна Аргента, въ основаніи іезуитскихъ коллегій и дарованіи имъ привиллегій видѣлъ „единственное средство для упроченія въ Польшѣ католическихъ дѣлъ и увращеванія развращенныхъ ересью

---

[1]) Litterae annuae S. J. 1586—1587, p. 134-135; *Rostowski*, 157. 158.

[2]) Lit. an. S. J. 1585, p. 203.

[3]) *Rostowski*, p. 219. У Балинскаго читатель найдетъ любопытное описаніе этого торжества (str. 102—109). Дѣло о канонизаціи Казимира, сына короля Казимира Ягелловича, началось еще въ 1516 — 1517 гг. (*Theiner*, Vetera Monumenta Poloniae, II, №№ 396. 400. 401), но только въ 1603 году получило конецъ (выписи изъ актовъ виленской капитулы, №№ 211. 214. 220).

мыслей“ [1]). Такое отношеніе короля къ іезуитамъ должно было отразиться благопріятнымъ образомъ и на виленской академіи. Въ первый уже годъ своего правленія король Сигизмундъ оказалъ послѣдней величайшую услугу, обезопасивъ ее отъ весьма сильной конкуренціи. Виленскіе кальвинисты, школа которыхъ до возведенія іезуитской коллегіи на степень академіи привлекала къ себѣ молодежь всей почти Вильны [2]), а послѣ того должна была утратить огромную долю своего значенія,— чтобы сохранить послѣднее, рѣшились было реорганизовать виленскую школу въ академію и въ 1588 году энергично взялись за это дѣло. Но іезуиты чрезъ посредство епископа Юрія Радивилла успѣли убѣдить короля, что устройство въ Вильнѣ „академіи сатаны“ подорветъ іезуитскую академію и произведетъ въ государствѣ междоусобія [3]). Планъ кальвинистовъ не удался, и это повліяло самымъ рѣшительнымъ образомъ на судьбу кальвинской школы, которая къ концу XVI вѣка почти совершенно упала. Но за то тѣмъ болѣе должна была процвѣсть іезуитская академія, получившая возможность овладѣть общественнымъ образованіемъ края.

Росту іезуитской академіи и ходу ученія въ ней мѣшали только стихійныя бѣдствія. Такъ, свирѣпствовавшее въ 1588 году моровое повѣтріе заставило виленскихъ іезуитовъ закрыть академію и распустить учениковъ по домамъ. Это было осенью; въ февралѣ 1589 года отцы педагоги возратились, но въ августѣ новый взрывъ болѣзни и голода въ въ городѣ опять прервалъ ученіе. Оно едва возобновилось весной слѣдующаго года. Въ 1600 и 1602 гг. школы опять были закрываемы по той же причинѣ, правда, не надолго. И теперь не обошлось безъ жертвъ: скончался отъ эпидеміи профессоръ богословія и философіи Ричардъ Сниглетонъ, англичанинъ родомъ. Въ 1625 году повѣтріе опять прервало занятія; студентовъ теологіи должны были отправить въ несвижскую коллегію [4]). Въ хронику печальныхъ событій виленской академіи долженъ быть занесенъ и пожаръ 1 іюля 1610 года, истребившій полгорода. Въ этомъ страшномъ несчастіи потерпѣли и іезуиты: сгорѣли не только папскій алюмнатъ и католическая семинарія, но и всѣ почти зданія коллегіи и даже классы и библіотека. Остались цѣлы только костелъ и каменныя кельи. Прибывшій въ Вильну по слухамъ о пожарѣ литовскій провинціалъ Бокша, чтобы не прерывать занятій со студентами высшихъ курсовъ, на время отослалъ ихъ въ другіе города—богослововъ въ Несвижъ, а философовъ въ Пултускъ. Что до пяти низшихъ классовъ, то помѣщенія для нихъ кое-какъ были устроены, благодаря особенно участію королевы, и въ нихъ въ началѣ сентября было открыто ученіе при довольно большомъ числѣ учениковъ [5]).

---

[1]) De rebus Soc. Jesu in regno Poloniae, edit. 1620, p. 90.

[2]) Lit. ann. 1586—1587, p. 135.

[3]) *Theiner*, Vetera Monumenta Poloniae et Lithuaniae, III, № 39.

[4]) Lit. an. S. J. 1588, p. 81; 1589, p. 113. 114; 1602, p. 715. 722. *Rostowski*, 167. 303. *Łukaszewicz*, Dzieje Wyznania Helweckiego w Litwie, I, 59.

[5]) Literae annuae S. J. 1610, p. 435—439.

Оканчивая исторію виленской академіи за періодъ времени отъ ея учрежденія до смерти Сигизмунда III, должно сказать еще нѣсколько словъ объ ея ректорахъ и извѣстнѣйшихъ профессорахъ за это же время.

Первымъ ректоромъ виленской іезуитской коллегіи и гимназіи былъ Стан Варшевицкій (1570—1578), человѣкъ съ прекраснымъ знаніемъ классическихъ языковъ; вторымъ Яковъ Вуйкъ изъ знатной польской фамиліи. Онъ въ краковской академіи получилъ степень баккалавра свободныхъ наукъ и въ Вѣнѣ—магистра. Въ Римѣ онъ вступилъ въ іезуитскій орденъ и въ тамошней коллегіи слушалъ схоластическое богословіе; тамъ же онъ началъ свою педагогическую и административную службу, которую продолжалъ въ Пултускѣ, въ Вильнѣ, Клавдіополѣ и Краковѣ. Извѣстны его полемическія произведенія противъ протестантовъ и переводъ Библіи на польскій языкъ, вышедшій въ 1599 году. Первымъ ректоромъ академіи былъ Петръ Скарга (1580—1583), знаменитѣйшій польскій проповѣдникъ и стилистъ († 1612) [1]. За нимъ слѣдовали менѣе извѣстные люди: Фридрихъ Бартшъ [2]), Павелъ Бокша, Гарсій Алабіанъ, испанецъ, Леонардъ Кракіери, Михаилъ Ортицъ, до ректорства въ теченіе 9 лѣтъ излагавшій въ академіи философію и схоластическое богословіе, Стан. Влошекъ, Симонъ Никлевичъ, русинъ, бывшій дважды ректоромъ, выстроившій великолѣпное школьное зданіе, Іоаннъ Гружевскій, Симонъ Угневскій и Фризій. Почти всѣ они заканчивали свою карьеру провинціалами.

Изъ академическихъ профессоровъ, которые согласно съ правилами ордена и его традиціями, въ теченіе своей жизни преподавали чуть-ли не всѣ предметы школьной программы, могутъ быть названы слѣдующіе: Эммануилъ Вега, португалецъ, профессоръ полемическаго богословія, Крюгеръ, англичанинъ, излагавшій математику и астрономію; Симеонъ

---

[1]) Перечень сочиненій Скарги съ краткой его біографіей можно найти у Велевицкаго въ Script. rerum polonic., XIV, 72. 77. 81. 82. Ему же посвящена монографія гр. Дзѣдушицкаго: «Piotr Scarga i jego wiek». О Вуйкѣ и Скаргѣ, какъ проповѣдникахъ, можно читать въ сочин. Mecherzynskiego: Hystorya wymowy w Polsce, t. II, Kr., 1856-9 г.

[2]) Приведемъ изъ Велевицкаго краткую біографію Бартша (Barsius), въ видѣ иллюстраціи къ тому, какъ орденъ іезуитовъ кидалъ своихъ сочленовъ изъ одной коллегіи въ другую. Бартшъ окончилъ іезуитскую гимназію въ Брунсбергѣ, въ Римѣ слушалъ философію, въ 1572 г. вступилъ въ общество и, прослушавъ въ Вѣнѣ богословіе, преподавалъ въ Брунсбергѣ греческую литературу, въ Познани и опять въ Брунсбергѣ казуистическое и полемическое богословіе. Затѣмъ болѣе года былъ въ Брунсбергѣ префектомъ студентовъ и 5 лѣтъ проповѣдникомъ и вице-ректоромъ въ различныхъ мѣстахъ, пока не получилъ въ 1583 г. ректорства въ Вильнѣ. Управлялъ затѣмъ данцигской резиденціей, а въ 1587 г. въ Вильнѣ сдѣлался докторомъ богословія; въ 1590 г. въ Несвижѣ произнесъ исповѣданіе четырехъ обѣтовъ, былъ вице-провинціаломъ польско-литовской провинціи и умеръ въ 1611 г. подъ Смоленскомъ въ званіи королевскаго духовника. Подъ именемъ Боруссія издалъ нѣсколько полемическихъ сочиненій противъ кальвинскихъ свѣтилъ—Андрея Волана, Дан. Крамера, практическо-полемическое богословіе для народа и Руководство къ благочестивымъ упражненіямъ для людей всѣхъ положеній и особенно для учащихся (Scr. rer. pol., XIV, 10—12).

Блецкій, полякъ,—философію; Станиславъ Гродзицкій—схоластическое богословіе и краснорѣчіе; Маркъ Антоній Муретъ, итальянецъ,—латинскій и греческій языки; Валер. Фабрицій (Ковальскій), русскій, человѣкъ съ большой ученостью и ораторскимъ талантомъ, преподавалъ 8 лѣтъ краснорѣчіе, 3—философію и 5—богословіе; Григорій Гружевскій, преподававшій вмѣстѣ съ Фабриціемъ нравственное и полемическое богословіе (на русскомъ языкѣ) Іосафату Кунцевичу; Іер. Стефановскій, читавшій 4 года философію, 5 лѣтъ схоластическое богословіе и 2 священное писаніе; Яковъ Ортицъ, испанецъ, богословъ; Лавр. Бойеръ (Bojer), шведъ, училъ математикѣ и краснорѣчію; прославился, какъ авторъ поэмы „Carolomachia"; Юрій Тышкевичъ и Касперъ Савицкій, литвинъ, профессора богословія. Но въ то время, какъ ученая извѣстность этихъ лицъ не выходила за предѣлы ордена, если только не поддерживалась полемическими произведеніями, къ писанію которыхъ были склонны очень многіе изъ нихъ, начиная съ Скарги и кончая Савицкимъ, издававшимъ свои сочиненія преимущественно подъ псевдонимами, нѣкоторые профессора создали свою славу исключительно на почвѣ ученой и литературной въ собственномъ смыслѣ. Изъ нихъ на первомъ планѣ стоитъ Мартинъ Шмиглецкій, родомъ русскій—изъ Львова. Онъ послѣдовательно былъ профессоромъ философіи и схоластическаго богословія, полемизируя вмѣстѣ съ тѣмъ и съ социніанами. Изданіемъ въ 1618 г. въ Ингольштадтѣ двухъ томовъ своихъ „Selectarum disputationum in Organon Aristotelis" онъ надолго упрочилъ за собой извѣстность прекраснѣйшаго философа; въ XVII в. его книга считалась наилучшимъ учебникомъ логики. По словамъ Балинскаго, „Шмиглецкій съ немногими современниками понялъ лучше всѣхъ Аристотеля, съ большой проницательностью оцѣнилъ его основныя воззрѣнія и наилучше ихъ изложилъ". Но при всемъ томъ онъ не сдѣлалъ эпохи въ исторіи философіи, такъ какъ не могъ отрѣшиться отъ Аристотеля и санкціонированной школьнымъ уставомъ іезуитовъ рутины. Гордилась виленская академія, наряду съ философомъ Шмиглецкимъ, и поэтомъ Сарбѣвскимъ, о которомъ Гуго Гроцій сказалъ, что „онъ не только сравнился съ Гораціемъ, но и превзошелъ его". Ксендзъ Мацѣй Казиміръ Сарбѣвскій оказалъ способности къ поэзіи, еще учась въ Вильнѣ въ 1618—1619 годахъ и особенно въ Кржахъ, гдѣ излагалъ краснорѣчіе. Послѣ трехлѣтняго преподаванія философіи въ академіи онъ былъ высланъ въ Римъ для усовершенствованія въ богословіи и тамъ отличился своими поэтическими произведеніями. Даже папа (Урбанъ VIII) не только публично украсилъ его лавровымъ вѣнкомъ, но и велѣлъ помѣстить нѣкоторые его гимны въ свой бревіарій. Затѣмъ Сарбѣвскій въ Вильнѣ читалъ богословіе, не переставая писать „дышащія огнемъ и гармоніей оды и эпиграммы". Въ 1636 году, по желанію Владислава IV, онъ былъ удостоенъ степени доктора богословія и торжественно, въ присутствіи короля, нунція и избранной публики, возведенъ въ церкви въ это званіе [1]). Наконецъ, должно отмѣтить Константина Ширвида

[1]) Carmina Sarbievii были изданы впервые въ Антверпенѣ въ 1632 г. До настоящаго времени вышло болѣе 40 изданій Сарбѣвскаго (Przegląd powszechny, 1892, IV).

(† 1631), доктора свободныхъ наукъ и философіи, профессора священнаго писанія. Родомъ литовецъ, онъ прославился, какъ отличный литовскій филологъ и авторъ руководствъ къ изученію этого языка. Ему принадлежатъ: Clavis linguae litvanicae и Dictionarium polono-latino-litvanicum [1]).

Лучи католическаго просвѣщенія изъ виленской академіи, какъ изъ фокуса, мало-по-малу распространились по всему краю, сосредоточиваясь главнымъ образомъ въ большихъ городахъ. Такъ какъ іезуитамъ важно было не столько просвѣщеніе темныхъ массъ народа, сколько то, чтобы овладѣть воспитаніемъ въ ультра-католическомъ духѣ высшихъ классовъ общества, то они и стремятся устраиваться преимущественно въ городахъ и притомъ болѣе важныхъ. Что у іезуитовъ, дѣйствительно, было въ принципѣ „не закладывать коллегій въ мѣстахъ бѣдныхъ и малонаселенныхъ“ [2]), это подтверждается фактомъ ихъ сопротивленія намѣренію Ник. Христ. Радивилла устроить коллегію въ Несвижѣ. Хотя князь находилъ, что въ Несвижѣ и его окресностяхъ живетъ множество „язычниковъ и схизматиковъ“, на которыхъ и должна быть направлена миссіонерско-просвѣтительная дѣятельность іезуитовъ, послѣдніе, обративъ вниманіе на то, что здѣсь почти нѣтъ дворянскихъ фамилій и что Несвижъ—небольшой городокъ, долго отказывались поселиться въ этой „деревенской пустынѣ“, пока не были побѣждены—не столько доводами князя, сколько благочестіемъ его и расположенностью къ нимъ [3]).

Церемонія возведенія Сарбѣвскаго въ доктора описана въ Annua Collegii Vilnensis S. I. anni 1636 (Рук. Имп. публ. библ., разнояз., F, I, IV, 126: Pisma o Historyi Kosciolnej Wilna i Krakowa, № 4).—Были также извѣстны три ученика Сарбѣвскаго: Николай Кмицицъ (Kmicic), написавшій поэму: Iosaphatidos, sive de nece Iosaphat Kuncewicz († 1632, отъ усиленныхъ занятій); Варѳоломей Орѣховскій, написавшій въ 1622 г. Żołd niezwyciężonego męstwa, поэму на геройскую смерть Завиши, молодаго литовца, павшаго въ бою съ турками; заслуживаетъ, впрочемъ вниманія, не самая поэма, а то, что она въ вѣкъ латыни написана по-польски; Павелъ Димитровичъ, переведшій Кромера на польскій языкъ и издавшій въ сокращеніи (1625 г.).

[1]) *Kojałowicz*, Miscellanea, 121—128. *Rostowski*, 70, 198, 225, 294, 295, 303 304, 457. *Wielewicki*, Diarium histor. (Script. rer. polonic., XIV, passim). *Kraszewski*, II, 458; IV, 29—39. *Baliński*, Akademia Wileńska, 92, 95, 96, 123, 124, 127—130, 144. Болѣе подробныя біо—и библіографическія свѣдѣнія обо всѣхъ этихъ лицахъ читатель найдетъ, помимо цитованныхъ сочиненій, въ курсахъ исторіи польской литературы, напр., у Вишневскаго, Леслава Лукашевича, Кондратовича, отчасти Ёхера.

[2]) Monita privata S. I., I, § 5. О подлинности этой іезуитской инструкціи будетъ сказано въ III главѣ.

[3]) *Rostowski*, 110. 111. 123—124.

Переходимъ теперь къ изложенію исторіи іезуитскихъ коллегій и школъ, появившихся въ предѣлахъ западной Россіи послѣ учрежденія виленской коллегіи, въ порядкѣ ихъ происхожденія [1]).

Въ Ярославлѣ коллегія была заложена Софіей Одровонжовой, по первому мужу Тарновской, въ 1571 году и въ слѣдующемъ году формально была открыта Петромъ Скаргой, который и побудилъ Одровонжовую еще въ 1568 году къ введенію іезуитовъ въ городъ. [2]) Но дальнѣйшихъ свѣдѣній объ ярославской коллегіи и школѣ мы не имѣемъ до 1584 года, подъ которымъ встрѣчаемъ извѣстіе, что мистерія „Навуходоносоръ", разыгранная воспитанниками, привлекла сюда множество новыхъ учениковъ и расположила въ пользу іезуитовъ умы населенія. Театральныя сцены и всенародныя самоистязанія членовъ студенческаго братства, обезпечивая успѣхи школы, въ то-же время привлекали въ орденъ новыя силы; такъ, въ 1585 г. въ общество было принято шесть юношей изъ множества желавшихъ. Въ Ярославѣ въ это время учились даже татарскіе юноши, обращенные въ христіанство; трое изъ нихъ были посланы въ 1589 году въ папскую семинарію въ Римъ. Но всего болѣе развитію ярославской коллегіи содѣйствовало поставленіе во главѣ ея Бенедикта Гербеста, опытнаго педагога и человѣка близко знакомаго съ мѣстными условіями (онъ самъ былъ галицкій шляхтичъ и совершилъ путешествіе по Галиціи). Рядъ несчастій затормозилъ однако учебные успѣхи. Въ 1590 году сгорѣла школа и ученіе прекратилось; въ слѣдующемъ году было выстроено новое зданіе, но лекціи пока читались только семи новиціямъ. Но не успѣли собраться экстерны, какъ чума, свирѣпствовавшая въ теченіе 9 мѣсяцевъ, разогнала ихъ; прекращеніе чумы и трагикомедія „Ангелъ хранитель" (Philacangelus) собрали ихъ опять, причемъ и здѣсь число воспитанниковъ увеличилось значительно на счетъ протестантскихъ училищъ. Основаніе вблизи Ярослава замостской академіи нисколько не повліяло ни на уменьшеніе числа студентовъ въ ярославской коллегіи, ни на успѣхи ихъ въ благочестіи, какъ съ радостію замѣтилъ авторъ „Отчета" (Lit. an.). Напротивъ, можно думать, что процвѣтаніе самой академіи тормозилось успѣхами ярославской коллегіи, въ которой число студентовъ возросло къ 1598 года до 600 человѣкъ, считая схоластиковъ. Въ однихъ низшихъ классахъ преподавали шесть учителей (какъ и въ Вильнѣ). Такой наплывъ учащихся заставилъ іезуитовъ еще въ 1597 году строить новое школьное зданіе. Но въ маѣ 1600 года пожаръ, а затѣмъ моровая язва опять нанесли ярославской коллегіи огромный вредъ и надолго прервали учебныя занятія; только въ началѣ 1602 года была открыта школа, въ которой изъ пяти учителей двое пре-

---

[1]) Изъ различныхъ видовъ іезуитскихъ резиденцій только коллегіямъ было дано право заводить школы и принимать въ видѣ пожертвованій необходимыя для того средства (*Argentus*, De rebus Societatis Iesu in Regno Poloniae, 1620, p 128—130; здѣсь выясняется различіе іезуитскихъ колоній по ихъ задачамъ и отношенію къ имущественнымъ правамъ). Но въ предѣлахъ западной Россіи въ нашъ періодъ существовало нѣсколько школъ и не при коллегіяхъ.

[2]) *Wielewicki*, Scr. rer.polon., XIV, 75. 76. *Любовичъ*, Къ исторіи іезуитовъ въ литовско-русскихъ земляхъ въ XVI в., стр. 8.

подавали въ низшихъ классахъ, и вмѣстѣ возобновлено Богородичное студенческое братство. Но и въ этотъ разъ недолго пришлось заниматься: чума разсѣяла учениковъ; ученіе возобновилось въ январѣ 1603 года и продолжалось 9-ть мѣсяцевъ, пока опять въ концѣ октября не было прервано на 5 недѣль эпидеміей. Все это надолго лишило бы ярославскую коллегію ея прежняго значенія, если бы не пришли къ ней на помощь добрые люди. Благодаря имъ, іезуиты возстановили къ 1608 г. зданія коллегіи, оградили ихъ со стороны города высокимъ брандмауеромъ и учебный персоналъ низшихъ классовъ довели до пяти человѣкъ. Ярославская коллегія нашла особенно щедрую благодѣтельницу въ лицѣ дочери своей фундаторши Анны Костковой, княгини Острожской. Супруга князя Александра Острожскаго обнаруживала большую заботливость о студентахъ, одѣвая бѣдныхъ на свой счетъ и вспомоществуя бурсѣ. Въ 1610 году она отдала въ іезуитское училище двухъ своихъ сыновей. Изъ свѣтлыхъ сторонъ жизни ярославской коллегіи въ началѣ XVII стол. можно отмѣтить торжественное и пышное празднованіе памяти блаж. Станислава Костки (1605 г.), въ честь котораго были написаны многія стихотворенія, рѣчи, были приготовлены эмблематическія изображенія, выведены были на сцену ангелы (двухъ изъ нихъ представляли два мальчика изъ фамиліи Костковъ); спектакль въ честь блаж. Криспа (1613 г.), торжественную встрѣчу возвращавшагося изъ-за границы князя К. Острожскаго, въ честь котораго было напечатано стихотвореніе „Charisterion“ (Львовъ, 1615) [1].

На іезуитскую *школу въ Замостьи* можно смотрѣть, какъ на колонію ярославской коллегіи. Она получила начало не ранѣе марта 1581 г., когда былъ посланъ сюда Янъ Гербестъ, братъ Бенедикта. Занявшись главнымъ образомъ обращеніемъ въ католичество при помощи исповѣди схизматиковъ и еретиковъ, Янъ Гербестъ не замедлилъ открыть и школу, которая къ концу года стала наполняться шляхтой. Первоначально она помѣщалась внѣ города; но въ томъ же году ее собирались перевести въ самый городъ, въ домъ одного шляхтича. Тогда же начали строить и собственныя помѣщенія. Замостскіе іезуиты пользовались покровительствомъ Яна Замойскаго, который не чуждъ былъ даже мысли превратить замостскую резиденцію іезуитовъ въ коллегію [2]. Съ открытіемъ въ Замостьи академіи іезуитская школа прекратила свое существованіе, по крайней мѣрѣ мы не встрѣчаемъ болѣе о ней упоминанія, хотя миссія іезуитская была здѣсь еще въ 1607 г. [3].

---

[1]) Litterae annuae S. I. 1584, pp. 148, 151; 1585, 209, 210; 1589, 127, 128; 1591, 747, 758; 1592, 68; 1593, 260; 1594—5, 328; 1598, 429, 430; 1599, 458, 459; 1600, 558, 559; 1602, 738—741; 1603, 676, 677; 1605, 915—917; 1608, 663, 691, 692; 1610, 413; 1611, 622; 1613—14, 412. *Bandtkie*, Historya drukarń w Królewstwie Polskim i księstwie Litewskim (Kr., 1826), I, 316. 317. *Łukasz*, IV, 74. 75. *Демьяновичъ*, Іезуиты въ Западной Россіи, 66—68.

[2]) *Любовичъ*, Къ исторіи іезуитовъ... Прилож. №№ IV и V: письма Яна Гербеста и Калигари къ Яну Замойскому 1 мая и 20 декабря 1581 г. *Pierling*, Bathory et Possevino, Paris, 1887 г., № 37: письмо Поссевина къ кардиналу ди-Комо 26 января 1582 г.

[3]) Lit. an. S. I. 1607, 445. 446.

Основаніе *полоцкой коллегіи* должно относить къ 1581 году, хотя еще за два года до этого іезуитамъ дана была возможность поселиться въ этомъ городѣ. Стефанъ Баторій, осадивъ въ августѣ 1579 года Полоцкъ, взялъ его послѣ даннаго по совѣту находившихся въ лагерѣ іезуитовъ обѣта и тотчасъ же написалъ въ Вильну Петру Скаргѣ: „пусть прибудетъ начальникъ съ братіей и возьмемъ то, что посвящено Богу за дарованную побѣду. Пусть виленскіе іезуиты не завидуютъ своимъ лузитанскимъ и испанскимъ собратіямъ, которые въ Азіи и Америкѣ пріобрѣтаютъ поклонниковъ истиннаго Бога: къ нимъ индѣйцы и японцы еще ближе,—это русскіе полочане, жители города, весьма невѣжественнаго въ дѣлахъ вѣры". [1]) Но такъ какъ основаніе новой коллегіи требовало сношеній съ Римомъ, то, несмотря на горячее желаніе короля, дѣло нѣсколько затянулось, тѣмъ болѣе, что нужно было еще послать королевскихъ ровизоровъ для опредѣленія будущихъ владѣній іезуитовъ. Съ ними-то въ 1580 году поѣхало въ Полоцкъ нѣсколько іезуитовъ, а въ іюлѣ 1581 года король, отправляясь туда же, взялъ съ собою и Скаргу. Здѣсь король лично распорядился возвратить дворянамъ и гражданамъ то имущество, на владѣніе которымъ они предъявили законныя основанія, а прочее передалъ іезуитамъ съ тѣмъ условіемъ, чтобы хорошо устроенная коллегія могла содержать до 50 членовъ общества, а если бы оказался остатокъ, то чтобы была фундована семинарія, парохія или госпиталь, по усмотрѣнію коллегіи. [2]) 2 января 1582 года Баторій закрѣпилъ свой даръ жалованный грамотой, въ которой заявлялъ, что желая обратить къ намѣстнику Христа и просвѣтить науками, изящными искусствами и истинной религіей здѣшній народъ, погруженный въ схизму и невѣжество, онъ порѣшилъ передать полоцкимъ іезуитамъ имѣнія всѣхъ городскихъ церквей, кромѣ каѳедральной (т. е. имѣнія семи монастырей и 8 церквей), мыто съ моста черезъ Двину, плацъ въ верхнемъ замкѣ, плацъ между городомъ и замкомъ, островъ на рѣкѣ („Островъ") для постройки на немъ коллегіи и право построенія мельницы на рѣкѣ Полотѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ король приказывалъ немедлено передать іезуитамъ тѣ изъ указанныхъ имѣній, которыя находились въ рукахъ частныхъ лицъ. Однако въ Польшѣ королю легче было приказать, чѣмъ заставить повиноваться себѣ. Отдано было іезуитамъ не все, да и отданное, какъ опустошенное войной, было такъ ничтожно, что „не стоило людской зависти": въ первые четыре года на доходъ съ селъ нельзя было содержать даже трехъ отцовъ. Всего болѣе вредило полоцкимъ іезуитамъ нерасположеніе къ нимъ мѣстнаго населенія во главѣ съ православнымъ епископомъ и воеводой Николаемъ Монвидомъ Дорогостайскимъ, кальвинистомъ. Послѣдній съ самаго же начала сталъ во враждебное къ нимъ отношеніе. Когда въ 1583 г. онъ вошелъ было въ составъ королевской комиссіи для разграниченія надѣловъ полоцкой коллегіи, то совершенно затормозилъ ея дѣятельность,

---

[1]) *Rostowski*, 90. 91.

[2]) *Pierling*, Bathory et Possevino, № 23. *Wielewicki*, Scriptores rerum polonicarum, VII, 18. *Любовичъ*, Къ исторіи іезуитовъ въ литовско-русскихъ земляхъ въ XVI в., 15, прим.

вооруживши противъ іезуитовъ всю шляхту подъ тѣмъ предлогомъ, что софійскій соборъ и монастырь Спаса отданы имъ королемъ безъ всякаго права, такъ какъ они владѣютъ древними привиллегіями. Исключенный Баторіемъ, по донесенію Скарги, изъ состава комиссіи, Дорогостайскій не унялся и нѣсколько разъ пытался отнять у іезуитовъ замковое имѣніе Екимани (Iekimani) [1]. При всѣхъ этихъ неблагопріятныхъ для учебныхъ занятій обстоятельствахъ іезуиты собрали пять мальчиковъ и открыли ученіе еще, кажется, въ 1581 году. [2] Но скоро положеніе іезуитовъ и школы улучшилось и тѣ самые „фотиніане", которые, не имѣя своей школы, по зависти не посылали къ нимъ дѣтей, послѣдовавъ примѣру воеводы и епископа, изъ которыхъ первый отдалъ въ училище своихъ сыновей, а второй—племянника,—стали пользоваться трудами ихъ по части образованія юношества, такъ что уже въ апрѣлѣ 1582 года іезуиты имѣли или надѣялись имѣть достаточно учениковъ. [3] Дисциплина школы, драмы и нѣсколько діалоговъ, разыгранныхъ учениками, торжественность іезуитскаго богослуженія, подвиги членовъ студенческаго братства, общежитіе для бѣдныхъ учениковъ,—все это также имѣло немалое значеніе въ этой перемѣнѣ настроенія гражданъ. Наконецъ, полоцкимъ іезуитамъ побѣдить нерасположеніе православныхъ къ своей школѣ удалось тѣмъ легче, что они въ 1584 году стали „обучать ихъ дѣтей русскимъ письменамъ": конечно, простодушные граждане не знали, что это дѣлается для того и „такимъ образомъ, чтобы дѣти привыкали къ латинскимъ буквамъ и обрядамъ". Въ виду этихъ успѣховъ и въ ожиданіи большихъ, іезуиты въ 1585 году начали строить для школы отдѣльное зданіе, такъ какъ до этого она, повидимому, занимала временное помѣщеніе. И, дѣйствительно, полочане сдѣлались настолько ревностны къ іезуитскому просвѣщенію, что нѣкоторые изъ нихъ стали покупать дома близъ коллегіи, чтобы дѣтямъ было ближе ходить въ школу, а иные требовали учителей къ себѣ на домъ. Послѣднее однако едва ли могло быть допущено, такъ какъ въ октябрѣ 1586 года въ Полоцкѣ изъ десяти человѣкъ іезуитовъ только трое занимались учительствомъ, да и они нужны были для публичнаго преподаванія. При всемъ томъ іезуиты не были довольны школой: она была малолюдна. Объясняя это не только враждой къ себѣ иновѣрцевъ, но и тѣмъ обстоятельствомъ, что школа отстояла довольно далеко отъ го-

---

[1]) Витебская старина, V, ч. I, №№ 49. 51; Ср. А. З. Р., III, № 143; *Wielewicki*, Scriptores rerum polonicarum, VII, 43. 44. 59. 74. *Rostowski*, 112. Исторія утвержденія полоцкихъ іезуитовъ во владѣльческихъ правахъ тянется долго и выходитъ за предѣлы нашего періода (См. относящіеся сюда документы въ А. Ю. и З. Р. I, № 215, и «Informacya o fundacyi collegium połockiego»—въ Витеб. губ. вѣд., 1867 г., № 32).

[2]) Ростовскій сообщаетъ о Стан. Лэнчицкомъ (Lancicienſis), ученомъ математикѣ, что онъ первый началъ ученіе (magisterii labores) и умеръ 7 января 1581 г. (р. 93).

[3]) О расположенности къ іезуитамъ полоцкаго епископа Ѳеофана Рыпинскаго свидѣтельствовалъ Поссевинъ въ апрѣлѣ 1582 г. (*Turgieniew*, Supplementum ad histor. Russiae monumenta, 401). Но онъ не своего сына отдалъ въ іезуитскую школу, какъ сообщаетъ Ростовскій (93), а сына сестры. Впрочемъ, Litterae annuae свидѣтельствуютъ, что совращеніе мальчика въ католичество совершилось безъ вѣдома епископа.

рода, іезуиты въ 1597 году заложили въ самомъ городѣ новое деревянное зданіе для коллегіи, куда въ ноябрѣ слѣдующаго года и перебрались вмѣстѣ съ школой, оставивъ на старомъ мѣстѣ, въ замкѣ, только новиціевъ, жившихъ здѣсь до 1602 года. Но и на новомъ мѣстѣ едва ли успѣхи школы были очень значительны: іезуиты попрежнему жалуются на малое число учениковъ, попрежнему въ ней три класса (два грамматики и одинъ поэзіи) и три преподавателя [1]). Но впослѣдствіи, быть можетъ, въ полоцкую школу было введено и преподаваніе риторики и философіи съ богословіемъ, если только извѣстіе Ростовскаго о двухъ умершихъ въ 1625 году въ Полоцкѣ профессорахъ—Стан. Кнапскомъ и Ник. Бенедиктѣ, изъ которыхъ первый протрудился въ школѣ 20 лѣтъ, преподавая грамматику и краснорѣчіе, второй—краснорѣчіе, философію и богословіе [2]),—можно понимать такъ, что эти лица провели все время въ Полоцкѣ и притомъ имѣли дѣло не съ новиціями.

Изъ другихъ свѣдѣній о жизни полоцкой школы можно отмѣтить слѣдующія. Въ 1596 году моровое повѣтріе унесло нѣсколько юношей; въ 1602 году коллегія пострадала отъ пожара, вслѣдствіе чего число учениковъ значительно уменьшилось; въ 1603 году библіотека коллегіи увеличилась изданіями докторовъ церкви на сумму въ 580 фл.; въ этомъ же году особенно торжественно отпразднованы были дни Пасхи и Тѣла Христова, причемъ въ процессіи принималъ участіе и русскій (уніатскій) епископъ, который присутствовалъ и на драмѣ, разыгранной школьниками. Эпидемія 1604 года, вѣроятно, надолго прекратила ученіе, если новиціевъ во главѣ съ ректоромъ Михаиломъ Беканомъ перевели въ Вильну и купили для нихъ даже два дома. Въ 1607 г. здѣсь были для нихъ выстроены деревянные бурса и конвиктъ [3]).

Полоцкіе іезуиты завели еще двѣ школы, кромѣ полоцкой: *въ Оршѣ* и еще въ какомъ-то сосѣднемъ городѣ, причемъ и тамъ и здѣсь главный

---

[1]) Lit. annuae S. I. 1584, p. 151. 152; 1585, 213. 214; 1586—7, 157. 158; 1588, 105; 1591, 782. 783; 1594, 334; 1596, 44; 1597, 64; 1598, 409; 1599, 477; 1600, 560, 561; 1602, 712, 747, 748, 753, 754; 1604, 752, 753; 1606—8, 761; 1611, 644. Ростовскій (p. 361) и г. Сапуновъ («Замѣтка о коллегіи и академіи въ Полоцкѣ», 9—11) утверждаютъ, вѣроятно, на основаніи королевской грамоты 2 января 1582 г., что первоначально школа была построена на Островѣ, откуда перенесена была въ городъ только въ 1641 году въ виду неудобствъ сообщенія. Но Litterae annuae прямо говорятъ, что училище съ коллегіей существовали до 1598 г. въ замкѣ (in arce), а послѣ перенесены были въ городъ. Велевицкій же сообщаетъ, что комиссары въ 1583 г. назначили для коллегіи и школы площадь возлѣ храма въ городѣ (Scriptores rerum polon., VII, 44).

[2]) *Rostow.*, 304.

[3]) Litt. ann. 1596, 44; 1602, 751—3; 1603, 685; 1604, 758; 1607, 494. *Rostow.*, 219. Что полоцкихъ схоластиковъ перевели въ Вильну не навсегда, а только на время, хотя и значительное, видно изъ упоминанія о нихъ подъ 1608—1611 годами. Въ 1608 г. въ Полоцкъ перенесенъ риторическій классъ изъ Несвижа (Lit. an. 1608, 767. 770). Для исторіи полоцкой коллегіи, быть можетъ, дастъ что-нибудь новое брошюрка: «Notatka o akademii i szkołach iezuitów w Połocku» (Poznań, 1884); мы, къ сожалѣнію, не могли достать ее.

контингентъ учащихся составляли дѣти шляхты и еретиковъ [1]). Въ Оршѣ школа существовала безпрерывно до учрежденія коллегіи, вопросъ о коей назрѣлъ уже къ 1606 году и рѣшенъ былъ въ положительномъ смыслѣ самимъ королемъ, который и выстроилъ ее не позже 1620 года. Возведеніе резиденціи въ Оршѣ на степень коллегіи имѣло для школы благотворное значеніе: іезуиты, пожелазъ монополизировать образованіе, выхлопотали чрезъ своего благожелателя Яна Ходкевича привилей, въ силу котораго никому изъ „фотиніанъ“ не дозволялось устраивать школъ ни въ Оршѣ, ни въ сосѣднихъ мѣстахъ [2]).

Учрежденіе *люблинской коллегіи* обусловилось весьма щедрыми пожертвованіями нѣсколькихъ знатныхъ поляковъ (1581). По донесеніямъ въ Римъ нунція Калигари, молодой Бернардъ Мацѣевскій (впослѣдствіи гнѣзненскій архіепископъ) пожертвовалъ для люблинской коллегіи имѣній на 30 тысячъ флориновъ, лежавшій на нихъ долгъ въ 10 тыс. флорин. погасила его двоюродная сестра Ваповская, Н. Зебржидовскій подарилъ на 14 тысячъ имѣній съ рыбными ловлями и лѣсами и, наконецъ, Тенчинскій, белзскій воевода, отдалъ подъ коллегію большой каменный домъ въ городѣ. Домъ Тенчинскаго и былъ облюбованъ іезуитами, которые перебрались въ него на второй день послѣ своего прибытія въ Люблинъ (1 сент. 1581 г.). Къ этимъ пожертвованіямъ присоединились новыя: превосходный садъ, подаренный сестрой Тенчинскаго, площадь, уступленная гражданами, и т. п. Самъ Баторій ассигновалъ въ теченіе пяти лѣтъ пять тысячъ флориновъ на постройку коллегіи, а въ 1585 году въ три дня на нее собрано было 20 тысячъ флориновъ [3]). Когда именно была открыта школа, неизвѣстно; можно только думать, что скоро по основаніи самой коллегіи или одновременно съ нею, если въ 1586-7 гг. всѣ четыре класса ея были наполнены учениками, которыхъ собралось болѣе 500. Впрочемъ, этотъ необычайный успѣхъ люблинской школы, вслѣдствіе какихъ-то печальныхъ для іезуитовъ обстоятельствъ, скоро былъ парализованъ и въ 1589 году учениковъ насчитывалось только 300. Случилось въ этомъ году и еще одно неблагопріятное событіе: во время пребыванія короля въ Люблинѣ, на другой день послѣ того, какъ онъ посѣтилъ іезуитовъ и былъ привѣтствованъ рѣчами и стихами студентовъ, вспыхнулъ пожаръ и истребилъ постройки коллегіи. Однако, случай этотъ учебныхъ занятій не прервалъ: они продолжались въ приспособленномъ для того домѣ. Болѣе серьезный ударъ нанесенъ былъ коллегіи моровымъ повѣтріемъ, посѣтившимъ Люблинъ въ 1591 году и заставившимъ іезуитовъ удалиться отсюда и закрыть на время свою все еще процвѣтавшую школу, въ которой уже преподавало семь человѣкъ: пять—въ низшихъ классахъ и два—казуистическое и полемическое богословіе. Но скоро люблинское училище опять поднялось на прежную высоту и въ 1596 году мы опять

---

[1]) Litt. ann. 1594—5, 332.

[2]) Relacye nuncyuszów apostolskich, II, 103. 104. Lit. an. 1609, 461; 1611, 678. *Argentius*, p. 30. *Rostowski*, 241. 291.

[3]) *Wielewicki*, Scriptores rerum polonicarum, VII, 25, 26. *Любовичъ*, Къ исторіи іезуитовъ.., 16, примѣч. 1.

видимъ въ немъ 400 студентовъ. Многіе изъ нихъ обнаружили въ этомъ году свои ораторскіе и поэтическіе таланты при встрѣчѣ кардинала Юрія Радивилла, который два года тому назадъ записалъ на люблинскую коллегію село Лезово. Между тѣмъ спектакли, дававшіеся студентами, понравились особенно шляхтѣ, посѣщавшей трибунальные суды въ Люблинѣ, и цифра учениковъ, ежегодно повышаясь, дошла въ 1600 году до 600. Эта масса попрежнему была раздѣлена на пять низшихъ классовъ и богословское отдѣленіе, состоявшее изъ двухъ каѳедръ—казуистики и полемики. 1602-й годъ ознаменовался въ исторіи люблинской коллегіи трехмѣсячнымъ перерывомъ въ занятіяхъ по случаю эпидеміи, пріобрѣтеніемъ весьма удобной и живописной пригородной дачи и перенесеніемъ сюда изъ Ярослава риторическихъ курсовъ для схоластиковъ, такъ называемой академіи. На слѣдующіе годы падаютъ въ люблинской коллегіи торжества, въ которыхъ принимали участіе и студенты. Въ 1605 году они встрѣчали проѣзжавшихъ чрезъ Люблинъ персидскаго посла и пословъ Лжедимитрія; послѣдніе, осмотрѣвъ классы, заявили іезуитамъ, что ихъ государь имѣетъ намѣреніе воспитывать молодежь подобнымъ же образомъ и на Москвѣ, а на обратномъ пути обѣщали прислать сюда для образованія учениковъ изъ московскаго государства. Въ 1606 году студенты привѣтствовали въ храмѣ латинскою рѣчью и латинскими и польскими стихами невѣсту Лжедимитрія. Въ этомъ же году продолжалось нѣсколько дней торжество въ честь блаж. Станислава Костки, съ пѣніемъ, „симфоніями“ и спектаклемъ. Ко времени 1606—1610 годовъ относятся обогащеніе библіотеки коллегіи книгами, завѣщанными мѣстнымъ земскимъ судьей Конецпольскимъ, на сумму въ 600 фл., учрежденіе конвикта и построеніе новаго училищнаго зданія, на счетъ Варвары Замойской [1]).

На конецъ изслѣдуемаго нами періода въ жизни люблинской коллегіи приходятся событія, рисующія ее въ неблагопріятномъ свѣтѣ, хотя характерныя для іезуитскаго учебнаго заведенія. Въ 1614 году люблинскіе іезуитскіе студенты разрушили протестантскій храмъ [2]); спустя 13 лѣтъ они произвели еще большій разгромъ, при которомъ пострадали зборы кальвинскій и социніанскій и дома многихъ изъ шляхты. Поводомъ къ нему было слѣдующее обстоятельство. 1 августа 1627 года студенты провожали въ Калишъ своихъ профессоровъ. Возвращаясь назадъ, они на предмѣстьи города задѣли нѣмецкую стражу белзскаго воеводы. Нѣмцы въ обиду себя не дали и—на полѣ стычки остался трупъ одного студента. Возбудивъ народъ извѣстіемъ о томъ, что протестанты убиваютъ католиковъ, студенты и разрушили съ его помощью оба збора. Трибунальный декретъ о выселеніи протестантовъ изъ Лю-

---

[1]) Litterae annuae S. I. 1584, 152; 1585, 201. 215; 1586—7, 163; 1589, 128; 1591, 747. 756; 1594—5, 329; 1596, 28—31; 1598, 430; 1599, 459; 1600, 562; 1602, 712. 738. 741. 743; 1605, 913; 1607, 396; 1608, 663. 688 (cf. 1606—8, 729. 731); 1609, 420; 1610, 402. 411. *Wielewicki*, Diarium (Script. rerum polonic., X, 2, 120).

[2]) Relacye nuncyuszów apostol., II, 111, прим. 1.

блина способствовалъ, конечно, успѣхамъ іезуитской коллегіи [1]). Но, вѣроятно, не только этими двумя подвигами создалась слава люблинскихъ іезуитскихъ студентовъ, какъ самыхъ буйныхъ, наряду съ виленскими, почему на конвокаціонномъ сеймѣ 1632 года диссиденты и просили о перенесеніи коллегій изъ Вильны и Люблина на другія, болѣе спокойныя мѣста [2]).

Несвижская коллегія основана Ник. Христ. Радивилломъ (Сиротской) въ 1584 году. Князь приглашалъ въ Несвижъ іезуитовъ еще въ 1582 году, но они тогда отклонили приглашеніе, хотя и послали на всякій случай для приготовленія почвы двухъ братьевъ. Укрѣпившись послѣ путешествія въ Іерусалимъ въ своемъ намѣреніи водворить іезуитовъ въ своихъ многочисленныхъ имѣніяхъ, „въ которыхъ не оставалось почти никакого слѣда св. вѣры", Радивиллъ настоялъ на своемъ и въ 1584 году несвижская резиденція была преобразована въ коллегію, а въ слѣдующемъ году была открыта школа грамматики, въ которую набралось 40 учениковъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ іезуиты начали катихизацію мальчиковъ, не посѣщавшихъ училища [3]). Первоначально іезуиты со школой были помѣщены въ какомъ-то жалкомъ деревянномъ домѣ (w drzewie błahim), поэтому, а также потому, что число учениковъ чрезъ годъ увеличилось вдвое, въ силу чего должно было умножиться и число самихъ іезуитовъ, приступлено было въ 1586 году къ построенію на пожертвованныя Радивилломъ 8 тыс. флориновъ на отведенномъ имъ же мѣстѣ каменныхъ зданій, настолько, повидимому грандіозныхъ, что въ три года была отдѣлана только половина ихъ, хотя и бо́льшая; тѣмъ не менѣе въ 1588 году іезуиты уже перебрались въ оконченную часть коллегіи, гдѣ ученики и привѣтствовали фундатора. Поддержаніе коллегіи и новаго храма, который князь началъ воздвигать для іезуитовъ, потребовало опредѣленной фундаціи и Радивиллъ далъ іезуитамъ дарственную запись на волость Липскую съ 8 деревнями, утвержденную сеймомъ 1589 года. Но и кромѣ этой фундаціи Радивиллъ часто оказывалъ благодѣянія школьникамъ, одѣвая бѣдныхъ на свой счетъ. Другія же благодѣтели собрали 1500 флориновъ на устройство общежитія при коллегіи [4]). Въ 1591 году несвижская коллегія представляла такой видъ. Изъ 30 іезуитовъ шестеро состояли преподавателями: два грамматики, одинъ поэтики, одинъ риторики и двое казуистическаго и полемическаго богословій; изъ остальныхъ нѣкоторые слушали богословскія науки (5) и риторику (16), а нѣкоторые занимались дѣлами миссіи. Кромѣ этихъ 30 іезуитовъ, въ коллегіи жило 8 братьевъ ордена, присланныхъ изъ Юрьева по случаю ливонскихъ бѣдствій и изучавшихъ

---

[1]) Письмо Петра Станкара 1627 года къ польному литовскому гетману (Рук. Имп. публ. библ. Пол. F, IV, 216). *Lubieniecius*, Hist. reform. Poloniae, 261. 263. 269.

[2]) *Голубевъ*, Петръ Могила, Прилож., стр. 412.

[3]) Lit. an. 1584, 146. 152; 1585, p. 221; *Rostow.*, 110. 111. 123. 124; *Theiner*, Annales ecclesiastici, III, подъ 1584 г., № 75.

[4]) Рук. Имп. публ. библ. Пол., F, IV, 190,—письмо Ник. Хр. Радивилла отъ 1589 г. 16 іюля; Lit. ann. 1586—7, p. 181; 1588, p. 108; 1589, 138. *Wielewicki*, Scriptores rerum polonicarum, VII, 92. Volumina legum, II, 288.

здѣсь гуманитарныя науки. Ученики обнаружили какъ свое благочестіе, подвергнувъ себя въ великомъ посту самобичеваніямъ и другимъ проявленіямъ религіозности, требуемымъ правилами образовавшагося среди нихъ въ 1586-7 гг. Богородичнаго братства, такъ и успѣхи въ наукахъ, разыгравши въ присутствіи папскаго нунція Рангони драму [1]). Не менѣе учениковъ другихъ іезуитскихъ гимназій они проявляли стремленіе къ писанію по всякимъ поводамъ высокопарныхъ и трескучихъ стихотвореній. Таково, напр., „Carmen votivum ad angelorum principes", по случаю благополучнаго возвращенія князя Ник. Христ. Радивилла съ генеральнаго сейма 1601 года [2]). Такого же рода стихи писались, вѣроятно, и по случаю возвращенія Радивилла изъ Италіи въ 1593 году и по случаю посѣщенія коллегіи уніатскимъ митрополитомъ и канцлеромъ Львомъ Сапѣгой въ 1600 году. Въ 1606 году одинъ изъ несвижскихъ студентовъ привѣтствовалъ рѣчью на латинскомъ языкѣ сандомирскаго воеводу, отправлявшагося съ дочерью въ Москву; приготовлена была рѣчь и для невѣсты Димитрія Самозванца, но послѣдняя отклонила ее [3]).

Составъ преподававшихся въ несвижской школѣ учебныхъ предметовъ подвергался значительнымъ колебаніямъ. Мы видѣли, что въ 1591 году она состояла изъ 4-хъ низшихъ классовъ и богословскаго отдѣленія съ преподавателями казуистическаго и полемическаго богословій. Но съ слѣдующаго года число несвижскихъ іезуитовъ падаетъ съ 30 на 16 и вмѣстѣ сокращается число учителей: въ 1596 году ихъ только трое и преподаютъ они въ трехъ низшихъ классахъ. Къ самому концу XVI столѣтія дѣла улучшаются; ученики—иновѣрцы проявляютъ всё большее стремленіе къ католичеству и самая школа помѣщается въ нижнемъ этажѣ вновь выстроеннаго флигеля. Въ 1600 году опять вводятся полемическое и казуистическое богословіе и число учителей возрастаетъ до 5, кромѣ тѣхъ, которые занимались съ новиціями; изъ нихъ двое преподаютъ богословскіе предметы, одинъ гуманитарные и двое грамматику. Въ 1602 году преподавали трое въ низшихъ классахъ, двое на богословскомъ отдѣленіи и одинъ занимался съ новиціями—академиками, изъ которыхъ 6 слушали казуистическое богословіе и 6 риторику. Чрезъ нѣсколько лѣтъ профессору полемическаго богословія поручили читать и священное писаніе. Изъ низшихъ классовъ и въ 1606—8 годахъ въ двухъ преподавалась грамматика, въ одномъ—поэзія; риторика читалась только новиціямъ. Одновременно съ этимъ развилась, благодаря щедрости нѣкоего гражданина, и бурса для бѣдныхъ. Послѣднее извѣстіе изъ исторіи несвижской коллегіи въ нашъ періодъ находимъ у Ростовскаго подъ 1625 годомъ. Въ этомъ году сюда были переведены по случаю морового повѣтрія виленскіе студенты богословія, но и въ Несвижъ пробравшаяся зараза разогнала коллегію. Остались только іезуиты для попеченія объ умирающихъ и двѣнадцать новиціевъ, слушавшихъ богословіе у о. Аланда [4]).

---

[1]) Lit. ann. 1591, p. 784—5; cf. 764.

[2]) Рук. Имп. публ. библ. Лат., Q, XIV, 175.

[3]) Lit. ann. 1593, 265; 1600, 574. *Wielewicki*, Scriptores rerum polonic., X, p. 121.

[4]) Lit. ann. 1596, 42; 1598, 412; 1599, 493; 1600, 573; 1602, 712; 1606—8, 761 (ср. 1608, 742); 1609, 450; 1611, 665. *Rostowski*, 303.

Начало іезуитской коллегіи и школы во *Львовѣ* должно быть отнесено къ 1608 году, хотя іезуиты появились здѣсь впервые въ 1585-1586 годахъ, вызванные сюда мѣстнымъ латинскимъ архіепископомъ Яномъ Димитріемъ Соликовскимъ, который отвелъ имъ на первыхъ порахъ нѣкоторыя зданія каѳедры. Львовскіе іезуиты, хотя число ихъ до открытія коллегіи не превышало тринадцати, успѣли развить самую широкую дѣятельность на пользу католичества. Дѣйствуя за предѣлами Львова, іезуитскія миссіи привели къ уніи три города и 30 русскихъ селъ. 43 попа, по словамъ „Годичнаго отчета“, прокляли схизму и затѣмъ служили и говорили проповѣди на своемъ языкѣ и по своимъ обрядамъ въ католическихъ церквахъ, а іезуиты служили латинскія мши въ уніатскихъ храмахъ, проповѣдуя по-польски и по-русски. Ревностнымъ католикамъ желалось для еще большихъ успѣховъ латинства возвести львовскую резиденцію въ разрядъ коллегій еще съ первыхъ годовъ ея существованія, и они дѣлали щедрыя пожертвованія на этотъ предметъ и деньгами и деревнями. Но на пути къ осуществленію этого желанія стояли городскія власти, которыя опасались за свою школу и за спокойствіе города. И, дѣйствительно, іезуиты успѣли уже заявить себя насиліями: въ 1600 году они попытались отнять у львовскихъ евреевъ синагогу, [1]) что имъ и удалось потомъ. Теперь іезуиты были недалеко отъ того, чтобы открыть школу въ „своемъ“ уголкѣ, но этому опять энергично воспротивились львовскіе граждане, защищавшіе интересы краковскаго университета, и имъ пришлось продолжать тяжбу съ магистратомъ; въ концѣ концовъ іезуиты при помощи вельможныхъ покровителей и самого короля добились того, что граждане уступили имъ за 9 тысячъ флориновъ плацъ у ихъ калитки, баню и домъ магистратскій подъ названіемъ „старая школа“, и 2 октября 1608 года іезуиты открыли уже ученіе въ своей гимназіи, послѣ договора, заключеннаго съ магистратомъ и капитулой [2]). Но нечего говорить, что іезуиты этого договора не исполнили, да и не могли исполнить, если отъ учениковъ не было отбою. А что въ самомъ дѣлѣ наплывъ къ нимъ учащихся былъ великъ, видно изъ того, что при открытіи гимназіи ихъ оказалось болѣе 200, а на другой годъ—400 человѣкъ. Въ виду такого обилія учени-

---

[1]) Въ «Оглашеніи церкве братской Львовской» (1600) читаемъ:... «невѣрный и каменосердечный твердостный народъ отверженный отъ лица Божія ратунокъ одъ всюду подали и вставали противко отцомъ єзуитомъ и недали взяти школи собѣ албо божници своей жидовской во Львовѣ» (Тр. Кіев. д. ак., 1876. I, 386—7).

[2]) Litterae annuae 1598, 436; 1599, 465; 1603. 996—700; 1606—1608, 746. 747. *Wielewicki.* Script. rerum polon., X, 280. *Baracz*, Pamiętnik dziejów polskich, 9—13. Вопреки всѣмъ этимъ свидѣтельствамъ, Ѳома Юзефовичъ въ своихъ сочиненіяхъ: «Leopoliensis archiepiscopatus Historia» (Рук. Имп. публ. библ. Лат., F, I, № 585, л 50) и «Annales urbis Leopoliensis» (Bibliot. narod. zakladu im. Ossolinskich, IX, 254) утверждаетъ, на основаніи будто-бы рукописныхъ данныхъ коллегіи, что учебныя занятія въ Львовѣ начались въ 1609 г. Съ другой стороны, Март. Ржеховскій, о которомъ говоритъ Юзефовичъ, и Зиморовичъ, авторъ сочиненія: «Codex archivialis civitatis Metropolitanis Leopoliensis», 1765 г. (Рукоп. Имп. публ. библ., Лат., F, IV, 178) пріурочиваютъ начало уроковъ къ сентябрю 1608 г. За принятую нами дату- авторитетъ Litterae annuae, Велевицкаго и документа, изданнаго Баронченъ (Liber resignationum 1600—1620).

ковъ уже въ 1611 году пришлось купить новый домъ для школы, въ которомъ и было устроено 6 классовъ. Значеніе львовской коллегіи съ школой скоро еще болѣе увеличилось, когда ей была пожертвована библіотека, оцѣненная въ тысячу червонцевъ, и 14300 флориновъ деньгами (1614 г.). Составъ курса опредѣлился въ 1615 г. такимъ образомъ: два профессора читали богословіе схоластическое и моральное (по другому извѣстію, двое читали казуистику), одинъ-полемическое и въ трехъ классахъ преподавались гуманитарныя науки. Въ такомъ видѣ программа выполнялась по крайней мѣрѣ до 1630 г. [1]). Впослѣдствіи, во второй половинѣ XVII в., львовскіе іезуиты пытались, но неудачно, возвести свою школу на степень академіи [2]). — Свойственная всѣмъ іезуитскимъ школамъ страсть къ виршеписанію во Львовѣ нашла себѣ выраженіе въ двухъ панегирикахъ, изъ которыхъ первый—„Vota, fausta, omina, gratulationes“ былъ составленъ по поводу вступленія на львовскую каѳедру новаго архіепископа Іоанна Андрея Прохницкаго [3]), а второй—„Apophoretum Generthliacum“—представляетъ изъ себя именинное стихотворное поздравленіе на латинскомъ и греческомъ языкахъ львовскому гражданину Эразму Сикету, издателю и знатоку классической литературы, составленное его сыномъ и товарищемъ послѣдняго въ 1622 г. и полное миѳологіи [4]).

Въ г. *Савинѣ* холмскаго повѣта, въ двухъ миляхъ къ сѣверу отъ Холма, существовала въ 1608 г. школа при іезуитской миссіи, но мы не знаемъ, когда она была заведена. Способъ же выраженія Годичнаго отчета даетъ думать, что іезуиты возстановили въ Савинѣ пришедшую въ упадокъ мѣстную католическую школу, а не учредили вновь свою [5]).

Въ 1609 г. была основана коллегія въ *Луцкѣ*. Необходимость въ іезуитахъ для улучшенія печальнаго религіознаго положенія луцкой католической епархіи была сознана еще еп. Бернардомъ Мацѣевскимъ, который и пригласилъ сюда двухъ миссіонеровъ; съ ними онъ ѣздилъ и по епархіи. Въ 1604 г. новый луцкій епископъ Мартинъ Шишковскій, объѣзжая съ приглашенными имъ іезуитами свой діоцезъ, нашелъ, что волынская земля, владѣющая еретическими и схизматическими школами, не имѣетъ католической, почему предложилъ капитулѣ вызвать въ Луцкъ членовъ ордена. Капитула согласилась и предоставила обсужденіе способовъ фундаціи коллегіи самому епископу, причемъ дала и средства—частью новыя, частью назначенныя раньше на построеніе

---

[1]) Lit. an. S. I. 1608, 663. 692—694; 1609, 421. 422; 1610, 416; 1611, 590. 623. *Wielewicki*, Script. rer. polon., XIV, 116 et praefatio, p. IX. *Iusephowicz*—Рук. Имп. публ. библ., лат., F., I, № 585, л. 49 об., и Bibl. Ossolinskich, IX, 254.

[2]) *Łukasz.*, I, 156 et sqq.

[3]) *Bandtkie*, I. 397. Панегирикъ напечатанъ въ 1615 г.

[4]) Рукоп. Имп. публ. библ., Лат., Q, XIV, № 105.

[5]) Lit. an. 1608, p. 714. Савинъ съ половины XV ст. принадлежалъ холмскимъ католическимъ епископамъ, которые, вѣроятно, и завели здѣсь школу. О ней встрѣчаемъ упоминаніе позднѣе, въ 1642 г.; завѣдывалъ ею тогда холмскій деканъ (А. В. А. К., XXIII, № 209 и пред., стр. 182. 184).

семинаріи. Рѣшено было отдать іезуитамъ въ пользованіе каѳедральный костелъ и часть епископскаго помѣщенія, пока не будетъ выстроено зданіе коллегіи. Но еще до открытія послѣдней іезуиты приступили къ обученію дѣтей, сначала частнымъ образомъ, а съ 1608 г. и публично; одинъ изъ пяти членовъ луцкой колоніи излагалъ грамматику. И хотя нѣкоторые изъ луцкихъ православныхъ дворянъ открыто заявляли о вредѣ іезуитскаго образованія и громко выражали опасеніе, чтобы греческая религія не была изгнана изъ тѣхъ мѣстъ,—на сторонѣ іезуитовъ стояла масса шляхты, жаждавшей просвѣщенія для своей молодежи. Она постановила на сеймикѣ 1608 г. ходатайствовать предъ правительствомъ объ умиротвореніи Луцка, волнуемаго безпокойными людьми, съ тою главнымъ образомъ цѣлью, чтобы юношество могло учиться у іезуитовъ благочестію и наукамъ. При такомъ настроеніи дворянъ и при нравственномъ и матеріальномъ сочувствіи мѣстныхъ католическаго и уніатскаго епископовъ, іезуитамъ удалось пріобрѣсть въ нижнемъ замкѣ домъ и плацъ для постройки нужныхъ зданій. 6 февраля 1609 г. іезуиты испросили у короля привиллегію на построеніе коллегіи съ освобожденіемъ ея отъ всякихъ повинностей. Вслѣдъ за этимъ, 20 мая, луцкій епископъ Павелъ Волюцкій съ своей капитулой публично заложилъ коллегію и ассигновалъ на нее 6 тыс. червонцевъ (aurei) единовременно и по тысячѣ ежегодно, не отказываясь и помимо этого жертвовать на нее крупныя суммы. Теперь можно было подумать и о расширеніи училища. Сначала было устроено два грамматическихъ класса съ 150 учащимися. Спектакль, данный учениками, а также посѣщеніе гимназіи мѣстнымъ уніатскимъ епископомъ, который, польщенный обращенными къ нему стихами на латинскомъ и греческомъ языкахъ, обнаружилъ свою благорасположенность къ училищу,—безъ сомнѣнія, были въ числѣ тѣхъ обстоятельствъ, которыя обусловили такую цифру. Въ слѣдующемъ году (1610) было прибавлено еще два класса—поэзіи и казуистики и число учителей возросло до четырехъ. Открыто было и братство школьное [1]).

Іезуиты, пропагандируя вообще довольно смѣло и открыто католичество среди учащихся у нихъ дѣтей иновѣрцевъ, въ Луцкѣ нашли нужнымъ принять нѣкоторыя мѣры предосторожности. Именно они, чтобы устранить всякія подозрѣнія относительно характера даваемаго ими образованія, стали снабжать совращаемыхъ дѣтей особыми наставленіями [2]). Для большаго привлеченія въ свои школы русскихъ дѣтей, луцкіе іезуиты въ 1614 году ввели въ преподаваніе славянскій языкъ, какъ понятный имъ по церковному употребленію. Въ этомъ дѣлѣ іезуитамъ оказалъ помощь уніатскій митрополитъ Іосифъ Рутскій, прославшій славянскихъ книгъ. За это митрополита, при посѣщеніи имъ училища, школьники привѣтствовали стихотвореніями на славянскомъ языкѣ, чѣмъ

---

[1]) Lit. an. S. I. 1588, 114; 1604, 734. 735; 1607, 396. 443; 1608, 663. 715—717; 1609, 424; 1610, 403, 417; 1611, 624; 1612, 481. 482. *Wielewicki*, Script. rer. polonic., X, 74; XIV, 2. 3. 7.

[2]) Наставленія эти составлены были въ 1613 году римскими богословами-казуистами, по предложенію луцкаго епископа Волюцкаго (*Wielewicki*, Scr. rer. pol., XIV, pp. 101—102). Къ этому документу мы вернемся ниже.

онъ очень услаждался. Изъ другихъ благодѣтелей луцкой гимназіи нужно отмѣтить одного „князя греческаго обряда“ (Юрія Вишневецкаго ?), который въ 1613 году купилъ удобный плацъ для построенія общежитія для нуждающихся учениковъ и готовился назначить ежегодные доходы [1]). Въ 1627 году въ луцкой іезуитской гимназіи училось около 200 человѣкъ и они, подущаемые своимъ начальствомъ, совершили разгромъ братской православной школы, къ чему подготовились, впрочемъ, предшествующими нападеніями на монастырь, госпиталь и братскихъ пѣвчихъ [2]).

Въ 1608 году ввелъ іезуитовъ въ *Каменецъ-Подольскъ* мѣстный католическій епископъ Янъ Андрей Прохницкій. Онъ же подарилъ имъ въ 1609 году каменный домъ стоимостью въ 4 тысячи червонцевъ (aurei) и тысячу—деньгами. Въ 1611 году на новооткрытую коллегію были сдѣланы новыя пожертвованія; подарена была ей и очень цѣнная библіотека, стоившая три тысячи червонцевъ. Но такъ какъ матеріальныя средства іезуитовъ все еще представлялись недостаточными, то въ 1611 году прибѣгли къ мѣрѣ чрезвычайной, именно подольская шляхта на повѣтовыхъ сеймикахъ въ Каменцѣ и Латычовѣ назначила на устройство коллегіи контрибуцію (извѣстный процентъ съ доходовъ имѣній), съ чѣмъ согласился даже одинъ протестантъ, побывавшій на спектаклѣ въ коллегіи. Эта мѣра, утвержденная въ ноябрѣ 1611 года на варшавскомъ сеймѣ, который опредѣлилъ собирать этотъ взносъ вмѣстѣ съ главными даже при помощи реквизицій, дала нѣсколько тысячъ... Въ 1612 году коллегія содержала уже 15 іезуитовъ. Школа въ Каменцѣ была открыта одновременно съ открытіемъ коллегіи и уже въ 1611 году насчитывала 180 учащихся. На увеличеніе ихъ числа имѣлъ большое вліяніе разгромъ іезуитами протестантской школы, находившейся въ одной верстѣ (leuca) отъ города, послѣ смерти въ московскомъ походѣ ея фундатора, браславскаго воеводы (1611). Мальчики оттуда перешли большею частью въ іезуитскую школу и нѣкоторые приняли даже католичество. Каменецкая школа на первыхъ порахъ была низшей; преподаваніе едва ли шло далѣе грамматики. Извѣстны имена двухъ преподавателей этого предмета—Павла Фальтина и Стан. Вуйка, умершихъ одинъ за другимъ въ 1611 и 1612 годахъ [3]).

Въ Крожахъ, въ центрѣ Жмуди, уже въ 1608 году существовала небольшая колонія іезуитовъ (2 человѣка). Въ 1614 году Янъ Карлъ Ходкевичъ заложилъ здѣсь коллегію. Ник. Христ. Радивиллъ, виленскій воевода, которому въ то время принадлежали Крожи, отдалъ на постройку жилища и школы дворецъ и плацъ. Въ 1615 году пожертвованія были утверждены сеймовой конституціей и въ слѣдующемъ году коллегія была открыта; сюда прибыли изъ Вержболова 6 священниковъ,

---

[1]) Lit. an. 1613—1614, p. 413. 414. «Отчетъ» относительно введенія славянскаго языка такъ выражается: «Slavonicae linguae *scholam* excitanimus». Cf. *Łukasz.*, IV, 111.

[2]) Арх. юго-запад. Рос., ч. I, т. VI, №№ 238—239.

[3]) Lit. an. 1608, 719; 1609, 433; 1610, 418. 419; 1611, 625—627, 636. 637; 1612, 449 483. Volumina legum, III, p. 16, § 69. *Łukasz.*, IV, 84. 85. *Симашкевичъ*, 148.

3 лапка и 2 учителя (scholarum magistri), которые и открыли школу. Въ томъ же году школьная молодежь уже фигурировала въ качествѣ хора при встрѣчѣ реликвій, принесенныхъ въ Кромжи изъ Ломжи и Вильны [1]). Дальнѣйшее существованіе крожской школы открывается подъ 1629 годомъ въ написаніи учениками ея панегирика своему ректору [2]).

Въ 1617 году *въ Перемышлѣ*, благодаря щедрости белзскаго воеводы Адама Стадницкаго и мѣстнаго пробоща Гер. Красицкаго, существовавшая здѣсь съ 1610 года іезуитская резиденція была преобразована въ коллегію со школой [3]). Около 1618 года учреждена школа въ *Смоленскѣ*—на первыхъ порахъ въ составѣ двухъ или трехъ грамматическихъ классовъ [4]). Въ 1610—1614 годахъ основана іезуитская резиденція въ *Барѣ*. Когда была открыта здѣсь школа—неизвѣстно, но до 1627 года она уже существовала, если вѣрить іезуиту Шембеку. По его же свидѣтельству, въ это время уже существовала школа въ *Виннницѣ*, въ коллегіи, открытой во второмъ десятилѣтіи XVII вѣка [5]). Въ 1622 году основана была коллегія со школой *въ Фастовѣ*, куда переселились кіевскіе іезуиты. Фундаторомъ ея былъ кіевскій католическій епископъ Богуславъ Радошевскій [6]).

Въ 1624 году устроена была коллегія въ *Острогѣ*, гдѣ іезуиты явились уже въ 1612 году при князѣ Янушѣ Острожскомъ. Послѣ его смерти Острогъ перешелъ къ княгинѣ Аннѣ—Алоизѣ Ходкевичъ, мать которой, жена кн. А. К. Острожскаго, какъ мы видѣли, была ревностнѣйшею католичкой и благодѣтельницей іезуитовъ. По ея то совѣту и примѣру Анна—Алоиза и задумала построить въ Острогѣ коллегію съ костелами и школой, чтобы „вѣра католическая ширилась науками и проповѣданіемъ слова Божія“. Для этого она особымъ актомъ отвела подъ постройку плацъ между улицами Згнилою и Звягельскою или Водяною и другой плацъ надъ прудомъ, между Новымъ мѣстомъ и Наливайковскою пасѣкой,—подъ садъ. На построеніе костела она вручила ректору коллегіи Яну Бортинскому 30 тыс. злот., а на содержаніе іезуитовъ записала цѣлый княгининской ключъ, состоявшій изъ 10 селъ, со всѣмъ,

---

[1]) *Argentus*, 34. 35. *Rost.*, 232. 264. 265. *Łukaszewicz*, IV. 98—100.

[2]) Рук. Имп. публ. библ. Лат., Q, XIV, 224: «Idyllion angelorum principi D. Michaeli, ejusque cultori adm. Rndo Patri Michaeli Kownacki Rectori Collegii Crosensis S. I. ab ejusdem Collegii juventute subeas (?) animo dedicatur, 1629». Панегирикъ этотъ не представляетъ, впрочемъ, никакихъ историческихъ свѣдѣній, кромѣ заключающихся въ названіи его.

[3]) Lit. an. S. I. 1610, p. 425. *Łukasz.*, IV, 141. Въ Перемышль (или Львовъ) замышлялъ ввести іезуитовъ еще въ 1570 г. перемышльскій латинскій епископъ Валент. Гербуртъ (*Łukasz.*, I, 122).

[4]) *Argentus*, De rebus S. I., 1620. p. 32—34; *Rost.*, 302.

[5]) *Pieknorzecki*, Cratis plebański, 34. *Łukasz.*, IV, 47. 48. 185—186. *Argentus*, 44. 45. Барская коллегія утверждена варшавскимъ сеймомъ 1635 г (Volum. legum, III, 413).

[6]) *Pieknorzecki*, 34. Starożytna Polska, II, 496. *Łukasz.*, IV, 87. Въ Кіевѣ коллегія была основана предъ 1620 г., но іезуиты не могли удержаться здѣсь, въ виду народныхъ волненій (*Argentus*, 43—44).

что въ немъ было, даже съ русскими церквами (право подаванья). Въ 1626 и 1627 годахъ Анна—Алоиза дала еще нѣсколько селъ. Ученіе, надо полагать, открылось съ самого же начала, такъ какъ уже въ 1624 году здѣсь былъ построена бурса для учащихся изъ бѣдной шляхты. На первыхъ порахъ это была школа низшая: философія введена была сюда только въ 1636 г. [1]).

Въ 1633 году открыта была Альбрехтомъ Стан. Радивилломъ, канцлеромъ литовскимъ, коллегія съ училищемъ въ *Пинскѣ*, утвержденная сеймомъ 1635 года [2]). Къ нашему же періоду относится появленіе іезуитскаго училища въ *Новгородѣ-Сѣверскѣ*, куда іезуитовъ вызвалъ въ началѣ XVII столѣтія мѣстный плебанъ Мартинъ Градовскій, выстроившій для нихъ домъ и школу и обезпечившій ихъ скудными доходами [3]).

Мы должны отмѣтить, наконецъ, что въ царствованіе короля Сигизмунда III іезуиты утвердились и еще въ нѣсколькихъ западнорусскихъ городахъ, каковы Брестъ, Гродна, Ковна, Бобруйскъ, Кросно (перемышльскаго округа) [4]). Возможно, что въ нѣкоторыхъ по крайней мѣрѣ городахъ они открыли училища еще въ нашъ періодъ [5]), но документальныхъ основаній утверждать это мы не имѣемъ.

Такимъ образомъ, число іезуитскихъ школъ, распространявшихъ католическое просвѣщеніе среди общества и народа западной Россіи, доходило до двадцати. Повидимому, немного для такого обширнаго пространства, но однако ихъ оказалось вполнѣ достаточно, чтобы совершенно измѣнить здѣсь религіозныя отношенія и укрѣпить римскую церковь. Причины этого заключались какъ въ тѣсной связи ихъ со всей дѣятельностью ордена, такъ и въ самомъ внутреннемъ устройствѣ ихъ.

---

[1]) *Stebelski*, Przydatek do chronologii ks. Ostrogskich, III, 137. 138. *Теодоровичъ*, Описаніе волынской епархіи, II, 646—647. *Переговскій*—Вол. епарх. вѣд., 1868 г., №№ 55. 56. Kraj, 1891, № 44, str. 24.

[2]) *Rostowski*, 332. 333; Volumina legum, III, 413.

[3]) *Łukasz.*, IV, 121. Коллегія въ Новгородѣ—Сѣверскѣ открыта гораздо позже, какъ видно изъ факта утвержденія ея сеймомъ только въ 1638 г. (Volum. legum, III, 458).

[4]) *Łukasz.*, IV, 48. 55. 68. 88. 97. Относительно Гродны нужно замѣтить, что еще Стефанъ Баторій въ 1584 году настойчиво приглашалъ туда іезуитовъ и сдѣлалъ даже въ ихъ пользу значительное пожертвованіе. Но величина дара и опасеніе возбудить зависть въ другихъ побудили іезуитовъ отказаться отъ приглашенія; такъ по крайней мѣрѣ они сами мотивировали свой отказъ. Поселились они въ Гроднѣ только въ концѣ правленія Сигизмунда III (*Rostowski*, 124—127. 291).

[5]) Относительно Бреста имѣется указаніе, что тотъ же Стефанъ Баторій думалъ открыть здѣсь школу, повидимому, іезуитскую. Указаніе это заключается въ письмѣ луцкаго епископа Мацѣевскаго къ Ник. Христ. Радивиллу, воеводѣ троцкому, отъ 22 февр. 1593 г.: «благодарю, пишетъ епископъ, за копію мандата к. Стефана, которую я уже получилъ отъ короля на эти новыя брестскія школы» (Копіи писемъ Мацѣевскаго къ Радивиллу—Рук. Имп. публ. библ. Пол., F, IV, № 195)

ГЛАВА III.

Іезуитскія училища. Организація ихъ.

Устройство іезуитскихъ школъ, характеръ ихъ педагогики и дидактики опредѣлялись тѣми историческими условіями, которыя вызвали самое существованіе ордена. Борьба съ протестантствомъ и затѣмъ со всякаго рода иновѣріемъ требовала, во первыхъ, воспитанія чадъ римской церкви въ вѣрности латинству, во вторыхъ—образованія изъ нихъ, если не миссіонеровъ католичества, то, по крайней мѣрѣ, лицъ, способныхъ защищать интересы римской церкви—и духовные, и политическіе. Это была основная задача общественной педагогики іезуитовъ; ею же одушевлялась и школьная ихъ педагогика.

Въ виду этого не покажется страннымъ, если скажемъ, что уже Лойола привелъ воспитаніе въ систему, что онъ установилъ порядокъ занятій, методъ, дисциплину, внутреннее устройство школъ, предметы преподаванія и что все это вошло въ составъ основныхъ конституцій ордена [1]). Система Лойолы легла въ основу іезуитской школьной дѣятельности и выполняется въ существенныхъ чертахъ и до сихъ поръ, хотя и подвергалась не разъ болѣе или менѣе значительнымъ исправленіямъ и дополненіямъ со стороны генеральныхъ конгрегацій ордена [2]). Но особенно крупную роль въ судьбахъ іезуитскаго школьнаго устава сыграли генералъ ордена Клавдій Аквавива (1581—1614) и V-ая конгрегація, благодаря которымъ явился извѣстный „Учебно-воспитательный планъ“—„Ratio et institutio studiorum societatis Jesu—superiorum permissu, Moguntiae, 1600“ [3]). Этотъ планъ—результатъ длинной работы надъ усовершенствованіемъ и упорядоченіемъ педагогической системы основателя ордена, сообразно съ тѣми требованіями, какія успѣла создать школь-

---

[1]) Constitutiones Societatis Iesu, pars IV. Ed. 1606 (въ указателѣ см. подъ Scholastici externi). *Шмидтъ*, Исторія педагогики, III, 215.

[2]) Такъ, напр., уже I-я Конгрегація XIV главу конституцій Лойолы дополнила такимъ образомъ: къ философскимъ учебнымъ предметамъ—логикѣ, философіи натуральной и моральной она добавила метафизику и затѣмъ, кромѣ «магистра сентенцій», позволила читать «суммы» или курсы схоластическихъ богослововъ, какіе покажутся болѣе удобными (декреты 33 и 66. Decreta congregationum generalium, 1635, pp. 38, 52).

[3]) Клавдія Аквавиву сами іезуитскіе писатели считаютъ авторомъ этого произведенія (*Wielewicki*, Scriptores rerum polonic., XIV, 145) и многіе—настоящимъ отцомъ іезуитской педагогики.

ная практика, но съ соблюденіемъ вѣрности ея духу и общему направленію. Пріемы работъ надъ этими планами показываютъ, какъ заботливо относился орденъ къ школьному дѣлу и съ какой предусмотрительностью вводилъ въ жизнь новыя правила. „Ratio et institutio studiorum Societatis Jesu“ въ первоначальной редакціи было составлено въ 1584 г. шестью патерами изъ различныхъ католическихъ государствъ, затѣмъ было отослано въ провинціи, чтобы ученые іезуиты дали отзывы объ его пригодности. Послѣ этого его разсматривали доктора римской коллегіи въ присутствіи трехъ депутатовъ отъ ордена. Послѣ прочтенія его генераломъ, планъ былъ посланъ провинціаламъ, чтобы они опытно извѣдали примѣнимость его къ дѣлу. Наконецъ онъ былъ утвержденъ V-ой генеральной конгрегаціей послѣ того, какъ она согласилась съ доложенными ей соображеніями комиссіи, составленной изъ депутатовъ отъ разныхъ націй для новаго разсмотрѣнія книги [1]). Соотвѣтствіе этого устава задачамъ іезуитовъ и всей программѣ ихъ дѣйствій было таково, что новая редакція его сдѣлана была только черезъ двѣсти слишкомъ лѣтъ, въ 1832 г. Но и этотъ послѣдній учебный планъ, по заявленію генерала ордена Роотгана, не представлялъ чего либо новаго, а былъ только приноровленіемъ старыхъ принциповъ іезуитской педагогики къ потребностямъ и духу времени [2]).

„Ratio et institutio studiorum“ представляетъ подробную и тщательно продуманную регламентацію всѣхъ сторонъ училищной жизни и отношеній воспитанниковъ, учителей и начальниковъ школъ другъ къ другу и къ высшимъ властямъ ордена. Но, тѣмъ не менѣе, этотъ планъ не былъ чѣмъ либо безусловно новымъ и оригинальнымъ. Аквавива и другіе составители его и не могли совершенно освободиться отъ вліянія обнаружившихся до нихъ педагогическихъ и дидактическихъ тенден-

---

[1]) См. предисловіе къ печатнымъ изданіямъ Ratio, датированное 8 янв. 1599 г., и Decreta V-tae generalis congregationis (особ. 41, 56. 58). Ср. *Шмидтъ*, III, 216; *Załęski*, 82, прим. 2.

[2]) Приноровленіе это стояло во включеніи въ программу преподаванія математики и исторіи въ низшихъ классахъ и литературы—въ высшихъ, въ предоставленіи правъ гражданства родному языку, въ дозволеніи здравой критики, въ томъ, наконецъ, что теперь профессора философіи и богословія не были связаны—первый Аристотелемъ, второй Ѳомой Аквинатомъ, какъ прежде (*Раумеръ*, Исторія воспитанія и ученія, I, 408. 409; *Załęski*, l. c.)—Впрочемъ, мы должны замѣтить, что «Учебный планъ» въ первой его редакціи не требовалъ безусловной вѣрности себѣ: онъ позволялъ провинціаламъ вводить новые предметы и науки, примѣнительно къ потребностямъ и нравамъ страны (*Rat. stud.*, Reg. provinc. 39). И, дѣйствительно, мы видимъ, что въ польской и литовской провинціяхъ этимъ позволеніемъ воспользовались,—сначала по отношенію къ народнымъ языкамъ (о чемъ ниже), потомъ по отношенію къ исторіи и къ географіи. У насъ въ рукахъ было, напр., изданіе «Ratio et institutio Soc. Iesu. professoribus classium inferiorum», напечатанное въ концѣ XVIII ст. для школъ литовской провинціи. Этотъ планъ включаетъ въ программу такіе новые, сравнительно, предметы, какъ свящ. и отечественная исторія, общая и польская географія, космографія, и указываетъ новые для нихъ учебники, составленные іезуитскими писателями — педагогами XVIII в.: Вырвичемъ, Напроцкимъ, Ювенціемъ, Деколоніемъ; сообразно съ этимъ сдѣлано было и новое распредѣленіе учебныхъ часовъ (экземпляръ СПБ. Импер. р.—католич. духовной академіи).

ціи. Съ одной стороны, цѣлые вѣка существовалъ и все еще былъ силенъ сроднившійся съ католическою церковью и крѣпко засѣвшій въ старыхъ университетахъ схоластицизмъ,—не только какъ направленіе богословско-философской мысли, но и какъ учебная система, характеризующаяся латинскимъ языкомъ, сведеніемъ всей программы низшаго и средняго образованія къ „семи свободнымъ искусствамъ“ и самымъ недидактическимъ, нераціональнымъ методомъ преподаванія. Съ другой стороны, гуманизмъ, къ концу XV ст. вступившій въ борьбу съ схоластикой и въ области науки и школьнаго преподаванія, выдвинулъ на сцену греческій и еврейскій языки, какъ учебные предметы, и вмѣсто латыни среднихъ вѣковъ сталъ изучать классическую латынь и классическій міръ. Наконецъ, обращала на себя вниманіе и реформа школы, произведенная Лютеромъ и его сподвижниками. Возставши въ церковной области противъ крайностей гуманизма, противъ перенесенія въ христіанство языческихъ понятій и нравовъ, въ области педагогики Лютеръ обрушился на схоластику, заявилъ протестъ противъ исключительнаго изученія латинскаго языка, противъ неуважительнаго отношенія къ языку греческому, языку священныхъ книгъ. По нему, изученіе древнихъ языковъ должно было совершаться не столько для воплощенія въ жизни идей классическаго міра, сколько для цѣлей религіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ Лютеръ положилъ начало, хотя слабое, реальному направленію въ области дидактики, которое впослѣдствіи обосновалъ Янъ Амосъ Коменскій, и оживилъ методы преподаванія. Реформа Лютера положила начало расцвѣту нѣмецкой педагогики; на этомъ поприщѣ заявили себя Меланхтонъ, Цвингли, Неандеръ, Вольфъ, Штурмъ, Тротцендорфъ и мн. др. Школы, ими основанныя и ими руководимыя, получили извѣстность по всей Европѣ, привлекая къ себѣ со всѣхъ концовъ ея сотни и тысячи учениковъ. Іезуитамъ не было нужды выдумывать что нибудь свое при выработкѣ педагогической системы,—имъ можно было воспользоваться уже существующими системами и, заимствовавъ подходящіе элементы, примѣнить ихъ только къ своимъ спеціальнымъ цѣлямъ. Они это и сдѣлали, насколько можно было примѣнить методъ гуманитарно-филологическаго образованія, какое тогда было въ ходу, къ ихъ собственной воспитательной задачѣ—приготовленія если не убѣжденныхъ, то вѣрныхъ чадъ католической церкви. Такъ, можно думать, учебную сторону и отчасти школьные порядки іезуиты позаимствовали у Штурма—по крайней мѣрѣ сходство между тѣми и другими было такъ велико, что поражало самого Штурма [1]). Что до внѣшней организаціи школъ, то тутъ они болѣе

---

[1]) *Раумеръ*, I, 343, 407, 408; *Шмидтъ*, III, 234. Самъ Штурмъ такъ говорилъ объ іезуитахъ: ...«они обучаютъ языкамъ, діалектикѣ и риторикѣ настолько хорошо, насколько сами въ состояніи». «Я видѣлъ, какихъ авторовъ они истолковываютъ и какому методу слѣдуютъ: методъ этотъ столь мало разнится отъ нашего, что, кажется, будто бы они черпали изъ нашихъ источниковъ»... Штурмъ былъ 45 лѣтъ ректоромъ страсбургской школы (1538—1583) и пріобрѣлъ славу отличнаго педагога. Задачу школьнаго образованія онъ ставилъ въ благочестіи, знаніи и искусствѣ рѣчи, но послѣднему придавалъ наибольшее значеніе. Изученіе латинскаго и греческаго языковъ онъ направлялъ къ тому, чтобы ученики могли владѣть ими, какъ родными. Къ этой же цѣли должно

примыкали къ Тротцендорфу: у нихъ то-же, что и у того, дѣленіе на классы, то-же привлеченіе лучшихъ учениковъ къ помощи учителямъ и начальству и т. п. подробности [1]).

Переходя теперь къ изображенію внутренняго устройства западнорусскихъ школъ въ избранный нами періодъ времени, мы должны заявить, что хотя онѣ половину этого періода прожили при дѣйствіи стараго устава—Іойоловской редакціи, но мы пользуемся главнымъ образомъ текстомъ „Ratio et institutio studiorum", рисуя на основаніи его внутреннюю жизнь западнорусскихъ школъ отъ ихъ появленія до 1633 г., и это потому, что послѣдній уставъ, представляя по содержанію повтореніе конституцій ордена, по формѣ является болѣе систематизированнымъ.

ДИДАКТИКА ІЕЗУИТОВЪ: дѣленіе школъ на классы, планъ наукъ, методъ преподаванія и учебныя руководства.

Іезуитское учебное заведеніе, обнимавшее весь кругъ іезуитскихъ наукъ, распадалось на два отдѣленія: низшее (studia inferiora, gymnasium) и высшее (studia superiora). Въ предѣлахъ западной Россіи въ изслѣдуемый нами періодъ времени полное іезуитское учебное заведеніе, или академія, было только въ Вильнѣ. Въ прочихъ коллегіяхъ изъ высшихъ, богословскихъ и философскихъ предметовъ читался одинъ—два, а чаще образованіе учениковъ заканчивалось низшими науками: риторикой, а то поэзіей или даже грамматикой. Объясняется это такъ.

Іезуиты своего имущества не имѣли (по идеѣ). Открыть гдѣ-нибудь новую коллегію съ школой они могли только тогда, когда какой нибудь благодѣтель давалъ для этого средства. Но средства эти должны быть вполнѣ вѣрными и постоянными и притомъ обезпечивать всю коллегію. Составъ же послѣдней конституціи и конгрегаціи опредѣляли такимъ образомъ. Если желаютъ имѣть трехъ учителей гуманныхъ наукъ, то при нихъ долженъ быть четвертый, который могъ бы замѣнить при случаѣ одного изъ нихъ, и три священника для отправленія богослуженія (одинъ изъ нихъ—ректоръ). Такъ какъ польза дѣла требуетъ, чтобы это число дѣятелей коллегіи никогда не прекращалось и не уменьшалось,

---

было вести и разыгрываніе на сценѣ пьесъ Теренція, Плавта, Аристофана, Эврипида и Софокла. Вниманіе учениковъ обращалось на особенности употребленія языка въ поэзіи и краснорѣчіи,—ихъ заставляли вносить въ «ежедневники» замѣчательныя мѣста изъ классиковъ и заучивать отдѣльныя фразы. Идеаломъ Штурмовской учености было овладѣть Цицероновской рѣчью. О народномъ языкѣ было забыто, реальному образованію отведено было очень мало мѣста. Впрочемъ, въ высшихъ классахъ преподавались ариѳметика, астрономія и нѣкоторые §§ изъ «Элементовъ чистой математики» Эвклида (*Раумеръ*, I, 306, 307, 311—313, 321—328, 334, 345—354).

[1]) *Раумеръ*, I, 408. *Łukasz.*, I, 74, прим. Тротцендорфъ, направленный къ педагогической дѣятельности Меланхтономъ, былъ ректоромъ въ гольдбергской школѣ (1531—1556). Онъ, подобно другимъ педагогамъ своего времени, основалъ свою программу на trivium'ѣ, удѣляя очень мало вниманія наукамъ quadrivium'а... Религію онъ считалъ душою своей школы, душой всякаго ученія и преподавалъ ее лично (*Раумеръ*, I, 378—385).

то нужно въ ней воспитывать столько же новиціевъ (scholares), которые впослѣдствіи могли бы замѣнять выбывавшихъ изъ строя священниковъ и учителей. Сверхъ этихъ 14 человѣкъ коллегія должна держать и питать шестерыхъ служителей (adjutores) для завѣдыванія хозяйствомъ и для исправленія низшихъ обязанностей (привратника, повара и т. д.). Такимъ образомъ, получается двадцать человѣкъ—минимальное число членовъ коллегіи. Если коллегія желала имѣть пять учителей для гуманныхъ наукъ, греческаго языка и риторики, то составъ ея возрасталъ уже до 30 человѣкъ; новое прибавленіе учебныхъ предметовъ, поднимало цифру до 50 и, наконецъ, введеніе богословскихъ наукъ или превращеніе коллегіи въ generale studium, могло осуществиться при обезпеченіи полнымъ содержаніемъ 70 человѣкъ [1]). Понятно, далеко не вездѣ могли найтись средства для содержанія такихъ большихъ партій іезуитовъ. Потому и происходило, что въ большинствѣ западнорусскихъ коллегій нашего періода существовали только низшіе курсы—пятиклассные, или чаще четырех- трех- и двухклассные. Такой порядокъ вещей, обусловливаемый бѣдностью коллегій, допускался самимъ Учебнымъ планомъ [2]). Нужно имѣть въ виду, что во многихъ коллегіяхъ, даже съ двухклассными и трехклассными училищами, существовали высшіе курсы для новиціевъ или схоластиковъ [3]). Новиціи составляли особый учащійся кружокъ (академію), съ которымъ занимались предметами богословскими, философскими и риторикой особые учителя. Отношенія къ „внѣшнимъ ученикамъ“ (externi) они не имѣли, живя замкнутой жизнью [4]).

Послѣ этихъ предварительныхъ замѣчаній можно перейти къ изложенію программы изученія въ низшихъ курсахъ. Полная іезуитская гимназія состояла изъ пяти классовъ, шедшихъ въ такомъ восходящемъ порядкѣ: 1) infima classis grammaticae, 2) media classis grammaticae, 3) suprema classis grammaticae (aut syntaxis), 4) Humanitas (aut Poësis) и 5) Rhetorica. Въ каждомъ изъ этихъ классовъ былъ свой отдѣльный

---

[1]) Декреты: II конгр. 11, III—30, V—69. Послѣдній хотя опредѣлилъ минимальныя числа членовъ коллегій съ гуманитарнымъ курсомъ, съ курсомъ философскимъ и—съ богословскими науками въ 30, 50 и 100 человѣкъ и только подъ условіемъ обезпеченія такого количества ихъ позволилъ принимать пожертвованія на новыя коллегіи,—разрѣшилъ генералу руководиться и прежними декретами.

[2]) *Ratio studiorum S. I.* Regulae praefecti studiorum inferiorum, 8, §§ 5—8.

[3]) Требовалось, чтобы новиціаты были въ каждой коллегіи. Но мы видѣли, что они не вездѣ существовали; напр., изъ Ярослава новиціатъ былъ переведенъ въ Люблинъ. Впослѣдствіи VI конгрегація (1608) позволила воспитывать новиціевъ или въ каждой коллегіи, или отсылать ихъ въ общіе новиціаты (декр. 18).

[4]) Положеніе схоластиковъ, ихъ отношенія къ ордену, образъ жизни опредѣлены подробно конституціями ордена и декретами различныхъ конгрегацій, особенно VI-й (декр. 40). Подобные іезуитскимъ новиціаты существовали въ монастыряхъ и другихъ католическихъ монашескихъ орденовъ. Въ нихъ молодые люди приготовлялись къ принятію габита не только духовными упражненіями, но и изученіемъ наукъ. Въ нѣкоторыхъ новиціатахъ читались даже богословскіе и философскіе предметы, устраивались диспуты и раздавались ученыя степени. Въ предѣлахъ западной Россіи высшіе курсы были у францисканъ и доминиканъ въ Вильнѣ, Львовѣ и Люблинѣ, у кармелитовъ въ Перемышлѣ и Львовѣ, у тринитаріевъ во Львовѣ (*Łukasz.*, I, 309—316).

преподаватель; учились по году за исключеніемъ риторическаго класса, который иногда проходился въ два года [1]).

Въ низшемъ грамматическомъ классѣ изучались этимологія и начало синтаксиса. Если поступало въ первый классъ очень много учениковъ и они обладали неодинаковыми познаніями и способностями, то изъ нихъ составляли два отдѣленія, если, конечно, былъ налицо; лишній преподаватель; такъ было въ Вильнѣ, въ Ярославѣ. Въ такомъ случаѣ въ низшемъ отдѣленіи учили изъ первой части грамматики Альвара объ именахъ и словахъ [2]), 14 правилъ о конструкціи и о родѣ именъ; въ высшемъ же отдѣленіи—о склоненіи, о прошедшихъ временахъ и причастіи и изъ второй части Альвара—введеніе въ систаксисъ. Для перевода съ латинскаго языка на польскій брались болѣе легкіе отрывки изъ Цицерона, Басни Федра, Жизнеописанія Корнелія Непота. Въ инфимѣ же начиналось изученіе греческой грамматики.

Планъ занятій въ низшемъ грамматическомъ классѣ, какъ и въ среднемъ и высшемъ, былъ слѣдующій. Въ первымъ часу [3]) ученики повторяли наизусть предъ „декуріонами" отрывки изъ Цицерона и уроки изъ грамматики, пока учитель поправлялъ письменныя упражненія. Во второмъ часу читали Цицерона, писали подъ диктовку учителя упражненія, заучивали уроки изъ Альвара. Послѣ обѣда отвѣчали наизусть уроки греческаго и латинскаго языковъ; учитель слушалъ, поправляя упражненія. Во второмъ часу учили грамматику. Суббота отличалась отъ прочихъ дней тѣмъ, что до полудня происходило спрашиваніе уроковъ за всю недѣлю; послѣ обѣда ученики занимались переводомъ болѣе легкихъ вещей съ польскаго на латинскій и Цицерона—на польскій (съ выписываніемъ въ тетради замѣчательныхъ мѣстъ и мыслей его), латинскими и греческими упражненіями и диспутами въ области грамматики [4]).

Сущность этихъ состязаній (congregationes), имѣвшихъ значеніе не только дидактическое, но и воспитательное, состояла въ слѣдующемъ. Учитель дѣлилъ классъ на двѣ части и во главѣ ихъ ставилъ двухъ учениковъ, написавшихъ лучше другихъ данное упражненіе и получавшихъ названіе консуловъ. Помощниками у нихъ были квесторы—два ученика, по достоинству своихъ письменныхъ работъ слѣдовавшіе за консулами. Остальные школьники дѣлились по парамъ, состоявшимъ

---

[1]) Относительно этого практика не была однообразной, что доказывается слѣдующимъ случаемъ: когда въ 1612 г. краковскую коллегію посѣтилъ визитаторъ Аргентъ, его спросили, не полезно ли будетъ переводить экстерновъ на логику лишь послѣ того, какъ они пробудутъ два года на риторикѣ, и онъ отвѣчалъ, что это можно дѣлать для бо́льшаго преуспѣянія учениковъ, но никто не долженъ быть принуждаемъ къ этому (*Wielewicki*, Scriptores rerum polonicarum, XIV, p. 72).

[2]) Обыкновенно въ іезуитскую гимназію поступали умѣющіе читать, писать, считать и даже знакомые съ латинскими сентенціями (*Rat. stud.* Reg. praef. stud. infer., 10). Въ Вильнѣ и Львовѣ іезуиты принимали, по соглашенію съ капитулами, только изучившихъ часть грамматики.

[3]) Учебный день дѣлился на четыре часа: два до обѣда и два послѣ обѣда; въ рекреаціонные дни (вторникъ и четвергъ) послѣ обѣда уроковъ не было.

[4]) *Rat. stud.* Regulae professoribus classis grammat., 1—9; cf. *Łukasz.*, I, 248.

каждая изъ одинаковыхъ по успѣхамъ величинъ и называвшихся соперниками (aemuli). Такимъ образомъ получались двѣ равныя приблизительно по силамъ партіи, которыя получали имя римлянъ и карѳагенянъ или грековъ и македонянъ. Если преподаватель спрашивалъ, положимъ, римлянина, вставалъ и его противникъ, чтобы отвѣтить за спрошеннаго въ случаѣ его незнанія. Если оба молчали—учитель поднималъ другую пару. Хорошій отвѣтъ римлянина записывался какъ плюсъ его партіи и какъ минусъ—противной, и наоборотъ. Къ концу мѣсяца подводился итогъ плюсамъ и минусамъ, доставлявшій торжество и побѣду одному лагерю и униженіе—другому [1]). Такія состязанія происходили также и въ другихъ классахъ, а иногда и между цѣлыми классами.

Въ среднемъ грамматическомъ классѣ ученики проходили вторую книгу Альвара—до syntaxis ornata (одни только правила безъ примѣровъ и исключеній), изучали греческія склоненія и спряженія, читали на латинскомъ языкѣ письма Цицерона—ad familiares, Комментаріи Цезаря, болѣе легкое изъ Овидія, и на греческомъ—Басни Эзопа и избранные діалоги Лукіана. Во второе полугодіе прибавляли катихизисъ и Кебеса [2]). Изученіе Цицерона и др. авторовъ происходило такимъ образомъ: учитель читалъ цѣлый отдѣлъ, излагалъ его на отечественномъ языкѣ и на немъ же выслушивалъ дословный пересказъ учениковъ, причемъ обращалъ вниманіе на словорасположеніе и напоминалъ грамматическія правила. Письменныя упражненія состояли въ переложеніи продиктованныхъ учителемъ польскихъ стиховъ на латинскій языкъ. При исправленіи ихъ обращалось особенное вниманіе на ошибки грамматическія и орѳографическія [3]).

Въ высшемъ грамматическомъ классѣ оканчивали изученіе грамматики, присоединяя къ синтаксису просодію. Изъ классиковъ читали или—вѣрнѣе—могли читать: Цицерона, Ливія, Саллюстія, Овидія, Катулла, Тибулла, Проперція и Виргилія. По гречески изучали о восьми частяхъ рѣчи и синтаксисъ и переводили Эзопа, Златоуста. Кромѣ обычныхъ письменныхъ упражненій въ этомъ классѣ разъ въ мѣсяцъ писали упражненіе на дому или во время урока для полученія школьныхъ достоинствъ—декуріоновъ и цензоровъ. Чаще всего писали ихъ въ формѣ писемъ. Въ этомъ же классѣ вводились упражненія въ стихосложеніи [4]).

Въ классѣ поэзіи ученики должны были еще болѣе овладѣть искусствомъ латинской рѣчи, прозаической и поэтической, и запастись нѣкоторыми необходимыми для того свѣдѣніями изъ области вспомогатель-

---

[1]) *Ratio studiorum.* Regulae professoribus classium inferiorum, 31—35; cf. *Zaleski*, 111.

[2]) Кебесъ (Κέβης) былъ ученикомъ Сократа. Изъ трехъ его философскихъ бесѣдъ еще до іезуитовъ употреблялась въ школахъ Πίναξ, содержащая аллегорическую картину человѣческой жизни и состоянія человѣческой души до соединенія съ тѣломъ. Цѣль сочиненія—показать, что только образованіе ума и добродѣтель ведутъ къ блаженству (*Любкеръ*, Реальный словарь классической древности,—см. подъ «Cebes»).

[3]) Reg. profes. mediae classis gram., 1—10. Cf. *Łukasz.*, I, 247.

[4]) Reg. profes. suprem. clas. gram., 1—10; cf. *Łukasz.*, I, 245—6.

ныхъ предметовъ: исторіи, миѳологіи, географіи, археологіи [1]). Изъ латинскихъ писателей они должны были читать съ пониманіемъ Цицерона (особенно его рѣчи и сочиненія нравственнаго характера), Цезаря, Саллюстія, Ливія, Курція; изъ поэтовъ Виргилія (кромѣ Эклогъ и IV книги Энеиды), избранныя оды Горація, а также другихъ поэтовъ. Изъ греческихъ авторовъ здѣсь читали Исократа, Платона, Плутарха, Ѳукидида, Ѳеогнида, Синезія и свв. Василія Великаго, Григорія Богослова, Іоанна Златоуста. Изъ вспомогательныхъ наукъ сообщалось только то, что было положительно необходимо для объясненія изучаемыхъ авторовъ, причемъ объясненіе текста для большей понятности позволялось дѣлать на народномъ языкѣ.

Такъ какъ IV-й классъ обязанъ былъ дать ученикамъ умѣніе сочинять прозой и стихами на любыя темы, то наибольшее вниманіе и удѣлялось здѣсь упражненіямъ въ переложеніи прозы на поэтическую рѣчь и въ составленіи собственныхъ хрій, повѣстей, описаній и стиховъ—не только на латинскомъ, но и на польскомъ и греческомъ языкахъ. Лучшія прозаическія и поэтическія сочиненія каждые два мѣсяца вывѣшивались на стѣнѣ класса, въ знакъ отличія.

Распредѣленіе занятій въ поэзіи (а также и въ риторикѣ) было приблизительно слѣдующее. Въ началѣ учебнаго дня декуріоны выслушивали уроки, а учитель поправлялъ въ это время письменныя упражненія, затѣмъ онъ самъ спрашивалъ того или иного ученика, провѣряя докладъ декуріоновъ. Въ второй урокъ читался Цицеронъ или другой древній авторъ, излагались правила метрики (или риторики—въ послѣднемъ классѣ) и ученики упражнялись въ устной литературной рѣчи. Оставшееся время посвящалось состязаніямъ, состоявшихъ въ томъ, что одинъ ученикъ предлагалъ другому вопросъ изъ грамматики, древней исторіи или археологіи; всѣ остальные должны были внимательно слѣдить, чтобы сумѣть и успѣть исправить ошибку того или иного диспутанта. Послѣ обѣда возобновлялся этотъ же порядокъ,—выспрашиваніе урока, исправленіе упражненій, чтеніе извѣстныхъ отрывковъ изъ классиковъ, объясненіе соотвѣтствующихъ мѣстъ изъ учебника поэтики (или риторики), заучиваніе урока и состязанія. По субботамъ происходило повтореніе всего выученнаго за недѣлю и, кромѣ того, послѣ обѣда заучивался и объяснялся катихизисъ [2]).

Въ риторикѣ излагали теорію краснорѣчія, стилистику и вспомогательныя науки. Пособіями для перваго служили ораторскія произведенія Цицерона и риторика и поэтика Аристотеля, а также книжка Суареца. Для того, чтобы научить учениковъ владѣть собой и обогатить ихъ память, іезуиты заставляли ихъ заучивать цѣлыя выдержки изъ лучшихъ латинскихъ писателей, особенно Цицерона, и произносить ихъ съ каѳедры. Параллельно съ латинскимъ шло изученіе и греческаго языка; въ этомъ классѣ уже знакомились съ просодіей и діалектами и

---

[1]) Археологія сводилась къ отрывочнымъ свѣдѣніямъ о правѣ и военномъ искусствѣ грековъ и римлянъ, объ ихъ жилищахъ, одеждѣ, садахъ, тріумфахъ, сибиллахъ и т. п.; по содержанію она приближалась къ «классическимъ древностямъ».

[2]) *Rat. stud.* Reg. profes. human., 1—10; cf. *Łukasz.*, I, 241—244.

читали Демосѳена, Платона, Ѳукидида, Гомера, Гезіода, Пиндара, и тѣхъ же греческихъ свв. отцовъ, что и въ классѣ поэзіи. Свободное отъ устныхъ и письменныхъ отвѣтовъ и упражненій время употреблялось на диспуты между учениками. Поправка письменныхъ работъ производилась самымъ тщательнымъ образомъ, причемъ главное вниманіе обращалось на ошибки противъ правилъ риторики и поэзіи, на неудачные обороты, темноту и слабость стиля. Учепикъ самъ долженъ былъ исправлять написанное, сообразно съ сдѣланными замѣчаніями. Въ этомъ же классѣ ученики пріучались дѣлать самостоятельные разборы литературныхъ (преимущественно риторическихъ и поэтическихъ) произведеній и писать сочиненія на данныя темы, имитируя притомъ стиль извѣстныхъ классиковъ—латинскихъ и греческихъ. Каждыя двѣ недѣли одинъ изъ учениковъ декламировалъ или читалъ рѣчь на греческомъ языкѣ, имъ же составленную, или поэму [1]). Каждый мѣсяцъ кто нибудь читалъ въ актовомъ залѣ или костелѣ собственные рѣчь, стихи или діалогъ на латинскомъ языкѣ. Каждые два мѣсяца въ классѣ вывѣшивали лучшія сочиненія—въ награду автору. Изрѣдка разучивалась и разыгривалась въ классѣ какая нибудь сцена изъ драматическаго произведенія, но безъ театральной обстановки [2]).

Такимъ образомъ, мы видимъ, что среднее или гуманитарное образованіе, даваемое іезуитами, было формальное, филологическое. Цѣль его въ юбилейномъ изданіи ордена, по случаю исполнившагося столѣтія его существованія, опредѣляется такъ:—научить человѣка говорить и писать искусно и учено (apte doctеque) и читать латинскихъ и греческихъ авторовъ, а также воспитывать добрые нравы [3]). Центральное мѣсто въ гимназической программѣ занимали грамматика и риторика—латинскаго языка, конечно. Сами классическіе писатели служили для іезуитовъ средствомъ только „къ совершенствованію слога и больше ни къ чему“; изъ нихъ выше всѣхъ ставился Цицеронъ, „какъ самый истинный и важнѣйшій учитель“, подобно Аристотелю въ философіи и Аквинату въ богословіи [4]). Такъ какъ идеаломъ гуманитарнаго образованія у іезуитовъ было возведеніе латинскаго языка на степень языка живого, разговорнаго, то они и „обучали своихъ питомцевъ по правилу: lege,

---

[1]) Въ риторикѣ отводилось видное мѣсто какъ теоретическому изученію правилъ поэзіи, такъ и практическимъ упражненіямъ въ писаніи стихотвореній всѣхъ родовъ: эпиграммъ, эпитафій, эпиталамій, одъ, элегій, даже эпопей и трагедій.

[2]) Reg. profess. rhetoricae, 1—20. Cf. *Łukasz.*, I, 236—241. Комедіи и трагедіи, которыя разыгривались не только въ классѣ, но и въ присутствіи публики, сначала допускались для упражненія въ латинскомъ языкѣ и брались изъ классическаго репертуара. Послѣ онѣ получили нравственно-воспитательный характеръ; сюжеты для нихъ брались по болѣшей части изъ библейской или церковной исторіи. Такъ какъ въ зап. Россіи онѣ должны были служить также приманкой для общества и народа, то позволено было играть ихъ и на народныхъ языкахъ, т. е. польскомъ, а можетъ быть и русскомъ. Во всякомъ случаѣ, каждая пьеса проходила не черезъ одну цензуру (*Regulae S. I. Reg* provinc., 58; ср. инструкцію генерала ордена литов. іезуитамъ, 1634 г. (*Krasz.*, IV, 54, прим. 61).

[3]) *Mezger*, Imago primi saeculi S. I. Antverpiae, 1640, p. 342.

[4]) *Раумеръ*, I, 409—412.

scribe. loquere". Съ этой цѣлью имъ запрещено было говорить на языкѣ „площадномъ", т. е. народномъ, за исключеніемъ новичковъ, которые, понятно, не могли изъясняться по латыни [1]). Однако и „Учебный планъ" не изгонялъ совершенно изъ школьнаго употребленія народныхъ языковъ [2]), и въ практикѣ школъ западнорусскихъ мы не видимъ подобнаго устраненія: народные языки отодвигались только на задній планъ, но не совершенно были игнорируемы. Что это такъ, видно изъ Litterae annuae, сообщающихъ, что тамъ-то и тогда-то ученики читали и пѣли на народномъ языкѣ религіозные гимны (напр., при духовныхъ упражненіяхъ членовъ братства) или разыграли даже драму, какъ это было, напр., въ Полоцкѣ [3]). Правда, подъ тѣмъ vernacula lingua, о которыхъ говорятъ западнорусскіе іезуиты, всего вѣрнѣе понимать польскій языкъ: большинство ихъ были поляки, или ополячившіеся русскіе, смотрѣвшіе на Русь съ польской точки зрѣнія и часто забывавшіе о томъ, что она была населена особымъ народомъ,—изъ-за немногихъ представителей польской культуры они не видѣли тѣхъ массъ народа, которыхъ еще не коснулась она. Во всякомъ случаѣ польскій языкъ въ западнорусскихъ коллегіяхъ имѣлъ не только религіозное приложеніе, но и въ собственномъ смыслѣ школьное. На немъ иногда дѣлались учителемъ объясненія и на него переводили классиковъ; на польскомъ же языкѣ писали въ торжественныхъ случаяхъ стихотворенія. Напр., польскими стихами встрѣчали люблинскіе схоластики невѣсту Лжедимитрія [4]), а виленскіе студенты—короля Сигизмунда III по возвращеніи его изъ-подъ Смоленска въ 1611 г. [5]). Въ несвижской же коллегіи сдѣлана была

---

[1]) *Rat. stud.*, reg. comm. profess. stud. inter., 18. Подобное запрещеніе было и у Штурма.

[2]) Извѣстное мѣсто въ программѣ даетъ народнымъ языкамъ и тотъ пунктъ Плана, который велитъ сообразоваться съ мѣстными условіями (Reg. comm. prof. stud. infer., 10—30. *Załęski*, 77. 78). Все же мы должны отмѣтить въ постановленіяхъ іезуитскаго ордена тенденцію давать перевѣсъ общему характеру Учебнаго плана надъ возможными мѣстными видоизмѣненіями его. Такъ, VII конгрегація постановила избѣгать помѣщенія въ одной коллегіи членовъ ордена, принадлежащихъ къ одной націи, и не допускать, чтобы профессора и особенно начальствующія лица коллегіи были изъ одного народа.—надлежало перемѣшивать представителей различныхъ національностей и это для того, чтобы въ жизнь коллегіи не введены были различія народности (gentium discrimina, decr. XXI, p. 3; такъ, напр., въ польской іезуитской провинціи до 1590 года профессорами схоластики, полемики, казуистики и другихъ высшихъ предметовъ были исключительно итальянцы и нѣмцы, какъ свидѣтельствуетъ Велевицкій. Scriptores rerum polon., VII, 136). Это постановленіе должно было отражаться нѣкоторымъ образомъ и на жизни школъ, такъ какъ ректора и провинціалы—иноземцы не расположены были бы отступать отъ общихъ требованій устава въ пользу національныхъ интересовъ своихъ воспитанниковъ даже въ такой степени, въ какой допускалъ это уставъ школъ.

[3]) Lit. an. 1602, 754; 1603, 685.

[4]) *Wielewicki*, Scr. rerum polonic., X, p. 120.

[5]) «Sturm pocieszny Smoleńska», Балтазара Озиминскаго и «Pienia wesołe dziatek na przyjazd do Wilna krola Imci»... Замѣтимъ однако, что Балинскій на основаніи этихъ произведеній высказываетъ сужденіе объ упадкѣ въ іезуитскихъ школахъ польскаго языка: такъ далеко они ушли отъ чистоты и выразительности языка XVI в. (Dawna akademia Wileńska, 118).

даже попытка приложенія правилъ риторики и поэзіи къ польскому языку [1]). Значительно хуже стояло дѣло съ русскимъ языкомъ. Собственно іезуитамъ западной Россіи и не было особенной нужды обучать ему: къ нимъ поступали преимущественно дѣти аристократіи, шляхты и горожанъ,—слоевъ народа, уже владѣвшихъ польскимъ языкомъ. Но, по мѣрѣ углубленія іезуитовъ въ области съ чисто-русскимъ населеніемъ, имъ приходилось знакомиться и съ русскимъ языкомъ: безъ того невозможна была никакая пропаганда [2]). Конечно, проповѣдывать на русскомъ языкѣ могли и русскіе по происхожденію, но важно было дать такимъ проповѣдникамъ школьную подготовку на русскомъ языкѣ, тѣмъ болѣе, что послѣдній получилъ мѣсто въ школахъ диссидентскихъ—отчасти въ протестантскихъ и, главнымъ образомъ, въ православныхъ. И, дѣйствительно, намъ удалось натолкнуться на указанія относительно изученія русскаго языка въ одной изъ коллегій (полоцкой). „Дѣти русскихъ, говорится въ Годичномъ отчетѣ, хотя имѣютъ родителей, которые отвращаются отъ всего латинскаго, такъ однако изучаютъ русскія письмена (Ruthenas litteras), что привыкаютъ къ наукамъ (litteris) и обрядамъ латинянъ“ [3]). На основаніи этого сдѣланнаго какъ бы мимоходомъ замѣчанія, можно думать, что въ Полоцкѣ русскій языкъ былъ введенъ съ самаго начала и что и въ другихъ западнорусскихъ коллегіяхъ ему было отведено извѣстное мѣсто. Въ луцкой же коллегіи изучался, какъ мы видѣли, славянскій языкъ,—если только подъ нимъ не нужно разумѣть русскаго, такъ какъ эти названія въ тѣ времена часто смѣшивались.—Для миссіонерскихъ же надобностей въ коллегіяхъ виленской и крожской поддерживалось знаніе языка литовскаго. Въ Вильнѣ его знали и на немъ проповѣдывали не только природные литовцы, но и чужеземцы, въ родѣ о. Антонія Аріаса, испанца († 1591) [4]). Съ этой же цѣлью въ 1621 году проектировано было учредить при академіи каѳедры языковъ литовскаго, ливонскаго и эстонскаго, по мысли Яна Аргента, визитовавшаго въ 1614 году виленскій и жмудскій діоцезы [5]). Литовскимъ языкомъ и его нарѣчіями орденъ больше занимался въ коллегіяхъ Риги и Юрьева [6]), но и виленскіе іезуиты принимали участіе въ научной разработкѣ его (Кон. Ширвидъ).

---

[1]) Рукопись Императорской публичной библіотеки. Лат. Q. XV. 289. Подробнѣе скажемъ о ней ниже.

[2]) Въ Litterae annuae встрѣчаемся съ фактами іезуитской проповѣди на русскомъ языкѣ,—напр. въ окрестностяхъ Львова, въ Несвижѣ. Въ Несвижѣ проповѣдями на русскомъ языкѣ въ русскихъ храмахъ іезуиты «возвратили первосвященнику (римскому) нѣсколько схизматиковъ». Этотъ пріемъ былъ одобренъ уніатскимъ митрополитомъ, который просилъ отцовъ примѣнять его и въ своей епархіи (Lit. an. 1602, 745).

[3]) Lit. an. 1584, 152. Изъ позднѣйшаго свидѣтельства мы узнаемъ, что русскому языку обучали не сами іезуиты, а ихъ питомцы. Iam vero scholarum frequentia non mediocriter augetur, iis pueris, qui prima litterarum elementa, polonice atque ruthenice discunt ab uno externo juvene a nobis constituto (Lit. an. 1607, 494).

[4]) *Rostowski*, 182.

[5]) *Kraszewski*, IV, 21 и прим. 49. 50.

[6]) Въ 1604 году ректоръ рижской коллегіи Эдуардъ Тольгсдорфъ издалъ «Catechismus nomenclaturae, conciones, hymni et antiphonae lingua livonica seu lothavica in usum

Положительныя, точныя науки въ системѣ іезуитскихъ studia inferiora стояли очень невысоко. Даже ариѳметикѣ по „Плану“ не дано здѣсь мѣста, такъ какъ математика отнесена къ философскому курсу. И впослѣдствіи, когда возникла мысль о включеніи началъ ея въ программу низшихъ классовъ, генералъ Клавдій Аквавива не сразу согласился. Разрѣшеніе послѣдовало только въ 1614 году въ виду того, „что неудобно не знать основныхъ ариѳметическихъ дѣйствій“, но и то съ тѣмъ ограниченіемъ, чтобы имъ не отводилось особыхъ уроковъ (ita tamen, ne justa lectio et ex professo sit) [1]). И, конечно, ариѳметика не сдѣлалась самостоятельнымъ учебнымъ предметомъ, а увеличила только собой содержаніе той особой науки, которая въ „Планѣ“ названа „Eruditio“ и которая преподавалась ученикамъ двухъ старшихъ классовъ въ свободное время. Подъ нею разумѣлись отрывки изъ всевозможныхъ отраслей знанія. Но такъ какъ общій характеръ іезуитскаго средняго образованія былъ филологическо-классическій, то, вѣроятно, ученики всего чаще выслушивали здѣсь свѣдѣнія изъ римскихъ и греческихъ древностей и всего рѣже изъ естественныхъ наукъ. Наконецъ, и эстетическимъ развитіемъ учениковъ іезуиты занимались мало. Пѣніе—такъ какъ о немъ идетъ здѣсь рѣчь—поставлено было такъ слабо, что на это находили возможнымъ указывать противники іезуитскихъ школъ въ родѣ Бросція, и іезуиты защищались отъ обвиненія не очень рѣшительно [2]). И это тѣмъ болѣе удивительно, что конгрегаціи видѣли въ пѣніи одно изъ средствъ обученія христіанской вѣрѣ и нравственности [3]). Даже и религіозное образованіе въ іезуитскихъ гимназіяхъ стояло далеко не на надлежащей высотѣ, такъ какъ получасовый урокъ въ недѣлю, въ одномъ притомъ классѣ, немного могъ дать, а чтеніе твореній свв. отцовъ—нельзя думать, чтобы помогало дѣлу, такъ какъ трудно допустить, чтобы въ каждый урокъ прочитывались цѣлыя главы. Правда, отведеніе небольшого мѣста катихизису согласовалась съ общей педагогической тенденціей католической церкви, которая воспитываетъ массы болѣе религіозными обрядами, чѣмъ посредствомъ вѣроученія. И въ іезуитскихъ школахъ развитіе „благочестія“ совершалось больше путемъ привлеченія учениковъ къ Богородичнымъ братствамъ и къ участію въ церковныхъ обрядахъ и подвигахъ,—здѣсь культивировалось благочестіе практическое и воля и вкусъ воспитывались на вѣрности церковнымъ установленіямъ и на красотѣ и благолѣпіи церковной обрядности [4]). Изъ

---

excursion. conscr. a. D. 1604». Его преемникъ Юрій Эльгеръ въ 1620 г. напечаталъ на литовскомъ языкѣ «Institutiones christianae (Vilnae, typis acad. S. I.) (Kwartalnik historyczny, 1890, 764).

[1]) *Krasz.*, IV, 52, прим. 42. Впослѣдствіи западнорусскія коллегіи еще болѣе уступили требованіямъ жизни и уже въ 1736 г. литовскій провинціалъ Деукша совѣтовалъ обратить особенное вниманіе на ариѳметику съ чистописаніемъ (Историко-юридическіе матеріалы, извлеченные изъ актовыхъ книгъ губерній витебской и могилевской, XVIII, № 46, п. 19).

[2]) *Pieknorzecki*, Gratis plebański, 1627, 356. 357.

[3]) I конгрегаціи 137 декретъ и 14 канонъ, утвержденные IV конгрегаціей.

[4]) *Марковъ*, Объ іезуитскомъ воспитаніи (Чт. въ общ. люб. дух. просвѣщенія, 1871, V, 29. 30).

умственныхъ же способностей дѣтей въ іезуитскихъ гимназіяхъ развивались преимущественно память [1]), отъ которой требовалось удерживать массу разнообразнѣйшихъ свѣдѣній по всевозможнымъ отраслямъ знаній, не связанныхъ между собою ничѣмъ общимъ [2]), и находчивость,— находчивость въ спорахъ. Іезуиты думали, что самое знаніе истины холодно, если въ человѣкѣ не развита способность диспутировать [3]).

Но перейдемъ къ разсмотрѣнію постановки учебнаго дѣла въ studia superiora,—быть можетъ, они восполняли недостатки программъ низшихъ классовъ.

Философскій курсъ длился три года и на немъ изучались различныя части философіи и математики и древніе языки. Философія читалась въ теченіе всѣхъ трехъ лѣтъ по два часа ежедневно. Въ первой годъ излагалась логика по Толету или Фонсекѣ (схоластическіе писатели-философы), во второй—физика по Аристотелевымъ книгамъ: De coelo, De generatione (первая часть) и Meteorologia, въ третій—вторая часть De generatione, De anima и его же Метафизика. По Аристотелю же читалась и моральная философія или этика. О способахъ обращенія преподавателей съ тѣмъ философскимъ матеріаломъ, какой заключается у Аристотеля, надлежащія наставленія преподала V-я конгрегація, санкціонировавшая „Ratio studiorum“. Здѣсь мы читаемъ такіе совѣты. Профессора философіи пусть слѣдуютъ во всемъ Аристотелю, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда онъ самъ отступаетъ отъ ученія, принятаго повсюду академіями, и особенно когда противорѣчитъ правой вѣрѣ. Противные истинной вѣрѣ аргументы его и другихъ философовъ нужно рѣшительно опровергать, какъ повелѣваетъ латеранскій соборъ. Съ большимъ выборомъ должно пользоваться и тѣми толкователями Аристотеля, которые комментировали его не въ интересахъ христіанской церкви. Особенно необходимо остерегаться Аверроеса; если у него и есть что доброе—не хвалить, а стараться показать, что онъ заимствовалъ это отъ другихъ. Избѣгая заблужденій аверроистовъ, александрійцевъ и др. сектъ и унижая авторитетъ ихъ, ничего не нужно говорить противъ св. Ѳомы, которому и должно слѣдовать. Выразившееся такъ сильно довѣріе къ Аристотелю было плодомъ преклоненія предъ средневѣковыми схоластическими богословами, почитателями этого философа. Слѣдованіе тому или другому авторитету и вообще было поставлено въ основу философскаго образованія. Профессоръ философіи поэтому не долженъ былъ ни вводить новыхъ мнѣній, ни трактовать новыхъ вопросовъ, основанія которымъ нельзя было найти ни у какого вѣскаго автора (quae idonei nullius auctoris sint), ни защищать ничего противнаго „аксіомамъ“ философовъ и общему пониманію ихъ школами (католическими). Въ виду этого люди, наклонные къ новшествамъ и свободомыслящіе, безъ всякаго колебанія должны быть отдаляемы отъ учительства. Въ тѣхъ же пунктахъ, гдѣ

---

[1]) *Rat. stud.*, reg. comm. prof. stud. infer., 19.

[2]) Замѣчательно, что даже грамматическія правила предлагалось заучивать безсознательно, безъ выясненія ихъ на примѣрахъ, и въ передачѣ объясненій учителя требовалась безусловная точность.

[3]) *Mezger*, Imago primi saeculi S. I., p. 340.

допускается свобода мнѣній, конгрегація, согласно съ предложеніемъ коммиссіи, обсуждавшей „Ratio studiorum“, рекомендовала: если профессоръ защищаетъ извѣстное положеніе, то онъ не долженъ очень сильно опровергать противоположное ему, особенно если за послѣднее стоялъ его предшественникъ по каѳедрѣ. Съ этой точки зрѣнія желательны были бы съѣзды профессоровъ для установленія соглашенія между собой по нѣкоторымъ вопросамъ (Quin etiam cum conciliari possunt auctores, ne negligatur optandum est) [1]).

На философскомъ факультетѣ указаны еще математика, излагавшаяся по Эвклиду, и наука о „сферѣ“ (стереометрія). Профессоръ же математики долженъ былъ сообщить студентамъ кое-что изъ географіи. Читалъ онъ эти предметы на второмъ году философскаго курса, по $^3/_4$ часа ежедневно. Оказавшіе способность къ математикѣ могли по окончаніи курса слушать ее частнымъ образомъ [2]). Относительно древнихъ языковъ мы можемъ думать, что они, изученные въ гимназіи, здѣсь только практически повторялись и эксплоатировались, такъ сказать [3]).

Итакъ, предметы философскаго курса должны были значительно расширять умственный горизонтъ учащихся, и сообщая имъ новыя свѣдѣнія, и развивая ихъ умственныя способности для самостоятельнаго трактованія вопросовъ знанія. Но, во первыхъ, въ изслѣдуемый нами періодъ времени философскій факультетъ изъ всѣхъ западнорусскихъ коллегій существовалъ только въ виленской. Во вторыхъ, доступъ къ нему былъ не такъ легокъ. Огромное большинство учащихся ограничивалось низшими классами, такъ какъ при нераціональномъ методѣ обученія въ нихъ часто приходилось сидѣть гораздо больше шести лѣтъ, а съ другой стороны, іезуиты допускали къ философіи только тѣхъ, кто съ ихъ точки зрѣнія казался благонадежнымъ. Ректору предписывалось даже не пропускать на философскій курсъ тѣхъ, ex quibus perturbator potius timeatur [4]). И въ третьихъ, самая философія іезуитская была не столько философіей Аристотеля, сколько схоластической поддѣлкой подъ него, почему и отзывалась на умахъ юношей такъ же тяжело, какъ и все схоластическое. И это тѣмъ болѣе, что и преподавалась она такъ, чтобы могла служить схоластическому богословію [5]).

---

[1]) Regula pro delectu opinionum, pro philosophis, 1—5. V конгр. 41 декретъ. Cf. *Rat. stud.*, reg. prof. philosoph., 1—15. См. также 8 канонъ III конгрегаціи.

[2]) *Rat. stud.*, reg. prof. mathem., 1; reg. prov., 20. Cf. *Раумеръ*, I, 418, 419.

[3]) Точно ли преподавались въ западнорусскихъ коллегіяхъ иностранные языки, какъ утверждаютъ нѣкоторые по отношенію къ виленской, по крайней мѣрѣ (*Łukasz.*, I, 274; IV, 22. Славянскій сборникъ, III, 58),—указаній на это изъ нашего періода мы не нашли никакихъ.

[4]) *Rat. stud.*, reg. rect., 12.

[5]) 47 декретъ III генеральной конгрегаціи требуетъ, чтобы учителя iia philosophiam interpretentur, ut verae Theologiae scholasticae, quam nobis commendant Constitutiones, ancillari et subservire faciant. Тоже въ существѣ дѣла говоритъ и *Rat. stud.*—reg. prof. philos., 1: «Такъ какъ философія приготовляетъ умы къ богословію и другимъ наукамъ и служитъ къ совершенному ихъ познанію и сама по себѣ много вліяетъ на раз-

Хотя въ системѣ іезуитскихъ наукъ богословскій курсъ слѣдовалъ за философскимъ, но въ западной Россіи нѣкоторые предметы его (преимущественно казуистическое и полемическое богословіе) читались и въ такихъ коллегіяхъ, гдѣ философія не была введена (напр., въ Несвижѣ, Люблинѣ, Львовѣ, Луцкѣ). И только въ виленской академіи, при полномъ философскомъ курсѣ, осуществлялась почти цѣликомъ программа богословскаго факультета.

Богословскій курсъ длился четыре года. Въ теченіе ихъ читались богословіе схоластическое и положительное [1]), нравственное, полемическое и казуистическое, каноническое право, священное писаніе, еврейскій языкъ. Само собой разумѣется, что богословіе стояло на первомъ планѣ, по самому значенію его для католичества, защищать которое отъ нападеній протестантовъ явился орденъ [2]).

По схоластическому богословію главнымъ руководствомъ служила система Ѳомы Аквината; изложеніе ея по частямъ въ продолженіе всего курса было обязанностью двухъ профессоровъ. Ученіе Ѳомы они должны были не только излагать, но и защищать. Самое допущеніе къ учительству извѣстнаго кандидата обусловливалось его принадлежностью къ числу ѳомистовъ; нерасположеніе профессора къ Аквинату или равнодушіе къ нему лишало его должности. Усвояя Аквинату такой авторитетъ, авторы Учебнаго плана и отцы V конгрегаціи замѣтили, что ученіе этого князя (princeps) богословія есть и самое основательное и безопасное, и одобрено конституціями ордена и папами. Тѣмъ не менѣе по нѣкоторымъ пунктамъ, напр. по вопросу о зачатіи Пресв. Дѣвы Маріи, о соблюденіи обѣтовъ, профессорамъ внушалось слѣдовать обычному церковному ученію [3]). Вообще же запрещалось говорить о тѣхъ матеріяхъ, о которыхъ Ѳома спеціально не трактовалъ и которыя могутъ оказаться несогласными съ церковнымъ разумомъ. Должно отвергать непринятое и ненаходимое у какихъ нибудь авторитетныхъ церковныхъ писателей, слѣдовать которымъ и рекомендуется въ вопросахъ, не обслѣдованныхъ Ѳомою (напр., по философіи, по каноническому праву, свящ. писанію). Что же касается тѣхъ предметовъ, о которыхъ возможны и допустимы два мнѣнія, то и тутъ рекомендовалось не защищать рѣшительно положеній, противоположныхъ принятымъ въ какой нибудь провинціи или

витіе разума и усовершенствованіе воли, то учитель пусть излагаетъ ее съ усердіемъ, во всемъ искренно ища чести и славы Божіей, чтобы приготовить слушателей къ изученію богословія и другихъ наукъ, обезопасивъ ихъ отъ ересей».

[1]) Подъ положительнымъ богословіемъ (positiva), вѣроятно, нужно разумѣть догматическое, которое иногда выдѣлялось, какъ особый предметъ, изъ системъ схоластиковъ, заключающихъ въ себѣ элементы различныхъ богословскихъ наукъ. Позитивное богословіе читалось послѣ схоластическаго (Constitutiones S. J., p. IV, c. V, § 1; c. VI, § 3).

[2]) «Vera certe posessio ipsorum est Theologia: hic illis thesaurus, hic Marathon, in quo versantur plurimum», сказано о богословіи въ одной противоіезуитской брошюрѣ (*Iarosz.*, III, 190).

[3]) *Ratio studiorum* опредѣляетъ до мелочей, что изъ Аквината должно читать, какіе вопросы рѣшать, о какихъ умалчивать, какъ истолковывать ихъ (Reg. prof. scholast., 1—12).

академіи. Въ такихъ случаяхъ совѣтовалось прилагать къ дѣлу принципъ благоразумной любви [1]).

Нравственное богословіе, руководствомъ по которому служила вторая книга II части того же Θомы,—не видно, чтобы преподавалось въ нашъ періодъ даже въ виленской академіи. Изъ разъясненій VII конгрегаціи мы узнаемъ, что нравственныя матеріи входили обыкновенно въ составъ схоластическаго богословія. Выдѣлять ихъ въ особый предметъ конгрегація рекомендовала въ тѣхъ только случаяхъ, когда онѣ кратко пройдены профессорами схоластики и когда была возможность учредить новую каѳедру [2]). Въ такомъ разѣ нравственное богословіе читалось въ теченіе двухъ первыхъ лѣтъ богословскаго курса.—Не видимъ мы также въ виленской академіи и каноническаго права.

Профессоръ казуистики долженъ былъ подготовлять священнослужителей. Онъ излагалъ ученіе о таинствахъ, о нравственныхъ обязанностяхъ человѣка, объяснялъ 10 заповѣдей Божіихъ. Сомнительные случаи ему внушалось разрѣшать, ссылаясь на авторитеты, но не злоупотребляя ими. Ему же рекомендовалось устраивать диспуты о дѣлахъ совѣсти [3]).

По какому руководству и какъ читалось полемическое богословіе (controversiae adversus haereses)—неизвѣстно. Во всякомъ случаѣ оно въ системѣ богословскаго образованія должно было занять видное мѣсто у іезуитовъ, „героевъ Христа“. Въ Вильнѣ особенно извѣстнымъ профессоромъ полемики былъ Эммануилъ Вега, вызванный Скаргой и воспитавшій много искусныхъ полемистовъ [4]).

---

[1]) Regula pro delectu opinionum pro theologis, 41 и 56 декр. V конгрег. *Ratio studiorum*, reg. prov., 9. Весьма характеренъ для іезуитской школы тотъ фактъ, что даже такое ясно выраженное требованіе подчиненія извѣстнымъ авторитетамъ въ области философіи и богословія казалось нѣкоторымъ изъ отцовъ неудобнымъ и они, въ предупрежденіе вызываемыхъ «такой свободой» колебаній профессоровъ, предлагали поручить избраннымъ профессорамъ и теологамъ общества составить разъ навсегда опредѣленную систему наиболѣе принятыхъ Θомой и писателями ордена мнѣній. Конгрегація, правда отложила этотъ вопросъ до болѣе удобнаго времени (VII конгр., декр. 23). Еще ранѣе, на V-й конгрегаціи, было предложено составить обязательные для всѣхъ курсы по философіи; конгрегація постановила предоставить вопросъ сужденію генерала ордена (V конгр., декр. 70).

[2]) Congr. VII, decr. XXXIII, p. 7.

[3]) Regulae prof. casuum conscientiae, 1—6. Ср. *Раумеръ*, I, 420. Диспуты, впрочемъ, обязанъ былъ устраивать по субботамъ каждый профессоръ высшихъ курсовъ. Длились они часа по два. Иногда въ большихъ городахъ бывали публичные диспуты (*Łukasz.*, I, 251).

[4]) Въ Вильнѣ студенты богословія даже печатно выступали противъ иновѣрцевъ. Таково полемическое произведеніе кс. Мартина Жагеля, «audytora Theologicy w akademii Wileńskiej S. I.»: «Termin na protestacyą ministra jednego ewangielickiego» (1599. *Łukasz.*, I, 275, прим. 1). Таково же сочиненіе студента Іоанна Боболи (псевдонимъ Росцѣшевскаго):—«Ad orationem Andreae Volani»... (1600). Присоединенные къ нему стихи 14 авторовъ противъ Волана, наполненные массой недостойныхъ выходокъ противъ этого кальвинскаго министра (*Baliński*, Pisma historyczne, III, 125), могутъ, пожалуй, характеризовать тонъ и пріемы и самого полемич. богословія іезуитскаго. Впрочемъ, іезуиты не отличались въ этомъ отношеніи отъ полемистовъ другихъ исповѣданій того времени.

При чтеніи свящ. писанія должно было держаться Вульгаты и къ другимъ текстамъ обращаться только въ рѣдкихъ случаяхъ. Не слѣдовало придавать большой цѣнности толкованіямъ раввиновъ, ни тратить много времени на хронологію, географію Палестины и т. п. малополезныя знанія. Рекомендовалось останавливаться особенно на тѣхъ мѣстахъ, которыми отражаются еретики. Истолковывать Свящ. Писаніе должно согласно съ папами, соборами, отцами. Ветхій и Новый Завѣты изучались по году, чередуясь [1]).

Профессору еврейскаго языка также внушалось отстаивать достоинство и значеніе Вульгаты. Онъ преподавалъ начатки грамматики еврейскаго языка и затѣмъ, параллельно съ дальнѣйшимъ изложеніемъ ея, читалъ съ учениками одну изъ наиболѣе легкихъ книгъ Ветхаго Завѣта и заботился главнымъ образомъ о томъ, чтобы смягчить въ нихъ „непріятное чувство, производимое этимъ чуждымъ и жесткимъ языкомъ". Такъ какъ еврейскій языкъ нуженъ собственно для толкованія Священнаго Писанія, то желательно было, чтобы преподавалъ его профессоръ послѣдняго, знакомый притомъ съ греческимъ языкомъ и, если можно, съ халдейскимъ и сирскимъ [2]).

Если программа низшихъ классовъ могла подвергаться измѣненіямъ и дополненіямъ, то программа высшихъ курсовъ отличалась своей устойчивостью. Никто изъ профессоровъ богословія и философіи не могъ ввести ни въ методѣ преподаванія, ни въ учебникахъ, ни въ объемѣ науки никакой перемѣны, хотя бы она клонилась къ лучшему [3]). Также неизмѣнны были и всѣ дидактическіе пріемы іезуитовъ, каковы, напр., диспуты и экзамены. Что диспуты получили въ іезуитской школѣ очень видное мѣсто, это неудивительно, такъ какъ и сама школа явилась въ вѣкъ и по обстоятельствамъ, требовавшимъ особенныхъ способностей и искусства въ полемизированіи. Экзамены служили средствомъ контроля учебныхъ успѣховъ воспитанниковъ. Они производились въ видѣ репетицій каждую недѣлю и въ году — послѣ изученія какой-либо части грамматики или другой науки. Но настоящими экзаменами были годичные и они, вѣроятно, были довольно строги, если іезуитовъ упрекали въ томъ, что ихъ питомцы слишкомъ долго учатся въ гимназіяхъ; но это, впрочемъ, зависѣло и отъ нераціональности метода. Но особенно строги были экзамены на высшихъ курсахъ. Здѣсь они были частымъ рѣшетомъ, черезъ которое проходили только люди, основательнымъ образомъ, на зубокъ изучившіе предметы своего класса. 33-й декретъ VII конгрегаціи требовалъ, чтобы изъ класса въ классъ не были пропускаемы студенты, не достигшіе среднихъ успѣховъ, или нехорошо понимающіе, что они услышали, или не могущіе защищать его. Безъ этихъ условій логика нельзя перевести на физику и физика—на метафизику, а тѣмъ болѣе философа на схоластическое богословіе. Иногда іезуиты устраивали публичные экзамены, происходившіе послѣ дѣйствительныхъ. На нихъ лучшіе ученики выступали предъ своими родителями и избранной

---

[1]) Reg. prof. s. scripturae, 1—11, 14, 17. Ср. *Раумеръ*, I, 419, 420.

[2]) *Rat. stud.*, reg. profes. linguae Hebraicae, 2—5; reg. provinc., 7.

[3]) *Rat. stud.*, reg. profess. super. facultatum, 2.

публикой въ качествѣ искусныхъ декламаторовъ, актеровъ, знатоковъ древнихъ языковъ и т. п. Одобреніе слушателей служило имъ наградой.

Учебныя руководства, употреблявшіяся въ западнорусскихъ іезуитскихъ коллегіяхъ, отчасти уже указаны въ отдѣлѣ о планѣ наукъ. Считаемъ нужнымъ остановиться нѣсколько на нѣкоторыхъ изъ нихъ.

Для латинскаго языка была назначена грамматика пресловутаго Альвара (испанецъ, родомъ съ Мадеры, 1528—1582): Emmanuelis Alvari e Societatis Jesu de institutione Grammatica libri tres. Употребленіе этого учебника было санкціонировано самыми коренными уставами іезуитской школы, одинъ изъ параграфовъ которыхъ гласитъ: „Dabit operam (provincialis), ut nostri magistri utantur grammatica Emmanuelis“ [1]). Въ силу этого грамматика Альвара употреблялась въ іезуитскихъ школахъ всего свѣта и всѣхъ временъ, даже въ срединѣ этого столѣтія во Франціи. Послѣднимъ фактомъ защитники іезуитскихъ школъ пользуются для доказательства пригодности этой грамматики [2]). Но не то говорятъ другіе. „Нѣтъ, быть можетъ, худшей книжки для изученія латинскаго языка, какъ грамматика Альвара, говоритъ Лукашевичъ. Ибо авторъ, желая быть очень яснымъ и обстоятельнымъ, благодаря старанію достигнуть этихъ качествъ, сдѣлался темнымъ и непонятнымъ не только для начинающихъ изучать латинскій языкъ, но даже для владѣющихъ уже имъ“. Пониманіе грамматики затруднялось еще и тѣмъ, что нѣкоторыя правила ея изложены стихами, по образцу древнѣйшихъ латинскихъ грамматикъ. Неудивительно, заключаетъ Лукашевичъ, что для изученія этой книжки понадобилось три класса и три года [3]).

Для упражненія въ латинскомъ чтеніи и для знакомства съ римской жизнью, литературой и исторіей употреблялись заграничныя или польскія изданія латинскихъ классиковъ, но непремѣнно пересмотрѣнныя и очищенныя отъ мѣстъ, грѣшащихъ противъ добрыхъ нравовъ и порядочности (такъ назыв. editiones castigatae). А тѣ авторы, которые не могутъ быть очищены, какъ Теренцій, говоритъ одно изъ правилъ провинціалу,—пусть и совсѣмъ не читаются [4]). Этотъ похвальный обычай не іезуитами однако былъ введенъ, но благодаря имъ распространился. Можно предполагать, что въ іезуитскихъ коллегіяхъ употреблялись рукописныя христоматіи, въ которыхъ преподавателями помѣщались вы-

---

[1]) *Rat. stud.*, reg. provinc., 23.

[2]) *Zaleski*, 88, 89. За сравнительное достоинство этой грамматики говоритъ и издавна сложившееся выраженіе: «on się z alwara uczył», означавшее хорошаго латиниста (Encikłopedya powszechna, I, 545).

[3]) *Łukasz.*, I, 276. 277. Раздѣленіе грамматики Альвара на три части и для трехъ классовъ узаконено уставомъ же (Reg. praef. stud. infer., 8, §§ 2. 3).

[4]) *Łukasz.*, I, 277. У іезуитовъ изъ латинскихъ писателей цѣликомъ могли читаться Цицеронъ, Ливій, Тацитъ, Саллюстій, Цезарь, Непотъ, Курцій, «Элегіи» и «Календарь» Овидія. Горацій, Проперцій, Тибуллъ, Ювеналъ, Марціалъ, «Метаморфозы» Овидія—являлись въ рукахъ учениковъ іезуитскихъ школъ въ очищенныхъ редакціяхъ. Теренцій, Марціалъ и «Наука Любви» Овидія совсѣмъ не были допускаемы къ употребленію (*Zaleski*, 96, прим. 1). О. Залѣнскій къ числу авторовъ, совсѣмъ не употреблявшихся въ школахъ, относитъ Марціала, но извѣстны іезуитскія изданія его, очищенныя, разумѣется (*Iocher*, I, №№ 321—3).

борки изъ лучшихъ классическихъ писателей,—иначе нельзя допустить, чтобы ученики успѣли познакомиться со всѣми указанными авторами по отдѣльнымъ изданіямъ ихъ, да и не всѣ они были изданы.

Для изученія греческаго языка употреблялась грамматика іезуита Гретцера: „Jacobi Gretzeri S. I. Institutionum linguae graecae libri tres. Vilnae, typis Ioann. Karcani. 1604". До ея изданія могли употребляться рукописные учебники и печатная грамматика Кленарда [1]).

Пособіями при изученіи древнихъ языковъ, кромѣ христоматій, служили первоначально тѣ словари ихъ, какіе іезуиты могли найти и въ западной Европѣ, и въ Польшѣ. Въ послѣдніе же годы нашего періода къ составленію лексиконовъ приступили они сами. Такъ, краковскій іезуитъ Григорій Кнапскій издалъ: „Thesaurus Polono-Latino-Graecus seu Promptuarium Linguae Latinae et Graecae polonorum usui accomodatum", tt. I—III (Cracoviae, 1621, 1626, 1632) [2]).

Печатнымъ руководствомъ по риторикѣ могла быть книжка Киприана Суареца, гренадскаго іезуита [3]). Ораторскія произведенія Цицерона учебниками не были, но служили пособіями для преподавателей этого предмета. Не менѣе Цицерона преподаватели пользовались и сочиненіями по риторикѣ Аристотеля, по которымъ составляли рукописные курсы. Таковъ, напр., трудъ львовскаго профессора Шидловскаго, записанный іезуитомъ Папроцкимъ: „Epitome Aristotelis trium librorum de arte Rhetorica" (1622) [4]). Въ первой части его, послѣ разсужденія о сходствѣ и пользѣ риторики и діалектики, содержатся общія правила искусства краснорѣчія; во второй, озаглавливающейся „de moribus et affectibus", говорится о сильныхъ движеніяхъ души, о нравахъ отдѣльныхъ возрастовъ, сословій и излагаются правдоподобныя доказательства. Въ заключеніи кратко указаны положенія діалектики, примѣняющіяся въ риторикѣ (loci dialectici) и заимствованныя изъ „общихъ мѣстъ" (topica) Аристотеля. Этотъ курсъ дополненъ тремя главами изъ Цицерона: de generibus dicendi (изъ третьей книги „De oratore"), De universa ratione elog. rhetor. и De periodis. Въ пользованіи Аристотелемъ и Цицерономъ преподаватели краснорѣчія въ іезуитскихъ школахъ проявляли ту или другую степень самостоятельности и, быть можетъ, внесли уже въ нашъ періодъ что нибудь оригинальное и новое, по крайней мѣрѣ, въ смыслѣ сближенія правилъ риторики и поэзіи съ польскимъ языкомъ. Поводъ такъ думать даетъ „Specimen eloquentiae studiosos instruendi gratia", составленный въ 1610 г. подъ руководствомъ несвижскаго преподавателя краснорѣчія Стан. Яворскаго. Это произведеніе—результатъ коллективныхъ усилій 25 несвижскихъ студентовъ, по иниціативѣ Н. Хр. Радивилла попытавшихся дать курсъ краснорѣчія. Но дѣло остановилось, кажется, на первой книгѣ его—De primis fundamen-

---

[1]) *Iocher*, №№ 626—627; *Łukasz.*, I, 289.

[2]) *Iocher*, №№ 712—714.

[3]) *Łukasz.*, I, 278. *Baliński*, Dawna akademia Wileńska, 40.

[4]) Рукопись Императорской публ. библ. Лат. Q. XV. № 138. Здѣсь же содержится и краткій курсъ діалектики или логики.

tis rhetoricis, въ составъ коей включены образцы стиховъ и рѣчей на всякіе случаи и, преимущественно, на польскомъ языкѣ [1]).

Но кромѣ риторики Аристотеля и Цицерона въ іезуитскихъ школахъ преподавалась и „риторика христіанская", т. е. имѣвшая болѣе близкое отношеніе къ задачамъ оратора—христіанина. Въ той же рукописной книгѣ львовскаго іезуита Варѳ. Напроцкаго мы находимъ еще такой курсъ: „Rhetoricae christianae Breviarium". Первый раздѣлъ его трактуетъ de eloquentia christiana, второй—de inventione locis (?) et argumentatione rhetorica и 3-й—de dispositione, elocutione, memoria, pronuntiatione. Эпилогъ, содержащій praxim christ. oratorium (рѣчи, проповѣди), позволяетъ сближать эту „христіанскую риторику" съ гомилетикой [2]).

Схоластическое богословіе изучалось по Ѳомѣ Аквинату. Это значитъ, что каждый почти профессоръ составлялъ свой курсъ догматики, держась, какъ можно ближе, къ Summa totius theologiae „ангельскаго учителя", приспособляясь при этомъ, разумѣется, къ пониманію слушателей. Въ Императорской публичной петербургской библіотекѣ сохранилось нѣсколько такихъ курсовъ (напр., Іакова Ортизія, 1614—15 и 1618 гг., Іакова Маргуарта, 1621—22 гг.), излагающихъ ту или другую часть системы Ѳомы Аквинскаго и записанныхъ руками ближайшихъ слушателей этихъ іезуитскихъ богослововъ [3]).

Администрація іезуитскихъ школъ и преподавательскій персоналъ.

Во главѣ всѣхъ іезуитскихъ школъ, какъ и всего ордена, стоялъ генералъ. Безъ его воли и вѣдома нельзя было ввести что-либо новое въ планѣ наукъ, въ характерѣ и направленіи преподаванія, въ методѣ изложенія.

Значенію генерала ордена для всѣхъ школъ соотвѣтствовалъ авторитетъ провинціала въ отдѣльныхъ провинціяхъ. Такъ какъ чрезъ школы, главнымъ образомъ, увеличивалась сила ордена, то онѣ поручались особенному попеченію провинціала. Онъ назначалъ префектовъ и учителей[4]), выдвигалъ способнѣйшихъ на болѣе видныя мѣста, утверждалъ представленія къ ученымъ степенямъ, опредѣлялъ составъ учителей на каждомъ факультетѣ, начало и конецъ ученія и праздничные дни; назначалъ ассистентовъ на экзамены по богословію, сверхъ префекта и профессора богословскаго факультета, если это казалось ему полезнымъ. Онъ же

---

[1]) Рук. Имп. публ. библ. Лат. Q. XV. 299.

[2]) Рук. Имп. публ. библ. Лат. Q. XV. 138. Мы затрудняемся отнести этотъ предметъ къ какому либо курсу общаго іезуитскаго училища: въ Ratio studiorum для него нѣтъ мѣста. Всего вѣрнѣе, что эта система «христіанской риторики» читана была Шидловскимъ, львовскимъ іезуитомъ, своимъ слушателямъ—схоластикамъ или новиціямъ.

[3]) Лат. Q. I. №№ 374, 380, 389.

[4]) VII конгрег. декр. 26 п. 3 напоминаетъ провинціалу, чтобы онъ при назначеніи учителей руководился общимъ благомъ, а не своими симпатіями. Даже прошедшаго полный богословскій курсъ онъ могъ не назначить на учительство, если находилъ его недостойнымъ этого.

слѣдилъ за составомъ библіотекъ и за тѣмъ, чтобы ни одинъ іезуитъ не издалъ и не перевелъ самовольно ни одной книги. Лично или черезъ назначенное лицо провинціалъ ревизовалъ школы. Наконецъ, онъ же наблюдалъ, чтобы учителя исполняли то, что касается воспитанія добрыхъ нравовъ. Вообще же на обязанности провинціаловъ лежало принимать всѣ мѣры къ обезпеченію успѣха школъ. Имъ, напр., VI конгрегація поручила поднять упавшее было изученіе гуманитарныхъ наукъ. Провинціаламъ позволялось Учебнымъ планомъ и конгрегаціями не стѣсняться буквой устава, а дѣйствовать по своему благоусмотрѣнію, лишь бы съ пользою для учебнаго дѣла. Съ этой цѣлью они могли собирать даже совѣты изъ лицъ долго учительствовавшихъ и обсуждать съ ними вопросы о лучшей постановкѣ школьнаго дѣла,—но, конечно, руководствуясь „Планомъ“ и испрашивая на введеніе выработанныхъ пріемовъ разрѣшеніе у генерала. Безъ позволенія генерала провинціалъ не могъ ни расширить программы, ни основать новой школы [1]).

Во главѣ каждой отдѣльной школы, высшей или низшей, стоялъ ректоръ коллегіи. Но его власть была не велика. Не онъ назначалъ учителей [2]), не онъ и смѣнялъ ихъ; онъ только заботился о подготовкѣ преподавателей, дѣлалъ о нихъ представленія и въ концѣ учебнаго года доносилъ провинціалу о способностяхъ ихъ и усердіи. Каждый годъ ректоръ читалъ публично въ столовой правила поведенія для учениковъ и слѣдилъ за ихъ выполненіемъ. Изрѣдка посѣщалъ классы, особенно грамматическіе, присутствовалъ на богословскихъ и философскихъ диспутахъ, слѣдилъ за тѣмъ, чтобы ученики неизмѣнно говорили на латинскомъ языкѣ. Еженедѣльно назначалъ день для отдыха, причемъ иногда отпускалъ въ садъ своихъ питомцевъ. Ректору принадлежалъ общій надзоръ за состояніемъ школы и особенно административная и инспекторская часть; онъ долженъ былъ устранять препятствія къ ученію [3]).

Научная сторона дѣла находилась въ завѣдываніи префекта (praefectus studiorum), который потому былъ „главнымъ орудіемъ ректора въ упорядоченіи занятій“ (generale rectoris instrumentum ad studia bene ordinanda). Отъ него требовалась высшая степень учености. Обязанностью его было исполнять въ точности предписанія относительно организаціи школы и плана наукъ, бывать на лекціяхъ учителей (у каждаго по крайней мѣрѣ разъ въ мѣсяцъ), просматривать иногда упраж-

---

[1]) *Ratio studiorum*, regulae provinc., 2—6. 8—18. 27. 33—40. 47. *Regulae societatis Jesu*, reg. provinc., 60. VI-ae congregationis instructio 20.

[2]) Только въ случаяхъ крайней необходимости ректоръ могъ назначать своей властью учителя (*Rat. stud.*, reg. rectoris, 37. 40).

[3]) *Rat. stud.*, reg. rectoris, 3—9. 12. 18—20. 31.—Согласно съ привилеемъ Ст. Баторія и буллой Григорія XIII, въ виленской академіи, кромѣ ректора коллегіи, былъ еще начальникъ—виленскій епископъ, канцлеръ академіи. Впрочемъ, какъ онъ, такъ и протекторъ ея (жмудскій епископъ) были больше почетными начальниками; не вмѣшиваясь во внутреннія дѣла академіи, они выступали только тогда, когда приходилось защищать ея права или интересы. Во всемъ прочемъ виленская академія подчинялась обычнымъ правиламъ (*Łukasz.*, IV, 41). Во всякомъ случаѣ, провинціалу предоставлено было распредѣлять обязанности между прямымъ начальствомъ школы и канцлеромъ, если такой случайно (forte) окажется (*Rat. stud.*, reg. praef. stud., 2).

ненія учениковъ, устраивать диспуты и публичные экзамены. Впрочемъ, ему же принадлежалъ и инспекторскій надзоръ за нравственностью какъ учениковъ (екстерновъ и интерновъ), такъ и профессоровъ. Въ особенно многочисленныхъ школахъ для низшихъ курсовъ назначался другой префектъ, подчиненный ректору въ дѣлахъ, касающихся дисциплины, и сносившійся во всемъ прочемъ съ префектомъ старшихъ курсовъ. Онъ обязанъ былъ каждыя двѣ недѣли бывать на лекціяхъ учителей, слѣдить за выполненіемъ ими программы и обращеніемъ ихъ съ учениками и, такъ какъ „магистры“ низшихъ классовъ были обыкновенно людьми молодыми и неопытными, то онъ руководилъ ими даже въ ихъ учебныхъ занятіяхъ, былъ ихъ начальникомъ въ собственномъ смыслѣ. Префектъ низшихъ курсовъ принималъ въ школы новопоступившихъ (но тѣхъ только, кого привели родители или опекуны), переводилъ ихъ въ высшіе классы, руководилъ экзаменами, велъ списки, наблюдалъ за библіотекой и пополненіемъ ея, назначалъ время для частныхъ занятій, для мѣсячныхъ „декламацій“, диспутовъ, распредѣлялъ награды. Онъ же назначалъ въ каждомъ классѣ цензора или главнаго декуріона (иначе претора) и „корректора“ (экзекутора) [1]).

Учительство въ іезуитскихъ школахъ было должностью высокой, почетной и отвѣтственной и попасть на нее было очень нелегко,—труднѣе даже, чѣмъ попасть въ орденъ. Въ учителя іезуиты выбирали изъ своихъ питомцевъ людей, которыхъ характеры, нравственность, способности, образъ мыслей подходили къ ихъ планамъ. Такихъ изъ риторики или философіи переводили на два года въ новиціатъ, гдѣ наряду съ науками схоластикъ (novitius scholasticus) набирался „духа ордена“ и, принуждаемый говорить только по латыни, окончательно освоивался съ этимъ языкомъ. По окончаніи новиціата, онъ вторично проходилъ въ теченіе двухъ лѣтъ общеобразовательные предметы, преимущественно риторику. Въ это время онъ занимался древними авторами, писалъ обширныя сочиненія на заданныя темы, совершенствовался въ языкахъ классическихъ и польскомъ и упражнялся въ благочестіи [2]). Послѣ этого кандидаты на учительство продолжали подготовку, слушая въ теченіе двухъ-трехъ лѣтъ философію, физику, математику; если кто слушалъ до того эти науки, обязанъ былъ вторично пройти ихъ. У кого оказывался особый талантъ къ одной изъ этихъ наукъ, тому давали еще годъ

---

[1]). *Ratio stud.*, reg. praef. stud., 1. 4—28; reg. praef. stud. infer., 1—37.; reg. provinc., 2; cf. *Łukasz.*, 1, 233. 234. Мы не увѣрены, были ли въ виленской академіи въ нашъ періодъ времени деканы философскаго и богословскаго факультетовъ (*Baliński*, Dawna akademia Wileńska, 75).

[2]) Въ теченіе этихъ двухъ лѣтъ кандидатъ на учительство нѣсколько разъ въ общихъ литературныхъ собраніяхъ («академіяхъ») читалъ свои сочиненія—поэтическія или риторическія, разбиралъ лучшія рѣчи Цицерона и Демосѳена, сопровождая разборъ комментаріями изъ классическихъ древностей и древней исторіи (*Rat. stud.* Reg. acad. rhetorum humanist.). Цѣль этихъ академій была—пріучить будущихъ учителей владѣть собой въ большихъ собраніяхъ и дать старшимъ возможность оцѣнить ихъ дарованія, исправить невѣрныя познанія, указать направленіе, въ какомъ вести ученіе. Если здѣсь оказывалось, что они неспособны къ учительству, ихъ назначали на другія должности—проповѣдниковъ, духовниковъ, завѣдывающихъ госпиталями.

для усовершенствованія въ ней. Послѣ каждаго года философскаго курса бывалъ строгій экзаменъ, а по окончаніи всего курса будущій учитель на публичномъ актѣ испытывался по всей программѣ курса. Экзаменъ давалъ ему право занять, въ званіи магистра, учительское мѣсто въ низшихъ классахъ, причемъ онъ переходилъ съ учениками изъ класса въ классъ. Пробывши учителемъ minimum три года, онъ начиналъ слушать богословіе, подвергаясь каждый годъ испытанію, которое длилось въ первые два года полчаса, въ третій—часъ и въ четвертый—два часа. Экзаминаторовъ, въ количествѣ не менѣе четырехъ человѣкъ, назначалъ провинціалъ, стараясь по возможности, чтобы ими были не профессора экзаменуемыхъ и обязывая ихъ клятвой судить по совѣсти. Только послѣ выдержанія такого строгаго и нелицепріятнаго экзамена новицій могъ быть допущенъ къ занятію болѣе важныхъ каѳедръ. Наконецъ, только по окончаніи всѣхъ этихъ испытаній іезуиту давалось право произнести всѣ четыре обѣта ордена и открывался доступъ къ высшимъ должностямъ [1]).—Изъ этого видно, съ какой заботливостью общество іезуитовъ относилось къ подготовкѣ учителей. Но, съ другой стороны, такой способъ замѣщенія преподавательскихъ должностей имѣлъ и свои недостатки, зависѣвшіе отъ слишкомъ частой смѣны учителей. Не пройдетъ года—двухъ по назначеніи какого-нибудь человѣка въ наставники, какъ его переводятъ на другой предметъ. Не успѣетъ онъ освоиться съ нимъ, какъ его переводятъ опять на новый. Рѣдкій изъ болѣе видныхъ школьныхъ дѣятелей не перебывалъ въ теченіе своей педагогической карьеры на всѣхъ каѳедрахъ полнаго курса. Допустимъ, что уже самымъ способомъ назначенія учителей гарантировалось полное знаніе ими той или другой науки. Но вѣдь кромѣ знанія предмета нужно было обладать педагогическимъ опытомъ,—здѣсь самому нужно было выработать пріемы для преподаванія этой именно науки. И сами іезуиты сознавали невыгоду такой частой смѣны лицъ преподавательскаго персонала и на VII конгрегаціи были дѣлаемы предложенія назначить опредѣленное число лѣтъ для прохожденія учительскихъ и профессорскихъ должностей. Однако они приняты не были; постановлено было только предоставить рѣшеніе вопросовъ такого рода старшимъ, т. е. провинціаламъ [2]).

Слѣдуетъ отмѣтить еще одну неудобную сторону въ положеніи учителей іезуитскихъ школъ,—ихъ малочисленность по сравненію съ количествомъ учениковъ. Въ 1600 году мы видимъ въ виленской академіи до 800 студентовъ, а профессоровъ только 12; въ Люблинѣ при 400 ученикахъ было только 5 учителей [3]) и т. д. Это объясняется тѣмъ, что у іезуитовъ учителя за исключеніемъ риторики и высшихъ курсовъ, гдѣ каждый профессоръ вѣдалъ свою науку, были преподавателями не отдѣльныхъ предметовъ, а—классовъ. Если это и имѣло свои выгоды,

---

[1]) Къ произнесенію четырехъ обѣтовъ допускались и не успѣвшіе въ философіи и богословіи, но обнаружившіе талантъ проповѣднической или административный, но для нихъ навсегда былъ закрытъ доступъ къ учительству (*Rat. stud.*, reg. provinc., 4. 18. 19, § 8. 32—39. Congreg. gener. VI, decr. 29; VII, 33. *Łukasz.*, I, 234. 235. *Baliński*, o. c., 72. 73).

[2]) VII congr., decr. 26, § 2; decr. 95.

[3]) Lit. an. 1596, 28. 30.

такъ какъ давало наставнику больше возможности изучить учениковъ своего класса и вліять на нихъ въ нравственнымъ отношеніи [1]), то въ учебномъ отношеніи было не особенно удобно, такъ какъ онъ положительно не могъ слѣдить за успѣхами всѣхъ учениковъ. Притомъ же въ низшихъ классахъ, изъ которыхъ въ каждомъ бывало до 100 мальчиковъ, одному учителю трудно было поддерживать надлежащую дисциплину, что опять должно было невыгодно отражаться на учебныхъ успѣхахъ. Неудобства этого порядка вещей нѣсколько парализовалъ институтъ декуріоновъ.

Декуріоны избирались префектомъ изъ лучшихъ учениковъ класса и были помощниками какъ его, такъ и преподавателей. Они слѣдили за порядкомъ въ классѣ, отмѣчали отсутствовавшихъ или не сидѣвшихъ на своихъ мѣстахъ и о замѣченныхъ неисправностяхъ доносили ежедневно префекту. Съ другой стороны, декуріоны каждый день спрашивали уроки у товарищей, пока учитель исправлялъ упражненія, и послѣднему оставалось только провѣрять ихъ докладъ о выучившихъ и не выучившихъ заданное [2]). Но и декуріонство, заимствованное у нѣмецкихъ педагоговъ, имѣло недидактическій характеръ. Декуріоны, спѣшившіе выспросить всѣхъ товарищей, могли оцѣнивать отвѣты только съ точки зрѣнія близости ихъ къ учебнику; провѣрять, какъ осмысленно отнесся тотъ или другой къ уроку, и некогда было, да, вѣроятно, и не приходило въ голову декуріонамъ. Думаютъ, впрочемъ, что и вообще іезуиты не требовали отъ своихъ учениковъ большой осмысленности въ отвѣтахъ, цѣня выше достоинства крѣпкой памяти, чѣмъ развитаго ума...

Педагогика іезуитовъ; воспитательные пріемы.

Основной принципъ іезуитской педагогики, находившійся въ связи съ главной цѣлью существованія самого ордена іезуитовъ, состоялъ въ воспитаніи въ ученикахъ духа религіозности (или набожности). Это была собственно основная тенденція іезуитскихъ—и педагогики, и дидактики. И образованіе, и воспитаніе молодежи были направлены къ тому, чтобы сообщить ей истинное, т. е. римско-католическое, понятіе о Богѣ и научить служить Ему по разуму латинской церкви. Что религіозность и благочестіе извѣстнаго рода были главнымъ плодомъ, какой хотѣли вырастить въ іезуитскихъ школахъ, видно изъ того, что наставленія объ этомъ даются въ „Учебномъ планѣ“ и ректору, и префекту, и всѣмъ профессорамъ вообще, и отдѣльно профессорамъ низшихъ и высшихъ курсовъ, а также изъ того, что „Годичные отчеты“ іезуитовъ слѣдятъ съ не меньшей заботливостью за удаленіемъ учениковъ отъ „нечестія“ и укрѣпленіемъ въ набожности, чѣмъ за ихъ успѣхами въ наукахъ [3]).

Въ цѣляхъ религіозно-нравственнаго воспитанія ученики обязаны были каждую лекцію начинать и оканчивать молитвой, стоя на колѣнахъ,

---

[1]) *Марковъ*, Чт. въ общ. люб. дух. просвѣщ., 1871, V, 28. 29.

[2]) *Rat. stud.* Reg. praef. stud. infer., 37. Reg. comm. profes. stud. infer., 19. 36.

[3]) «Ipsi porro pueri non magis docentur litteras, quam dedocentur impietatem», говорится о полоцкихъ школьникахъ (Lit. an. 1586—7, 157).

каждый день бывать у обѣдни, а въ воскресенье должны были отслушать литургію, проповѣдь и вечерню; каждую недѣлю (послѣ—каждый мѣсяцъ) бывать у исповѣди [1]). Ученики іезуитскихъ школъ принимали самое живое участіе въ церковныхъ церемоніяхъ и торжествахъ; ради послѣднихъ отодвигались въ сторону интересы науки и образованія. Мы видѣли, напр., что виленскіе студенты начали готовиться къ празднованію канонизаціи св. Казимира за годъ. По силѣ воспитательнаго вліянія рядомъ съ церковными церемоніями стояли спектакли въ стѣнахъ коллегій, отличавшіеся религіозно-нравственнымъ содержаніемъ и часто состоявшіе изъ пьесъ на библейскіе сюжеты [2]). Но всего сильнѣе должно было дѣйствовать на возбужденіе религіознаго чувства учениковъ участіе ихъ въ студенческихъ Богородичныхъ братствахъ. Братства въ іезуитскихъ школахъ учреждены были впервые папой Григоріемъ XIII въ 1584 году, подъ именемъ братства Благовѣщенія, и въ 1586—1587 гг. были подтверждены папой Сикстомъ V, который позволилъ вмѣстѣ съ тѣмъ организовать при коллегіяхъ братства и нестуденческія [3]). Такія братства заводились въ западнорусскихъ коллегіяхъ обыкновенно въ первые же годы ихъ существованія, и съ самаго же начала стали производить чрезвычайное дѣйствіе на воспитанниковъ. Мы не повѣримъ іезуитамъ, когда они утверждаютъ, что обыкновенно члены братствъ оказывали наибольшіе успѣхи въ наукахъ, но что на нравственную сторону ихъ характера и на укрѣпленіе ихъ религіознаго настроенія принадлежность къ братству должна была сильно вліять, противъ этого спорить не станемъ.—Сущность обязанностей братчиковъ состояла въ строгомъ исполненіи обрядовыхъ и нравственныхъ церковныхъ требованій. Соблюденіе церковныхъ обрядовъ братчики доводили до степени подвиговъ, удлинняя посты, богослуженія, молитвы; послѣднія продолжались иногда по сорока часовъ. Частыя церковныя процессіи они совершали босикомъ, иногда въ сильный холодъ; до крови били себя плетями, вызывая слезы даже у праздныхъ зѣвакъ. Въ страстной четвергъ братчики, подражая великому примѣру смиренія, явленнаго Спасителемъ, омывали ноги нищимъ и затѣмъ прислуживали имъ при столѣ. Члены студенческихъ братствъ кончали очень часто тѣмъ, что поступали въ іезуитскій и другіе ордена [4]).

---

[1]) *Rat. stud.* Reg. comm. profess. class. infer; reg. externorum auditorum, 3.

[2]) «Tragaediarum argumentum sacrum sit, ac pium» (Reg. rectoris)

[3]) Magnum bullarium Romanum, II, 421. 574; cf. Institutum societatis Iesu, 1705, I, pp. 83, 87, 90. *Argentus*, 39. 40. Въ Вильнѣ въ составъ двухъ студенческихъ братствъ, кромѣ 300 студентовъ, входили нѣкоторые епископы, многіе прелаты, шляхта и горожане (Lit. an. S. J. 1607, 448).

[4]) Lit. an. 1596, 12; 1605, 912. 945. 946; 1606—8, 770 et passim. По булламъ папъ Григорія XIII и Сикста V, члены іезуитскихъ студенческихъ содалій (братствъ) должны были праздновать болѣе половины года: они освобождались отъ ученія въ теченіе всего апрѣля, нѣкоторыхъ недѣль и дней, связанныхъ съ подвижными праздниками и свыше 70 непереходящихъ праздниковъ (послѣдніе перечислены въ Bullae et brevia summorum Pontificum, sacrarum Congregationum etc., 1767, pars I, p. 30—35).

Но важно было не только сохранить католической церкви ея собственныхъ чадъ,—нужно было возвратить отторженныхъ отъ нея и пріобрѣсть новыхъ. Іезуитская школа и эту задачу исполняла наилучшимъ образомъ. Дѣлалось это такъ. При всякомъ удобномъ случаѣ внушалось протестантскимъ и православнымъ юношамъ, что истинная вѣра—латинство и что римскій папа – глава истинной церкви. Торжественность и великолѣпіе римско-католическаго богослуженія, при сопоставленіи съ сравнительной простотой православнаго и протестантскаго, легко могли подкрѣпить эти выводы и заставить согласиться съ ними малолѣтнихъ. Болѣе возрастные ученики подвергались дѣйствію другихъ средствъ: имъ раздавали сочиненія въ римско-католическомъ духѣ [1]), внушали на лекціяхъ, особенно полемическаго и догматическаго богословія, убѣжденіе въ превосходствѣ католичества предъ другими исповѣданіями. Присутствіе же учениковъ на примѣрныхъ и дѣйствительныхъ диспутахъ іезуитовъ, на которыхъ они всегда почти силой діалектики поражали некатолическія мнѣнія, еще болѣе должно было возбудить недовѣріе къ своимъ исповѣданіямъ у юношей, быть можетъ, не умѣвшихъ отличать діалектики отъ того, что̀ею защищается. На русскихъ воспитанниковъ дѣйствовалъ и еще одинъ доводъ, какой іезуиты часто приводили и въ своихъ полемическихъ сочиненіяхъ, какъ доказательство неистинности православія,—именно указаніе на жалкое положеніе восточныхъ патріархатовъ подъ властью турокъ и на разстройство дѣлъ въ западнорусской церкви.

Случаи совращенія іезуитами своихъ иновѣрныхъ питомцевъ въ католичество обнаружились очень скоро и обратили на себя вниманіе и протестантовъ и православныхъ. Но въ тѣхъ городахъ, гдѣ было много католиковъ и гдѣ репутація училища прочно установилась, какъ напр., въ Вильнѣ, іезуиты этимъ не смущались. Беречься нужно было только въ мѣстностяхъ съ сплошнымъ русскимъ населеніемъ, чтобы не возбудить его подозрѣній и не повредить своей педагогической репутаціи. По такому то побужденію и была выработана римскими богословами цѣлая система правилъ для луцкой коллегіи. Инструкція эта была составлена въ 1613 г. по просьбѣ луцкаго епископа Павла Волюцкаго, но она, повидимому, должна была имѣть болѣе общее значеніе, по крайней мѣрѣ она тогда же сообщена была спутникомъ епископа іезуитомъ Савицкимъ въ польскую провинцію. Для іезуитской педагогики она такъ характерна, что мы должны изложить ее подробнѣе. 1) Дѣтямъ схизматиковъ, сдѣлавшимся католиками, позволительно для избѣжанія препятствій и трудностей, принимать таинства вмѣстѣ съ родителями и исповѣдываться у схизматиковъ, даже если они не терпятъ притѣсненій, а тѣмъ болѣе—если предвидятъ ихъ. 2) Когда родители совращенныхъ въ латинство станутъ спрашивать ихъ, не перемѣнили ли они вѣры, то послѣдніе, если замѣтятъ изъ обстоятельствъ и общаго способа рѣчи, что родителями подъ вѣрой понимаются обряды и церемоніи восточной церкви (какъ это часто бываетъ у грековъ), то могутъ свободно отвѣ-

[1]) Списокъ сочиненій, рекомендованныхъ Поссевиномъ для этой цѣли,—Supplem., 39—41.

чать, что не перемѣнили, ибо, хотя сдѣлались латинянами и употребляютъ по временамъ латинскіе обряды, но сейчасъ, находясь у родителей и подъ ихъ властью, содержатъ свои греческіе обряды. 3) Могутъ отвѣчать, что никогда не измѣнятъ той вѣрѣ, которую приняла отъ святыхъ отцовъ—Василія, Златоуста и др. и сохраняетъ Божья церковь, и анаѳема да будетъ тому, кто вѣритъ и учитъ иначе. 4) Если будетъ поставленъ прямой вопросъ, не причастились-ли подъ однимъ видомъ, по обычаю латинянъ, и искренній отвѣтъ на это будетъ невыгоденъ, могутъ воспользоваться двусмысленностью такой и въ такой мѣрѣ, какая и какъ позволительна въ важныхъ вещахъ, которыя мы по праву можемъ скрывать. 5) Если рѣчь зайдетъ о пунктахъ разногласія между греками и латинянами и спрошенные не будутъ въ состояніи защищать свои убѣжденіи по непосвященности въ богословскія тонкости, то пусть говорятъ, что они исповѣдуютъ то ученіе, какое держитъ св церковь, наученная Св. Духомъ чрезъ свв. отцовъ. 6) И только тогда, когда нельзя никакимъ образомъ отвертѣться (avertere) отъ распросовъ родителей, ученики должны исповѣдать правую вѣру даже съ опасностью для жизни. 7) Тоже, наконецъ, они должны сдѣлать и въ томъ случаѣ, если отъ нихъ потребуютъ исповѣдать схизматическую вѣру или сдѣлать что-либо оскорбительное для католической церкви [1]).

Не будемъ останавливаться на оцѣнкѣ педагогическаго значенія этого документа. Всякому видно теперь происхожденіе той изворотливости, лживости и подобныхъ качествъ, характеризующихъ іезуитовъ и ихъ воспитанниковъ, которыя справедливо окрещены названіемъ „іезуитизма“.

Итакъ, іезуиты не запрещали своимъ воспитанникамъ, совращеннымъ ими въ латинство, исповѣдывать новую вѣру или даже проповѣдывать ее родителямъ [2]). Но, къ сожалѣнію, іезуиты на этомъ не останавливались. Процессъ олатиниванія шелъ дальше и раждалъ массу фанатиковъ, питавшихъ рядомъ съ горячей преданностью новой вѣрѣ не менѣе горячую ненависть къ старой. Изъ іезуитскихъ именно школъ выходили тѣ ярые ненавистники всего неіезуитскаго, всего некатолическаго, которые обострили до крайности религіозную борьбу въ польско-литовскомъ государствѣ и способствовали его паденію [3]). Для фанатизированія молодежи іезуитская педагогика употребляла отчасти тѣ же средства, что и для совращенія иновѣрныхъ воспитанниковъ, отчасти и новыя. Таково, прежде всего, дозволеніе воспитанникамъ присутствовать при диспутахъ съ иновѣрцами, которые иногда и происходили въ гимназіяхъ [4]). Здѣсь, конечно, нельзя было бы видѣть ничего другого, кромѣ

---

[1]) Resolutiones dubiorum circa professionem fidei a filiis schismaticorum, faciendam, per Theologos Romanos (*Wielewicki*, Scriptores rerum polon., XIV, 111. 112).

[2]) Litterae annuae представляютъ немало фактовъ обращенія въ латинство протестантовъ и православныхъ ихъ сыновьями-питомцами іезуитскихъ школъ.

[3]) Кс. Залѣнскій не можетъ понять, что если іезуиты воспитывали учениковъ въ ненависти къ ереси и схизмѣ, то они тѣмъ самымъ покушались на спокойстіе и права диссидентовъ (128).

[4]) Lit. an. 1589, p. 139.

желанія знакомить студентовъ на практикѣ съ пріемами полемики. Но если иногда студенты такъ наэлектризовывались, что готовы были переносить дебаты за предѣлы коллегіи, съ перемѣной словесныхъ доводовъ на argumenta baculina [1]),—мы принуждены признать участіе студентовъ въ публичныхъ диспутахъ не совсѣмъ педагогическимъ. Далѣе. Хотя іезуитскимъ ученикамъ запрещалось присутствовать на казняхъ, но для казней еретиковъ было сдѣлано формальное исключеніе: воспитанники іезуитовъ съ дѣтства могли и должны были знакомиться съ доходящею до кровавыхъ казней строгостью по отношенію къ заблуждающимся [2]). Но, возбуждаемыя наказаніями послѣднихъ, толпы іезуитскихъ студентовъ часто и сами мстили врагамъ католической вѣры. Такъ было, напр., въ Вильнѣ въ 1611 г., когда послѣ казни Лоренцо Франко студенты академіи, въ сопровожденіи католической черни, разгромили кальвинскій зборъ. Вообще Вильна не разъ терпѣла отъ безпокойныхъ іезуитскихъ воспитанниковъ; доставалось отъ нихъ и протестантамъ, и православнымъ. Тоже бывало и въ другихъ городахъ зап. Россіи [3]). И такія „шалости“ іезуитскихъ учениковъ всегда сходили имъ съ рукъ: онѣ носили религіозно-воспитательный характеръ. Насколько легко смотрѣли на нихъ іезуиты, видно изъ того, что они не запрещали учащимся носить даже огнестрѣльное оружіе; по „Учебному плану“ нельзя было только являться съ нимъ въ гимназію, въ классы [4]).

Но, прорывая строгость дисциплины въ этомъ пунктѣ, іезуитскіе воспитанники могли итти дальше, могли дѣлать нападенія и вообще на неугодныхъ имъ людей. И въ этомъ они не находили препятствій со стороны своего начальства. Напротивъ, послѣднее смотрѣло на проказы учениковъ снисходительно и всегда спасало виновныхъ отъ наказанія, само находя иногда удобнымъ пользоваться физической силой нѣсколькихъ сотъ молодыхъ людей для своихъ интересовъ, напуская ихъ, напр.,

---

[1]) Подъ 1615 годомъ Велевицкій записалъ диспуты люблинскихъ іезуитовъ съ кальвинистами и социніанами. Хотя они кончились мирно, но отцы нашли нужнымъ вывести социніанъ изъ храма подъ своей охраной, ибо, замѣчаетъ авторъ, cavebant diligenter nostri, ne vel a studiosis vel ab aliis quibusque aliquid molestiae haberent (ariani) (Scr. rer. pol., XIV. p. 158, 159).

[2]) *Rat. stud.* Reg. externorum, 13. Ср. *Раумеръ*, I, 428. 429.

[3]) Справедливость требуетъ однако сказать, что нападенія учащихся на иновѣрцевъ и военные ихъ подвиги введены были въ школьные нравы не іезуитами: они практиковались въ католическихъ школахъ и раньше. Въ 70-хъ годахъ XVI ст. много разъ потерпѣли отъ краковскихъ студентовъ тамошніе протестанты (*Łukasz.*, III, 306, прим. 2. *Załęski*, 431—433). Въ Холмѣ еще въ 1582 г. ректоръ католической школы съ учениками буйствовалъ въ синагогѣ и угрожалъ сжечь ее, а въ слѣдующемъ году напалъ на монастырскаго «бакаляра» (А. В. А. К., XIX, №№ 360, 380). Въ Луцкѣ ксендзъ Грегоръ съ учениками разгромилъ въ 1586 г. городской рынокъ (Арх. Ю.-З. Р., I, т. I, № 48).

[4]) А. В. А. К., VIII, № 188; XX, 93. *Rat. stud.* Reg. extern. audit., 5. Нужно впрочемъ сказать, что въ 1606 г. конгрегація польско-литовскихъ іезуитовъ постановила, чтобы въ школьныя правила внесено было запрещеніе носить ученикамъ оружіе. Генералъ Аквавива похвалилъ это мудрое распоряженіе, но, предвидя большую трудность въ исполненіи его, рекомендовалъ обратиться за помощью къ королю и магнатамъ (*Załęski*, 179, пр. 2).

на бургомистра и радцевъ города, не соглашавшихся на уступку коллегіи нужнаго плаца или дома, или на православное братство, если оно не желало уступить полюбившагося іезуитамъ пѣвчаго [1]). „Никогда, говоритъ М. О. Кояловичъ, наука не была такъ далека отъ своихъ цѣлей, никогда она такъ не развращала людей, какъ въ рукахъ іезуитскихъ, а если перевернуть медаль на другую сторону, то нужно согласиться, что никогда и нигдѣ въ мірѣ школьники и сами іезуиты не имѣли такой силы, какъ въ школахъ іезуитскихъ. Школьники держали въ рукахъ власти городскія, способны были взять крѣпость, снести съ лица земли церковь, домъ и потомъ смиренно сидѣли надъ латинскою грамматикой, съ покорностью протягивали руку почтенному іезуиту для отеческихъ ударовъ его линейкой по ладони“ [2]). Такого рода поведеніе іезуитскихъ воспитанниковъ поощрялось еще и безнаказанностью ихъ предъ всякими другими властями, даже въ уголовныхъ дѣлахъ. Право своего суда дано было собственно виленской академіи, но и другія коллегіи усвоили его себѣ и избавляли провинившагося студента отъ гражданской отвѣтственности. Но если случалось, что дѣло доходило до суда, то и тутъ виновные не терпѣли ничего, такъ какъ съ ними являлись сотни защитниковъ—товарищей [3]).

Наконецъ, къ извѣстнаго вида нравственной распущенности и безпокойности нрава могло располагать учениковъ іезуитскихъ школъ обиліе праздничныхъ дней и свободнаго времени. Кромѣ лѣтнихъ каникулъ, продолжавшихся весь мѣсяцъ августъ [4]), іезуитскіе воспитанники праздновали множество различнаго рода торжествъ общецерковныхъ, мѣстныхъ, городскихъ и особенно орденскихъ, причемъ памяти такихъ іезуитскихъ святыхъ, какъ Игнатій Лойола, Францискъ Ксаверій [5]), Станиславъ

---

[1]) Арх. Ю.-З. Р., ч. I, т. VI, №№ 238, 239. *Łukasz.*, I, 268. 269. Свидѣтельство Лукашевича о томъ, что архивы городовъ Короны и Литвы наполнены жалобами на своеволія студентовъ іезуитскихъ школъ, хотя относится къ позднѣйшему времени, приложимо отчасти и къ нашему періоду.

[2]) Литовская церковная унія, II, 104. М. О. Кояловичъ своеволіе іезуитскихъ учениковъ и ихъ безнравственность во многихъ отношеніяхъ ставитъ въ связь со всей системой воспитанія: буйства и насилія іезуиты допускали намѣренно, чтобы дать исходъ молодымъ силамъ своихъ питомцевъ, которыхъ умъ и мысль систематически усыплялись, а воля подавлялась полнѣйшимъ подчиненіемъ имъ. «Но такъ какъ молодая натура съ трудомъ можетъ нести такое иго, то они открывали ей широкій просторъ своеволія во всѣхъ случаяхъ, которые были или безвредны іезуитамъ, или полезны» (ibid., 104. 105. Ср. Лекціи по исторіи Зап. Россіи, изд. III, 186).

[3]) На конвокаційномъ сеймѣ 1632 г. послы диссидентовъ спрашивали: «Jeśli z Wilna i z Lublina collegia na insze spokojniejsze miejsca przeniesione być nie mogą, które turbas czynią, sublata aequalitate przewodzą; Bo nikomu nie wolno nad pięćdziesiąt człowieka pod tribunał, mieć przy sobie, a studenci w tysiącu, chodzą człowieka pod tribunał, i co chcą, czynią impune. Przeto dać jakie rationes praesidii et securitatis od ich wiolencyj cerkwiom, zborom i osobom dysydentów» (*Голубевъ*, Петръ Могила, прилож., 412 стр.).

[4]) Впрочемъ, продолжительность лѣтняго ваката была неодинакова у различныхъ курсовъ (*Ratio studiorum.* Reg. prov., 36. 37).

[5]) Оба эти лица канонизованы папой Урбаномъ VIII въ 1623 г. (Magnum bullarium Romanum, IV, p. 11 и 15; Bullarium Romanum, XIII, №№ 3 и 4).

Костка, Франциск Боржіа, посвящались цѣлыя недѣли. И въ учебные дни приходилось заниматься не болѣе четырехъ часовъ—и подготовкой уроковъ, и славаніемъ ихъ. Справедливо потому замѣчаніе Лукашевича, что нигдѣ такъ напрасно не тратили времени, какъ въ іезуитскихъ училищахъ [1]).

Но если іезуитскіе студенты являлись нарушителями общественнаго спокойствія и порядка, то въ стѣнахъ учебнаго заведенія они были связаны строгими правилами, нарушеніе которыхъ всегда отражалось на нихъ невыгоднымъ образомъ. Однако и здѣсь не обходилось безъ снисхожденія и поблажки. Прежде всего, при изложеніи правилъ школьной дисциплины нужно имѣть въ виду два разряда воспитанниковъ—экстерновъ и интерновъ. Послѣдніе жили въ бурсахъ, или семинаріяхъ, содержась на средства, пожертвованныя тѣми или другими благодѣтелями. Бурсаки въ своемъ поведеніи были болѣе стѣснены, чѣмъ приходящіе. Кромѣ того, что они принимали на себя тѣ или другія обязательства по отношенію къ фундаторамъ общежитія, они были подъ постояннымъ надзоромъ своихъ префектовъ, учителей, да и другихъ отцовъ коллегіи, особенно если общежитіе находилось во дворѣ ея. Бурсакамъ нельзя было выходить изъ зданія и даже для прогулокъ въ саду нужно было особое разрѣшеніе начальства. Къ нимъ же съ преимущественной строгостью примѣнялись изложенныя выше правила относительно посѣщенія богослуженій и участія въ таинствахъ церкви [2]).

Нѣсколько свободнѣе было житье того огромнаго большинства студентовъ, которое помѣщалось на частныхъ квартирахъ и которое нерѣдко само добывало себѣ средства пропитанія пѣніемъ подъ окнами [3]). Но жизнь и этого рода студентовъ была регламентирована „Учебно-воспитательнымъ планомъ“. Они должны были жить на квартирахъ, извѣстныхъ начальству и доступныхъ посѣщенію префектовъ, которые привлекали и хозяевъ къ надзору за учениками. Такъ какъ и экстерновъ надлежало „напоить благочестіемъ и другими добродѣтелями не менѣе, чѣмъ науками“, то и имъ вмѣнено было въ обязанность являться на обѣдни и на проповѣди, и исповѣдываться, и выслушивать по субботамъ толкованіе катихизиса. Запрещалось имъ бывать въ неприличныхъ мѣстахъ и зрѣлищахъ и клясться и вообще дѣлать что либо безнравственное. Къ числу поступковъ, подлежавшихъ наказанію, относились: появленіе въ классѣ съ оружіемъ, порча классной мебели, неповиновеніе учителямъ [4]).

Въ связи съ дисциплиной стоитъ система наградъ и наказаній.

Для побужденія учениковъ къ занятіямъ науками еще первая конгрегація постановила давать экстернамъ маленькіе подарки, „преміи“, съ тѣмъ только, чтобы это дѣлалось не на счетъ ордена и съ соблюденіемъ способа приличнаго и благочестиваго. Учебный же планъ указалъ,

---

[1]) *Łukasz.*, I, 256. 257.

[2]) *Rat. stud.* Reg. praef. stud. infer., 42—48.

[3]) А. В. А. К., VIII, № 179. Иногда іезуиты формально выговаривали своимъ воспитанникамъ право собирать милостыню, напр., въ Львовѣ, при договорѣ съ капитулой въ 1608 г. (*Łukasz.*, I, 156, прим.).

[4]) *Rat. stud.* Regulae externorum auditorum; cf. *Załęski*, 128—130.

когда можно награждать ими учениковъ, именно: когда кто побѣдитъ противника въ диспутѣ, или повторитъ всю какую нибудь книгу, или наизусть что нибудь хорошо выучитъ, или вообще окажетъ успѣхъ въ наукѣ [1]). Но кромѣ этихъ вещественныхъ наградъ существовали еще почетные титулы—декуріоновъ, цензоровъ, преторовъ, императоровъ и пр. Этотъ способъ развитія соревнованія, хотя имѣлъ свои недостатки, такъ какъ часто велъ къ возбужденію зависти или тщеславія, самъ по себѣ заслуживаетъ меньшаго порицанія, чѣмъ какому онъ подвергается, такъ какъ дѣйствительно усиливалъ успѣшность учениковъ. Даже противники іезуитовъ въ то время находили его настолько цѣлесообразнымъ, что сами перенимали его. Такъ, по свидѣтельству Шембека, этотъ обычай съ пользой для дѣла позаимствовали у іезуитовъ тѣ самые краковскіе профессора, которые осуждали ихъ за него [2]). Дѣло только въ томъ, что іезуиты не соблюдали здѣсь того безпристрастія, какое было, напр., у Тротцендорфа, у котораго, дѣйствительно, первенство давали ученикамъ ихъ способности, прилежаніе, успѣхи. У іезуитовъ же учебные успѣхи приносились въ жертву одному стремленію, ничего общаго съ наукой не имѣвшему,—стремленію ордена захватить въ каждомъ государствѣ въ свои руки политическія и матеріальныя силы. Въ польско-литовскомъ государствѣ для этого нужно было пріобрѣсть вліяніе на правящее сословіе—на магнатовъ и шляхту. Потому іезуиты и старались усиленно завлечь въ свои училища дѣтей этихъ классовъ. Чтобы расположить къ себѣ знатныхъ, іезуиты часто приглашали ихъ въ свои школы, привѣтствовали ихъ стихами, рѣчами на различныхъ языкахъ и пр. [3]). Но чтобы еще болѣе увеличить наплывъ въ школы дѣтей именно знатныхъ, нужно было дать имъ какія нибудь привиллегіи. За этимъ дѣло не стало. Іезуиты начали оказывать дѣтямъ пановъ и особенно магнатовъ всевозможныя послабленія. Легче относясь къ ихъ проступкамъ, іезуиты охотнѣе награждали ихъ почетными званіями, сажали на переднія скамьи, въ торжественныхъ случаяхъ (при процессіяхъ, встрѣчахъ королей, пословъ, епископовъ и др. высокопоставленныхъ особъ, на публичныхъ экзаменахъ) ихъ именно выставляли въ

---

[1]) 1—mae congreg. 123 decr.; cf. canon 16 (послѣдній былъ подтвержденъ IV конгрегаціей. *Rat. stud.* Reg. praef. stud. infer. Замѣчательна оговорка относительно того, чтобы преміи выдавались не на средства ордена. Іезуитскій орденъ не дѣлалъ вообще никакихъ матеріальныхъ пожертвованій на просвѣщеніе, онъ предлагалъ свои знанія и трудъ только тамъ, гдѣ являлись матеріальныя средства. Обезпечено содержаніе столькихъ то членовъ общества—они готовы учить безплатно, но достаточно уменьшиться этимъ средствамъ, размѣръ курса неизбѣжно сокращался. И самый принципъ безплатности обученія, проводимый іезуитами, долженъ быть понимаемъ очень относительно. «Хвалятся тымъ у полякувъ Езуитове, же дармо учатъ, и молоди цвичатъ, писалъ въ 1614 г. львовскому братству п. Кириллъ Лукарисъ, а и тыи далеко болшую нагороду маютъ и нѣякимся иншимъ способомъ надъ иншихъ болше берутъ» (*Голубевъ*, Петръ Могила, прил., стр. 201). Этотъ «иншій способъ» заключался, кромѣ предварительнаго солиднаго фундуша на коллегію, въ тѣхъ цѣнныхъ подаркахъ и приношеніяхъ, какіе іезуиты не отказывались брать отъ родителей своихъ учениковъ (*Łukasz.*, I, 269, прим.).

[2]) *Pieknorzecki*, Gratis plebański, p. 236.

[3]) Monita privata S. I., cap. II, § 11.

особенно лестныхъ и привлекательныхъ роляхъ. А все это должно было пріятно дѣйствовать на самолюбіе польско-литовской шляхты, тщеславіе которой давно извѣстно... Неодинаковость отношеній іезуитовъ къ ученикамъ, хотя она противорѣчила „Учебному плану“ [1]), особенно разительно проявлялась въ такихъ случаяхъ, когда дѣло шло о привлеченіи того или другого студента въ орденъ. „Monita privata“ рекомендовали такіе пріемы для заманиванія въ орденъ юношей „благородныхъ, красивой наружности, принадлежащихъ къ хорошимъ фамиліямъ и богатыхъ“ (iuvenes ingenii boni, forma non contemnenda, genere nobiles et opulentos): префекты должны оказывать имъ особенное расположеніе, не дозволять преподавателямъ оскорблять ихъ, должны какъ можно чаще хвалить, допускать ихъ въ садъ и угощать тамъ плодами, въ торжественныхъ случаяхъ приглашать ихъ къ общему столу. Съ прочими же можно доходить и до розогъ, обвинять ихъ въ различныхъ проступкахъ на основаніи однѣхъ догадокъ, показывать имъ всегда суровый видъ, строжайше принуждать ихъ къ занятіямъ и всячески наказывать [2]).

---

[1]) *Rat. stud.* Reg. comm. profess. stud. infer., 47.

[2]) Сар. XIII.—Мы нѣсколько разъ ссылались на «Monita privata (secreta) S. I.» и здѣсь должны сказать о нихъ нѣсколько словъ. Авторство ихъ сами іезуиты предположительно приписываютъ Іерониму Загоровскому, бывшему іезуиту. О немъ Велевицкій разсказываетъ, что онъ по злобѣ на іезуитовъ, которые нашли его успѣхи въ наукахъ не особенно блестящими и заставили изучать въ Ярославѣ лишній годъ богословіе и затѣмъ опредѣлили въ учителя низшихъ школъ въ Сандомирѣ,—по злобѣ на нихъ сталъ разсылать къ разнымъ лицамъ анонимныя письма, переписанныя руками своихъ учениковъ. Въ нихъ онъ сообщалъ, что іезуиты обманомъ завлекаютъ дѣтей въ свою религію, что они ищутъ только имѣній, что учительство нужно поручить монахамъ другихъ орденовъ, а іезуитовъ изгнать и пр. Іезуитскія власти, узнавши, кто авторъ писемъ, осудили его въ 1614 году и изгнали изъ общества. На этомъ же основаніи они сочли Загоровскаго и авторомъ появившихся въ этомъ же году «Monita» (Script. rer. polon., XIV, pp. 110. 111. 124. 125). «Monita privata» представляютъ по формѣ рядъ совѣтовъ высшей іезуитской власти подчиненнымъ. Объ общемъ характерѣ этой цинично-откровенной инструкціи могутъ свидѣтельствовать уже приведенные нами отрывки изъ нея. Понятно, что іезуитамъ не пришлось по вкусу обнародованіе столь компрометирующаго ихъ документа и они обрушились на него. Книга была внесена въ Jndex librorum prohibitorum и осуждена нѣсколькими епископами и папскимъ нунціемъ въ Польшѣ (ibid., p. 157. 160. 163. 188. *Pieknorzecki*, Gratis plebański, 253—260). Что «Monita privata»—дѣйствительная инструкція общества, опубликованная только Загоровскимъ, а не измышленный имъ памфлетъ на его дѣятельность, это вполнѣ удовлетворительно доказывается Ю. Ѳ. Самаринымъ, на основаніи обстоятельствъ открытія имъ текста «Наставленій» въ пражскомъ сборникѣ, имѣющемъ оффиціальный характеръ, помимо того, что «можно бы историческою практикой ордена доказать внутреннюю правду ихъ» (Іезуиты и ихъ отношеніе къ Россіи, изд. III, 414, 417—424; ср. *Iarosz.*, II, 66, 67).—«Monita privata» были издаваемы много разъ и на различныхъ языкахъ. Намъ извѣстны латинскія изданія ихъ 1614, 1666, 1668 гг., польское 1784 (Przewodnik czyli skryte rządze oo. Iezuitów), греческое съ латинскимъ текстомъ 1860 г. (Ἀπόκρυφα παραγγέλματα τοῦ τάγματος τῶν ἰησουιτῶν). Въ русскомъ переводѣ «Наставленія» напечатаны у Самарина (стр. 457 и слѣд., здѣсь же и латин. текстъ) и еще ранѣе въ «Сборникѣ документовъ, уясняющихъ отношенія латино-польской пропаганды къ русской вѣрѣ и народности» (I, 17—64. Вильна, 1865 г.).

Политика эта дѣйствительно примѣнялась и приносила ордену плоды, обезпечивая за нимъ и нѣкоторое политическое вліяніе и обладаніе имуществомъ поступившихъ въ орденъ [1]).

За нарушеніе школьной дисциплины назначались различнаго рода наказанія, утверждавшіяся префектомъ или въ серіозныхъ случаяхъ — ректоромъ. Были въ ходу и тѣлесныя наказанія. Хотя по смыслу устава они должны были употребляться рѣдко [2]), но ими, повидимому, оо. педагоги слишкомъ злоупотребляли, если въ 1665 году литовскому провинціалу пришлось опредѣлить, подъ угрозой тѣлеснаго наказанія самихъ профессоровъ за неисполненіе постановленія, чтобы они назначали не болѣе 3—5 ударовъ, а префекты 10—15 [3]). Замѣчательно при этомъ, что декреты требовали, чтобы исполнителемъ наказанія былъ не кто либо изъ членовъ ордена, а человѣкъ посторонній, содержимый на счетъ коллегіи. Такъ, II-ая конгрегація, опредѣляя составъ коллегіи, добавила: „кромѣ того должно содержать экзекутора, который бы не былъ членомъ общества и который наказывалъ бы учениковъ, по приговорамъ наставниковъ“ (ultra quos providendum erit, unde corrector, qui de societate non sit, alatur ad eos castigandos pueros, qui scholas frequentabuntur, prout illi ab ipsis praeceptoribus praescribetur) [4]). Чисто іезуитскій пріемъ, имѣвшій цѣлью нерасположеніе наказываемыхъ обращать не на членовъ ордена, а на исполнителей наказанія... Слѣдующей степенью наказанія было заключеніе въ карцеръ, послѣдней — исключеніе изъ училища (за манкированіе лекцій [5]).

Достоинства и недостатки іезуитской педагогической системы.

При изложеніи исторіи отдѣльныхъ іезуитскихъ коллегій мы видѣли, что въ рѣдкой изъ нихъ училось менѣе ста человѣкъ. Иногда къ открытію школъ являлось двѣсти учениковъ и въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ цифра эта въ коллегіяхъ, обставленныхъ болѣе благопріятными условіями, доходила до 400—600, а въ Вильнѣ и до 800. Внѣшній, такъ сказать, успѣхъ іезуитскихъ школъ въ польско-литовскомъ

---

[1]) Уже іезуиту Савицкому можно было похвалиться, что у нихъ всѣ почти ректора и префекты — благороднаго происхожденія (nobiles). Правда, эту знатность Савицкій понимаетъ не только въ смыслѣ происхожденія, но и добродѣтелей и дарованій, но все же настаиваетъ на томъ, что начальниками въ ихъ коллегіяхъ состоятъ знатные, — не такъ, какъ у еретиковъ (*Cichocki*, Anatomia consilii editi, Crac., 1611, 15—17).

[2]) *Rat. stud.* Reg. praef. stud. infer., 38.

[3]) Опредѣленіе это не всегда было исполняемо, и послѣ литовскимъ провинціаламъ приходилось напоминать о немъ виленскому ректору, по поводу дошедшихъ до него, провинціала, слуховъ, что учителя обращаются съ воспитанниками слишкомъ жестоко, подвергая ихъ иногда нѣсколькимъ стамъ ударовъ (*Krasz.*, IV, 17 и пр. 36. Истор.-юридич. матеріалы, извлеченные изъ актовыхъ книгъ губерній витебской и могилевской, т. XVIII, № 43).

[4]) Decreta congregationum S. I., 1635, p. 159.

[5]) *Rat. stud.* Reg. praef. stud. infer., 39—41.

королевствѣ станетъ очевиднѣе, если сообщимъ, что во всѣхъ ихъ предъ 1620 годомъ училось до 10 тысячъ человѣкъ [1]).

Этотъ крупный успѣхъ находитъ себѣ объясненіе не только въ обстоятельствахъ появленія іезуитовъ въ западной Россіи, но и въ достоинствахъ ихъ учебно-воспитательной системы. Орденъ іезуитовъ появился здѣсь въ такое время, когда римско-католическое населеніе западной Россіи почувствовало недостаточность своихъ школъ и ихъ неприспособленность къ новымъ вѣяніямъ. Съ другой стороны, и у православныхъ западноруссовъ не было ни одного училища, сколько нибудь поднимавшагося надъ уровнемъ церковно-приходскихъ школъ, между тѣмъ какъ потребность въ образованіи и притомъ не исключительно славяно-русскомъ, у насъ давно уже существовала и проявлялась въ фактахъ учебныхъ поѣздокъ русскихъ въ Краковъ и за границу. Выше другихъ ко времени призыва іезуитовъ стояли протестантскія училища, въ которыхъ иногда число учащихся измѣрялось тоже сотнями, а въ Раковѣ въ началѣ XVII столѣтія доходило даже до тысячи. Но и ихъ было мало, иныя отличались сословнымъ характеромъ и всѣ, наконецъ, были очень неустойчивы, завися отъ религіозныхъ убѣжденій своихъ основателей. Умиралъ ли фундаторъ, переходилъ ли въ другую протестантскую секту, или принималъ католичество—учителя разгонялись и школа или совсѣмъ закрывалась или вела дѣло подъ другой, такъ сказать, вывѣской.

Помимо этого іезуитскія школы имѣли много сторонъ очень привлекательныхъ для того времени. Прежде всего, онѣ не брали платы за ученіе. Не велики были взносы, какіе дѣлали за ученіе западноруссы всѣхъ исповѣданій и до того, но іезуиты совсѣмъ отказывались отъ денегъ, и притомъ за образованіе даже высшее. Насколько это обусловило успѣхъ ихъ, видно изъ цитованнаго выше письма Милезія Ротунда къ кардиналу Гозію, гдѣ онъ сообщалъ, что іезуитовъ ждутъ въ Вильну даже еретики, чтобы не тратиться на ученіе за границей. Іезуитскій же учебный планъ, дѣйствительно, и представлялъ собою нѣчто такое, что можно было найти или въ Краковѣ, или за границей. Латинская грамматика въ полномъ ея объемѣ, греческій языкъ, такъ хорошо поставленный, что ученики могли на немъ писать даже стихи, развитіе послѣдняго искусства, считавшагося выше прозаическаго изложенія мыслей, полный курсъ риторики, знаніе которой особенно цѣнилось въ Польшѣ при ея формѣ управленія, развитіе въ ученикахъ участіемъ въ спектакляхъ умѣнія держать себя въ обществѣ и иногда сообщеніе имъ свѣдѣній по философскимъ и богословскимъ предметамъ—всего этого было болѣе чѣмъ достаточно, чтобы угодить поляку и западнорусскому шляхтичу XVI столѣтія. Можетъ быть, юноша выходилъ изъ іезуитской коллегіи съ знаніемъ неширокимъ и несистематизированнымъ, но онъ могъ бойко болтать на приблизительно чистомъ латинскомъ языкѣ, украшая свою рѣчь множествомъ самыхъ изысканныхъ выраженій и тѣми словечками и оборотами, какіе его память извлекала

---

[1]) Argentus, p. 15. Однако во Франціи въ то же время орденъ воспитывалъ 60 т. человѣкъ (*Załęski*, 108).

изъ его тетради. Не могла не обратить на себя вниманія западнорусскаго общества и воспитательная часть дѣла. Не вездѣ студенты поражали своимъ буйствомъ, а въ отношеніяхъ къ своимъ наставникамъ—іезуитамъ они соблюдали строжайшую дисциплину. Эта дисциплина и внутренняя упорядоченность коллегій при тѣхъ средствахъ и духовнаго развитія и развлеченія, какія доставлялись спектаклями, публичными экзаменами, религіозными торжествами,—могли располагать къ іезуитскимъ школамъ не менѣе ихъ дидактическихъ достоинствъ.

При всемъ томъ іезуитская школьная система была не чужда и крупныхъ недостатковъ, смотрѣть ли на нее съ точки зрѣнія общепедагогическихъ требованій, или съ точки зрѣнія тѣхъ требованій, какія могло предъявить польское и русское общество къ ордену, вызванному въ западную Россію для просвѣщенія ея невѣжества и имѣвшему притязаніе захватить все образованіе ея въ свои руки. Недостатковъ перваго рода мы касались, излагая устройство іезуитскихъ школъ и ихъ дисциплину. Состояли они главнымъ образомъ въ односторонности образованія, обращеннаго больше на древнюю жизнь, чѣмъ на современную, притомъ же занимавшагося больше филологической стороной классическихъ твореній, чѣмъ идейной, и развивавшаго больше память и ложно направленное религіозное чувство, чѣмъ разсудокъ. Даже католики конца XVI и начала XVII вѣковъ находили, что такое направленіе образованія приносило и наукамъ и молодежи больше вреда, чѣмъ пользы, такъ какъ оно только притупляло разсудокъ и быстроту ума и, вмѣсто свободнаго развитія способностей, вгоняло учащихся въ извѣстнаго рода одеревенѣлость [1]). И этотъ результатъ едва-ли былъ несознательнымъ плодомъ іезуитскаго воспитанія. Очень правдоподобнымъ является слѣдующее объясненіе этого явленія однимъ изъ противниковъ іезуитовъ, профессоромъ краковской академіи Яномъ Бросціемъ (Бржозкой—Broscius, Brozek). „Іезуиты, говоритъ онъ, уча дѣтей по грамматикѣ Альвара, очень трудной для пониманія и запоминанія, тратятъ на нее много времени и по слѣдующимъ именно причинамъ: во 1), чтобы подольше получать отъ родителей тѣ подарки, стоимость которыхъ превышаетъ условленную съ бакаляромъ плату въ другихъ школахъ; во 2), чтобы могли изучить характеры и настроеніе дѣтей; въ 3), чтобы молодого волченка вышколить на свой манеръ и руководить его молодостью; въ 4), чтобы въ случаѣ чьего либо желанія взять у нихъ сына, имѣть такую отговорку: „пусть онъ поучится по крайней мѣрѣ грамматикѣ, которая есть основаніе науки, и тогда возьмите его“; въ 5), чтобы продержавши мальчика до зрѣлаго возраста, привлечь его въ свой орденъ, если онъ окажется человѣкомъ приличнымъ (stateczny), съ дарованіями, съ матеріальными средствами, съ видами на наслѣдство и подастъ надежды, что будетъ хорошо вести орденскія дѣла. Іезуиты, продолжалъ Бросцій, свободно отпускаютъ юношу, если дарованія окажутся неважными, или родители хотятъ взять его, или самъ не хочетъ учиться или оставаться у нихъ. Но что ста-

[1]) Consilium datum amico de recuperanda et in perpetuum stabilienda pace Regni Poloniae, 1606 г.—у *Iarosz.*, III, 64, 65.

нетъ дѣлать этотъ студентишко (żaczysco) съ усами? Въ мальчикахъ служить—великъ; слугою—глупъ; учиться—поздно; быть ремесленникомъ—стыдно. И приходится просить о мѣстѣ іезуитовъ же; а они даютъ ему или „инспекторство“ (т. е. надзоръ за учениками въ школахъ), или писарство у какого нибудь изъ своихъ благодѣтелей, или духовную должность, и потомъ пользуются имъ, какъ орудіемъ своихъ дѣйствій [1]).

Классически-формальнымъ направленіемъ іезуитской дидактики можно было не удовлетворяться въ западной Россіи и съ точки зрѣнія мѣстныхъ требованій. Іезуитская школа служила не народу или государству, а римской церкви. Оттого образованіе, получаемое въ ней, носило больше католическо-космополитическій характеръ, чѣмъ приспособленный къ государственнымъ или народнымъ нуждамъ. Мы уже не говоримъ о томъ, что для русскаго населенія, для развитія его языка, литературы іезуиты не сдѣлали ничего и что тѣ два извѣстные намъ случая включенія въ программу русскаго и славянскаго языковъ были только средствами привлеченія въ школы дѣтей мѣстнаго русскаго населенія: въ этомъ нужно винить не самый орденъ, а то обстоятельство, что въ западной Россіи верхніе, по крайней мѣрѣ, слои ея уже пріобщились къ польской культурѣ и языку и не всегда дорожили своимъ, роднымъ. Съ точки зрѣнія этихъ отщепенцевъ и поляковъ смотрѣлъ на Русь и орденъ. Мы хотимъ указать на то, что и для самой польской культуры іезуитская школа въ нашъ вѣкъ сдѣлала очень мало. Въ Польшѣ родной языкъ въ срединѣ XVI ст. опять воскресъ къ жизни, сталъ дѣлаться языкомъ литературы, законодательства, администраціи. Іезуиты же, при исключительномъ почти употребленіи латинскаго языка, затормозили его развитіе. Если оставить въ сторонѣ Вуйковъ переводъ Библіи, проповѣди и полемическія произведенія на польскомъ языкѣ Скарги и нѣкоторыхъ другихъ членовъ ордена, образовавшихся не въ его школахъ, то немного найдется произведеній польско-русскихъ іезуитовъ, посвященныхъ разработкѣ этого языка въ нашъ періодъ. Такими окажутся развѣ только словари К. Ширвида, Гр. Кнапскаго. Благодаря, безъ сомнѣнія, іезуитамъ же, въ началѣ XVII в. польскій литературный и разговорный языкъ потерялъ свою чистоту и сталъ пестрѣть латинизмами.

Тѣмъ менѣе могли быть довольны въ Польшѣ образовательной системой іезуитовъ, что здѣсь еще до ихъ прибытія высказывались педагогическіе и дидактическіе взгляды, совершенно противоположные. Уже Рей изъ Нагловицъ осудилъ систему „семи свободныхъ наукъ“ съ ея преимущественно формальнымъ характеромъ при той постановкѣ, какая дана была ей въ старыхъ польскихъ школахъ, и взамѣнъ ея предлагалъ реальное образованіе, сообщеніе положительныхъ свѣдѣній. „Какая тебѣ польза, писалъ онъ, отъ Овидія и Горація, писателей трудныхъ и преисполненныхъ баснями? Хорошо знать природу каждаго звѣрька, каждой птички, каждаго деревца, каждой травки, что можетъ пригодиться тебѣ

---

[1]) Gratis plebański albo dyskurs Ziemianina z Plebanem o mniemanem bezpłatnem utrzymaniu szkół przez iezuitów i sposobie uczenia (1625). *Iarosz.*, III, 68. 69. (id. *Jocher*, I, 328).

въ хозяйствѣ и сдѣлать тебя человѣкомъ пріятнымъ въ обществѣ“ [1]). И если партія реалистовъ была не велика, то группа защитниковъ классическаго образованія, во главѣ которой стояли такія литературныя знаменитости, какъ Модржевскій, Оржеховскій, Гурницкій, и цѣль его понимала болѣе разумно, чѣмъ іезуиты, и новымъ языкамъ отводила широкое мѣсто. „Я хочу, говоритъ Гурницкій, чтобы шляхтичъ зналъ не только латинскій и греческій языки ради тѣхъ произведеній, которыя на нихъ написаны, но также чтобы понималъ по нѣмецки, по итальянски, по французски, по испански. Необходимо, чтобы онъ тщательно перечиталъ и обдумалъ всѣхъ поэтовъ, ораторовъ и историковъ, такъ чтобы понималъ каждое мѣсто... Пусть умѣетъ написать самостоятельно (z głowy) и письмо хорошее, и дѣловую бумагу, и стихи... что и при дворѣ будетъ полезно, и дома доставитъ ему удовольствіе“ [2]). Съ другой стороны, спеціальная педагогическая литература, оригинальная и переводная [3]), проводила въ общество убѣжденіе, что дѣтей нужно воспитывать сообразно съ ихъ будущимъ призваніемъ, образовывать изъ нихъ гражданъ, полезныхъ своему отечеству и достойныхъ его. Предстоявшая же политическая дѣятельность обязывала не только умѣть говорить по латыни, но и знать кое-что другое—исторію, этику, политику и т. п. Идеалъ образованія польской и ополячившейся аристократіи въ концѣ XVI и первой половинѣ XVII вѣка получалъ поэтому видъ, нѣсколько отличный отъ іезуитскаго. Слагался онъ изъ знанія новыхъ языковъ, прекрасно выработаннаго стиля въ устной и письменной рѣчи, чему должно было помогать кромѣ риторики чтеніе изящныхъ историковъ и изученіе діалектики, изъ физики, этики, права, фортификаціи, музыки [4]).

Нельзя, конечно, сказать, что іезуиты держали своихъ воспитанниковъ совершенно въ сторонѣ отъ жизни и политическихъ интересовъ. Мы видимъ, что послѣдніе принимаютъ участіе въ проводахъ и встрѣ-

---

[1]) Славянскій сборникъ, III, 60—64: *Макушевъ*, «Общественные и государственные вопросы въ польской литературѣ XVI в.».

[2]) *Górnicki*, Dworzanin polski (1566). Гурницкій замѣчателенъ и тѣмъ, что отстаивалъ преимущественныя права на употребленіе польскаго языка, и тѣмъ, что провозгласилъ равноправность женщинъ съ мужчинами и одинаковую съ послѣдними способность ихъ заниматься съ успѣхомъ науками, поэзіей и государственными дѣлами (Zbior pisarzów polskich, I, 121, 136).

[3]) Изъ болѣе извѣстныхъ переводныхъ педагогическихъ сочиненій упомянемъ «Książeczki roskoszne», 1564, перев. *Март. Кватковскаго*, *Рейнарда Лорихія* «Księgi o wychowaniu i o ćwiczeniu», 1588, пер. Кошутскаго. Оригинальными были сочиненія: *Гличнера*—«Książki o wychowaniu dzieci» (О педагогическихъ воззрѣніяхъ Эразма Гличнера см. Przewodnik naukowy i literacki, 1886, статья Оттмана Рудольфа), *Модржевскаго* «Commentariorum de republica emendanda libri V», одна изъ которыхъ посвящена школѣ. Полнѣе польская педагогическая литература указана у *Iochera* (№№ 916 et sqq.), *Wierzbowskiego* (№№ 87. 352. 1382. 1389. 1538. 2126. 2268. 2454).

[4]) *Czermak*, Młodość Ierzego Lubomirskiego (Kwartalnik historyczny, 1894, I, 48—51). Ср. инструкцію люблинскаго каштеляна Петра Мышковскаго при отправленіи сына за границу (1602; Рук. Имп. публ. библ. Лат. Q. XV, 95), а также лелевскаго старосты Луговскаго (1639—1641 г. Bibliot. Warsz., 1886, VII, 32—33). Такихъ инструкцій отъ того времени сохранилось немало.

чахъ короля Сигизмунда III при его отправленіи въ походъ противъ москвитянъ и при его возвращеніи, встрѣчаютъ невѣсту Димитрія (Самозванца), иностранныхъ пословъ. И панегирики и стихи, появлявшіеся при такихъ случаяхъ, далеко не всегда представляютъ только громкія фразы,—въ нихъ иногда проглядываетъ ясное сознаніе текущаго положенія политическихъ и религіозныхъ дѣлъ въ государствѣ. Тѣ „Gratulationes", которыми студенты виленской академіи встрѣтили въ 1581 году Юрія Радивилла, начертывали, можно сказать, даже программу его дѣятельности, поощряя его къ враждебнымъ по отношенію къ еретикамъ дѣйствіямъ. Но въ томъ то и состояла дурная сторона воспитанія у іезуитовъ, что они не съ разумной политикой знакомили своихъ учениковъ, что они, „права не читая, политику смѣшивали съ богословіемъ", какъ справедливо замѣтилъ Н. Хр. Радивиллъ, фундаторъ несвижской коллегіи, на основаніи собственнаго опыта. Въ 1603 году онъ завѣщалъ, чтобы три его сына, послѣ занятій у несвижскихъ отцовъ, довершили свое образованіе въ Германіи, Италіи, Испаніи, Франціи, подъ руководствомъ одного изъ нихъ же. Но уже въ 1607 князь, разочарованный въ іезуитской педагогикѣ, писалъ виленскому канонику Мартину Жагелю, что домашній наставникъ—іезуитъ, отправившійся съ его дѣтьми, испортилъ все дѣло, такъ какъ повторялъ съ ними тѣ пустяки (fraszki), какими они занимались и въ коллегіи, и вообще поступалъ съ ними такъ, какъ будто бы готовилъ ихъ не къ свѣтской, а къ духовной карьерѣ. Въ то время, какъ людямъ такого положенія, какъ мои дѣти, говорилъ князь, нужно бы читать право и политику, имъ предлагаютъ какую то смѣшанную съ политикой теологію; отвращая юношей отъ исторіи и того, что нужнѣе всего, ихъ развлекаютъ „Виргиліями, грекой и другими ненужными забавами" (Virgiliuszami a greczyzną i innemi niepotrzebnemi zabawkami). Старшимъ сыномъ Н. Хр. Радивиллъ еще утѣшался: онъ писалъ отцу бойкія письма по всѣмъ политическимъ дѣламъ на чистомъ латинскомъ языкѣ, но младшіе ни о чемъ не могли писать, точно десятилѣтнія дѣти (замѣтимъ, что они были отданы іезуитамъ, по свидѣтельству ихъ же „Годового отчета", еще въ 1596 году, т. е. за одиннадцать лѣтъ предъ тѣмъ); кажется, они только и научатся читать „Неистоваго Орланда" [1]). И заслуживаетъ вниманія, что ту же страсть іезуитовъ къ политиканству замѣтилъ и другой государственный мужъ—Янъ Замойскій, почему и не пригласилъ ихъ въ свою академію, которую и основалъ въ противодѣйствіе ихъ педагогической системѣ и вліянію.

Но, быть можетъ, скажутъ, что и нельзя было требовать отъ духовныхъ воспитателей юношества, чтобы они посвящали послѣднее въ его будущія свѣтскія обязанности, учили ихъ гражданскому праву и политикѣ. Однако, опытъ двухъ католическихъ духовныхъ семинарій, порученныхъ ихъ надзору, виленской и жмудской, показалъ и долженъ убѣдить всякаго, что іезуитамъ не удавалось, или они не хотѣли приготовить и хорошихъ пастырей церкви (объ этомъ ниже).

---

[1]) Рук. Имп. публ. библ. Пол. F. IV. 190. (Копіи писемъ Н. Хр. Радивилла). Archiwum domu Radziwiłłów (Scr. rer. polon., VIII), pp. 58, 59. Litterae annuae, 1596, p. 42.

Для оцѣнки заслугъ іезуитовъ для западнорусскаго просвѣщенія намъ остается указать еще на одинъ фактъ. Безъ сомнѣнія, орденъ іезуитовъ самымъ своимъ появленіемъ въ странѣ и заведеніемъ училищъ поднялъ въ ней образованіе и католическое, и иновѣрное, побудивъ православныхъ и протестантовъ завести и поднять на должную высоту свои школы, которыя бы могли хотя нѣсколько ослабить миссіонерскіе успѣхи іезуитскихъ коллегій. Но, съ другой стороны, онъ же и старался тормозить въ странѣ всякое другое образованіе. Такъ, благодаря іезуитамъ, были закрыты кальвинскія школы въ Несвижѣ и въ Вильнѣ (1640), православная въ Пинскѣ. Оршанскіе іезуиты еще до 1621 года выхлопотали привиллегію, по которой ни въ самомъ городѣ, ни въ окрестностяхъ его не могли появляться православныя училища [1]). Мало того. Хотя провинціальныя власти были лишены права открывать безъ сношенія съ генераломъ ордена даже такія школы, въ которыхъ бы учили только читать и писать, онѣ старались стѣснять всякія попытки къ просвѣщенію народа, если даже послѣднія шли со стороны католиковъ [2]). Такимъ образомъ упали виленская и львовская каѳедральныя школы и было закрыто много другихъ, по свидѣтельству Войтѣха Калишскаго въ его „Oratio nobilis equitis“ (1590) и затѣмъ Бржозки (1625 г.). Войтѣхъ приписываетъ іезуитамъ упадокъ и краковской академіи. Она, говорилъ Войтѣхъ, воспитавшая столько гражданъ, славныхъ ученостію въ различныхъ областяхъ науки и полезныхъ краю, между прочимъ Гозія, Кромера, Оржеховскаго, Модржевскаго, и считавшая до 4000 студентовъ, теперь стоитъ пустой [3]). Конечно, и сама краковская академія, упорно противившаяся всякимъ реформомъ, была виновата въ томъ, что тѣ тысячи ея студентовъ, которые стекались въ нее изъ разныхъ мѣстностей польско-литовскаго государства и даже изъ-за границы, разсѣялись теперь по различнымъ іезуитскимъ коллегіямъ, протестантскимъ гимназіямъ и заграничнымъ университетамъ, но и іезуиты не были совсѣмъ правы. Интересно вспомнить при этомъ о тѣхъ усиліяхъ и средствахъ, при помощи которыхъ іезуиты стремились занять извѣстное мѣсто въ педагогическомъ мірѣ Кракова. Поселились они здѣсь въ 1579 году [4]) и, прежде чѣмъ получили возможность открыть здѣсь свою коллегію, пожелали быть допущенными въ академію въ качествѣ профессоровъ философіи и богословія, о чемъ и сдѣлали заявленіе на петроковскомъ синодѣ 1589 г. Весь синодъ воспротивился этому пред-

---

[1]) *Rostowski*, 291. 332. 333.

[2]) *Rat. stud.* Reg. provinc., 2. «Monita privata» совѣтуютъ, въ случаѣ если орденъ столкнется въ своей школьной дѣятельности съ другими католическими орденами, противиться устройству ими школъ и стараться увѣрить высшія церковныя и государственныя власти, что іезуиты одни въ состояніи вести дѣло общественнаго образованія (c. V, §§ 3. 4).

[3]) Oratio nobilis equitis poloni (1590)—у *Iarosz.*, II, 61. Cf. *Pieknorzecki*, 355. 356.

[4]) *Wielewicki*, (Scriptores rerum polonicarum, VII, 4—6). Тотъ же Велевицкій сообщаетъ, что іезуитамъ въ 1583 г. было дано право открыть въ Краковѣ школы, но, какъ видно изъ дальнѣйшаго, они тогда имъ не воспользовались (p. 33—40).

ложенію, какъ противорѣчившему издавнимъ привиллегіямъ академіи и просто немыслимому. Но тѣмъ не менѣе, „искусство нѣкоторыхъ людей“ произвело то, что въ актахъ синода по его окончаніи оказалось нѣчто въ пользу іезуитовъ.... Академіи пришлось обратиться чрезъ своего канцлера, краковскаго епископа Петра Мышковскаго въ папѣ Сиксту V съ жалобой и просьбой о заступничествѣ [1]). Іезуитамъ удалось открыть въ Краковѣ свои школы только въ 1622 г., но черезъ 13 лѣтъ, послѣ ожесточенной борьбы и литературной полемики, они были удалены отсюда по сеймовой конституціи 1635 г. [2]). Послѣ всего сказаннаго не удивительны и тѣ ожесточенные нападки на іезуитскія школы, которые мы встрѣчаемъ во многихъ литературныхъ памятникахъ того времени. Авторы этихъ сочиненій предлагали даже изгнать орденъ изъ государства, а имѣнія его обратить на улучшеніе краковской академіи и открытіе другихъ училищъ, которыя слѣдовало поручить опытнымъ свѣтскимъ и духовнымъ людямъ. Тогда, говорили они, можно будетъ имѣть молодежь, соединяющую съ благочестіемъ и наукой чувства любви и заботливости о благѣ родины и способную служить ей [3]).

Въ заключеніе приведемъ отзывы объ іезуитскихъ училищахъ іезуита же Яна Аргента, хорошо знакомаго съ польско-латинскими коллегіями, которыя онъ ревизовалъ. „Я не такъ безстыденъ или неразуменъ, пишетъ онъ, чтобы предпочитать наши школы всѣмъ другимъ или даже сравнивать; но для меня достаточно свидѣтельства мудрыхъ и ученыхъ мужей, которые вотъ уже около пятидесяти лѣтъ учатся и посылаютъ дѣтей въ наши школы“. Онъ же указываетъ на одного образованнаго германца, который хвалилъ іезуитскія школы, говоря, что не встрѣчалъ лучше ихъ, но хотѣлъ уничтожить ихъ! [4]).

---

[1]) *Theiner*, Vetera monumenta Poloniae, III, № 101.

[2]) Volumina legum, III. 407 *Łukasz.*, I, 138. Замѣчательно, что въ этой борьбѣ на сторонѣ университета становились не только лица свѣтскія, но и духовныя, каковы: еп. Петръ Мышковскій, кс. Соколовскій и др. Соколовскій писалъ, напр., куявскому епископу: «Takżebym rad iezuity do kościoła a żaki do szkoły pognał, nie tylko tu u nas ale i wszędzie bo inaczej ani nauki ani też pobożność do swej perfectiej nie przyjdzie» (*Grabowski*, Starozytności historyczne polskie, I, 98—99).

[3]) *Iarosz.*, III, 65. 66. У Ярошевича читатель найдетъ изложеніе содержанія нѣсколькихъ подобнаго рода брошюръ и проектовъ удаленія іезуитовъ или изъ всего государства или изъ нѣкоторыхъ только городовъ (str. 58—71 и прим.).

[4]) *Argentus*, p. 114. 115.

ГЛАВА IV.

Духовныя семинаріи.

Немногія западнорусскія католическія семинаріи въ изслѣдуемый нами періодъ времени были вызваны къ жизни тридентскимъ соборомъ, который въ своемъ 23 засѣданіи, 15 іюля 1563 г., постановилъ, чтобы въ каждой епархіи епископы съ капитулами заводили училища для приготовленія кандидатовъ священства [1]). Это опредѣленіе собора было вызвано борьбой латинской церкви съ протестантствомъ, требовавшей, чтобы по крайней мѣрѣ пастыри церкви знали основанія своего вѣроученія. Но объ этомъ нужно было думать и въ польско-литовскомъ государствѣ. Мѣстное низшее духовенство представляло въ XVI в. по своему умственному развитію двѣ крайности. Съ одной стороны, въ рядахъ его было немало лицъ съ высшимъ, университетскимъ образованіемъ, съ учеными степенями баккалавровъ, магистровъ и даже докторовъ свободныхъ наукъ, философіи, богословія, правъ, съ другой— полное невѣжество. До половины XVI ст. во всемъ государствѣ не было ни одного спеціальнаго заведенія для образованія низшаго бѣлаго клира. Каѳедральныя школы, хотя по идеѣ должны были служить этой цѣли, на дѣлѣ не давали своимъ питомцахъ богословскихъ свѣдѣній; требованіе же отъ учениковъ пѣнія и прислуживанія въ костелахъ могло скорѣе выработать изъ нихъ церковнослужителей, чѣмъ священнослужителей. Впрочемъ, до появленія протестантовъ отъ духовенства немного и требовалось, какъ видно изъ предисловія къ вышедшему въ 1522 г. въ Краковѣ сочиненію „Summarius computus“. „Церковный клиръ, говорится здѣсь, пусть знаетъ четыре вещи: грамматику, музыку, каноны и праздники“ [2]).

Понятно, что при напорѣ протестантства должны были сильно пострадать религіозныя убѣжденія не только католической паствы, но

---

[1]) Sacros. concilii Tridentini canones et decreta, sess. XXIII. de reformatione, c. 18. (Edit. 1643, p. 410—415). Cf. *Pojan*, De Seminario clericorum, Parisiis—Lipsiae, 1874, p. 92—97.

[2]) «Clerus in ecclesia quatuor sciat esse tenenda, Grammaticam, Musicam, Ius canonum atque Calendas». *Łukasz.*, Hist. szkół, I, 19, прим. 2.

и самихъ пастырей, образованныхъ по программѣ, въ которую не было включено вѣроученіе, и въ этомъ отношеніи настолько невѣжественныхъ, что иногда ксендзы проповѣдывали по протестантскимъ постилламъ (сборникамъ проповѣдей) [1]). И, дѣйствительно, латинская церковь понесла крупныя потери. Въ одной виленской епархіи, по словамъ Скарги, было передано протестантамъ 500 церквей, а по свидѣтельству Цихоцкаго и Кояловича, во всей Жмуди къ 1566 г. едва оставалось шесть ксендзовъ, вѣрныхъ апостольскому престолу, а изъ паствы—едва одна тысячная часть [2]). Конечно, вполнѣ довѣрять этимъ лицамъ не приходится, такъ какъ въ интересахъ іезуитовъ было представить въ болѣе ужасномъ видѣ опасность, грозившую католической церкви, чтобы въ болѣе блестящемъ свѣтѣ явились ихъ труды и достигнутые ими результаты. Тѣмъ не менѣе латинскимъ епископамъ стало очевидно, что противъ новыхъ идей нужно бороться образованіемъ. И вотъ они на многихъ соборахъ не только постановляютъ рѣшенія о реформированіи наличныхъ, приходскихъ и каѳедральныхъ школъ, но и о заведеніи новыхъ на счетъ доходовъ схоластиковъ и прочихъ прелатовъ. А варшавскій соборъ 1561 г. пришелъ даже къ мысли о необходимости открытія спеціальныхъ коллегій для образованія членовъ клира, предупредивъ такимъ образомъ двумя годами опредѣленіе тридентскаго собора [3]).

Несмотря на это, католическіе епископы не спѣшили осуществлять синодальныя постановленія. Когда львовскій архіепископъ Павелъ Тарло созвалъ въ ноябрѣ 1564 г., по иниціативѣ нунція Коммендоне, провинціальный соборъ для русскихъ земель [4]), то отцы его, принявъ тридентскіе декреты, относительно нѣкоторыхъ изъ нихъ рѣшили просить папу не настаивать на немедленномъ выполненіи ихъ, въ виду того, что по бѣдности епископовъ и капитулъ и разоренности приходовъ они не отыскали никакихъ пригодныхъ къ тому способовъ. Въ числѣ

---

[1]) *Pieknorzecki*, Gratis plebański, 52. 358. Слово «постилла» введено было въ употребленіе Лютеромъ и, происходя отъ post illa (подразумѣвается textus verba), первоначально обозначало поученіе, которое слѣдовало за прочтеніемъ евангельскаго текста (*L. Łukaszewicz*, Rys dziejów piśmiennictwa polskiego, wyd. 2, 111, прим.).

[2]) *Kojałowicz*, Miscellanea, 67. Нарбуттъ заявляетъ, что заимствованная Кояловичемъ у Цихоцкаго дата 1576 г. должна быть замѣнена 1566 г., какъ видно изъ хода рѣчи (Dzieje narodu Litewskiego, IX, 479, прим. 1).

[3]) «Statuit praeterea haec sancta Synodus, ut singuli RR. DD. Locorum Ordinarii curarent, ut in loco aliquo Dioecesum suarum commodo, collegium instituerent, in eoque certum scholarium, de victu et amictu providerent, ac stipendiis certis, illis qui ingenio et diligentia in discendo praestarent, subvenirent: ex quorum numero aliqui successiue, juxta uniusquisque aetatem ac qualitatem, ad sacros ordines promoueri, et post susceptos ordines, ad officia et munia ecclesiastica obeunda, beneficiaque proueni possint. Hac enim ratione, certum seminarium, idoneorum clericorum, haec s. Synodus uturum esse sperat» (Constitutiones synodorum Metropolitanae Eccl. Gnesnen. provincialium, Cracoviae, 1630, p. 264).

[4]) На этомъ соборѣ присутствовали, кромѣ львовскаго архіепископа, епископъ холмскій и представители перемышльскаго и каменецкаго епископовъ; изъ Луцка не было прислано никого.

этихъ неудобныхъ для отцовъ постановленій былъ декретъ и о семинаріяхъ. Но все же они поручили епископамъ перемышльскому и холмскому, изъ которыхъ первый участвовалъ въ тридентскихъ засѣданіяхъ, изыскать къ будущему собору необходимыя для устроенія семинарій средства [1]). Неизвѣстно, какъ отозвался на эту просьбу апостольскій престолъ, но мы знаемъ, что папамъ еще долго приходилось настаивать на принятіи польской церковію тридентскихъ каноновъ, а послѣ принятія (на соборѣ въ Петроковѣ, 1577 г.) — на необходимости устройства семинарій [2]). Впрочемъ, уже въ 1568 г. одинъ изъ польскихъ епископовъ Станиславъ Карнковскій (влоцлавскій или куявскій) завелъ семинарію въ своей епархіи, за что и удостоился папской похвалы [3]).

Въ предѣлахъ западной Россіи первая духовная семинарія—*въ Вильнѣ* открыта была въ 1582 г. Но уже до того еп. Валеріаномъ было кое-что сдѣлано для приготовленія кандидатовъ священства. Вызывая іезуитовъ, Протасевичъ намѣренъ былъ передать имъ и образованіе духовенства и для этой именно цѣли онъ выдѣлилъ имъ изъ столовыхъ епископскихъ имѣній шесть извѣстныхъ селъ (Мѣдники, Бѣнюнцы, Носковцы, Пильцюны, Меречь и Рыкойне): по крайней мѣрѣ, испрашивая 3 окт. 1569 г. у капитулы согласія на эту передачу, онъ мотивировалъ ее тѣмъ, что обязанность учрежденія семинарій лежитъ на каѳедральныхъ костелахъ [4]). Но іезуиты, завладѣвъ имѣніями, и не подумали завести что-либо въ родѣ духовной семинаріи и доходы съ нихъ употребляли на нужды самой коллегіи. Въ виду этого епархіальной власти пришлось изыскивать новыя средства. Остановились на трокскомъ пробощствѣ, настоятель котораго былъ близокъ къ смерти. Въ устройствѣ семинаріи приняли участіе и каѳедра, и папскій легатъ (Lancus), и особенно Николай Христоферъ Радивиллъ, который далъ епископу Валеріану слово выхлопотать у короля грамоту на передачу пробощства и вообще помогать, чѣмъ можно [5]). При всемъ томъ открытіе семинаріи состоялось только въ 1582 г., когда новый виленскій епископъ Юрій Радивиллъ, въ виду разоренія столовыхъ и капитульныхъ имѣній московской войною, записалъ на семинарію свой наслѣдственный фольваркъ Возгелишки (11 янв.) [6]). Въ томъ же году Стефанъ Баторій, котораго Ю. Радивиллъ просилъ взять новую семинарію подъ свое покровительство и на щедрость котораго выражалъ надежду,—

---

[1]) *Любовичъ*, Папскій нунцій Коммендоне въ Польшѣ (Ж. М. Н. Пр., 1887 г., янв., 94—96). *Albertrandi*, Pamiętniki o dawnej Polsce, I, 223. 224.

[2]) См. напр. инструкцію монсиньору Симонетти, папскому нунцію въ Польшѣ, 1606 г. (Relacye nuncyuszów apostol., II, 97).

[3]) *Theiner*, Vetera monumenta Poloniae et Lithuaniae, II, № 770. *Poïan*, p. 106. *Łukasz.*, 300—302.

[4]) Выпись изъ актовъ вил. капитулы, № 42 (Опис. рукоп. отд. вил. публ. библ., вып. I, прилож., стр. 56). *Iarosz.*, III, 86. 87.

[5]) Письмо Н. Хр. Радивилла къ еп. Протасевичу. Scriptores rerum polonicarum, VIII (Archiwum domu Radziwiłłów), № 2.

[6]) *Baliński*, Historya miasta Wilna, II, 270—278 (дарственная запись).

подтвердилъ дарственную запись епископа, подарилъ семинаріи Штемпловскій каменный домъ, а въ 1585 г. предоставилъ въ ея пользу доходы съ богатой новгородской плебаніи [1]).

Сообразуясь съ совѣтомъ конгрегаціи кардиналовъ, рѣшавшей недоумѣнные вопросы, возбужденные текстомъ тридентскихъ каноновъ и признавшей лучшими учителями духовнаго юношества членовъ общества Іисусова [2]), еп. Радивиллъ возложилъ на виленскихъ іезуитовъ, съ согласія ихъ самихъ и генерала ордена, завѣдываніе всею учебною, педагогическою и административно-экономической частями своей семинаріи. Согласиться на это іезуитамъ ихъ законы не мѣшали,—напротивъ уже на II-ой генеральной конгрегаціи предусмотрительный орденъ успѣлъ заблаговременно опредѣлить свои отношенія къ такого рода просьбамъ. Тогда было дозволено членамъ коллегій принимать попеченіе о семинаріи, если только содержаніе ея достаточно и навсегда обезпечено, если отъ этого можетъ произойти польза коллегіи и самому ордену и если будетъ гарантирована свобода въ дѣлѣ управленія ею. Но и при этомъ велѣно было давать семинаріи не отдѣльныхъ учителей, а тѣхъ же, что преподаютъ въ іезуитскихъ школахъ [3]). Тѣмъ не менѣе, полной свободы виленскимъ іезуитамъ не было дано, такъ какъ Ю. Радивиллъ оставилъ за собой и за капитулой не только заботу объ увеличеніи числа воспитанниковъ семинаріи, но и высшій надзоръ за нею. И надзоръ этотъ не былъ только формальнымъ. Въ 1584 г. капитула, вслѣдствіе предложенія епископа назначить изъ своей среды провизора для семинаріи, постановила возлагать эту должность на всѣхъ членовъ по очереди, начиная съ старѣйшаго, срокомъ на годъ. А когда обнаружилась непроизводительная трата денегъ на семинарію, капитула 11 февр. 1588 г. сдѣлала распоряженіе, чтобы „регенты“ ея ежегодно отдавали отчетъ въ израсходованныхъ суммахъ провизору, а тотъ—всей капитулѣ. Если же іезуиты—добавила она—не согласятся на это, пусть позволятъ жить въ семинаріи, для надзора за приходами и расходами, „шафару“, назначенному провизоромъ [4]).

Уже изъ этого постановленія видно, что капитула не совсѣмъ была довольна экономничаньемъ оо. іезуитовъ. Но послѣдними и учебная часть была поставлена едва ли удовлетворительно, какъ можно заключать изъ слѣдующаго. Въ 1595 г. ревизовалъ виленскій діоцезъ извѣстный уже намъ папскій легатъ Ал. Комулей. Онъ нашелъ литовскій гминъ въ самомъ печальномъ религіозномъ состояніи и, объясняя темноту его тѣмъ, что далеко не всѣ капланы знали литовскій языкъ, обратился къ

---

[1]) Выписи изъ актовъ вил. капитулы, №№ 104, 146 (Опис. рукоп. отд. вил. публ. библ., вып. I, прил., стр. 63. 68). *Iarosz.*, II, 29. *Łukasz.*, IV, 323. *Сливовъ*, Русскій вѣстн., 1875, VIII, 732. 733. 738.

[2]) «Si reperiantur Iesuitae, ceteris anteponendi sunt». Resp. 213 circa Trid. sess. 23. c. 18 de reform. (*Mezger*, Imago primi saeculi S. J., p. 347).

[3]) II congr. decr. 18 (post electionem; cf. canon 13).

[4]) Выписи изъ протоколовъ капитулы, №№ 93 и 125 (Опис. рук. отд. вил. публ. библ., вып. I, прил., стр. 62 и 65).

королю съ представленіемъ о необходимости назначить фундушъ на содержаніе и обученіе въ виленской семинаріи по крайней мѣрѣ 20 молодыхъ литовцевъ. Король отказывался, не надѣясь получить согласіе сейма. Тогда Комулей, послѣ разныхъ проектовъ, рѣшилъ назначить на этотъ предметъ 10 т. зл. изъ доходовъ вакантной тогда виленской каѳедры [1]). Случай этотъ показываетъ, что іезуиты не постарались сообразоваться при веденіи дѣла съ потребностями епархіи. Вѣроятно, отпущенная Комулеемъ съ согласія капитулы сумма привлекла въ семинарію многихъ юношей, такъ что чрезъ пять лѣтъ уже возникъ вопросъ о расширеніи ея [2]). Однако виленскія епархіальныя власти и потомъ имѣли поводы быть недовольными іезуитскимъ управленіемъ семинаріей: въ 1628 г. епископомъ поднятъ былъ вопросъ объ освобожденіи членовъ іезуитской коллегіи отъ этой обязанности, что и состоялось въ 1652 г. [3]).

Свѣдѣнія о началѣ *жмудской епархіальной семинаріи*, находящіяся у Лукашевича и выписанныя имъ изъ сочиненія: „Wspomnienia Żmudzi przez ks. Ludw. Adama Iucewicza“ [4]), не отличаются ни обстоятельностью, ни точностью. По Юцевичу, потребность въ образованныхъ капланахъ была сознана жмудскими епископами еще задолго до открытія семинаріи, но на первыхъ порахъ они въ удовлетвореніи ея ограничивались тѣмъ, что посылали молодыхъ людей къ виленскимъ іезуитамъ. Такъ, Юрій Петкевичъ, назначивъ по завѣщанію 1700 копъ грошей на воспитаніе 12-ти юношей изъ шляхетскаго и крестьянскаго сословій въ виленской коллегіи, поставилъ условіемъ, чтобы каждый изъ нихъ, проучившись десять лѣтъ, служилъ послѣ въ жмудской епархіи. Преемникъ Петкевича, еп. Мельхіоръ Гедройцъ выстроилъ въ Вильнѣ для этихъ стипендіатовъ отдѣльный домъ (1581), въ которомъ мѣдницкая капитула и содержала ихъ на проценты съ завѣщанной Юріемъ Петкевичемъ суммы. Въ 1601 г. племянникъ послѣдняго Петръ Петкевичъ, ксендзъ, пожертвовалъ уже спеціально на жмудскую семинарію 3700 копъ гр. Но, очевидно, и этого оказалось недостаточно, и еп. Гедройцъ употребилъ эти деньги на увеличеніе числа алюмновъ въ Вильнѣ. „Но при всемъ томъ онъ заложилъ своею рода семинарію въ Ворняхъ, поручивъ надзоръ за нею двумъ іезуитамъ. Это учрежденіе существовало до 1614 г., когда смерть о. Довгялло, одного изъ іезуитовъ, освободила Ворни на восемь лѣтъ и отъ нихъ и отъ семинаріи“. Такъ разсказываетъ кс. Юцевичъ, не опредѣляя года основанія жмудской семинаріи. Мы думаемъ, что послѣднее нужно отодвинуть нѣсколько дальше отъ начала XVII ст. и что преемнику Гедройца Николаю Пацу пришлось не возстановлять семинарію, какъ передаетъ Юцевичъ, а впервые открывать. Этотъ самый Пацъ, епископъ жмудскій и каноникъ виленскій, еще въ мартѣ 1613 г. просилъ виленскую капитулу

---

[1]) *Iarosz.*, II, 29.

[2]) Выпись изъ проток. капит., № 205 (стр. 75).

[3]) Выпись изъ актовъ капитулы, № 298 (ibid., стр. 81); *Iarosz.*, III, 93 и прим. 101.

[4]) *Łukasz.*, Hist. szkół, IV, 333—335.

принимать въ свою семинарію жмудскихъ клириковъ. Капитула согласилась, съ тѣмъ однако, чтобы необходимая для этого реставрація семинаріи, на сумму въ 40 копъ, была произведена на счетъ жмудской каѳедры и чтобы жмудскіе клирики прислуживали въ каѳедральномъ костелѣ наравнѣ съ мѣстными [1]). Очевидно, что до 1613 г. въ жмудской епархіи своей семинаріи совсѣмъ не было, и если, дѣйствительно, она была открыта Пацомъ, то или въ этомъ году или въ слѣдующемъ [2]). Произошло же это такимъ образомъ. Пацъ, быть можетъ не согласившійся на поставленныя ему виленской капитулой условія, пересталъ—продолжаемъ разсказъ Юцевича—высылать въ Вильну клириковъ, а, уступивъ крожскимъ іезуитамъ нѣсколько фольварковъ, обязалъ ихъ взамѣнъ этого построить въ Ворняхъ домъ для семинаріи. Іезуиты охотно завладѣли имѣніями, но къ исполненію второй части договора приступили не сразу и то—понуждаемые епископомъ. Но и выстроивъ семинарію и начавши ученіе, они проявили такую небрежность, что „прокураторъ“ заведенія, каноникъ Янъ Казаневичъ нашелъ въ 1621 г., что семинаріи этой для нуждъ епархіи недостаточно, и совѣтовалъ епископу и капитулѣ попрежнему посылать кандидатовъ священства въ Вильну. Вмѣсто этого еп. Станиславъ Кишка купилъ въ 1622 г. въ самихъ Крожахъ обширный домъ для помѣщенія семинаристовъ и поручилъ учебную часть каѳедральному проповѣднику. На конецъ нашего періода падаетъ тяжба епископа съ іезуитами изъ-за крожскихъ фольварковъ.

Въ прочихъ западнорусскихъ католическихъ епархіяхъ въ изслѣдуемый наши періодъ времени духовныхъ семинарій не было, хотя луцкая капитула, какъ мы уже видѣли, ассигновала на этотъ предметъ нѣкоторую сумму еще задолго до 1604 г., а въ Олыкѣ было положено начало преобразованію тамошней школы въ семинарію [3]).

Внутреннее устройство епископскихъ или епархіальныхъ семинарій опредѣлено было тридентскимъ соборомъ [4]). Послѣдній всю заботу объ учрежденіи ихъ возложилъ на каѳедры, т. е. на епархіальныхъ епископовъ и капитулы. Епископъ съ двумя ея членами и двумя представителями прочаго городскаго духовенства обязанъ былъ прежде всего изыскать средства на устройство и содержаніе семинаріи; можно было употреблять на это имѣнія епископскаго стола, капитулы, духовныхъ и благотворительныхъ учрежденій діоцеза. Епископу же съ двумя болѣе почтенными канониками принадлежалъ надзоръ за семинаріей уже открытой; имъ рекомендовалось посѣщать ее возможно чаще.

---

[1]) Выпись изъ актовъ вил. капитулы, № 268 (ibid., стр. 79).

[2]) Въ 1614 г. Ник. Пацъ уже умеръ (Miscellanea, 86). Сообщаемаго здѣсь же Кояловичемъ извѣстія, что Юрій Петкевичъ Seminarium Dioecesanum fundauit, мы не можемъ принять въ виду вышеизложеннаго.

[3]) Litterae annuae 1604, p. 735. Academia caes. Rom.—cathol. petropolitana anno acad. 1889—1890, pp. 67. 79. 80.

[4]) «Forma erigendi seminarium clericorum praecipue tenuinorum, in cujus erectione plurima veniunt observanda, pro educatione promovendorum in cathedralibus et majoribus ecclesiis» (Sacros. concilii Tridentini canones et decreta, 1643, p. 410—415).

Условія пріема воспитанниковъ были слѣдующія. Въ семинарію могли поступить законнорожденные мальчики, не моложе 12-ти лѣтъ, умѣющіе довольно хорошо (competenter) читать и писать и притомъ такіе, которыхъ способности и склонности подавали надежду, что они всегда будутъ преданными дѣлу священнослужителями. Принимались преимущественно дѣти бѣдныхъ родителей, но не было отказа и богатымъ, они должны были только содержаться на свой счетъ. Поступившихъ въ семинарію самъ епископъ распредѣлялъ по классамъ, сообразно съ ихъ числомъ, возрастомъ, способностями и успѣхами. Болѣе возрастныхъ онъ могъ сразу же опредѣлить на службу церкви, съ тѣмъ, очевидно, чтобы они одновременно слушали курсъ наукъ. Но и относительно прочихъ не забывалось, къ чему они готовятся, и ихъ заставляли ежедневно присутствовать при богослуженіи—домашнемъ, разумѣется, а въ праздничные дни—въ каѳедральномъ или другихъ костелахъ, ежемѣсячно исповѣдываться и пр. Семинаристы отличались и внѣшнимъ видомъ—тонсурой и духовной одеждой.

Программа состояла изъ слѣдующихъ учебныхъ предметовъ: грамматики, пѣнія, церковнаго счета или пасхаліи (computus ecclesiasticus), свободныхъ наукъ, свящ. писанія, изученія церковныхъ книгъ, проповѣдничества (homiliae sanctorum), формъ совершенія таинствъ и церковныхъ обрядовъ; не исключилъ соборъ и философіи [1]). Программа эта въ своей основѣ была выработана еще блаж. Августиномъ и держалась въ католической церкви до XVI в. Тридентскій соборъ только расширилъ ее введеніемъ гомилетики и изученія священныхъ и богослужебныхъ книгъ [2]).

Обязанность преподаванія въ духовныхъ семинаріяхъ соборъ возложилъ на схоластиковъ и прелатовъ, наиболѣе прикосновенныхъ къ учебному дѣлу. Если они сами не могли заниматься въ классахъ, то должны были подыскать способныхъ къ тому замѣстителей, иначе лишались своихъ доходовъ. О пригодности учителя судилъ епископъ. Соборъ потребовалъ вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы впредь схоластиками назначались лица, соотвѣтствующія новымъ условіямъ ихъ службы,—доктора, магистры и лиценціаты свящ. писанія (in sacra pagina) или каноническаго права [3]). То обстоятельство, что въ виленской и жмудской семинаріяхъ учителями были іезуиты, уполномочиваетъ думать, что здѣсь не только науки преподавались по іезуитскимъ учебникамъ и курсамъ, но что и строй жизни явился подражаніемъ образу жизни іезуитскихъ новиціевъ.—Дальнѣйшее образованіе западнорусскіе католическіе семинаристы получали или въ виленской академіи, или въ заграничныхъ, по преимуществу іезуитскихъ [4]).

---

[1]) Cf. *Pojjan*, 237. 238. 242—245. 251.

[2]) *Pojjan*, 14. 21—23. 235.

[3]) *Pojjan*, 96; cf. 229—231.

[4]) *Łukasz.*, Hist. szkół, I, 306. 307. 309.

ГЛАВА V.

Замостская академія.

Открытіе академіи въ Замостьи [1]) вызвано было широкими взглядами ея основателя Яна Замойскаго на значеніе науки для государства и—его отношеніями къ іезуитамъ.

Польскій канцлеръ Янъ Замойскій выдавался своей ученостью даже въ вѣкъ, богатый образованными людьми. Воспитанникъ красноставской школы, онъ закончилъ свое образованіе въ Падуѣ, гдѣ выдвинулся, какъ авторъ трактата „De senatu Romano". Затѣмъ, въ качествѣ декана юридическаго факультета или, по другимъ извѣстіямъ, ректора падуанской академіи, Замойскій привелъ въ систему ея права и уставы [2]). По возвращеніи на родину онъ принялъ видное участіе въ государственныхъ дѣлахъ, благодаря своимъ талантамъ и дружбѣ съ королемъ Стефаномъ. Съ Баторіемъ Замойскій былъ однихъ взглядовъ на религіозныя дѣла и, подобно ему, съ помощью іезуитовъ старался окатоличивать своихъ русскихъ подданныхъ. Съ этой же цѣлью онъ вызвалъ членовъ ордена въ только что основанный имъ городъ Замостье (1580 г.) и намѣренъ былъ возвести ихъ резиденцію въ коллегію [3]). Но въ его отношеніяхъ къ іезуитамъ скоро произошла перемѣна, вѣроятно, канцлеръ столкнулся съ ними по какому-нибудь политическому вопросу. По крайней мѣрѣ, Замойскій сталъ высказывать желаніе, чтобы іезуитамъ запрещено было вмѣшиваться въ государственныя дѣла, какъ свидѣтельствовалъ объ этомъ Войтѣхъ Калишскій еще въ 1590 г. Подобнымъ образомъ и Ваноцци,

---

[1]) Замостье—нынѣ уѣздный городъ люблинской губерніи.

[2]) Zbior pamiętników o dawnej Polsce. Wydanie nowe przez *Jana Bobrowicza* (1838), II, 165. 186. Симонъ Старовольскій дѣлаетъ такой панегирическій отзывъ о Янѣ Замойскомъ: «въ философіи онъ былъ свѣдущъ, какъ Платонъ, въ геометріи—какъ Боэцій, въ краснорѣчіи—второй Демосѳенъ, земледѣліе зналъ, какъ Виргилій, въ политикѣ казался равнымъ самому Аристотелю, въ веденіи войнъ—Юлію Цезарю». *Sim. Starovolsci*, Scriptorum Polonicorum Ἑκατοντάς, № XIX). Ко всему этому присоединилось знаніе пяти или шести европейскихъ языковъ.

[3]) *Pierling*, Bathory et Possevino, № 37. *Любовичъ*, Къ исторіи іезуитовъ въ литовско-русскихъ земляхъ, стр. 12, 14, 15 и прилож., №№ II, IV, V.

секретарь папской миссіи, посѣтившій канцлера въ декабрѣ 1596 г., объяснялъ его нерасположенность къ іезуитамъ тѣмъ, что онъ видѣлъ въ нихъ очень изворотливыхъ политиковъ. Ваноцци указывалъ, впрочемъ, и еще одинъ мотивъ—дурной отзывъ Поссевина о полякахъ въ его „Moscouia“. [1]).

Какъ бы то ни было, Замойскій, придя къ мысли учредить академію, совершенно отказался отъ услугъ іезуитовъ, хотя они и пользовались тогда большимъ педагогическимъ авторитетомъ. Онъ, очевидно, замѣтилъ, что и въ сферу воспитанія орденъ вноситъ тотъ же зловредный элементъ политиканства, какой уже успѣлъ проявиться въ прочихъ сторонахъ его дѣятельности. Мало того. Усматривая, повидимому, корень того направленія педагогики, выразителями котораго были іезуиты, въ католическомъ богословіи, способномъ при своемъ полемическомъ характерѣ возбуждать религіозныя и политическія страсти, Замойскій исключилъ его изъ программы своей академіи. Онъ одинъ изъ первыхъ сдѣлалъ попытку отдѣлить школу отъ церкви, положивъ всю силу воспитывающаго вліянія науки не въ связи ея съ религіей, а въ ней самой. Попытка эта не была однако осуществлена: съ самаго же начала часть каѳедръ была замѣщена духовными лицами, какъ это было и въ Краковѣ, а спустя нѣсколько десятковъ лѣтъ здѣсь стало преподаваться и богословіе.

Мотивы основанія академіи и общіе педагогическіе принципы свои Янъ Замойскій счелъ нужнымъ заявить самъ при ея открытіи. „Въ жизни нѣтъ ничего болѣе полезнаго и желаннаго, говорилъ онъ въ своемъ „Обращеніи къ полякамъ“, какъ наука и добродѣтель. Безъ науки и знанія не можетъ быть ни добродѣтели даже, ни славы. Безъ нихъ не удастся никакое предпріятіе, не можетъ быть твердо государство. Наука нужна вездѣ,—и дома, и въ сенатѣ, и на войнѣ. Если бы я могъ, я обогатилъ бы васъ, но я думаю, что образованныя дѣти дороже богатства. и я открываю источникъ этого благословенія въ только что заложенной академіи, въ которой ваши дѣти будутъ черпать науки мудрости. О, если бы изъ нея выходили полезные Польшѣ граждане!—Но какъ земледѣлецъ выбираетъ хорошія сѣмена, такъ и учитель долженъ излагать тѣ науки, которыя даютъ истинную мудрость, добродѣтельныя правила, внушаютъ дѣятельность только на пользу государства. Я ненавижу, сказалъ въ заключеніе канцлеръ, учителей, обременяющихъ молодежь спекулятивными науками, загоняющихъ умы въ пропасти, и самъ я, сообразивши, что всего полезнѣе нашему краю, укажу и науки, и писателей, и методъ ученія“. [2]).

Первый актъ, которымъ открывается существованіе замостской академіи, есть фундаціонная запись на нее имѣнія Буковины, 19 ноября 1593 г. [3]). Въ этомъ же году или въ слѣдующемъ канцлеръ обратился

---

[1]) *Bobrowicz*, ibid, p. 189. *Jaroszewicz*, III, 60.

[2]) «Do polaków odezwa»... *Niemcewicz*, Zbior pamiętników historycznych o dawnej Polszcze, IV (1822), 111.

[3]) *Łukasz.*, III, 326, въ прим. Свѣдѣнія о началѣ академіи и средствахъ ея извлекаются изъ помѣщенной Лукашевичемъ въ III, 324—331, въ прим., записки: «Status

въ Римъ за утвержденіемъ, и папа Климентъ VIII прислалъ ему буллу (1594 г.), которою предоставлялъ новой академіи всѣ тѣ привиллегіи, какими пользовались повсюду всѣ прочіе университеты и, въ часгности, право давать степени докторовъ философіи, обоихъ правъ и медицины, а также нотаріевъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ папа назначилъ канцлеромъ академіи холмскаго епископа, въ епархіи котораго находилось Замостье [1]). Въ то же время Замойскій дѣлалъ и другія приготовленія къ осуществленію своего плана, напечатавъ, между прочимъ, два учебника (1593 и 1594 гг.). Повидимому, въ 1594 г. все уже было готово, и въ этомъ году въ Ригѣ успѣлъ уже появиться панегирикъ открытой академіи [2]). Но, кажется, онъ предупредилъ событіе: пріемъ студентовъ начался только 15 марта 1595 г.,—по крайней мѣрѣ, въ сохранившемся Universitatis generalis studii Samosciensis Album'ѣ это—первая дата [3]). Въ слѣдующемъ году ученіе было уже въ полному ходу, и Ваноцци сообщалъ, что въ замостской академіи учатъ всѣмъ наукамъ и даютъ докторскія степени, кромѣ богословія. Онъ же видѣлъ здѣсь семинарію, т. е. бурсу, на 50 человѣкъ, содержавшихся на средства канцлера [4]).

Средства содержанія самой академіи слагались изъ нѣсколькихъ источниковъ. Однимъ изъ нихъ было с. Буковина (въ перемышльскомъ повѣтѣ), наданное въ 1593 г. и легшее въ основу фундаціонной записи Яна Замойскаго 1601 г. Доходы съ него были высчитаны въ 1000 злотыхъ [5]). Но этой суммы не могло хватить даже на содержаніе профессоровъ. Одинъ профессоръ права, вызванный изъ Шотландіи, получалъ, по словамъ Ваноцци, 400 талеровъ. Всѣхъ же профессоровъ по штату 1601 г. было десять. Изъ нихъ двое—профессора поэзіи и синтаксиса, аналогіи и грамматики—получали по 130 флориновъ (польскихъ злотыхъ), одинъ—риторики и діалектики—150 фл. и семеро—по 230 фл. Къ числу послѣднихъ принадлежали профессора: 1) гражданскаго права, 2) права польскаго, 3) моральной философіи, 4) физики, 5) логики и метафизики, 6) математики и 7) краснорѣчія [6]). Вѣроятно, недоставшая сумма восполнялась изъ личной казны канцлера, пользованіе которой онъ отечески разрѣшалъ своей дочери—академіи въ извѣстной „Do polaków odezwie". Дальнѣйшее обезпеченіе профессоровъ замостской академіи было произведено такимъ образомъ. Еще въ 1594 г. канцлеръ учредилъ въ своемъ городѣ коллегіату въ составѣ трехъ, а въ 1600 г.—

---

academiae Zamosciensis in visitatione apostolica anno D. 1746. a doctoribus et professoribus ejusdem universitatis ludi publici expositus».

[1]) *Łukasz.*, III, 331, прим. 1.

[2]) «Academie Samoscianae, recens institutae, intimatio, cum Dan. Hermanni carmine in eandem academiam, Rigae, 1594» (*Jocher*, № 1962).

[3]) *Maciejowski*, Piśmiennictwo Polskie, III. Dodatki, str. 298.

[4]) *Bobrowicz*, ibid., 162.

[5]) Въ 1612 г., когда академія взяла это село въ свое непосредственное завѣдываніе, весь доходъ съ него, денежный и натуральный, не превышалъ 982 зл. 18 гр. (*Łukasz.*, III, 330 и 331, въ прим.).

[6]) *Łukasz.*, III, 325 и 326, въ прим. *Bobrowicz*, ibid., 185.

семи должностей: декана, схоластика, кустоса и четырехъ канониковъ, и эти мѣста съ ихъ доходами предоставилъ ученымъ и добрымъ профессорамъ академіи [1]). Послѣ него значительно увеличенъ былъ фундушъ академіи его сыномъ Ѳомой, записавшимъ въ ея пользу 13600 зл., приносившихъ 1088 зл. доходу. Кромѣ того Ѳома Замойскій, вновь увеличивъ составъ коллегіаты, ассигновалъ ей 12688 злот., значительная часть процентовъ съ которыхъ опять-таки шла въ пользу членовъ академической корпораціи. Были и другія пожертвованія:—Гаспара Сольскаго, записавшаго 17 т. зл. на каѳедру медицины, Симона Симоновича, Симона Бирковскаго. Послѣдній записалъ 18 т. зл. на содержаніе профессоровъ и студентовъ, на увеличеніе жалованья преподавателя исторіи и на другія нужды академіи [2]).

Мы видѣли, что Янъ Замойскій исключилъ изъ программы своей академіи богословіе, и оно, дѣйствительно, не преподавалось здѣсь до 1639 г., когда Екатерина Замойская, вдова по Ѳомѣ, заложила здѣсь духовную семинарію, обратившуюся въ богословскій факультетъ [3]). Поэтому должно считать плодомъ недоразумѣнія заявленіе п. Павла V, къ которому Ѳома Замойскій обратился за новымъ подтвержденіемъ академіи, что его отецъ ввелъ будто бы богословіе въ кругъ тѣхъ наукъ, которыми онъ хотѣлъ просвѣщать своихъ подданныхъ. Въ своей буллѣ, отъ 6 іюня 1617 г, папа требовалъ также, чтобы весь служебный персоналъ академіи предъ вступленіемъ въ должность произносилъ исповѣданіе вѣры и давалъ присягу предъ ректоромъ или канцлеромъ, что не будетъ преподавать чего-либо противнаго ей. Канцлерами академіи Павелъ V назначилъ, вмѣсто холмскаго епископа,— гнѣзненскаго и львовскаго архіепископовъ и перемышльскаго епископа [4]).

Дальнѣйшія утвержденія замостской академіи, дальнѣйшія измѣненія ея программы и дальнѣйшее увеличеніе ея фундушей выходятъ за рамки изслѣдуемаго нами времени. Къ позднѣйшему же періоду ея жизни относится и раздѣленіе ея на факультеты: богословскій, юридическій, медицинскій и философскій. Первоначально же академія дѣлилась только на классы. Самъ Янъ Замойскій сдѣлалъ такое распредѣленіе наукъ по восьми классамъ. „Въ первомъ классѣ будутъ преподаваться начатки морали и языковъ польскаго, латинскаго и греческаго. Во 2-мъ—мораль, синтаксисъ и просодія означенныхъ языковъ. Въ 3-мъ—первые начатки риторики, толкованіе и выясненіе идей избранныхъ писателей на тѣхъ же языкахъ, „сфера“, ариѳметика, геометрія съ практическими упражненіями (z doświadczeniem w polu) и логика. Въ 4-мъ—

---

[1]) Bullarium Romanum, X (Augustae Taurinorum, 1865 г.), № 110. *Łukasz.*, III, 325, въ прим.

[2]) *Łukasz.*, III, 326 и 327, въ прим.

[3]) *Łukasz.*, III, 334; IV, 350.

[4]) Bullarium Romanum, XII, № 291, p. 389. Вѣроятно, подъ вліяніемъ папской буллы Симонъ Симоновичъ ассигновалъ 5 т. зл. на каѳедру богословія (*Łukasz.*, III, 327, въ прим.).

натуральная исторія, физика и медицина [1]). Въ 5-мъ—исторія общая и краснорѣчіе. Учитель краснорѣчія обязанъ всегда давать ученикамъ предметы, относящіеся къ Польшѣ, а въ исторіи долженъ отыскивать причины различныхъ перемѣнъ въ управленіи и стараться находить имъ аналогіи въ отечественной исторіи. Въ 6-мъ—наставники моральной науки будутъ учить обязанностямъ человѣка и гражданина. Въ 7-мъ—будутъ объяснять право общее (w powszechności) [2]). Въ 8-мъ—права отечественныя, статуты, конституціи, роды судовъ, способы судоговоренія и канцелярское дѣлопроизводство" [3]).

Мы должны замѣтить, что эта программа не исчерпываетъ всѣхъ предметовъ курса замостской академіи. Такъ, здѣсь не упомянута философія, которая въ дѣйствительности получила столь широкую постановку, что иногда старшіе классы академіи (5—8) назывались даже философскимъ факультетомъ [4]). И хотя каѳедры права получили первенствующее значеніе и при новой группировкѣ учебныхъ предметовъ въ 1601 г., когда прибавлено было еще два класса, замостская академія и впослѣдствіи сохранила преимущественно философскій характеръ, будучи руководима, главнымъ образомъ, краковскими магистрами и докторами философіи [5]). Въ ней въ нашъ періодъ гораздо болѣе обращалось вниманія даже на классическую филологію и на риторику съ діалектикой, чѣмъ на изученіе юридическихъ наукъ. Въ области послѣднихъ, кажется, только одинъ Дрезнеръ кое-что сдѣлалъ.

Такъ какъ это положеніе подтверждаютъ и дошедшія до насъ учебныя руководства замостской академіи, то мы здѣсь скажемъ о нихъ нѣсколько словъ.

Учебниками по латинскому языку были: „D Aurelii Augustini Hipponensis Episcopi de Grammatica Liber pro elementariis Hippei Sa-

---

[1]) Медицина значится и въ буллѣ п. Климента VIII. Для преподаванія этого предмета Янъ Замойскій избралъ Яна Урсина и отправилъ въ Падую съ цѣлью изученія его. Но, несмотря на этотъ шагъ и на обезпеченіе каѳедры медицины проф Сольскимъ, каѳедра эта въ теченіе двухсотлѣтняго періода существованія академіи занималась только нѣсколько разъ, а самая наука преподавалась въ видѣ «спекулятивной медицины». Такъ, кромѣ указанныхъ Лукашевичемъ двухъ профессоровъ медицины—Яна Леонидеса (предъ 1649 г.) и Бернарда Монегина (предъ 1691 г.), извѣстенъ еще Іеронимъ Колаковскій, ординарный профессоръ философіи и спекулятивной медицины, бывшій въ 1644 г. ректоромъ (*Лилеевъ*, Описаніе рукописей, хранящихся въ библіотекѣ черниговской дух. семинаріи, № 154. *Łukasz.*, Ш, 335. 336. Автобіографія Игн. Іевлевича—*Голубевъ*, Ист. Кіев. дух. акад., прилож., 78).

[2]) Здѣсь, вѣроятно, излагалъ въ 1596 г Пандекты профессоръ—шотландецъ.

[3]) *Łukasz.*, Ш, 335. прим. 1. Cf. Uwagi nad życiem Jana Zamoyskiego, 1785 г., str. 8. 9.

[4]) *Maciejowski*, o. c., Ш. Dod., 298. Въ «Альбомѣ» академіи подъ 1597 г. упоминается деканъ философскаго факультета Лавр. Старнигельскій (Starnigelius), профессоръ краснорѣчія и замостскій каноникъ, докторъ философіи.

[5]) Нѣкоторые ученыя сочиненія и курсы по философіи, сохранившіеся въ рукописяхъ, указаны Мацѣевскимъ (ibid., 299. 300).

mosciani, Samosci, 1593"; [1]) „Aelii Donati viri clarissimi grammatica pro elementariis Hippei Samosciani, 1594"; „Ioannis Ursini Leopoliensis Grammaticae methodicae libri quatuor. Primus de Orthographia. Secundus de Prosodia. Tertius de Analogia, cum appendice. Quartus de Syntaxi". Грамматика Урсина впервые была напечатана во Львовѣ въ 1592 г. для учениковъ каѳедральной школы, въ Замостьи же была перепечатана въ 1619 и 1640 гг. „Narrationes. Sententiae. Similia. Ex libris M. Tulli Ciceronis pro usu studiosorum Analogiae in Academia Samoscensi, collectore Simone Piechovio, Phil. et Medic. Doctore. 1611". Пособіемъ при изученіи риторики служилъ трудъ Симона Бирковскаго: „Dionysii Halic. de collocatione verborum graece et latine, 1602", представляющій изложеніе риторическихъ правилъ Діонисія съ примѣрами, извлеченными изъ греческой и римской литературы. Ученики діалектики могли пользоваться сочиненіемъ Адама Бурсія: „Dialectica Ciceronis, quae disperse in scriptis reliquit, maxime ex stoicorum sententia, 1604". [2]).

Безъ сомнѣнія, кромѣ этихъ учебниковъ мѣстнаго происхожденія, въ замостской академіи употреблялись и изданные въ другихъ городахъ, особенно въ Краковѣ. И рукописные учебные курсы замостскихъ профессоровъ не всегда принадлежали имъ. Такъ, въ 1609 г. С. Бирковскій излагалъ предъ студентами „Descriptio universae naturae" Іакова Карпентарія; излагали его послѣ и другіе профессора. Нѣкоторые курсы составлены были по Цицерону, Платону, Проклу, Галену. Но изъ всѣхъ новѣйшихъ и древнихъ ученыхъ, по которымъ читались лекціи въ Замостьи, наибольшимъ авторитетомъ пользовался Аристотель; его эксплоатировали чуть ли не всѣ профессора, такъ какъ по нему трактовались не только различныя части философіи—метафизика, логика, этика, политика, но и физика и риторика [3]).

По своему внутреннему устройству замостская академія нѣсколько напоминала краковскій университетъ, о которомъ Замойскій былъ хорошаго мнѣнія [4]) и откуда онъ взялъ для нея первыхъ профессоровъ [5]). Они то, по порученію канцлера, выработали первоначальный уставъ академіи, содержавшій правила о пріемѣ студентовъ, объ обязанностяхъ

---

[1]) Указываютъ и второе изданіе этой книжки, 1594 г. (*Bandtkie*, II, 328; *Jocher*, № 535).

[2]) *Bandtkie*, II, 328. *Jocher*, №№ 183. 532. 532. 575, 576. 667.

[3]) *Maciejowski*, o. c., III. Dodatki, 299—304.

[4]) Свое объявленіе объ открытіи академіи Замойскій заключилъ выраженіемъ желанія, чтобы она служила опорой государству, наравнѣ съ краковскимъ университетомъ (*Niemcewicz*, IV, 111).

[5]) Можно, впрочемъ, дать вѣру и свидѣтельству Любенецкаго, что Замойскій при устроеніи своей академіи руководился совѣтами Войтѣха Альберта Калишскаго, ректора любартовской школы (*Lubienecius*, Historia reformationis Polonicae, p. 225): Калишскій былъ извѣстнымъ въ то время педагогомъ, притомъ же могъ обратить на себя вниманіе канцлера критикой іезуитской школьной системы въ своей «Oratio nobilis equitis poloni»; съ другой стороны, Замойскій вообще не чуждался иновѣрныхъ ученыхъ и, по свидѣтельству «Перестроги», старался привлечь въ свою академію даже грека Никифора, котораго пригласилъ въ свою школу кн. К. К. Острожскій (А. З. Р., IV, стр. 213. 214).

декана и студентовъ. Уставъ этотъ, утвержденный самимъ Яномъ Замойскимъ, который оставлялъ навсегда за собой и своими потомками высшій надзоръ за академіей, былъ дополненъ въ 1611 г. ректоромъ Симономъ Пеховичемъ, включившимъ въ него формы присяги для должностныхъ лицъ академіи и студентовъ, форму диплома на ученую степень баккалавра свободныхъ наукъ и философіи, правила объ избраніи ректора и объ обязанностяхъ профессоровъ. Еще ранѣе того холмскій епископъ Стан. Гомолинскій, какъ канцлеръ академіи, ввелъ въ уставъ статью объ академическихъ вакаціяхъ и праздникахъ [1]).

Обязанности и взаимныя отношенія должностныхъ лицъ и студентовъ академіи по этому статуту представляются въ такомъ видѣ.

Ближайшими начальниками академіи были два лица—ректоръ и деканъ. Оба избирались изъ наличныхъ профессоровъ академіи срокомъ на одинъ годъ. Избирателями были всѣ профессора и пять студентовъ высшихъ классовъ (по числу націй). Новые ректоръ и деканъ давали клятву надъ св. евангеліемъ, что порученныя имъ обязанности будутъ нести честно и по совѣсти, не отступая ни въ чемъ отъ устава академіи.

Ректоръ правилъ академіей съ помощью совѣта, составлявшагося имъ же изъ двухъ профессоровъ старшихъ классовъ, двухъ—младшихъ и одного студента, участвовавшаго въ подачѣ голосовъ [2]). Всѣ административныя распоряженія его имѣли силу только тогда, когда дѣлались съ вѣдома и согласія этого совѣта. Личныя обязанности ректора состояли въ слѣдующемъ. Онъ держалъ у себя „альбомъ“, куда вписывалъ вновь поступавшихъ студентовъ, хранилъ деньги, вносившіяся ими за право ученія, составлялъ росписаніе уроковъ, причемъ обращалъ вниманіе на сравнительную трудность предметовъ. Послѣ семестровыхъ экзаменовъ, на которыхъ онъ предсѣдательствовалъ, ректоръ обращался къ студентамъ съ увѣщаніемъ исполнять и впредь всѣ академическія правила, согласно съ данной ими присягой, упражняясь и въ наукахъ и въ добродѣтеляхъ. Съ своимъ совѣтомъ ректоръ судилъ виновныхъ студентовъ и профессоровъ. Отъ послѣднихъ онъ по субботамъ принималъ заявленія и жалобы. Къ прерогативамъ ректорскаго званія относилось предсѣдательство на собраніяхъ, на публичныхъ актахъ, однимъ словомъ—всегда и вездѣ, гдѣ онъ являлся, какъ ректоръ. Внѣ этой должности онъ занималъ мѣсто, соотвѣтствовавшее его каѳедрѣ [3]).

---

[1]) «Privilegium vetus» замостской академіи съ дополненіями Пеховича перепечаталъ Лукашевичъ съ рукописи архива гр. Замойскихъ въ своей «Исторіи школъ» (III, 350—362). Имъ мы и пользуемся.

[2]) Иногда въ составъ совѣта входило только три профессора. Такъ, Янъ Урсинъ, третій ректоръ академіи, избралъ въ члены его—Адама Бурсія, своего предшественника, Сехинія, профессора философіи, декана, и Заремба, профессора начатковъ философіи и риторики, а изъ студентовъ—Іеронима Вержбицкаго (*Maciejowski*, ibid., 299).

[3]) Ректорами замостской академіи въ нашъ періодъ, по сохранившимся отрывочнымъ свѣдѣніямъ, были слѣдующіе профессора: Мельхіоръ Стефановичъ (Stephanides), профессоръ логики (1595 г.), Адамъ Бурсій (1597 и 1607), Янъ Урсинъ, Матвѣй Яворовскій, Янъ Сехиній (1608), Симонъ Бирковскій (1609), Симонъ Пеховичъ (Piechovius, 1611), Ѳома Дрезнеръ (1616)... (*Łukasz.*, III, 337, прим. 2, и 353. *Maciejowski*, ibid., 298. 299).

Деканъ завѣдывалъ преимущественно ученой и учебной частями академической жизни. Онъ производилъ пріемные экзамены и распредѣлялъ учениковъ по классамъ. Не вступая затѣмъ въ болѣе близкія отношенія съ ними, если только кто-нибудь не поручался родителями его непосредственному надзору, деканъ слѣдилъ за тѣмъ, чтобы профессора аккуратно читали лекціи и о небрежныхъ докладывалъ ректору. Въ послѣднюю субботу каждаго мѣсяца деканъ экзаменовалъ учениковъ низшихъ классовъ. Иногда присутствовалъ вмѣсто ректора на семестровыхъ экзаменахъ и вмѣстѣ съ преподавателемъ каждаго класса рѣшалъ вопросъ о переводѣ и непереводѣ учениковъ; онъ же торжественно объявлялъ и о результатахъ испытаній. Въ другихъ случаяхъ деканъ являлся исполнителемъ предписаній ректора и его совѣта. На обязанности его лежало также наблюдать, чтобы лекціи и другія дѣйствія совершались въ опредѣленное время, почему онъ завѣдывалъ и звонкомъ. Неисполненіе каждой изъ означенныхъ обязанностей деканомъ или ректоромъ влекло за собой денежный штрафъ въ различныхъ размѣрахъ, начиная съ пяти грошей и кончая червонцемъ (aureus).

Статутъ не упоминаетъ о правахъ и обязанностяхъ ни канцлера академіи, ни схоластика коллегіаты, но оба эти лица принимали, безъ сомнѣнія, нѣкоторое участіе въ дѣлахъ академіи, особенно послѣдній. Схоластикъ заботился обо всемъ, что относилось къ благу заведенія, побуждалъ всѣхъ къ исполненію ими ихъ долга, замѣщалъ вмѣстѣ съ ректоромъ свободныя каѳедры достойными людьми и удалялъ нарушителей устава [1]).

Собственно исполнительная власть принадлежала квестору и педелямъ. Квесторъ избирался на годъ и предъ вступленіемъ въ должность приносилъ присягу. Въ чемъ состояло его дѣло—въ Vetus privilegium не выяснено. Педеля (bedelli) прислуживали при торжественныхъ случаяхъ, наблюдали за внѣшней стороной академической жизни, звали виновныхъ на судъ ректора и исполняли вообще низшія обязанности.

Жизнь профессоровъ академіи регулировалась цѣлымъ рядомъ предписаній и взысканій. Каждый профессоръ въ Замостьи вѣдалъ не ту или другую науку, а порученный ему классъ. Но такъ какъ въ успѣхахъ его учениковъ могли быть заинтересованы и другіе преподаватели, то по уставу 1611 г. каждому изъ нихъ предоставлено было право провѣрять познанія учениковъ другихъ классовъ и не только на экзаменахъ, но и въ году, частнымъ образомъ, лишь бы это дѣлалось безъ оскорбленія самолюбія профессоровъ этихъ классовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ было постановлено, чтобы учитель философіи назначалъ диспуты по логикѣ не только своимъ слушателямъ, но и ученикамъ другихъ классовъ; точно также и профессоръ краснорѣчія давалъ упражненія въ декламаціи и стилистикѣ ученикамъ и другихъ классовъ, кромѣ своего. Но слѣдить за работами и исправлять ихъ приходилось учителямъ каждаго отдѣльнаго класса. Вѣроятно, имъ не приходилось раздѣлять трудовъ только профессора математики, которому внушалось съ одинаковымъ усердіемъ упражнять въ своей наукѣ учениковъ различныхъ классовъ.

---

[1]) *Łukasz.*, III, 337.

Аккуратное отношеніе къ своему дѣлу профессоровъ академіи уставъ старался гарантировать все тѣми же денежными штрафами. Если кому привелось опустить по небрежности лекцію или субботнюю репетицію, онъ лишался 15 грошей (или 7, если это былъ преподаватель одного изъ низшихъ классовъ). Деньгами же откупался профессоръ отъ наказанія за пьянство, за нанесеніе кому-либо оскорбленія. Если онъ при изъясненіи Цицерона или другихъ авторовъ отступалъ отъ установленныхъ пріемовъ и методовъ, то лишался части изъ денегъ, поступавшихъ въ пользу академической корпораціи за переводъ студентовъ въ старшіе классы и за присужденіе ученыхъ степеней. А въ случаѣ, если онъ и совсѣмъ не читалъ лекцій по доставшемуся ему предмету, его могли удалить изъ академіи, какъ клятвопреступника. Судилъ виновнаго профессора ректоръ. За неявку къ суду по его зову чрезъ педеля профессоръ подвергался замѣчанію или даже штрафу въ одинъ флоринъ. Преподаватель, оскорбленный коллегой, держалъ предъ судьей обвинительную рѣчь и она рѣшала дѣло въ пользу отвѣтчика или истца. Если послѣдній не съумѣлъ доказать обвиненія, то самъ и платился за него, какъ за клевету. Въ противномъ случаѣ виновный долженъ былъ просить прощенія у обиженнаго.

У общаго стола учителямъ предписывалось располагаться по важности занимаемыхъ ими каѳедръ (чѣмъ опредѣлялись ихъ мѣста и во всѣхъ другихъ случаяхъ) и ѣсть, слушая внимательно священное чтеніе и не допуская грязныхъ разговоровъ и шутокъ, чтобы не соблазнить учениковъ, если послѣднихъ держали у себя. На обязанности ихъ же лежало заботиться о соблюденіи студентами благопристойности въ словахъ и въ поступкахъ.

Содержаніе профессоровъ замостской академіи состояло изъ опредѣленнаго жалованья, окладъ котораго былъ установленъ въ 1601 г., и неопредѣленныхъ доходовъ, слагавшихся изъ платы за ученіе, за возведеніе въ ученыя степени и изъ штрафныхъ денегъ. Кромѣ того многіе профессора пользовались доходами замостской коллегіаты въ качествѣ ея членовъ. Вѣроятно, можно было занимать имъ и другія должности; уставъ запрещалъ только принимать на себя постороннія обязанности безъ вѣдома и согласія ректора и академіи. Наконецъ, нѣкоторыя каѳедры были обезпечены особыми фундушами, напр., каѳедры медицины, исторіи [1])

Повидимому, жаловаться на необезпеченность замостскому преподавательскому персоналу не приходилось, тѣмъ болѣе, что и занятія его прерывались частыми отдыхами. Учебный годъ академіи начинался съ половины мая, послѣ торжественной мессы. Предшествовавшія двѣ недѣли были временемъ переходнымъ отъ стараго года къ новому: тутъ происходили экзамены, распредѣленіе по классамъ учениковъ, переведенныхъ изъ низшихъ классовъ и вновь принятыхъ, избраніе ректора и прочихъ должностныхъ лицъ и приготовленіе профессоровъ къ лекціямъ. Вѣроятно, въ это же время оканчивавшіе академію торжественно удостоивались уче-

---

[1]) *Łukasz.*, III, 327, въ прим.

ныхъ степеней [1]). Лѣтній семестръ, продолжавшійся до 15 октября, прерывался для старшихъ курсовъ трехнедѣльными каникулами, начинавшимися 20 іюля [2]). По окончаніи лѣтняго семестра и трехдневнаго перерыва, въ который производились новые экзамены и переводъ учениковъ въ слѣдующіе классы, академія вступала 18 окт. въ зимній семестръ, продолжавшійся до конца апрѣля. Рождественская недѣля, страстная и пасхальная были свободны отъ занятій. Помимо этого въ учебномъ календарѣ замостской академіи было очень немало праздничныхъ дней, большинство которыхъ захватывало и послѣобѣденное время кануновъ. Кромѣ общихъ католическихъ праздниковъ сюда входили такія торжества, какъ освященіе новой замостской церкви, память блаж. Августина, патрона академіи, день смерти Яна Замойскаго и т. п. Наконецъ, въ теченіе всего года въ пятницу не было лекцій послѣ обѣда. Впрочемъ, въ нѣкоторые воскресные и второстепенные праздничные дни профессора обязаны были производить, по назначенію ректора, священныя чтенія (lectiones sacrae), которыя велись во всѣхъ классахъ на греческомъ или на латинскомъ языкѣ.

Всякаго новопоступавшаго въ академію студента направляли прежде всего къ ректору, у котораго онъ и вписывалъ въ альбомъ свое имя. Послѣ экзамена у декана онъ вторично являлся къ ректору и вносилъ плату за право ученія: болѣе богатый 10 грошей, менѣе состоятельный—6. Бѣднымъ внушалось только молиться о благосостояніи академіи. Если опредѣлившійся въ академію студентъ имѣлъ 14 лѣтъ, то онъ теперь же приносилъ присягу на соблюденіе училищныхъ уставовъ, а если былъ моложе (въ академію допускались и шестилѣтніе), то давалъ клятву уже при переходѣ въ старшіе классы.

Бѣдные студенты не только освобождались отъ платы за ученіе, но и содержались на счетъ фундатора академіи въ основанной имъ бурсѣ. Тотъ же Янъ Замойскій заложилъ особый банкъ, подъ названіемъ „Гора благочестія“ (Mons pietatis), съ основнымъ фондомъ въ 10 т. зл. Проценты изъ этой суммы давались взаймы ремесленникамъ замостской ординаціи, а проценты съ нихъ шли въ пользу бѣдныхъ учениковъ [3]). Въ пользу ихъ же съ 1623 г. шли 128 злотыхъ процентовъ съ суммы въ 1600 зл., назначенной на этотъ предметъ Ѳомой Замойскимъ. Бурса однако сгорѣла въ 1627 г. и только чрезъ полвѣка была замѣнена другой [4]). Студенты, не попавшіе въ общежитіе, помѣщались на частныхъ квартирахъ и преимущественно у своихъ учителей. Это давало послѣднимъ возможность слѣдить не только за ихъ учебными успѣхами, но и за нравственностью.

---

[1]) До насъ дошелъ одинъ печатный стихотворный памятникъ «промоцій» замостской академіи,—полученія кандидатской степени четырьми ея студентами: «Melos Parnassium etc...» Ѳомы Веселовскаго (Krakow, 1628). *Jocher*, № 1965.

[2]) Въ младшихъ классахъ каникулы начинались 27 іюля и продолжались только двѣ недѣли, и праздничныхъ дней въ нихъ было меньше, чѣмъ въ старшихъ классахъ. Въ лѣтнія каникулы младшіе ученики не распускались по домамъ, а оставались въ Замостьи, занимаясь подъ руководствомъ студентовъ старшихъ курсовъ.

[3]) Encyklopedya powszechna, XXVII, 281.

[4]) *Łukasz.*, III, 326, въ прим.; 339.

Лѣнивыхъ и небрежныхъ профессора передавали въ руки академическаго правосудія. По донесенію ихъ студенты наказывались даже въ томъ случаѣ, если когда-либо и гдѣ-либо заговаривали не по латыни или не по гречески съ людьми, знающими эти языки.

Наказанія, которымъ подвергались студенты замостской академіи, были различнаго рода: выговоры, денежные штрафы, начиная съ пяти грошей и кончая флориномъ и даже талеромъ [1]), розги, которыя часто замѣняли денежную пеню въ случаѣ несостоятельности виновнаго, заключеніе въ карцеръ и, наконецъ, увольненіе. Студентъ долженъ былъ знать, что ему не избѣгнуть одного изъ означенныхъ наказаній, если онъ не пойдетъ на лекцію, или не выучитъ на-память заданнаго урока, или не отвѣтитъ его въ назначенное время, если посѣтитъ харчевню, побранится или подерется съ кѣмъ-либо, если приметъ участіе въ бунтѣ, если не явится по зову ректора или явится въ неприличной одеждѣ, если оскорбитъ честь товарища или преподавателя—присутствующаго ли то, или отсутствующаго, или кого-либо изъ гражданъ. Запрещалось также студентамъ, педагогамъ, прислугѣ носить и даже держать у себя какое-либо оружіе безъ особаго разрѣшенія ректора, а также продавать или закладывать свои или чьи бо то ни было вещи. Въ тѣхъ случаяхъ, когда судъ надъ виновнымъ начинался по доносу студента же, послѣдній держалъ предъ ректоромъ и членами его совѣта обвинительную рѣчь и, если не могъ доказать обвиненія, платился 15 грошами штрафа и получалъ частное или публичное внушеніе.

Такимъ образомъ, въ самой школѣ студентъ пріучался уже къ извѣстнымъ формамъ судоговоренія, къ умѣнію держать себя предъ публикой и къ искусству рѣчи. Самостоятельности и самодѣятельности студентовъ замостской академіи давалось мѣсто, какъ мы видѣли, и въ другихъ случаяхъ—при выборѣ должностныхъ лицъ и даже въ управленіи академіей, хотя представителемъ всѣхъ ихъ былъ только одинъ человѣкъ. Все это очень отличало замостскую академію отъ іезуитскихъ, сразу кладя на студентовъ печать ума и развитія, что уже въ 1596 г. замѣтилъ Ваноцци, давшій о нихъ такой лестный отзывъ: „въ алюмнахъ виденъ умъ (dowcip) и они обѣщаютъ быть хорошими людьми (wyborne subjecta)“. Правда, на первыя генераціи студентовъ оказывала весьма благотворное вліяніе личность самого основателя академіи, человѣка съ педагогическимъ опытомъ и съ самымъ живымъ интересомъ къ успѣхамъ своихъ питомцевъ. Онъ часто посѣщалъ ихъ, бывалъ на экзаменахъ, причемъ лично спрашивалъ ихъ, давалъ сюжеты изъ римской исторіи для составленія пьесъ на латинскомъ языкѣ, присутствовалъ на студенческихъ спектакляхъ и т. п. [2]).

Не меньшее значеніе для развитія студентовъ замостской академіи имѣло то раздѣленіе ихъ по націямъ, какое ввелъ Янъ Замойскій по примѣру европейскихъ и краковскаго университетовъ. Такъ какъ здѣсь

---

[1]) Талеръ, равнявшійся въ нач. XVI ст. 30 грошамъ или злотому, въ 1611 г. стоилъ 40 гр., а къ 1650 г. превысилъ стоимость флорина въ три раза (*Горбачевскій*, Словарь древняго актоваго языка сѣв.—зап. края, 356).

[2]) *Bobrowicz*, II, 187.

учились представители національностей польской, русской, литовской, прусско-ливонской и иностранцы, то всѣ ученики и были раздѣлены на пять группъ. Въ статутѣ есть указаніе только на участіе представителей этихъ группъ въ избраніи должностныхъ лицъ академіи, но. очевидно, дѣленіе это имѣло смыслъ болѣе глубокій, чѣмъ одно только представительство при избраніи. Оно указываетъ на то, что въ Замостьи не было той космополитической нивеллировки, какой подвергались студенты іезуитскихъ хотя бы школъ. Самымъ фактомъ дѣленія по націямъ каждому студенту внушалось, что онъ не только членъ школьной республики, но и гражданинъ своего отечества и сынъ своего народа, занимающаго въ государствѣ то или другое положеніе и имѣющаго тѣ или другія права и особенности въ управленіи и жизни.

Несмотря на всѣ эти благопріятныя для умственнаго и нравственнаго развитія юношей условія, какими ихъ обставляла замостская академія, она многолюдствомъ никогда не отличалась. Если въ 1596 г. студентовъ было въ ней больше 50 (при предположеніи, что были заняты всѣ вакансіи въ бурсѣ), то чрезъ два года ихъ оказывается только 32. Въ началѣ XVII ст. ихъ было больше сотни—118 (въ 1608 г.), но цифра эта была самой высокой; въ 1609 г. она сразу понизилась до 67, а въ 1616 г. даже до 36 [1]). Главной причиной такой непопулярности замостской академіи было, по нашему мнѣнію, ея неудобное географическое положеніе вблизи извѣстныхъ уже населенію іезуитскихъ коллегій люблинской, ярославской и др. Іезуитскія школы были тогда модными и въ нихъ охотнѣе поступала молодежь, чѣмъ въ новозаложенную академію. Неблагопріятствовали послѣдней и нѣкоторыя другія обстоятельства,—сравнительная ея необезпеченность, недостатокъ ученыхъ и учебныхъ пособій и собраній, въ родѣ физическаго кабинета, библіотеки [2]). Меньше важности имѣли другія причины, указываемыя Лукашевичемъ [3]). То обстоятельство, что большинство профессоровъ были канониками, чѣмъ уничтожалось будто бы значеніе отсутствія въ программѣ богословія, такъ же мало могло мѣшать успѣхамъ замостской академіи, какъ успѣхамъ коллегій - сутаны іезуитовъ. Напротивъ, намъ думается даже, что Замойскій сдѣлалъ ошибку, исключивъ богословіе изъ курса: въ то время, при всеобщемъ религіозномъ одушевленіи и интересѣ къ богословскимъ вопросамъ, студенты готовы были слушать теологію, въ какомъ бы духѣ она ни преподавалась, лишь бы она давала такой или иной отвѣтъ на тревожившіе вопросы и знакомила съ богословской литературой. Относительно мнимой молодости замостскихъ профессоровъ, не могшихъ будто бы внушать къ себѣ довѣрія въ обществѣ, замѣтимъ, что вѣдь и въ низшихъ классахъ іезуитскихъ коллегій преподавали люди молодые и настолько иногда неопытные,

---

[1]) *Łukasz.*, III, 337, прим. 2. Въ 1650 г. въ академіи было 49 человѣкъ (I, 212).

[2]) Спустя полтора года по открытіи ученія въ академіи, масса книгъ, принадлежавшихъ Замойскому, преимущественно на греческомъ и армянскомъ языкахъ, еще находилась въ сундукахъ (*Bobrowicz*, II, 187). Быть можетъ, и послѣ не особенно ревностно снабжали академію книгами.

[3]) *Łukasz.*, I, 128. 129.

что нуждались въ руководствѣ со стороны префекта. Притомъ же нѣкоторые изъ замостскихъ профессоровъ уже до перехода сюда считали за собой по нѣскольку лѣтъ педагогической и литературной дѣятельности. Подтвержденіемъ нашей мысли могутъ служить тѣ краткія біографическія свѣдѣнія о болѣе выдающихся изъ нихъ, какія мы сообщаемъ.

Такъ, Адамъ Бурсій (или Бурскій), докторъ свободныхъ наукъ и философіи краковскаго университета (1580), прежде чѣмъ попасть въ Замостье, нѣсколько лѣтъ ректорствовалъ въ львовской школѣ, гдѣ прежде и самъ учился, а затѣмъ профессорствовалъ въ Краковѣ. Янъ Замойскій, которому была извѣстна его ученость, предоставилъ ему въ своей академіи каѳедру философіи. До насъ дошло два рукописныхъ курса Бурсія: первый, читанный въ 1607 г., содержитъ начатки философіи (elementa philosophiae,—nomen, finitio, divisio, ordo), краткую исторію ея и Цицероновскія похвалы ей, второй представляетъ Commentarii in Aristotelis ethicorum libros X. Изъ печатныхъ произведеній Бурсія извѣстна его „Dialectica Ciceronis“ (1604), излагающая чистые принципы стоической діалектики съ выдѣленіемъ изъ сочиненій Аристотеля вліяній перипатетиковъ и академиковъ. Умеръ Бурсій не ранѣе 1627 г. [1]).

Янъ Урсинъ, львовянинъ и воспитанникъ мѣстной школы, получивъ первую ученую степень въ Краковѣ (1587), занялъ должность учителя въ львовскомъ городскомъ училищѣ. Но около 1591 г. долженъ былъ оставить ее по неудовольствію на него нѣкоторой части гражданъ, питавшей отвращеніе къ греческому языку, который онъ усердно преподавалъ, и не любившей его за слишкомъ суровое обращеніе съ учениками. Изъ Львова Урсинъ перешелъ вмѣстѣ съ Бурсіемъ въ Краковъ, гдѣ сталъ изучать астрономію. Намѣченный канцлеромъ въ профессора новой академіи, онъ готовился занять тамъ каѳедру свободныхъ наукъ и математики, но былъ отправленъ въ Падую учиться медицинѣ, откуда возвратился чрезъ пять лѣтъ съ званіемъ доктора медицины; но въ академіи преподавалъ не ее, а физику, а по смерти Яна Замойскаго занимался съ его сыномъ математикой [2]). Умеръ 1 янв. 1613.—Кромѣ упомянутой выше грамматики, Урсинъ составилъ для своихъ львовскихъ учениковъ діалектику по

---

[1]) *Starovolscius*, Ἑκατοντάς, № 71. *Maciejowski*, Piśmiennictwo Polskie, III. Dodatki, 298. *Jocher*, № 575 и стр. 164. 165. 178. 179. *Sołtykowicz*, O stanie akademii Krakowskiey (1810), str. 433—436.—Тотъ фактъ, что большинство профессоровъ замостскихъ были родомъ изъ Львова, можетъ быть объясненъ слѣдующимъ образомъ. У Яна Замойскаго былъ секретаремъ и очень близкимъ къ нему человѣкомъ Симонъ Симоновичъ, извѣстный поэтъ, львовянинъ. Онъ и могъ рекомендовать канцлеру нѣкоторыхъ изъ своихъ земляковъ («Kilka nieznanych listów Szymona Szymonowicza», Biblioteka Warszawska, 1895, II, 141—161).

[2]) Первоначально Ѳома Замойскій учился по желанію отца вмѣстѣ съ дѣтьми прочихъ гражданъ, ибо Янъ Замойскій понималъ, что для всѣхъ состояній полезно правильное воспитаніе и что одна академія, какъ единое солнце, должна всѣмъ свѣтить (*Sołtykowicz*, 434, прим. 1; ср. *Łukasz.*, I, 439).

Аристотелю и, уже будучи профессоромъ, написалъ изслѣдованіе: „De ossibus humani corporis tractatus tres“ [1]).

Симонъ Бирковскій, изъ Львова, докторъ медицины, болѣе извѣстный какъ филологъ, приглашенъ былъ Замойскимъ на каѳедру краснорѣчія и въ качествѣ доктора сына его Ѳомы. За свои труды Бирковскій получилъ отъ канцлера въ подарокъ село. Съ Ѳомой Замойскимъ онъ совершилъ путешествіе по Европѣ. Умеръ въ 1626 г. Изъ сочиненій Бирковскаго дважды издано слѣдующее: „Dionysii Halicarnassei de collocatione verborum graece et latine, Simon Bircovius in acad. Zamosciensi professor recensuit et nunc primum convertit“... (Zamoscii, 1602. 1604). Въ предисловіи къ своему труду Бирковскій ставилъ на видъ, что греки—настоящіе мастера краснорѣчія, но объ этомъ почему то забывали, но что онъ, призванный въ замостскую академію, оставилъ предубѣжденіе противъ нихъ и обратился къ греческимъ писателямъ. Сообразно съ этимъ Бирковскій комментировалъ главнымъ образомъ греческихъ риторовъ—Афѳонія, Порфирія. Но и эти толкованія, и „Tractatus logicae, in logicam Aristotelis Commentarius“ (1603), и множество греческихъ и латинскихъ стиховъ остались ненапечатанными. Въ рукописяхъ же сохранились его объясненія нѣкоторыхъ медицинскихъ произведеній Галена (ars parva), изложеніе анатоміи и сифилидологіи [2]).

Симонъ Пеховичъ, докторъ философіи и медицины, извѣстенъ своей редакціей академическаго устава (1611) и изданіемъ для учениковъ аналогіи сборника—„Narrationes. Sententiae. Similia. Ex libris M. Tullii Ciceronis“.

Ѳома Дрезнеръ, львовянинъ, высшее образованіе получилъ въ Краковѣ и Парижѣ. Всѣ его литературные труды относятся къ области права. Таковы: Liber Collationum Juris Polonici et Romani. Centuria legum Polonicarum atque Gallicarum Jnstitutionum. Juris polonici libri quatuor. Processus judiciarius. Thomae Dresneri Dris, in M. T. Ciceronis lib. 3. de legibus Scholia, ejusdem Platonis de legibus duodecim librorum compendium, item quatuor florentissimarum rerum publicarum, Persarum, Lacedaemoniorum, Atheniensium, Romanorum instituta ac mores, aliquot libellis ab eodem persecuti [3]).

Въ заключеніе мы должны обратить вниманіе на то, что замостская академія, признанная впослѣдствіи королемъ Михаиломъ Корибутомъ единственнымъ на всю Русь университетомъ (1669), [4]) и въ нашъ

---

[1]) *Jocher*, I, № 667 и прим. къ нему (стр. 176—180), гдѣ перепечатана біографія Урсина, помѣщенная въ предисловіи къ изданію его грамматики 1619 г. *Starovolscius*, o. c., № 72.

[2]) *Jocher*, I, № 183. 184 и стр. 139. *Maciejowski*, ibid., 299. 301. Encykl. powsz., III, 572. 573.

[3]) *Starovolscius*, o. c., № 51. *Maciejowski*, 302.

[4]) *Łukasz.*, III, 331, прим. 1.

періодъ времени должна была играть и сыграла нѣкоторую роль въ исторіи православнаго просвѣщенія: изъ нея вышли Кассіанъ Саковичъ, ректоръ кіевской братской школы, Сильвестръ Коссовъ и Исаія Трофимовичъ, первые ректоръ и префектъ могилянской коллегіи. Учились въ ней также и другіе русскіе юноши, особенно изъ воспитанниковъ львовской братской школы.

ОТДѢЛЪ II.

ПРОТЕСТАНТСКІЯ ШКОЛЫ.

ГЛАВА VI.

Распространеніе реформаціи въ западной Россіи и судьба протестантскихъ школъ.

Въ нашу задачу не входитъ говорить подробно о причинахъ появленія и быстрыхъ успѣховъ протестантства въ польско-литовскомъ государствѣ и о дальнѣйшей его исторіи, тѣмъ болѣе, что этому предмету посвящено немало спеціальныхъ изслѣдованій [1]). Мы коснемся лишь тѣхъ условій роста его въ западнорусскихъ областяхъ, которыя всего легче могутъ объяснить и судьбу и характеръ протестантскихъ просвѣщенія и школъ.

На проникновеніе въ западную Россію протестантскихъ идей, кромѣ оживленныхъ торговыхъ сношеній русскихъ городовъ съ нѣмецкими странами [2]), всего больше повліяли поѣздки молодыхъ людей въ заграничные университеты. Обычай путешествовать по разнымъ странамъ

---

[1]) Кромѣ названныхъ въ нашемъ предисловіи сочиненій Лукашевича, Красинскаго, Буковскаго, здѣсь мы можемъ указать еще слѣдующія: *Regenvolscius Adr.*, Systema Historicochronologicum Ecclesiarum Slavonicarum, 1652 (Авторъ—Венгерскій; подъ настоящимъ его именемъ сочиненіе вышло вторымъ изданіемъ въ 1679 г. съ измѣненнымъ заголовкомъ: Slavoniae reformatae libri IV.). *Lubienecius Stan.*, Historia reformationis Polonicae in qua tum reformatorum, tum antitrinitariorum origo et progressus in Polonia et finitimis provinciis narrantur, Freistadii, 1685. *Łukaszewicz*, Dzieje kościołow wyznania Helweckiego w Malej Polsce (1853). *Adamowicz*, Kościoł augsburski w Wilnie (1855). *Szujski Jos.*, Odrodzenie i reformacya w Polsce (1880). Изъ русскихъ: *Соколовъ Ив.*, Отношеніе протестантизма къ Россіи въ XVI и XVII вв. (1880). *Жуковичъ П.*, Кардиналъ Гозій и польская церковь его времени. *Любовичъ Н.*, Исторія реформаціи въ Польшѣ (1883) и Начало католической реакціи и упадокъ реформаціи въ Польшѣ (1890). *Карѣевъ Н.*, Реформація и католическая реакція въ Польшѣ (Вѣстникъ Европы, 1885; ср. Очеркъ исторіи реформаціоннаго движенія и катол. реакціи въ Польшѣ, 1886). Въ частности, о социніанствѣ писали: *Ив. Малышевскій* (Подложное письмо половца Ив. Смеры къ в. кн. Владиміру, въ Тр. Кіев. д. ак., 1876), *Ор. Левицкій* (Социніанство въ Польшѣ и Юго-западной Россіи, въ Кіев. стар., 1882; ср. предисл. къ VI тому I части Арх. Ю.-З. Р.), *Евл. Будринъ* (II вып изслѣдованія: Антитринитаріи шестнадцатаго вѣка, 1886. Казань).

[2]) Къ числу такихъ городовъ принадлежали Вильна, Люблинъ, Брестъ, Львовъ *Bukowski*, I, 89—94). Брестъ, напр., велъ торговыя сношенія съ Торномъ, Данцигомъ, (Познанью, которые очень скоро познакомились съ реформой Лютера (Арх. сб., III, № 112),

западной Европы для довершенія образованія давно уже существовалъ въ высшихъ слояхъ польскаго и литовско-русскаго общества, и онъ-то сталъ съ 30-хъ годовъ XVI ст. главнымъ путемъ, по которому плыли въ сознаніе западнороссовъ новыя религіозныя идеи. Источниками же ихъ были университеты Виттенберга, Лейпцига, Женевы, затѣмъ Кролевца (Кенигсберга) [1]). Послѣдній, преобразованный въ 1544 г. изъ педагогическаго института (archipaedagogium), имѣлъ даже своей спеціальной цѣлью распространеніе лютеранства, между прочимъ, въ Польшѣ. Основатель его Альбертъ I, великій магистръ восточной Пруссіи, открылъ въ немъ нѣсколько каѳедръ съ преподаваніемъ на польскомъ языкѣ и назначилъ по семи стипендій для поляковъ и литовцевъ. На разосланныя имъ по всей Польшѣ приглашенія отозвалось немало юношей, чему содѣйствовало, вѣроятно, и то, что разсылалъ ихъ кульмскій католическій епископъ Тидеманъ Гизе. Кромѣ того, Альбертъ развилъ въ Кролевцѣ широкую издательскую дѣятельность на польскомъ языкѣ въ духѣ лютеранства, вызвавъ сюда Яна Секлюціана, Трепку, Март. Квятковскаго и др. [2]).

Что школа и книга были главными орудіями распространенія въ польско-литовскомъ государствѣ реформаціонныхъ идей, это видно, между прочимъ, изъ того, что католическое духовенство и польское правительство въ своихъ усиліяхъ парализовать развитіе протестантства, обрушиваются прежде всего на нихъ. Такъ, уже въ 1525 г. виленскій епископъ Янъ издалъ синодальное постановленіе, которымъ рѣшительно запрещалъ принимать въ школы діоцеза учителей, приходящихъ изъ нѣмецкихъ земель [3]). Этотъ декретъ важенъ и потому, что ясно показываетъ, какъ скоро идеи Лютера проникли въ зап. Россію. Въ 1535 и 1542 гг. король Сигизмундъ I велѣлъ опубликовать по цѣлой Литвѣ эдикты противъ еретиковъ, грозившіе за отступничество отъ католичества конфискаціей имущества, и одновременно (въ 1541 г.) запретилъ посѣщеніе еретическихъ заграничныхъ школъ. Впрочемъ, чрезъ два года это запрещеніе было отмѣнено, не дозволено было только привозить изъ-за границы протестантскія сочиненія и книги [4]).

---

[1]) Не должно однако преувеличивать вліянія на западнорусское общество виттенбергскаго университета. Онъ сталъ особенно славенъ, когда въ числѣ его профессоровъ оказался Меланхтонъ. Но изъ русскихъ (ruthenus) мы только подъ 1537 г. встрѣчаемъ пять человѣкъ, въ 1553 г. четырехъ, да въ 1539 г. четырехъ поляковъ изъ Россіи и въ 1541 г.—одного литовца. Поляковъ не изъ Россіи было гораздо больше, но и они, даже въ періодъ наибольшаго наплыва въ Виттенбергъ (50-ые годы), въ общей массѣ поступавшихъ въ университетъ студентовъ составляли 1%—1½% (Album academiae Vittembergensis ab an. Chr. 1502 usque ad 1560. Ed. *Foerstemann*; 1841).—Въ Лейпцигѣ въ первую половину XVI в. учились представители литовскихъ дворянскихъ родовъ—Гедройцевъ, Сапѣговъ, Ходкевичей, Головчинскихъ, Кишекъ и др. (*Bukow.*, I, 335, прим. 3).

[2]) *Любовичъ*, Альбрехтъ, герцогъ Прусскій, и реформація въ Польшѣ (Ж. М. Н. Пр., 1885, авг., 176 et sqq.). *Bukowski*, I, 336. 337.

[3]) *Adamowicz*, 8. *Bukowski*, I, 335, прим. 3.

[4]) *Kojatowicz*, Miscellanea, 62. *Rostowski*, 3. *Daniłowicz*, Scarbiec, II, 313, 314. *Bukowski*, I, 340, 342, 343.

Но ни декреты короля, ни мѣры католической іерархіи, въ родѣ постановленія ловичскаго синода 1556 г. о закрытіи протестантскихъ училищъ и о запрещеніи молодымъ людямъ поѣздокъ за границу съ образовательными цѣлями [1]), не могли затормозить распространеніе протестантства, тѣмъ болѣе, что оно нашло себѣ покровителя въ лицѣ кор. Сигизмунда Августа (1548—1572).

Объ отношеніяхъ Сигизмунда II къ иновѣрцамъ славянскій переводъ хроники Павла Пясецкаго, перемышльскаго латинскаго епископа, такъ выражается. Король „межъ руками иноземцевъ воспитанъ, книмъ и ихъ намѣреніи былъ склоннѣйшій, и волнѣйшее закону житіе живя, въ почитаніи католицкаго благочестія слабѣе, а сіе что склоннѣйши былъ къ наукамъ любоиспытательнымъ: въ нихъ упражняшеся радѣніемъ нѣмцевъ еретіковъ, которые пріятствомъ королевскимъ безопасны, свободнѣе беззаконія свои разглашали“ [2]). Дѣйствительно, онъ былъ очень расположенъ къ дѣятелямъ реформаціи и подъ ихъ вліяніемъ сталъ задумываться надъ реорганизаціей польской церкви [3]). Выдающіеся протестанты Европы и Польши не только посвящали ему свои литературные труды и писали ему письма, но и находили пріютъ въ его дворцѣ (напр. Дискордія) [4]). Насколько поведеніе Сигизмунда Августа было предосудительно съ католической точки зрѣнія, видно изъ обвинительнаго акта противъ него, состоящаго изъ 17 пунктовъ и посланнаго въ Римъ папскимъ нунціемъ Бернардомъ Бонжіованни [5]).

Та сравнительная свобода, которою пользовались литовскіе протестанты, пока Сигизмундъ Августъ былъ только великимъ княземъ литовскимъ, съ переходомъ къ нему польской короны должна была распространиться и на польскихъ проповѣдниковъ новыхъ идей; къ его царствованію и должно относить начало и быстрый ростъ ихъ въ Польшѣ и ея русскихъ областяхъ,—въ Галиціи, перемышльской землѣ, Подоліи [6]). Нельзя при этомъ пройти молчаніемъ еще одного частнаго событія, совпавшаго съ началомъ новаго царствованія и тоже немало повредившаго католичеству. Студенты и ученики краковскихъ университета и школъ, въ количествѣ 6670 человѣкъ, не удовлетворенные королемъ и епископомъ въ своемъ желаніи наказать убійцъ нѣсколькихъ

---

[1]) Constitutiones synodorum metropolitanae Eccles. Gnesn. provinc. (1630), p. 262. Въ 1568 г. Сигизмундъ II, дѣйствительно, закрылъ лютеранскую школу въ Познани, по просьбѣ тамошняго епископа (Проф Карѣевъ, Реформація и католическая реакція въ Польшѣ,—Вѣстн. Евр., 1885, X, 443).

[2]) Церк.-сл. и рус. рукоп. Имп. публ. библ. F, IV, № 163, л. 67. Ср. свидѣтельство Липпомани, папскаго нунція (*Bobrowicz*, Zbior pamiętnikow o dawnej Polsce, IV, 67).

[3]) Сигизмундъ II, какъ извѣстно, посылалъ Лизманини въ зап. Европу, между прочимъ, съ цѣлью ближайшаго ознакомленія съ устройствомъ и обрядами реформированныхъ церквей (*Любовичъ*, Ист. реформ. въ Польшѣ, 157, 159).

[4]) Acta historica res gestas Poloniae illustrantia, I, p. 448.

[5]) Relacye nuncyuszów apostolskich, I, 95, 96: Objectiones contra Sigismundum Augustum regem Poloniae. Бонжіованни былъ нунціемъ въ Польшѣ въ 1560—1563 гг.

[6]) *Карѣевъ*, Вѣстн. Евр., 1885, IX, 40. 41. *Любовичъ*, Исторія реформаціи въ Польшѣ, 73—80.

своихъ товарищей, порѣшили оставить городъ и, за исключеніемъ немногихъ, которыхъ убѣдили остаться, ушли изъ Кракова, причемъ большая часть ихъ отправилась для продолженія образованія въ Германію, Пруссію, Чехію, гдѣ должна была, конечно, заразиться протестантскими ученіями и разнести ихъ потомъ по всѣмъ областямъ польско-литовскаго государства [1]).

Изъ различныхъ протестантскихъ исповѣданій, нашедшихъ себѣ пріютъ въ западной Россіи, лютеранство пользовалось наименьшимъ сочувствіемъ. Кромѣ нѣмцевъ да мѣщанъ нѣкоторыхъ городовъ, имъ почти никто не увлекался ни изъ простого народа, ни изъ шляхты. И если иногда магнаты фундовали лютеранскіе храмы, то въ этомъ нельзя не усматривать желанія секуляризовать костельное имущество [2]). Сообщенія историковъ о чрезвычайныхъ успѣхахъ реформаціи въ литовско-русскихъ земляхъ въ срединѣ XVI ст. главнымъ образомъ должны быть относимы къ кальвинству. Принятое могущественнѣйшею фамиліею Радивилловъ, оно въ ревности этихъ адептовъ своихъ получило самое благопріятное условіе для своего развитія. Просвѣщенные Радивиллы содѣйствовали этому открытіемъ зборовъ, школъ и типографій въ своихъ многочисленныхъ имѣніяхъ и привлеченіемъ на свою сторону шляхты силою своего политическаго вліянія. Но и въ самомъ себѣ кальвинство заключало много привлекательнаго для литовско-русской аристократіи, если его стали исповѣдывать Кишки, Ходкевичи, Глѣбовичи, Сапѣги, Завиши, Вишневецкіе, Воины, Пацы, Абрамовичи, Воловичи, Огинскіе, Зѣновичи, Пронскіе, Нарушевичи, Дорогостайскіе, Пузины, Горскіе, Грушевскіе и др. Конечно, всѣ эти фамиліи способствовали успѣхамъ его, заводя у себя зборы. Уже въ 1557 г. на виленскомъ кальвинскомъ синодѣ присутствовало нѣсколько десятковъ пасторовъ [3]).

Но свой успѣхъ кальвинство очень скоро должно было раздѣлить съ ученіемъ, которое, являясь естественнымъ плодомъ протестантскаго раціонализма, въ то-же время приближалось къ одной изъ древнихъ ересей. Мы говоримъ о социніанствѣ, называвшемся иногда новымъ аріанствомъ за его отрицаніе троичности лицъ въ Богѣ и божественности Іисуса Христа. Польскій антитринитаризмъ получилъ имя социніанства лишь со временъ Фауста Социна, прибывшаго въ Польшу въ 1579 г., но онъ сдѣлался извѣстенъ здѣсь еще съ средины XVI ст., съ тѣхъ поръ, какъ сюда стали являться изъ зап. Европы вольнодумцы, въ родѣ Духа (Spiritus), Лелія Социна, Станкара, и колебать догматъ троичности. Противъ послѣдняго уже въ 1556 г. открыто выступилъ Петръ Гонезій, а чрезъ десять лѣтъ секта антитринитаріевъ имѣла въ Малой Польшѣ опредѣленное устройство, свои храмы, училища, типографіи, свою литературу и управлялась соборами. Средоточіемъ ихъ былъ г. Пинчовъ, а затѣмъ Краковъ [4]). Для этого ученія не было препятствій

---

[1]) Acta historica res gestas Poloniae illustrantia, I, №№ 827. 829. 830. *Bukowski*, I, 230—235.

[2]) *Łukasz.*, Dzieje kościołów wyzn. Helw. w Litwie, I, 17, прим.

[3]) *Łukasz.*, o. et l. c.

[4]) *Sandius*, Bibliotheca anti—trinitariorum, 210. 211. *Krasinski*, 140. *Будрин*ъ, II, 231 et sqq.; 288. 289. *Любовичъ*, Начало катол. реакціи...., 106.

проникнуть скоро и въ русскія области государства, благодаря ству жмудскаго старосты Яна Кишки, сдѣлавшаго для соци столько же, сколько Радивиллы для кальвинства [1]). Западная Русь была открыта для антитринитаризма и съ другой стороны, съ которой его всего меньше можно было ожидать, именно изъ восточной Россіи, откуда въ 1552 г. вышли черницы Ѳеодосій (Косой), Игнатій и Ѳома [2]). Совокупныя усилія двухъ видовъ раціонализма, итальянскаго и московскаго, произвели въ рядахъ православной церкви не меньшія опустошенія, чѣмъ кальвинская пропаганда—въ церкви католической. Социніанствомъ увлекались даже простолюдины, что легко объяснить самымъ свойствомъ раціонализма, сочувствовать которому можно людямъ и безъ высокихъ умственныхъ дарованій и развитія, но съ слабостью нравственныхъ требованій [3]). „Аріанство" сдѣлало особенно большіе успѣхи въ новгородскомъ и брестскомъ повѣтахъ, а на Волыни въ началѣ XVII ст. пропагандировалось такъ настойчиво, что даже католическое духовенство стало привлекать социніанскихъ министровъ къ суду за „проповѣдане и россиване науки и секты ариянскоеи и привожене и наворочене людей хрестиянскихъ, такъ з релиеи кгрецкое, яко и католицъкое на секту ариянскую" [4]).

Быстрое распространеніе въ польско-литовскомъ государствѣ протестантскихъ ученій всѣхъ видовъ, начиная съ лютеранства и кончая самыми крайними фракціями антитринитаризма, обусловливалось съ одной стороны, нестроеніями въ церквахъ католической и православной, невѣжественностью и крайней деморализаціей представителей той и другой, политической свободой и даже распущенностью высшихъ классовъ населенія, что все подготовило для нихъ очень благопріятную почву. Съ другой стороны, пропагандисты новыхъ ученій не лѣнились сѣять щедрой рукой сѣмена ересей, избравъ самыя дѣйствительныя для того средства: публичную проповѣдь, типографіи, училища. И кто знаетъ, быть можетъ, вѣроисповѣдная карта Россіи представляла бы теперь совсѣмъ иной видъ, если бы католичество не выставило противъ нихъ искусныхъ и опытныхъ борцовъ въ лицѣ іезуитовъ, а православная церковь не противопоставила ихъ дѣятельности—ревности по вѣрѣ своихъ братствъ и, добавимъ, если бы тому и другой не помогли сами протестанты междоусобіями и пререканіями въ своей средѣ.

---

[1]) Яномъ Кишкой устроено было три социніанскихъ типографіи: въ Лозкахъ (ошмян. пов.), въ Заславѣ (минскаго пов.) и Любчѣ (новгород. пов). Цѣлый рядъ школъ, открытыхъ Кишкой, подчиненъ былъ завѣдыванію особаго ректора. Таковъ, напр., ректоръ Іоаннъ Лициній, упоминающійся подъ 1592 годомъ ,—Iohannes Licinius Namyslowiensis Silesius, Rector scholarum Dn. Kiszkae castellani Vilnensis etc. et Pastor Novogrodensis in Lithuania (*Sandius*, p. 94).

[2]) *Regenvolscius*, p. 262. 263. Проф. Малышевскій предполагаетъ, что Ѳома Венгерскаго есть Вассіанъ, бѣгство котораго изъ Москвы удостовѣряется «сказаніемъ» при посланіи Зиновія Отенскаго (Тр. Кіев. д. ак., 1876, II, 522—529). Впрочемъ, г. Калугинъ думаетъ, что этотъ Ѳома—мѣстный протестантъ («Зиновій инокъ отенскій», 1894 г. Спб., 14).

[3]) Московскій же выходецъ, старецъ Артемій писалъ, что «и мнози отъ простыхъ послѣдуютъ злыхъ ученій нечистотамъ, въ нихже путь истинный похуленъ есть» (П. П. Л., I, столб. 1269).

[4]) *Kojałowicz*, Miscellanea, p. 72. Арх. Юго-западной Россіи, I, VI, № 234.

Дробленіе протестантства на секты—явленіе, органически связанное съ самой его сущностью: гдѣ высшимъ авторитетомъ оказывается разумъ человѣческій, тамъ всякому вольно думать и по вопросамъ вѣры, какъ ему заблагоразсудится. А въ Польшѣ въ XVI в. сектантамъ тѣмъ легче было дробиться на самыя мелкія группы, что это не представляло для нихъ никакой опасности: сюда могъ свободно явиться представитель самыхъ крайнихъ раціоналистическихъ воззрѣній, не терпимый нигдѣ въ Европѣ, и, живя подъ крыломъ какого-нибудь вельможи или даже простого шляхтича, проповѣдывать свое собственное ученіе, вербуя адептовъ его [1]). И хотя иногда на сеймахъ (напр., парчовскомъ 1564 г.) заходила рѣчь объ изгнаніи изъ государства всѣхъ пропагандистовъ реформы и король, дѣйствительно, издалъ два эдикта въ этомъ родѣ [2]), они почти всѣ продолжали оставаться въ государствѣ и взаимными пререканіями, обезсиливавшими другъ друга, доказывали мудрость политики Гозія и Коммендоне, которые проводили предъ парчовскимъ сеймомъ и послѣ него ту мысль, что если нельзя изгнать изъ Польши всѣхъ еретиковъ, то надлежитъ всѣхъ ихъ оставить [3]). На какія мелкія группы должны были раздѣлиться протестанты, видно изъ того, что въ одной Вильнѣ венеціанскій посолъ Петръ Дуодо насчиталъ въ 1592 г. 72 секты [4]). Очевидно, протестанты отдѣлялись другъ отъ друга по самымъ неважнымъ пунктамъ ученія и не были способны поступиться особенностями своихъ доктринъ даже въ виду общихъ враговъ. Правда, они не разъ подумывали о необходимости сплотиться въ одно цѣлое, и на соборѣ въ Сандомирѣ кальвинисты, лютеране и чешскіе братья пришли было къ религіозному соглашенію, но послѣднее не имѣло прочной основы, такъ какъ выходило изъ политическихъ видовъ болѣе, чѣмъ изъ стремленія къ догматическому объединенію различныхъ исповѣданій. Потому-то, вѣроятно, и не былъ осуществленъ планъ учрежденія высшей школы, общей для всѣхъ согласившихся исповѣданій. На устройство ея патроны обѣщали на петроковскомъ съѣздѣ дать по одному флорину съ каждаго подданнаго (канонъ 8). Спустя пять лѣтъ владиславскій синодъ (1583), напомнивъ патронамъ объ ихъ обѣщаніи и о необходимости для церкви такой школы, грозилъ небрегущимъ объ этомъ дѣлѣ церковной эпитиміей (disciplina ecclesiastica) отъ министровъ (кан. 10). Торнская же конфедерація 1595 г. опредѣлила даже порядокъ сбора, храненія и распоряженія деньгами, позволивъ остатки отъ собранной и умноженной

---

[1]) «Въ Польшѣ не одна ересь, а всѣ, писалъ въ 1568 г. папскій нунцій Юлій Руджіери,—всѣ сектанты сошлись здѣсь и отстроили вавилонскую башню. Тѣ, кто были изгнаны за свои новшества не только изъ Италіи, но и изъ нѣмецкихъ земель, даже изъ самой Женевы, находятъ пріютъ въ этомъ королевствѣ, какъ въ своемъ послѣднемъ убѣжищѣ» (Relacye nuncyuszów apost., I, 186).

[2]) *Albertrandi*, Pamiętniki o dawnej Polsce, I, 185. 188.

[3]) *П. Жуковичъ*, Кардиналъ Гозій, 317. 328. 329. *Любовичъ*, Начало католической реакціи въ Польшѣ, 53—55. 146—148.

[4]) *Bobrowicz*, Zbior pamiętnikow o dawnej Polsce, IV, 71. Спустя 30 лѣтъ папскій нунцій Торресъ находилъ въ той же Вильнѣ до 60 различныхъ сектъ (Relacye nuncyuszów apostol., II, 143).

процентами суммы употреблять на частныя школы, не обезпеченныя мѣстными источниками доходовъ, причемъ поручила сеніорамъ и министрамъ располагать къ складчинѣ на училище и не бывшихъ въ Торнѣ владѣльцевъ [1]). Проектированная школа не была учреждена, благодаря между прочимъ небрежности патроновъ. Но кромѣ того дѣлу соглашенія и внутренняго укрѣпленія протестантовъ много повредило социніанство. Социніане дискредитировали реформацію въ зап. Россіи уже самымъ фактомъ своего существованія,—крайностями своего ученія, холодно-разсудочнымъ отношеніемъ къ Свящ. Писанію, на которое они смотрѣли, какъ на простой литературный памятникъ; отказомъ же отъ государственной службы они возбудили въ обществѣ недовѣріе и нерасположеніе вообще къ протестантству [2]). Социніане пытались, правда, уничтоживъ распри въ своей средѣ, примкнуть къ сандомирскому соглашенію, но послѣ того, какъ оказалось, что они не могутъ отказаться отъ своихъ догматическихъ принциповъ, и протестанты ихъ отвергли,—антитринитаріи стали дѣйствовать отдѣльно отъ прочихъ протестантовъ и вопреки имъ. Они пропагандировали свое ученіе какъ среди католиковъ и православныхъ, такъ и между протестантами, пользуясь для этого не только школой, но и средствами довольно неблаговидными, въ родѣ изданія кальвинскихъ богослужебныхъ книгъ съ своими прибавленіями, фальсификаціи ихъ катихизисовъ и сборниковъ духовныхъ пѣсенъ въ духѣ своего исповѣданія и т. п. [3]). И уже въ концѣ XVI ст. послѣдователямъ сандомирскаго соглашенія приходилось принимать мѣры противъ социніанской пропаганды. Такъ, торнская конфедерація не только запретила братьямъ принимать къ себѣ на домъ и читать „аріанскія“ книги, но и учить своихъ дѣтей въ социніанскихъ школахъ. „Кто вопреки постановленіямъ предшествующихъ синодовъ посылаетъ своихъ сыновей въ школы и академіи аріанскія или иныя, гдѣ не преподается чистое ученіе евангелія, въ королевствѣ или внѣ его, да лишается вечери Господней и церковнаго общенія. И если кто нынѣ имѣетъ дѣтей въ этихъ школахъ, пусть возьметъ оттуда въ теченіе 12 недѣль отъ этого торнскаго синода, подъ угрозой того же наказанія“,—говоритъ 7 канонъ конфедераціи [4]). Но эти мѣры къ цѣли не приводили.

Западнорусскимъ протестантамъ, въ частности кальвинистамъ, не помогъ и союзъ ихъ съ православными. Сближеніе это было вызвано общимъ ихъ желаніемъ противопоставить правительству и католичеству силу соединен-

---

[1]) *Jablonski*, Historia consensus Sendomiriensis. Berolini, 1731, pp. 212. 213. 217. 218. 233.

[2]) *Krasinski*, 327. Среди социніанъ была партія людей съ крайними политическими воззрѣніями, отрицательно относившихся къ гражданскимъ должностямъ, къ судамъ, къ войнѣ и ношенію оружія, къ обладанію имуществомъ и т. п. Такихъ убѣжденій держались не только отдѣльныя личности, но и цѣлые соборы. Напр., соборъ 1605 г. требовалъ, чтобы жители областей, подвергавшихся нападеніямъ татаръ, не поднимали противъ нихъ оружія. Впрочемъ, вопросы этого рода служили предметомъ сильной литературной полемики среди самихъ социніанъ, и самъ Ф. Социнъ настаивалъ на необходимости безусловнаго повиновенія мірскимъ властямъ (*Sandius*, 43—45. 51. 55. *Krasinski*, 315).

[3]) *Krasinski*, 212. 213. 320, прим. 1. *Łukasz.*, Dzieje... w Litwie, I, 115, прим. 2; 169.

[4]) *Jablonski*, Historia consensus Sendomiriensis, 230. 231.

наго диссидентства и совмѣстно защищать свои религіозныя и гражданскія права. Такимъ образомъ, оно имѣло характеръ политической уніи, съ какимъ оно и явилось на торнской и виленской конфедераціяхъ (1595 и 1599 гг.); на послѣдней были назначены даже особые провизоры для защиты правъ протестантовъ и православныхъ отъ покушеній на нихъ со стороны католиковъ. Была при этомъ высказана мысль и о религіозной уніи и о заведеніи общихъ школъ въ повѣтахъ, но она, понятно, не могла быть принята православной церковью [1]). Несмотря на все это, западнорусскимъ протестантамъ во все время правленія Сигизмунда III приходилось терпѣть немало неудачъ. Смерть нѣсколькихъ видныхъ ихъ сторонниковъ, ограниченіе правъ на занятіе государственныхъ и гражданскихъ должностей, нападенія католической черни на ихъ министровъ и проповѣдниковъ, полные разгромы зборовъ, типографій, училищъ (напр. въ Вильнѣ, Люблинѣ),—все это должно было страшно повредить имъ и подорвать ихъ значеніе въ странѣ; послѣднее не могло возстановиться и въ свободное сравнительно царствованіе Владислава IV [2]). Въ нѣсколько болѣе благопріятныхъ условіяхъ продолжало существовать социніанство, но и ему скоро были нанесены два страшные удара: народное возстаніе 1648 г. и изгнаніе антитринитаріевъ изъ государства въ 1658—1660 гг. освободили отъ него западную Русь [3]).

Мы потому сочли нужнымъ такъ долго остановиться на судьбѣ и положеніи протестантовъ въ зап. Россіи, что съ ними была тѣсно связана и исторія ихъ школъ—и выясняющая эту судьбу, и сама ею выясняемая.

Протестантство, какъ религія по преимуществу разума, въ противоположность слѣпой часто вѣрѣ католичества, должно было обратить особенное вниманіе на размноженіе училищъ и возможно лучшую постановку ихъ. Протестанты, примкнувшіе къ гуманистамъ по своей любви къ наукѣ, къ просвѣщенію, тѣмъ болѣе должны были заботиться о хорошей организаціи школъ, что имъ приходилось еще завоевывать себѣ положеніе въ обществѣ и государствѣ. А школа была наилучшимъ средствомъ для пропаганды новыхъ идей. Сообразно съ этимъ и въ польско-литовскомъ государствѣ параллельно съ распространеніемъ протестантства шло размноженіе числа училищъ, и они раскинулись здѣсь цѣлой сѣтью, еще до прибытія іезуитовъ. И вообще пропаганда протестантами своихъ ученій носитъ по преимуществу характеръ просвѣтительный, въ отличіе отъ католической пропаганды, хотя бы во времена Ягеллы. Они тѣмъ и выиграли, что старались удовлетворить потребности въ просвѣщеніи и дали полное развитіе родному слову. Какъ широко смотрѣли польскіе

---

[1]) *Łukasz.*, Dzieje... I, 117. 120. 123. 134. 137. 138.

[2]) Какъ ослабѣло кальвинство въ зап. Россіи, видно изъ того хотя бы, что со временъ Скарги до 1650 г. число реформ ованныхъ церквей въ Литвѣ сократилось въ пять разъ (*Krasinski*, 287. 288).

[3]) Арх. Ю.—З. Р., I, VI, пред. 177—180.

протестанты на школы и образованіе, видно и изъ того факта, что они еще съ 1550 г. стали заводить даже женскія училища [1]).

Но слѣдуетъ ограничить то общее почти утвержденіе, что протестанты какъ бы по самой идеѣ своей были ревнителями просвѣщенія и распространяли свое ученіе исключительно чрезъ школы и подобныя средства. Нужно отрѣшиться, прежде всего, отъ того взгляда, что они были вѣротерпимы и уважали чужія религіозныя убѣжденія. Нетерпимыми проявили себя первые реформаторы—Лютеръ, Кальвинъ; не были толерантными и западнорусскіе ихъ послѣдователи [2]). На крестьянина польско-русско-литовская шляхта и протестантскаго исповѣданія смотрѣла, какъ на существо, свободой и убѣжденіями котораго можетъ по своему желанію распорядиться его господинъ. Это она выработала на избирательномъ сеймѣ 1573 г. принципъ: „cujus regio, ejus religio“ [3]). Но если уже одинъ фактъ принадлежности пана къ протестантству давалъ ему право приневоливать къ послѣднему и своихъ подданныхъ, то зачѣмъ тутъ былъ нуженъ длинный путь школьнаго перевоспитанія ихъ религіознаго міровоззрѣнія? Малопольскіе, напр., протестанты обнаружили настолько небрежное отношеніе къ этому дѣлу, что ихъ подростающему поколѣнію сплошь и рядомъ приходилось учиться въ католическихъ школахъ даже въ срединѣ XVI ст.; не заботились они даже объ образованіи своего духовенства [4]). Такъ же туго подвигалось у нихъ дѣло изданія исповѣданія вѣры и Библіи на народномъ языкѣ. И все это—въ цвѣтущую пору жизни ихъ общинъ [5]). Исторія литовско-русскихъ училищъ покажетъ, что и здѣсь просвѣщеніе протестантское было ниже пріобрѣтенной имъ славы. Если добавимъ, что польско-русскіе сторон-

---

[1]) *Макушевъ*, Слав. сборникъ, III, 58. Дочь одного лешненскаго министра и учителя—Анна Мемората, польская поэтесса, знала языки: польскій, нѣмецкій, латинскій и греческій (*Łukasz.*, Hist. szkół, I, 391. 392).

[2]) Это констатировалъ и за это укорялъ протестантовъ, между прочимъ, извѣстный старецъ Артемій (П. И. Л., I, 1247—1250).

[3]) Къ такому именно принципу сводится извѣстное ограниченіе смысла религіозной конфедераціи 1573 г., гарантировавшей религіозную свободу польско-литовской шляхты,—ограниченіе, предоставлявшее панамъ власть надъ подданными tam in spiritualibus quam in secularibus rebus (*Карѣевъ*, Вѣстн. Евр., 1885, XI, 164. Впрочемъ, находятъ возможнымъ читать вмѣсто «rebus»—«bonis» и толковать смыслъ ограниченія совсѣмъ иначе. *Уманецъ*, Вырожденіе Польши, 284, прим. 1). Отсюда одинъ шагъ до проявленія нетерпимости и на дѣлѣ, и этимъ можно объяснить огромное количество «профанированныхъ» костеловъ. Ихъ на Литвѣ и на Руси насчитывалось въ 1595 г. до трехъ тысячъ, если вѣрить автору брошюры «Proces confoederatiey», который упрекаетъ протестантовъ въ отсутствіи той терпимости, какой они добиваются для себя (*Maciejowski*, o. c., III, 48). О послѣднемъ свидѣтельствуютъ и папскіе нунціи Бернардъ Бонжіованни (1560) и Фульвій Руджіери (1565 г.). Первый говоритъ, между прочимъ: «Ересь въ Польшѣ имѣетъ свое пребываніе не въ городахъ, не среди хлоповъ, но только между шляхтой, которая живетъ въ деревняхъ и принуждаетъ своихъ подданныхъ къ отреченію отъ религіи предковъ» (Relacye nunc. apost., I, 87; cf. 160).

[4]) *Любовичъ*, Исторія реформ. въ Польшѣ, 268. 295; Къ исторіи іезуитовъ въ литовско-русскихъ земляхъ, 4.

[5]) *Карѣевъ*, Вѣстн. Евр., 1885, X, 451.

ники реформаціи не относились равнодушно къ школамъ другихъ исповѣданій и вредили имъ, гдѣ это было можно, то этимъ должны еще болѣе ограничить ихъ значеніе въ исторіи развитія просвѣщенія въ польско-литовскомъ государствѣ.

Перейдемъ теперь къ самымъ школамъ западнорусскихъ протестантовъ и прежде всего скажемъ о лютеранскихъ.

Лютеранскія школы. Первой по времени происхожденія лютеранской школой въ западной Россіи была виленская школа Кульвы. Авраамъ Кульва, родомъ литвинъ, пройдя курсъ наукъ въ Краковѣ, Виттенбергѣ и Сіенѣ (въ Италіи), воротился въ 1538 г. со степенью доктора обоихъ правъ на родину и въ слѣдующемъ году открылъ въ Вильнѣ рядъ проповѣдей на нѣмецкомъ языкѣ и школу, вѣроятно, тайную, какъ догадывается Буковскій. Сюда Кульва привлекъ много польскихъ и литовскихъ юношей, которые учились предъ тѣмъ вмѣстѣ съ нимъ въ Виттенбергѣ. Несмотря на свою краткую дѣятельность, онъ обучилъ въ ней 60 человѣкъ [1]). Прервана же она была католическимъ епископомъ Павломъ Ольшанскимъ, выхлопотавшимъ королевскій декретъ, подчинявшій Кульву его суду. Избѣгая послѣдствій этого декрета, Кульва скрылся изъ Вильны. Въ 1543 г. Альбертъ прусскій сдѣлалъ его ректоромъ и профессоромъ греческаго языка въ кролевецкомъ архипедагогіонѣ, а въ слѣдующемъ году—профессоромъ университета по каѳедрѣ богословія. Но въ скоромъ времени Кульва удалился на родину, гдѣ и умеръ въ 1546 г. [2]).

Въ 1550 г. явился въ Вильну другой лютеранскій учитель—ксендзъ Янъ Винглеръ [3]). Чтобы успѣшнѣе дѣйствовать среди жителей города, онъ удержалъ священническую одежду и съ позволенія духовной власти началъ проповѣдывать въ костелѣ св. Анны. Внушивъ публикѣ довѣріе, къ себѣ, онъ сталъ проводить лютеранскія мнѣнія, пока декретомъ еп. Павла не былъ лишенъ доступа въ костелы и общенія вѣрныхъ. Тогда Винглеръ перебрался на Нѣмецкую улицу и здѣсь, въ домѣ богатаго купца Морштина, устроилъ храмъ и положилъ основаніе школѣ (jecit fundamenta scholae luteranicae). По смерти своего покровителя Винглеръ бѣжалъ изъ Вильны, боясь за свою безопасность, и не безосновательно, такъ какъ еще при жизни Морштина была сдѣлана со стороны католиковъ попытка избить и проповѣдника и его слушателей [4]). Дальнѣйшее

---

[1]) *Bukowski*, I, 341. 342. *Lukaszewicz*, Dzieje.... w Litwie, II, 156 (здѣсь говорится о 50 только ученикахъ). Нарбуттъ передаетъ, что Кульва занялъ мѣсто учителя въ нѣмецкой школѣ, какъ будто такая уже до него существовала въ Вильнѣ (Dzieje narodu Litewskiego, IX, 468). Интересно знать поэтому, не былъ ли извѣстный Георгій изъ Эйпшишекъ лютеранинъ и не удалось ли ему открыть въ 1539 г. училище, несмотря на запрещеніе капитулы, какъ и предполагаетъ Адамовичъ (str. 10)?

[2]) *Łukasz.*, o. c., I, 7. 8. *Bukowski*, I, 342.

[3]) Іезуиты Кояловичъ (Miscel., p. 64; Historia Lithvaniae, p. 428) и Ростовскій (p. 5) называютъ его Виклефомъ. Но уже Адамовичъ замѣтилъ, что они дали ему это имя изъ ненависти, для уподобленія англійскому реформатору, и что на самомъ дѣлѣ онъ назывался Wiglef или Wingler (p. 23). Что Винглеръ явился въ Вильну въ 1550, а не въ 1555 г., какъ говоритъ Кояловичъ,—доказываетъ на основаніи одной рукописи Нарбуттъ (ibid., 469, прим.).

[4]) Miscel., 64, 65. *Rostowski*, 5. 6. *Narbutt*, IX, 469. 470.

упоминаніе о виленской лютеранской школѣ мы встрѣчаемъ подъ 1619 г. — въ извѣстіи о диспутѣ ея учениковъ съ іезуитскими студентами [1]). Въ 1633 г. 20 іюля и она сама, и лютеранская община получили отъ к. Владислава полныя права гражданства: виленскіе лютеране могли совершать богослуженіе на польскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, какъ было и до того, держать „министровъ зборовыхъ, мистровъ школьныхъ и убогихъ шпитальныхъ“, могли владѣть суммами, имѣніями, съ освобожденіемъ домовъ школьныхъ, зборовыхъ, шпитальныхъ и „цминтарныхъ“ (кладбищенскихъ) отъ постоевъ [2]). Благодаря этому привилею, лютеранская виленская община и ея школа почувствовали себя настолько твердо, что очень скоро нашли возможнымъ и необходимымъ регулированіе всѣхъ сторонъ своей жизни. Отъ 1648 г. въ архивѣ виленской лютеранской кирхи сохранилась „Księga statutow kollegium kościoła Ewangelickiego... także porządki dla duchowienstwa, nauczycielow szkoły“ etc. (отд. I, № 5). Содержаніе школьнаго устава нами будетъ изложено ниже, здѣсь же мы должны сказать, что у виленской лютер. общины въ первой половинѣ XVII в. существовала наряду съ мужской школой и женская, въ которой вмѣстѣ съ учителемъ занималась и его жена (если онъ былъ женатъ. Caput V. Von der Mägdchen Schule).

Наконецъ, если дѣйствительно тѣ школы съ нѣмецкимъ преподавательскимъ языкомъ, которыя, кромѣ Вильны находились, по словамъ Нарбутта, въ Ковнѣ, Меречи и Витебскѣ, были протестантскими, какъ увѣряетъ Ярошевичъ [3]), а не католическими, то ихъ скорѣе нужно причесть къ лютеранскимъ, чѣмъ къ кальвинскимъ, судя по тому, что въ этихъ городахъ преобладало лютеранское исповѣданіе.

Кальвинскія школы. Мы уже сказали, что принятіе кальвинства Радивиллами дало въ Литвѣ перевѣсъ этой формѣ протестантства. Просвѣщенный Николай Радивиллъ Черный употреблялъ всѣ средства къ пропагандѣ кальвинскихъ идей и особенно—школьное образованіе. Съ этой цѣлью онъ высылалъ молодыхъ людей въ заграничные университеты, гдѣ учредилъ нѣсколько стипендій [4]), и устроилъ нѣсколько училищъ въ своихъ имѣніяхъ. Но въ самой Вильнѣ, пока средоточнымъ пунктомъ кальвинской общины были Лукишки, предмѣстье города, едва ли была школа, и только съ перенесеніемъ его въ домъ, доставшійся Радивиллу по смерти Гаштольда (на углу Большой и Ивановской улицъ, гдѣ нынѣ зданіе почты), явилась возможность открыть вмѣстѣ съ зборомъ и училище. Оно на первыхъ порахъ пользовалось очень большимъ успѣ-

---

[1]) *Rostowski*, 273: «Vilnae e schola Luteranica Marcipori, petulci juvenes».... Крашевскій называетъ ее школой Марципора, который, вѣроятно, былъ ея ректоромъ (Wilno, II, 428). Въ древнѣйшей дошедшей до насъ приходо-расходной книгѣ лютеранской кирхи подъ 1619 г. записанъ расходъ въ нѣсколько талеровъ на студентовъ кролевецкаго университета, обучавшихся, повидимому, раньше въ виленской школѣ (Арх. вил. лютер. кирхи, отд. III, № 1).

[2]) Арх. сб., III, № 63.

[3]) *Narbutt*, IX, 480. *Jaroszewicz*, III, 80.

[4]) Ярошевичъ указываетъ слѣдующіе университеты со стипендіями имени Радивилла: кролевецкій, марбургскій, лейденскій (?—w Leidzie) и оксфордскій (III, 34).

хомъ, будучи усердно посѣщаемо дѣтьми знати. Но скоро, именно въ 1565 г., виленская школа по причинѣ недостатка хорошихъ преподавателей, стала падать, и въ ней къ 1568 году насчитывалось не больше десяти учениковъ. Этого было слишкомъ мало для мѣстныхъ кальвинистовъ и они рѣшили придать ей характеръ публичной коллегіи, для чего собрали значительную сумму денегъ и поручили Бландратѣ пригласить изъ-за границы необходимыхъ для того людей. Но призывъ въ Вильну іезуитовъ и несочувствіе короля и католическихъ вельможъ замыслу протестантовъ разстроили ихъ планы [1]). Мало того. Іезуитамъ скоро посчастливилось избавиться отъ слишкомъ близкаго и потому не совсѣмъ удобнаго сосѣдства съ кальвинской „синагогой“. Изъ четырехъ сыновей Николая Радивилла Чернаго, возвратившихся послѣ его смерти въ католичество, младшій—Юрій принялъ духовный санъ, и въ 1574 г. поставленъ былъ вопросъ объ его кандидатурѣ въ виленскіе коадьюторы. Этимъ поводомъ воспользовался папскій нунцій (Wincenty Lancus) и поставилъ условіемъ для полученія имъ этого званія уничтоженіе кальвинскаго храма въ Вильнѣ, находя совершеннымъ абсурдомъ, чтобы католическій епископъ терпѣлъ въ своемъ домѣ и притомъ рядомъ съ церковью Божіей—еретическій зборъ. Братья непрочь были покончить со всѣми кальвинскими учрежденіями въ своихъ помѣстьяхъ, но, боясь своего дяди, виленскаго воеводы Николая Радивилла Рыжаго, дѣлали это исподволь, постепенно замѣняя кальвинскихъ пасторовъ католическими капланами. Не рѣшались они изгнать кальвинистовъ и изъ Гаштольдовскаго дома въ Вильнѣ. Впрочемъ, старшій изъ нихъ, Николай Христофоръ надѣялся, что дядя не будетъ противъ этого, такъ какъ онъ благопріятствовалъ полученію Юріемъ епископства. Прося дядю удалить оттуда кальвинистовъ, Николай Христофоръ ставилъ на видъ, что чѣмъ высшаго достоинства достигнетъ Юрій, тѣмъ лучше будетъ и самому виленскому воеводѣ [2]). Тѣмъ не менѣе, освобожденіе Гаштольдовскаго дома отъ кальвинскихъ збора и училища совершилось не сразу. Въ 1576 г. Николай Радивиллъ Рыжій купилъ у Евстафія Горностая, новгородскаго воеводича, плацъ близъ покровской церкви и, построивъ на немъ домъ, подарилъ его 20 марта 1577 г. своимъ единовѣрцамъ для устройства на немъ храма и, конечно, школы [3]). Однако, послѣднее не обошлось безъ препятствій со стороны католиковъ. Едва только стало имъ извѣстно содержаніе дарственной записи Радивилла, какъ епископъ Валеріанъ послалъ королю жалобу на то, что кальвинисты посягаютъ будто бы на права латинской церкви въ государствѣ. Въ

---

[1]) *Łukasz.*, Hist. szkół, I, 120, прим. 1. *Kojałowicz*, Miscell., 66. 67. 69. *Rostowski*, 32. Бландрата—одинъ изъ выдающихся дѣятелей реформы въ польско-литовскомъ государствѣ; впослѣдствіи онъ проповѣдывалъ антитринитаризмъ.

[2]) Archiwum domu Radziwiłłów (Scriptores rerum polon., VIII), № 2: Письмо Н. Хр. Радивилла къ еп. Протасевичу, отъ 16 іюня 1574 г., и требованія папскаго легата, обусловливавшія коадьюторство Юрія Радивилла, п. 4. Рукоп. Имп. публ. библ. Пол. F. IV. 185: Письмо его же къ дядѣ, отъ 17 сент. 1574 г. (копія).

[3]) А. Ю. А. К., XX, №№ 27. 28. На этомъ мѣстѣ теперь находится зданіе конвикта—общежитія для учениковъ гимназій и реальнаго училища.

отвѣтъ на нее Стефанъ Баторій написалъ виленскому старостѣ Николаю Радивиллу письмо такого содержанія: узнали мы, что въ Вильнѣ куплены нѣкоторые дома, съ цѣлью открытія въ нихъ новыхъ школъ, что воздвигаются новые храмы и учреждаются чуждыя и неустановленныя общества (caetus), каковыя дѣйствія противорѣчатъ не только юрисдикціи виленскаго епископа, которому принадлежитъ забота о храмахъ и школахъ, но еще больше нашей королевской власти, безъ согласія которой не могутъ ни строиться новые храмы и училища, ни созываться небывалыя прежде собранія; а потому мы настоящимъ мандатомъ запрещаемъ всѣмъ, какого бы кто ни былъ достоинства и званія, строить или пытаться строить публично и приватно новые дворы для школъ и собраній или новые зборы, подъ угрозой штрафа въ 10 тысячъ коп. лит. грошей [1]). Но съ этимъ мандатомъ сталось то же, что и съ другими декретами польскихъ королей, принужденныхъ лавировать между желаніемъ поддержать католическую церковь и боязнью протестантовъ: онъ не помѣшалъ виленскимъ кальвинистамъ устроиться на новомъ мѣстѣ, тѣмъ болѣе, что чрезъ два года Радивиллъ Рыжій получилъ королевскую подтвердительную грамоту на продажу имъ Горностаевскаго двора [2]).

Съ перенесеніемъ кальвинской школы въ новое помѣщеніе, сопровождавшимся, надо полагать, и нѣкоторымъ улучшеніемъ учебной части, дѣла ея настолько поправились, что она могла конкурировать даже съ іезуитской гимназіей, пока послѣдняя не была возведена на степень академіи, и притягивала къ себѣ чуть ли не всю городскую молодежь [3]). Кальвинисты поняли, что успѣхъ ея еще болѣе увеличится, если она будетъ превращена въ университетъ. Необходимость послѣдняго стала особенно сильно ощущаться ими съ тѣхъ поръ, какъ обнаружилась опасность для вѣры отъ высшаго іезуитскаго образованія, которое ихъ молодежь могла получать въ виленской академіи. Съ другой стороны, протестантамъ съ 1579 г. былъ закрытъ доступъ къ ученымъ степенямъ въ краковскомъ университетѣ, такъ какъ тамъ стали требовать отъ ищущихъ ихъ исповѣданія католической вѣры [4]). Возможно потому, что уже въ 1579 г. литовскіе кальвинисты имѣли проектъ преобразованія своего училища въ университетъ, почему такъ горячо и противились желанію епископа и іезуитовъ сдѣлать виленскую коллегію академическою [5]). Во всякомъ

---

[1]) А. В. А. К., VIII, № 1.

[2]) Prawa i wolności dyssydentow w nabożeństwie chrzesciańskim w Koronie Polskiej i W. X. Litewskim służące. W Warszawie, 1791, str. 35—37. Арх. сб., III, № 29. Новымъ привилеемъ король позволилъ продать плацъ «лютеранамъ для постройки на немъ збора». Если это не ошибка, такъ какъ то фактъ, что плацъ былъ проданъ или подаренъ кальвинистамъ, то нельзя ли думать, что онъ отводился подъ общій зборъ кальвинистовъ и лютеранъ, которые не такъ давно (въ 1570 г.) пришли въ Сандомирѣ къ нѣкоторому соглашенію? За это предположеніе говоритъ и то, что королевскимъ привилеемъ 20 іюля 1633 г., даннымъ диссидентамъ и особенно обывателямъ Вильны, которые суть «аугсбургскаго исповѣданія и его апологіи и соглашенія сандомирскаго», въ Вильнѣ утверждался одинъ только «зборъ ихъ, по привилею короля Стефана, лежащій на переулкѣ (na zaulku), идущемъ отъ Замковой улицы» (ibid., str. 57—60).

[3]) Litterae annuae S. J. 1586—1587, p. 135. *Rostowski*, 158.

[4]) *Theiner*. Annales ecclesiastici, III, 1579 г., № 56, p. 66.

[5]) *Adamowicz*, 17.

случаѣ ихъ попытка 1588 г. была не первой, хотя и она оказалась столь же неудачной, какъ и нѣсколько предыдущихъ. Въ этотъ разъ вопросъ о кальвинской академіи собралъ въ Вильну до 60 министровъ не только изъ Литвы, но и изъ Польши. Они выработали ея программу, выбрали для нея мѣсто и, рѣшивъ уже собрать деньги и пригласить ученыхъ людей изъ Польши, Литвы и нѣмецкихъ земель, послали къ королю за разрѣшеніемъ. Но теперь іезуиты обратили ихъ замыселъ въ ничто, найдя за себя ходатаевъ предъ новымъ королемъ въ лицѣ Юрія Радивилла и папскаго нунція Аннибала изъ Капуи. Въ горячемъ посланіи къ королю Сигизмунду III Радивиллъ просилъ его запретить еретикамъ воздвигать въ Вильнѣ академію или университетъ, ибо невозможно, писалъ онъ, чтобы въ одномъ городѣ находилось два университета даже одного исповѣданія, такъ какъ это повело бы къ нарушенію общественнаго спокойствія; тѣмъ менѣе можно ожидать добра, если въ Вильнѣ откроется академія сатаны напротивъ академіи Іисуса: и до того, когда протестантская школа была низшей, не всегда удавалось сохранять миръ. „Самъ демонъ, продолжалъ раздраженный епископъ, ничего не могъ бы придумать болѣе удобнаго для возмущенія общественнаго мира, политическаго и церковнаго, и для возбужденія безпорядковъ, какъ эти люди, побуждаемые злымъ духомъ“. Сигизмунду III нетрудно было согласиться съ доводами Радивилла, и онъ въ письмахъ къ нему и къ виленскому воеводѣ запретилъ кальвинистамъ даже думать о высшей школѣ. Приказывая послѣднему воспрепятствовать заложенію „еретической коллегіи“, король желалъ знать, „каковы будутъ послѣдствія этого дѣла“ [1]). Не знаемъ, что донесъ ему воевода, но можемъ думать, что попытка кальвинистовъ не прошла совершенно безслѣдно для ихъ училища,—хотя оно не получило названія академіи, но во всякомъ случаѣ должно было подняться еще на одну ступень и стать выше всѣхъ другихъ протестантскихъ училищъ западной Россіи. Сюда ѣздили дѣти не только литовскихъ протестантовъ, даже аристократовъ, но и изъ Польши, Королевской Пруссіи, Инфлянтовъ, Курляндіи. Состояло оно въ это время изъ пяти классовъ [2]) и по программѣ соотвѣтствовало, вѣроятно, іезуитской гимназіи. Есть основаніе думать, что оно раздавало и ученыя степени, по гуманитарнымъ, конечно, наукамъ [3]). Но и этого казалось мало, и на торнской конфедераціи протестанты опять дѣлаютъ постановленіе объ открытіи въ срединѣ государства высшей школы [4]). Это представлялось тѣмъ болѣе необходимымъ, что стали обнаруживаться симптомы упадка виленской гимназіи, которая въ послѣднее десятилѣтіе XVI в. не разъ подвергалась опасностямъ со стороны

---

[1]) *Theiner*, Vetera monumenta Poloniae et Lithvaniae, III, № 39. *Łukaszewicz*, Dzieje kościołów wyzn. Helw. w Litwie, I, 62. 63.

[2]) *Łukasz.*, Hist. szkół, I, 375.

[3]) Ростовскій разсказываетъ подъ 1590 г. о Ник. Лэнчицкомъ, сынѣ извѣстнаго виленскаго типографа, воспитанникѣ кальвинской школы, что онъ, усомнившись въ истинѣ протестантства, misso denique calvinistici paedagogii pistrino, *Poëticae jam candidatus*, in caetum academicorum nostrorum se aggregavit (p. 176).

[4]) *Krasinski*, 213.

католической черни и іезуитовъ. Такъ, вѣроятно, она потерпѣла уже въ 1591 г., когда былъ разгромленъ и сожженъ зборъ [1]). Въ 1599 г. толпа едва не избила кальвинскихъ проповѣдника и учителя и чуть не разрушила збора, причемъ дѣло не обошлось безъ кровопролитія [2]). Эта внѣшняя необезпеченность школы все болѣе затрудняла ей возможность конкурировать съ іезуитской академіей. Дошло до того, что отъ нея стали отбивать учениковъ и переманивать въ іезуитскую коллегію даже протестантскіе министры, заразившіеся латинствомъ, какъ жаловались кальвинисты на виленской конфедераціи [3]). Не счастливѣе началось для кальвинской школы и новое столѣтіе. На нее и на шпиталь было завѣщано Доминикой Стравинской, женой витебскаго каштеляна, имѣніе Кены (виленскаго повѣта). Но едва она умерла (12 іюня 1603 г.) и едва сеніоры збора были утверждены въ правахъ, какъ канцлеръ Левъ Сапѣга наслалъ на имѣніе своихъ слугъ и гайдамаковъ и завладѣлъ имъ. Сеніоры подали на него жалобу [4]), но не видно, чтобы они выиграли тяжбу. Въ 1611-мъ же году школу постигла и положительная катастрофа,—она вмѣстѣ съ зборомъ и помѣщеніями для учителей и министровъ погибла въ огнѣ; костра едва избѣжалъ и ея ректоръ. Погибло и все движимое имущество збора и школы; библіотека частью сгорѣла, частью была расхищена. Ни жалоба, представленная королю сеніоромъ Швейковскимъ, ни смѣлая рѣчь на сеймѣ Януша Радивилла о несправедливомъ и гибельномъ для самого трона отношеніи правительства къ протестантамъ не заставили короля искать и наказать виновныхъ: дѣло шло объ его фаворитахъ—іезуитахъ [5]). Кальвинисты должны были остаться довольны тѣмъ хотя, что имъ не запретили отстроить сожженныя зданія. На синодѣ 1 іюля 1612 г. они порѣшили ассигновать на этотъ предметъ по шести грошей съ каждаго хлопа, а въ слѣдующемъ году шляхта согласилась дать по злотому съ волоки земли спеціально на постройку школу. На эти взносы и на пожертвованія Радивилловъ и другихъ богатыхъ кальвинскихъ родовъ не только было возвигнуто училище, но и было устроено при немъ, по синодальному постановленію 1614 г., общежитіе для воспитанниковъ и для учителей съ экономомъ [6]). Виленская кальвинская школа выступаетъ еще въ 1621 г. при погребеніи виленскаго воеводы Яна Христофора Радивилла. Въ длиннѣйшей похоронной процессіи выступала въ числѣ другихъ „зборовая учащаяся молодежь, которая пѣла что-то по-польски на мотивъ „Sepulto Domino signatum est monumentum“... [7]).

Но общее положеніе дѣлъ становилось все хуже,—падало значеніе кальвинистовъ въ государствѣ, падали и ихъ школы. Многіе кальви-

---

[1]) *Bielski*, Dalszy ciąg kroniki polskiej (1851), str. 145. 147. *Васильевскій*, Вильна, 40 (Памятн. рус. стар. въ зап. губерніяхъ, V).

[2]) *Baliński*, Dawna akademia Wileńska, 98 и Dodatki, № 7.

[3]) *Łukasz.*, Dzieje.... w Litwie, I, 139. 140.

[4]) А. В. А. К., VIII, № 220.

[5]) *Łukasz.*, Dzieje.... I, 147—151.

[6]) *Łukasz.*, Dzieje... II, 164; Hist. szkół, I, 176.

[7]) *Łukasz.*, Dzieje .. I, 163, прим.

нисты переходили въ католичество или унію, иные въ социніанство, склоняемые и подготовляемые къ тому то школами іезуитскими и социніанскими, то родственными связями, то желаніемъ сдѣлать карьеру, получить имѣніе. Много вреда приносили имъ и домашніе учителя—иновѣрцы. Противодѣйствуя школьному вліянію іезуитовъ, виленскій синодъ 1614 г. рекомендовалъ свѣтскимъ сеніорамъ и патронамъ зборовъ не допускать католиковъ или учившихся въ іезуитскихъ коллегіяхъ въ учителя. Тоже повторяли и другіе синоды, требовавшіе при этомъ, чтобы родители взяли изъ іезуитскихъ школъ учащихся тамъ своихъ дѣтей (1621 г.). Но эти постановленія не могли помочь дѣлу, разъ кальвинскія училища упали до того, что не могли выпускать даже достаточнаго количества кандидатовъ въ духовныя должности. Уже виленскому синоду 1611 г. пришлось сдѣлать опредѣленіе, чтобы тѣ зборы, гдѣ нѣтъ своего министра, посѣщались сосѣдними пасторами, во избѣжаніе перехода прихожанъ въ латинство. При этомъ и наличные министры были по своему образовательному цензу далеко не на высотѣ своего призванія,—среди нихъ стали попадаться такіе, которымъ и іезуиты и социніане совершенно свободно подсовывали свои догматическія и литургическія книги. Въ виду этого виленскій синодъ 1617 г. долженъ былъ издать опредѣленіе, чтобы министры, слабо знающіе или совсѣмъ не знающіе латинскаго языка, не держали у себя папистическихъ или социніанскихъ книжекъ, а только слѣдующія: брестскую Библію (1563 г.), Новый Завѣтъ, Постиллы Григорія изъ Жарновца и Христофора Краинскаго и, наконецъ, катихизисъ Гиловскаго. Понятно, что это невѣжество кальвинскаго духовенства, не читавшаго богословскихъ сочиненій, не знавшаго обрядовъ своего исповѣданія и уже не рѣшавшагося диспутировать съ религіозными противниками, въ сильной степени содѣйствовало передачѣ множества зборовъ латинскому, главнымъ образомъ, духовенству [1]). А со зборами въ руки послѣдняго переходили и училища.

Что до виленской, въ частности, школы, то она, убитая соперничествомъ іезуитской академіи, къ концу изслѣдуемаго нами періода пришла въ такое разстройство, что у литовскихъ кальвинистовъ не осталось даже надежды на ея улучшеніе. На синодѣ 1625 г. они рѣшили, оставивъ ее въ прежнемъ положеніи, постараться о замѣнѣ ея другими училищами. Хотя она была утверждена послѣ того королемъ Владиславомъ [2]), дни ея были сочтены: сеймовый секретъ 1640 г. прекратилъ ея существованіе [3]).

Извѣстны имена слѣдующихъ ректоровъ виленской кальвинской школы: 1) Бенедикта Розумскаго (Rosumscius), 2) Петра Сестренцевича,

---

[1]) *Łukasz.*, Dzieje.... I, 152—155, 168.

[2]) Prawa i wolności..... 57—60.

[3]) Поводомъ къ закрытію кальвинской школы послужило слѣдующее обстоятельство. Одинъ ея воспитанникъ стрѣлялъ изъ лука въ летѣвшую птицу и попалъ случайно въ стѣнное изображеніе архангела Михаила на костелѣ. Католики увидѣли въ этомъ намѣренное кощунство и добились декрета, который запрещалъ кальвинистамъ въ Вильнѣ даже домашнее богослуженіе внутри городскихъ стѣнъ. Понятно, послѣдніе должны были проститься съ Горностаевскимъ плацомъ и со всѣми своими учрежденіями (*Krasinski*, 260. *Łukaszewicz*, Dzieje... I, 168; II, 165).

3) Павла Димитровича, 4) Андрея Вельзіуша изъ Данцига, 5) Войтѣха Гартлиба (пруссака), 6) Іоанна Вендланда [1]) и 7) Артика, въ 1633 г. [2]) Лукашевичъ указываетъ ученые и литературные труды Сестренцевича, Димитровича, а также нѣкоторыхъ изъ учителей, напр. Киріака Моллера, Квирина Кноглера; почти всѣ они сводятся къ рѣчамъ и стихамъ при погребеніи знатныхъ единовѣрцевъ; исключеніе составляютъ Исторія Польши Димитровича и переводы догматическихъ сочиненій [3]).

Въ предѣлахъ литовской Руси высшими сравнительно кальвинскими училищами, приближавшимися по программѣ къ виленскому, были гимназіи биржанская, кейданская (обѣ—въ ковенской губерніи) и слуцкая (въ минской).

Биржанскую школу открылъ Николай Радивиллъ Рыжій. Хотя она съ самаго начала состояла изъ нѣсколькихъ классовъ, но въ гимназію преобразована была только въ первые годы XVII ст. [4]). Сюда поступали ученики не только изъ Литвы, но и изъ Курляндіи и Инфлянтовъ. Преподавались въ ней латинскій, польскій, нѣмецкій языки, исторія, ариѳметика, религія и другіе обычные тогда въ протестантскихъ училищахъ предметы. Въ 1620 г. начальникомъ (rządcą) биржанской гимназіи былъ Адамъ Разій, который оплакалъ вмѣстѣ съ учениками смерть Яна Радивилла и его сына Войтѣха въ двухъ стихотвореніяхъ: „Iusta funebria“.... и „Lachrimae exequiales“ [5])...

Слуцкая гимназія была фундована кн. Яномъ Радивилломъ, который взялъ Слуцкъ за женой, единственной дочерью кн. Юрія Олельковича Слуцкаго. Въ годъ смерти жены (1617) онъ выразилъ желаніе, чтобы были возведены близъ запущенной церкви св. Георгія помѣщенія для проповѣдниковъ и училища и тогда же на деньги збора былъ купленъ плацъ для этого [6]). Но тогда школа или не была открыта, какъ увѣряютъ авторы „Старой Польши“, или ея фундушъ оказался недостаточнымъ, почему по смерти Яна Радивилла его брату Христофору, литовскому гетману, пришлось сдѣлать на нее новую запись, давшую возможность устроить при школѣ и конвиктъ (1624 г.). Спустя нѣкоторое время школа была надѣлена землей. Основывая слуцкую гимназію, кн. Христофоръ намѣренъ былъ ввести въ нее преподаваніе и „русскихъ наукъ“, съ каковою цѣлью обратился къ кіевскому митрополиту Іову Борецкому, прося его прислать подходящаго учителя. Митрополитъ не имѣлъ тогда возможности исполнить желаніе князя и совѣтовалъ ему поискать въ самомъ Слуцкѣ людей, знающихъ русскій языкъ [7]). Въ заботахъ о

---

[1]) *Regenvolscius*, 149. *Łukasz.*, о. с., I, 147.

[2]) Wizerunki i roztrząsania naukowe, IX, 33.

[3]) *Łukasz.*, о. с., II, 166—169.

[4]) *Baliński i Lipiński*, Starożytna Polska, III, 455. Во второй половинѣ XVII в. биржанская гимназія низошла въ рядъ элементарныхъ школъ.

[5]) Первое составлено пятью учениками (посвященіе написалъ самъ ректоръ), второе—22-мя, съ фамиліями польскими, литовскими, нѣмецкими и русскими. Стихи написаны на латинскомъ и польскомъ языкахъ (*Łukasz.*, Dzieje.... II, 156—158).

[6]) А. В. А. К., XII, №№ 101 и 103.

[7]) Арх. сб., VII, № 55.

внутреннемъ благоустроеніи своей гимназіи Христофоръ Радивиллъ велѣлъ также напечатать ея уставъ, который и былъ изданъ въ 1628 г. въ Любчѣ. Слуцкая гимназія имѣла характеръ духовнаго кальвинскаго училища, какъ видно изъ извѣстія, по которому въ бурсѣ ея жили бѣдные воспитанники, готовившіеся къ духовному званію; слѣдовательно, здѣсь изучались и богословскія науки.—Изъ ректоровъ слуцкихъ извѣстны Андрей Музоній, Адамъ Рейнгольдъ, при которомъ былъ напечатанъ уставъ, Іеремія Силиніусъ [1]).

Когда была учреждена *кейданская школа*, неизвѣстно. Сохранился только документъ, въ силу котораго она преобразована была въ гимназію съ богословскимъ курсомъ. Это—фундушовая запись на кейданскій зборъ и его учрежденія, сдѣланная Христ. Радивилломъ и его женой Анной 8 іюля 1631 г. По этой записи большой каменный зборъ, построенный княземъ, надѣленъ былъ домомъ, купленнымъ у кейданскихъ мѣщанъ за 5 тыс. зл., причемъ одна половина дома имѣла быть обращена на устройство классовъ, а другая—подъ помѣщенія для проповѣдниковъ, катихизаторовъ, учителей и пансіонеровъ (alumnòw) школы. Изъ двухъ проповѣдниковъ одному вмѣнено было въ обязанность совершать богослуженіе на польскомъ языкѣ, другому—на литовскомъ, и обоимъ имъ—публично читать въ школѣ богословіе, какъ это постановлено было на евангелическомъ синодѣ литовскихъ министровъ. Кромѣ нихъ въ школѣ имѣли преподавать и завѣдывать ею ректоръ и три его помощника. Всѣ они должны быть людьми достойными, благочестивыми, учеными и истинными кальвинистами. На содержаніе всего служебнаго персонала збора и гимназіи, а также алюмновъ и призрѣваемыхъ въ сиротскомъ домѣ и въ госпиталѣ жертвователи назначили вѣчный фондъ въ 25 т. зл., обезпеченный на Кейданахъ и имѣющій приносить 2500 зл. ежегоднаго дохода, а также огороды въ самомъ городѣ. Сверхъ того не запрещалось собирать пожертвованія отъ другихъ благотворителей. Для наблюденія за всѣми учрежденіями назначались четыре сеніора, двухъ изъ которыхъ могъ избирать синодъ. Вступая въ должность, они должны были давать присягу въ томъ, что будутъ по совѣсти расходовать всѣ деньги, что пансіонеровъ и сиротъ будутъ содержать сообразно съ школьными средствами, учителей и проповѣдниковъ избирать достойныхъ, во всѣхъ учрежденіяхъ поддерживать дисциплину, порядокъ и благочестивую жизнь; но присяга не избавляла ихъ отъ необходимости ежегодно представлять синоду отчетъ о своей дѣятельности. Что касается, въ частности, школы, то на сеніоровъ возлагалась обязанность составлять росписаніе уроковъ, выработать школьный уставъ, присутствовать на экзаменахъ, декламаціяхъ, диспутахъ, публичныхъ актахъ [2]). Запись Радивилловъ должна была войти въ силу съ новаго года, и съ этого времени кейданская гимназія становится предметомъ особыхъ попеченій литовскихъ кальвинистовъ. Въ 1637 г. они ассигновали на увеличеніе ея штата по 2 тысячи злотыхъ въ

---

[1]) Starożˊ. Polska, III, 671. 672. *Łukasz.*, Dzieje... II, 162. 163. *Bukowski*, I, 386.

[2]) Арх. сб., VIII, № 14. Стоимость тогдашняго злотаго равняется 47 нынѣшнимъ копѣйкамъ (*Горбачевскій*, Словарь древняго актоваго языка, 133).

теченіе пяти лѣтъ. Послѣ 1647 г. здѣсь было девять учителей [1]).

Въ русскихъ областяхъ, принадлежавшихъ къ Коронѣ, высшей кальвинской школой была *паневецкая* (надъ р. Смотричемъ, въ Подоліи), называвшаяся иногда академіей. Учреждена она была вмѣстѣ съ молитвеннымъ домомъ и типографіей въ 1590 г. браславскимъ воеводой Яномъ Потоцкимъ. Въ ней изучались кромѣ свободныхъ наукъ философія и богословіе. Въ началѣ XVII ст. ея преподавательскій персоналъ состоялъ изъ трехъ человѣкъ: ректора Панкратія Бальцера, вице—ректора Яна Мая и учителя Сам. Пельцеля. Паневецкая школа существовала только до 1611 г., когда Паневцы послѣ смерти Потоцкаго перешли къ его племяннику Стан. Реверѣ, католику, который обратилъ просвѣтительныя учрежденія въ хозяйственныя помѣщенія [2]).

Изъ низшихъ кальвинскихъ западнорусскихъ училищъ большая часть приходилась на Подляшье и люблинское воеводство. Школа *въ Бѣлѣ* (сѣдл. губ.) существовала еще до 60-хъ годовъ XVI ст.; въ это время она перестала служить кальвинскому исповѣданію, за переходомъ ея учителя Іоанна Фальконія и владѣльца города Яна Кишки въ социніанство [3]). Такая же участь постигла школы *дубецкую* (въ саноцкомъ пов.) и *туробинскую* (близъ Замостья). Въ срединѣ же XVI ст. существовала школа въ *Ланцуцѣ* (въ землѣ перемышльской) [4]). *Люблинская* школа помѣщалась первоначально въ домѣ белзскаго воеводы Стан. Тенчинскаго, но по его смерти прекратилось года на три богослуженіе въ зборѣ, а школа была переведена въ *Бѣльскъ*; возобновлялось ли послѣ того ученіе въ самомъ Люблинѣ, мы не знаемъ [5]). Но и въ такомъ случаѣ люблинская школа не могла пользоваться широкой популярностью, благодаря іезуитской коллегіи, которая тормозила успѣхи даже *бѣлжицкой* кальвинской школы, находившейся въ трехъ миляхъ отъ Люблина и состоявшей изъ четырехъ классовъ [6]). Въ самомъ концѣ XVI ст. заложена была Лещинскими школа въ *Влодавѣ* [7]). Въ 1609 или 1610 г. браславскій воевода и каменецкій староста Іоаннъ Потоцкій ввелъ кальвинистовъ въ свое *подкаменецкое* имѣніе и назначилъ четыре тысячи злотыхъ ежегодно на содержаніе школы и типографіи. Но въ московскомъ походѣ онъ умеръ и его братья—католики прислали вдовѣ приказъ изгнать еретиковъ. За дѣло взялись каменецкіе іезуиты, которые разогнали

---

[1]) *Łukasz.*, Dzieje.... II, 158—160. Изъ завѣдывавшихъ кальвинской школой сеніоровъ упоминаются подъ 1632 г. Іоаннъ и Фридрихъ Стархіи (Wizerunki i roztrząsania naukowe, IX, 32—34).

[2]) *Łukasz.*, Hist. szkół, I, 371 и прим. Starož. Polska, II, 952. *Соколовъ*, Отношеніе протестантизма къ Россіи, прим. 155 на 49—50 стр. примѣчаній. Труды Подольскаго епарх. истор.-стат. Комитета, т. VII (1895), 129. 130; здѣсь помѣщенъ перечень семи догматико-полемическихъ сочиненій, вышедшихъ въ 1608—1611 гг. изъ паневецкой типографіи. Бандтке указываетъ одно свадебное стихотвореніе (Epitalamia), написанное ректоромъ школы Іоанна Потоцкаго Балтазаромъ Фелльгибелемъ и студентомъ свободныхъ наукъ Ѳ. Циммерманомъ (II, 33. 34). Вѣроятно, они принадлежали къ школѣ паневецкой.

[3]) Starož. Polska, III, 740. *Будрин*, о. с., II, 247.

[4]) Starož. Polska, II, 663. 679. 813. *Bukowski*, I, 379. 380.

[5]) *Fischer*, Versuch einer Geschichte der Reformation in Polen—у *Соколова*, прим. 155 на 49 стр. примѣчаній.

[6]) *Łukasz.*, Hist. szkół, I, 372. 373. Starož. Polska, II, 1140. *Bukowski*, I, 374. 375.

[7]) Starož. Polska, III, 751.

министровъ и учениковъ, перетащили въ свою коллегію зборовое и школьное имущество, вырыли и раскидали по полямъ трупы покойниковъ, закрыли типографію и всѣ еретическія книги поручили студентамъ сжечь на площади коллегіи [1]).

Меньше было школъ въ литовско-русскихъ областяхъ государства. Къ нимъ принадлежали *ворнянская* (виленскаго пов.), *сморгонская*, *глубокская* (полоцкаго пов.) и *новгородская*. Въ Ворнянахъ устроилъ кальвинскую школу Янъ Абрамовичъ въ концѣ XVI ст.; кромѣ учителя, онъ содержалъ на свой счетъ и 12 юношей—дворянъ [2]). Въ 1611 г. брестскій воевода Христофоръ Зеновичъ выразилъ въ своемъ духовномъ завѣщаніи желаніе, чтобы при сморгонскомъ и глубокскомъ зборахъ были учителя свободныхъ наукъ и, такъ какъ онъ умеръ только въ 1615 г., то, вѣроятно, самъ и осуществилъ свое желаніе. Но во всякомъ случаѣ школы эти существовали недолго, такъ какъ сынъ фундатора скоро перешелъ въ католичество и сморгонскій зборъ отдалъ ксендзу [3]). Исторія открытія кальвинскаго училища въ Новгородкѣ интересна въ томъ отношеніи, что показываетъ, какими путями кальвинисты создавали успѣхи своихъ учебныхъ заведеній. Въ августѣ 1615 г. прибыли сюда министръ Янъ Зекровіушъ (Зигровскій), ректоръ Лука Вондловскій и „другіе бакаляры“. Основавши зборъ и заложивши школу по сосѣдству съ митрополичьимъ дворомъ, они „заразъ почали розмаитые прикрости чинити“ уніатамъ, стараясь переманить къ себѣ русскихъ учениковъ ихъ школы. На первыхъ порахъ они „выкрали“ оттуда двухъ „хлопятъ“. Дальнѣйшій планъ ихъ дѣйствій состоялъ въ томъ, что они, приходя въ уніатское училище и насылая туда своихъ студентовъ, бранили ребятъ, грозили имъ, затѣмъ производили нападенія на митрополичій дворъ и церковь съ улицы и со стороны своего збора, на уніатскія процессіи, на школьниковъ и монаховъ, которые являлись къ нимъ съ протестами [4]).

Соцініанскія школы.—Польско-русскіе соціниане XVI—XVII вв. заботились о просвѣщеніи своихъ единовѣрцевъ не менѣе, если не болѣе, чѣмъ кальвинисты; изъ ихъ 150 общинъ рѣдкая не имѣла своей школы и рѣдкая не была руководима образованнѣйшими пасторами, прошедшими заграничные университеты. Ихъ энергичная просвѣтительная дѣятельность снискала имъ расположеніе даже католическихъ и православныхъ ревнителей образованія, каковы, напр., Янъ Замойскій и Константинъ Константиновичъ Острожскій [5]). Ихъ училища по числу студентовъ равнялись іезуитскимъ, а раковская ихъ академія превосходила даже виленскую, насчитывая у

---

[1]) Litterae annuae S. I. 1611, 625. 626. *Siarczynski*, Obraz wieku panowania Żygmunta III, t. II, 96 (Lwów, 1828).

[2]) Staroż. Polska, III, 211. *Соколовъ*, о. с., 304.

[3]) «Do tego aby bakalarze in artibus liberalibus dobrze czwyczeni byli, tak w Smurgoniach jako w Hłubokim», говорится въ завѣщаніи. *Круповичъ*, Собраніе государственныхъ и частныхъ актовъ, касающихся исторіи Литвы, Вильна, 1858 г., № 39 (стр. 50). Staroż. Polska, III, 239.

[4]) Архивъ б. уніат. митрополитовъ, № 393. Жалоба новгородскаго игумена Сильвестра Котлубая, отъ 30 мая 1616 г.

[5]) Письмо кн. К. К. Острожскаго къ еп. Ипатію Потѣю, отъ 25 марта 1595 г.,— П. П. Л., III, 599. *Lubieniecius*, Hist. reform. polon., 225.

себя до тысячи учащихся [1]). Какъ высоко было поставлено у социніанъ школьное дѣло, доказываетъ хотя бы тотъ фактъ, что они, при всѣхъ крайностяхъ своего ученія, имѣли прозелитовъ въ различныхъ исповѣданіяхъ, похищая даже у кальвинистовъ ихъ лучшихъ министровъ, напр., Чеховича, Іоанна и Ѳому Фальконіевъ, Буднаго, Крышковскаго и др. Уже торнской конфедераціи пришлось считаться съ ихъ училищами и подумать объ устройствѣ своихъ [2]). Благодаря этому же, кальвинисты потеряли много своихъ школъ, которыя дѣлались социніанскими съ переходомъ къ антитринитаріямъ ихъ основателей или патроновъ. Таковы, напр., упомянутыя нами школы *бѣльская* (сѣдл. губ.), *туробинская*, *берестечская*, *дубецкая*. Послѣдняя стала проводить антитринитарскія воззрѣнія приблизительно съ 1560 г., когда она была поручена Станкару, который бѣжалъ или былъ изгнанъ изъ Пинчова за обнаруженіе аріанскихъ идей. Вѣроятно, Станкаръ осуществилъ въ дубецкомъ училищѣ тотъ планъ, который провелъ въ предисловіи къ написаннымъ имъ канонамъ, а въ немъ онъ заявлялъ, что въ школѣ должны преподаваться чистое богословіе, языки, діалектика, риторика. Въ его ректорство дубецкое училище достигло такого успѣха, что въ немъ насчитывалось до 300 шляхетскихъ дѣтей при пяти учителяхъ. Но смерть фундатора Стадницкаго (1563) была причиной ея упадка [3]). Въ 60-хъ же годахъ социніанство проникло въ Подолію, гдѣ нашло себѣ патроновъ въ лицѣ подольскаго воеводы и хмѣльницкаго старосты Николая Мелецкаго и братьевъ Олесницкихъ, Самуила и Николая. Въ городѣ послѣднихъ *Хмѣльникѣ*, который не разъ бывалъ мѣстомъ социніанскихъ соборовъ [4]), была устроена и школа. Ея первымъ ректоромъ былъ Франкенъ; послѣ изгнанія его въ 1586 г. изъ города и государства за изданіе книгъ противъ пресв. Троицы, его мѣсто занялъ Альбертъ Калишскій. Переходъ послѣдняго въ Любартовъ, а также неблагопріятныя внѣшнія обстоятельства, въ родѣ частыхъ татарскихъ набѣговъ и эпидемій, должны были сильно отразиться на значеніи и процвѣтаніи хмѣльницкой школы [5]).

Упомянутая сейчасъ *любартовская школа*, лучшая изъ западнорусскихъ социніанскихъ школъ [6]), основана была люблинскимъ воеводой Николаемъ Фирлеемъ, который выписалъ для нея учителей изъ Германіи. Стараніями его жены и зятя Николая Казимирскаго любартовская школа достигла значительной высоты, чему много помогъ ея новый ректоръ—Альбертъ, приглашенный сюда ея схолархами. Альбертъ

---

[1]) *Sandius*, 97.

[2]) *Jablonski*, o. c., 230. *Krasinski*, 212. 213. Ср. *Ор. Левицкій*, Архивъ юго-зап. Россіи, I, VI, пред. стр. 128. 129. 136.

[3]) *Stanislai Orichovii Roxolani* Chimaera: sive de Stancari funesta regno Poloniae secta, 1562, fol. 17, 20, 21. *Krasinski*, 57. *Bukowski*, I, 379. 380.

[4]) Epistolae *F. Socini*, Racoviae, 1618.

[5]) Starož. Polska, II, 1021. *Симашкевичъ*, 118—121. Историко-статистическое описаніе г. Хмѣльника (Подол. епарх. вѣд., 1869, № 10, стр. 424. 425).

[6]) Что любартовская школа была социніанской, а не кальвинской, какъ сообщаетъ Венгерскій, это очевидно само собой. Лукашевичъ допускаетъ только, что она могла быть кальвинской въ первые годы своего существованія (Hist. szkół, I, 356, прим. 1).

Калишскій, окончившій въ 1582 г. страсбургское училище съ такимъ отличіемъ, что получилъ, кромѣ установленнаго диплома, личную похвалу отъ знаменитаго основателя этой гимназіи Іоанна Штурма, и затѣмъ пріобрѣвшій извѣстность, какъ опытный учитель и ректоръ хмѣльницкой школы, въ Любартовѣ началъ съ того, что пересоздалъ мѣстную школу по образцу пинчовской [1]), раздѣлилъ ее на пять классовъ, подыскалъ подходящихъ учителей и далъ каждому соотвѣтствующую инструкцію. Эти наставленія въ видѣ писемъ къ каждому преподавателю и къ ученикамъ старшаго класса, съ которыми занимался самъ Калишскій, были напечатаны и создали любартовской гимназіи такую извѣстность, что сюда направилась молодежь всѣхъ исповѣданій; зданіе ея съ трудомъ вмѣщало учащихся, а въ городѣ пріѣзжему трудно было отыскать квартиру. Этому внѣшнему успѣху школы соотвѣтствовало и внутреннее ея достоинство: воспитанники ея приводили въ восторгъ профессоровъ нѣмецкихъ университетовъ обширными познаніями и діалектическимъ развитіемъ. Но скоро печальныя обстоятельства подорвали ея значеніе. Страхъ татаръ, которые появились въ Подоліи, смерть Фирлеевой,— щедрой покровительницы училища, и происшедшая отсюда неувѣренность въ дальнѣйшемъ существованіи его—заставили многихъ родителей взять отсюда своихъ сыновей или перевести ихъ въ другія учебныя заведенія. А чума 1592 г., продолжавшаяся шесть мѣсяцевъ, разсѣяла и то небольшое число учениковъ, которое еще оставалось вѣрно любартовской школѣ; не покинули Альберта только уроженцы Риги и Юрьева, съ которыми онъ и продолжалъ заниматься при помощи одного только учителя. Однако Калишскій, вѣрный своему призванію, не пришелъ въ отчаяніе. Въ надеждѣ на помощь и сочувствіе Ник. Казимирскаго, онъ составилъ Leges scholae Levartovianae и, присоединивъ къ нимъ свои прежніе педагогическіе труды, т. е. письма къ учителямъ, издалъ ихъ въ свѣтъ съ посвященіемъ ему. Но Казимирскій въ 1597 г. умеръ, будучи предъ смертью обращенъ Петромъ Скаргой въ латинство, и Альберту уже не приходилось расчитывать ни на чью поддержку, такъ какъ новая владѣлица города, вдова Казимирскаго, была католичкой. Понятно, любартовской школѣ при такихъ условіяхъ приходилось влачить жалкую жизнь, но Альбертъ Калишскій продолжалъ оставаться ея ректоромъ даже въ 1600 г. Но еще задолго до этого средоточнымъ пунктомъ польско-русскаго социніанства сдѣлался Раковъ (въ сандомир. воеводствѣ), славный своей типографіей (съ 1575 г.), своими учеными министрами, которые составили особую литературно-богословскую школу. Раковъ то и перетянулъ къ себѣ центръ тяжести учебной дѣятельности социніанъ съ тѣхъ поръ, какъ открылась въ немъ ок. 1600—1602 г. гимназія съ высшими курсами, называвшаяся иногда академіей.—Изъ учителей любартовской школы въ лучшій періодъ ея жизни уставъ Альберта Калишскаго сохранилъ имена слѣдующихъ: преподавателя 5-го класса (младшаго) Іоанна Соколовскаго, 4-го—Самуила Пабіановскаго, 3-го—Самуила Брелія, 2-го—Андрея Войдовскаго, котораго смѣнилъ

[1]) Пинчовская гимназія (въ сандомирскомъ воеводствѣ) была сначала кальвинской, затѣмъ социніанской (съ 60-хъ годовъ) и къ концу XVI ст. прекратила свое существованіе.

Іоаннъ Поэтивинскій, и Генриха Росція, преподавателя музыки и ариѳметики. Изъ нихъ болѣе другихъ извѣстны Поэтивинскій, учившійся въ Страсбургѣ и Парижѣ, и Войдовскій, котораго мы видимъ въ 1583 г. въ Краковѣ. Съ высшимъ же заграничнымъ образованіемъ были и другія должностныя лица любартовской школы—ея экзаминаторы, напр., Бальцеровскій [1]).

Вблизи Любартова находились еще социніанскія школы въ *Семятичахъ* (бѣльскаго уѣзда гродн. губ.), *Люблинѣ*. Послѣдняя, послѣ своего разоренія іезуитскими студентами въ 1627 г. и трибунальнаго декрета, перешла въ *Бѣлжицы* [2]).

Въ первой половинѣ XVII ст. выдвинулись волынскія социніанскія училища. Хотя историческія свѣдѣнія о нихъ не восходятъ далѣе 1614 г., происхожденіе ихъ можно относить еще задолго до этого, въ виду того, что антитринитарство сдѣлало на Волыни крупные успѣхи еще во времена кн. А. М. Курбскаго [3]). Изъ волынскихъ пановъ, съ именами которыхъ связана исторія социніанскихъ школъ, первое мѣсто принадлежитъ фамиліямъ Чапличей—Шпановскихъ [4]) и Гойскихъ. Такъ, Юрію Чапличу приписывается основаніе или только преобразованіе въ высшую *киселинской* школы (владимир. пов.), что̀ произошло около 1614 г. Изъ ректоровъ этой школы извѣстнѣе другихъ Евстафій Кисель (или, по Занду и Любенецкому, Giselius), человѣкъ ученый, хорошо знакомый съ языками Ему принадлежитъ переводъ на греческій языкъ сочиненія Ѳомы Кемпійскаго „О подражаніи Христу“ (Франкфуртъ на Віадрѣ, 1626 г.) [5]).

---

[1]) *Albertus Calissius.* Schola Levartoviana restituta, sive epistolae aliquot: quibus ratio descripta: quam istius scholae praeceptores in docendo adhibent (1593),—*Jocher*, I, № 1645 и стр. 341—345 (извлеченія изъ этой брошюры). *Sandius*, 175. 176. *Fausti Socini* Epistolae ad amicos, Racoviae, 1618, p. 565. *Łukasz.*, Hist. szkół, I, 355—358. Starož. Polska, II, 294. 295.

[2]) *Sandius*, 54. Starož. Polska, II, 1141. Тр. Кіев. дух. акад., 1876, III, 189. 190. Арх. Ю.-З. Р., I, VI, пред., 149. *Соколовъ*, 293.

[3]) Сказанія кн. Курбскаго, изд. II, стр. 285.

[4]) Чапличи заразились антитринитаризмомъ московскаго происхожденія еще въ 70-хъ годахъ XVI ст. (Сказанія кн. Курбскаго, стр. 266 и слѣд.).

[5]) *Sandius*, 143. *Lubienecius*, 277. Арх. Ю.-З. Рос., I, VI, пред. 143. 144. Зандъ, а за нимъ множество біоліографовъ и историковъ (въ томъ числѣ и г. Ор. Левицкій), приписываютъ Киселю еще одно сочиненіе—извѣстную Антапологію, написанную въ 1631 г. противъ Апологіи Мелетія Смотрицкаго и посвященную Петру Могилѣ, подъ псевдонимомъ Геласія Диплица. Но что авторомъ Антапологіи не былъ протестантъ, за это говорятъ и тонъ и содержаніе ея. Тѣмъ менѣе могъ быть имъ Кисель, что богословская библіотека киселинской школы едва ли ограничивалась тѣми однимъ—двумя церковными докторами и то въ славянскомъ переводѣ, которыми пользовался Диплицъ по его признанію (str. 57). Наконецъ, Диплицъ—ученикъ (w izdebce moiey w ktorey się ucze pisałem, такъ опредѣляетъ онъ мѣсто написанія книги), но можно ли допустить, чтобы учащійся въ социніанской школѣ сталъ принимать на себя защиту православной церкви и произвелъ это такъ умѣло? Въ виду этого правдоподобнѣе могла бы быть догадка г. Студиньскаго, автора изслѣдованія о Перестрогѣ (Львовъ, 1895 г.), который называетъ Диплица ученикомъ кіево могилянской коллегіи (ср. Гр. Кіев. д. акад., 1876, III, 189, прим.). Но въ мартѣ 1631 г., коимъ помѣчено предисловіе Антапологіи, этой коллегіи еще не было. А затѣмъ, многія мѣста предисловія показываютъ, что книга писана не въ Кіевѣ, а вдали отъ него—поближе къ Луцку или къ Вильнѣ.

Почти одновременно съ киселинской появилась школа въ *Берестечкѣ* или *Берескѣ* (луцкаго повѣта), преобразованная изъ кальвинской братомъ Юрія Чаплича Мартиномъ [1]). Послѣ разоренія въ 1638 г. раковской академіи обѣ волынскія школы значительно поднялись въ своемъ авторитетѣ, такъ какъ въ нихъ перебрались нѣкоторые раковскіе профессора. Но и онѣ сами доживали уже послѣдніе дни. Въ 1640 г. луцкій католическій епископъ возбудилъ противъ Чапличей дѣло, обвиняя ихъ въ томъ, что они, устроивъ школы, распространяютъ „блюзнирскую и чертовскую професію", т. е. антитринитарское исповѣданіе, и тамошніе учителя, избѣгая послѣдствій декрета трибунала (1644 г.), поспѣшили удалиться оттуда [2]).

Еще ранѣе социніанскіе преподаватели были вытѣснены и еще изъ одной волынской школы — *гощской* (острожскаго пов.). Здѣсь социніанскія община и училище были открыты братьями Гойскими, Гавріиломъ и Романомъ, православными, но сочувствовавшими антитринитаризму [3]). Гощская школа извѣстна тѣмъ, между прочимъ, что въ ней учился польскому и латинскому языкамъ Лжедимитрій [4]). Изъ ректоровъ ея называютъ Ѳеофила Молитора, Даніила Дуроссія, Соломона Палюдія, доктора медицины, и Войтѣха Каперія [5]). Съ гощскими социніанами покончила въ 1639 г. Регина Соломирецкая, сестра Гойскихъ, къ которой перешла Гоща. Она устроила здѣсь православный монастырь съ училищемъ съ тою именно цѣлью, „абы еретическіе науки надъ каѳолическою религіею болшъ не триумфовали", причемъ дала игумену обѣщаніе за себя и за своихъ наслѣдниковъ не дозволять аріанамъ селиться въ Гощѣ [6]).

Закрытіемъ волынскихъ школъ и заканчивается исторія западнорусскихъ социніанскихъ училищъ.

---

[1]) Starożytna Polska, II, 835. Арх. юго.-зап. Россіи, I, VI, пред., 144.

[2]) Арх. Ю.-З. Р., I, VI, №№ 307. 308. 314. 319 и пред., стр. 153—155. *Sandius*, 236—237 Авторъ «Письма о жизни А. Вишоватаго» отрицаетъ, впрочемъ, фактъ перехода на Волынь раковскихъ профессоровъ.

[3]) Социніанскіе писатели включили Романа Гойскаго, наравнѣ съ К. К. Острожскимъ, въ число своихъ тайныхъ, а Гавріила—даже явныхъ послѣдователей. «Quin et Constantinus Dux in Ostrog, palatinus Kijoviensis, et Romanus Hoysci Dominus in Hoszcza, castellanus Kijoviensis, capitaneus Volodimieriensis, quamvis religionem unitariam, quam in corde amplectebantur, aperte non sint professi, unitariorum tamen fautores et patroni fuerunt» (Стан. Любенецкій, *Sandius*, 283 и прим.).

[4]) Вѣст. Зап. Россіи, 1868, VII, отд. II, стр. 1. Вол. губ. вѣд., 1868, № 8. Здѣсь же доказывается, что эта Гоща—острожскаго уѣзда, а не луцкаго или владимирскаго.

[5]) *Lubienecius*, p. 276.

[6]) Арх. Ю.-З. Р., I, VI, № 303. Впрочемъ, спустя два года, при новомъ владѣльцѣ Адамѣ Киселѣ, социніане опять получили доступъ въ Гощу (пред., стр. 159).

ГЛАВА VII.

Организація протестантскихъ школъ.

Протестантскія школы въ русскихъ областяхъ Польши и Литвы, по внутреннему устройству ихъ и общему направленію, необходимо ставить въ генетическую связь не съ католическими польскими училищами, а съ протестантскими германскими. Это и понятно: учителями и ректорами ихъ были по большей части или нѣмцы, или люди, получившіе образованіе и ученыя степени въ нѣмецкихъ протестантскихъ университетахъ. Послѣдніе же организовались въ XVI в. по типу, совершенно отличному отъ средневѣковыхъ латинскихъ школъ, по образцу которыхъ были устроены и польскія католическія школы,—они получили совершенно другую постановку учебную и административную, сообразно съ новыми религіозными вѣяніями и умственными запросами.

Выше было сказано, что гуманисты ввели уже нѣкоторыя улучшенія въ школьное дѣло. Они имѣли въ виду, прежде всего, облегчить изученіе латинскаго языка изгнаніемъ изъ школъ варварскихъ учебниковъ латыни и словарей и замѣной средневѣковыхъ латинскихъ авторовъ классическими; они же дали въ учебныхъ программахъ мѣсто греческой литературѣ и еврейскому языку, которые до того были въ пренебреженіи [1]). Вмѣстѣ съ тѣмъ повышеніе образовательнаго ценза учителей, отъ которыхъ стали требовать хотя низшей академической степени, и улучшеніе методовъ преподаванія сократили срокъ пребыванія въ училищахъ [2]). Сама школа начала отдѣляться отъ церкви и послѣдняя перестала считать себя обязанной давать ей матеріальныя средства.

Реформація, бывшей реакціей противъ испорченныхъ гуманизмомъ

---

[1]) До начала XVI ст. католическіе богословы считали даже ересью знакомство съ греческимъ языкомъ. Онъ введенъ въ германскія школы Эразмомъ Роттердамскимъ; первая еврейская грамматика составлена Іоанномъ Рейхлиномъ (*Шмидтъ*, Исторія педагогики, II, 450. 458).

[2]) Этотъ фактъ былъ отмѣченъ Лютеромъ въ одномъ его посланіи: «Развѣ не на нашихъ глазахъ произошло, что теперь въ какіе-нибудь три года мальчика приготовляютъ настолько, что онъ въ 15 или 18 лѣтъ знаетъ больше, чѣмъ могли до сихъ поръ научить всѣ высшія школы и монастыри? Да и что дѣлали они до сихъ поръ, какъ не превращали своихъ воспитанниковъ въ ословъ, болвановъ и чурбановъ? Иной учился; въ нихъ 20, 40 лѣтъ и не зналъ ни по-латыни, ни по-нѣмецки» (*Раумеръ*, Исторія воспитанія и обученія, I, 173).

нравовъ католическаго духовенства, въ школьномъ дѣлѣ воспользовалась, по выраженію Шмидта, его завоеваніями [1]). Согласно съ принципами послѣдняго, стала и здѣсь проводиться мысль, что школа нужна не извѣстнымъ только классамъ народа, но и всему народу,—не церкви только, но и государству и всему человѣчеству. И такъ какъ христіанская школа есть прежде всего средство къ поднятію нравственнаго уровня общества [2]), то само общество или государство и должно заботиться о ней; она должна быть поручаема правительствомъ людямъ съ спеціальной подготовкою. И не душныя кельи монастырей должны быть мѣстами обученія: въ нихъ нельзя обогатить дѣтей всевозможными свѣдѣніями. А свѣдѣній этихъ Лютеръ требовалъ отъ образованнаго человѣка не мало. Не говоря о древнихъ языкахъ (греческомъ, латинскомъ и еврейскомъ), которые нужны какъ для пониманія Священнаго Писанія, такъ и для разумнаго веденія гражданскаго управленія [3]), Лютеръ вводитъ въ программу школьнаго образованія „всякія искусства, исторію". Изучая исторію, дѣти „услышали бы поучительныя сказанія и преданія о народахъ всей вселенной, узнали бы прошедшую судьбу того или другого города или царства, ознакомились бы съ дѣяніями государей, знаменитыхъ мужей и женщинъ всѣхъ истекшихъ вѣковъ и могли бы, такимъ образомъ, въ короткое время, какъ въ зеркалѣ, представить себѣ весь міръ отъ самаго его начала, то есть его сущность, жизнь, мысли, предположенія и начинанія, его удачи и неудачи; изъ чего они могли бы, затѣмъ, свой разумъ укрѣплять и соображать свои поступки съ завѣщанными намъ всемірной исторіей примѣрами и жить въ страхѣ Божіемъ". Лютеръ расширяетъ программу обученія также въ пользу музыки, пѣнія, поэзіи, математики. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ признаетъ необходимымъ устроить въ городахъ библіотеки, въ которыхъ находились бы, прежде всего, книги Священнаго Писанія на всевозможныхъ языкахъ, затѣмъ классики, книги объ искусствахъ, по правовѣдѣнію, математикѣ. И особенно видное мѣсто должны занимать хроники и курсы исторіи на всѣхъ языкахъ, на какихъ только можно пріобрѣсть ихъ. Главное же условіе для воспитанія и образованія юношества и народа—хорошіе школьные учителя, и на этотъ пунктъ Лютеръ обращаетъ особенное вниманіе; учительство онъ ставитъ выше всѣхъ другихъ занятій. „Я знаю, говоритъ онъ, что это дѣло, послѣ проповѣдничества, есть наиполезнѣйшее, высшее и лучшее, и я даже не знаю, которое изъ этихъ

---

[1]) *Шмидтъ*, о. с., II, 452.

[2]) «Отъ соблазна дѣтей, говоритъ Лютеръ, произошелъ великій упадокъ христіанства. И если надлежитъ христіанской церкви снова быть возстановленной, то начало должно быть сдѣлано посредствомъ надлежащаго воспитанія дѣтей (*Раумеръ*, I, 169. 174). Свои педагогическіе взгляды Лютеръ особенно ясно выразилъ въ «Посланіи къ членамъ городскихъ управленій всей Германіи о томъ, что они должны учреждать и содержать школы», 1524 г. (*Раумеръ*, I, 174—194).

[3]) «Да будетъ извѣстно, говорилъ между прочимъ Лютеръ, что мы не сохранимъ Евангелія безъ языковъ... Если мы согрѣшимъ, бросивъ языки, то мы не только лишимся Евангелія, но дойдемъ до того, что не будемъ умѣть правильно говорить или писать ни по-латыни, ни по-нѣмецки».

двухъ лучше". Онъ выражаетъ мысль, что и въ проповѣдники слѣдовало бы избирать только прослужившихъ по нѣскольку лѣтъ учителями.

Изъ этого видно, какъ серьезно отнеслись протестанты къ реформѣ школы. Однако не Лютеръ былъ реформаторомъ школы. а его другъ Меланхтонъ, по праву названный „наставникомъ Германіи". Онъ положилъ основаніе новой школьной системѣ и укрѣпилъ ее, благодаря своимъ универсальнымъ познаніямъ, методу, учебникамъ и энергіи [1]). Въ нашу задачу не входитъ разсматривать, что собственно сдѣлалъ для школы Меланхтонъ и какъ на заложенномъ имъ фундаментѣ воздвигали зданіе нѣмецкой педагогики другіе, не менѣе извѣстные, „учители Германіи" и человѣчества: Цвингли, Кальвинъ, Михаилъ Неандеръ, І. Вольфъ, Тротцендорфъ и многіе другіе. Для нашей цѣли достаточно только было указать общія черты протестантской дидактики и педагогики въ XVI вѣкѣ.

Не всѣ, конечно, нѣмецкіе педагоги осуществили тѣ идеальныя требованія, какія предъявлялъ Лютеръ, и не всѣ могли отрѣшиться отъ прежняго служенія школы исключительно церковнымъ интересамъ, отъ прежняго преобладанія латинскаго языка, хотя послѣдній у нихъ и получаетъ новую постановку. „Кругозоръ ихъ все еще ограниченъ въ сущности теологіей и латинскимъ языкомъ, поэтому они даже на еврейскій и греческій языки смотрятъ, какъ на побочные предметы, даже геометрію и ариѳметику они не могутъ включить въ органическое преподаваніе. Они вовсе не подозрѣвали образовательной силы родного языка и естественныхъ наукъ" [2]). Но тѣмъ не менѣе они сдѣлали большой шагъ впередъ, какъ въ расширеніи школьной программы, такъ и въ смягченіи школьныхъ нравовъ и въ введеніи болѣе раціональныхъ дидактическихъ и педагогическихъ пріемовъ.

Съ такими же почти особенностями протестантская школа перешла въ западную Русь.

Объ устройствѣ западнорусскихъ лютеранскихъ школъ можно сказать немного.—Общее направленіе всѣхъ ихъ опредѣлялось лютеранскими соборами, которые давали тонъ учебной и воспитательной сторонамъ ихъ жизни. Нѣтъ однако указаній относительно того, въ чемъ именно проявлялась власть западнорусскихъ лютеранскихъ синодовъ по отношенію къ училищамъ своего исповѣданія. Дошедшій до насъ уставъ виленской лютеранской школы 1648 г. [3]) даетъ видѣть, что каждое лютеранское училище управлялось самой общиной, которая чрезъ своихъ уполномоченныхъ заботилась о нравственномъ и матеріальномъ преуспѣяніи его,—о пріисканіи учителей, снабженіи ихъ инструкціями, уплатѣ имъ жалованья и объ успѣхахъ учениковъ.

Въ Вильнѣ во главѣ школы, какъ и другихъ церковныхъ учрежденій, стояли почетнѣйшіе члены общины, составлявшіе вычислѣ 30 человѣкъ

---

[1]) *Шмидтъ*, III, 63.

[2]) *Шмидтъ*, III, 126.

[3]) Арх. вил. людер. кирхи, отд. I № 5. Позволяемъ себѣ пользоваться этимъ уставомъ въ виду отсутствія болѣе раннихъ уставовъ, во 1-хъ, и во 2-хъ,—такъ какъ нѣтъ основаній думать, что данный уставъ представляетъ что-нибудь совершенно новое по отношенію къ строю жизни виленской лютеранской школы въ первую четверть XVII ст.

церковную коллегію. Изъ своей среды они избирали шестерыхъ лицъ спеціально для завѣдыванія школьными дѣлами. Эти шесть назывались старѣйшинами или патронами школы и имѣли попеченіе объ ея благоустройствѣ,—они приглашали отъ имени всей общины учителей, слѣдили за ихъ занятіями, присутствовали на полугодовыхъ экзаменахъ (Уставъ, гл. I, §§ 1. 2. 4). Для ближайшаго надзора за школой патроны избирали двухъ провизоровъ, которые по четвертямъ года представляли церковной коллегіи отчетъ о ходѣ школьнаго дѣла; на ихъ обязанности было между прочимъ награждать послѣ экзаменовъ лучшихъ учениковъ книжками, бумагой, а бѣдныхъ и одеждой. Кромѣ провизоровъ и въ помощь имъ патроны назначали одного изъ пасторовъ инспекторомъ для наблюденія за занятіями и поведеніемъ какъ учащихъ, такъ и учениковъ, для чего онъ обязанъ былъ возможно чаще посѣщать школу и докладывать провизорамъ о замѣченныхъ недостаткахъ. Къ числу обязанностей инспектора относилось—назначать время для полугодичныхъ экзаменовъ (послѣ Пасхи и праздника Михаила) и объявлять объ этомъ общинѣ съ церковной каѳедры, а должностнымъ лицамъ (патронамъ, провизорамъ и экзаминаторамъ) чрезъ ректора. Должность инспектора была платной (Гл. I, §§ 2 и 3; глава III, §§ 1 и 2).

Учащій персоналъ слагался изъ трехъ лицъ: ректора, его товарища (conrector) и кантора. Школьная инспекція въ Вильнѣ очень заботилась о замѣщеніи этихъ мѣстъ людьми вполнѣ образованными, способными къ дѣлу и нравственными, выписывая ихъ иногда изъ другихъ городовъ. Пріемъ учителя совершался чрезъ вручение ему устава школы, который онъ обязывался всегда имѣть въ виду, и „вокаціи“ (vocatio). Въ вокаціи, или письменномъ приглашеніи, старѣйшины отъ имени всей лютеранской общины Вильны, послѣ привѣта новоприбывшему учителю, выражаютъ свой взглядъ на школу, какъ на мѣсто, гдѣ юношество должно воспитываться въ страхѣ Божіемъ и благочестіи путемъ ежедневной молитвы и изученія катихизиса. Принимая для этой цѣли такого-то ректора (или соректора или кантора), патроны надѣются, что онъ свой долгъ исполнитъ съ благоговѣйнымъ прилежаніемъ и вѣрою, возвращая порученное ему юношество не только въ ученіи, но и въ добродѣтельной жизни, и оказывая послушаніе патронамъ и инспекторамъ школы. Съ своей стороны старѣйшины обязываются дать учителю содержаніе. Введеніе въ школу новаго учителя совершалось при полномъ составѣ инспекціи (Глава II, §§ 1—3; гл. V, § 3). Инструкція, даваемая патронами виленской лютеранской школы учителямъ, требовала отъ нихъ ревностнаго исполненія обязанностей и добраго поведенія,—чтобы они не назначали для рекреацій лишнихъ дней (среда была неучебнымъ днемъ) и даже сокращали бы число праздниковъ, чтобы не играли въ карты, не пьянствовали, не занимались посторонними дѣлами, не вмѣшивались въ личныя отношенія инспекціи школы, безъ ея вѣдома не оставляли своихъ квартиръ. Въ случаѣ желанія оставить службу при школѣ, учитель долженъ былъ заявить объ этомъ провизорамъ за полгода впередъ, чтобы можно было заблаговременно найти ему замѣстителя (Гл. II, §§ 4, 7—13; V, § 2). Ректоръ былъ старшимъ изъ учителей и, какъ начальникъ ихъ, слѣдилъ за точнымъ исполненіемъ ими своихъ обязанностей. Когда случался полугодовой экзаменъ, ректоръ сообщалъ о немъ всѣмъ

прикосновеннымъ къ школѣ лицамъ (Гл. II, §§ 5. 6). Канторъ училъ дѣтей пѣнію и музыкѣ и заботился о благоговѣйномъ и правильномъ совершеніи богослуженія. Пьесы для послѣдняго онъ выбиралъ по соглашенію съ пасторами и исполнялъ ихъ по обычному порядку, чтобы, съ одной стороны, въ пѣніи ихъ могли принимать участіе члены общины, съ другой—чтобы въ богослуженіе не проникло какое-нибудь новшество. Въ годичные праздники канторъ пріискивалъ для увеличенія торжественности хорошихъ музыкантовъ. Когда кантору въ храмѣ, при польскомъ или нѣмецкомъ богослуженіи, не приходилось пѣть или играть, онъ прислуживалъ пастору; въ противномъ случаѣ прислуживали его товарищи—учителя. Если случалось, что зимой во время проповѣди дѣти выходили изъ храма въ школу погрѣться, ихъ сопровождалъ одинъ изъ учителей и въ школѣ читалъ имъ изъ катихизиса или Евангелія, не допуская, чтобы они шалили на дворѣ (§§ 14. 17). Кромѣ богослуженія, канторъ и другіе учителя принимали также участіе въ погребальныхъ церемоніяхъ. Для этой цѣли двое изъ нихъ могли отлучаться даже за городъ; въ такомъ случаѣ обязанности ихъ исполнялъ третій учитель, который за это получалъ равную долю вознагражденія за погребеніе (впрочемъ, за участіе въ погребеніи бѣдныхъ и сиротъ никто ничего не бралъ). Кромѣ погребальныхъ денегъ учителя получали еще вознагражденіе отъ патроновъ школы (по 200 талеровъ каждый), отъ нихъ же праздничные денежные подарки и отъ учениковъ—взносъ за ученіе (по четвертямъ года), отъ котораго тоже освобождались сироты и бѣдные (Гл. II, §§ 2. 18; V, § 3).

Учебный день начинался съ утренней молитвы и пѣнія и затѣмъ еще дважды прерывался молитвой въ храмѣ. Учителямъ рекомендовалось заниматься во время уроковъ со всѣми и каждымъ и выслушивать каждаго спокойно, не гнѣваясь безъ мѣры и избѣгая тѣлесныхъ наказаній розгами, палкой, кулакомъ. Катихизисъ проходился неопустительно каждый день—по нѣмецки и по польски (Гл. V, § 1).

Польскому языку польско-литовскіе лютеране отвели видное мѣсто въ своей богословско-учебной литературѣ и, конечно, въ школѣ. Уже въ 1536 г. въ Краковѣ вышелъ польскій переводъ Лютерова катихизиса, а въ 1556 г. въ Кролевцѣ—катихизиса Бренціева. Но еще ранѣе того, въ 1540 г., Янъ Секлюціанъ издалъ Wyznanie wiary chrześcianskiey, а въ 1547 и 1549 гг.—свой польскій лютеранскій катихизисъ. На польскомъ же языкѣ издавались въ Кролевцѣ сборники духовныхъ пѣсенъ, а съ 50-хъ годовъ начали выходить книги Н. Завѣта. Тамъ же изданъ былъ въ 1564 г. Lexicon Latino—Polonicum, расчитанный на потребности всѣхъ народовъ польскаго государства, и сочиненіе Квятковскаго, посвященное исторіи Польши и вопросу о пользѣ славянскаго языка [1]). Не

[1]) *Krasinski*, 304. *Wierzbowski*, №№ 131. 254. 1320. Второе изданіе Секлюціанова катихизиса носитъ заглавіе: «Catechismus to jest krotka a prosta (starey wiary chrzescianskiey) nauka powtore wydana przez Iana Seklucianа. Ktemu przydana krotka nauka czytania i pyssania. Item Oeconomia albo nauka wszelkiego stanu ludziom potrzebna spysma więtego». Нѣчто въ родѣ катихизиса представляетъ изъ себя и сочиненіе Вергерія: «Lac

былъ забытъ лютеранами и литовскій языкъ, на которомъ въ 1547 и 1586 гг. былъ напечатанъ катихизисъ (въ 1586 г.—на латышскомъ нарѣчіи). [1])—Кромѣ языковъ, въ лютеранскихъ школахъ преподавались катихизисъ, грамматика, ариѳметика.

Такъ какъ лютеранскія школы сосредоточивались въ сѣверо-западномъ углу государства, то ученикамъ ихъ представлялась легкая возможность совершенствоваться въ наукахъ въ сосѣднихъ высшихъ лютеранскихъ гимназіяхъ—въ Торнѣ, Данцигѣ, Эльбингѣ, какъ ѣздила туда молодежь и изъ кальвинскихъ и социніанскихъ западнорусскихъ училищъ. Торнская гимназія во второй половинѣ XVI и въ началѣ XVII ст. стояла выше многихъ другихъ католическихъ и протестантскихъ училищъ—и по широтѣ программы, и по методамъ обученія, и цѣлямъ образованія [2]), и потому могла особенно сильно привлекать къ себѣ учащихся.

Гораздо больше извѣстій сохранилось *о внутренней жизни кальвинскихъ школъ*. Кальвинисты въ Польшѣ раздѣлялись на три отдѣльныя провинціи: великопольскую, малопольскую и литовскую. Объединяли ихъ только общіе соборы. Представителемъ каждой провинціи былъ суперъинтендентъ (senior primarius), избиравшійся пожизненно. Онъ созывалъ синоды въ своей провинціи, осуществлялъ ихъ рѣшенія, наблюдалъ за школами, книгопечатаніемъ и проч. и былъ только исполнительнымъ органомъ синодовъ [3]). Такимъ образомъ, и по отношенію къ кальвинскимъ школамъ высшая власть принадлежала собственно синодамъ. Они выработывали планъ наукъ, опредѣляли ректоровъ и учителей, назначали имъ жалованье, рекомендовали способныхъ молодыхъ людей въ качествѣ домашнихъ учителей въ семейства знатныхъ единовѣрцевъ. Наконецъ, синоды же избирали сеніоровъ—духовныхъ и свѣтскихъ. Послѣдніе (seniores politici), называвшіеся иногда по своему ближайшему отношенію къ училищамъ схолархами, присутствовали на экзаменахъ, наблюдали за добропорядочностью и усердіемъ учителей, удовлетворяли текущія нужды школъ и давали ежегодно отчетъ синоду. Они же по пору-

---

spirituale pro alendis ac educandis christianorum pueris», написанное для Ник. Радивилла, старшаго сына виленскаго воеводы, и переведенное въ 1556 г. на польскій языкъ (*Любовичъ*, Альбрехтъ, герцогъ Прусскій, и реформація въ Польшѣ. Ж. М. Н. Пр., 1885, авг., 178—183).

[1]) *Вольтеръ*, Литовскій катихизисъ Н. Даукши (Зап. Имп. ак. наукъ, т. 53, ч. II, введ., стр. XI).

[2]) Общій характеръ торнской гимназіи былъ историко-филологическій. Здѣсь преподавались латинскій, греческій, польскій, еврейскій языки, діалектика, риторика, философія, богословіе, музыка, математика. Состояла она изъ 6-ти классовъ, а съ конца XVI в. изъ 11-ти. На устройство ея повліяла страсбургская школа Штурма (*Łukasz.*, Hist. szkół, I, 396—398).

[3]) Малая Польша дѣлилась на слѣдующіе восемь округовъ: краковскій, сандомирскій, заторскій (или освѣцимскій), люблинскій и холмскій, червонорусскій, подольскій, волынскій и кіевскій и белзскій; литовскую составляли округи: виленскій, новгородскій, завилейскій, подляшскій, жмудскій и бѣлорусскій. Въ литовской провинціи обязанность суперъ-интенданта исправлялъ виленскій сеніоръ (*Krasiński*, 285—287).

ченію синода составляли уставы и программы школъ [1]). Но при всемъ томъ оставалась извѣстная доля вліянія на ту или другую изъ школъ и ихъ фундаторовъ, отъ которыхъ онѣ зависѣли и въ матеріальномъ отношеніи [2]).

Такъ какъ синоды кальвинскіе были властью церковною, то изъ отношеній ихъ къ школамъ уже можно дѣлать выводъ, что послѣднія у западнорусскихъ кальвинистовъ имѣли конфессіональный характеръ, что онѣ служили ближайшимъ образомъ своему исповѣданію. Дѣйствительно, и программа учебныхъ предметовъ, и распорядокъ занятій въ кальвинскихъ училищахъ убѣждаетъ насъ, что главная цѣль ихъ состояла въ образованіи не самомъ по себѣ, а—религіозномъ, въ воспитаніи изъ мальчика не человѣка, а реформата. До насъ не дошли однако планы наукъ и правила какой-либо изъ западнорусскихъ кальвинскихъ школъ, и мы можемъ судить о нихъ по аналогіи съ порядками пинчовской гимназіи, послужившей, по увѣренію Лукашевича, образцомъ какъ для прочихъ кальвинскихъ училищъ во всей Польшѣ, такъ и для социніанскихъ [3]).

Въ пинчовской школѣ изученію вѣроученія въ классѣ и въ храмѣ было посвящено почти столько же времени, сколько всѣмъ другимъ предметамъ вмѣстѣ. Въ воскресеніе ученики вставали съ восходомъ солнца и въ теченіе цѣлаго часа выслушивали—старшіе богословіе, а младшіе истолкованіе посланій апостола Павла. Потомъ всѣ шли въ храмъ слушать проповѣдь. Послѣ полудня опять выслушивали объясненіе Павловыхъ посланій и проповѣдь въ храмѣ. Въ понедѣльникъ, вторникъ, четвергъ и пятницу утромъ всѣ ученики слушали поученіе, затѣмъ въ теченіе двухъ или трехъ часовъ сидѣли въ классѣ, послѣ полудня опять выслушивали проповѣдь и два часа посвящали класснымъ занятіямъ; отъ послѣобѣденныхъ проповѣдей они освобождались только въ среду и субботу, когда не было и уроковъ по случаю рекреацій. Суббота отличалась отъ среды тѣмъ, что въ этотъ день декуріоны отдавали въ классахъ отчетъ о поведеніи и усердіи учениковъ въ теченіе недѣли и затѣмъ происходила расправа съ виновными и неаккуратными. Вѣроученію отводилось видное мѣсто даже въ школахъ низшихъ, гдѣ оно излагалось по катихизисамъ, проводилось въ духовныхъ пѣснопѣніяхъ и укрѣплялось частыми проповѣдями. Наконецъ, религіозно-воспитательный характеръ имѣло преподаваніе и всѣхъ прочихъ предметовъ; такъ, даже классическіе языки изучались, между прочимъ, по катихизисамъ—латинскому Кальвина и греческому, изданному у Роберта Стефана.

---

[1]) Для школъ литовской провинціи написалъ уставъ новгородскій пасторъ А. Добржанскій. Уставъ этотъ вызвалъ похвалы кальвинистовъ, читавшихъ его: «Leges scholarum Lithuanicarum a Rn. Andrea Dobrzanio, sen. Novogrodensi, prudenter scriptae» (*Łukasz.*, Dzieje kościołow wyzn. Helw. w Litwie, II, 208). Въ нѣкоторыхъ школахъ, напр. въ слуцкой, были и свои собственные, особые уставы.

[2]) *Łukasz.*, Hist. szkół, I, 374. 375. Арх. сб., VIII, № 14.

[3]) Правила пинчовской школы были напечатаны подъ заглавіемъ Gymnasii Pinczoviensis Institutio, 8°, fol. 24, съ предисловіемъ Петра Статорія. Намъ не удалось видѣть этого изданія, хотя въ Императорской публичной библіотекѣ оно имѣется. При изложеніи его содержанія пользуемся Лукашевичемъ (Hist. szkół, I, 71. 72).

Въ составъ программы кальвинскихъ польско-русскихъ гимназій входили, кромѣ катихизиса (или богословія) и церковнаго пѣнія, еще слѣдующіе предметы: языки древніе и народные, риторика, поэзія, діалектика, математика, исторія и иногда право [1]). По латинскому языку изучалась вся грамматика и читались *Distiehia moralia* Катона, письма Цицерона и его риторическія и этическія сочиненія, Виргилій, Горацій, Терренцій, Іустинъ (историкъ вѣка Антонинова), *Dialogi sacri* Кастелліона (одинъ изъ лучшихъ писателей-латинистовъ въ XVI в.), *De vera sapientia* Людовика Вивиса (Vivis). Греческій языкъ, проходившійся, вѣроятно, съ 1600 г. по грамматикѣ Кленарда, стоялъ нѣсколько ниже латинскаго, но во всякомъ случаѣ ученики могли читать Ксенофонта, Демосѳена, Лукіана (Самосатскаго, извѣстнаго ритора и философа II столѣтія по Р. Х.) и греческій катихизисъ. Изученіе древнихъ языковъ сопровождалось письменными упражненіями, еженедѣльными диспутами (по латински), писаніемъ похвальныхъ произведеній прозаическихъ и поэтическихъ на разные случаи жизни патроновъ школъ (бракъ, полученіе высшей должности, смерть, посѣщеніе школы), спектаклями [2]). Изъ народныхъ языковъ въ западнорусскихъ кальвинскихъ школахъ изучались польскій и отчасти—русскій и литовскій. Относительно изученія польскаго языка у насъ не можетъ быть никакого сомнѣнія въ виду того значенія, какимъ пользовался онъ у польскихъ кальвинистовъ и вообще протестантовъ. Въ польско-литовскомъ государствѣ дѣятели реформаціи потому и имѣли успѣхъ, что выдвинули идею народной церкви съ польскимъ богослужебнымъ языкомъ; этимъ они нашли себѣ сочувствіе даже со стороны людей, не располагавшихъ отрываться отъ католичества (Оржеховскій, напр.). Въ прямомъ и косвенномъ воздѣйствіи протестантства на развитіе польской литературы и образованности заключается крупнѣйшая заслуга его предъ польской исторіей. „Если бы не протестантство, говоритъ Мацѣевскій, наше польское просвѣщеніе было бы тѣмъ же, къ чему пришло венгерское,—углубившись въ латынь, оно не овладѣло бы польской письменностью. Польскіе протестанты сдѣлали то, что, оставивши латынь, все болѣе вели нашу письменность къ польщизнѣ (do polskości), все болѣе оживляя ее народнымъ духомъ“ [3]). Дѣло началось съ переводовъ на польскій языкъ катихизисовъ и книгъ Священнаго Писанія, чѣмъ уже заявили себя лютеране, побуждаемые герцогомъ Альбертомъ прусскимъ, и въ чемъ они предупредили самихъ католиковъ [4]). Но болѣе значительная доля участія въ созданіи польской національной литературы принадлежитъ кальвинистамъ

[1]) Возможно, что въ Вильнѣ изучалась и польская исторія по книжкѣ Димитровича. Понятно, что въ школахъ низшихъ программа была значительно уже.

[2]) *Bukowski*, I, 369—371. *Łukasz.*, Dzieje.... II, 165. Въ Императорской публичной библіотекѣ есть, между прочимъ, панегирикъ, написанный въ 1640 г. семью студентами кейданской гимназіи по случаю посѣщенія ея Яномъ Радивилломъ (Лат., F, XIV, № 33). На смерть знаменитыхъ единовѣрцевъ ученики кальвинскихъ школъ, какъ вообще протестантскихъ, отзывались не только сочиненіемъ элегій и эпитафій, но и личнымъ участіемъ въ похоронахъ, иногда за деньги.

[3]) *Maciejowski*, Piśmiennictwo polskie, I, 51.

[4]) Интересно, что лютеранскіе переводы легли даже въ основу первой католической польской Библіи—Шарфенбергеровской или Леополитовской, 1561 г. (*Jocher*, № 2257 и прим.).

и социніанамъ. Ими была нѣсколько разъ переведена на польскій языкъ вся Библія [1]) и отдѣльно—Новый Завѣтъ [2]). На немъ стали издаваться и другія произведенія, въ родѣ стихотворныхъ переложеній евангельскихъ притчей (Эразма Отвиновскаго), или сборниковъ духовныхъ пѣсенъ (Стан. Любенецкаго, Риневицкаго, ректора киселинской школы, Немирича), молитвъ (Фарновскаго), проповѣдей (Риневицкаго, Іоанна Лицинія Намысловскаго, новгородскаго пастора и ректора школъ виленскаго каштеляна Кишки), а также полемическихъ трудовъ (Фарновскаго, Шмальца) [3]). Но кромѣ этого мы располагаемъ положительными доказательствами того, что польскій языкъ дѣйствительно вошелъ въ программу кальвинскихъ и социніанскихъ школъ. Къ нимъ принадлежитъ прежде всего грамматика его, составленная ректоромъ пинчовской гимназіи Петромъ Статоріемъ (на латинскомъ языкѣ) [4]), а затѣмъ тотъ фактъ, что въ Вильну въ 80-хъ годахъ былъ присланъ для изученія его (ut Polonicam linguam addisceret) одинъ юноша изъ Любека [5]).

Не такъ посчастливилось русскому языку. Такъ какъ протестанты, какъ послѣ іезуиты, свою пропаганду въ польско-литовскомъ государствѣ направили прежде всего на польское общество и ополячившіеся слои литовско-русскаго народа, то языкомъ, на которомъ совершалась она, естественно явился польскій. И какъ трудно было обходиться безъ знанія его, видно изъ того, что даже московскіе раціоналисты, чтобы распространять новыя идеи, даже въ центрѣ западной Россіи, на Волыни, должны были изучать „польскую барбарію“, по выраженію князя Курбскаго [6]). Тѣмъ не менѣе русскій языкъ не былъ совершенно игнорируемъ западнорусскими протестантами. Извѣстно нѣсколько опытовъ употребленія его въ ихъ оригинальной и переводной литературѣ,—опытовъ, вызванныхъ отчасти цѣлями пропаганды, отчасти національными стремленіями. Первое мѣсто въ ряду такихъ произведеній занимаетъ извѣстный несвижскій катихизисъ, изданный несвижскимъ намѣстникомъ Матвѣемъ Кавечинскимъ и министрами Симономъ Буднымъ и Лаврентіемъ Крышковскимъ въ 1562 г., подъ заглавіемъ: „Катихисісъ. То естъ, наука стародавная, хрістіанская отъ светого писма, для простыхъ людей языка руского, въ пытаніяхъ и отказѣхъ собрана“. Посвящая его сыновьямъ

---

[1]) Пинчовская Библія, изданная въ 1563 г. въ Брестѣ, несвижская 1570 г., заславская 1572 г., данцигская 1632 г. (*Iocher*, №№ 2266—2269).

[2]) Несвижскій (1563 г.), Фальконія (въ Брестѣ, 1566), Буднаго (1574), Чеховича (въ Раковѣ, 1577, 1608, 1620 гг.). *Iocher* №№ 2315 sqq.

[3]) *Sandius*, pp. 52. 53. 83. 89. 90. 94. 104. 142. 145.

[4]) Polonicae Grammaticae institutio. In eorum gratiam qui ejus linguae elegentiam cito et facile addiscere cupiunt. Cracoviae, 1568 (*Maciejowski*, o. c., III, 343). Но это не первая польская грамматика, какъ говоритъ Мацѣевскій. Опыты систематизаціи законовъ польскаго языка появились раньше. Такъ, еще въ первой половинѣ XV столѣтія такой опытъ сдѣлалъ краковскій ректоръ Яковъ Паркосскій (*L. Łukaszewicz.*, o. c., wyd. 2, str. 66). Нѣчто въ родѣ грамматики представляла и книжечка Загоровскаго: Orthographia seu modus recte scribendi et legendi polonicum idioma quam utilissimus, 1518, 1526 (*Wierzbowski*, №№ 48, 1028).

[5]) Lit. an. S. J. 1586—7, p. 138.

[6]) Сказанія князя Курбскаго, изд. 2, 271.

Николаевъ Радивилловъ—Чернаго и Рыжаго и объясняя цѣль напечатанія „тѣхъ малыхъ новое кузни книгъ, онымъ славнымъ здавъна далеко расъширенымъ словеньскимъ языкомъ“ написанныхъ, издатели говорятъ, что дѣлаютъ это съ тѣмъ, чтобы молодые князья „не только въ чужеземскихъ языцѣхъ кохали, але бы ся тежь и того здавна славъного языка словенъского розмиловали и онымъ бавити рачили. Слушная бо речь есть—обращаются они къ Радивилламъ—абы ваши княжацъские милости того народу миловати рачили, въ которомъ предки ваши издавна преложенства (высшія должности) несуть“ [1]). Изъ дртугихъ протестантскихъ произведеній на русскомъ языкѣ можно отмѣтить письмо (подложное) половца Ивана Смеры къ князю Владимиру, собраніе духовныхъ пѣсенъ, переведенныхъ съ нѣмецкаго языка на славянскій съ примѣсью бѣлорусскихъ словъ [2]), и переводъ Новаго Завѣта 1581 г., сдѣланный социніаниномъ Валентиномъ Негалевскимъ въ с. Хорошовѣ (нынѣ острожскаго уѣзда). Послѣдній трудъ, по заявленію переводчика, совершенъ былъ „за намовою и напоминанемъ многихъ ученыхъ, богобойныхъ, а слово Божіе милуючихъ людей, которыи писма польского читати не умѣютъ, а языка словенскаго читаючи, писмомъ рускимъ выкладу (значенія) словъ его не розумѣютъ“. Переводъ сдѣланъ съ польскаго, хотя Негалевскій имѣлъ, повидимому, дѣло и съ греческимъ и латинскимъ текстами [3]). Вытекающій изъ всѣхъ этихъ фактовъ литературнаго употребленія западнорусскими протестантами русскаго языка выводъ о его и школьномъ употребленіи находитъ подтвержденіе въ устройствѣ новгородскими кальвинистами „русской школы“ (въ 1615—1616 г.) и въ попыткѣ Хр. Радивилла ввести въ слуцкую гимназію преподаваніе „русскихъ наукъ“. Впрочемъ, по отношенію къ западнорусскимъ социніанамъ этотъ выводъ теряетъ значительную долю своего вѣроятія въ виду того, что они очень скоро измѣнили своей національности и стали пользоваться въ своей литературной, по крайней мѣрѣ, дѣятельности польскимъ или латинскимъ языкомъ. Такъ, русскаго языка не употребляетъ больше даже Будный, хотя онъ послѣ изданія несвижскаго катихизиса много писалъ и переводилъ. Даже на Волыни малороссъ Юрій Немиричъ пишетъ религіозные гимны и молитвы не на

---

[1]) «Славянскій» языкъ текста—то же западно-русское нарѣчіе, на которомъ написано и посвященіе. Послѣднее перепечатано въ Арх. сб., VII, въ пред. О виленскомъ изданіи этого катихизиса, относимомъ профессоромъ Малышевскимъ къ 1584 г. (Труды Кіев. дух. акад., 1876, II, 537, примѣч.),—мы нигдѣ больше не читали.—Несвижскій катихизисъ пользовался большой популярностью въ Россіи, распространяясь путемъ списыванія. Отъ него и отъ лютеранскаго катихизиса 1628 г., по словамъ патр. Адріана, по «всей велико-россійской и мало-россійской нивѣ расплодились заблужденія лютерскія, латинскія и кальвинскія» (*Родосскій*, Описаніе 432 рукописей С.-Петерб. дух. акад., стр. 122). См. рукоп. экземпляръ С.-Пет. д. акад. № 93 и Софійской библіот. № 1184.

[2]) Труд. Кіевской дух. акад., 1876, II, 537, примѣч.

[3]) Рукоп. кіевской михайловской библіотеки, № 1636, предисловіе «до ласковаго чителника». Негалевскій имѣлъ въ виду и православнаго читателя,—по крайней мѣрѣ, онъ, кромѣ дѣленій на главы, сохранилъ и зачала. Изъ надписей на книгѣ видно, что влад. были между прочимъ православные, даже священники (Ср. Арх. Ю.-З. Р., I, VI пред., 138—141.).

русскомъ, а на польскомъ языкѣ [1]).—Что до учебниковъ западнорусскихъ кальвинскихъ школъ, то о нихъ можно сказать очень мало, въ виду того, что объ этомъ предметѣ почти не сохранилось свѣдѣній. Можно только относительно учебниковъ по вѣроученію и нравоученію утверждать слѣдующее. Кромѣ катихизисовъ Кальвина и Робертовскаго, которые служили больше для изученія древнихъ языковъ, въ школахъ западнорусскихъ употреблялись катихизисы, написанные на народныхъ языкахъ. Таковъ, прежде всего, несвижскій катихизисъ, который, несмотря на свой объемъ (6+3+251 in 8-vo), изложенъ довольно просто и назначался именно для дѣтей [2]). Состоитъ онъ изъ четырехъ частей: 1) „Заповѣди, або законъ“,—изложеніе десяти заповѣдей Ветхаго Завѣта съ подробнымъ разборомъ каждой особо. 2) „Вызнанье вѣры“,—тексты символовъ апостольскаго и никейскаго съ объясненіемъ ихъ. 3) Молитва Господня и 4) Таинства—св. крещеніе и вечеря Господня.

Несвижскій катихизисъ впослѣдствіи былъ выправленъ виленскими кальвинистами и въ переводѣ на польскій языкъ былъ изданъ въ Вильнѣ въ 1598 г. на счетъ Яна Абрамовича и на его же счетъ былъ перепечатанъ съ дополненіями въ 1600 году подъ такимъ заголовкомъ: Katechizm albo krotkie w iedno mieysce zebranie wiary y powinności krzescianskiey, z pasterstwem zborowym y domowym, y modlitwami, psalmami y piosnkami, na cześć a chwałę Panu Bogu k zborowi iego zbudowaniu. Teraz z nowu za pilnym przeyrzeniem y poprawieniem wydany. w Wilnie, 1600. Въ томъ же, наконецъ, году вышелъ и еще одинъ польскій кальвинскій катихизисъ: Wykład krotki Dziesieciorga przykazania Bożego, wyznania wiary y pacierza. Dla gospodarzów, czeladzi y dziatek ludzi krzescianskich [3]).

Свѣдѣній о дисциплинѣ кальвинскихъ училищъ сохранилось очень мало, но можно утверждать, что она была значительно строже, чѣмъ въ современныхъ католическихъ школахъ [4]), хотя случаи въ родѣ новгородскихъ нападеній кальвинскихъ школьниковъ на уніатовъ должны нѣсколько ограничить это положеніе.

Въ кальвинскія училища поступали мальчики приблизительно лѣтъ десяти отъ роду [5]), причемъ бѣдные принимались въ бурсы, какія су-

---

[1]) Они изданы были въ 1653 г. *Sandius*, 145. Тр. Кіев. д. акад., 1876, III, 182. 183. 200. 201. 206.

[2]) Предъ текстомъ стоитъ новый заголовокъ: «Катихисісъ *для дѣтокъ* христіанскихъ языка Рускаго, коротко выложена». Первые вопросъ и отвѣтъ: «Што есь ты;—Человѣкъ есьмь сътворенье божие розумъное, Богомъ по образу его сътворенъное». Быть можетъ, не безынтересно знать, какую программу образованія рекомендуютъ издатели несвижскаго катихизиса: «Отци повинни ся о дети старати, абы ся божественное науки научили. Т. е. абы розумѣли о Бозѣ, о законе Божіемъ, о благовествованью або о благодати Божіей, которую намъ о сынѣ своемъ далъ. Теже о страшномъ суде, и о вѣчьномъ животѣ, Ктому еще повинни родители научити сыновъ своихъ мастерства, або ремесла какого побожного.... Нехай учаться христіане наукъ потребныхъ, яко Писанію, богословію, потомъ иншое судьбамъ (астрологіи?), лѣкарству, и инымъ почтивымъ наукамъ, тѣже и воинства, дабы церкви напотомъ услужити могли и умѣли» (л. 61).

[3]) *Bandtkie*, II, 294—296. *Wierzbowski*, № 3116.

[4]) *Bukowski*, I, 371.

[5]) Wizerunki i roztrząsania naukowe, IX, str. 32. 33.

ществовали въ Вильнѣ, Кейданахъ, Слуцкѣ; но въ бурсахъ же помѣщались и пансіонеры, дѣлившіеся по степени состоятельности на нѣсколько разрядовъ. Такъ, въ виленскомъ общежитіи болѣе богатыя дворянскія дѣти въ отношеніи стола стояли наравнѣ съ учителями и экономомъ: платя по 60 злотыхъ въ годъ, они получали обѣдъ изъ четырехъ блюдъ. Менѣе состоятельные платили 50 зл. за обѣдъ изъ трехъ блюдъ; а въ третьемъ разрядѣ плата была понижена до 30 зл. Пива давалось всѣмъ вволю [1]).

Социніанскія школы въ Польшѣ и Литвѣ, какъ и кальвинскія, подлежали въ высшей инстанціи надзору синодовъ. Послѣдніе завѣдывали общимъ направленіемъ социніанскаго образованія, указывали учебники, назначали въ отдѣльныя училища схоларховъ и иногда ректоровъ и учителей и контролировали всѣ стороны школьной жизни. Схолархи вѣдали порядки каждой отдѣльной школы, приглашали ректоровъ, слѣдили за исполненіемъ обязанностей учителями и учениками, нерадивыхъ штрафовали и даже совсѣмъ удаляли. Ближайшій надзоръ за каждой отдѣльной школой принадлежалъ ректору ея, который былъ обыкновенно и учителемъ старшаго класса. Наконецъ, въ числѣ должностныхъ лицъ въ социніанскихъ училищахъ были экзаминаторы, которые, разумѣется, наблюдали спеціально за учебной частью [2]).

Общій характеръ социніанскаго образованія нашелъ себѣ выраженіе въ письмѣ главы польскихъ социніанъ въ концѣ XVI ст. Фауста Социна къ одному юношѣ, Андрею Войдовскому, обучавшемуся въ Краковѣ (18 марта 1583 г.). Нужно учиться тому, писалъ Социнъ, что̀ пріятно или полезно не для тебя лично, а и для всѣхъ тѣхъ, кому ты обязанъ чѣмъ нибудь. Наши же обязательства простираются на духъ, тѣло и внѣшнее. Блага духа снискиваются и сохраняются истинной философіей, блага тѣла—медициной, внѣшнія—юриспруденціей. Изъ нихъ всего предпочтительнѣе философія. Состоитъ она въ правильномъ познаніи Бога и Его воли, содержащейся въ Священномъ Писаніи. Послѣднее и должно изучаться главнымъ образомъ и къ нему должно быть сводимо изученіе свѣтскихъ наукъ (humaniores literae), которыя имѣютъ только относительную цѣну [3]). Такъ, важно знать латинскій языкъ, чтобы умѣть изящно говорить и писать о любой вещи, которая встрѣтится при истолкованіи священныхъ предметовъ, и чтобы можно было успѣшно защищать и пропагандировать божественную истину. Греческій языкъ необходимымъ не представляется; достаточно, если будешь самъ понимать правильно Новый Завѣтъ и собственный смыслъ словъ и выраженій. Для цѣлей экзегетики важенъ и еврейскій языкъ—не только для пониманія Ветхаго Завѣта, но и нѣкоторыхъ еврейскихъ идіотизмовъ, встрѣчающихся въ Новомъ Завѣтѣ. Изъ наукъ—діалектика

---

[1]) *Łukasz*, Dzieje..... II, 164. 165.

[2]) *Łukasz.*, Hist. szkół, I, 367. 368. *Iocher*, I, 342. 343.

[3]) Фаустъ Социнъ не безусловно осуждаетъ гуманитарныя науки и въ одномъ письмѣ къ В. Шмальцу хвалитъ его за то, что онъ обучаетъ имъ въ Шмиглѣ дѣтей (1593 г. *F. Socini Senensis* ad amicos epistolae, 1618, p. 514).

полезна, какъ средство различенія истины отъ лжи, и особенно та часть ея, которая касается изобличенія софизмовъ. Но должно изучать ее по Аристотелю или по его послѣдователямъ: всякая другая діалектика опасна и безполезна. Мало нужна риторика: проповѣдникъ церковный— не ораторъ, и ту степень искусства, какую ему можно имѣть, дастъ практика, а не наука. Прочіе же свѣтскіе учебные предметы еще менѣе важны для Священнаго Писанія, за исключеніемъ философской этики, но и тутъ лучше обращаться къ самой Библіи [1]).

Дидактическія воззрѣнія Фауста Социна, хотя онъ не имѣлъ непосредственнаго отношенія къ школьному дѣлу, однако, въ силу его авторитетности, отразились нѣсколько и на программахъ лучшихъ социніанскихъ школъ—любартовской и раковской, и на сочиненіяхъ социніанскихъ педагоговъ [2]).

Для сужденія о порядкахъ социніанскихъ школъ въ западной Россіи довольно было бы имѣть подъ руками *Schola Levartoviana restituta* Альберта Калишскаго, такъ какъ по образцу любартовскаго училища устроилась впослѣдствіи раковская академія и затѣмъ волынскія школы. Но намъ пришлось вмѣсто всей брошюры Калишскаго довольствоваться только тѣми ничтожными извлеченіями изъ нея, какія находятся у Jochera, дополнивъ ихъ свѣдѣніями, помѣщенными у Лукашевича.—Любартовская школа дѣлилась на пять классовъ, изъ которыхъ каждымъ завѣдывалъ отдѣльный учитель (старшимъ—самъ ректоръ). Кромѣ того, имѣлся еще преподаватель ариѳметики и музыки (или пѣнія), которыя, очевидно, были предметами общими для всѣхъ или для многихъ классовъ. Онъ разучивалъ съ учениками псалмы Давида въ латинскомъ переводѣ Буханана и въ польскомъ — Яна Кохановскаго. Кромѣ музыки и ариѳметики, въ любартовской школы изучались и другія части системы семи свободныхъ искусствъ, въ томъ числѣ діалектика по Аристотелю съ неизбѣжными ежемѣсячными диспутами по различнымъ предметамъ, а также гражданское польское право, къ которому послѣ присоединилось изложеніе книгъ Юстиніана. Спеціально социніанскій характеръ любартовской школѣ придавало изученіе антитринитарскаго вѣроученія, которое предлагалось въ формѣ богословія самимъ Альбертомъ. Для успѣшнѣйшаго изученія Священнаго Писанія, которое было источни-

---

[1]) *Fausti Socini* Epistolae ad amicos, pp. 565—572 (id. Bibliotheca fratrum polonorum, I, 469 et sqq.).

[2]) Такъ, раковскій профессоръ Крелль въ своей христіанской этикѣ высказываетъ тотъ же взглядъ на Священное Писаніе, какъ на единственно полезный для спасенія предметъ, который должно изучать и днемъ и ночью, и на прочіе науки и языки— лишь какъ на средства для правильнаго истолкованія его (Bibliotheca fratrum polonorum, IV, pp. 416. 417). См. также инструкцію другого извѣстнаго раковскаго профессора Мартина Руара молодому Ржечицкому предъ отправленіемъ его за границу. Хотя здѣсь программа образованія расширена новыми языками, математикой съ географіей, политикой съ исторіей общей и польской, но въ основѣ ея—постоянное чтеніе и изученіе Священнаго Писанія (*Łukasz.*, Hist. szkół, I, 364—367). Въ Раковѣ изучался, вѣроятно, и нѣмецкій языкъ, судя по тому, что тамъ издавались на немъ катихизисы и книги Священнаго Писанія (*Sandius*, 116).

комъ богословія. Альбертъ Калишскій сталъ, кажется, преподавать и еврейскій языкъ. Возможно также, что въ любартовской школѣ, какъ послѣ въ раковской, преподавались и физика съ этикой [1]). Учебниками по „религіи“ у польско-литовскихъ социніанъ были составленные ихъ богословами катихизисы. Первоначально социніане пользовались, впрочемъ, несвижскимъ катихизисомъ, передѣлывая его, сообразно съ своими вѣроисповѣдными особенностями (конечно, рукописные экземпляры его) [2]); но одновременно стали заботиться и о собственныхъ. Уже въ 1574 году вышелъ въ свѣтъ первый раковскій катихизисъ, составленный въ Раковѣ Григоріемъ Паули, бывшимъ краковскимъ пасторомъ и сеніоромъ, и редактированный Фаустомъ Социномъ и Петромъ Статоріемъ: Catechesis et confessio fidei coetus per Poloniam congregati in nomine Iesu Christi, Domini Nostri crucifixi et resuscitati [3]). Послѣ этого къ сочиненію катихизиса приступилъ самъ Фаустъ Социнъ и, надо полагать, окончилъ его, но произведеніе это погибло въ 1591 году, вмѣстѣ съ другими сочиненіями Социна, при разгромѣ краковской чернью протестантскаго храма и дома Социна. Отъ него остался только небольшой отрывокъ, изъ котораго видно, что катихизическое ученіе Социнъ разбилъ на части по числу дней, въ которые вели бесѣду учитель съ ученикомъ, и что разъясненія учителя очень длинны и едва-ли были пригодны для малыхъ дѣтей [4]). Но необходимость въ катихизисѣ для социніанъ и ихъ школъ побудила Фауста Социна тотчасъ же приняться за составленіе новаго, однако и его онъ не кончилъ [5]). Послѣ смерти II. Статорія, взявшагося было продолжать трудъ Социна (Социнъ умеръ въ 1604, а Статорій въ 1605 г.), катихизисъ социніанскій былъ обработанъ и изданъ на польскомъ языкѣ Валентиномъ Шмальцомъ при сотрудничествѣ Іеронима Мошкоровскаго подъ заглавіемъ: Katechizm, in Racowie, 1605. А вмѣстѣ съ этимъ, такъ называемымъ, большимъ катихизисомъ, былъ изданъ въ Раковѣ же на польскомъ и нѣмецкомъ языкѣ—малый катихизисъ для дѣтей. Для дѣтей же (pro parvulis) былъ изданъ и напечатанъ катихизисъ въ 1612 г. на латинскомъ и польскомъ языкахъ. Польское изданіе большого катихизиса было повторено

---

[1]) *Iocher*, I, 343—345. *Łukasz.*, I, 356. 357.

[2]) *Bandtkie*, II, 294—296.

[3]) *Sandius*, p. 44. *Bandtkie*, I, 374—375. *Krasinski*, 140, прим. Нѣкоторые приписываютъ составленіе этого катихизиса Шоману. Но трудно отожествлять съ нимъ дѣйствительно принадлежащій Шоману его рукописный катихизисъ: Catechismus quem pro liberis suis ex S. Scriptura collegit (*Sandius*, 47, 196; *Будрин*, II, 284, прим. 2).

[4]) Отрывокъ этотъ напечатанъ впервые въ Bibliotheca fratrum polonorum, I, 677—689: Fragmentum catechismi prioris F. S. S., qui periit in Cracoviensi rerum ipsius direptione.

[5]) Въ 1595 г. Социнъ писалъ Валентину Шмальцу: Catechismus meus vix ante annos tres inceptus, est statim postea perpetuo fere intermissus (*F. Socini Sen.* ad amicos epistolae, Racoviae, 1618, p. 515; id. Bibl. fratr. polon., I, 459). Впослѣдствіи Социнъ продолжилъ катихизисъ, но за смертію прервалъ его на ученіи объ лицѣ Іисуса Христа (Bibliotheca fratrum polon., I, 651—676: Christianae religionis brevissima institutio, per interrogationes et responsiones, quam Cathechismum vulgo vocant).

въ 1619 году; въ 1608 г. Шмальцъ перевелъ его на нѣмецкій языкъ, перепечатавъ его въ 1612 году, а Мошкоровскій издалъ въ 1609 г. латинскій переводъ его. Впослѣдствіи раковскій катихизисъ еще не разъ былъ издаваемъ на разныхъ языкахъ и съ передѣлками [1]).

Мы имѣли подъ руками латинское изданіе 1608 г.: Catechesis Ecclesiarum, quae in Regno Poloniae et Magno Ducatu Lithuaniae et aliis ad istud Regnum pertinentibus provinciis, affirmant, neminem alium praeter Patrem Domini Nostri Iesu Christi, esse Unum illum Deum Israelis; hominem autem illum Nazarenum qui ex virgine natus est, nec alium, praeter aut ante ipsum, Dei Filium Unigenitum, et agnoscunt et confitentur (Racoviae, a. 1609, 12°). Весь катихизисъ состоитъ изъ 250 страницъ и раздѣляется на слѣдующія части: о Священномъ Писаніи, о пути къ спасенію, о познаніи Бога, о познаніи Христа, о пророческомъ, царскомъ и священническомъ служеніи Христа, о церкви Христовой видимой и невидимой. Въ содержаніе ученія о пророческомъ служеніи Христа, которое состоитъ въ откровеніи воли Божіей, входитъ изложеніе заповѣдей ветхозавѣтныхъ, утвержденныхъ и дополненныхъ Христомъ (напр., первая заповѣдь—сообщеніемъ молитвы Господней, которая и истолковывается здѣсь), и новозавѣтныхъ, ученіе о таинствахъ—вечерѣ Господней и крещеніи, объ обѣщаніи вѣчной жизни и Духа св., о смерти Христовой, о вѣрѣ, о свободномъ произволеніи и объ оправданіи.

Кромѣ катихизисовъ, въ социніанскихъ школахъ, особенно высшихъ, руководствомъ къ изученію догматики могло служить произведеніе Фелькеля (Volkelius) — De vera Religione libri quinque, пользовавшееся у социніанъ огромнымъ значеніемъ и изданное послѣ его смерти (†1618). Состоитъ оно изъ шести книгъ (первая написана Креллемъ): De Deo et ejus attributis, De Dei operibus, De religione Christiana, De praeceptis Christi, De adjumentis ad perseverantiam in fide ac pietate necessariis, De Christi ecclesia. Такимъ руководствомъ могло служить и сочиненіе Христофора Остородта: Unterrichtung von den vornehmsten Hauptpuncten der Christlichen Religion. Rakow, 1612 [2]). Пособіями же къ изученію и догматики и Священнаго Писанія въ социніанскомъ духѣ могли служить тѣ массы толкованій на разныя книги Новаго Завѣта, которыя написали вожди антитринитарства.

Точно также въ высшихъ школахъ изученіе нравственности христіанской не ограничивалось тѣмъ, что находилось въ катихизисѣ, а завершалось слушаніемъ курса этики. Этикѣ христіанской при этомъ предшествовалъ курсъ морали философской, Аристотелевой. До насъ дошелъ курсъ этики, читанный въ раковской гимназіи ректоромъ ея Іоанномъ Креллемъ и напечатанный лишь послѣ его смерти, съ нѣкоторыми поправками [3]). Первая часть ея въ амстердамскомъ изданіи

---

[1]) *Sandius*, p. 100. 101, 105. *Krasinski*, 313. *Будринъ*, вып. III, 3—5.

[2]) *Sandius*, 96; *Будринъ*, III, 6, прим. 4 и стр. 9, прим.

[3]) Prima ethices elementa in gratiam studiosae juventutis opus posthumum: praefixa est Petri Moscorovii praefatio, 1635 (*Sandius*, 116).

озаглавлена: Ethica Aristotelica ad sacrarum Literarum normam emendata [1]). Въ ней Крелль излагаетъ нравственное ученіе Аристотеля, съ ссылками на множество языческихъ писателей (Сенеку, Пиѳагора, Горація, Цицерона, Платона и друг.), на Священное Писаніе и на богословскую этику [2]). Сохранено при этомъ общее содержаніе Аристотелевой этики и ея раздѣленіе на четыре части: о высшемъ благѣ (о блаженствѣ), о добродѣтели, объ удовольствіи, о дружбѣ. Но ученіе философа освѣщено христіанскимъ свѣтомъ и изложено такимъ образомъ, чтобы могло служить основой для богословской морали: „Чему мы научились изъ философіи, заключаетъ Крелль свои лекціи, желаемъ, чтобы этимъ могли служить и помогать богословію“ [3]). Что до христіанской этики, то у Крелля она является „изъясненіемъ добродѣтелей и пороковъ, о которыхъ есть упоминаніе въ Священномъ Писаніи“. Раздѣляется она на пять частей: 1) о христіанской добродѣтели вообще и о добродѣтеляхъ ума въ частности (таковы: знаніе, мудрость, вѣра, надежда), 2) о добродѣтеляхъ воли вообще, 3) о моральныхъ добродѣтеляхъ, относящихся къ Богу, 4) о добродѣтеляхъ по отношенію къ ближнему и самому себѣ и 5) объ обязанностяхъ, свойственныхъ прочимъ людямъ [4]).

Руководствомъ по діалектикѣ у западнорусскихъ социніанъ было Instrumentum doctrinarum Aristotelicum in usum Christianarum scholarum exemplis theologicis illustratum per Gratianum Prosperum, Losci, 1586 [5]). По математикѣ существовалъ учебникъ Іоакима Стегмана, раковскаго ректора († 1632), — Institutionum mathematicarum libri duo, quibus initia arithmeticae et geometriae, pro incipientibus delucide explicantur et ad praxim accommodantur: jussu superiorum in usum scholae Racovianae conscripti, 1630. Ариѳметика оканчивается здѣсь десятичными дробями, а геометрія — стереометріей [6]). Наконецъ, Зандъ, этотъ историкъ и библіографъ антитринитарской литературы, видѣлъ рукописные курсы метафизики—Христ. Остородта, логики и метафизики „реформированной“ (reformata)—Іоанна Стегмана и его же—Annalecta mathematica, метафизики „очищенной“ (repurgata) Хр. Стегмана, а также нѣкоторыя сочиненія Андрея Вишоватаго, внука Ф. Социна, которыя, если и не употреблялись въ нашъ періодъ въ социніанскихъ школахъ, какъ учебники, то во всякомъ случаѣ могутъ служить къ бо́льшему знакомству съ ихъ программой. Это—Physicae problemata, Breves institutiones Logicae, Ethicae seu philosophiae moralis compendium, Historiarum insignium a mundo condito compendium [7]).

---

[1]) Bibliotheca fratrum polonorum, IV, f. 149 et sqq.

[2]) См., напр., ff. 156. 157. 158.

[3]) Ibid., f. 229.

[4]) Въ амстердамскомъ изданіи 1656 г. обѣимъ этимъ частямъ предшествуютъ еще Ethices seu doctrinae de moribus prolegomena (pp. 119—148).

[5]) *Sandius*, 72.

[6]) *Sandius*, 133. *Łukasz.*, I, 369.

[7]) *Sandius*, 91. 133. 134. 145. 146.

Итакъ, въ социніанскихъ школахъ наибольшее вниманіе удѣлялось вѣроученію. Сообразно съ этимъ и воспитаніе было направлено къ образованію изъ воспитанника не столько человѣка и гражданина, сколько социніанина. Неудивительно поэтому, что социніанская молодежь проявляла не разъ фанатическое отношеніе къ другимъ исповѣданіямъ и ихъ святынямъ. Такъ, въ Раковѣ въ 1637 году студенты ниспровергли католическія скульптурныя фигуры Страстей Господнихъ (въ результатѣ чего и было закрытіе академіи) [1]). Иногда бывали случаи кощунственнаго отношенія „аріанъ“ къ священнымъ предметамъ и православной церкви [2]). Это обстоятельство въ связи съ иностраннымъ происхожденіемъ многихъ социніанскихъ учителей и съ пристрастіемъ учениковъ къ панегирикамъ въ честь знатныхъ единовѣрцевъ, дѣлали социніанскія школы немногимъ выше іезуитскихъ, къ которымъ онѣ приближались и въ томъ отношеніи, что въ нихъ ректора и учителя не подолгу оставались въ своихъ должностяхъ. Учительство здѣсь было только переходной ступенью къ занятію должности проповѣдника или министра въ болѣе видныхъ и богатыхъ общинахъ.

Но при всемъ томъ социніанскія и вообще протестантскія школы въ Польшѣ и Литвѣ въ изслѣдуемый нами періодъ времени привлекали къ себѣ массу молодежи и не только протестантской, но и католической и православной. Окончившихъ курсъ лучшихъ воспитанниковъ приглашали въ свои дома въ качествѣ учителей даже знатные католики [3]). Естественнымъ потому является, что противъ декрета о закрытіи раковскаго училища протестовали представители всѣхъ главныхъ исповѣданій государства [4]). Общая постановка дѣла, гуманитарная сторона образованія, педагогическая часть были въ протестантскихъ школахъ настолько недурны, что скрывать того не находитъ возможнымъ даже о. Буковскій [5]). Правда, онъ, признавая нѣкоторыя хорошія стороны протестантскихъ школъ въ Польшѣ и ихъ педагогики, повліявшія на развитіе народнаго образованія и, вслѣдствіе соревнованія, на развитіе католическихъ школъ,—отыскиваетъ въ нихъ и вредныя для дѣла черты. Чувство нетерпимости, возбужденное ими, и было, по нему, причиной гибели государства, тѣмъ болѣе, что въ этихъ школахъ не было народнаго духа, а былъ духъ чужой, почти космополитическій, и притомъ вѣроисповѣдной, ставившій интересы секты выше отечества [6]). Упреки Буковскаго отчасти страведливы, но нѣкоторыя изъ обвиненій его съ большей справедливостью могутъ быть перенесены на іезуитскія

---

[1]) *Łukasz.*, I, 359. 360.

[2]) Архивъ юго-зап. Россіи, I, т. VI, № 101 и пред., стр. 160. 161.

[3]) Такъ, внукъ Ф. Социна А. Вишоватый занимался съ дѣтьми люблинскаго воеводы Петра Тарло (1629). *Sandius*, 229—231.

[4]) *Sandius*, 278, прим.

[5]) *Bukowski*, I, 369.

[6]) *Bukowski*, I, 394—396.

училища. — Съ другой стороны, появленіе протестантства въ западной Россіи повліяло на подъемъ просвѣщенія вообще и школьнаго въ частности, не только католическаго, но и православнаго, и не только съ отрицательной стороны, но и съ положительной.

ОТДѢЛЪ III.

ПРАВОСЛАВНЫЯ ШКОЛЫ.

ГЛАВА VIII.

Православное просвѣщеніе въ западной Россіи до учрежденія острожской и братскихъ школъ и обстоятельства, обусловившія появленіе ихъ.

Историки западнорусской церкви и западнорусскаго народа, занимавшіеся или только касавшіеся вопроса о состояніи просвѣщенія въ XVI и началѣ XVII ст., въ сужденіяхъ о качественной и количественной сторонахъ его расходятся между собою до діаметральной противоположности. Въ то время какъ одни готовы ставить его и питавшія его школы очень высоко, допуская существованіе у насъ тогда даже академій (архим. Арсеній, г. Брянцевъ),—другіе (Костомаровъ, Кулишъ, Бедрицкій) [1]) ставятъ ихъ очень низко, усволяя имъ вмѣстѣ съ тѣмъ черты латино-польской или протестантской образованности. Пессимистическое отношеніе этой группы изслѣдователей къ западнорусской образованности въ XVI в. доходитъ у нѣкоторыхъ до того, что они считаютъ ее ниже даже московской за тотъ же періодъ времени [2]). Средину между тѣми и другими занимаютъ историки, которые, подобно Максимовичу, м. Макарію, придаютъ и школамъ и литературѣ западнорусскимъ народный характеръ и ставятъ ихъ выше того уровня, на который низ-

---

[1]) Ниже будутъ указаны тѣ изслѣдованія, въ которыхъ названные авторы проводятъ указанные взгляды.

[2]) *Соколовъ*, Отношеніе протестантизма къ Россіи, 255. *Н. Бедрицкій*, Литературная полемика православныхъ съ протестантами въ юго-западной Руси въ XVI и XVII вв. (Мин. еп. вѣд., 1888, стр. 50). Г. Кулишъ отрицаетъ даже существованіе въ з. Россіи въ XVI в. грамотныхъ людей! Ссылаясь на свидѣтельство Стрыйковскаго, что знатные литвины и русины добывали себѣ для писарскихъ услугъ людей изъ московскаго государства, г. Кулишъ такъ объясняетъ этотъ фактъ: «сами они (западноруссы) не въ состояніи были писать грамотъ, листовъ, духовныхъ завѣщаній и др. необходимыхъ актовъ, а ихъ попы и дьяки, само собой разумѣется, были невѣжественнѣе пановъ»... (Исторія возсоединенія Руси, I, 202—204). Ниже мы увидимъ, справедливо ли это утвержденіе.

вели ихъ историки—пессимисты, не обольщаясь въ то же время подобно изслѣдователямъ первой категоріи.

Для болѣе правильнаго и яснаго пониманія характера западнорусскаго просвѣщенія въ избранное время, и по существу дѣла, мы считаемъ болѣе удобнымъ раздѣлить его на двѣ части—отъ начала XVI ст. до конца 70-хъ годовъ его и отъ начала 80-хъ годовъ до 1633 г. Основаніемъ для такого дѣленія служатъ нѣсколько событій, случившихся на рубежѣ этихъ періодовъ и повліявшихъ на развитіе количественной и на улучшеніе качественной сторонъ нашего образованія. Это были люблинская унія, открывшая польской культурѣ доступъ во всѣ русскія области польско-литовскаго государства, успѣхи протестантства, призваніе іезуитовъ, съ одной стороны, и съ другой,—въ качествѣ явленій, умѣрявшихъ западныя просвѣтительныя вліянія,—оживленіе сношеній съ Востокомъ и культурное воздѣйствіе московской Руси.

Были ли въ западной Россіи школы до 1580 г.?—Авторъ „Перестроги“ отвѣчаетъ на этотъ вопросъ въ отрицательномъ смыслѣ. Русскіе, говоритъ онъ, передавая рѣчь одного львовскаго братчика, сказанную будто бы на варшавскомъ сеймѣ 1598 г., „яко ся окрестили, и не учились, только церкви будовали“. И въ другомъ мѣстѣ онъ разсуждаетъ: русскіе, принявъ вѣру христіанскую отъ грековъ, сдѣлались большими ревнителями ея,—„много зъ великимъ коштомъ церквей и монастырей намуровали и маетностями опатрили, золотомъ, сребромъ, перлами и дорогими каменями церкви пріоздобили, книгъ великое множество языкомъ словенскимъ нанесли: лечъ того, что было напотребнѣйшее, школъ посполитыхъ не фундовали“ [1]). Но авторъ „Перестроги“ не совсѣмъ правъ: наряду съ построеніемъ и украшеніемъ храмовъ наши предки заботились, хотя и меньше, и о просвѣщеніи, и школы наши, начавъ свое существованіе во времена Владимира св., не прекратили его и до конца XVI ст. [2]).

---

[1]) А. З. Р. IV, стр. 204. 223. Перестрога—историко-полемическое сочиненіе, написанное въ первые годы XVII ст. Авторомъ ея до послѣдняго времени считали Андрея, львовскаго вознесенскаго священника, на томъ основаніи, что авторъ Перестроги говоритъ о своемъ присутствіи на брестскомъ соборѣ 1596 г., а изъ «Ектезиса» мы узнаемъ, что на этомъ соборѣ Андрей былъ нотаріемъ (Чт. въ моск. общ. ист. и древн. росс., 1879, I. Ekthesis abo krotkie zebranie spraw, ktore się działy na partykularnym, t. j., pomiastnym synodzie w Brześciu Litewskim, пред. Попова, стр. IV—V) Дѣйствительно, тутъ, при перечисленіи депутатовъ отъ православной половины собора къ митрополиту Рагозѣ, упоминается въ первый и во второй разъ Андрей пресвитеръ, но въ первомъ же и въ третьемъ посольствѣ встрѣчается имя и другаго нотарія-Григорія. Если же допустить здѣсь обычное въ то время смѣшеніе этого имени съ именемъ Георгія, то не трудно будетъ признать авторомъ Перестроги Юрія Рогатинца, одного изъ видныхъ членовъ львовскаго братства, который принималъ горячее участіе въ церковныхъ дѣлахъ того времени и извѣстенъ, какъ писатель (ср. *Franko*, Z dziejów synodu Brzeskiego 1596. Kwartalnik historyczny, 1895, zesz. I, 19—22).

[2]) По вопросу о древнихъ русскихъ школахъ и образованіи можно читать, кромѣ множества статей, разсѣянныхъ по разнымъ журналамъ, изслѣдованія *Н. Лавровскаго*: О древне-русскихъ училищахъ (Харьковъ, 1854), *С. Миропольскаго*: Очеркъ исторіи церковно-приходской школы отъ перваго ея возникновенія на Руси до настоящаго вре-

Нѣтъ сомнѣнія, что о школахъ уже заботился просвѣтитель Руси, св. Владиміръ, о которомъ въ Лаврентіевскомъ спискѣ Несторовой лѣтописи мы читаемъ подъ 988 г.: „и нача ставити по градомъ церкви и попы, и люди на крещенье приводити по всѣмъ градомъ и селомъ. Пославъ нача поимати у нарочитое чади дѣти, и даяти нача на ученье книжное; матере же чадъ сихъ плакахуся по нихъ, еще бо не бяху ся утвердили вѣрою, но акы по мертвеци плакахуся“ [1]). Подобнымъ же образомъ поступали и другіе князья, начиная съ Ярослава Мудраго, открывшаго въ *Новгородѣ* училище на 300 дѣтей [2]). Имъ въ этомъ дѣлѣ помогали и епископы. Изъ древнѣйшихъ русскихъ школъ сохранились историческія извѣстія, кромѣ новгородской, о *ростовской*, заведенной въ 992 г. епископомъ Леонтіемъ, о *курской*, въ которой обучался преп. Ѳеодосій [3]), о *туровской* [4]). Но, конечно, училищъ въ до-

---

мени (Вып. I—III). Обширная литература этого предмета указана у г. Миропольскаго (прилож. къ вып. III), у проф. *Леонтовича* въ прилож. къ статьѣ: Школьный вопросъ въ древней Россіи (Варш. унив. изв., 1894, V; id. Церк. вѣдом., 1894, № 33).

[1]) Полн. собр. рус. лѣтоп., I, 51. У Длугоша подъ 6496 г. помѣщено такое извѣстіе: Wladimirus—pueros Ruthenorum applicat litteris, artifices insuper ex Graecia adductos salareat (Лѣт. зап. Археогр. комиссіи, 1865—6 г., вып. IV. Прилож.: Русскія извѣстія Длугоша, стр. 80. 81).

[2]) П. С. Р. Л., V, 136.

[3]) *Лавровскій*, о. с., 32—34, 38. Въ Курскѣ было даже нѣсколько учителей. Въ житіи Ѳеодосіевомъ говорится, что онъ былъ данъ «на ученіе божественыхъ книгъ *единому отъ учитель*... и вскорѣ извыче вся граматикия» (Житіе преп. Ѳеодосія. Чт. въ моск. общ. ист. и древн. росс., 1858, III, л. 20 об.).

[4]) Воспоминанія о древнемъ православіи зап. Руси (Чт. въ общ. люб. дух. пр., 1867, 160, прим. I; 178—179). Авторъ утверждаетъ существованіе въ древнѣйшую эпоху еще слѣд. училищъ: въ Пинскѣ, Слуцкѣ, Мозырѣ, Минскѣ. Представителемъ туровской школы является извѣстный проповѣдникъ св. Кириллъ, представителемъ пинской—Митрофанъ лѣтописецъ, слуцкой—священникъ Евгеній, минской—пѣвецъ князя Всеслава Баянъ.—Кромѣ лѣтописей и житій святыхъ, богатый матеріалъ для исторіи русскаго просвѣщенія въ первые вѣка даетъ Татищевъ въ своей Исторіи Россійской. Изъ нея мы узнаемъ, что кн. Всеволодъ Ярославичъ «много въ монастыри и церкви на училища подаянія подавалъ» (II, 144), что его дочь Янка превратила въ 1086 г. построенный имъ андреевскій монастырь въ женскій училищный (II, 138), что въ концѣ XI ст. на Волыни существовалъ институтъ наблюдателей церковно-приходскихъ школъ. Такъ, Татищевъ заставляетъ автора повѣствованія объ ослѣпленіи Василька галичскаго сказать о себѣ подъ 1097 г.: ...«Василько содержанъ былъ во Владимирѣ... и какъ приближился постъ великій, случилося мнѣ быть тогда во Владимирѣ смотрѣнія ради училищъ и наставленія учителей» (II, 181). Но послѣ выхода въ свѣтъ Исторіи русской церкви проф. *Голубинскаго* едва ли можно полагаться на эти «свидѣтельства» Татищева, у котораго, какъ доказываетъ г. Голубинскій, была явная тенденція показать, что у насъ въ домонгольскій періодъ было просвѣщеніе, и такимъ, историческимъ путемъ обличить и посрамить защитниковъ допетровскаго невѣжества (см. въ Прилож. къ I половинѣ I тома статью: «Татищевъ объ училищахъ и просвѣщеніи у насъ въ періодъ домонгольскій», стр. 709—715). Тѣмъ не менѣе и теперь еще говорятъ о наблюдательствѣ лѣтописца Нестора, считая его, вслѣдъ за м. Евгеніемъ, авторомъ разсказа объ ослѣпленіи Василька, хотя уже доказано, что этотъ разсказъ принадлежитъ нѣкоему Василію, что, впрочемъ, сдѣлалось извѣстно впослѣдствіи и самому м. Евгенію (*Полетаевъ*, Труды митрополита Кіевскаго Евгенія Болховитинова, 278).

монгольскій періодъ было гораздо больше. Русская земля находилась тогда въ благопріятныхъ сравнительно условіяхъ для развитія образованія, благодаря оживленнымъ сношеніямъ не только съ Греціей, но и съ западно-европейскими странами. Нашествіе татаръ нѣсколько задержало успѣхи нашего просвѣщенія, но не потому, чтобы ханы враждебно относились къ церкви и къ школѣ: имъ они оказывали даже покровительство [1]), а потому, что во время татарскихъ наѣздовъ гибли въ огнѣ пожаровъ образовательныя учрежденія—храмы, монастыри, школы. Тѣмъ не менѣе, монгольское иго не погубило литературы нашей [2]), и не уничтожило школъ.

Доказательства существованія школъ въ монгольскій періодъ на всемъ пространствѣ земли русской даютъ какъ житія святыхъ, о которыхъ почти неизмѣнно отмѣчается, что они, „времени приспѣвшу", отдаваемы были учиться грамотѣ, книгамъ, божественному писанію и т. п. [3]), такъ и то самое посланіе новгородскаго архіеп. Геннадія къ м. Симону (1496—1504), которое обыкновенно приводится въ подтвержденіе мысли о полнѣйшей безграмотности Руси въ это время [4]). Правда, къ срединѣ XVI ст. школьное образованіе упало, но отцы стоглаваго собора помнили, что „преже сего въ Російскомъ царствіи на Москвѣ въ вел. Новѣгородѣ и по инымъ городомъ многия училища бывали. грамотѣ и писати и пѣти и чести учили. и потому тогда грамоте и писати и пѣти и чести гораздыхъ много было. но пѣвцы и четцы и добры писцы славны были по всей земли и доднесь". И соборъ опредѣлилъ, чтобы священники и діаконы во всѣхъ городахъ открывали въ своихъ домахъ школы, куда бы принимали дѣтей „на учение грамоте и на учение книжнаго писма и церковнаго пѣтія псалтырнаго и чтения налойнаго",—всему, однимъ словомъ, сколько сами умѣютъ, „ничто же скрывающе, но отъ Бога мзды ожидающе" [5]). И хотя мы не имѣемъ данныхъ, которыя показали бы, какъ отразилось это постановленіе собора на увеличеніи числа училищъ [6]), но можно быти увѣрену, что это умноженіе послѣдовало и что во второй половинѣ XVI ст., съ усиленіемъ умственныхъ запросовъ, и училищъ было не меньше, и программы образованія были не уже, чѣмъ до стоглаваго собора. А что въ первой половинѣ XVI ст. школьное дѣло не было въ такомъ уже безнадежномъ положеніи, какъ привыкли думать, показываетъ свидѣтельство

---

[1]) *Лавровскій* (о. с., 52, прим. 1), а за нимъ г. *Миропольскій* (II, 18. 19) полагаютъ, что въ ярлыкѣ х. Узбека м. Петру термины: «книжники» и «учительные людскіе повѣстники» нужно понимать именно въ смыслѣ учителей.

[2]) *М. Макарій* увѣряетъ, что наша литература въ монгольскій періодъ не стала бѣднѣе, а переводная была даже богаче, чѣмъ въ домонгольскій (Ист. рус. церкви, т. V, кн. II (1866), 127. 128).

[3]) *Миропольскій*, II, 13. 15.

[4]) Акты историческіе, I, № 104. Ср. *Миропольскій*, III, 25—28.

[5]) Стоглавъ, изд. 1862 г., стр. 121—123 (гл. 25. 26).

[6]) Скоро послѣ стоглаваго собора открыта была монастырская школа въ Казани (1557 г.), но не видно, чтобы во исполненіе его требованія (Письмо ц. Іоанна IV къ архіеп. Гурію, 7065 г.—въ Продолж. Древней Россійской Вивліоѳики, ч. V (1789), 241).

путешественника Фабра (1525 г.), который находилъ въ Россіи даже „гимназіи“, хотя и немногочисленныя, гдѣ дѣти знатныхъ учились на русскомъ языкѣ свободнымъ наукамъ и преимущественно священнымъ. Ради писаній св. отцовъ весьма многіе, по нему, занимались греческимъ языкомъ, иные же изучали и иностранные [1]). Далѣе, когда въ 1519 г. посолъ прусскаго магистра Альберта бранденбургскаго Шонбергъ просилъ в кн. Василія Ивановича позволить магистру послать въ Новгородъ или Псковъ на годъ или на два своего слугу Вулкана Пога—учиться у пресвитера языку и грамотѣ, князь отвѣчалъ такъ, какъ будто не нашелъ ничего страннаго въ просьбѣ и ничего невозможнаго въ исполненіи: „и маистръ послалъ бы своего человѣка въ нашу отчину, гдѣ онъ похочетъ, въ Новъ ли городъ или во Псковъ, а мы прикажемъ, велимъ его человѣка тутъ устроити и языку поучити“. И, дѣйствительно, повелѣлъ: по крайней мѣрѣ чрезъ пять мѣсяцевъ Альбертъ благодарилъ князя [2]). Затѣмъ, съ первой половины XVI вѣка въ нѣкоторыхъ школахъ сталъ изучаться греческій языкъ, благодаря Максиму Греку, который открылъ курсы его. Переводчикъ одной грамматики (или точнѣе нѣсколькихъ грамматическихъ правилъ), помѣщенной въ принадлежащемъ петербурской дух. академіи сборникѣ XVI в., замѣчаетъ, что онъ перевелъ это себѣ для памяти съ греческаго на славянскій, пребывая и учась въ училищѣ [3]). Наконецъ, что и другіе языки начинали входить въ московской Руси въ XVI в. въ школьное употребленіе, объ этомъ говорятъ свидѣтельства Бухау, по которому Грозный хотѣлъ завести въ Новгородѣ и Псковѣ школы для обученія дѣтей латинскому и нѣмецкому языкамъ, и Коллинса, сообщающаго, что царь будто бы устроилъ въ Москвѣ въ 1560 г. латинское училище, которое скоро было разрушено врагами просвѣщенія [4]). Всѣ эти факты дѣлаютъ во всякомъ случаѣ ясной для насъ посылку царемъ Борисомъ Ѳеодоровичемъ четырехъ боярскихъ дѣтей въ Англію, „для науки разныхъ языковъ и грамотамъ“ (1602), и пятерыхъ въ Любекъ [5]).

Но если школы продолжали существовать въ XIII—XVI ст. въ московской Руси, то тѣмъ больше должно допустить ихъ существованіе въ зап. Россіи. Могущество галицкихъ князей, объединившихъ подъ своею властью Галицію, Волынь, Подолію, кіевскую, люблинскую, гродненскую и минскую земли, при дружественныхъ обыкновенно отношеніяхъ ихъ къ польскимъ и венгерскимъ королямъ и литовскимъ князьямъ, могло служить въ теченіе XIII и XIV ст. нѣкоторымъ тормазомъ для татарскихъ вторженій. Но и въ зап. Россіи это зло, въ связи съ по-

---

[1]) Rerum Moscouitarum auctores varii unum in corpus nunc primum congesti, Francofurti, 1600, p. 140 (id. *Starczewski*, Historiae Ruthenicae scriptores exteri saeculi XVI, vol. I, p. 11).

[2]) Сборн. Импер. рус. истор. общества, LIII, стр. 96. 100. 152.

[3]) Рукоп. кирил.-бѣлозер. библіот., № $^{21}/_{1093}$, л. 79 об.

[4]) *Иконниковъ*, Изслѣдованіе о главныхъ направленіяхъ въ наукѣ русской исторіи (Кіев. унив. извѣстія, 1869, дек., 24).

[5]) Сборн. рус. истор. общ., XXXVIII, 424. 425 (ср. 428. 430. 431). Кіевскія универс. изв., ibid.

литическими невзгодами, должно было отразиться невыгодно на нашемъ просвѣщеніи. „Изъ безправильности въ грамматицѣ, небрежности языка письменныхъ памятниковъ того времени видно, говоритъ Я. Ѳ. Головацкій, якъ книжное ученіе низко упало было“ [1]).

Документальныя доказательства существованія школъ въ западной Россіи въ это время заключаются прежде всего въ житіи митрополита Петра, который, какъ извѣстно, родился на Волыни во второй половинѣ XIII вѣка,—житіи, составленномъ епископомъ ростовскимъ Прохоромъ: „сей святый Петръ митрополитъ родися отъ родителю крестьяну... и бысть седмь лѣтъ, нача учити грамоту сію“. И замѣчательно при этомъ, что въ ученіе отдала его, сироту, бѣдная его родственница. А изъ житія св. Стефана махрицкаго узнаемъ, что въ XIV вѣкѣ и въ Кіевѣ были школы [2]).

Мало того. Существуютъ указанія, что въ XIV вѣкѣ церковная жизнь была настолько развита, что школьное просвѣщеніе составляло одну изъ важныхъ обязанностей пастырей церкви. Такова, во первыхъ, грамота Льва, сына галицкаго короля Даніила, отъ 8-го марта 1301 г. данная имъ попамъ крылосской успенской церкви (капитулѣ галицкой митрополіи) и всѣмъ духовнымъ лицамъ греческаго исповѣданія. Князь Левъ, подтвердивъ всѣ права и привиллегіи церкви, освободилъ вмѣстѣ съ тѣмъ отъ свѣтскаго суда всѣхъ игуменовъ, поповъ, ихъ сыновей, странниковъ, а также *школьниковъ* (abecedarii) [3]). Другой документъ—фундушовая запись князя луцкаго и владимирскаго Любарта Гедиминовича соборной владимирской церкви. Предоставляя епископу мѣсто „въ сынклитѣ“ князей и бояръ владѣтельнаго князя, Любартъ Гедиминовичъ даетъ ему вмѣстѣ съ тѣмъ право „всими церквями и ихъ свесченъниками, нищихъ обителми, больницами, страннопріемницами радити... еретиковъ и непослушныхъ клясти“, и запрещаетъ всѣмъ безъ его благословенія „ни церкви созиждати, или самовластне разорити, или свесченъниковъ отъ него благословенныхъ отъ церкви отганяти, или *дидаскалію основати*“. Послѣднее выраженіе и даетъ право думать, что дидаскаліи (школы) въ XIV столѣтіи не только были обыкновеннымъ явленіемъ, но что даже дѣлаемы были свѣтскими людьми попытки основывать ихъ безъ вѣдома представителей церкви. Грамота князя возвращала ихъ къ прежнему контролю епископа [4]).

---

[1]) Зоря Галицкая яко альбумъ, 1860, 438.

[2]) *Миропольскій*, II, 13. 15. *Митр. Макарій*, Исторія русской церкви, V, Кн. II (1866 г. СПБ.), 126, прим. «Времени приспѣвшу, говорится въ житіи св. Стефана, вдаетъ бываетъ отъ родитель своихъ на ученіе божественнымъ книгамъ, и вскорѣ извыче божественныхъ книгъ писанія».

[3]) Грамота эта сохранилась въ копіи подтвержденія ея въ 1592 г. Сигизмундомъ III, которому было представлено подтвержденіе ея Стефаномъ Баторіемъ въ 1581 г. (ему же представилъ грамоту еп. Гедеонъ Балабанъ). Арх. гр.-уніат. митропол., кн. III, № 106.

[4]) Арх. Ю.-З. Р., ч. I, VI, № 1. Напечатанный здѣсь документъ есть не подлинная грамота Любарта, а выпись изъ Коронной метрики подтвержденія Сигизмундомъ III текста ея, который еще ранѣе того, въ 1498 г., былъ представленъ королю Александру (въ позднѣйшей польской копіи онъ напечатанъ въ Вол. губ. вѣд., 1864, № 13, и въ Арх. Ю.-З. Р., I, I, въ подстрочномъ примѣчаніи къ № 46). Безъ сомнѣнія, этимъ обстоя-

Таковы данныя относительно западнорусскихъ школъ временъ болѣе или менѣе автономнаго, такъ сказать, существованія русскихъ княжествъ. Но и съ переходомъ ихъ подъ власть польскихъ королей и литовскихъ великихъ князей, что совершилось въ XIV ст., условія умственной жизни ихъ не измѣнились къ худшему, даже наоборотъ. Политическая связь русскихъ съ Польшей пріобщала ихъ къ польской культурѣ, позволяла имъ учиться въ римско-католическихъ школахъ польскихъ областей государства и русскихъ (въ послѣднихъ римско-католическія школы стали заводиться, какъ сказано, уже въ XIV ст.). Существованіе же послѣднихъ вызывало на заботы о просвѣщеніи и православныхъ, побуждая ихъ устраивать собственныя училища (даже если допустить, что такія у нихъ исчезли). А обезпеченіе за русскими княжествами извѣстной степени политической самостоятельности и религіозной свободы, особенно въ Литвѣ, гарантировало свободу школы и просвѣщенія и принуждало къ заботамъ о нихъ. Дѣло въ томъ, что въ числѣ правъ, оставленныхъ Польшей и Литвой русскому населенію, было усвоеніе русскому языку юридическаго значенія, какъ языку законодательства, управленія, суда. А это обстоятельство поневолѣ вызывало на изученіе русской грамоты. Отъ XIV—XVI вв. до насъ дошли тысячи письменныхъ документовъ разнаго рода: „истотъ“, „духовницъ“ (или „достаментовъ“), листовъ купчихъ, раздѣльныхъ, мировыхъ, записныхъ, заставныхъ, вѣновныхъ, поручныхъ, долговыхъ. Все это—юридическая письменность, широкое развитіе которой обусловлено отчасти закономъ [1]), но, съ другой стороны, она, свидѣтельствуя о довольно широкой распространенности грамотности, служитъ доказательствомъ того, что въ то время существовали и школы русскія. Должны же были гдѣ нибудь учиться тѣ массы „урядовыхъ“ чиновниковъ, для которыхъ знаніе русскаго языка и русскаго письма было обязательно по самому роду ихъ занятій. И особенности правописанія рукописей XV и XVI вѣковъ, по убѣжденію г. Владимирова, таковы, что могутъ свидѣтельствовать о существованіи въ древней Руси, въ книжныхъ центрахъ, особыхъ школъ письма; таково, напр., совершенно послѣдовательное отклоненіе переписчиковъ нѣкоторыхъ рукописей отъ особенностей русскаго языка въ пользу совершенно чуждыхъ ему особенностей болгарскаго правописанія [2]).

тельствомъ нужно объяснить нѣкоторыя несообразности какъ въ датѣ грамоты, такъ и въ именахъ епископовъ. Такъ, грамота датируется 6830 годомъ (т. е. 1322), когда Любартъ не былъ еще луцкимъ княземъ (почему вѣроятнѣе указываемый въ нѣкоторыхъ редакціяхъ грамоты 1372 годъ. Вол. еп. вѣд., 1878, стр. 351). Затѣмъ, современный Александру епископъ луцкій и острожскій названъ Ефремомъ, между тѣмъ такого никогда не было здѣсь. Во всякомъ случаѣ, если допустить неподлинность грамоты (*В. Ивановъ*, Епископы древней луцкой епархіи, Вол. еп. вѣд., 1891, стр. 1101, прим.),—то и тогда упоминаніе о дидаскаліяхъ является знаменательнымъ какъ для XIV и XV вв., такъ и для позднѣйшаго времени, къ какому бы вѣку ни относить поддѣлку.

[1]) Статутъ 1529 г. (разд. 10, § 3) запрещаетъ шляхтѣ и мѣщанамъ давать въ долгъ болѣе 10 копъ «безъ листу» (Врем. Имп. моск. общ. ист. и древн. росс., кн. 18, стр. 85).

[2]) *Владимировъ*, Чт. въ ист. общ Нестора лѣтописца, IV, отд. II, стр. 103. Ср. *Гожалчинскій*, Іезуитскія школы въ Ю.-З. Руси (Тр. Кіев. духов. акад., 1869, II, 110, прим. 1).

Съ другой стороны, хотя съ XV столѣтія начались покушенія польско-католическаго правительства на православіе, они нисколько не препятствовали нашему духовенству попрежнему держать въ своихъ рукахъ народное просвѣщеніе. А что русское духовенство во всѣ времена вѣдало книжное и школьное дѣло, это фактъ историческій, находящій себѣ объясненіе и подтвержденіе въ самомъ призваніи духовнаго сословія. „Попови чьто есть ино дѣло развѣ оученія“? спрашивалъ болгарскаго экзарха черноризецъ Дуксъ [1]). Но эта обязанность и эта привиллегія духовенства—учить другихъ требовала, прежде всего, чтобы оно само было образованнымъ или, по крайней мѣрѣ, грамотнымъ. Грамотность духовенства поддержибалась и избирательной системой, и наслѣдственной, причемъ имѣлъ значеніе и законъ объ изгойствѣ, грозившій не совсѣмъ пріятными послѣдствіями въ числѣ другихъ и „попову сыну, грамотѣ не умѣючему“ [2]). Въ изслѣдуемое нами время, хотя все болѣе входилъ въ силу и имѣлъ все болѣе вредныя послѣдствія новый порядокъ замѣщенія духовныхъ должностей,—порядокъ подаванія (о чемъ скажемъ ниже), все еще преобладала система передачи приходовъ отцами дѣтямъ и т. д. Такъ, королева Бона, давая наказъ пинскому державцѣ ввести нѣкоего Богданца въ наслѣдственныя священническія права, замѣтила: „яко-жъ есть обычай въ Руси, ижъ церковь и доходы церковные на потомки спадаютъ“ (1520) [3]). Но эта передача до средины XVI ст. совершалась не безъ посредства епископа, который при посвященіи провѣрялъ умственную правоспособность кандидатовъ. Послѣднимъ приходилось потому готовиться—или дома или въ монастыряхъ [4]). Подготовка эта не ограничивалась только тѣмъ, что сыновья священниковъ научались читать и писать [5]), но часто давала имъ извѣстность людей „въ наукѣ писма Божого годныхъ и умѣетныхъ“ [6]). Грамотность духовенства въ западной Россіи поддерживалась и оффиціальными распоряженіями нѣкоторыхъ епископовъ, чтобы всякій кандидатъ священства прослужилъ нѣсколько лѣтъ учителемъ въ школѣ при той церкви, къ которой хотѣлъ поступить [7]).

Хотя у насъ не было возможности обслѣдовать вопросъ о процентномъ отношеніи грамотныхъ къ неграмотнымъ въ различныхъ классахъ западнорусскаго народа такимъ образомъ, какъ это сдѣлалъ профессоръ

---

[1]) *Калайдовичъ*, Іоаннъ экзархъ болгарскій, прилож., 129.

[2]) *Голубинскій*, Ист. рус. церкви, т. I, 1-я половина, 382.

[3]) Ревизія пущъ и переходовъ звѣриныхъ въ бывшемъ вел. княжествѣ литовскомъ, стр. 252.

[4]) А. Ю. и З. Р., I, № 143.

[5]) Михаилъ Васильевичъ, сынъ саноцкаго протопопа, является переписчикомъ Пересопницкаго евангелія (Библіогр. зап, III, 462).

[6]) Сыновья кіевскаго протопопа Якова Гулькевича, 1566 (А. Ю. и З. Р., II, № 145).

[7]) Въ существованіи такихъ распоряженій туровскихъ владыкъ увѣряетъ авторъ «Воспоминаній о древнемъ православіи Западной Руси», пользовавшійся массой рукописныхъ источниковъ, хранящихся въ архивахъ минской епархіи (Чт. въ общ. любит. духпросвѣщ, 1867, 179—180).

Соболевскій въ приложеніи къ московской Россіи [1]). Но и сказаннаго довольно для того, чтобы утверждать, что духовенство наше до средины XVI ст. было самымъ просвѣщеннымъ сословіемъ. За это говорятъ и тѣ многочисленные списки богослужебныхъ, отеческихъ и другихъ книгъ южно-и западнорусскаго происхожденія, на которыхъ сохранилось имя переписчиковъ: чаще всего здѣсь встрѣчаются имена священниковъ, діаконовъ, иноковъ и особенно часто дьяковъ [2]). Священниками же и еще чаще дьяками писались и тѣ оффиціальные документы, о которыхъ мы выше говорили; къ этому ихъ привлекали вельможи и паны [3]). Среди духовенства православнаго въ XVI вѣкѣ были даже лица съ юридическимъ образованіемъ (personae juris peritae) [4]).

Что касается въ частности монашествующаго духовенства, то и оно, какъ пополнявшееся большею частью вдовыми священниками и діаконами, въ первую половину XVI столѣтія было не безграмотнымъ. Мало того, нѣкоторые монастыри, какъ и въ прежнее время, были разсадниками просвѣщенія, или содержа училища, или занимаясь списываніемъ книгъ богослужебныхъ и отеческихъ. Такъ, значительной по тому времени библіотекой владѣлъ кіево-печерскій монастырь въ 1554 году; библіотека эта состояла не только изъ церковно-богослужебныхъ книгъ и сборниковъ всякаго рода, но изъ книгъ „посполитыхъ“ (свѣтскихъ). Этотъ умственный капиталъ къ 1593 году значительно увеличился, хотя исключительно на счетъ книгъ перваго рода [5]). Еще большей библіотекой владѣлъ въ XVI вѣкѣ супрасльскій монастырь, который прилагалъ не малыя усилія къ пополненію ея. По описи 1557 года, сдѣланной архимандритомъ Сергіемъ Кимбаромъ, до его вступленія на должность настоятеля въ монастырѣ было 129 книгъ, въ томъ числѣ 5 „битыхъ“ (т. е. печатныхъ). По содержанію это были книги Священнаго Писанія, отеческія, богослужебныя, толковыя, учительныя, историческія, полемическія и сборники. При Кимбарѣ эта библіотека увеличилась 74-мя книгами, не считая подаренныхъ нѣкіимъ Яцкомъ,—печатными и рукописными, въ томъ числѣ латинскимъ апостоломъ и пятью греческими книгами. По всей вѣроятности, большинство ихъ было переписано самими монахами, которыхъ при Кимбарѣ было 32 человѣка [6]).

---

[1]) «Образованность Московской Руси XV—XVII вѣковъ», СПБ. 1892 (Актовая рѣчь въ петербургскомъ университетѣ).

[2]) Наиболѣе полный перечень западнорусскихъ рукописей представляетъ статья проф. Владимирова: «Обзоръ южнорусскихъ и западнорусскихъ памятниковъ письменности отъ XI доXVII ст.» (Чт. въ ист. общ. Нестора лѣтописца, IV). Дополненіемъ же къ ней можетъ служить «Замѣтка о малоизвѣстныхъ памятникахъ южно-западно-русскаго письма XVI—XVII вв.» проф. Соболевскаго (Чтенія въ общ. Нестора лѣтоп., IX).

[3]) Archiwum Lubartowiczów—Sanguszków, III, № 217. Западнорусскіе дьяки—по преимуществу псаломщики и вообще низшіе церковнослужители, при митрополитѣ-ли то, въ церквахъ-ли, или въ монастыряхъ. Благодаря тому, что они главнымъ образомъ исполняли секретарскія должности, слово дьякъ стало синонимомъ писца, писаря («Кгды пришолъ до него (Смотрицкаго) дякъ одинъ с Кіева, который добры характеръ вписаню мѣлъ, а онъ такого писара потребовалъ»... говорится въ одномъ документѣ 1633 г. Кіев. еп. вѣд., 1887 г., 67). Впослѣдствіи оно отождествилось съ именемъ учителя, бакаляра.

[4]) А. В. А. К., XIX, № 127.

[5]) *Голубевъ*, Петръ Могила, прилож. № 2. Арх. Ю.—З. Р., I, I, № 91.

[6]) Арх. сб., IX, № 20 и стр. 56. Впрочемъ, нерѣдко инокамъ при списываніи книгъ

Безъ сомнѣнія, архим. Сергій Кимбаръ, по своему умственному развитію стоявшій выше многихъ своихъ современниковъ [1]), немало содѣйствовалъ просвѣтительному направленію супрасльскаго монастыря, въ которомъ занимались литературнымъ производствомъ еще въ началѣ XVI ст. [2]). Есть основанія думать, что тѣ „Обличительныя списанія противъ жидовъ, латинянъ, протестантовъ и магометанъ“, списокъ съ которыхъ былъ сдѣланъ въ 1580 году въ супрасльскомъ монастырѣ, въ этомъ же монастырѣ и были соединены въ одно около 1578 года [3]). И хотя „Списанія“—результатъ дѣятельности не творческой, а компилятивной, но все же автору этого сборника нельзя отказать въ нѣкоторой долѣ самостоятельности, выразившейся какъ въ передѣлкахъ списываемыхъ статей, такъ и въ оригинальныхъ вставкахъ въ статьяхъ противъ латинянъ [4]). Научныхъ интересовъ на почвѣ религіозной не чужды были и другіе монастыри и ихъ настоятели. Таковъ настоятель пересопницкаго (на Волыни) монастыря—іеромонахъ Григорій, переведшій въ 1556—1561 гг. „съ болгарской мовы“ на южно-русскую рѣчь Евангеліе [5]).

Нельзя думать, чтобы аристократы и вообще дворяне нашего періода были безграмотны: если они не писали сами документовъ и даже не подписывались подъ ними, прикладывая только печати, то потому, что такъ было принято до половины, приблизительно, XVI вѣка. Такъ, напр., Ѳеодоръ Андреевичъ Сангушко, несомнѣнно умѣвшій писать, даетъ листъ только съ печатью [6]). Даже священники удостовѣряли подлинность

принадлежатъ только «повелѣніе, замыселъ», редакція сборника, а самая работа производилась *рукою* какого нибудь дьячка Нестерьпа, а то и *многихъ дяковъ* (списокъ съ Печерскаго патерика 1554 г. Рукоп. Импер. публич. библіотеки. F. I. № 296. Прологъ 1512 г.—Вил. публ. библ.—Описаніе рукописей *Добрянскаго*, № 95).

[1]) Смотри его письмо къ митрополиту Макарію, около 1536 г. (напечат. въ Арх. Ю.—З. Р., ч. I, т. VII). Правда, его филологическое образованіе было неважное, если вѣрить разсказу Симона Буднаго, который въ предисловіи къ Новому Завѣту (1574) передаетъ слѣдующее. Кимбаръ, «философствуя», подвергъ исправленію текстъ напрестольныхъ Евангелій, замѣняя непонятныя ему еврейскія, сирскія и другія слова славянскими. Такъ, вмѣсто «блаженъ еси, Симоне, Варъ Іона», онъ писалъ: «блаженъ еси, Симоне, говори о нихъ» (т. е. молись за апостоловъ). Монахи, разсказываетъ Будный, хвалили Сергія за разумъ, но по доносу одного изъ нихъ митрополитъ назначилъ соборъ надъ архимандритомъ (*Wiszniewski*, VI, 585, 586).

[2]) *Н. Петровъ*, Западнорусскія полемическія сочиненія XVI в. (Тр. Кіев. духов. акад., 1894 г., февр., 166—168).

[3]) Но составленіе каждаго изъ нихъ относится ко времени болѣе раннему и къ другимъ мѣстамъ. По крайней мѣрѣ, въ супрасльскомъ монастырѣ мы не находимъ ни лютеранскаго катихизиса, ни польскаго Апокалипсиса, на которые ссылается авторъ «Списанія противъ Лютеранъ» (II. II. Л, Ш, 58, 140, 169). Ниже откроется фактъ заимствованія авторомъ цѣлыхъ тирадъ изъ посланій старца Артемія.

[4]) «Списанія» эти напечатаны А. Н. Поповымъ въ «Чтеніяхъ моск. общ. ист. и древн. рос., 1879, I и II. Часть же ихъ—«Списаніе противъ лютеровъ»—вторично и болѣе исправно издана П. А. Гильтебрантомъ въ III т. Памятниковъ полемической литературы.

[5]) Впрочемъ, его «болгарская мова» очень близка къ чешской (*Владимировъ*, Д—ръ Скорина, 235). Библіографич. зап., III, 457—467: *Терещенко*, «Объ евангеліи княгини Жеславской» (Терещенко называетъ такъ Пересопницкое евангеліе, какъ писанное «накладомъ» этой княгини).

[6]) Arch. Sanguszków, IV, № 350.

документовъ однимъ только приложеніемъ печати, безъ подписи [1]). Были однако князья, которые „сами своею рукою“ не только подписывались, но и писали цѣлыя дарственныя записи, напр. Ѳедоръ Ивановичъ Ярославичъ (1507 и 1520 гг. [2]). Впрочемъ, уже съ начала XVI ст. распространяется все больше обычай подписываться, и интересно, что въ первую половину XVI ст. аристократы—мужчины и женщины—подписываются неизмѣнно по русски [3]), а послѣ входятъ въ моду и польскія приписи: renką swą, renką własną (или renkon własnon). Что въ эту пору женщины—дворянки были такъ же грамотны, какъ и ихъ мужья, въ этомъ удостовѣряютъ подписи ихъ подъ множествомъ документовъ XVI—XVII вѣковъ. По словамъ г. Левицкаго, здѣсь такъ же рѣдко можно встрѣтить „писать неумѣючую“ земянку, какъ и неграмотнаго земянина [4]).

Не менѣе грамотнымъ сословіемъ въ западной Россіи въ первую половину XVI ст. были горожане. Интересы торговли и самоуправленія (по магдебургскому праву) должны были поддерживать среди нихъ не простую грамотность, но и школьное образованіе. И, дѣйствительно, мы уже въ XV ст. встрѣчаемъ среди баккалавровъ и студентовъ краковскаго университета немало уроженцевъ не только ближайшихъ къ Кракову городовъ—Перемышля, Новаго Города (Nova Civitas), Люблина, Бреста, но и сравнительно болѣе отдаленныхъ—Пинска, Вильны и вообще Литвы [5]). Извѣстнѣе ихъ всѣхъ былъ Францискъ Скорина изъ Полоцка [6]) „внаукахъ вызволенныхъ и въ лекарствѣ докторъ“, получившій первую степень, вѣроятно, въ Краковѣ [7]), а вторую—въ 1512 г. въ Падуѣ [8]). Несмотря на свою ученость, пріобрѣтенную въ римско-католическихъ университетахъ, Скорина остался человѣкомъ съ религіознымъ міровоззрѣніемъ и настроеніемъ, и притомъ—строго-православнымъ. Въ предисловіи къ изданной имъ въ интересахъ православнаго русскаго народа Библіи онъ, „вѣдаючи все науки быти минущие“,

---

[1]) Арх. сб., VI, №№ 5, 25.

[2]) Ревизія пущъ и переходовъ звѣриныхъ въ б. вел. княжествѣ литовскомъ, стр. 130, 348, 349.

[3]) См., напр., Arch. Sanguszc., IV, №№ 191, 264, 330, 346.

[4]) Семейныя отношенія въ юго-западной Россіи въ XVI—XVII вв. (Русская старина, 1880, ноябрь, 552).

[5]) Acta r[illegible]oralia almae universitatis studii Cracoviensis inde ab anno 1469. T. I (1893).

[6]) Скоринѣ посвящена монографія проф. Владимирова—«Д-ръ Фр. Скорина»... Не имѣютъ ли Алхимъ Скорина и его сынъ Сава, упоминаемые въ Инвентарѣ имѣній полоцкой архіепископіи (1601 г. В. З. Р., 1868, II, стр. 83), болѣе близкаго отношенія къ Фр. Скоринѣ, чѣмъ указываемые г. Владимировымъ (стр. 45, прим. 3)?

[7]) Въ краковскій университетъ Скорина поступилъ въ 1504 г. и черезъ два года уже былъ произведенъ въ баккалавры (Statuta nec non liber promotionum philosophorum ordinis in Universitate studiorum Iagellonica, 1402—1849. Ed. *Muczkowski* (1849), p. 141; *Владимировъ*, о. с., 51, 52).

[8]) Ж. М. Н. Пр., 1892, IV. *Шляпкинъ*, «Къ біографіи Франц. Скорины».

рекомендуетъ для чтенія Свящ. Писаніе, по которому можно изучать не только „семь свободныхъ наукъ“, но и медицину, хронологію, философію и—„науку и мудрость добрыхъ нравовъ“ [1]).

Помимо того, въ такихъ городахъ, какъ Вильна и Львовъ, было много людей не только образованныхъ, но и жертвовавшихъ на развитіе просвѣщенія крупныя средства. Скорина печаталъ въ 1517-1519гг. въ Прагѣ свою Библію на средства виленскаго жителя Онькова [2]). Такіе люди и послѣ встрѣчаются въ Вильнѣ. Таковы типографы Бабичъ, Козьма и Лука Мамоничи. Таковы же два брата Зарѣцкіе, о помощи которыхъ себѣ съ благодарностью говоритъ русскій печатникъ Петръ Мстиславецъ въ послѣсловіи къ Четвероевангелію (1575) и Псалтири (1576). Изъ львовскихъ жителей достаточно упомянуть Симеона Сѣдларя, съ которымъ переписывался князь Курбскій [3]), и неизвѣстнаго автора перевода съ еврейскаго языка нѣкоторыхъ книгъ Ветхаго Завѣта [4]).

Наконецъ, немало было людей грамотнымъ и въ крестьянскомъ сословіи. Неизвѣстно, многіе ли изъ православныхъ хлоповъ пользовались предоставленными имъ конституціями правами на образованіе, но что среди нихъ много было такихъ, которые могли пѣть и читать въ церкви, противъ этого едва ли можно спорить [5]).

Вотъ данныя для сужденія о состояніи просвѣщенія въ зап. Россіи въ первую половину XVI ст. и новыя основанія въ пользу того, что здѣсь были въ это время русскія и православныя школы. Несмотря на все это, встрѣчается очень мало фактическихъ указаній на существованіе ихъ. Опуская, какъ недоказанное, утвержденіе Ярошевича, который, ссылаясь на надпись надъ гробомъ князя Константина Ивановича Острожскаго (въ печерской лаврѣ), приписываетъ этому князю основаніе училищъ для мальчиковъ [6]), приведемъ положительныя историческія свидѣтельства.

---

[1]) *Владимировъ*, о. с., 115—117.

[2]) «А то ся стало накладом Богдана Онкова сына радци места виленьского» (*Владимировъ*, о. с., 47).

[3]) Сказанія князя Курбскаго, 288—290 (id. В. Ю. и З. Р., 1863, мартъ, отд. I, 54, прим.).

[4]) *Максимовичъ*, Кіевлянинъ, 1840, 251. *Владимировъ*, 239—241.

[5]) Въ поученіи кіевскаго митрополита Сильвестра новопоставленному іерею (1562 г.) простымъ людямъ не велѣно «ни пѣти, ни чести» въ церкви,—что не имѣло бы смысла, если бы они не умѣли этого (А. З. Р., III, № 31).

[6]) *Jaroszewicz*, Obraz Litwy, III, 82 и прим. 90 на стр. 216. Текстъ надгробія слѣдующій: «Константинъ Іоанновичъ князь Острожскій, Гетманъ вел. княжества Литовскаго, защищеніемъ восточнаго благочестія и храбростію въ бранѣхъ пресловутый, многія церкви Божія, *ради отроковъ училища*, страннопріимницы немощныхъ ради, въ княженіи своемъ Острожскомъ и въ стольномъ градѣ Литовскомъ Вильнѣ создавши, вторую Геесиманію пресв. Богородицы печерскія домъ учредилъ пребогатно, въ немъ же яко ктиторъ именитый, по преставленіи своемъ сподобися положенъ быти 1533». (Собраніе государ грамотъ и договоровъ, I, 402, прим.). Послѣднія слова этой надписи убѣждаютъ, что она не современна смерти К. И. Острожскаго, и, быть можетъ, только нѣсколькими годами старше стихотворной эпитафіи печерскаго монаха Аѳанасія Кальнофойскаго, который распространилъ ея содержаніе (Τερατουργημα, 1638, стр. 34. Ср. Кіев. стар., 1897, май, 179).

Ранѣе другихъ становится извѣстной школа въ *Красноставѣ* и по такому поводу. Король Сигизмундъ Августъ произвелъ, по собственному ли почину, или по просьбѣ мѣстныхъ православныхъ мѣщанъ, обмѣнъ усадебъ—королевской и церковной и, выдавая въ 1550 году грамоту, позволилъ свою бывшую усадьбу употребить на нужды школы, очевидно, до того уже существовавшей, и для жилища священнику [1]).

Въ 1567 году получила начало школа въ *Заблудовѣ*. Въ фундушовой записи Григорія Александровича Ходкевича заблудовской успенской церкви читаемъ: „жита копъ 25 и ячменю копъ 25 маетъ быть дано уставнику, который ижъ бы при церкви уставичне былъ установленъ человѣкъ грамоте умелый и церкви пилный, а другую половицу того остатку тое десятины жита копъ 25, а ячменю копъ 25 маетъ приходити и давано быти мистру при костелѣ римскомъ а они за то послуги свое костельное маютъ быти пилны, и къ тому маютъ на науцѣ дѣтей держати“ [2]).

Въ 1572 г. князь К. К. Острожскій записалъ нѣкоему Дмитрію Митуричу „землю пустую“ въ *Туровѣ* съ тѣмъ, чтобы онъ вмѣсто платы за нее „порядне при церкви Божіей служилъ и пилновалъ и школу держалъ и уставникомъ былъ конечно“ [3]).

Была, затѣмъ, приходская школа въ *Куренцѣ* (вилейскаго уѣзда), „боколаръ“ которой упоминается подъ 1576 г. [4]).

Наконецъ, къ первой половинѣ нашего періода относится открытіе ильинской школы во *Владимирѣ*, гдѣ, кажется, уже давно существовало соборное училище (о немъ ниже). Каштелянъ браславскій Василій Загоровскій находясь въ татарскомъ плѣну, 11 іюля 1577 г. сдѣлалъ духовное завѣщаніе, въ силу котораго причтъ св.-ильинской владимирской церкви имѣлъ получать, между прочимъ, по 12 копъ дохода съ мельницы,—попъ и діаконъ по три копы, а дьякъ шесть: „а то для того дьяку доброму болшъ, говорится здѣсь, абы вставичне въ той белой избѣ противъ шпиталное чорное избы мешкаючи, дѣти, которые на науку будутъ ему даваны, а Богу и людемъ добрымъ вдячне училъ“. Въ этой же школѣ должны были учиться „руской наукѣ в писме светомъ“ сыновья самого Загоровскаго, когда имъ минетъ семь лѣтъ; впрочемъ, опекуншѣ предоставлялась свобода учить ихъ тому же на дому, пригласивъ дьяка. Вмѣстѣ съ тѣмъ Загоровскій обязывалъ дьяка — „книги, якихъ церъковь пилне потребуетъ, зъ доброго зводу, жебы уставичне

---

[1]) Starożytna Polska, II, 785. Холм.-варш. епарх. вѣстн., 1891, № 14, стр. 221.

[2]) Арх. сб., XI, № 114 (id. А. В. А. К., XI, № 16, но здѣсь неправильно выставлена дата: 7 іюня 1563 г.; еще хуже въ «Минскихъ грамотахъ» (№ 138), гдѣ указанъ 1597 г. Гр. Ал. Ходкевичъ, фундовавшій не только школы для православныхъ и католиковъ, но и «шпиталь» при церкви для убогихъ людей обоихъ исповѣданій,—не единственный въ то время примѣръ толерантнаго отношенія къ религіознымъ убѣжденіямъ своихъ подданныхъ.

[3]) *Востокова*, Описаніе рукописей Румянцевскаго музея, 127 стр.

[4]) А. В. А. К., XI, № 18.

писалъ, абы въ кождый тойдень (недѣлю) по три тетради дестныхъ справедливе а не фальшиве написывалъ“ [1]).

Кромѣ приходскихъ, извѣстно еще нѣсколько школъ монастырскихъ, хотя историческія данныя относительно ихъ не такъ категоричны.

Къ 1563 г. относится свидѣтельство одного документа о пребываніи нѣкоего дьяка Васка, готовившагося къ священству, „у науцѣ у манастыри св. архангела Михаила Золотоверхаго“ въ *Кіевѣ* [2]). За такого же характера свидѣтельство можно принять припись на „Законоправилѣ или Номоканонѣ“ 1565 г., написанномъ въ *зимненскомъ монастырѣ* (въ 5 верстахъ отъ Владимира Вол.): „почахъ азъ... Ѳеодорь сынъ архимандрита Зименскаго, *тогожде и ученъ*... и похотех написати сіе писаніе“ [3]), а также сообщеніе автора Житія Іова Княгиницкаго объ ученіи его въ *уневскомъ монастырѣ* (въ Галиціи) [4]). Наконецъ, можно отнести къ этому же періоду и *холмскую* монастырскую школу, бакаляромъ которой въ 1583 г. былъ „уставникъ“ Ивашко Кузьмичъ [5]).

Названными школами далеко не исчерпывается все число православныхъ учебныхъ заведеній до 1580 г. Ихъ, безъ сомнѣнія, было гораздо больше, если Одерборнъ могъ сдѣлать такое наблюденіе, что у русскихъ они *всегда* находятся при церквахъ [6]). За это же говорятъ и данныя относительно грамотности различныхъ сословій. И если во второй половинѣ XVI и въ первой XVII ст. особенно часто поднимался вопросъ о западнорусскомъ невѣжествѣ, такъ это только потому, что при сопоставленіи съ образованіемъ, какое давали иновѣрныя школы, особенно рельефно выдѣлялся низкій уровень просвѣщенія нашего народа. Училища у насъ были, но „не было иной школы, развѣ только учащей читать“, какъ говорилъ Скарга [7]).

При переходѣ къ внутреннему состоянію школъ въ означенное время, обращаетъ на себя вниманіе прежде всего тотъ фактъ, что это

---

[1]) Арх. Ю.-З. Р., I, I, № 16, стр. 82; id. Сказ. кн. Курбскаго, 263, 276. Мы не знаемъ, когда было исполнено это завѣщаніе Загоровскаго, явленное въ судъ только 10 авг. 1579 г. Самъ онъ умеръ 29 февр. 1580 г. въ Ордѣ (Жизнь кн. Курбскаго въ Литвѣ и на Волыни, II, 290, прим.). Г. Теодоровичъ утверждаетъ, что оно и совсѣмъ не было выполнено, такъ какъ между родными начались раздоры, воспользовавшись которыми, еп. Ипатій Потѣй пытался даже отнять самое ильинскую церковь («Гор. Владимиръ», 164. 165. Arch. Sapieh., №№ 389, 391, 404). Во всякомъ случаѣ, о школѣ нигдѣ болѣе не упоминается, ни даже въ новой фундушовой записи, данной ильинской церкви въ 1608 г. вдовой Вас. Загоровскаго, которая къ тому времени, кажется, сама приняла унію (Арх. Ю.-З. Р., I, VI, № 151).

[2]) А. Ю. и З. Р., I, № 143.

[3]) *Головацкій*, Библіограф. находки во Львовѣ (Зап. Имп. акад. наукъ, XXII, прил., № 4, стр. 37—39).

[4]) Зоря Галицкая яко альбумъ, 1860, 228. Іовъ Княгиницкій извѣстенъ въ литературѣ, какъ авторъ рецензіи на «Зерцало богословіи» Кирилла Транквилліона (напеч. въ Приложеніи къ «Петру Могилѣ» *С. Т. Голубева*, № 35).

[5]) А. В. А. К., XIX, № 380.

[6]) Свидѣтельство Одерборна приведемъ ниже.

[7]) П. П. Л., II, 486. Ср. пред. къ Евангелію Вас. Тяпинскаго (Кіев. стар., 1889, янв., прилож.).

были школы церковныя,—что и онѣ и учителя всегда являются не иначе, какъ при церквахъ. Уже изъ этого обстоятельства можно вывести заключеніе о томъ, кто такіе были древніе западнорусскіе учителя и чему они учили. Это были пономари, дьяки, уставники,—упоминаются ли они подъ этими именами, или подъ названіемъ „боколяра“. Обязанность дьяковъ, какъ чтецовъ, требовала отъ нихъ непремѣнно грамотности, а нѣкоторый излишекъ времени позволялъ имъ заниматься и педагогическимъ трудомъ, который притомъ приносилъ имъ и нѣкоторое матеріальное подспорье [1]).

Репутація дьяковъ, какъ искусныхъ, а можетъ быть, и единственныхъ педагоговъ, въ XVI в. стояла такъ прочно, что ихъ услугами, какъ домашнихъ учителей, пользовались нерѣдко паны, отрывая ихъ отъ прямыхъ церковныхъ обязанностей и общественнаго служенія. Напр., въ началѣ XVI ст. отецъ упомянутаго выше Іосифа Верещинскаго былъ обученъ дьякомъ (близъ Влодавы) [2]). Такъ и Загоровскій предлагалъ опекуншѣ своихъ дѣтей приглашать дьяка на домъ. Въ силу этого и названія „дьякъ“ и „бакаляръ“ стали почти синонимами; дьякомъ называетъ себя въ 1584 г. даже преподаватель острожской школы, псаломщическія обязанности котораго ни откуда не усматриваются [3]).

Такъ какъ наши западнорусскія школы до половины XVI ст. сохраняли традиціи древнихъ русскихъ училищъ и не успѣли еще подвергнуться вліянію польской и западно-европейской педагогики, то можно утверждать, что наша школьная наука носила церковный характеръ и по языку была славяно-русской, тѣмъ болѣе, что до конца XVI ст. вся наша письменность и печатныя произведенія отличались этимъ же характеромъ [4]). Такого же рода были и „научные“ интересы православныхъ западноруссовъ. Во всѣхъ случаяхъ, когда встрѣчаются указанія на библіотеку того или другого частнаго лица, не только духовнаго [5]), но и свѣтскаго,—она оказывается состоящею изъ книгъ богослужебныхъ, рѣдко богословскихъ и еще рѣже историческихъ. Такъ, у матери Александра Солтановича (въ логойскомъ повѣтѣ, въ началѣ XVI ст.) нахо-

---

[1]) Мы не знаемъ, что именно получали наши церковно-приходскіе учителя. Трудно судить объ этомъ по аналогіи съ «мастерами» учебнаго дѣла сѣверо-восточной Руси, получавшими за обученіе вечернѣ горшокъ каши да гривну денегъ, то-же, если не больше, за заутреню, и особо за часы, и сверхъ «могорца» еще и поминки (подарки. Акты историч., I, № 104), и это потому, что у насъ не было такихъ мастеровъ. Но мы видимъ, что дьяку владимирской св.-ильинской церкви назначено было три лишнихъ копы грошей противъ другихъ членовъ причта (т. е. ок. 9 рублей. *Горбачевскій*, о. с., 331), и изъ нихъ $1^1/_2$ копы «на сукню» и $^1/_2$ копы «на кожухъ». Ему же наравнѣ съ другими членами причта назначено ежегодно «по два полти мяса свинего» (Арх. Ю.-З. Р., I, I, стр. 82, 93). Въ другихъ случаяхъ педагогическій трудъ дьяка вознаграждался только натурою, какъ въ Заблудовѣ.

[2]) *Стороженко*, «Кіевъ 300 лѣтъ назадъ» (Кіев. стар., 1894, февр., 207).

[3]) Тр. кіев. дух. акад., 1876, I, 626.

[4]) См. перечень литерат. произведеній за разсматриваемое нами время у г. Архангельскаго въ Чт. моск. общ. ист. и древн. росс., 1888, I, 52—72, въ прим.

[5]) Составъ библіотеки іерея юрьевской русской церкви въ Вильнѣ Матвѣя, 1522 г.—Арх. сб., VI, № 5. Ср. Арх. Ю.-З. Р., I, VI, №№ 49, 65.

димъ: „Правила Григоръенские Григорей богословъ евангелие... псалтыра золотомъ писана, псалтыра со следованіемъ треоди две постная и цветная". Библіотека М. Юр. Голшанской, невѣсты кн. Курбскаго, состояла изъ евангелія, учительнаго евангелія, псалтири, двухъ октоиховъ, двухъ соборниковъ [1]).

Что характеръ и содержаніе школьной науки стояли въ самой тѣсной связи съ церковно-богослужебными книгами, это открывается и изъ того, что въ огромномъ большинствѣ мѣстъ, гдѣ дьякъ могъ учить дѣтей, подъ руками имѣлись только тѣ книги, по какимъ совершалось богослуженіе. Онѣ и стали книгами учебными, какъ это было и на Москвѣ [2]), гдѣ при нихъ иногда встрѣчалось и „Наказаніе къ учителемъ, како имъ дѣти учити грамотѣ и како дѣтемъ учитися божественному писанію и разумѣнію" [3]).

Но излюбленнѣйшею учебною книгою чуть-ли не во всѣ времена и вездѣ была псалтирь,—по ней учились и въ Византіи, и въ западной Европѣ въ средніе вѣка [4]), и въ московской Руси. „А мой совѣтъ о томъ, что учити во училищѣ, пишетъ архіепископъ Геннадій къ митрополиту Симону, первое азбука граница истолкована совсѣмъ, да и подтительные слова, да *псалтыря съ следованіемъ* накрѣпко; и коли то изучятъ, можетъ послѣ того проучивая и конархати и чести всякія книги" [5]). Что въ западной Россіи псалтирь пользовалась учебнымъ, такъ сказать, значеніемъ, на это указываетъ, между прочимъ, хранящійся въ кіево-софійской библіотекѣ рукописный экземпляръ ея (XVI в.) съ такой замѣткой: „Псалтирь Спасскаго монастыря сверенды(?). А кто сію псалтырь отъ Спаса возьметъ или *на ученіе дѣтей отдастъ*, судитъ ему Спасъ" [6]). Мало того. У насъ съ самаго начала XVI ст. существовала уже печатная учебная псалтирь. Фр. Скорина, желая дать „дѣтямъ младымъ початокъ всякое доброе наукы, дорослымъ помноженіе въ наукѣ" и сознавая, что изъ ветхозавѣтныхъ книгъ предпочтительнѣе всѣхъ псалтирь, которая при простотѣ изложенія обладаетъ самымъ широкимъ содержаніемъ, „замыкая сама едина вси тые речи въ собѣ, и всѣхъ тымъ уча и все проповѣдуя", что заключается во всемъ Ветхомъ Завѣтѣ въ совокупности, — „повелѣлъ псалтырю тиснути рускыми словами, а словенскымъ языкомъ... къ пожитку посполитого доброго, наиболѣи съ тое причины, иже милостивый Богъ съ того языка на свѣтъ

---

[1]) Лит. ен. вѣд., 1895, № 48. Приложеніе къ статьѣ А. Бѣлецкаго: «Родопроисхожденіе западнорусскаго митрополита Іосифа II Солтана». Жизнь кн. Курбскаго въ Литвѣ и на Волыни, I, 160. 161. Ср. А. В. А. К., XVII, № 652; VI, стр. 243.

[2]) «Божественныя книги, говорилось на соборѣ 1551 г., писцы пишутъ съ неправленныхъ переводовъ... и по тѣмъ книгамъ въ церквахъ Божіихъ чтутъ и поютъ, и учатся и пишутъ съ нихъ»... (Гл. 5, вопр. 5. Стоглавъ, 1862, стр. 52. 53).

[3]) *Миропольскій*, III, 117.

[4]) Здѣсь самое слово psalteratus обозначало, по Дюканжу, того, кто умѣлъ читать: psalteratus literatus—qui scit legere psalterium scilicet (*Лавровскій*, о. с., 130).

[5]) Акты историческіе, I, № 104.

[6]) Главная опись церковнаго и ризничнаго имущества софійскаго собора, ч. I, № 57.

пустилъ“ его. При этомъ Скорина предложилъ на поляхъ объясненіе нѣкоторыхъ устарѣлыхъ славянскихъ выраженій—„для простыхъ людей“ [1]).

Относительно программы нашихъ школъ въ XVI вѣкѣ сохранилось свидѣтельство Одерборна, который говоритъ, что въ церковныхъ школахъ обучаютъ славянской грамотѣ, молитвамъ къ пресв. Дѣвѣ и свят. Николаю, нѣсколько измѣненному апостольскому символу (т. е. никеоцареградскому) и псалмамъ Давида. Катихизиса не преподаютъ [2]). А предисловіе къ грамматикѣ Мелетія Смотрицкаго (1619) показываетъ и порядокъ обученія: издревле, говоритъ онъ, у учителей былъ обычай учить малыхъ дѣтей сначала азбукѣ, потомъ часослову и псалтири, а также писать; послѣ этого иные читали и апостолъ. Въ нѣкоторыхъ школахъ изучались и начатки ариѳметики.

Но перечисленными учебными предметами нельзя ограничить содержаніе того, чему у насъ вообще учили въ это время. Высшія сословія не всегда, конечно, довольствовались приходскими школами и доморощѐнными педагогами-дьяками, и часто или посылали своихъ дѣтей въ краковскій университетъ и другія иновѣрныя школы или приглашали къ себѣ на домъ прослушавшихъ въ нихъ курсъ. Вслѣдъ за аристократами шла простая шляхта и даже горожане [3]).

Безъ сомнѣнія, подъ руководствомъ домашнихъ учителей развили свой умъ и обогатились своего рода ученостью и нѣкоторые наши полемисты XVI в., заявляющіе о себѣ, что они не видѣли училищъ. Та-

---

[1]) Чт. въ моск. общ. ист. и древн. рос., 1888, I, 84—86, въ прим.

[2]) Scholas semper templis adjunctas habent; in illis 30 annorum juvenis prima litterarum rudimenta pueritiam docet. Litterae ipsorum alphabeticae veteribus graecis quam simillimae sunt. Catechesi nulla utuntur, sed preculas ad Beatam Virginem et D. Nicolaum in libris descriptis pueris proponunt. Symbolum tamen apostolorum verbis quibusdam immutatis addiscunt, huic adduntur hymni Davidis, quos illi nocturna versantque manu, versantque diurna (De russorum religione, ritibus nuptiarum, funerum, victu, vestitu etc. Et de Tartarorum religione ac moribus epistola ad Davidem Chytraeum recens scripta. 1582. p. 10. 11). Что это письмо, датированное 8 авг. 1581 г., принадлежитъ Одерборну, это открывается изъ другихъ современныхъ изданій его и въ томъ числѣ—изданія самого Хитрея—Davidis Chytraei oratio de statu ecclesiarum hoc tempore in Graecia, Asia, Boëmia etc. Francofurti, 1583, гдѣ къ его заглавію присоединено: Paulus Oderbornius poeta laureatus, docens jam Evangelion in Lituania, Davidi Chytraeo S. P. D. (p. 211). О нѣкоторыхъ другихъ изданіяхъ этого письма сообщаетъ Старчевскій, перепечатавшій его во II т. «Historiae ruthenicae scriptores exteri saeculi XVI» (praefatio, p. X, XI). Хотя многія сообщенія Одерборна относятся къ восточной Руси, но мы имѣемъ всѣ основанія видѣть въ тѣхъ школахъ, о которыхъ онъ говоритъ, западнорусскія приходскія училища, которыя ему всего ближе были знакомы по мѣсту его службы (онъ былъ проповѣдникомъ въ виленской лютеранской кирхѣ, затѣмъ служилъ въ Ригѣ, Кейданахъ, Ковнѣ; умеръ въ 1605 г. *Adamowicz*, 43, 48).

[3]) Въ XVI ст. въ Польшѣ до того былъ распространенъ обычай приглашать учителей къ себѣ на домъ, что ихъ имѣли даже мѣщане, по свидѣтельству Эразма Гличнера (Przewodnik naukowy i literacki, 1886, 444). Такой бакаляръ былъ, очевидно, и у извѣстнаго Ѳедора Евлашевскаго (род. въ 1546 г. въ Ляховичахъ, слуцкаго пов.), съ которымъ онъ прошелъ не только «рускую (но) и полскую науку» (Дневникъ *Евлашевскаго*, Кіев. стар., 1886, I, 128). Интересно, что Евлашевскаго «въ пятомъ року почато бавити наукою рускою», т. е. начали учить русской грамотѣ.

ковъ, напр., авторъ одного сочиненія 1511 г. [1]), таковъ же извѣстный Герасимъ Даниловичъ Смотрицкій, котораго считаютъ ректоромъ острожской школы и который хорошо былъ знакомъ съ древними языками (о немъ ниже). Таковъ же, наконецъ, и кіевскій іеродіаконъ Іоакимъ, родомъ изъ Каменца Подольскаго, который около 1584 г. далъ въ Москвѣ слѣдующія цѣнныя показанія о характерѣ домашняго образованія своего и своего спутника. Онъ говорилъ, что въ домѣ своихъ родителей научился св. книгамъ Закона Господня, св. догматамъ и благочестивому богословію и свящ. философіи и что бывшій съ нимъ „хлопецъ, сынъ изящныхъ, почтенныхъ родителей“, „бѣ много ученъ грамматики и философіи Іоанна Дамаскина и иныхъ премудрѣйшихъ учителей“ [2]).

Но очевидно, что эти лица находились въ особенно благопріятныхъ условіяхъ для своего умственнаго развитія и что количество и домашнихъ учителей и общественныхъ далеко не соотвѣтствовало числу желавшихъ учиться, какъ не соотвѣтствовала потребностямъ времени и программа нашихъ школъ,—программа, въ которую не включенъ былъ даже катихизисъ. А между тѣмъ потребности эти, созданныя религіозной и политической борьбой, все болѣе разгоравшейся на территоріи зап. Россіи, вызвали нужду въ изученіи не только основаній вѣроученія, но и тѣхъ наукъ, при помощи которыхъ они могли быть защищены—діалектики, риторики и т. п., и которыми были вооружены противники православія, съ большимъ усердіемъ примѣнявшіе ихъ при пропагандѣ своихъ идей.

Но какъ ни велика была несоразмѣрность научныхъ силъ и средствъ православныхъ, съ одной стороны, и рим.-католиковъ и протестантовъ—съ другой, торжество послѣднихъ надъ первыми было неполнымъ и далеко не оправдавшимъ ихъ ожиданій. Дѣло въ томъ, что уже съ 70-хъ годовъ XVI ст. начался такой подъемъ религіозныхъ и умственныхъ силъ въ русскомъ народѣ, что, несмотря на все напряженіе усилій іезуитовъ, поддерживаемыхъ правительствомъ, и протестантовъ, опиравшихся на свои школы, побѣда римско-католичества выразилась лишь уніей, а не полнымъ переходомъ русскихъ въ латинство, а побѣда протестантовъ—отдѣльными совращеніями православныхъ, а не уніей съ ними.. На защиту вѣры и національности поднялись всѣ лучшіе русскіе люди. Одни за другими появляются училища, типографіи, ученые кружки при нихъ; создается полемическая, богословская и педагогическая, оригинальная и переводная, литература; исправляются и издаются священныя и богослужебныя книги; завязываются сношенія по разнымъ вопросамъ церковной, политической и общественной жизни частныхъ лицъ и братствъ

---

[1]) *Н. Петровъ*, Западнорусскія полемическія сочиненія XVI в. (Тр. Кіев. дух. акад., 1894, февр., 166).

[2]) Чт. въ моск. общ. ист. и древн. росс., 1883, I, отд. V (смѣсь). Время ученія Іоакима въ Каменцѣ можно вывести такимъ образомъ. Въ своемъ показаніи о цѣли путешествія въ Москву іер. Іоакимъ говоритъ, что поѣхалъ туда «по докладу короля Сигизмунда Августа», значитъ, не позднѣе 1572 г. Вѣроятно, въ это время онъ былъ уже человѣкомъ болѣе или менѣе солидныхъ лѣтъ, если ему было дано довольно важное порученіе и вручены листъ и дары короля. Слѣдовательно, учился онъ около 1550—1560 г.,—не позже.

между собой и съ восточными патріархами и Аѳономъ; созываются частые соборы съ цѣлію благоустроенія церковной жизни, посылаются къ королю и на сеймы депутаты съ просьбами и протестами противъ посягательствъ на православную вѣру и церковь. Вообще въ западнорусскомъ обществѣ возбуждается движеніе по преимуществу религіозно-просвѣтительнаго характера, и насколько оно было сильно, показываетъ свидѣтельство одного лица, очень близко стоявшаго къ нему. Именно Герасимъ Смотрицкій указалъ на то, что „не только мужчизны, але изъ бѣлыхъ головъ (женщинъ) нѣкоторые хотятъ вѣдати глубокости писма таемницы догматъ церковныхъ которымъ произвоитша бы куделя (пряжа) з веретеномъ, а нижли тое што писано перомъ“ [1]).

При этомъ должно обратить вниманіе на тотъ фактъ, что во главѣ этого движенія стало не духовенство, которому и по существу дѣла, и по историческимъ традиціямъ оно должно было быть всего ближе, а свѣтскія сословія. Руководителями его были нѣкоторые представители аристократіи и, главнымъ образомъ, мѣщане городовъ, которые и одушевляли на дѣло служенія вѣрѣ и народности тѣхъ немногихъ лицъ изъ духовныхъ, чье участіе въ общемъ оживленіи обнаруживается въ первые годы его.

Для того, чтобы понять происхожденіе и направленіе нашего просвѣщенія въ концѣ XVI ст. и только что отмѣченное отношеніе къ нему нашего духовенства, слѣдуетъ остановиться на историческихъ обстоятельствахъ, которыя, во первыхъ, заставили русскій народъ позаботиться о своемъ образованіи и которыя, во вторыхъ, помѣшали взяться за это дѣло духовенству.

Умственное оживленіе, охватившее западную Русь со второй половины XVI ст., было результатомъ тѣхъ культурныхъ теченій, которыя въ это время хлынули на нее со всѣхъ сторонъ. Легко здѣсь различить теченія свое—народное, польское, римско-католическое, протестантское, московское и, наконецъ, греческое. Какъ каждое изъ нихъ вызывало сознаніе необходимости просвѣщенія и школъ,—и нужно показать.

Не можетъ быть никакого сомнѣнія, что въ XVI ст. польская цивилизація въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ была выше русской. Хотя орудіемъ ея до половины XVI ст. былъ почти исключительно латинскій языкъ, во всякомъ случаѣ не съ этого времени ведутъ начало польскія литература и наука. Послѣдняя болѣе столѣтія разработывалась и развивалась въ краковскомъ университетѣ и, конечно, западнорусская наука не могла итти въ сравненіе съ нею. Это обстоятельство, въ связи съ фактомъ политической подчиненности русскаго народа Польшѣ, и обусловило вліяніе польской культуры на русскую. Начиналось это вліяніе съ самаго неважнаго,—съ обстановки домашней жизни, съ убранства, пріемовъ обращенія, затѣмъ переходило на употребленіе въ разговорахъ польской рѣчи и оканчивалось подражаніемъ польскимъ нравамъ и усвоеніемъ польскаго міровоззрѣнія—общественнаго, научно-историческаго,

---

[1]) Арх. Ю.-З Р., I, VII, 234 (id. Чт. въ моск. общ. ист. и древн. росс., 1880, III, смѣсь, 86, 87).

политическаго и религіознаго. Этому вліянію прежде всего подверглись области, зависѣвшія непосредственно отъ Короны, но и литовско-русскія провинціи не оставались чужды ему, особенно послѣ люблинскаго соединенія ихъ съ Польшей. И, разумѣется, степень опольщенія этихъ областей была пропорціональна степени ихъ близости къ центру польской цивилизаціи—Кракову. Такъ, Галиція уже въ первой половинѣ XVI столѣтія произвела немало даровитыхъ писателей, которые обогатили польскую именно литературу, не написавъ, быть можетъ, ни одной строчки на родномъ, русскомъ языкѣ [1]). На Волыни же въ это время даже аристократія продолжаетъ употреблять въ домашнемъ обиходѣ русскій языкъ, на немъ же подписывая оффиціальные документы. Показателемъ усиленія польскаго вліянія на Русь служатъ прежде всего именно эти подписи. Изобразить подъ документами свою фамилію польскими буквами считалось настолько моднымъ, что даже кн. Курбскій не могъ удержаться, чтобы не подписаться „писмомъ польскимъ“ или не прибавить къ своему имени словъ: „ренкą свą“ [2]). Чѣмъ дальше, тѣмъ больше польскій языкъ овладѣваетъ положеніемъ въ борьбѣ съ русскимъ. Воспитаніе въ польскихъ школахъ, католическихъ и протестантскихъ, возбуждало въ русской аристократіи и шляхтѣ преклоненіе предъ польской культурой и равнодушіе къ своему, родному, особенно языку,—его стали „хулить и не любить“. Усвоиваютъ мало по малу польскій языкъ и русскія дамы, хотя и медленнѣе [3]). Даже духовенство наше уступило вліянію польскаго языка и польской литературы. Уже переводчикъ Тяпинскаго евангелія замѣтилъ, что попы, не имѣя школъ для изученія русскаго языка, обучали своихъ дѣтей по польски [4]). Въ концѣ XVI столѣтія встрѣчаются „польскія евангелія“ даже у игуменовъ православныхъ монастырей [5]).

Конечно, это увлеченіе охватило далеко не всѣхъ. Сознаніе опасности, грозившей русскому языку, а съ нимъ и русской національности, было у многихъ, и это спасло его отъ гибели. Большое значеніе имѣло при этомъ и то обстоятельство, что въ литовскомъ государствѣ употребленіе его при судопроизводствѣ и административныхъ сношеніяхъ было обезпечено даже законодательнымъ путемъ [6]). И объ этомъ не

---

[1]) Русь, говоритъ Лелевель, доставила Польшѣ избраннѣйшихъ стилистовъ: рѣдкаго оратора Оржеховскаго, естествовѣда Стефана Фалимича, переводчика Библіи Яна Леополиту, поэта и бытового писателя Николая Рея изъ Нагловицъ, кодификатора законовъ Яна Гербурта (*Lelewel*, Polska. Dzieje i rzeczy jej, V (1863), 201).

[2]) Жизнь кн. Курбскаго въ Литвѣ и на Волыни, I, 200, 242.

[3]) См. «renkoп własnoп» Раины Старосельской, сестры митрополита Михаила Рагозы, 1592 г. (Арх. сб., VI, № 125; ср. IV, №№ 38. 39).

[4]) Кіевская старина, 1889 г., январь, прилож.. *Е. Карскій*, Къ вопросу о разработкѣ стараго западнорусскаго нарѣчія (Труды виленскаго отдѣленія моск. предварительнаго комитета по устройству въ Вильнѣ IX археолог. съѣзда, 1893, отд. III, 8, 9).

[5]) Арх. Ю.-З. Р., I, I, стр. 34.

[6]) 1-й артикулъ IV раздѣла Статута 1588 г. говоритъ: «А писаръ земскій маетъ по руску, литеры и словы рускими вси листы выписы и позвы писати а не иншимъ езыкомъ и словы». 37 артикулъ требуетъ, чтобы подстароста, городскіе судьи и писари

забывали истинно русскіе люди, отстаивавшіе при случаѣ юридическое значеніе родного языка [1]).

Но этого было мало. Не могло также имѣть большого значенія то обстоятельство, что нѣкоторые русскіе въ своихъ духовныхъ завѣщаніяхъ внушали дѣтямъ вѣрность русскому языку, обычаямъ и вѣрѣ православной, какъ скоро они же позволяли своимъ сыновьямъ ѣздить „до Вильни къ езуитомъ, бо тамъ фалятъ дѣтямъ добрую науку“ [2]): нужно было воспитать въ нихъ любовь къ родному въ школахъ православныхъ и научнымъ изученіемъ русскаго языка укрѣпить вкусъ къ нему. Западноруссы, дѣйствительно, и пришли къ той мысли, что школьное изученіе русскаго и славянскаго языковъ есть одно изъ наилучшихъ средствъ спасенія своей національности отъ поглощенія ея польской. Такъ, митрополитъ Михаилъ Рагоза въ своемъ окружномъ посланіи изъ Львова, отъ 20 января 1592 г., указавъ на фактъ гибели многихъ, „паче же отъ благороднѣйшихъ пановъ“, въ различныхъ ересяхъ, поставилъ его въ связь съ тѣмъ обстоятельствомъ, что въ Галиціи „ученіе святыхъ писаній зѣло оскудѣ, паче же Словенскаго Россійскаго языка, и вси человѣцы приложишася простому несъвершенному Лядскому писанію, и сего ради въ различныя ереси впадоша, не вѣдуще въ Богословіи силы съвершеннаго грамматическаго Словенскаго языка“ [3]). Но еще яснѣе сознаніе гибельности для русскаго народа польскаго вліянія и отсутствія своихъ школъ, которыя могли бы ослабить его, выразилось у автора Перестроги. Сообщивши о тяжеломъ положеніи, въ какомъ находилась въ его время западная Русь, авторъ Перестроги объясняетъ: „Велми много зашкодило (завредило) панству Русскому, же не могли школъ и наукъ посполитыхъ расширяти, и оныхъ не фундовано: бо коли бы были науку мѣли,

---

были людьми «въ правѣ и писма рускаго умѣетными» (Временникъ москов. общ. ист. и древн. россійскихъ, 1854, кн. 19, стр. 88. 129).—Насколько такое обезпеченіе сохраняло языкъ, видно изъ того, что въ Галиціи, напр., г. Лисевичу, занимавшемуся спеціально вопросомъ объ оффиціальномъ языкѣ Червонной Руси въ 1340—1506 г., удалось найти только 47 документовъ на русскомъ языкѣ въ періодѣ времени до 1435 г. А съ этого времени, т. е. съ введенія въ дѣйствіе едльненской конституціи 1433 г., которая требовала единства польскаго права для Галиціи наравнѣ съ польскими областями государства, до конца изслѣдуемаго г. Лисевичемъ періода онъ не нашелъ ни одного такого документа, хотя при устныхъ объясненіяхъ въ судахъ русскій языкъ и употреблялся (Przewodnik naukowy i literacki, 1886, 245—256).

[1]) А. З. Р., III, № 64: Челобитная кор. Стефану браславской шляхты о томъ, чтобы королевскіе указы къ ней велѣно было писать по русски, а не по польски (1576).

[2]) Такъ, Вас. Загоровскій требовалъ, чтобы дѣти его «писма своего Рускаго и мовенья Рускими словы и обычаевъ цнотливыхъ и покорныхъ Русскихъ не забачали, а наболшей веры своее, до которое ихъ Богъ вызвалъ и въ ней на сеи свѣтъ створилъ, и набоженства въ церквахъ нашихъ, Греческого закону належнаго и порядне постановленного, николи, ажъ до смерти своее, не опускали, посты светые пристойне... постили... а ереси всякое... пилне ся выстерегали а отъ нее ся отгребали» (Арх. Ю.-З. Р., I, I, стр. 74. 75). См. интересную рѣчь смоленскаго каштеляна Ивана Мелешка на сеймѣ 1589 г. въ защиту русскихъ обычаевъ и нравовъ отъ порчи ихъ польскимъ и иноземнымъ вліяніями (Вѣстникъ ю.-зап. и западной Россіи, 1862, I).

[3]) А. З. Р., IV, № 32.

тогда бы за невѣдомостью своею не пришли до таковые погибели. Читаючи кроники Польскіе знайдешъ о томъ достаточнѣ, якъ Поляци Рускіе паньства пообсѣдали, попріятелѣвшися зъ ними, и, царскіе цурки (дочери) своѣ за Русиновъ давши, черезъ нихъ своѣ обычаѣ оздобные и науку укоренили, такъ, ижъ Русь посполитовавшися зъ ними, позавидѣли ихъ обычаемъ, ихъ мовѣ (языку) и наукамъ, и, не маючи своихъ наукъ, у науки Римскіе своѣ дѣти давати почали которые зъ науками и вѣры ихъ навыкли, и такъ по малу-малу науками своѣми все паньство Руское до вѣры Римской привели, ижъ потомкове княжатъ Рускихъ зъ вѣры православной на Римскую выкрестилися, и назвиска (фамиліи) и имена собѣ поотмѣняли, якобы николи не зналися быти потомками благочестивыхъ прародителей своихъ". Въ другомъ мѣстѣ онъ влагаетъ въ уста нѣкоего львовскаго братчика такія слова: Русскіе „яко ся окрестили, и не училися, только церкви будовали (строили), которые имъ злые сусѣдѣ заразъ поспустошили, и справу всю церковную разорвано и зневолено, и людъ даньми обтяжено, а великихъ пановъ своими науками и способами розмаитыми отъ церкви выведено, а все поспольство до знищенья приведено и убожество намножилося: про то теперь школы на всѣхъ мѣстѣхъ закладаются, и шпитали будуются, и церкви муруются" [1]).

Западноруссамъ приходилось бороться не только за народность свою, но и за вѣру, и въ сознаніи нѣкоторыхъ изъ нихъ школа прежде всего должна была служить защитѣ православія, а послѣ уже и черезъ это—и національной идеѣ. „Школу наукъ христіанскихъ, грецкихъ и словенскихъ дѣтѣмъ вашимъ и всѣмъ посполите уфундовали, ижбы піючи въ чужихъ студенцахъ воды наукъ умоязыческихъ вѣры своей не отпадали, зачимъ правѣ и всенародное сгиненіе (погибель) барзо (очень) блиско ходитъ",—писали львовяне въ своемъ „Оглашеніи церкве братской Львовской" (1600 г.) [2]).

Религіознымъ убѣжденіямъ православныхъ западноруссовъ грозили католики и протестанты; но такъ какъ пропаганда католичества до прибытія іезуитовъ носила болѣе характеръ насильственнаго совращенія русскихъ, черезъ стѣсненіе ихъ въ ихъ гражданскихъ правахъ, а самое приглашеніе іезуитовъ вызвано успѣхами реформаціи въ западной Россіи, то удобнѣе заняться прежде выясненіемъ вліянія протестантовъ на развитіе нашего просвѣщенія.

Протестанты очень скоро по прибытіи въ западную Русь возбудили тревогу среди православныхъ. Послѣдніе при встрѣчѣ съ лютеранскими и кальвинскими догматами начинали терять почву подъ ногами, чувствуя нетвердость своихъ убѣжденій, не укрѣпленныхъ въ школахъ изученіемъ не только богословія, но и краткаго катихизиса. Между тѣмъ протестанты, обнаруживъ слабость православныхъ съ этой стороны, стали распространять среди нихъ свои катихизисы на русскомъ языкѣ [3]).

---

[1]) А. З Р., IV, стр. 204. 205. 223.

[2]) Тр. Кіев. дух. акад., 1876, I, 386.

[3]) Намъ извѣстенъ только одинъ такой катихизисъ—несвижскій. Но нунцій Коммендоне сообщаетъ, что въ Бельзѣ въ 1564 году православные русины жаловались ему

Немного нашлось въ то время въ западной Россіи православныхъ людей, которые сумѣли разобраться въ новыхъ идеяхъ и анализировать ихъ. Къ числу ихъ принадлежали, между прочимъ, два московскіе выходца—старецъ Артемій и кн. Курбскій. Къ нимъ то и стали обращаться нѣкоторые за разрѣшеніемъ своихъ сомнѣній [1]), и оба они оказали огромную услугу православной церкви. Захарія Копыстенскій о первомъ изъ нихъ свидѣтельствуетъ, что онъ „въ Литвѣ отъ ереси Аріанской и Лютеранской многихъ отвернулъ, и чрезъ него Богъ справилъ, же ся весь народъ Русскій въ Литвѣ въ ереси тыи не перевернулъ“ [2]). Но и Артемій при полемикѣ съ протестантами чувствовалъ, что авторитетъ его не можетъ быть вполнѣ достаточнымъ безъ научнаго изученія источниковъ православія: „нужда, говорилъ онъ, наипаче въ нынѣшнее время, въ неже предържатъ святая мѣста богокорчемници и христопродавци, съ многимъ тщаніемъ и смиреніемъ испытовати истины разумъ въ божественномъ писаніи“ [3])... Болѣе образованъ былъ князь Курбскій; но и онъ, полемизируя съ протестантами, ясно сознавалъ, что ему не выстоять предъ „искусными силлогизмами поганскихъ философъ“, приводимыми „схизматиками“—протестантами, почему и совѣтовалъ своимъ корреспондентамъ не показывать послѣднимъ его посланій и не спорить съ ними, „бо зѣло сварливы и упрямы“ [4]).

Но если такіе люди, какъ Артемій и Курбскій, чувствовали свою несостоятельность въ борьбѣ съ протестантами, то каковы же должны были быть массы православнаго народа и даже священники, образованіе которыхъ часто не шло далѣе изученія той или другой богослужебной книги? Отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ историческая справка о степени распространенности протестантства въ православной средѣ. „Еретики, говорили православнымъ на брестскомъ соборѣ 1596 г. королевскіе послы, въ одномъ только новгородскомъ воеводствѣ, какъ извѣстно, опустошили 650 церквей и службу Божію въ нихъ. Тамъ изъ 600 слишкомъ шляхетскихъ домовъ греческой религіи едва осталось 16 или даже меньше, которые избѣгли новокрещенской еретической заразы“ [5]). Если и есть въ этомъ заявленіи преувеличеніе, то столь незначительное, что автору Апокрисиса пришлось только „съ жалостью“ согласиться, „ижъ много церквей есть еретицствомъ змазанныхъ“ [6]). Людямъ, сколько нибудь внимательнымъ къ происходившему, легко было понять, что при-

---

на тотъ вредъ, какой происходитъ для ихъ церкви отъ недавно вышедшихъ въ Германіи (w Niemczech i w Księstwie Wirtembergskim) еретическихъ катихизисовъ на ихъ языкѣ (*Albertrandi*, Pamiętniki o dawnej Polsce, I, 201).

[3]) П. П. Л., I, 1266. 1328. 1329.

[1]) П. П. Л., I, 913.

[2]) П. П. Л., I, 1429. 1430. 1442. 1447.

[4]) Сказанія кн. Курбскаго, 289. 290; ср. 278.

[5]) «Берестейскій соборъ и оборона его» Скарги—П. П. Л., III, 213, 214 (id. П. П. Л., II, 950. 951). «Пойзрите въ Новгородъскій повѣтъ, приглашаетъ авторъ Антиррисиса: яко ся тамъ тая проклятая ересь раскоренила, ледве сотный домъ шляхецкій найдешъ, который бы тымъ повѣтрьемъ не былъ зараженый» (П. П. Л., III, 975).

[6]) П. П. Л., II, 1288.

чина такихъ быстрыхъ успѣховъ протестантства заключается въ малой образованности православныхъ. Становилось очевиднымъ, что нужно изучать и Священное Писаніе, и „искусные силогизмы“, но изучать не въ инославныхъ училищахъ, а въ своихъ собственныхъ,—что нужно дать народу возможность „науки христіанской слухати, а не еретическихъ вымысловъ, а не поганскихъ наукъ“ [1]).

Какъ ни великъ былъ вредъ, приносимый православнымъ западноруссамъ пропагандой протестантовъ, между тѣми и другими существовали отношенія самыя дружественныя. Причина этого заключалась отчасти въ мирномъ характерѣ распространенія протестантства среди православнаго населенія. Проявленія насилія, если и имѣли гдѣ мѣсто, то не выходили за предѣлы владѣній того или другого пана и не носили признаковъ фанатизма, ожесточающаго и пропагандистовъ и привлекаемыхъ къ новой вѣрѣ. Было и другое обстоятельство для зарожденія и закрѣпленія взаимныхъ симпатій между православными и протестантами, на которое указалъ авторъ „Антиррисиса“. „Вы говорите, что васъ еретики любятъ болѣе, чѣмъ римско-католики? Правда, любятъ, но потому, что сами не могутъ обойтись безъ вашей любви и расположенія, которыми не пользуются у католиковъ“ [2]). Но этимъ расположеніемъ не пользовались у католиковъ и православные. Одинаковость отношенія къ тѣмъ и другимъ польско-католическихъ правительства и духовенства, постоянное стремленіе сократить до минимума гражданскія и религіозныя права ихъ, какъ естественно было ожидать, должны были сблизить между собою православныхъ и протестантовъ для защиты этихъ правъ. Это сближеніе, дѣйствительно, произошло и, скрѣпленное на торнской и виленской конфедераціяхъ, выразилось какъ въ постоянной взаимной поддержкѣ другъ друга протестантскими и православными сенаторами и депутатами на сеймахъ, такъ и въ частыхъ случаяхъ столкновеній ихъ съ общимъ врагомъ [3]). Еще предъ виленской конфедераціей православные западноруссы составили перечень своихъ „уразовъ“ (обидъ) отъ короля и латиноуніатовъ и предлагали „про то ихъ милостямъ панамъ евангеликомъ воспольсъ нами за наши уразы, яко и намъ за ихъ кривды, боронячи вольностей, слушнѣ ся взяти“ [4]).

Авторъ „Антиррисиса“ увѣрялъ, что протестанты потому „миловали“ православныхъ, что нуждались въ нихъ. На самомъ дѣлѣ скорѣе православные чувствовали въ нихъ нужду. Протестантскіе вельможи были вообще могущественнѣе православныхъ—и своимъ положеніемъ въ государствѣ, и своей энергіей и единодушіемъ въ отстаиваніи общихъ интересовъ. Потому православнымъ западнорусамъ приходилось часто обращаться за помощью къ нимъ именно, какъ къ надежной „заслонѣ“

---

[1]) «Выкладъ молитвы Господней», въ прилож. къ грамматикѣ Лавр. Зизанія 1596 г.

[2]) П. И. Л., III, 975—977.

[3]) Замѣчательно при этомъ полное, можно сказать, отсутствіе историческихъ свидѣтельствъ о столкновеніяхъ протестантовъ съ православными, даже уличныхъ.

[4]) А. З. Р., IV, № 138.

отъ папистовъ [1]). Очень много случаевъ для этого дало введеніе уніи. Еще въ 1595 году кн. К. К. Острожскій приглашалъ протестантовъ къ совмѣстному дѣйствованію, въ виду стараній русскихъ епископовъ соединиться съ Римомъ [2]), и тогда же виленскіе братчики сдѣлали попытку образумить митрополита Михаила съ помощью виленскаго воеводы Хр. Радивилла, къ которому отправили не только письмо, но и цѣлую депутацію [3]). Къ нему же обращаются въ 1597—8 и 1605 гг. съ ходатайствами за преслѣдуемыхъ уніатскими духовными властями виленскихъ и брестскихъ братчиковъ Янъ Абрамовичъ и даже князь Острожскій; и Радивиллъ, дѣйствительно, оказываетъ виленскимъ братчикамъ помощь [4]). Въ 1616 и 1618 гг. виленское братство опять обратилось къ Хр. Радивиллу, но не какъ къ воеводѣ, а въ силу его „врожденной доброты и любви къ милой отчизнѣ“, съ жалобами на притѣсненія, чинимыя уніатами [5]). И участіе, съ какимъ отнеслись протестанты къ положенію православной церкви, созданному уніей, было такъ велико, что въ 1597 г. возбудило удивленіе въ новгородскомъ воеводѣ Ѳедорѣ Скуминѣ, который тяготѣлъ уже тогда къ Риму: „Удивительная вещь, что на Руси еретики такъ сильно полюбили нашу вѣру, что говорятъ больше о нашей религіи, чѣмъ о своей, указывая на то, что для насъ, русскихъ, является большой обидой и нарушеніемъ нашихъ вольностей отмѣна послушанія (патріарху)“ [6]). Даже представители нашего высшаго духовенства, каковы митрополитъ Іовъ Борецкій, печерскій архимандритъ Петръ Могила, сознавая всю пользу отъ протестантовъ, старались поддерживать добрыя отношенія съ ними [7]).

---

[1]) Авторъ Сборника, напечатаннаго въ Острогѣ въ 1588 г., сообщаетъ: ...«и нѣкоихъ отъ христіанъ слышахомъ глаголющихъ: яко еретикове заслоною суть вѣре здѣшнихъ христіанъ отъ зловѣрныхъ, которые за еретиками не могутъ приневолити ихъ въ зловѣріе свое». Самъ онъ, впрочемъ, опровергаетъ правильность такого взгляда: «тогда то, говоритъ онъ, отъ неискуства таковіи глаголютъ, не могучи разумѣти козней бѣсовскихъ» (л. 23; id. П. П. Л., II, 936).

[2]) «Инъструкцыя пану Лушъковъскому, до Торуня на сынодъ еванъгелицъкій, который маетъ быть августа 21 дня». Антиррисисъ—П. П. Л., III, 641 et sqq.

[3]) Арх. сб., VII, № 40.

[4]) Рук. Имп. публ. библ. Пол., F, IV, № 198; № 223, лл. 49 и 118.

[5]) Арх. сб., VII, № 51, 52.

[6]) *Голубевъ*, Петръ Могила, прилож., № 16.

[7]) Арх. сб., VII, №№ 55. 64. 263. Въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Хр. Радивиллу Петръ Могила называетъ его «столпомъ отечества, бдительнымъ стражемъ отчизны, засвидѣтельствовавшимъ свою дружбу къ русскому народу, своимъ благожелательнымъ пріятелемъ». Интересно также, что п. Кириллъ Лукарисъ, отправляя въ зап. Россію своего протосингела Іосифа (1620), внушалъ ему наблюдать, чтобы русскіе жили между собою мирно и «о вѣрѣ съ Лютерами не спорили, а жили бы съ ними смирно, дабы Лютеры христіанской вѣры не хулили» (Сношенія Россіи съ Востокомъ по дѣламъ церковнымъ, II, 6). Замѣчательно, что добрыя отношенія между православными западнорусами и протестантами поддерживались и много времени спустя. Такъ, въ срединѣ 18 ст. виленскіе кальвинскіе пасторы предостерегали старшихъ св.-духовскаго монастыря противъ замысловъ католиковъ. Въ 1761 г. Ѳеофанъ Леонтовичъ, старшій монастыря, назы-

Сближеніе православныхъ съ протестантами произошло не только на почвѣ политической, но и на религіозно-научной,—на основѣ богатой полемической противо-латинской литературы послѣднихъ. Пока православные не выработали своихъ собственныхъ научно-литературныхъ пріемовъ борьбы съ католиками и не создали своей литературы, они не только обращаются къ протестантамъ за разъясненіемъ религіозной истины и поручаютъ имъ писаніе сочиненій противъ латинянъ [1]),—но и сами, не смущаясь, пользуются ихъ сочиненіями и изданіями по церковной исторіи, догматикѣ, каноническому праву и даже Священному Писанію [2]). И это удостовѣряется не только укорами латино-уніатскихъ писателей, въ родѣ автора „Sowita Wina“ [3]), и признаніемъ Мелетія Смотрицкаго по переходѣ его въ унію [4]), но и анализомъ тогдашнихъ полемическихъ западнорусскихъ произведеній [5]).

Неудивительно поэтому, что протестантство возбуждало симпатіи даже среди ревностныхъ православныхъ и какъ система вѣроученія, какъ исповѣданіе. Еще предъ торнской конфедераціей кн. К. К. Острожскій заявлялъ, что православные и протестанты стоятъ въ отношеніи церковныхъ „церемоній“ ближе другъ къ другу, чѣмъ къ католикамъ [6]). И хотя разсужденія о религіозной уніи, мысль о которой назрѣла къ 1599 г., на виленской конфедераціи шли туго, благодаря неуступчивости со стороны православнаго духовенства, въ западной Россіи этому вопросу пытаются дать болѣе широкую постановку и стараются заинтересовать имъ и греческую церковь въ лицѣ константинопольскаго патріарха Кирилла Лукариса [7]). Попытки религіозной уніи не привели къ

ваетъ «господъ протестантовъ» «союзниками и пріятелями нашими» (Матеріалы для исторіи западнорусской церкви XVIII ст.—Чтенія въ общ. Нестора лѣтописца, IX, 68. 69. 101. 143).

[1]) Такое порученіе далъ нѣкоему Мотовиллѣ К. К. Острожскій. И несмотря на все удивленіе и негодованіе по этому поводу кн. Курбскаго (Сказ. кн. Курб., 281 и слѣд.), онъ, кажется, повторилъ этотъ опытъ лѣтъ черезъ 20 (П. П. Л., III, 667, 669, 722).

[2]) Мороховскій, напр., упрекаетъ Мелетія Смотрицкаго, что онъ въ своемъ Θриносѣ сослался на Новый Завѣтъ Буднаго и Чеховича (Παρηγορία, 42).

[3]) Арх. Ю.-З. Р., I, VII, 492.

[4]) Апологія, 1628 г. См. также въ протестаціи Смотрицкаго противъ кіевскаго собора 1628 г. заявленіе Смотрицкаго, что онъ въ своемъ «Плачѣ» писалъ и вѣрилъ по еретически («Петръ Могила», прилож., стр. 335).

[5]) Такъ, напр., г. Студиньскій доказываетъ фактъ вліянія на сочиненіе Ст. Зизанія: «Казанье св. Кирилла Іерусалимскаго» и на полемическую часть «Перестроги»—изданія Зибранда Любберта: «De papa Romano libri decem. Frisiae in academia Franckeruna, 1594» (Перестрога, 162—166, 175—185, 192). См. также изслѣдованіе проф. Скабалановича: «Объ Апокрисисѣ Христофора Филалета» (Спб., 1873), 9—13.

[6]) П. П. Л., III, 644. Православные западноруссы высказывали даже надежду, что протестанты въ знакъ политическаго единенія съ ними откажутся отъ новаго календаря и станутъ «восполъ зъ ними одного патріаршаго благословенства и его владзы въ духовныхъ справахъ заживати» (А. З. Р., IV, № 138).

[7]) Переписка между православными западноруссами, протестантами и Лукарисомъ (1599—1600)—у *Малышевскаго*, «Мелетій Пигасъ», II, №№ 42—45.

„цѣли по весьма понятнымъ причинамъ; тѣмъ не менѣе, многіе православные сочувствовали реформаціи: они, по словамъ автора Антиррисиса „лепей (больше) хвалили вызнанье (исповѣданіе) веры Арыянское, анижъ католическое“ [1]), а по увѣренію Смотрицкаго, и въ его время они привыкли говорить, что въ крайности желаютъ итти скорѣе въ кальвинскіе зборы, чѣмъ соединиться съ римскою церковью.

Въ такомъ характерѣ отношеній между православными западноруссами и протестантами заключается объясненіе той скудости полемическихъ сочиненій ихъ другъ противъ друга, на которую уже указалъ авторъ Антиррисиса [2]). Имъ же опредѣляется степень воздѣйствія протестантовъ на оживленіе нашего просвѣщенія. Протестанты самымъ фактомъ своего существованія въ западной Россіи должны были будить мысль населенія, призывать ее къ критикѣ существовавшихъ религіозныхъ ученій. Для православныхъ западнорусcовъ имѣла большое значеніе ихъ полная энергіи просвѣтительная дѣятельность,—ихъ усердіе къ изученію слова Божія, проповѣдничество, устная и письменная полемика съ латинствомъ, заведеніе типографій и школъ. И, вѣроятно, не одному кн. К. Острожскому была симпатична эта сторона ихъ дѣятельности; а какъ онъ къ ней относился, видно изъ слѣдующаго отрывка его письма къ Ипатію Потѣю, брестскому епископу, отъ 25 марта 1595 года: „Что касается съѣздовъ, то желательно, чтобы и у насъ были такіе, какъ у тѣхъ, которыхъ называютъ некрещенными людьми, аріанами, новокрещенцами, еретиками.... Все, что постановлено ими на ихъ съѣздахъ, исполняется: очевидно, они съѣзжаются не на банкеты и пирушки, не для заговоровъ и притворства, а для совершенія богоугодныхъ и благочестивыхъ дѣлъ. Оттого у нихъ повсюду школы, типографіи, госпитали и безчисленное множество проповѣдниковъ“ [3]).

На почвѣ этого то сочувственнаго отношенія къ просвѣтительной дѣятельности протестантовъ, въ связи съ попыткой религіозной уніи, и создался проектъ общихъ православно-протестантскихъ школъ въ повѣтахъ, какой представленъ былъ на виленской конфедераціи 1599 года [4]).

---

[1]) П. П. Л., III, 767.

[2]) «Смóтрыте на овую зверъхную милость, згоду: же зъ вами спокойне живутъ, же вамъ не докучаютъ, же противъ васъ не пишутъ; а то не видите, же такъ имъ, яко и вамъ, тое згоды поверхънее потреба; а ку тому же тежъ вы не такъ на нихъ, яко Римляне, натираете, противъ имъ не пишете, не дыспутуетеся зъ ними,—а мамъ ли правду речы,—и сами ничого не розумеете, протожъ васъ по одному ловятъ» (П. П. Л., III, 975).—У насъ нѣтъ еще полнаго обзора памятниковъ западнорусской противо-протестантской полемической литературы. Изъ таковыхъ памятниковъ мы можемъ указать, кромѣ посланій старца Артемія (напечатаны въ I-мъ томѣ П. П. Л.) и князя Курбскаго (Сказанія кн. Курбскаго), на «Списаніе противъ Лютеровъ» (Чт. моск. общ. исторіи и древностей россійскихъ, 1879, II; въ болѣе исправной редакціи—П. П. Л., III), на Острожскій Сборникъ 1588, Книгу о вѣрѣ или Азаріеву книгу (о двухъ ея изданіяхъ см. *Голубева*, Тр. Кіев. д. акад., 1876 г., I, 363 и слѣд.)... Безъ сомнѣнія, имѣющій выйти въ свѣтъ цѣлый томъ памятниковъ полемической противо-протестантской литературы, приготовляемый къ печати проф. Голубевымъ, откроетъ наукѣ немало новаго по этому вопросу.

[3]) П. П. Л., III, 599.

[4]) *Łukasz.*, Dzieje.... w Litwie, I, 122. 123.

Проектъ этотъ не могъ быть осуществленъ, но тѣмъ не менѣе православные для своихъ школъ пользовались учебными силами протестантовъ. Такъ, уніатъ Дубовичъ говоритъ о нѣкоторыхъ знатныхъ панахъ, не называя ихъ по имени, которые жертвовали большія средства, чтобы поднять образованіе среди русской молодежи, и приглашали въ свои школы учителей изъ нѣмецкихъ еретическихъ коллегій [1]). Не отказывались отъ услугъ педагоговъ—протестантовъ и православныя братства, въ родѣ виленскаго [2]).

Не менѣе сильнымъ мотивомъ для православныхъ западноруссовъ къ заведенію и устройству своихъ школъ было появленіе въ предѣлахъ Польши и Литвы іезуитовъ и ихъ училищъ. Іезуиты были тѣмъ опаснѣе для православныхъ и тѣмъ сильнѣе побуждали ихъ спѣшить съ открытіемъ училищъ, что очень скоро начали примѣнять къ дѣлу выработанную ими систему литературныхъ и школьныхъ средствъ и правилъ совращенія въ латинство православныхъ взрослыхъ и учащихся. Изъ внѣшкольныхъ средствъ пропаганды латинства на первомъ планѣ стояло изданіе и распространеніе сочиненій въ духѣ католичества и „исправленіе“ православныхъ богослужебныхъ книгъ (евангелій, псалтири, миней, молитвослововъ). Среди сочиненій, рекомендованныхъ для этой цѣли Поссевиномъ, находились: нѣкоторыя (подложныя) творенія п. Геннадія Схоларія, сочиненія Ѳомы (Аквината) противъ греческихъ заблужденій, избранныя житія святыхъ (изъ Vitae sanctorum), „Объ единствѣ церкви“—Скарги, катихизисы—Римскій и Петра Канизія, Булла папы Евгенія IV объ уніи, Исповѣданіе вѣры Пія IV и т. п. Все это Поссевинъ совѣтовалъ, отпечатавъ на латинскомъ или греческомъ языкахъ, съ обязательнымъ русскимъ переводомъ, раздавать даромъ русскимъ попамъ для чтенія въ церквахъ, вообще православнымъ и особенно русскимъ воспитанникамъ виленской академіи, ярославской коллегіи и ольмюцкой семинаріи, для распространенія ими среди родныхъ и знакомыхъ [3]). Самъ Поссевинъ въ свое первое путешествіе въ Москву въ 1581 году распространялъ среди населенія „благочестивыя книжки“ (pii libelli), иныя на греческомъ языкѣ [4]). Живя послѣ того въ Вильнѣ, онъ приступилъ и къ издательству по выработанной имъ же программѣ. Прежде всего онъ хотѣлъ отпечатать на русскомъ языкѣ нѣсколько сотъ катихизисовъ, но русскіе типографщики посмѣялись надъ нимъ, внесши въ книгу, какъ онъ самъ признавался, различныя заблужденія [5]). Послѣ того Поссевинъ, перенесшій свою дѣятельность въ зап. Европу, завѣщалъ осуществленіе своей программы виленскимъ іезуитамъ [6]), причемъ иногда и самъ издавалъ намѣченныя книги [7]).

---

[1]) *Dubowicz*, Hierarchia, 1644, str. 194.

[2]) A. З. P., IV, № 217. П. И. Л., I, 285.

[3]) Supplem., 39—41.

[4]) Lit. an. S. J., 1582, 227.

[5]) *Васильевскій*, Вильна, 39 (Памятн. рус. стар. въ зап. губерніяхъ, V).

[6]) *Митр. Макарій*, IX, 420—422.

[7]) Таковы, напр., Interrogationes et responsiones de processione Spiritus Sancti a Patre et Filio: desumptae, ac breviore et dilucidiore ordine digestae, ex libro Gennadii Scholarii patriarchae Constantinopolitani. Ab Antonio Possevino de S. J. In gratiam et utilitatem Ruthenorum. Ingolstadii. 1583.

Вторымъ, не менѣе сильнымъ, факторомъ пропаганды латинств были у іезуитовъ диспуты съ иновѣрцами. При сильно развитой діалектикѣ они часто побѣждали противниковъ и поселяли въ слушателяхъ убѣжденіе въ истинѣ католичества. Они охотно вступали и въ публичные диспуты, гдѣ условія были выгодны для нихъ [1]), и въ частные дебаты. Случаи публичныхъ диспутовъ православныхъ съ іезуитами почти не извѣстны [2]), но что частные бывали, на это указываетъ и свидѣтельство кн. Курбскаго о происходившей въ его домѣ богословской бесѣдѣ съ ними, и совѣтъ его, чтобы „несовершенные въ писаніяхъ“ православные „не сражались бы съ ними гаданьми“ „безъ искусныхъ нашихъ“, „безъ ученыхъ нашея страны“ [3]). Но и послѣдніе, осмѣливавшіеся даже письменно полемизировать съ іезуитами, чувствовали себя не совсѣмъ свободно безъ оружія школьной науки: „простаку неучоному за мудрого оратора отповедати—власне якъ плохому а голому за збройнаго рыцера воевати“, замѣчаетъ Герасимъ Смотрицкій [4]).

О школьныхъ средствахъ пропаганды католичества уже было сказано. Совращеніе русскихъ юношей всего успѣшнѣе происходило въ виленской академіи и на первыхъ же порахъ дало себя чувствовать всѣмъ тѣмъ, кто интересы вѣры ставилъ выше іезуитскихъ знаній. Потому-то, какъ скоро обнаружилось, что іезуиты „не наука, первѣе мало не всѣхъ, въ неразумномъ еще будучи вѣку, намовя ихъ хитролестнѣ, отлучили отъ правовѣрія и покрестили въ свое полувѣріе“,—„многіе отцы отъ нихъ дѣти своя паки отобрали“ [5]). Но обойтись безъ образованія трудно было, и тотъ же самый князь Курбскій, который сообщалъ, что іезуиты—„ненавистники и противники зѣло великіе нашему православію“, былъ не безусловно противъ ихъ школъ. Напротивъ, онъ даже хвалилъ намѣреніе княгини Чарторыйской „послати сына до Вильни, до римскаго закона честныхъ презвитеровъ Езуитовъ“, ибо изученіе „внѣшнихъ“ и философскихъ наукъ само по себѣ хорошо, почему и

---

[1]) Когда кальвинистъ Яковъ Немоевскій предложилъ іезуитамъ устроить въ 1574 г. диспутъ въ Познани на польскомъ языкѣ и безъ употребленія схоластическихъ пріемовъ въ доказательствахъ, они отказались, какъ не пожелали и того, чтобы на диспутѣ присутствовалъ простой народъ (*Любовичъ*, Начало католической реакціи... 352. 353).

[2]) О. Залѣнскій сообщаетъ о происходившемъ въ Острогѣ диспутѣ Василія съ іезуитами (о. с., 121, прим.). Въ 1609 г. кн. Юрій Чарторыйскій (католикъ) предложилъ было въ Луцкѣ одному православному защитить при помощи поповъ два положенія, — что константинопольскій патріархъ имѣетъ больше власти, чѣмъ папа, и что римляне именно отдѣлились отъ церкви. Тотъ обѣгалъ окрестности города на 50 миль кругомъ и не нашелъ годныхъ людей. Явившись въ Луцкъ въ день диспута, онъ долженъ былъ заявить собравшимся о послѣдовавшемъ будто бы запрещеніи отъ патріарха попамъ диспутировать (Lit. ап. 1609, p. 425. Такъ сдѣлали въ 1574 г. и сами іезуиты, сославшись на то, что не могутъ вести преній безъ разрѣшенія папы и епископа). На подобномъ же основаніи православные вильняне отказались въ 1617 г. отъ публичнаго диспута съ уніатами, для котораго тоже былъ уже назначенъ день (*Коялович*, Литовская церк. унія, II, 313—315).

[3]) Сказ. кн. Курбскаго, 260—265.

[4]) Ключъ царства небеснаго, 1587 г.—Арх. Ю.-З. Р., I, VII, 238.

[5]) Сказанія кн. Курбскаго, 277.

святые отцы ѣздили обучаться къ языческимъ философамъ; но нужно остерегаться, говорилъ кн. Курбскій, чтобы знаніе это не было куплено цѣной вѣры, отъ которой іезуиты успѣли уже отвратить многихъ путемъ „хитролестной намовы“ [1]).

Такимъ-то образомъ іезуиты пробуждали въ западноруссахъ потребность въ просвѣщеніи. Они же указали и путь къ удовлетворенію ея и характеръ имѣющей возникнуть образованности. Когда Скарга писалъ (1577), что Русь не имѣетъ проповѣдниковъ, что въ ней „вся наука упала, а попы огрубѣли (zchłopieli) и овцы ихъ никогда не могутъ имѣть отъ нихъ такого руководства и помощи, въ какихъ нуждаются; что такіе пастыри, въ случаѣ появленія ереси, не смогутъ обороняться и не сумѣютъ предохранить отъ заблужденій своихъ овецъ и спасти ихъ отъ волковъ“; когда онъ ублажалъ „счастливую римскую церковь, которая всюду, гдѣ только ни привьетъ вѣру, сейчасъ же основываетъ латинскія школы, чтобы въ каждомъ народѣ развивалась наука и чтобы вѣра не слабѣла (nie prochniała) отъ невѣжества, а наоборотъ, чтобы изъ каждой націи родились ученые люди для ея защиты“,—то этимъ онъ прямо наталкивалъ русскихъ на мысль объ устройствѣ школъ, которыми бы укрѣплялась ихъ вѣра,—школъ православныхъ, преимущественно духовнаго характера. Когда онъ выставлялъ на видъ полнѣйшее незнакомство поповъ съ славянскимъ языкомъ, когда коварно увѣрялъ, что греки по зависти не познакомили ихъ съ своимъ языкомъ и не дали имъ своихъ школъ [2]),—то этимъ направлялъ русскихъ къ изученію славяно-греческой науки.

Указанныя образовательныя вліянія, пробудившія въ нашемъ обществѣ стремленіе къ наукѣ европейской, высшей, чѣмъ та, которую до того преподавали „дьяки“, были по преимуществу враждебными намъ и отрицательными. Положительный характеръ принадлежалъ двумъ другимъ факторамъ—московскому и восточному.

Московская Русь дала значительный толчокъ религіозному и умственному оживленію западнорусскаго общества. Почти одновременно переселились оттуда къ намъ замѣчательнѣйшіе люди своего вѣка: старецъ Артемій, троицкій игуменъ, обвиненный московскою церковною властью въ неправославіи и сосланный въ Соловки [3]), кн. Курбскій, который „отъ царскаго гнѣва бѣжалъ“ [4]), и бѣжавшіе отъ невѣжественной московской черни первые русскіе книгопечатники—діаконъ Иванъ Ѳедоровъ и Петръ Тимоѳеевъ Мстиславецъ. Первые двое очень скоро разобрались

---

[1]) Сказ. кн. Курбскаго, 276—278. Важна еще одна сохранившаяся собственноручная замѣтка Курбскаго на полѣ сдѣланнаго имъ перевода сочиненій Дамаскина. Противъ словъ: «еще что ото внѣв(ш)ныхъ приобрести можемъ не отметно есть»—онъ приписалъ: «не шкодитъ и чужихъ докторовъ писмо читати» (*Поповъ*, Описаніе рукописей и каталогъ книгъ церковной печати библіотеки А. И. Хлудова, 1872, 113).

[2]) П. П. Л., III, 484—486.

[3]) Соборныя грамоты объ осужденіи Артемія отъ 24 янв. 1554 г. (Акты археограф. экспедиціи, I, № 239). Ср. «Исторію княжества великаго московскаго», кн. Курбскаго (Сказанія кн. Курбскаго, 133—135).

[4]) Бѣгство это произошло въ 1564 г. (Жизнь кн. Курбскаго въ Литвѣ и на Волыни, I, 37 и предисл., стр. III).

въ церковныхъ отношеніяхъ западнорусскаго народа и стали на защиту его религіозныхъ интересовъ. Своею писательскою дѣятельностью эти лица опредѣлили нормальное отношеніе къ тѣмъ культурнымъ вліяніямъ, которыя показались имъ болѣе вредными, и побудили западноруссовъ ополчиться противъ нихъ. Но въ то время, какъ старецъ Артемій давалъ только чувствовать, что въ борьбѣ съ иновѣрцами нужно православнымъ богословское образованіе, князь А. М. Курбскій показалъ, какъ слѣдовало взяться за дѣло. По нему, нужно было не только оградить отъ новыхъ ересей православную паству, которая на Волыни, напр., „мало не вся заразилася, скверными догматы подущаема“, но и поднять ея нравственность. Для обѣихъ цѣлей необходимо было, по его убѣжденію, знакомство съ святоотеческой литературой, а для этого— знаніе греческаго и латинскаго языковъ. Начавъ заниматься на Волыни усерднымъ чтеніемъ Аристотеля и Священнаго Писанія, ради собственнаго удовольствія и для утѣшенія въ разлукѣ съ домашними, кн. Курбскій вспомнилъ слова своего учителя Максима Грека, что изъ святыхъ отцовъ немногіе переведены на славянскій языкъ, тогда какъ на латинскій—почти всѣ, и рѣшилъ послужить на пользу церкви православной переводомъ твореній отцовъ съ латинскаго на славянскій языкъ. Ему непріятно стало, что „нашихъ учителей чуждые наслаждаются, а мы гладомъ духовнымъ таемъ, на свои зряще“. Ради этого онъ уже въ сѣдинахъ приступилъ къ изученію латинскаго яыка и „не мало лѣтъ изнури, въ грамотическихъ, и въ діалектическихъ, и въ прочихъ наукахъ пріучаяся“. Когда онъ изучилъ ихъ „по силѣ своей“, тогда купилъ необходимыя для перевода книги и съ помощью нѣкоего юноши Амвросія, „зело въ писаніяхъ искусна суща и верхъ философіи достигша“, перевелъ списокъ сочиненій Златоуста и его слова на праздники. Для того дѣла, которому Курбскій сталъ служить, мало было одного—двухъ человѣкъ, и князь сталъ подыскивать себѣ помощниковъ, которые знали славянскій и латинскій языки. Но тѣ монахи и мірскіе, которыхъ нашелъ онъ, не пожелали помочь ему,—монахи по непохвальному самоуниженію, вторые— будучи объяты мірской суетой. Тогда Курбскій склонилъ своего брата (двоюроднаго) князя Михаила Оболенскаго, благороднаго юношу, учиться „внѣшнимъ наукамъ на языкѣ Римскомъ“. Оболенскій, оставивъ домъ и семью, провелъ три года въ Краковѣ и два въ Италіи и вернулся „здравъ и въ праотеческомъ благочестію цѣлъ яко корабль преполонъ дражайшимъ корыстей“. При дворѣ князя Курбскаго организовалось теперь нѣчто въ родѣ общества любителей духовнаго просвѣщенія. Предстояло перевести на славянскій языкъ купленныя уже Курбскимъ творенія святыхъ Василія великаго, Григорія Богослова, Іоанна Златоуста, Кирилла александрійскаго и хронику Никифора Каллиста. Къ работѣ приступили самъ Курбскій, князь Оболенскій и нѣкій „бакаляръ“. Но обнаружившееся недостаточное знакомство ихъ съ славянскимъ языкомъ заставляло ихъ просить помощи и на сторонѣ, у Марка Сарыгозина, служившаго у князя Слуцкаго [1]). Хотя въ намѣреніи ученаго кружка, сгруп-

[1]) «Предисловіе многогрѣшнаго Андрея Ярославскаго на книгу сію достойную нарицатися Новый Маргаритъ» (Жизнь кн. А. М. Курбскаго въ Литвѣ и на Волыни, II, 308—312). Ср. Сказанія кн. Курбскаго, 256—259.

пированнаго княземъ Курбскимъ, было перевести прежде всего творенія святыхъ отцовъ IV вѣка, но на самомъ дѣлѣ вниманіе его остановилось на произведеніяхъ Іоанна Дамаскина. Изъ сочиненій этого св. отца были переведены его богословіе, „О судномъ днѣ“, „О двухъ Христовыхъ воляхъ и дѣйствованіяхъ и о другихъ естественныхъ свойствахъ“, „Объ ересяхъ“, нѣкоторыя догматическія посланія, „Книга, въ ней же описуется гаданіе христіанина съ сарациномъ“ [1]), и его діалектика [2]). Наконецъ, кн. Курбскій не оставлялъ безъ вниманія и позднѣйшихъ памятниковъ греческой литературы. Такъ, съ Аѳона онъ выписалъ переводы сочиненій Григорія и Нила, митрополитовъ солунскихъ [3]).

Послѣ всего сказаннаго относительно стараній кн. Курбскаго обогатить нашу отечественную литературу переводами,—стараній, которыя и сами по себѣ должны были повліять на умственное оживленіе западнорусскаго народа, можно предполагать, что имъ же заведены были и школы и даже, быть можетъ, съ греческимъ и латинскимъ языками. Весьма естественно допустить, что въ виду трудности добывать людей, знающихъ классическіе языки [4]), князь Курбскій пришелъ къ мысли приготовлять ихъ путемъ школьнаго обученія, почему и завелъ у себя училище. И, дѣйствительно, у него было нѣсколько „бакаляровъ“ [5]), въ томъ числѣ панъ Станиславъ Войшевскій [6]). Учителями же, вѣроятно, были и Брумъ, и Бартоломей, и священникъ Сила, забиравшіе въ Владимирѣ въ 1579 г., вмѣстѣ съ Войшевскимъ, бумагу „для перевода“ [7]). Наша мысль о существованіи у Курбскаго, въ мѣстечкѣ Миляновичахъ (владимирскаго повѣта), училища получаетъ особенно сильное подтвержденіе въ письмѣ къ князю Василія Загоровскаго, отъ 22 апрѣля 1577 г.: „кгды лет таковыхъ науцѣ годных дойдут, пишетъ Загоровскій о своихъ дѣтяхъ, же бы их ку вашмости на науку дала (опекунша) и што заплаты *научителем* приходити будет, же бы то (поз)бираючи платила“ [8]).

Нѣкоторые историки (напр. Кулишъ) отрицаютъ всякое воздѣйствіе на западнорусскую образованность во второй половинѣ XVI вѣка греческой науки и школы: греки, говорятъ они, не могли вліять на наше

---

[1]) Переводъ этого сочиненія былъ напечатанъ въ 1585 году въ Вильнѣ, въ типографіи Мамоничей.

[2]) *Поповъ*, Описаніе рукописей Хлудова, 115. 116. id. Библіографич. записки, I, 1858), 355: «Предисловіе Андрея грѣхми исполнена».

[3]) Сказ. кн. Курбскаго, 264 (письмо 2 къ Мамоничу). Прав. обозр., 1873, II, 922 и слѣд.

[4]) Сказ. кн. Курбскаго, 257.

[5]) «То бы азъ сѣлъ со единымъ бакаляромъ» (Сказ. кн. Курбскаго, 258).

[6]) Жизнь кн. Курбскаго, II, 136.

[7]) Жизнь кн. Курбскаго, I, прил. № 76.

[8]) Жизнь кн. Курбскаго, II, 288 стр. (id. Кіев. стар., 1887, февр., 363. Въ виду заботъ кн. Курбскаго о просвѣщеніи вообще и школьномъ въ частности, а также его сношеній съ К. К. Острожскимъ, съ одной стороны, и виленскими мѣщанами Мамоничами—съ другой, можетъ быть дано нѣкоторое мѣсто тому предположенію г. Студиньскаго, по которому Курбскому именно обязана своимъ появленіемъ въ свѣтъ славянская грамматика, взятая изъ библіотеки кн. Острожскаго и напечатанная въ 1586 г. у Мамоничей (о ней ниже; *Студиньскій*, Пересторога, 42).

просвѣщеніе уже потому, что сами не имѣли его [1]). Взглядъ этотъ—повтореніе тѣхъ рѣчей о греческомъ невѣжествѣ, которыя раздавались въ концѣ XVI и началѣ XVII ст. изъ латинскаго и уніатскаго лагерей съ легкой руки Скарги [2]). Конечно, и сами греки свидѣтельствовали объ упадкѣ у нихъ просвѣщенія. „Музы оставили Грецію и переселились въ Германію, писалъ въ 1575 году извѣстному Мартину Крузію константинопольскій протонотарій Ѳеодосій Зигомала,—мы же не имѣемъ ни мудрости, ни наукъ". А въ другомъ письмѣ онъ говорилъ: „Иго порабощенія наложено агарянами на греческія земли, и не остается тамъ мѣста для свободныхъ наукъ, развѣ кое-гдѣ найдется занимающійся ими. Причиной тому то, что грековъ гнетутъ бѣдствія и тяжкая нужда снискивать пищу и одежду, что не оставляетъ и досуга для занятій науками". И патріархи греческіе не разъ жаловались, что у нихъ „начали изсякать ручьи божественной мудрости, заглохло просвѣщеніе, настали для вселенной голодъ и жажда" духовные. Съ другой стороны, Давидъ Хитрей, бывавшій въ Константинополѣ и имѣвшій тамъ корреспондентовъ, сообщая о совершенномъ почти охлажденіи въ Греціи любви къ философіи и наукѣ, подтверждаетъ это положеніе такими подробностями: въ нѣкоторыхъ мѣстахъ епископы издали, какъ писали ему оттуда, запрещеніе читать древнихъ поэтовъ, ораторовъ, философовъ и другихъ языческихъ писателей; большинство священниковъ и монаховъ не знаютъ древняго греческаго языка и если изучаютъ его въ школахъ, то только для того, чтобы умѣть обращаться съ орологіемъ (служебникомъ) [3]).

Но взятіе турками Византіи не совсѣмъ убило въ грекахъ стремленіе къ просвѣщенію и не отняло у нихъ средствъ къ тому [4]). Не говоримъ о томъ, что въ теченіе XV—XVII вв. немало грековъ получало образованіе въ европейскихъ школахъ и университетахъ (средоточными пунктами греческаго образованія на Западѣ были Венеція, Падуя и Римъ),—греки и у себя на родинѣ имѣли возможность учиться. Воспитанники итальянскихъ и другихъ университетовъ, возвращаясь на родину, очень часто дѣлались учителями у знатныхъ и богатыхъ соотечественниковъ [5]).

---

[1]) *П. А. Кулишъ*, «Исторія возсоединенія Руси», I, 196—198.

[2]) «O iedności» и «Synod Brzeski» *Скарги* (П. П. Л., VII, 486. 489. 512. 992. 995). *Потѣй*—П. П. Л., III, 630. 1021—1023. А. З. Р., IV, стр. 222. А. Ю. и З. Р., I. № 224. *Рутскій*—«Петръ Могила», прилож., № 23.

[3]) *Davidis Chytraei* oratio de statu ecclesiarum hoc tempore in Graecia, Asia, Boëmia etc. (Francofurti, 1583), pp. 13, 99. *Малышевскій*, Мелетій Пигасъ, I, 52, 53; II, № 26.

[4]) О состояніи просвѣщенія у грековъ послѣ паденія Византіи можно читать на русскомъ языкѣ: I-й томъ «Мелетія Пигаса» *Малышевскаго*, «О состояніи Константинопольской церкви подъ игомъ турокъ въ первые полтора вѣка со времени взятія Константинополя Магометомъ II» (Христ. чт., 1861, II); *Голубинскаго*—«Очеркъ исторіи просвѣщенія у грековъ со времени взятія Константинополя турками до наст. столѣтія» (Правосл. обозр., 1872); *Архангельскаго*—«Очерки исторіи греческой церкви со времени паденія Константинополя до нашихъ дней» (Чтенія въ общ. люб. дух. просвѣщ., 1884); *Лебедева А.*, Исторія греко-восточной церкви подъ властію турокъ, т. I (1896), 217 и слѣд.

[5]) «Чистый классическій языкъ нѣкоторые греки, писалъ въ 1575 г. Хитрей Крузію, изучаютъ въ Италіи и, воротившись домой, сами учатъ ему. Другіе принимаютъ его отъ родителей, какъ бы чрезъ нѣкоторую передачу руками, иные, напоенные грам-

Но у грековъ были и общественныя школы, не только первоначальныя, въ которыхъ обучали грамотѣ, часослову, псалтыри, октоиху и другимъ церковнымъ книгамъ,—но и школы съ программой болѣе широкой. Такова была патріаршая школа въ самомъ Константинополѣ, основанная, какъ полагаютъ, п. Геннадіемъ Схоларіемъ и выпустившая изъ своихъ стѣнъ нѣсколько славныхъ ученостью мужей. Она со временъ патріарха Іоасафа II (1559—1565), послѣ временнаго запустѣнія по случаю смутъ въ патріархіи, поднялась на довольно значительную высоту, благодаря поставленному патріархомъ во главѣ ея Іоанну Зигомалѣ, заявившему себя учительскими способностями еще въ адріанопольскомъ училищѣ [1]). Еще выше должно было стать преподаваніе въ ней при Іереміи II Траносѣ (1572—1579, 1580—1584, 1586—1595 гг.), который самъ получилъ хорошее образованіе и отличался проповѣдническими способностями и такимъ богословскимъ развитіемъ, что могъ полемизировать съ профессорами тюбингенскаго университета [2]). При своемъ санѣ и трудахъ по управленію онъ находилъ время для ученыхъ занятій богословіемъ и св. отцами, философіей и классиками. Чтобы заохотить молодежь къ школьнымъ занятіямъ, онъ самъ посѣщалъ лекціи Зигомалы по діалектикѣ, риторикѣ, иѳикѣ и слушалъ комментаріи хіосскаго врача Леонарда Миндонія на Гермогена, Аммонія и Гезіода [3]). Въ руководители патріаршей школы Іеремія пытался еще въ 1574 г. поставить Еммануила Маргунія, тогда уже извѣстнаго падуанскаго ученаго, бывшаго впослѣдствіи епископомъ киѳирскимъ; но эта попытка осуществилась только чрезъ десять лѣтъ [4]). Заботы этихъ и другихъ патріарховъ настолько подняли константинопольскую школу, что ее усердно стали посѣщать не только дѣти, но и взрослые, свѣтскіе и монахи. Здѣсь учились въ 50 и 80-хъ годахъ даже „робята“ и „паробки“ изъ Москвы [5]). Въ ней изучались не только первоначальныя науки, но и свѣтскія и богословскія; изъ свѣтскихъ здѣсь преподавались рито-

---

матическими правилами Константина Ласкариса, постояннымъ чтеніемъ научаются понимать весьма многое у отцовъ, каковы митрополиты и нѣкоторые монахи» (*Danidis Chytraei* oratio, p. 162. Ср. письмо Герлаха отъ 17 мая 1576 г. въ Bibliographie Hellénique XV et XVI saec., II, praeface, XXVIII, note 3).

[1]) Хр. чт., 1861, II, 240. 241.

[2]) Acta et scripta theologorum Wirtembergensium, et patriarchae Constantinopolitani D. Hieremiae: quae utrique ab Anno MDLXXVI usque ad annum MDLXXX de Augustana Confessione inter se miserunt: Graece et Latine ab iisdem Theologis edita. Wirtembergae. 1584 (Bibliogr. Hellén. XV et XVI saec., II, № 171).

[3]) Σαθα К. N. Βιογραφικὸν σχεδίασμα περὶ τοῦ πατριάρχου Ἱερεμίου Β' (Ἐν Ἀθήναις, 1870), 12, 44. 45. Ср. Bibliographie Hellénique XV et XVI saec., II, pref., XXVIII, note 3. О патріархѣ Іереміи извѣстно еще, что онъ составилъ нѣсколько сочиненій догматико-полемическаго содержанія и пытался завести въ Константинополѣ типографію, но встрѣтилъ сопротивленіе со стороны невѣжественнаго клира (Σαθα, 90—92).

[4]) Bibliographie Hellén. XV et XVI saec., II, praeface, XXVIII. XXXII—XXXIV.

[5]) Пристройка къ школѣ при патр. Іоасафѣ нѣсколькихъ новыхъ «келій» и приглашеніе «мудрыхъ мужей, философовъ», а отчасти воспособленіе «бѣднымъ ученикамъ, чтобы они отдавали себя ученію», произошла на счетъ «царскаго жалованія» (*А. Му-*

рика, піитика, діалектика и философія Аристотеля, иѳика, объясненіе древнихъ поэтовъ и риторовъ: Гезіода, Гермогена, астрономія, нѣкоторыя свѣдѣнія по физикѣ [1]).

Что Греція въ концѣ XVI ст. не была скудна учеными силами, объ этомъ говорятъ какъ свидѣтельство Зигомалы, который въ письмѣ къ Крузію „вѣдати даетъ, ижъ дидаскаловъ мудрыхъ его вѣку живыхъ, болшъ семидесяти находится“ [2]); такъ и тотъ фактъ, что папа Григорій XIII, основывая аѳанасіевскую коллегію въ Римѣ, вызвалъ для преподаванія въ ней ученыхъ изъ Греціи [3]).

Съ другой стороны, патріархи восточные, у которыхъ съ половины XVI ст. вновь завязываются болѣе правильныя и оживленныя сношенія съ Россіей, начинаютъ прилагать усилія къ тому, чтобы пересадить греческую науку на русскую почву. „Составь училища, писалъ царю Ѳедору Ивановичу александрійскій патріархъ Сельвестръ въ 1585 г., и поставь наказателя, чтобы въ немъ учились эллинской грамотѣ и были бы научены, отъ многихъ божественныхъ книгъ, всей мудрости Божіей православной вѣры“ [4]). Къ тому же убѣждалъ царя и патріархъ Мелетій Пигасъ въ 1593 г.: „устрой у себя, царь, греческое училище, какъ живую искру священной мудрости, потому что у насъ источникъ мудрости готовъ изсякнуть до основанія“ [5]).

Но если уже въ восточную Россію пробивались лучи греческой науки, то проникновенію ихъ въ западную Русь доступъ былъ тѣмъ легче, что здѣсь издавна жило немало грековъ, которые во Львовѣ, напр., составляли довольно видный элементъ населенія. Князю Курбскому не такъ трудно было найти людей, знавшихъ греческій языкъ [6]). Были здѣсь также люди знакомые съ философіей и богословіемъ Дамаскина (іерод. Іоакимъ). Затѣмъ, самъ Курбскій расширилъ путь греческому вліянію, завязавши сношенія съ Аѳономъ и, очевидно, съ Константинополемъ, а князь Острожскій пошелъ еще дальше: можно думать, что въ открытомъ имъ училищѣ осуществлялась греческая именно программа образованія. Одновременно западноруссы начинаютъ ѣздить учиться въ Грецію „внѣшнимъ“ и богословскимъ наукамъ съ цѣлью, главнымъ образомъ, подготовки къ учительству. Таковъ, напр., Ѳеодоръ спудей [7]).

равьевъ, Сношенія Россіи съ Востокомъ по дѣламъ церковнымъ, I (1858, Спб.), 108, 134, 181. *Ф. Терновскій*, Изученіе Византійской исторіи и ея тенденціозное приложеніе въ древней Руси, II, 21).

[1]) Снош. Россіи съ Вост., I, 108. Хр. чт., 1861, II, 242.

[2]) «Палинодія», П. П. Л., I, 912.

[3]) Хр. чт., 1861, II, 242, 243; Мелетій Пигасъ, I, 232.

[4]) Снош. Россіи съ Вост., I, 157, 158.

[5]) *Малышевскій*, Мелетій Пигасъ, II, № 4; ср. № 26.

[6]) Сказ. кн. Курбскаго, 257.

[7]) *Малышевскій*, Мелетій Пигасъ, т. II, прилож., III, №№ 3—5. О Ѳеодорѣ Спудеѣ мы знаемъ очень немного. Когда въ зап. Россіи поднялись волненія изъ-за попытки короля ввести григоріанскій календарь, К. К. Острожскій обратился за поддержкой къ вселенскому патріарху. Завязалась переписка. Въ одномъ изъ писемъ къ митр. Онисифору Дѣвочкѣ (11 янв. 1583 г.) патр. Іеремія II сообщалъ, что онъ для улаженія без-

Патріархи не только воспитывали западнорусскихъ юношей, они и отъ себя стали посылать на Русь „мужей упремудреныхъ“ и вообще стали обнаруживать большое участіе къ западнорусскому просвѣщенію. Такъ, патріархъ антіохійскій Іоакимъ поддержалъ намѣреніе львовянъ завести типографію и школу. Патріархъ Іеремія утвердилъ порядки послѣдней и вообще съ сочувствіемъ относился къ братскимъ училищамъ—львовскому и виленскому. Въ 1597 году Мелетій Пигасъ въ трехъ посланіяхъ въ западную Россію точно также выразилъ заботливость о школахъ: „онъ повелѣвалъ и о Св. Дусѣ приповелѣвалъ, даже академіи, сирѣчъ, училища составити при всякой епархіи, і изряднѣе во Львовѣ“, „нижъ единаго щадѣти иждивенія, въ воставленіе добрыхъ училищъ и составленіе“ [1]). Патріархъ Кириллъ Лукарисъ, бывшій одно время ректоромъ острожской и виленской школъ, и по оставленіи предѣловъ западной Россіи не забывалъ объ ея училищахъ, нравственно поддерживая ихъ. Въ 1620 году онъ послалъ „въ Кіевъ, Галичь и Львовъ и на всю Бѣлую Русь, для науки и утвержденія вѣры“, своего ученаго іеромонаха и протосингела Іосифа, который „и жилъ въ тѣхъ городахъ для науки года съ два“ [2]). Такую же заботливость о западнорусскомъ про-

---

порядковъ и волненій въ западнорусской церкви, возбужденныхъ «латиномудрными» и прочими еретиками, посылаетъ своихъ экзарховъ—Никифора и Діонисія, «съ ними же, толкованія ради и Ѳедора Спудея, суща отъ предѣлъ вашихъ»; при этомъ онъ просилъ оказать послѣднему помощь деньгами, которыя нужны для покупки книгъ («во помощь книжнаго ради купованія ученій внѣшнихъ и богословскихъ подайте». № 3). Экзархи по причинѣ небезопасности пути не могли прибыть въ Россію и изъ Яссъ послали туда Ѳедора съ письмомъ къ Кириллу, епископу пинскому и туровскому (28 апр.) Въ немъ они писали: «сему же Ѳеодору Спудею нашему въ помощь учения и книгъ купования внѣшнихъ любомудрѣцовъ ученій ѳеологовъ подай. Сия бо польза есть всѣхъ. Которое дѣля хощетъ вселенский патріархъ воскоре послати къ вамъ да и во васъ юнѣйшие причастятся, и ѳеолокгическихъ ученій, и возмогутъ посемъ стати противъ волъненіямъ еретическимъ» (№ 4). Такая же просьба находится въ посланіи патріарха Іереміи къ православнымъ западноруссамъ. Сверхъ того здѣсь сообщается, что Ѳедоръ учится эллинскому языку и что патріархъ хочетъ послать съ нимъ въ Россію, когда онъ усовершенствуется въ наукахъ, «и ина мужа упремудрена» (№ 5). Безъ сомнѣнія, этотъ западноруссъ Ѳеодоръ очутился въ Константинополѣ не случайно, а былъ посланъ туда для изученія греческаго языка и другихъ наукъ, особенно богословскихъ, съ тѣмъ, чтобы по возвращеніи на родину могъ и «юнѣйшихъ причастить ѳеолокгическихъ ученій». Профессоръ Малышевскій думаетъ, что Ѳедоръ былъ посланъ на Востокъ кн. Острожскимъ; но въ цитованныхъ нами грамотахъ нѣтъ ни малѣйшаго намека на князя Острожскаго, хотя онъ былъ, конечно, извѣстенъ въ Константинополѣ, такъ какъ самъ же завязалъ сношенія съ нимъ. Да притомъ, неужели онъ не могъ бы снабдить одного своего «стипендіата» достаточными средствами? Мы болѣе склонны думать, что «спудей Ѳеодоръ», если не былъ посланъ княземъ Курбскимъ, который не разъ жаловался на недостатокъ просвѣщенія въ зап. Россіи, на «простоту и глубокое неискусство церковниковъ Русскихъ церквей» (Сказанія князя Курбскаго, 263), то, по крайней мѣрѣ, вышелъ изъ его школы.

[1]) Мелетій Пигасъ, II, №№ 18, 22, 23.

[2]) Сношенія Россіи съ Востокомъ, II, 3. 6. Впослѣдствіи, въ 1632 г., этотъ Іосифъ училъ греческому языку и грамотѣ «малыхъ робятъ» въ Москвѣ (*М. Макарій*, XI, 71—73).

свѣщеніи проявляли и другіе патріархи, охотно утверждавшіе братскія школы и убѣждавшіе западноруссовъ учиться, между прочимъ, греческому языку [1]).

Мысль о томъ, что патріархамъ именно Русь обязана школами, была и у современниковъ. Въ „Перестрогѣ“ помѣщенъ такой отвѣтъ на ту рѣчь Ипатія Потѣя, въ которой онъ заявлялъ, что владыки „патріарховъ отбѣгли, яко тыхъ, отъ которыхъ жадноѣ утѣхи, науки, порядку мѣти не могли“: „О невстыдливый языче! Не можете добрѣ мовити, злыми будучи... азали (развѣ) не присылали патріархи до васъ учителей, по всѣ часы учачи васъ? А якъ много листовъ (посланій) патріархи писали до васъ по всѣ часы о многихъ рѣчахъ, и сами до васъ особами своими приходили?“ „Школу Грецкую хто заложилъ, естли не Грекове и патріархъ самъ? И Грамматику Грецкую и зъ Словенскимъ писмомъ не Арсеній ли митрополитъ Еласонскій и Димонитскій, въ Львовѣ, отъ патріарха пріѣхавши, училъ двѣ дѣлѣ? И яко грамматику чрезъ своихъ учневъ зъ друку выдалъ, и тогды въ друкарни Грецкого и Словенского писма розмножилося: чого нѣгды (никогда) въ рускомъ народѣ не бывало“ [2]).

Итакъ, западная Русь, у которой до половины XVI вѣка умственные интересы заявляли о себѣ очень слабо, теперь оказалась подъ напоромъ нѣсколькихъ просвѣтительныхъ движеній, которыя непреодолимо должны были дѣйствовать на нее. Это были тѣ электрическіе токи, подъ воздѣйствіемъ которыхъ долженъ былъ оживиться организмъ нашей церкви и народа. Не на всѣ члены этого организма съ одинаковой силой подѣйствовали эти токи; на защиту церкви и вѣры поднялось прежде всего не духовное сословіе, а свѣтское. Объясненіе этого явленія заключается въ тѣхъ условіяхъ церковной жизни, въ какія было поставлено наше духовенство.

Послѣ раздѣленія русской церкви на двѣ митрополіи (въ срединѣ XV в.), югозападная митрополія, по политическимъ видамъ польско-литовскаго правительства, нѣсколько освободилась отъ зависимости константинопольскихъ патріарховъ, въ сношеніяхъ съ которыми могла бы почерпать жизненныя силы. Правда, пульсъ церковной жизни въ западной Россіи билъ на первыхъ порахъ не слабѣе, чѣмъ въ московской, но самая принадлежность польско-литовскихъ государей не къ православному исповѣданію по необходимости стѣсняла ее, даже когда они старались быть вѣротерпимыми. Но такими были далеко не всѣ. Дѣйствуя по побужденіямъ религіознаго и политическаго характера, польско-литовскіе короли, начиная съ Ягеллы, проводятъ законодательнымъ путемъ мѣры, направленныя противъ православія и русской народности. Насколько пренебрежительно они относились къ православной церкви, видно

---

[1]) «Еще же глаголемъ и завѣщаемъ, говоритъ въ одной своей грамотѣ патр. іерусалимскій Ѳеофанъ, яко да имате учителя и ученіа въ церквахъ и на всѣхъ събраніяхъ вашихъ. Тако убо и въ вѣрѣ утвердитеся и житію спасенному наставитеся. По сему же образу чада и отроки ваша юность свою да упражняютъ въ училищехъ языка греческаго и словенского учащеся»... (*Голубевъ*, Петръ Могила, прилож., № 37). Объ участіи восточныхъ патріарховъ въ дѣлахъ нашего просвѣщенія подробнѣе будетъ сказано ниже, въ исторіи братскихъ школъ.

[2]) А. З. Р., IV, стр. 222. 223.

изъ того, напримѣръ, что галицкая архіепископія въ теченіе полутораста лѣтъ была лишена своего предстоятеля, управляясь митрополичьимъ намѣстникомъ, котораго назначалъ сначала львовскій староста, а съ 1509 г. львовскій католическій архіепископъ.

Но этотъ фактъ стоитъ уже въ связи съ явленіемъ болѣе общаго характера—патронатомъ, отразившимся всего гибельнѣе на судьбѣ православной западнорусской церкви и просвѣщенія.

Патронатъ выродился изъ естественнаго права покровительства надъ церковью или монастыремъ лица, построившаго ту или другой. Отношеніе фундатора-патрона къ сооруженной имъ церкви выражалось въ назначеніи или рекомендаціи священника, въ матеріальномъ обезпеченіи церковнослужителей и поддержаніи церковнаго зданія; монастырямъ фундаторы давали свои уставы (какъ Ходкевичъ—супрасльскому монастырю). Съ переходомъ имѣнія или села въ другія руки, путемъ ли наслѣдственной передачи или покупки [1]), владѣлецъ принималъ на себя и эти права и обязанности по отношенію къ храму, причемъ отъ него иногда требовалось „отъ той церкви Божьи пожитковъ никоторыхъ собѣ мѣти, лечъ тую церковъ Божью всякими рѣчьми надавати, и направляти". Передача правъ патроната совершалась иногда съ соизволенія мѣстнаго владыки [2]).

Патронатъ, развившійся окончательно въ XVI в., имѣлъ и дурную сторону, на что уже обратилъ вниманіе виленскій соборъ 1509 г., старавшійся ослабить, хотя и безуспѣшно, гибельныя для церкви послѣдствія его [3]). Весь вредъ его обусловливался злоупотребленіемъ правомъ „подаванія", замѣщенія настоятельскихъ мѣстъ въ церквахъ и монастыряхъ. „Подаванье", правильно понимаемое, состояло не въ раздачѣ церковно-іерархическихъ должностей (что собственно было дѣломъ высшей церковной власти), а въ пожалованіи новоизбранному кандидату права распоряжаться и должностью и церковными имѣніями; въ этомъ именно смыслѣ патроны назывались „подавцами хлѣбовъ духовныхъ" [4]). Но съ теченіемъ времени въ немъ стали видѣть право владѣльца имѣнія назначать къ церкви, кого ему угодно. Такого пониманія „подаванья" держались не только паны и магнаты, но и польско-литовскіе короли,

---

[1]) Иногда продавались отдѣльно даже монастыри. Актъ продажи одного такого монастыря въ Галиціи (1378 г.) заключается словами: «и сталася торгувля межи добрыми людьми» (Akta grodskie i ziemskie.... we Lwowie, II, № 9; id. Литерат. сборникъ, 1870 г.: Акты, собранные Лепкимъ, № 6; ср. Akta grodskie.... VII, 94 (1458 г.).

[2]) А. З. Р., II, № 124 (1523). Archiwum Sang., III, № 258. Происхожденіе западнорусскаго патроната со всѣми его особенностями можно усматривать въ имущественномъ церковномъ правѣ греко-римской имперіи, по которому храмъ и монастырь были принадлежностью земли и. слѣдовательно, ея владѣльца. Ктиторы производили надъ церквами торговыя операціи, отдавали ихъ въ аренду, перепродавали свои права надъ ними, передавали наслѣдникамъ или отдавали въ качествѣ приданаго (*Пл. Соколовъ*, Церковно-имущественное право въ греко-римской имперіи, 1896, Новгородъ, стр. 68—74).

[3]) П. П. Л., I, 8—14.

[4]) «Урядъ власне отъ духовныхъ при посвященью, дóбра зась не отъ духовныхъ, але отъ короля его милости даваны бываютъ», писалъ авторъ Апокрисиса (П. П. Л., II, 1292 et sqq. Ср. Арх. Ю.-З. Р., I, VI, пред. 30. 31).

которые „считались зверхними подавцами и дозорцами церквей Божіихъ“ во всемъ государствѣ; отъ нихъ зависѣло не только назначеніе на настоятельскія мѣста въ приходскихъ церквахъ и монастыряхъ въ ихъ имѣніяхъ, но и утвержденіе рекомендуемыхъ панами игуменовъ, и предоставленіе епископскихъ каѳедръ во всемъ государствѣ. Какъ широко короли пользовались этимъ правомъ, видно изъ того, что они давали иногда епархіи и монастыри людямъ свѣтскимъ за ихъ гражданскія и военныя заслуги [1]). При этомъ случалось, что одному лицу давалось нѣсколько епархій или онъ получалъ каѳедру еще при жизни занимавшаго ее епископа [2]). Тоже повторялось и съ настоятельскими мѣстами въ монастыряхъ и церквахъ. Вслѣдствіе этого происходило, что нѣкоторыя лица одновременно занимали настоятельскія мѣста въ нѣсколькихъ церквахъ и монастыряхъ [3]) или что мужскіе монастыри получали женщины— „до живота своего“ или даже „на вѣки“ [4]). Понятно, при такомъ отношеніи къ праву „подаванья“, духовными мѣстами овладѣвали не только лица, совсѣмъ нерасположенныя принимать духовный санъ, что̀ отъ нихъ не всегда и требовалось [5]), но и прямо неправославныя [6]).

Въ результатѣ злоупотребленія правомъ подаванья получилась полнѣйшая деморализація православнаго духовенства, особенно высшаго. Такъ какъ многіе монастыри и каѳедры представляли по своему богатству очень лакомые куски [7]), то на каждый изъ нихъ всегда бывало немало

---

[1]) Въ 1520 году Сигизмундъ I далъ право Василію Евлашковичу занять, по открытіи вакансіи, каѳедру луцкую или владимиро-волынскую за службу въ Ордѣ его сына, писаря Михаила Васильевича (А. Ю. и З. Р., II, № 105). Сигизмундъ III далъ межигорскій монастырь своему писарю Высоцкому «за вѣрные и пильные службы», «хотѣчи его и впередъ охотнѣйшимъ къ службамъ (своимъ) и рѣчи Посполитой учинити» (А. З. Р., III, № 53).

[2]) А. З. Р., II, № 146; III, №№ 20, 21.

[3]) А. З. Р., III, №№ 110, 132. Въ 1524 г. Сигизмундъ I предоставилъ нѣкоему Дятиловичу за долгъ ему изъ королевской казны три церкви въ Кіевѣ (А. Ю. и З. Р., II, № 110). Впрочемъ, нѣчто подобное и даже въ гораздо большихъ размѣрахъ практиковалось и въ католической церкви. Интересна въ этомъ отношеніи просьба пословъ литовской, жмудской и волынской земель на сеймѣ 1551 г., чтобы «каждая парсона стану духовнаго, такъ Римского яко и греческого закону, двухъ, альбо трехъ костеловъ, т. е. хлѣбовъ духовныхъ не держали» (А. З. Р., III, стр. 20).

[4]) Арх. Ю.-З. Р., I, I, № 2. А. З. Р., I, № 212.

[5]) Въ такихъ случаяхъ они должны были «для справъ духовныхъ церковныхъ отправованя ховати.... чоловека духовного у писме светомъ добре наученого» (П. К. К., I, отд. II, № 6).

[6]) Авторъ Апокрисиса не разъ увѣряетъ, что «владыцства Руские инъшое религией людямъ давано» и что они эти «владыцтва потомъ, кому хотели, за контракътомъ пущали, побравшы собе именья церъковные, а только голые церъкви пустивши», свѣжій примѣръ чего представляетъ Холмъ (П. П. Л., III, 835. 853. 855). Бывали иновѣрцы настоятелями и православныхъ монастырей. «А такъ, кгдыжъ тотъ Достоевскій, будучи человѣкомъ свѣтскимъ и не Греческого закону, тотъ монастырь держитъ»..., говорится въ одной королевской грамотѣ (А. З. Р., III, № 110).

[7]) Владимирской, напр., каѳедрѣ въ 1593 г. принадлежали: замокъ и нѣсколько дворовъ въ самомъ Владимирѣ, мѣстечко Квасовъ, 16 селъ въ повѣтахъ луцкомъ и вла-

кандидатовъ, тѣмъ болѣе, что для этого не требовалось ни призванія, ни спеціальной подготовки. Но такъ какъ, съ другой стороны, добиться права на каѳедру стоило многихъ „праць, накладовъ и розныхъ практикъ“, то счастливцы должны были прилагать всѣ усилія къ тому, чтобы вознаградить себя. И вотъ дѣятельность большинства епископовъ сосредоточивается на томъ только, чтобы умножить свое имущество какими бы то ни было способами, даже путемъ насилій. Актовыя книги городскихъ и трибунальныхъ судовъ полны жалобъ и дѣлъ объ епископскихъ грабежахъ, разбояхъ, нападеніяхъ на монастыри, церкви, имѣнія [1]). Вмѣстѣ съ этимъ епископы ссужаютъ, берутъ въ долгъ, часто подъ закладъ церковныхъ имѣній, занимаются подрядами по поставкѣ хлѣба (Леонтій Пельчицкій, еп. холмскій), ведутъ тяжебныя дѣла, цѣлыя „шкатулы“ заполняя привиллегіями и „справами“ [2]). Очень многіе изъ нихъ, наряду съ денежными интересами, озабочиваются семейными дѣлами и отношеніями, „съ церковныхъ доходовъ, на богомолци Христовы наданыхъ, дѣвкамъ своимъ вѣно готуя (приготовляя), сыны одѣвая, жоны украшая“ [3]). Вообще жизнь ихъ, какъ изображаетъ ее Іоаннъ Вышенскій, воспроизводила нравы польскихъ магнатовъ того времени.

Могли ли быть ревнителями вѣры и просвѣщенія такіе епископы? Они не были способны къ тому ни по подготовкѣ, ни по насущнымъ интересамъ. О подготовкѣ ихъ къ святительскому служенію Іоаннъ Вышенскій говоритъ слѣдующее: „Что бо за чинъ въ нашей церквѣ нынѣ на принятье стану (сана) духовного? Не тотъ ли, присмотрися и признай, если правду глаголю: днесь катъ (палачъ), а завтра священникъ; днесь мучитель, а завтра учитель; днесь корчмаръ и танцоводецъ, а заутра богословъ и народоводецъ; днесь убійца, а заутра святитель и епископъ; доднесь жертвовалъ сатанѣ все время вѣка сего, а нынѣ предъ алтаремъ предстоитъ и непостижимому Божеству таинствуетъ и жертву приноситъ“ [4]). Подобнымъ образомъ и Мелетій Смотрицкій, изображая жизнь и нравы современнаго ему высшаго духовенства, говоритъ, что представители его съ дѣтства не упражнялись въ наукѣ слова Божія,

---

димирскомъ, волость купечовская съ м. Веранами и 11 селами, островъ Волославъ на р. Лугѣ съ монастыремъ, рыбныя ловли и пр. Еще богаче была каѳедра луцкая и острожская, владѣвшая четырьмя мѣстечками и 34 селами (Арх. Ю.-З. Р., I, I, №№ 45, 90. Ср. пред., стр. XX. XXI).

[1]) Такими подвигами прославились особенно владыки: ѳеодосій Лазовскій—холмскій и владимирскій, Кириллъ Терлецкій—луцкій и острожскій. Не чужды ихъ были и болѣе просвѣщенные Гедеонъ Балабанъ и Ипатій Потѣй. Богатый матеріалъ для характеристики нашей іерархіи въ концѣ XVI вѣка собранъ въ 1 и 6 томахъ I-ой части Архива юго-западной Россіи. Интересныя данныя сообщаютъ также нѣкоторыя посланія Іоанна Вышенскаго (А. Ю. и З. Р., II; Арх. Ю.-З. Р. I, VII).

[2]) См., напр., перечень документовъ, принадлежавшихъ Кириллу Терлецкому (А. Ю. и З. Р., I, № 218).

[3]) А. Ю. и З. Р., II, стр. 225.

[4]) Арх. Ю.-З. Р., I, VII, 30, 31. Ср. А. Ю. и З. Р., II, 234. См. также «Вопросы и отвѣты православному съ папежникомъ», 1603 г. (П. П. Л., II, 100. 101) и Палинодію (П. П. Л., I, 1056. 1057).

но когда заставила нужда, взялись изъ-за золота и серебра благовѣствовать (zwiastować), не зная, что̀ такое благовѣствованіе, и не понимая, какъ его нужно совершать [1]). Не могли, конечно, такіе люди восполнять недостатки своего духовнаго образованія и на каѳедрахъ,—не тѣмъ была занята ихъ мысль. „Владыки безбожные, свидѣтельствуетъ тотъ же Вышенскій, вмѣсто каноновъ и книжнаго ученія и поученія въ законѣ Господнемъ день и нощъ, надъ статутами и ложью весь вѣкъ свой упражняютъ и погубляютъ, и вмѣсто богословія учатся хитростямъ человѣческимъ, адвокатской лжи и діавольскому празднословію“ [2]). Неудивителенъ послѣ того и отзывъ о нашихъ владыкахъ Поссевина, называвшаго ихъ невѣждами въ богословіи [3]). А между тѣмъ просвѣщенные западноруссы на епископовъ именно возлагали заботу о постановкѣ школы въ уровень потребностей времени. Еще въ 1570 году нѣкто Василій Тяпинскій [4]), странствующій типографъ, въ предисловіи къ изданному имъ Евангелію, имъ переведенному на русскій языкъ, внушалъ читателямъ убѣждать владыкъ, чтобы они имѣнія обращали не на пустяки, а „на науку, только не такую, какъ теперь, когда къ вѣчному своему стыду учатся только читать и то—на своемъ языкѣ, и чтобы они постарались заложить для братіи своей школы для изученія Слова Божія, бывшаго столько лѣтъ въ пренебреженіи. И объ этой нуждѣ вашей родины я напоминаю не одному кому-либо, а всѣмъ“ [5])... Если наши владыки кое что сдѣлали для просвѣщенія въ началѣ новаго періода его исторіи, то только по побужденію со стороны людей свѣтскихъ. Такъ, епископъ владимирскій Ѳедосій Лазовскій рѣшился въ 1588 г. преобразовать городскую школу въ училище съ греческимъ языкомъ, „за напомненьемъ“ кн. К. К. Острожскаго, какъ волынскаго маршалка и владимирскаго старосты [6]). Исключеніе составлялъ только епископъ львовскій Гедеонъ Балабанъ, бывшій на первыхъ порахъ руководителемъ львовянъ въ ихъ просвѣщенныхъ начинаніяхъ.

---

[1]) Θρῆνος, л. 13. Впрочемъ, въ то время и контингентъ римско-католическаго духовенства въ Польшѣ пополнялся такимъ же образомъ. «Нѣтъ школъ священническихъ, говоритъ Скарга: отъ двора, отъ военной службы, отъ свѣтскихъ должностей приступаютъ къ такой высокой философіи» (Лит. еп. вѣд., 1876 г., 409, прим. 119). На неученость духовныхъ жаловалась также шляхта вел. княжества Литовскаго на виленскомъ сеймѣ 1565 г. (Документы московскаго архива министерства юстиціи. М. 1897 г., I, 170—171).

[2]) А. Ю. и З. Р., II, 226. Объ одномъ епископѣ Вышенскій выражается, что онъ «Сексономъ и Майдебурскимъ правомъ свое черево кормилъ» (ibid., 231).

[3]) «Theologiae prorsus sunt ignarissimi»—отозвался о нихъ Поссевинъ (Supplem., p. 32)

[4]) Онъ такъ говоритъ о себѣ въ предисловіи къ Евангелію: «ижем невлох не нѣмець не докторъ иниякши постановленныи межи попы... (а) роусинъ своей Руси оуслугуючи» (*Владимировъ*, о. о., 203, прим.).

[5]) Кіев. стар., 1889, янв., приложеніе III, стр. 5.

[6]) Арх. Ю.-З. Р., I, I, № 55. Вѣроятно, убѣжденіе кн. Острожскаго сказалось и въ изданіи епископомъ Кирилломъ Терлецкимъ за своимъ «выдакомъ або накладомъ» небольшой брошюрки (4 стр.)—«О крестномъ знаменіи» Максима Грека (*Каратаевъ*, Описаніе славянорусскихъ книгъ, напечатанныхъ кирилловскими буквами, I (1883), № 110), если справедливо предположеніе г. Каратаева и утвержденіе г. Теодоровича (Опис. волынепархіи, II, 162), что она напечатана въ Острогѣ.

Не многимъ больше могли сдѣлать для школъ и православные монастыри, опять въ силу злоупотребленія правомъ подаванья. Чѣмъ богаче былъ монастырь, чѣмъ болѣе, казалось, имѣлъ онъ средствъ для развитія просвѣщенія, тѣмъ въ болѣе неблагопріятныхъ для того условіяхъ онъ находился, такъ какъ онъ являлся постояннымъ яблокомъ раздора между епископами, архимандритами и свѣтскими панами [1]). Каковъ былъ образовательный и нравственный цензъ огромнаго большинства случайныхъ настоятелей западнорусскихъ монастырей, видно изъ предыдущаго. Даже болѣе образованные изъ нихъ и одушевленные самыми лучшими намѣреніями, не могли ничего сдѣлать для просвѣщенія, такъ какъ ихъ единственной, можно сказать, заботой было стремленіе охранить монастырское имущество отъ наѣздовъ алчныхъ людей [2]). Съ другой стороны, и этотъ самый патронатъ и духъ времени,—духъ свободы отъ авторитетовъ мысли и отъ всякихъ стѣсненій воли, произвели упадокъ монашеской дисциплины, который невыгодно отразился на умственномъ состояніи монаховъ. Къ концу XVI ст. въ уневскомъ монастырѣ половина ихъ оказалась не въ состояніи подписать свои имена [3]).

За исключеніемъ четырехъ монастырей (холмскаго, зимненскаго, михайловскаго—золотоверхаго и уневскаго), на протяженіи всего XVI в. и на пространствѣ всей западной Россіи нигдѣ не встрѣчаемъ свидѣтельствъ о существованіи въ монастыряхъ училища или какихъ нибудь школьныхъ принадлежностей, хотя инвентари монастырскаго имущества, сохранившіеся отъ XVI вѣка, часто отличаются большой обстоятельностью. Не было школъ даже въ богатѣйшихъ монастыряхъ, каковъ печерскій, и просвѣщеннѣйшихъ, каковъ супрасльскій. Впрочемъ, послѣдній и не могъ имѣть училища по самому общежительному уставу своему, данному ему 15 окт. 1510 г. митрополитомъ Іосифомъ Солтаномъ и Ал. Ив. Ходкевичемъ; въ этомъ уставѣ монахи читали статью: ...„а робятъ въ монастыри не держати, ни на науку, ни на послугу не пріимати“ [4]). Запрещеніе это было повторено и въ § 20 „Завѣта“, даннаго монастырю Григоріемъ и Юріемъ Ходкевичами 2 октября 1568 года [5]). Только въ 1603 году позволено было Іеронимомъ Ходкевичемъ обучать въ мона-

---

[1]) Наиболѣе богатымъ монастыремъ былъ печерскій, которому въ концѣ XVI ст. принадлежали, кромѣ множества драгоцѣнностей, городъ Васильковъ съ замкомъ, мѣстечко Радомысль съ замкомъ, 50 селъ, 5 селищъ, 3 приселка, 5 усадебъ, 2 рыбныхъ входа, рудокопный заводъ, пасѣки; кромѣ того онъ получалъ нѣсколько сотъ пудовъ медовой дани (Арх. Ю.-З. Р., 1, I, № 91 и пред., стр. 49, прим. I). Неудивительно, что въ ней въ теченіе 80 лѣтъ (1494—1574) смѣнилось 25 настоятелей (*Голубевъ*, Петръ Могила I, 249).

[2]) Какъ обыкновенны и часты были въ то время попытки завладѣть церковными имѣніями, показываетъ случай, когда заручайскій (въ Овручѣ) игуменъ, уступая монастырь нѣкоему Богухвалу Павшѣ, указывалъ на то особенно, что послѣдній—«врадникъ земскій», почему можетъ монастырь «оборонить отъ кривдъ» (А. Ю. и З. Р., I, № 157).

[3]) Monumenta confraternitatis Leopoliensis stauror., I, № 199.

[4]) Арх. сб., IX, № 5 (id. Вѣстн. Зап. Рос. $186^5/_6$, VIII, отд. I, № 1).

[5]) Арх. сб., IX, № 22: «Въ монастыру тежъ на науцѣ и всякой послузѣ абы робятъ малыхъ не держали, подлугъ давной уставы».

стырѣ дѣтей, но въ количествѣ, не превышающемъ.... одного. Въ § 7 правилъ, данныхъ въ этомъ году супрасльскому монастырю, читаемъ: „Такъ какъ братія, вопреки прежнимъ уставамъ, осмѣлилась держать у себя мальчиковъ, то мы, говоритъ новый патронъ монастыря, согласно наказу славной памяти предковъ нашихъ, съ согласія всей братіи, постановляемъ, чтобы мальчиковъ не держалъ у себя никто, кромѣ о. архимандрита, которому одному вольно держать на средства монастыря одного или даже двухъ подканонарховъ и третьяго хлопца—для науки“ [1]). Конечно, не капризъ фундаторовъ и патроновъ супрасльскаго монастыря устранилъ изъ него школьное обученіе: это ограниченіе было тѣсно связано съ самымъ уставомъ общежитія и имѣло мѣсто какъ на Востокѣ [2]), такъ и въ московской Руси [3]). Вѣроятно, это же было и въ другихъ западнорусскихъ общежительныхъ монастыряхъ [4]).

Отъ того монастыри западнорусскіе и не могли взять въ свои руки завѣдыванія школьнымъ дѣломъ,—одни по бѣдности, другіе по составу своихъ обитателей и настоятелей.

Что касается низшаго бѣлаго духовенства, то злоупотребленіе правомъ подаванья должно было повліять и на него въ смыслѣ пониженія его умственнаго и нравственнаго уровня. Хотя не только православные патроны сознавали значеніе для церкви поповъ „годныхъ и наученыхъ“ [5]), но и католики и самъ король иногда требовали при подаваніи, „ижъ бы се фала (хвала) Божая и наука вѣры и повинности хрестіанское, водле порадку закону греческого, въ той церкви и парафіи (приходѣ) монастыра того помножала“ [6]), — трудно было вообще ожидать добра для церкви не только отъ иновѣрцевъ, но и отъ своихъ, коль скоро помыслы ихъ были направлены на хозяйственную, матеріальную сторону. Отношеніе многихъ пановъ-католиковъ къ попамъ, какъ къ своимъ хлопамъ, съ которыми они сравнивали ихъ въ отбываніи натуральной повинности, еще печальнѣе отразилось на умственномъ и нравственномъ

---

[1]) Арх. сб., IX, № 36.

[2]) «Да внимаютъ себѣ самимъ—требуетъ отъ аѳонскихъ монаховъ общежительный уставъ, возстановленный тамъ въ 1575 г. александрійскимъ патріархомъ Сильвестромъ,—чтобы безбородые юноши отнюдь не жили въ монастыряхъ, *ни для обученія*, ни для исправленія, ни по родству, ни по какимъ другимъ причинамъ» (*Еп. Порфирій*, О религіозно-нравственномъ состояніи аѳонскихъ обителей во время турецкаго владычества надъ ними, въ Чт. моск. общ. любит. дух. просв., 1883, II, 410—412).

[3]) Уставъ преп. Евфросина, XV в. (*Митр. Макарій*, VII, 62).

[4]) Въ кіевскомъ Номоканонѣ 1620 г. помѣщены правила цареградскаго патріарха Никифора, изъ которыхъ въ 17-мъ читаемъ: «Три главизны изгонятъ иноковъ, измонастыра ихъ. Пръвое, аще еретикъ естъ игумен. Второе, аще путь естъ женамъ. Третее, аще учатся мірстіи дѣти» (л. 51).

[5]) А. В. А. К., II, №№ 3. 6. Интересна жалоба полоцкихъ дворянъ съ мѣщанами на своего епископа Симеона, который посылалъ въ Ригу самъ, безъ совѣта съ ними, «поповъ простыхъ людей» (1544 г.) А. З. Р., II, № 234.

[6]) А. Ю. и З. Р., I, № 213. Въ 1577 г. жмудскій староста Янъ Ходкевичъ отдалъ маренинскій монастырь Сасину Калѣчицкому, «пану филозофу», хорошо наученному «въ вѣрѣ того закону греческого» (А. З. Р., III, № 79).

развитіи нашего духовенства. И если „преложеныхъ духовныхъ“ (іерарховъ) того времени характеризовала „остатняя (крайняя) простота“, если они были „неуки и простаки великіе въ писмѣ святомъ небѣгліи“, то „пресвитерове отъ нихъ насвященіи“ были „сметья (соръ) людское“. Сюда „самые толко голодныи и неукове такъ натиснули были, же южъ разознати не было, гдѣ былъ частшій (чаще) пресвитеръ въ корчмѣ, чили (или) въ церкви“ [1]). Необразованность большинства бѣлаго духовенства дошла до того, что нѣкоторые не умѣли читать на своемъ собственномъ языкѣ; въ попы поставлялись иногда, по свидѣтельству Мелетія Смотрицкаго, люди едва достигшіе 15 лѣтъ,—посылались проповѣдывать тѣ, которые сами не научились еще складывать слоги (syllabizować) [2]). Понятны отсюда тѣ нареканія на духовенство и тѣ горькіе вопли, какіе находятся въ предисловіи къ Кормчей люблинскаго священника Василія: ...„Погибе вѣра, погибе наказаніе, погибошя училища дѣтемъ, погибоша исправляющіи божественнаа писанія, погибошя поучающеися въ православныхъ догматехъ“ [3]). И если при всемъ томъ бѣлое духовенство сохранило, быть можетъ, болѣе другихъ классовъ народа способность откликнуться на всякое просвѣтительное предпріятіе въ духѣ православной церкви [4]), то оно лишено было всякой матеріальной и юридической возможности брать на себя починъ въ школьной реформѣ и въ умноженіи училищъ.

Такимъ образомъ, ни епископы, ни монахи, ни священники во второй половинѣ XVI вѣка не оказались на высотѣ своего призванія. Западная Русь далеко ушла отъ того времени, когда „всякая новая епархія дѣлалась, такъ сказать, новымъ учебнымъ округомъ, новый монастырь гимназіей, новая церковь народнымъ училищемъ“ [5])...

Сказаннымъ относительно умственныхъ и нравственныхъ свойствъ нашего западнорусскаго духовенства легко можно объяснить не только фактъ первоначальной отчужденности его отъ той кипучей просвѣтительной дѣятельности, какою руководили люди свѣтскіе, но и ту оппозицію, какую въ нихъ встрѣтила послѣдняя.

Когда зашла рѣчь объ устройствѣ новыхъ школъ, братства наши очутились среди множества школьныхъ теченій. Нетрудно было имъ сдѣлать выборъ—отдать перевѣсъ преданіямъ родной стороны, своимъ традиціоннымъ программамъ и методамъ обученія. Но тогда православные ничего не выиграли бы. Нужно было ввести въ преподаваніе и тѣ науки, отсутствіе которыхъ въ изначальномъ курсѣ русской школы „вельми зашкодило Русскому панству“. Такимъ образомъ, у насъ вво-

---

[1]) Палинодія, П. П. Л., I, 1056. 1057.

[2]) Θρῆνος, л. 25. 26.

[3]) Пам. рус. стар. въ зап. губ., VIII, 221.

[4]) Іоаннъ Ѳедоровъ разсказываетъ въ предисловіи къ Апостолу 1574 г., что типографію во Львовѣ онъ могъ устроить, послѣ многихъ просьбъ съ земными поклонами, только потому, что на нихъ откликнулись «мали нѣцыи въ іерейскомъ чину.... помощь подающе».

[5]) *Погодинъ*, Образованіе и грамотность въ древнемъ періодѣ русской исторіи (Ж. М. Н. Пр., 1871, янв., 11).

дятся въ преподаваніе языки и нѣкоторыя изъ семи свободныхъ искусствъ. Послѣднія были въ XVI вѣкѣ принадлежностью всякой благоустроенной школы—не только польско-европейской, но и греческой. Но нѣкоторые православные увидѣли въ нихъ опасность для вѣры. Школы протестантская и іезуитская рѣдко выпускали своихъ православныхъ воспитанниковъ съ православными же убѣжденіями,—легко было заключить, что въ наукахъ этихъ школъ и гнѣздится опасность для чистоты вѣры. Такъ и заключали иные. Не получивъ сами школьнаго образованія, они не могли понять, что для того именно, чтобы ослабить вредное для православія дѣйствіе „латинскихъ наукъ", ихъ нужно ввести въ свои училища. Почти всѣ наши противники этихъ наукъ, число которыхъ было не такъ мало, какъ полагаетъ г. Кулишъ [1]), были духовными. Оставляя въ сторонѣ епископа Гедеона Балабана, запрещавшаго мѣщанамъ учиться, такъ какъ у него были для этого особыя побужденія, какъ откроется ниже, укажемъ на представителей монашества—старца Артемія, автора „Списанія противъ Люторовъ", Іоанна Вышенскаго. Немало ихъ было, вѣроятно, и среди бѣлаго духовенства, какъ можно видѣть изъ „Учительнаго Евангелія" Кирилла Ставровецкаго (1619 г.; „предмова до чителника"). Если же иногда возставали противъ „граматыческаго, діалектическаго и риторическаго ученія" и люди свѣтскіе, то здѣсь очевидно вліяніе духовенства же [2]). Нужно остановиться на взглядахъ этихъ людей, интересныхъ и самихъ по себѣ, и потому, что они показываютъ, въ какомъ духѣ начала складываться наша западнорусская школьная образованность подъ воздѣйствіемъ вышеуказанныхъ просвѣтительныхъ вліяній.

Старецъ Артемій, полемизируя съ Симономъ Буднымъ, весьма рѣшительно опровергалъ его положеніе, высказанное въ одномъ частномъ письмѣ: „многи языки имѣти учителемъ добро". Ссылаясь на апостольскія изреченія: „не въ словеси царство Божіе, но въ силѣ добрыхъ дѣлъ", и—„мудрость міра сего буйство есть отъ Бога", Артемій высказываетъ свое собственное убѣжденіе: „Можетъ бо истинное слово просвѣтити и умудрити въ благое правымъ сердцемъ безъ грамотикіа и риторикія" [3]). Буквально эти мѣста посланія повторяетъ и авторъ „Списанія противъ Люторовъ", выражая то-же отношеніе къ „многимъ языкамъ" и къ грамматикѣ съ риторикой, только направляя свои удары противъ лютеранъ [4]). Если отрицательное отношеніе означенныхъ лицъ къ западно-европейской наукѣ вызывалось извѣстными имъ случаями отпаденій въ ереси „многихъ ученыхъ во всѣхъ языцехъ", то позднѣйшіе писатели даютъ ему и теоретическое обоснованіе. Такъ, острож-

---

[1]) Исторія возсоед. Руси, III, 179.

[2]) А. З. Р., IV, № 24. Что до автора Перестроги (если имъ былъ свѣтскій—Рогатинецъ), который называетъ «Аристотелеву науку» «поганской философіей» и считаетъ милостью Божіей по отношенію къ грекамъ, что Богъ «напервѣй мудрость свѣтскую отдалилъ отъ нихъ» (А. З. Р., IV, стр. 235),—то здѣсь онъ отчасти повторяетъ З. Любберта, тоже отрицательно относившагося къ Аристотелевой философіи—въ іезуитскомъ ея пониманіи. И вообще онъ не противъ «внѣшнихъ наукъ» (*Студиньскій*, Пересторога, 185. 186).

[3]) П. П. Л., I, 1324. 1325.

[4]) П. П. Л., III, 173. 174.

скій писатель Василій въ своемъ сочиненіи: „О единой вѣрѣ“ (1588) настаиваетъ на мысли о неприложимости къ догматамъ человѣческихъ соображеній,—того, что онъ называетъ „діалектическими усилованми и соѳисматами, сирѣчь злохитрьствами“. Его возмущаютъ и удивляютъ тѣ, которые, „отступивши духовнаго разума, прельстившися геометрѣйскими образованми и прочими долу влачимыми брѣднями вымысловъ человѣческыхъ, глаголютъ разумѣти—не отъ части, но всего божественнаго естества мнятся достигнути“, и которые тайну троичности покушались „выобразить треуголнымъ землемѣрія образованіемъ, и прочими суемудрными діалектическими вымыслы“, и прельстившись сами, „и прочыхъ симъ кшталтуючи (обучая) съблазняютъ“ [1]). Подобнымъ образомъ отзывается о свѣтской наукѣ и философіи авторъ „Вопросовъ и отвѣтовъ православному зъ папежникомъ“ (1603). Онъ вслѣдъ за Василіемъ возстаетъ противъ увлеченія въ западныхъ школахъ Аристотелемъ, Платономъ, Цицерономъ „и иншими, што вколо ихъ“, простирающагося до того, чтобы безъ нихъ никакая наука не кажется серьезной („жадная наука, ани человѣческая, ани Божія моцна быти не здается“). Въ отвѣтъ своему оппоненту, заявлявшему о важномъ значеніи свѣтскихъ наукъ, какъ „наукъ мяккихъ, простыхъ и съ фабулками (побасенками) змѣшанныхъ“, которыхъ требуютъ дѣти, прежде чѣмъ дойдутъ „до науки вышшое и розуму зуполного“ (полнаго разумѣнія),—въ отвѣтъ на это нашъ авторъ соглашается, что онѣ нужны только для развитія и упражненія разсудка, а не для постиженія божественныхъ догматовъ, такъ какъ послѣдніе выше всякаго пониманія и уразумѣнія и могутъ быть постигнуты только вѣрою, безъ пособія какихъ-либо логическихъ ухищреній и вымысловъ. Утверждая фактъ разобщенности польско-латинской науки съ „звирхнею (вышнею) діалектикой“ и съ „внутрной Богомъ дарованой церковной философіей“, „Православный“ вмѣстѣ съ тѣмъ доказываетъ и на основаніи опытовъ всю гибельность для вѣры и нравственности западноевропейскаго образованія. Рисуемая имъ программа воспитанія не широка,—она сводится къ сообщенію дѣтямъ самыхъ основныхъ христіанскихъ понятій и къ такому укрѣпленію ихъ нравственнаго характера, которое бы приближало ихъ къ дивнымъ и святымъ мужамъ, подобно солнцу свѣтившимъ міру примѣромъ добрыхъ дѣлъ [2]).

Но особенно вооружился противъ западной науки аѳонскій инокъ—западноруссъ Іоаннъ Вышенскій изъ Галиціи, громившій въ своихъ полныхъ убѣжденія и остроумія посланіяхъ новое направленіе церковной жизни, сближеніе съ латинствомъ. Вышенскій не получилъ правильнаго школьнаго образованія, удовольствовавшись, вѣроятно, тѣмъ, что могло дать ему приходское училище его родного села [3]). Тѣмъ не менѣе, живя

---

[1]) П. П. Л., II, 664. 673. 699.

[2]) П. П. Л., II, 106—110. Для удостовѣренія вліянія на автора «Вопросовъ»—Василія достаточно сличить столбцы 107, 108 съ 671, 672.

[3]) «А о себѣ азъ и самъ свидѣтельство вамъ даю, яко граматическаго дробязку не изучихъ, риторичное игрушки не видахъ, философскаго высокомечтательнаго не слыхахъ» (Кіев. стар., 1889, XXV, прил., стр. 31. Ср. *Голубевъ*, Петръ Могила, прилож., стр. 68 и Арх. Ю.-З. Р., I, VII, стр. 28).

на Аѳонѣ, куда онъ удалился предъ 1580 г. [1]), Вышенскій подъ вліяніемъ аскетической литературы проникся довольно устойчивыми ригористическими взглядами и на весь міръ, и на міръ латинскій, и на латинскія науки, которыя по нему только удаляютъ отъ „преблагословеннаго даскала надъ даскалами, ректора надъ ректорами, Господа и Бога нашего Іисуса Христа“, и которыя не къ царству небесному ведутъ, „але всѣхъ студентовъ своихъ въ погибель вѣчную посылаютъ“ [2]). Уже въ одномъ изъ своихъ первыхъ аѳонскихъ произведеній Вышенскій сдѣлалъ полемическую вылазку противъ характера латинскаго просвѣщенія: „Нинѣже въ латинскомъ родѣ сопротивно (иначе) творятъ: изучивши граматичку и празднословницу велерѣчную, еже есть рыторичку, тогда уже ся дмутъ, даскалами и мудрыми ся зовутъ, проповѣдаютъ, оучатъ, а и сами въ безуміи и буйствѣ премудрости міра сего сѣдятъ“ [3]). Въ виду этого Вышенскій совѣтуетъ въ своемъ „Краткословномъ отвѣтѣ“ [4]) совсѣмъ отказаться отъ латинянъ и ихъ мудрости: „Досыть (довольно) намъ на томъ коли мы правовѣрни и православни, досыть намъ вѣдати о себѣ и о своихъ намъ единогласныхъ и присныхъ: тѣхъ утверждае(й)мо и воспоминаймо вѣдомостью (знаніемъ) нашего православія, писаніемъ, наукою, друкованіемъ книгъ, училищи, и довольствъ отъ избытковъ нашихъ, а латыню со всѣмъ на всѣмъ оставимо, нися ихъ о чемъ, яко мнящихся мудрыхъ, а никакоже пытаймо (не будемъ спрашивать), ни ихъ науки и православія на искушеніе слушаймо, ниже ихъ хитрости на наше цвѣченье и полерованье (просвѣщеніе) учимся... да будутъ они какъ суть, мы же будемъ предъ очима ихъ, по евангелію, прости, глупы и незлобивы; досыть намъ, спасти насъ самихъ“ [5]). Такъ какъ мудрость свѣтская, „надворная“—ядъ [6]), то Вышенскій, опасаясь, чтобы православные „дѣти свои хитростью и ересію латинскою не отравили и не поморили“, въ „Зачапкѣ“ предлагаетъ имъ свою программу образованія и рекомендуетъ свой идеалъ „правовѣрной школы и пораду (совѣтъ) даетъ, чогося учити имѣютъ, чтобы дѣти свои спасли“ и, „христіанство своей вѣры не стратили (погубили)“. „Въ первыхъ ключь, или грецкую, или словенскую грамматику да учатъ. По грамматицѣ же, во мѣсто лживое діалектиты (sic) (зъ бѣлого черное, а зъ черного бѣлое перетворяти учащее), тогда да учатъ богомолебного и праведнословнаго часословца; во мѣсто хитрорѣчныхъ силогизмъ и велерѣчивое реторики, тогда учатъ богоугодно молебный псалтырь; во мѣсто философіи, надворнѣе и по воздуху мысль разумную скитатися зиждущее, тогда учатъ

---

[1]) *Др. Іван Франко*, Іван Вышенскій і его твори (Львив, 1895), 85.

[2]) Петръ Могила, прилож., стр. 101—104. Что цитуемая здѣсь «Зачапка», какъ и «Краткословный отвѣтъ Ѳеодула» принадлежатъ Іоанну Вышенскому—весьма удовлетворительно доказываетъ г. Франко (о. с., 242 et sqq.).

[3]) «Слѣдъ къ постыженію и изученію художества»... Кіев. стар., 1889, т. XXV, стр. 115, 116. О мѣстѣ, занимаемомъ этимъ сочиненіемъ въ ряду другихъ,—*Франко*, 87. 88.

[4]) 1600—1601 гг. *Франко*, 257.

[5]) Петръ Могила, прилож., стр. 113.

[6]) «Въ школахъ и наукахъ латинскихъ, заявляетъ въ другомъ мѣстѣ Вышенскій, тайна и гнѣздо антихристово фундовано есть» (Петръ Могила, прилож., 103).

плачивый и смиренномудривый охтаикъ, а по нашему церковнаго благочестія догматы, осмогласникъ: та же конечное и богоугодное предспѣяніе въ разумѣ, дѣлное богословіе; тогда учать св. евангельскую и апостольскую проповѣдь, съ толкованіемъ простымъ, а не хитрымъ, не слухи чесати словомъ проповѣднымъ, але силу Духа Святаго влагати въ слышащихъ сердца... Таже во евангелской проповѣди мысль напасши, и до прочихъ книгъ тезоименитыхъ касайся, и всяко писаніе богодухновенное проходи". Вышенскій не запрещаетъ читать и неканоническія книги Свящ. Писанія: „и тамъ, любимый брате... забавляй; точію до поганскихъ учителей и до латинское хитрословіе лжи не ходи, бо вѣру загубишъ" [1]). Въ другомъ сочиненіи — „Порадѣ о очищеніи церкви" Вышенскій вопрошаетъ: „Чи не лепше тобѣ изучити часословецъ, псалтыръ, охтоикъ, апостолъ и евангеліе, съ иншими церкви свойственными, и быти простымъ богоугодникомъ и жизнь вѣчную получити, нежели постигнути Аристотеля и Платона и философомъ мудрымъ ся въ жизни сей звати, и въ геену отъити? Разсуди" [2]). Мало того. Вышенскій попытался даже замѣнить философію Аристотеля христіанской и послалъ съ Аѳона въ западную Россію „Древо зовомое разумное, философія, не поганскаго учителя Аристотеля, але православныхъ Петра и Павла" [3]). Впрочемъ, было время, когда и самъ Вышенскій относился къ латино-польскому образованію въ болѣе примирительномъ духѣ, подъ вліяніемъ своихъ просвѣщенныхъ земляковъ, съ которыми онъ свидѣлся въ свое путешествіе въ западную Россію и Львовъ. Защищаясь въ написанномъ въ это время „Посланіи къ старицѣ Домникіи" отъ упрековъ въ томъ, что онъ возбраняетъ и „хулитъ граматичное ученіе и ключь къ познанію складовъ и рѣчей, занеже самъ не учился", Вышенскій говоритъ: „не вѣдомость хулю художества, але хулю, што теперешніе наши новые рускіе философы не знаютъ въ церкви ничтоже читати, ни тое самое псалтыри, ни часослова. А знать, еслибы хто што строхи

---

[1]) Петръ Могила, прилож., 72—74. «Зачапка» написана въ 1607—8 гг. (*Франко*, 325). Взглядъ автора «Зачапки» на соотвѣтствіе богослужебныхъ книгъ различнымъ свободнымъ наукамъ напоминаетъ разсужденіе Фр. Скорины (въ предисловіи на всю Библію), рекомендовавшаго для изученія грамматики Псалтирь, логики—Іова и Павла, «краснословности»—Соломона, музыки—вообще священные пѣсни и стихи, помѣщенные въ Библіи, ариѳметики—Числа, геометріи—Іисуса Навина, астрономіи—первыя главы Бытія, для изученія военныхъ и богатырскихъ подвиговъ—Судей, Маккавеевъ и т. д.... (*Караѳаевъ*, Описаніе славяно-русскихъ книгъ..., I, 31, 32).

[2]) А. Ю. и З. Р., II, 210. «Порада» написана, по Франку, скоро послѣ 1608 г. и есть нѣчто совершенно отдѣльное отъ посланія Вышенскаго къ кн. К. К. Острожскому и ко всѣмъ православнымъ христіанамъ, съ которымъ слила ее редакція Актовъ (*Франко*, 349 et sqq.). Впрочемъ, г. А. Крымскій, критикъ Франковой диссертаціи, доказываетъ, что время написанія «Порады» должно отнести къ послѣднему десятилѣтію XVI ст. (Кіев. стар., 1895, 14, 32 и слѣд.).

[3]) Это произведеніе Вышенскаго не дошло до насъ; о немъ онъ упоминаетъ въ «Зачапкѣ» (Петръ Могила, прилож., стр. 74). Другое же сочиненіе Вышенскаго—«Соборникъ, т. е. зобранные всѣ таемницѣ невѣдомые разныхъ часовъ» (ibid., 75), имѣвшее, повидимому, быть церковно-богословской энциклопедіей, въ огражденіе православной мысли отъ всякихъ «самомнѣнныхъ думъ», осталось только въ проектѣ (*Франко*, 337).

(немного) и зналъ, якъ южъ досягнетъ стиха якого басней аристотельскихъ, тогда южъ псалтыри читати ся соромѣетъ (стыдится), и прочее правило церковное ни за что не вмѣняетъ и яко простое и дурное быти разумѣетъ". Въ виду этого онъ совѣтовалъ „фундаторамъ благочестія во Львовѣ" утверждать прежде дѣтей въ благочестіи, любви къ церковности и въ православной вѣрѣ, и послѣ того уже знакомить и съ свѣтскими науками [1]). Но эта уступка Вышенскаго внѣшней, свѣтской наукѣ была временной [2])...

Однако, ни авторитетность Іоанна Вышенскаго, ревность котораго по вѣрѣ стала извѣстна еще въ 1596 г. патріарху Мелетію Пигасу [3]), ни то, что на сторонѣ его убѣжденій стала цѣлая группа людей, составившихъ извѣстное „Совѣтованіе о благочестіи", въ которомъ внушалось основываться не на латинскихъ силлогизмахъ и извращающихъ истину сочиненіяхъ, а на догматахъ и твореніяхъ св. отцовъ [4]), не могли оказать сильнаго вліянія на направленіе нашего школьнаго просвѣщенія. Сознаніе необходимости многихъ элементовъ западной науки—и для защиты вѣры, и для цѣлей гражданскихъ [5])—настолько созрѣло, что повернуть наше просвѣщеніе назадъ оказалось невозможнымъ. Мало того, что они вошли постепенно въ программы нашихъ школъ, такъ что около 1621 г. Захарія Коныстенскій скромно заявилъ, что православные и „въ внѣшней, свѣтской мудрости благодатію Божіей искусство имѣютъ, хотя и не хвалятся ею", — наши писатели къ этому же времени уже выработали принципіальное оправданіе своего пользованія „латинской мудростью". „Если латиняне хвалятся свѣтской наукою—они чужими перьями хвалятся, въ чужомъ плащѣ щеголяютъ! Ибо греческая мудрость—Платонова, Аристотелева и иныхъ философовъ греческихъ, и имъ только отчасти были удѣлена... И мы, русскіе, если для наукъ отправляемся въ края нѣмецкіе, то не ради латинской, но греческой науки, и ею мы пользуемся какъ собственностью, только на короткое время довѣренною западнымъ, причемъ однако, искусно отбрасывая соръ, пользуемся чи-

---

[1]) Арх. Ю.-З. Р., I, VII, 28. 29.

[2]) Этотъ эпизодъ выясненъ у г. *Франко* (310—316. 356. 383—385).

[3]) У Франко напечатано письмо патріарха къ Вышенскому съ приглашеніемъ отправиться въ зап. Россію для борьбы съ врагами православія (356—360).

[4]) «Совѣтованіе о благочестіи:—Рада и способъ, яко въ народе Россійскомъ вѣру и догмата церкве всходнеи заховати и ростити и абы Митрополитове и Епископове не уставали», § 24 (П. К. К., I, стр. 249). Документъ этотъ есть не постановленіе собора 1621 года, какъ думаютъ нѣкоторые (напр., *митр. Макарій*, XI, 285), а только меморіалъ для предстоявшаго собора (*Франко*, 2). Замѣчателенъ его § 22, предлагающій послать на св. гору аѳонскую за преподобными мужами Россами,—Кипріаномъ, Іоанномъ Вышенскимъ и прочими цвѣтущими въ житіи и богословіи, и отправлять туда русскихъ, какъ въ духовную школу (стр. 247, 248). Мѣра эта проектирована была еще ранѣе въ виленскомъ братствѣ. См. копію письма, посланнаго имъ въ январѣ 1619 г. «Честному священноинокови господину отцю Кирилу (Пафнутію) (Іелисею)», аѳонскимъ подвижникамъ, съ приглашеніемъ вернуться на родину (Рукоп. книга Аѳанасія Мирославскаго. Рукоп. кіево-печерской лавры, доп. катал., № 20, л. 93. Напечат. въ Лит. еп. вѣд., 1894, № 26).

[5]) П. П. Л., II, 105.

стымъ зерномъ, оставляя уголь, беремъ золото. И что касается даже истиннаго богословія, то и оно съ востока,—восточнымъ богословіемъ живутъ (дышатъ) западные"! [1]).

Того результата, на который указываетъ Коныстенскій, православные западноруссы достигли въ теченіе періода около сорока лѣтъ, благодаря дѣятельности острожской и братскихъ школъ; къ исторіи ихъ мы и переходимъ.

---

[1]) Палинодія, П. П. Л., I, 900. 901. 905.

ГЛАВА IX.

Острожское училище.

Первымъ западнорусскимъ училищемъ, отразившимъ въ своемъ устройствѣ вліяніе историческихъ просвѣтительныхъ теченій того времени, было острожское. Князь Острожскій, учреждая его, сдѣлалъ первую въ зап. Россіи попытку привлечь на служеніе православной вѣрѣ и церкви, а вмѣстѣ съ тѣмъ и русскому народу греческую и латинскую науку.

Личность князя Константина Константиновича Острожскаго такъ интересна и жизнь его такъ богата фактами, имѣющими огромное значеніе для исторіи политической, церковной и общественной, что можно только удивляться отсутствію въ нашей литературѣ полной и подробной монографіи о немъ, на основаніи хотя-бы всѣхъ извѣстныхъ нынѣ матеріаловъ. И это представляется дѣломъ тѣмъ болѣе нужнымъ, что въ литературѣ все чаще начинаютъ повторяться попытки развѣнчать князя Острожскаго, низвести его съ того пьедестала, на который поставила его исторія [1]). Что касается отношенія кн. Константина Константиновича Острожскаго къ вопросу о просвѣщеніи, то упрекъ одного изъ этихъ ученыхъ по адресу князя или просто пристрастенъ, или есть результатъ недостаточнаго знакомства съ его дѣятельностью. Именно г. Кулишъ ставитъ въ вину кн. Острожскому, что онъ отошелъ къ предкамъ, не обезпечивъ какимъ либо фундушемъ ни одного церковнаго братства, ни одного училища, ни одной типографіи, ни даже какого нибудь ревнителя народнаго просвѣщенія [2]). На самомъ же дѣлѣ историческіе факты рѣшительно свидѣтельствуютъ, что для нашего просвѣщенія, для нашихъ училищъ кн. Острожскій сдѣлалъ болѣе, чѣмъ кто другой изъ его современниковъ. Онъ завелъ двѣ типографіи, устроивъ при каждой изъ нихъ цѣлое общество ученыхъ людей, занимавшихся писательской, переводческой и издательской дѣятельностью. Онъ далъ землю для туровской школы, учредилъ училище въ Острогѣ, посылалъ въ Грецію за учителями, убѣдилъ епископа Ѳеодосія Лазовскаго завести греко-славянскую школу во Владимирѣ, ходатайствовалъ предъ королемъ о дарованіи львовской школѣ права преподаванія „свободныхъ наукъ“. Кто другой такъ интересовался вопросами о народномъ обра-

---

[1]) *Костомаровъ* (Историч. монографіи и изслѣдованія, т. III), *Кулишъ*, *Студинській* (Пересторога, 35—40).

[2]) Отпаденіе Малороссіи отъ Польши—Чт. въ моск. общ. ист. и древн. росс., 1888, II, отд. III, 173.

зованіи, какъ кн. Острожскій, который напоминалъ самимъ епископамъ о сдѣланныхъ ими соборныхъ постановленіяхъ относительно школъ и типографій и который, наконецъ, и на унію смотрѣлъ, какъ на средство поднятія, между прочимъ, образованія русскаго духовенства? Быть можетъ, не все, что замышлялъ кн. Острожскій и къ чему стремился, было выполнено имъ и выполнено такъ, какъ онъ хотѣлъ; но много было сдѣлано, благодаря его именно иниціативѣ и поддержкѣ [1]).

Къ мысли о необходимости устройства училища съ древними языками, вообще училища высшаго, кн. Острожскій шелъ, кажется, такимъ же путемъ, какъ и Курбскій. Училище и для него имѣло служить ближайшимъ образомъ дѣлу изданія книгъ, хотя оно сразу же расширило свои задачи. Что до издательской дѣятельности кн. Острожскаго, то на ней и отражается то вліяніе кн. Курбскаго, о которомъ мы упомянули. Оба князя находились въ близкихъ, дружескихъ отношеніяхъ, такъ что Курбскій въ обоихъ завѣщаніяхъ (1581 и 1583 гг.) поручаетъ своихъ дѣтей кн. Острожскому,—проситъ взять ихъ „вмилостивое выхованье до себе“ [2]). Сошлись они именно на почвѣ интересовъ духовно-просвѣтительныхъ, о чемъ и свидѣтельствуетъ ихъ переписка, находившаяся въ связи съ вопросомъ о переводѣ и изданіи отеческихъ и полемическихъ книгъ. Но въ то время, какъ кн. Острожскій способенъ былъ увлекаться и заявлять симпатіи къ людямъ то того, то другого религіознаго лагеря [3]), Курбскій твердо стоялъ въ православіи и былъ всегда холоденъ къ еретикамъ всякихъ партій: онъ одинаково укоряетъ кн. Острожскаго и негодуетъ на него за присылку ему сочиненій Скарги и еретика Мотовилла, этого „согласника и обновителя Павла Самосатскаго ереси и Фотинуса нѣкаго“. Эта бо́льшая убѣжденность и твердость Курбскаго даетъ ему право даже выговаривать кн. Острожскому за его доброжелательное отношеніе къ Мотовиллѣ: „Въ таковую дерзость и стультицію (неразуміе) начальницы христіанскіе внидоша, иже не токмо тѣхъ ядовитыхъ драконовъ въ домѣхъ своихъ питати и ховати (держать) не стыдятся; но и за обронителей и помощниковъ ихъ себѣ мнимаютъ. И что еще дивнѣйшаго: за (отъ) духовныхъ бѣсовъ духовную церковь Божію о́броняти имъ разсказуютъ и книги сопротивъ

---

[1]) Г. Кулишъ говоритъ: «Въ заведеніи училищъ, въ распространеніи по Руси богослужебныхъ и другихъ книгъ, естественно слѣдуетъ предполагать намъ вліяніе на него (кн. Острожскаго) людей, заинтересованныхъ въ этомъ хорошемъ дѣлѣ: онъ только склоняется на разумныя просьбы» (Ист. возсоед. Руси, I, 277). Но кто, кромѣ кн. Курбскаго (о чемъ ниже), могъ вліять на кн. Острожскаго въ вѣкъ всеобщаго невѣжества, какъ рисуетъ его г. Кулишъ? Но и вліяніе Курбскаго могло быть первоначальнымъ толчкомъ, а не побудительной силой, дѣйствовавшей въ теченіе 30-ти слишкомъ лѣтъ.

[2]) Жизнь кн. Курбскаго въ Литвѣ и на Волыни, I, 197, 237.

[3]) Считаемъ нужнымъ оговориться, что мы, выражаясь такъ, совсѣмъ не раздѣляемъ мнѣнія г. Кулиша о религіозной безпринципности кн. Острожскаго и его желаніи угодить всѣмъ—и католикамъ, и протестантомъ, и православнымъ, и объ его «безпрестанныхъ переходахъ изъ одного лагеря въ другой» (Чт. въ моск. общ. ист. и древн. росс., 1888, II, 25). Тутъ было проявленіе не безпринципности, а той высшей вѣротерпимости, которая въ тотъ вѣкъ отличала такихъ людей, какъ Ротундъ, какъ нѣкоторые Радивиллы и даже нѣкоторые католическіе епископы.

полувѣрныхъ Латиновъ писати имъ повелѣваютъ“ Въ другомъ посланіи къ кн. Острожскому Курбскій объясняетъ эту оплошность „нерадѣніемъ ради прочитанія св. Писаній“. „Если бы, государю! былъ еси хотя мало прочиталъ, послухавъ мене слуги твоего вѣрнаго; не токмо бы возгнушался еси самъ отъ таковыхъ догматовъ, или отвѣтовъ просити, или изыскивати, но и другимъ нашей страны православнымъ христіаномъ возбранилъ бы еси и запретилъ“ [1]).

Какъ разъ въ это время князь Острожскій задумалъ дѣло, которое должно было дать возможность читать Свящ. Писаніе всѣмъ западнорусамъ, и для этого избралъ не старый затруднительный и дорогой способъ распространенія книгъ—списываніе ихъ [2]), въ данномъ случаѣ даже непримѣнимый, а обратился къ книгопечатанію.

Въ западной Россіи первой славянской типографіей была виленская, услугами которой пользовался Фр. Скорина (1525 г.), но послѣ того книгопечатаніе прекратилось почти на полстолѣтія, пока его не возобновили бѣжавшіе изъ Москвы въ 1565 г. первопечатники—діаконъ Иванъ Ѳедоровъ и Петръ Мстиславецъ [3]). Оба они нашли пріютъ у пана Ходкевича и въ Заблудовѣ напечатали въ 1568—1569 гг. Учительное Евангеліе, замѣчательное тѣмъ, что при изданіи его былъ возбужденъ вопросъ о переводѣ его „на простую молву“, т. е. на народную западнорусскую рѣчь. Послѣ удаленія Мстиславца въ Вильну Ѳедоровъ издалъ еще здѣсь Апостолъ и затѣмъ перешелъ въ Львовъ, гдѣ опять напечаталъ въ 1574 г. Апостолъ. Но въ Львовѣ ему не повезло до того, что онъ долженъ былъ заложить свою типографію евреямъ. Случайно или нѣтъ, но въ это время съ нимъ познакомился кн. Острожскій, который сдѣлалъ его „справцей“ дерманскаго монастыря [4]), а послѣ сентября 1576 г. перевелъ его въ Острогъ. Отсюда Ѳедоровъ, какъ слуга (famulus) князя, ѣздитъ въ Львовъ, въ Валахію и Турцію [5]).

---

[1]) Сказанія кн. Курбскаго, 281—283; ср. *Костомаровъ*, Русская исторія въ жизнеописаніяхъ ея главн. дѣятелей. Отд. I, 544—545.

[2]) Во второй половинѣ XVI столѣтія стоили такія цѣны на рукописныя книги: Псалтирь стоила 40—60 грошей, Шестодневецъ—копу грошей, Тріодь цвѣтная—двѣ копы, Евангеліе—четыре копы, Учительное Евангеліе—6 копъ, Требникъ и Октоихъ отъ 6 до 10 копъ и т. д. (Арх. Ю.-З. Р., I, VI, № 49. Жизнь кн. Курбскаго.... I, 160. 161; ср. А. В. А. К., XVII, № 652. Вспомнимъ, что тогдашній грошъ равнялся 5—6 нынѣшнимъ копѣйкамъ. *Горбачевскій*, о. с., 146). Впрочемъ, цѣны колебались въ зависимости отъ качества письменныхъ матеріаловъ и достоинства письма и измѣнялись, какъ цѣны всякаго товара (*Добрянскій*, Опис. рукоп. вил. публ. библіот., № 178). Списываніе книгъ было ремесломъ, котораго не прекратило и развитіе книгопечатанія. Извѣстны списки съ печатныхъ изданій (*Архим. Леонидъ*, Системат. опис. слав.-русскихъ рукописей собранія графа Уварова, II, № 627).

[3]) Источниками для исторіи Ивана Ѳедорова въ зап. Руси служатъ предисловіе къ Апостолу 1574 г. и нѣкоторые документы, обнародованные А. С. Петрушевичемъ («Иванъ Ѳедоровъ русскій первопечатникъ», 1883, Львовъ), Пташицкимъ (Русская старина, 1884, мартъ), проф. Малышевскимъ (Чт. въ историч. обществѣ Нестора лѣтописца, VII, отд. II, 1893 г.).

[4]) Въ такомъ званіи Ѳедоровъ является уже въ мартѣ 1575 г. (Чт. въ общ. Нестора лѣтописца, VII, отд. II, 98. 99; ср. Вол. губ. вѣдом., 1847, № 23 и Вол. еп. вѣд., 1873, стр. 291).

[5]) Рус. стар., 1881, мартъ, 466—468. Чт. въ общ. Нестора лѣтописца, VII, отд. II, 105—108.

Не можетъ быть сомнѣнія, что путешествіе діакона Ѳедорова въ эти страны стояло въ связи съ намѣреніемъ кн. Острожскаго издать Библію на славянскомъ языкѣ, которая и вышла въ свѣтъ въ 1581 г. Но принимая во вниманіе трудность и сложность работы, требовавшей прежде всего вѣрныхъ текстовъ на различныхъ языкахъ и людей, которые могли бы исправить всю Библію [1]), самое исправленіе и напечатаніе,—начало замысла князя Острожскаго должно отнести къ первымъ 70-мъ годамъ, когда и былъ полученъ имъ изъ Москвы полный списокъ Геннадіевской Библіи черезъ посредство литовскаго писаря Михаила Гарабурды, который бывалъ тамъ съ посольствомъ, между прочимъ, въ 1570, 1572, 1573 гг. [2]).

Главной задачей князя Острожскаго было издать на славянскомъ языкѣ всю Библію. Но исполненіе ея растянулось на нѣсколько лѣтъ и „первымъ овощемъ“ острожской типографіи была вышедшая въ 1580 г. „Книга Н. Завѣта въ ней же напреди псалмы блаж. Давида пророка и царя“. Изъ предисловія къ ней и къ Библіи 1581 г. видно, что побужденіемъ къ изданію ихъ были заботы князя о распространеніи благочестія, подрывавшагося „лютыми волками“ невѣрія. Какъ Библія, такъ и другія изданія острожской типографіи, были направлены противъ латинянъ и протестантовъ. Борьба съ ними велась двумя путями—посредствомъ исправленія и изданія богослужебныхъ книгъ и путемъ составленія и перевода съ греческаго сочиненій, преимущественно богословско-полемическаго характера [3]).

---

[1]) Въ предисловіи къ Библіи говорится объ отправленіи кн. Острожскимъ писемъ и пословъ въ многія страны вселенной: «яко (въ) Римскіе предѣлы, тако и Кандійскіе островы, паче же (во) многіе монастыри грецкіе, сербъскіе и болгарскіе, даже и до самаго апостоломъ намѣстника и всей церкви восточныя чиноначальника» (п. Іереміи), съ требованіемъ и «моленіемъ прилежнымъ тако людій наказаныхъ въ писаніяхъ святыхъ еллинскихъ и словенскихъ . Якоже и зводовъ добре исправленыхъ».

[2]) Пред. къ Библіи 1581 г. Чт. въ общ. Нестора лѣтописца, VII, отд. II, стр. 104—105. Намъ кажется, что показаніе упомянутаго уже нами кіевскаго іерод. Іоакима (Чт. въ моск. общ. ист. и древн. рос., 1883, I, отд. V) заключаетъ свидѣтельство о попыткѣ именно кн. Острожскаго достать изъ Москвы славянскій текстъ Библіи. Іоакимъ разсказываетъ здѣсь, что былъ посланъ въ Москву еще «по докладу Сигизмунда Августа» съ письмомъ и дарами, чтобы у царя «отъ его Царскія книгохранилница испросити Библію по нашему языку русскому словенскому на списъ слово въ слово», чтобы ее въ Литвѣ «выдати тисненіемъ печатнымъ нашему народу христіанскому русскому литовскому да и русскому Московскому, да и повсюду всѣмъ православнымъ христіаномъ, иже въ болгарѣхъ, и сербехъ, въ Мылтанехъ и Волосехъ». Вмѣстѣ съ тѣмъ ему поручено было просить Бесѣды евангельскія въ переводѣ съ греческаго Сильвана, ученика Максима Грека, и Житіе препод. Антонія печерскаго. Возможно, что Іоакимъ списалъ Библію и послалъ ее чрезъ Гарабурду въ зап. Россію, но самому ему, благодаря московскимъ бѣльцамъ и монахамъ, «которые только словомъ христіане и чернецы мантіями», пришлось испытать множество непріятностей и даже «юзы и темницы». Изъ заключенія ему удалось выбраться, вѣроятно, только въ 1582 году, когда онъ удостоился получить аудіенцію у царя и представить ему «списокъ» (т. е. свою апологію): обласканный Грознымъ, онъ надѣялся уже оставить Москву, но ему помѣшала война съ Польшей и затѣмъ смерть царя.

[3]) Вол. еп. вѣд., 1881, стр. 894.

Но одной типографіи было мало для устраненія окружившихъ православную церковь „со всихъ сторонъ скорбей, ситованія и бѣдъ". Князь Острожскій ясно сознавалъ, что „ани для чого инъшого розъмножилося межы людми такое ленивство, оспалъство и отъступленье отъ вѣры, яко наболшей для того, ижъ устали учители, устали проповедачи слова Божого, устали науки, устали казанья" [1]). Князь понималъ, что книги Свящ. Писанія и богослужебныя, какими бы убѣжденными предисловіями онѣ ни сопровождались, не способны противодѣйствовать широко распространившемуся протестантству, разъ не всѣ уже понимали славянскій языкъ и разъ очень многіе не умѣли читать. Онъ не могъ не видѣть, что даже для обезпеченія плодотворной для православной церкви дѣятельности самой типографіи необходимо подготовить людей и съ знаніемъ языковъ и съ несомнѣнно православными убѣжденіями: вѣдь нельзя было ручаться за то, что сгруппировавшійся у острожскаго печатнаго станка кружокъ труженниковъ будетъ постоянно полонъ и что всѣ его члены, всѣ соработники князя Острожскаго будутъ постоянно стоять на стражѣ интересовъ православія. Нельзя было надѣяться на такихъ случайныхъ сотрудниковъ, какъ Мотовилло, Лятошъ. Такимъ образомъ, нужны были школы, на что указывалъ и Скарга, поставлявшій силу католической церкви въ ея училищахъ и наукахъ и укорявшій въ невѣжествѣ православное духовенство [2]), и—князь Острожскій, которому посвятилъ онъ свое сочиненіе, дѣйствительно, открылъ въ Острогѣ училище.

Но, кажется, ни объ одномъ явленіи изъ исторіи нашего западнорусскаго просвѣщенія не высказано столько самыхъ противорѣчивыхъ сужденій, какъ объ этомъ училищѣ. Наиболѣе крупными спорными пунктами здѣсь являются вопросы о времени учрежденія его и о томъ, что собственно оно представляло собой—академію ли, духовную-ли семинарію, училище ли свободныхъ наукъ, или, наконецъ, низшую школу [3]). Устранить всѣ противорѣчивыя утвержденія и установить опредѣленный взглядъ на начало школы, характеръ ея и дѣятельность острожскихъ ученыхъ пытался въ послѣднее время г. Лукьяновичъ. Онъ далъ новые и оригинальные, но не всюду выдерживающіе критику отвѣты. Въ виду всего этого считаемъ необходимымъ положительному изложенію исторіи острожскаго училища предпослать критическое разсмотрѣніе существующихъ въ литературѣ рѣшеній спорныхъ вопросовъ.

Дата, указываемая различными историками для основанія острожской школы, такъ непостоянна, что колеблется на протяженіи цѣлаго столѣтія—отъ 1498 по 1593-5 гг. За первое изъ этихъ чиселъ стоятъ тѣ историки, которые связываютъ учрежденіе школы съ именемъ Константина Ивановича Острожскаго, а Константину Константиновичу Острожскому приписываютъ лишь преобразованіе ея въ высшую, подъ

---

[1]) П. П. Л., III, 583 (id. A. З. Р., IV, № 45).

[2]) П. П. Л., II, 486.

[3]) Перечень мнѣній по двумъ этимъ вопросамъ, находящійся у г. Лукьяновича («Къ вопросу объ Острожской школѣ (XVI в.».—Вол. епарх. вѣд., 1881 г., 767—769), можно было бы увеличить еще болѣе, но это не принесло бы пользы дѣлу.

вліяніемъ люблинской уніи, грозившей православной вѣрѣ и русской народности [1]). Но мысль объ учрежденіи острожской школы кн. Константиномъ Ивановичемъ не можетъ быть принята уже по тому одному, что единственное основаніе, на которомъ она опирается (свидѣтельство надгробной надписи), и недостовѣрно, и крайне неопредѣленно: если бы и было доказано, что фраза о школахъ, фундованныхъ княземъ Константиномъ Ивановичемъ, не внесена въ эпитафію человѣкомъ, который не могъ себѣ представить, чтобы столь знаменитый князь не заботился объ образованіи народа, и что она представляетъ дѣйствительно свидѣтельство современниковъ князя объ его просвѣтительной дѣятельности, то и тогда на основаніи ея нельзя было бы утверждать, что одна изъ такихъ школъ находилась въ Острогѣ. [2]) Но, кромѣ того, есть нѣсколько свидѣтельствъ, даже современныхъ факту, въ пользу того, что острожское училище было основано княземъ Константиномъ Константиновичемъ. Таково, прежде всего ясное, хотя и не опредѣляющее точно времени основанія школы и характера ея, свидѣтельство автора „Перестроги“ [3]). Таково же свидѣтельство болѣе позднихъ писателей—Якова Суши, холмскаго уніатскаго епископа [4]), Нѣсецкаго, который утверждаетъ, что кн. К. К. Острожскій первый завелъ (fundował) въ Острогѣ греческую и латинскую школу [5]), Стебельскаго. Послѣдній говоритъ „что три сына Константина — Константинъ, Янушъ и Александръ въ малолѣтствѣ получили образованіе въ острожскихъ школахъ, впервые основанныхъ ихъ отцемъ (nayperwiey tam wystawionych od oyca ich) для изученія различныхъ языковъ, преимущественно же латинскаго, греческаго и славяно-русскаго [6]). Въ наши дни „анналистъ“ Гарасевичъ утверждаетъ: princeps Constantinus Ostrogiensis fundavit circa finem saeculi XVI academiam Ruthenam Ostrogensem [7]). Всѣ эти выраженія: „збудовалъ школу“, „erexit palaestram“, „nayperwiey wystawił szkoły“ „fundował“—

---

[1]) Вол. губерн. вѣд., 1864, № 15. *Проф. Петровъ*. Очеркъ исторіи прав. школъ на Волыни (Тр. Кіев. дух. акад., 1867, I, 181—182). *Архим. Арсеній*, Патр. Кириллъ Лукарисъ и его заслуги для прав. церкви, 1881 г., стр. 75 (первое изданіе вышло въ 1870 г. подъ фамиліей свящ. Брянцева, какую носилъ авторъ въ міру).

[2]) И г. Ярушевичъ, авторъ спеціальнаго изслѣдованія о К. И. Острожскомъ, признавая вообще достовѣрнымъ свидѣтельство надгробной надписи, не пытается утверждать, что въ Острогѣ именно была открыта этимъ княземъ школа (Ревнитель православія, князь К. И. Острожскій. Смоленскъ, 1896, 222. 223).

[3]) «Черезъ долгій часъ святѣйшіе патріархове панства нашего не навѣжали особами своими, толко чрезъ посланцевъ своихъ... Того часу, по зезволенію Божіемъ, благовѣрный князь Константинъ Константиновичъ умыслилъ утвердити православную вѣру, предками своими вездѣ уфундованную. И напервѣй старался у свят. патріарха, абы ся здѣ дидаскаловъ ко розмноженію наукъ вѣрѣ православной зослалъ; а онъ на то маетностями своими ратовати готовъ и доложенья ихъ на то не жалуетъ, яко южъ *збудовалъ школу*, шпиталъ и маетностями ихъ надарилъ и такожъ Словенскую и Грецкую у Острогу заложилъ друкарню, обралъ со благословеніемъ и зосланіемъ патріарха вселенскаго, и тое все заложилъ» (А. З. Р., IV, стр. 205. 206).

[4]) *Susza*, Saulus et Paulus (Romae. 1666), p. 15.

[5]) *Niesiecki*, Korona polska, III, 516,—у г. Лукьяновича (Вол. еп. вѣдом., 1881, 772).

[6]) *Stebelski*, Genealogia XX. Ostrogskich, III, 111, 112.

[7]) *Harasiewicz*, Annales ecclesiae Ruthenae, p. 145.

рѣшительно говорятъ въ пользу фундаторства К. К. Острожскаго, а не его отца. Таковъ первый „выводъ“ г. Лукьяновича [1]), съ которымъ мы совершенно согласны.

Нѣтъ сомнѣнія, что основалъ школу К. К. Острожскій, но когда? Конечно, должны быть отвергнуты 1593 и 1595 годы, указываемые писателями, ставящими учрежденіе острожскаго училища въ связь съ попыткой князя Острожскаго парализовать стремленіе высшаго духовенства къ уніи съ римской церквью [2]), такъ какъ упоминаніе объ этой школѣ встрѣчается еще задолго до обнаруженія владыками уніональныхъ тенденцій. Первое письменное свидѣтельство о ней находится у Поссевина (подъ 1581 г.): „князья русскіе, какъ Слуцкій и Острожскій, говоритъ онъ, имѣютъ свои типографіи и школы, которыми далеко и широко распространяется схизма“ [3]). Итакъ, въ 1581 г. острожское училище не только уже существовало, но и успѣло проявить свое значеніе для православія. Такъ какъ большинство писателей полагаютъ, что достаточно было для послѣдняго одного года, то обыкновенно основаніе школы опредѣляютъ 1580 годомъ. Другіе историки отодвигаютъ его „къ 70-мъ годамъ“ [4]) или датируютъ „ок. 1580 г.“ [5]).

Но г. Лукьяновичъ, полагаясь на свидѣтельство Стебельскаго, „этого довольно безпристрастнаго и добросовѣстнаго уніатскаго писателя“, находитъ возможнымъ отнести основаніе острожскаго училища ко времени „гораздо ранѣе 70 года XVI ст., т. е. того крайняго пункта, далѣе котораго въ нашей литературѣ не отодвигается время основанія школы, если оно приписывается Константину Константиновичу“. Г. Лукьяновичъ принимаетъ за истину сообщеніе Стебельскаго о томъ, что сыновья К. К. Острожскаго получили первоначальное образованіе въ острожской школѣ, и, рѣшая вопросъ, когда это могло быть, приходитъ къ мысли, что она должна уже была существовать между 1554 и 1564 гг. [6]). Но какъ хорошо былъ освѣдомленъ Стебельскій и какъ можно полагаться на него, видно изъ сопоставленія его свидѣтельства съ другимъ сообщаемымъ имъ извѣстіемъ, по которому кн. К. К. Острожскій поручилъ воспитаніе и образованіе трехъ своихъ сыновей

---

[1]) Вол епарх. вѣд., 1881, 774.

[2]) *Łukasz.*, Dzieje kościołów wyznania Helweckiego w Litwie, 1, 81; Hist. szkół, I, 350, 351; *Stecki*, Wołyń (1864), 1, 139; *Еленевскій*—Прав. обозр., 1861, іюнь, 115; *Гожалчинскій*, Тр. Кіев. дух. акад., 1869, II, 110. Писатели эти, очевидно, идутъ вслѣдъ за Сушей (Saulus et Paulus, 15).

[3]) Habent ii Duces, quales sunt Ostrogiae et Slucensis, typographias et scholas, quibus longe lateque schisma fovetur... (Supplem., p. 38; id. *Starczewski*, Historiae Ruthenicae scriptores exteri saeculi XVI, p. 286). О слуцкой школѣ мы не имѣемъ больше никакихъ извѣстій. Мы не знаемъ, ни кѣмъ она были основана, ни какъ долго существовала. Возможно, что она учреждена была Юріемъ Юрьевичемъ Слуцкимъ († 1586; *Максимовичъ*, Собр. сочин., I, 179; ср. Тр. Кіев. дух. акад., 1876, II, 529), который настолько отличался благочестіемъ и любовью къ просвѣщенію, что въ 1582 г. собственноручно переписалъ Евангеліе для троицкой церкви слуцкаго монастыря (Мин. еп. вѣд., 1878, 271).

[4]) *Максимовичъ*, ibid.

[5]) *М. Макарій*, IX, 411.

[6]) Вол. епарх. вѣд., 1881, 772—775.

Максиму (Мелетію) Смотрицкому [1]). Между тѣмъ самъ Смотрицкій родился только ок. 1578 г. и былъ, слѣдовательно, моложе своихъ мнимыхъ учениковъ [2]).

Такимъ образомъ, мнѣніе о существованіи острожской школы до 1564 года совершенно теряетъ почву. Вообще нѣтъ ни малѣйшихъ основаній отодвигать начало ея очень далеко отъ 1580 г. Всего вѣроятнѣе, что она была открыта въ связи съ типографіей и, слѣдовательно, не ранѣе 1576—1580 гг.

Другой важный вопросъ—какое это было училище—высшее, среднее или низшее?

Нѣкоторые историки увѣрены, что въ Острогѣ была академія въ нашемъ смыслѣ слова и распространяются въ перечисленіи предметовъ преподаванія и знаменитыхъ профессоровъ ея [3]). Но едва ли они имѣютъ логическое основаніе по одному-двумъ случаямъ употребленія слова „академія“ въ приложеніи къ острожской школѣ [4]) возстановлять или, точнѣе, создавать сложный строй жизни университетскаго заведенія. Совершенно правъ поэтому г. Лукьяновичъ, когда отрицаетъ возможность дѣлать изъ единственнаго (о другомъ онъ не зналъ) случая употребленія слова „академія“ тотъ выводъ, что острожское училище было академіей и по программѣ. Но совсѣмъ неправъ, когда, основываясь, между прочимъ на научномъ характерѣ того сочиненія Г. Смотрицкаго, въ которомъ сдѣлана замѣтка объ острожской академіи, хочетъ доказать, что она имѣла отношеніе собственно къ ученому острожскому кружку, обязанность большинства членовъ котораго „состояла въ трудахъ болѣе серіозныхъ и полезныхъ въ то время, чѣмъ обученіе въ школѣ, какъ, напримѣръ, въ написаніи тѣхъ или другихъ ученыхъ трактатовъ, могущихъ противостать по своимъ достоинствамъ трактатамъ враговъ православія и т. п.“. Никакъ нельзя, говоритъ онъ,

---

[1]) Dwa wielkie swiatła na Horyzoncie Połockim... tomik 1, 1781. Opisanie awtorów.... Smotrzycki Melecyusz.

[2]) *Голубевъ*, Петръ Могила, I, 92. Старшему изъ сыновей кн. Константина Острожскаго Янушу въ 1577 г. шелъ уже 22 годъ (*Голубевъ*, Археолог. замѣтка о древнихъ надписяхъ на стѣнахъ межирѣчской церкви. Тр. кіев. дух. акад., 1876, II, 220—222). По Вольфу (Kniaziowie Litewsko-Ruscy, Warsz., 1895), Янушъ родился въ 1554 г., а Александръ въ 1571 г. (стр. 357—358).

[3]) Таковы: авторъ статьи «Князь Василій (К.) Острожскій» (Прав. собес., 1858, I), *архим. Арсеній* (П. Кириллъ Лукарисъ), г. *Брянцевъ* (Исторія литовскаго государства). Послѣдній, повторивши старый взглядъ на основаніе острожской школы Константиномъ Ивановичемъ и преобразованіе ея его сыномъ, вслѣдъ за архим. Арсеніемъ считаетъ ее академіей и даже выше виленской. Здѣсь, говоритъ онъ, преподавались: славянскій, греческій и латинскій языки, богословіе, философія, риторика, поэзія, исторія, медицина и естествовѣдѣніе (послѣднихъ двухъ наукъ въ виленской академіи не было; стр. 414).

[4]) Эти случаи суть слѣдующіе. Въ 1587 г. Гер. Дан. Смотрицкій на своемъ сочиненіи: «Ключъ царства небеснаго» сдѣлалъ помѣту: «Написано у Академіи Острозской» (Арх. Ю.-З .Р. I, VII, пред. XIII—XV). Затѣмъ, въ 1598—1599 г. еп. Ипатій Потѣй въ своемъ «Отписѣ на листъ нѣякого клирика острозского» догадывается, что послѣдній «есть ученъ академіи острозъское» (П. П. Л., III, 1053).

этого кружка ученыхъ людей, „эту академію наукъ“ отожествлять съ высшимъ училищемъ и отъ названія перваго заключать къ существованію второго (школы) [1]). Но если г. Лукьяновичъ отрицаетъ приложимость названія „академія“ къ острожской школѣ, то оно не относится и къ кружку ученыхъ. Въ то время при дворахъ многихъ вельможъ существовали такіе кружки, но никогда они не назывались академіями. Были они у Николая Радивилла Чернаго (въ Вильнѣ, Брестѣ, Несвижѣ), у Яна Костки, сандомирскаго воеводы (въ Ярославѣ [2]), у кн. Курбскаго и у другихъ. Мало того. Въ XVI в., по словамъ г. Кулиша, „каждая типографія была ученый, по тому времени, кружокъ, собиравшійся около печатнаго станка и шрифтовой кассы; каждая представляла собою, въ миніатюрномъ видѣ, академію свободныхъ наукъ“ [3]), и между тѣмъ ни одинъ изъ нихъ не назывался „академіей“. Слову „академія“ тогда принадлежало опредѣленное значеніе высшаго училища, и если въ іезуитскомъ учебномъ планѣ дѣлается уклоненіе отъ этого смысла, то опять не въ пользу г. Лукьяновича: здѣсь академіями назывались собранія новиціевъ (scholasticі), принадлежащихъ къ тому или другому классу или факультету, для частныхъ учебныхъ упражненій и для подготовки къ педагогической дѣятельности [4]). Наконецъ, что г. Лукьяновичъ напрасно увлекся своей идеей объ острожской академіи, какъ кружкѣ ученыхъ, соединенныхъ въ своихъ работахъ единствомъ направленія, дававшагося кн. Острожскимъ, который по нему, стоялъ во главѣ „совѣта“,—видно и изъ указываемаго проф. Малышевскимъ факта работы этихъ ученыхъ независимо другъ отъ друга [5]).

Безъ сомнѣнія, слово „академія“, употребленное Смотрицкимъ, имѣло отношеніе къ училищу, какъ и выраженіе епископа Потѣя: „учень академіи острозъское“ и какъ приписка къ „Отпису на листъ Потѣя“ (1598 г.): „писанъ у Острогу у школѣ Кгрецкой Острозской“ [6]). Но не думаемъ, чтобы оно дѣйствительно соотвѣтствовало предмету. Во первыхъ, учрежденіе академіи въ польско-литовскомъ государствѣ обусловливалось королевской или папской привиллегіей настолько, что безъ согласія короля даже литовскіе протестанты во главѣ съ Николаемъ Радивилломъ Рыжимъ не могли и не посмѣли возвести своего виленскаго училища на эту степень [7]). Но невидно, чтобы кн. К. К. Острожскій получилъ или даже хлопоталъ о королевской привиллегіи. Во вторыхъ, съ понятіемъ академіи неразлучно связано представленіе объ извѣстныхъ правахъ, между прочимъ о правѣ раздачи ученыхъ званій, не говоря уже о высшихъ наукахъ въ программѣ. Ничего подобнаго не усма-

---

[1]) Вол. еп. вѣд., 1881, 775. 776.

[2]) Starożytna Polska, wyd. I, t. II, 653. 654.

[3]) Исторія возсоединенія Руси, II, 330.

[4]) *Rat. stud.* Reg. academiae, 1.

[5]) Апокрисисъ, 1870, пред., XXVII, прим. 4.

[6]) П. П. Л., III, 381.

[7]) *Theiner*, Vetera monumenta Poloniae et Lithuaniae, III, №39. *Łukaszewicz*, Dzieje kościołów wyznania Helweckiego w Litwie, I, 62. 63.

триваемъ въ исторіи острожскаго училища. Въ третьихъ, легко понять, что Г. Смотрицкій назвалъ острожское училище академіей не потому, что оно было ею, а по чувству довольства имъ, гордости и, быть можетъ, изъ желанія видѣть его таковою. Въ четвертыхъ, свидѣтельство Ипатія Потѣя не можетъ быть принимаемо во вниманіе въ виду того, что нѣсколько ниже въ томъ же Отписѣ онъ называетъ острожское училище „Колеюмомъ", т. е. коллегіей, и еще ниже—просто „школой" [1]); тѣмъ болѣе, что тонъ его болѣе ироническій, чѣмъ серьезный. Въ пятыхъ, съ принятіемъ свидѣтельства Г. Смотрицкаго и Ипатія Потѣя является необъяснимою слѣдующая фраза въ письмѣ м. Іосифа Рутскаго къ Н. Хр. Радивиллу: „Панъ воевода кіевскій хочетъ на Волыни основать какую-то академію и въ Грецію послалъ за профессорами" [2]). Письмо это писано въ 1603 г.; но если у кн. Острожскаго уже въ 1587 г. была академія, то зачѣмъ ему понадобилась новая? Наконецъ, что училище острожское не было академіей, за это говоритъ и названіе одного изъ ея учителей обыкновеннымъ въ православныхъ низшихъ и среднихъ школахъ того времени словомъ „дьякъ": „Тимоѳей Анничъ, діакъ школы русской Острозской" [3]).

Острожская школа по своей программѣ и постановкѣ дѣла была *среднимъ училищемъ*, но никакъ не низшимъ, какъ доказываетъ тотъ же г. Лукьяновичъ вопреки большинству историковъ. Мы должны остановиться на опроверженіи и этого мнѣнія г. Лукьяновича и на обоснованіи своего положенія, причемъ намѣрены вести то и другое параллельно и въ порядкѣ аргументовъ г. Лукьяновича.

Послѣдній, прежде всего, пытается опровергнуть значеніе извѣстнаго свидѣтельства Поссевина. Онъ утверждаетъ, что выраженіе „питалась схизма" не возвышаетъ острожской школы, ибо оно съ равнымъ правомъ могло быть примѣнено и къ тѣмъ современнымъ школамъ, о которыхъ писалъ Одерборнъ, такъ какъ программа ихъ, „будь она, какъ слѣдуетъ, выполняема, была бы вполнѣ достаточна, чтобы сообщить питомцамъ стойкость въ вѣрѣ и умѣренное упорство въ истинности своихъ религіозныхъ убѣжденій и традицій", и такимъ образомъ дать поводъ и ихъ считать питательницами схизмы [4]). Но если острожскую школу нужно поставить на одну доску съ первоначальными, то почему Поссевинъ упомянулъ только о ней, да еще о слуцкой? Во вторыхъ, какъ могли программы низшихъ школъ давать ручательство въ православныхъ убѣжденіяхъ своихъ учениковъ, если въ нихъ, по словамъ самого Одерборна, не преподавался даже катихизисъ?

Далѣе г. Лукьяновичъ представляетъ въ пользу своего мнѣнія три положительныя свидѣтельства. Во первыхъ, онъ указываетъ на то, что

---

[1]) П. П. Л., Ш, 1073, 1115.

[2]) Петръ Могила, прилож., стр. 180.

[3]) Такъ подписался онъ самъ на евангеліи, пожертвованномъ имъ вмѣстѣ съ Ѳ. Н. Гарабурдой въ троицкую дерманскую церковь 6 мая 1584 г. (*Голубевъ*, Археологическая замѣтка о памятникахъ старины, находящихся въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ волынской епархіи—Тр. кіев. д. акад., 1876, I, 626).

[4]) Вол. еп. вѣд., 1881, 769. 770.

„Перестрога“ назвала острожскую школу просто „школой“, т. е. низшей. Но терминъ „школа“ совершенно безразличенъ по отношенію къ обозначенію училищъ низшихъ и среднихъ, почему, напримѣръ, онъ одинаково прилагается и къ туровской школѣ, и къ луцкой братской, въ которой изучались и древніе языки и польскій [1]). И львовская школа, которую „Перестрога“ будто-бы противопоставляетъ острожской, говоря о преподаваніи въ ней „вызволенныхъ наукъ“ [2]), на самомъ дѣлѣ не всегда такъ называется. При томъ же „школа“ въ разсказѣ „Перестроги“ объ острожскомъ училищѣ, судя по ходу изложенія, должна быть понимаема, какъ школьное зданіе, а не какъ учрежденіе учебное. Тѣмъ менѣе можно настаивать на употребленномъ „Перестрогой“ терминѣ „школа“, какъ свидѣтельствѣ въ пользу г. Лукьяновича, что здѣсь же авторъ „Перестроги“ ведетъ рѣчь объ опытныхъ дидаскалахъ, людяхъ ученыхъ и о размноженіи наукъ вѣры православной: все это не приложимо къ первоначальной школѣ.

Что острожское училище было не низшимъ, за это говоритъ и сообщеніе „Перестроги“ о попыткѣ канцлера Яна Замойскаго пригласить извѣстнаго протосингела Никифора въ свою академію: „Гетманъ коронный Замойскій, основавшій у себя съ большими издержками коллегію, видя, въ какомъ уваженіи былъ протосингелъ у невѣрныхъ, и зная отъ него, что онъ по церковнымъ дѣламъ направляется въ Россію и хочетъ поселиться въ Острогѣ *для преподаванія свободныхъ* (*вызволеныхъ*) *наукъ*, обѣщалъ Никифору выхлопотать у короля и Рѣчи Посполитой власть надъ всѣми духовными“ [3]). Силу этого доказательства г. Лукьяновичъ пытается ослабить такимъ соображеніемъ. Никифоръ, говоритъ онъ, могъ не знать, что̀ за школа въ Острогѣ, и потому такъ выразился, а послѣ, когда побывалъ въ Острогѣ, уже говорилъ, что былъ тамъ „для науки детокъ“ [4]). Но если допустить, что эта разница въ выраженіи зависитъ не лично отъ автора „Перестроги“, то какъ можно предполагать, чтобы Никифоръ не зналъ, куда ѣдетъ? Онъ объ острожскомъ училищѣ слыхалъ уже давно и уже давно отвѣчалъ князю на его приглашеніе преподавать въ его школѣ согласіемъ [5]). Наконецъ, г. Лукьяновичъ можетъ быть пораженъ имъ же собраннымъ оружіемъ. Ссылаясь на свидѣтельство Суши, онъ самъ замѣчаетъ, что оно даетъ право признать острожскую школу, по курсу преподаванія, высшей. Таковы же, по своему прямому смыслу, приводимыя имъ выраженія Нѣсецкаго и Гарасевича [6]).

---

[1]) *Востоковъ*, 127 и П. К. К., I, № 9, § 4.

[2]) А. З. Р., IV, стр. 206.

[3]) А. З. Р., IV, стр. 213.

[4]) Вол. еп. вѣд., 1881, 777, прим. 1.

[5]) «Але протосинкгелъ маючи росказанье патріаршее на баченью и то, же тымъ убезпечилъ князя Острозскаго, ижъ и тую справу духовную отправовати мѣлъ и дидаскаломъ быти у Острогу обѣцалъ еще отъ кильконаста лѣтъ, не хотѣлъ того учинити, и такъ отъ благословеннаго мѣстца и отъ православнаго князя индѣ перейти и тые науки своѣ выливати чужимъ не изволилъ» (А. З. Р., IV, стр. 213. 214).

[6]) Вол. еп. вѣд., 1881, 772, 773.

Второй аргументъ, представляемый г. Лукьяновичемъ въ пользу того, что острожское училище было низшимъ, еще слабѣе, чѣмъ его соображенія по поводу свидѣтельствъ Поссевина и „Перестроги“. Онъ указываетъ на то, что получившіе здѣсь образованіе не ограничивались имъ. Такъ, Янушъ Острожскій былъ отправленъ въ нѣмецкія земли, Мелетій Смотрицкій въ виленскую іезуитскую академію, а послѣ въ заграничныя [1]). Но неужели г. Лукьяновичъ сталъ бы доказывать на этомъ основаніи, что и виленская академія не была академіей, ибо ея воспитанники (тотъ же Смотрицкій, напр.) ѣздили по окончаніи ея въ заграничные университеты. Въ тотъ вѣкъ богатая молодежь посѣщала по очереди чуть не всѣ европейскіе университеты, оставаясь въ нѣкоторыхъ изъ нихъ по нѣскольку лѣтъ.

Большей сложностью отличается третье доказательство г. Лукьяновича, заключающееся въ сравненіи острожской школы съ львовской. Первая, полагаетъ г. Лукьяновичъ, по своей научной постановкѣ была ниже львовской, о чемъ будто бы свидѣтельствуетъ письмо К. К. Острожскаго къ львовскому братству (1592), въ которомъ князь выражаетъ опасенія за православныя убѣжденія своего сына Александра, поселившагося въ Ярославѣ у своего тестя Яна Костки, католика. Изъ послѣдняго факта г. Лукьяновичъ дѣлаетъ такой выводъ. Если князь надѣется на львовское братство, что оно своими учителями укрѣпитъ его сына въ православіи, то, значитъ, въ львовской школѣ было болѣе опытныхъ учителей, чѣмъ въ Острогѣ, а это указываетъ на бо́льшую широту программы первой изъ нихъ. А если въ Острогѣ была „скудость учителей“, то не есть ли это прежде всего намекъ на то обстоятельство, что учителями до того времени состояли здѣсь южно-руссы, подготовлявшіеся на Востокѣ, а это не служитъ-ли доказательствомъ, что школа острожская была низшей, если въ ней не нашлось человѣка для отправки въ Ярославъ? Въ острожской школѣ, продолжаетъ г. Лукьяновичъ, не нашлось людей способныхъ къ изданію славянской грамматики, хотя кн. Острожскій, котораго, конечно, огорчилъ упрекъ Скарги православнымъ въ неимѣніи ея, и пытался сдѣлать это; и чего не могъ достичь у себя— повліялъ, чтобы это было сдѣлано въ Львовѣ, гдѣ было болѣе способныхъ и научно-подготовленныхъ людей... Все это доказываетъ, что острожская школа была по своей программѣ и по составу преподавателей ниже львовской. А что, дѣйствительно, программа львовской школы была шире, видно и изъ того, что ученики ея болѣе знакомы съ греческимъ языкомъ и литературой, ибо они переводятъ съ греческаго патріаршія посланія. Въ острожской же академіи не было даже греческаго шрифта; не нерадѣніемъ князя нужно объяснить это, а тѣмъ, что въ Острогѣ въ немъ не было и нужды, здѣсь не было надобности въ греческихъ книгахъ, слѣдовательно, по нимъ не учились здѣсь [2]).

---

[1]) Вол. еп. вѣд., 1881, 813. 814. Мы уже видѣли, что Януша Острожскаго нельзя относить къ числу воспитанниковъ острожской школы: въ годъ ея учрежденія ему было около 25 лѣтъ.

[2]) Вол. епарх. вѣд., 1881, 814—818.

Но если и допустить, что программа львовской школы была шире и научная постановка лучше, чѣмъ въ острожской, то даетъ ли это право причислять послѣднюю къ низшимъ? Малѣйшее уклоненіе училища отъ типа средней школы къ лучшему развѣ можетъ служить доказательствомъ, что оно превратилось въ академію, и наоборотъ? Письмо князя Острожскаго отъ 1 декабря 1592 г. [1]) можетъ говорить только о томъ, что къ этому году острожская школа по какимъ то причинамъ упала и ослабѣла учеными силами, о чемъ есть и другія свидѣтельства. Далѣе, если князь Острожскій не издалъ славянской грамматики, то не потому, что тутъ не было знающихъ людей, которые могли бы составить ее, а потому, что это не входило въ планы князя; и это подтверждается тѣмъ фактомъ, что и существовавшую въ Острогѣ рукописную славянскую грамматику князь не пытался напечатать, а передалъ ее въ Вильну по просьбѣ тамошнихъ жителей, которые и издали ее въ 1586 г. (о ней ниже). Наконецъ, если князь Острожскій, дѣйствительно, обратилъ вниманіе на слова Скарги, то почему г. Лукьяновичъ думаетъ, что грамматику долженъ былъ написать кто-нибудь изъ учителей школы? Почему бы кн. Острожскій не поручилъ этого дѣла кому либо изъ членовъ ученой академіи, организацію которой г. Лукьяновичъ такъ тщательно изслѣдуетъ? По его же словамъ, въ составъ ея „входили представители всѣхъ отраслей тогдашней науки, — медицины, астрономіи, астрологіи, философіи, *филологіи*, богословія, проповѣдничества“ [2]).

Невѣрно, что въ Острогѣ не было греческаго шрифта. Письмо кн. Острожскаго, на которое ссылается г. Лукьяновичъ [3]), не подтверждаетъ его мысли. Если князь просилъ у львовскаго братства греческаго шрифта, то потому, „ижъ на тотъ часъ литеръ готовыхъ грецкихъ не имѣлъ“, т. е., очевидно, онѣ были набраны для другихъ книгъ, а тутъ непредвидѣнно потребовалось поскорѣе напечатать „Розмову блаж. Мелетія противу схизматикомъ и прочіимъ сектаторомъ написаную“. Литеры князь просилъ только для этого и по напечатаніи Діалога обѣщалъ отослать обратно. Подобнымъ образомъ кн. Острожскій просилъ львовянъ въ концѣ 1596 г. „дать ему на время греческихъ и славянскихъ литеръ для напечатанія книжки о бресткомъ соборѣ,... обѣщаясь отослать все назадъ въ цѣлости и съ благодарностью“ [4]). Если г. Лукьяновичъ указываетъ еще на то, что въ Острогѣ не была напечатана по гречески книга, о которой пишетъ п. Мелетій Пигасъ [5]), то это потому, что она

---

[1]) Текстъ письма напечатанъ у Максимовича (Собр. сочин., I, 190), въ Волын. губ. вѣдомостяхъ (1868, № 53), въ Monumenta Confraternitatis stauropr. Leopol. (I, 257).

[2]) Вол. епарх. вѣд., 1881, 862—864.

[3]) А. З. Р., IV, № 148 (id. Временникъ института ставропигійскаго, 1867). Въ А. З. Р. письмо датировано 1600—1601 г. Но правильнѣе отнести его къ 1603 г., какъ сдѣлалъ Зубрицкій въ Лѣтописи львовскаго братства (Ж. М. Н. Пр., 1849, кн. 62, стр. 90). «Діалогъ» п. Мелетія вышелъ въ свѣтъ въ Острогѣ въ 1605 г.

[4]) Письмо Юрія Рогатинца изъ Острога въ Львовъ, 1596 г. 9 дек. (*Крыловскій А.*, Акты, № 58. Акты эти составляютъ приложеніе къ имѣющему выйти въ свѣтъ изслѣдованію г. Крыловскаго, посвященному исторіи львовскаго братства).

[5]) *Малышевскій*, Мелетій Пигасъ, II, 77.

не была и переведена на греческій языкъ, а послѣднее должно быть объясняемо и обстоятельствами времени, и видами князя Острожскаго, а не отсутствіемъ въ школѣ людей, способныхъ переводить съ русскаго на греческій. Иначе можно утверждать, что такихъ людей не было и въ самой острожской „академіи наукъ“. Что греческій шрифтъ въ острожской типографіи былъ съ самаго начала, въ этомъ удостовѣряетъ насъ Библія 1581 г.: въ ней молитва къ Богу и начало сливающагося съ нею предисловія отъ лица князя Острожскаго напечатаны на греческомъ и славянскомъ языкахъ, какъ и заключительная молитва и послѣсловіе Іоанна Ѳедорова,. датированное 12 авг. 1581 г. Точно также и въ Н. Завѣтѣ 1580 г. есть греческая фраза [1]).

Такимъ образомъ, соображенія Лукьяновича не выдерживаютъ критики и не доказываютъ того, что острожская школа была низшей. Нельзя думать, что среди тѣхъ многихъ ученыхъ, о которыхъ говоритъ Захарія Копыстенскій [2]), не было школьныхъ учителей; трудно допустить, чтобы князь Острожскій не воспользовался ихъ познаніями и усердіемъ для устройства приличной школы, если не академіи, и не сдѣлалъ у себя того, къ чему побуждалъ другихъ.

Правда, г. Лукьяновичъ не отрицаетъ въ князѣ Острожскомъ желанія „возвысить школу если не до уровня высшихъ заграничныхъ школъ, то среднихъ, имѣющихъ спеціальною цѣлью—подготовленіе способныхъ и опытныхъ служителей церкви и вѣры“. Князь пытался, по крайней мѣрѣ, ввести здѣсь классическіе языки, которые по Сушѣ и Стебельскому будто-бы и дѣйствительно здѣсь преподавались.... Но „нѣкоторыя неблагопріятныя обстоятельства помѣшали осуществленію намѣренія князя“. Впервые подобное намѣреніе созрѣло у него въ то время, когда п. Іоакимъ далъ львовскому училищу свой новый (?) уставъ. Князь Острожскій, бывшій съ 1585 г. въ близкихъ отношеніяхъ съ львовскимъ братствомъ, не могъ-де не видѣть пользы отъ наукъ и задался самъ цѣлью возвысить свое училище. Къ фактамъ такого рода г. Лукьяновичъ относитъ слѣдующіе. Около 1587 г. секретарь папскаго нунція въ Польшѣ, кардинала Боленетто, писалъ, что кн. Острожскій просилъ папу прислать ему значительное число священниковъ (kapłanow) для семинаріи, которую онъ началъ закладывать въ своемъ имѣніи. Такъ какъ, комментируетъ это свидѣтельство г. Лукьяновичъ, школа въ Острогѣ въ это время уже несомнѣнно существовала, то выраженіе

---

[1]) «Δόξα τῷ συντάζοντι ἅπαντα ἀμήν» (*Строевъ*, Обстоятельное описаніе старопечатныхъ книгъ.. гр. Ѳ. А. Толстова, 1829 г., № 21).

[2]) «Найдовалися на дворѣ его (кн. Острожскаго) и мовцы оному Демосѳенесови ровныи, и Сафанове и иные различныи любомудрцы. Найдовалися и докторове славныи, въ Греческомъ, Славенскомъ и Латинскомъ языкахъ выцвѣчоныи. Найдовалися и математикове и астрологове превыборныи, межи которыми овъ презацный маѳематикъ, философъ и астрологъ, Янъ Лятосъ (краковскій профессоръ), который календаръ новый славне зганилъ, и перомъ доводне презъ друкъ показалъ, же есть омыльный». «Церкви и дворъ того княжати—полныи (были) православныхъ учителей евангельскихъ и апостолскихъ, полныи и богослововъ истинныхъ... знаючихъ богословію и вѣру правую» (Палинодія, П. П. Л., I, 1136, 1137).

„началъ закладывать“ обозначаетъ не моментъ основанія школы, а преобразованіе ея по образцу заграничныхъ, возведеніе ея на степень католическихъ семинарій, среднихъ духовныхъ училищъ [1]). Фактъ, о которомъ разсказываетъ Спанноки (секретарь нунція Боленетто) [2]), произошелъ въ 1583 г., когда князь Острожскій замыслилъ соединеніе русской церкви съ римской. Безъ сомнѣнія, на него оказали уже вліяніе въ этомъ направленіи Скарга, посвятившій ему первое изданіе своей книги „O jedności“ (1577), и великій дипломатъ Антоній Поссевинъ, черезъ котораго князь и началъ переговоры съ папой Григоріемъ XIII [3]). Князю Константину казалось, что сближеніе православной церкви съ римской должно начаться съ примиренія богословскихъ разностей, слѣдовательно, путь къ нему шелъ чрезъ школу. И вотъ князь задумалъ пригласить въ свое училище преподавателей изъ Рима,—католиковъ греческаго обряда, о чемъ 20 марта 1583 г. доносилъ туда Боленетто со словъ, кажется, кн. Януша Острожскаго [4]). 8-го же іюля и самъ князь Константинъ, послѣ встрѣчи въ Краковѣ съ папскимъ нунціемъ, обратился къ Григорію XIII съ посланіемъ, въ которомъ, поблагодаривши папу за присылку черезъ Діонисія Палеолога Библіи, просилъ прислать для острожской коллегіи ученыхъ и испытанныхъ людей — грековъ и греческой вѣры, которые бы могли переводить греческія книги на славянскій языкъ или, если это окажется невозможнымъ,—на латинскій [5]). Папа въ своемъ отвѣтномъ посланіи (3 сент. 1583 г.) „весьма охотно“ обѣщалъ князю прислать для коллегіи ученыхъ грековъ и все, что покажется необходимымъ [6]). Отсюда видно, что пользоваться сообщеніемъ Спанноки г. Лукьяновичъ не имѣлъ права: рѣчь шла совсѣмъ не о преобразованіи низшей острожской школы въ среднюю, а о томъ, чтобы острожской *коллегіи*, т е. среднему учебному заведенію, дать латинскую закваску... Другую попытку преобразованія нашъ авторъ видитъ въ сношеніяхъ кн. Острожскаго съ восточными патріархами, слѣдствіемъ чего и было прибытіе въ Острогъ ученыхъ грековъ Кирилла и Никифора въ качествѣ помощниковъ и руководителей князя въ школьномъ дѣлѣ [7]). Но въ такомъ случаѣ г. Лукьяновичу нужно согласиться съ тѣмъ, что попытка князя, дѣйствительно, удалась, и признать острожскую школу средней.

Кромѣ отрицательныхъ по отношенію къ доказательствамъ г. Лукьяновича соображеній, можемъ привести нѣсколько положительныхъ сви-

---

[1]) Вол. епарх. вѣд., 1881, стр. 775, 818, 819.

[2]) Relacye nuncyuszów apostolskich, I, 459. 460.

[3]) Рѣчь королевскихъ пословъ на соборѣ 1596 г. (П. П. Л., III, 195—198). *Likowski*, Unia brzeska, Poznań, 1896, str. 60, uw. 1. Къ этому времени, должно быть, относятся и переговоры К. К. Острожскаго объ уніи съ Стефаномъ Баторіемъ, о которыхъ вспоминаетъ авторъ Антиррисиса (П. П. Л., III, 589).

[4]) *Likowski*, 61, прим.; 223.

[5]) *Theiner*, Annales ecclesiastici, III, № 41, p. 431.

[6]) Ibid., № 43.

[7]) Вол. епарх. вѣд., 1881, 820.

дѣтельствъ и доводовъ въ пользу того, что острожское училище съ самаго начала было выше, чѣмъ школы, существовавшія на Руси до него.

5 мая 1581 г. изъ острожской типографіи вышла „Хронологія Рымши“, небольшое (2 стр.) стихотворное, расположенное по мѣсяцамъ изложеніе нѣкоторыхъ событій библейской исторіи [1]). Острожская типографія была заведена, какъ соглашается и г. Лукьяновичъ, для высшихъ интересовъ православія,—для изданія богослужебныхъ и богословско-полемическихъ книгъ. Но какое значеніе могло бы имѣть это небольшее „писаніе Андрея Рымши“, не имѣющее ни богослужебнаго, ни догматическаго, ни нравственнаго содержанія?[2]) Думаемъ, что оно—ученическое произведеніе и есть первый плодъ острожской школы. Даже если считать его, судя по послѣднему стиху и нѣкоторому знакомству автора съ еврейскимъ языкомъ, произведеніемъ учителя, оно во всякомъ случаѣ сохраняетъ характеръ школьной работы, а не ученой. Но такая работа возможна ли въ элементарномъ училищѣ?—Въ 1588 г. еп. владимирскій Ѳедосій Лазовскій порѣшилъ вмѣстѣ съ капитулой, „за напомненьемъ вельможного пана Костентина княжати Острозъскаго“, ремонтировать и благоустроить соборную церковь. „При той же церкви и замочку, говорится далѣе въ ихъ письменномъ обязательствѣ, хочемъ науку детокъ малыхъ, для чого, абы ховано два бакаляры, такихъ жебы оденъ училъ погречку, а другій пословенску; а на школу детемъ до науки, поступили есмо избу мурованую въ замочку, и другую избу деревеную бакаляромъ до мешъканя“ [3]). Трудно допустить, чтобы кн. Острожскій проявилъ такую заботу о школьномъ образованіи во Владимирѣ, не устроивши того же въ Острогѣ. Скорѣе можно думать, что и самая возможность найти для новой школы „людей наученыхъ“ и, въ частности, „бакаляра“ для греческаго языка обусловливалась тѣмъ, что острожское училище уже успѣло подготовить такихъ людей. Что съ самаго основанія острожскаго училища здѣсь преподавались греческій языкъ и высшія науки, это видно и изъ Житія Іова Княгиницкаго, который учился въ немъ въ зрѣлыхъ лѣтахъ и несомнѣнно отсюда вышелъ съ знаніемъ этого языка [4]).

---

[1]) Вотъ подлинное оглавленіе этого произведенія: «Которогося мѣсяца што за старыхъ вековъ дѣло короткое описаніе».

Что это за «описаніе», видно изъ слѣдующаго четверостишія:

«Мѣсяца сентебра по гебренску (по еврейски) елюль
Просто вресень.
Двадъцать четвертаго дня мѣсяца сенътебра
Дорабленъ еросалимъ сталась речъ добра».

(Экземпляръ Имп. публ. библіотеки).

[2]) Едва ли послѣдняя строфа: «Въ томъ месецы (августѣ) ааронъ умер бжіи ерей Того собѣ наприклад ты попе завжды мей»—можетъ выражать общій характеръ стихотворенія, какъ религіозно-назидательный.

[3]) Арх. Ю.-З. Р., I, I, № 55.

[4]) Зоря Галицкая яко альбумъ, 1860, 228. 230. 249. Авторъ «Житія» Игнатій, младшій современникъ Іова, не опредѣляетъ, когда и чему именно учился онъ въ Острогѣ, но даетъ драгоцѣнныя косвенныя указанія. Іовъ послѣ домашняго воспитанія «вданъ бысть въ наученіе книгамъ», потомъ учился въ уневскомъ монастырѣ, откуда и «устре-

Преподавался онъ и послѣ, почему школа вообще называлась греческой. Такъ, въ одномъ острожскомъ изданіи есть помѣта: „писанъ у Острогу, у школѣ Кгрецкой Острозской“ [1]).—Здѣсь преподавался и латинскій языкъ. Между 1628 и 1633 гг. появился памфлетъ (въ формѣ богослужебныхъ пѣсенъ) на Мелетія Смотрицкаго, около этого времени перешедшаго въ унію. Въ концѣ его помѣщенъ „синаксарь“, въ которомъ идетъ рѣчь о первыхъ годахъ жизни М. Смотрицкаго. Сказавши нѣсколько словъ о Герасимѣ Смотрицкомъ, авторъ памфлета продолжаетъ: „сей имяше сына именемъ Мексентія или Максима во благочестіи и наказаніи книжномъ и граматичномъ славенски, гречески и латински воспитанна, иже и града Вилна достигъ въ тамошней академіи езуитской латинскую философію учися навершалъ“ [2]). Безъ знанія, хотя и несовершеннаго, латинскаго языка Мелетій Смотрицкій не могъ бы и поступить въ виленскую академію; необходимо допустить, что этотъ языкъ онъ изучилъ уже въ Острогѣ, о чемъ и говоритъ памятникъ. Но если бы кто вздумалъ ссылаться на свидѣтельство Суши, что Эразмъ (Герасимъ) Смотрицкій отдалъ двухъ своихъ сыновей для воспитанія и обученія Кириллу Лукарису, у котораго Мелетій Смотрицкій и могъ частнымъ образомъ изучить древніе языки, то противъ этого говоритъ сообщеніе того же Суши о томъ, что кн. Острожскій, ревнуя объ утвержденіи русской схизмы, въ Острогѣ воздвигъ училище не только славянскихъ, но и греческихъ и латинскихъ наукъ, и ректоромъ этой „гимназіи“ назначилъ Герасима Смотрицкаго [3]). Свидѣтельство Суши здѣсь такъ ясно и рѣшительно, что одно можетъ опровергнуть и это предположеніе и всю гипотезу г. Лукьяновича. Не даромъ же самъ Смотрицкій выдѣляетъ острожское училище изъ ряда другихъ, ставя его наравнѣ съ львовскимъ и виленскимъ, которыя, безъ сомнѣнія, принадлежали къ числу среднихъ [4]). Наконецъ, доказательствомъ того, что острожская школа была не низшей, что въ ней преподавались и свободныя науки, служитъ поэма Пе(н)кальскаго „De bello Ostrogiano (1600). Пенкальскій, сказавши о процвѣтаніи

мился къ богоспасаемому граду Острогу, до совершеннѣйшихъ наукъ». Это могло быть до 90-хъ годовъ XVI ст., ибо онъ «списа и псалтырь князю младому Александру», который въ 1592 г. уже женился. Вѣроятно даже, что и до 1586 г., когда было устроено львовское училище: иначе Іовъ искалъ бы въ немъ «совершеннѣйшихъ наукъ». Во всякомъ случаѣ, Іову шелъ тогда четвертый десятокъ лѣтъ (Іовъ скончался въ 1621 году, имѣя около 70 лѣтъ отъ роду; стр. 250). Быть можетъ, немного позже его учился въ Острогѣ запорожскій гетманъ Петръ Конашевичъ Сагайдачный (Вирши Кассіана Саковича на смерть Сагайдачнаго—у *Голубева С. Т.*, Исторія кіев. дух. акад., прил., стр. 29), умершій въ 1622 г. и предъ смертью завѣщавшій львовскому братству полторы тысячи злотыхъ съ тѣмъ, чтобы проценты съ нихъ (150 зл.) шли «на выхованье ученого майстра, *въ греческомъ языку* бѣглого» (*Максимовичъ*, Собраніе сочиненій, I, 377 и слѣд.).

[1]) П. П. Л., III, 381.

[2]) Кіев. епарх. вѣд., 1875 г., стр. 564.

[3]) Ostrogiae.. non slauonicae duntaxat linguae, sed Graecarum juxta, atque Latinarum artium erexit palaestram (Saulus et Paulus, 15. 16). Въ другомъ мѣстѣ Суша называетъ острожскую школу гимназіей (p. 15. 87).

[4]) Paraenesis, 32.

острожской библіотеки и типографіи, говоритъ о музахъ, поселившихся въ Острогѣ, объ Аполлонѣ, который, оставивъ возлюбленный Делосъ, переселился сюда вслѣдъ за музами, о храмѣ его, наполняемомъ все новыми поколѣніями юношей, которыхъ онъ имѣетъ вѣнчать вѣчно зеленѣющими лаврами, растущими на новомъ Геликонѣ... Странно было бы даже для поэта усвоять Острогу значеніе новаго Геликона, если бы въ немъ была только первоначальная школа, и нужно допустить, что тутъ было училище среднее, гимназія, въ которой преподавались и свободныя искусства. И, дѣйствительно, Пенкальскій называетъ острожское училище „треязычной гимназіей“, а нѣсколько ниже предлагаетъ Волыни радоваться: „Острожскій домъ даетъ тебѣ треязычный лицей (trilingue Lycaeam). Прими начатки, быть можетъ послѣдуетъ большее: не презирай ученыхъ богинь, не отвергай музъ, ибо нѣтъ ничего славнѣе благородныхъ искусствъ“ (Artibus ingenuis, nil est praeclarius unquam)[1]. Какіе это были языки, не указано, но можно думать, что это были славянскій, греческій и латинскій, которые называются Сушей и позднѣйшими уніатами. Когда въ XVIII ст. возникъ процессъ между епископомъ могилевскимъ Георгіемъ Конисскимъ и полоцкимъ уніатскимъ архіепископомъ Смогоржевскимъ, уніатская сторона, коснувшись личности кн. К. К. Острожскаго, заявляла, что онъ, склонявшійся прежде къ уніи, послѣ брестскаго собора, пламенѣя въ ненависти къ апостольскому престолу, заложилъ въ Острогѣ для поддержки православія публичныя школы славянскаго, греческаго и латинскаго языковъ, пригласилъ кальвинистовъ, лютеранъ и аріанъ магистрами и ректоромъ ихъ поставилъ великаго и почтеннаго человѣка Герасима Смотрицкаго [2]).

При всемъ томъ мы не рѣшаемся указывать въ подробностяхъ ни программы преподаванія, ни распредѣленія занятій, ни школьныхъ порядковъ: не сохранилось ни одного памятника въ родѣ уставовъ братскихъ школъ, относящагося къ острожскому училищу. Изображать же устройство его и внутреннюю жизнь на основаніи „Порядковъ“ братскихъ школъ, руководясь соображеніемъ, что острожское училище послужило образцомъ для послѣднихъ и что за единство ихъ уставовъ ручается единство руководителей-грековъ и въ частности п. Кирилла Лукариса [3]),—мы не можемъ, въ виду того, что нѣтъ данныхъ для установленія факта вліянія острожской школы на братскія и для опредѣленія сравнительной степени участія грековъ въ устройствѣ той или другихъ школъ. Но нельзя отрицать сходства острожскаго училища съ соотвѣтствующими греческими уже въ силу обстоятельствъ его происхожденія. Отвращаясь отъ католиковъ и протестантовъ съ ихъ гибельной

---

[1]) De Bello Ostrogiano ad Pianctos cum Nisoviis, libri IV. A Simone Pecalidis artium Baccalaureo conscripti. Cracoviae, 1600, стр. 10 и 25 (ненумер.).

[2]) Арх. гр.-ун. митр., кн. V, № 346. Uwaga 3, f. 19 av. (ненумер.)

[3]) Прав. собес., 1858, I, 536. 537. *Проф. Петровъ*, — Тр. кіев. дух. акад., 1867, I, 183. Архим. Арсеній аргументируетъ эту мысль тѣмъ, что уставъ луцкой школы былъ данъ будто-бы п. Кирилломъ Лукарисомъ, который, безъ сомнѣнія, изложилъ въ немъ те самыя правила, какія проводилъ во время своего ректорства въ Острогѣ (П. Кириллъ Лукарисъ, 76; *Соколовъ*, Отнош. протест. къ Россіи, 42). Все это невѣрно, какъ увидимъ ниже.

для православія наукой, кн. Острожскій, какъ нѣсколько позже братства, долженъ былъ искать просвѣщенія на противоположной сторонѣ, откуда Русь познакомилась и съ самимъ православіемъ,—на Востокѣ. И, дѣйствительно, первыми учителями и руководителями острожской школы были „греческіе дидаскалы“ (διδασκαλοι), за которыми князь посылалъ къ патріарху, уже устроивши училище [1]). Помимо пріѣзжихъ грековъ кн. Острожскій могъ имѣть учителей изъ грековъ, жившихъ въ Острогѣ и населявшихъ тамъ цѣлую улицу [2]). „Не новина отъ часовъ давныхъ бывати грекомъ у Острогу“, замѣчаетъ авторъ Перестроги[3]).

Въ литературѣ нашей высказана и поддерживается мысль, что для князя Острожскаго при устройствѣ имъ своей школы образцами служили иновѣрныя коллегіи. Такъ, проф. Петровъ категорически заявляетъ: „Школа (острожская), безъ сомнѣнія, основана по примѣру аріанскихъ (т. е. социніанскихъ) и католическо-іезуитскихъ и въ противодѣйствіе имъ“ [4]). Другіе изслѣдователи увѣряютъ насъ, что образцомъ для западнорусскихъ школъ вообще и для острожской въ частности послужили школы протестантскія. И. Соколовъ, а за нимъ г. Ильинскій доказываютъ эту мысль тѣмъ, что въ эпоху учрежденія православными своихъ школъ въ зап. Россіи достигли такого расцвѣта протестантскія школы, что онѣ поневолѣ должны были повліять на внутреннее устройство нашихъ учебныхъ заведеній, особенно при тѣхъ хорошихъ отношеніяхъ, какія существовали тогда между протестантами и православными. Даже сами греки, учившіе въ Острогѣ, могли быть проводниками протестантскаго педагогическаго вліянія, такъ какъ они были воспитанники германскихъ университетовъ. Въ такомъ предположеніи утверждаетъ нашихъ изслѣдователей то полное сходство, какое они находятъ въ устройствѣ протестантскихъ гимназій и острожской школы. Курсъ наукъ, методы преподаванія, классная дисциплина и вообще весь педагогическій строй и даже религіозно-нравственный бытъ острожскаго училища—все это замѣчательно близко подходитъ къ устройству и духу реформатскихъ гимназій [5]).

---

[1]) А. З. Р., IV, 205. 206.

[2]) *Перлштейнъ*, Описаніе г. Острога (Чт. въ моск. общ. ист. и древн. росс., 1847, № 4, отд. IV, 138).

[3]) А. З. Р., IV, 216.—Изъ грековъ, учившихъ въ Острогѣ или имѣвшихъ близкое отношеніе къ училищу, извѣстны: Кириллъ Лукарисъ, Никифоръ, Москопулъ, Палеологъ (*Likowski*, Unia brzeska, 223. 224). Можетъ быть, нѣкоторое значеніе имѣлъ здѣсь и меглинскій епископъ Ѳеофанъ, которому Баторій «подалъ» жидичинскій монастырь (Арх. Ю.-З. Р., I, 1, №№ 25 и слѣд.).

[4]) *Батюшковъ*, Волынь, 139.

[5]) *Соколовъ*, о. с., 425—427. *Ильинскій*, Вол. еп. вѣд., 1891 г., 820—821 (Юго-западно-русское общество и его умственное и религіозно-нравственное состояніе въ XVI и первой половинѣ XVII в.), и 1893 г., 966—967 (Большой Катихизисъ Лаврентія Зизанія, какъ учено-литературное произведеніе).

Но если намъ болѣе или менѣе извѣстны уставы протестантскихъ школъ XVI ст., то этого нельзя сказать объ острожской школѣ, такъ что сравнивать ихъ никакъ не приходится. Можно только предполагать, что устройство иновѣрныхъ гимназій слегка отразилось на острожской школѣ, да и то не съ самаго начала ея существованія, когда Константинъ Константиновичъ находился подъ вліяніемъ руководителей-грековъ, которые естественно должны были дать всей жизни новаго училища—и внѣшней и внутренней—православно-греческій характеръ, а впослѣдствіи, когда князь открылъ ее дѣйствію просвѣтительныхъ вліяній, шедшихъ съ Запада. Уже было сказано о попыткѣ князя Острожскаго пригласить въ руководители острожскаго училища римскихъ педагоговъ, воспитанниковъ аѳанасіевской коллегіи. Хотя попытка эта не удалась—отчасти потому, что никто изъ римскихъ богослововъ не рѣшился ѣхать въ Острогъ, отчасти же по той причинѣ, что одинъ изъ близкихъ къ князю людей, нѣкій грекъ Москопулъ, возбудилъ въ немъ нерасположеніе къ св. отцу, къ Риму и къ латинянамъ вообще,—однако изъ исторіи ея, какъ она передается о. Ликовскимъ, видно, что католическое вліяніе при дворѣ кн. Острожскаго было довольно сильно. Въ то время при немъ въ качествѣ домашняго человѣка и главнаго совѣтника по дѣламъ церковнымъ былъ грекъ—монахъ Палеологъ, хорошо расположенный къ католической церкви и внушившій К. Острожскому мысль призвать іезуитовъ въ острожскую школу. Правда, онъ скоро оставилъ дворъ кн. Острожскаго, по интригамъ Москопула, но и послѣдній не былъ совершенно чуждъ латинской наукѣ: самъ онъ учился въ Римѣ [1]). Предположеніе же о вліяніи на острожскую школу протестантскихъ началъ получаетъ силу въ виду слѣдующаго. Извѣстно уже, съ какимъ сочувствіемъ относился кн. Острожскій къ просвѣтительной дѣятельности протестантовъ; нѣкоторымъ изъ нихъ онъ давалъ даже порученіе писать полемическія противо-латинскія сочиненія. Возможно, что кто нибудь изъ нихъ и преподавалъ въ его школѣ, какъ то и утверждали латино-уніаты [2]). Во всякомъ случаѣ вліяніе иновѣрныхъ педагоговъ, если они принимали участіе въ жизни и судьбѣ острожскаго училища, должно было сказаться только въ расширеніи его учебной программы въ пользу свѣтскихъ наукъ, съ сообщеніемъ имъ латинскаго характера; внутренняго же строя его, его православнаго духа и направленія оно едва ли коснулось.

Исторія острожской школы на основаніи неполныхъ историческихъ данныхъ рисуется въ такомъ видѣ. Открыта она была въ концѣ 70-хъ годовъ XVI ст. Такъ какъ она была первой православной шко-

---

[1]) *Likowski*, Unia brzeska, 61, 223. 224. Палеологъ—не Діонисій ли, чрезъ котораго папа прислалъ кн. Острожскому Библію?

[2]) Архивъ б. греко-уніат. митрополитовъ, кн. V, № 346, uwaga 3, f. 19. *Pelesz*, Geschichte der Union der ruthenischen Kirche mit Rom, II, 461. Ср. вышеприведенное свидѣтельство уніата Дубовича о нѣкоторыхъ знатныхъ панахъ, которые жертвовали большія деньги, чтобы поднять образованіе среди русскаго народа, для чего приглашали въ свои школы учителей изъ нѣмецкихъ коллегій (Hierarchia, 1644, str. 194).

лой, способной удовлетворить уже назрѣвшую въ русскомъ народѣ потребность въ просвѣщеніи, то въ нее направилось многочисленное русское юношество, какъ изъ дворянъ, такъ и изъ простонародья [1]). На первыхъ же порахъ она дала добрые плоды и настолько успѣшно начала осуществлять свою задачу—„размноженіе наукъ вѣры православной“, что уже въ 1581 г. стала извѣстна съ этой стороны Антонію Поссевину. Намъ думается, что въ связь съ этими внутренними и внѣшними успѣхами острожской школы нужно поставить извѣстіе, извлеченное изъ документовъ луцкаго архива, именно, что кн. Острожскій построилъ въ 1582 г. въ Острогѣ монастырь св. Троицы, завелъ при немъ госпиталь, училище и типографію и въ 1585 г. далъ въ фундушъ м. Суражъ, с. Туровъ, Оносковичи, Ходаки, Зѣньки, Изерно и Тетеревъ [2]). Но такъ какъ училище и типографія существовали, безъ сомнѣнія, и до этого, то данное сообщеніе нужно понимать такъ, что въ троицкій монастырь они были переведены изъ старыхъ своихъ помѣщеній, вслѣдствіе тѣсноты послѣднихъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, можно думать, связь школы съ монастыремъ отразилась на всемъ внѣшнемъ строѣ ея.

Въ первые десять лѣтъ своей ученой и учебной дѣятельности острожскій кружокъ издателей и педагоговъ развилъ свою дѣятельность до того, что предсѣдатель его Герасимъ Смотрицкій уже могъ (конечно не de jure) назвать острожскую школу академіей, быть можетъ, уже мечтая, вопреки увѣреніямъ Скарги, о возможности устройства славянской академіи [3]). Къ этому то времени, вѣроятно, относится и свидѣтельство „Перестроги“: „зачимъ православіе наше почало было просіявати яко солнце; люди учоные почали были въ церкви Божіей показоватися, учители и строители церкви Божіей и книги друкованые почали множитися: що бачучи (что видя) св. патріархъ, тымъ частѣй призирати почалъ и дидаскалы мудрыми обсылалъ“ [4]). А что оно должно быть отнесено къ концу 80-хъ годовъ и что этотъ умственный подъемъ обязанъ кн. Острожскому, доказательствомъ этого и иллюстраціей къ нему можетъ служить цитованный уже документъ—письменное обязательство владимирскаго епископа съ капитулой, датированное 25 іюля 1588 г. [5]).

Но высшій расцвѣтъ острожскаго училища былъ и началомъ его паденія. Въ началѣ 90-хъ годовъ оно замѣтно ослабѣло научными силами и средствами. Составъ его преподавателей, восполнявшійся обыкновенно греческими дидаскалами, сильно сократился, и уже 1 декабря

---

[1]) *Susza*, o. et l. c.

[2]) *Свящ. Сендульскій*, С. Суражъ кременец. уѣзда (Вол. еп. вѣд., 1873, 664). *Н. Теодоровичъ*, Описаніе волынской епархіи, II, 665. 666.

[3]) «У nie było ieszcze na świecie, писалъ Скарга въ 1577 г., ani będzie żadney akademiey, ani kollegium, gdzie by theologia, philozophia y inne wyzwolone nauki inszym (т. е. не латинскимъ и греческимъ) się ięzykiem uczyły y rozumieć mogły» (П. П. Л., II, 485).

[4]) А. З. Р., IV, стр. 206.

[5]) Арх. Ю.-З. Р., I, I, № 55.

1592 г. кн. Острожскій въ письмѣ къ львовскому братству жаловался на недостатокъ учителей и великій умственный голодъ. Въ то же время (1593 г.) онъ въ письмѣ къ владимирскому епископу Ип. Потѣю высказывалъ жалобы на то, что „устали учытели, устали проповедачи слова Божого, устали науки, устали казанья". Подъ вліяніемъ этой, между прочимъ, мысли онъ готовъ былъ даже присоединиться къ обнаружившемуся тогда намѣренію епископовъ подчиниться папѣ. Въ числѣ посланныхъ имъ Потѣю условій соединенія съ Римомъ онъ поставилъ оставленіе за русскими права (и обязанности) „закладанья школъ и наукъ вольныхъ. а звлаща (особенно), для цвиченья (образованія) духовныхъ... же быхмо (чтобы мы) мѣли учоные презвитеры и казнодѣи (проповѣдниковъ) добрые: бо за тымъ, ижъ наукъ нѣтъ, великое грубіанство въ нашихъ духовныхъ умножилося" [1]). Скоро онъ увидѣлъ тщетность этой надежды и опять сталъ искать на Востокѣ средствъ къ упорядоченію церковной жизни и къ развитію просвѣщенія. Въ это время (въ 1595-6 гг.) въ Валахіи находился протосингелъ патріаршаго престола Никифоръ, „мужъ исполненный всякой науки, въ богословіи духовной и внѣшней бѣглый" [2]). Кн. Острожскій, еще раньше приглашавшій его въ свою школу [3]), теперь вновь написалъ ему посланіе о тѣхъ тяжелыхъ обстоятельствахъ, въ какихъ находилась тогда русская церковь, о происках іезуитовъ и просилъ его прійти на помощь православнымъ [4]). Никифоръ въ этотъ разъ прибылъ въ западную Россію (въ срединѣ 1596 г.), но чрезъ годъ польскимъ правительствомъ былъ посаженъ въ маріенбургскій замокъ, гдѣ и умеръ. Недолго занимался въ Острогѣ и другой ученый грекъ Кириллъ Лукарисъ, прибывшій сюда около 1594 г. и принужденный послѣ формальнаго провозглашенія уніи удалиться изъ предѣловъ польскаго государства.

Острожской школѣ грозило совершенное паденіе. Въ это то время въ судьбахъ зап.-русской церкви и русскаго просвѣщенія принялъ участіе александрійскій патріархъ Мелетій Пигасъ. Ему было извѣстно, что западнорусское духовенство почти лишено средствъ получать образованіе, а Кириллъ Лукарисъ могъ сообщить ему также и о томъ жалкомъ положеніи, въ какомъ оказалась острожская школа. Патріархъ шлетъ (1597 г.) нѣсколько посланій на Русь, въ которыхъ убѣждаетъ завести епархіальныя училища, главнымъ образомъ для образованія духовенства. Кн. Острожскаго Мелетій просилъ прибавить ко всѣмъ трудамъ своимъ на пользу истины и устройство школы, этой наилучшей ограды благочестія; точно также онъ внушалъ казначею К. К. Острожскаго напоминать князю объ устроеніи училища и типографіи [5]). Не-

---

[1]) П. П. Л., III, 583. 587 (id. A. З. Р., IV, № 45).

[2]) A. Ю. и З. Р., I, № 210 (Monum. confrat., I, 256).

[3]) A. З. Р., IV, 213; Странникъ, 1860, V, 199, прим. 3.

[4]) Bibliographie Hellénique s. 17, t. IV, № 51.

[5]) *Малышевскій*, Мелетій Пигасъ, II, №№ 18, 22, 23. П. Мелетію, конечно, было извѣстно, что въ Острогѣ существуетъ училище, и онъ поэтому говоритъ не объ устройствѣ новаго, а о благоустройствѣ упавшаго стараго. Не правъ потому г. Лукьяновичъ,

извѣстно въ точности, какъ отозвался кн. Острожскій на убѣжденія п. Мелетія. Можно догадываться, что, выполняя его именно мысль объ организаціи училища, какъ „ограды благочестія“, кн. Острожскій въ 1602 г. перенесъ центръ тяжести просвѣтительной дѣятельности въ духѣ православія въ Дерманъ. Въ Дермани еще до того существовалъ монастырь, въ которомъ ученые монахи занимались переводами [1]), но теперь князь реорганизовалъ его спеціально для поддержанія вѣры, для преподаванія и развитія наукъ. Монастырь этотъ, по мысли князя, долженъ быть теперь своего рода училищнымъ монастыремъ: въ него могли поступать только тѣ, кто захотѣлъ бы подчиняться уставу, основнымъ требованіемъ котораго была забота о просвѣщеніи и наукѣ; способные обязывались учиться письменамъ славянскимъ, латинскимъ и греческимъ у лицъ восточнаго исповѣданія [2]). Вмѣстѣ съ тѣмъ князь завелъ здѣсь и типографію, начальникомъ которой былъ поставленъ пресвитеръ Даміанъ.

Но князь Острожскій не оставлялъ при этомъ мысли объ улучшеніи и острожскаго училища. Къ этому именно времени относится его попытка преобразовать свое училище въ академію, причемъ выстроено было для послѣдней даже особое зданіе [3]). Желая поставить ее на твердую почву православія, съ которой ее не могли бы свести профессора иновѣрцы, князь Острожскій опять обратился за учителями въ Грецію. Объ этомъ стало извѣстно даже въ Римѣ. Находившійся тогда въ Римѣ І. В. Рутскій поспѣшилъ увѣдомить объ этомъ намѣреніи князя Ник. Хр. Радивилла (15 февр. 1603 г.). Проектъ К. К. Острожскаго былъ такъ широкъ и грандіозенъ, что въ будущую академію его стали стремиться юноши даже изъ римской аѳанасіевской коллегіи, въ которой, по словамъ Рутскаго, была сосредоточена вся греческая наука. Но, быть можетъ, потому именно, что въ Греціи, по его выраженію, со

увѣряющій, что патріархъ требовалъ преобразованія низшей острожской школы въ среднюю съ классическими языками и другими науками (Вол. еп. вѣд., 1881, 823): они преподавались здѣсь и ранѣе.

[1]) Такъ, здѣсь въ 1599 г. переведена была съ греческаго на славянскій языкъ «Пчела или собраніе стиховъ отъ богодухновеннаго писанія и внѣшнихъ учителей» (Рук. Кіево-печерской лаврской библіотеки, № 58).

[2]) Разумѣется, въ устроеніи дерманскаго училищнаго монастыря можно видѣть вліяніе и того соображенія князя, что ему нельзя полагаться на окатоличившихся или близкихъ къ тому сыновей, что ни они, ни ученые разновѣрцы — члены острожскаго ученаго кружка не могутъ гарантировать православнаго характера острожскихъ просвѣтительныхъ учрежденій (Вол. еп. вѣд., 1881, 824. 825). Быть можетъ также, что князь хотѣлъ сдѣлать дерманскій монастырь разсадникомъ образованія бѣлаго духовенства, о чемъ онъ думалъ еще въ 1593 г. (А. З. Р., IV, № 45). Братскія же школы не вполнѣ удовлетворяли потребностямъ въ образованныхъ священникахъ, что̀ видно изъ жалобъ І. Вышенскаго на отчужденіе братскихъ воспитанниковъ отъ церкви (П. К. К., IV, стр. 38).

[3]) О немъ находится упоминаніе въ «Инвентарѣ имѣній кн. Острожскаго», составленномъ въ 1620 г.: «Tamże akademia, szkoły, drukarnia, i ynsze budowania kollegiackie polskie i ruske» (Кіев. стар., 1883, III, 343, прим.).

свѣчей трудно было найти ученаго человѣка [1]), проектъ князя не былъ, кажется, осуществленъ, а наступившая скоро послѣ того смерть его нанесла новый и болѣе рѣшительный ударъ „острожскому Геликону". Правда, виленское братство въ посвященіи изданнаго имъ въ 1608 г. сочиненія: „*Αντιγραφη*" Янушу Острожскому свидѣтельствуетъ, что Константинъ Константиновичъ, умирая, поручилъ все множество церквей, школъ, монастырей, основанныхъ имъ для славы Божіей, и лицъ, приставленныхъ къ нимъ, „въ дозоръ, опеку и милостивую оборону" своему сыну и наслѣднику Янушу и что послѣдній не разъ уже оказывалъ помощь православной церкви [2]). Однако сомнѣваемся, чтобы Янушъ, ревностный католикъ, сталъ поддерживать тѣ учрежденія, которыми „питалась схизма", хотя бы и ради славы отца, какъ допускаетъ это Максимовичъ [3]). Янушъ, утверждая въ 1618 г. суражскую фундацію, доходы съ нея назначилъ только въ пользу церкви и госпиталя, не упоминая о школѣ [4]).

Тѣмъ не менѣе и типографія и школа острожскія продолжали существовать и послѣ смерти ихъ фундатора. Изъ типографіи еще въ 1612 г. вышли Часословъ, изданный съ соблюденіемъ извѣстныхъ критическихъ пріемовъ [5]), и Полууставъ [6]). Есть указаніе на то, что и теперь сохранялась прежняя связь типографіи съ школой, что знаніе греческаго языка, необходимое для первой, поддерживалось второю. „Во Острозѣ, во училищи къгрекословеньскомъ, мѣсяца марта въ 23 день, лѣта 1611" переведена книга Ѳеодора Авукара, писателя IX в., посвященная архим. Исаіи Балабану: „Книга блаж. Феодора, нарицаемаго Авукара, епископа Карійскаго, противу различныхъ еретиковъ, іюдей же и срацынъ, ново отъ еллинскаго языка на славенскій единымъ отъ спудеовъ училища острозскаго греко-словенскаго преведена" [7]).

---

[1]) *Голубевъ*, Петръ Могила, прилож., № 23

[2]) П. П. Л., III, 1154.

[3]) Собр. сочиненій, I, 189.

[4]) Арх. Ю.-З. Р., I, VI, № 273.

[5]) ... «И то тежъ вѣдати маешъ, ижъ въ томъ выданью зводу грецкого найболше наслѣдовано», говорятъ издатели его (Чт. въ моск. общ. ист. и древн. росс., 1888, I, 67, прим.).

[6]) На острожскій Полууставъ 1612 г. есть два указанія въ «Вопросахъ еллинороссійскихъ» (Супрасль, 1715). Я. Ѳ. Головацкій, первый сообщившій объ этомъ, склоненъ отожествлять Полууставъ съ Часословомъ (Зап. Имп. акад. наукъ, XXIV, прил. III, № 14). Но «Вопросы» не даютъ на это никакого права. Цитуемая въ нихъ книга два раза названа «Полуставомъ Острозскимъ», причемъ дѣлается ссылка на 992 листъ, какого въ Часословѣ не можетъ быть; да и содержаніе обѣихъ ссылокъ говоритъ противъ предположенія Головацкаго (стр. 72. 73. 104).

[7]) «Похвала Исаіи Балабану 1611 г.»—Чт. въ общ. Нест. лѣтоп., VIII, отд. III—матеріалы, стр. 33. 37 (См. также *Строева* Описаніе рукописей Царскаго, № 668). Замѣчательно заявленіе этого «спудея» о мотивахъ къ переводу Авукара: «его же зѣло полезна церкви мнѣвъ быти, потщався даже въ Аравію, и въ ризѣ Еллинской сущу ему, покусихся въ словенскую его облещи, да приступенъ и роду нашему будетъ, во еже пользу нѣкую пріимати прочитающимъ его писанія» (ibid., стр. 35).

Дальнѣйшія упоминанія объ острожской школѣ мы находимъ въ „Инвентарѣ имѣній кн. Острожскихъ“ и въ Виршахъ на смерть гетмана Сагайдачнаго, написанныхъ въ 1622 г. Здѣсь о кн. Острожскихъ говорится, что они

. . . . . „ ся въ наукахъ кохали,
На школы маетностій много фундовали:
Абы ся млодь въ наукахъ уцтивыхъ цвичила,
Церкви, и тыжъ ойчизнѣ пожитечна была.
Дай Боже, бы тая тамъ фундація трвала:
Жебы ся оттоль хвала Божія помнажала“ [1])...

Но пожеланіе автора Виршей не исполнилось. Школа острожская настолько уже упала, что одинъ изъ мѣстныхъ священниковъ въ 1623-4 гг. воспитываетъ двухъ „отрочищъ“, своихъ родственниковъ, въ Вильнѣ [2]). И если надо указать годъ, когда перестала она существовать, то такимъ годомъ могъ быть 1624 г., когда Острогъ „пришолъ во строеніе Еввина племени“, какъ выражается означенный священникъ (Подвысоцкій), и когда Анна-Алоиза Ходкевичева, княжна Острожская, основала здѣсь іезуитскую коллегію и при ней конвиктъ для учащейся бѣдной шляхты. Возможно, что теперь въ пользу коллегіи поступили и всѣ школьныя зданія. И это тѣмъ вѣроятнѣе, что уже въ 1622 г. княгиня забрала себѣ суражскія имѣнія, обѣщаясь платить за нихъ церкви и шпиталю по 2 т. зл. и на свой счетъ содержать ихъ, чего однако не сдѣлала [3]). Впрочемъ, „острожская фундація“ продолжала „трвать“ еще до 1640 г.: только теперь княгиня записала на острожскую коллегію и самый троицкій монастырь и всѣ его суражскія имѣнія [4]). Возможно, что до этого года существовала и типографія, если только дѣйствительно въ 1640 г. здѣсь печаталась книга Никона черногорца [5]).

Изъ той массы „розличныхъ любомудрцовъ“, которые, по свидѣтельству Зах. Копыстенскаго, украшали дворъ кн. Острожскаго, до насъ дошли имена очень немногихъ, и изъ нихъ далеко не всѣмъ мы имѣемъ право приписать учительство въ острожской школѣ или хотя бы болѣе или менѣе близкое отношеніе къ ней. Но такъ какъ и совер-

---

[1]) *Голубевъ*, Исторія Кіевской академіи, прилож., стр. 29.

[2]) Рукоп. кн. Ав. Мыславскаго (Кіево-печер. лавр. библіот., № 20 доп., л. 102).

[3]) Арх. Ю.-З. Р., I, VI, № 273.

[4]) Вол. еп. вѣд., 1873 г., 664. 665; 1883, 697 (*Рафальскій*, Св. троицкій храмъ въ г. Острогѣ). Kraj, 1891: «O kościołu w Ostrogu Wołyńskim», №№ 26, str. 20, и 44, str. 24. Kwartalnik historyczny, 1896, zesz. III, 678. 679.

[5]) *Максимовичъ*, Книжная старина южнорусская (Врем. Имп. моск. общ. ист. и древн. рос., I, 1849, 7. *Wiszniewski*, VIII, 414. *Головацкій*, Дополн. къ Очерку библіографіи Ундольскаго (Зап. Импер. акад. наукъ, XXIV, прилож., № 3, стр. 10).

шенно отрицать участіе большинства изъ нихъ въ трудахъ по устройству ея и преподаванію въ ней, какъ дѣлаетъ это г. Лукьяновичъ, мы не можемъ уже въ силу того нашего воззрѣнія, по которому острожская школа была среднимъ учебнымъ заведеніемъ, или, употребляя тогдашнюю терминологію, „школой вызволеныхъ наукъ“, и такъ какъ для насъ должны быть драгоцѣнны имена людей, которые, быть можетъ, создали нашу западнорусскую образованность, пересадивъ науку съ чужой почвы на русскую, то мы считаемъ не лишнимъ сказать нѣсколько словъ о каждомъ изъ нихъ.

Всего неопредѣленнѣе отношеніе къ острожской школѣ *Герасима Даниловича Смотрицкаго*, котораго называютъ ректоромъ ея. По несомнѣннымъ историческимъ даннымъ, заключающимся въ предисловіи къ Библіи 1581 г., онъ былъ руководителемъ ученыхъ работъ по изданію ея; но нѣтъ современныхъ свидѣтельствъ объ его ректорствѣ. Объ этомъ не говоритъ и сынъ Герасима Смотрицкаго Мелетій, хотя онъ въ своемъ сочиненіи „Obrona veriﬁcatiey“ (1621 г.) имѣлъ поводъ сказать о ректорствѣ отца [1]). Утвержденіе всѣхъ почти историковъ, что Г. Смотрицкій былъ (первымъ) ректоромъ острожскаго училища, опирается, кажется, только на болѣе позднемъ свидѣтельствѣ извѣстнаго Суши [2]). Какъ бы то ни было, замѣтка Смотрицкаго на его сочиненіи: „писано у академіи острозстѣй“, заставляетъ думать, что онъ имѣлъ самое близкое отношеніе къ острожскому училищу и даже мечталъ видѣть его академіей.

До своего вызова въ Острогъ Гер. Дан. Смотрицкій былъ городскимъ каменецкимъ писаремъ и пользовался громкой извѣстностью ученаго, что и побудило кн. Острожскаго пригласить его для работъ по изданію Библіи [3]). Гдѣ онъ получилъ образованіе—не знаемъ; вѣроятно, у домашнихъ учителей: самъ онъ говоритъ о себѣ въ предисловіи къ Библіи, что никогда не видѣлъ училища. Несмотря однако на это и на то, что Г. Смотрицкій прилагалъ къ себѣ эпитеты: „неученый, простакъ, неумѣлый“, почему и просилъ читателей „не поносить его, недостойнаго ненаученія ради“ („Ключъ царства небеснаго“), онъ, дѣйствительно, выдѣлялся изъ среды современниковъ своимъ умственнымъ развитіемъ и языкознаніемъ. Мы уже привели свидѣтельство Суши объ

---

[1]) Арх. Ю.-З. Р., I, VII, 429.

[2]) Dux ostrogiensis... videns dictum Erasmum Smotrvski, vicecapitaneum Camenecensem, eruditionis Ruthenos inter haud spernendae, authoritate sua tantum apud eum perfecit, ut relicto publico honore, (ejus) gymnasii Rectorem subierit (Saulus et Paulus... 15. 16). Но Суша, судя по ходу его рѣчи, основаніе школы относитъ ко времени послѣ 1593 г. когда князь, залявши было наклонность къ уніи, повернулъ назадъ и zelum maximum Ruthenici schismatis tenuit conservandi, почему и устроилъ училище. Въ виду этого мы можемъ отнестись съ недовѣріемъ и къ извѣстію Суши о ректорствѣ Смотрицкаго.

[3]) Неизвѣстно, когда это произошло. Возможно, что еще до 1576 г., если правдоподобно сообщеніе м. Евгенія: «Въ 1576 г. при кн. Острожскомъ упоминается подскарбій Гер. Дан. Смотрицкій» (Словарь писателей дух. чина, I, 96). Кіев. старина, 1897 г., іюнь, 371, прим. 4.

его учености; оно, очевидно, основывается на свидѣтельствѣ какого то неизвѣстнаго, современнаго самому Смотрицкому польскаго историка, который назвалъ его „umiejętnym w naukach greckich, łacinskich i języku słowianskim“ [1]). Относительно общаго характера дѣятельности Г. Смотрицкаго въ Острогѣ мы имѣемъ свидѣтельство автора извѣстнаго памфлета на Мел. Смотрицкаго: „Бысть въ та времена во Острозѣ мужъ именемъ Герасимъ, сынъ Даниловъ, Подолинникъ, з Смотрески, благочестивая мудрствуя и многу помощу и утѣху вѣрнымъ противу еретиковъ и отступниковъ писанми своими подая“ [2]). Изъ такихъ „писаній“, Смотрицкаго, кромѣ предисловія къ Библіи, тоже имѣющаго отчасти полемическій характеръ, извѣстенъ „Ключъ царства небеснаго“ (1587 г.) [3]), являющійся отвѣтомъ на сочиненіе извѣстнаго намъ Бенедикта Гербеста, ректора ярославской іезуитской коллегіи: „Wiary kościoła Rzymskiego wywody. Greckiego niewolstwa Historya: dla jedności“. Зах. Копыстенскій даетъ видѣть, что у Г. Д. Смотрицкаго было еще одно сочиненіе. Сказавши въ своей „Палинодіи“ о деморализаціи тогдашняго православнаго духовенства, Копыстенскій продолжаетъ: „Жившій въ тѣ времена доброй памяти мужъ Гер. Дан. Смотрицкій, видя, что церковныя дѣла приходятъ все въ большее разстройство, выразилъ въ русскихъ стихахъ, не очень, правда, искусныхъ, свое негодованіе противъ недостойныхъ русскихъ іерарховъ и священниковъ“ [4]). До насъ не дошло это стихотворное обличительное произведеніе Г. Смотрицкаго, но что его „вѣршъ“, дѣйствительно, не былъ искуснымъ, доказательствомъ можетъ служить его „двострочное согласіе“, помѣщенное вслѣдъ за предисловіемъ къ Библіи и такъ начинающееся:

„Всякаго чина православный читателю
Господу Богу благодаренье воздаймо якѡ благодателю“...

Оно представляетъ похвалу кн. Острожскому, „которымъ явилась всесвѣтлыхъ писаній неизглаголанная сладость“ и котораго онъ сравниваетъ съ св. Владимиромъ и Ярославомъ мудрымъ. „Владимеръ бо свои

---

[1]) Вол. еп. вѣд., 1881, 853; 1885, 292.

[2]) Кіев. еп. вѣд., 1875, 564.

[3]) Напечатанъ по частямъ во II томѣ «Мелетія Пигаса» и въ Арх. Ю.-З. Р., I, VII. Въ предисловіи къ послѣднему г. Голубевъ доказываетъ, что извѣстное до того сочиненіе Смотрицкаго—«Календарь римски новы» (*Каратаевъ*, 1883, № 116) есть только часть цѣлаго сочиненія—«Ключъ царства небеснаго».

[4]) П. П. Л., I, 1057. Это же извѣстіе попало въ книгу: «О вѣрѣ единой истинной православной», напечатанную въ Москвѣ въ 1648 г. (Словарь *м. Евгенія*, I, 96). Іезуитъ Мартыновъ, говоря о приписываемыхъ Мелетію Смотрицкому «Виршахъ на отступниковъ», датируетъ ихъ почему то 1598 годомъ (Кирилло-меѳодіевскій сборникъ, I, пред., XXIV). Виленское братство въ своей «Obronie veriﬁcatiey» говоритъ о трехъ литературныхъ памятникахъ, составленныхъ Гер. Смотрицкимъ, изъ которыхъ первый написанъ имъ для всѣхъ іерарховъ (przełożonym) русской церкви, хотя по имени посвященъ одному изъ нихъ (Арх. Ю.-З. Р., I, VII, 429).

народъ крещеньемъ просвѣтилъ, Константинъ же благоразумія писаніемъ освѣтилъ“ и т. д.

Усердіе Г. Смотрицкаго въ ученыхъ и учебныхъ трудахъ было таково, что кн. Острожскій подарилъ ему два села—Баклаевку и Борисовку [1]). Годъ смерти его въ точности неизвѣстенъ. Полагаютъ, что онъ скончался около 1594 г., ибо около этого времени въ Острогѣ является уже Кириллъ Лукарисъ, котораго называютъ преемникомъ Смотрицкаго по ректорству [2]).

Кириллъ Лукарисъ [3]) родился 13 ноября 1572 г. Опекунъ его, извѣстный Мелетій Пигасъ направилъ его для образованія въ Венецію и затѣмъ въ Падую, гдѣ и самъ учился. Пробывъ около четырехъ лѣтъ въ первой и около семи въ послѣдней, К. Лукарисъ изучилъ древне-греческій, латинскій и итальянскій языки, Свящ. Писаніе, діалектику, риторику, метафизику и этику по Аристотелю [4]). Антоній Легеръ и вслѣдъ за нимъ Пихлеръ, относя начало ученія Кирилла Лукариса въ итальянскихъ школахъ къ 12-му году его жизни, а окончаніе — къ 23-му, пріурочиваютъ прибытіе его въ Константинополь къ патріарху Мелетію Пигасу къ 1595 году и отправленіе въ Польшу къ 1596-му [5]). На самомъ же дѣлѣ послѣднее совершилось въ 1594 г.; въ это именно время п. Мелетій, имѣвшій свѣдѣнія о печальномъ положеніи православія въ зап. Россіи, направилъ К. Лукариса, возведеннаго въ санъ архимандрита и облеченнаго особыми полномочіями, къ кн. Острожскому и ко всѣмъ православнымъ западноруссамъ [6]).

Прибывъ въ срединѣ 1594 г. въ Острогъ, Кириллъ Лукарисъ сразу проникается учеными и учебными интересами и входитъ въ сноше-

---

[1]) Susza. o. et l. c. Cf. Арх. Ю.-З. Р., I, VII, 429.

[2]) Вол. еп. вѣд., 1885, 293. Авторъ латино-уніатскаго сочиненія: «Sowita wina» (1621) называетъ Гер. Смотрицкаго попомъ: Harasym pop, którego synem jest wasz Smotryski (Арх. Ю.-З. Р., I, VII, 492). Если онъ не смѣшалъ Герасима Смотрицкаго съ ораторскимъ попомъ Герасимомъ, то это извѣстіе не натолкнетъ ли кого-нибудь на выясненіе дальнѣйшей судьбы Гер. Смотрицкаго?—На какомъ основаніи въ Encykl. powsz. указывается 1601 г., какъ годъ смерти Гер. Смотрицкаго (XXIII, 733), мы не знаемъ.

[3]) Извѣстно нѣсколько посвященныхъ Кириллу Лукарису монографій: *Thomas Smithus*, Collectanea de Cyrillo Lucario patriarcha Constantinopolitano, Londini, 1708. *Aloysius Pichler*, Geschihte des Protestantismus in der orientalischen Kirche im 17 Iahrhundert, oder Der Patriarch Cyrillus Lukaris und seine Zeit, München, 1862. *Свящ. Брянцевъ* (послѣ *архим. Арсеній*), Патріархъ Кириллъ Лукарисъ и его заслуги для православной церкви, 1870 г., Симферополь (2-ое изданіе—1881 г. СПБ.).

[4]) *Pichler*, o. c., 37—50. *Kohlius*, Ecclesia graeca Lutheranizans, Lubecae, 1723, s. 40. Памятникомъ учебныхъ занятій Кирилла Лукариса въ Падуѣ и Венеціи является его переписка съ Максимомъ Маргуніемъ и другими лицами, напечатанная Эмилемъ Леграномъ въ IV томѣ Bibliographie Hellénique aux XVII siècle (pp. 175—212). Послѣднее изъ помѣщенныхъ здѣсь писемъ Лукариса помѣчено: Падуя, 29 окт. 1591 г.

[5]) *Leger*, Fragmentum vitae Cyrilli Lucarii (*Thomas Smithus*, Collectanea de Cyrillo Lucario, p. 77. 78). *Pichler*, o. c., 44. 49.

[6]) *Малышевскій*, Мелетій Пигасъ, II, прил. II, стр. 2.

нія съ іеродіакономъ Кипріаномъ и Гавріиломъ Дороѳеевичемъ, львовяниномъ. Съ ними обоими онъ, повидимому, былъ знакомъ по Константинополю и теперь звалъ ихъ въ Острогъ для обученія ихъ греческому языку и греческой мудрости. Кипріана онъ просилъ прислать ему историка Кедрина, Ѳому Аквината и др. книги [1]). Дороѳеевичъ явился на зовъ и засѣлъ за греческій языкъ. Руководителями его были самъ Лукарисъ и какой то Никифоръ. Но оба они часто уѣзжали изъ Острога, очевидно, по дѣламъ церковнымъ, и покидая Дороѳеевича одного, заставляли его учить наизусть Исагогику Порфирія или Органъ Аристотеля. Такимъ ходомъ занятій Дороѳеевичъ былъ недоволенъ и однажды письменно спрашивалъ Лукариса (итти къ нему Дороѳеевичъ въ тотъ день не могъ, такъ какъ не имѣлъ обуви, между тѣмъ на улицахъ послѣ дождя было очень грязно), что ему дѣлать. „Шесть недѣль прошло, какъ я прибылъ изъ дому, писалъ онъ, а еще ничего полезнаго не сдѣлалъ. Итакъ, прошу совѣта, что мнѣ должно дѣлать, чтобы не тратить напрасно времени“ [2]).

Въ этотъ разъ Кириллъ Лукарисъ пробылъ въ Острогѣ сравнительно недолго: въ первой половинѣ 1595 г. онъ перешелъ въ Вильну, гдѣ, по словамъ Легера, провелъ 20 мѣсяцевъ (включая сюда короткій періодъ предъ и послѣ брестскаго собора), занимаясь религіозными спорами и диспутами съ іезуитами и францисканами [3]) и преподаваніемъ греческаго языка въ братской школѣ, ректоромъ коей онъ состоялъ. Памятникомъ преподавательской дѣятельности его въ Вильнѣ служитъ сочиненіе п. Мелетія Пигаса: *Διάλογος Ὀρθόδοξος χριστιανος. του μακαριωτατου καὶ παναγιωτατου πάπα καὶ πατριάρχου ἀλεξανδρείας κυρίου μελετίου. εἰς τὴν τῶν σπουδαίων ὠφέλειαν. Ἐν Βυλινη αφϟς* (1596). *Μηνὶ ἰουλίου λά* (in 8°. 8 ненумерованныхъ листовъ и 38 страницъ), изданное съ тою цѣлью, какъ сказано въ предисловіи, чтобы кто нибудь изъ учащихся, прочитавъ его, получилъ для себя пользу, особенно въ этихъ мѣстахъ и городахъ, изобилующихъ разнообразными ересями. Издателями его были ученики виленской братской „академіи“, изучавшіе греческій языкъ (*οἱ τῆς ἑλληνικῆς διαλέκτου σπουδαῖοι οἱ ἐν τῇ τῆς ἀδελφότητος τῆς ἁγίας καὶ ὁμοουσίου καὶ ζωποιοῦ καὶ ἀδιαιρέτου Τριάδος ἀκαδημία τῶν Ῥουσῶν, τῇ ἐν τῇ Βυλίνῃ*). Въ написанномъ ими по гречески посвященіи книги нѣкоему Іоанну, „великому прагматевту“ (? *τῳ μεγάλῳ πραγματεύτῃ*), студенты ссылаются на „преподобнѣйшаго и разсудительнѣйшаго *нашего ректора,* господина Кирилла Лукариса, синкелла

---

[1]) Bibliographie Hellénique aux 17 s., IV, p. 219. 220 (№№ 45—49). Цитуемыя здѣсь письма К. Лукариса къ кн. Острожскому, Кипріану и Дороѳеевичу датированы концомъ іюля, началомъ августа, концомъ октября и началомъ декабря. Судя по содержанію и по тому, что они писаны или изъ Острога или изъ ближайшихъ городовъ (Дубна и какого то Свіала(?)—Σβυαλίηθεν), ихъ можно отнести только къ 1594 г.

[2]) ibid., p. 221, № 50.

[3]) *Smithus,* o. c., 78.

свят. престола александрійскаго", который сообщилъ имъ о ревности къ вѣрѣ сего Іоанна [1]).

Съ переходомъ Кирилла Лукариса въ Вильну не прервались его связи съ Острогомъ. Въ Острогѣ чувствовали, чего лишились въ немъ, и Гавріилъ Дороѳеевичъ писалъ ему однажды въ отвѣтъ на его письмо: „постарался бы ты побывать у насъ, собрать всѣхъ во едино, помочь... бо́льшую бы пользу оказалъ ты намъ, чѣмъ живя въ Вильнѣ. Этого желаютъ и тѣ греки, что съ нами (ихъ теперь больше, чѣмъ при тебѣ), и самъ Константинъ. Чрезъ меня всѣ привѣтствуютъ тебя и поручаютъ сказать это". Вмѣстѣ съ тѣмъ Дороѳеевичъ сообщалъ, что въ Львовѣ паписты объявили, что самъ п. Мелетій на сторонѣ уніи, почему Лукарису, какъ носящему лицо патріарха, необходимо бы явиться туда [2]).

Какъ видно изъ другого письма Гавр. Дороѳеевича, К. Лукарисъ не остался равнодушенъ къ мысли о переходѣ во Львовъ, тѣмъ болѣе, что, повидимому, между нимъ и виленскими братчиками возникли какія то недоразумѣнія. Во Львовѣ онъ намѣревался сдѣлаться учителемъ братской школы и Дороѳеевичъ обѣщалъ быть ему полезнымъ помощникомъ. И первымъ дѣломъ Дороѳеевичъ даетъ Лукарису совѣтъ. „Мнѣ кажется, что прежде чѣмъ вступить тебѣ въ училище, нужно сказать собравшимся ученикамъ, какъ полезна для человѣка мудрость, какая отъ нея польза для церкви, о происхожденіи ея, о томъ, отъ Бога ли она или отъ человѣка, и что пустыя мысли не есть мудрость. Подобнымъ образомъ дѣлаютъ латиняне, когда учитель вступаетъ въ школу". Но намѣреніе К. Лукариса не осуществилось, потому ли, что этому помѣшала свирѣпствовавшая въ Львовѣ чума, или почему другому [3]). Въ январѣ 1596 г. мы видимъ Лукариса въ Острогѣ; быть можетъ, у него была мысль посѣтить Львовъ. Но перебравшійся туда вмѣстѣ съ Кипріаномъ Дороѳеевичъ въ письмѣ отъ 9 января отсовѣтывалъ дѣлать это по причинѣ трудности пути; при этомъ онъ просилъ Лукариса прислать ему книгу Григорія Богослова [4]). Изъ Острога Лукарисъ отправился опять въ Вильну и здѣсь во второй половинѣ 1596 г. получилъ письмо отъ протосингела константинопольскаго патріарха—Ники-

---

[1]) На книгѣ дата: 31 іюля 1596 г., посвященіе же помѣчено началомъ сентября. (Bibliographie Hellénique aux XV et XVI s., II, № 218). Единственный извѣстный экземпляръ этого изданія хранится въ британскомъ музеѣ.—Въ литературѣ существуетъ мнѣніе, что К. Лукарисъ сдѣлался ректоромъ виленской школы въ 1592 г. (*Regenvolscius*, Systema historico-chronologicum Ecclesiarum Slavonicarum, 1652, p. 470; *Kohlius*, p. 40). Вѣроятно, въ основаніи его лежитъ смѣшеніе Кирилла Лукариса съ Кирилломъ Транквилліономъ Ставровецкимъ, который дѣйствительно въ 1592 г. перешелъ изъ Львова въ учителя виленскаго училища. Вслѣдствіе этого же, надо полагать, явилось мнѣніе о преподавательской дѣятельности Лукариса во Львовѣ въ 1591 г. (*Архим. Арсеній*, 76).

[2]) Bibliographie Hellénique aux XVII s., IV, № 54 (p. 228). Письмо на греческомъ языкѣ, писано во второй половинѣ 1595 г.

[3]) ibid., № 53. Письмо датировано 3 октября. Относимъ его къ 1595 г. въ виду упоминанія въ немъ о чумѣ, которая въ этомъ году была въ Перемышлѣ (Русская лѣтопись—въ Рус. ист. сборн., III, 235) и, вѣроятно, во Львовѣ.

[4]) ibid., 217. 218 (№№ 40. 41).

фора, который изъ Дубна приглашалъ его къ себѣ и къ кн. Константину, чтобы вмѣстѣ приготовиться къ брестскому собору [1]). Послѣ собора К. Лукарисъ оставался еще нѣкоторое время въ Вильнѣ, а затѣмъ перешелъ въ Острогъ, гдѣ жилъ около года (по Легеру, два года), „авторитетомъ князя защищаясь противъ интригъ іезуитовъ“ [2]). И въ этотъ разъ онъ въ Острогѣ занимался учительствомъ, какъ это видно изъ письма къ нему Гавр. Дороѳеевича, отъ 13 іюня 1597 г., адресованнаго „возлюбленному во Христѣ отцу Кириллу дидаскалу“ [3]). Въ концѣ 1597 г. или началѣ 1598 г. Кириллъ Лукарисъ удалился изъ Россіи въ зап. Европу и здѣсь, въ университетахъ Виттенберга и Женевы, слушалъ лекціи по философіи и богословію. Въ 1600 г. онъ опять былъ посланъ п. Мелетіемъ въ зап. Россію съ письмами къ православнымъ князьямъ и къ протестантамъ, которые хлопотали въ это время о религіозной уніи съ восточной церковію, и съ другими порученіями [4]). Въ виду послѣднихъ трудно допустить, чтобы Лукарисъ занимался здѣсь теперь педагогическимъ трудомъ.—По возвращеніи въ Александрію въ 1601 г., Кириллъ Лукарисъ занялъ по смерти М. Пигаса александрійскую каѳедру, затѣмъ—константинопольскій престолъ, не переставая заботиться о западнорусской церкви и западнорусскомъ просвѣщеніи. Ниже откроется его участливое отношеніе къ львовской, луцкой и прочимъ братскимъ школамъ.

Извѣстность *Никифора* [5]), какъ ученаго, началась въ Падуѣ, гдѣ онъ былъ „ректоромъ наукъ Еллинскихъ и Грецкихъ“. Послѣ того онъ въ теченіе семи лѣтъ состоялъ проповѣдникомъ при греческой церкви св. Марка въ Венеціи [6]). Переселившись въ Константинополь, Никифоръ за свою ученость, соединенную съ твердостью въ православныхъ убѣжденіяхъ, въ 1592 г. былъ возведенъ въ санъ протосингела па-

---

[1]) ibid., 221—224, № 51.

[2]) *Smithus*, o. c., p. 78. 79. Cf. *Pichler*, 66, прим.

[3]) Bibliographie Hellénique XVII s., IV, № 55 (p. 229).

[4]) *Малышевскій*, Мелетій Пигасъ, II, № 43. Невѣрно утвержденіе Пихлера, что К. Лукарисъ жилъ въ этотъ разъ въ Польшѣ два года—съ іюля 1599 года (s. 66). Извѣстная подложная записка, которую Кириллъ Лукарисъ вручилъ будто бы львовскому римско-католическому архіепископу І. Д. Соликовскому предъ своимъ отъѣздомъ изъ Россіи (*P. Scarga*, Na treny y lament Theophila Orthologa do Rusi Greckiego nabożeństwa przestroga, 1610, str. 108—113; *Завитневичъ*, Палинодія Захаріи Копыстенскаго, 221—227), датируется 24 января 1601 г. Начало 1601 г. и было временемъ оставленія Лукарисомъ Россіи.

[5]) Современныя свѣдѣнія о Никифорѣ и въ частности о судѣ надъ нимъ заключаются въ слѣдственномъ о немъ дѣлѣ (А. З. Р., IV, № 117), въ описаніи варшавскаго сейма 1597 г. (*Голубевъ*, Петръ Могила, прил., № 15), въ Ekthesis'ѣ, Перестрогѣ. О немъ можно читать также: *М. О. Коялович*, Никифоръ, вел. протосингелъ патріаршаго константинопольскаго престола (Странникъ, 1860, IV); *Кудринскій*, Судьба экзарха Никифора въ З. Россіи (Кіев. стар., 1892 г., іюнь), у *Малышевскаго*, Мелетій Пигасъ, I, 411—416, въ изслѣдованіи Студинскаго о Перестрогѣ (105 и слѣд.).

[6]) А. З. Р., IV, стр. 161. Петръ Могила, прилож., стр. 53.

тріаршаго престола [1]). Съ сентября 1595 г. видимъ Никифора въ Валахіи, гдѣ онъ принимаетъ участіе въ политическихъ дѣлахъ этой страны, за что поплатился тюремнымъ заключеніемъ въ Хотинѣ [2]). Спасшись отсюда бѣгствомъ, Никифоръ направился въ Острогъ, куда еще ранѣе былъ приглашенъ кн. Острожскимъ [3]). Въ зап. Россіи ему предстояло устроить нѣкоторыя „справы духовныя", вызванныя тяготѣніемъ православныхъ владыкъ къ Риму. Онѣ то, вѣроятно, сразу не дали Никифору возможности заниматься въ острожскомъ училищѣ. Между тѣмъ надъ нимъ собиралась грозная туча. Еще на брестскомъ соборѣ королевскіе послы старались отстранить Никифора, какъ турецкаго будто бы шпіона, отъ предсѣдательства на немъ, и тогда же онъ былъ „арестованъ" и оставленъ у К. К. Острожскаго подъ зарукой 200 тысячъ червонцевъ [4]). Поводомъ къ обвиненію Никифора послужило такое обстоятельство. Въ Шаргородѣ у слуги кн. Острожскаго Яни, ѣхавшаго въ Валахію, были найдены письма съ рѣзкими отзывами о полякахъ (они назывались не иначе, какъ псами) и съ сильнымъ сочувствіемъ къ султану въ его замыслахъ противъ Польши. Никифоръ и былъ заподозрѣнъ въ авторствѣ этихъ писемъ. И хотя на варшавскомъ сеймѣ въ мартѣ 1597 г. Яни заявлялъ, что они были вручены ему какимъ то грекомъ Пафнутіемъ, но не скрылъ, что это произошло по порученію Никифора. По королевскому приговору Никифоръ былъ заключенъ въ мальбургскую (или маріенбургскую) крѣпость (вблизи Данцига), гдѣ черезъ нѣсколько лѣтъ былъ „уморенъ постомъ", по свидѣтельству автора Перестроги [5]). Правда, уніатскіе писатели увѣряютъ, что Потѣй изгналъ Никифора изъ Польши, подвергнувъ его только покаянію (pokuta) въ Мальборгѣ [6]). Но ихъ опровергаетъ самъ же Потѣй, въ одномъ письмѣ къ Льву Сапѣгѣ (28 іюня 1605 г.) выразившійся о Никифорѣ, что онъ „na Malborgu zdechł" [7]). Наконецъ, противъ нихъ говоритъ и папа Урбанъ VIII, который, требуя отъ к. Сигизмунда III (1624) строгаго наказанія для убійцъ Іосафата Кунцевича, указывалъ, какъ на примѣръ надлежащаго отношенія къ схизматикамъ, на заключеніе Никифора „въ вѣчную темницу" [8]).

---

[1]) А. Ю. и З. Р., I, № 210 (Monumenta confraternitatis..., № 256). Дважды онъ былъ мѣстоблюстителемъ патріаршаго престола (А. З. Р., IV, 361).

[2]) Петръ Могила, прил., стр. 52. На варшавскомъ сеймѣ его винили въ томъ, что онъ былъ въ Валахіи шпіономъ турецкаго султана, что ввелъ Валахію въ милліонные долги и т. п. (стр. 50).

[3]) Bibliographie Hellénique s. XVII, IV, № 51.

[4]) П. П. Л., III, 197—203. Петръ Могила, прил., 48 стр.

[5]) А. З. Р., IV, стр. 220. Смитъ говоритъ объ удавленіи Никифора (gula fractus misere periit. Collectanea de Cyrillo Lucario, p. 12).

[6]) *Susza*, Saulus et Paulus. *Stebelski*, Dwa wielkie swiatła. Rozdział II, 177, въ примѣчаніи.

[7]) Archivum Sapiehanum, I, № 561.

[8]) *Соловьевъ С. М.*, Исторія Россіи, изд. 2, кн. II, 1469. По свидѣтельству Захаріи Копыстенскаго въ его «Книгѣ о правдивой едности православныхъ христіанъ церкви

Въ 80-хъ годахъ XVI ст. въ Острогѣ дѣйствовалъ извѣстный уже намъ *Іовъ* (въ мірѣ *Іоаннъ*) *Княгиницкій*, о которомъ его біографъ іером. Игнатій изъ Любарова повѣствуетъ, что онъ, „устремившись“ въ Острогъ, „вдасть себе въ училище и прилежаше ученію, яко вскорѣ быти ему въ мѣсто ученика учителемъ прочимъ“ (т. е. для прочихъ учениковъ). Мы не знаемъ однако, какъ долго учительствовалъ здѣсь Іовъ, что преподавалъ, и списаніе имъ псалтири для князя Александра относилось ли къ числу его обязанностей, или было знакомъ его любви и расположенія къ молодому князю. Изъ Острога Іовъ былъ посланъ Константиномъ Константиновичемъ на Аѳонъ для передачи милостыни тамошнимъ монахамъ. Послѣ возвращенія въ Острогъ онъ вторично отправился на Востокъ, чтобы тамъ подвизаться на иноческомъ поприщѣ. 12 слишкомъ лѣтъ провелъ онъ тамъ. Послѣдніе годы жизни Іовъ посвятилъ распространенію монашеской жизни и учрежденію скитовъ и монастырей въ различныхъ мѣстахъ своей родины—Галиціи. Впрочемъ, нѣкоторое время онъ жилъ въ Дермани, куда былъ приглашенъ около 1603—4 г. Исаакіемъ святогорцемъ, тогдашнимъ справцей монастыря, для помощи при печатаніи „охтаевъ“ [1]).

Однажды только Іовъ Княгиницкій выступилъ на сцену, какъ литераторъ. Это было въ 1619 г., за два года до его смерти. Кириллъ Транквилліонъ, начавшій свою карьеру въ львовской православной школѣ и окончившій её въ Черниговѣ въ санѣ уніатскаго игумена, напечаталъ въ 1618 г. свое „Зерцало Богословіи“. Выпуская въ свѣтъ эту первую русскую систему богословія, Кириллъ, естественно, нуждался въ авторитетномъ одобреніи ея и, написавши оглавленіе ея или то „исповѣданіе вѣры, по нему же и книгу составилъ“, послалъ его къ Іову Княгиницкому для рецензіи. Іовъ разсмотрѣлъ и—въ посланіи отъ 23 авг. 1619 г. совѣтовалъ не прежде книгу „въ типографію подать дондеже не изслѣдуется учеными и учтшими писанія книгъ отеческихъ: лучше замедлити и прославитися, нежели ускорити и обещеститися“, писалъ онъ, объясняя погрѣшности болѣе недосмотромъ и поспѣшностью, чѣмъ намѣреннымъ искаженіемъ истины [2]). Но выходъ въ свѣтъ Зерцала предупредилъ написаніе рецензіи.

Въ числѣ ученыхъ дѣятелей острожской школы обращаетъ на себя вниманіе нѣкій „*Клирикъ острожской церкви*“, выступившій подъ такимъ названіемъ въ своемъ „Отписѣ на листъ въ Бозѣ велебнаго отца Ипатія, Володимерскаго и Берестейскаго епископа, до ясне освецоного княжати Костентина Острозского, воеводы Киевского о залецанью и прехваляньо восточнои церкви з' заходнымъ костеломъ унѣи або згоды, въ року 1598 писаный, черезъ одного наменшого клирика церкви острозъ-

---

Восточной» (1623 г.), въ Мальбургѣ въ его время покоилось «преподобное тѣло священномученика Никифора, великаго протосингела» (*Завитневичъ*, Палинодія Захаріи Копыстенскаго, 299).

[1]) Зоря Галицкая яко альбумъ, 1860, 228 et passim.

[2]) Петръ Могила, приложеніе, № 35.

ской въ томъ же року отписаны“ [1]). Что онъ имѣлъ ближайшее отношеніе къ училищу, это открывается какъ изъ помѣты его на своемъ сочиненіи [2]), такъ и изъ свидѣтельства Мелетія Смотрицкаго и Суши [3]). Нужно при этомъ замѣтить, что эти писатели, какъ и нѣкоторые другіе (авторъ Перестроги, Петръ Суромятникъ, ректоръ виленской уніатской семинаріи, Левъ Кревза, Геласій Диплицъ), считаютъ „Клирика“ авторомъ и приложенной имъ къ своему „Отпису“ „Исторіи о листрикійскомъ, т. е., о разбойническомъ, Ферарскомъ або Флоренскомъ синодѣ, в' коротцѣ правдиве списаной“, хотя онъ самъ заявляетъ, что она давно уже кѣмъ то составлена [4]). Справедливо ли или нѣтъ приписывать ее „Клирику“ [5]), послѣдній настолько выдавался своимъ богословскимъ развитіемъ и основательностью среди другихъ православныхъ полемистовъ, что Мел. Смотрицкій ставилъ его наряду съ Ст. Зизаніемъ, Филалетомъ и Ортологомъ: всѣ эти „четыре новые богослова были для русскихъ какъ бы какими-то божественными оракулами“ [6]).

Каково настоящее имя „Клирика“—неизвѣстно. Г. Брикнеръ называетъ его Авраамомъ [7]). Но его догадка — плодъ чистаго недоразумѣнія [8]). Болѣе старо и болѣе распространено мнѣніе преосвящ. Филарета, отожествлявшаго Клирика съ острожскимъ *пресвитеромъ* (?) *Василіемъ*, въ нѣкоторыхъ своихъ изданіяхъ именующимъ себя тоже „наименшимъ клирикомъ“ [9]). Но этотъ писатель, кажется, всюду выставляетъ свое собственное имя. Такъ, подъ сочиненіемъ: „О единой вѣрѣ“ (Сборникъ 1588 г.) онъ подписался: „многогрѣшный и худшій въ христіанѣхъ, убогый Василей“ [10]). Тоже—въ „Правилѣ истиннаго живота христіанскаго“ (Псалтирь слѣдованная, 1598 г.), составленномъ „снисканіемъ отъ святыхъ писаній и трудомъ многогрѣшнаго худшаго

---

[1]) П. П. Л., III, 377.

[2]) «Писанъ у Острогу у школѣ Острозской» (П. П. Л., III, 381).

[3]) Apologia, 96. Saulus et Paulus, 86. 87. Вотъ слова Суши: «Anonymus clericus Ostrogiensis, Doctorum Russiae ordine tertius (первые два русскіе ученые—Ст. Зизаній и Филалетъ), quem gymnasii ejus civitatis, superstite Basilio Duce, praecipuum fuisse ajunt didascalum».

[4]) П. П. Л., III, 412. Краткую исторію этого собора написалъ кн. Курбскій, пользуясь трудомъ какого-то виленскаго субдіакона (Сказ. Курб., 294), и, судя по началу, она повліяла на «Исторію» «Клирика».

[5]) Потѣй и Суромятникъ догадываются, что авторомъ ея былъ какой то «еретикъ» (П. П. Л., III, 1109; *Jocher*, II, 497).

[6]) Paraenesis, 6.

[7]) Spory o unię w dawnej literaturze (Kwartalnik historyczny, 1896, zesz. III, 596. 598).

[8]) Кіевская старина, 1897, іюнь, 379: Острожская православная школа.

[9]) Обзоръ русской дух. литературы, 1859, I, 238. Вол. еп. вѣд., 1881, 857.

[10]) П. П. Л., II, 938.

въ христіанехъ, убогаго Василія“ [1]). Съ другой стороны, тогда какъ Василій выступилъ на литературное поприще уже въ 1588 г., относительно „Клирика“ Потѣй сильно увѣренъ въ томъ, что онъ—student akademiey sławney Ostrozskiey, что онъ—„жакъ (т. е. ученикъ), почему и пишетъ по жаковски“ [2]). Наконецъ, мы не убѣждены, точно ли Василій былъ священникомъ: самъ онъ такъ себя не называетъ, не называетъ его такъ и кс. Залѣнскій, передающій извѣстіе о диспутѣ „православнаго богослова Василія изъ Острога“ съ іезуитами [3]).

Но, принадлежалъ ли Василій или не принадлежалъ къ духовному званію,—нѣтъ никакихъ основаній отожествлять ни его, ни тѣмъ болѣе „Острожскаго клирика“, съ которымъ его сливаютъ,—съ священникомъ Василіемъ, дѣятельнымъ членомъ виленскаго братства, подвергшимся гоненію отъ м. Михаила Рагозы въ 1595 г., какъ то дѣлаетъ преосвящ. Филаретъ, вводящій въ біографію „Клирика“ и ту подробность, что онъ былъ нѣкогда виленскимъ субдіакономъ, въ какомъ санѣ и написалъ будто-бы „Исторію о Флорентійскомъ соборѣ“ [4]). Виленскій попъ и проповѣдникъ, анаѳематствованный вмѣстѣ съ Ст. Зизаніемъ и присутствовавшій въ 1596 г. на брестскомъ соборѣ подъ именемъ „Василія Троицкаго, братскаго виленскаго пресвитера“ [5]), продолжаетъ жить еще въ двадцатыхъ годахъ XVII ст. [6]), между тѣмъ какъ относительно соименнаго ему острожскаго дѣятеля есть основаніе думать, что онъ умеръ скоро послѣ 1598 г., когда послѣдній разъ появилось въ печати его имя [7]). Притомъ же ничто ни уполномочиваетъ насъ перемѣщать Василія изъ Острога въ Вильну, оттуда въ Острогъ и изъ Острога опять въ Вильну.

Возможно, что въ острожской школѣ учительствовалъ *пресвитеръ Даміанъ*, настоятель никольской церкви, извѣстный участіемъ въ брестскомъ соборѣ 1596 г. [8]) и въ подвигахъ своего знаменитаго брата Се-

---

[1]) *Каратаевъ*, Описаніе славяно-русскихъ книгъ, напечатанныхъ кирил. буквами, I, № 158. Ср. Чт. въ моск. общ. ист. и древн. рос., 1888, I, 58, прим. 127.

[2]) П. П. Л., Ш, 1054. 1115.

[3]) *Załęski*, o. c., 121, прим.

[4]) *Архіеп. Филаретъ*, o. c., I, 237. 238. *Ср. Никольскій*, Тр. кіев. дух. акад., 1862, II, 141, прим. 2. *Мартыновъ*, Кирилло-меѳодіевскій сборникъ, I, 90, прим. 2.

[5]) П. П. Л., Ш, 375 (id.—Чт. моск. общ. ист. и древн. росс., 1879, I, Ekthesis, 30).

[6]) Въ 1621 г. онъ выступаетъ, какъ «попъ Василій Игнатовичъ», въ дѣлѣ о хиротоніи М. Смотрицкаго (Арх. гр.-уніат. митр., № 466). Въ 1624 г. онъ является подъ монашескимъ именемъ Варлаама: «Barlaam a pierwiey Bazyli pop wyklęty który znowu jest kaznodzieją y spowiednikiem», говорится въ жалобѣ уніатовъ на виленское братство (Арх. гр.-ун. митр., № 506; ср. *Коялович*, Лит. церк. унія, II, 353. 354). Повидимому, онъ былъ живъ еще въ 1629 г. (Exethesis *Мел. Смотрицкаго*, 1629 г., 15 об.).

[7]) Вол. еп. вѣд., 1885, 295.

[8]) П. П. Л., Ш, 336.

верина Налевайка [1]) и своими литературными трудами, не оригинальными, впрочемъ. Его первымъ литературнымъ произведеніемъ былъ сборникъ изреченій, выбраннымъ изъ Свящ. Писанія, св. отцовъ, и то при помощи старыхъ сборниковъ, въ родѣ „Пчелы“. Вѣроятно, самому Даміану принадлежитъ западнорусскій переводъ славянскаго текста [2]). Второй трудъ Даміана, вышедшій въ 1607 г. изъ острожской типографіи, — „Лѣкарство на оспалый умыслъ человѣчій“, представляетъ изъ себя переводъ на церковно-славянскій и западнорусскій языки письма св. Златоуста къ мниху Ѳеодору, — письма, къ которому приложенъ „Тестаментъ грецкаго цезаря Василія до сына своего Льва“, тоже съ переводомъ его „на простую мову“. Но мы не можемъ утверждать на основаніи этого изданія, какъ это дѣлаютъ нѣкоторые историки, что пресв. Даміанъ зналъ греческій языкъ и самъ переводилъ съ него. „Тестаментъ“ и до того существовалъ въ славянскомъ переводѣ, и Даміану можно приписать только западнорусскій переводъ его (стр. 130); что же касается „Листа“, то его могли перевести съ греческаго сотрудники Даміана по дерманской типографіи, гдѣ онъ одно время работалъ. Самъ же Даміанъ, кажется, совсѣмъ не зналъ греческаго языка. По крайней мѣрѣ, изданный имъ 6 февр. 1605 г. „Листъ п. Мелетія“ къ Потѣю переведенъ не имъ, а Іоанномъ Борецкимъ (впослѣдствіи митрополитомъ), какъ это видно изъ четверостишія самого Даміана [3]). Такимъ образомъ, ученость Даміана едва-ли шла далѣе „славянскихъ наукъ“ и умѣнія писать стихи [4]). Какъ человѣкъ, Даміанъ Налевайко поль-

---

[1]) Арх. Ю.-З. Р., Ш, I, №№ 29. 31. 33. См. въ предисловіи объ участіи самого кн. Острожскаго въ набѣгахъ и грабежахъ братьевъ Налевайковъ, какъ одномъ изъ средствъ борьбы его съ латино-уніатами... Впрочемъ, самъ К. К. Острожскій въ письмѣ къ Хр. Радивиллу отъ 3 марта 1596 г. клятвенно очищаетъ себя отъ обвиненія въ томъ, будто бы онъ насылалъ Налевайка или зналъ объ его наѣздахъ (Рукоп. Имп. публ. библіот., Пол. F, IV, № 223, л. 104).

[2]) Сборникъ москов. Румянц. музея, относимый проф. Соболевскимъ ко второй половинѣ XVI в., л. 94: «Лекціи словенскіе Златоустого, отъ бесѣдъ евангельскыхъ отъ иерея Наливайка выбраніе» («Замѣтка о малоизвѣстныхъ памятникахъ южно-западнорусскаго письма XVI—XVII вв.» въ Чт. ист. общ. Нестора лѣтоп., IX, 19).

[3]) . . . . . «Листъ той въ Египте Авсонски начертанный,
«Роусскимъ языкомъ всарматехъ дарованый,
«Борецкимъ надлеръ апольлови коханымъ,
«И въ парнассе на лоне моузъ выхованнымъ»
(*Каратаевъ*, о. с., № 178).

[4]) См. его посвященіе на гербъ кн. Острожскихъ и «Прозьбу чительникову о часъ»:

«Часе дорогій, часе непереплачóный,
«Назбытъ скупою вагою мнѣ узычóный
«Быстрѣй надморскій корабль животъ мой проводитъ» и т. д.

(«Лѣкарство на оспалый умыслъ»)..

зовался общими симпатіями, такъ что Мел. Смотрицкій сохранилъ къ нему уваженіе даже послѣ своего перехода въ унію. Умеръ въ 1627 году [1]).

Вопросъ о вѣроисповѣданіи автора „Апокрисиса“—*Христофора Филалета (Бронскаго)*, поднятый вслѣдъ за изданіемъ его книги, до сихъ поръ продолжаетъ возбуждать споры. Въ пользу его православія высказалъ вѣскіе доводы проф. Скабалановичъ въ своемъ сочиненіи: „Объ Апокрисисѣ Хр. Филалета“ (Спб., 1873, стр. 7 и слѣд.); православнымъ и даже воспитанникомъ православныхъ школъ, хотя и довершившимъ образованіе за границей, считаетъ его и проф. Малышевскій [2]). Въ пользу его неправославія не менѣе сильные аргументы представилъ г. Голубевъ [3]). Мы лично склонны думать, что авторъ „Антиррисиса“, такъ часто завѣрявшій, что знаетъ чуть не въ лицо автора „Апокрисиса“, и утверждавшій, что послѣдній былъ явный протестантъ, не лгалъ [4]). Но кто бы онъ ни былъ, онъ первый осмѣлился выступить печатно противъ Скарги съ своей книгой, представлявшей верхъ тогдашней учености и исторической обстоятельности и основательности [5]).

О другомъ иновѣрцѣ — *Лятошѣ* намъ извѣстно слѣдующее. Докторъ медицины и философіи краковскаго университета Іоаннъ Лятошъ (или Лятосъ), какъ человѣкъ нечуждый и математики, при введеніи въ Польшѣ календаря папы Григорія XIII высказался печатно противъ него. Не знаемъ, кого сильнѣе задѣло это обстоятельство—краковскаго ли епископа или краковскую академію, гдѣ Лятошъ состоялъ профессоромъ [6]), но ему пришлось бѣжать изъ города, по свидѣтельству автора Антиррисиса [7]). Изгнанникъ нашелъ убѣжище въ Острогѣ, гдѣ является не позже 1599 г., какъ видно изъ того же Антиррисиса, и вѣроятно не задолго предъ этимъ. По крайней мѣрѣ авторъ Перестроги, т. е. Юрій Рогатинецъ, бывшій въ концѣ 1596 г. въ Острогѣ, не зна-

---

[1]) Paraenesis, 7.

[2]) Апокрисисъ, 1870, предисл., стр. 33. 40.

[3]) Тр. кіев. духов. акад., 1876, I, 139—147.

[4]) П. П. Л., Ш, 667. 669. 721.

[5]) Дѣйствительно ли Хр. Бронскій получилъ отъ кн. Острожскаго, по порученію котораго написалъ Апокрисисъ, м. Вильскъ съ нѣсколькими селами на Украинѣ (*Stebelski*, Dwa wielkie swiatła... II, 174. 175 въ прим.), мы не увѣрены. Въ «Старой Польшѣ» Балинскаго и Липинскаго такого мѣстечка нѣтъ. Извѣстіе Стебельскаго, кажется, заимствовано изъ Антиррисиса, который, впрочемъ, не называетъ тѣхъ мѣстечекъ и селъ, которыми у автора Апокрисиса были «руце добре намазаны» (П. П. Л., Ш, 767. 769; cf. Apologia, 46. См. также *Скабалановича*, о. с., 5—7).

[6]) Его трактатъ «De mutationibus regnorum» и наблюденія надъ кометами и затмѣніями (*Starovolscius*, Scriptorum polonicorum Ἑκατοντάς, ed. 1733, № 53), вѣроятно, имѣли отношеніе къ его университетскимъ занятіямъ.

[7]) П. П. Л., Ш, 773.

етъ его и называетъ „нѣякимъ Лятосомъ“ [1]). Живя въ Острогѣ, Лятошъ написалъ и напечаталъ въ Вильнѣ календарь на 1602 г., въ которомъ много говорилъ противъ реформы въ лѣтосчисленіи и новаго порядка празднованія Пасхи. Свой календарь Лятошъ посвятилъ краковскому епископу Бернарду Мадѣевскому и при этомъ указалъ на свои отношенія къ краковскому университету, чтобы придать себѣ больше авторитета. Это побудило университетъ и епископа осудить календарь Лятоша, какъ „не необходимый и пригодный притомъ къ поддержанію схизмы“ (15 и 24 февр. 1602 г.) [2]).

Къ числу несомнѣнныхъ дѣятелей острожской типографіи и, вѣроятно, школы относится *іером. Кипріанъ*. Родомъ изъ Острога, онъ получилъ образованіе въ Венеціи и Падуѣ („во Енетіи и Патавіи“), послѣ чего жилъ нѣкоторое время на Аѳонѣ [3]) и, вѣроятно, въ Константинополѣ. Прибывшій въ 1594 г. въ западную Россію К. Лукарисъ засталъ его уже здѣсь и продолжалъ руководить имъ въ ученыхъ его занятіяхъ, пригласивши его въ Острогъ. Въ началѣ 1596 г. Кипріанъ былъ въ Львовѣ [4]). На брестскомъ соборѣ 1596 г. онъ переводитъ на греческій языкъ рѣчь еп. Гедеона львовскаго и разсказъ печерскаго архимандрита Никифора Тура, излагающій исторію уніональныхъ стремленій русскихъ владыкъ [5]). Въ 1597 г. мы видимъ Кипріана опять на Востокѣ [6]), а еще чрезъ три года въ Острогѣ, живя въ которомъ, онъ написалъ греческіе посвятительные стихи на гербъ кн. Острожскихъ, помѣщенные на оборотѣ заглавнаго листа извѣстной поэмы De Bello Ostrogiano, 1600 г. Здѣсь онъ титулуется архидіакономъ. Около этого же времени онъ перевелъ съ греческаго языка на славянскій Златоустовскія бесѣды на Павловы посланія, по порученію княгини Софіи Боговитиновны, волынской хорунжей [7]). Извѣстенъ еще переводъ Кипріана—50 бесѣдъ блаж. Макарія. Въ спискѣ перевода, хранящемся въ библіотекѣ кіево-софійскаго собора (№ 49) находимъ послѣ 50-ой

---

[1]) Крыловскій, Акты, № 58. А. З. Р., IV, стр. 225. Велевицкій, говоря о выходѣ въ свѣтъ въ 1598 г. одного сочиненія Феликса Жебровскаго, направленнаго противъ Лятоса, называетъ послѣдняго «академикомъ», слѣдовательно, членомъ академической корпораціи (Scriptores rerum polonicarum, VII, 263).

[2]) *Wielewicki*, Scriptores rerum polonicarum, X, 26. 27. Ср. «Указатель, дополненія и примѣчанія къ VII тому Русск. истор. библіотеки», 220. 221.

[3]) Бесѣды на 14 посланій ап. Павла (Кіевъ, 1623), предисловіе.

[4]) Bibliographie Hellénique aux 17 s., IV, №№ 40, 41, 45—48.

[5]) Ekthesis, П. П. Л., Ш, 335. 354 (id. Чт. въ моск. общ. ист. и древн. росс., 1879, I, 5. 17).

[6]) *Малышевскій*, Мелетій Пигасъ, II, №№ 21. 22.

[7]) Предисловіе къ Бесѣдамъ, Кіевъ, 1623 г. Свящ. Сендульскій сообщаетъ, что этотъ переводъ былъ напечатанъ въ Рахмановѣ на средства кн. Вишневецкаго, подъ заглавіемъ: «Четыренадесять толкованій Апостольскихъ посланій Іоанна Хризостома» (Вол. еп. вѣд., 1871, 131). Но такое изданіе неизвѣстно никому изъ библіографовъ, да едва ли и существовало: въ предисловіи къ Бесѣдамъ 1623 г. прямо сказано, что работа Кипріана не была напечатана въ свое время.

бесѣды такое замѣчаніе нѣкоего писателя Макарія отъ 1610 г. 30 дек.: „въ пресловущемъ градѣ Острогѣ бѣ нѣкто благочестивъ інокъ Кипріанъ, сый горя духомъ и отъ благоговѣинства своего, раченіемъ уязвися, повелѣніемъ благоч. князя сию душеспасительную книгу, бесѣды, блаженнаго отца святаго Макарія, главы 50, преведе".

Упомянемъ, наконецъ, дьяка острожской школы *Тимоѳея Аннича, Тимоѳея Михайловича*, составившаго указатель къ Н. Завѣту 1580 г. [1]), *Григорія Голубникова*, списавшаго въ 1593 г. Номоканонъ [2]), *Андрея Рымшу*. Литературная дѣятельность послѣдняго не закончилась Хронологіей. Въ изданномъ Мамоничами въ 1585 г. Сборникѣ онъ помѣстилъ свои стихи съ иниціалами А. Р. на гербъ литовскаго канцлера Евстафія Волловича и полностью подписался подъ „эпиграммой" на гербъ канцлера Льва Сапѣги, помѣщенной въ Литовскомъ Статутѣ 1588 г. [3]) и состоящей изъ 17-ти силлабическихъ двустишій. Писалъ Рымша и прозой. Такъ, въ 1585 г. въ Вильнѣ вышло его сочиненіе: Decreteros acroama, to jest, Dziesięcioroczne powieści wojennych spraw Krzyszt. Radziwiłła [4]). Въ это время Рымша состоялъ слугой Хр. Радивилла, какъ видно изъ переводнаго его труда: „Chorographia albo Topographia. To jest, osobliwe a okolne opisanie ziemie świętey: Z łacińskiego języka na polski przetłumaczone przez Andrzeja Rymszę Litwina" [5]).

Изъ воспитанниковъ острожской школы извѣстны Іовъ Княгиницкій, Гавріилъ Дороѳеевичъ и гетманъ Петръ Конашевичъ—Сагайдачный. Свидѣтельство о послѣднемъ находится въ Виршахъ на его смерть, написанныхъ К. Саковичемъ, ректоромъ кіевскаго братскаго училища: ....„Воспитанный съ дѣтскихъ лѣтъ въ вѣрѣ восточной церкви, отправился онъ потомъ въ Острогъ, гдѣ при благочестивыхъ князьяхъ процвѣтали науки. Проживши тамъ нѣсколько лѣтъ и изучивши преподававшіяся на нашемъ славянскомъ языкѣ науки, Конашевичъ поступилъ затѣмъ въ запорожское рыцарство" [6])... Но нѣтъ твердыхъ данныхъ для при-

---

[1]) Чт. въ моск. общ. ист. и древн. росс., 1888, I, 90, прим. 141.

[2]) Чт. въ моск. общ. ист. и древн. росс., 1862, II, Смѣсь. Номоканонъ этотъ сгорѣлъ въ 1812 г. вмѣстѣ съ другими цѣнными рукописями проф. Баузе.

[3]) Статутъ перепечатанъ въ Временникѣ моск. общ. ист. и древн. росс., кн. 19.

[4]) *Finkel L.*, Bibliographia Historyi Polskiej, I (1891), № 7482.

[5]) Вторую часть книги составляетъ Исторія Іосифа (Флавія) объ осадѣ и разрушеніи Іерусалима. Первая часть — Описаніе Палестины была въ 1595 г. переиздана (*Wierzbowski*, № 2981). Если бы можно было доказать, что Андрей Рымша—воспитанникъ острожской школы, это изданіе дало бы новый доводъ въ пользу преподаванія въ послѣдней латинскаго языка и притомъ—съ начала ея существованія.

[6]) *Голубевъ*, Ист. Кіев. академіи, прилож., стр. 23. Въ письмѣ литовскаго канцлера Льва Сапѣги къ полоцкому уніатскому архіепископу Іосафату Кунцевичу (1622) есть «предрагоцѣнное» указаніе на какое-то сочиненіе Петра Конашевича (*Бантышъ-Каменскій*, Историч. извѣстіе о возникшей въ Польшѣ уніи, 1805, стр. 77). Это сочиненіе, какъ до-

численія къ острожскимъ воспитанникамъ Іова Борецкаго, преп. Аѳанасія Филипповича, Леонтія Карповича, Исаіи Копинскаго, Дм. Самозванца, Захаріи Копыстенскаго [1]).

гадывается м. Макарій, есть записка, поданная гетманомъ королю въ 1621 г. съ просьбой объ утвержденіи православныхъ владыкъ и сверженіи уніатскихъ (XI, 281, примѣчаніе 228).

[1]) *Максимовичъ*, I, 183. Вол. еп. вѣд., 1882, 52, прим. 1. *Завитневичъ*, Палинодія Захаріи Копыстенскаго, 255—257. Богословскій вѣстникъ, 1897 г., сентябрь, 199 (*А. Папковъ*, Эпоха преобразованія зап.-русскихъ церк. братствъ).

ГЛАВА X.

Братскія школы.

Какъ ни огромны были матеріальныя средства князя К. К. Острожскаго, какъ ни велики были его политическое значеніе и церковный авторитетъ [1]), для него и для всѣхъ было ясно, что единичными силами его не исправить того „грубіанства“ въ духовенствѣ и народѣ, въ которомъ и лежалъ корень церковнаго зла, и что онъ самъ нуждается въ помощи. Такую помощь принесли князю и всему народу мѣщане городовъ, сгруппировавшіеся въ братства.

Если вообще понятно, почему просвѣтительное дѣло перешло изъ рукъ духовенства къ свѣтскимъ людямъ, то нетрудно понять и то, почему руководить имъ стали именно горожане. Казалось бы, премущество въ этомъ дѣлѣ должно принадлежать тому классу народа, который по своему политическому и умственному развитію болѣе другихъ способенъ былъ сознать опасность, грозившую національности и церкви, и найти выходъ изъ нея, а по своимъ матеріальнымъ достаткамъ и досугу имѣлъ возможность предотвратить ее или уменьшить путемъ распространенія образованія. Но дѣло въ томъ, что къ концу XVI столѣтія тѣ вредныя для русскаго народа вліянія, противъ которыхъ и нужно было бороться, захватили уже цѣлую половину аристократіи русской и значительную часть дворянства. Мелетій Смотрицкій въ своемъ Θриносѣ (1610) насчиталъ не одинъ десятокъ знатныхъ русскихъ родовъ, погибшихъ для русскаго народа и для православія. Если же другая часть дворянства была еще сильна своими православными убѣжденіями и національнымъ самосознаніемъ, то не всѣ вельможные паны и дворяне могли взяться за просвѣщеніе народа. Не говоря уже о томъ, что иные изъ нихъ были настолько

[1]) Въ 1595 г. онъ писалъ о себѣ: «Множайшіе отъ обывателей здешнеѣ области панства наяснѣйшаго короля... звлаща правовѣрные хрестіане... мене нѣкако въ здѣшнемъ краю за началника въ православію быти менятъ» (А. З. Р., IV, № 71).

неграмотны, что не могли подписать своей фамиліи [1]), для огромнаго большинства ихъ школа—не низшая, учившая только читать и писать, а школа, какъ средство и сильнѣйшее орудіе культурной и религіозной борьбы, представлялась дѣломъ совершенно новымъ, и не многіе завели ее (князья Курбскій, Острожскій, Слуцкій). Лишенные собственной инициативы, русскіе паны могли дѣйствовать только, какъ члены и покровители церковныхъ братствъ, поддерживая всѣ ихъ добрыя начинанія и учрежденія и позволяя имъ располагать своими деньгами, политическими и общественными вліяніемъ и связями [2]). Только князь Острожскій могъ вести борьбу съ разновѣріемъ и невѣжествомъ по собственному почину, исключительно на свой счетъ, систематически, въ теченіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ.

Мѣщане западнорусскихъ городовъ тѣмъ легче могли взять на себя и выполнить просвѣтительную миссію, что они были классомъ болѣе или менѣе независимымъ юридически, такъ какъ пользовались самоуправленіемъ, и, благодаря занятію торговлей и ремеслами, довольно богатымъ, а вслѣдствіе этого болѣе другихъ развитымъ и образованнымъ или, по крайней мѣрѣ, сознававшимъ нужду въ образованіи. Съ другой стороны, въ нѣкоторыхъ городахъ мѣщане уже организовались въ церковныя братства и, такимъ образомъ, просвѣщеніе народа въ православномъ духѣ было для нихъ не постороннимъ какимъ-либо занятіемъ, а только присоединеніемъ къ прежней дѣятельности еще одной функціи, соотвѣтствовавшей потребностямъ времени. Даже и это не было совершенною новостью, такъ какъ извѣстно давнее участіе мѣщанъ—католиковъ въ такихъ городахъ, какъ Львовъ, Вильна, въ завѣдываніи школами. И если братства наши всего естественнѣе считать дальнѣйшей стадіей развитія коллективнаго патроната [3]), то должно вмѣстѣ съ тѣмъ признать въ нихъ черты аналогичныя съ особенностями патроната мѣщанъ католиковъ по отношенію къ извѣстнымъ костеламъ города [4]). И будущему

---

[1]) Арх. об., IV, стр. 305.

[2]) Такъ, въ львовское братство вписались Ѳ. Скуминъ и Богданъ Сапѣга, новгородскій и минскій воеводы, «зъ многыми великими станы»,—«дабы посполу промышляти о всемъ въ общую ползу, и заступати отъ всякоя напасти» (А. З. Р., IV, № 33, I).

[3]) *Голубевъ*, Исторія Кіев. дух. академіи, 79—83. Здѣсь же кратко изложены взгляды на происхожденіе и характеръ нашихъ западнорусскихъ братствъ *С. М. Соловьева* («Братчины», Рус. бесѣда, 1856, кн. IV, смѣсь), свящ. *І. Флерова* («О прав. церк. братствахъ, противоборствовавшихъ уніи въ юго-западной Россіи въ XVI—XVIII ст.», 1857, СПБ.), *М. О. Кояловича* («Чтенія о церк. западно-русскихъ братствахъ», День, 1862, №№ 36—42), *Н. А. Скабалановича* («Западно-европейскія гильдіи и зап.-русскія братства», Христ. чтеніе, 1871, II).

[4]) Это не значитъ, что «мысль о братствахъ перешла къ русскимъ отъ западной церкви, гдѣ въ обычаѣ было составлять добровольныя корпораціи на религіозныхъ началахъ» (*Костомаровъ*. Монографіи, III, 200). Католическія польскія братства съ опредѣленной программой явились, кажется, не раньше 1584 г., когда учреждено было въ Краковѣ братство милосердія (*P. Skarga*, Kazania przygodne, 1610, str. 112, et sqq. и 144 et sqq.: Porządki bractwa), между тѣмъ наши братства уже въ 1561 г. въ одной королевской грамотѣ названы «звѣчистыми» (Вит. стар., I, № 27), и имѣются данныя для установленія

историку нашихъ братствъ необходимо обратить вниманіе на эту сторону дѣла,—на то, что во Львовѣ именно и въ Вильнѣ, гдѣ всего ранѣе стали исторически извѣстны православныя братства, у католиковъ—горожанъ были такія же отношенія къ своимъ костеламъ и школамъ, какія проявили послѣ православные мѣщане къ своимъ церквамъ и училищамъ [1]).

Не останавливаясь на вопросахъ о происхожденіи, дѣятельности и заслугахъ для православной западнорусской церкви нашихъ братствъ вообще, что нашло уже спеціальныхъ изслѣдователей, считаемъ нужнымъ указать только отношеніе братствъ къ вопросу о просвѣщеніи народа и затѣмъ изложить судьбу ихъ школъ въ періодъ времени отъ появленія послѣднихъ до начала правленія короля Владислава IV.

Братства при нашихъ церквахъ существовали издавна, но систематическое умноженіе ихъ замѣчается съ того времени, когда стало очевиднымъ для всѣхъ, что польское правительство, руководимое іезуитами, настойчиво домогается поработить папѣ русскую церковь и полонизировать русскій народъ и что, съ другой стороны, на его вѣру и національность покушаются и протестанты. Тогда-то и явилась потребность соединить православныя силы въ братства и, сосредоточивъ ихъ интересы на благосостояніи храмовъ и прихожанъ, укрѣпить національное и православно-религіозное сознаніе. Это оживленіе церковно-приходской жизни всего ранѣе обнаружилось въ Галиціи, гдѣ польско-католическое вліяніе сильнѣе всего давало себя чувствовать [2]). Но въ это время явившіяся братства имѣютъ еще, подобно древнѣйшимъ—львовскому-успенскому, виленскому-кушнерскому [3]), узко-филантропическій характеръ: они поставляютъ цѣлью своей дѣятельности вспомоществованіе бѣднымъ, больнымъ, погребеніе умершихъ, благоустройство храмовъ и иногда только самопросвѣщеніе чрезъ чтеніе священныхъ книгъ [4]). Но скоро братства расширили кругъ своей дѣятельности и получили даже вліяніе на общецерковныя дѣла.

генетической связи ихъ съ тѣми сѣверо-восточными братчинами, которыя извѣстны уже въ XII в. и даже ранѣе (*Соловьевъ*, Братчины. Ср. Рус. бес., 1858, I, Критика. Рецензія на сочиненіе о. Флерова. *Н. Д. Бѣляевъ*, Разсказы изъ рус. исторіи, кн. IV, 1872, 234. 235).

[1]) Во Львовѣ патронируемымъ костеломъ былъ маріинскій, послѣ св.-духовскій со школами при нихъ (Akta Lwowskie, III, №№ 70. 75; IV, № 5; V, №№ 105, 118), въ Вильнѣ—св.-янскій (Zbior praw i przywilejów miastu stolecznemu W. X. L. Wilnowi nadanych, 1788, p. 42).

[2]) Изъ такихъ братствъ укажемъ львовское-николаевское, на краковскомъ предмѣстьи, явившееся въ 1544 г. (Monum. confrat. staur. Leopol., I, № 48), вышенское (1563), самборское (1564). Арх. Ю.-З. Р., I, VI, № 22. *Добрянскій Ант.*, Исторія епископовъ епархій перемышльской, самборской и саноцкой, 1893, Львовъ, 51. 56—58.

[3]) Оба они становятся извѣстными около середины XV ст. (*М. Макарій*, IX, 33).

[4]) Такія братства продолжаютъ существовать и появляться и въ самомъ концѣ XVI ст. и даже въ XVII ст., когда уже общая программа братской дѣятельности расширилась. Таковы, напр.: крычовское братство (1588), оршанское (1592), предтеченское въ Каменцѣ Подольскомъ (1606), красноставское (1607), холмское (1617), шаргородское (1618) и др. (А. З. Р., IV, №№ 33, 39; *Батюшковъ*, Подолія, 98; Холмско-варш. еп. вѣстн., 1879, 322; 1891, 221).

Они увидѣли, что равнодушіе епископовъ къ церковнымъ нуждамъ было гибельнымъ, особенно теперь, при посягательствахъ на нихъ враговъ православія. Въ виду этого они попытались взять на себя попеченіе о томъ, что ближайшимъ образомъ надлежало бы вѣдать не мірянамъ, а клиру,—т. е. попеченіе о чистотѣ вѣры и нравственности и цѣлости каноническихъ узаконеній. Въ этомъ стремленіи они были поддержаны восточными патріархами, которые дали братствамъ право участія въ дѣлахъ епархіальнаго управленія, право нравственнаго контроля надъ всѣми православными и даже надъ самими епископами [1]). Члены братствъ не могли не видѣть, что душевное спасеніе и спасеніе церкви немыслимы безъ укрѣпленія религіозныхъ убѣжденій путемъ образованія — чрезъ школы, проповѣдь слова Божія, чтеніе церковныхъ книгъ, что и самое отступленіе дворянъ въ латинство и протестантство происходитъ отъ того, что „учители и ученія по благочестію не суть“. Они пришли къ сознанію, что „духовная милостыня, албо ялмужна“, выше тѣлесной, что первая вторую „такъ далеце якъ землю небо о газѣ и зацности (вѣсомъ и значеніемъ) своей переходитъ (превосходитъ)“ [2]). Потому, чѣмъ дальше, тѣмъ чаще въ уставы вновь открываемыхъ братствъ вносятся статьи объ устройствѣ типографій, школъ и самыя школы, наряду съ церквами и госпиталями, считаются учрежденіями богоугодными, священными [3]).

Толчокъ къ появленію братствъ съ просвѣтительными задачами, съ ясно поставленной цѣлью—„законъ и вѣру утверждати“, дала попытка короля ввести новый календарь,—такъ, по крайней мѣрѣ, смотритъ на это авторъ „Боркулабовской хроники“, ставящій въ самую тѣсную связь („того-жъ часу“..) „замѣшанье“ по поводу этой попытки и устройство школъ и „братерствъ“ во Львовѣ, Вильнѣ, Брестѣ [4]). Начало длинному ряду такихъ братствъ положено львовянами, устроившими школу въ 1586 г., но еще въ 1585 г. обзаведшимися типографіей. Подъ вліяніемъ львовскаго братства и по его уставу устроились братства въ Рогатинѣ, Городкѣ, Галичѣ, Гологурахъ, Красномъ Ставѣ, Сатановѣ, Перемышлѣ, Комарнѣ. Львовскому братству по силѣ благотворнаго вліянія на церковныя

---

[1]) Въ виду патріаршей санкціи такихъ отношеній между мірянами и клиромъ представляется невозможнымъ согласиться съ мыслію г. Кулиша, что братства, по примѣру протестантовъ и усвоивъ протестантскій образъ мыслей, стали вмѣшиваться въ епархіальныя дѣла (Чт. въ моск. общ. ист. и древн. рос., 1888, II, 26. 27); хотя зависимость устройства нашихъ братствъ отъ нѣмецкихъ муниципій совершенно отрицаема быть не можетъ (ibid; *Архіеп. Филаретъ*, Обз. рус. дух. литературы, I, 229, 230), за что отчасти можетъ говорить и то обстоятельство, что еп. Гедеонъ Балабанъ обзывалъ львовскихъ братчиковъ «лютрами», чинъ ихъ братства производилъ отъ еретиковъ и пр. (Monum. confr., I. №№ 99, 130).

[2]) Пред. къ Учит. Еванг. 1616 г. (Евье). Ср. «Упись кіевскаго братства». Здѣсь «подаване наукъ учтивыхъ и цвичене дѣтей народу христіанского» относятся къ числу «христіанскихъ милосердныхъ учинковъ» и ставятся выше «тѣлесныхъ» добрыхъ дѣлъ (*Голубевъ*, Ист. Кіев. акад., прилож., стр. 2).

[3]) Въ одномъ изъ уставовъ луцкой школы сказано, что ученики должны обнаруживать особенное почтеніе къ мѣстамъ, посвященнымъ Богу, какъ-то: монастырямъ, кладбищамъ, *школамъ* (П. К. К., I, № IX, § 10).

[4]) *Кулишъ*, Матеріалы для исторіи возсоединенія Руси, I, 53.

дѣла и на духовное просвѣщеніе не уступало одновременно съ нимъ преобразовавшееся виленское братство. По чину ихъ обоихъ учреждаются всѣ прочія просвѣтительныя братства. Число ихъ и школъ особенно умножается съ начала 90-хъ годовъ: къ этому вызывало обнаруженіе стремленія владыкъ къ уніи съ Римомъ и затѣмъ самая унія. Что, дѣйствительно, между этими явленіями была причинная связь, на это указываютъ и даты появленія братствъ со школами и свидѣтельство волынскаго чашника Лаврентія Древинскаго на сеймѣ 1620 г. „Если бы, говорилъ онъ, нѣкоторые изъ нашего духовенства не отступили отъ своего законнаго пастыря и если бы исшедшіе отъ насъ не возстали на насъ, то такія науки, такія училища, такое число достойныхъ и ученыхъ людей никогда не явилось бы въ русскомъ народѣ“ [1]). Изъ такихъ братствъ въ это время получили начало: могилевское, брестское (1591), минское (1592), бѣльское, люблинское (1594), санокское (1600), замостское (1606), кіевское (1615), луцкое (1617), винницкое, немировское, бѣлиловецкое, пинское, кременецкое.

Исторія братскихъ или городскихъ православныхъ школъ началась въ 1584 г., когда впервые обнаружилось отношеніе польскаго правительства къ школьному образованію православныхъ западноруссовъ. Поводомъ къ тому послужила просьба виленскихъ мѣщанъ передать въ ихъ завѣдываніе св.-троицкій монастырь и позволить имъ содержать въ немъ училище [2]). Король Стефанъ Баторій разрѣшилъ имъ „школы будовать“ (строить), а въ слѣдующемъ году распространилъ это разрѣшеніе на всѣхъ православныхъ русскихъ, подтвердивъ данныя имъ своими предшественниками привиллегіи относительно свободнаго созиданія церквей, госпиталей и школъ (gymnasia), какъ изъ дерева, такъ и изъ камня [3]). Менѣе сочувственное отношеніе обнаружилъ къ православнымъ школамъ преемникъ Стефана Баторія Сигизмундъ III, хотя и онъ рѣдко отказывалъ имъ и братствамъ въ подтвержденіи ихъ уставовъ, особенно въ началѣ своего правленія.

Съ другой стороны, и наша іерархія, вслѣдъ за греческими патріархами, не ставила препятствій просвѣтительной дѣятельности братствъ. И если во Львовѣ епископъ Гедеонъ оспаривалъ не только право „ремесленниковъ“ просвѣщать другихъ, но и пригодность просвѣщенія для нихъ самихъ, какъ мірянъ, то его воззрѣній не раздѣляли другіе епископы западнорусской церкви, во главѣ съ митрополитомъ Михаиломъ Рагозой, который не только осудилъ противниковъ ученія въ львовской школѣ, дѣйствовавшихъ согласно съ епископомъ Гедеономъ [4]), но и

---

[1]) *Бантышъ-Каменскій*, Историческое извѣстіе о возникшей въ Польшѣ уніи, 1805, стр. 69.

[2]) А. З. Р., III, № 144.

[3]) Бѣлорус. арх., I, № 15 (id. Апокрисисъ, П. И. Л., II, 1103 и слѣд.; ср. Синопсисъ, Арх. Ю.-З. Р., I, VII, 548. 549). Дата привилея—18 мая 1585 г. Поводомъ къ нему послужило удовлетвореніе просьбы православныхъ объ освобожденіи ихъ отъ обязательнаго принятія навязываемаго имъ григоріанскаго календаря.

[4]) А. З. Р., IV, № 24. Самъ епископъ Гедеонъ не былъ врагомъ образованія самого по себѣ, онъ не хотѣлъ только уступить завѣдыванія имъ мірянамъ (объ этомъ ниже)

оказывалъ всяческое покровительство школьному ученію. Мало того: епископы наши, придя къ сознанію „великаго нестроенія межъ духовенствомъ", порѣшили собираться ежегодно въ Брестѣ, чтобъ соборно „о справахъ церковныхъ обмышляти, о школахъ, о наукахъ, о шпиталяхъ и о иншихъ добрыхъ справахъ святыхъ побожныхъ", для чего епископы должны были являться съ духовными лицами, „въ писмѣ Божомъ научными" [1]). Хотя сами епископы, за исключеніемъ перемышльскаго—Михаила Копыстенскаго, заведшаго вмѣстѣ съ братствомъ школу въ своей епархіи [2]), не сочли себя обязанными лично устраивать училища, такъ что спустя нѣсколько лѣтъ кн. Острожскому пришлось „напоминать имъ о томъ, что постановленія брестскихъ соборовъ относительно школъ, типографій и другихъ важныхъ для церкви предметовъ совсѣмъ не исполняются" [3]),—но хорошо уже было то, что они не шли противъ просвѣтительныхъ начинаній братствъ и даже поддерживали ихъ въ случаяхъ, не затрогивавшихъ ихъ прямыхъ, матеріальныхъ интересовъ. Правда, епископы въ концѣ концовъ выразили протестъ противъ завѣдыванія школьнымъ дѣломъ мірянъ: переходя въ унію, они пожелали, чтобы король передалъ его въ ихъ руки, и король, дѣйствительно, грамотой отъ 2 августа 1595 года предоставилъ имъ власть надъ братствами и право „закладанья школъ и семинарій греческаго и словенскаго языка" и устройства типографій, подъ надзоромъ митрополита и высшимъ контролемъ католической церкви [4]),—но эта передача не коснулась братскихъ школъ: она является уже однимъ изъ моментовъ исторіи уніатскихъ училищъ.

Сами братства нѣсколько затормозили успѣхи просвѣщенія, вздумавъ сосредоточить заботы о немъ въ своихъ рукахъ. Правда, они исходили при этомъ изъ опасенія проведенія неправославныхъ убѣжденій въ другихъ школахъ, не подлежавшихъ ихъ контролю, но и самое опасеніе ихъ было напраснымъ, такъ какъ эти другія школы содержались обыкновенно духовенствомъ или находились подъ его надзоромъ. И если бы нужда въ школахъ не была такъ сильна, братства при своемъ вліяніи на епископовъ могли бы совершенно убить меньшія, приходскія училища въ большихъ городахъ. Уже на брестскомъ соборѣ 1590 г., 22 іюня, м. Михаилъ Рагоза, слѣдуя патріаршему привилею (ноябрь 1589), называлъ братскую школу во Львовѣ, при успенской церкви, соборною и запретилъ подъ клятвою быть другимъ училищамъ, какъ въ самомъ городѣ, такъ и въ предмѣстьяхъ его [5]). 27 октября 1591 г. это же запрещеніе было примѣнено соборомъ и къ Вильнѣ. Благословивши учрежденіе братствъ въ другихъ городахъ по чину львовскаго, епископы

---

[1]) Соборное дѣяніе 20 іюня 1590 г.—А. З. Р., IV, № 25.

[2]) *Голубевъ*, Петръ Могила, прилож., №№ 7—9. Копыстенскій получилъ королевскую привиллегію на каѳедру 20 іюня 1591 г. (ibid., стр. 30).

[3]) П. П. Л., Ш, 603 (id. А. З. Р., IV, № 63).

[4]) *Pelesz*, Geschichte der Union, I, 534. А. З. Р., IV, № 79.

[5]) П. К. К., Ш, № 7 (id. Науковый сборникъ, 1868 г. Акты, № 11).

относительно школъ сдѣлали такое опредѣленіе: „Также и школу при тѣхъ же братствахъ львовскомъ и виленскомъ соборнѣйшую кгрецкаго и словенскаго языка постановляемъ и друкарню утверждаемъ во Львовѣ и въ Вилни. Школки же иные покутные (незначительныя, въ углахъ помѣщающіяся) кромѣ единои съборнои братскои школы при мѣстѣ (въ городѣ) ко уничиженію съборнои школѣ конечно мѣти забороняемъ (совершенно запрещаемъ)“ [1]). Еще сильнѣе стремленіе братствъ къ захвату всего просвѣщенія проявилось въ инструкціи виленскаго братства посламъ, отправленнымъ имъ на брестскій соборъ 24 іюня 1594 г. Инструкція эта любопытна и въ томъ отношеніи, что содержитъ въ себѣ цѣлый рядъ мѣръ, выработанныхъ виленскимъ братствомъ для поднятія православнаго просвѣщенія въ русскомъ народѣ, съ попыткой привлечь къ дѣятельному матеріальному участію въ этомъ православное духовенство. Посламъ предложено было домогаться: а) утвержденія братствъ, благословенныхъ митрополитомъ и соборами епископовъ, и уничтоженія тѣхъ братствъ, которыя установлены были еп. Гедеономъ въ противодѣйствіе и во вредъ первымъ; б) учрежденія по ихъ программѣ братствъ въ повѣтовыхъ городахъ и снабженія ихъ учеными попами и школами, чтобы „простяки“ не гибли отъ разныхъ еретиковъ; в) чтобъ въ каждомъ такомъ городѣ была только одна школа—братская и другихъ училищъ во вредъ ей не было; г) чтобъ типографіи оставались только въ Вильнѣ и Львовѣ и чтобъ не были принимаемы въ употребленіе церковныя книги изъ другихъ типографій, подозрительныя и церкви вредныя; д) чтобъ имѣнія, наданныя для славы Божіей и спасенія душъ, не были опустошаемы епископами для личныхъ цѣлей и удовольствій, но были обращаемы на науки, на школы, проповѣдниковъ, хорошихъ священниковъ, сиротъ, на построеніе госпиталей и церквей; е) чтобъ митрополитъ и каждый епископъ, архимандритъ и игуменъ ежегодно отдавали $^1/_{10}$ часть всѣхъ своихъ доходовъ на устроеніе школъ, типографій и на иныя церковныя нужды (между прочимъ, на содержаніе постояннаго экзарха или легата патріаршаго) и чтобъ на этотъ же предметъ шли доходы съ вакантныхъ каѳедръ митрополита и епископовъ; „скрынка“ (сундучокъ) же съ этими деньгами имѣетъ быть поручена брестскому епископу, „такъ какъ все это было постановлено между собой и на прежнемъ (pierwszym) соборѣ“; ж) чтобъ монастыри были наполнены монахами, ибо они пустуютъ теперь отъ того, что епископы захватили ихъ имѣнія; з) чтобъ ежегодно былъ соборъ; и) чтобъ соборныя опредѣленія были внесены на ближайшемъ вальномъ сеймѣ въ конституцію, къ чему митрополитъ и епископы должны расположить шляхту на повѣтовыхъ сеймикахъ, и т. п. [2]). Соборъ, на которомъ были представители

---

[1]) Monum. confr., I, № 207 (ср. *Крыловскій*, Акты, № 43).

[2]) Арх. ун. м-товъ, № 168—польскій списокъ инструкціи, подписанный новгородскимъ воеводой Ѳ. Скуминымъ, брестскимъ каштеляномъ Гр. Войной, мстиславскимъ каштеляномъ Семеномъ Войной, судьей Богданомъ Сапѣгой, маршалкомъ Михаиломъ Друцкимъ-Соколинскимъ, Иваномъ Тризной, Авраамомъ Мелешкомъ, Лукой Гарабурдой, Георгіемъ Масальскимъ, Вас. Кирдеемъ, мстиславскимъ подстолiемъ Стан. Карагономъ, ковенскимъ земскимъ судьей Георгіемъ Радошинскимъ, скарбникомъ вел. княжества

не только виленскаго братства, но и львовскаго, брестскаго, красноставскаго, гольшанскаго, городецкаго, галичскаго, бѣльскаго и многихъ другихъ, разсмотрѣвъ эту инструкцію, утвердилъ нѣкоторые ея пункты и обошелъ молчаніемъ тѣ, которые требовали отъ высшаго духовенства матеріальныхъ пожертвованій на пользу церкви. Въ частности, соборная грамота говоритъ: „относительно школъ братскихъ мы, согласно съ патріаршимъ и нашимъ соборнымъ постановленіемъ, такъ опредѣляемъ: быть двумъ соборнѣйшимъ школамъ, — одной въ Вильнѣ, а другой во Львовѣ, при братствахъ церковныхъ, подъ верховенствомъ архіепископа, и не было бы (въ городѣ) никакихъ другихъ, меньшихъ школъ, открытыхъ ко вреду школѣ братской; можно только при каждой церкви учить двухъ или трехъ мальчиковъ для помощи священнику". Контролю митрополита и епископовъ подчинены были также находившіяся въ ихъ епархіяхъ типографіи и выходившія изъ нихъ книги [1]).

Такимъ образомъ, въ постановленіи собора 1594 г. уже обнаруживается намѣреніе положить предѣлъ монополіи братствъ по части образованія и неподчиненности ихъ и школъ духовенству. Хотя церковной власти не удалось сдѣлать это за переходомъ ея въ унію, мысль о подчиненіи школъ духовенству продолжала жить. Несмотря на всѣ плоды братскихъ школъ, несмотря на всю пользу для православной церкви защиты ея правъ людьми свѣтскими, съ самаго начала существованія братствъ чувствовалась неестественность завѣдыванія мірянъ религіозно-просвѣтительными учрежденіями. Невольно возникало при этомъ опасеніе, что міряне—заправилы впадутъ въ ересь и при своемъ значеніи вовлекутъ въ нее массы народа, особенно путемъ школьнаго воспитанія, гдѣ и самыя новыя науки способны были отчуждать дѣтей отъ православія. Этимъ то объясняются и тѣ возгласы противъ педагогической системы братствъ, какіе мы читали у Вышенскаго, и тѣ протесты противъ права „ремесленниковъ" и „шевцовъ" (портныхъ) учить другихъ, какіе высказывали иногда Гедеонъ Балабанъ и др. епископы [2]), и, наконецъ, заявленія цѣлыхъ

литовскаго Лукой Мамоничемъ, «и иныхъ не мало пановъ шляхты подписалось». Что эта инструкція дана виленскимъ именно братствомъ, въ этомъ убѣждетъ и сходство многихъ §§—овъ ея съ постановленіемъ самого собора 1594 г., который, дѣйствительно, обсуждалъ просьбу виленскихъ братчиковъ, «водлугъ инструкцыи данноѣ имъ зъ братства ихъ церковного Виленского» (А. З. Р., IV, № 48), и имена многихъ подписавшихся подъ нею лицъ, о которыхъ извѣстно, что они состояли виленскими братчиками (Чт. въ моск. общ. ист. и древн. рос., 1859, III, отд. 3, стр. 29 и слѣд.), а также ея требованія, чтобы оставались въ силѣ давніе привилеи церквей въ Ригѣ, Кѣси, Трокахъ,— церквей, интересы которыхъ были близки виленскому братству.

[1]) А. З. Р., IV, № 48, пп. 4 и 5.

[2]) Такъ, еп. Гедеонъ мотивировалъ произнесенную имъ 30 апр. 1586 г. анаѳему на двухъ львовскихъ братчиковъ—Юрія и Ивана Рогатинцевъ тѣмъ, что они «промежку станы духовными также и общими людми многии соблазны якимисе новыми науками.. (и) сомущеніе чинятъ... зачимъ умножается межи невѣжами *ерес* также и васнъ и и небезпеченство здоровя» (Monum. confrat., I, № 86).

группъ людей о томъ, чтобы только духовныя лица заводили и содержали училища. Изъ заявленій послѣдняго рода обращаетъ на себя вниманіе прежде всего инструкція, данная волынскими дворянами своимъ посламъ на варшавскій сеймъ 1607 г. Въ ней читаемъ требованіе, чтобъ на луцкой и владимирской каѳедрахъ сидѣли православные владыки и чтобы они завели семинаріи, въ которыхъ бы училось и имѣло содержаніе по меньшей мѣрѣ двадцать шляхетскихъ дѣтей и изъ которыхъ бы выходили достойные служители церкви. Волынскіе дворяне желали при этомъ, чтобы это требованіе вносилось въ каждый привилей, даваемый на епископство новому лицу. Чрезъ два года они же опять наказывали посламъ—добившись поставленія православныхъ владыкъ въ Луцкѣ и другихъ мѣстахъ, требовать, чтобы митрополитъ, владыки и (кіево-)печерскій архимандритъ, согласно съ своимъ обѣщаніемъ, устроили семинарію для образованія бѣдныхъ шляхетскихъ дѣтей [1]). Затѣмъ, авторы извѣстнаго „Совѣтованія о благочестіи“ разсуждая о способахъ сохраненія и распространенія на Руси вѣры и догматовъ православныхъ, возлагали заботу объ этомъ на епископовъ, которымъ поручали не только „школы фундовати по местахъ“ (въ городахъ), но и самыя братства. Они же должны были заботиться о возвращеніи впавшихъ въ иновѣріе православныхъ, если уже нельзя „обращать въ православіе самихъ папежниковъ и исчадіе ихъ, т. е. аріанъ, евангеликовъ и лютеранъ“; имъ же должны принадлежать и цензура книгъ и надзоръ за типографіями. Въ епископы, въ виду повышенныхъ требованій отъ нихъ, предлагалось потому ставить не „неучей, незнающихъ священнаго писанія и колеблющихся въ вѣрѣ, но людей книжныхъ, исполненныхъ духовной мудрости и пріобрѣвшихъ (доброе) свидѣтельство о своей жизни“ [2]). Весьма возможно, что подъ вліяніемъ такого рода заявленій, при возстановленіи іерархіи въ 1621 г. обращено было вниманіе на выборъ лицъ съ высокимъ образовательнымъ и нравственнымъ цензомъ, каковы: Іовъ Борецкій, бывшій ректоръ львовской и кіевской братскихъ школъ, Мелетій Смотрицкій, воспитанникъ виленской и нѣсколькихъ заграничныхъ академій, Іезекіиль Курцевичъ, потомокъ древнихъ русскихъ князей, слушавшій курсы въ Падуѣ [3]), Исаія Копинскій, строитель монастырей и мужъ святой жизни. Съ другой

---

[1]) Арх. Ю.-З. Р., ч. II, т. I, стр. 75, 92.

[2]) §§ 12, 15, 16, 19, 23 (И. К. К., I, 237 и слѣд.). Цензура у насъ существовала и до этого, хотя и не была обязательной. Такъ, Іовъ Княгиницкій въ 1619 г. совѣтовалъ Кириллу Транквилліону отдать въ печать свое «Зерцало Богословіи» не раньше, какъ оно «изслѣдуется учеными и учтшими писанія книгъ отеческихъ» (*Голубевъ*, Петръ Могила, прилож., стр. 224). См. также оглавленіе Палинодіи, которая «за благословеніемъ старшихъ, чрезъ архимандрита Захарію Копистенского написана и въ ревизіею учителей выдана а подъ разсудокъ поддана святыхъ Всходныхъ патріарховъ», въ 1621 г. (П. П. Л., I, 313).

[3]) Archiwum dla dziejów oświaty i literatury w Polsce, VI, 39. Въ спискѣ студентовъ, пользовавшихся польской библіотекой, стоитъ такая подпись: «Іеромонахъ Іезехиель Курцевичъ рукою власною» (1616 г. 13 іюля).

стороны, сами братства, вообще далекія отъ мысли совершенно устранить духовенство отъ участія въ церковныхъ дѣлахъ [1]), благоразумно предоставляютъ завѣдываніе школьной и издательской сторонами своей дѣятельности преимущественно духовнымъ своимъ членамъ,—настоятелямъ и братіи открытыхъ ими монастырей. Такъ было во Львовѣ, Вильнѣ, Луцкѣ, гдѣ игумены были ректорами братскихъ училищъ. Отсюда естественнымъ является переходъ и къ тому порядку вещей, какой представляла кіево-могилянская коллегія, возникшая въ самомъ концѣ нашего періода, въ которой, какъ и въ гойской, всѣ преподаватели были монахами или священниками [2]).

Исторія нашихъ школъ за избранное нами время кончилась не такъ счастливо, какъ началась, въ виду перемѣны отношеній къ нимъ польскаго правительства: если Сигизмундъ III въ началѣ своего правленія охотно давалъ привилеи на открытіе братствъ и школъ съ довольно широкими программами, то впослѣдствіи добиться ихъ становилось все труднѣе. Мало того. Существовавшія православныя школы стали переходить въ руки уніатовъ, покровительствуемыхъ королемъ. И хотя православные депутаты на сеймахъ жаловались на эти и другія стѣсненія, чинимыя имъ, на ихъ заявленія вниманія не обращалось. По смерти Сигизмунда III на конвокаціонномъ сеймѣ, въ іюлѣ 1632 г., вновь и болѣе рѣшительно, чѣмъ раньше, поднятъ былъ диссидентами вопросъ о свободѣ какъ вообще религіозныхъ отправленій ихъ, такъ въ частности—просвѣтительныхъ ихъ стремленій, а также о возвращеніи православнымъ отнятыхъ уніатами училищъ [3]). Назначенная для выработки условій соглашенія уніатовъ съ православными коммиссія внесла въ число ихъ и параграфъ о предоставленіи православнымъ права строить и содержать школы и семинаріи [4]). Этотъ параграфъ вошелъ и въ составленныя на избирательномъ сеймѣ и подписанныя новымъ королемъ Владиславомъ IV-мъ въ ноябрѣ 1632 года „Статьи для успокоенія народа русскаго греческой религіи, живущаго въ царствѣ польскомъ и великомъ княжествѣ литовскомъ“ [5]), а также въ дипломъ короля отъ 14 марта 1633 г. [6]).

---

[1]) Какъ смотрѣли братства на взаимныя права духовенства и мірянъ въ церкви, даетъ видѣть «Постановенье порядное», составленное въ 1624 г. луцкимъ братствомъ: «Ани свѣтскии бездуховныхъ, ани духовныи безъ свѣтскихъ въ услугованю збавеня людского досконале и достатечне потребными быти не могутъ»... (П. К. К., I, стр. 57).

[2]) Лиюсъ, Арх. Ю.-З. Р., I, IX, 377.

[3]) *Голубевъ*, Петръ Могила, прил., стр. 409. 410 (id. Pamiętniki Albrychta Stan. Radiwiłła, I, 25).

[4]) Ibid., 425, 426. *М. Макарій*, XI, 432.

[5]) Liberum exercitium Religionis et ss. Sacramentorum administratio, ecclesiarum reparatio, et de novo erectio cum expresso consensu sacrae Regiae Majestatis, sed et xenodochiorum, seminariorum, scholarum, typographiarum, accessusque liber ad civiles magistratus in unione non existentibus in omnibus civitatibus et oppidis Reipublicae datur (*Theiner*, Vetera monumenta Poloniae et Lithuaniae, III, № 336; id. *Pelesz*, Geschichte der Union, II, 194. На польскомъ языкѣ: Supplem., № 67. Арх. Ю.-З. Р., II, I. № 18. Akta Lwowskie, I, № 39. На русскомъ: *Бантышъ-Каменскій*, о. с., 95 и слѣд., въ прим. *М. Макарій*, XI, 436).

[6]) Supplem, № 69; Арх. Ю.-З. Р., II, I, № 20; Вит. стар., V, I, № 88.

Перейдемъ теперь къ изложенію исторіи каждой братской школы въ отдѣльности; прежде скажемъ о болѣе значительныхъ изъ нихъ, а послѣ о меньшихъ, въ концѣ же главы перечислимъ небратскія школы, большинство которыхъ явилось подъ вліяніемъ просвѣтительной дѣятельности братствъ.

Львовская школа.

Львовская школа была первой братской школой, и по времени учрежденія (быть можетъ, ранѣе ея появилась только виленская), и по богатству научныхъ средствъ, и по составу „дидаскаловъ“, которыми она снабжала многія другія школы. Значеніе львовской школы среди другихъ братскихъ училищъ вполнѣ соотвѣтствовало положенію самого братства въ отношеніи къ другимъ братствамъ,—она была какъ-бы метрополіей по отношенію къ своимъ колоніямъ.

Основаніе львовской школы должно ставить въ связь вообще съ измѣненіемъ программы самого братства. Галицкое православное общество ранѣе другихъ западноруссовъ почувствовало всю тяжесть религіознаго и политическаго гнета и всю опасность деморализаціи самой православной іерархіи. Извѣстно посланіе галицко-русскаго дворянства къ митр. Онисифору Дѣвочкѣ съ жалобами на допущенные послѣднимъ безпорядки въ церковной жизни и съ просьбой защитить единовѣрцевъ отъ католиковъ, іезуитовъ и жидовъ (14 февр. 1585 г.) [1]). Неудивительно, что и мѣщане Львова, этого передового пункта въ борьбѣ двухъ народностей и двухъ культуръ—польской и русской, ранѣе другихъ почувствовали потребность въ просвѣщеніи и прежде всего—для удовлетворенія религіозныхъ вопросовъ, поднимавшихся при столкновеніи съ иновѣріемъ. Но нужда въ школѣ, наукахъ и типографіи чувствовалась и какъ „посполитая (общественная) потреба“; львовяне сознали, что безъ нихъ народъ является какъ бы безсловеснымъ, что наука составляетъ потребность для дѣтей „всякаго стану“, что ею укрѣпляется не только православіе, но и національность [2]).

Безъ сомнѣнія, на возбужденіе въ православныхъ жителяхъ Львова желанія имѣть свое училище повліяло какъ вѣковое существованіе въ городѣ римско-католической каѳедральной школы, такъ и обнаружившееся въ послѣднее время стѣсненіе въ правѣ пользованія ею. Что магистратъ города, состоявшій на половину изъ католиковъ, запрещалъ православнымъ горожанамъ опредѣлять въ эту школу своихъ дѣтей, это открывается изъ просьбы православныхъ львовянъ объ уравненіи ихъ въ правахъ съ католиками и, въ частности, въ правѣ учиться въ школахъ. И Сигизмундъ Августъ, исполняя ихъ просьбу, своей грамотой отъ 20 мая 1572 г. позволилъ имъ отдавать сыновей своихъ въ школы и гимназіи какъ Львова, такъ и другихъ городовъ королевства, для изу-

---

[1]) А. З. Р., III, № 146.

[2]) А. З. Р., III, № 157 (id. Временникъ института ставроп., 1871 г., Акты, № 8).

ченія свободныхъ наукъ; причемъ король грозилъ штрафомъ въ 20 т. золотыхъ (венгерскихъ) тѣмъ, кто сталъ бы противиться этому. Несмотря на подтвержденіе грамоты королями Генрихомъ (13 апрѣля 1574 г.) и Стефаномъ (26 марта 1577 г.), львовскія городскія власти попрежнему продолжали препятствовать православнымъ обывателямъ изучать свободныя науки въ своей школѣ, какъ это усматривается изъ грамоты Стефана Баторія отъ 21 іюня 1578 года [1]).

Когда львовскіе православные граждане самымъ недоброжелательствомъ католиковъ вынуждены были поставить для себя вопросъ о средствахъ образованія, имъ представился случай обзавестись типографіей. Существовала ли во Львовѣ русская типографія до прибытія сюда діакона Ивана Ѳедорова [2]), утверждать это трудно, такъ какъ до сихъ поръ не найдено ни одного львовскаго изданія древнѣе 1574 г. Скорѣе нужно признать, что „Иванъ Друкарь“ положилъ во Львовѣ начало книгопечатанію. Извѣстно, что онъ недолго работалъ здѣсь послѣ перехода изъ Заблудова, такъ какъ скоро онъ является на службѣ князя Острожскаго. Но въ началѣ 1583 г. видимъ его опять во Львовѣ съ званіемъ типографа ведущимъ переговоры съ какимъ-то Грынемъ Ивановичемъ относительно совмѣстной работы [3]). Но здѣсь онъ „впалъ въ болѣзнь ко смерти“ и вынужденъ заложить свою типографію жидамъ за $1^1/_2$ тысячи злотыхъ. Въ 1585 г. епископъ львовскій Гедеонъ „весполъ съ паны мещаны львовскими“, услышавъ, что какіе то „купчикове“ хотятъ выкупить у жидовъ „оные усѣ матрецы и приправы друкарскіе“ и отправить ихъ въ Москву, пришелъ къ убѣжденію, что отъ этого была бы „шкода (вредъ) не малая церквамъ божіимъ и всему православію“, почему и поспѣшилъ купить типографскія принадлежности, выдавъ жидамъ, по недостатку денегъ, векселя. Такимъ образомъ, братство львовское, руководимое просвѣщеннымъ епископомъ, рѣшило само заняться изданіемъ книгъ „церквамъ божіимъ на потребу и православнымъ христіаномъ ко науцѣ“, и уже 8 ноября 1585 г. братская типографія напечатала посланіе Гедеона ко всему духовенству западнорусскому и всѣмъ православнымъ, излагающее обстоятельства пріобрѣтенія „друкарни“ и приглашающее всѣхъ помочь въ выплатѣ долга жидамъ [4]).

Пріобрѣтеніе братствомъ типографіи навело его на мысль обзавестись и школой, которая служила бы тому же дѣлу просвѣщенія православныхъ. Что, дѣйствительно, между этими двумя явленіями существовала такая связь, это даетъ видѣть слѣдующее мѣсто посланія еп. Гедеона отъ 10 дек. 1586 г.: „мы стараючися о томъ, абы знову

---

[1]) Monum. confr., I, №№ 53, 56, 60, 63 (Ср. *Крыловскій*, Акты, № 27).

[2]) Авторъ статьи: «О славянскихъ типографіяхъ въ Галиціи и Лодомиріи» доказываетъ это на основаніи выраженій Ѳедорова въ предисловіи къ Апостолу 1574 г., что онъ *возобновилъ* здѣсь книгопечатаніе, и королевской привиллегіи 1592 г. объ издавнемъ учрежденіи ея при львовской церкви (et officinae pro excudendis libris ad eandem Ecclesiam *antiquitus* institutae). Ж. М. Н. Пр., 1838, ч. 19, 564.

[3]) Akta Lwowskie, X, № 2219 (id. *Крыловскій*, Акты, № 169).

[4]) Грамота перепечатана у *А. С. Петрушевича*—«Ив. Ѳедоровъ, русскій первопечатникъ», 26—28. (Ср. Временникъ инст. ставр., 1884, 138 стр., и Monum. confr., I, № 79).

наше писма друковане были и абы пры тои друкарнѣ школу грецкую для науки нашего благочестія во градѣ Львовѣ фундовати“ [1])..... Но и тѣ современныя свидѣтельства, которыя, повидимому, ставятъ фактъ пріобрѣтенія типографіи послѣ учрежденія школы, указываютъ въ существѣ дѣла но то, что у львовянъ съ мыслію о типографіи соединялась мысль о школѣ. Такъ, п. Іоакимъ, извѣщая западноруссовъ о намѣреніи львовянъ заложить дома для госпиталя, школы и друкарни, о послѣдной выразился, что они купили ее, какъ къ „той же школѣ потребную“ [2]). Подобнымъ образомъ говоритъ и еп. Іеремія Тиссаровскій въ грамотѣ отъ 3 марта 1609 г.: „Друкарню... въ потребу книгъ церковныхъ и школьныхъ наукъ... выдвигнули“ [3]).

Въ моментъ усилій львовскаго братства, руководимаго епископомъ Гедеономъ Балабаномъ, преобразоваться въ учрежденіе преимущественно просвѣтительнаго характера, въ Львовъ случайно, но очень кстати, прибылъ антіохійскій патріархъ Іоакимъ (1 января 1586 г.). Къ нему то и обратились львовскіе мѣщане съ просьбой утвердить ихъ братство, причемъ, очевидно, представили ему и проектъ устава братскаго. Патріархъ утвердилъ и благословилъ братство и далъ ему первенство и старѣйшинство въ ряду другихъ братствъ, какъ „несовершенно отъ нѣкоихъ епископъ уставленныхъ“ [4]). Хотя въ этой грамотѣ, опредѣлившей юридическое положеніе львовскаго братства и его функціи, п. Іоакимъ ни слова не говоритъ о школѣ и просвѣтительныя задачи братства сводитъ только къ праву „почитати святыя книги ветхаго и новаго закона“ и къ пѣнію священныхъ пѣснопѣній, но это не значитъ, чтобы до пріѣзда патріарха братчики больше ни о чемъ не думали, кромѣ полученія права читать книги. Документально извѣстно, что они уже до пріѣзда п. Іоакима пріобрѣли типографію: можно думать, что они тогда же приступили и къ устройству училища. Подтвердительная грамота п. Іереміи даетъ, повидимому, ту мысль, что п. Іоакимъ нашелъ во Львовѣ какъ братство, такъ и госпиталь и школу. ...„Богохранимаго гражданства Львова благочестивіи панове и ктиторы тамошнего храма всепресвятыя... Дѣвы Маріи... восхотѣша... любовъ юже имѣють къ Господу явити и ко исполненію заповѣдей его желающе и исправити прехвальнаго братства или совершенія и дати боголюбезнымъ во душевну же въ купѣ и тѣлесную ползу... и найпаче же составиша шпиталь и неподвижну обітель учілища в ползу и в сем учителей же и учащихся, въ возраст премудрости наказанія и славы Божія. Вся сія телеснѣ обрѣтъ святѣйшій патріархъ антіохійскій Кіръ Іоакимъ“ [5]) ...

---

[1]) Monum. confr., I, № 89.

[2]) Посланіе п. Іоакима отъ 15 янв. 1586 г. (А. З. Р., Ш. № 157; ср. Юбил. изд., I, № 84 и Monum. confr., I. № 81).

[3]) Науковый сборникъ, 1868,—Акты... № 15.

[4]) Monum. confr., I, № 80 (ср. Diplomata statuaria, № 3; П. К. К., Ш, № 1).

[5]) Дек. 1587 г. Diplomata statuaria, № 7, p. 37: Ἅ πάντα σωματικῶς εὑρέθεις ὁ ἁγιότατος...; ... «y to wszystko cieleśnie wynalazł święty patryarcha» (соврем. польскій переводъ, ibid., p. 94).

Успѣли ли это сдѣлать львовяне въ отношеніи устройства школы до прибытія патріарха Іоакима или нѣтъ—послѣдній не менѣе охотно санкціонировалъ своею властью и это ихъ предпріятіе [1]). Мало того, онъ согласился привлечь къ участію въ немъ все населеніе западной Россіи. Извѣщая послѣднее въ посланіи отъ 15 января 1586 года о намѣреніи львовянъ основать общественную школу греческаго и славянскаго языковъ и заложить домá для шпиталя и друкарни и каменную церковь, патріархъ просилъ помочь имъ въ этихъ богоугодныхъ дѣлахъ, „понеже ненаученія ради, писалъ онъ, умалѣсте всѣхъ благъ, небреженія ради закона Божія“ [2]).

Къ сожалѣнію, новыя права, утвержденныя патріархомъ за братствомъ въ ущербъ епископскимъ правамъ, были причиной того, что съ послѣднимъ разошелся Гедеонъ Балабанъ, бывшій вначалѣ душею просвѣтительныхъ начинаній горожанъ, „за приводомъ“ котораго они и школу заложили и типографію выкупили „для размноженья греческое науки“. Враждебныя отношенія епископа Гедеона къ братству въ той его формѣ, какую утвердилъ за нимъ п. Іоакимъ, обнаружились очень рано, еще въ бытность во Львовѣ патріарха. По свидѣтельству братства, епископъ прямо заявилъ патріарху, что все, что послѣдній постановляетъ, противно (ἐναντία) ему, „такъ какъ, говорилъ онъ, я имѣю отъ короля привиллегію и никто не можетъ противиться мнѣ, ни даже ты, ибо ты не изъ нашей епархіи, но пришлецъ, и все, что ты устроилъ, я уничтожу“ [3]). Возникшія изъ такого источника недоразумѣнія между епископомъ и братствомъ очень скоро выразились въ столь рѣзкой формѣ, какъ двукратное проклятіе послѣдняго Балабаномъ (22 марта и 30 апр. 1586 г.) [4]). Въ виду такихъ отношеній братство должно было

---

[1]) Когда дана эта санкція, неизвѣстно, но можно думать, первáго же января, на что уполномочиваетъ предисловіе къ «Порядку школы» львовской. Но въ виду того, что не сохранилось, повидимому, грамоты патріарха училищу отъ этого числа, мы полагаемъ, что въ этотъ день дано было братству устное благословеніе открыть школу.

[2]) А. З. Р., Ш, № 157. Замѣчательно, что въ то время, какъ п. Іоакимъ и п. Іеремія приписываютъ инициативу учрежденія львовской школы братству, послѣднее многократно заявляетъ, что и само оно, и типографія, и школа устроены по совѣту патріарха Іоакима. Такъ, въ посланіи къ п. Θеолипту 28 мая 1586 г. оно говоритъ: «и совѣтова намъ (п. Іоакимъ) да устроится школа, яже нигдѣ же въ насъ до нынѣ обрѣтается... такожде и друкарню воздвигнути» (Временникъ института ставропійскаго, 1871, «Акты», № 10; ср. предисловіе къ «Порядку школьному» 1588 г. и предисл. къ грамматикѣ 1591 г., а также посланіе къ п. Іереміи 1588 г. (Diplom. stat., № IX, p. 43). Іоакиму же приписываетъ инициативу и м. Михаилъ Рагоза (А. З. Р., IV., № 32). Согласно съ этимъ думаетъ и Зубрицкій (Лѣт. львов. братства, 15). Наше же мнѣніе то, что починъ въ учрежденіи школы принадлежалъ братству, какъ и въ выкупѣ типографіи; и разъ установлено, что послѣднее совершилось еще до прибытія во Львовъ п. Іоакима, то можно думать, что свидѣтельства объ его «совѣтѣ» относительно школы должны имѣть смыслъ не буквальный: именно братство, приписывая п. Іоакиму честь учрежденія училища, хотѣло, во 1-хъ, почтить святителя и, во 2-хъ, защитить его авторитетомъ школу и себя отъ возможныхъ нападковъ со стороны обскурантовъ.

[3]) Письмо братства къ патр. Іереміи, 1588 г. (Dipl. stat., № IX, pp. 43, 44).

[4]) Лѣтоп. львов. братства, 16.

одно заняться и типографіей, которую оно само выкупило у жидовъ [1]), и устройствомъ школы. Но вражда епископа направилась, главнымъ образомъ, на эту сторону его дѣятельности, возбудивъ противъ нея оппозицію и въ прочихъ гражданахъ, и въ мѣстномъ низшемъ духовенствѣ, которое было непріятно задѣто даннымъ братству правомъ обличать его пороки. Оно именно стало „хулить и возбранять ученія, и проклинать учащихся", запрещая вмѣстѣ съ тѣмъ мірянамъ сходиться по праздникамъ для чтенія отеческихъ книгъ. Братство, убѣжденное, что если оно и его просвѣтительныя учрежденія „ни во что вмѣнятся", то всѣ они „во конечное разореніе придутъ",—поспѣшило обратиться за подтвержденіемъ своихъ привиллегій къ вселенскому патріарху. Въ посланіи къ п. Θеолипту (28 мая 1586 г.) братство просило утвердить данный Іоакимомъ чинъ не только для Львова, но и для окрестныхъ городовъ, и дать „благословеніе и укрѣпленіе" школѣ и типографіи, „да заградятся всяка уста противящіяся душеполезному сему хотящему быти строенію". Вмѣстѣ съ тѣмъ оно спрашивало, подобаетъ ли мірянамъ-„ремесленникамъ" сходиться послѣ обѣдни въ праздничные дни для чтенія отеческихъ твореній и какъ имъ думать объ іереяхъ и епископахъ, если они, безчинно живя, „не навидятъ, хулятъ и возбраняютъ ученія и проклинаютъ учащихся, говоря: „яко благословенна всяка душа проста, многіе же книги въ неистовство влагаютъ" [2]). Но разрѣшать сомнѣнія львовскаго братства пришлось не патріарху Θеолипту, а его преемнику Іереміи II, занявшему въ третій разъ константинопольскій престолъ (1586). П. Іоакимъ извѣстилъ его о томъ, что онъ нашелъ и сдѣлалъ въ Львовѣ относительно братства, да и сами братчики обратились къ нему за утвержденіемъ своихъ правъ и устава. П. Іеремія 2 дек. 1587 г. укрѣпилъ братскія привиллегіи и при этомъ съ особеннымъ одобреніемъ отнесся къ просвѣтительнымъ начинаніямъ братства, заповѣдуя хранить „найпаче училища и друкарни, яко душе полезныхъ и спасенныхъ пути". Исходя изъ мысли, что „священныя писанія умудрити могутъ и спасти человѣка" и что поэтому необходимо тщательно изучать ихъ, онъ ставилъ на видъ, что послѣднее можетъ происходить только тогда, когда „христолюбивые" станутъ оказывать учителямъ и лучшимъ и бѣднымъ (πενομενοις) ученикамъ матеріальное пособіе [3]).

---

[1]) *Петрушевичъ*, Иванъ Θедоровъ, 30. Выкупъ этотъ совершился, впрочемъ, не скоро и еще 6 ноября 1589 г. п. Іеремія обращался къ православнымъ западнорусскамъ съ просьбой помогать львовскому братству въ этомъ дѣлѣ (Diplom. stat., № 17; ср. *Крыловскій*, Акты, № 176).

[2]) Времен. инст. ставроп., 1871 г. Акты, № 10.

[3]) Такой именно смыслъ заключается въ греческомъ оригиналѣ и такъ понимала эту фразу редакція Памятниковъ кіевской коммиссіи (III, № 3). Но въ современныхъ документу русскомъ, польскомъ и славянскомъ переводахъ это мѣсто совершенно затемнено (Dipl. stat., № 7, p. 36 и p. 94).—Въ П. К. К. поставленъ 1588 г., что невѣрно, такъ какъ въ декабрѣ 1588 г. п. Іеремія былъ уже въ Москвѣ, между тѣмъ изъ данной грамоты не видно, чтобы она написана была не изъ Константинополя. При томъ же и м. М. Рагоза свидѣтельствуетъ, что п. Іеремія укрѣпилъ братство прежде своего прибытія въ Россію (А. З. Р., IV, № 32. Ср. Чт. въ моск. общ. ист. и древн. росс., 1848, ч. VI, 55, 56).

Между тѣмъ въ львовской школѣ давно уже началось ученіе. Въ іюнѣ 1586 г. счастливая звѣзда привела въ Львовъ Арсенія, архіепископа димоникскаго и елассонскаго, который ѣздилъ въ Москву за милостыней и теперь возвращался домой. Православные жители Львова, быть можетъ, узнавши о нежеланіи его возвращаться въ Турцію, просили его остаться у нихъ для ихъ ободренія въ виду непріязненныхъ отношеній къ нимъ латинянъ [1]). Арсеній согласился и скоро открылъ обученіе „письму греческому и словенскому дѣтей всякаго стану, убогихъ „за прости Богъ", а богатыхъ за рожнымъ даткомъ" (за разнообразное вознагражденіе) [2]). Въ томъ же 1586 г. былъ принятъ братствомъ и другой учитель—„даскалъ Стефанъ", какъ видно изъ дошедшей до насъ первоначальной записи учениковъ львовской школы [3]). Число послѣднихъ на первыхъ порахъ не было велико [4]),—отчасти по новости дѣла и конкуренціи католическихъ школъ, а отчасти вслѣдствіе недоброжелательства еп. Гедеона. Но скоро совершилось его примиреніе (временное) съ братствомъ, что должно было посодѣйствовать успѣхамъ школы, и прежде всего оно отразилось на внутреннемъ благоустроеніи ея. Львовское братство съ самаго начала обладало уставомъ школы на греческомъ языкѣ, составителемъ котораго могъ, слѣдовательно, быть или патріархъ Іоакимъ или архіепископъ Арсеній елассонскій [5]). Въ виду того. что интересы школы требовали, чтобъ уставъ ея былъ извѣстенъ всѣмъ и говорилъ самъ за себя, братство озаботилось переводомъ его на русскій языкъ, причемъ дало ему форму документа, имѣющаго не общій характеръ, а частный, указывающій на принадлежность его львовской школѣ, а не какой другой. Именно оно снабдило его предисловіемъ, въ которомъ заявляло о возникновеніи львовской школы „волею Божіею, совѣтомъ и повелѣніемъ св. Іоакима, патріарха великія Антіохія, и благословеніемъ еп. Гедеона Балабана", при участіи людей всѣхъ сословій,—а также заключеніемъ и датой: 1586 г. 8 октября. Самостоятельность отношенія львовскаго братства къ греческому тексту „Порядка школы" не ограничилась только этимъ:

---

[1]) *А. Дмитріевскій*, Архіепископъ Елассонскій Арсеній (Тр. Кіев. дух. акад., 1898, янв., 14)

[2]) Юбил. изданіе львов. братства, I, № 85. Ср. пред. къ грамматикѣ 1591 г. Въ архивѣ львовской ставропигіи сохранился одинъ документъ, который въ изданіи «Diplomata statuaria» озаглавленъ такъ: «Нѣкій грекъ, убѣгающійся о посаду учителя при новоучрежденной школѣ братской, представляетъ свое искусство или свой способъ едукаційный» (№ 5; id. *Крыловскій*, Акты, № 172). Намъ думается, что этотъ грекъ не кто иной, какъ Арсеній; ниже мы представимъ нѣкоторыя соображенія въ пользу нашего мнѣнія.

[3]) *Крыловскій*, Акты, № 33.

[4]) Если означенный списокъ полонъ, то въ теченіе 1586—1590 гг. въ львовскую школу было принято только 54 человѣка.

[5]) Вѣроятнѣе, что имъ былъ архіеп. Арсеній: п. Іоакимъ, безъ сомнѣнія, обозначилъ бы въ началѣ его свое имя, какъ это дѣлалъ онъ въ другихъ случаяхъ и какъ это было въ обычаѣ у лицъ такого высокаго положенія, между тѣмъ какъ этотъ документъ прямо начинается съ правилъ (Dipl. stat., № 6). Впрочемъ, мы не отрицаемъ этимъ, что настоящими авторами «Порядка» были львовяне и что Арсеній далъ только форму представленному ими содержанію.

братство указало, какими нравственными качествами долженъ обладать „даскалъ“, сдѣлало нѣкоторую перестановку §§-овъ, выпустило форму обязательства лицъ, отдающихъ дѣтей въ школу,—не препятствовать даскалу въ его дѣлѣ, а, напротивъ, помогать, намѣтило порядокъ обученія, указало разговорный языкъ для школьниковъ и рукописные учебники. Очевидно, что оно руководилось уже данными опыта, хотя и кратковременнаго. Было, повидимому, обстоятельнѣйшее сужденіе о всемъ строѣ училищной жизни, но братство не всѣ стороны ея регламентировало уставомъ: „а обычае всея школы и порядки вси, въ семъ листѣ много бы писати“, замѣтило оно. Руководясь этимъ же указаніемъ опыта, братство теперь поручило надзоръ за школой двумъ представителямъ своимъ, которые бы смотрѣли за исполненіемъ правилъ и которые увеличили собою корпорацію школы [1]).

Но кромѣ участія въ обсужденіи вопросовъ о порядкахъ школы, еп. Гедеонъ взялся похлопотать и о матеріальномъ обезпеченіи ея. 10 декабря 1586 г. онъ обратился къ своей паствѣ съ просьбой оказать помощь львовскому братству въ его заботахъ о типографіи и школѣ греческой, „требующихъ немалаго кошту и накладу (расхода)“, и для сбора пожертвованій послалъ нѣкоторыхъ львовскихъ священниковъ [2]). Спустя нѣсколько мѣсяцевъ, именно 1 мая 1587 г., епископъ обратился къ православнымъ съ новой просьбой—„отдѣлить никую часть з маетности (изъ имущества) своихъ“ для славы Божіей, для своего и своихъ дѣтей спасенія: „раскройте, писалъ онъ, ваши душевныя очи и обратите вниманіе на недостаточность своего просвѣщенія и умилосердитесь надъ собою“ [3]). Вмѣстѣ съ тѣмъ священниковъ своей епархіи онъ убѣждалъ оказывать содѣйствіе сборщикамъ пожертвованій и располагать къ нимъ прихожанъ [4]).

---

[1]) Diplomata stauriana, № 6 (ср. греч. текстъ съ русскимъ). Впрочемъ, относительно даты можетъ возникнуть сомнѣніе въ виду того, что ее д-ръ Скобельскій, которому была поручена редакторомъ окончательная свѣрка русскихъ текстовъ—печатныхъ съ рукописными, читаетъ не ѧфпѕ, а ѧфпз (см. 114). Лишенные возможности лично убѣдиться, на чьей сторонѣ больше вѣроятія, мы склоняемся къ первому чтенію, т. е. 1586. Въ началѣ документа упомянуто имя еп. Балабана, что̀ показываетъ, что братство въ этотъ моментъ находилось съ нимъ въ хорошихъ отношеніяхъ. Между тѣмъ изъ другихъ документовъ мы знаемъ, что Гедеонъ послѣ первой ссоры примирился съ братствомъ къ концу 1586 г., а съ октября 1587 г. опять началъ враждебныя дѣйствія. Съ другой стороны, мы можемъ думать, что въ связи съ этими именно измѣненіями устава стояло одобреніе п. Іоакимомъ 16 дек. 1586 г. порядка, заведеннаго въ братской школѣ и типографіи (*М. Макарій*, IX, 415).

[2]) Monum. confr., I, № 89.

[3]) *Петрушевичъ*, о. с., 32, 33 (Здѣсь это окружное посланіе неправильно датируется 1 мая 1586 г.). Юбилейное изданіе львов. братства. I, № 85.

[4]) 3 мая 1587 г. Monum. confr., I, № 91. Предъ тѣмъ, какъ видно изъ этого посланія Гедеона, во Львовѣ былъ созванъ соборъ, на которомъ трактовался вопросъ и о школѣ съ типографіей.

Къ несчастью, согласіе еп. Гедеона со львовскимъ братствомъ продолжалось недолго: въ октябрѣ 1587 г. обнаружился симптомъ имѣющей вновь начаться борьбы между ними, которая теперь продолжалась съ небольшими перерывами около 15 лѣтъ и окончилась только въ 1602 г. [1]), послѣ многочисленныхъ усилій прекратить ее со стороны патріарховъ, митрополита, русскихъ соборовъ, кн. К. К. Острожскаго, молдавскихъ господарей. Борьба эта была какъ бы фономъ, на которомъ рисуется дальнѣйшая исторія и самого братства и братской школы. Въ ней оспаривались епископомъ и защищались братствомъ всѣ права послѣдняго, такъ какъ въ нихъ епископъ видѣлъ стремленіе мірянъ подорвать его привиллегіи, умалить его честь [2]). Епископъ особенно стоялъ за свой авторитетъ, какъ церковнаго учителя. Самъ Гедеонъ былъ человѣкъ довольно образованный [3]), что было извѣстно и другимъ владыкамъ, которые на одномъ изъ брестскихъ соборовъ поручили ему исправленіе богослужебныхъ книгъ [4]). Онъ, конечно, ничего не могъ имѣть противъ школы и типографіи: самъ же онъ побуждалъ львовянъ обзавестись послѣдней [5]); послѣ онъ на свои средства устроилъ въ родовомъ имѣніи Стрятинѣ и училище и типографію. Если онъ и преслѣдовалъ просвѣтительныя начинанія братства, то вооружался собственно противъ стремленія мірянъ учить безъ согласія и вѣдома епархіальной власти. Но въ пылу борьбы онъ часто переходилъ границы и дѣйствовалъ такъ, что, казалось, онъ не могъ допустить и мысли, чтобъ мірянинъ имѣлъ какое-нибудь отношеніе къ наукѣ или книгѣ, и такимъ мнѣніемъ проникались его родственники и слуги. Такъ, Васко Балабанъ, напавши въ концѣ октября 1587 г. на солиднѣйшаго и образованнѣйшаго члена братства Юрія Рогатинца, побои совопровождалъ словами: „такъ какъ ты пишешь и читаешь священныя книги, что прилично духовному лицу, а не тебѣ, то и справедливо, чтобъ ты за имя Христа терпѣлъ мученическія пытки“. А въ Гологурахъ и самъ епископъ высказалъ подобное убѣжденіе. Когда гологурскіе мѣщане просили Гедеона поучить ихъ христіанской вѣрѣ и братскому порядку, какой они приняли отъ львовянъ, владыка назвалъ львовскій чинъ еретическимъ, „а о наукѣ, добавилъ онъ, не годится вамъ, простымъ людямъ, спрашивать“. Когда же одинъ изъ нихъ, Васко Бабичъ, возразилъ, что ап. Павелъ повелѣваетъ учиться, разсерженный Балабанъ, воскликнувъ: „стану я учить тебя, хлопа, только что вылѣзшаго изъ навоза! Что тебѣ до Писанія (do Piśma)?“, приказалъ бить его. Сообразно съ этимъ Балабанъ преслѣдовалъ всѣ проявленія умственной, книжной дѣятельности, какія только ни совершались по иниціативѣ ненавистнаго ему братства: гналъ онъ братскаго типографа—чернца Мину, діакона Игнатія—проповѣдника, мальчика, переписывав-

---

[1]) А. З. Р., IV, № 157.

[2]) П. К. К., Ш, № 7. Monum. confr., I, № 105.

[3]) Думаютъ даже, что онъ учился въ краковской академіи (см. статью о Гедеонѣ Балабанѣ А—скаго въ Вѣстникѣ западной Россіи, 1864, кн. I (іюль), стр. 1, прим. 2, и въ Наук. сборникѣ за 1867 г.

[4]) Пред. къ Стрятинскому требнику 1606 г.

[5]) Юбил. изд., I, № 85.

шаго Рогатинцамъ творенія св. отцовъ, и даже запрещалъ читать книги [1]). На этомъ же основаніи онъ преслѣдовалъ и братскую школу.

Братство, справедливо опасаясь за самое существованіе своего училища при такъ обострившихся отношеніяхъ своихъ къ епископу, искало помощи не только въ солидарности своихъ членовъ, но и на сторонѣ, и прежде всего обратилось въ маѣ—іюнѣ 1588 г. къ патріарху Іереміи, который тогда находился въ предѣлахъ западной Россіи [2]). Просвѣщенный святитель, дѣйствительно, утвердилъ школу [3]), а когда при его возвращеніи изъ Москвы братство опять жаловалось на Гедеона, который запрещалъ учиться и учить въ школѣ, Іеремія осудилъ поведеніе епископа и выдалъ братству въ ноябрѣ 1589 г. грамоту, которая подтверждала грамоту, данную имъ 1 декабря 1587 г., и которая раскрыла вмѣстѣ съ тѣмъ просвѣтительныя права и обязанности братства. Такъ, вторымъ пунктомъ ея патріархъ заповѣдалъ—„не быти другому училищу общему въ мѣстѣ Львовѣ, кромѣ самаго единаго училища братскаго успенія пречистыя Богородица и во ономъ толко самом учити дѣтей благочестивыхъ и православныхъ христіанъ божественнаго и священнаго писанія, словенскаго же и еллинскаго. По времени обрѣтаемыхъ добродѣтелныхъ и благочестивыхъ даскаловъ. Аще же будетъ мѣти кто даскала, толко своихъ дѣтей будетъ ему волно учити, но не иныхъ,

---

[1]) Monum. confr., I, №№ 93. 99. 265.

[2]) Dipl. stat., № 9. Братство здѣсь проситъ даже какъ будто о возстановленіи школы: το σκολαστήριον σύστησον.

[3]) На это указываетъ фраза въ предисловіи къ «Порядку школы»:—«совершеніемъ (ж·) и утвержденіемъ вселенскаго патріархи Іереміи, архіепископа Константинополя Новаго Рима и всего Θрону великия церкве Конст--льскія, рок: ѧ̃ ф̃ п̃ и̃» (Dipl. stat., p. 30). Этотъ «Порядокъ», представляющій третью редакцію устава львовской школы, былъ утвержденъ п. Іереміею не въ 1588 г., какъ заключаютъ нѣкоторые на основаніи этой фразы (она, взятая въ контекстѣ, говоритъ только объ училищѣ, а не объ уставѣ), а нѣсколько позднѣе—30 іюня 1592 г. Съ такой именно датой и съ греческими подписями п. Іереміи, терновскаго архіепископа Діонисія и архіепископа Аѳоима онъ занесенъ былъ въ «Альбумъ Института ставропигійскаго» Θ. Кассанидой, дидаскаломъ и братскимъ игуменомъ, въ 1602 г. (Dipl. stat., praef., p. X; cf. p. 130—факсимиле Кассаниды). Что до текста третьей редакціи, то съ формальной стороны онъ представляетъ ту особенность, что имя еп. Гедеона замѣнено въ предисловіи именемъ п. Іереміи, затѣмъ, послѣ перечисленія нравственныхъ качествъ дидаскала, рѣчь идетъ о двухъ школьныхъ старшихъ (что прежде стояло въ самомъ концѣ), пропущенъ §, говорящій о порядкѣ преподаванія и объ языкахъ, и, наконецъ, дано новое заключеніе, трактующее о страшномъ судѣ Христовомъ, въ виду котораго «лучше есть куповати.. премудрости воду живу», чѣмъ золото, серебро и пр. Со стороны содержанія новая редакція представляетъ мало перемѣнъ. Опредѣлены точнѣе обязанности школьныхъ старшихъ, прибавлены условія взятія ученика изъ школы, сдѣлано упоминаніе о платѣ за ученіе, указаны опредѣленно нѣкоторые предметы обученія (грамматика, риторика, діалектика, музыка). Третья редакція Устава, кромѣ Dipl. stat., напечатана Я. Θ. Головацкимъ еще въ 1863 г. отдѣльной брошюркой подъ заглавіемъ: «Порядокъ школьный или уставъ ставропигійской школы въ Львовѣ 1586 г.», а также въ Галичанинѣ и въ Вѣстн. Зап. Рос., 1863, мартъ. Изъ послѣдняго журнала «Порядокъ» перепечатанъ въ А. Ю. и З. Р., II, № 154, гдѣ, какъ и въ Вѣстникѣ, поставленъ 1584 г. вмѣсто 1588 г.

такъже и всякій отъ священниковъ да учитъ единаго или двох дѣтий для послуги, но не более (ибо это послужило бы) ко уничижению и прешкодѣ (вреду) общее школѣ". 3-мъ пунктомъ грамоты п. Іеремія предоставилъ братству право печатать невозбранно, хотя и „з великымъ опатренемъ", не только богослужебныя книги, сборники, въ родѣ Метафрастовъ, Торжественниковъ [1]), лѣтописи и хроники, „и прочая книгы богослововъ церкви нашея Христовы", но (и) „училищу потребные и нужные, сирѣчь грамматику, пѣитику, реторику [2]) и философію. Наконецъ, рекомендовалъ братству и всѣмъ христіанамъ оказывать частую помощь „дѣтемъ хотящимъ учитися свящ. писанія нищимъ" (п. 4) [3]). Тогда же патріархъ написалъ письмо кн. Острожскому съ просьбой помирить львовское братство съ Гедеономъ и оказать братской школѣ помощь не только словомъ, но и дѣломъ. О послѣднемъ онъ просилъ и Константина Корнякта, одного изъ видныхъ членовъ львовскаго братства, выставляя ему на видъ, что милостыня, оказанная для науки, превосходитъ всѣ другія добрыя дѣла [4]).

Однако и авторитетъ патріарха не могъ остановить еп. Гедеона, хотя онъ самъ подписался подъ ноябрьской грамотой [5]): онъ продолжалъ тѣснить львовское братство и его училище. Тогда братство прибѣгло подъ защиту митрополита Рагозы, благоволеніемъ котораго оно еще раньше заручилось, поздравивъ его съ полученіемъ митрополичьей каѳедры и испросивши себѣ его благословеніе. Братство могло надѣяться, что и къ школѣ онъ станетъ относиться покровительственно, такъ какъ самъ въ отвѣтномъ посланіи (7 декабря 1589 г.) высказалъ пожеланіе, „абы во вѣки вѣчистые благовѣріемъ (его) и пильностью (усердіемъ) науки с писма греческого и словенского" процвѣтали [6]). Дѣйствительно, въ письмѣ къ еп Гедеону, 29 дек. 1589 г., митрополитъ сталъ рѣшительно на сторону братства. Возблагодаривъ Бога, что въ лицѣ братства „таковое просіяваніе и свѣтило въ законѣ нашомъ является и таковыи чинъ и благолѣпіе яко свѣтило веліе въ законѣ нашомъ святомъ сказуется", Михаилъ Рагоза призналъ за нимъ, согласно съ патріаршей ноябрьской грамотой, авторитетность и всѣ права школьнаго учительства. Митрополитъ убѣждалъ Гедеона помогать братству въ этомъ и возбранить

---

[1]) Въ Dipl. stat.—Торжники, греч. πανηγυρικά.

[2]) Въ соврем. польскомъ переводѣ между піитикой и риторикой вставлена діалектика (Dipl. stat., p. 99).

[3]) Dipl. stat., № 16 (id. П. К. К., Ш, № 5).

[4]) Юбил. изд., I, № 117. Monum confr., I, № 132. Dipl. stat., № 13 и стр. 96.

[5]) Интересно, что Гедеонъ Балабанъ подписывался какъ подъ патріаршими грамотами, такъ и подъ соборными опредѣленіями, направленными противъ него, и—продолжалъ воевать съ братствомъ.

[6]) Monum confr., I, № 138. Самъ Рагоза не получилъ школьнаго образованія. Въ письмѣ къ Скумину онъ говоритъ о себѣ, что не знаетъ латинскаго языка (А. З. Р., IV, № 80), а еп. Гедеонъ Балабанъ публично о немъ отзывался, что онъ «невѣдущъ св. богодухновенныхъ писаній, ниже каноновъ, ниже Маргарита прочитающе, ниже Бесѣдъ св. Іоанна Златоустаго» (А. З. Р., IV, № 33, г).

всѣмъ другимъ „приносить“ ученіе, ибо до него, митрополита, дошли слухи, что во Львовѣ „нѣкіе не искусные въ вѣры суще и закону божему неумѣлые зо оплотковъ (изъ-за заборовъ, плетней) нѣкихъ дидаскалы являются и развращеніе и не съгласныи ученія по апостолу проповѣдуютъ“ [1]). Затѣмъ, 7 января 1590 г., митрополитъ Михаилъ въ отвѣтъ на сообщеніе львовянъ о благословеніи п. Іереміей ихъ братства, школы и типографіи, предоставилъ имъ право имѣть при соборной церкви школу „писма греческого и словенского“ и въ ней „науки дѣткамъ размножати“, причемъ запрещалъ существованіе другихъ школъ во Львовѣ, въ городѣ ли то или на предмѣстьи [2]). Послѣ того, на брестскимъ соборѣ 1590 г. митрополитъ отлучилъ отъ церкви нѣсколькихъ львовскихъ мѣщанъ за противодѣйствіе просвѣтительной дѣятельности братства. „Маемъ вѣдомость,—такъ мотивировалъ Рагоза эту мѣру въ своей клятвенной грамотѣ,—ижъ вы соединившися зъ епископомъ львовскимъ, тамошнему братству львовскому храму Пречистыя Богоматере повазнилися (возстали) на нихъ самыхъ и на школное ихъ ученіе, будучи противни непомалу книгамъ святымъ распространенію и слова Божого проповѣди священнического ученья, и много стропотныхъ словъ съ козногласіемъ отъ хульного наученія въ единомыслiи злѣ ревнующи, и глаголющи на братство тамошнее всяко неправду, причитаючи имъ нѣшто въ несовершенной науцѣ пустошного и растлѣнного и малопотребного отъ нихъ ученія, запрещающи своимъ злымъ наукомъ до нихъ приходити, граматыческого, діалектического и риторического ученія и церковного согласія научатися, многимъ людемъ до ихъ соборноѣ школы“ [3]). Этотъ же соборъ, осуждая попытку епископа Гедеона отнять у мѣщанъ онуфріевскій монастырь, ктиторами котораго они издавна были, самый этотъ монастырь обратилъ „въ потребу братского благочестиваго ихъ строенія и школнаго ихъ общего ученія въ распространеніе, и нищихъ школьныхъ милости требующихъ учащихъся въ прокормленіе и друкарскихъ книжныхъ сосудовъ на сохраненіе. и всѣмъ христіанскимъ благочестивымъ ихъ строенія дѣламъ въ потребу“ [4]). Затѣмъ, въ бытность свою во Львовѣ въ январѣ 1591 г. Рагоза издалъ опять нѣсколько грамотъ въ пользу братства и независимости его просвѣтительныхъ учрежденій отъ епископа:

---

[1]) Monum. confr., I, № 140 (id. *Крыловскій*, Акты, № 35).

[2]) Monum. confr., I, № 142.

[3]) А. З. Р., IV, № 24.

[4]) П. К. К., Ш, № 6 (id. Науковый сборникъ, 1868, Акты, № 12). При онуфріевскомъ монастырѣ у львовскаго братства существовала особая школа, въ которой дѣти воспитывались «wodług porządków bratskiey szkoły» (Жалоба братчиковъ и онуфріевскаго игумена на слугъ епископа, избившихъ 1 іюля 1590 г. учениковъ этой школы,— Monum. confr., I, № 149; id. *Крыловскій*, Акты, № 37). Впослѣдствіи (въ 1604 г.) братство такъ опредѣлило отношеніе ея учителя къ главной школѣ: «Діака такъ же хочемъ за залиценьемъ (рекомендаціей) ректоровымъ, школы нашое мѣстское и за поданьемъ братскимъ до монастыря пріимовати», и онъ «въ порядку школьномъ нахиляючися (приближаясь къ) школѣ старшой мѣстской нѣчого своевольне починати не маетъ» (Наук. сборн., 1868, Акты, № 19).

„школного ученія, говорилось въ одной изъ нихъ, сами братство маютъ съ милостью доглядати, друкарню справовати и въ ней науки школные, и св. книгъ писанія работою друкарскою размножати“, а еп. Гедеону вновь внушалось не „сопротивлятися братству, учителю и школной науцѣ и друкарни“ [1]). Тѣмъ не менѣе, братство и на этотъ разъ не избавилось совершенно отъ непріятностей. Когда спустя нѣсколько мѣсяцевъ оно выпустило въ свѣтъ печатную греко-славянскую грамматику, послѣдняя встрѣтила такое „облыганіе“ отъ нѣкоторыхъ, что братство жаловалось въ Константинополь, и п. Іеремія въ сзоей грамотѣ отъ 17 мая 1591 г. долженъ былъ пригрозить „страшнымъ запрещеніемъ неразрѣшнымъ, явѣ яко и отлученіемъ“ тѣмъ, кто станетъ противиться „сему общеполезному дѣлу“ [2]).

Успѣхъ братской школы тормозился, кромѣ вражды мѣстнаго епископа, также конкуренціей другихъ львовскихъ училищъ. Не знаемъ, когда послѣднія получили начало,—современны ли онѣ православію во Львовѣ или появились только въ послѣднее время, подъ вліяніемъ охватившаго Русь умственнаго оживленія, но только онѣ упорно отстаивали право на свое существованіе. Извѣстныя постановленія соборовъ 1590 и 1591 гг. о томъ, чтобъ въ Львовѣ была одна только „соборнѣйшая“ братская школа, проведены по иниціативѣ не іерарховъ, а львовскаго братства, которое усиленно стремилось централизовать въ своихъ рукахъ образованіе православныхъ горожанъ. Что починъ въ этомъ дѣлѣ исходилъ отъ братчиковъ, видно какъ изъ цитованныхъ уже писемъ м. Михаила Рагозы къ еп. Гедеону и самому братству (29 дек. 1589 г. и 7 янв. 1590) [3]), такъ и изъ упрековъ братства Гедеону, что онъ не исполнилъ своего обѣщанія, даннаго на брестскомъ соборѣ (1591),—всѣ незначительныя школки соединить въ одну, каковое его обѣщаніе мотивировалось его желаніемъ дать „правдивыя науки душамъ людскимъ“ [4]). Это же подтверждается и просьбой, предъявленной королю въ 1593 г. православными жителями Львова,—чтобъ въ ихъ городѣ не было никакой другой русской школы, кромѣ общей (pospolitego zebrania) школы при церкви, и чтобъ только въ ней можно было учить по гречески и по славянски и чтобъ ни при какой другой церкви и въ домахъ не учили дѣтей—ко пренебреженію и вреду общей братской школы [5]). Безъ сомнѣнія, львовяне главнымъ образомъ поддержали и требованіе виленскихъ депутатовъ на соборѣ 1594 г. [6]). Нельзя однако думать, что львовскіе

---

[1]) Monum. confr., I, №№ 169, 170 и 172. (id. Наук. сборн., 1868, Акты, №№ 13, 14 и 14).

[2]) А. Ю. и З. Р., II, № 159.

[3]) Monum. confr., I, №№ 140. 142.

[4]) Ibid., № 266.

[5]) Monum. confr, I, № 300. Г. Шараневичъ относитъ эту просьбу къ 1592 г. (Patryarchat wschodni wobec kościoła ruskiego i Rzpltej Polskiej—Rozprawy i sprawozdania z posiedzeń Wydziału hist.—filologicz. Akademij Umiejętności w Krakowie, VIII, 292, прим. I).

[6]) А. З. Р., IV, № 48.

братчики руководились при этомъ своекорыстными побужденіями или только ими. Монополія образованія была тогда въ ходу (вспомнимъ усилія краковской академіи и львовскаго магистрата не допустить іезуитовъ въ Краковъ и Львовъ) и она естественно должна была отразиться и на стремленіи львовскаго братства. При этомъ братство руководствовалось и другими соображеніями. Организовавшись и дѣйствуя по побужденіямъ самымъ чистымъ и искреннимъ—на защиту вѣры, братство полагало, что въ немъ одномъ и заключались всѣ средства спасенія [1]). Ему казалось, что только его школа можетъ предлагать дѣтямъ „правдивую науку", а что другіе, частные учителя, будучи неискусными въ вѣрѣ, „проповѣдуютъ только развращенія и несогласныя ученія".

Понятно, что львовскому братству для того, чтобъ уничтожить всякую конкуренцію, нужно было не только пользоваться внѣшними средствами, но и прибѣгнуть къ внутреннему улучшенію въ своемъ училищѣ, тѣмъ болѣе, что это требовалось и самыми обстоятельствами происхожденія его. Братство, дѣйствительно, обратило вниманіе на эту сторону дѣла, а счастливый выборъ перваго руководителя школы позволилъ сразу поставить ее на высоту предъявленныхъ къ ней требованій. Школа имѣла быть греко-славянской—и чрезъ два года ученики ея уже приступили къ переводу на славянскій языкъ составленной архіеп. Арсеніемъ греческой грамматики, начало которой было въ 1588 г. напечатано и отправлено виленскому братству, очевидно, для отзыва [2]). Такіе успѣхи воспитанниковъ въ греческомъ языкѣ позволяли братству расчитывать получить скоро своихъ учителей, которые бы могли замѣнить Арсенія, и оно, повидимому, не сдѣлало никакихъ попытокъ удержать его у себя, когда онъ въ маѣ 1588 г. собрался въ Замостье къ п. Іереміи, чтобъ затѣмъ вмѣстѣ съ нимъ ѣхать въ Москву [3]). Тѣмъ менѣе оно дорожило теперь Арсеніемъ, что въ наличности у него имѣлся недурной знатокъ греческаго языка (хотя учившійся не въ братской школѣ)—Кириллъ Транквилліонъ который въ ноябрѣ 1589 г. говорилъ на немъ въ Тарнополѣ рѣчь предъ патріархомъ въ защиту братства [4]). И послѣ того знаніе греческаго

---

[1]) Львовяне писали 7 сент. 1592 г. п. Іереміи, что если онъ не отмѣнитъ своего распоряженія о подчиненіи братства еп. Гедеону, то «зѣло вси вознегодуютъ и розыйдутся во своя заблужденія, и въ различныхъ ересехъ въ конецъ погибнутъ претыканія ради и соблазны церковныя». Мы трудимся, говорили они, не себя ради, но ради соблюденія церкви, хотя мы могли бы имѣть безпечальное житіе въ другихъ городахъ (А. З. Р., IV, № 33, II).

[2]) А. З. Р., IV, № 4.

[3]) Въ своемъ описаніи путешествія въ Москву самъ архіепископъ Арсеній ни слова не говоритъ объ этомъ (Σάθα, Βιογραφικὸν σχεδίασμα περὶ τοῦ πατριάρχου Ἱερεμίου Β' 1870). Παράρτημα, σ. 35).

[4]) Лѣтоп. львов. братства, 22. 60. Въ грамотѣ п. Іереміи, данной братству въ ноябрѣ 1589 г., есть одна фраза, которая можетъ наводить на мысль, что послѣ ухода Арсенія преподаваніе греческаго языка въ львовской школѣ прекратилось: «учити дѣтей... священнаго писанія словенскаго же и еллинскаго; по времени обрѣтаемыхъ добродѣтелныхъ и благочестивыхъ даскаловъ» (П. К. К., Ш, № 5)... Но на самомъ дѣлѣ ею патріархъ хотѣлъ только сказать, чтобъ учителями были люди ученые и добродѣ-

языка не уменьшилось во львовской школѣ. Ученики ея не только переводятъ съ греческаго языка патріаршія грамоты [1]), но сами пишутъ по гречески, не только прозой, но и стихами. Такъ, на этомъ языкѣ написаны „предословіе отъ малыхъ“ и привѣтъ перваго хора въ „Просфонимѣ“, напечатанной по случаю прибытія м. Михаила Рагозы во Львовъ 17 янв. 1591 года [2]).

Для львовскаго братства митрополитъ Михаилъ былъ желаннымъ гостемъ, какъ давній благодѣтель и благожелатель его, и оно къ торжественной встрѣчѣ его привлекло и школу. Ученики привѣтствовали митрополита стихами и прозой прежде всего въ церкви, предъ народомъ. На другой же день они привѣтствовали его въ самомъ училищѣ, которое посѣтилъ Рагоза. Здѣсь, въ частности, вознесли „къ нему моленіе“ „нищебѣдные“—о томъ, чтобъ граждане не запрещали имъ просить милостыню (.... „не боронили толчи въ свои пороги, алчуще просити, поневажъ есмы убоги“) [3]). Это посѣщеніе Львова митрополитомъ важно для исторіи мѣстной братской школы и въ томъ отношеніи, что, какъ теперь оказалось, она къ этому времени достигла значенія православнаго духовнаго училища, воспитанники котораго не только сами утверждались въ вѣрѣ, но могли и другихъ укрѣплять въ ней, публично возвѣщая слово Божіе. Это открывается изъ грамоты м. Михаила Рагозы отъ 24 янв., которою онъ благословилъ „Стефана и Кирилла, дидаскалы школы львовской братской и иныхъ спудеовъ (т. е. учениковъ, отъ σπουδαῖος), на се угожихъ (на это годныхъ), на проповѣданіе и благовѣствованіе слова Божіего... въ церкви братской Успенія Божія Матери, въ градѣ Львовѣ, и индѣ по прилучаю сущимъ имъ, въ церкви, отъ настоятеля благословеніе вземши“ [4]). Хотя предоставленіе права проповѣди свѣтскимъ людямъ въ то время было нововведеніемъ, оно было утверждено п. Іереміей, который въ письмѣ ко львовскому братству прибавилъ къ этому приказаніе, чтобъ никто не уходитъ изъ церкви, не выслушавши поученія [5]).

тельные, а не то, чтобъ ученіе возобновилось, когда найдутся такіе учителя: одинъ изъ нихъ былъ предъ нимъ—это Кириллъ. И еще меньше основанія даетъ она для догадки Аскоченскаго, что до конца 1589 г. ученіе въ львовской школѣ совсѣмъ и не начиналось (Кіевъ съ его древнѣйшимъ училищемъ-академіей, I, 36).

[1]) На оборотѣ письма п. Іереміи къ м. Рагозѣ о поставленіи перемышльскаго епископа, въ маѣ 1591 г., есть надпись, удостовѣряющая, что оно «слово въ слово з грецкого на словенъское преложено въ школѣ львовской» (Dipl. stat., № 20; cf Monum confr., I, № 189).

[2]) Такая дата указана на самой брошюрѣ и въ предисловіи къ грамматикѣ 1591 г. Но въ нѣкоторыхъ грамотахъ самого м. Рагозы указывается 18 янв. (Monum. confr., I, № 169; Наук. сборн., 1868 г., Акты, № 14. Ср. Юбил. изд., I, № 88).

[3]) «Просфонима» перепечатана г. Голубевымъ въ Кіев. епарх. вѣд., 1874 г., №№ 5. 6. Греческій текстъ въ ней видѣлъ А. Ѳ. Бычковъ (Библіограф. записки, III, 1861 г., 580).

[4]) A. З. Р., IV, № 27 (id. Monum. confr., I, № 171).

[5]) *Szaraniewicz*, Patryarchat wschodni wobec kościoła ruskiego i Rzpltej Polskiej (Rozprawy i sprawozdania... VIII, 321, прим. 2).

Извѣстность львовской школы и ея значеніе стали выходить далеко за предѣлы города и Галиціи. Не только горожане галицкихъ городовъ, организуясь въ братства, пользуются чиномъ львовскаго братства, заимствуются его „порядкомъ школьнымъ“ и его учителями [1]), но и виленскіе братчики прибѣгаютъ въ школьномъ дѣлѣ къ его помощи. Братство львовское еще въ 1588 г. послало виленскому печатное начало своей грамматики. Вильняне въ посланіи отъ 28 мая благодарили львовянъ и просили прислать по отпечатаніи сто или двѣсти экземпляровъ ея и „при нихъ дъяка или дву, могущихъ достойнѣ разсудити є и инѣхъ научити“ [2]). Но печатаніе по причинамъ, о которыхъ будетъ сказано ниже, пріостановилось и закончилось только въ самомъ началѣ 1591 г.; [3]). тогда же львовяне послали въ Вильну два экземпляра и пообѣщали дать учителя и, дѣйствительно, въ январѣ 1592 г. они послали туда „учителя богодухновенныхъ наукъ и писаній отеческихъ искусна священноіерея о. Игнатія, а до школы братское даскала мужа ученна въ науце писма и языка еллинска и словенска учения ради детеи—пана Кирила“. Оба они скоро зарекомендовали себя предъ виленскимъ братствомъ съ самой хорошей стороны и оно пожелало оставить ихъ у себя, на что и испрашивало согласія у львовянъ [4]). Послѣдніе не только дали разрѣшеніе, но въ посланіи отъ 14 февр. обѣщали еще прислать учителей и священниковъ; а впослѣдствіи послали 50 экземпляровъ грамматики [5]).

Правда, эта щедрость львовскаго братства относительно учителей обусловливалась не богатствомъ учебныхъ силъ, а необходимостью нѣсколько сократить свою дѣятельность въ виду преслѣдованій отъ еп. Гедеона. Послѣдній 1 янв. 1592 г. наслалъ на братское училище своихъ родственниковъ со слугами, которые стали злорѣчить дидаскаловъ за ихъ препирательства съ владыкой и грозили изсѣчь ихъ саблями, а у Кирилла хотѣли даже вырвать бороду [6]). Въ виду этого братство и вынуждено было отпустить своихъ учителей—Кирилла въ Вильну, Лаврентія въ Брестъ, а прочихъ въ иные города. 6 февраля 1592 г. братчики сообщили п. Іереміи, что у нихъ изъ всѣхъ учителей остался только одинъ Стефанъ; разошлись даже и священники. Мало того, епископъ возбудилъ къ братству такое нерасположеніе „между людьми всѣхъ сословій“, что оно не могло даже окончить школу, постройку которой начало предъ тѣмъ [7]). Такія дѣйствія епископа Балабана возбуждали

---

[1]) Monum. confr., I, №№ 127. 128. 150. 197. 215.

[2]) А. З. Р., IV, № 4.

[3]) Уже 17 мая того года п. Іеремія зналъ, что «нѣціи порочницы» встрѣтили ее враждебно (А. Ю и З. Р., II, № 159).

[4]) Monum. confr., I, №№ 201. 205. 209 и 213 (id. *Крыловскій*, Акты, №№ 41. 42. 44. 45).

[5]) Monum. confr., I, № 219 (id. Врем. инст. ставроп., 1871, Акты, № 6; 1874, Акты, № 7). Въ Вильну посланы были два священника: Симеонъ и Ѳеодоръ и діак. Герасимъ.

[6]) Monum. confr., I, № 265.

[7]) А. З. Р., IV, № 33, 1. Сборъ пожертвованій на новое школьное зданіе, какъ и на другія строенія, братство начало еще въ 1590 г.; тогда оно обратилось за помощью

особую тревогу въ виду появленія новыхъ враговъ православія—недавно поселившихся въ городѣ „злочестія поборниковъ Езуитовъ“, которые стали злоумышлять противъ братства, и всего болѣе противъ просвѣтительной дѣятельности его. Ее то братство теперь и должно было усилить, такъ какъ теперь стало особенно очевиднымъ, что отступленіе отъ вѣры „державныхъ князей и воеводъ“ и обнаружившееся уже тяготѣніе къ уніи съ Римомъ было результатомъ отсутствія учителей и школъ [1]). Какъ сильно тревожилось братство противниками православія, видно изъ той радости, съ какой оно отмѣчаетъ фактъ побѣды надъ ними (въ февралѣ 1592) кипрскаго митрополита Лаврентія, который „самъ дрѣзну внити яко истиненъ ревнитель ку езувитомъ, и ко прочимъ ихъ рекгуламъ (т. е. орденамъ), и ко арменомъ“ [2]). Тяжелымъ чувствомъ проникнуты посланія братства къ патріархамъ. Скорбь о церкви, въ которой умножились ереси различныя, безпокойство за типографію и школы, противъ которыхъ возсталъ Гедеонъ, проникаютъ каждое слово ихъ и невольно возбуждаютъ удивленіе и сочувствіе къ этимъ ревнителямъ православія и просвѣщенія. Но энергія братства отъ препятствій какъ бы усиливалась: оно не суживало круга своей дѣятельности и надзора. Оберегая интересы православія, оно слѣдитъ за уклоненіями отъ чистоты его не только въ Галиціи, но и въ Литвѣ. Узнавши о религіозныхъ колебаніяхъ извѣстнаго Ѳ. Скумина, львовское братство 24 февр. 1592 г. убѣждаетъ его особымъ посланіемъ „твердо стоять въ правой вѣрѣ“ [3]).

Въ такихъ тяжелыхъ обстоятельствахъ львовское братство находило нѣкоторый исходъ для своей скорби въ перепискѣ съ другими братствами. Такъ, виленскому оно сообщало 24 февр. 1592 г. „о многихъ бѣдахъ, нападеніяхъ еретическихъ, езуитскихъ искушеніяхъ“, о враждѣ епископа. Оно жаловалось и на то, что „школьное ученіе уничижается, друкарская художества нищетою изнемогоша“ Въ виду этого, а также исходя изъ мысли объ единствѣ братствъ, ихъ „духовныхъ и вещественныхъ потребъ“, львовяне весьма рѣшительно требовали помощи отъ виленскаго братства: „Да не погубите, писали они, въ конецъ, зде церковную общую славу вашу, или намъ помозѣте или единою отрецѣте-

---

къ молдавскому архіепископу Георгію (Юбил. изд., I, № 87; ср Monum. confr., I, № 162). Въ 1591 г. оно писало п. Іереміи о своемъ желаніи «поновляти домъ на убогия... на стамбу... на школу» (Чт. въ общ. Нестора лѣтоп., V. Матеріалы, сообщенные проф. Голубевымъ, № 5). Затѣмъ оно чрезъ посредство м. Михаила обратилось къ помощи всѣхъ православныхъ соотечественниковъ (А. З. Р., IV, № 32; ср. Monum. confr., I, №№ 211. 212).

[1]) А. З. Р., IV, № 33. Monum. confr., I, № 217 (id. Врем. инст. ставр., 1871, Акты, № 8). Посланія братства къ патріархамъ константинопольскому Іереміи и антіохійскому Мелетію отъ 6 февр. и 7 сент.

[2]) Monum. confr., I, № 214 (id. Врем. инст. ставр., 1871, Акты, № 9; но здѣсь Лаврентій названъ священникомъ (вм. священный).

[3]) Monum. confr., I, № 220 (id. Врем. инст. ставр., 1871, стр. 141).

ся“ [1]). Нескоро отозвалось виленское братство на призывъ львовскаго: у него были свои нужды. Оно только 22 іюля могло послать въ Львовъ деньги за 50 экземпляровъ греческой грамматики (10 копъ грошей) и 400 польскихъ злотыхъ милостыни на сгорѣвшую церковь. Вмѣстѣ съ тѣмъ оно извѣщало, что просило воеводъ минскаго и новгородскаго написать Гедеону, чтобы онъ, отложивъ гнѣвъ, сталъ во главѣ своего братства и защищалъ церковь отъ еретическихъ нападеній [2]).

Обстоятельства львовской школы измѣнились къ лучшему только ко второй половинѣ 1592 г, когда возвратились учителя и ученики [3]), одинъ изъ которыхъ былъ посланъ въ Перемышль въ качествѣ дидаскала [4]). Мало того, братское училище давно привлекло къ себѣ симпатіи „благородныхъ пановъ воеводовъ“ и послѣдніе служили „школьнаго ради ученія“ не только имѣніями своими [5]), но и своимъ вліяніемъ на короля, у котораго исходатайствовали подтвердительную грамоту какъ самому братству, такъ и школѣ. 15 окт. 1592 г., по просьбѣ кн. К. К. Острожскаго и Ѳ. Скумина Тышкевича, Сигизмундъ III пожаловалъ братству два „привилея“, изъ которыхъ первымъ утверждалъ самое братство, типографію и школу, а вторымъ предоставлялъ ему онуфріевскій монастырь и сосѣдніе луга [6]). Для школы особенно важна была первая грамота, называвшая ее „школой свободныхъ наукъ“ (schola pro tractandis liberalibus artibus) и утверждавшая за ней это званіе. Свободныя науки были введены въ программу львовскаго училища, вѣроятно, съ самого начала ея существованія, какъ и утверждаетъ это „Перестрога“, говоря о п. Іереміи [7]). И, дѣйствительно, мы знаемъ изъ грамоты п. Іереміи (1589), что здѣсь преподавались грамматика, піитика, риторика и философія,—по крайней мѣрѣ, типографіи предоставлялось печатать такія книги, „училищу потребные и нужные“. О томъ же говоритъ и клятвенная грамота М. Рагозы на нѣкоторыхъ львовскихъ

---

[1]) Врем. инст. ставроп., 1871, Акты, № 4. Въ началѣ петрова поста львовяне опять просили виленское братство о помощи при построеніи храма, домовъ школьнаго, шпитальнаго и поповскаго, но этого писанія не отправили (ibid., № 9).

[2]) Врем. инст. ставроп., 1874, Акты, № 7.

[3]) Одно изъ просительныхъ посланій братства къ царю Ѳеодору Ивановичу о милостынѣ, отъ 15 іюня 1592 года, написано, между прочимъ, отъ лица дидаскаловъ (A. З. Р, IV, № 34, I). Что до учениковъ, то въ іюлѣ братство писало перемышлянамъ, въ отвѣтъ на ихъ просьбу прислать дидаскала, что «нынѣ спудеи разыдошася, овіи въ градъ Виленскій; овіи же во великій Берести, иніи же инде, но (какъ) скоро посланіемъ нашимъ призовутся посланы будутъ» въ Перемышль. Послѣднее состоялось только въ августѣ (Врем. инст. ставр., 1871 г., Акты, № 7; 1878, № 5).

[4]) Послѣднее не должно насъ удивлять: въ тѣ времена это было обычнымъ явленіемъ. Въ учителя «парохіальныхъ» школокъ выходили недоучившіеся студенты краковской академіи, и въ іезуитскихъ коллегіяхъ «магистрами» въ низшихъ классахъ были студенты (новиціи) высшихъ классовъ, не закончившіе еще своего образованія.

[5]) A. З. Р., IV, № 33, II.

[6]) Monum. confr., I, № 252 (id., *Петрушевичъ*, о. с., стр. 34—36).

[7]) A. З. Р., IV, стр. 206. Ср. пред. къ Львов. Октоиху 1630 г., гдѣ сказано, что патріархами учреждено во Львовѣ братство и постановлено, «гимнасіонъ да будетъ въ обученіе юнымъ, и предложеніе художества писменъ, и ученій внѣшнихъ же и божественныхъ».

мѣщанъ, осуждавшая ихъ за возбужденіе общества противъ „грамматического, діалектического и риторического ученія“ (13 іюня 1590 г.), и предисловіе къ грамматикѣ 1591 г., въ которомъ о семи свободныхъ наукахъ сказано, какъ о такихъ, которыя уже изучались здѣсь („понеже *прежде* въ россійскомъ родѣ мало сихъ обрѣсти“...) Тѣмъ не менѣе королевская грамота глубоко отразилась (хотя и не сразу) на внутренней жизни львовскаго училища. До сихъ поръ послѣднее было школой греко-славянской, изучавшей *только* греческія и славянскія письмена, литературу, жизнь. Королевскій же привилей, утверждая систему свободныхъ наукъ, открывалъ сюда доступъ и латинскому языку, который мыслился неразрывно связаннымъ съ ними, и латинской литературѣ. Что королевская грамота имѣла этотъ смыслъ, это видно изъ свидѣтельства Сильвестра Коссова о дозволеніи львовянамъ содержать школу *латинскую* [1]).

Братство въ хлопотахъ о королевской привиллегіи имѣло въ виду гарантировать свое существованіе и цѣлость своихъ владѣній и учрежденій отъ покушеній на нихъ враговъ. Что касается училища, цѣль эта не была достигнута. Напротивъ, королевская грамота только раздражила ректора польской школы пана Крыштофа; въ началѣ декабря онъ дважды насылалъ своихъ учениковъ на братскихъ воспитанниковъ, собиравшихъ позднимъ вечеромъ милостыню. Послѣдняя была отнята, братскіе славельщики были избиты до крови, а нѣкоторые были отведены въ католическую школу, изъ которой ихъ выпустили только утромъ съ новыми побоями. Представители братства и Стефанъ (Зизаній), „ректоръ, т. е. дидаскалъ школы греческаго обряда“, подали на эти обиды двѣ жалобы въ городской магистратъ [2]). Хотя спустя нѣсколько дней они заявили, что панъ Крыштофъ и ксендзъ Перлицкій, оффиціалъ львовской капитулы, дали имъ удовлетвореніе, наказавши своихъ виновныхъ учениковъ и запретивши имъ впредь дѣлать что-либо подобное [3]),—будущее не предвѣщало школѣ спокойствія. На нее посыпался цѣлый рядъ новыхъ обидъ и при-

---

[1]) Exegesis, 1635 г. (*Голубевъ*, Исторія Кіевской академіи, прилож., 83). Мы не думаемъ, чтобъ въ львовской школѣ латинскій языкъ преподавался до этого. И если еп. Михаилъ Копыстенскій уже 1 іюля 1592 г. просилъ у львовянъ учителя, свѣдующаго и въ немъ (Врем. инст. ставр., 1878, Акты, № 8), то не видно, чтобъ онъ получилъ его. И первые учителя львовской школы—братья Зизаніи не знаютъ этого языка. Захарія Копыстенскій называетъ Стефана «мужемъ ученымъ велце въ грецкомъ и словенскомъ языку», тогда какъ у Леонтія Карповича отмѣчаетъ знаніе и латинскаго (П. П Л., I, 913). Указанный выше фактъ вліянія на Стефана Люббертова сочиненія не обязываетъ насъ усвоивать Ст. Зизанію знаніе латинскаго языка: онъ могъ пользоваться этимъ сочиненіемъ чрезъ посредство другихъ лицъ. Что до Лаврентія Зизанія, то наше мнѣніе подтверждается сообщеніемъ Боркулабовской хроники, что послѣ того, какъ онъ обучилъ русскому и греческому языкамъ сына Соломирецкихъ, послѣдній для «латинской науки» былъ переданъ другому лицу—М. Смотрицкому (*Кулишъ*, Матер. для ист. возсоединенія Руси, I, 72, 74).

[2]) Supplem., № № 61. 62 (id. Monum. confr., № № 260. 261). Изъ жалобъ видно, что нападеніе на школьниковъ братскихъ совершено было впервые. Возможно, что ректоромъ тайно руководили іезуиты, какъ догадывается о. Флеровъ (о. с., 94).

[3]) Monum. confr., I, № 263.

тѣсненій. Въ представленныхъ королю братствомъ „около 1593 г.“ или только приготовленныхъ для представленія „Требованіяхъ“ читаемъ цѣлый мартирологъ ея. Братство, ходатайствуя въ нихъ о гарантированіи своихъ правъ на школьные и другіе дома и грунты, на которыхъ они стояли, просило вмѣстѣ съ тѣмъ для своихъ бѣдныхъ учениковъ позволенія искать продовольствія (pożywienia) на каждомъ мѣстѣ, въ городѣ и въ его предмѣстьяхъ, безо всякаго съ чьей бы то ни было стороны препятствія, добивалось свободы въ избраніи годныхъ для школы учителей, самостоятельности въ распоряженіи и въ управленіи училищемъ по порядку школьному. Братство домогалось, чтобъ учителя его не подвергались оскорбленіямъ (przenagabienia), а ученики—насиліямъ отъ какихъ бы то ни было властей и другихъ школъ, чтобы жалобы на нихъ приносились школьному дидаскалу и чтобы, наконецъ, во Львовѣ не было никакой другой русской школы [1]). Изъ этого видно, какого рода притѣсненія испытывала братская школа. Изъ жалобы въ городской урядъ князей Ружинскаго Кирика и Вишневецкаго Адама узнаемъ еще нѣкоторыя подробности. Католики, запрещая бѣднымъ ученикамъ просить милостыню, ловили ихъ на улицахъ, завлекали въ свою школу, били ихъ, также препятствовали участвовать въ религіозныхъ процессіяхъ, напр. пѣть „Осанна“ въ Лазареву субботу [2]). Дѣло сводилось, повидимому, къ желанію католиковъ совсѣмъ запретить братству „учневъ (учениковъ) рускихъ учити“, какъ сообщалъ вильнянамъ въ 1599 г. Ю. Рогатинецъ. Хотя за обиженное братство „вступился кн. Острожскій вмѣстѣ съ своими сыновьями, точно ему самому была нанесена обида“ и жаловался королю [3]), школѣ отъ этого не стало легче, такъ какъ притѣсненія эти имѣли не случайный характеръ, а были связаны со всей системой негласнаго заговора польскихъ правительства, духовенства и общества противъ русской національности и православной церкви, представителемъ которыхъ и защитникомъ интересовъ которыхъ было въ Галиціи львовское братство. Эти притѣсненія имѣли еще ту вредную для просвѣтительной дѣятельности послѣдняго сторону, что отнимали у братства матеріальныя средства, которыя оно принуждено было тратить на посылку депутатовъ къ королю и на сеймы и на задариваніе нужныхъ людей [4]). Приходилось братству попрежнему собирать денежныя пожертвованія на школу и типографію [5]).

Тѣмъ не менѣе школа тихо дѣлала свое дѣло. Она твердо стояла на почвѣ православія, продолжая питать дѣтей греко-славянской наукой и не вводя пока латинской [6]). Въ частности, греческій языкъ оставался

---

[1]) «Postulata Ruthenorum civium Leopoliensium ad regem». Monum. confr., I, № 300.

[2]) Supplem., № 63. Кирикъ Ружинскій, а не Кириллъ, какъ здѣсь (Кіев. стар., 1882, II, 68—73. Ср. *Boniecki*, Poczet rodów, 288).

[3]) А. З. Р., IV, № 146.

[4]) Въ 1600 г. братство израсходовало на этотъ предметъ не только всѣ свои деньги, но еще и занятыя полторы тысячи злотыхъ (Лѣтоп. льв. брат., 81. Ср. *Голубевъ*, Петръ Могила, прил., № 20).

[5]) «Оглашеніе церкве братской львовской», Тр. Кіев. дух. акад., 1871, I, 386. 387.

[6]) Въ «Требованіяхъ» королю братчики просятъ, чтобы только въ ихъ школѣ можно

на прежней высотѣ, о чемъ свидѣтельствуетъ вышедшая въ 1593 г. (4 апр.) изъ братской типографіи книжка: „Господина Мелетія св. папы Александрійскаго, о христіанскомъ благочестіи къ Іудеомъ отвѣтъ“, въ послѣсловіи которой братство заявляетъ: „сія книжица.... благодатію Божіею, отъ еллинскаго на словенскій языкъ спудеймы (т. е. студентами) школы нашея преложивше, въ общую пользу російскому роду нашему еллински и словенски изобразихомъ“. „Спудеи“, вѣроятно, перевели на греческій языкъ и самое послѣсловіе [1]). Восточнымъ патріархамъ одно время казалось даже, что львовской школѣ суждено поддержать падающее греческое образованіе. Такъ, п. Мелетій Пигасъ, который на самыя западнорусскія братства смотрѣлъ какъ на „утвержденіе церкви“ и „щитъ нѣкій въ помощъ самой церкви“ [2]), въ частности о школѣ львовскаго братства въ посланіи къ царю Ѳеодору (6 авг. 1593 г.) выразился: „не маловажная возжена тамъ промысломъ Божіимъ искра, для возстановленія находящагося въ опасности по всему востоку благочестія, для подпоры православія, для оживленія греческаго обученія, въ здѣшнихъ (греческихъ) странахъ совершенно истребленнаго“ [3]). И если спустя четыре года онъ убѣждалъ еп. Гедеона и всѣхъ западноруссовъ „даже академію, сирѣчь училища составити при всякой епархіи, і изряднѣе во Львовѣ, нижъ единаго щадѣти иждивеніа, въ воставленіе добрыхъ училищъ и составленіе“ [4]), то, очевидно, онъ имѣлъ въ виду училища епархіальныя, и самого Гедеона онъ приглашалъ позаботиться или объ устройствѣ такой школы во Львовѣ, или о томъ, чтобъ придать исключительно духовный характеръ братскому училищу. Балабанъ, какъ увидимъ ниже, предпочелъ завести такое училище въ Стрятинѣ.

Не оставляя вѣрности духу православія, братству львовскому пора было уже подумать и о расширеніи школьной программы на счетъ польскаго и латинскаго языковъ, и оно, дѣйствительно, начинаетъ мало-помалу вводить польско-латинскіе учебники и пользоваться западно-европейской учебной и богословской литературой. Нельзя опредѣленно указать момента, когда это произошло, но во всякомъ случаѣ къ началу XVII ст. выразилось въ формѣ довольно значительной, показателемъ чего служитъ братская библіотека, реестръ которой отъ 1600—1601 гг. напечатанъ проф. Голубевымъ [5]). Здѣсь встрѣчаемъ много книгъ не только на славянскомъ и греческомъ языкахъ, но и на польскомъ и латинскомъ, причемъ число латинскихъ книгъ оказывается вчетверо большимъ, чѣмъ греческихъ. Здѣсь имѣются руководства почти по всѣмъ предметамъ trivium'а и quadrivium'а: по грамматикѣ (пресловутый Альваръ и „грамматика латинская, партесъ осмъ“), по діалектикѣ и рито-

---

было учить по гречески и по славянски и въ ихъ типографіи печатать книги на этихъ языкахъ, не упоминая о латинскомъ.

[1]) Историч. библіотека, 1879, т. III: *Голоблинъ*, Арсеній, архіеп. Елассонскій, 13. См. также Bibliographie Hellénique s. XV et. XVI, t. II, № 200.

[2]) А. Ю. и З. Р., II, № 159.

[3]) *Малышевскій*, Мелетій Пигасъ, II, № 7.

[4]) Ibid., № 18.

[5]) Петръ Могила, прил., № 21.

рикѣ, музыкѣ. Для изученія латинскаго языка служили также „Дикціонаръ“ (словарь) и книги для чтенія: Овидій, Цицеронъ, Валерій Максимъ, Виргилій, Горацій (конечно, неполныя изданія ихъ), „Сабеликусъ о войнѣ венецкой“, Никифоръ на греческомъ и латинскомъ, „Хронографія“, Плутархъ, даже „Кроничка руская малая“ и „Псалтыръ латинская съ польскимъ“. Для греческаго языка находимъ грамматику Кленарда (на лат.) [1]); для чтенія имѣлись три Новыхъ Завѣта (третій съ лат. текстомъ), Лукіанъ, Аристотель и, быть можетъ, Ѳукидидъ [2]). Библіотеку славянскую составляли главнымъ образомъ книги Священнаго Писанія и богослужебныя. Но было нѣсколько книгъ, имѣвшихъ непосредственное отношеніе къ школѣ. Таковы *школьная Библія*, „Катехизисъ френцѣшкова друку“ [3]), „Космографія Сербская великая, писанная“, „Кроника о грецкомъ панствѣ“; сюда же можно отнести изданія св. отцовъ: Василія В., Златоуста, Ѳеофилакта, Іоанна Лѣствичника, Максима грека, Никона, и Маргаритъ. Что до польскаго языка, то большинство книгъ на немъ—назидательнаго характера („Животъ Езусовъ“, „Чистецъ людскій“, „Рай духовный“, „Студница живота“), но есть и такія, на которыя можно смотрѣть какъ на учебныя. Таковы: „Молитвы прав. христіанъ“, „Катехизисъ для дѣтей“ (впрочемъ, онъ, какъ и „Катихизисъ польскій“, могъ оказаться здѣсь случайно), „Исторія о потопѣ“, „О збуреню Іерусалиму“, „Аврелиушъ“, „Кроники всего свѣта на шесть вѣковъ“.

Къ этому же времени должно отнести и введеніе въ школьное преподаваніе латинскаго языка. Хотя первое извѣстіе объ этомъ не восходитъ далѣе 1604 г., когда новый ректоръ львовскаго училища Иванъ Борецкій принялъ на себя обязательство учить обоимъ древнимъ языкамъ [4]), но такъ какъ не видно, чтобы теперь впервые вводился латинскій языкъ, и такъ какъ самъ Борецкій, по всей вѣроятности, изучилъ его здѣсь же [5]), то надо предположить, что онъ началъ преподаваться здѣсь нѣсколькими годами раньше.

---

[1]) О грамматикѣ 1591 г. не упомянуто, такъ какъ, очевидно, она находилась въ складѣ. А что, дѣйствительно, она въ это время еще существовала, видно изъ журналовъ засѣданій братства, гдѣ сказано, что въ 1612 г. продано нѣсколько экземпляровъ ея, а въ 1616 г. дано 10 экземпляровъ ея Памвѣ для продажи (Ж. М. Н. Пр., 1838, ч. XIX, 568). Затѣмъ, въ 1617 г. ректоръ кіевской школы Борецкій пріобрѣлъ около 40 экземпляровъ ея (если покупалъ по старой цѣнѣ.—Петръ Могила, прилож., № 34). И въ каталогѣ львовскомъ 1638 г. мы находимъ «Gramatyke greckie, lwowskiego druku, in 8» (Чт. въ ист. общ. Нест. лѣтоп., V, Матеріалы, стр. 194).

[2]) Относительно послѣдняго мы читаемъ здѣсь только слѣдующія слова: «Книжка въ политурѣ грецкая». Снеся это мѣсто съ соотвѣтствующимъ—каталога 1638 г., мы находимъ: «Fukydida, xięska w paliturze czerwoney, sama grecka» (стр. 194).

[3]) Не ошибка ли здѣсь, если не указаніе на новое сочиненіе Скорины, неизвѣстное, повидимому, автору монографіи о немъ—г. Владимирову?

[4]) Лѣтоп. львов. брат., 91.

[5]) Въ одномъ изъ писемъ ко львовскому братству онъ называетъ себя его воспитанникомъ (*Голубевъ*, Петръ Могила, прилож., № 47).

Однако нельзя дѣлать отсюда тотъ выводъ, что въ это время совершенно измѣнился самый характеръ львовской школы и что въ ней латино-польская наука вытѣснила греко-славянскую или заняла первенствующее положеніе. Напротивъ, львовская школа сохранила свое прежнее направленіе, что видно уже изъ того, что къ ней по старому примѣняется названіе школы греко-славянской (напр., въ „Оглашеніи“,1600). Затѣмъ, это удостовѣряется каталогомъ братской библіотеки 1637—1638г.: происшедшее къ этому времени обогащеніе ея послѣдовало больше на счетъ славяно-русскихъ и греческихъ книгъ, чѣмъ латинскихъ и польскихъ [1]). Латинскій (и польскій) языкъ вошелъ только въ программу, а самое преподаваніе совершалось на славянскомъ и греческомъ языкахъ, и въ числѣ учителей попрежнему здѣсь встрѣчаются греки, въ родѣ игумена Ѳеодора Ѳерапонта Кассаниды (1602) [2]). И это направленіе свое львовская школа, быть можетъ, одна изъ всѣхъ братскихъ, сохранила по крайней мѣрѣ до конца XVII ст. [3]).

Какъ ни тяжелы были матеріальныя обстоятельства львовскаго братства въ началѣ XVII ст., оно, считая школьное дѣло одной изъ своихъ важнѣйшихъ функцій, старалось обезпечить правильный ходъ его пріисканіемъ хорошихъ учителей и исправной выплатой слѣдуемаго

[1]) Изъ *славянскихъ* книгъ, пріобрѣтенныхъ въ это время и могшихъ имѣть отчасти школьное назначеніе, можно отмѣтить слѣдующія: Бесѣды Златоуста на Дѣянія апостольскія и Посланія ап. Павла, Діонисія Ареопагита, творенія Василія В., Аѳанасія алекс., Максима инока, книжку Азаріеву О вѣрѣ единой съ Омиліей погребовой (Зах. Копыстенскаго) и нѣкоторые сборники проповѣдей. Изъ *греческихъ* изданій: 8 томовъ Златоуста, Діонисій Ареопагитъ, Евстаѳій солунскій, Библіотека Фотія, Плутархъ, Алкивіадъ, Ксенофонтъ, Евсевій, Аристотель (въ 1600 г. была одна «Книга Аристотель грецкая», теперь же оказываются слѣдующія: «Органон Арыстотелѣсъ», «Opera Aristotelis вшыстко грецкие,» «Organon tis filosophias», «Aristotelis de arte», «Aristotel greco—latino»), Гезіодъ, Аппіана исторія на греч. и лат. языкахъ, «Oratorum veterum orationes», Платонъ, Еврипидъ, Пиндаръ, Демосѳенъ, Энхиридіи Александра и Эпиктета на греч. и лат. языкахъ. *Латинскихъ* книгъ вновь пріобрѣтено было очень немного: грамматика Корнелія, греко-латин. грамматика (3 экз.), Овидій (2), Аристотель (греко-латинскій), «Orgie-nes», Аполлоній александрійскій и др. Изъ *польскихъ*—блаж. Августинъ, Конституціи (2), Венгерская исторія, «Постила Бялобурискего Вялска», «Артыкулы братства св. Ганны» (Чт. въ общ. Нест. лѣтоп., V. Матеріалы, сообщенные С. Т. Голубевымъ, № 5. Ср. *Крыловскій*, Акты, № 76).

[2]) Dipl. stat., p. 130 et praef., p. X.

[3]) Авторъ лѣтописи львовскаго братства свидѣтельствуетъ, что въ львовской школѣ былъ постоянно учитель греческаго языка (154). Извѣстный Павелъ Негребецкій составилъ, живя въ Москвѣ, въ 1686 г. записку: «Доводъ, яко ученіе и языкъ Еллиногреческій наипаче нужно потребный, нежели латинскій языкъ и ученіе». Эта записка, вызванная происходившими въ Москвѣ спорами о сравнительномъ достоинствѣ греческаго и латинскаго языковъ, сама по себѣ характеризуетъ дальнѣйшее направленіе львовскаго училища, однимъ изъ воспитанниковъ котораго былъ ея авторъ. Но кромѣ этого въ ней встрѣчается и прямое свидѣтельство о сохраненіи въ немъ греческаго направленія. «Хоть Бѣлоруссы, пишетъ Негребецкій, и учатся латинскимъ языкомъ, скудости ради греческаго, *кромѣ Львова, что учатся гречески*; однакожъ припоминати надобно, что малая часть изъ тѣхъ во унію не падаютъ, а и тѣ, что не падаютъ, познаваются въ нихъ остатки езувитскіе; понеже езувиты не учатъ ихъ высокими науками, покамѣстъ предъ Богомъ не обѣщаются держати латинской религіи» (*Архіеп. Филаретъ*, Обзоръ рус. дух. литературы, 1859, I, 297 стр.).

имъ жалованья. Размѣръ послѣдняго опредѣлялся обоюднымъ соглашеніемъ братства и кандидата въ преподаватели. Такъ, Иванъ Борецкій былъ поряженъ за 10 злотыхъ въ каждые три мѣсяца, а поступившій вмѣстѣ съ нимъ Ѳедоръ Сидоровичъ, учитель „славянщины“ и регентъ,—за 5 зл. [1]). Что до средствъ самой школы, то, вѣроятно, они были довольно скудны, лишь изрѣдка восполняясь случайными поступленіями, въ родѣ пожертвованія Константина Корнякта, который записалъ братству въ 1603 г. 4 тыс. злотыхъ. Братство, распредѣляя въ слѣдующемъ году проценты съ доходовъ отъ этой суммы (200 зл.), 10 зл. ассигновало „школѣ, дякомъ, спѣвакомъ и выросткомъ ихъ“ и 5—„звонникомъ, спудеомъ школнымъ, убогимъ до пушки ихъ“ (т. е. въ кассу бурсы). [2]). Но общія средства братства все болѣе истощались, что, понятно, въ концѣ концовъ должно было отразиться невыгодно на судьбѣ школы. Паденіе ея было на время задержано сочувственнымъ отношеніемъ и къ братству и „особливо къ наукѣ школьной и друкарнѣ брацтва“ новаго епископа Іереміи Тиссаровскаго (съ 22 янв. 1608), который пригласилъ свою паству къ пожертвованіямъ на эти учрежденія братства, стоившія ему „сумы не малой“, причемъ распространился о значеніи наукъ (3 марта 1609 г.) [3]). Но если православными галичанами и была оказана братству помощь, то столь незначительная, что оно стало неаккуратно выплачивать учителямъ жалованье и тѣ оставили школу, тѣмъ болѣе, что въ дѣла послѣдней стали вмѣшиваться чуть ли не всѣ братчики. Просвѣтительная репутація братства поддерживалась только онуфріевскими иноками, продолжавшими работать надъ изданіемъ книгъ, хотя и ихъ останавливалъ иногда недостатокъ средствъ [4]).

Наконецъ, братство, рѣшивъ улучшить положеніе школы, стало искать учителей для нея и по традиціи обратилось на Востокъ. Въ то время на александрійскомъ престолѣ сидѣлъ Кириллъ Лукарисъ, особенно близко принимавшій къ сердцу интересы западнорусскаго просвѣщенія. На просьбу львовянъ о „дидаскалѣ албо мистрѣ (т. е. магистрѣ) школномъ“ онъ отозвался замѣчательнымъ посланіемъ, въ которомъ, открывая имъ глаза на причины упадка ихъ училища, далъ нѣсколько

---

[1]) Лѣт. львов. братства, 91.

[2]) Наук. сборн., 1868, Акты, № 19. Мы не пересчитываемъ всѣхъ пожертвованій, поступившихъ въ нашъ періодъ въ пользу львовскаго братства, а указываемъ только тѣ, которыя шли спеціально на школу: всѣ другія расходовались на общія нужды братства.

[3]) Наук. сборн., 1868, Акты, №№ 4 и 15. Юбил. изд., I, № 107.

[4]) А. З. Р., IV, № 188. Предлагаемъ интересную страничку изъ исторіи дѣятельности братской типографіи за это время. Въ 1608 г. братство напечатало въ ней 500 часослововъ и 1000 псалтырей; продало ихъ въ 1611 г. на 226 зл. и 20 гр. Въ 1609 г. оно напечатало Златоуста «О воспитаніи чадъ». Въ 1614 г. былъ напечатанъ трудъ св. Іоанна Златоустаго—О священствѣ, въ переводѣ іером. Пафнутія. Въ 1616 г. поручено было о. Памвѣ продать 20 книжекъ «О воспитаніи чадъ» и 10 грамматикъ. Памва Берында—одинъ изъ извѣстнѣйшихъ нашихъ «маістровъ художества печатнаго», работавшій послѣ въ Кіевѣ и обезсмертившій себя нѣсколькими литературными и учеными трудами (Ж. М. Н. Пр., 1838, XIX, 567).

практическихъ совѣтовъ. Если вы, писалъ онъ изъ Яссъ 26 апр. 1614 г., желаете имѣть дидаскала и устроить школу, то нужно предварительно позаботиться о средствахъ для ея содержанія и для приличнаго вознагражденія учителю, потому что никто не согласится жить у васъ безъ жалованія и даромъ учить вашихъ дѣтей, ибо и іезуиты, хвалящіеся тѣмъ, что даромъ занимаются обученіемъ, какимъ то образомъ получаютъ больше другихъ. Патріархъ внушалъ, чтобъ школой завѣдывали только годичные старшіе, двое или трое, а другіе чтобы не вмѣшивались въ управленіе ею и не препятствовали учителю бить и карать учениковъ и обучать ихъ такъ, какъ ему угодно, а не какъ хочется родителямъ. Нужно вамъ во всемъ такъ себя вести, заключилъ Лукарисъ, чтобы всѣми мѣрами содѣйствовать размноженію и развитію наукъ, въ которыхъ если и не всѣ вы свѣдущи, но есть среди васъ такіе, которые „смаку ихъ скоштовали (познакомились съ ихъ вкусомъ) и з молодости своеи добрѣ писмо прошли“. Таковъ, напр., Гавріилъ Дороѳеевичъ, „наипособлившій милостникъ науки“, могущій быть очень полезнымъ въ данномъ случаѣ [1]).

Благодаря участію и убѣжденіямъ п. Кирилла Лукариса, львовская школа была возстановлена и уже въ 1616 г. ученики ея выступили предъ мѣстнымъ епископомъ въ той роли, въ какой нѣкогда выступали предъ митрополитомъ Михаиломъ Рагозой. Братскій типографъ Памва Берында составилъ и напечаталъ „На рождество Г҃а Б҃га и Спса нашего Іс Ха Вѣршѣ для утѣхи православнымъ христіанамъ“, посвятивъ ихъ еп. Іереміи, какъ „малый колосъ убогого жнива“ своего. Эти стихи и были „презъ дѣтокъ деклямованы“ (декламированы) предъ епископомъ. Скоро львовское училище опять стало въ первенствующее положеніе по отношенію къ другимъ православнымъ школамъ, снабжая ихъ учебными средствами и служа разсадникомъ дидаскаловъ. Извѣстно нѣсколько фактовъ этого рода. Въ 1617 г. (3 іюня) былъ во Львовѣ ректоръ кіевской школы, пресвитеръ Иванъ Борецкій и взялъ для нея нѣсколько десятковъ греческихъ грамматикъ „друку львовскаго“, деньги обѣщавшись отдать въ слѣдующемъ году [2]). Въ 1619 г. виленское братство опять просило львовянъ прислать ему способныхъ и православныхъ учителей [3]). Около этого же времени „Порядокъ школьный“ львовскаго училища послужилъ образцомъ для луцкаго школьнаго устава. Въ 1620 г. (7 сент.) львовскіе братчики удостоились отъ п. Ѳеофана похвалы за то, что они „школу во градѣ... возстановиша“ и виноградникъ Божій, „раскопываемый отъ противныхъ, оплотомъ наказаній училищныхъ и изображенія книгъ художествомъ типографскимъ“ ограждаютъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ патріархъ предлагалъ имъ, чтобы они передали инокамъ онуфріевскаго монастыря завѣдываніе училищемъ и типографіей, оказывая имъ при томъ не

---

[1]) Петръ Могила, прилож., № 28 (id. Врем. инст. ставр., 1880; *Малышевскій*, Мелетій Пигасъ, II, № 28).

[2]) Петръ Могила, прил., № 34.

[3]) А. З. Р., IV, № 217.

сопротивленіе, а совѣтъ и помощь [1]). Безъ сомнѣнія, это предложеніе стояло въ связи съ тѣмъ отмѣченнымъ нами выше стремленіемъ къ передачѣ образованія въ руки духовенства, какое проявилось въ нѣкоторыхъ другихъ фактахъ. Но не знаемъ, какъ отозвалось львовское братство на предложеніе патріарха.

Изъ событій послѣднихъ лѣтъ исторіи львовскаго училища въ избранный нами періодъ времени обращаютъ на себя вниманіе два крупныхъ пожертвованія на нее—гетмана Конашевича Сагайдачнаго, завѣщавшаго ей въ 1622 г. 1500 зл. [2]), и купца Ив. Аффендика, записавшаго ей въ 1630 г. 2091 зл. [3]). Какъ видно изъ записи м. Іова, полторы тысячи злотыхъ, имѣвшія приносить ежегодно 150 зл., назначались спеціально „на выхованье ученого майстра, въ греческомъ языку бѣглого“. Отсылая деньги въ Львовъ, митрополитъ обязывалъ братчиковъ подъ зарукою такой же суммы, проценты съ которой тоже имѣли бы пойти на школу, употребить ихъ по назначенію. Вѣроятно, въ связи съ улучшеніемъ матеріальныхъ обстоятельствъ братской школы стояло и появленіе въ ней преподавателей съ университетскимъ образованіемъ, въ родѣ Сильвестра Коссова и Исаіи Трофимовича (о нихъ скажемъ ниже). Заключительный моментъ исторіи львовской школы въ избранный нами періодъ времени составляетъ подтвержденіе королемъ въ 1633 г., по ходатайству старшихъ братчиковъ, грамотъ Сигизмунда Августа отъ 20 мая 1572 г. и Сигизмунда III отъ 15 окт. 1592 г. [4]).

Виленская школа.

Одновременно, а можетъ быть и нѣсколько ранѣе львовской, появилась братская школа въ Вильнѣ. Что виленскіе православные граждане ранѣе другихъ пришли къ мысли объ устройствѣ своего училища, это объясняется важнымъ политическимъ значеніемъ города, и тѣмъ, что Вильна была культурнымъ центромъ литовско-русскаго государства, и тѣмъ, наконецъ, что здѣсь давно уже существовали школы католическія и протестантскія. Вліяніе послѣдняго фактора усматривается въ томъ, что въ то время, какъ львовское братство учреждаетъ у себя школу греко-славянскую, виленское сразу даетъ въ своемъ училищѣ мѣсто и латинскому и польскому языкамъ: очевидно, оно стояло ближе къ западной наукѣ и польско-латинской педагогикѣ. Замѣчательно при этомъ и то, что въ Вильнѣ право на устройство школы получили православные мѣщане города еще до того, какъ рѣшили организоваться въ братство новой формаціи, хотя школа эта имѣла быть при троицкомъ монастырѣ.

Свято-троицкій монастырь въ Вильнѣ издавна находился въ „держаніи“ у литовско-русскихъ митрополитовъ, которымъ „подавалъ“ его

---

[1]) А. З. Р., IV, № 219.

[2]) У *Максимовича*, въ Собр. соч., I, 377 и слѣд., напечатана запись объ этомъ пожертвованіи Іова Борецкаго и представителя запорожскаго войска Олифера Голуба. Лѣтопись львовскаго братства говоритъ только о 250 талерахъ (138).

[3]) Лѣт. льв. брат., 143.

[4]) Лѣт. льв. брат., 147.

самъ король, патронъ его. Но они, живя обыкновенно въ Новгородкѣ и Кіевѣ, не могли заботиться, какъ должно, о благоустройствѣ монастыря, почему и передали ближайшій надзоръ за нимъ виленскимъ гражданамъ. Обыкновенно каждый новый митрополитъ утверждалъ ихъ въ ихъ правахъ. Въ 1584-же году случилось, что сами вильняне просили короля (быть можетъ, съ согласія митр. Онисифора) о передачѣ въ ихъ руки этого монастыря по смерти митрополита. И король, предоставляя виленскимъ бургомистрамъ, радцамъ и лавникамъ (т. е. магистрату города) управленіе и завѣдываніе монастыремъ и его угодіями (27 мая 1584 г.), сдѣлалъ такое распространеніе обычныхъ правъ патроновъ по отношенію къ троицкому монастырю: православные члены магистрата имѣютъ употреблять всѣ доходы монастыря на его церковныя нужды,—на содержаніе „въ письмѣ ученаго архимандрита“, поповъ, черцовъ, черницъ, „*на сбудованье школъ*, на выхованье людей въ письмѣ умѣлыхъ, для науки дѣтей народу закону греческаго, которыи вси люди въ томъ монастыри мѣшкати (жить) будутъ, и на всихъ оныхъ людей“ [1]). Является вопросъ: по чьей иниціативѣ включенъ въ королевскую грамоту пунктъ о школѣ,—по иниціативѣ ли короля или самихъ мѣщанъ? Извѣстно, что Стефанъ Баторій заботился вообще о распространеніи образованія въ своемъ государствѣ, но въ данномъ случаѣ, если бы онъ не вызывался на то со стороны, то предложилъ бы только виленскимъ гражданамъ завести школу, какъ это было въ Могилевѣ, не входя въ частнѣйшее опредѣленіе просвѣтительной функціи патроновъ троицкаго монастыря. Вѣроятнѣе, что короля просили объ этомъ сами мѣщане. Въ такомъ случаѣ передъ нами фактъ высокой значимости: оказывается, что православные вильняне еще до мая 1584 г. поняли права патроната гораздо шире, чѣмъ они обыкновенно понимались, особенно частными патронами. Тѣмъ не менѣе имъ не привелось исполнить принятыхъ на себя обязательствъ по отношенію къ школѣ. Ихъ взяло на себя и прекрасно выполнило,—прекрасно для своего времени, силъ и средствъ,—образовавшееся въ томъ же году троицкое братство.

То безспорная теперь истина, что виленское троицкое братство основано м. Онисифоромъ и не въ 1588 г., какъ думали до послѣдняго времени, а въ 1584 г. Доказательства этого содержатся, прежде всего, въ „Синопсисѣ“, сочиненіи, посвященномъ историческому обозрѣнію всѣхъ правъ православной церкви вообще и западнорусской въ частности, а также правъ виленскаго братства, которое въ польско-литовскомъ государствѣ было представителемъ и защитникомъ ихъ. Синопсисъ составленъ виленскимъ православнымъ братствомъ, а ему хорошо должна была быть извѣстна собственная исторія. Потому вполнѣ должно вѣрить заявленію авторовъ его, которые подъ 1584 г. замѣтили: „Въ этомъ году митр. Онисифоръ Дѣвочка впервые братство наше заложилъ и далъ писанный уставъ“ (Nayperwiey tego roku Metr. Onisiphor Dziewoczka bractwo nasze założył, porządki napisane podał [2]). Съ другой стороны, въ томъ же 1632 г. виленское уніатское братство въ отвѣтъ на Сино-

[1]) А. З. Р., III, № 144.

[2]) Арх. Ю.-З. Р., I, VII, 548.

писъ выпустило свою книгу: „Prawa i przywileje od najasniejszych krôlow polskich nadane obywatelom Koronv Polskiej i Wielkiego X. L. Religiey Greckiey w jedności z św. Kościołem Rzymskim będącym. Przez Bractwo Wileńskie przenaśw. Troycy". Здѣсь оно, въ доказательство своей мысли, что привиллегіи троицкаго братства принадлежатъ именно троицкому братству и даны мѣщанамъ Вильны, ссылается на привилей м. Онисифора 1584 г., которымъ онъ „то братство первоначально позволилъ и благословилъ" (to bractwo na początku pozwolił y błogocławił), и на привилей п. Іереміи, который *черезъ четыре года* подтвердилъ его (а послѣднее состоялось въ 1588 г.) [1]). Подобнымъ образомъ и другое уніатское произведеніе того времени—„ Respons krôtki na nowe roczne dzieje Ruskie pp. nieunitow"—начало троицкаго братства рѣшительно относитъ къ 1584 г.: „Tego roku Bractwo Wilenskie prze Nayswiętszey Troy(ce po)czątek swoy wzięło" [2]). Не отвергаетъ, наконецъ, даты Синопсиса и еще одно сочиненіе, вышедшее изъ лагеря уніатовъ 1 сентября 1632 г.: „Iedność swięta cerkwie wschodniey y zachodniey od początku wiary katolickiey obficie rozkrzewiona" [3]).

Итакъ, братство виленское основалось въ 1584 году. Можно точнѣе опредѣлить дату его учрежденія. Авторъ „Правъ и привилеевъ", соглашаясь съ „Синопсисомъ", что братство основано еще въ 1584 г. (nastało ieszcze r. 1584), указываетъ на то, что до полученія подтвержденія отъ п. Іереміи оно существовало безъ патріаршаго благословенія, довольствуясь только благословеніемъ митрополита, „и это продолжалось четыре слишкомъ года" (a to było przez lat cztery y więcey) [4]). Грамота же п. Іереміи, подтвердившая виленское братство, датируется 5 іюня 1588 г. [5]). Такимъ образомъ, это „więcey" даетъ видѣть, что братство учреждено м. Онисифоромъ въ 1584 г. еще до 5 іюня. Съ другой стороны, должно признать, что это могло случиться послѣ 27 мая, ибо въ датированной этимъ числомъ королевской грамотѣ нѣтъ ни малѣйшаго намека на существованіе братства: здѣсь утверждаются извѣстныя льготы не за нимъ, а за православной „лавицей" (стороной) магистрата Вильны, которой давно принадлежали права патроната по отношенію къ троицкому монастырю [6]). Православная же половина магистрата не можетъ быть отожествляема съ троицкимъ братствомъ. Это открывается какъ изъ того, что въ то время, какъ „русской лавѣ" магистрата принадлежалъ весь монастырь, братству—только алтарь Срѣтенія Господня въ

---

[1]) Стр. 43 и 48.

[2]) Арх. гр.-ун. митроп., кн. I, № 8. Это сочиненіе есть отвѣтъ на Supplementum Synopsis, каковое дополненіе къ Синопсису, или точнѣе—вторая, болѣе полная редакція его,—вышло въ іюнѣ 1632 г. (Петръ Могила, прил., стр. 437 и 446).

[3]) Str. 41.

[4]) Prawa i przywileje... str. 48.

[5]) Вилен. грам., II, № 3.

[6]) «Право патронатства въ ю.-з. Россіи въ XVI в.» (Лит. еп. вѣд., 1878 г., № 38).

троицкой церкви [1]), такъ и изъ различія состава той и другого. Первую составляли избранные мѣщане города, въ составъ послѣдняго вошли представители различныхъ сословій: тутъ, кромѣ членовъ магистрата съ женами, были вельможные паны, князья и княгини, митрополитъ и священникъ, „старая попадья“, два грека, торговые люди изъ другихъ городовъ (Бѣльска, Орши, Пинска, Бреста) [2]). Только потому и могли происходить размолвки между ними [3]). Такимъ образомъ, 27 мая и 5 іюня 1584 г. являются тѣми предѣльными пунктами, между которыми и должно помѣстить фактъ учрежденія троицкаго братства.

Возможно, что м. Онисифоръ и нѣкоторые мѣщане, получивъ королевскую грамоту, поняли все неудобство принятія магистратомъ на себя такихъ обязанностей, какъ забота о школѣ, о людяхъ „въ письмѣ бѣглыхъ“ и вообще о православномъ просвѣщеніи. Въ виду этого и рѣшено было возложить ихъ на особое учрежденіе—на братство. М. Онисифоръ составилъ уставъ братства или далъ благословеніе на составленіе его. Въ реестръ братства не замедлило записаться въ томъ же году немало людей, которые сочуствовали цѣли и стремленію братства „ко составленію любви въ вере по закону церкви Христовы и въ потребу братіямъ недостатствующимъ, возраста деля и ученія, сирѣчь церквамъ въ преспеяніе и прочимъ добродетелемъ“ [4]). Вновь сформировавшееся право-

---

[1]) О братскомъ алтарѣ—Вил. грам., II, № 4; А. З. Р., IV, № 48. Въ 1590 г. б. митрополитъ Онисифоръ опять «пустилъ» монастырь «бургомистрамъ, радцамъ, лавникамъ и всему поспольству мѣщанамъ виленскимъ», и король 22 іюня 1592 г. утвердилъ за ними права патроната надъ всѣмъ монастыремъ (А. З. Р., IV, № 35).

[2]) «Реестръ уписованія братій братства церковного Святои Живоначальнои Троицѣ, олтаря Стрѣтенія Господня, въ мѣстѣ виленскомъ, року отъ воплощенія Господа и Спаса нашего І. Христа, 1584» (Чт. въ моск. общ. ист. и древн. росс., 1859, кн. III, отд. III).

[3]) Такъ, еще до 1594 г. обнаружились случаи столкновенія въ храмѣ священниковъ братскихъ съ «бурмистровскими» (А. З. Р., IV, № 48; ср. № 94). Впослѣдствіи, съ принятіемъ многими изъ городскихъ властей уніи, магистратъ сдѣлался даже орудіемъ въ борьбѣ латино-уніатской партіи съ православнымъ братствомъ.

[4]) Этотъ реестръ представляетъ также одно изъ доказательствъ существованія братства троицкаго уже въ 1584 г. Правда, въ прежнее время, когда не были извѣстны такіе неоспоримые аргументы въ пользу учрежденія братства въ 1584 именно году, какъ свидѣтельства авторовъ «Синопсиса» «Правъ и привилеевъ» и «Responsa krótkiego»,— дата его подвергалась сильному сомнѣнію, въ виду нѣкоторыхъ несообразностей, въ родѣ того, что въ реестрѣ 1584 г. на первомъ планѣ стоитъ имя митрополита Михаила Рагозы, принявшаго этотъ санъ только въ 1588 г., и имена нѣкоторыхъ вельможъ съ титулами и званіями, полученными ими послѣ 1584 г., что и побудило митрополита Макарія замѣнить эту дату—1594 г. (Исторія русской церкви, IX, 547, примѣч. 522). Но эти несообразности объясняются очень просто. Въ реестрѣ при первоначальной записи были оставлены пустыя мѣста, на которыхъ впослѣдствіи и росписывались новые высокопоставленные братчики въ родѣ митрополита Михаила, Ѳ. Скумина, новгородскаго воеводы, Б. Сапѣги, смоленскаго каштеляна, и др., что продолжалось до 1589 г., когда реестръ былъ занесенъ въ трибунальныя книги (*Зимитинкевичъ*, «Учрежденіе Виленскаго Св.-Троицкаго братства», Лит. еп. вѣд., 1883 г., 301—303; *М. Цашкевичъ*, «Виленское Св.-Троицкое братство», 1891, 13—15 (Изслѣдованіе г. П—ча первоначально печаталось въ Виленскомъ вѣстникѣ за 1890 г.). Мы, впрочемъ, думаемъ, что митрополитъ Рагоза,

славное братство и рѣшилось взять всецѣло на себя заботу о нравственномъ преуспѣяніи православныхъ и о школьномъ образованіи, какъ одномъ изъ средствъ къ тому,—„взять на себя“, такъ какъ патроны троицкаго монастыря отказались отъ нея: православнымъ членамъ магистрата въ 1592 г. „сбудованье школъ и выхованье людей въ письмѣ умѣлыхъ“ уже не ставится въ обязанность [1]). Просвѣтительныя задачи новаго братства были весьма ясно формулированы въ его уставѣ, 9-й артикулъ котораго гласитъ: братчики „на сходкахъ должны совѣтоваться и стараться о томъ, чтобы въ школѣ дѣтямъ христіанскимъ преподавались всякія науки, озаботиться о приличномъ содержаніи и вознагражденіи учителю,—человѣку образованному, набожному, трезвенному и сообщающему дѣтямъ совершенную науку, такъ чтобы и люди преуспѣвали въ познаніи и слава Божія умножалась“ [2]).

Въ то время, какъ относительно дѣятельности львовскихъ братства и школы въ первые дни ихъ существованія сохранилось множество до-

---

θ. Скуминъ и многіе другіе сенаторы и паны вписались въ виленское братство въ 1591 г., какъ сообщалъ объ этомъ львовскому братству новгородскій воевода θ. Скуминъ (Monum. confr., I, № 205).

[1]) А. З. Р., IV, № 35. Впрочемъ, впослѣдствіи, когда братское училище было перенесено изъ стѣнъ троицкаго монастыря на новое мѣсто, виленскіе мѣщане, представляемые русской лавой магистрата, опять рѣшили было завести свою школу. Приглашая въ 1599 г. въ свой монастырь Стефана Зизанія, они позволили ему построить и школу (Вил. вѣстникъ, 1891 г., № 52: *Спрогисъ*, «Ст. Зизанія—проповѣдникъ слова Божія въ виленскомъ монастырѣ», документъ № 26).

[2]) *Голубевъ*, Петръ Могила, прилож., стр. 245. Напечатанный здѣсь (№ 36) «Уставъ Виленскаго братства», утвержденный въ 1620 г. патріархомъ θеофаномъ іерусалимскимъ, есть, какъ думаетъ профессоръ Голубевъ, тотъ «порядокъ или чинъ братства», 30 экземпляровъ котораго оно препроводило 28 мая 1588 г. львовскому братству (А. З. Р., IV, №4; Петръ Могила, прилож., стр. 253—256). Мы утверждать этого рѣшительно не можемъ: между годомъ напечатанія виленскаго устава и годомъ утвержденія его патріархомъ θеофаномъ—такой большой промежутокъ (32 года), что нельзя не предположить, что патріарху θеофану былъ представленъ не первоначальный уставъ, а измѣненный, сообразно съ выяснившимися требованіями жизни. Намъ кажется, что и въ текстѣ напечатаннаго г. Голубевымъ устава есть указаніе на болѣе позднее его происхожденіе. Извѣстно, что до 1596 года у братства не было своей церкви (Арх. Ю.-З. Р., I, VII, 564) и оно пользовалось только срѣтенскимъ алтаремъ въ троицкой церкви. Между тѣмъ въ тѣхъ мѣстахъ устава, гдѣ говорится о болѣе торжественномъ праздноваціи нѣкоторыхъ дней (артикулы 5 и 16), не упоминается о праздникахъ ни Троицы, ни Срѣтенія Господня, но за то наряду съ Рождествомъ Христовымъ и Пасхой ставится день Сошествія св. Духа, въ память какого событія былъ построенъ новый братскій храмъ. Во вторыхъ, въ артикулѣ 4 рѣчь идетъ о «благословеніи свят. патріархи», которое имѣетъ быть спрятано въ братской «скринкѣ», а этого «благословенія» виленское братство до іюня 1588 г. не имѣло, хотя заботилось о немъ еще въ маѣ 1587 г. (т. е. тогда оно хотѣло получить его не лично отъ патріарха, а воспользоваться благословенной грамотой его львовскому братству. Monum. confr., I, № 92). Тѣмъ не менѣе, мы полагаемъ, что послѣдовавшее со временемъ нѣкоторое измѣненіе братскаго устава едва ли коснулось школьныхъ обязанностей братчиковъ—онѣ выражены такъ кратко и просто, что, можно думать, это мѣсто отображаетъ первоначальныя отношенія братчиковъ къ школѣ, когда еще не были опредѣлены особыя лица для завѣдыванія ею.

кументовъ, исторія виленской школы, какъ и самого виленскаго братства, похвалиться этимъ не можетъ, и первые два года ихъ жизни не освѣщаются никакимъ рѣшительно современнымъ свидѣтельствомъ. Это молчаніе не можетъ, конечно, служить доказательствомъ бездѣятельности этихъ учрежденій или—тѣмъ болѣе—ихъ несуществованія. Относительно школы, по крайней мѣрѣ, можно утверждать, что она съ самаго начала сдѣлалась однимъ изъ важнѣйшихъ предметовъ заботъ братства. Виленская школа даже ранѣе, чѣмъ львовская, стала пользоваться печатными учебниками. Мы говоримъ объ изданной въ 1586 году, „для наученія и вырозумѣнья божественнаго писанья", славянской грамматикѣ Іоанна Дамаскина, въ переводѣ Іоанна, экзарха болгарскаго. Послѣсловіе этой грамматики, датированное 8 октября 1586 г., удостовѣряетъ, что она взята изъ „газофилакіи" кн. К. К. Острожскаго, „за прозбою жителей столицы вел. князства литовъскаго града Вильни" [1]). Если примемъ во вниманіе, что для того, чтобы снестись съ княземъ Острожскимъ и получить грамматику, чтобы затѣмъ редактировать текстъ ея и напечатать, нужно было довольно продолжительное время, тѣмъ болѣе, что это дѣло было совершенно новымъ у насъ,—то должны будемъ согласиться, что мысль о напечатаніи грамматики слѣдуетъ отнести по крайней мѣрѣ къ началу 1586 г., а устройство самой школы—къ предыдущему году, если не къ 1584-му. Текстъ первой печатной славянской грамматики даетъ еще одинъ фактъ, весьма важный для исторіи виленской школы: на поляхъ книжки находятся латинскіе заголовки §§-овъ. Это свидѣтельствуетъ не только о томъ, что въ виленскомъ братствѣ въ самомъ началѣ его существованія были люди, знакомые съ этимъ языкомъ и привлекавшіеся братствомъ къ участію въ ученыхъ и учебныхъ занятіяхъ, но и о томъ, что латинскій языкъ преподавался въ самой школѣ. Иначе пришлось бы допустить, что редакторъ грамматики хотѣлъ похвалиться своимъ языкознаніемъ, безъ надежды быть понятымъ учениками и полезнымъ имъ. Фактъ этотъ не представляетъ чего либо невѣроятнаго и потому, что патріархъ Іеремія, утверждая въ 1588 г. братскую школу „языка греческаго, *латинскаго* и русскаго", говоритъ объ этомъ въ выраженіяхъ, дающихъ видѣть, что здѣсь латинскій языкъ уже преподавался и не былъ новостью. Точно также и король, позволяя въ 1589 г. учить въ школѣ братской языкамъ русскому, греческому, латинскому и польскому, повторялъ только то, что значилось въ представленномъ ему братскомъ чинѣ [2]).

Реорганизація львовскаго братства застала виленское братство уже существующимъ: послѣднее встрѣтило съ радостію вѣсть объ его „благочестивомъ, родъ хрестіанскіи распространяющемъ и любовь множащемъ житіи" и съ одобреніемъ читало его „порядка и постановленія". На просьбу львовянъ о присылкѣ книги „Маргаритъ" виленское братство

---

[1]) Единственный въ Россіи, и то дефектный, экземпляръ этой грамматики составляетъ собственность Императорскаго общества любителей древней письменности. Какъ увидимъ ниже, принадлежность грамматики и ея перевода указаннымъ въ послѣсловіи лицамъ—двумъ Іоаннамъ подвергается сомнѣнію.

[2]) Вил. грам., II, №№ 3 и 4.

отвѣчало обѣщаніемъ прислать и ее и чинъ свой, какъ только они будутъ переписаны, и вообще посылать, что понадобится [1]). Но сознанная виленскимъ братствомъ важность ознакомленія съ своимъ уставомъ православныхъ другихъ городовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ встрѣченное имъ со стороны нѣкоторыхъ горожанъ противодѣйствіе въ своей дѣятельности, заставили его просить митрополита Онисифора о дозволеніи напечатать уставъ и о дарованіи новой благословенной грамоты. Послѣдняя и была дана 19 іюня 1587 г. Митрополитъ Онисифоръ, которому былъ представленъ уставъ, „благословилъ всѣхъ православныхъ христіанъ закону нашего греческаго братство церковное имѣти и вся обычаи сего богоугоднаго братства въ книзи сей написанныя хранити". Подтвердивши такимъ образомъ существованіе братства и его чинъ, митрополитъ продолжаетъ: „тожъ азъ Онисифоръ братству церковному Святыя и Живоначальныя Троица, гражаномъ виленскимъ, печатію моею назнаменовахъ, предахъ и напечатати во извѣщеніе всему православію благословихъ, и школу братскую въ дому братскомъ имѣти". Въ заключеніе митрополитъ Онисифоръ, по особенной просьбѣ братства, предписываетъ виленскому протопопу и священникамъ сдѣлать внушеніе „братіи непокоряющейся истинне и соблазнъ о себѣ инѣмъ подающей", и отлучать всенародно отъ братства, будетъ ли то епископъ, или попъ, или причетникъ или мірской человѣкъ: на всѣхъ такихъ будетъ неблагословеніе его, митрополита [2]). Братство виленское, дѣйствительно, напечатало въ 1588 г. свой уставъ и 28 мая послало 30 экземпляровъ его въ Львовъ [3]), а вмѣстѣ съ тѣмъ съ новой энергіей принялось за свое дѣло.

Въ какомъ духѣ работало на первыхъ порахъ виленское братство, показываетъ жалованная грамота (отъ 6 февр. 1588 г.) его „уписныхъ братій" Богдана Павловича Сапѣги и жены его Аполлоніи на дворъ въ городѣ, въ Рыбномъ концѣ, подлѣ никольской церкви, съ каменными и деревянными постройками, подаренный ими братству „для дѣлъ милосердія, служащихъ къ распространенію хвалы Божіей,—для содержанія людей ученыхъ въ Божественномъ Писаніи, и пѣвцовъ, и слугъ церковныхъ". Жертвователи мотивировали свой подарокъ тѣмъ, что они „присмотрѣлись къ почтенной и благочестивой дѣятельности братства, направляемой каждый разъ, по требованію обстоятельствъ, къ душевному

---

[1]) Посланіе отъ 8 мая 1587 г.—Monum. confr., I, № 92.

[2]) Арх. ун. митрополитовъ, № 111. Эта грамота митрополита Онисифора и по началу и по окончанію очень напоминаетъ грамоту, данную патріархомъ Іоакимомъ львовскому братству 1 января 1586 г. Здѣсь приведены всѣ тѣ же тексты Св. Писанія, хотя и въ нѣсколько сокращенномъ видѣ, какими мотивировалъ патріархъ Іоакимъ необходимость отлученія непокоряющихся львовскому братству.

[3]) А. З. Р., IV, № 4. Что «Чинъ» виленскаго братства напечатанъ въ 1588 г., объ этомъ говоритъ патріаршая грамота 5 іюня 1588 г. (Вил. грам., II, № 3). Если же Синопсисъ помѣщаетъ напечатаніе его подъ 1587 г., то, очевидно, потому, что онъ поставилъ его въ связь съ фактомъ обращенія къ братству за списками «Порядка» мѣщанъ другихъ городовъ и прежде всего—Львова. Что это такъ, видно изъ того, что подъ 1587 г. записано и вступленіе въ братство митрополита Рагозы, а это могло статься не ранѣе 1588 г. А авторъ Responsa krótkiego отнесъ напечатаніе чина къ 1587 г., вѣроятно, вслѣдъ за Синопсисомъ (Арх. ун. митрополитовъ, кн. I, № 8, подъ 1587 г.).

спасенію людей, къ чести и хвалѣ Господу Богу, къ размноженію наукъ Его святаго Писанія“ [1]). Въ чемъ именно состояло „размноженье науки писма святого“, точно не знаемъ, но можемъ догадываться, что тутъ были и церковная проповѣдь, и издательство книгъ съ полемическимъ характеромъ [2]), и, наконецъ, заботы о школьномъ обученіи, которое по братскому уставу является одной изъ основныхъ функцій дѣятельности братскихъ сходокъ. Не знаемъ ни именъ первыхъ братскихъ учителей, ни того, чему и какъ они учили. Вѣроятно, братство не всегда имѣло подходящихъ и нужныхъ дидаскаловъ. Такъ, когда въ 1588 г. ему доставлено было изъ Львова начало Еллино-словенской грамматики, братство „разсмотрѣло его достойно“ и нашло пригоднымъ для себя, такъ что просило львовянъ прислать, по окончаніи этого спасительнаго дѣла, 100 или 200 экземпляровъ, „учинивши имъ цѣну слушную“ (подходящую). Но при этомъ оно молило прислать вмѣстѣ съ книгами „дьяка или дву, могущихъ достойнѣ разсудити є и инѣхъ научити“, обѣщая устроить имъ „житіе и всякъ достатокъ въ потребу тѣлесную достойнѣ“ [3]). Послѣдняя просьба тѣмъ и объясняется, что братство не имѣло еще хорошихъ преподавателей греческаго языка. А дальнѣйшая исторія показываетъ, что не скоро ихъ и получило. Когда львовяне, напечатавъ наконецъ въ 1591 году свою грамматику, послали два экземпляра ея виленскому братству, то, памятуя просьбу послѣдняго, пообѣщали дать и дидаскала, и когда видные представители виленскаго братства—воеводы Скуминъ и Сапѣга подтвердили въ своихъ письмахъ отъ 11 и 22 октября, что оно очень нуждается въ „дѣлателѣ искусномъ до тоежъ науки граматычна писма грецкого и словацкаго, т. е. дидаскалѣ чоловекѣ добромъ въ томъ умѣетномъ“ [4]),—послали въ Вильну Кирилла, пребываніе котораго во Львовѣ послѣ происшествія 1 января 1592 г. становилось для него невозможнымъ. Виленское братство приняло его только послѣ пробныхъ уроковъ, и Θ. Скуминъ писалъ 18 января въ Львовъ, что оно осталось очень довольно новымъ учителемъ и желаетъ навсегда оставить его у себя [5]). Вообще братство нуждалось въ это время въ просвѣщенныхъ дѣятеляхъ, „ища, по выраженію львовянъ, у нихъ священники и учителя, якоже Ахавъ алчнымъ конемъ своимъ травы“ [6]), и послѣ пользовалось въ этомъ отношеніи помощью львовскаго братства.

Между тѣмъ виленскому братству представился случай получить для себя и для школы патріаршую санкцію. 3 іюня 1588 г. заѣхалъ

---

[1]) Вѣстн. зап. Рос., 1865/6 г., V, № 1. Чрезъ нѣсколько лѣтъ по введеніи уніи, сынъ жертвователя Павелъ пытался отнять этотъ домъ (Archivum Sapieh., I, № 235).

[2]) 28 мая 1588 г. виленское братство послало львовскому книгу «Маргаритъ въ нейже есть и на Арменьскую ересь» (А. З. Р., IV, № 4).

[3]) А. З. Р., IV, № 4.

[4]) Monum. confr., I, №№ 201. 205 (id. *Крыловскій*, Акты, №№ 41. 42).

[5]) Monum. confr., I, № 209 (id. *Крыловскій*, Акты, № 44. Едва ли можно принять дату г. Крыловскаго: 8 января. Трудно представить, чтобы въ одну недѣлю Кириллъ могъ собраться изъ Львова, переѣхать въ Вильну и начать ученіе).

[6]) А. З. Р., IV, № 33, п.

въ Вильну, по пути въ Москву, константинопольскій патріархъ Іеремія и прожилъ здѣсь 12 дней [1]). Члены братства обратились къ нему съ просьбой о „разсмотрѣніи и исправленіи“ своего чина. Патріархъ охотно утвердилъ его, увидѣвъ, что все въ немъ написанное служитъ „ксоединенію любви духовное и ксовершенному христіанскому благочестію“. Въ частности, онъ благословилъ „школу братскую вдому братскомъ, языка греческаго, латинскаго и рускаго имѣти. Також и друкарню вся книги ветхаго и новаго завѣта по святыхъ отецъ преданию печатати“ [2]). Чрезъ годъ, 21 іюля 1589 г., братская греко-латино-русская школа была подтверждена вмѣстѣ съ братствомъ и королемъ. Сигизмундъ III, разсмотрѣвъ представленные ему чинъ братства и грамоту патріарха Іереміи и найдя, что братія умыслила дѣлать не что иное, какъ „науку писма светого помножати и инные пристойные справы порадне отправовати“, и чувствуя, что онъ, какъ государь, долженъ „не только стародавнихъ правъ, свободъ, вольностей сторожомъ (и) оборонцею быти“, но и умножать ихъ,—утвердилъ всѣ статьи братскаго устава. Сверхъ того онъ далъ братству печать, освободилъ его отъ всякихъ денежныхъ и натуральныхъ повинностей и отъ подчиненности городскимъ и другимъ властямъ и судамъ, взявъ на себя, какъ „обороньцу вшелякихъ добръ духовныхъ и братствъ церковныхъ—справедливость чинити“. Относительно школы королевская грамота выражается: „Вшколе братской детей братии уписное и убогихъ сиротъ езыка и писма рускаго, греческого, латынского и польского накладомъ братским дармо учити повинни водле постановенья ихъ братскаго, такоже и людей вписме учоныхъ особъ духовныхъ и светских для науки школьное („и до ученья людей у церкви“—добавлено въ другомъ мѣстѣ) и доспеванья въ справе своей ховати маютъ“. Точно также и относительно печатанія книгъ король расширилъ позволеніе патріарха: „Книги всякие стараго и новаго закону такъ въ науце школьной яко и церкви потребные по кгрецку по словацку по руску и по польску друковати позволяемъ“ [3]).

9 октября 1592 г. виленское братство съ школой получило новую королевскую привиллегію—по такому поводу. До этого оно не имѣло своего дома и „схажки“ (сходки) производило въ троицкомъ монастырѣ, гдѣ помѣщалось и училище. Теперь братство купило у пана Яна На-

---

[1]) *Голубевъ*, Исторія Кіевской духовной академіи, 64. 65.

[2]) Виленскія грамоты, II, № 3. Подлинная грамота, датированная 5 іюня, хранится въ Архивѣ вилен. св.-троицкаго монастыря.

[3]) Виленскія грамоты, II, № 5 (id. Чт. моск. общ. ист. и древн. рос., 1859 г., III, отд. III; А. В. А. К., IX, № 52). Было бы въ высшей степени интересно знать, слово «рускій» употребляется тутъ, какъ синонимъ къ «словацкій» или въ смыслѣ противоположенія послѣднему. Если второе—тогда и «рускій языкъ» въ школѣ по грамотамъ Іереміи и Сигизмунда III будетъ обозначать не славянскій языкъ (какъ въ львовской школѣ), а западнорусскій. Тогда и самая школа получаетъ расширеніе программы и въ другую сторону. И, дѣйствительно, мы видимъ, что 5 классовъ, на которые раздѣляется она въ 1617—1619 гг., были назначены—три для латыни, одинъ для русскаго языка и одинъ для славянскаго съ греческимъ (А. З. Р., IV, № 217). Впрочемъ, часто слова: «русскій» и «славянскій» отожествлялись, употребляясь одно вмѣсто другого (А. В. А. К., XI, стр. 46, 50, 56).

рушевича за 1200 копъ литовскихъ грошей полукаменный домъ („каменицу муромъ и деревомъ побудованную“) [1]), и такой же домъ „вѣчностью надалъ“ ему его новый членъ Яковъ Кондратовичъ [2]). Оба эти дома лежали на Большой улицѣ съ лѣвой стороны, если итти отъ рынка (нынѣ театральная площадь) къ „Острой Брамѣ“ [3]). Братство соединило ихъ въ одинъ домъ, устроило въ немъ „школы греческую, русскую, латинскую и польскую“ (прежде училище помѣщалось въ троицкомъ монастырѣ) и назначило его для своихъ собраній и для „выхованья въ немъ людей ученыхъ, духовныхъ и свѣтскихъ, такъ до науки народу хрестіанскаго и дѣтокъ малыхъ, яко и до всякихъ послугъ и оздобъ того братства и набоженьства своего“. Такъ какъ въ привиллегіи королевской 21 іюля 1589 г. о братскомъ домѣ не сказано было прямо, то теперь братство обратилось къ Сигизмунду III съ просьбой утвердить пріобрѣтеніе и назначеніе новаго дома. Король очень милостиво отнесся къ просьбѣ, освободилъ новый домъ отъ городскихъ повинностей и юрисдикціи и позволилъ строить на его дворѣ церковь. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ подтвердилъ право печатать книги на греческомъ, русскомъ, латинскомъ и польскомъ языкахъ и учить даромъ сиротъ и дѣтей братчиковъ [4]). 2 декабря 1592 г. уполномоченные братства получили въ Вар-

---

[1]) Продажная запись на этотъ домъ, называвшійся Гомшеевскимъ, датируется: 1591 an. feria VI in vigilia s. Mathaei (Опредѣл. задвор. корол. суда 1780 г.—А. В А. К., IX, стр. 446), т. е. 17 іюля 1591 г. (Актъ продажи—въ Арх. вил. св.-троицкаго монастыря, связка 12. Ср. *О. В. Щербицкій*, «Виленскій св.-Троицкій монастырь»—въ Лит. еп. вѣд., 1885 г., № 27.)

[2]) Фундушовая запись датирована: «1592 г. въ пятницу предъ днемъ Іакова» (въ началѣ іюля?). (А. В. А. К., IX, стр. 446.). Послѣ смерти Кондратовича король по выморочному праву пожаловалъ было этотъ домъ своему пажу Пелясу Флоріану. Братство вступилось за свои права на него. Дѣло изъ ратуши перешло въ задворный судъ и король 10 февраля 1596 г. рѣшилъ его въ пользу братства (Арх. сб., X, № 4). Впослѣдствіи этотъ домъ назывался Яцковскимъ по имени жертвователя Якова (А. З. Р., IV, № 159; А. В. А. К., VIII, № 46).

[3]) Въ королевской грамотѣ мѣстоположеніе этихъ домовъ опредѣляется болѣе точно, но для насъ названія владѣльцевъ сосѣднихъ строеній не уясняютъ дѣла. Судя по топографіи братскихъ владѣній, заключающейся въ свидѣтельскихъ показаніяхъ по дѣлу о нападеніи іезуитскихъ студентовъ на братскіе дома и церковь въ 1598 г., дома эти занимали мѣсто нынѣшняго, недавно построеннаго, духовскаго дома, напротивъ троицкаго монастыря. Крыльцо школьное выходило на плацъ, часть котораго была занята церковью (А. В. А. К., VIII, №№ 13. 14). На это указываютъ и другія историческія свидѣтельства. Въ 1601 г. въ жалобѣ магистрата на братство домъ Нарушевича обозначается лежащимъ на Островоротной улицѣ (in platea ostrensi. Арх. сб., X, № 5); въ опредѣленіи королевскаго суда 1780 г. домъ Нарушевича названъ стоящимъ на Большой улицѣ, а Кондратовича—на Троицкой (А. В. А. К., IX, № 160, стр. 446). Довольно неточно указаніе г. Миловидова, что домъ Гомшіевскій находился «противъ театральной площади» (Заслуги древняго виленскаго братства для зап.- русской церкви и народности. Хр. чтеніе, 1897, ноябрь, 362).

[4]) А. В. А. К., IX, № 53 (id. 54). Ср. Вил. грам., II, № 42. Не видно, чтобы у братства въ это время была уже своя типографія, и хотя брестскій соборъ 1591 г. утвердилъ друкарни въ Львовѣ и въ Вильнѣ (Monum. confr., I, № 207), ея, кажется, не было здѣсь и въ 1594 г., иначе на брестскомъ соборѣ этого года было бы упомянуто о ней, какъ

шавѣ отъ короля грамоту, подтверждавшую неподсудность Гомшеевскаго и Яцковскаго домовъ городской юрисдикціи и свободу отъ налоговъ и постоевъ. Но это обстоятельство послужило для магистрата поводомъ къ тому, чтобы начать тяжбу съ братствомъ, будто бы неправильно получившимъ королевскую привиллегію. Началось дѣло. Королевскій судъ въ 1601 г., за непредставленіемъ братствомъ подлинной привиллегіи, рѣшилъ подчинить дома городскому праву и воспретить братчикамъ тайныя сходки. Но братство опротестовало самое право магистрата переносить такого рода тяжбы на задворный судъ (1601, 1603 гг.). Спустя нѣсколько лѣтъ „урядъ мѣстскій Виленскій“ сдѣлалъ было попытку передать эти дома уполномоченному троицкаго монастыря, который называлъ себя владѣтелемъ всего имущества, принадлежащаго троицкому братству. Но объ этомъ узнало братство, и когда къ домамъ явился 22 февраля 1611 г. возный съ понятыми и представителемъ уніатскаго монастыря, дворникъ братскій не допустилъ ихъ совершить передачу, стараясь вручить имъ заранѣе заготовленный протестъ братства. Пришедшіе „цедулы не взяли, но прочъ отышли, кгвалтомъ (насильно) въ тые дома не увязуючися“ [1]). Что въ послѣдующее время Гомшеевскій и Яцковскій дома оставались за православнымъ братствомъ и что здѣсь именно находилось училище, видно какъ изъ позова братству въ 1624 г., такъ и изъ свидѣтельства автора „Правъ и привилевъ“ отъ 1632 г., что на грунтахъ этихъ домовъ „теперешніе паны неуніаты имѣютъ свои школы и церковь“ [2]).

Изъ другихъ пожертвованій, сдѣланныхъ виленскому братству и имѣвшихъ ближайшее отношеніе къ его школѣ, отмѣтимъ имѣніе Судерви (въ виленскомъ повѣтѣ), пожертвованное новгородскомъ каштеляномъ княземъ Александромъ Ивановичемъ Полубенскимъ и его женой. Князь еще до 11 марта 1593 г. обѣщалъ это имѣніе и въ этотъ день письменно обязался передать его— „ку хвалѣ Божой, на выхованье и выживенье священникомъ и діакономъ братскимъ, слугамъ церковнымъ и школьнымъ коллегіумъ науки письма грецкого и рускаго“ [3]). Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ написалъ своему судервскому „враднику“ о передачѣ имѣнія со всѣмъ, что въ немъ находится, братскому писарю Григорію Тышкевичу Бужицѣ, что́ и состоялось 10 мая. Несмотря на это, Полубенскіе

сказано было о львовской (А. З. Р., IV, № 48). Но уже въ 1596 г. братство владѣло типографіей съ четырьмя шрифтами: славянскимъ (для славянской и русской рѣчи), готическимъ (для польской), латинскимъ и греческимъ (см. изданное въ этомъ году «Казанье св. Кирилла Іерусалимскаго»). Головацкій считаетъ первой книгой, вышедшей изъ духовской типографіи, Псаломницу. Но въ послѣсловіи ея выставлена дата 1596 г. 23 іюня (*Wiszniewski*, VIII, 409; Записки Имп. акад. наукъ, XXIV, прилож., № 3: «Дополненіе къ очерку славяно-русской библіографіи В. М. Ундольскаго», 8. 9). Между тѣмъ можно думать, что изъ братской типографіи вышелъ не только «Листъ Іеремія патріарха» (20 января 1596 г.), но и Катихизисъ Ст. Зизанія (1595 г.).

[1]) А. В. А. К., VIII, №№ 10, 18, 20, 46. Арх. сб., X, № 5. А. З. Р., IV, № 159.

[2]) *Кояловичъ*, Лит. церк. унія, II, 355. Prawa i przywileje... str. 47.

[3]) Въ актѣ обмежеванія имѣнія, составленномъ 2 апрѣля, сказано, что оно назначается «на братство и на школу для науки рускаго писменя и греческого, также и лацинского, старшому ректору въ дозоръ братству».

продолжали, повидимому, пользоваться имѣніемъ, и только 29 сентября 1594 г. дали братству фундушовую запись на Судерви, причемъ доходы съ нихъ назначили спеціально „на школу коллегіумъ братского, для твпченія и ученія въ оной школѣ и наукахъ вшелякихъ, такъ языка греческого и словенского, яко и инныхъ“. Запись эта на слѣдующій день была явлена и внесена въ новгородскія трибунальныя книги, а 3 декабря 1594 г. составленъ реестръ угодіямъ и инвентарю имѣнія и оно окончательно передано уполномоченнымъ братства [1]).

Безъ сомнѣнія, это пожертвованіе дало братству возможность улучшить внѣшнюю сторону школьной жизни, назначить учителямъ хорошее жалованье и пр. Въ результатѣ этого было то, что сюда перешли брестскіе „профессора“, побуждаемые къ тому также и притѣсненіями со стороны мѣстнаго епископа Потѣя [2]). Что касается внутренней стороны виленскаго училища, то, какъ видно изъ дарственной записи Полубенскаго, въ 1593—1594 гг. школа уже стояла на высотѣ своего положенія: въ ней преподавались не только 4 языка, но и „вшелякія науки“. А на брестскомъ соборѣ 1594 г. она была признана школой „соборнѣйшей“ по отношенію къ другимъ виленскимъ училищамъ, чего добились послы виленскаго братства. Штатъ ея состоялъ въ это время изъ ректора и по крайней мѣрѣ двухъ „дьяковъ школьныхъ“. Ректоромъ же былъ Стефанъ Зизаній, вызванный сюда братствомъ вмѣстѣ съ Юріемъ Рогатинцемъ еще въ 1593 г., какъ человѣкъ „навченный“, спеціально для борьбы съ латинствомъ, по увѣренію автора Боркулабовской хроники [3]). При этомъ братство поручило ему и школу, что видно изъ одного документа 1595 г., гдѣ читаемъ: „але дей, ты пане Стефане казнодея, дня вчорашнего, въ недѣлю рано, посылалесъ до свещенниковъ соборныхъ двухъ *своихъ* дьяковъ школьныхъ“ [4]). Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ и самъ преподавалъ здѣсь, былъ „дидаскаломъ школьнымъ“ [5]). Школьная дѣятельность Стефана Зизанія, вѣроятно, продолжалась только до 1596 года, когда онъ послѣ столкновенія съ митрополитомъ Рагозой, уніональные замыслы котораго обнаружилъ и публично обличилъ, подвергся банниціи; по крайней мѣрѣ, объ его учительствѣ болѣе ничего неизвѣстно. Но братская школа отъ этого нисколько не пострадала,

---

[1]) Арх. сб., VI, № 41. А. В. А. К., XI, №№ 20—22; VIII, № 5. Въ 1596 г. ксендзъ каѳедральнаго костела Мазановичъ заявилъ было претензію на то, что братство завладѣло его землей по сосѣдству съ Судервой, но доказать жалобы не могъ (А. В. А. К. XI, № 23). Въ 1669 г. настоятель св. духовскаго монастыря Дороѳеевичъ продалъ Судерви виленскому новиціату за 2 т. зл. (№ 65, ср. 82).

[2]) 25 марта 1595 г. самъ Потѣй писалъ о нихъ князю Острожскому, что они «залакомствомъ удавшися, до Вильни на сытные пироги отбѣгли» (А. З. Р., IV, № 63). Къ сожалѣнію, Потѣй не назвалъ ни одного имени.

[3]) *Кулишъ*, Матеріалы для исторіи возсоединенія Руси, 1, 57. Ср. Виленскій вѣстникъ, 1891 г., № 52. Въ цитуемомъ мѣстѣ Боркулабовской хроники такъ характеризуется дѣятельность Юрія Рогатинца и Стефана Зизанія въ Вильнѣ: «Тые сильную и великую войну мевали зъ римляны, не только на ратушахъ и при рынку, по дорогахъ, но и посередку церкви светое войну, потарчку великую мевали».

[4]) А. В. А. К., VIII, № 8.

[5]) А. З. Р., IV, № 73.

такъ какъ перешла въ завѣдываніе новаго ректора—Кирилла Лукариса, который прибылъ сюда изъ Острога еще въ первой половинѣ 1595 года и занимался въ братскомъ училищѣ преподаваніемъ греческаго языка. Напротивъ, можно даже думать, что при Лукарисѣ именно произошолъ такой подъемъ различныхъ сторонъ школьной жизни, что явилась уже мысль о виленской православной академіи [1])... Къ сожалѣнію, ректорство Кирилла Лукариса въ Вильнѣ продолжалось только до конца 1596 года. Съ его уходомъ, который совпалъ съ провозглашеніемъ брестской уніи, для виленской школы начался печальный періодъ: являясь вмѣстѣ съ братствомъ представительницей и передовымъ пунктомъ православія въ Вильнѣ и даже во всей Литвѣ, она прежде всего должна была подвергнуться нападеніямъ со стороны латино-уніатовъ. Первый такой приступъ виленская школа выдержала въ 1598 году.

Апрѣльскій разгромъ братской школы іезуитскими студентами и католической толпой въ 1598 г. интересенъ для насъ въ томъ отношеніи, что знакомитъ насъ съ нѣкоторыми подробностями школьной жизни и сообщаетъ имена нѣсколькихъ братскихъ учителей. Рядъ нападеній на братство начался въ великую субботу. Депутатъ трибунала ксендзъ Геліашевичъ съ толпой іезуитскихъ студентовъ пришелъ „до колеуму русского“ къ о. Никифору черницу „и началъ ся самъ вдавати з нимъ въ диспутаціи,“ а одинъ изъ его спутниковъ сталъ затрогивать („вадитися и фукати“) Фирса Ольшевскаго, „педакгога“, который ходилъ въ школу съ сыномъ князя Огинскаго, подкоморія троцкаго. Вечеромъ та же толпа производила безобразія уже въ храмѣ; свидѣтелемъ ихъ былъ, въ числѣ другихъ, „педакгогъ“ Тимофей. Въ свѣтлое воскресеніе, во время литургіи, католики и преимущественно іезуитскіе студенты толкали въ церкви богомольцевъ, смѣялись, не допускали къ св. причастію, кололи, „слова невстыдливыя мовили,“ били по шеѣ кадившаго діакона, а „боколяра кгрецкого Демьяна Капишовскаго“ за его замѣчаніе; „панове, уступитеся“, ударили по губамъ, „шарпали за сукню,“ волокли изъ церкви... Внѣ церкви они даже обнажили оружіе. Когда толпа была выпровожена на Субочъ-улицу, часть ея вернулась чрезъ другія ворота (съ Островоротной улицы) и, кинувшись къ школѣ, на ея крыльцѣ изранила Симона, слугу смоленской воеводины. Вечеромъ того же дня собралось нѣсколько сотъ человѣкъ, которые и возобновили нападеніе, направивъ его главнымъ образомъ на школу, причемъ разбили въ ней стекла, поломали оконные переплеты, испортили крышу, поранили школьную челядь; разбили окна и въ типографіи. Не оставили братства въ покоѣ и въ понедѣльникъ. Но когда братство принесло въ этотъ день (25 апрѣля) жалобу въ гродскій судъ, онъ ея не принялъ; въ виду того, что нашествія студентовъ продолжались, православные 5 мая перенесли дѣло въ главный трибуналъ. Но такъ какъ іезуитскіе студенты отрицали насилія и побои и притомъ ссылались на свои привиллегіи, то судьи трибунала совѣтовали обратиться къ королевскому сеймовому суду въ

[1]) Ὀρθόδοξος χριστιανός патр. Мелетія, 1596 г., Вильна (Bibliographie Hellénique s. XV et XVI, t. II, № 218). *Heineccius*, Abbildung der alten und neuen griechischen Kirche. Leipzig, 1711, I, 195. *Smithus*, Collectanea de Cyrillo Lucario, 78.

Варшавѣ. Братскіе старосты, принимая во вниманіе дальность и неудобства пути и близость къ смерти нѣкоторыхъ избитыхъ, потребовали, чтобы свидѣтели ихъ были выслушаны на городскомъ урядѣ въ самой Вильнѣ. Тогда же братство жаловалось на насилія іезуитскихъ студентовъ предъ православнымъ дворянствомъ лидскаго, трокскаго и ошмянскаго уѣздовъ [1]).

Не знаемъ, какое удовлетвореніе получило братство и получило ли. Во всякомъ случаѣ эта обида очень содѣйствовала сближенію братства съ кальвинистами, въ которыхъ оно надѣялось найти защиту отъ насилій латинской партіи. Еще въ 1595 г. митрополитъ Рагоза обвинялъ Стефана Зизанія въ томъ, что онъ „прибѣжища ищетъ приняти отъ лукавыхъ и сырояднихъ волковъ иншого православія, а не своего си“ [2]). Нѣсколько позже и авторъ „Перестроги“ свидѣтельствовалъ: „Виленское братство въ купѣ зостало, маючи при себѣ геретиковъ, которыхъ имъ Господь Богъ заступцами далъ“, послѣ того, какъ „отступники отъ православія ударили на братства Виленское и Брестское“ [3]). Эти дружественныя отношенія между виленскимъ братствомъ и протестантами способствовали процвѣтанію и школы братской, такъ какъ внушали твердую надежду на ея цѣлость. Что, дѣйствительно, виленская школа продолжала развиваться и послѣ удаленія Кирилла Лукариса, объ этомъ свидѣтельствуютъ та-же „Перестрога“ [4]) и Катихизисъ, изданный братствомъ въ 1600 г. и представляющій часть курса по догматическому богословію [5]).

Впрочемъ, эти успѣхи были относительными и очень часто подвергались колебаніямъ въ зависимости отъ состава преподавательской корпораціи. Въ послѣдующее время братству приходилось терпѣть недостатокъ въ хорошихъ учителяхъ и восполнять его наймомъ людей случайныхъ, не всегда удовлетворявшихъ нравственнымъ требованіямъ отъ нихъ, выражавшимся въ уставахъ братскихъ училищъ. Такъ, въ концѣ мая 1605 г. братство должно было разстаться съ своимъ „бакаляромъ рукодайнымъ юркгельтовымъ“ (т. е. состоявшимъ у него на жалованьи), братскимъ іеродіакономъ Антоніемъ Ѳедоровичемъ Грековичемъ и даже возбудить противъ него дѣло за незаконную связь его съ черницей духовскаго монастыря Катериной Лычанкой [6]), а въ декабрѣ покончить

---

[1]) А. В. А. К., VIII, №№ 13—15. Виленскій вѣстникъ, 1870 г., №№ 49 и 50.

[2]) А. З. Р., IV, № 88.

[3]) А. З. Р., IV, стр. 215.

[4]) Чѣмъ больше православные вильняне были преслѣдуемы и гонимы, говоритъ авторъ ея, тѣмъ больше проявлялась къ нимъ милость Божія,—«братство множилося, школа росла, людей зъ ней ученыхъ много и казнодѣевъ мудрыхъ выходитъ... Што такъ дѣеться и по сей часъ» (А. З. Р., IV, стр. 215).

[5]) Катихизисъ переизданъ проф. Голубевымъ въ Чтеніяхъ истор. общ. Нестора лѣтописца, IV, отд. III.

[6]) «Справа виленскаго братства... съ Грековичемъ» (Чт. въ моск. общ. ист. и древн. росс., 1859 г., III, отд. III). Cf. Arch. Sapieh., I, № 561. До этого Грековичъ былъ въ Дермани діакономъ и съ 9 апрѣля 1598 г.—архимандритомъ; въ 1609 г. получилъ право проповѣди. Спасеніе отъ преслѣдованія братства и трибунальнаго осужденія на смерть

расчетъ и съ другимъ бакаляромъ, преподавателемъ польскаго и латинскаго языковъ—Ольбрихтомъ Чаплинскимъ, кажется, еще до окончанія договорнаго срока [1]). Поводомъ къ этому послужило нанесенное Чаплинскимъ братскому попу о. Ивану Семеновичу въ братской столовой, гдѣ собрались „особы духовные, и иншіе на кгрунтѣхъ братскихъ мѣшкаючіе", оскорбленіе—сначала словами „понудливыми и неучтивыми", а затѣмъ и дѣйствіемъ (Чаплинскій ударилъ о. Ивана въ спину и кинулъ въ него горшкомъ). По жалобѣ оскорбленнаго, поданной 4 декабря братскимъ старшинамъ, послѣдніе въ присутствіи вознаго „учиняли справедливость". Сначала они установили тотъ фактъ, оспариваемый Чаплинскимъ, что онъ, какъ „юркгелтовый и рукодайный братскій слуга", подлежитъ ихъ суду. Послѣ того уполномоченный о. Ивана заявилъ, что обидчикъ по 39 артикулу IV раздѣла Статута теряетъ руку, если онъ простой человѣкъ, а если шляхтичъ, то по 47 артикулу подлежитъ заключенію. Хотя Чаплинскій утверждалъ, что онъ шляхтичъ, но доказать этого не могъ. Тогда судьи рѣшили отослать Чаплинскаго въ тотъ повѣтъ, откуда онъ былъ родомъ, для удостовѣренія его дворянскаго званія.

Судьба виленской школы въ слѣдующія нѣсколько лѣтъ покрыта мракомъ неизвѣстности, будучи затемнена болѣе крупными событіями изъ жизни всего братства, притомъ не особенно благопріятными. Виленское уніатское братство, открытое въ 1608 г. при троицкомъ монастырѣ, начало дѣлать „опресыи и пренагабеня" православному братству, заявляя притязанія на братскіе грунты, на типографію и пр. Несмотря на фиктивность основаній домогательствъ уніатскаго братства, духовскимъ братчикамъ приходилось серьезно считаться съ ними, тѣмъ болѣе, что на сторонѣ уніатовъ стояли магистратъ города, католическій епископъ, самъ король. Покровительство послѣднихъ сказалось очень чувствительно на духовскомъ братствѣ въ исторіи съ Ѳриносомъ. Братская типографія выпустила въ 1610 году сочиненіе Максима Смотрицкаго: „Θρηνος to iest Lament cerkwi wschodniey"... Такъ какъ оно было написано въ анти-католическомъ духѣ, то Сигизмундъ III распорядился изъ-подъ Смоленска сдѣлать въ духовской типографіи обыскъ, подозрительныя книги сжечь, типографовъ засадить въ тюрьму и шрифтъ отнять. Въ результатѣ этого декрета было отобраніе городскими властями нѣсколькихъ экземпляровъ Ѳриноса, найденныхъ въ типографіи и у переплетчика Нерпа. Вмѣстѣ съ тѣмъ поплатился и главный типографъ—„братскій слуга и писарь Логинъ Карповичъ, шляхтичъ учтивый": слуги виленскаго бискупа схватили его въ самую великую субботу и засадили въ смрадную тюрьму. Братство жаловалось трибуналу, а послѣдній въ 1611 г. рѣшилъ отослать это

Грековичъ нашелъ у уніатскаго митрополита Ипатія Потѣя, который назначилъ его своимъ намѣстникомъ въ Кіевѣ и настоятелемъ выдубицкаго монастыря («Справа»... Арх. уніат. митр., №№ 315, 316; А. Ю. и З. Р., II, №№ 36, 37). Въ 1618 г. онъ былъ утопленъ казаками въ Днѣпрѣ (Арх. уніат. митроп., № 412).

[1]) Чаплинскій нанятъ былъ на годъ за 20 копъ лит. грошей.

дѣло „на розсудокъ сеймовы“ [1]). Съ 1613 г. притязанія уніатскаго братства дѣлаются все настойчивѣе. Оно опротестовывало, какъ незаконныя и вредныя для себя, всѣ дѣйствія православнаго братства и, наконецъ, предъявило къ послѣднему искъ въ количествѣ 40 т. копъ лит. грошей. Король сдѣлалъ позовъ виленскому братству 5 іюля 1613 г., а затѣмъ 16 іюля 1614 г. [2]). Доказать свои мнимыя права на грунты и имущество духовскаго братства уніатамъ не удалось, но возбужденная ими тяжба должна быть сильно отразиться на финансахъ перваго: судебныя пошлины собраны были не только съ живыхъ, но и съ умершихъ братчиковъ [3]). Понятно, что это не могло не повліять неблагопріятно и на просвѣтительную сторону дѣятельности виленскаго братства, отозвавшись прежде всего на содержаніи школы. Быть можетъ, оттого именно не встрѣчается въ теченіе десяти почти лѣтъ никакого указанія на школу, хотя, разумѣется она существовала, какъ не прекратилась и переводческо-издательская дѣятельность братства [4]).

Троицкіе уніаты, начавъ борьбу съ духовскимъ братствомъ, не ограничились одной юридической тяжбой. Пользуясь сосѣдствомъ съ духовскимъ монастыремъ, они стали бомбандировать его со всѣмъ усердіемъ, употребляя для того и камни, и ружья. Стараясь подстрѣлить кого либо изъ духовныхъ, они въ 1614 г. едва не убили на смерть архимандрита Леонтія Карповича. Страдала при этомъ и школа. Въ 1615 г. 4 августа возный нашелъ какъ въ братскихъ помѣщеніяхъ монастыря, такъ и въ ней немало пуль и знаковъ отъ камней. Опасности, угрожавшія зданію и ученикамъ, должны были естественнымъ образомъ повліять на уменьшеніе числа послѣднихъ, и уніатамъ удалось переманить къ себѣ изъ духовскаго монастыря „не мало чернцовъ и хлопятъ“ [5]).

---

[1]) А. В. А. К., VIII, №№ 44, 45. Петръ Могила, прилож., № 25. Арх. гр.-уніат. митр., № 326.

[2]) Арх. уніат. митрополитовъ, №№ 350, 369. Въ королевскомъ позовѣ духовскому братству отъ 10 іюля 1621 г. сумма убытковъ, понесенныхъ будто-бы уніатскимъ братствомъ, опредѣлялась уже 50 тысячами копъ грошей (Арх. вил. дух. монаст., № 105).

[3]) Summariusz urazów Bractwa Wileńskiego, Арх. ун. митрополитовъ, № 378.

[4]) Высокій образецъ беззавѣтнаго служенія православному просвѣщенію представляетъ въ это время братскій іеродіаконъ Виталій (См. Посвященіе князю Огинскому въ изданной братствомъ въ 1612 г. книгѣ: «Діоптра альбо Зерцало... на словенскій языкъ, вѣчное памяти, годнымъ о. Виталіемъ ігуменомъ въ Дубнѣ преложона и написана», 1612, Евье).

[5]) Арх. ун. митрополитовъ, № 382 (выпись изъ гродскихъ книгъ виленскаго воеводства жалобы духовскаго братства); ср. Summariusz urazów Bractwa Wileńskiego, 1624 г.—ibid. № 378 (послѣдній документъ напечатанъ въ Вѣстникѣ Западной Россіи, 1864 г., окт., стр. 60, и въ Сборникѣ документовъ, уясняющихъ отношеніе латино-польской пропаганды къ русской народности, II, № 11, но здѣсь, какъ и въ Описаніи рукописей архива уніатскихъ митрополитовъ, онъ неправильно отнесенъ къ 1614 г.; невѣрно потому, что въ немъ Леонтій Карповичъ названъ покойнымъ,—во первыхъ; во вторыхъ, упоминаемый въ немъ случай избіенія кіевскими мѣщанами четырехъ уніатскихъ монаховъ произошелъ въ началѣ 20-хъ годовъ; въ третьихъ, наконецъ, здѣсь рѣчь идетъ объ обидахъ, терпимыхъ православнымъ братствомъ въ теченіе 25 лѣтъ со времени отступленія нѣкоторыхъ отъ константинопольскаго патріарха, т. е. отъ 1596 г.).

Переманиванье же къ себѣ братскихъ воспитанниковъ практиковали и іезуитскіе студенты. Характерно дѣло о насиліяхъ, учиненныхъ 13 августа 1614 г. Мартину Войславскому, педагогу родственниковъ пана Дубовича, учившихся въ братской школѣ. Затащивши его къ себѣ подъ тѣмъ предлогомъ, что желаютъ продать ему Библію латинскую и діалектику, студенты эти сначала угощали его вишнями. Затѣмъ, снесшись съ своимъ начальствомъ, они почти до смерти исколотили Войславскаго саблей, палками, веревками, „до присяги его примушаючи жебы до веры ихъ приступилъ и заровно зъ ними до школы ихъ ходилъ“. Онъ, наконецъ, далъ свое согласіе и они отпустили его. Не знаемъ, увеличилось ли фактически число студентовъ виленской академіи: Войславскій былъ избитъ до того, что „неизвѣстно было, останется ли онъ живъ“, какъ доносили на другой день братчики [1]).

Вообще въ десятыхъ годахъ XVII столѣтія виленскому православному братству жилось тяжело. Оно испытывало на себѣ всю горечь печальнаго положенія западнорусской церкви и, въ частности, виленскаго православнаго населенія. А до чего доведено было послѣднее врагами православія, видно изъ посланія виленскаго братства къ львовскому въ 1619 г.: „Толико смирихомся, заедва тѣнь лѣпоты и величества широковладного рода Россійскаго и благочестія его оста намъ“ [2]). Но удары враговъ не сломили энергіи братства и не подорвали его благотворительной и просвѣтительной дѣятельности. Напротивъ, оно теперь особенно сильно сознаетъ двѣ свои главныя задачи — „ходити по заповѣдемъ Христовымъ“ и „восточныя, святыя церкве догматовъ и преданій цѣлость неподвижну сохранити“. Теперь особенно ясно чувствуется солидарность его съ львовскимъ братсвомъ, съ которымъ, „въ супругъ ига Христова выя свои слякши“, виленское братство взялось на нивѣ церкви Его „рало тягнути и тощнѣ бразды ея бѣдами, досажденьми и тѣснотами по Христѣ изглубляти“.

Сношенія съ львовскимъ братствомъ вильняне возобновили въ 1619 г. и опять по поводу школьныхъ затрудненій. Въ 1617 г. братство сооружало каменное зданіе для школы, такъ какъ, повидимому, наплывъ учащихся сдѣлалъ старое помѣщеніе тѣснымъ [3]). Но вмѣстѣ

---

[1]) Арх. уніатскихъ митрополитовъ, № 371. Профессоръ Голубевъ (Ист. кіев. акад., 202) и г. Рункевичъ (Описаніе архива уніатскихъ митрополитовъ, № 371) называютъ Войславскаго учителемъ братской школы. На самомъ дѣлѣ онъ былъ только «педагогомъ дѣтей, которые суть при пану Ясю Дубовичу» и «которые въ школе братской учатся». Педагоги же, какъ выяснится ниже, были старшими учениками тѣхъ же школъ. Потому то Войславскаго и спрашивалъ одинъ іезуитскій студентъ, «где бы се онъ училъ, а онъ ему все поведалъ, где се училъ»... Потому же студенты и принуждали его «заровно зъ ними до ихъ школы ходити», что было бы нелѣпо, если бы Войславскій былъ уже учителемъ.

[2]) А. З. Р., IV, № 217. Ср. посланіе виленскаго братства на Аѳонъ, 1619 г. (Рукописная книга Аѳанасія Мислaвскаго, л. 93).

[3]) Въ началѣ 1617 г. уніаты избили болѣе двадцати шляхетскихъ дѣтей, учившихся въ братской школѣ (А. В. А. К., VIII, № 49). Если эту сумму удвоить, то получится приблизительное число воспитанниковъ—шляхтичей, которые, судя по львов-

съ тѣмъ происходила реформа внутренняя: школа была раздѣлена на пять классовъ (быть можетъ, по образцу іезуитской или кальвинской гимназіи), съ преподаваніемъ въ трехъ латинскаго языка, въ одномъ русскаго и еще въ одномъ— славянскаго и греческаго. Братство, помня изначальную задачу своей школы—защиту православія, „промышляло своего рода и благочестія трудолюбны учители имѣти“ для всѣхъ классовъ и посылало къ людямъ, „искуснымъ на дѣло сіе“. но никого не могло убѣдить учительствовать въ своей школѣ. Правда, оно нашло лучшаго и искуснѣйшаго учителя въ лицѣ Мелетія Смотрицкаго, автора учебника по славянской грамматикѣ, которую онъ самъ и преподавалъ юношеству [1]). Для преподаванія же „латинской науки“ братство должно было нанять еще въ 1617 г. „иновѣрныхъ нѣмецъ“ [2]). Но, очевидно, это было непріятно братству, тѣмъ болѣе, что оно въ это время ставило ближайшей цѣлью своей школы образованіе духовенства. Въ виду „сихъ тяжкихъ и въ человѣка убогихъ временъ“ виленскіе братчики и просили львовянъ прислать имъ способныхъ людей, если они знаютъ такихъ. Виленское братство требовало людей не славныхъ мнимой ученостью, а полезныхъ, которые бы удовлетворили главной задачѣ школы—дать не только городамъ, но и селамъ искусныхъ іереевъ [3]). Но едва-ли львовское братство отозвалось на эту просьбу: „нѣмцы“ учили въ виленской школѣ еще въ 1621 г и позже [4]). Недостатокъ въ учителяхъ у православныхъ вильнянъ былъ таковъ, что они, если вѣрить автору „Examena“, искали ихъ у уніатовъ. Склоняя послѣднихъ къ соединенію съ собою, православные будто бы говорили имъ: мы имѣемъ молодежь для наукъ, средства, фундаціи и обѣщанія новыхъ фундушей, а вы—тѣхъ, кто можетъ учить; отъ соединенія скоро зацвѣтутъ школы, семинаріи, вся Русь будетъ полна ученыхъ людей, годныхъ для службы Божіей и для родины [5]).

скимъ спискамъ, составляли меньшую половину общаго количества учащихся. Впрочемъ, построеніе новой школы можно ставить также въ связь съ пожертвованіемъ братству Богданомъ Огинскимъ двухъ новыхъ плацовъ и домовъ рядомъ съ братскими грунтами (В. З. Р., 1865-6 г., кн. V, № 2: 27 іюля 1617 г.).

[1]) Свидѣтельство Суши о томъ, что Смотрицкій преподавалъ въ виленской школѣ «Latinas artes humaniores» (Saulus et Paulus, p. 19), кажется намъ сомнительнымъ въ виду заявленія братства о преподаваніи ихъ «нѣмцами».

[2]) Кто были эти «нѣмцы», даетъ видѣть Левъ Кревза, троицкій уніатскій архимандритъ. Защищая базиліанъ въ томъ, что они ищутъ науки у виленскихъ іезуитовъ, онъ противопоставляетъ имъ «другихъ, которые ихъ укоряли, но которые для своей школы добываютъ учителей изъ Данцига, Кролевца, изъ виленскаго збора и имъ поручаютъ своихъ дѣтей» (П. П. Л., I, 285).

[3]) А. З. Р., IV, № 217.

[4]) Авторъ сочиненія: «Examen obrony t. j. odpis na skript Obrona Werificatiey nazwany» (1621), доказывая дѣйствительность права церковнаго патроната короля, совѣтуетъ автору «Obrony» спросить объ этомъ «y owych niemcow, ktory uczą w wielebnym ich Bractwie Wileńskim» (p. 6). Наконецъ, одинъ учитель-иновѣрецъ упоминается подъ 1626 г., именно Wojcech Rhetelius (*Łukasz.*, IV, 267, прим. 1).

[5]) Examen obrony, str. 35.

Учебныя силы и средства виленской школы и ея значеніе увеличились, когда управленіе ею перешло въ руки Іосифа Бобриковича, который въ началѣ 1622 года сдѣлался „старшимъ и ректоромъ монастыря (церкви) Св. Духа“ [1]) и намѣстникомъ Мелетія Смотрицкаго, полоцкаго архіепископа и духовскаго архимандрита. Бобриковичъ заставилъ братство увеличить школьный бюджетъ и, такъ какъ въ 1621 г. состоялся выпускъ нѣсколькихъ очень даровитыхъ воспитанниковъ, то онъ возымѣлъ мысль оставить ихъ при школѣ для подготовки къ занятію преподавательскихъ должностей, и съ этой цѣлью убѣдилъ братство выписать нѣсколькихъ учителей, которые руководили бы молодыхъ кандидатовъ въ ихъ знакомствѣ съ наукой и съ дидактическими пріемами. Но эти кандидаты (Сильвестръ Коссовъ, Исаія Трофимовичъ) еще ранѣе того рѣшили продолжать свое образованіе въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ и, распростившись на нѣсколько лѣтъ съ своими, отправились въ Люблинъ. Однако и безъ нихъ приглашеннымъ учителямъ удалось такъ быстро улучшить положеніе школы, что Іосифъ Бобриковичъ очень скоро извѣщалъ Сильвестра Коссова, что у нихъ „начинаютъ течь ручьи свободныхъ наукъ (artium liberalium), благодаря усердію и немалымъ издержкамъ“. Тѣмъ не менѣе Бобриковичъ настойчиво звалъ въ Вильну и ихъ, чтобы они здѣсь совершенствовались въ наукахъ подъ руководствомъ вызванныхъ учителей; при томъ же онъ боялся за чистоту ихъ религіозныхъ убѣжденій, такъ какъ уже былъ случай измѣны православію одного питомца виленской школы, продолжавшаго образованіе въ иновѣрныхъ коллегіяхъ. Но Коссовъ и Трофимовичъ не поддались убѣжденіямъ Бобриковича [2]).

Іосифъ Бобриковичъ оставался главнымъ начальникомъ виленской школы до самой своей смерти и во все время содѣйствовалъ успѣхамъ ея. Значеніе виленскаго училища поднялось до того, что сюда пріѣзжали учиться даже изъ такихъ отдаленныхъ городовъ, какъ Острогъ [3]), хотя къ послѣднему были ближе училища кіевское и луцкое. Этотъ успѣхъ, въ связи съ подъемомъ дѣятельности самого братства, подтверждаетъ и митрополитъ Іовъ Борецкій, который въ письмѣ къ львовянамъ отъ 11 января 1627 г. выразился о виленскомъ братствѣ, что оно пользуется счастливыми плодами отъ церкви, школы и типографіи [4]). Впослѣдствіи онъ былъ засвидѣтельствованъ тѣмъ привилеемъ кор. Владислава IV (1635), по которому виленская школа была выдѣлена изъ числа всѣхъ прочихъ: только ей и кіевской коллегіи дано было право учить по гречески и по латыни, хотя и не далѣе діалектики съ логикой [5]). Что же касается свидѣтельства Мелетія Смотрицкаго, который въ своемъ „Увѣщаніи“ къ братчикамъ (1628 г.) ставитъ на видъ, что виленская школа, несмотря на множество издержекъ и на не недостатокъ трудящихся въ ней, представляетъ изъ себя какъ бы узкую щель, чрезъ которую

[1]) Рукоп. книга Аѳ. Мислављскаго, обор. перваго листа.

[2]) Письмо Сил. Коссова (?) къ Іосифу Бобриковичу, отъ 15 февр. 1622 г. (Рукоп. книга Аѳанасія Мислављскаго: рукоп. кіево-печер. библіотеки, № 20 доп., л. 87 и 88).

[3]) Рукоп. книга Аѳанасія Мислављскаго, л. 102.

[4]) Петръ Могила, прилож., № 47.

[5]) Арх. Ю.-З. Р., I, VI, № 280.

тиснутся ученики, что отъ нея, какъ отъ камня, въ теченіе столькихъ лѣтъ, ни воды, ни огня [1]),—то нужно имѣть въ виду, что о результатахъ школьной дѣятельности виленскаго братства Смотрицкій судилъ по сравненію съ дѣятельностью іезуитскихъ коллегій, въ которыхъ училось по нѣсколько сотъ человѣкъ и которыя, дѣйствительно, выпустили немало ученыхъ богослововъ и философовъ и еще больше шумѣли о своихъ успѣхахъ. Виленская братская школа на эффектъ не била и, не крича о себѣ, скромно шла къ своей главной цѣли—отвратить русское общество отъ того самаго Рима, къ единенію съ которымъ привлекалъ Смотрицкій въ своемъ Парэнесисѣ, обѣщая, что оно и школы подниметъ, и семинаріи откроетъ, и дастъ хорошихъ проповѣдниковъ, катихизисы и пр.... Ниже мы увидимъ, насколько Римъ осуществилъ эти ожиданія Смотрицкаго, но теперь не можемъ не замѣтить, что просвѣтительной и ученой дѣятельности виленскаго братства очень повредилъ самъ Смотрицкій. Будучи настоятелемъ монастыря, онъ свободно пользовался братской библіотекой. Перейдя въ унію, онъ присвоилъ себѣ книги, бывшія у него на рукахъ, какъ и другое имущество братства. Хотя послѣднее занесло протестъ въ луцкія городскія книги и хотя Смотрицкій обѣщалъ возвратить все взятое имъ, онъ этого не сдѣлалъ, какъ видно изъ свидѣтельства Синопсиса [2]).

Заботы троицкаго православнаго братства о благочестіи и православіи и стойкость его въ борьбѣ съ иновѣріемъ давно уже привлекли къ нему сочувствіе той части западнорусскаго народа и особенно дворянства, которой не увлекли въ разновѣріе учители протестантства, не склонили къ латинству іезуиты и которая не пошла вслѣдъ за епископами—уніатами. На него начинаютъ смотрѣть какъ на „жродло (источникъ), с которого не перестаетъ выпливати вода... благочестія и правовѣрія“. Оно становится „главой“ другихъ братствъ (caput aliarum confraternitatum) и центромъ, притягивающимъ къ себѣ энергію, силы и средства православныхъ [3]). Оно съ своимъ монастыремъ дѣлается на пространствѣ не только всей Литвы, но и нѣкоторыхъ областей Польши, руководителемъ религіозной и просвѣтительной дѣятельности. Частныя лица фундуютъ церкви, монастыри, школы, посовѣтовавшись съ архимандри-

---

[1]) Paraenesis, 32.

[2]) Архивъ греко-уніатскихъ митрополитовъ, № 572 (*Голубевъ*, Петръ Могила, прилож., № 68 и стр. 322). Арх. Ю.-З. Р., I, VII, 572. Въ окружномъ посланіи уніатскаго митрополита Рутскаго по поводу смерти Смотрицкаго разсказывается, что послѣдній предъ кончиной поручилъ своему прислужнику сжечь еретическія и схизматическія сочиненія, и тотъ три дня топилъ ими печь (Тр. Кіев. дух. акад., 1887, 68 стр. Ср. *Susza*, Saulus et Paulus, 136). Возможно однако, что виленскіе братчики признали бы своими нѣкоторыя изъ тѣхъ книгъ, оставшихся въ дерманскомъ монастырѣ послѣ смерти Смотрицкаго, какія тамъ видѣлъ профессоръ Голубевъ (Тр. Кіев. дух. акад., 1876 г., I, 627—629).

[3]) По свидѣтельству уніатскихъ епископовъ въ 1624 г., виленское братство со дня своего основанія собрало на защиту интересовъ православной церкви 200 тысячъ флориновъ (*Harasiewicz*, Annales Ecclesiae Ruthenae, 1862, p. 257).

томъ, иноками духовскаго монастыря и со всѣмъ братствомъ, покровительству котораго и поручаютъ основываемыя учрежденія. Такъ, подъ его протекторатъ отдаются монастыри: наревскій вознесенскій (передъ 1617 г.) [1]), минскіе—мужской и женскій, цеперскій (1618 г.), могилевскій богоявленскій, евейскій (1619 г.), кроньскій (1629 г.), боркулабовскій (1626 г.), сновскій, новодворскій, купятицкій, сѣлецкій, буйничскій, лепесовскій и другіе [2]). И, что для насъ особенно важно, при фундаціи ихъ непремѣнно требуется, чтобы въ настоятели избирался „человѣкъ доброй вѣры, годный, въ науцѣ и словѣ Божомъ умѣетный, который абы не чужой и намъ незвыклой вѣры и обрадковъ церковныхъ училъ, але власной нашой каѳолической восточной вѣры и вызнанія старожитного учителемъ былъ“ [3]). Въ тѣхъ же дарственныхъ записяхъ, въ которыхъ фундаторы монастырей выражаютъ желаніе, чтобы при нихъ были устроены школы, отмѣчается, что виленское братство беретъ на себя заботу о снабженіи ихъ учителями. Извѣстно нѣсколько такихъ колоній виленской школы (онѣ указаны будутъ ниже).

Судьба виленской братской школы за избранный нами періодъ времени оканчивается привилеемъ 18 марта 1633 г., которымъ король Владиславъ IV утвердилъ представленную ему братствомъ грамоту своего отца отъ 9 октября 1592 г., съ измѣненіемъ нѣкоторыхъ артикуловъ, вызваннымъ расширеніемъ и развитіемъ благотворительной и просвѣтительной дѣятельности братства. Именно онъ позволилъ братству имѣть церковь деревянную и строить каменную, содержать монастыри мужской и женскій, общежитіе „для убогихъ студентовъ“, принимать патронатство надъ другими монастырями и пр. [4]). Впрочемъ, 12 іюля этого же года король утвердилъ оба привилея своего отца (21 іюля 1589 г. и 9 октября 1592 г.) за троицкимъ уніатскимъ братствомъ [5])....

Брестская школа.

У православныхъ мѣщанъ Бреста просвѣтительныя стремленія обнаружились впервые въ 1590 г., еще до соединенія ихъ въ братство. Здѣсь, какъ и въ Вильнѣ, желаніе мѣщанъ имѣть свою школу вытекало изъ ихъ патронатскихъ правъ и обязанностей. Первымъ доку-

---

[1]) Завѣщаніе князя Ѳ. Масальскаго—Арх. сб., VI, № 35. Но здѣсь невѣрно указанъ 1574 г., когда еще не существовало виленскаго духовскаго монастыря, которому Масальскій подчинилъ наревскій. Скончался онъ въ 1617 году (*Boniecki*, Poczet rodów, 177, примѣч. 1)

[2]) Вил. грам., II, №№ 40, 42. А. В. А. К., XI, №№ 31, 37; Минскія грам., №№ 64, 65. Арх. сб., II, №№ 31, 34. А. Ю. и З. Р., II, № 56.

[3]) Арх. сб., VI, № 35.

[4]) Вилен. грам., II, № 42 (id. В. З. Р., 186⅝ г., кн. VIII, отд. I, № 3).

[5]) Вилен. грам., II, № 31.

ментомъ, начинающимъ недолгую исторію брестской православной школы, была благословенная грамота епископа владимирскаго и брестскаго Мелетія Хрептовича, отъ 6 іюля 1590 г. Изъ этой грамоты открывается слѣдующее: къ епископу пришли брестскіе мѣщане какъ „ктиторы и дозорцы соборной церкви", прося позволенія „имѣть свою вольную городскую общественную школу и при ней дьяка или двухъ для наученія ихъ собственныхъ сыновей и иныхъ, если бы кто и изъ постороннихъ захотѣлъ отдать сюда своихъ дѣтей". Епископъ не сразу согласился. Но, найдя послѣ совѣта съ капитулой и крылошанами, что просьба мѣщанъ „не есть ни въ чемъ церкви Божей и нашей епископіи и всимъ священникамъ здешнимъ противна, але овшемъ во всемъ потребна", позволилъ и благословилъ имъ „школу свою рускую грецкіе науки при церкви соборной на грунте мескомъ (городскомъ) збудовати и дьяка своего албо колко ихъ собе потребовати будутъ" держать, выразивъ отъ всего сердца пожеланіе, чтобы отъ школьной науки хвала Божія множилась и ширилась и церковь Божія „всими порадками и достатками была украшена" Въ этихъ видахъ Мелетій свое и своихъ преемниковъ благословеніе на учрежденіе школы давалъ подъ тѣмъ условіемъ, чтобы школьный учитель („дьякъ") и его ученики посѣщали храмы ради спасенія и чтенія слова Божьяго. Свободу послѣдняго онъ обезпечивалъ обѣщаніемъ, что ни онъ самъ, ни уставщики, пономари и иные дьяки и священники не будутъ запрещать имъ читать въ церкви. Но при этомъ за каждымъ мѣстнымъ священникомъ оставлялось право „детей двое албо трое и наиболъшъ учити въ дому своимъ ку пожитку (пользѣ) своему и потребе церкви Божой парахвыеи (прихода) своей" [1]). Мѣщане, получивъ эту грамоту, не медлили: они выстроили на городскомъ грунтѣ противъ церкви св. Николая, патронами коей они были, „школу рускую для науки дѣтей всякого стану"—„мѣщанскихъ и иныхъ посполитыхъ людей", и обратились къ королю съ просьбой освободить и домъ и грунты отъ всякихъ „господарскихъ" и городскихъ повинностей, податей и постоевъ. Сигизмундъ, которому при этомъ представлена была грамота еп. Мелетія, нашелъ „челомбитье" брестскихъ мѣщанъ справедливымъ и ихъ заботу объ образованіи и „наукѣ дѣтей малыхъ народу христіанского" доброй и полезной не только для самого города, но и для всей Рѣчи Посполитой, почему просьбу ихъ исполнилъ, позволивъ и школу имѣть, и содержать людей для обученія и образованія дѣтей и юношей, сообразно съ ихъ средствами (28 января 1591 г.) [2]).

Между тѣмъ обстоятельства церковной жизни втянули брестскихъ мѣщанъ въ водоворотъ событій и заставили ихъ подумать о расширеніи круга дѣятельности. Надлежало заботиться не только о приходскомъ николаевскомъ храмѣ, но и о благосостояніи всей западнорусской церкви. Средствомъ къ полученію возможности принимать участіе въ общей церковной жизни было—организоваться въ братство, по примѣру другихъ городовъ. Брестскіе мѣщане такъ и сдѣлали. Ближе къ нимъ и извѣст-

[1]) Арх. сб., XI, № 6.

[2]) А. З. Р., IV, № 28.

нѣе было львовское братство, и они „молиша его всѣ купно преподатися имъ чинъ братства“. Львовяне прислали имъ чинъ, изложенный п. Іоакимомъ, и подтвердительные привилеи п. Іереміи [1]). Получить затѣмъ грамоту на учрежденіе братства мѣщанамъ Бреста было тѣмъ легче, что имъ сочувствовалъ брестскій каштелянъ Адамъ Потѣй, который и ходатайствовалъ за нихъ передъ епископомъ [2]). Такъ какъ ядро новаго братства составили ктиторы и патроны николаевской церкви, то къ нему перешла и школа соборная. При этомъ она была преобразована по чину львовскаго училища [3]). Единство образовательныхъ цѣлей и внѣшняя связь обѣихъ школъ выразились въ томъ, что въ Брестѣ одно время училъ львовскій дидаскалъ Лаврентій Зизаній (въ началѣ 1592 г.) [4]). Нетрудно было затѣмъ брестскому братству получить подтвердительную грамоту и отъ короля, что произошло 11 октября 1592 г. [5]). Въ ней, какъ и въ грамотѣ еп. Мелетія, права и порядки братства расширены до объема правъ и вольностей виленскаго и львовскаго братствъ. Въ частности, позволено имѣть „для науки христіанскихъ дѣтей всякаго положенія, къ украшенію и пользѣ Рѣчи Посполитой“, школу греческаго, латинскаго, польскаго и русскаго языковъ и содержать для этого людей ученыхъ, свѣтскихъ и духовныхъ.

Явившаяся при столь благопріятныхъ обстоятельствахъ, покровительствуемая притомъ Потѣемъ, который, по его словамъ, готовъ былъ не пожалѣть на содѣйствіе просвѣтительной дѣятельности братства даже остатковъ имѣній своихъ, брестская школа должна была очень скоро процвѣсти и сравниться съ школами виленскою и львовскою, такъ что ея учителя иногда называются даже „профессорами“ [6]). Но этотъ же Потѣй и погубилъ ее.

Адамъ Потѣй, дворянинъ, получилъ первоначальное образованіе и началъ карьеру при дворѣ Радивилловъ и потому по своимъ убѣжденіямъ склонялся къ протестантству [7]). Освободившись затѣмъ отъ кальвинскихъ вліяній, Потѣй исповѣдывалъ вѣру отцовъ, православіе, хотя и

---

[1]) См. чинъ львовскаго братства, внесенный въ 1641 г. въ брестскія книги игуменомъ Аѳанасіемъ Филипповичемъ:—Чт. въ моск. общ. ист. и древн. росс., годъ III (1848 г.), ч. VI, отд. IV, стр 55.

[2]) Грамота еп. Мелетія отъ 26 окт. 1591 г.—въ Діаріушѣ Аѳанасія Филипповича (П. П. Л., I, 64—68). Какое большое участіе принималъ Потѣй въ учрежденіи братства, видно изъ словъ львовянъ, что онъ именно «чинъ братства львовскаго въ Берестью заложилъ» (А. З. Р., IV, № 33, г). Будучи еще свѣтскимъ, Потѣй обнаруживалъ интересъ къ духовнымъ и церковнымъ дѣламъ: онъ присутствовалъ на брестскихъ соборахъ 1590 и 1591 гг. (Monum. confr., I, №№ 160, 207).

[3]) Въ грамотѣ еп. Мелетія сказано: «учителей школьныхъ чадомъ своимъ и пришельцомъ убогимъ по чину школъ пріймовати», а тогда былъ извѣстенъ только львовскій чинъ.

[4]) А. З. Р., IV. № 33, і.

[5]) А. Ю. и З. Р., I, № 206. «Діаріушъ»—П. П. Л., I, 70.

[6]) П. П. Л., III, 605 (А. З. Р., IV, № 63).

[7]) *Maciejowski*, III. Dodatki, 201—205 (ср. А. З. Р., стр. 209, прим.).

питалъ одно время симпатіи къ латинству и велъ бесѣды съ іезуитами о привлеченіи русскихъ къ уніи съ Римомъ. Еще въ 1588 г. онъ подавалъ луцкому католическому епископу Бернарду Мацѣевскому, при объѣздѣ послѣднимъ своей епархіи, и находившемуся при немъ іезуиту коварный для православія совѣтъ—устроить диспутъ съ п. Іереміей и греками и, побѣдивъ ихъ, тѣмъ урочить восточную церковь и вѣру въ глазахъ русскихъ [1]). Убѣжденный княземъ Острожскимъ занять владимирскую и брестскую каѳедру, освободившуюся за смертію еп. Мелетія Хрептовича, Потѣй, дѣйствительно, мѣняетъ сенаторское званіе на епископское и имя Адама на—Ипатія [2])... Случайно сдѣлавшись владыкой, Потѣй не былъ подготовленъ къ новому служенію ни предшествующей жизнью, ни образованіемъ: „въ латынѣ бѣглый, въ законѣ церкви восточные онъ былъ незнаючимъ", по свидѣтельству Перестроги. При нетвердости религіозныхъ убѣжденій, ему легко было примкнуть къ стремленію другихъ епископовъ къ уніи съ Римомъ, которая, казалось, давала большій просторъ свободѣ и самостоятельности епископовъ, чѣмъ зависимость отъ константинопольскихъ патріарховъ. Съ другой стороны, съ Потѣемъ должно было повториться то же, что и съ епископомъ Гедеономъ и съ другими владыками, которые остались страшно стѣснены и недовольны предоставленнымъ братствамъ правомъ контроля надъ дѣйствіями епископовъ. Естественное поэтому столкновеніе Потѣя съ николаевскимъ братствомъ не заставило себя долго ждать. Но и здѣсь, какъ и въ Львовѣ, непріязнь епископа къ братству прежде всего направилась на школьныхъ учителей, что и понятно, такъ какъ они были выразителями духовной, умственной силы братства и наиболѣе основательными обличителями незаконныхъ съ догматической и канонической точекъ зрѣнія поползновеній Потѣя. Но въ Брестѣ учителя оказались не въ силахъ выносить преслѣдованія со стороны епископа и бѣжали. Свидѣтельство объ этомъ бѣгствѣ мы находимъ у самого же епископа въ его письмѣ къ князю Острожскому (25 марта 1595 г.): „и теперь, пишетъ онъ, што ся стало у Берести, же ся школа разорила чрезъ самыхъ же професоровъ школьныхъ, которые, за лакомъствомъ удавшыся, до Вильни на сытъшые пироги отбегли, а тутъ, къ большой ганьбѣ (позору) и жалю убогого хрестіанъства, на уруганье противъниковъ нашихъ все покинули, безъ жадноѣ слушноѣ (законной) прычыны" [3])... Но, очевидно, у учителей была такая причина и заключалась она не въ „превратности" ихъ характеровъ и не въ ихъ корыстолюбіи, а въ измѣнившихся отношеніяхъ къ нимъ самого Потѣя, и его сожалѣнія о судьбѣ брестской школы были только крокодиловыми слезами. Спустя немного ненависть Потѣя къ брестскому братству, которое хранило вѣрность православію, дошла до того, что онъ формально призналъ ихъ „еретиками отъ церкви Божей выклятыми" и запретилъ брест-

---

[1]) *Theiner*, Vetera monumenta Poloniae et Lithuaniae, III, № 46. Lit. an. S. I. 1588, p. 115, 116.

[2]) А. З. Р., IV, № 44 и стр. 209.

[3]). П. П. Л., III. 605 (id. А. З. Р., IV, № 63).

скому духовенству сообщать имъ церковныя таинства (3 октября 1596 года), а затѣмъ заставилъ многихъ изъ его членовъ „отъ домовъ своихъ прочь розбѣгнутися“ [1]). Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ отнялъ у братства и его школу (26 іюня 1597 г.) [2]).

Такимъ образомъ, брестская православная школа прекратила свое существованіе, не успѣвъ оказать почти никакого вліянія на поднятіе просвѣщенія. Впослѣдствіи, при Владиславѣ IV православные брестскіе мѣщане учредили братство при церкви Рождества пресв. Дѣвы Маріи. Король въ 1641 г. подтвердилъ его и позволилъ „школу языка руского и польского и шпиталъ при той же помененой церкви мѣти“ [3]).

Минскія школы.

Въ Минскѣ въ разсматриваемое нами время было два церковныхъ братства съ просвѣтительными задачами—шпительное и петропавловское, смѣнившихъ одно другое, и—двѣ школы.

„Шпитальное“ братство при соборной церкви (въ минскомъ замкѣ) было утверждено королемъ 11 сентября 1592 года, и тогда же позволено было ему „для науки дѣтокъ малыхъ школу мѣти и бакаляра въ ней ховати и тамъ дѣтей письма Греческого и Руского учити давати“ [4]). Съ тѣхъ поръ слѣды этой школы теряются, хотя о самомъ братствѣ встрѣчается упоминаніе въ 1601 г. въ королевской грамотѣ, предлагавшей минской ратушѣ не препятствовать братству строить бумажную или хлѣбную мельницу для увеличенія своихъ средствъ. Но когда въ 1616 г. Аѳанасій Пакоста, минскій уніатскій архимандритъ, спрашивалъ магистратъ о госпитальномъ соборномъ братствѣ, которому въ 1592 г. были предоставлены такія-то права, „зъ чого всего якъ бачу, говорилъ онъ, ничого не зостало и братства того ужо здавна неслыхат“,—бургомистры, эти „справцы и сторожы всего мѣста“, подтвердили, что братство, дѣйствительно, было, „но теперь вслѣдствіе раздоровъ оно прекратило свое существованіе, и гдѣ оно нынѣ находится или кто его составляетъ“,—они не знаютъ. Уніаты воспользовались этимъ и, „мовчкомъ“ выхлопотавъ у короля право на имущество исчезнувшаго братства, завладѣли имъ, несмотря на протесты (запоздалые) минскаго магистрата [5]).

Въ 1613 г. на мѣсто соборнаго братства стало новое—петропавловское, которое и взяло на себя заботу о школѣ. Учреждено оно было шляхтой при основанномъ ею же въ 1612 г. петропавловскомъ монастырѣ. Давъ грунты для послѣдняго, минское дворянство заложило и школу „для помноженья хвалы Божое, для твиченя внеи детокъ и для оздобы

---

[1]) А. Ю. и З. Р., I, № 220. А. З. Р., IV, стр. 215.

[2]) А. З. Р., IV, № 122. Дальнѣйшая судьба этой школы будетъ изложена въ главѣ объ уніатскихъ училищахъ.

[3]) П. П. Л., I, 72.

[4]) А. З. Р., IV, № 36.

[5]) Минскія грамоты, №№ 42, 54, 56, 68.

тои церкви“ [1]). Изъ подтвердительной грамоты, полученной петропавловскимъ братствомъ отъ собора восточныхъ святителей (Луки, м. бѣлградскаго, Павла, еп. далматскаго, Сергія, еп. „микачоскаго и мароморитскаго“) въ 1614 г., мы узнаемъ, что оно взяло себѣ въ образецъ порядки виленскаго братства и завело училище съ языками греческимъ, славянскимъ и латинскимъ [2]). Помѣщалась школа при самой церкви и въ 1617 г. въ ней преподавало уже нѣсколько учителей; завѣдывалъ ею игуменъ монастыря [3]).

Но если въ Минскѣ не было католической школы, то была уніатская, ученики которой усвоили себѣ всѣ іезуитскіе пріемы борьбы съ православными воспитанниками, начиная отъ угрозъ и кончая изувѣченіемъ. Все это скоро пришлось испытать на себѣ „дѣтямъ школы братское“. Послѣднія не разъ подвергались нападеніямъ со стороны „выростковъ и хлопьятъ“ уніатской козмодемьянской школы, а 16 февраля 1617 г. нѣкоторыя изъ нихъ были избиты чуть не до смерти. Возный, свидѣтельствовавшій ихъ по протестаціи настоятеля петропавловскаго моностыря, доносилъ 24 февраля, что онъ видѣлъ жертвы уніатскаго буйства избитыми, окровавленными, а о нѣкоторыхъ выражался: „неведати если будетъ живъ“ [4]). Дальнѣйшая же исторія минской братской школы представляетъ нѣсколько фактовъ борьбы православныхъ съ уніатами за самое ея существованіе. Уже 27 ноября 1619 г. православнымъ дворянамъ и обывателямъ Литвы и Польши пришлось протестовать противъ намѣренія минскаго воеводы Петра Тышкевича завладѣть церковью, монастыремъ и училищемъ [5]). Спустя нѣкоторое время послѣднему стала угрожать опасность со стороны уніатскаго училища. Такъ какъ православные „дяки чинили перешкоду школамъ его милости о. митрополита“ (уніатскаго), которыя имѣли привилей короля, то минскій намѣстникъ м. Рутскаго Барановичъ и пожаловался королю на это, указавши въ жалобѣ и на то, что минское братство возмущаетъ народъ противъ уніи, пріобрѣтаетъ новые грунты, строитъ на нихъ церкви, приглашаетъ монаховъ изъ Вильны и т. п. Братство получило 15 января 1620 г. позовъ на королевскій судъ. Тогда дворяне послали къ королю депутата изъ своей среды, снабдивъ его довѣренностью, въ которой рѣшительно опротестовывалось привлеченіе мѣщанъ къ суду, такъ какъ не они, а шляхта фундовала и церковь, и монастырь, и школы и притомъ на своихъ соб-

---

[1]) Мин. грам., № 65. Вѣст. Ю.—З. и З. Р., 186¾ г., кн. IV, №№ 2, 3. Мин. еп. вѣд., 1871 г., № 2. А. В. А. К., XI, № 36.

[2]) Мин. еп. вѣд., 1870 г., № 23 Эта грамота была подтверждена п. Θеофаномъ въ 1620 г. (Ibid., № 24; id. Чт. въ моск. общ. ист. и древн. росс., 1896, I, Смѣсь, 12).

[3]) Мин. грам., № 62.

[4]) Ibid.

[5]) Мин. грам., № 73. (id. Чт. въ моск. общ. ист. и древн. росс., годъ III (1848), ч. VI, отд. IV). Поводомъ къ протесту послужило собственно обвиненіе воеводой минскихъ мѣщанъ въ опустошеніи замковой церкви, съ приложеніемъ къ нимъ эпитета «схизматики». Православные и догадались, что Тышкевича не столько интересуетъ эта церковь, сколько ему хочется «церковъ и манастыр светыхъ апостолъ Петра и Павла и школу принеи... фундованую знести»...

ственныхъ плацахъ [1]). Но 1 апрѣля Барановичъ опять занесъ жалобу на братство и на „дьяковъ школьныхъ, которыхъ патроны новой церкви вмѣстѣ съ другими содержать на свой счетъ при школѣ и церкви". Въ этотъ разъ учителя братскіе провинились тѣмъ, что отбили у уніатовъ нѣкоего попа Ѳеодора Ермолича, который, разорвавши связи съ ними, искалъ убѣжища у братства. Когда уніаты, поймавъ гдѣ то о. Ермолича, влекли его въ свой монастырь, школьные дьяки освободили его и съ тріумфомъ ввели въ братство, причемъ похвалялись предъ уніатами („похвалку чинили и целою губою ихъ лжили" [2]).

Исторія умалчиваетъ, при какихъ условіяхъ существовала минская школа до привилея короля Владислава IV (18 марта 1633 г.), утвердившаго ее и позволившаго братству завести и типографію [3]).

Могилевская школа.

Могилевъ былъ, кажется, единственнымъ западнорусскимъ городомъ, дарованіе которому магдебургскаго права было соединено съ позволеніемъ завести и школу. Такую грамоту жители Могилева получили отъ короля Стефана Баторія 28 января 1578 г.: „обыватели места Могилевского... ратушъ тежъ и школу Христіанскую збудовать и фундовать мають", говорится здѣсь [4]). Но право устроить школу было ли испрошено самими горожанами (какъ думаетъ о. Флеровъ [5]), или оно дано было Стефаномъ Баторіемъ по тому же побужденію, по какому вопросъ о православныхъ школахъ былъ включенъ въ его грамоту 18 мая 1585 г.[6]),—могилевскіе мѣщане не пожелали воспользоваться имъ, и не магдебургское право создало въ Могилевѣ школу, хотя оно и вызывало необходимость учиться грамотѣ. Интересовъ самоуправленія и просвѣщенія самихъ по себѣ оказалось недостаточно для того, чтобы граждане города устроили у себя училище,—нужно было, чтобы къ нимъ присоединились болѣе сильные интересы—церкви и вѣры. И дѣйствительно, первая православная школа въ Могилевѣ устраивается при учрежденіи характера преимущественно церковнаго—при спасскомъ братствѣ. Начало же послѣдняго должно относить ко времени проѣзда черезъ западную Россію п. Іереміи, отъ котораго въ іюлѣ 1589 г. братство получило благословенную грамоту. Скоро послѣ того жители Могилева вошли въ сношенія съ львовскимъ братствомъ, уставомъ котораго и стали руководиться (1590) [7]). Тогда же,

---

[1]) Мин. грам., №№ 74. 75.

[2]) Мин. грам., № 77.

[3]) Мин. грам., № 123 (id. В. Ю.-З. Р., 1863/4, V, № 10; А. В. А. К., XI, № 36).

[4]) Бѣлор. арх., I, № 12. «Incolae Mohilovienses... praetorium, alias Ratusz, et scholam Christianam fundabunt et construent».

[5]) О братствахъ.... 97.

[6]) *Г. Жудро* (Исторія могил. Богоявл. братства, 85) сообщаетъ, что отъ короля послѣдовалъ даже особый указъ относительно устройства школы...

[7]) Арх. сб., II, № 43; Боркулабовская хроника (*Кулишъ*—Матеріалы для исторіи возсоед. Руси, I, 56). Впрочемъ, авторъ хроники относитъ начало могилевскаго братства къ 1594 г.

вѣроятно, могилевское братство обзавелось и училищемъ: прося короля въ 1597 г. объ утвержденіи своего чина, братство упоминало и о немъ: „Въ школѣ братской дѣтей братьи уписной и убогихъ сиротъ языка и письма Словенскаго, Руского, Греческого, Латиньского и Польского накладомъ братскимъ дармо учити повинны водлугъ постановенья нашого братского; также и людей въ писмѣ учоныхъ, особъ духовныхъ и свѣтскихъ, для науки школьной, до проповѣди слова Божого, до науки дѣтей и до спѣванья, въ справѣ и въ звыклости своей ховати маемъ“ [1]).

Могилевское братство, возникшее въ самый разгаръ религіозной полемики по поводу вводимой уніи и получившее отъ протосингела Никифора грамоту, благословляющую его „быть всеобщимъ училищемъ божественному и священному писанію и всякому другому ученію“ и не принимать никогда никого, „кто бы дезнулъ вносить или превозносить унію“ [2]),—естествено должно было поставить свою школу такъ, чтобы она была разсадникомъ истинно-православныхъ людей. Оно, дѣйствительно, развило очень скоро противо-уніатскую дѣятельность, такъ что епископъ полоцкій (уніатскій) уже въ 1601 году жаловался королю на то, что братчики, не исполнивши привилея короля Стефана, вмѣсто школы католической выстроили на плацу спасскаго монастыря свой домъ, въ которомъ производятъ собранія, держатъ проповѣдниковъ (Котковскаго, Хому Тавборовича и Радка), „которые, не имѣя благословенія отъ владыки полоцкаго, говорятъ проповѣди, проклинаютъ самого владыку и возмущаютъ народъ противъ правительства“. Изъ вызваннаго этой жалобой еп. Гедеона Брольницкаго королевскаго позова братству можно заключить, что въ анти-уніатской дѣятельности послѣдняго принимала живое участіе и школа, и что въ ея зданіи означенныя лица (можетъ быть, ея учителя) дѣйствовали противъ уніи. Не знаемъ, выдало ли братство королю этихъ „бунтовниковъ“ [3]).

Дальнѣйшая исторія могилевскаго братства и его школы представляетъ нѣчто до такой степени запутанное, что въ немъ почти нѣтъ возможности разобраться. Только что цитованная королевская грамота, которая требовала, чтобы братство представило привилей Стефана Баторія и оправдалось въ своемъ противленіи полоцкому архіепископу, датирована 7 августа 1601 г. Отъ 5-же декабря 1602 г. сохранилась грамота Сигизмунда III, утверждавшая въ Могилевѣ братство при церкви „Светого Въѣханія Господня“ [4]). Затѣмъ, отъ 7 іюля 1605 г. мы имѣемъ посланіе львовскаго братства къ „братству храма Преображенія Христа

---

[1]) А. З. Р., IV, № 119. Грамота короля датирована 21 марта 1597 г.

[2]) Могил. губ. вѣд., 1845 г., № 41. Грамота эта писана была въ Варшавѣ въ мартѣ 1597 г., т. е. за нѣсколько дней до осужденія Никифора.

[3]) Арх. сб., II, № 19. Интереснѣе всего, что въ этой королевской грамотѣ извѣстное позволеніе Стефана Баторія завести школу толкуется, какъ требованіе «збудовати школу христіанскую *католицкую* для науки дѣтей языка латинского, польского и руского».

[4]) Бѣлор. арх., I, № 28 (id. Арх. сб., II, № 22).

Бога Нашего, паномъ мѣщаномъ всего мѣста Могилевскаго“ [1]). Является вопросъ: нужно ли здѣсь разумѣть одно братство или два, и если два, то не уніатское ли братство утвердилъ король при церкви Входа Господня въ Іерусалимѣ? Въ послѣднемъ смыслѣ рѣшилъ его г. Елеонскій [2]). Но высказанное еще въ 1869 г. Костомаровымъ [3]) сомнѣніе въ вѣрности такого рѣшенія вопроса получаетъ еще большую силу при томъ освѣщеніи фактовъ, какое даетъ г. Жудро. Уніатскаго братства, по нему, въ Могилевѣ не было, а грамота 1602 г. дана была братству православному, на что указываютъ сходство ея съ королевской грамотой 1597 г. и тожество лицъ, упоминаемыхъ въ той и другой. Что же до подчиненія братства грамотой 1602 г. митрополиту (уніатскому), то оно, будучи, быть можетъ, единственнымъ условіемъ подтвержденія братства королемъ, въ существѣ дѣла не было обязательнымъ для мѣщанъ и они легко могли согласиться на это навязанное имъ требованіе. Г. Жудро думаетъ, что переходъ спасскаго братства къ церкви Входа Господня, построенной братствомъ же, обусловливался отнятіемъ у него епископомъ спасскаго монастыря и что съ возвращеніемъ послѣдняго оно опять стало называться спасскимъ, подъ какимъ именемъ и сносится съ львовскимъ [4]). Если это такъ, то въ грамотѣ 1602 г. мы видимъ новое подтвержденіе братской школы, выраженное буквально въ тѣхъ же словахъ, что и въ привилеѣ 1597 г. Затѣмъ, на протяженіи 1603—1618 гг. мы не встрѣчаемъ ни малѣйшаго упоминанія о ней.

Въ 1618 г. на каѳедру архіепископа полоцкаго, витебскаго и мстиславскаго вступилъ извѣстный Іосафатъ Кунцевичъ. Его ревность по вѣрѣ католической очень скоро отразилась на судьбѣ могилевскаго братства и школы самымъ печальнымъ для нихъ образомъ. Онъ началъ съ того, что отнялъ у братства спасскій монастырь, но школу въ этотъ разъ братчики отстояли и удержали за собой [5]). И хотя въ 1619 г. королевскимъ декретомъ было приказано отдать и ее вмѣстѣ съ церквами и фундушами архіепископу Кунцевичу [6]), братство продолжало владѣть ею до мая 1624 г., когда магистратъ, которому могилевскій

---

[1]) Арх. сб., II, № 24.

[2]) Арх. сб., II, пред., IV; см. также Вил. вѣстн., 1870 г., № 20: «О началѣ православнаго и уніатскаго братствъ въ Могилевѣ».

[3]) Отечеств. записки, 1869, авг., 277.

[4]) *Жудро*, о. с., 25, 27.

[5]) Такъ мы понимаемъ жалобу спасскаго уніатскаго игумена Гервасія Гостиловскаго, что братство въ 1618 г. насильно отняло у спасскаго монастыря школу, издавна принадлежавшую къ нему (Арх. сб., II, 30); мы не согласны съ Костомаровымъ, который полагаетъ, что монастырь спасскій издавна принадлежалъ уніатамъ и что въ 1618 г. православные отняли у нихъ школу (Отеч. зап., l. c).

[6]) Это, вѣроятно, декретъ 22 марта объ отдачѣ Кунцевичу всѣхъ могилевскихъ церквей и монастырей «съ аппаратами ихъ», въ наказаніе могилевцамъ за ихъ вооруженное сопротивленіе архіепископу (Арх. гр.-уніат. митр., № 430,—печат. текстъ). Надо думать, что этимъ королевскимъ декретомъ было вызвано нападеніе челяди спасскаго

староста Левъ Сапѣга напомнилъ о долгѣ повиновенія королю, отдалъ ее въ распоряженіе о. Гостиловскаго, игумена спасскаго монастыря [1]).

Такимъ образомъ, къ 1624 г. могилевское братство лишилось всего, чѣмъ оно издавна владѣло. Но еще въ 1618 г., очевидно тотчасъ по отнятіи спасскаго монастыря, оно позаботилось пріобрѣсти себѣ недвижимое имущество и 29 октября купило у могилевскихъ мѣщанъ домъ и плацъ, лежавшіе на большой Шкловской улицѣ по лѣвой сторонѣ, если итти отъ Шкловскихъ воротъ къ рынку. Продавцы заявили въ магистратѣ, что они купили означенный плацъ за 400 к. гр. у княгини Евы Корсаковны Соломирецкой, а теперь, узнавши о желаніи братства построить на немъ монастырь, „пустили и продали“ ему плацъ за ту же сумму и деньги получили [2]). Но, повидимому, эта сдѣлка все же не состоялась, или приняла другой видъ. Дѣло въ томъ, что объ означенномъ плацѣ въ дальнѣйшей исторіи братства нѣтъ помину, а есть рѣчь о плацѣ, пожертвованномъ Яномъ Богдановичемъ Огинскимъ и купленномъ имъ у мѣщанъ за 500 копъ грошей. Такъ какъ этотъ плацъ находился на той же улицѣ и по той же лѣвой сторонѣ ея, то приходится думать, что Огинскій купилъ плацъ на свои деньги, чтобы затѣмъ подарить его братству, и что мѣщане взяли лишнее съ него, какъ съ частнаго лица. Свое наданіе Огинскій обусловилъ такими требованіями, чтобы на его плацѣ были выстроены церковь во имя Богоявленія, общежительный монастырь и школа. Но всѣ эти учрежденія онъ „соединилъ и споилъ и прилучилъ до церкви сошествія Св. Духа и монастыря при той же церкви, на грунтахъ братства виленскаго“, утвержденныхъ п. Іереміей, королемъ и сеймами [3]). Но эта прибавка связала могилевскому братству руки, лишивши его права строиться на плацѣ Огинскаго, какъ ему угодно; и поставивъ въ зависимость отъ виленскаго братства; а послѣднее, имѣя въ своемъ завѣдываніи много другихъ монастырей, не соорудило здѣсь ни монастыря, ни церкви, въ виду чего въ 1635 г. и уступило плацъ могилевскому братству [4]). Что до школы, то она послѣ 1624 г. едва ли находилась въ цвѣтущемъ состояніи. Въ первые годы она ютилась вблизи Рыбнаго рынка въ „Максимовскомъ дворѣ“ (т. е.,

---

уніатскаго монастыря 22 сент. 1619 г. на православное училище, причемъ былъ избитъ до смерти бакаляръ Павелъ Попель и приведены были въ плачевный видъ окна и двери школьныя (Арх. гр.-уніат. митр., № 434).

[1]) Арх сб., II. № 30. Здѣсь выставленъ 1621 г., но невѣрно, такъ какъ Антоній Селява, фигурирующій въ этой грамотѣ подъ именемъ полоцкаго архіепископа, въ 1621 г. еще не былъ имъ. Потому мы и датируемъ ее, вслѣдъ за м. Макаріемъ, 1624 годомъ, т. е. годомъ вступленія Селявы на каѳедру (Ист. рус. церкви, XI, 323, прим. 257 и 381).

[2]) Арх. сб., II, № 26.

[3]) Фундація Яна Огинскаго въ подтвердительной грамотѣ короля Владислава 19 марта 1633 г., въ выписи изъ книгъ могилевскихъ,—въ Арх. ун. митр., кн. I, № 20 (и 21). Въ подтвердительной грамотѣ короля отъ 6 марта 1633 г., напеч. въ Арх. сб., II, № 34, фундація Огинскаго датирована 4 іюня 1619 г., но самое пожертвованіе совершилось ранѣе: еще въ маѣ или даже въ апрѣлѣ могилевскіе братчики просили виленскихъ о томъ, чтобы князь Огинскій внесъ наданіе въ актовыя книги. (Арх. сб., II, № 27).

[4]) Арх. сб., II, № 40.

вѣроятно, въ частномъ домѣ одного изъ братчиковъ). Но въ 1626 г., въ свѣтлый понедѣльникъ, пожаръ истребилъ и рынокъ и всю часть города, называвшуюся „Острогомъ“. Послѣ того здѣсь же былъ выстроенъ новый братскій домъ и въ немъ помѣщено было училище [1]). Какъ долго находилось оно здѣсь, неизвѣстно. Извѣстно только, что съ 1633 г. братство, запасшись подтвердительными грамотами отъ короля, стало сооружать на грунтахъ Огинскаго церковь и монастырь. Съ исторіей братства на этихъ мѣстахъ и связывается дальнѣйшее существованіе братской школы, которую Владиславъ IV позволилъ строить на этомъ плацу вмѣстѣ съ церковью, монастыремъ, братскимъ домомъ [2]). Самый же плацъ въ 1637 г. былъ увеличенъ новымъ наданіемъ Стеткевичей [3]).

Какіе предметы преподавались въ могилевской школѣ, кромѣ пяти языковъ (если только всѣ они изучались),—мы не знаемъ. Свидѣтельство Игнатія Іевлевича о томъ, что одинъ изъ бакаляровъ „улучшалъ его характеръ“ (wprawował w charakter dobry),—мы затрудняемся понимать въ томъ смыслѣ, что здѣсь преподавалось и „дѣльное“ или нравственное богословіе,—развѣ признать вмѣстѣ съ г. Жудро, что послѣднее „состояло въ наставленіяхъ и совѣтахъ на разные случаи жизни“ [4]). Изъ учителей братской могилевской школы конца 20-хъ и начала 30-хъ годовъ XVII ст. Игн. Іевлевичъ называетъ Тимоѳея Грибача, Павла, stateczнego człowieka, Константина, Аѳанасія Стрѣлецкаго, учившаго начаткамъ латыни, Ѳеодора Тарасовича, который и исправлялъ характеръ Іевлевича, и помощника двухъ послѣднихъ—Игнатія. Онъ же упоминаетъ еще о Саввѣ Андреевичѣ (передъ тѣмъ, около 1630 г., преподававшемъ въ кіевской братской школѣ) и Косовичѣ, кіевскомъ студентѣ [5]).

Далѣе въ порядкѣ происхожденія слѣдуетъ кіевская братская школа, но въ силу того, что она представляла по своему типу и судьбѣ переходъ къ новому—могилянскому—періоду исторіи нашихъ училищъ, мы займемся ею послѣ луцкой.

Луцкая школа.

Луцкое братство, какъ видно изъ дошедшаго до насъ „*καταλογος'α* или реестра“ братчиковъ, основалось въ 1617 г. [6]). Особенностью этого

---

[1]) Автобіограф. записка Игнатія Іевлевича (*Голубевъ*, Ист. Кіевской академіи, прил., 75 стр.). Хроника бѣлор. города Могилева, *Трубницкаго* (Чт. въ моск. общ. ист. и древн. рос., 1887 г., III, 18).

[2]) Грамота Владислава IV отъ 3 марта 1633 г. позволила братству „школы наукъ вызволеныхъ языковъ вшелякихъ мѣти, семинарія и школы фундовати» (Арх. сб., II, № 34), а грамота отъ 19 марта разъясняетъ, что подъ «вшелякими языками» надо разумѣть языки русскій, греческій, латинскій и польскій (Арх. уніат. митр., кн. I, № 20).

[3]) Арх. сб., II, № 45. *Жудро*, 85. 86.

[4]) *Жудро*, 87.

[5]) *Голубевъ*, Исторія Кіевской академіи, прилож., 75. 76.

[6]) П. К. К., I, № 1. Правда, есть слѣды существованія братства въ Луцкѣ и до этого времени. Таково письмо виленскаго священника Гр. Ждановича къ нѣкоторымъ

братства, по сравненію съ виленскимъ, минскимъ, могилевскимъ, было то, что изъ 15-ти членовъ—учредителей (употребляя современный терминъ) 9-ть принадлежали къ духовенству бѣлому и черному; даже „ктиторомъ“ его былъ іеромонахъ—игуменъ черницкаго монастыря Герасимъ Микуличъ [1]).

Повидимому, луцкое братство сначала было только госпитальнымъ, но въ 1619 году (20 февр.) оно получило отъ короля право вновь выстроить сгорѣвшій госпиталь и основать церковь съ школою „для побожныхъ наукъ людей молодыхъ потребною“ [2]). Но школа была выстроена не сразу. По крайней мѣрѣ 1 сентября 1619 г. о ней идетъ рѣчь, какъ о дѣлѣ будущаго: въ листѣ, данномъ въ этотъ день волынскими дворянами луцкимъ мѣщанамъ, съ обязательствомъ защищать послѣднихъ, говорится, что для постройки церкви и госпиталя еще только выбрано мѣсто, и самая постройка ставится въ зависимость отъ „преможенья“ ихъ [3]). Не существовало еще училища и въ январѣ 1620 г.; протесты луцкаго уніатскаго епископа и капитулы (14 и 24 января) противъ правъ, данныхъ братству королемъ, не упоминаютъ о немъ [4]): очевидно его еще не было. Но въ этомъ же году, несмотря на то, что король, дѣйствительно, 26 авг. запретилъ луцкимъ ремесленникамъ строиться [5]), для школы былъ сооруженъ каменный домъ [6]), въ которомъ и началось ученье. Уже 21 іюля 1621 года луцкій бурмистръ Сам. Вас. Солтанъ сдѣлалъ въ ея пользу пожертвованіе. Отказывая братству по духовному завѣщанію домъ и лавку съ товарами, онъ потребовалъ, чтобы послѣдніе были проданы и проценты съ вырученной суммы шли „на выховане слушное шпитальнымъ... такъ же нищимъ школнымъ, на науку приходящимъ“ [7]). Подъ 1622 г. 15 сент. упоминается „дитя монастырское, сиротка въ десети летех в наукѣ будочее, меновите Филонъ Рий“ (сынъ священника), израненый ворвавшимся въ монастырь шляхтичемъ Раецкимъ [8]).

членамъ луцкаго братства въ 1603 г. (Арх. Ю.-З. Р., I, VI, № 130). Къ этому же времени («около 1600 г.») относятъ пожертвованіе луцкому братству женою Лавр. Древинскаго 3 т. злотыхъ (П. К. К., I, 184 стр.; Арх. Ю.-З. Р., I, IV, пред., стр. 30). Но не видно, чтобы это братство имѣло школу и чтобы основанное въ 1617 г. стояло въ генетической связи съ нимъ.

[1]) Герасимъ Микуличъ впервые является, какъ священноинокъ и духовникъ Гиевоша Семеновича Гулевича Дрозденскаго, который далъ ему въ 1613 г. поле въ с. Дрозднѣ съ правомъ основать здѣсь скитъ (Арх. Ю.-З Р., I, VI, № 170).

[2]) П. К К, I, № 2 (id. Арх. Ю.-З. Р., I, VI, № 185).

[3]) П. К. К., I, № 3.

[4]) Арх. Ю.-З. Р., I, VI, №№ 187. 188.

[5]) *Перлштейнъ*, Луцкъ и его окрестности (Врем. моск. общ. ист. и древн. росс., кн. IX (1851), смѣсь, 42. 43.

[6]) П. К. К., I, стр. 115.

[7]) Арх. Ю.-З. Р., I, VI, № 201.

[8]) Арх. Ю.-З. Р., I, VI, № 206.

Въ первые же годы своего существованія луцкая школа озаботилась получить подтвержденіе своихъ правъ и порядковъ у высшей духовной власти—у митр. Іова Борецкаго и патріарха константинопольскаго Кирилла Лукариса: о благословеніи перваго и „совѣтѣ и повеленіи“ второго говорится въ дошедшемъ до насъ спискѣ луцкаго „Порядка школьнаго“, который представляетъ собою копію львовскаго школьнаго порядка 1586 г. [1]). Однако луцкіе братчики, несмотря на всю авторительность для нихъ послѣдняго, были далеки отъ мысли рабски слѣдовать ему: они въ 1624 г. составили и ввели въ употребленіе свой собственный уставъ—„Правъ школы Греко, Латинословенскои Луцкои, Артикулы“ [2]). Внѣшнимъ поводомъ къ составленію устава послужила передача школы въ непосредственное завѣдываніе инокамъ братскаго монастыря, а внутреннія побужденія заключались въ стремленіи поднять ее на одинъ уровень съ мѣстной іезуитской коллегіей [3]).

Означенная передача состоялась въ Ѳоминъ понедѣльникъ 1624 г. и закрѣплена была особымъ документомъ: „Постановеніе порядное межи Брацтвомъ свѣцкимъ и духовными. сирѣчь, игуменомъ і иноками общаго житія Киновіатовъ“. Въ немъ опредѣляются права, обязанности и взаимныя отношенія обѣихъ половинъ луцкаго братства—свѣтской и духовной, представленной игуменомъ и иноками крестовоздвиженскаго мона-

---

[1]) П. К. К., I, № 10. Этотъ луцкій школьный порядокъ до буквальности почти схожъ съ львовскимъ Порядкомъ 1586 г. въ его русской редакціи. Разница только въ томъ, что пунктъ его, которымъ къ школѣ приставлены были два братчика, перенесенъ съ конца въ 1-й параграфъ, и имена патр. Іереміи и еп. Гедеона замѣнены именами п. Кирилла Лукариса и м. Іова Борецкаго. Когда именно луцкіе граждане получили изъ Львова школьный уставъ, а отъ Кирилла Лукариса и Іова Борецкаго его утвержденіе, неизвѣстно.

[2]) П. К. К., I, № 9. Редакція Памятниковъ кіевской коммиссіи сочла эти «Артикулы» первымъ луцкимъ школьнымъ уставомъ на томъ основаніи, что въ томъ луцкомъ сборникѣ, откуда она извлекла ихъ, они помѣщены впереди «Порядка школьнаго» (стр. 93). Но естественнѣе предположить, что луцкое братство первоначально воспользовалось уже готовымъ львовскимъ «Порядкомъ», а затѣмъ уже составило свой. За это говоритъ и содержаніе обоихъ. Первый, львовскій Порядокъ, есть уставъ школы греко-славянской, т. е. безпримѣснаго типа первоначальной братской школы, создавшейся подъ непосреднственнымъ воздѣйствіемъ грековъ и старыхъ церковно-національныхъ преданій; второй есть уставъ училища, въ программу котораго включенъ и латинскій языкъ. Но никто не будетъ спорить, что и по отношенію къ луцкой школѣ скорѣе нужно допустить расширеніе ея программы въ пользу латинскаго языка, какъ это было и въ другихъ братскихъ училищахъ, чѣмъ съуженіе ея исключеніемъ этого языка,—скорѣе прогрессъ, чѣмъ регрессъ, тѣмъ болѣе, что и дѣйствительно мы находимъ въ дальнѣйшей исторіи луцкой школы указаніе на изученіе его (какъ и польскаго языка).

[3]) На это, кромѣ латинскаго языка, указываютъ § 9 Артикуловъ, запрещающій носить въ школу оружіе и читать иновѣрческія и еретическія книги, §§ 11 и 12, рекомендующіе аккуратное хожденіе въ церковь и частую исповѣдь (Ср. соотвѣтствующіе §§ изъ *Rat. Stud.* S. I. Reg. extern. audit.). Возможно, что это же имѣлъ въ виду Головацкій, когда говорилъ, что «Артикулы» составлены, кажется, по образцу среднихъ училищъ, существовавшихъ тогда и въ Польшѣ и въ другихъ краяхъ запад. Россіи (см. пред. къ изданному имъ «Порядку школьному»).

стыря, который сдѣланъ былъ теперь общежительнымъ. Въ частности, по отношенію къ школѣ здѣсь указаны такія обязанности игумена: въ числѣ братіи онъ содержитъ и учителя, продовольствуя его, какъ и „старшого спѣвака (пѣвчаго)“, общимъ столомъ и отечески заботясь о нихъ, ибо они особенно сильно содѣйствуютъ красотѣ богослуженія. Вмѣстѣ съ братіей онъ избираетъ изъ своей среды ректора для ежедневнаго надзора за всѣми пѣвчими, за школой и поведеніемъ и занятіями какъ учащихся, такъ и даскала. Каждыя четыре недѣли этотъ ректоръ долженъ производить экзаменъ, чтобы видѣть, чему мальчики научились, дабы напрасно не тратились молодые годы отданныхъ въ ученіе дѣтей, за которыхъ учителя должны будутъ дать отвѣтъ Богу. Должность ректора имѣетъ быть безплатной. Что же касается содержанія учителя и бѣдныхъ учениковъ, то свѣтская половина братства брала это на себя [1]).

Такимъ образомъ, школа переходила въ завѣдываніе—учебное и педагогическое—игумена съ иноками. Вѣроятно, новымъ начальствомъ ея и былъ составленъ ея новый уставъ [2]). Впрочемъ, это не значитъ, что старый Порядокъ былъ совершенно изъятъ изъ употребленія,—продолжалъ существовать и тотъ, такъ какъ каждый изъ нихъ обнималъ далеко не всѣ стороны училищной жизни: тогда какъ „Артикулы“ даютъ нѣсколько новыхъ правилъ относительно пріема воспитанниковъ и нѣсколько педагогическихъ требованій, не касаясь дидактической стороны дѣла, въ старомъ была затронута и она. Съ другой стороны, высшій контроль за педагогической дѣятельностью иноковъ и за успѣхами училища принадлежалъ все же братству въ цѣломъ его составѣ, какъ это можно видѣть изъ слѣдующаго случая. 14 сентября 1626 г. въ храмовой братскій праздникъ игуменъ Герасимъ Микуличъ просилъ братство объ увольненіи его по болѣзни отъ должности. Въ преемники ему былъ избранъ яблоченскій игуменъ іеромонахъ Митрофанъ (Дементіановичъ). Послѣдній находился здѣсь же и къ своему согласію на избраніе присоединилъ желаніе быть заодно проповѣдникомъ и ректоромъ. Братство приняло предложеніе и единогласно ассигновало ему сто польскихъ злотыхъ, съ уплатой ихъ въ два срока, и кромѣ того передавало ему всѣ тѣ доходы, которые шли до того „дьяку при монастыре мешкаючему“, т. е. учителю. Братство обязывало новаго игумена, чтобы онъ „въ повинности своей казнодѣйской былъ пилным, школы самъ през себе, любо през своего намѣстника порадне справовалъ, яко бы съ тое его услуги, и Панъ Богъ былъ похваленъ и брацтво (наше) сполне з тыми, кото-

---

[1]) П. К. К., I, № 8, стр. 61. 67. 68. Составъ монастырской братіи опредѣляется здѣсь такъ: духовникъ, проповѣдникъ, священникъ, діаконъ, уставщикъ, эклезіархъ, экономъ, палатный, два собирателя подаяній, поваръ, послушникъ и *даскалъ*. Замѣчательна дѣлаемая при этомъ оговорка: такихъ лицъ требуемъ для того, что такія лица бываютъ повсюду избираемы и поставляемы, не только въ городскихъ монастыряхъ, но и въ пустынныхъ общежительныхъ, и это не нововведеніе какое нибудь.

[2]) За это говорятъ и его послѣдніе §§, которыми отношенія учениковъ къ ихъ религіознымъ обязанностямъ опредѣляются болѣе полно, чѣмъ въ львовскомъ Порядкѣ.

рые до того места свѣтого згромажаются, потѣху духовную, и наоуку отнесли“ [1]).

Для сужденія о томъ, какое направленіе приняла въ луцкой школѣ учебная часть, обратимъ вниманіе на тѣ книги, какія оказались въ братствѣ около 1627 г. Здѣсь мы находимъ прежде всего множество нотъ, затѣмъ 4 славянскія грамматики, грамматики греческую и латинскую Доната, Нов. Завѣтъ греческій съ латинскимъ и одинъ латинскій, псалтирь латинскую, словарь латинскій, катихизисъ латинскій съ польскимъ, Vita honesta латин. съ польскимъ [2]). Такимъ образомъ, оказывается, что въ луцкой школѣ изучались латинскій и польскій языки. Относительно послѣдняго есть еще свидѣтельство въ жалобѣ луцкаго братства на іезуитскихъ студентовъ, напавшихъ 8 окт. 1627 г. на братскую школу, избившихъ учениковъ и изорвавшихъ учебники до того, что на другой день возный нашелъ „и въ школе и предъ школою книгъ словенскихъ, рускихъ и *польскихъ* веле подертыхъ, пошарпанныхъ и въ нивечъ (въ ничто) оберненыхъ“. Причина же этого нападенія заключалась въ зависти іезуитовъ, издавна глядѣвшихъ недоброжелательно на успѣхи братской школы и на братскую дѣятельность вообще, что и выражалось въ нанесеніи студентами различныхъ обидъ и побоевъ братскимъ ученикамъ, нападеніяхъ на госпиталь и т. п. Поводомъ же было желаніе іезуитовъ переманить къ себѣ одного братскаго воспитанника и пѣвчаго Ивана „дышканъцисту (дисканта)“. Но когда убѣжденія и „намовы“ не помогли, власти коллегіи вооружили для взятія его и „другихъ при немъ выборнѣйшихъ спеваковъ з монастыра и з школы брацкое“ сначала нѣсколькихъ студентовъ, а потомъ и всю свою школу, человѣкъ до двухсотъ. Студентамъ поручено было захватить не только пѣвчихъ—учениковъ братскаго училища, но и „дозорцу албо учителя тое школы“, о. Елисея Илковскаго и прочихъ законниковъ монастыря. Вооруженные студенты напали на монастырь и школу во время вечерни, когда „старшій школы о. Елисей з иными свецкими“ (учителями?) находился въ церкви. Но, тѣмъ не менѣе, въ школѣ они нашли много учащихся дѣтей „шляхецкихъ и люду посполитого“ и избили ихъ нагайками, палками, учебниками; нѣкоторыхъ изранили до крови. Затѣмъ долго буйствовали въ самомъ монастырѣ. Черезъ нѣсколько дней тѣ же студенты напали на одного пѣвчаго, затащили въ свою бурсу и тамъ страшно избили, сдѣлавъ это „на одстрашенъе сусчихъ спиваковъ, слугъ церковныхъ“ [3]).

---

[1]) Рук. кн. Аѳан. Мислављскаго, л. 58 об.—59. Въ 1629 г. мы видимъ о. Митрофана въ Вильнѣ въ качествѣ инока духовскаго монастыря (Арх. Ю.-З. Р., I, VI, № 244), а затѣмъ—его старшаго. Документы, напечатанные въ Архивѣ Ю.-З. Р., I, VI, подъ №№ 239. 302. 305. 306, показываютъ, что и послѣ въ луцкомъ братствѣ сохранились такія отношенія къ школѣ, что игуменъ завѣдывалъ ею и являлся ея представителемъ и ходатаемъ предъ властями, а свѣтскіе члены братства давали на нее средства.

[2]) П. К. К., I, 252. 266. 267.

[3]) Арх. Ю.-З. Р., I, VI, №№ 238. 239. Послѣ, около 1634 г., въ Луцкѣ страшно разгорѣлось такого же рода полемика: били іезуитскихъ студентовъ, и они опять разгромили братскій монастырь и школу (№№ 275. 276. 278).

Какія требованія создала въ обществѣ луцкая школа, можно видѣть изъ слѣдующаго случая. Въ числѣ волынскихъ дворянъ, обязавшихся въ 1619 г. охранять и защищать луцкое братство, находился Семенъ Гулевичъ Воютинскій [1]). Вотъ онъ, основывая въ 1636 г. общежительной монастырь въ с. Бѣломъ Стокѣ, поставилъ монахамъ такое требованіе: они должны избрать изъ своей среды трехъ „искусныхъ“ иноковъ, изъ которыхъ бы одинъ былъ „годнымъ казнодѣею и проповѣдачем слова Божого“, другой бы читалъ богословіе монахамъ, желающимъ учиться, а третій—училъ бы шляхетскихъ „и розное кандыции людей, по руску и по латыни, кграмматики, синтаксим и поетыки“ [2])...

Кіевскія школы — братская и лаврская.

До 1865 г. въ нашей исторической литературѣ господствовало убѣжденіе, что кіевская братская школа получила свое начало въ 1588—1589 г., когда явилось (будто бы) и само богоявленское братство; причемъ, нѣкоторые изслѣдователи полагали, что она была учреждена въ это время кіевскимъ воеводой кн. Острожскимъ [3]). Но въ настоящее время, послѣ критической провѣрки тѣхъ документальныхъ и историческихъ данныхъ, на которыхъ оно опиралось,—провѣрки, произведенной М. А. Максимовичемъ [4]), И. И. Малышевскимъ [5]) и, главнымъ образомъ, С. Т. Голубевымъ [6]),—установившееся было мнѣніе о началѣ кіевскаго братства и школы „не только поколеблено“, но и окончательно „подорвано въ корнѣ“. На его же мѣсто означенными изслѣдователями поставлено новое, вполнѣ научно обоснованное, положеніе о появленіи кіевскаго богоявленскаго братства только въ 1615 г. И „доводы г. Голубева таковы, говоритъ рецензентъ его послѣдняго сочиненія, нанесшаго окончательный ударъ старой теоріи, А. И. Соболевскій,—доводы

---

[1]) П. К. К., I, № 3. Въ 1633 году онъ былъ однимъ изъ кандидатовъ въ перемышльскіе епископы и затѣмъ, дѣйствительно, занялъ эту каѳедру (Арх. Ю.-З. Р., I, VI, №№ 270. 310).

[2]) Арх. Ю.-З. Р., I, VI, № 237.

[3]) *М. Евгеній* (Описаніе Кіево-софійскаго собора, прил. № 41), *М. Макарій* (Ист. Кіев. дух. акад., 1843), *Аскоченскій* (Кіевъ съ его древнѣйшимъ училищемъ-академіей, I, 57, 60; Аскоченскій думаетъ даже, что въ 1588 г. кіевская школа, основанная въ эпоху люблинской уніи, была преобразована въ высшую), *Закревскій* (Лѣтопись и описаніе г. Кіева—Чт. въ моск. общ. ист. и древн. росс., 1858, II, 29. 64) и мн. др.

[4]) Записки о первыхъ временахъ Кіево-Богоявл. братства, 1865 (перепеч. въ Собр. соч., II, 173—176).

[5]) Историч. записка о состояніи Кіев. дух. академіи (Тр. Кіев. дух. ак., 1869, IV).

[6]) О первыхъ временахъ Кіево-богоявл. братства и школы при немъ (Тр. Кіев. дух. акад., 1882, III); Древнія и новыя сказанія о началѣ Кіевской академіи (Кіев. ст. 1885, I); Исторія Кіев. дух. академіи, I, 1886, гл. I.

г. Голубева таковы, что противъ нихъ трудно спорить, и можно думать, что мнѣніе г. Голубева будетъ принято всѣми“ [1]).

Тѣмъ не менѣе нѣкоторые ученые находятъ еще возможнымъ отстаивать старое мнѣніе. Такъ, проф. Лашкаревъ усиливается возвести начало училища къ 1589 г. [2]). А г. Каманинъ, давній приверженецъ его, въ 1895 г. вновь выступилъ въ оборону его. Въ своей статьѣ: „Еще о древности братства и школы въ Кіевѣ“ [3]), онъ пытается возстановить силу ослабленныхъ проф. Голубевымъ аргументовъ въ пользу происхожденія братства въ XVI ст. Отказываясь, впрочемъ, отъ защиты учрежденія братства и школы патр. Іереміей въ 1588—1589 гг., онъ всѣ усилія направляетъ на то, чтобы утвердить значеніе купчей кіевскаго земянина Андрея Обуха 1594 г., продавшаго „въ братскій монастырь“ дворъ въ Кіевѣ и сѣнокосъ. Но хотя г. Каманинъ увѣряетъ, что это ему удалось сдѣлать и что „документъ 1594 г. остается неподорваннымъ въ своемъ значеніи и по прежнему свидѣтельствуетъ о существованіи братства въ концѣ XVI в.“, мы стоимъ за болѣе позднее происхожденіе братства и относимъ его начало къ 1614—1615 гг., находя подтвержденіе своего мнѣнія въ томъ, между прочимъ, обстоятельствѣ, что въ нѣкоторыхъ свидѣтельствахъ о кіевскомъ братствѣ, относящихся къ 1619—1624 гг., оно называется *новозаложеннымъ* и выдѣляется изъ ряда другихъ, ранѣе явившихся братствъ, чего не было бы при болѣе, чѣмъ четвертьвѣковомъ, существованіи его. Такъ, напр., 6 февр. 1618 г. м. Рутскій въ протестаціи противъ кіевлянъ, утопившихъ Антонія Грековича, говоритъ, что кіевское духовенство и мѣщане, издавна отличавшіеся непозиновеніемъ митрополиту, теперь *недавно* устроили какое то братство въ Кіевѣ [4]). Въ грамотѣ патр. Ѳеофана 1620 г. 17 мая кіевское братство называется *новодружественнымъ* [5]). Въ донесеніи уніатскихъ епископовъ въ Римъ въ 1624 г. („Informatio“...) кіевское братство называется новѣйшимъ, послѣднѣйшимъ (confraternitates snnt multiplicatae per alienas minores civitates, et nunc ultimo Kijoviae) [6]). И если согласиться съ г. Каманинымъ, что выраженія „новодруженное“, „новозаложенное“ въ утвердительныхъ грамотахъ патріарховъ не должны быть понимаемы буквально, то свидѣтельства уніатскихъ писателей имѣютъ въ приложеніи къ кіевскому братству полную силу, тѣмъ болѣе, что въ одномъ изъ нихъ прямо указывается время его учрежденія. Около 1619 г. м. Рутскій говоритъ о кіевскомъ братствѣ, какъ основавшемся за три года до того [7]). Наконецъ, неопровержимымъ образомъ за это говоритъ и „Уписъ кіевскаго братства“,

---

[1]) Ж. М. Н. Пр., 1887, мартъ, Критика и библіографія, 38.

[2]) По вопросу о началѣ Кіев. академіи (Кіев. стар., 1885, февр.).

[3]) Чт. въ общ. Нестора лѣтописца, т. IX (1895 г.).

[4]) «Teraz niedawno Bractwo iakieś w mieście Kijowie ufundowawszy»... (Арх. ун. митр., № 412).

[5]) *Голубевъ*, Исторія Кіев. академіи, прил., № 3.

[6]) *Harasiewicz*, 257.

[7]) «Na wielkiey przekazie uniy w Kijowie jest nowe Bractwo *przedetrzema laty* od schizmatykow zaczęte»... Проектъ уніат. митрополита о мѣрахъ къ введенію въ Кіевѣ

несомнѣнно первый документъ въ его исторіи. Онъ, правда, не датированъ, но время его составленія можетъ быть выведено изъ такихъ данныхъ: братство начинается „благословеніемъ и повеленіемъ“ святѣйшаго патріарха Тимоѳея константинопольскаго (а онъ сдѣлался патріархомъ только въ 1612 г.) [1],—это съ одной стороны, съ другой,—уже 4 янв. 1616 г. въ „Упись“ вписался Захарія Копыстенскій, по всему видно—не первый братчикъ и не членъ-учредитель [2].

Братство въ Кіевѣ является сравнительно позже, чѣмъ въ другихъ городахъ зап. Россіи. Кіевъ, выражаясь словами „Уписа“, „едва поздѣ нѣкогда возбнулъ отъ многаго нерадѣнія и лѣности и мрачнаго суетія мирского“, и позже другихъ городовъ „прозрѣлъ къ свѣту благоразумія“. Но тѣмъ сильнѣе сознано было православными кіевлянами печальное положеніе церковныхъ и политическихъ дѣлъ и тѣмъ яснѣе выразилось это сознаніе въ учрежденіи братства, которое явилось, какъ средство къ „утѣшенію и утвержденію въ благочестіи Россійскому роду сыномъ всходнего православія“ и къ отраженію иновѣрныхъ [3]. Братство при такъ ясно поставленной цѣли избрало и вполнѣ подходящія средства и, прежде всего, „подаване наукъ учтивыхъ и цвиченье дѣтей народу христіанского отъколь хвала всемогущаго Бога на земли множится, потѣха родичомъ из сыновъ наказанныхъ ростетъ, речи посполитой оброна моцная и озбода предивная фундуется и цвѣтетъ“ („Упись“). Потребность въ школѣ и именно „славянороссской, эллиногреческой“, вызывалась у кіевлянъ и тѣмъ опасеніемъ, что православные, „отъ чуждаго источника пиюще, смертоносна яда западния схизмы упившеся (и) ко мрачно-темнымъ римляномъ уклонятся“ [4].

Не знаемъ, какъ случилось, что вновь устроенное братство въ скоромъ времени появляется уже на грунтахъ, подаренныхъ 14 окт. 1615 г. Елисаветой (Галшкой) Гулевичовной Лозкиной [5]) православ-

---

уніи—Вѣстн. Ю.-З. Р., 1864, I, октябрь, 63. Этотъ документъ м. Макарій датируетъ «около 1620 г.»; проф. Голубевъ относитъ его ко времени «около 1618—1619 гг.» (Ист. Кіевской дух. акад., 14).

[1]) Μανουήλ Γεδεών, Πατριαρχικοὶ πίνακες, 548, 549.

[2]) *Голубевъ*, Ист. Кіев. дух. акад., прилож., № 1. Соотвѣтствующія разъясненія самого г. Голубева въ текстѣ, стр. 27—42. До него этотъ «Упись» былъ напечатанъ въ Пам. К. К., II, № 2.

[3]) Письмо членовъ кіев. братства къ думному дьяку Ив. Грамматину 10 апрѣля 1625 г. (Арх. Ю.-З. Р., I, VI. № 221). Въ этомъ посланіи выразительнѣе, чѣмъ гдѣ либо, высказывается полемическій, такъ сказать, характеръ позднѣйшихъ западнорусскихъ братствъ: «братство нарицается, егда христіане православные, живуще посредѣ иновѣрныхъ, посредѣ Ляховъ, унѣятовъ и проклятыхъ еретиковъ и хотяще отъ нихъ отлучатися и съ ними ничтоже смѣсно имѣти, сами со собою любовию совокупляются, имена своя во едино списуютъ и братіами нарицаются, се же да твердѣе и скорѣе противовѣрныхъ отразити возмогутъ».

[4]) Арх. Ю.-З. Р., I, VI, № 229.

[5]) Что Галшка—Елисавета, а не Анна, какъ думали прежде (М. Макарій, Аскоченскій etc.), очевидно и само по себѣ и доказывается гг. *Новицкимъ* (Кіев. стар., 1885 г., XII, 732) и *Голубевымъ* (Ист. Кіев. акад., 120—122). Мужъ ея (второй)—мозырскій маршалокъ Стеф. Лозка: первымъ мужемъ ея былъ одинъ изъ трехъ сыновей Ип. Потѣя—Христофоръ (*Голубевъ*, 123—127, 136—138).

нымъ обывателямъ кіевскаго, волынскаго и браславскаго воеводствъ съ тѣмъ, чтобы на нихъ были построены монастырь, странноприимница и школа [1]). Возможно, что сліяніе существовавшаго до того братства съ проектированными Галшкою учрежденіями обусловливалось однородностью преслѣдуемыхъ ими цѣлей и тѣмъ, что первое не успѣло еще совершенно ни сформироваться, ни устроиться на своихъ грунтахъ [2]). Но, какъ ни кратковременно было существованіе братства до фундаціи Галшки, оно, очевидно, успѣло уже завести школу (хотя, быть можетъ, спеціальнаго зданія для нея еще не пріобрѣло), которую жертвовательница и „впровадила“ на свой дворъ, вмѣстѣ съ нѣсколькими „духовными и свецкими“, во главѣ съ инокомъ Исаіей Копинскимъ. Такъ получила начало братская школа—первое въ Кіевѣ правильно организованное училище.

Говоря—„первое“, мы должны представить нѣкоторыя разъясненія и опровергнуть возраженія, что̀ потребуетъ отъ насъ длиннаго отступленія.

Указываютъ на кіевское письмо, „по красотѣ своихъ закругленныхъ буквъ не имѣющее себѣ подобнаго“ и развившееся уже въ половинѣ XVI в., какъ на доказательство существованія школъ въ Кіевѣ до начала XVII в [3]). Можно согласиться, что „для поддержанія и сохраненія отличнаго характера кіевскаго письма должно предположить существованіе въ Кіевѣ школъ“, но, кажется для этого вполнѣ достаточно было элементарныхъ училищъ, воспитанники которыхъ непремѣнно выходили съ умѣніемъ читать и писать. И, безъ сомнѣнія, такія школки существовали въ Кіевѣ при церквахъ, какъ онѣ существовали во Львовѣ, Брестѣ и въ другихъ городахъ [4]), служа къ „потребе церкве Божой“ и „къ пожитку“ занимавшихся обученіемъ священниковъ. Но въ обоихъ случаяхъ, когда выступаетъ предъ нами существованіе этихъ школъ (въ соборной грамотѣ 1594 г. и грамотѣ брестскаго епископа 1590 г.), онѣ оказываются только приходскими и съ очень ограниченнымъ числомъ учениковъ, причемъ оно сокращается грамотами даже до минимума (2—3 чел.),—по крайней мѣрѣ по отношенію къ Бресту и Львову. И этихъ школокъ, и аналогичныхъ съ ними кіевскихъ ни въ какомъ случаѣ нельзя назвать правильно устроенными училищами, которыя могли стать въ уровень пробудившихся въ православномъ обществѣ умственныхъ потребностей.

Но не была ли такимъ училищемъ лаврская школа, которая по мнѣнію проф. Голубева существовала въ печерскомъ монастырѣ до фундаціи Галшки Гулевичовны и которая и была введена ею на пожертвованный ею плацъ? [5]). Всего естественнѣе было бы думать, что если гдѣ, то именно въ печерской лаврѣ, которая обладала огромными

---

[1]) Фундуш. запись—П. К. К., II, № 1. *Голубевъ*, о. с., прилож., № 2.

[2]) *Голубевъ*, о. с., 152.

[3]) *И. Каманинъ*, Кіев. стар., 1887, май, 178, 179. Чт. въ общ. Нест. лѣт., IX, 180.

[4]) А. З. Р., IV, № 48. Арх. сб., XI, № 6.

[5]) Петръ Могила, 280. 281. Ист. Кіев. дух. акад., 146. 147. Тр. Кіев. дух. акад., 1887, II, 133—140.

богатствами [1]), преимущественно предъ другими монастырями заботились о церковномъ просвѣщеніи и въ частности о школѣ. Въ дѣйствительности же только съ начала XVII ст. здѣсь стало замѣтно умственное оживленіе,—съ того именно времени, когда настоятелемъ монастыря сдѣлался Елисей Плетенецкій. Г. Голубевъ, изображая дѣятельность его, направленную къ развитію просвѣщенія, указываетъ на слѣдующія явленія, вызванныя имъ къ жизни: 1) заведеніе въ лаврѣ типографіи (около 1616 г.) [2]); 2) устройство бумажной фабрики въ Радомыслѣ; 3) вызовъ въ лавру ученыхъ людей, а также лицъ, знакомыхъ съ типографскимъ искусствомъ; 4) изданіе книгъ; 5) образованіе института проповѣдниковъ... На основаніи знакомства съ этими сторонами просвѣтительной дѣятельности Плетенецкаго г. Голубевъ находитъ возможнымъ допустить, что онъ позаботился и о школахъ, а нѣкоторыя положительныя свидѣтельства позволяютъ ему категорически причислять и 6) устройство школы въ лаврѣ—къ числу заслугъ этого архимандрита. Данныя эти находятся въ двухъ проповѣдяхъ Захаріи Копыстенскаго—при погребеніи Плетенецкаго и при его годичномъ поминовеніи. Въ первой изъ нихъ Копыстенскій говорилъ: „Науки намъ такъ познаня разныхъ діалектовъ якъ и выразумѣнія письма жичилъ (почившій) и о дидаскалы искусные старался“ („Казанье погребовое“, 1625 г.). Въ другой проповѣди Копыстенскій выражается: „Мы поминаемъ (въ настоящее время) ученыхъ людей прибѣжище, наукъ любящихъ промотора и школъ на разныхъ мѣсцахъ зычливаго фундатора“ („Омилія“, 1626 г.) [3]). Мы, конечно, не станемъ утверждать, подобно А. И. Соболевскому, что первая часть свидѣтельства З. Копыстенскаго, заключающагося въ „Казаньи“, „имѣетъ въ виду, кажется, заботы Плетенецкаго объ исправленіи, сочиненіи и изданіи книгъ“, а вторая говоритъ не объ учителяхъ въ узкомъ значеніи этого слова, а о проповѣдникахъ [4]): несостоятельность такого толкованія ясно видна изъ констекста рѣчи [5]). Но оба эти свидѣтельства, довольно рѣшительно говорящія въ пользу того, что Ел. Плетенецкій заботился и о наукахъ,—нельзя не согласиться съ проф. Соболевскимъ,—довольно неопредѣленны для того, чтобы утверждать, что онъ завелъ школу въ числѣ другихъ „разныхъ мѣстъ“ и въ лаврѣ. Напротивъ, образъ выраженія Копыстенскаго таковъ, что заставляетъ думать, что въ лаврѣ-то школа и не была устроена: Плетенецкій только желалъ („жичилъ“) лаврѣ наукъ и объ дидаскалахъ искусныхъ только старался, но не могъ осуществить своего желанія, тогда какъ „проповѣдниковъ слова Божого приспособлялъ, задержовалъ, выховане ихъ стану и повинности пристойне и довольне давалъ, и самъ любовне ихъ слухаючи, неохочимъ слухачомъ до чулости (къ усердію) былъ поводомъ и прикладомъ (примѣромъ)“... Въ пользу существованія

---

[1]) Арх. Ю.-З. Р., I, I, № 91.

[2]) О лаврской типографіи см. прим. къ IV гл. «Петра Могилы», стр. 336 и слѣд. Что книгопечатаніе въ Кіевѣ не древнѣе 1616 г., это до г. Голубева доказывалъ еще Максимовичъ (Книжная старина южнорусская, 1850; Кіев. еп. вѣд., 1872, № 10).

[3]) Петръ Могила, 276—281.

[4]) Ж. М. Н. Пр., 1887 г., мартъ, 47.

[5]) Тр. Кіев. дух. акад., 1887, II, 138—139.

школы въ лаврѣ не можетъ говорить и Часословъ 1617 г., напечатанный лаврой между прочимъ съ тою цѣлью, „да исполнится требованіе, еже во училищахъ въ православномъ градѣ Кіевѣ и въ прочіихъ“: такими училищами въ самомъ Кіевѣ были школы братская и первоначальныя, церковно-приходскія. Во всякомъ случаѣ, требованіе исходило не изъ лаврской школы, которой, очевидно, и не было, ибо о ней не упоминаетъ и панегирикъ, поднесенный въ 1618 г. Ел. Плетенецкому [1]). Что же до тѣхъ „училичныхъ“ книгъ, о которыхъ говорится въ „Казаньи“, какъ объ изданныхъ Плетенецкимъ, то З. Копыстенскій могъ разумѣть подъ ними и одинъ Часословъ.

Г. Голубевъ, отстаивая мысль о существованіи школы въ лаврѣ, указываетъ на то, что Ел. Плетенецкій еще въ первое десятилѣтіе своего архимандритства сдѣлалъ обѣщаніе устроить школу, причемъ ссылается на цитованную уже нами инструкцію волынскихъ дворянъ своимъ посламъ при отправленіи ихъ на варшавскій сеймъ (1608 г.), въ которой говорится, что митрополитъ, владыки и архимандритъ печерскій обѣщали фундовать для бѣдныхъ шляхетскихъ дѣтей школы [2]). Но изъ сопоставленія съ печерскимъ архимандритомъ митрополита можно вывести то, что это обѣщаніе дано было за много лѣтъ до того, когда еще митрополитъ русскій былъ православнымъ, именно на одномъ изъ брестскихъ соборовъ, когда наша іерархія обязалась, собираясь ежегодно, совѣтоваться между прочимъ и о школахъ и, конечно, заводить ихъ, если кн. Острожскій ставилъ ей въ укоръ неисполненіе этого обязательства [3]). Въ такомъ случаѣ подъ печерскимъ архимандритомъ нужно разумѣть Мелетія Хрептовича, владимирскаго и брестскаго епископа. Но не видно, чтобы Хрептовичъ завелъ въ лаврѣ училище. И Елисей Плетенецкій не сразу по своемъ вступленіи на должность печерскаго архимандрита развилъ свою просвѣтительную дѣятельность: тѣ ученые мужи, которыхъ вызвалъ онъ сюда, являются здѣсь не ранѣе 1614—1616 г. [4]) и притомъ, кажется, заняты исключительно писательской и издательской дѣятельностью. Правда, г. Голубевъ указываетъ на нѣсколько лицъ, которыя могли быть учителями въ лаврской школѣ. Таковы: Лавр. Зизаній, Гавр. Дороѳеевичъ, которые назывались дидаскалами, и Александръ Митура, бывшій прежде учителемъ въ Львовѣ [5]). Но кто поручится, что ихъ учительская дѣятельность не закончилась во Львовѣ или что свидѣтельства объ ихъ учительствѣ въ Кіевѣ не могутъ быть относимы къ ихъ занятіямъ въ братской школѣ?

Такимъ образомъ, въ лаврѣ и вообще не существовало школы (до Петра Могилы) и не она и не какая-либо другая школа была введена Галшкой Гулевичевной на подаренный ею плацъ, а братская.

Братское училище, если не сейчасъ по водвореніи на грунтѣ Галшки, то очень скоро было поручено воскресенскому священнику

---

[1]) «Вѣзерунокъ цнотъ»—Ж. М. Н. Пр., 1887, мартъ, 46.

[2]) Тр. Кіев. дух. акад., 1887, II, 140.

[3]) А. З. IV, Р., №№ 25. 63.

[4]) Петръ Могила, 273, прим. 62.

[5]) ibid., 281.

Іоанну Борецкому, бывшему ректору львовской школы, человѣку и „въ свободныхъ наукахъ высоко образованному“, и „у письмѣ словенскомъ, и кгрецкомъ и латинскомъ ученому“ [1]). Онъ недолго оставался въ этой должности, такъ какъ въ концѣ 1618 г. получилъ игуменство въ михайловскомъ златоверхомъ монастырѣ [2]). Тѣмъ не менѣе при немъ и школа должна была высоко стать, и самое братство широко развить свою дѣятельность. Насколько послѣдняя была плодотворна для православія, видно изъ того, что около 1619 г. митр. Рутскій отчаявался за судьбу уніи въ кіевскихъ земляхъ, если братство не будетъ уничтожено [3]). Между тѣмъ успѣхи и братства и школы должны были еще болѣе подняться съ 1620 г., когда они получили утвержденіе и помощь отъ патріарховъ Θеофана и Кирилла и когда ректоромъ школы сдѣлался Кассіанъ Саковичъ.

Іерусалимскій патр. Θеофанъ, прибывшій въ мартѣ 1620 г. въ Кіевъ, проявилъ здѣсь большую заботливость вообще о поднятіи церковной жизни православнаго западнорусскаго народа и, въ частности, обратилъ вниманіе на развитіе просвѣщенія въ духѣ православной церкви. Онъ убѣждалъ всѣхъ западноруссовъ заводить греко-славянскія училища [4]) и охотно утверждалъ уставы братствъ съ просвѣтительными задачами. Кіевское братство, пріютившее его, выхлопотавъ у него привиллегію на учрежденіе ставропигіи, вмѣстѣ съ тѣмъ получило подтвержденіе и своей „школы наукъ еллинословенскаго и латино-польскаго письма“, которую оно завело къ „цвѣченю побожнаго живота, (въ) подаваню наукъ належныхъ, гдѣ вызнаня вѣры непорушно и догматъ св. вселенскими седми соборами церкви восточной уставленныхъ, неотмѣне хотящимся учити, а звлаща младенческому уму наука чрезъ учителей тоежъ церкви щире показывана и вливана быти маетъ“ [5]). Одновременно съ этимъ кіевской школѣ оказалъ большое одолженіе другой восточный патріархъ—Кириллъ александрійскій. Онъ 3 іюня 1620 г. отправилъ на Бѣлую Русь своего ученаго іеромонаха Іосифа съ тѣмъ, чтобы онъ „братію нашу вѣры христіанскія поучалъ, дабы отъ нея не отставали, и грамоту преподавалъ, чтобы наша братія пребывала въ добрѣ и утверждалась вѣра христіанская, и врагъ бы ихъ не искусилъ отъ истинной христіанской вѣры въ лютерскую“. Главнымъ образомъ К. Лукарисъ имѣлъ въ виду религіозное положеніе тѣхъ, среди которыхъ находился честной киръ-Гавріилъ, которому поручено переводить толкованіе Іоанна Златоуста на Библію. А такъ какъ здѣсь разумѣется, по всей вѣроятности, извѣстный патріарху Гавріилъ Дороѳеевичъ, который, дѣйствительно, за-

---

[1]) Октоихъ, 1615, Дерманъ. пред.; Πατερικον *Сил. Коссова*, 1635, 180; Кіевская лѣтопись (Сборникъ лѣтописей, относящихся къ исторіи Юго-зап. Руси, 1888), стр. 86.

[2]) Пред. къ Анѳологіону, 1619; *Голубевъ*, Ист. Кіев. акад., 213. 214; Тр. Кіев. дух. акад., 1887, II, 152.

[3]) Вѣстн. Ю.-З. и З. Р., 186⁴/₅, т. I, октябрь, стр. 68.

[4]) Петръ Могила, прилож., № 37.

[5]) 26 мая 1620 г. *Голубевъ*, Ист. Кіев. дух. акад., прилож., № 4 (id. II. К. К., II, № 4 Но здѣсь въ текстѣ грамоты опущено слово «польскаго». См. Ист. Кіев. дух. акад., прилож., стр. 14. 15).

нимался въ Кіевѣ переводомъ Бесѣдъ Златоустаго, то отсюда и открывается, что К. Лукарисъ направилъ Іосифа прежде всего въ Кіевъ, съ которымъ Іосифъ предъ тѣмъ познакомился, сбирая тамъ милостыню. Но, впрочемъ, преподаваніемъ наукъ онъ занимался не только въ Кіевѣ, но и въ Галичѣ и Львовѣ. Послѣ почти двухъ лѣтъ педагогическаго труда Іосифъ за невозможностью—по причинѣ войны съ Турціей—пробраться къ александрійскому патріарху, протосингеломъ котораго онъ былъ, въ началѣ 1622 г. отправился съ проѣзжавшимъ чрезъ Кіевъ сербскимъ епископомъ Антоніемъ въ Москву, съ тѣмъ, чтобы „видѣть государевы очи и побить челомъ о милостынѣ“, гдѣ и пробылъ до февраля 1623 г. На возвратномъ пути Іосифъ остался въ Кіевѣ, гдѣ принималъ участіе въ переводѣ съ греческаго на славянскій нѣкоторыхъ книгъ. Въ 1632 г. онъ опять прибылъ въ Москву и здѣсь царь съ патріархомъ особой грамотой поручили ему „переводити греческіе книги на славянскій языкъ и учить на учительномъ дворѣ малыхъ ребятъ греческаго языка и грамотѣ“. Черезъ два года онъ здѣсь скончался [1]).

Съ именемъ патр. Ѳеофана у прежнихъ историковъ кіевской школы связывается представленіе о самыхъ тяжелыхъ временахъ ея: враги-де православія, возбужденные дѣйствіями Ѳеофана и казацкимъ движеніемъ, разгромили богоявленскій монастырь и школу, которая нашла особенно ярыхъ недруговъ въ лицѣ іезуитовъ, поселившихся въ Кіевѣ на мѣстѣ нынѣшней семинаріи. На защиту святынь и училища въ 1622 г. поднялся, разсказываютъ эти историки, гетманъ Сагайдачный, возстановившій школу и пожертвовавшій на нее свое имущество. Катастрофа, постигшая братство и школу, была такъ сильна, что Сагайдачнаго называютъ даже „основателемъ братскаго монастыря и школъ кіевскихъ“ [2]). Но все это, какъ доказалъ тотъ же проф. Голубевъ, едва ли достовѣрно: извѣстія о раззореніи врагами православія школы и монастыря и не подтверждаются другими современными свидѣтельствами, и находятся въ противорѣчіи съ фактами, показывающими, что братство продолжало попрежнему и существовать и развиваться, и что, если кто терпѣлъ въ это время въ Кіевѣ, то не православные, а уніаты [3]).

---

[1]) Сношенія Россіи съ Востокомъ по дѣламъ церковнымъ, II, 5—7, 142. 143. Пред. къ Бесѣдамъ Златоуста на Дѣянія апостольскія, 1624. Послѣсловіе къ «Аввы Дорооея поученіямъ душеполезнымъ», Кіевъ, 1618. *М. Макарій*, XI, 71—73.

[2]) Послѣднее утвержденіе нашло мѣсто во многихъ лѣтописяхъ малорусскихъ, каковы: Лѣтопись Грабянки (изд. 1854, стр. 27); «Краткое лѣтоизбразительное и памяти достойныхъ дѣйствъ и случаевъ описаніе»; «Именная перепись малороссійскихъ гетмановъ» (Южно-русскія лѣтописи, открытыя и изданныя Бѣлорусскимъ, I (1856), 57. 132). Тоже—въ «Спискахъ игуменовъ кіево-братскаго монастыря», составленныхъ при ректорѣ кіевской академіи Самуилѣ Миславскомъ (Тр. Кіев. духов. акад., 1895, дек: *Н. Петровъ*, «Кіевская академія во второй половинѣ XVII в.», прилож. II, стр. 590). См. также *Рубанъ*, Краткая лѣтопись Малой Россіи, Спб., 1777, 12; Историч. извѣстіе о кіевской академіи (Др. Росс. Вивліоѳика, изд II, ч. XVI (1791), 284); *Амвросій іером.*, Ист. Рос. іерархіи, I, 473; *Гр. М. Толстой*, Разсказы изъ исторіи Рус. церкви, V (1879), 34; *Іером. Макарій*, Ист. Кіев. акад., 20; *Аскоченскій*, о. с., I, 90. 91.

[3]) Ист. Кіев. дух. акад., 165—167.

Православные чувствовали себя тогда такъ хорошо и увѣренно, что сама іезуитская коллегія, какъ мы видѣли, должна была перейти на время въ Фастовъ. И что достовѣрно въ этихъ извѣстіяхъ, такъ это только участіе Конашевича-Сагайдачнаго въ судьбахъ братской школы, которое выразилось, кажется, только въ томъ, что гетманъ, будучи самъ человѣкомъ „въ наукѣ письменной отъ иншихъ непослѣднимъ", записался въ братство со всѣмъ запорожскимъ войскомъ съ цѣлью поддерживать въ немъ школьное ученье и, умирая, завѣщалъ въ пользу братства свое имѣніе и нѣкую сумму денегъ [2]). Онъ скончался 10 апрѣля 1622 г., и по смерти удостоенъ былъ со стороны братства и школы довольно значительныхъ почестей. Онъ не только былъ погребенъ при братской церкви, но при его похоронахъ „студеи" училища говорили „вѣршѣ", сочиненныя ректоромъ его, инокомъ Кассіаномъ Саковичемъ. 20 учениковъ восхваляли въ силлабическихъ стихахъ всѣ подвиги почившаго гетмана, его любовь къ родинѣ, къ церкви, къ королю, его семейныя добродѣтели и пр. [3]).

Это стихотвореніе говоритъ уже противъ мысли о разрушеніи школы послѣ п. Ѳеофана: едва ли въ полтора-два года она могла такъ подняться и зацвѣсти, чтобы вновь собрано было такое большое число учениковъ (безъ сомнѣнія, говорили стихи только лучшіе ученики и ихъ оказалось не меньше двадцати) и чтобы они научились если не писать стихи, то по крайней мѣрѣ съ толкомъ декламировать ихъ. Противъ этого же говоритъ и ректорство Кассіана Саковича, продолжавшееся, по его собственнымъ словамъ, около четырехъ лѣтъ, т. е. съ 1620 по 1624 г. [4]), и, повидимому, не прерывавшееся никакими препятствіями, потрясеніями и разрушеніемъ кіевской школы.

Саковичъ былъ воспитанникъ замостской академіи, и это обстоятельство, вѣроятно, отразилось на внутренней жизни братскаго училища, усиливъ въ немъ латинскій языкъ [5]) и прививъ любовь къ панегири-

---

[2]) *Голубевъ*, Ист. Кіев. акад., прилож., 33. Лѣтопись событій въ Ю.-З. Россіи въ XVII в. *Самоила Величка*. Кіевъ, 1848, т. I. прилож., стр. 50. Ср. «Именную перепись малороссійскихъ гетмановъ», гдѣ сказано, что онъ «отдалъ по смерти своей имѣніе на училище» (Южно-рус. лѣтописи, открытыя и изданныя Бѣлорусскимъ, I (1856), 57. 132). Въ Виршахъ Саковича о Сагайдачномъ говорится, что онъ «тисячій килка офѣровалъ (на братскій монастырь) а жебы тамъ науки фундовано жадалъ».—Запорожскіе казаки, отправляя въ 1623 г. пословъ на варшавскій сеймъ, наказывали имъ между прочимъ просить о привилеѣ для братства при церкви пресв. Богородицы и для школы разныхъ языковъ (п. 13 инструкціи посламъ. Рук. Имт. публ. библ., F, IV, № 174. Указаніемъ на эту инструкцію мы обязаны проф. *П. Н. Жуковичу*). Что здѣсь нужно разумѣть богоявленское братство, а не какое другое,—см. *С. Т. Голубева*, Ист. Кіев. акад., 151.

[3]) Стихи эти, съ присоединеніемъ двухъ образцовыхъ рѣчей для произнесенія при погребеніи знатнаго человѣка, были напечатаны въ томъ же 1622 г.. Перепечатаны г. Голубевымъ въ прилож. къ Ист. Кіев. дух. акад. (№ 6). Изъ подписей подъ стихами видно, что въ школѣ учились, между прочимъ, дѣти кіевскихъ бурмистра, протопопа...

[4]) «Лиѳосъ» съ собственноручными замѣтками К. Саковича,—Арх. Ю.-З. Р., I, IX, стр. 37 (замѣч. 2) и 326. *Голубевъ*, Ист Кіев. акад., 215.

[5]) Латинскій языкъ преподавался здѣсь и прежде. Сильвестръ Коссовъ говоритъ въ своемъ Exegesis'ѣ о томъ, что прежніе ректоры братской школы—Мелетій Смотрицкій, Кассіанъ и другіе учили по латыни безъ перерыва (sine interruptione) до послѣдняго времени (*Голубевъ*, Ист. Кіев. акад., прилож., 83).

камъ, эпиталамiямъ, рѣчамъ, придавъ при томъ всему этому черты польско-латинской поэтики и риторики.

Хорошо это было или худо, во всякомъ случаѣ оно свидѣтельствовало объ успѣхахъ школы, достигнутыхъ при Кассіанѣ. Правда, этому какъ будто противорѣчитъ письмо митр. Іова Борецкаго къ литовскому гетману Хр. Радивиллу, въ отвѣтъ на его просьбу прислать учителя для слуцкой школы. Митрополитъ писалъ ему (24 авг. 1624 г.): „рѣдко встрѣчается въ мірѣ фениксъ, рѣдко драгоцѣнный камень между камнями и золото въ рудѣ, но еще рѣже можно встрѣтить среди насъ человѣка ученаго и разсудительнаго (z nauką y trzezwością)“ [1]). Но и не давая мѣста предположенію, что митрополитъ просто хотѣлъ такимъ образомъ мотивировать свой отказъ послать учителя въ Слуцкъ, вызываемый опасеніями за православныя убѣжденія его,—этотъ пессимическій отзывъ Борецкаго о кіевскихъ ученыхъ (которые были все-таки) —можно объяснить тѣмъ, что митрополитъ въ то время находился въ не совсѣмъ дружелюбныхъ отношеніяхъ къ братству, на что онъ самъ намекаетъ, говоря, что для своихъ судныхъ дѣлъ (sądowych sprаw) онъ долженъ держать подростка, потому что никого не можетъ имѣть „od narodu uczonych“.

Изъ дальнѣйшей жизни кіевской школы до 1630 г. знаемъ только то, что она существовала и что братство заботилось о ней. Такъ, оно въ 1626 г. обращалось къ царю Михаилу Ѳеодоровичу съ просьбой о помощи ей [2]). И если въ 1629 г. оно, прося короля объ утвержденіи грунтовъ Галшки Гулевичевны, говоритъ только о церкви и госпиталѣ, не упоминая о школѣ, то, быть можетъ, это потому, что оно не надѣялось получить подтвержденіе послѣдней [3]). Въ послѣдніе годы нашего періода кіевское училище дѣлилось на четыре класса, изъ которыхъ въ „русскомъ классѣ“ (ruska szkoła) преподавалъ уставщикъ Ѳеодоръ Москвитянинъ, въ инфимѣ Яковъ Мемлевичъ (впослѣдствіи переяславскій протопопъ), въ грамматикѣ Савва Андреевичъ изъ Могилева, въ синаксимѣ—Василій Березецкій, сынъ кіевскаго протопопа, послѣ сдѣлавшійся извѣстнымъ юристомъ въ коронномъ трибуналѣ. Ректоромъ его былъ Ѳома Іевлевичъ. Все это были люди свѣтскіе, благородные, почтенные (swieccy, zacni, godni) [4]). Изъ событій внѣшней жизни братской школы въ концѣ царствованія Сигизмунда III должно отмѣтить моровое повѣтріе, посѣтившее осенью 1630 г. Кіевъ и заставившее братство распустить учениковъ. Ректоръ съ учителями удалился за три мили отъ города въ имѣнье Юрьевку, принадлежавшее михайловскому монастырю. Очевидно, эту услугу оказалъ имъ митр. Іовъ, который и самъ

[1]) Арх. сб., VII, № 55.

[2]) Арх. Ю.-З. Р., I, VI, № 229.

[3]) П. К. К., II, № 6. Въ королевскомъ привилеѣ, дѣйствительно, о школѣ не упоминается.

[4]) Свидѣтельство Игнатія Іевлевича въ его автобіографической запискѣ относится къ 1630—1632 гг. (*Голубевъ*, Ист. Кіев. акад., прил., 75). Проф. Голубевъ опредѣляетъ ректорство Ѳомы Іевлевича 1628—1632 г., считая его преемникомъ Мелетія Смотрицкаго, ректорство котораго относитъ къ 1626—1628 гг., хотя правдоподобнѣе мнѣніе А. И. Соболевскаго, пріурочивающаго послѣднее къ 1618—1619 г. (Ист. Кіев. акад., 218. 219; Тр. Кіев. дух. акад., 1887, II, 156—165; Ж. М. Н. Пр., 1887, мартъ, 49).

тамъ жилъ. Возвратились въ городъ въ концѣ декабря, хотя эпидемія еще не прекратилась, и 2 янв. 1631 г. вновь началось ученіе [1]).

Кіевская богоявленская школа съ своимъ первоначальнымъ характеромъ, съ типомъ братскихъ школъ, существовала только до конца $163^1/_2$ учебнаго года. Съ началомъ $163^2/_3$ уч. года она соединена была съ лаврскимъ училищемъ, составивъ вмѣстѣ съ нимъ славную могилянскую коллегію, послѣ—академію. Такъ какъ основаніе лаврской школы совершилось еще до окончанія изслѣдуемаго нами періода и такъ какъ она имѣла самое близкое отношеніе къ богоявленской школѣ и ко всѣмъ другимъ братскимъ училищамъ, характеризуя общее состояніе послѣднихъ въ началѣ XVII в. и являясь слѣдующей фазой ихъ развитія,—то мы скажемъ здѣсь нѣсколько словъ и о ней.

Мы видѣли, какъ увеличилось число православныхъ школъ въ послѣдніе полвѣка и какой огромный шагъ впередъ сдѣлали онѣ, по сравненію съ старыми приходскими училищами. Во многихъ изъ нихъ наша педагогика стала въ непосредственныя отношенія съ западноевропейской, и наука наша оживилась, благодаря тому, что къ старымъ источникамъ знанія присоединились новые. При всемъ томъ были поводы къ недовольству ими. Во первыхъ, тѣ предметы, которые характеризовали школу греко-славянскую, все еще продолжали изучаться по старымъ учебникамъ и со старыми дидактическими пріемами. Съ другой стороны, сближеніе съ латино польской наукой едва-ли было полнымъ, едва-ли простиралось во многихъ школахъ далѣе изученія грамматики польскаго и латинскаго языковъ, преподаваніе которыхъ, какъ и другихъ наукъ, шло на славянскомъ или греческомъ языкахъ. Наконецъ, слабую сторону нашихъ училищъ составлялъ преподавательскій персоналъ. Нигдѣ онъ не носилъ такого разнообразнаго и случайнаго характера, какъ у насъ. Здѣсь мы встрѣчаемъ и представителей старой русской педагогіи—дьяковъ школьныхъ, и грековъ, и московскихъ выходцевъ, и учениковъ іезуитскихъ школъ, и протестантскихъ ученыхъ, и студентовъ замостской академіи и, вѣроятно, краковской. Объ единствѣ направленія здѣсь не могло быть и рѣчи. Его не могло установить даже то обстоятельство, что учителя и даже студенты лучшихъ изъ братскихъ училищъ преподавали въ менѣе видныхъ изъ нихъ [2]).

---

[1]) *Голубевъ*, Ист. Кіев. акад., прилож., 76. По свидѣтельству Тарасія Земки, повѣтріе свирѣпствовало въ Кіевѣ съ 1 авг. 1630 г. по апрѣль 1631 г. (Тріодіон сиестъ: трипѣснецъ, 1631 г., «Предъсловіе въ книгу»).

[2]) Разсказъ Игнатія Іевлевича о томъ, какъ онъ учился, даетъ видѣть и то, какъ сильно стремились у насъ изучить латинскій языкъ и какъ нелегко было это сдѣлать. Начатки латыни преподавалъ ему въ Могилевѣ одинъ братскій учитель (Стрѣлецкій). Затѣмъ Іевлевичу пришлось переѣхать въ Кіевъ и здѣсь онъ такъ успѣлъ въ изученіи этого языка, что.... чрезъ два года былъ переведенъ на грамматику (очевидно, онъ одинъ годъ былъ въ русскомъ классѣ, а годъ въ инфимѣ). По возвращеніи въ Могилевъ (1632 г) онъ у какого то Симеона въ Буйничахъ wprawował rękę (т. е. учился писать—по латыни, вѣроятно), затѣмъ опять изучалъ латынь у Стрѣлецкаго, потомъ въ фарной (соборной) католической школѣ у Самуила Литвина, который и школу содержалъ и былъ педагогомъ у пановъ Байковскихъ, затѣмъ опять въ братскомъ учи-

А давленіе со стороны латино-уніатовъ подрывало часто и то значеніе нашихъ школъ, какое еще заключалось въ нихъ самихъ [1]). Въ частности и кіевское училище подъ конецъ изслѣдуемаго нами періода времени начало приходить въ упадокъ [2]).

Эти недостатки яснѣе, чѣмъ кому либо, стали видны Петру Могилѣ, который былъ знакомъ и съ братской наукой (онъ или самъ учился во Львовѣ, или съ нимъ занимались на его родинѣ, въ Молдо-Валахіи, львовскіе братскіе учителя), и съ западно-европейской, такъ какъ онъ, кажется, закончилъ свое образованіе въ европейскихъ университетахъ [3]). Съ другой стороны, ему, какъ человѣку новому въ Россіи, сразу могли броситься въ глаза и „неумѣетность духовныхъ и не цвиченье молодежи“, которыхъ не могли еще разсѣять усилія братскихъ школъ. Вотъ онъ то и поставилъ своею задачею вывести западнорусское просвѣщеніе на новый путь, дать народу высшее богословско-научное образованіе, а нашимъ школамъ—учителей, изучившихъ высшія философско-богословскія науки у себя дома, а не въ Замостьѣ, Вильнѣ, Краковѣ и въ заграничныхъ академіяхъ, однимъ словомъ,—учредить въ Россіи высшее училище, въ которомъ западная наука была бы цѣликомъ пересажена на православную почву, но въ которомъ молодежь попрежнему бы воспитывалась „въ вшелякой побожности, въ обычаяхъ добрыхъ“ [4]).

Благопріятное условіе для того представляло вступленіе Петра Могилы въ ряды высшей русской церковной іерархіи. Уже по своемъ избраніи въ архимандриты печерской лавры (6 сент. 1627 г.) Петръ Могила далъ себѣ обѣщаніе позаботиться о поднятіи нашего образованія и, вѣроятно, тотчасъ же приступилъ къ исполненію его [5]). Онъ, по свидѣтельству архимандрита Гавріила Домецкаго, „ославъ отъ всея капитулы кіевскія въ Царьградъ къ св. патріарху, испроси отъ него бла-

---

лищѣ у новаго преподавателя Саввы Андреевича и у кіевскаго студента Коссовича. «Отъ всего этого только и было пользы, разсказываетъ Іевлевичъ, что я не забылъ того, чему научился въ Кіевѣ». Затѣмъ онъ состоялъ при дворѣ Богдана Стеткевича, гдѣ вмѣстѣ съ его сыномъ занимался у педагоговъ Хаціентовскаго и потомъ—Соколовскаго. Затѣмъ, противъ воли отца, не желавшаго содержать его въ Кіевѣ, бѣжалъ туда въ 1636 г. и скоро былъ переведенъ въ синтаксиму. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ его опять взялъ въ свое семейство Б. Стеткевичъ въ товарищи по ученію къ сыну. Переведенный въ слѣдующій классъ, Іевлевичъ ушелъ отъ Стеткевича къ племяннику Исаіи Трофимовича, но затѣмъ сталъ опять учиться съ сыномъ Стеткевича. Продолжая потомъ учебныя занятія въ коллегіи кіевской, Іевлевичъ лѣтомъ уѣзжалъ на кондиціи въ различные дома. Оканчивалъ свое образованіе въ Замостьѣ и въ другихъ городахъ и, наконецъ, въ Кіевѣ (*Голубевъ*, Ист. Кіев. акад., прилож., 75—78).

[1]) Объ этомъ упадкѣ свидѣтельствуютъ К. Саковичъ («Desiderosus», 1625, пред. къ правосл. читателю), Мелетій Смотрицкій (Paraenesis, 32; Exethesis, 100—101).

[2]) Въ предисловіи къ Анѳологіону (1636) м. Петръ Могила говоритъ, что онъ обновилъ гимназію, т. е. школы въ Кіевѣ, отчасти бывшія уже въ упадкѣ и опустѣлыя.

[3]) Петръ Могила, I, 18. 19. Bibliographie Hellénique s. XVII, t. IV. Notices biographiques, p. 106.

[4]) П. К. К., II, № 7, 12.

[5]) Духовное завѣщаніе Петра Могилы—П. К. К., II, стр. 151. 152.

гословеніе завести школы въ Кіевѣ латинскихъ и польскихъ училищъ, и прежде избравъ монаховъ угодныхъ, разослалъ (ихъ) въ разныя государства ради наукъ; между которыми былъ покойный Иннокентій Гизель“ [1]). Позднѣйшіе историки (м. Евгеній, преосв. Макарій—въ Исторіи кіевской академіи, Аскоченскій, Костомаровъ и др.), дополняя свидѣтельство Домецкаго, указываютъ имена еще нѣсколькихъ лицъ, которыхъ Могила будто-бы послалъ въ концѣ 20-хъ годовъ за границу для обученія „словеснымъ и высшимъ наукамъ“:—Сильвестра Коссова, Тарасія Земки, Исаіи Трофимовича Козловскаго, Софронія Почаскаго, Игнатія Оксеновича—Старушича. Но проф. Голубевъ еще въ 1883 г. доказалъ, что почти всѣ эти лица задолго до появленія Петра Могилы въ печерской лаврѣ были извѣстны, какъ люди, уже вступившіе въ жизнь, и что изъ всѣхъ ихъ только относительно Почаскаго можно предполагать, что онъ былъ отправленъ Петромъ Могилой за границу. При всемъ томъ „самый фактъ посылки Могилой способныхъ людей въ иностранныя училища для довершенія образованія не подлежитъ сомнѣнію“ [2]), тѣмъ болѣе, что контингентъ профессоровъ могилянской коллегіи и находившейся въ ея вѣдѣніи винницкой, по позднѣйшему (1635 г.) свидѣтельству Сильвестра Коссова, дѣйствительно, состоялъ изъ лицъ, „учившихся въ академіяхъ латинскихъ въ Польшѣ, Литвѣ и Вѣнѣ (цезарской)“ [3]).

Когда именно Петръ Могила началъ устраивать школу въ лаврѣ, достовѣрно неизвѣстно, но, очевидно, уже до 1 марта 1631 г. имъ было высказано это намѣреніе, если м. Іовъ въ духовномъ завѣщаніи, датированномъ этимъ числомъ, „подъ неблагословеніемъ приказывалъ, абы школы въ братстве киевскомъ для цвиченя дѣтокъ хрестианскихъ, а не гдѣ индей фундованы были“ [4]). Борецкій, очевидно, боялся соперничества новой школы и именно лаврской, хотя не упоминаетъ ни о ней, ни о Петрѣ Могилѣ, какъ ея иниціаторѣ. Но послѣдній шелъ неуклонно къ исполненію даннаго имъ себѣ обѣщанія. Находясь во Львовѣ, по случаю освященія успенской братской церкви, строившейся въ теченіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ, Петръ Могила нашелъ тамъ двухъ прекрасныхъ

---

[1]) Письмо къ новгородскому м-ту Іову, въ концѣ XVII ст. (Приб. къ Твор. св. отецъ, 1846, 37).

[2]) *Голубевъ*, Петръ Могила, I, 424—427; Ист. Кіев. акад., 225. 226. Мы не можемъ согласиться съ тѣмъ мнѣніемъ г. Голубева, что эпитетъ «Mohilowianin», прилагаемый къ Саввѣ Андреевичу и учителю коллегіи о. Рафаилу Зажецкому Іевлевичемъ, указываетъ на то, что они были стипендіатами Петра Могилы (Ист. Кіев. акад., 226. 227; прил., стр. 75. 77) Едва-ли «Mohilowianin» аналогично съ нашимъ «Платоновъ», прилагающимся къ фамиліямъ людей, воспитавшихся въ московской академіи на стипендіи м. Платона; скорѣе оно означаетъ просто происхожденіе этихъ лицъ изъ Могилева, откуда былъ родомъ и самъ Іевлевичъ. При томъ же, какъ тогда Андреевичъ, если даже предположить посылку его за границу въ 1628 г. (ранѣе нельзя, а позже—можно), успѣлъ пройти до 1630 года курсъ высшихъ наукъ и почему онъ очутился въ братской школѣ? Развѣ вслѣдствіе ссоры съ Петромъ Могилой, какъ догадывается г. Голубевъ?

[3]) Ист. Кіев. акад., прилож., 80. 81.

[4]) Петръ Могила, прилож., № 71.

учителей—Исаію Трофимовича и Сильвестра Коссова. Онъ пригласилъ ихъ въ свою школу и письменно обѣщалъ имъ и тѣмъ, кто къ нимъ присоединится, обезпечить и ихъ и самоё школу достаточнымъ фундушемъ, будетъ ли она открыта въ печерскомъ монастырѣ или гдѣ либо въ другомъ мѣстѣ [1]).

Осенью 1631 г. было уже открыто ученіе. Мѣсто для коллегіи архимандритъ Петръ Могила нашелъ въ самой печерской лаврѣ. При выходѣ изъ главныхъ воротъ ея находился троицкій больничный монастырь, и зданіями его Могила рѣшился воспользоваться для училища. Когда этому воспротивились больничные старцы, которые не хотѣли уступить своихъ помѣщеній, а совѣтовали архимандриту устраивать школу въ городѣ, если угодно, Могила смѣстилъ архим. Арсенія и съ назначеннымъ имъ новымъ настоятелемъ троицкаго монастыря—Филоѳеемъ совершилъ замѣну монастырской усадьбы, причемъ монахи переведены были по лѣвую сторону воротъ. Одновременно съ этимъ было получено отъ п. Кирилла Лукариса благословеніе на учрежденіе училища, и 18 ноября Петръ Могила извѣстилъ о немъ православную Русь, добавивъ, что школу лаврскую „дозволили и благословили“ митр. Исаія Копинскій съ тремя епископами: Исаакіемъ луцкимъ, Авраамiемъ пинскимъ и Паисіемъ холмскимъ, и что школа уже водворена при троицкой церкви, для преподаванія свободныхъ наукъ на греческомъ, славянскомъ и латинскомъ языкахъ, съ сохраненіемъ христіанской вѣры восточнаго православія, и всегда будетъ пользоваться отъ лавры полнымъ содержаніемъ [2]).

Лаврское училище было устроено по образцу іезуитскихъ школъ. Оно состояло изъ философскаго отдѣленія и пяти низшихъ классовъ: инфимы, грамматики, синтаксимы и риторики съ поэзіей. Въ первыхъ трехъ классахъ, которые „wkupie miano“ (т. е. которые представляли какъ бы три отдѣленія одного класса), „магистромъ“ былъ о. Ивашковскій, въ двухъ послѣднихъ, которые тоже считались за одинъ, профессорствовалъ о. Почаскій (Poczayski) [3]). Игнатій Іевлевичъ, сообщившій эти интересныя свѣдѣнія, не говоритъ, преподавали-ли что-нибудь префектъ школы Сил. Коссовъ и ректоръ—Ис. Трофимовичъ. Но, по всей вѣроятности, занимались и они, такъ какъ трудно въ самомъ дѣлѣ допустить, чтобы они, виднѣйшіе педагоги, ничего не преподавали, особенно при такомъ недостаткѣ учителей, что одинъ изъ нихъ занимался въ трехъ классахъ. Что въ частности здѣсь преподавалась философія, это видно изъ свидѣтельства Геласія Диплица, который въ посвященіи своей Антапологіи Петру Могилѣ, датированномъ 31 марта 1631 г., называетъ іеромонаха Исаію Филипповича (sic) профессоромъ философіи. Точно также и въ спискахъ должностныхъ лицъ братскаго монастыря и академіи, составленныхъ въ половинѣ XVIII в., Исаія

---

[1]) 15 іюня 1631 г.. П. К. К., II, № 7 (ił. *Митр. Евгеній*, Описаніе Кіево-печерской лавры, изд. 2, прилож., № 4).

[2]) Описаніе Кіево-печерской лавры, изд. 2, приб., №№ 5—7. Latopisiec *Ierlicza* (*Голубевъ*, Петръ Могила, прил., стр. 551—552; см. также текстъ, 333, прим. 133). Автобіогр. записка *Іевлевича* (*Голубевъ*, Ист. Кіев. акад., прил., стр. 76).

[3]) *Голубевъ*, Ист. Кіев. акад., прил., 76. 77.

Филипповичъ (и здѣсь и въ Антапологіи нужно читать: Трофимовичъ) является, какъ профессоръ богословія, уже подъ 1631 г. [1]). Съ другой стороны, возможно, что въ программу преподаванія было включено и богословіе—догматическое ли или какъ совокупность знаній по всѣмъ предметамъ богословскаго вѣдѣнія: за это говоритъ Евхаристиріонъ, панегирикъ, поднесенный Могилѣ въ Пасху 1632 г. „одъ Спудеовъ Гимназіумъ Его Милости зъ Школы (класса) Реторіки". Произведеніе это, имѣющее значеніе и историческое, какъ показывающее и своей формой и содержаніемъ, какъ близко подошла лаврская школа къ латино-польской риторикѣ и поэтикѣ, относительно богословія выражается, что Петръ Могила „укопалъ колюмну" его на берегахъ Днѣпра и что теперь, дастъ Богъ, Русь „чужихъ Кривіологовъ понехавши", станетъ слушать своихъ „Θеоліоговъ" и „славить Христа съ Дамаскиномъ, Духа зъ Отцомъ хвалить и зъ предвѣчнымъ Сыномъ" [2]).

Читалось ли здѣсь православное богословіе или нѣтъ, внѣшнее сходство лаврской школы съ іезуитскими коллегіями обусловило и быстрый успѣхъ ея [3]), и постигшую ее опасность, едва не разрѣшившуюся ужасной катастрофой. Едва только учителя начали лекціи въ стѣнахъ лавры, какъ противъ нихъ было воздвигнуто гоненіе. Въ народѣ распространились подозрѣнія относительно чистоты ихъ религіозныхъ убѣжденій, ихъ называли уніатами, неправославными. Возбужденіе народа было такъ сильно, что учителя, въ ожиданіи, что ими начнутъ „начинять желудки днѣпровскихъ осетровъ", приготовились къ смерти исповѣдію. Но, къ счастію, тѣ громы, которые обрушились на нихъ и которыхъ „нельзя даже описать" (język atramentowy anatomizować nie może), прекратились, тучи ложныхъ мнѣній разсѣялись. Обыватели Кіева и повѣтовъ, убѣдившись въ православіи лаврскихъ преподавателей, наполнили ихъ школу своими дѣтьми обильнѣе, чѣмъ когда-либо прежде [4]).

---

[1]) Тр. Кіев. дух. акад., 1895, III, 596.

[2]) *Голубевъ*, Ист. Кіев. акад., прил., 58 (здѣсь перепечатанъ полный текстъ «Евхаристиріона албо, Вдячности»). Панегирикъ этотъ состоитъ, кромѣ обычнаго стихотворенія на гербъ Могилъ и вступительной рѣчи Софронія Почаскаго, который громко называетъ себя: «Гумнастесъ Кіновита Монастыра Печерского Реторики професоръ», изъ двухъ частей—«Геликона» и «Парнаса», двухъ «садовъ умѣетности». Въ первой части приносятъ «вдячность» Могилѣ самъ Геликонъ, какъ источникъ науки, семь свободныхъ искусствъ, эти «корни умѣтности», и богословіе—«корень и верхъ всѣхъ наукъ и умѣтностей». Во второй части Могилу благодарятъ девять «лѣтораслей наукъ»—девять музъ и «лѣторосль, цвѣтъ и оздоба всѣхъ наукъ и умѣтностей»—самъ Аполлонъ. Хотя подъ стихотвореніями подписались 22 студента, но, вѣроятно, все оно—плодъ наитія Мельпомены на Софронія Почасскаго... Имя послѣдняго встрѣчается впервые въ «Вѣршахъ» Саковича.

[3]) Въ первый же годъ въ ней собралось болѣе ста студентовъ (*Голубевъ*, Ист. Кіев. акад., прилож., 77).

[4]) «Exegesis, to jest: dane sprawy o szkołach Kiowskich i Winickich u ktorych uczą zakonnicy Religiey Graeckiey, przez wielebnego Oyca *Sylwestra Kossowa*, Electa Episkopa Mścislawskiego, Mohilowskiego, Orszanskiego, przed rokiem teraznieyszym w tychże szkołach Professora, napisane... 1635. (*Голубевъ*, Ист. Кіев. акад., прил., стр. 80). Такъ какъ Exege-

Кто былъ виновникомъ возмущенія противъ лаврской школы? Прежде всего можно заподозрить въ этомъ тѣхъ больничныхъ старцевъ, которые оказали Петру Могилѣ первое сопротивленіе. Ерличъ, сообщивши, что Могила, по удаленіи ихъ, началъ строить и построилъ въ троицкомъ монастырѣ новые дома для науки дѣтямъ, продолжаетъ: „Но затѣмъ онъ принужденъ былъ портить и разрушать эти зданія и переноситъ ихъ въ Кіевъ, за что игуменъ того троицкаго монастыря Арсеній, уже слѣпой, былъ такъ избитъ, что чрезъ нѣсколько недѣль скончался“ [1]). Положимъ, не больничные старцы заставили Петра Могилу перенести лаврскую школу въ городъ, въ братскій монастырь, но если на нихъ онъ излилъ свой гнѣвъ, то, очевидно, ему стало извѣстно, что они возбуждали общество и народъ противъ лаврскаго училища. Кромѣ ихъ послѣднимъ были недовольны многіе, а особенно кіевскіе братчики. И они не прочь были, подобно другимъ, присвоить себѣ монополію православнаго образованія въ городѣ и его окрестностяхъ, и ихъ поддерживалъ въ этомъ м. Іовъ (Дух. завѣщаніе). Понятно, что они должны были отнестись несочувственно къ плану Могилы. Спорить съ послѣднимъ имъ не приходилось, и вотъ ревнители братскаго просвѣщенія прибѣгаютъ къ средству, которое могло имѣть очень дурныя послѣдствія. Пользуясь своимъ вліяніемъ на своего сочлена—казачество и на народъ, они, съ одной стороны, напомнили имъ, что почившій любимый ими митрополитъ устроеніе школъ въ братскомъ именно монастырѣ „клалъ за напершій и церкве Божой и всему православному народови россійскому потребнѣйшій пунктъ въ томъ тестаментѣ“, а съ другой—дали понять, что въ новой школѣ преподаваніе идетъ на латинскомъ и польскомъ языкахъ и что, слѣдовательно, ея профессора—уніаты [2]). Что дѣйствительно обвиненіе лаврскихъ учителей въ неправославіи исходило изъ братства, видно и изъ способа заявленія Сильвестра, что буря пронеслась, когда всѣ узнали, что лаврскіе учителя православны и остаются вѣрны константинопольскому патріарху. Безъ сомнѣнія, Сил. Коссовъ выразился бы яснѣе и опредѣленнѣе, если бы виновникомъ возмущенія былъ кто нибудь другой, а не та корпорація, къ составу которой принадлежали и митрополитъ, и онъ самъ, и всѣ преподаватели колле-

---

sis вышелъ изъ печати въ 1635 г., то до послѣдняго времени думали, что описываемое здѣсь возмущеніе противъ школы было въ 1634—1635 г. Но на самомъ дѣлѣ оно произошло, какъ весьма основательно доказываетъ проф. Голубевъ, именно въ началѣ ученія, скоро по прибытіи учителей съ архим. Могилой въ Кіевъ, какъ только начали они palladyiskie kunszty w Akademiach katolickich idaeowane, na dowcipach Ruskich .. Latina lingua florvzować... (*Голубевъ*, Петръ Могила, I, 436—444; Ист. Кіев. акад., 229. 230).

[1]) Петръ Могила, прил.. стр. 551, 552.

[2]) «Отъ неученыхъ поповъ и казаковъ, пишетъ Домецкій, веліе было негодованіе: на што латинское и польское училище заводите, чего у насъ не бывало и спасались... было хотѣли самаго Петра Могилу и учителей до смерти побити: едва ихъ уговорили». (*Голубевъ*, Ист. Кіев акад., 229. *Горскій*, «Петръ Могила», въ Приб. къ Твор. св. отецъ, 1846, 69, прим. ь). Проф. Голубевъ имѣетъ поводъ подозрѣвать участіе въ возмущеніи противъ лаврскаго училища и митрополита Исаіи Копинскаго (Тр. Кіев. дух. акад., 1897, окт., 219—221).

гіи.... Наконецъ, наше предположеніе подтверждается и дальнѣйшими событіями, послѣдовавшими за возмущеніемъ, и показывающими, что истинными мотивами его было не опасеніе за чистоту религіозныхъ убѣжденій лаврскихъ учителей. Петръ Могила такъ и понялъ, что отъ него домогаются перенесенія школы въ богоявленскій монастырь, и онъ, дорожа „этимъ единственнымъ залогомъ своимъ“ [1]), согласился перенести ее туда, какъ на мѣсто „способнѣйшее для выхованья учащимся“. Но это согласіе его, „латвое (будто бы) и невзбороненое“, по всему видно, было вынуждено обстоятельствами и настояніями братства и сочувствующихъ ему.

Повидимому, скоро послѣ возмущенія дворяне, духовенство и обыватели предъявили къ Петру Могилѣ формальное предложеніе соединить свою школу съ братской, и Могила, уступая имъ, согласился на это, выговоривши себѣ званіе старшаго члена братства и пожизненнаго блюстителя и защитника братскаго училища и другихъ братскихъ учрежденій. Объ этихъ условіяхъ мы узнаемъ изъ двухъ документовъ, подписанныхъ отдѣльно свѣтской половиной братства и духовной (20 декабря 1631 и 5 января 1632 г.) и представлявшихъ какъ бы объявленіе о совершившемся соглашеніи (подписи самого Могилы здѣсь нѣтъ [2]). Спустя два мѣсяца въ пользу соединенія школъ высказался и гетманъ запорожскій Ив. Петрижицкій, признавшій его вмѣстѣ съ войскомъ за „речь святобливую, и всей церкви православной велице потребную, и пожитечную“, и пославшій 17 марта „атаману и всѣмъ товаришомъ“ своимъ, находившимся въ Кіевѣ, извѣщеніе о состоявшемся рѣшеніи казачества стоять до смерти („стоять и опоновать до гардлъ своихъ“) за то, чтобы науки преподавались въ братскомъ монастырѣ „за старанемъ, коштомъ и накладомъ“ архим. Петра Могилы [3]).

Петръ Могила вписался въ богоявленское братство, какъ его „старшій братъ, опекунъ и фундаторъ“, только 11 марта 1632 г. [4]) и тогда-же, очевидно, далъ письменное согласіе на водвореніе лаврской школы на мѣстѣ братской, въ силу чего записавшійся вмѣстѣ съ нимъ Сильвестръ Коссовъ уже назвалъ себя „префектомъ школъ кіевскихъ братскихъ“ [5]). Но рѣшено было оставить школы до окончаніи учебнаго года въ прежнемъ положеніи,—и до лѣта онѣ существовали еще отдѣльно одна отъ другой.

---

[1]) Unicum pignus meum, выражается о ней Могила въ своемъ духовномъ завѣщаніи (П. К. Л., II, стр. 153).

[2]) П. К. К., II, №№ 8. 9. (*Голубевъ*, Ист. Кіев. акад., прилож., № 9).

[3]) П. К. К., II, № 10. *Голубевъ*, Ист. Кіев. акад., прил., № 10.

[4]) „Уписъ“... (Ист. Кіев. акад., прил., № 1). Здѣсь, впрочемъ, стоитъ дата: 11 марта 1631 г. Но проф. Голубевъ документально доказываетъ, что Могила не могъ вписаться въ братство 11 марта 1631 г., такъ какъ въ это время находился въ отлучкѣ, и что весь ходъ переговоровъ о соединеніи школъ заставляетъ думать, что вмѣсто «1631 г.» нужно читать «1632» (Ист. Кіев. акад., 34—37).

[5]) Въ связи съ этимъ, очевидно, стоитъ и удаленіе изъ братской школы ея ректора Ѳомы Іевлевича (въ половинѣ февраля) и нѣсколько позже — Саввы Андреевича (*Голубевъ*, Ист. Кіев. акад., прилож., 76).

Какъ начался новый учебный годъ въ преобразованной братской школѣ и какой видъ принимало западнорусское просвѣщеніе въ новомъ періодѣ своей исторіи, видно изъ письма ректора Исаіи Трофимовича къ о. Ѳеофилу Леоновичу отъ 30 августа 1633 г.: „Мы першего сентеврія зачинаемъ *по старому*: я курсъ философіи, о. Косовъ риторику, которій уже и священникомъ зосталъ (доселѣ Коссовъ былъ простымъ инокомъ), отецъ Пацевскій поэтику, которій также южъ священникомъ зосталъ, а прочіи въ своихъ школахъ“ [1]).

Есть извѣстіе, что въ мартѣ 1633 года, когда королемъ Владиславомъ IV были подтверждены права прочихъ православныхъ училищъ, Петръ Могила исхлопоталъ у короля для своей коллегіи привиллегіи и титулъ академіи, но утвердить ихъ подписомъ не пожелали ни канцлеръ, ни подканцлеръ [2]).

Прочія братскія и небратскія школы.

Братства львовское, виленское, брестское, могилевское, луцкое и кіевское выдавались среди другихъ по своему значенію; сообразно съ этимъ и школы этихъ братствъ стояли выше другихъ. Изложенная нами исторія ихъ можетъ дать довольно ясное представленіе какъ о ходѣ нашего братскаго образованія, такъ и о качественной сторонѣ его. Для сужденія же о количественной сторонѣ его важно было бы имѣть свѣдѣнія о *всѣхъ* существовавшихъ въ этотъ періодъ братскихъ училищахъ и явившихся подъ ихъ воздѣйствіемъ. Но едва ли это возможно... Намъ удалось собрать свѣдѣнія только о слѣдующихъ а) братскихъ и б) небратскихъ школахъ.

А) *Рогатинская* (въ Галиціи) школа основана, вѣроятно, вмѣстѣ съ учрежденіемъ братства, а послѣднее благословилъ п. Іеремія уже въоктябрѣ 1589 г., по образцу братствъ львовскаго и виленскаго [3]). И противъ такого предположенія не говоритъ нисколько тотъ фактъ, что въ львовской школѣ въ 1590 году учился сынъ одного рогатинскаго мѣщанина Ѳеодора Грека [4]): онъ могъ поступить сюда еще до открытія училища въ своемъ родномъ городѣ. Учителемъ рогатинской школы до апрѣля 1591 г. былъ дьякъ Ѳеодоръ, выписанный братствомъ изъ Львова. Изъ-за него то въ этомъ году рогатинскому братству пришлось подвергнуться большой непріятности. Дѣло въ томъ, что бурмистру и его единомышленникамъ не нравилось, что „дякъ“ опредѣленъ безъ ихъ

---

[1]) Рукоп. кн. Аѳан. Мисловскаго (письмо это напечатано проф. Голубевымъ въ прилож. къ „Петру Могилѣ“, № 89). Ср. относящееся къ началу $163^2/_3$ уч. года извѣстіе Игнатія Іевлевича, что въ братской школѣ stateczniey zaczęli aż po samą philosophią (Ист. Кіев. акад., прил., стр. 77).

[2]) *Kulesza*, Wiara prawosławna,—у *Горскаго*, Приб. къ Твор. св. отецъ, 1846, 42. прим. щ. Скоро послѣ того (въ концѣ 1634 г.) король по происканъ латино-уніатовъ велѣлъ было закрыть латинскія школы въ Кіевѣ, Винницѣ и другихъ мѣстахъ кіевскаго, волынскаго и браславскаго воеводствъ. Отвѣтомъ на это требованіе былъ Exegesis С. Коссова (Кіев. стар., 1898, янв. 30—33).

[3]) Monum. confr., I, № 128 (id. Diplomata statuaria, № 15).

[4]) Monum confr., I, № 149.

вѣдома и согласія, почему они выразили желаніе его „метати, а Илка осадити на томъ мѣсцѣ з города“, и даже послали за послѣднимъ. Свой поступокъ они оправдывали тѣмъ, что Ѳеодоръ боленъ, да и поетъ не по мѣстному, а по „литовскому“. Братство вступило въ пререканія съ магистратомъ и потребовало въ этой „пилной и квалтовной потребе“ помощи у львовянъ. Прося новаго учителя, рогатинскіе братчики указывали, что имъ нуженъ такой человѣкъ, которой бы и „у церкви рядъ отправлялъ, ачеи (и притомъ) бы нѣчто и по грецку учити могъ“ [1]). Споръ между рогатинскими братствомъ и магистратомъ кончился въ пользу перваго: Ѳеодоръ остался на мѣстѣ и къ нему былъ приданъ и тоже изъ Львова другой „дьякъ школьный“, съ помощію котораго Ѳеодоръ и велъ рогатинскую „школу львовское науки“. Но тутъ явилась опасность съ другой стороны. Еп. Гедеонъ Балабанъ, недовольный рогатинскимъ братствомъ за его близкія отношенія къ львовянамъ, возбудилъ противъ него нѣкоторыхъ „пустошныхъ людей“ изъ его же среды и навелъ на него даже королевскую комиссію. Въ результатѣ этого было полное разореніе братства и „спустошеніе науки школьной“. Учителя были избиты, изранены и разогнаны, а злосчастный Ѳеодоръ былъ даже „о смерть приправленъ“ [2]).

Въ 1591 г. жители г. *Городка* (въ землѣ львовской), организовавшись въ братство, пожелали и обѣщали предъ митрополичьимъ посланцомъ жить по чину львовскаго братства, „такъ тыжъ и о школу къ наученію чадомъ своимъ промышляти“ [3]).

Въ 1592 г. появилась школа въ *Перемышлѣ* при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Жители этого города почувствовали, что ихъ „сторона и повѣтъ зѣло оскудѣли въ наученіи“, почему и пожелали имѣть учителя, мужа искуснаго въ греческомъ, славянскомъ и латинскомъ языкахъ. Педагогическимъ своего рода институтомъ было въ Галиціи львовское братство, и къ нему епископъ перемышльскій Михаилъ Копыстенскій обратился 1 іюля съ просьбой прислать дидаскала или двухъ „до столицы премыское для наученья писменнаго дѣтей“. „Се зде, писалъ епископъ, отъ благородныхъ (даже) становъ желаютъ сицеваго учителя и хощутъ подаяти дѣти свои кнаученію письменаго“. Копыстенскій просилъ прислать извѣстныхъ въ Перемышлѣ Александра или Семеона Чунчу [4]). Изъ отвѣтнаго посланія братства видно, что просимыя лица были собственно „спудеями“, т. е. учениками львовской школы, и братство „независтно и усердно“ обѣщало послать ихъ, какъ скоро призоветъ ихъ изъ различныхъ городовъ, куда они разошлись. Но перемышлянамъ скоро наскучило ожиданіе, и они убѣдили Василія Панковича, одного изъ своихъ согражданъ, за отсутствіемъ изъ города епископа, писать въ Львовъ вторично,—и 19 августа Панковичъ, „со

---

[1]) Monum. confr., I, № 180.

[2]) Позовъ м. Михаиломъ Гедеона Балабана на соборный судъ, 6 іюня 1593 г., по жалобѣ рогатинскаго братства (Monum. confr., I, № 283).

[3]) Monum. confr., I, № 197.

[4]) Петръ Могила, прилож., № 7 (id. Врем. инст. ставроп., 1878, Акты, № 8. Но здѣсь посланіе неправильно датируется 6 іюля: 5 іюля львовское братство уже писало отвѣтъ).

всею купно братіею своею", написалъ довольно нескладное письмо, которое „своими литературными недостатками подтверждало сѣтованіе перемышльскаго братства о низкомъ уровнѣ школьнаго образованія въ его средѣ" (Голубевъ). Посланіе, въ которомъ выражалось горячее желаніе мѣщанъ перемышльскихъ имѣть у себя училище „для исправленія благожитія", повезла въ Львовъ цѣлая депутація, которая и достигла своей цѣли: 24 августа львовяне послали Перемышлю „и прочіимъ градовомъ" Александра, „дидаскала правовѣрна и честна и благопотребна", и „вся належащая съ нимъ", съ тѣмъ, чтобы онъ устроилъ все по уставу братскому и школьному „совершеннѣ и богоугоднѣ" [1]). Александръ тотчасъ по прибытіи въ Перемышль началъ „чинъ творити школьнаго ученія и насыщать всѣхъ брашномъ душевнымъ". Копыстенскій утѣшался этимъ, но 30 августа просилъ „къ помощи Александрови яковаго младенца наученнаго прислати, понеже онъ самъ не можетъ сие сдѣлати" [2]) Дальнѣйшихъ свѣдѣній о перемышльской школѣ мы не имѣемъ, но можемъ думать, что она заняла съ теченіемъ времени довольно видное мѣсто въ ряду другихъ братскихъ училищъ, соотвѣтственно съ положеніемъ самого братства въ ряду другихъ западнорусскихъ братствъ [3]).

Тотъ же Михаилъ Копыстенскій содѣйствовалъ открытію школы въ *Комарнѣ* (въ львовской землѣ): онъ въ 1592 г. благословилъ комарнское братство, давъ ему право завѣдывать церковью, шпиталемъ и школой и „повелѣвъ всякому стану людемъ христіянскимъ сходячися до священника или въ братствѣ почитати св. книги ветхаго и новаго закона по святыхъ отець преданію" [4]).

На братскомъ соборѣ 28 іюня 1594 г. м. Михаилъ Рагоза выдалъ благословенную грамоту на учрежденіе братства въ *Люблинѣ*, позволивъ при этомъ гражданамъ „науку школную чядомъ своимъ мети, пришелцовъ убогихъ по чину школному приймовати". Грамоту митрополита утвердили 22—апрѣля 1596 года король Сигизмундъ [5])

[1]) Времен. инст. ставроп., 1878, Акты, №№ 4 и 5 (id. Петръ Могила, прил., № 8 и прим.).

[2]) Петръ Могила, прилож., № 9 (id. Врем. инст. ставроп., 1878, № 11. Здѣсь опечатка въ датѣ: вмѣсто 1592 г. выставленъ 1591 г.) Всѣ цитованные акты сношеній Перемышля съ Львовомъ по вопросу о школьныхъ учителяхъ перепечатаны еще разъ въ Monumenta confraternitatis, I. №№ 233, 234, 241—243.

[3]) Факты, говорящіе за то, что перемышльское братство къ концу нашего періода было довольно значительнымъ, суть: письмо къ нему драговичскаго братства (1623 г.), которое, очевидно, стояло къ нему въ отношеніяхъ колоніи къ метрополіи, и письмо къ перемышльскимъ братчикамъ Петра Могилы съ приглашеніемъ прислать депутатовъ въ кіево-печерскую лавру къ храмовому празднику (1628 г.). Петръ Могила, прил., №№ 50 и 54. Въ мартѣ 1633 г. перемышльская школа вмѣстѣ съ братствомъ получила подтвержденіе отъ к. Владислава (Кіев. стар., 1898, янв., 14, прим. 9)

[4]) *А. Добрянскій*, Исторія епископовъ епархій перемышльской, самборской и саноцкой, приложеніе.

[5]) Арх. Ю.-З. Р., I, VI, № 51. Холмско-варшав. епарх. вѣстн., 1892 г.: «Истор.-статистич. описаніе свято-преображенскаго прихода въ Люблинѣ». Нужно замѣтить, однако, что въ литературѣ существуетъ попытка отнести начало люблинскаго братства къ 15 янв. 1586 г., по грамотѣ патр. Іоакима (*Лонгиновъ*, „Древнѣйшій храмъ въ Люблинѣ и существовавшее при немъ братство», Холмско-варш. еп. вѣстн., 1883, 27).

и 15 марта 1633 г. Владиславъ IV [1]).

Школа въ *Бѣльскѣ* начала свое существованіе по благословенной грамотѣ брестскаго епископа Ипатія Потѣя бѣльскому богоявленскому братству отъ 29 іюня 1594 г., которою предоставлялось „дидаскаловъ или учителевъ школныхъ дѣтемъ своимъ и пришелцевъ убогихъ по чину школъ пріймовати“ [2]). Но бѣльской школѣ пришлось испытать судьбу другихъ православныхъ училищъ, брестскаго и владимирскаго, находившихся въ епархіи Ипатія Потѣя:—она вмѣстѣ съ церковью и шпиталемъ отнята была уніатами. Когда это произошло, неизвѣстно. Но правдоподобно мнѣніе м. Макарія, что это сдѣлалъ самъ Ипатій Потѣй, перейдя въ унію [3]). По универсалу короля Владислава IV отъ 14 марта 1633 г. она передана была обратно православнымъ 3 авг. этого года [4]). Но скоро уніатами вновь была захвачена богоявленская церковь, а также, вѣроятно, и школа [5]). Къ маю 1634 г. православные опять возвратили себѣ церковь и школу и у Петра Могилы испросили подтвержденіе своихъ привиллегій [6]).

Вѣроятно, въ концѣ XVI ст. уже существовала школа при *Каменецъ-Подольскомъ* троицкомъ братствѣ, учрежденіе котораго относятъ къ 1589 г. [7]).

Въ *Замостьѣ* братство было учреждено по благословенію львовскаго епископа Гедеона Балабана въ 1606 г. [8]). Но школа при немъ открылась нѣсколько позже. Въ 1633 г. она несомнѣнно существовала [9]).

Во *Львовѣ*, кромѣ братской успенской школы, извѣстна была еще одна школа, принадлежавшая богоявленскому братству, „у галицкой брамы“. Это братство, организовавшееся по чину успенскаго, 26 янв. 1591 г. получило подтвердительную грамоту отъ м. Михаила, но послѣдній, въ силу постановленія собора 1590 г., не разрѣшилъ ему открыть свою школу, а взамѣнъ этого благословилъ „нищимъ въ школѣ посполитой братъской въ мѣстѣ (въ городѣ) божественнаго писанія учащимся мило-

---

[1]) Кіевская старина, 1898 г., январь, 14.

[2]) А. З. Р., IV, № 49. Само бѣльское братство существовало еще до этой грамоты, которая только давала ему право организоваться по образцу львовскаго и виленскаго братствъ (№ 48).

[3]) Ист. рус. церкви, XI, 467.

[4]) Арх. сб., II, №№ 101. 102. Ср. Арх. Ю.-З. Р., I, VI, № 267 (Арх. ун. митр., № 630). 3 августа, очевидно, по новому стилю; ему соотвѣтствовало 24 іюля стараго стиля, указываемое Ѳ. Леоновичемъ, какъ день передачи братству богоявленской церкви со всѣмъ относящимся къ ней (Рукоп. книга Аѳан. Мисловскаго, л. 32).

[5]) Протестація богоявленскаго братства 8 сент. и письмо бѣльскаго братства къ Петру Могилѣ 21 сент. 1633 г. (Рукоп. кн. Аѳ. Мисловскаго, лл. 9 и 31. Ср. Арх. сб., II, № 103).

[6]) А. З. Р., V, № 9. Впрочемъ и послѣ того и церковь, и школа не разъ переходили отъ православныхъ къ уніатамъ и обратно (Арх. ун. митр., кн. V, № 422; Арх. сб., II, №№ 104. 106. 108).

[7]) *Батюшковъ*, Подолія, 98.

[8]) Текстъ грамоты напечатанъ въ Кіев. стар., 1882, II, 153 и сл., у свящ. *Гербачевскаго*, Рус. древности и памятники православія холмско-подляшской Руси, 56—59, и у свящ. *А. Будиловича*, Русская православная старина въ Замостьѣ, 29 и слѣд.

[9]) *Будиловичъ*, о. с., 80. 81.

стиню по силѣ своей давати“ [1]). Тѣмъ не менѣе къ 1609 г. оно обзавелось своимъ училищемъ и выстроило для него даже отдѣльное зданіе [2]). Дальнѣйшее упоминаніе о богоявленской школѣ находится въ подтвердительной грамотѣ братству короля Владислава IV отъ 12 октября 1634 г. [3]). Безъ сомнѣнія, богоявленская школа была одной изъ тѣхъ многихъ „покутныхъ“ школъ, съ которыми боролось успенское братство.

Была школа въ *Галичѣ* (въ землѣ галицкой): въ ней одно время учительствовалъ протосингелъ александрійскаго патріарха Кирилла Лукариса Іосифъ [4]). Происхожденіе ея, какъ и галичскаго братства, можно относить тоже къ концу XVI ст.

Въ 1617 г. основалось братство въ *Холмѣ*. Вѣроятно, оно обзавелось и школой, если допустимо предположеніе, что для братскаго именно училища холмскій православный епископъ Паисій Ипполитовичъ подыскивалъ въ 1627 г. бакаляра [5]).

Существовали братскія школы въ *Виннницѣ* и *Немировѣ* (брацлавскомъ), какъ видно изъ просьбы немировскихъ гражданъ къ м. Іову Борецкому объ утвержденіи ихъ церковнаго братства, при которомъ бы „учители дѣтком ихъ побожные и ученые найдоватися могли“, по примѣру Вильны, Кіева, Львова, Люблина, Могилева, *Виннницы* и другихъ городовъ. Митрополитъ, дѣйствительно, благословилъ 9 ноября 1626 г. немировское братство и его просвѣтительныя начинанія [6]). Относительно винницкой школы извѣстно изъ Exegesis'a Сильвестра Коссова, что она не только была устроена по уставу кіевской, но и перешла подъ завѣдываніе послѣдней. „Мы, говорилъ Коссовъ, отвѣчая на обвиненіе кіевскихъ и винницкихъ преподавателей въ еретичествѣ, мы, которые учимъ въ Кіевѣ и Винницѣ“... [7]).

Къ этому же времени относится упоминаніе о школѣ въ *Бѣлиловцахъ*, неизвѣстномъ бѣлорусскомъ городѣ. Въ Румянцевскомъ музеѣ

---

[1]) Monum. confrat., I, № 174 (id. *Крыловскій*, Акты, № 39).

[2]) Мѣстоположеніе дома нѣкоего Кирилла Великаго въ продажной записи этого года опредѣляется: Domus... Leopoli, in suburbio Haliciensi, in Platea Szeroka dicta, prope scholam synagogae Bohojawlenia» (*Шараневичъ*, Галышка, княгиня Острожска, 193).

[3]) *Крыловскій*, Акты, № 74.

[4]) Сношенія Россіи съ Востокомъ по дѣламъ церковнымъ, II, 5, 6.

[5]) А. В. А. К., XXIII, № 40. Рукоп. книга Аѳ. Мисланскаго, л. 99.

[6]) Чтенія въ обществѣ Нестора лѣтописца, V. Матеріалы, сообщенные С. Т. Голубевымъ, № 10.

[7]) Ист. Кіев. акад., прил., 81. Кіев. стар., 1898, янв., 30—33. Мы не знаемъ, когда и почему прекратила свое существованіе винницкая школа, во всякомъ случаѣ не можемъ согласиться съ проф. Петровымъ, по которому она переведена была въ Гощу (Тр. кіев. дух. акад. 1895, II, 601): школа гойская, или гощская, фундована въ 1639 г. Регииой Соломирецкой совершенно вновь, безъ всякаго упоминанія о винницкой школѣ, хотя и стала въ такія же отношенія къ могилянской коллегіи, въ какихъ стояла послѣдняя (фундушовая запись Соломирецкаго—въ Вол. губ вѣд., 1868, №№ 8—10 и Арх. Ю.-З. Р. I, VI, № 303 и прим.): подобно тому, какъ винницкая школа подверглась въ 1631 г. вмѣстѣ съ кіевской обвиненію въ томъ, что учителя ея заражены протестантизмомъ (Exegesis, ibid.), такъ въ 1642 г гойская удостоилась вмѣстѣ съ кіевской похвалы отъ Саковича (Επανορθωσις, 112. 113).

хранится рукописный октоихъ бѣлорусскаго почерка конца XVI или начала XVII в., написанный „въ богохранимомъ граде Белиловци за старанемъ и накладомъ иwанна иляшевича спевака и уставника белиловскаго при святой троици вшколе братской“, и 26 мая 1627 г. купленный однимъ іереемъ [1]).

Въ *Пинскѣ* школа существовала еще до учрежденія братства, находясь подъ патронатомъ мѣщанъ, которые нанимали учителей. Но 21 августа 1631 г. школа эта, по повелѣнію пинскаго уніатскаго епископа Григорія и пинской капитулы, была отнята вознымъ у православныхъ вмѣстѣ съ церковью св. Ѳеодора, при которой она состояла. Въ моментъ отнятія училища въ немъ находились нѣсколько десятковъ „хлопятъ“ и бакаляръ Аѳанасій Стрѣлецкій. Послѣдній раньше преподавалъ во Могилевѣ начатки латыни; можно поэтому думать, что и въ Пинскѣ изучался латинскій языкъ. Изъ донесенія вознаго объ отнятіи у пинскихъ мѣщанъ церкви и школы можно видѣть, что ученики собирались по звонку: возный нашелъ „звоновъ на звонницы 5, а шостый збиты у школи“ [2]).

3 Марта 1633 г. король Владиславъ IV позволилъ пинскому *братству*, которое уже заручилось благословеніемъ константинопольскаго патріарха, построить церковь Богоявленія съ монастыремъ и въ немъ содержать нужныхъ людей и школы наукъ вызволенныхъ—языковъ греческаго, латинскаго, русскаго и польскаго и строить семинаріи и шпитали [3]). Но братская школа, вновь ли открытая или возобновленная, существовала недолго. Въ томъ же году, какъ извѣстно, въ Пинскѣ Альбертъ Радивиллъ открылъ іезуитскую коллегію, въ которую съ самаго начала поступило 40 русскихъ юношей, совращенныхъ въ латинство. Между тѣмъ іезуитамъ казалось, что училище, въ которомъ „фотиніане“ вознамѣрились открыть ученіе на латинскомъ языкѣ, съ учебникомъ грамматики Эм. Альвара, сильно можетъ повредить ихъ коллегіи. Ихъ

---

[1]) *Востоковъ*, Описаніе рукописей Румянцевскаго музея, № 290 (стр. 409).

[2]) Арх. сб., VI, № 57 (id. Вѣстн. Зап. Рос., 1868, кн. V, № 5). Св.-ѳедоровская церковь издавна принадлежала православнымъ, но, отнятая у нихъ уніатами, до 1627 г. стояла запечатанной. Въ этомъ же году мѣщане ее распечатали и стали совершать богослуженіе, пока въ 1631 г. она опять не была отнята у нихъ (Арх. сб., VI, №№ 54—56, 129). Возможно, что и училище терпѣло такія же перемѣны. Изъ дальнѣйшей исторіи пинской школы извѣстенъ такой случай, бросающій свѣтъ на отношенія къ братской школѣ латино-уніатовъ. Въ 1647 г. ректоръ пинской іезуитской коллегіи явился съ понятыми къ игумену братскаго монастыря Макарію и предъявилъ ему королевскій листъ, предоставлявшій только коллегіи право преподавать польскій и другіе языки. Обучали ли тогда въ братской школѣ польскому и латинскому языкамъ, на что она имѣла будто бы королевскую привиллегію, или нѣтъ,—игуменъ отвѣтилъ ректору коллегіи: «въ монастырѣ нашемъ только по руску обучаются, а по польску и латинску не мамы жадней школы», при этомъ оно объяснилъ, что въ школу часто поступаютъ мальчики, уже знающіе польскій языкъ (*А. Миловидовъ*, Пинскій богоявленскій монастырь. Вилен. календарь, 1897, 194, прим.).

[3]) Минскія грамоты, № 164.

опасенія раздѣлялъ и Радивиллъ, который и велѣлъ закрыть православную школу, какъ только услышалъ о ней [1]).

Б) Кромѣ собственно братскихъ училищъ въ западной Россіи въ періодъ времени 1584—1633 гг. возникло множество училищъ монастырскихъ, приходскихъ и частныхъ, большинство которыхъ обязано своимъ существованіемъ просвѣтительной дѣятельности братствъ. Послѣдняя съ самаго же начала пробудила въ соотвѣтствующемъ направленіи энергію частныхъ лицъ, преимущественно высшаго сословія. Особенно благотворна была дѣятельность виленскаго братства, одушевившаго Огинскихъ, Далматовъ, Ходкевичей и многія другія знатныя фамиліи. Въ Учительномъ евангеліи 1616 г., въ „предмовѣ“ къ Аннѣ Ходкевичовнѣ, княгинѣ Корецкой, виленское братство даетъ такое свидѣтельство объ ея заботахъ о потребностяхъ церкви и просвѣщенія: „духовную многимъ ялмужну (милостыню) даешъ и о розширене и помножене хвалы створителя своего (заботишься)... церкви, монастыри, школы и домы пріимныи, великимъ коштомъ и превагой будуючи, и гойне а щодробливе странно надаючи“ [2]).

Въ 1586 г. становится исторически извѣстной *владимирская* соборная школа съ „уставникомъ“ [3]). По почину кн. К. К. Острожскаго она въ 1588 г. была преобразована въ училище съ греческимъ языкомъ и съ двумя бакаларами [4]). Но едва ли запись еп. Лазовскаго могла имѣть силу для его преемника, въ руки котораго должны были перейти чрезъ три года всѣ имѣнія, назначенныя на школу, проповѣдниковъ и благоустройство соборной церкви. Митр. Макарій сомнѣвается даже, чтобы и самъ Лазовскій могъ принести такую крупную жертву, какъ отдача нѣсколькихъ имѣній [5]). Но во всякомъ случаѣ, если намѣреніе епископа съ капитулой и не было осуществлено, то, по крайней мѣрѣ, продолжала существовать старая школа, въ которой и до того „дети учивано“, пока она не была отнята уніатскимъ епископомъ Ипатіемъ Потѣемъ. Православные владимирцы вновь обзавелись своей школой не ранѣе 1633 г., когда привилеемъ Владислава IV имъ было возвращено нѣсколько церквей; открыта она была при пятницкой церкви [6]).

Въ 1596 г. имѣло быть открыто училище въ *пересопницкомъ монастырѣ* (на Волыни), по фундушевой записи Елены Горностаевой, изъ рода Чарторыйскихъ, которая, возстановляя упавшую обитель, обязала игумена содержать опредѣленное количество братіи, священника, діакона,

---

[1]) Rostowski, 333.

[2]) О «будованіи» этой княгиней школъ «великимъ коштомъ» говоритъ и Л. Карпозичъ въ предисловіи къ своимъ «Казанье двое» (1615 г.. Перепеч. архим. Леонидомъ въ Чт. моск. общ. ист. и древн. росс., 1875 г., и отд. брош.).

[3]) *Ор. Левицкій*, Историческое описаніе владимиро-волынскаго успенскаго храма. 1892 г., Кіевъ, 75.

[4]) А. Ю.-З. Р., I, I, № 55. Очевидно, «напомнене» князя Острожскаго даетъ г. Архангельскому поводъ приписывать ему и самое основаніе школы (Чт. въ моск. общ.. ист. и древн. рос., 1888, I, 34)?

[5]) Ист. рус. церкви, IX, 445.

[6]) *Левицкій*, о. с., 78.

дьяковъ, а также шпиталь для убогихъ и недужныхъ и школу для науки дѣтямъ [1]). Однако въ инвентарѣ пересопницкаго монастыря, составленномъ въ 1600 г., мы не видимъ еще ни школы, ни какой либо школьной принадлежности или учебной книги [2]).

Между 1597—1604 г. открыты были Гедеономъ Балабаномъ училище и типографія въ *Стрятинѣ*, его родовомъ имѣніи. Побудило его къ этому извѣстное посланіе п. Мелетія, который увѣщевалъ западноруссовъ „гумнасіа и типографію съставити—умноженія ради книгъ, въ преподаніе разума“ [3]). Но у еп. Гедеона былъ и другой мотивъ къ открытію училища—желаніе уничтожить вредное въ религіозномъ отношеніи вліяніе заграничнаго образованія на представителей нашего дворянства и духовенства, на что онъ самъ жаловался въ предисловіи къ Стрятинскому Требнику 1606 г.: „мнози отъ многихъ, говоритъ онъ, бывающе въ Италіи, суемудріемъ внѣшнихъ ученій прельщающеся, въ различныя ереси впадаютъ и обнажившеся благочестія, отъ церкве отпадаютъ“. Стрятинское училище по своей программѣ приближалось къ львовскому братскому; здѣсь преподавались славянскій, русскій, греческій языки, діалектика, риторика и прочіе предметы [4]).

Подъ 1604 г. упоминается школа въ *Дубнѣ*. Въ рукописномъ собраніи Е. В. Барсова есть евангеліе 1604 г. съ такой надписью на оборотѣ послѣдняго листа: „Дописана быст сія книга стаа евангелія въ сред. мца фѣ 15 день... въ року ҂ахд през славетнаго пана Семиона. діака дубецкаго на тен час вшколѣ дѣти учащаго“. Въ томъ же февралѣ Симеонъ сдѣлался городскимъ писаремъ и евангеліе продалъ за $6^1/_2$ зл. [5]).

Въ самомъ же началѣ XVII ст. въ *Могилевѣ* были школы приходскія помимо братской. Это открывается изъ разсказа іезуита Велевицкаго о Богданѣ, писцѣ „истиннаго“ Димитрія, бѣжавшемъ по его убіеніи въ Литву и прожившемъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Могилевѣ, гдѣ нѣкій протопопъ поручилъ ему въ завѣдываніе русскую школу при своей церкви [6]).

Въ 1609 г. удостовѣряется существованіе школы въ *Ярославѣ* (въ землѣ перемышльской), гдѣ предъ тѣмъ былъ учителемъ Варѳоломей Жачковскій, впослѣдствіи виленскій уніатскій протопопъ. Изъ занесенной противъ него ярославскимъ духовенствомъ протестаціи узнаемъ, что онъ былъ учителемъ и во многихъ другихъ галицкихъ школахъ [7]).

---

[1]) Арх. Ю.-З. Р., I, 1, № 118.

[2]) Арх. Ю.-З. Р., I, VI, № 116.

[3]) Служебникъ Стрятинскій, 1604, пред.

[4]) Науковый сборникъ, 1867, 126—8. *М. Макарій*, X, 341. Что, дѣйствительно, въ Италіи учились и представители православнаго русскаго духовенства, это видно изъ примѣровъ іером. Кипріана, Іезекіиля Курцевича...

[5]) Чт. въ моск. общ. ист. и древн. росс., 1884, II, 13.

[6]) Scriptores rerum polonicarum, X, 239 (подъ 1607 г.).

[7]) Relacia y uwazenie postępkow niektórych około cerkwi Ruskich Wileńskich. 1608. y 1609. Wilnu wszystkiemu świadomych, rozdz. 2.

Въ 1616 г. Мелхіоръ Шеметъ (или Шеміотъ) на Ельнѣ, виленскій подкоморій, и жена его Варвара Огинская фундовали въ *Ельнѣ* (въ предѣлахъ вилен. губ.), при новой церкви, монастырь и школу. Штатъ монастыря опредѣленъ былъ изъ шести человѣкъ: двухъ священниковъ, діакона, пѣвчаго, хлопца, прислужника и—„бакаляра для обученія дѣтей шляхетскихъ“ [1]).

Въ 1618 г. дворянинъ Конст. Долматъ съ женой, фундуя *цеперскій* монастырь (въ новгородскомъ повѣтѣ), „варовали (поставили условіе), абы при томъ монастыри школа для ученя детей и размноженья хвалы Божое неуставаючая была“ и чтобы „вшколе млоденцы наученые годные для ученя дѣток уставичне (постоянно) были“ [2]).

Въ 1619 г. Богданъ Огинскій, давній членъ и благодѣтель виленскаго братства, далъ вмѣстѣ съ женой Раиной Воловичовной новую фундушовую запись монастырю въ *Евьѣ* (близь Вильны), при которомъ уже нѣсколько лѣтъ работала типографія [3]). При этомъ онъ выразилъ желаніе, „абы тежъ и наука школьная для дѣтей быти могла“. Въ 1633 году Раина Огинская, уже вдова, пожертвовала „вѣчными часы на школу въ томъ монастыру будучую“ тысячу злотыхъ, но пока „се еще школа грунтовнѣ уфундуетъ“, позволяла употребить эту сумму на мельницу и бумажную фабрику [4]).

Подъ 1621 г. упоминается училище въ *Межибожьѣ* (въ Подоліи, при сліяніи Бужка съ Бугомъ). Авторъ Львовской лѣтописи или, такъ называемой, Русской хроники говоритъ о себѣ подъ этимъ годомъ: „Тогожъ року ямъ (я) ся учити почалъ, въ Межибожу, у дяка Дмитрія Щирецкого. Тогожъ року отецъ мой умеръ; я зъ школы занѣсъ въ домъ хоробу горячку“ [5]).

Около 1625 г. дѣлается извѣстной школа въ *Шкловѣ* (въ оршанскомъ повѣтѣ), бакаляры которой Стефанъ и потомъ Макарій изъ Головчина учили Игнатія Іевлевича начаткамъ русскаго языка [6]).

Въ 1626 г. Богданъ Богдановичъ Соломирецкій, воспитанникъ Лаврентія Зизанія и Мелетія Смотрицкаго, фундуя *боркулабовскій* монастырь (въ оршанскомъ повѣтѣ), требовалъ, чтобы при немъ было училище. Впрочемъ, эта фундація не осуществилась, и въ 1633 г. сестра Соломирецкаго съ своимъ мужемъ Богданомъ Стеткевичемъ передали грунты основанному ими монастырю въ Буйничахъ [7]).

---

[1]) Рукоп. книга Аѳан. Мислaвскаго, л. 113 об.

[2]) Вил. грам., II, № 40 (id. Вѣстн. Зап. Рос., 186⁵/₆, V, № 3; но здѣсь послѣдней фразы—о «млоденцахъ» не читается).

[3]) Туда перешла виленская братская типографія послѣ исторіи съ Ѳриносомъ.

[4]) А. В. А. К., XI, №№ 31. 37 (см. также Архивъ вил. св.-духовскаго монастыря, старая опись, св. 30).

[5]) Науковый сборникъ, 1867, 267. Еще ранѣе, въ 1838 г., Львовская лѣтопись была напечатана въ Рус. ист. сборн., кн. III. См. въ Ж. М. Н. Пр., 1838 г., ч. 18, ст. *Войцицкаго*: «О Русской лѣтописи».

[6]) *Голубевъ*, Ист. Кіев. акад., прил., 75.

[7]) Арх. сб., II, № 31. А. Ю. и З. Р., II, № 56. Не въ монастырской ли школѣ въ Буйничахъ Игнатій Іевлевичъ «wprawował rękę» (*Голубевъ*, Ист. Кіев. акад., прилож., 76)?

Въ 1629 г. Раина Огинская, основывая монастырь въ *Кроняхъ* (въ ковенскомъ повѣтѣ), дала нѣсколько селъ на содержаніе въ немъ иноковъ, „также спѣваковъ и выростковъ для пилнованя школы и науки“. [1])

Въ 1630 г. былъ основанъ Богданомъ Стеткевичемъ монастырь въ Кутейнѣ (оршанскаго повѣта), и нѣсколько позже мать Стеткевича, княжна Анна Богдановна Огинская пожертвовала кутеинскому монастырю с. Бѣлковщизну, позволяя игумену Іоилю Трупевичу съ иноками, если „похочутъ школу наукъ писма языкомъ Еллѣнословенского, Латѣнскаго, Польского и Русского, также и друкарню ведлугъ можности мѣти“ [2]). Вѣроятно, монахи не отказались завести училище; по крайней мѣрѣ типографія здѣсь была, хотя и частная—Спиридона Соболя, кіевскаго типографа, который напечаталъ здѣсь „Брашно духовное“ (1630) и Молитвословъ (1631) [3]).

Въ 1633 г. получила начало школа въ *Полоцкѣ* при богоявленской церкви, по фундушовой записи этой церкви браславскимъ земскимъ судьей Севастьяномъ Мирскимъ пол-плаца въ городѣ, съ правомъ построенія на немъ монастыря, церкви, госпиталя и училища. Запись сдѣлана была 6 іюня, а 12 іюля король подтвердилъ её, давъ при этомъ согласіе на „збудованье школы для науки дѣтемъ христіанскимъ“ [4]).

Названныя нами школы составляютъ, быть можетъ, только незначительную часть всѣхъ существовавшихъ въ зап. Россіи въ 1584—1633 гг. училищъ. Чтобы намъ не быть голословными, приведемъ нѣсколько строкъ изъ описанія путешествія въ Россію патріарха антіохійскаго Макарія, сдѣланнаго его сыномъ, архидіакономъ Павломъ Алеппскимъ. Въ г. Рашковѣ (на лѣвомъ берегу Днѣстра) путешественники поразились продолжительностью богослуженій и тѣмъ, что въ пѣніи принимали участіе наряду съ взрослыми и малыя дѣти. По этому поводу Павелъ Алеппскій дѣлаетъ такое замѣчаніе: „Начиная съ этого города и по всей землѣ русскихъ, т. е. казаковъ, мы замѣтили возбудившую наше удивленіе прекрасную черту: всѣ они, за исключеніемъ немногихъ, даже большинство ихъ женъ и дочерей, умѣютъ читать и знаютъ порядокъ церковныхъ службъ и церковныхъ напѣвовъ; кромѣ того священники обучаютъ сиротъ и не оставляютъ ихъ шататься по улицамъ невѣждами“. Самъ онъ такъ объясняетъ это почти всеобщее распространеніе грамотности въ южной Россіи въ срединѣ XVII ст.

---

[1]) Вил. грам., II, № 41 (въ Вѣстн. Зап. Россіи, 186⁵/₆, VIII, № 2, этой фразы опять нѣтъ).

[2]) Арх. сб., II, № 33.

[3]) *М. Макарій*, XI, 387.

[4]) Витебская стар., V, I, № 90. Въ Полоцкѣ до того едва-ли была православная школа, но существовала при соборѣ огромная библіотека, которая, по словамъ Гейденштейна, имѣла въ глазахъ ученыхъ такую же цѣнность, какъ и прочая добыча, найденная въ этомъ городѣ при взятіи его Баторіемъ въ 1579 г. (Вит. стар., IV, стр. 215).

(свидѣтельство его относится къ 1654 г.): въ странѣ этой, благодаря постояннымъ войнамъ казаковъ съ поляками и другими народами, имѣется множество сиротъ, которыя живутъ милостыней, собираемой ими по вечерамъ, послѣ заката солнца, въ теченіе круглаго года, съ пѣніемъ гимновъ пресв. Дѣвѣ; такимъ образомъ, они должны учиться читать и пѣть, чтобы поддерживать свое существованіе, и занимаются собираніемъ милостыни, пока не окончатъ ученія. По словамъ Павла, число грамотныхъ особенно увеличилось со времени появленія Хмеля (Хмѣльницкаго) который почти не переставая велъ страшныя войны... [1]). Если приводимая Павломъ Алеппскимъ причина того, что большинство населенія южной Россіи было грамотно въ 1654 г., должна быть принята, то отсюда можно сдѣлать такіе выводы: такъ какъ она дѣйствовала и въ другихъ областяхъ польско-литовскаго государства и притомъ дѣйствовала за много лѣтъ до проѣзда п. Макарія, то въ ней нужно усматривать одинъ изъ сильныхъ факторовъ распространенія грамотности въ зап. Россіи и въ изучаемый нами періодъ; съ другой стороны, свидѣтельство Павла даетъ право думать, что просвѣщеніе распространялось и школьнымъ путемъ, тѣмъ болѣе, что школа въ нашъ періодъ не только не препятствовала дѣтямъ собирать милостыню пѣніемъ подъ окнами, но даже старалась упорядочить это явленіе.

Въ заключеніе должно сказать, что образовательныя средства православныхъ въ концѣ XVI и началѣ XVII ст. не исчерпывались однѣми братскими и приходскими школами: по прежнему они могли учиться и за границей и на дому, пользуясь домашними учителями. Конечно, по сравненію съ предыдущимъ періодомъ образовательный цензъ послѣднихъ сталъ выше. Изъ такихъ домашнихъ учителей мы знаемъ Лаврентія Зизанія и Мелетія Смотрицкаго, занимавшихся въ домѣ Соломирецкихъ, Аѳанасія Филипповича, брестскаго игумена, исповѣдника православія, который по окончаніи наукъ „церковно-русскихъ“, въ теченіе семи лѣтъ состоялъ въ домѣ канцлера Льва Сапѣги „инспекторомъ“ при Дмитровичѣ (Лубѣ), выдаваемомъ поляками за московскаго царевича, сына Маринки [2]). Наконецъ, братства не отказывались посылать своихъ учителей и за границу. Такъ, въ 1614 г. одинъ изъ такихъ учителей состоялъ при дворѣ молдавскаго господаря Могилы [3]).

---

[1]) Чт. въ моск. общ. ист. и древн. росс., 1897, IV, отд. III, 2.

[2]) Діаріушъ *Аѳ. Филипповича*, П. П. Л., I, 84.

[3]) Suppl., 480 (id. Юбил. изд., I, № 67). Петръ Могила, I, 16. Аристократы—молдаване иногда посылали своихъ дѣтей въ львовскую школу (Петръ Могила, прил., № XIX, 8).

ГЛАВА XI.

Дидаскалы и ректора братскихъ школъ.

Біографическія свѣдѣнія объ учителяхъ относятся къ внѣшней исторіи училищъ, дополняя и освѣщая ее. Мы выдѣляемъ ихъ въ особую главу, чтобы не прерывать нити событій каждой отдѣльной школы частыми отступленіями. Но объ огромномъ большинствѣ братскихъ преподавателей нельзя сказать больше того, что они учительствовали тамъ-то и тогда-то. Здѣсь даемъ рядъ краткихъ біографій болѣе выдающихся изъ нихъ, оставившихъ болѣе глубокій слѣдъ въ исторіи нашего образованія.

1) Первое мѣсто въ ряду такихъ учителей принадлежитъ организатору братскихъ школъ—греку *Арсенію, архіепископу елассонскому и димоникскому* [1]). Родился онъ около средины XVI ст. и въ школѣ г. Трикки, основанной ларисскимъ митрополитомъ (впослѣдствіи вселенскимъ патріархомъ) Іереміей Траносомъ, изучилъ грамматику, піитику и риторику [2]). Въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ онъ былъ поставленъ въ епископы Елассона. Въ 1585 г. онъ вмѣстѣ съ епископомъ дирахійскимъ Паисіемъ былъ отправленъ въ Москву, между прочимъ, для сообщенія о тяжеломъ положеніи патріархіи (посольство это снаряжено было п. Θеолиптомъ въ отвѣтъ на присылку царемъ милостыни на поминъ души ц. Ивана). Въ началѣ 1586 г. архіеп. Арсеній былъ на границѣ Россіи и въ мартѣ уже выѣхалъ изъ Москвы съ щедрой милостыней [3]). Обратный путь посольства лежалъ чрезъ польско-литовское государство и чрезъ г. Львовъ. Радушно принятый въ этомъ городѣ православнымъ населеніемъ, архіеп. Арсеній склонился на просьбы нѣкоторыхъ лицъ и

---

[1]) Елассонъ—въ Старой Θессаліи. Арсенію посвящены статьи *г. Оглоблина* въ Исторической библіотекѣ, 1879, III (Арсеній, архіепископъ элассонскій и его «Описаніе путешествія въ Московію»), и *проф. А. Дмитріевскаго* въ Трудахъ Кіев. дух. академіи, 1898 г., январь (Архіеп. Елассонскій Арсеній (Суздальскій тожъ) и его вновь открытые историческіе мемуары).

[2]) Тр. Кіев. дух. акад., 1898, янв., 7—9.

[3]) Посольству предшествовала грамота патріарха отъ 27 мая 1585 г. (Сношенія Россіи съ Востокомъ, I, 152—155, 169, 179, 180. Тр. Кіев. дух. акад., 1898, янв, 12. 13). Г. Дмитріевскій предполагаетъ, что въ архіепископы Арсеній былъ возведенъ при отправленіи его въ Россію (стр. 12, пр. 4).

остался здѣсь. Арсеній въ Константинополь не заѣзжалъ [1]) и не могъ тамъ быть, такъ какъ отъ марта по іюнь, когда онъ прибылъ въ Львовъ, для этого было очень мало времени. И если современныя свидѣтельства твердятъ, что онъ явился отъ п. Іереміи [2]), то ихъ нужно понимать такимъ образомъ, что львовскіе братчики, упросивъ проѣзжавшаго чрезъ ихъ городъ архіеп. Арсенія остаться у нихъ учителемъ, послѣ того послали отъ себя или отъ его имени за благословеніемъ патріарха. На вселенскій престолъ въ это время вступилъ (въ третій разъ) п. Іеремія Траносъ, который зналъ Арсенія по триккской школѣ и всегда покровительствовалъ ему. Онъ то, вѣроятно, и благословилъ Арсенія остаться во Львовѣ [3]).

Арсеній всего болѣе былъ нуженъ львовянамъ для постановки учебнаго дѣла и для преподаванія греческаго языка; правила послѣдняго онъ излагалъ по славянски [4]). Учительствовалъ онъ здѣсь безъ малаго два года. Повидимому, онъ уже намѣревался оставить преподавательство, когда получилъ 1 мая 1588 г. письмо отъ п. Іереміи, который ѣхалъ въ Москву и сообщалъ ему съ границъ Польши, что приглашенъ польскимъ канцлеромъ въ Замостье. Арсеній быстро собрался и 20 мая имѣлъ уже въ этомъ городѣ свиданіе съ патріархомъ, причемъ испросилъ у него позволеніе отправиться вмѣстѣ съ нимъ въ Москву. Въ Москвѣ архіеп. Арсеній принималъ участіе во всѣхъ переговорахъ и торжествовахъ по случаю поставленія м. Іова въ россійскіе патріархи. Въ маѣ 1589 г. Арсеній разстался навсегда съ п. Іереміей, такъ какъ остался въ Москвѣ, очевидно, по предложенію ц. Ѳеодора, который обѣщалъ его „упокоить, дать богатые города съ деревнями и сдѣлать надъ всѣми ими архіереемъ“ [5]). Вѣроятно, только послѣ этого патріархъ Іеремія,

---

[1]) ...«И онъ (Арсеній), пріѣхавъ въ Литовскую землю во Львовъ, съ тѣхъ мѣсть жил во Львовѣ, а в своей области не былъ, да опять с патріархомъ пріѣхалъ» (Греческій статейный списокъ—Тр. Кіев. дух. акад., 1898, янв., 14, прим. 3).

[2]) «Въ то же лѣто, мѣсяца Іюнія, отъ вселенскаго патріархи екзаршески пріиде митрополитъ(?) димонитскій и елассонскій киръ Арсеніе, иже, школьное ученіе наченше, пребысть здѣ во градѣ Львовѣ. уча тѣ лѣтѣ», говорится въ предисловіи къ грамматикѣ 1591 г. А Перестрога выражается, что п. Іеремія «чрезъ митрополита Елассонского и Димониского чрезъ двѣ лѣтъ училъ» (А. З. Р., IV, стр. 206; ср. 222).

[3]) Тр. Кіев. дух. акад., 1898, янв., 15. 16.

[4]) «Грамматику Грецкую и зъ Словенскимъ писмомъ не Арсеній ли... училъ двѣ лѣтѣ»?—спрашиваетъ авторъ Перестроги (А. З. Р., IV, 222). Впрочемъ, г. Дмитріевскій доказываетъ, на основаніи Служебника, пожертвованнаго Арсеніемъ въ 1599 г. въ московскій архангельскій соборъ, что онъ «владѣлъ церковно-славянскимъ языкомъ небойко, даже и на первыхъ порахъ своего пребыванія уже въ Россіи».. Въ этомъ Служебникѣ виленской печати 1598 г. рукою, кажется, самого Арсенія написаны по гречески чины посвященія въ чтецы, пѣвцы, иподіаконы, діаконы и пресвитеры: очевидно, заключаетъ г. Дмитріевскій, Арсеній при богослуженіи пользовался *предпочтительно* греческимъ языкомъ, и только молитвы, читаемыя вслухъ, онъ произносилъ на славянскомъ языкѣ (Тр. Кіев. дух. акад., 1898, янв., 17, прим. 2).

[5]) Г. Оглоблинъ ошибочно полагаетъ, что Арсеній уѣхалъ изъ Москвы вмѣстѣ съ п. Іереміей и вновь возвратился въ 1592 г. (стр. 14—17): его опровергаютъ рѣчь самого Арсенія при прощаніи патріарха съ царемъ («пусть я останусь здѣсь», говорилъ онъ царю) и извѣстіе объ участіи Арсенія въ встрѣчѣ м. тырновскаго Діонисія 12 янв. 1590 г. (Сношн. Россіи съ Востокомъ, I, 246. Тр. Кіев. дух. ак., 1898, янв., 27 и слѣд.).

возвратившись въ Константинополь, замѣстилъ елассонскую каѳедру новымъ лицомъ [1]).

Царь Ѳеодоръ Ивановичъ сдержалъ свое обѣщаніе: онъ далъ Арсенію нѣсколько деревень (*χωρια*), на доходы съ которыхъ Арсеній пріобрѣлъ себѣ въ Кремлѣ домъ и устроилъ въ немъ храмъ въ честь великомуч. Димитрія солунскаго, а затѣмъ, въ 1596 или 1597 г., Арсеній былъ опредѣленъ къ архангельскому собору въ Москвѣ съ титуломъ „архіепископа архангельскаго“ и съ обязательствомъ поминать усопшихъ великихъ князей и царей. Въ этомъ званіи Арсеній принимаетъ близкое участіе во всѣхъ важнѣйшихъ церковныхъ и политическихъ событіяхъ русскихъ. Онъ участвовалъ въ избраніи на царство Бориса Годунова, въ встрѣчѣ Лжедимитрія, въ коронованіи его и Марины Мнишекъ, въ низложеніи п. Іова и избраніи п. Игнатія, въ избраніи на русскій престолъ Василія Шуйскаго, въ кремлевскомъ сидѣніи съ поляками, сопровождавшемся видѣніемъ ему преп. Сергія, во встрѣчѣ царя Михаила Ѳеодоровича. Въ 1613 г. Арсеній былъ назначенъ епископомъ тверскимъ и кашинскимъ, а чрезъ два года переведенъ въ Суздаль. Но и послѣ того онъ не сталъ въ сторонѣ отъ явленій русской общецерковной жизни. Умеръ онъ въ Суздалѣ въ 1626 г., на 77 году своей жизни, продолжая послѣ смерти своей пользоваться „величайшимъ уваженіемъ и благоговѣніемъ горожанъ“. Такимъ же уваженіемъ онъ пользовался и при жизни своей, „какъ человѣкъ весьма образованный для своего времени, какъ поэтъ—писатель, педагогъ лингвистъ, художникъ—каллиграфъ, по характеру мягкій и благодушно-уступчивый, съ сердцемъ нѣжнымъ и весьма отзывчивымъ на все доброе, преданный и вѣрный до самоотверженія своему дѣлу архипастырь, рѣдкій любитель благолѣпія христіанскихъ храмовъ и щедрый благотворитель“ (Дмитріевскій) [2]).

Изъ литературныхъ произведеній Арсенія елассонскаго до насъ дошло, кромѣ его Еллино-словенской грамматики, стихотворное описаніе путешествія его въ Москву въ 1588 г. и поставленія п. Іова: *Κόποι καὶ διατριβὴ τοῦ ταπεινοῦ ἀρχιεπισκόπου Ἀρσενίου. γράφει καὶ τὴν προβίβασιν τοῦ πατριάρχου Μοσχοβίας* [3]), и Историческіе

---

[1]) Преемникомъ Арсенія былъ Макарій, подпись котораго имѣется на одномъ документѣ 1591 г. (Dipl. stat., p. 111). До этого же времени Арсеній постоянно титуловался и, вѣроятно, оставался елассонскимъ епископомъ. И если въ 1588 г. Іероѳей, еп. монемвасійскій, спутникъ п. Іереміи въ его путешествіи въ Москву, выразился объ Арсеніи, что онъ не имѣетъ каѳедры, то и онъ назвалъ его елассонскимъ архіепископомъ (Хронографъ Дороѳея, у *Ф. Терновскаго*, Изученіе византійской исторіи... II, 72. Σαθα Βιογραφικον σχεδιασμα περι του πατριαρχου Ιερεμιου Β. Παραρτημα, σ. 21). Впрочемъ, Арсенія и впослѣдствіи титуловали по прежней каѳедрѣ, напр. п. Мелетій Пигасъ въ письмѣ отъ 1592 г. (Σαθα, 83, прим. 2).

[2]) Σαθα, о. с., Παραρτημα, 35. 36. *Оглоблинъ*, 14 и слѣд.. Тр. Кіев. дух. акад., 1898, янв., 19 и слѣд.

[3]) Греческій текстъ—въ приложеніи къ цитованному сочиненію г. *Саты* (с. 35 и слѣд.). Латинскій переводъ у *Старчевскаго*: Historiae ruthenicae scriptores exteri saeculi XVI, II, 369 et sqq., русскій—у г. *Оглоблина*; у него же и библіографія этого произведенія (см. также Тр. Кіев. дух. акад., 1898 г., янв., 28, прим. 3).

мемуары, обнимающіе время отъ вступленія на царство Ѳеодора Ивановича до восшествія на престолъ Михаила Ѳеодоровича Романова [1]).

2) *Стефанъ Зизаній*, извѣстный и какъ педагогъ, и какъ писатель—полемистъ, началъ свою духовно-учебную службу въ Львовѣ въ 1586 г., одновременно съ архіеп. Арсеніемъ. Въ дошедшемъ до насъ реестрѣ учениковъ, принятыхъ въ львовскую школу въ 1586—1590 гг., читаемъ въ самомъ началѣ его такую запись: „Я Иванъ Богатырецъ, крамаръ (лавочникъ), отдаю сына своего Михаила Стефану даскалу рускому на науку словенского писма“ [2]).

Не знаемъ, былъ ли Ст. Зизаній шляхетскаго происхожденія, какъ доказываютъ нѣкоторые на томъ основаніи, что его братъ Лаврентій извѣстенъ съ дворянской фамиліей „Тустановскій“ [3]), или мѣщанскаго, какъ даетъ думать выходка противъ него автора брошюры: „Plewy Stephanka Zyzaniey Heretyka, z cerkwi Ruskiey wykletego“ (Wilno, 1596): „лучше тебѣ, говорилъ онъ Зизанію, смотрѣть за горшками и тисками, чѣмъ, будучи мужикомъ, проповѣдывать“. Неизвѣстно также, гдѣ онъ получилъ образованіе,—въ львовской ли городской школѣ или въ какой другой.

Въ львовскомъ братскомъ училищѣ Ст. Зизаній скоро занялъ видное мѣсто и сталъ пользоваться большимъ научнымъ авторитетомъ, какъ это открывается изъ того, что одинъ львовскій священникъ, купивъ славянскую Библію, далъ просмотрѣть ее и провѣрить, полна ли она, ему именно (1590). Въ январѣ 1591 г. Стефанъ вмѣстѣ съ Кирилломъ Транквиліономъ получилъ отъ м. Михаила право проповѣдывать въ городскихъ церквахъ. Въ началѣ 1592 г., когда всѣ братскіе учителя разошлись по разнымъ городамъ, онъ одинъ остался въ Львовѣ и тогда же, вѣроятно, занялъ положеніе ректора школы, въ какомъ званіи въ концѣ этого года онъ заносилъ въ городской судъ жалобы на ректора каѳедральнаго училища и его учениковъ. Одновременно Ст. Зизаній выступилъ на общественное поприще, быть можетъ, въ качествѣ обличителя уніональныхъ замысловъ русскихъ владыкъ, что́ послѣ дало Рагозѣ поводъ обвинять его въ томъ, что онъ „во Львовѣ кровопролитья насѣялъ съ своими пособниками“ [4]). Эта же сторона дѣятельности Зизанія обратила на него вниманіе виленскаго братства, которое вызвало его къ себѣ „на поратунокъ, якъ чоловѣка навчонаго“ [5]). Произошло это въ 1593 г., какъ видно изъ протеста Зизанія отъ 15 окт. 1599 г. противъ нападенія на него членовъ виленскаго магистрата, гдѣ онъ указываетъ на то, что „въ манастыру Виленскомъ въ церкви светой Тройцы больше отъ

---

[1]) Мемуары эти, писанные въ большей своей части Арсеніемъ, открыты въ трапезундскомъ сумелійскомъ монастырѣ проф. А. Дмитріевскимъ (Тр. Кіев. дух. акад., 1898, янв., 4. 5).

[2]) *Крыловскій*, Акты, № 33; ср. *Голубевъ*, Исторія Кіевской академіи, 209.

[3]) Encykl. powsz., XXV, 775. «Указатель, дополненіе и примѣчанія къ VII тому Русской исторической библіотеки», 209. Тр. Кіев. дух. акад., 1898, февр., 159,—*Ильинскій*, Большой катихизисъ Л. Зизанія.

[4]) Monum. confr., I, № 146. A. S. P., IV, №№ 27. 33, I. 73. Suppl., №№ 61. 62.

[5]) Боркулабовская хроника, 57.

шести летъ проповѣдуетъ“ [1]). Проповѣди его и здѣсь носили догматико-полемическій характеръ, будучи направлены противъ католической церкви и предположеннаго соединенія съ нею православной; при этомъ онъ затрогивалъ и личность м. Михаила, и послѣдній долженъ былъ защищаться предъ виленскимъ братствомъ въ чистотѣ своихъ намѣреній и вмѣстѣ съ тѣмъ запретить ему и Зизанію распускать ложные слухи и чинить бунты противъ своихъ архипастырей, подъ угрозой вѣчной клятвы и свѣтскаго наказанія (16 іюля 1595 г.). Но угроза не подѣйствовала на Ст. Зизанія, и 30 октября онъ получилъ отъ митрополита неблагословенную грамоту, въ которой обвинялся въ томъ, что, будучи „простымъ“, проповѣдуетъ, что попираетъ чины церковные, неистовствуетъ противъ пастырей своихъ, проповѣдуя и пиша противъ нихъ протестаціи, что онъ „возмущаетъ церкви“ и даже противится королевскому величеству и что, наконецъ, сносится съ протестантами. Объявляя Зизанію о своемъ съ епископами рѣшеніи созвать на него соборъ, Рагоза запретилъ ему до того поучать, пѣть и читать въ церкви. Означенный соборъ состоялся 25 янв. 1596 г. въ Новгородкѣ. Послѣ того, какъ были прочитаны позовъ Зизанію и его „книжка, выданная на римскій костелъ“, найдено было, что обвиняемый проводитъ въ ней еретическія мнѣнія (напр., не признаетъ Іисуса Христа Ходатаемъ) и вообще „аргументуетъ не писмомъ слова щырого (истиннаго) Божого и апостольского и учителей церковныхъ, а только силогизмою“. Отцы собора 27 янв. опредѣлили лишить Стефана церковнаго общенія. Въ соборномъ осужденіи въ вину ему ставилось и то, что онъ не явился на соборъ. Между тѣмъ оказалось, что его и не приглашали, и 1 февр. виленскій братскій діаконъ Алексій Блажковичъ занесъ въ новгородскія гродскія книги отъ имени Зизанія и двухъ осужденныхъ вмѣстѣ съ нимъ священниковъ протестъ противъ соборнаго опредѣленія. Тѣмъ не менѣе послѣднее не только осталось въ силѣ, но и повлекло за собою королевскій приговоръ, по которому Стефанъ съ двумя братскими попами подвергались банниціи. Но Зизаній не палъ духомъ: онъ „утекся“ до трибунала и самого митрополита „до права потегалъ“, и трибуналъ, дѣйствительно, сталъ на его сторону, найдя новымъ и необычайнымъ сопровождать церковную клятву изгнаніемъ. Впрочемъ, депутаты трибунала должны были замолчать, получивъ отъ короля строгое внушеніе [2]). Соборнымъ осужденіемъ самимъ по себѣ Зизаній не особенно стѣснялся: онъ и послѣ него продолжалъ и проповѣдывать и писать полемическія сочиненія противъ Рима и уніи [3]). Но королевскій „выросъ“, въ силу котораго всѣ государственные и городскіе „урядники“ должны были взять его, „гдѣ бы ся притрафили до везенья и въ везенью задержавши“, извѣстить объ этомъ короля,—могъ испугать его и заставить нѣсколько притихнуть.

---

[1]) Вил. вѣстн., 1891 г., № 52. «Ст. Зизанія—проповѣдникъ слова Божія въ Виленскомъ троицкомъ монастырѣ», документъ № 25.

[2]) А. З. Р., IV, №№ 73. 88. 91. 92. 95. 98. *Bielski*, Dalszy ciąg kroniki polskiej (1851), str. 281. 283. 284.

[3]) 20-мъ мая 1596 г. датировано Зизаніемъ посвященіе Кон. Острожскому «Казанья св. Кирилла Іерусалимскаго».

Зизаній продолжалъ, вѣроятно, заниматься въ братской школѣ, какъ не оставилъ онъ проповѣдничества, на что указываетъ выше цитованное заявленіе его, что онъ около шести лѣтъ проповѣдуетъ въ троицкомъ монастырѣ,—но дѣлалъ это уже не съ такимъ полемическимъ рвеніемъ Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ принялъ по давно данному обѣту монашество съ именемъ Сильвестра, что случилось до 15 окт. 1599 г. [1]).

Въ первыхъ числахъ августа 1599 г. Зизаній, „будучи отъ бурмистровъ намовленый и упрошоный... и (съ) позволенья братского удался на мешканье“ въ троицкій монастырь [2]). Любезно принятый здѣсь патронами послѣдняго, т. е. мѣщанами, и духовенствомъ, онъ получилъ „въ дозоръ скарбы того монастыра“ и ему было обѣщано „его за архимандрита мети“. При этомъ „ему позволили школу закладати.., збирати и всѣхъ юлдей презъ казанья до церкви згромажати и всякій порядокъ въ монастыри управляти“. Въ отсутствіе архим. Іоасафа Зизаній исполнялъ даже его обязанности, неустанно при этомъ проповѣдуя и побуждая слушателей къ благоустроенію виленскихъ церквей. Но недолго пришлось ему быть здѣсь. 24 сент. Ипатій Потѣй, новонареченный уніатскій митрополитъ, услышавъ объ его мѣстопребываніи, велѣлъ своему виленскому намѣстнику—соборному протопопу Парѳеновичу, разузнавъ, своею ли волею вошелъ Зизаній въ монастырь или благодаря бурмистрамъ и мѣщанамъ,—запечатать церковь и не допускать „проклятому банниту“ что нибудь дѣлать въ ней. Съ другой стороны, король, извѣщая 29 сент. виленскихъ мѣщанъ о назначеніи Потѣя митрополитомъ, обвинилъ ихъ въ томъ, что они дозволили Зизанію проповѣдывать въ троицкой церкви, и положилъ на нихъ заруку въ количествѣ 3 тысячъ копъ лит. грошей. Встревоженные мѣщане измѣнили своимъ симпатіямъ къ Зизанію и рѣшили выжить его изъ монастыря. Но послѣ того, какъ онъ отвѣтилъ и имъ и Парѳеновичу, что вошелъ въ монастырь и проповѣдуетъ съ согласія его архимандрита и „не пойдетъ зъ монастыра жадным способомъ“,—имъ оставалось прибѣгнуть къ насилію, что они и сдѣлали. Вооружившись „оружьемъ розмаитымъ, кордами, секирами и топорами“, мѣщане пошли къ Стефану. Онъ, больной, вступилъ съ ними въ переговоры чрезъ рѣшетку окна, прося не оскорблять насиліемъ святости монастыря и кладбища и не трогать его, который явился сюда по ихъ же зову и теперь молится за государя и за нихъ и хочетъ здѣсь окончить жизнь, для чего и въ монахи постригся. „Што они слышачи, намнійся не хотѣли погамовати, але тымъ барзей моцью, кгвалтомъ въ двери з топорами почали ся добывати, мовечи: южъ ся ты намъ не выщебечешь пташкомъ, и не будешь больше по свету летати“. Прорубивъ дверь изъ корридора въ сѣни, они принялись за другую. Но Зизаній, перейдя въ сосѣднюю келію, бѣжалъ въ одномъ „кожушку“ (полушубкѣ)

---

[1]) Вил. вѣстн., 1891 г., № 52. Документъ № 25.

[2]) О братскомъ позволеніи говорилъ самъ Стефанъ, но когда 9 окт. въ ратушѣ допрашивали братскихъ старостъ объ его мѣстожительствѣ, они отвѣчали, что Стефанъ Зизаній у нихъ «былъ и служилъ, но недавно безъ вѣдома рады и ихъ позволенія ушелъ... и такъ какъ намъ, говорили они, онъ болѣе не служитъ, мы не хотимъ быть его панами» (Арх. уніат. митроп., № 235).

изъ монастыря и въ тотъ же день (15 окт.) записалъ двѣ жалобы—въ урядѣ и у вознаго [1]). Дальнѣйшая судьба его неизвѣстна. Можно догадываться, впрочемъ, что онъ упоминается подъ именемъ „отца Селивестра иеродіякона, инока монастыря церкви св. Духа“, въ жалобѣ виленскаго братства трибуналу на отобраніе книжекъ „Θриноса“ [2]). Скончался до 1621 г., т. е. до написанія „Палинодіи“, въ которой онъ причисляется къ умершимъ уже русскимъ писателямъ [3]).

Изъ сочиненій Стефана Зизанія, котораго Захарія Копыстенскій аттестуетъ, какъ „мужа въ Грецкомъ и Словенскомъ языку учонаго велце“, извѣстны:

а) Катихизисъ, изданный въ 1595 г. и послужившій матеріаломъ для обвиненія Зизанія на новгородскомъ соборѣ [4]). Этотъ катихизисъ не дошелъ до насъ и свѣдѣнія о немъ почерпаются изъ вызванныхъ имъ двухъ современныхъ брошюръ: „Kąkol, ktory rozsiewa Stephanek Zizaniea w Cerkwiach ruskich w Wilnie“, 1595 г., Жебровскаго Феликса и „Plewy Stephanka Zyzaniey“ [5]).

б) „Листъ Іереміи патріархи напоминальныи. До того отца нашого Кирилла патріархи Іерусалимского, о второмъ пришествіи Христовѣ, и о Антихристѣ. А ку тому отъ Златоустаго и отъ Ипполита папы римскаго згодливе о томъ пишучихъ привожено“, 20 янв. 1596 г. (28 листовъ) [6]).

в) Въ томъ же году вышло „Казанье св. Кирилла Іерусалимскаго“, съ посвященіемъ кн. Острожскому и съ польскими стихами на его гербъ. „Казанье“ написано на польскомъ и западнорусскомъ языкахъ. Въ основаніи его лежитъ 15-ое огласительное слово св. Кирилла. Въ сочиненіи проводится мысль, что антихристъ уже пришелъ и царствуетъ на землѣ въ лицѣ римскаго папы,—мысль, взятая Зизаніемъ у протестантскихъ писателей и развитая имъ по Люберту, какъ доказываетъ г. Студинъскій на основаніи сличенія обоихъ авторовъ [7]). Сообразно съ этой тенденціей Зизаній значительно исказилъ при переводѣ текстъ св. Кирилла; грамматическія же ошибки произошли, вѣроятно, отъ желанія переводить

---

[1]) А. З. Р., №№ 142. 144—146 и стр. 225 («Стефана Зизанія, дидаскала школного и казнодѣю, который на васъ волалъ и книжки свои явнѣ друковалъ, обезчестили есте и на его здоровье такъ есте ся важили, ажъ черезъ коминъ (дымовую трубу) вытиснувшися утекъ зъ Вилна»,—укоряетъ латино-уніатовъ авторъ Перестроги, но не знаемъ, описанный ли нами случай имѣетъ онъ въ виду или другой). Вил. вѣстн., 1891, № 52.

[2]) Петръ Могила, прил., № 25. Впрочемъ, мы не увѣрены, принялъ ли Зизаній священный санъ: Копыстенскій называетъ его просто монахомъ (П. П. Л., I, 913).

[3]) П. П. Л., I, 913.

[4]) *Студинъскій*, Пересторога, 146.

[5]) *Голубевъ*, Библіографическія замѣчанія о старопечатныхъ книгахъ (Тр. Кіев. дух. акад., 1876, I, 129—135).

[6]) *Каратаевъ*, о. с., № 142.

[7]) *Студинъскій*, Пересторога, 162—166.

слово за словомъ, что, конечно, не рекомендуетъ ученыхъ пріемовъ Зизанія [1])...

Наконецъ, Ст. Зизанію принадлежитъ „Изложеніе о православной вѣрѣ“, приложенное къ азбукѣ его брата Лаврентія (1596) [2]).

Стефана Зизанія и католики, и уніаты, и православный соборъ въ Новгородкѣ сочли еретикомъ [3]). Основываясь на этомъ, г. Голубевъ, а за нимъ м. Макарій настаиваютъ на томъ, что по нѣкоторымъ вопросамъ (напр., объ І. Христѣ, какъ Ходатаѣ Нашемъ предъ Богомъ, о частномъ судѣ) онъ дѣйствительно уклонялся отъ ученія православной церкви, но оправдываютъ его младенческимъ состояніемъ русской богословской мысли во времена Зизанія [4]). Но проф. Завитневичъ и вслѣдъ за нимъ г. Бѣлановскій выяснили и доказали, что и здѣсь Зизаній былъ вполнѣ православнымъ [5]). Не вдаваясь въ подробности ихъ доводовъ, мы укажемъ на то, что если бы Зизаній дѣйствительно погрѣшалъ противъ ученія восточной церкви, то онъ не былъ бы оправданъ на брестскомъ соборѣ 1596 г. [6]) и его сочиненія не пользовались бы такимъ большимъ уваженіемъ и значеніемъ у православныхъ, что они, по словамъ автора „Гармоніи восточной церкви съ костеломъ римскимъ“, его „книжкамъ баламутнымъ лѣпѣй, нижъ евангеліи, вѣрили“ [7]). Наконецъ, по спорнымъ пунктамъ согласно съ нимъ учили авторы „Антиграфовъ“ (Смотрицкій), „Антапологіи“ (Геласій Диплицъ), „Палинодіи“ (Копыстенскій), „Вопросовъ и отвѣтовъ православному зъ папежниковъ“ [8]).

---

[1]) *Бѣляновскій*, Стефанъ Зизанія (Вол. еп. вѣд., 1887, 369, 370). Впослѣдствіи «Казанье» вошло въ составъ статей «Кирилловой книги», 1644 г., перепечатанной въ 1786 г. въ Гроднѣ раскольниками, ученію которыхъ о пришествіи антихриста оно очень благопріятствовало («Ст. и Лавр. Зизаніи», Руков. для сел. паст., 1865, II, 465—467).

[2]) Оно перепечатано г. Бѣляновскимъ въ Вол. еп. вѣд., 1887, 551—559.

[3]) Жебровскій насчиталъ у Зизанія десять ересей: 1) непризнаніе І. Христа Ходатаемъ, 2—4) непризнаніе св. Духа дуновеніемъ, даромъ и перстомъ Божіимъ, 5) изведеніе Св. Духа только отъ Отца, 6—8) утвержденіе, что злые въ адъ, а добрые въ рай ранѣе суднаго дня не попадутъ, 9) наименованіе еретиками тѣхъ, кто не употребляетъ при евхаристіи квасного хлѣба, и 10)—тѣхъ, кто не допускаетъ дѣтей до св. причастія (Тр Кіев. дух акад., 1876, I, 130—132) Іосифъ Рутскій обвинялъ его въ 1608 г. въ отрицаніи единства церкви здѣсь, на землѣ (Theses Tojest pewne przełożenia z nauki o Sakramentach cerkiewnych. Вил. публ. библ.).

[4]) Тр. Кіев. дух. акад., 1876, I, 133—135. *М. Макарій*, IX, 614. 615.

[5]) *Завитневичъ*, Палинодія Захарія Копыстенскаго, 119 и слѣд.. Вол. еп. вѣд., 1887, 361. 362. Даже г. Студинькій признаетъ Ст. Зизанія православнымъ, хотя онъ и оговаривается, что Жебровскій не намѣренно старался выискивать у него ереси, что поводъ къ обвиненію подавалъ неясный и неполный способъ выраженія Зизанія, чего послѣдній не избѣжалъ въ нѣкоторыхъ вопросахъ даже и въ «Казаньи» (Переторога, 147—149).

[6]) Замѣчательно, что въ опредѣленіи этого собора новгородское осужденіе Зизанія мотивируется желаніемъ м. Рагозы скрыть свое тяготѣніе къ Риму, и это объясненіе является тѣмъ драгоцѣннѣе, что его высказываютъ почти все тѣ-же духовные, которые присутствовали и въ Новгородкѣ, начиная съ еп. Гедеона Балабана (А. З. Р., IV, №№ 91. 105).

[7]) П. П. Л., II, 180. Точно также и Петръ Суромятникъ выражается, что Русь «chwali, przymuie, y za Ewangelią chowa» сочиненія Ст. Зизанія (*Iocher*, II, 496).

[8]) *Студинькій*, о. с., 148. 149.

3) Гдѣ учился *Лаврентій Зизаній Тустановскій*, родной братъ Стефана, неизвѣстно. Едва ли въ львовской братской школѣ: учителемъ ея онъ сдѣлался еще до 1592 г., между тѣмъ его имени не значится въ спискахъ учениковъ, принятыхъ сюда въ 1586—1590 гг. Не доказательно также утвержденіе, что онъ вмѣстѣ съ братомъ и Кирилломъ Транквилліономъ получилъ образованіе въ острожскомъ училищѣ: „близкое знакомство Лаврентія Зизанія съ семействомъ кн. Константина Острожскаго“ могло завязаться и послѣ [1]). Въ Львовѣ Лаврентій учительствовалъ только до 1592 г. Въ началѣ его онъ перешелъ въ брестскую школу, а въ 1595 г. въ виленскую [2]). Выдвинувшись въ Вильнѣ изданіемъ въ 1596 г. Азбуки съ „Лексисомъ“ и славянской грамматики съ толкованіемъ молитвы Господней, онъ сталъ извѣстенъ князьямъ Соломирецкимъ, которые пригласили его къ себѣ въ домашніе учителя. „Року 97, говоритъ авторъ Боркулабовскій хроники, во великій постъ его милость кн. Богданъ, именемъ Исакій, у месте Боркулабове почалъ учитися по руску грамоте и по кгрецку; а былъ бакаларемъ панъ Лаврентій Зизаній, человѣкъ навченый, зъ места Виленского прибавленый“. Здѣсь Лаврентій оставался до 14 апр. 1600 г., когда Соломирецкіе взяли у него сына „зъ науки“ и отдали для обученія латинскому языку Максиму Смотрицкому [3]). 1 сент. Зизаній отправился отсюда въ Галицію, „къ отчеству своему и родителемъ“, везя съ собой письмо Соломирецкихъ къ львовскому братству, поручавшее его любви и вниманію послѣдняго [4]). Затѣмъ онъ является въ званіи домашняго учителя и проповѣдника у кн. Ал. К. Острожскаго въ Ярославѣ. Но здѣсь онъ оставался недолго: 2 дек. 1602 г. князь скончался и его вдова Анна Косткова, ярая католичка, дала Лаврентію отставку [5]). Послѣ того онъ на цѣлыя десять лѣтъ исчезаетъ съ исторической сцены. Вновь онъ появляется на ней въ маѣ 1612 г., когда получилъ отъ кн. Іоакима Корецкаго и его жены Анны Ходкевичевны мѣсто священника при соборной церкви въ Корцѣ, съ земельными доходами и съ жалованьемъ въ 60 пол. зл., къ которымъ были прибавлены „фаленъдишу локотъ осмъ и футро

---

[1]) Лаврентій Зизаній Тустановскій (Вол. еп. вѣд., 1890, 2—4). *Г. Ильинскій*, Большой катихизисъ Лавр. Зизанія, какъ учено-литературное произведеніе (Вол. еп. вѣд. 1893, 965; ср. Тр. Кіев. дух. акад., 1898, февр., 160).

[2]) А. З. Р., IV, №№ 33, 1. 63.

[3]) *Кулишъ*, Матеріалы для исторіи возсоединенія Руси, I, 72. 74. Кн. Богданъ началъ учиться у Лаврентія на 11-мъ году своей жизни.

[4]) А. З. Р., IV, № 154.

[5]) Записки м. Петра Могилы (Арх. Ю.-З. Р., I, VII, 93). *Максимовичъ*, Собраніе сочиненій, I, 191. Мнѣніе, что Л. Зизаній былъ отправленъ въ Ярославъ тотчасъ послѣ извѣстнаго письма К. К. Острожскаго (Вол. еп. вѣд., 1881, 816, прим. 1),—есть, повидимому, просто догадка. Но можно однако допустить, что кто-нибудь изъ львовскихъ ученыхъ посланъ былъ тогда въ Ярославъ для укрѣпленія въ вѣрѣ молодаго князя, «усѣвшаго между зубами западныхъ людей вѣры и науки»: несмотря на то, что Александръ Острожскій былъ дружески расположенъ къ іезуитамъ, коллегію которыхъ посѣщалъ проповѣди слушалъ и учрежденія хвалилъ (Lit. an. S. I., 1593, p. 261), они «части нѣединыя не имѣли въ немъ»,—онъ остался православнымъ.

(шуба) лисее“ [1]). Въ началѣ 20-хъ годовъ XVII ст. мы видимъ Лаврентія въ Кіевѣ въ числѣ членовъ ученаго кружка, собраннаго архим. Елисеемъ Плетенецкимъ. Здѣсь онъ является съ репутаціей мужа „благоговѣйна, словеснѣйша дидаскала и вѣтіи“, человѣка, „стяжавшаго художного еллиногреческаго языка умѣніе и искусство“, почему его привлекли вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими къ редактированію перевода Бесѣдъ св. Іоанна Златоуста на Посланія ап. Павла, сдѣланнаго Кипріаномъ изъ Острога. Переводъ этотъ былъ изданъ въ Кіевѣ въ 1623 г. [2]). Чрезъ два года былъ выпущенъ въ свѣтъ Зизаніевъ переводъ „Толкованія на Апокалипсисъ“ св. Андрея кессарійскаго [3]). Одновременно Лаврентій Зизаній обработывалъ свой катихизисъ, съ которымъ онъ въ 1626 г. является въ Москвѣ. Чѣмъ была вызвана эта поѣздка, которую Лаврентій совершилъ въ сопровожденіи двухъ своихъ сыновей, документально не выяснено. 24 апр. 1626 г. на заставѣ въ Путивлѣ онъ говорилъ, что ѣдетъ въ Москву за милостыней [4]). Можетъ быть; но исторія пребыванія Лаврентія въ Москвѣ вся сосредоточивается на судьбѣ его катихизиса, который онъ представилъ п. Филарету съ цѣлью получить его одобреніе и разрѣшеніе къ печати, чего онъ, вѣроятно, не могъ добиться въ западной Россіи. Когда книга была переведена съ западнорусскаго языка, на которомъ была написана, на славянскій [5]), патріархъ, прочтя ее всю, повелѣлъ напечатать. Но предварительно онъ произвелъ въ ней такія передѣлки и измѣненія, начиная съ самаго заголовка [6]), что авторъ, которому 18 февр. 1627 г. былъ врученъ печатный экземпляръ, сказалъ на третій день: „много понудихся, и книгу едва не всю проидохъ. и зѣло добра и мудра. а иное мнится кабы не все съ моего переводу писано. Кабы иное переступлено“, да и послѣ очень дивился мудрости патріарха, выразившейся въ исправленномъ катихизисѣ настолько, что онъ обрѣлъ въ немъ большое просвѣщеніе для своей души [7]).

---

[1]) Арх. Ю.-З. Р., I, VI, № 159.

[2]) Пред. къ «Бесѣдамъ Златоуста на 14 посланій ап. Павла» (1623). Такъ какъ «Бесѣды» начали печататься въ маѣ 1621 г., а Лаврентій работалъ надъ ними около двухъ лѣтъ, то можно думать, что въ Кіевъ онъ прибылъ въ 1619 г. (Вол. еп. вѣд., 1890, 5).

[3]) Вѣроятно, Л. Зизанію принадлежатъ стихи «на гербъ зацноѓи и шляхетнои фамилiи панов Долматовъ» въ «Бесѣдахъ Златоуста на Дѣянія апостольскія» (Кіевъ, 1624), подписанные иниціалами: І. Л. З.

[4]) Вол. еп. вѣд., 1890, 7 (id. Тр. Кіев. дух. акад., 1898, февр., 165).

[5]) Когда московскіе книжки спросили Лаврентія, зачѣмъ у него вмѣсто «въ купинѣ» написано «во пнѣ» и вмѣсто «лѣпти»—«хлѣбы», онъ сказалъ, что писалъ, какъ слѣдуетъ, но что переводчикъ ошибся, и что если бы онъ зналъ, что это произойдетъ, то далъ бы свят патріарху всю свою книгу на славянскомъ языкѣ («Засѣданіе въ книжной палатѣ 18 февр. 1627 г. по поводу исправленій Катихизиса Лавр. Зизанія», Изд. общ. любит. древней письменности, 1878, стр. 19).

[6]) Книга называлась у Л. Зизанія «Оглашеніемъ», но патріархъ «переименова ю бесѣдословіе, понеже оглашеніе есть книга. кирила архіепископа іерусалимскаго, новокрещающимся въ іерусалимѣ; І единымъ именемъ многимъ книгамъ быти нелѣпо» (ibid., 2).

[7]) Ibid., 32. 46.

П. Филаретъ, предвидя, очевидно, недовольство Зизанія произведенными имъ поправками, а быть можетъ, и желая поиспытать автора на счетъ его православія, повелѣлъ богоявленскому игумену Иліи „да отъ книжныя справы Григорію Онисимову“ имѣть съ нимъ разговоръ объ исправленныхъ статьяхъ, въ присутствіи кн. Черкасскаго и дьяка Лихачева. Бесѣды происходили 18—20 февр. въ книжной палатѣ и на подворьи, гдѣ остановился Лаврентій. Московскіе книжники предъявили много возраженій, частію дѣльныхъ, а частью мелочныхъ, и хотя, по повелѣнію патріарха, старались говорить „любовным обычаем и смиреніем нрава“, однако своею придирчивостью довели Зизанія до того, что онъ сдѣлалъ имъ уступки по всѣмъ пунктамъ, даже гдѣ былъ правъ. Однѣ погрѣшности въ своемъ катихизисѣ онъ свалилъ на переписчика, относительно другихъ сознавался: „мнѣ де так спростовалося“. Въ концѣ концовъ онъ заявилъ: „а азъ для того сюды и приѣхал. чтобы мнѣ от вас здѣсь лучшая наоука пріяти. а вѣдаю и сам что в моей книге много было и недѣло писано“ [1]).

Въ февралѣ 1627 г. Лаврентій Зизаній уѣхалъ изъ Москвы. Въ августѣ слѣдующаго года онъ игралъ вмѣстѣ съ слуцкимъ протопопомъ Андреемъ Мужиловскимъ очень видную, даже руководящую роль на соборѣ, состоявшемся въ Кіевѣ по дѣлу Мелетія Смотрицкаго. Подъ соборной грамотой онъ подписался „протопопой Корецкимъ“ [2]). Отъ 1631 г. о немъ имѣется лестный отзывъ Геласія Диплица: „родной братъ Стефана Зизанія, тоже Зизаніемъ называющійся, мужъ почтенный въ народѣ нашемъ русскомъ, еще по Божіей милости живетъ“ [3]). Живъ онъ былъ еще въ началѣ 1634 [4]).

Кромѣ названныхъ уже оригинальныхъ и переводныхъ трудовъ Лавр. Зизанія, послѣ него осталась еще одна рѣчь надъ гробомъ княг. Чарторыйской, произнесенная въ 10-хъ годахъ XVII ст. [5]).

4) *Кириллъ Транквилліонъ-Ставровецкій* впервые становится извѣстенъ въ ноябрѣ 1589 г., когда ему, тогда уже учителю львовской братской школы, пришлось говорить по гречески отъ лица братства и въ защиту его рѣчь предъ п. Іереміей [6]). Нѣтъ основаній думать, что греческій языкъ онъ изучилъ въ братской школѣ: его имени нѣтъ въ числѣ ея первыхъ учениковъ. Еще невозможнѣе утвержденіе Чистовича, что Транквилліонъ учился въ замостской академіи [7]): послѣдняя была открыта только въ 1594—1595 гг. Всего вѣроятнѣе, что онъ получилъ образованіе въ львовскомъ каѳедральномъ училищѣ, въ программу котораго входилъ греческій языкъ. Какъ долго Кириллъ учительствовалъ въ Вильнѣ, куда онъ бѣжалъ отъ ярости еп. Балабана въ январѣ 1592 г.,

---

[1]) «Засѣданіе въ книжной палатѣ»... 35. 39. 45.

[2]) *Голубевъ*, Петръ Могила, прилож., № 55, стр. 313. Protestacia, ibid., № 56. Полагаютъ, что въ протопопы Л. Зизаній былъ произведенъ п. Ѳеофаномъ въ 1620 г. (Тр. Кіев. дух. акад., 1898, февр., 164).

[3]) Antapologia, 614.

[4]) Арх. Ю-З Р., I, VI, № 159.

[5]) Труды III археол. съѣзда, II, прилож., 220.

[6]) Лѣтопись львов. братства, 22. 60.

[7]) Очеркъ исторіи зап.-рус. церкви, II, 302.

не знаемъ. Въ началѣ XVII ст. онъ опять является въ Галиціи и здѣсь становится въ очень близкія отношенія къ рогатинскому братству, для исторіи котораго онъ оставилъ много матеріаловъ въ своихъ, еще неизданныхъ, запискахъ (1601—1621 гг.). До 3 янв. 1618 г. Кириллъ былъ уневскимъ игуменомъ, что видно изъ его прощальной рѣчи къ братіи этого монастыря. Въ 1618—1619 гг. онъ, уже игуменъ любартовскій, пишетъ листъ о стояніи за истинную вѣру членамъ минскаго братства и всѣмъ православнымъ [1]).

Въ это же время Транквилліонъ выступаетъ печатно, какъ богословъ. Въ 1618 г. онъ издалъ въ Почаевѣ, въ собственной типографіи, „Зерцало Богословіи", первую русскую догматическую систему. Но наше духовенство отнеслось къ нему не совсѣмъ сочувственно. Извѣстный Іовъ Княгиницкій, которому Кириллъ послалъ для рецензіи „оглавленіе или основаніе" „Зерцала", далъ о немъ 23 авг. 1619 г. строгій критическій отзывъ, найдя въ немъ нѣсколько неправославныхъ мнѣній, и совѣтовалъ печатать его не ранѣе того, какъ оно „изслѣдуется учеными и учтшими писанія книгъ отеческихъ": „лучше замедлити и прославитися, писалъ онъ автору, нежели ускорити и обещеститися" [2]). Въ 1619 г. Кириллъ напечаталъ въ Рахмановѣ „Евангеліе Учительное албо Казаня на недѣли презъ рокъ и на праздники Господскіе и нарочитымъ святымъ угодникамъ Божіимъ". Сюда же вошли поученія и на особые случаи, въ родѣ освященія церкви, постриженія монаховъ, погребенія и т. п. Напечатано оно было на средства владѣлицы Рахманова Ирины Вишневецкой, и часть экземпляровъ была посвящена ей, часть кн. Ю. Чарторыйскому, часть кн. Сам. Корецкому. Хотя Учит. Евангеліе Ставровецкаго представляетъ сборникъ проповѣдей, написанныхъ по большей части на основаніи Бесѣдъ п. Филоѳея и говоренныхъ Кирилломъ въ различныхъ городахъ западной Россіи, и притомъ составленный, какъ видно изъ предисловія, съ одобренія и благословенія львовскаго епископа Іереміи Тиссаровскаго и монемвасійскаго митрополита Іоасафа [3]),—оно, въ силу уже подорванной Іовомъ репутаціи автора, встрѣтило много враговъ, тѣмъ болѣе, что въ составъ его вошло кое-что изъ „Зерцала Богословіи" [4]) Затѣмъ оно было осуждено на соборѣ русскихъ епископовъ во главѣ съ м. Борецкимъ, которые постановили: „тѣхъ книгъ новаго слогу Кириллова Учительнаго Евангелія никому отъ православныхъ и благочестивыхъ христіанъ въ церквахъ и домѣхъ не держати, ни чести, ни покупати, а кто начнетъ чрезъ ихъ повелѣніе соборное тѣ книги въ церквахъ или въ домѣхъ держати, или чести, или покупати,

[1]) *Е. І. Калужняцкій*, Обзоръ сл.-русскихъ памятниковъ письменности, находящихся въ библіотекѣ и архивахъ львовскихъ (Тр. III археол. съѣзда, II, прилож., 219). *Голубевъ*, Петръ Могила, прилож., 233. Не былъ ли Кириллъ въ. концѣ XVI ст. въ Минскѣ?

[2]) Петръ Могила, прилож., № 35. Рецензія Іова очень не понравилась Кириллу и онъ написалъ ему отвѣтъ, «полный ярости и гнѣва» (ibid., 233). Вѣроятно, Кириллъ, посылая Іову свое «исповѣданіе вѣры», какъ бы тезисы, извлеченные изъ «Зерцала», не упомянулъ, что оно было уже напечатано. Издано вторично въ 1690 г. въ Уневѣ.

[3]) *А. Г-въ*, Судьба Учит. Евангелія Кирилла Транкв.—Ставровецкаго (Чт. въ моск. общ. любит. дух. просвѣщ., 1890, I, 537).

[4]) *Архіеп. Филаретъ*, Обзоръ рус. дух. литературы, I, 204. Чт. въ общ. люб. дух. просвѣщ., 1890, I, 537—539. Руков. для сел. пастырей, 1873, I, 274, прим.

таковіи да будутъ прокляти“ [1]). Это опредѣленіе имѣло рѣшающее вліяніе и на рецензію на Учит. Евангеліе московскихъ богослововъ: Аѳанасія Китайчича, игумена Иліи и Ив. Насѣдки, которымъ поручено было высказаться о немъ, когда Кириллъ прислалъ въ Москву нѣсколько десятковъ экземпляровъ его. На основаніи отзыва этихъ критиковъ, отзыва чрезвычайно пристрастнаго и выходившаго изъ убѣжденія, что проповѣдникъ не долженъ отступать отъ „божественныхъ писаній“ не только въ отношеніи мыслей, на и буквы, и принимавшаго каждую ошибку, даже грамматическую, за ересь, книги Транквилліона, по указу царя Михаила Ѳеодоровича и п. Филарета, велѣно было „собрати и на пожарахъ сжечь, чтобы та ересь и смута въ мірѣ не была“. Впрочемъ, нѣкоторые экземпляры Учит. Евангелія спаслись отъ аутодафе и послѣ служили образцомъ для проповѣдниковъ въ родѣ автора „Статира“, священника г. Орлова (вятской губ.) [2]).

Въ 1621 г. видимъ Кирилла уже въ Замостьѣ, гдѣ онъ трудится до 1625 г., какъ проповѣдникъ слова Божія [3]). Сохранилось нѣсколько рѣчей его въ честь Ѳомы Замойскаго [4]). Послѣ этого онъ уже—уніатъ. Изъ письма къ Кириллу скитскаго игумена Ѳеодосія видно, что до 1625 г. онъ былъ ревнителемъ православія, старавшимся объ утвержденіи его и объ изобличеніи неправыхъ и ненравственныхъ людей. Поэтому едва ли можно согласиться съ авторомъ рукописи: „Indicium, t. j., pokazanie cerkwie prawdziwey“ (1638), что Ставровецкій (Kirył bez brody) перешелъ въ унію изъ-за упрямства и самолюбія, оскорбленнаго требованіемъ церковныхъ властей отдать Евангеліе подъ цензуру собора [5]). Но возможно, что нерасположеніе къ Кириллу православнаго духовенства, причины котораго лежали, быть можетъ, въ личномъ характерѣ Транквилліона, побудило его къ этому шагу. За свой переходъ въ унію онъ былъ награжденъ королемъ архимандріей въ Черниговѣ (25 марта 1626 г.), гдѣ и умеръ въ 1646 г., получивъ за три года до смерти коадьютора въ лицѣ законника Колковскаго [6]). Послѣднія 20 лѣтъ жизни Кирилла Ставровецкаго ознаменовались только тремя событіями: а) посылкой въ Москву Учит. Евангелія (1627 г.), б) участіемъ въ интригѣ противъ

---

[1]) Чт. въ общ. люб. дух. просвѣщ., 1890, I, 539.

[2]) *М. Макарій*, XI, 48. 49. Чт. въ общ. люб. дух. просвѣщ., 1890, I, 540 и слѣд.

[3]) Первая дата устанавливается сообщеніемъ автора житія Іова Княгиницкаго, что предъ его смертью († 29 дек. 1621 г.) у него былъ іеромонахъ Кириллъ изъ Замостья, который по гречески просилъ его о прощеніи и о молитвѣ (Зоря Галицкая, 1860, 249); вторая—«Писаніемъ душеполезнымъ преп. Ѳеодосія игумена скитскаго преподобнѣйшему во іеромонасѣхъ Господину отцу Киръ Кириллу, люботрудному проповѣднику слова Замостскому», отъ іюня 1625 г. (Петръ Могила, прилож., 233).

[4]) Тр. III археол. съѣзда, II, прилож., 219.

[5]) Петръ Могила, прилож., 233. 234. *Головацкій*, Библіографическія находки во Львовѣ (Зап. Имп. ак. наукъ, XXII, прилож., № 4).

[6]) Арх. Ю.-З Р., I, VI, № 311. Этотъ документъ даетъ видѣть, что въ 1643 г. въ черниговской области вся «св. унія заключилась только въ одной особѣ Кирилла Транквилліона».

м. Петра Могилы, суть которой состояла въ томъ, что Кириллъ съ двумя уніатскими владыками убѣдилъ какого то странствующаго епископа занести подъ чужимъ именемъ жалобу на митрополита, будто послѣдній ограбилъ его въ дорогѣ [1]), и в) написаніемъ „Перла Многоцѣннаго“ (1646 г.) [2]).

5) *Гавріилъ Дороѳеевичъ*, родомъ изъ Львова, впервые является въ исторіи въ октябрѣ 1594 г., когда онъ прибылъ въ Острогъ по вызову Кирилла Лукариса для продолженія съ нимъ занятій по гречески. Занятія эти, повидимому, начались въ Константинополѣ и при участіи притомъ патріарха Мелетія Пигаса. О близкихъ отношеніяхъ между послѣднимъ и Дороѳеевичемъ говоритъ одна фраза изъ письма Дороѳеевича къ Кириллу Лукарису. Приглашая Лукариса въ учителя львовской школы, Дороѳеевичъ выразился: „И преблаженный мой господинъ, господинъ Мелетій имѣлъ бы тебя въ любви, если бы ты потрудился среди русскихъ, выводя ихъ изъ тьмы невѣдѣнія къ свѣту православія“ [3]). Еще ближе стоялъ Дороѳеевичъ къ Кириллу Лукарису, который былъ знакомъ—лично или заочно—съ его родителями и обмѣнивался съ ними привѣтствіями [4]). Учебныя занятія Гавріила Дороѳеевича въ Острогѣ продолжались недолго: послѣ перехода Лукариса въ Вильну онъ оставилъ Острогъ. Цитованное нами письмо отъ 3 окт. 1595 г. писано Дороѳеевичемъ или изъ Львова или изъ ближайшаго къ нему пункта. Жалуясь въ немъ на разлуку съ К. Лукарисомъ, Дороѳеевичъ всего болѣе огорченъ тѣмъ, что въ Лукарисѣ судьба лишила его того, чего онъ болѣе всего жаждалъ,—учителя; завѣряетъ Лукариса въ искренности своего стремленія къ ученію, цѣль котораго—желаніе помогать другимъ; проситъ помощи для себя, бѣднаго ученика. „Если поможешь мнѣ, проводящему печально время въ сихъ мѣстахъ, то я буду тебѣ полезнымъ помощникомъ, когда ты будешь учи-

---

[1]) 1636 г. Арх. Ю.-З. Р., I, VI, № 295.

[2]) «Перло многоцѣнное»—сборникъ духовныхъ пѣсенъ и гимновъ, молитвъ, казаній и орацій, содержаніе которыхъ составляютъ «тайны избавленія». Здѣсь читатель найдетъ похвалы Богу, Дѣвѣ Маріи, апостоламъ, ангеламъ, мученикамъ, «богословцамъ», по поводу важнѣйшихъ праздниковъ, страстямъ Господнимъ, «Лѣкарство души въ покутѣ бывшимъ», «Лѣкарство на 7 смертныхъ грѣховъ», о четырехъ вратахъ, ведущихъ къ загробной жизни. Широтѣ содержанія соотвѣтствуетъ глубина его. Но нельзя не видѣть самомнѣнія автора въ его объясненіи, что его книга названа «Перломъ многоцѣннымъ» «для двохъ причинъ поважнихъ; для високого Розума богословского и сладкоглаголиваго языка Риторского. и для поетицкого художества», и что она можетъ быть полезна для проповѣдниковъ, которые могутъ одинъ—два стиха ея распространить въ цѣлую рѣчь, и для студентовъ, которые «могутъ собѣ стои книги святой выбирати вѣрши на свою потребу, и творити зних орації розмаити часу потребъ своихъ; хочъ и на комедіяхъ духовныхъ». Вотъ образецъ стиха «Кирілюса Транквѣлюса Ставровецкаго»: «Отче нашъ, иже еси на небесѣхъ | Слава тобѣ о всѣхъ, и держава на всѣхъ. | Отче нашъ, небесный пресвятѣйшій | Ты у славѣ вѣчной, надъ солнце яснѣйшій | Ты самъ свѣтъ славы своей | У величествѣ державы твоей»...

[3]) Bibliogr. Hellén. s. XVII, IV, № 53: 3 окт. (1595).

[4]) ibid., № 49.

телемъ львовскаго училища, что, я надѣюсь, въ скорости случится, только бы утихла эпидемія". Принятый въ львовское братство, Г. Дороѳеевичъ отплатилъ ему черной неблагодарностью, перейдя на сторону еп. Гедеона и измѣннически передавши ему ключи отъ церковной братской казны. Несмотря на заступничество Кирилла Лукариса (18 янв. 1601 г.), онъ былъ исключенъ за это изъ братства [1]). Свѣдѣнія о Гавріилѣ Дороѳеевичѣ послѣ того прерываются длиннымъ промежуткомъ времени: только въ 1614 году о немъ вспоминаетъ константинопольскій патріархъ Кириллъ Лукарисъ въ своемъ извѣстномъ посланіи львовскому братству, заключающемъ совѣты относительно лучшаго устройства типографіи, школы и т. п. Въ немъ въ числѣ лицъ, которыя „смолоду вкусили сладости наукъ и прошли хорошую школу", патріархъ называетъ Дороѳеевича, особеннаго любителя наукъ, который болѣе чѣмъ кто способенъ помочь львовянамъ въ возсозданіи и переустройствѣ училища [2]). Послѣдній разъ Дороѳеевичъ упоминается въ 1624 г., въ изданныхъ въ этомъ году Бесѣдахъ на Дѣянія св. Апостолъ. Изъ предисловія къ нимъ узнаемъ, что въ ихъ переводѣ принималъ участіе „словеснѣйшій мужъ кир Гавріилъ Дороѳеевичъ, Приммікіріи П.(ечерскій?) и клирикъ церкви львовскіа, дідаскалъ въ Еллинно-греческомъ любомудрѣйшомъ и художномъ языцѣ иже отъ Еллино-греческаго архітипу в Етонѣ изображенаго в славенскій языкъ якоже зрите разумнѣ и правѣ преведе и преложи". Указаніе довольно неопредѣленное. Оно не даетъ видѣть, гдѣ тогда подвизался Дороѳеевичъ—въ Кіевѣ или въ Львовѣ[3]).

6) *Іовъ*, въ мірѣ Иванъ, *Борецкій* былъ родомъ изъ Борчи въ Галиціи [4]). Образованіе онъ получилъ въ львовской братской школѣ [5]). У насъ нѣтъ данныхъ, чтобы согласиться съ свящ. Викуломъ, что Борецкій послѣ того учился въ Острогѣ, хотя и можно принять предположеніе проф. Голубева, что онъ слушалъ лекціи въ какомъ нибудь высшемъ учебномъ заведеніи, въ виду его „довольно либеральныхъ по тому времени взглядовъ на западно-европейскую науку" и его ученой дѣятельности [6]). Какъ бы то ни было, въ 1604 г. Борецкій сдѣлался ректоромъ львовской школы. „Того же часу, записано въ протоколѣ братскихъ засѣданій подъ

---

[1]) Лѣтопись львов. братства, 84. 85.

[2]) Петръ Могила, прил., № 28.

[3]) Изъ предисловія къ Львовскому изданію книги О священствѣ (1614) открывается, что Дороѳеевичъ занимался этимъ переводомъ еще во Львовѣ по желанію еп. Гедеона Балабана (*Завитневичъ*, о. с., 301).

[4]) Петръ Могила, прил., № 53: Письмо Борецкаго къ львовскому братству въ 1628 г. Свящ. Викулъ, основываясь на томъ, что «на варшавскомъ сеймѣ ляхи попрекали Іова и др. іерарховъ Ѳеофанова посвященія ихъ хлопскимъ происхожденіемъ», утверждаетъ, что онъ былъ простого званія (Под. еп. вѣд., 1894, 435, прим. 3). Но для поляковъ поводомъ къ такому попреку могло служить происхожденіе изъ крестьянъ хотя бы и одного изъ поставленныхъ этимъ патріархомъ епископовъ. Цитованное же письмо Борецкаго показываетъ, что онъ былъ шляхтичемъ и однимъ изъ владѣльцевъ с. Борчи, отчего и фамилію свою носилъ.

[5]) Въ одной грамотѣ къ львовскимъ братчиковъ м. Іовъ называетъ себя ихъ «сполъ братомъ и выхованкомъ з ними въ Богоспасаемомъ градѣ Львовѣ»(Петръ Могила, прил.,№47).

[6]) Под. еп. вѣд., 1894, 436. *Голубевъ*, Ист. Кіев. акад., 213; Тр. Кіев. дух акад., 1887, II, 151 152.

1604 г., принятый быль отъ всего братства до школы за ректора Іоанъ Борецкій, которому братя подали въ моцъ школу такъ же и порядки школьные. И поступили му на каждый кварталъ (четверть года) давати по золотыхъ польскихъ 10. За что онъ, подяковавши братіямъ, таковую контентацію завдячне (съ благодарностью) принялъ и офѣровался дѣтей и грецкого и латинского языка учити“ [1]). Въ 1611—1613 г. мы видимъ Борецкаго въ Кіевѣ воскресенскимъ священникомъ [2]). Былъ ли онъ вызванъ сюда Ел. Плетенецкимъ, или явился въ Кіевѣ по собственной иниціативѣ, въ всякомъ случаѣ среди мѣстныхъ ревнителей духовнаго просвѣщенія онъ занялъ настолько видное мѣсто, что ему поручили въ 1615—1616 г. ректуру въ богоявленской братской школѣ. Росписка Борецкаго львовскому братству о забранныхъ имъ учебникахъ греческой грамматики можетъ свидѣтельствовать какъ о томъ, что онъ былъ очень внимателенъ къ нуждамъ своей школы, такъ и о томъ, что онъ и здѣсь преподавалъ древніе языки [3]). Въ пользу послѣдняго говоритъ и слѣдующее свидѣтельство о немъ: „Іовъ Борецкій бѣ митрополитъ благочестивъ и премудръ, въ божественномъ писаніи искусенъ, греческій и латинскій языкъ добрѣ умѣвый и тѣхъ языковъ иныя въ школахъ учивый и учащихся студентовъ всякими потребами довольствовавый“,—свидѣтельство, приложимое и къ львовскому, и къ кіевскому періодамъ его педагогической дѣятельности [4]). Но, съ другой стороны, отзывы о немъ современниковъ, какъ о человѣкѣ „достовѣрномъ въ божественныхъ писаніяхъ“ и относящаяся къ нему надпись на одной изъ книгъ библіотеки кіево-софійскаго собора: „princeps scholarum, qui causa necessitatis illustrissimus ipse professor fuerat haurientibus sacra studia“,—даютъ право заключать, что онъ преподавалъ и духовныя науки [5]).

На этотъ разъ школьная дѣятельность Борецкаго продолжалась недолго. Во второй половинѣ 1618 г. онъ былъ избранъ въ игумены михайловскаго монастыря [6]) и въ виду новыхъ обязанностей и отдаленности богоявленскаго училища долженъ былъ оставить его. Впрочемъ, ни игуменство, ни посвященіе въ кіевскіе митрополиты (8 окт. 1620 г.) не заставили Борецкаго совершевно прекратить свои отношенія къ нему: онъ и послѣ того продолжалъ покровительствовать училищу, и Кальнофойскій по справедливости назвалъ его въ своей эпитафіи меценатомъ [7])... Даже наканунѣ своей смерти († 2 марта 1631 г.) м. Іовъ принялъ нѣкоторыя мѣры къ тому, чтобы обезопасить свою любимую школу отъ конкуренціи, какую могло представить для нея проектированное Петромъ Могилой

---

[1]) Тр. Кіев. дух. акад., 1887, II, 129.

[2]) Ист. Кіев. акад., 213. 214. Сборникъ лѣтописей, относящ. къ исторіи южной и западной Руси (Кіевъ, 1888), 83.

[3]) Петръ Могила, прилож., № 34.

[4]) Рукоп. кн. Аѳ. Мислављскаго, л. 104 об. Ср. отзывъ Сильвестра Коссова: «Іовъ Борецкій—человѣкъ хорошо образованный, въ свободныхъ наукахъ, въ знаніи греческаго, латинскаго и славянскаго языковъ едва ли кому равный. Школъ былъ покровителемъ, самъ въ нихъ училъ и учащихся всѣмъ необходимымъ снабжалъ» (Πατερικον, 1635, 180).

[5]) Под. еп. вѣд., 1894, 436, прим. 6.

[6]) Ж. М. Н. Пр., 1887, мартъ, Критика, 48. Тр. Кіев. дух. акад., 1887, II, 152.

[7]) Τερατουργημα, 27.

лаврское училище, „заказавши“ устраивать школы въ другомъ мѣстѣ, кромѣ братства. Очень удачно распорядился онъ въ томъ же духовномъ завѣщаніи своей библіотекой, отказавши архим. Могилѣ греческія и латинскія книги и михайловскому монастырю—славянскія и польскія [1]). Наконецъ, доказательствомъ заботливости Іова Борецкаго о русскомъ просвѣщеніи служитъ открытіе имъ на одномъ изъ своихъ дворовъ въ Кіевѣ, на Подолѣ, типографіи. Ею завѣдывалъ съ 1625 по 1627 г. Тимоѳей Александровичъ Вербицкій, а съ 1627 по 1630 г.—Спиридонъ Соболь. Отсюда вышло нѣсколько богослужебныхъ и отеческихъ книгъ [2]).

Изъ литературныхъ произведеній м. Іова, кромѣ множества посланій и писемъ, до насъ дошли только его переводы съ греческаго. Два изъ нихъ мы уже указали. Кромѣ того онъ, будучи михайловскимъ игуменомъ, принималъ участіе въ переводѣ съ греческаго и въ истолкованіи Анѳологіона, напечатаннаго въ 1619 г. въ Кіевѣ, причемъ обнаружилъ вновь тотъ поэтическій талантъ, о которомъ упомянуто было въ предисловіи къ „Листу п. Мелетія Пигаса“ [3]).

Мы не касаемся другихъ сторонъ жизни и дѣятельности м. Іова Борецкаго,—ни подробностей поставленія его въ митрополиты, ни непріятностей и даже опасностей, какимъ подвергся онъ за это отъ враговъ православія, ни его усилій оправдать предъ ними и, въ частности, предъ королемъ законность своей хиротоніи, ни его борьбы за православіе и русскую народность, ни его тяготѣнія къ Москвѣ и возникшихъ отсюда переговоровъ съ московскимъ правительствомъ: все это уже достаточно обслѣдовано [4]). Нѣтъ намъ также нужды выяснять фактъ наклонности Борецкаго къ уніи съ Римомъ, которая была результатомъ его стремленія создать для православной церкви въ Польшѣ такой modus vivendi, при которомъ она, сохраняя неприкосновенными свои догматы и обрядность, могла бы быть свободна отъ внѣшнихъ преслѣдованій и постоянныхъ столкновеній съ уніатами; достаточно указать только на то, что Борецкій разошелся съ М. Смотрицкимъ, какъ тольао замѣтилъ, что тотъ понимаетъ унію нѣсколько иначе...

7) *Мелетій*, въ мірѣ Максимъ, *Смотрицкій* былъ сынъ извѣстнаго острожскаго дѣятеля Герасима Даниловича [5]). Родился онъ около 1577—

---

[1]) Дух. завѣщаніе отъ 1 марта 1631 г. (Петръ Могила, прилож., № 71). Сохранилось доселѣ нѣсколько книгъ, отданныхъ м. Іовомъ въ михайловскій монастырь съ собственноручной подписью его по листамъ (таковы, напр. слѣдованная псалтырь, сочиненія Амфилохія). Интересно знать, что это за «работа алхимицкая», о которой Борецкій говоритъ въ завѣщаніи, что много лѣтъ старался ее окончить, «и не безъ кошту и накладу тое все робило и не докончило»?

[2]) Под. еп. вѣд., 1894, 541. 542. Впрочемъ, м. Макарій видитъ здѣсь двѣ частныя типографіи Вербицкаго и Соболя, изъ которыхъ первому м. Іовъ оказывалъ только помощь (XI, 386. 387).

[3]) Петръ Могила, I, 393. Ж. М. Н. Пр., 1887, мартъ, Критика, стр. 48.

[4]) Кромѣ С. М. Соловьева, м. Макарія, г. Голубева, можно читать цитованную уже уже нами монографію свящ. П. Викула: Кіевскій м. Іовъ Борецкій (Под. еп. вѣд., 1894, №№ 24—28).

[5]) О М. Смотрицкомъ можно читать, между прочимъ: *Susza*, Saulus et Paulus... *Stebelski*, Dwa wielkie światła...; *Коялович*, Литовская церк. унія, II; *Еленевскій*, Прав.

1578 г. въ Смотричѣ (въ Подоліи). Получивъ первоначальное образованіе подъ руководствомъ своего отца и Кирилла Лукариса, Мелетій отправился или былъ отправленъ кн. К. К. Острожскимъ въ виленскую академію для изученія философіи [1]). 14 апр. 1600 г Смотрицкій поступаетъ въ домашніе учителя къ Соломирецкимъ [2]). Чрезъ нѣсколько лѣтъ онъ посѣщаетъ съ своимъ воспитанникомъ заграничные университеты—бреславскій, лейпцигскій, нюренбергскій и другіе, гдѣ почерпаетъ, по выраженію Суши, ядъ ересей [3]). Возвратился онъ на родину не въ 1610 г., какъ обыкновенно думаютъ [4]), а еще до 1608 г. и тогда же, вѣроятно, вступилъ въ виленское братство, какъ можно заключать изъ заглавія и предисловія вышедшей въ этомъ году его книга: „Ἀντιγραφή albo odpowiedź na script uszczypliwy, przeciwko ludziom starożytney religiey Graeckiey od apostatow cerkwie Wschodniey wydany, ktoremu tituł: „Heresiae, Ignorantiae y Politika popow y mieszczan bractwa Wileńskiego“, tak też y na książkę, rychło potym ku obiaśnieniu tegoż scriptu wydaną, nazwiskiem „Harmonią“. Przez iednego brata bractwa cerkiewnego Wileńskiego religiey starożytney Graeckiey w porywczą dana. W Wilnie roku 1608“ [5]). А что авторомъ ея былъ Смотрицкій, это видно изъ его собственнаго заявленія [6]). Это было первое печатное произведеніе Смотрицкаго, въ которомъ онъ заявилъ себя спокойствіемъ тона, стремленіемъ опровергнуть всѣ нападки латино-уніатовъ, отличнымъ польскимъ языкомъ и даже способностью къ версификаціи (очень недурна его „Эпиграмма“ на гербъ кн. Острожскихъ) [7]). Чрезъ два года

обозр., 1861, май—іюнь; *Мартыновъ*, Кирилло—меѳодіевскій сборникъ, I (предисловіе къ «Апологіи» Смотрицкаго); *Голубевъ*, Петръ Могила, I, гл. III; *Pelesz*, Seschichte der Union. II, 388—407.

[1]) Памфлетъ на Мел. Смотрицкаго (Кіев. еп. вѣд.. 1875, 564).

[2]) Боркулабовская хроника, 74. Суша сообщаетъ, что кн. Острожскій отправилъ Смотрицкаго въ академію вмѣстѣ съ своимъ родственникомъ Георгіемъ въ 1601 г. (р. 16), но уже въ 1600 г. онъ извѣстенъ автору хроники, какъ «панъ Максимъ Герасимовичъ Смотрицкій»; притомъ трудно допустить, что онъ былъ отправленъ въ академію на 23 году своей жизни.

[3]) Saulus et Paulus, 16. Арх. ун. митр., V, № 343. Uwaga 3, f. 19 обор. М. Смотрицкій въ своей Апологіи писалъ о Ѳеофилѣ Ортологѣ (т. е. о самомъ себѣ), что онъ—приверженецъ Лютера, проведшій свою молодость въ академіяхъ лейпцигской и виртембергской, при гробѣ Лютера (95. 96).

[4]) Мацѣевскій полагаетъ даже, что Смотрицкій поѣхалъ за границу только около 1610 г. (Piśmiennictwo Polskie, III, 455).

[5]) Перепечатано въ III томѣ Пам. полем. литературы.

[6]) Apologia, 105. *Скабалановичъ Н.*, Объ Апокрисисѣ Христофора Филалета, 59, прим. 4

[7]) Первымъ литературнымъ трудомъ М. Смотрицкаго нужно, кажется, счесть другое его сочиненіе, сохранившееся въ рукописи—автографѣ Импер. публ. библіотеки (34 листа,—безъ начала и конца). Въ немъ Смотрицкій, исходя изъ разсужденія о дѣлахъ діавола, въ примѣненіи его къ исторіи католической церкви, выводитъ заключеніе, что папа не антихристъ, но и не отъ Бога, а отъ Его противника «посланіе свое имѣетъ» (л. 12). Нѣсколько протестантскій взглядъ на иконы (л. 11 об.) въ связи съ ссылкой на 1601 г., годъ выхода въ свѣтъ 7 тома «Анналовъ» Баронія (л. 30), заставляетъ насъ отнести написаніе сочиненія къ первымъ годамъ по возвращеніи Смотрицкаго изъ Гер-

онъ выпустилъ новое сочиненіе, произведшее огромное впечатлѣніе: „Θρηνος to jest Lament iedyney ś. Powszechney Apostolskiey Wschodniey Cerkwie, z obiaśnieniem Dogmat wiary. Pierwiey z Graeckiego na Słowienski, a teraz z Słowienskiego na Polski przełożony przez Theophila Orthologa, teyże swiętey Wschodniey Cerkwie Syna. W Wilnie. Roku Panskiego 1610“,—сочиненіе, представляющее изображеніе печальнаго положенія православной церкви, до котораго довели ее ея враги, и опроверженіе тѣхъ пунктовъ католическаго вѣроученія, какими оно отличается отъ православнаго. Его высоко цѣнили не только православные, изъ которыхъ иные завѣщали даже похоронить себя съ этой книгой, но и протестанты. Смотрицкаго называли „защитникомъ вѣры, отцомъ православія“ (religionis tutor, propagator fidei, orthodoxiae genitor). Совершенно иначе должны были отнестись къ „Θриносу“ латино-уніаты, для которыхъ каждое слово въ немъ было жестокой раной, каждая мысль смертоноснымъ ядомъ, причемъ польскій языкъ являлся какъ бы приправой [1]). И Смотрицкій не даромъ скрылъ свое имя: широкое распространеніе „Θриноса“, ставшаго извѣстнымъ даже въ Москвѣ, въ связи съ войной, ведшеюся тогда съ царемъ московскимъ, заставило уже Скаргу признать его политически небланадежнымъ и вызвало репрессивныя мѣры короля и виленскаго магистрата противъ виленскаго братства и его типографовъ. Авторъ избѣгъ наказанія, такъ какъ псевдонимъ его не былъ, повидимому, раскрытъ, хотя Скарга и похвалялся скоро это сдѣлать [2]).

Многолѣтнія школьныя занятія и литературные труды вынудили Смотрицкаго искать отдыха внѣ Вильны, и онъ провелъ нѣсколько лѣтъ w dwornych zabawach (въ свѣтскихъ развлеченіяхъ) и только послѣ этого рѣшилъ вновь поступить на службу въ виленское братство [3]). Здѣсь онъ занимаетъ должность учителя и продолжаетъ съ интересомъ слѣдить за религіозной борьбой въ западной Россіи. На это же время (1616—1617 г.) падаетъ извѣстный эпизодъ о тайныхъ хожденіяхъ Смотрицкаго въ св.-троицкій монастырь. Уніатскіе писатели спустя нѣсколько лѣтъ передавали, что онъ тогда въ своихъ бесѣдахъ съ уніатами обнаруживалъ самое горячее желаніе соединенія съ Римомъ, къ чему обѣщалъ привлечь и своихъ единовѣрцевъ, и высказывалъ сожалѣніе о написаніи „Плача“ и довольство направленнымъ противъ послѣдняго сочиненіемъ Іоак. Мороховскаго (*Παρηγορια*); лучшимъ средствомъ къ убѣжденію православныхъ въ истинѣ латинства онъ считалъ диспутъ съ ними, и устно и письменно совѣтовалъ, какъ это сдѣлать. Мало того. Когда уніаты приготовили

маніи (Разноязъ., Q., I, 47). Быть можетъ, болѣе детальное знакомство съ этимъ произведеніемъ дастъ возможность установить генетическую связь его съ другими трудами Смотрицкаго, напр. съ «Θриносомъ», какъ и догадывается г. Брикнеръ (Kwartalnik historyczny, 1896, III, 643 прим.).

[1]) Susza, o. c., 18. 19.

[2]) Na threny y lament Th. Orthologa, do Rusi Greckiego Nabożenstwa Przestroga (1610). Przedmowa, f. 2 об.

[3]) «Obrona Werificatiey» (Арх. Ю.-З. Р., I, VII, 425). Но Суша сообщаетъ, что до этого онъ велъ въ Минскѣ борьбу съ уніатами (o. c., 17).

къ печати книгу, въ которой болѣе полно развивались тезисы диспута (Obrona iedności, 1617), Смотрицкій прислалъ имъ свой трактатъ объ исхожденіи св. Духа и отъ Сына, прося напечатать и его заодно съ книгой; но мы, разсказываютъ уніаты, нашли возможнымъ сдѣлать оттуда только выдержки [1]). Самъ Смотрицкій не отрицалъ своихъ сношеній съ уніатами, но оправдывалъ себя тѣмъ, что онъ говорилъ съ ними объ единеніи церкви съ согласія своихъ старшихъ, а что касается посланныхъ имъ тезисовъ объ исхожденіи св. Духа, то они представляютъ-де схоластическія упражненія его и были составлены имъ не для диспута, а просто для свѣдѣнія (na uważenie) уніатовъ, чтобы они знали, какими подъ-часъ невѣрными свидѣтельствами подкрѣпляются ихъ догматы [2]). Натянутость этого объясненія убѣждаетъ насъ въ томъ, что, дѣйствительно, въ Смотрицкомъ происходило тогда религіозное колебаніе, на что указываетъ и написанная имъ около этого времени „Палинодія“, не одобренная православными къ печати [3]). Архим. Леонтій Карповичъ и братство, желая укрѣпить Смотрицкаго въ православіи и преданности тому дѣлу, за которое онъ началъ такъ блестяще бороться, много разъ просили его принять монашество. Въ концѣ концовъ онъ подчинился ихъ просьбамъ и даже требованіямъ [4]), и уже въ 1618 г. выступаетъ съ именемъ монаха Мелетія [5]).

Но еще ранѣе того Смотрицкій ѣздилъ на Волынь и въ Кіевъ, по совѣту будто бы уніатовъ, которымъ хотѣлось утвердить его въ симпатіяхъ къ уніи [6]). Какъ ни кратковременно было его пребываніе въ Кіевѣ, намъ думается, что въ это именно время онъ былъ ректоромъ тамошней школы, тотчасъ послѣ Іова Борецкаго. Фактъ ректорства его въ Кіевѣ не подлежитъ сомнѣнію, такъ какъ опирается на свидѣтельствѣ Сил. Коссова [7]), но проф. Голубевъ находитъ всего удобнѣе помѣщать его

---

[1]) «Sowita wina» (Арх. Ю.-З. Р., I, VII, 492. 493), «Examen Obrony, t. j. Odpis na script Obrona Weriticatiey nazwany» (1621), 43—45.

[2]) «Obrona Weriticatiey», 1621 (Арх. Ю.-З. Р., I, VII, 425. 428).

[3]) Прав. обозр., 1861, V, 120. 121. Въ своей «Апологіи» Смотрицкій говоритъ, что представилъ «Палинодію» дерманской капитулѣ (str. 105; cf. «Antapologia», 51. 52).

[4]) Смотрицкій въ «Obrona Weriticatiey» утверждаетъ, что онъ сдѣлался монахомъ добровольно, по давней склонности (Арх. Ю.-З. Р., I, VII, 246), но написанный въ отвѣтъ на нее «Examen Obrony» настаиваетъ, что онъ, пойманный въ многократныхъ прогулкахъ въ троицкій монастырь, принуждаемъ былъ постричься (45, 46), съ чѣмъ впослѣдствіи согласился и самъ Смотрицкій («Exethesis», 15 об.), впрочемъ, возражая Мужиловскому, который увѣрялъ, что Л. Карповичъ не хотѣлъ постригать его, зная объ его тяготѣніи къ уніи («Antidotum», 6 об.).

[5]) См. первый заглавный листъ славянской грамматики Смотрицкаго, изданной собственно въ Евьѣ въ 1619 г. Очевидно, послѣднее обстоятельство дало поводъ Мацѣевскому (о. с., III, 455), а за нимъ Головацкому (Зоря Галицкая, 1860, 459) и другимъ считать Смотрицкаго евьевскимъ учителемъ. Но школа въ Евьѣ была фундована впервые въ 1619 г. и не видно, чтобы въ ней тогда же началось ученіе (см. выше), и во всякомъ случаѣ она была низшей, и Смотрицкій, человѣкъ съ университетскимъ образованіемъ, ни самъ не пошелъ бы въ нее, ни его не пустили бы туда изъ виленскаго училища.

[6]) Examen Obrony, 45.

[7]) «Te Szkoły, w ktorych teraz uczymy, przed tym zawsze były y są u nas in possessione: gdyż był nad nimi przed tym Rektorem Smotryski, Kassyan y inszy»... («Exegesis». *Голубевъ*, Ист. Кіев. акад., прил., 83).

въ періодъ времени 1626—1628 гг., относительно каковыхъ трехъ лѣтъ г. Голубеву положительно извѣстно, что Смотрицкій прожилъ ихъ въ Кіевѣ, гдѣ, безъ всякаго сомнѣнія, ему, при посредствѣ его тогдашняго пріятеля м. Іова, и предложена была ректура въ братскомъ училищѣ [1]). Но если Борецкій былъ въ то время другомъ Мелетія, то къ нимъ обоимъ не особенно благоволило кіевское братство. Дѣло въ томъ, что Смотрицкій привезъ съ собой съ Востока въ срединѣ 1625 г. [2]) соборное опредѣленіе патріарховъ объ уничтоженіи ставропигій въ западнорусскихъ монастыряхъ и братствахъ. А грамота п. Кирилла отъ 15 дек. 1626 г. разъяснила, что тутъ имѣлись въ виду ставропигіи, установленныя іерусалимскимъ патріархомъ Θеофаномъ и прежде всего, слѣдовательно, кіевская [3]). Понятно, что кіевское братство должно было почувствовать сильное нерасположеніе и къ Смотрицкому, привезшему патріаршее рѣшеніе, и къ Борецкому, относительно котораго было подозрѣніе, что онъ то и послалъ Смотрицкаго на Востокъ. Мало того. Еще въ бытность Смотрицкаго на Востокѣ К. Саковичъ, бывшій ректоръ кіевской школы, перешедшій незадолго предъ тѣмъ въ унію, сталъ распространять слухи, что онъ замыслилъ подчинить русскую церковь папѣ [4]). Заподозрѣнъ былъ въ участіи въ замыслѣ и м. Іовъ, и возбужденіе противъ обоихъ святителей дошло до того, что они въ февралѣ 1626 г. принуждены были публично свидѣтельствовать свою невинность и чистоту православныхъ убѣжденій; но и это не помогло, и въ маѣ митрополитъ долженъ былъ особой грамотой оправдывать себя и Смотрицкаго отъ обвиненій въ сношеніяхъ съ уніатами [5]). Можно ли повѣрить послѣ этого, что братство приняло въ ректора своей школы человѣка, который и лишилъ ихъ ставропигійныхъ привиллегій, и подозрѣвался въ склонности къ уніи? Послѣдняго братство особенно должно было остерегаться въ виду примѣра Саковича. Но и помимо того, мы не представляемъ физической возможности для Смотрицкаго быть въ это время ректоромъ кіевской школы: онъ живетъ больше внѣ Кіева, чѣмъ въ самомъ городѣ. Сначала, резиденціей его былъ, повидимому, межигорскій монастырь, откуда въ августѣ 1626 г. онъ писалъ письмо виленской игуменьѣ Куликовской. Послѣдовавшія же съ конца этого года попытки Смотрицкаго получить дерманскій монастырь и нѣсколько связанный съ ними переходъ его въ унію постоянно отвлекали его на Волынь, гдѣ

---

[1]) Ист. Кіев. акад., 217. 218. Тр. Кіев. дух. акад., 1887. II, 156 и слѣд.

[2]) Временемъ возвращенія Смотрицкаго съ Востока обыкновенно считаютъ конецъ 1625 или начало 1626 г. (*М. Макарій*, XI, 333. *Голубевъ*, Петръ Могила, прил., 283). Но въ рукоп. книгѣ Аѳ. Мирославскаго сохранилось письмо къ нему, по его возвращеніи въ Россію, датированное 9 іюля 1625 г. (л. 78). Полагаемъ, что г. Голубевъ невѣрно прочелъ «1626 г.» (Петръ Могила, прилож., № 44)

[3]) Петръ Могила, прилож., № 46.

[4]) *Mużyłowski*, «Antidotum przezacnemu narodowi Ruskiemu albo warunek przeciw Apologiey, ktorą wydał Melety Smotrzycky».. f. 8. Петръ Могила, прил., 281. 282.

[5]) Рукоп. кн. Аѳ. Мирославскаго, л. 76 (напеч. въ «Петрѣ Могилѣ», прилож., № 43).

онъ и поселился въ срединѣ 1627 г. [1]). Мы при этомъ не только не оспариваемъ приводимаго проф. Голубевымъ свидѣтельства одного современнаго Смотрицкому писателя о томъ, что онъ жилъ при Борецкомъ четыре года, но и полагаемъ, что г. Голубевъ напрасно считаетъ его преувеличеннымъ [2]): самъ Смотрицкій говоритъ, что онъ „mieszkał z nim (съ Борецкимъ) przez lat cztyry“ [3]). Но, спрашивается, нужно ли понимать это такъ, что Смотрицкій прожилъ въ Кіевѣ четыре года безпрерывно, въ одинъ, такъ сказать, пріемъ? Нельзя ли разложить ихъ на два срока: 1622—1623 и 1625—1627 гг.? Проф. Голубевъ, опровергая проф. Соболевскаго, который проводитъ ту мысль, что Смотрицкій могъ быть ректоромъ въ 1618—1619 г., въ отвѣтъ на одинъ его доводъ утверждаетъ, что Мелетій предъ поѣздкой на Востокъ былъ сравнительно недолго въ Кіевѣ,—только гостилъ тамъ [4]). Но намъ кажется, что время его пребыванія въ Кіевѣ можно значительно удлинить. Въ своемъ „Exethesis'ѣ“ Смотрицкій вспоминаетъ о происшествіи, которое должно отнести къ 1622 г. Именно онъ говоритъ о трехъ виленскихъ троицкихъ уніатскихъ монахахъ, которые, прибывъ въ Кіевъ, подверглись нападенію казаковъ. „Если бы я не помѣшалъ, говоритъ онъ, ваши Каины отправили бы ихъ на тотъ свѣтъ“ [5])... Такимъ образомъ, ничто не обязываетъ насъ принимать цитованныя свидѣтельства за доказательство того, что Смотрицкій весь промежутокъ времени отъ своего возвращенія съ Востока до перехода въ унію провелъ въ Кіевѣ; еще меньше они даютъ основаніе для утвержденія, что тогда именно онъ былъ ректоромъ. Всего естественнѣе поэтому думать, что онъ ректорствовалъ въ 1618 г., до Саковича, на что указываетъ и порядокъ, хотя, быть можетъ, и случайный, въ какимъ поставлены ихъ имена въ „Exegesis'ѣ“. Да и названіе его по фамиліи, тогда какъ Саковичъ названъ по имени, можетъ наводить на мысль, что Смотрицкій тогда былъ еще свѣтскимъ. А непродолжительностью его ректорства удобно объясняется то, что оно не оставило никакихъ слѣдовъ въ современныхъ памятникахъ, кромѣ упоминанія Сил. Коссова.

Въ октябрѣ 1620 г. Мелетій Смотрицкій, посланный архим. Л. Карповичемъ въ Кіевъ на свиданіе съ п. Θеофаномъ, по вліянію виленскаго братства былъ посвященъ въ архіепископы полоцкіе. Прибывъ въ Вильну, онъ засталъ Карповича уже мертвымъ и его похороны 2 ноября 1620 г. почтилъ нагробнымъ словомъ, которое тогда же было отпечатано. Уже на печатныхъ экземплярахъ „Казанья“ Смотрицкій выступаетъ, какъ „електъ архимандрита виленского“ [6]). Занявъ двѣ весьма

---

[1]) Петръ Могила, прил., № 45. «Протестація» Смотрицкаго, ibid., стр. 323 и слѣд. *М. Макарій*, XI, 333—340.

[2]) Петръ Могила, прилож., 349. Ист. Кіев. акад., 217, прим.. Тр. Кіев. дух. акад., 1887, II, 163.

[3]) Петръ Могила, прилож., 334.

[4]) Тр. Кіев. дух. акад., 1887, II, 159. 160.

[5]) Exethesis, f. 4.

[6]) «Казанъе на честный погребъ пречестного и превзлебного мужа господина и отца, господина отца Леонтія Карповича, номината епископа володимерского и бере-

видныя церковныя должности, онъ обнаружилъ самую энергичную и многостороннюю дѣятельность. Церковь русская, послѣ столькихъ лѣтъ безначалія, пришла въ такое состояніе, что новымъ епископамъ и, въ частности, Мелетію приходилось очень много работать. Необходимо было обновить и пополнить сильно оскудѣвшій составъ священнослужителей, привлечь паству въ храмъ благолѣпіемъ церковной службы [1]), поучать ее вѣрѣ и нравственности [2]). Но ревность Смотрицкаго на первыхъ же порахъ встрѣтилась съ чрезвычайно затруднительными обстоятельствами, созданными самой его хиротоніей. Не успѣлъ п. Ѳеофанъ выѣхать за предѣлы Польши, какъ противъ поставленныхъ имъ архіереевъ латино-уніаты подняли преслѣдованіе. Въ самомъ Ѳеофанѣ они усмотрѣли турецкаго шпіона, а въ хиротонисанныхъ имъ — политическихъ преступниковъ и оскорбителей королевскаго величества, на право подаванія котораго они посягнули. Сигизмундъ III съ февраля 1621 г. издаетъ цѣлый рядъ указовъ, направленныхъ противъ ихъ всѣхъ и особенно противъ Смотрицкаго съ Борецкимъ, которыхъ велѣно было ловить. Съ другой стороны, Смотрицкому пришлось столкнуться съ полоцкимъ уніатскимъ архіепископомъ Іосафатомъ Кунцевичемъ, который сталъ жаловаться на вторженіе его въ дѣла своей епархіи. Митр. Іосифъ Рутскій вздумалъ было приглашать Смотрицкаго на судъ къ себѣ и, когда тотъ не явился и по третьему зову, анаѳематствовалъ его [3]).

Противъ всѣхъ враговъ у Смотрицкаго было одно оружіе—перо, и имъ онъ охотно пользуется. Онъ написалъ въ это время цѣлую серію сочиненій въ защиту православной церкви и возстановленной іерархіи и въ опроверженіе всѣхъ нападковъ на нихъ. Это были: а) „Werificatia niewinności“ (1621 г.—изд. l), б) „Obrona Werificatiey“ (1621), в) „Elenchus pism uszczypliwych przez zakonnika zgromadzenia wileńskiego Św. Troycy wydanych“, г) „Justificatia niewinności“ (1622) и д) „Supplicatia“. Послѣднія два сочиненія имѣли характеръ докладныхъ записокъ и были представлены королю [4]).

Но борьба сломила Смотрицкаго, а тѣ преслѣдованія противъ православныхъ, какія вызвало убіеніе Кунцевича, устрашили его и заставили искать безопасности подальше отъ Вильны и Полоцка. Онъ ѣдетъ въ Кіевъ и оттуда въ началѣ 1624 г. отправляется на Востокъ. Кромѣ дру-

---

стенскаго, архимандрита виленскаго презъ Мелетія Смотриского, см(иреннаго) архіепископа полоцкого, владыку витебского и мстиславского, електа архимандрита виленского, отправованное въ Вилни року отъ воплощенія Бога Слова 1620, ноября 2 дня» (*М. Макарій*, XI, 252).

[1]) Саковичъ свидѣтельствуетъ, что въ бытность свою въ Вильнѣ Смотрицкій старался вывести изъ церковнаго пѣнія хомонію («Ліѳосъ» съ замѣтками Саковича, Арх. Ю.-З. Р., I, IX, 117, прим.).

[2]) Диплицъ увѣряетъ, впрочемъ, что Смотрицкимъ въ это время произнесено только пять проповѣдей, включая и «Казанѣе» («Antapologia», 54).

[3]) Огромное дѣло о возстановленіи іерархіи п. Ѳеофаномъ—въ Арх. ун. митр., № 458. Нѣкоторые акты его и новые документы—въ рукоп. кн. Аѳ. Мислaвскаго, лл. 76—96. Многое напечатано уже.

[4]) *М. Макарій*, XI, 296. 297. «Werificatia», «Obrona Werificatiey» и «Iustificatia» перепечатаны въ Арх. Ю.-З. Р., I, VII.

ихъ мотивовъ этого путешествія у Смотрицкаго былъ одинъ, который ясно свидѣтельствуетъ, что въ его душѣ опять началось религіозное колебаніе, и съ наклономъ въ сторону Рима. Впослѣдствіи онъ говорилъ, что везъ патріархамъ для разсмотрѣнія написанный имъ катихизисъ. Катихизисъ же этотъ былъ составленъ въ такомъ духѣ, что показать его патріархамъ Смотрицкій не осмѣлился, а послѣ, когда пожелалъ представить его въ цензуру русской іерархіи, счелъ нужнымъ подготовить послѣднюю къ чтенію и принятію его—„Апологіей“ [1])... По возвращеніи съ Востока Смотрицкій остается на югѣ Россіи и затѣмъ принимаетъ въ 1627 г. унію. Весь образъ дѣйствій его въ это время, полный притворства и неискренности, и его стремленіе овладѣть дерманскимъ монастыремъ дѣлаютъ очень правдоподобнымъ увѣреніе пресвитера Мужиловскаго, что Мелетій сталъ уніатомъ не столько по искреннему убѣжденію, сколько по корысти, ради достиженія спокойной жизни (dla nędzney intraty y doczesnego życia spokoinego) [2]). Умеръ Смотрицкій въ Дермани 27 дек. 1633 г. въ санѣ епископа іерополитанскаго, который данъ былъ ему п. Урбаномъ VIII тотчасъ по переходѣ его въ унію. Надгробное слово надъ нимъ на тему—обращеніе Савла въ Павла—было сказано іезуитомъ Кортизіемъ [3]).

Литературныя произведенія послѣднихъ лѣтъ жизни Мелетія Смотрицкаго—латино-уніатскаго содержанія и апологетико-полемическаго характера. Въ нихъ Смотрицкій связываетъ защиту своей личности съ апологіей католичества и съ нападками на православіе. Таковы: „Apologia peregrinatiey“ (1628, Lwow), „Protestacia przeciwko soborowi w Kijowie obchodzonemu“ (Lw., 1628) [4]), „Paraenesis abo napomnienie do przezacnego Bractwa Wileńskiego cerkwie Sw. Ducha, a w osobie jego do wszystkiego tey strony narodu Ruskiego uczynione“ (Krakow, 1629) и „Exethesis abo Expostulatio t. j., Rozprawa między Apologią y Antidotem“ (Lw., 1629).

8) *Леонтій* (*Лонгинъ*) *Карповичъ*, аттестованный Копыстенскимъ, какъ „мужъ боговдохновенный, въ языку греческомъ и латинскомъ знамените бѣглый и оборонца благочестія“ [5]), родился ок. 1581 г. и по происхожденію принадлежалъ къ шляхтѣ пинскаго повѣта (отецъ его былъ священникомъ). Съ первыхъ лѣтъ дѣтства онъ живетъ въ Вильнѣ и, вѣроятно, учится въ братской школѣ. Такъ завязываются отношенія его къ самому братству, членомъ котораго онъ состоялъ уже до 1609 г. Въ слѣдующемъ году онъ становится извѣстенъ по исторіи съ „Ѳриносомъ“, какъ писарь и старшій типографъ и корректоръ братства. За напечатаніе его онъ былъ схваченъ по требованію короля и цѣлыхъ два года, пока дѣло ходило по разнымъ инстан-

---

[1]) Петръ Могила, прилож., 323. 324.

[2]) Antidotum, Przedmowa.

[3]) «Widok potyczki wygraney, zawodu dopełnionego, wiary dotrzymaney od przewielebnego w Christusie I. M. Oyca Mel. Smotrzyskiego»... 1634 г.

[4]) Перепечатано въ «Петрѣ Могилѣ» подъ однимъ N-омъ (56) съ письмомъ Смотрицкаго къ Лавр. Древинскому.

[5]) П. П. Л., I, 913.

ціямъ, провелъ въ тюремномъ заключеніи [1]). Это „исповѣдничество“ Карповича, въ связи съ его предшествовавшими трудами на пользу братства, способствовало тому, что онъ тотчасъ послѣ освобожденія сдѣлался „попомъ церкве новое и старшимъ братства тоежъ церкви“ [2]). Въ это же время онъ устраиваетъ общежительный монастырь и становится въ немъ первымъ архимандритомъ (1613) [3]). Несмотря на свои надорванныя трудами и судебной волокитой силы, Леонтій оказался очень энергичнымъ и учительнымъ пастыремъ. „Учительную свою обязанность онъ, по свидѣтельству Смотрицкаго въ его „Казанъи“, проходилъ ревностно и неусыпно, какъ устно, такъ и письменно. Ничто не удерживало его отъ божественной службы и ежедневнаго принятія безкровной жертвы и отъ частаго проповѣдыванія спасительнаго евангельскаго ученія, ни слабость здоровья, ни повѣтріе, ни лютая непогода“ [4]).

По званію архимандрита Карповичъ имѣлъ отношеніе и къ братской школѣ, ректоромъ которой онъ состоялъ. Правда, единственнымъ пока доказательствомъ этого служатъ четыре учебныя рѣчи, находящіяся въ одномъ изъ сборниковъ кіево-софійской библіотеки и произнесенныя въ 1618 и ближайшіе къ нему годы [5]). Въ одной изъ нихъ ораторъ—ученикъ обращается къ „преосвещенному господину отцу архимандриту, и честному господину отцу ректору“, причемъ изъ содержанія рѣчей видно, что послѣдній былъ ректоромъ не только монастыря, но и школы, такъ какъ очень близко стоялъ къ вопросу о „розмноженю младенцы во обученіи въ общую ползу церкве Христовы“ и о „розширеню хвалы Божое и наукъ отъ Бога данныхъ“.

Ревность Л. Карповича по вѣрѣ, его ученость, ораторскій талантъ и благочестіе были почтены со стороны православныхъ тѣмъ, что они избрали его въ 1620 г. во владимирскіе и брестскіе епископы; но ему не пришлось быть хиротонисаннымъ: въ срединѣ сентября 1620 г. онъ умеръ [6]). Кромѣ извѣстной проповѣди М. Смотрицкаго, кончина его была оплакана еще въ одномъ стихотворномъ произведеніи: „Ляментъ

---

[1]) А. З. Р., IV, № 179. Арх. ун. митр., № 326. А. В. А. К., VIII, № 45. *М. Макарій*, X, 432. 433; XI, 254. *Голубевъ*, «Библіограф. замѣтка» въ Холмско-варш. еп. вѣстн., 1880, № 3.

[2]) Арх. ун. митр., №№ 350. 369. Вѣст. Зап. Рос., 1864, кн. 3, Матеріалы, 11—45.

[3]) Вил. грам., II, № 42. Рукоп. кн. Аѳ. Мирославскаго, л. 95. Въ своихъ запискахъ Петръ Могила говоритъ о Карповичѣ: «Сей въ Вилнѣ первый началникъ общему житію былъ» (Арх. Ю.-З. Р., I, VII, 57).

[4]) *М. Макарій*, XI, 254, 255. Записки м. Петра Могилы (Арх. Ю.-З. Р., I, VII. 57—59).

[5]) Сборникъ № 46, лл. 180—189. Хотя здѣсь не названы ни Карповичъ, ни виленская школа, нѣтъ никакихъ основаній относить ихъ къ какому-нибудь другому современному училищу. Нѣкоторыя изъ рѣчей по стилю очень напоминаютъ ораторскія произведенія виленскаго питомца Леоновича, записанныя въ его книгѣ (такъ называемая рукописная книга Аѳ. Мирославскаго), да и въ самомъ Сборникѣ встрѣчается его имя («Толкованіе Андрея Кесар. на Апокалипсисъ», л. 2). Рѣчи эти напечатаны нами въ Лит. еп. вѣд., 1897 г., № 22, въ приложеніи къ статьѣ: «Виленская братская школа въ первые полвѣка ея существованія».

[6]) Въ нашей литературѣ до послѣдняго времени господствовало убѣжденіе, что Карповичъ получилъ санъ владимирскаго епископа еще въ 1616 г. Но въ «Казанъи» Смотрицкаго онъ названъ «номинатомъ» владимирскимъ, а не епископомъ.

у свѣта убогихъ на жалосное преставленіе святобливаго а въ обои добродѣтели богатого мужа въ Бозѣ велебного господина отца Леонтіа Карповича Архимандріта общіа обители при церкви Сошествія св. Духа братства церковного Віленского прав. Греч.: въ Вильнѣ въ друкарни братской“(1620 г.) [1]). Какъ высоко современники цѣнили Карповича, показываетъ слѣдующій отрывокъ изъ „Мнемозины“, панегирика, поднесеннаго м. Петру Могилѣ по возвращеніи его въ 1633 г. съ коронаціонныхъ торжествъ студентами его коллегіи: „Теперь пожелай только отправиться до Вильны и другихъ городовъ русскаго и литовскаго міра, и увидишь, какъ встрѣтятъ тебя радостно тѣ, которыми полны были темницы, полны были ратуши, полны были темничныя подземелья за пречистую восточную вѣру, какъ встрѣтятъ тебя (въ Вильнѣ) и проводятъ до своего руководителя въ тѣснѣніи, предводителя въ благочестіи, подобнаго Златоусту въ витійствѣ, за нѣсколько лѣтъ предъ симъ скончавшагося архимандрита Леонтія Карповича. Увидѣвъ нетлѣнныя мощи его, увидѣвъ ближнихъ за вѣру пострадавшихъ, ты почувствуешь, какимъ великимъ дѣломъ услужилъ ты несчастному народу нашему“ [2]). Почитали его и уніаты, въ родѣ Якова Суши [3]).

Изъ литературныхъ трудовъ Л. Карповича извѣстны, прежде всего, его „Казанье двое. Одно на Преображеніе Господа Бога и Спаса Нашего Іс. Ха. Другое на Успеніе Пречистое... Дѣвы Маріи“, сказанныя имъ 6 и 15 августа 1615 г. и напечатанныя въ Евьѣ [4]). По словамъ м. Макарія, онѣ обнаруживаютъ въ Карповичѣ „не простаго начетчика, какіе прежде появлялись у насъ нерѣдко, но человѣка съ научнымъ образованіемъ, и не только знатока Свящ. Писанія и св. отцовъ, но довольно развитаго мыслителя и довольно искуснаго оратора, знакомаго съ ораторскими пріемами“ [5]). Карповичъ же написалъ предисловіе къ „Вертограду душевному“ (1620) и перевелъ съ греческаго „Выкладъ на молитву Отче Нашъ“—Златоуста, изданный въ томъ же году. Ему же приписываютъ составленіе „Киновіона, или изображенія иноческаго общаго житія“ (Евье, 1618), и двухъ посланій отъ лица виленскаго братства—въ Львовъ и на Аѳонъ (1619) [6]).

---

[1]) *Максимовичъ*, «Книжная старина южнорусская» (Временникъ Имп. моск. общ. ист. и др. росс., IV (1849), Смѣсь, 3, прим. 2). Проф. Голубевъ называетъ «Лямент» надгробнымъ поученіемъ самого Карповича и сообщаетъ о двухъ изданіяхъ его—на русскомъ и польскомъ языкахъ (Ист. Кіев акад., 106, прим. 2). Мы находимся внѣ возможности объяснить такое странное совпаденіе: въ одинъ годъ въ одномъ городѣ выходятъ два произведенія съ тожественными заголовками, изъ которыхъ въ одномъ Карповичъ оплакиваетъ чью то смерть, въ другомъ кто-то оплакиваетъ его самого!

[2]) *М. Макарій*, XI, 456.

[3]) Saulus et Paulus, 21. 22.

[4]) Перепечатаны архим. Леонидомъ въ Чт. моск. общ. ист. и др. росс., 1878, I (и отд. брош).

[5]) *М. Макарій*, X, 435. Ср. Прав. обозр., 1880, III, 495 и слѣд. (*Молчановъ*, Леонтій Карповичъ, церковный витія православной юго-западной Руси въ XVII ст. и два его слова).

[6]) *Арх. Филаретъ*, Обзоръ рус. дух. лит—ры, I, 241. 242. *Н. Петровъ*, Лит. еп. вѣд, 1891, № 26. *Васильевскій*, Вильна (Памят. рус. стар. въ зап. губ., VI), 173.

9) *Іосифъ Бобриковичъ* былъ родомъ, повидимому, изъ Вильны: по крайней мѣрѣ извѣстенъ виленскій священникъ съ его фамиліей (Леонтій, въ 1609 г.) [1]). Въ Вильнѣ же онъ и воспитался подъ благотворнымъ вліяніемъ Л. Карповича, котораго Сил. Коссовъ называетъ „магистромъ Бобриковича". Мы легко повѣрили бы проф. Голубеву, что Бобриковичъ продолжалъ образованіе въ западно-европейскихъ или польскихъ училищахъ [2]), если бы не читали въ одномъ письмѣ къ Бобриковичу, что онъ очень боялся западной науки [3])... Въ началѣ 20-хъ годовъ XVII Бобриковичъ дѣлается ректоромъ виленскаго духовскаго монастыря, какъ видно изъ подписи его на оборотѣ заглавнаго листа рукописной книги Аѳ. Мислављскаго: „Ioseph Bobrikowicz starszy y Rector monastera Cerkwie sw. Ducha, tak się *teraz* podpisuie", причемъ надъ этими словами выставленъ 1622 годъ. Старшимъ онъ сталъ еще до 1622 г., такъ какъ въ письмѣ къ виленскому братству торнскаго игумена Григорія, отъ 11 янв. этого года, Бобриковичъ выступаетъ на первомъ планѣ. Одновременно подъ его управленіе поступила и братская школа. Сдѣлавшись ея ректоромъ, Бобриковичъ сразу поднялъ ея достоинство и значеніе, заставивши братство ассигновать не нее порядочную сумму денегъ и пригласить новыхъ учителей, такъ что въ письмѣ къ Сил. Коссову въ самомъ началѣ 1622 г. онъ могъ уже хвалиться, что у нихъ „strumienia artium liberalium za pilnym staraniem y niemałym sumptem płynąć poczynaya". Чрезъ два года „господинъ Іосифъ" Бобриковичъ является начальникомъ школы въ письмѣ къ нему острожскаго пресвитера Подвысоцкаго, который просилъ его понаблюсти за его двумя родственниками, учившимися въ Вильнѣ, „да не всуе время изнуреваютъ", а 12 янв. 1625 г. его званіе и должности опредѣляются адресомъ посланія къ нему м. Іова: „Всепреподобнѣйшему в іеромонасѣхъ господину отцу Иосифу ректору школъ и проповѣднику слова Христова" [4]). И хотя ректоромъ школы Іосифъ не называется и не выступаетъ болѣе нигдѣ, являясь въ современныхъ документахъ съ титулами: „старшій", или „ректоръ", или „старшій ректоръ монастыря", или „намѣстникъ и ректоръ монастыря братскаго" [5]),—но надо полагать, что съ этими должностями онъ попрежнему соединялъ надзоръ и за учебной частью, что̀ продолжалось до самой его смерти, которая послѣдовала въ первой половинѣ 1634 г. Умеръ онъ на каѳедрѣ мстиславскаго епископа, на которую былъ избранъ православными въ ноябрѣ 1632 г. При погребеніи его надгробное слово было сказано его преемникомъ по каѳедрѣ Сильвестромъ Коссовымъ, а виленская школа отозвалась цѣлымъ рядомъ элегій, напечатанныхъ подъ заглавіемъ: „Echo żalu na głos lamentującego po nieopłakaney śmierci patrona swego w Bodzie przewielebnego

---

[1]) Арх. ун. митр., № 303.

[2]) «Объяснительные параграфы по исторіи з.-рус. церкви» (Кіев. еп. вѣд., 1893, 126. 127).

[3]) Рукоп. кн. Аѳ. Мислављскаго, лл. 87. 88.

[4]) Рук. кн. Аѳ. Мислављскаго, лл. 70 об., 87, 88, 102, 105.

[5]) См., напр., Арх. ун. митр., №№ 521. 556. 572. Рук. кн. Аѳ. Мисл., л. 89. Петръ Могила, прил., № 68 и стр. 312. Арх. вил. св.-духов. монаст., связка 7, № 135.

Oyca jego M. Oyca Iosepha Bobrykowicza, episcopa Mscisławskiego, y Mohylowskiego, archymandrity Wileńskiego, odprawujące się w Kongregatiey studenskiey świętych Konstantina y Heleny przy cerkwi św. Ducha w Wilnie“ (1635) [1]).

Не вдаваясь въ подробности жизни и смерти Бобриковича (интересующихся ими отсылаемъ къ „Параграфамъ“ проф. Голубева), мы должны разъяснить одинъ вопросъ, связанный съ высказаннымъ нами положеніемъ о безпрерывности ректорства его въ теченіе 1622—1634 гг. Это положеніе какъ будто подрывается жалобой на виленское братство и позовомъ ему въ іюлѣ 1624 г.: въ обоихъ документахъ въ числѣ другихъ упоминается „Іосифъ Левоновичъ или Левоневичъ (въ позовѣ—Lewonaiewicz), называющій себя ректоромъ и проповѣдникомъ“ [2]). Подъ этимъ лицомъ проф. Петровъ склоненъ усматривать Ѳеофила Леоновича, только названнаго здѣсь свѣтскимъ именемъ [3]). Дѣйствительно, Ѳ. В. Леоновичъ жилъ въ Вильнѣ въ это время [4]). Но, во 1-хъ, намъ не извѣстно его свѣтское имя. Во 2-хъ, признавши его ректоромъ монастыря и школы въ 1624 г., мы должны будемъ прервать ректуру Бобриковича и поставлены будемъ въ необходимость объяснять этотъ предполагаемый перерывъ. Въ 3, что самое главное, профессіей Ѳ. Леоновича было проповѣдничество и къ школѣ онъ никакого отношенія не имѣлъ. Когда холмскій епископъ Паисій Ипполитовичъ обратился къ нему въ 1627 г. за совѣтомъ относительно попавшагося ему „педагога“, Леоновичъ отвѣчалъ ему изъ Люблина: „я тутъ не могу дать вашему преподобію никакого совѣта, такъ какъ съ этимъ дѣломъ хорошо не знакомъ и не имѣю къ нему касательства“ [5]). Въ виду такого заявленія мы не можемъ также согласиться съ проф. Петровымъ, что Леоновичъ былъ въ 1621—1622 г. учителемъ въ виленской школѣ и что ему принадлежитъ цитованное выше письмо къ Бобриковичу, датированное 15 февр. 1622 г. Авторъ этого письма серьезно занимается наукой, изученію которой вознамѣрился посвятить нѣсколько лѣтъ; на приглашеніе Бобриковича возвратиться въ Вильну онъ отвѣчаетъ удивленіемъ и полнымъ отказомъ, между тѣмъ Леоновича въ сентябрѣ этого года мы видимъ въ Вильнѣ. При этомъ заслуживаетъ вниманія то обстоятельство, что Леоновичъ, бывшій уже въ 1621 г., если не въ 1619 г., монахомъ, имѣлъ сына, обучавшагося въ 1631 г. у виленскаго братскаго учителя Петра Андрушковича, слѣдовательно, въ монахи поступилъ изъ вдовцовъ, что признаетъ и самъ г. Петровъ. Быть же въ такомъ разѣ товарищемъ Исаіи и Евстафія (двухъ другихъ питомцевъ виленской братской школы, отправившихся въ чужіе края) онъ не могъ [6]). Что же до „Іосифа Левоновича“, то это имя, мы

---

[1]) Голубевъ, «Объяснительные параграфы»... (Кіев. еп. вѣд., 1893, 68 и слѣд.).

[2]) Арх. ун. митр., № 506. *Кояловичъ*, Лит. церк. унія, II, 354.

[3]) Литовскія еп. вѣд., 1894, № 26.

[4]) Въ Вильнѣ Ѳ. Леоновичъ былъ съ 1622 по 1627 г. (Рук. кн. Аѳ. Мирославскаго, лл. 77 об., 99, 110, 114 об.).

[5]) Ibidem, л. 99.

[6]) Рук. кн. Аѳ. Мирославскаго, лл. 1 и 63 об. Ср. Сборникъ кіево-софійской библ., № 46, л. 2.

полагаемъ, произошло отъ смѣшенія Θеофила Леоновича съ Іосифомъ Бобриковичемъ, что было естественно, такъ какъ оба они занимались проповѣдничествомъ.

Бобриковичъ пользовался у современниковъ славой хорошаго богослова и игралъ потому видную роль въ исторіи осужденія Смотрицкаго. Онъ упоминается также въ числѣ тѣхъ немногихъ богослововъ, которыми, по свидѣтельству Диплица, любилъ окружать себя Петръ Могила [1]). Но изъ литературныхъ произведеній Бобриковича мы знаемъ только его проповѣдь при погребеніи Б. Огинскаго, изданную въ 1625 г. въ Евьѣ въ переводѣ на польскій языкъ [2]).

10) *Кассіанъ*, въ мірѣ Каллистъ, *Саковичъ* происходилъ изъ семьи православнаго священника, родился около 1580 г. въ Подтеличѣ, въ Галиціи [3]). Учась въ замостской академіи, онъ состоялъ инспекторомъ („педагогомъ“) студента Адама Киселя, съ которымъ не разъ ѣздилъ на каникулы къ его родителямъ на Волынь [4]). По окончаніи курса онъ былъ нѣкоторое время дьякомъ въ Перемышлѣ, при уніатской церкви Іоанна Крестителя, но долженъ былъ бѣжать отсюда, такъ какъ возбудилъ настолько сильныя и основательныя подозрѣнія въ своей нравственной чистотѣ, что ему, по словамъ „Лиθоса“, грозила даже висѣлица [5]). Судьба дала ему болѣе почетное положеніе ректора кіевской школы. Возможно, что его выдвинули два печатные труда, изданные предъ тѣмъ въ Краковѣ: а) „Dezyderos polski“ и б) „Problemata abo pytania o przyrodzeniu człowieczym z łacińskiego na polski ięzyk przełożone. Do których przydane są przedmowy, Aktom Weselnym y Pogrzebnym służące, przez Kalixtego Sakowicza“ (изд. въ нач. 1620 г., 249 стр.). Въ обоихъ этихъ произведеніяхъ Саковичъ говоритъ, между прочимъ, о недостаткѣ у насъ училищъ. Такъ, въ посвященіи „Проблеммъ“ волынскому чашнику Лаврентію Древинскому онъ замѣчаетъ: „Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ теперь нужнѣе школы, чѣмъ обиліе церквей. Ибо бываетъ такъ, что въ одномъ городѣ находится 10—15 церквей, а школы ни одной. Но откуда будутъ выходить добрые чтецы, писцы, пѣвцы и, наконецъ, пресвитеры, если училищъ не будетъ? Но объ этомъ было уже сказано въ „Дезидерозѣ польскомъ“ [6]). Ректоромъ въ Кіевѣ Саковичъ былъ около четырехъ лѣтъ [7]), т. е. съ 1620 по 1624 г., уча здѣсь риторикѣ съ поэтикой и давая латино-польскій тонъ всему преподава-

---

[1]) «Antapologia», Przedmowa.

[2]) Кіев. еп. вѣд., 1893, 126, прим. 2.

[3]) «Лиθосъ», Арх. Ю.-З. Р., I, IX, 63. 179.

[4]) «Επανορθωσις» *Саковича*, стр. 20.

[5]) Арх. Ю.-З. Р., I, IX, 53. Ср. »Indicium, t. j. pokazanie cerkwie prawdziwey»... (*Головацкій*, «Библіограф. находки во Львовѣ», Зап. Имп. акад. наукъ, XXII, прилож., № 4, стр. 8).

[6]) *Maciejowski*, Piśmiennictwo Polskie, III, 670. *Jocher*, № 150 и прим. къ нему (стр. 130).

[7]) «Pomnę, говоритъ Саковичъ, gdym był rektorem szkoł waszych kiiowskich przez lat cztyry»... (Арх. Ю.-З. Р., I, IX, 37, прим. 2; 326, прим.).

нію [1]). Въ первой половинѣ 1624 г. Саковичъ перешелъ по просьбѣ Древинскаго въ Люблинъ и здѣсь около года проповѣдывалъ въ братствѣ, а потомъ онъ совсѣмъ порвалъ связи съ православіемъ. Его переходъ въ унію проф. Голубевъ правдоподобно объясняетъ характеромъ полученнаго имъ образованія, его честолюбіемъ, которому въ православіи не давали ходу (до послѣдняго времени Саковичъ оставался простымъ монахомъ), и его недовольствомъ вмѣшательствомъ мірянъ—братчиковъ въ церковныя дѣла [2]). На дальнѣйшую судьбу Саковича повліяло его сближеніе съ кн. Ал. Заславскимъ—католикомъ. По его совѣту онъ сталъ слушать лекціи по богословію у люблинскихъ доминиканъ, а затѣмъ въ Краковѣ. Здѣсь онъ издалъ въ 1625 г. „Traktat o duszy“ и „Desiderosus abo ścieszka do miłosci Bożey y do doskonalości żywota chrześciańskiego“. Послѣднее изданіе было собственно чужимъ переводомъ одного аскетическаго сочиненія, снабженнымъ только собственными предисловіями Саковича [3]). Въ то же время Саковичъ получаетъ отъ кн. Заславскаго дубенскій на Волыни монастырь и начинаетъ играть какую то не совсѣмъ ясную роль въ обращеніи въ унію Смотрицкаго. Мы видѣли, что еще въ бытность послѣдняго на Востокѣ онъ распускалъ въ народѣ слухи неблагопріятные для него, какъ для православнаго епископа; это же онъ подтверждалъ и въ своемъ „Desiderosus'ѣ“ [4]). Послѣ того Смотрицкій, уже готовый формально отречься отъ православія, поручилъ ему переводъ на польскій языкъ своей „Апологіи“ и изданіе ея. Привнесъ ли Саковичъ въ нее что-нибудь свое или нѣтъ, во всякомъ случаѣ Смотрицкій, оправдывая себя, свалилъ на него вину найденныхъ тамъ неправославныхъ мнѣній и перенесъ на его голову анаѳему кіевскаго собора 1628 г. [5]). Въ теченіе слѣдующаго десятилѣтія о Саковичѣ упоминается только однажды—въ дѣлѣ объ его попыткѣ насильно обратить въ унію одного жидичинскаго монаха, который проѣздомъ остановился въ Дубнѣ [6]). Настоятелемъ дубенскаго монастыря онъ оставался до 1639 г., когда уступилъ его ректору владимирской уніатской школы Хмѣлевскому. Актъ передачи говоритъ о добровольной, по преклонности лѣтъ, уступкѣ Саковича [7]), тѣмъ не менѣе, и авторъ „Лиѳоса“ и уніатскій писатель Пахомій Оранскій стараются доказать ея вынужденный характеръ. Но можно утверждать только то, что въ это время Саковичъ возбудилъ противъ себя уніатскія цер-

---

[1]) См. «Вѣршѣ» Саковича на смерть Сагайдачнаго съ присоединеніемъ двухъ образцовыхъ рѣчей при погребеніи (1622 г.. Перепечатаны въ прилож. къ «Ист. Кіев. акад.»). Интересно бы прослѣдить, откуда родилась басня объ изученіи Саковичемъ въ Кіевѣ турецкаго языка съ цѣлью обращать магометанъ въ христіанство (Encykł. powsz., XXII, 821).

[2]) Арх. Ю.-З. Р., I, IX, пред., 14. 15.

[3]) *Maciejowski*, o. c., III, 670. 671. Петръ Могила, прилож., 282, прим.

[4]) »Antidotum», 8. Петръ Могила, 123—126.

[5]) «Απολλεια Апологіи» (Петръ Могила, прил., 308 и слѣд.); «Протестація» Смотрицкаго (ibid., 339).

[6]) 1636 г. Арх. Ю.-З. Р., I, VI, № 294.

[7]) Чт. въ общ. Нестора лѣтоп., V. Матеріалы для исторіи зап.-русской церкви, № 12. Ср. Επανορθωσις, посвящ. Стан. Любомирскому.

ковныя власти своими нападками на греко-русскій календарь, заключавшимися въ его рукописномъ сочиненіи, съ которымъ онъ самъ познакомилъ ихъ, а также не совсѣмъ безукоризненнымъ образомъ жизни [1]).

Послѣ сдѣлки съ Хмѣлевскимъ у Саковича началась скитальческая жизнь: онъ побывалъ въ Вильнѣ, въ Дермани, Холмѣ, Владимирѣ, Супраслѣ, ведя при этомъ литературную борьбу съ православными. Къ этому времени относятся: а) „Kalendarz stary, w ktorym jawny y oczywisty błąd okazuje się około oświęcenia Paschi. У responsa na zarzuty starokalendarzan y co za pożytki Ruskiemu narodowi z przięcia nowego kalendarza, a iakie szkody z trzymania się starego, y iako sie ma rozumieć poprawa kalendarza“ (Wilno, 1640); б) „Sobor kijowski schizmaticki, przez Piotra Mohiłę złożony y odprawiony r. 1640... Z ruskiego na polski ięzyk przełożony“, съ примѣчаніями Саковича и его предостереженіемъ русскому народу (Warsz., 1641) [2]); в) „Dialog abo rozmowa Maćka z Dyonizym popem schizmatickim wileńskim o wielkieynocy Ruskiey r. 1641“ [3]); г) „O mytarstwie czyli drugiem miejscu po śmierci“ (Kr., 1641) [4]). Но воюя съ православными, Саковичъ сталъ попутно задѣвать и уніатовъ, и новыя преслѣдованія со стороны послѣднихъ подготовили его бѣгство въ католичество. Свой переходъ въ латинство, совершившійся въ Луцкѣ въ 1641 г., К. Саковичъ счелъ нужнымъ мотивировать должнымъ образомъ и въ видѣ апологіи его выпустилъ въ 1642 г. сочиненіе, въ которомъ сильно нападалъ и на православіе и на унію; послѣдняя по нему была уніей только по имени, а на дѣлѣ была той же схизмой. Сочиненіе это— „*Ἐπανορθωσις* abo Perspectiwa y obiasnienie Błędow, herezyey, y zabobonow w Greko-Ruskiey Cerkwi Dizunickiey tak w artykułach wiary, jako w administrowaniu sacramentow, y w inszych obrządkach y ceremoniach znajdujących się (Kr.). „Перспектива“ вызвала со стороны православныхъ появленіе знаменитаго „Лиѳоса“. Противъ послѣдняго Саковичъ написалъ, но не издалъ—„Oskard albo młot na skruszenie... Lithosa“, 1646 г. [5]). Еще ранѣе того, въ 1644 г, онъ напечаталъ въ Краковѣ „Okulary kalendarzowi staremu. przy ktorych y Responsa katolickie na objectie starokalendarzan są położone“... Умеръ въ 1647 г. католическимъ капланомъ.

11) *Ѳома Іевлевичъ,* послѣдній ректоръ кіевской братской школы до ея соединенія съ лаврской, былъ родомъ изъ Могилева и образованіе получилъ въ краковской академіи, какъ можно догадываться по вышедшей въ 1625 г. въ Краковѣ его брошюркѣ: „Labirint abo droga zawiolana, gdzie piękna mądrość z powinności swey P. P. Mohilowianom y im niektorym w przedsięwzięciach swych podobnym krotszą y daleko lepszą drogę pokazuie, napisana przez Thomasza Iewlewicza studenta nauk wyzwolonych. Do Bractwa mlodszego Mohilowskiego nowo poczętego,

---

[1]) Арх Ю.-З. Р., I, IX, пред., 16 и слѣд.

[2]) Перепечатанъ въ II П. Л., I. Въ 1642 г. въ Краковѣ вышло 2-ое изданіе «Собора».

[3]) *Maciejowski*, o. c., III, 671. 672.

[4]) Enc. powsz., XXII, 822

[5]) Арх. Ю.-З. Р., I, IX, пред., 133.

ku sobie cale uprzeymego“ etc. [1]). Когда онъ занялъ должность ректора въ Кіевѣ—неизвѣстно. Проф. Голубевъ полагаетъ, что въ 1628 г., тотчасъ послѣ окончанія утверждаемаго имъ ректорства М. Смотрицкаго. Оставилъ же Іевлевичъ кіевскую школу въ срединѣ февраля 1632 г. [2]).

Сильвестръ Коссовъ, Исаія Трофимовичъ и Софроній Почаскій—дѣятели могилянскаго періода западнорусской образованности, но такъ какъ они по своему первоначальному образованію и первымъ годамъ педагогической службы принадлежатъ братской школѣ, то здѣсь мы скажемъ и о каждомъ изъ нихъ.

12 и 13) *Сильвестръ Коссовъ* и *Исаія Трофимовичъ Козловскій*, окончивъ виленское училище, рѣшились „наибольшія старанія и самые тяжелые труды предпринять“, чтобы поддержать образованіе въ православномъ духѣ въ Вильнѣ, „въ томъ городѣ, изъ котораго обильные источники чистой воды истекали на всю окраину милой родины, очищая мутныя болота безбожныхъ противниковъ и другихъ сектъ“. Свою подготовку къ педагогической дѣятельности они начали въ Люблинѣ,—очевидно, въ іезуитской коллегіи [3]), и продолжали ее въ замостской академіи [4]). Но этимъ дѣло не ограничилось. Какъ видно изъ „Πατερικον'а“ Сил. Коссова, Исаія Трофимовичъ имѣлъ титулъ доктора богословія [5]). Получить его въ Замостьѣ онъ не могъ, такъ какъ тамъ до 1639 г. богословіе не преподавалось. Нужно, слѣдовательно, признать, что онъ получилъ его въ какомъ-нибудь другомъ высшемъ учебномъ заведеніи, и что къ нему и къ Коссову относится свидѣтельство послѣдняго, заключающееся въ „Exegesis'ѣ“ (1635): „тѣ, которые и теперь учатъ въ школахъ кіевскихъ и винницкихъ, произошли отъ родителей греческой вѣры и учились въ академіяхъ латинскихъ, въ Польшѣ, Литвѣ и цезарской (т. е. вѣнской)“ [6]). Возвратившись на родину, Сильвестръ и Исаія приняли въ Вильнѣ монашество [7]) и тамъ, жо, очевидно, начали свою педагогическую карьеру. Но въ 1631 г. мы уже видимъ ихъ во Львовѣ, откуда Петръ Могила перетянулъ ихъ въ свою коллегію. Въ Кіевѣ Коссовъ былъ префектомъ лаврской, а затѣмъ братско-могилянской школы, а Трофимовичъ—ректоромъ.

Дальнѣйшая судьба и дѣятельность Сильвестра Коссова была такова. Послѣ смерти могилевскаго и мстиславскаго епископа Іосифа Бобриковича въ 1634 г., онъ былъ избранъ на его мѣсто и въ качествѣ

---

[1]) *Голубевъ*, «Матеріалы для исторіи зап.-рус. церкви» (Чт. въ ист. общ. Нестора лѣтописца, V, 226, прим.).

[2]) *Голубевъ*. Ист Кіев. акад., 218. 219 и прилож., 75. 76.

[3]) Имя Люблина указано въ концѣ письма одного изъ этихъ лицъ къ І. Бобриковичу (Рук. кн. Аѳ. Мирославскаго, лл 87. 88).

[4]) На 1 л. книги Аѳ. Мирославскаго есть такая фраза: «Dilecte in Christo, fri *Silvestri Kossow. academico Zamoscien.*, si reddantur»...

[5]) «Πατερικον», 1635, 181.

[6]) *Голубевъ*, Ист. Кіев. акад., прилож., 81.

[7]) Въ своихъ запискахъ м. Петръ Могила называетъ «Исаію Трофиміуса» іеромонахомъ виленскаго братства (Арх. Ю.-З. Р., I, VII, 57). О своемъ желаніи принять монашество Коссовъ писалъ еще въ 1622 г. изъ Люблина, гдѣ, по его словамъ, онъ жилъ такъ, что только по одеждѣ отличался отъ монастырскаго образа жизни (Рук. кн. Аѳ. Мирославскаго, лл. 87. 88).

„электа“ почтилъ своего предшественника надгробнымъ словомъ, изданнымъ подъ такимъ заголовкомъ: „Cherubin przy Akcie pogrebowym przewielebnego w Bogu Oyca jego M. Oyca Iosepha Bobrykowicza, Episkopa Mscisławskiego, Orszanskiego, Mohilowskiego, Archimandrity Wilenskiego, w Cerkwi Bratskiey Wilenskiey Zeyscia Ducha ś., r. 1635 aprilis 9 dnia przez Succesora iego Wielebnego w Bogu Oyca Sylwestra Kossowa, Electa Episkopa Mscisławskiego, Orszan.: y Mohilow.: wykontersetowany, a swieżo z ruskiego na polski przełożony (1635 г.) [1]). Въ томъ же 1635 г. Коссовъ написалъ въ защиту кіевской и винницкой школъ, преподаватели которыхъ подверглись обвиненію въ ересичествѣ, свой „Exegesis“ [2]). Тогда же онъ выпустилъ въ свѣтъ „*Патерикъ* albo żywoty s.s. oycow pieczarskich“,—житія кіево-печерскихъ святыхъ, снабженныя примѣчаніями, заимствованными изъ польскихъ и другихъ историковъ, съ присоединеніемъ исторіи крещенія Руси и хронологіи кіевскихъ митрополитовъ [3]). Въ январѣ 1637 г. еп. Сильвестръ напечаталъ „Дидаскалію о 7 сакраментахъ“, представляющую изложеніе ученія о семи таинствахъ, которое онъ предложилъ духовенству своей епархіи, собранному на помѣстный соборъ 18 окт. 1636 г. въ Могилевѣ. Наконецъ, Коссову же іезуитъ Рутка приписываетъ участіе въ составленіи Лиѳоса [4]). Въ 1644 г. Коссову данъ былъ коадъюторъ въ лицѣ Іосифа Горбацкаго, который назывался „бѣлорусскимъ епископомъ“, хотя нѣкоторое время оставался въ санѣ игумена (михайловскаго, въ Кіевѣ) [5]). Въ 1647 г. Сильвестръ былъ избранъ въ митрополиты кіевскіе на мѣсто скончавшагося 1 янв. Петра Могилы и оставался имъ до самой смерти, послѣдовавшей въ 1657 г. Нужно отмѣтить, что м. Сильвестръ относился не совсѣмъ сочувственно къ московскому правительству и къ совершившемуся во время его управленія западнорусской церковью присоединенію въ Москвѣ Малой Россіи, что историки объясняютъ какъ полученнымъ Коссовымъ образованіемъ и естественнымъ отсюда тяготѣніемъ его къ польскому строю государственной и общественной жизни, такъ и опасеніемъ его потерять съ подчиненіемъ московскому патріарху ту независимость, какой онъ пользовался до того [6]).

Исаія Трофимовичъ съ ректорствомъ въ коллегіи соединялъ дятловское игуменство [7]) и оставался въ этихъ должностяхъ до 1638 г., когда получилъ отъ м. Петра Могилы, духовникомъ котораго онъ состоялъ, николо-пустынскій монастырь. Изъ внѣ-школьной его дѣятель-

---

[1]) *Голубевъ*, «Объяснительные параграфы»... (Кіев. еп. вѣд.. 1894, 69).

[2]) Отрывки изъ «Exegesis'a» напечатаны проф. Голубевымъ въ Кіев. еп. вѣд.. 1874 г., №№ 16—20, прилож., и въ Ист. Кіев. акад., прилож., № 12.

[3]) Въ 1661 г. вышло второе изданіе Коссовскаго Патерика на русскомъ языкѣ и съ нѣкоторыми дополненіями и измѣненіями (*Чистовичъ*, Очеркъ ист. Зап.-рус. церкви, II, 132).

[4]) *М. Макарій*, XI, 530 и 602.

[5]) А. З. Р., V, № 19. II. К. К., II, № 12, стр. 176. *М. Макарій*, XI, 532.

[6]) *Соловьевъ*, Исторія Россіи, изд. II, кн. IV, 1639—1643 ст.. *Чистовичъ*, о. с., II, 132—135.

[7]) Петръ Могила, прилож., № 89.

ности заслуживаютъ упоминанія поѣздка его въ началѣ 1633 г. въ Константинополь для испрошенія у п. Кирилла Лукариса благословенной грамоты на посвященіе Петра Могилы въ кіевскіе митрополиты [1]), участіе въ отнятіи у уніатовъ кіево-софійскаго собора и въ дѣйствіяхъ кіевскаго собора 1640 г. [2]). Въ началѣ его Трофимовичъ держалъ рѣчь о причинахъ созванія собора и затѣмъ, вѣроятно, очень много содѣйствовалъ разрѣшенію догматическихъ вопросовъ, возникавшихъ при чтеніи катихизиса, составленнаго предъ соборомъ, почему м. Петръ Могила въ одномъ изъ засѣданій предложилъ признать его докторомъ богословія [3]). Въ послѣднемъ обстоятельствѣ м. Макарій видитъ доказательство того, что означенный катихизисъ, или извѣстное „Православное исповѣданіе каѳолической и апостольской церкви восточной", былъ составленъ Исаіей именно, недоумѣвая въ противномъ случаѣ, за что могло быть дано ему ученое званіе доктора, такъ какъ никакихъ другихъ богословскихъ трудовъ у Козловскаго не было. Ему, разсуждаетъ просв. Макарій, какъ лучшему православному богослову, „доктору богословія", по аттестаціи Коссова, м. Могила и поручилъ составленіе катихизиса [4]). Правдоподобнѣе представляется намъ старое мнѣніе, признающее авторомъ катихизиса самого Могилу. Г. Червяковскій, ставшій на его сторону, весьма основательно доказываетъ, что и при этомъ предложеніе м. Петра не должно казаться страннымъ: богословскія познанія Исаіи Трофимовича достаточно могли обнаружиться какъ въ участіи его въ разрѣшеніи богословскихъ вопросовъ на самомъ соборѣ, такъ и въ написанномъ имъ монастырскомъ уставѣ, который былъ тогда же читанъ [5]). Но согласился соборъ съ предложеніемъ митрополита или нѣтъ, во всякомъ случаѣ Трофимовичу именно принадлежитъ честь перваго русскаго доктора богословія [6]), какъ Скоринѣ—перваго русскаго доктора философіи и медицины. Послѣ собора Исаія ѣздилъ вмѣстѣ съ Іосифомъ Кононовичемъ Горбацкимъ, ректоромъ коллегіи, и Игнатіемъ Оксеновичемъ—Старушичемъ въ Яссы на соборъ, созванный тамъ молдавскимъ господаремъ Василіемъ Лупулой для сужденія о кальвинскомъ катихизисѣ п. Кирилла Лукариса; туда же онъ повезъ и „Православное исповѣданіе". Умеръ онъ въ 1651 г. [7]).

14) О Софроніи Почаскомъ можно сказать немного. Учился онъ, безъ сомнѣнія, въ кіевской братской школѣ. Въ числѣ тѣхъ 20-ти учениковъ ея, которые восхваляли при погребеніи заслуги и добродѣтели гетмана Сагайдачнаго, его фамилія стоитъ первою. Послѣ этого онъ продолжалъ, кажется, свое образованіе за границей—самъ ли, или по

---

[1]) Петръ Могила, I, 543. Охранная грамота Владислава IV для проѣзда къ Константинополь дана была Исаіи Трофимовичу и настоятелю кирилловскаго монастыря Леонтію 12 ноября 1632 г. (Кіев. епарх. вѣд., 1893, 286).

[2]) Πατερικον, 181. *М. Макарій*, XI, 496. Тр. Кіев. дух. акад., 1895, дек., 592. 593.

[3]) П. П. Л., I, 28. 29.

[4]) *М. Макарій*, XI, 590. 591.

[5]) *Е. Червяковскій*, «Римскій Катихизисъ и православное исповѣданіе Петра Могилы», 37. 38 (Оттискъ изъ Холмско-варшав. епарх. вѣстн., 1889 г.).

[6]) Вѣроятно, объ этомъ фактѣ не зналъ прот. С. Смирновъ, приписывающій эту часть Палладію Роговскому (Приб. къ изд. Твореній св. отцовъ, 1883, ч. XXXII, 269).

[7]) *М. Макарій*, XI, 591. 592.

иниціативѣ Петра Могилы, и въ лаврской школѣ преподавалъ въ 163½ уч. году риторику съ поэтикой [1]). Оттуда онъ перешелъ, конечно, и въ братскую школу и въ 1638 г. сдѣлался здѣсь ректоромъ и братскимъ игуменомъ. Къ его ректорству относится попытка завязать ученo- богословскія сношенія съ константинопольской школой, памятникомъ чего является догматическое посланіе ректора патріаршей школы Ѳеофила Коридалея къ „Софронію Почаскому, прежде ректору кіевской коллегіи, теперь же—игумену молдавскому ясскому“ [2]). Изъ Яссъ Почаскій въ 1641 г. ѣздилъ въ Львовъ по порученію господаря Василія Лупулы, который просилъ у тамошняго братства типографскихъ принадлежностей [3]). Перу Почаскаго принадлежитъ „Евхаристиріонъ“, поднесенный Петру Могилѣ въ Пасху 1632 г.

Остальные преподаватели и даже ректора братскихъ школъ или оставили по себѣ самые незначительные слѣды своей педагогической дѣятельности, или даже извѣстны только по однимъ именамъ. Поэтому говорить о нихъ здѣсь—значило бы повторять ихъ названія [4]).

Наконецъ, мы готовы были бы признать, что съ учительства начинали свое служеніе церкви, какъ это было и въ другихъ исповѣданіяхъ, многочисленные члены львовскаго, виленскаго, кіевскаго и другихъ учено-издательскихъ кружковъ и всѣ наши выдающіеся писатели, въ родѣ архидіакона Виталія, котораго Захарія Копыстенскій называетъ „учителемъ и любомудрецомъ“ [5]) и о которомъ въ евьевскомъ изданіи „Діоптры“ говорится, что онъ „перло наукъ боговдохновенныхъ Вкуплю житія своего набывши, проповѣди слова Божого обралъ (избралъ) себѣ катедру“, Памвы Берынды, Захаріи Копыстенскаго, Тарасія Левоновича Земки, Тимоѳея Александровича, Іосифа Кирилловича, Андрея Мужиловскаго... Но и въ такомъ случаѣ ихъ имена принадлежатъ болѣе исторіи западно-русской литературы, чѣмъ исторіи педагогіи.

---

[1]) Ист. Кіев. академіи, прилож., 21. 76. 77.

[2]) *Н. Петровъ*, «Кіевская академія во второй половинѣ XVII ст.» (Тр. Кіев. дух. акад., 1895, дек., 596. 597). Коридалей, аѳинянинъ родомъ, изучавшій въ Римѣ энциклопедію и въ Падуѣ—философію, былъ приглашенъ въ ректора константинопольской школы п. Кирилломъ Лукарисомъ въ 1626 г. (Bibliographie Hellénique s. XVII, t. I, №№ 143, 144, 289. Чтенія въ обществѣ любителей дух. просвѣщенія. 1884, 548).

[3]) Supplem., № 200. Bibliogr. Hellén. s. XVII, t. IV, p. 117.

[4]) Мы можемъ только дополнить здѣсь списокъ кіевскихъ братскихъ бакаларовъ магистромъ Алексѣемъ Ивашковскимъ, который, впрочемъ, автору «Indicium'a» извѣстенъ болѣе, какъ развратникъ, наполнившій блудодѣяніемъ весь Кіевъ и бѣжавшій въ унію. *Головацкій*, «Библіографическія находки во Львовѣ» (Зап. Имп.акад. наукъ, XXII, прилож., № 4, стр. 8).

[5]) П. И. Л., I, 913.

ГЛАВА XII.

Общій характеръ, учебная программа, учебники и устройство братскихъ школъ.

Вопросъ о происхожденіи и характерѣ дидактики и педагогики нашихъ браткихъ школъ, какъ и всей западнорусской образованности въ періодъ времени отъ 1584 по 1633 г., не принадлежитъ къ числу вопросовъ, на которые можетъ быть только одинъ отвѣтъ. И это потому, во первыхъ, что въ періодъ устройства этихъ училищъ западная Русь подвержена была самымъ разнообразнымъ школьнымъ вліяніямъ, и во вторыхъ, потому, что исторія не сохранила какихъ нибудь неопровержимыхъ свидѣтельствъ о томъ, что наши братства позаимствовались уставами именно этого, а не другихъ изъ прежде существовавшихъ училищъ. Въ силу этихъ обстоятельствъ такъ противоположны рѣшенія даннаго вопроса, предлагаемыя нашей исторической литературой. Большинство историковъ настаиваютъ на томъ, что школьная западнорусская наука и образованность въ этотъ періодъ, въ отличіе отъ послѣдующаго времени, носили строгій греко-славянскій характеръ, что самые „порядки школьные, характеризующіе воспитательную часть", были сходны съ порядками нѣкоторыхъ греческихъ училищъ (наприм., венеціанскаго братскаго),—однимъ словомъ, это большинство находятъ, что Греція, давъ намъ первыхъ учителей, дала вмѣстѣ съ ними „и всѣ начала православнаго образованія и воспитанія" [1]. Другіе же склонны переносить на нихъ черты науки и образованности западной, латинской. Г. Кулишъ, напр., ставитъ наше умственное движеніе въ концѣ XVI и въ XVII в. въ прямую связь съ схоластическимъ богословствованіемъ среднихъ вѣковъ, характеризуя его отрѣшенностью отъ

---

[1]) *Проф. Малышевскій*, Мелетій Пигасъ, I, 471; *Бедрицкій*—Мин. епарх. вѣдомости, 1888 г., 124; *Архим. Сергій*—«Греческія школы (преимущественно средневѣковыя) и наши братскія и церковно-приходскія» (Хр. чт., 1888, I, 704—707).

жизни и цѣлей гражданственности, невѣжественностью по части исторіи, физики и философіи, а школьные порядки сближаетъ съ таковыми же протестантскихъ училищъ, которымъ наши „во всемъ подражали“ [1]). Иные, въ противоположность Г. Кулишу, доказываютъ, что наши наука и литература въ данное время были совершенно чужды схоластическихъ тонкостей средневѣковой учености и характеризовались наклонностью къ изученію проявленій древняго генія по греческимъ первоисточникамъ и къ реальному направленію. Источникъ такихъ именно свойствъ ихъ эти изслѣдователи находятъ въ протестантскихъ западнорусскихъ и западно-европейскихъ училищахъ, у которыхъ наши братскія школы, вслѣдъ за острожской, позаимствовали будто бы и направленіе, и курсъ наукъ, и методъ преподаванія, и классную дисциплину, и вообще весь педагогическій строй [2]). Наконецъ, нѣкоторые соединяютъ оба школьныя вліянія—латинское и греческое и утверждаютъ, что наши братскія училища устроились по типу и программѣ школъ семи свободныхъ искусствъ, потому что наши первые учителя—греки приходили къ намъ съ тѣми понятіями объ образованіи юношества, съ какими познакомились въ западной Европѣ, откуда и Польша переняла свое школьное ученіе [3]).

При сужденіи о происхожденіи строя нашихъ братскихъ училищъ (острожское мы оставляемъ въ сторонѣ, такъ какъ и исторія его зарожденія не достаточно выяснена, и характеръ его не вполнѣ опредѣленъ) и направленіи учебной дѣятельности считаемъ болѣе удобнымъ отдѣльно говорить о сторонѣ образовательной и отдѣльно—о воспитательной.

Ключъ къ рѣшенію вопроса о томъ, откуда наши школы взяли дидактическую часть своего устава, находимъ какъ въ самомъ названіи ихъ, такъ и въ обстоятельствахъ ихъ появленія. Мы не разъ отмѣчали эпитетъ „греко-словенскій“ въ приложеніи къ нашимъ первоначальнымъ братскимъ училищамъ. Это названіе обозначаетъ не только то, что здѣсь преподавались греческій и славянскій языки (такъ называются они и послѣ, когда въ программу ихъ введены были и другіе языки—латинскій, польскій),—оно даетъ понять, что здѣсь и самое преподаваніе велось по славянски и по гречески. И, дѣйствительно, дошедшіе до насъ братскіе учебники всѣ написаны на славянскомъ (или русскомъ) языкѣ или на славянскомъ и греческомъ (Львовская грамматика 1588—1591 г.). Точно также и отъ учениковъ требовалось говорить только на этихъ языкахъ. Но въ названіи „греко-славянская школа“ содержится и другой, болѣе глубокій смыслъ: оно означаетъ, что вся программа, вся

---

[1]) *Кулишъ*, Исторія возсоединенія Руси, III, 111—113, 120, 121.

[2]) *Соколовъ*, Отношеніе протестантизма къ Россіи въ XVI—XVII вв., 408—410, 418 и слѣд.. *Ѳ. Ильинскій*, «Юго-зап. русское общество и его умственное и религіозно-нравственное состояніе въ концѣ XVI и въ первой половинѣ XVII ст.» (Вол. еп. вѣд., 1891, 819—821; ср. 1893, 966. 967).

[3]) *Лебедевъ Ст.*, Историко-критическое разсужденіе о степени вліянія Польши на языкъ и устройство училищъ въ Россіи (1848, СПБ.), 50. 51.

система училищныхъ порядковъ была проникнута духомъ греческо-славянскимъ, въ противоположность школамъ латинскимъ, что здѣсь все основано было на началахъ православной, восточной старины, — все, начиная съ славянской азбуки и кончая философіей отцовъ восточной церкви съ Іоанномъ Дамаскинымъ включительно. И этому нисколько не противорѣчитъ то, что уже съ первыхъ годовъ существованія братскихъ школъ въ ихъ программахъ видны элементы системы семи свободныхъ наукъ, которая составляла самую суть образованія въ польско-европейскихъ училищахъ. Не противорѣчитъ потому, что науки trivium'a и quadrivium'a были необходимыми элементами образованія и въ Греціи; ихъ знали языческіе ученые и ихъ приняла христіанская школа, которая и удержала ихъ до XVI вѣка и далѣе [1]).

Но послѣднее обстоятельство, т. е. сходство въ программахъ между греческими и латинскими школами, затрудняетъ рѣшеніе вопроса, заставляя изслѣдователя судить о вещахъ не по однимъ уже названіямъ, на и по существу. Если бы рѣчь шла только о названіи и общемъ содержаніи учебныхъ предметовъ, вошедшихъ въ курсъ братскихъ школъ, нельзя было бы и допытываться, откуда именно братства заимствовали свою программу: въ концѣ XVI вѣка въ западной Европѣ идея обязательности для школъ системы семи свободныхъ наукъ носилась, такъ сказать, въ воздухѣ, и возможно, что онѣ включены были въ программу только по молчаливому соглашенію тѣхъ лицъ, кто взялъ въ свои руки дѣло просвѣщенія православныхъ массъ, безъ всякихъ справокъ о томъ, что онѣ преподаются тамъ то и тамъ-то. Доискиваться, откуда онѣ перешли къ намъ, было бы такъ же странно, какъ допытываться въ наше время, изъ программы какихъ школъ — министерскихъ ли или земскихъ или церковно-приходскихъ — вошли въ курсъ такого-то частнаго училища Законъ Божій, русскій языкъ, ариѳметика, чистописаніе. Но когда приходится принять во вниманіе подробности содержанія, способъ трактованія учебныхъ предметовъ, учебники, по которымъ они излагались,—тогда опять мы склоняемся къ убѣжденію, что все это заимствовано было съ Востока и подъ его непосредственнымъ воздѣйствіемъ. Съ этимъ легко согласиться, если вспомнимъ, что потребность просвѣщенія въ западнорусскомъ обществѣ была вызвана главнымъ образомъ опасеніемъ за цѣлость и чистоту православія. Такъ какъ „латинская наука“ представлялась опасной для послѣдняго, будучи преподаваема въ стѣнахъ католическихъ и протестантскихъ учебныхъ заведеній, то тѣмъ менѣе она могла казаться невинной, буду-

---

[1]) Въ 1561 г. п. Іоасафъ извѣщалъ царя Ивана Васильевича, что въ патріаршей константинопольской школѣ, кромѣ «мудрыхъ мужей философовъ, суть и иные учители: витіи, сирѣчь риторическое ученіе, піитика, сирѣчь творительное, и грамматика и мусики ученіе» (Сношенія Россіи съ Востокомъ по дѣламъ церковнымъ, I, 108). Грамматикѣ, піитикѣ и риторикѣ учился и Арсеній елассонскій въ триккской школѣ, какъ видно изъ его житія (Тр. Кіев. дух. акад., 1898, янв., 8. 9). Затѣмъ, изъ письма Герлаха (1576 г.) извѣстно, что Зигомала преподавалъ въ патріаршей школѣ діалектику, риторику, ѳеику... (Σαθα, о. с., 45, прим. 1).

чи цѣликомъ пересажена въ православныя школы. Въ такомъ видѣ она представлялась гибельной не только для аскетовъ въ родѣ Іоанна Вышенскаго, но и для людей съ болѣе свободными взглядами. Спасеніе отъ опасности, думали они, не на Западѣ, а на Востокѣ. Какъ разъ предъ этимъ временемъ оживлены были сношенія съ Греціей, а счастливый пріѣздъ п. Іоакима и архіеп. Арсенія елассонскаго оформилъ стремленія львовянъ къ образованію, давъ имъ именно греческое направленіе.

Что крестнымъ, такъ сказать, отцомъ западнорусскаго школьнаго просвѣщенія былъ не кто другой, какъ Арсеній, въ этомъ для насъ нѣтъ сомнѣнія. Является только вопросъ, не былъ ли онъ самъ воспитанникомъ западно-европейскихъ университетовъ. Но онъ можетъ быть рѣшенъ, какъ намъ кажется, въ отрицательномъ смыслѣ. Выше высказано нами предположеніе, что авторомъ „Проекта образованія", сохранившагося въ архивѣ львовской ставропигіи на греческомъ языкѣ [1]), былъ архіепископъ Арсеній. Въ началѣ этого документа говорится, что львовскіе граждане, побуждаемые ревностью по Богѣ, премудрость возлюбили и большое усердіе и любовь обнаруживаютъ къ мудрости и изученію греческихъ письменъ (хотя сами по языку и алфавиту отъ природы славяне), почему и училище воздвигли и желаютъ съ Богомъ начать ученіе, и всѣ съ готовностью хотятъ слушать, каковы должны быть дѣятельность и направленіе школы (*οἵαν πολιτείαν διάγει τὸ σχολεῖον*) и какой плодъ можно получить послѣ трудовъ... Судя по этому замѣчанію автора „Проекта", послѣдній можно смѣло отнести ко времени возникновенія школы во Львовѣ, когда зданіе училища было уже готово и дѣло стояло только за опытнымъ и авторитетнымъ руководителемъ [2]). Исторія сохранила намъ имя одного только грека, который явился въ 1586 г. кандидатомъ на такую должность и получилъ ее. Это—архіеп. елассонскій Арсеній. Но какіе педагогическіе взгляды проводитъ въ своей программѣ Арсеній и на чьемъ авторитетѣ основываетъ ихъ? На авторитетѣ учебной традиціи греческой церкви. Арсеній заявляетъ, что онъ будетъ учить такъ, „*какъ* самъ научился отъ своего учителя, мудрѣйшаго киръ Дамаскина, митрополита навпактскаго и артскаго [3]), и отъ мудрѣйшаго Матвѣя [4]), мужей добродѣтельныхъ (*εναρέτων*) и православныхъ, и отъ вселенской великой Христовой церкви, въ патріаршество святѣйшаго киръ-Іереміи". Что касается самого п. Іереміи, немало повліявшаго на развитіе просвѣщенія въ Греціи, то о немъ современникъ его и учитель Іероѳей, митрополитъ монемвасійскій,

---

[1]) Diplomata statuaria, № 5; id. *Крыловскій*, Акты, № 172.

[2]) На этомъ то, вѣроятно, основаніи и г. Крыловскій помѣтилъ документъ 1586 годомъ.

[3]) Митрополитъ навпактскій и артскій Дамаскинъ Студитъ—авторъ нѣсколькихъ историческихъ трудовъ: «О патріархахъ константинопольскихъ», «Политическая исторія Константинополя» (1391—1578), «Историческое сочиненіе (Βιβλιον ἱστορικόν»). *Лебедевъ А. П.* Исторія Греко-восточной церкви подъ властію турокъ, т. I, стр. 35—40. 43—45.

[4]) Монахъ Матвѣй, учитель триккской школы въ ларисской епархіи, привлекавшій сюда множество юношей (Тр. Кіев. дух.акад., 1898, янв., 8. 9).

говоритъ, что онъ учился у монемвасійскаго (у Іерофея?), у терновскаго Арсенія, у навпактскаго Дамаскина и позднѣе—у Матвѣя критскаго, который былъ ученикомъ Арсенія терновскаго [1]). Тотъ же Іерофей монемвасійскій даетъ возможность итти и дальше въ отысканіи источника того учебно-воспитательнаго плана, какой представилъ львовскому братству Арсеній елассонскій. Въ патріаршество Діонисія (1544—1552), говоритъ онъ, былъ въ Константинополѣ нѣкій великій риторъ Ѳома (въ монашествѣ Ѳеофанъ), еженедѣльно учившій народъ въ церкви и имѣвшій многихъ удивительныхъ учениковъ,—Ѳеону ѳеесалоникійскаго, Арсенія терновскаго, Дамаскина навпактскаго и артскаго, Меѳодія меленикскаго, Іерофея монемвасійскаго и др. Такимъ образомъ, рядъ учителей Арсенія возводится къ Ѳомѣ, который былъ проповѣдникомъ и частнымъ наставникомъ взрослыхъ [2]). Но нигдѣ нѣтъ ни малѣйшаго указанія, чтобъ онъ самъ или кто-нибудь изъ его учениковъ, начиная съ Ѳеоны и кончая Арсеніемъ елассонскимъ, путешествовалъ на Западъ для довершенія образованія. Правда, п. Діонисій сдѣлалъ было попытку сблизить константинопольскую школу съ западной наукой, поручивъ ее завѣдыванію Михаила (въ монашествѣ Гормодора) Листарха, грека, учившагося въ римской гимназіи Яноса Ласкариса и въ феррарскомъ университетѣ, а затѣмъ учительствовавшаго въ первой. Но, во 1-хъ, Листархъ скоро оставилъ ректорство, по случаю смутъ въ патріархіи, наступившихъ въ концѣ управленія церковью Діонисія, а во 2-хъ, мы не находимъ никакихъ слѣдовъ вліянія его или просто сношеній его съ Ѳеофаномъ, или съ его учениками [3]).

Итакъ, наши братскія школы, въ моментъ своего появленія на свѣтъ, получили науку греческую. Греческія именно и грамматику, и діалектику, и риторику предстояло изучать ихъ первымъ воспитанникамъ; къ этому подготовляла, впрочемъ, и предшествовавшая исторія нашего школьнаго образованія, отрывки изъ которой представляютъ біографія кн. Курбскаго и автобіографическая записка іерод. Іоакима. Но, конечно, не исключительно греческими стали наши братскія училища: они были греко-*славянскими*. Въ нихъ изучался тотъ же курсъ „славянскихъ наукъ“, какой проходился въ нашихъ церковно-приходскихъ школахъ: азбука, грамматика, часословъ и псалтирь съ другими богослужебными книгами, церковное пѣніе,—вообще все то, что и до того изучалось въ „правовѣрной“, по Вышенскому, школѣ, и съ этой точки зрѣнія можно утверждать связь братскихъ школъ съ приходскими [4]).

---

[1]) Σαθα, ο. c., Παράρτημα: Απόπασμα ἐκ τοῦ χρονογράφου Δωροθέου Μονεμβασίας, σ. 9. *Лебедевъ*, о. с., 222. Авторомъ такъ называемаго Хронографа Дорофеева былъ не Дорофей, а Іерофей, митрополитъ монемвасійскій, списавшій свою исторію у Дамаскина Студита и дополнившій ее повѣствованіемъ о событіяхъ своего времени, между прочимъ о поѣздкѣ въ Москву п. Іереміи II. (*Лебедевъ*, о. с., 5. 6, 43—46)

[2]) Σαθα, Παράρτημα, 6; ср. Βιογραφικὸν σχεδίασμα 4. *Малышевскій*, Мелетій Пигасъ, I, 58. 59.

[3]) Мелетій Пигасъ, I, 57—59.

[4]) *Владимирскій-Будановъ*, Государство и народное образованіе въ Россіи (Ж. М. Н. Пр., 1874, апр., 256—258).

Всѣ наши братства, за исключеніемъ виленскаго и могилевскаго, на первыхъ порахъ обзаводились школами греко-славянскими въ самомъ строгомъ смыслѣ слова. Но мы никакъ не беремся утверждать, что такой характеръ эти школы сохранили до самаго конца періода, т. е. до 1633 г. Наши братства въ то время были слишкомъ живой силой и не могли допустить рутины въ школьномъ дѣлѣ. Очень чуткія къ потребностямъ времени, они постоянно вводили въ курсъ школы новыя дополненія и перемѣны. Какъ скоро они замѣтили, что въ такомъ государствѣ, какъ Польша, нельзя обойтись безъ знанія латинскаго и польскаго языковъ, они присоединили и ихъ къ своей программѣ. Увидѣли они, что діалектика и риторика византійскія не много могутъ въ Польшѣ, и мало-по-малу въ наши школы проникаютъ польско-европейскіе учебники этихъ предметовъ. Когда братства увидѣли, что русское церковное пѣніе, при немузыкальности своей лишавшее смысла самое содержаніе пѣснопѣній, какъ пѣніе хомовое, не въ силахъ бороться съ вліяніемъ латинопротестантскихъ „партесовъ“, они ввели новое, искуственное пѣніе, которое суровый ригористъ Вышенскій назвалъ „вавилонскими страстями музыки“ [1]). Конечно, постановка всѣхъ этихъ предметовъ была такая, что не дозволяла проникнуть въ наши школы духу неправославія. И въ содержаніи преподаваемаго, и въ методахъ и пріемахъ не было ничего, что могло бы набросить тѣнь на чистоту православія, даже когда учителями были иновѣрцы. Суть дѣла была только въ перемѣщеніи центра тяжести съ греческой и церковно-славянской литературы на латинскую и свѣтскую, въ предпочтеніи „машкарниковъ Аристотелевъ и Платоновъ“ отцамъ и „плачивымъ охтаикамъ“, въ нѣкоторомъ уменьшеніи духа церковности, т. е. въ томъ именно, что успѣлъ замѣтить въ львовской школѣ Іоаннъ Вышенскій въ свой пріѣздъ въ западную Россію [2]). Понятно, что ознакомленіе воспитанниковъ съ иновѣрными догматами и мнѣніями могло поколебать въ иныхъ изъ нихъ ихъ православныя религіозныя убѣжденія, но въ массѣ молодежи новое направленіе преподаванія не только укрѣпляло эти убѣжденія путемъ сравненія и критики, но и научало защищать ихъ отъ нападковъ враговъ православія.

Такимъ образомъ, наши братскія школы въ изслѣдуемый нами періодъ времени не носили одного опредѣленнаго характера,—онѣ не были ни исключительно греческими, ни исключительно латинскими. Нельзя рѣшительно противополагать ихъ школамъ слѣдующаго періода, школамъ типа могилянской коллегіи, какъ это обыкновенно дѣлаютъ, но нельзя и отвергать, подобно г. Пыпину, всякое сходство ихъ съ греческими [3]). Трудно сказать, когда именно совершился переходъ отъ греческаго типа ихъ къ латинскому. Каждая школа уже въ нашъ періодъ прошла двѣ стадіи своего развитія: сначала она существовала,

---

[1]) Петръ Могила, прилож., стр. 73.

[2]) Арх. Ю.-З. Р., I, VII, 28. 29.

[3]) Г. Пыпинъ готовъ совершенно отрицать греческое школьное вліяніе на нашу образованность и братскія школы, для которыхъ, по нему, только и былъ одинъ образецъ предъ глазами—латинскія, католическія училища (Послѣднія времена московской Россіи, Вѣстн. Евр., 1894 г., т. V, 764—766).

какъ школа греко-славянская, потомъ постепенно сближалась съ латино-польскою, причемъ это сближеніе заходило порой очень далеко. Случалось также, что въ нѣкоторыхъ школахъ происходило вновь оживленіе греческаго вліянія, и онѣ становились ближе къ типу греко-славянскаго училища, чѣмъ латино-польскаго (такъ было во Львовѣ, насколько можно судить объ этомъ по составу каталоговъ братской библіотеки). А иногда латинскій и польскій языки сразу вводились въ программу, оттѣсняя даже греческій языкъ, какъ это было въ Вильнѣ, гдѣ на первыхъ порахъ не нашлось преподавателя послѣдняго и гдѣ впослѣдствіи изъ пяти классовъ только въ двухъ изучались славянскій и греческій языки, а въ остальныхъ трехъ читалась „латинская наука“. Тоже была и въ кіевской школѣ предъ 1630 г. Отсюда не труденъ и естественъ былъ тотъ шагъ, какой сдѣлалъ Петръ Могила, устроившій училище съ преподаваніемъ на латинскомъ и польскомъ языкахъ, и какой пыталось было сдѣлать пинское братство. — Исторія постановки каждаго отдѣльнаго предмета братской программы подтверждаетъ мысль о постепенности сближенія нашей школы съ западной наукой, не давая однако опредѣленныхъ указаній относительно времени.

Параллельно съ этимъ шло и сближеніе западнорусской литературы съ польско-латинской. Оно обнаружилось прежде всего въ томъ, что наши полемисты стали писать на польскомъ языкѣ и пользоваться европейскими изданіями св. отцовъ, соборовъ и латино-протестантскими сочиненіями, а затѣмъ выразилось и въ самомъ способѣ трактованія темы, во внесеніи въ церковно-богословскія сочиненія предметовъ постороннихъ, свѣтскихъ, и, наконецъ, даже въ нѣкоторомъ прираженіи нашихъ писателей къ неправославному образу мыслей, не только относительно обрядовой стороны, но и догматической. Въ протестантствѣ латино-уніаты винили Стефана Зизанія, „Острожскаго клирика“, „Ѳеофила Ортолога“, и православные не особенно рѣшительно опровергали эти обвиненія. Обвиненію въ латинствѣ же и въ искаженіи православія латинскою ученостью подвергались два другіе братскіе ученые—Кириллъ Транквилліонъ и Лаврентій Зизаній, и послѣднихъ заподозрила въ симпатіяхъ къ латинству не только Москва, но и западная Русь.

Болѣе устойчивости и опредѣленности представляютъ начала братской педагогики, нашедшія себѣ отображеніе въ „Порядкѣ школы“ львовской, составленномъ въ 1586 г. Цѣль воспитанія дѣтей и сущность воспитательной системы всего яснѣе высказаны въ § 14 этого Порядка. „По вечерни в субботу маетъ дидаскалъ зъ дѣтьми намовлятися (бесѣдовать) часъ немалый больше ниж въ дни иные, оучачи ихъ страху Божіему и обычаемъ встыдливымъ младенческимъ яко маютъ быти въ церкви противъ Богу, дома противъ родичовъ своихъ, и инде инымъ, цноту (добродѣтель) и встыдъ заховывати, Богу мовлю и его святымъ честь и страхъ, родичови и дидаскалови послушенство, посполите (вообще) противъ всѣмъ покору и уваженіе, собѣ самому встыд и цноту“. Такого справедливаго, чисто-нравственнаго отношенія ко всѣмъ людямъ, такого гармоничнаго сочетанія „покоры“ съ сознаніемъ собственнаго достоинства, при руководствѣ страха Божія, — такихъ воспитательныхъ принциповъ или, по крайней мѣрѣ, столь ясно выраженныхъ, не находимъ въ

уставахъ школъ ни католическихъ, въ частности іезуитскихъ, ни протестантскихъ. Происхожденія ихъ надо искать въ другомъ мѣстѣ, т. е. на Востокѣ, гдѣ эти принципы были началами воспитанія не только школьнаго, но и общецерковнаго. И тѣмъ естественнѣе признать греческое происхожденіе ихъ въ нашихъ школахъ, что онѣ оттуда же заимствовали и дидактическую сторону своего устава. Было бы странно предполагать въ львовскихъ братчикахъ въ моментъ учрежденія ими школы колебаніе и раздвоеніе между восточными и западными педагогическими вліяніями. И, дѣйствительно, можно усмотрѣть выраженіе этихъ же педагогическихъ принциповъ въ „планѣ“ архіеп. Арсенія. „Начало премудрости страхъ Божій“, такъ начинается онъ... затѣмъ Арсеній предлагаетъ—„учить дѣтей прежде всего вышней философіи страха Божія (*τὴν ἄνω φιλοσοφίαν τοῦ τοῦ Θεοῦ φόβου*), какъ и Христосъ сказалъ: „ищите прежде царствія Божія и прочая вся приложатся вамъ“; во вторыхъ, надлежащей любви и почтенію (*εὐλάβειαν*) къ собственнымъ родителямъ и ко всѣмъ старшимъ и къ братьямъ по благовѣствованію Христову“. Львовское братство само заявило о родствѣ или тожествѣ своей педагогики съ греческой, издавъ въ 1609 г. не какое-либо европейское педагогическое сочиненіе, а—„О воспитаніи чадъ“ св. Іоанна Златоустаго [1]).

Не такъ легко выяснить, откуда заимствованы братствами подробности учебно-воспитательнаго плана. Въ Планѣ самого Арсенія мы находимъ ихъ очень немного, да и то такія, которыя были извѣстны и западной школѣ („протосхолы“, т. е. первые ученики-помощники наставника, субботнія репетиціи, письменныя упражненія). Въ „Порядкѣ“ же львовской школы можно съ одинаковымъ вѣроятіемъ усматривать педагогическія воззрѣнія какъ Арсенія, такъ и львовянъ, которые только предложили Арсенію обсудить ихъ и формулировать. И въ данномъ случаѣ мы тѣмъ затруднительнѣе чувствуемъ себя, что намъ почти ничего не извѣстно объ устройствѣ греческихъ школъ XVI в. Конечно, о немъ можно было бы судить по порядкамъ греческихъ школъ конца XVII или начала XVIII ст., на что даетъ нѣкоторое право консерватизмъ грековъ. Но извѣстія и изъ этого времени такъ небогаты, что начинаешь думать, что у грековъ не было подробно выработанной системы дидактическихъ и педагогическихъ пріемовъ и что, слѣдовательно, крайняя простота характеризовала школьныя отношенія въ Греціи и въ концѣ XVI вѣка [2]). Остается, такимъ образомъ, допустить, что „Порядокъ школьный“ выработанъ на мѣстѣ, въ Львовѣ, совокупными усиліями Арсенія и братчиковъ и выработанъ съ большой осмысленностью, продуманностью и соображеніемъ всѣхъ частей его съ Священнымъ Писаніемъ, цитатами изъ котораго (не всегда, правда, идущими къ дѣлу) подтвер-

---

[1]) «Иже въ Святыхъ отца нашего Іоанна Златоустаго. Бесѣда избранная о въспитаніи чадъ». Кромѣ бесѣды здѣсь помѣщены нѣкоторыя изреченія св. Василія Вел. и Ливанія софиста (*Голубевъ*, Ист. Кіев. акад., 211, прим.)

[2]) О греческихъ школахъ конца XVII и начала XVIII ст можно читать у *Александра Геладія* въ Status praesens Ecclesiae Graecae, 1714. (Прав. обозр., 1872, I, 725—730; Христ. чт., 1888, I, 701—703).

ждается всякій параграфъ его. Но ни духъ всего учебно-воспитательнаго плана, ни отношенія къ латинянамъ не могли мѣшать львовянамъ включить въ свой „Порядокъ школьный“ что нибудь изъ ихъ уставовъ. Правила іезуитскихъ школъ едва ли были въ то время близко знакомы львовскимъ братчикамъ, но за то послѣдніе хорошо знали порядки школъ каѳедральныхъ, въ одной изъ которыхъ (въ львовской), вѣроятно, многіе изъ нихъ сами учились. Отсюда то они могли позаимствовать въ свой „Порядокъ“ такія подробности, какъ оставленіе за учениками права просить милостыню (§ 5), диспуты въ области словаря (§ 11), наказаніе дѣтей по субботамъ (§ 14), чтеніе апостола и евангелія въ воскресеніе и праздничные дни и толкованіе ихъ (§ 15). Впослѣдствіи въ жизнь братскихъ школъ могли войти еще новыя черты изъ уставовъ училищъ іезуитскихъ, какъ видимъ это отчасти въ Луцкѣ, или протестантскихъ, что могло легко случиться въ Вильнѣ, при дружескихъ отношеніяхъ тамошняго братства къ кальвинистамъ и при пополненіи преподавательскаго персонала „нѣмцами“.

Въ такомъ видѣ представляется намъ общій характеръ учебно-воспитательной системы братскихъ школъ.

Учебные предметы.

Главное мѣсто въ программахъ братскихъ школъ занялъ *славянскій языкъ*, что обусловливалось и уменьшеніемъ знакомства съ нимъ западноруссовъ и его значеніемъ. Уже съ XIV ст., какъ показываютъ дошедшіе до насъ списки богослужебныхъ и отеческихъ книгъ юго-западнорусскаго происхожденія, славянскій языкъ становится все менѣе извѣстнымъ въ западной Россіи, и въ періодъ времени XIV—XVI вв. людей, владѣвшихъ имъ такъ же мастерски, какъ владѣли сѣверо-русскіе агіографы, у насъ почти не видно [1]). Мало того. Въ концѣ XVI ст. его не знали даже многіе изъ нашего духовенства, которымъ, по свидѣтельству Скарги, понятнѣе былъ польскій языкъ, къ пособію котораго они и обращались [2]). По словамъ кн. Курбскаго, въ западной Россіи скорѣе можно было найти знающихъ греческій или латинскій языкъ, чѣмъ славянскій [3]) Такой упадокъ знакомства съ церковно-славянскимъ языкомъ прежде всего долженъ былъ невыгодно отозваться въ религіозной сферѣ его примѣненія, на красотѣ и важности церковнаго богослуженія. Вѣроятно, въ концѣ XVI в., нерѣдко происходили случаи замѣны его въ богослуженіи языкомъ народнымъ или лексической и синтаксической порчи его послѣднимъ, если нѣкоторые паны, основывая церкви, требовали, чтобы священники и преемники ихъ теперь и „въ позднѣйшій вѣкъ“ совер-

---

[1]) *Соболевскій*, Ж. М. Н. Пр., 1888, окт., Критика и библіографія, 324 325.

[2]) П. П. Л., II. 486. Что у насъ, дѣйствительно, «лѣпшаго ради выразумѣнья» славянскаго языка обращались къ польскому, доказываетъ фактъ перевода съ перваго на второй Псалтыри въ к. XVI ст. (*Востоковъ*, Опис. рукописей Румянц. музея, № 335) и Златоуста—кн. Острожскимъ (Сказ. кн. Курбскаго, 254).

[3]) Сказанія кн Курбскаго, 257.

шали службы на славянскомъ именно языкѣ [1]). Не только для цѣлей богослужебныхъ долженъ быть введенъ въ наши школы церковно-славянскій языкъ,—онъ одновременно являлся языкомъ науки, богословія. Такое именно положеніе его обусловливалось исторически сложившимся значеніемъ его у славянскихъ народовъ греческаго православія, аналогичнымъ съ значеніемъ латинскаго языка на западѣ Европы. Въ православной Руси, по словамъ Костомарова, издавна „все, что имѣло въ ней признакъ умственнаго труда и мысли, выражалось не на обычномъ вседневномъ, а на богослужебно-церковномъ языкѣ славянскомъ. Онъ былъ для нея языкомъ учености и умственнаго труда“ [2]).

И однако такому значенію славянскаго языка до конца XVI ст. совсѣмъ не соотвѣтствовала та постановка его въ школахъ, какая дана была ему съ IX в. Славянскій языкъ у насъ изучался, но не научно. Азбука и апостолъ были альфой и омегой славянскаго языка, какъ учебнаго предмета. Неудивительно, что даже полякъ и католикъ Скарга обратилъ вниманіе на это обстоятельство. Онъ еще въ 1577 г. утверждалъ, что нельзя сдѣлаться ученымъ съ однимъ славянскимъ языкомъ, который настолько не разработанъ, что не имѣется будто бы ни правилъ, ни грамматики его, ни словаря; что не было еще никогда и не будетъ академіи или коллегіи, гдѣ философія, богословіе и другія свободныя науки изучались бы не по гречески или не по латыни. Только эти два языка служатъ орудіями науки; ни на какой другой языкъ нельзя перевести съ нихъ научныхъ системъ и сочиненій, такъ какъ, во первыхъ, они не разработаны и, во вторыхъ— не остановились еще въ своемъ развитіи [3]). Едва-ли Петръ Скарга, высказывая эти мысли, имѣлъ въ виду какія-либо другія цѣли, кромѣ восхваленія древнихъ языковъ и латино-польской образованности, которой чуждались православные, тѣмъ не менѣе онъ оказалъ славянскому языку огромную пользу, не только побудивъ западноруссовъ къ изученію его, но и указавъ средства къ научной разработкѣ его—въ составленіи грамматикъ и словарей, въ переводѣ на него руководствъ по богословію, философіи и другимъ наукамъ. Западноруссы, дѣйствительно, обратили вниманіе на замѣчанія Скарги и постарались оградить отъ укоровъ достоинства славянскаго языка. Такъ, Вышенскій въ нападкахъ на него Скарги усмотрѣлъ ни болѣе ни менѣе какъ походъ діавола, который „толикую зависть имаетъ на словенскій языкъ, же ледво (едва) живъ отъ гнѣва; радъ бы его до щеты (совершенно) погубити, и всю борбу свою на тое двигнулъ, да его обмерзитъ и въ огиду (отвращеніе) и ненависть приведетъ“, потому что этотъ языкъ „плодоноснѣйшій отъ всѣхъ языковъ и Богу любимѣйшій: понеже безъ поганскихъ хитростей и руководствъ, се же есть кграматикъ, риторикъ, діалектикъ и прочихъ ихъ коварствъ тщеславныхъ, діавола вымѣстныхъ, простымъ прилѣжнымъ читаніемъ, безъ всякаго ухищренія, къ Богу приводитъ, простоту и смиреніе будуетъ (со-

---

[1]) А. Б. А. К., III, № 11: фундушовая запись Ярослава Солтана волчинской церкви въ 1586 г.

[2]) *Костомаровъ*, Истор. монографіи, III, 214.

[3]) П. П. Л., II, 485. 486.

здаетъ) и Духа святого подъемлетъ"; онъ „толко истинною правдою Божіею основанъ, збудованъ и огороженъ есть; и ничтоже другое ухищреніе въ себѣ не имѣетъ" [1]). Но славянскій языкъ едва-ли выигралъ бы отъ такого защитника, который имѣлъ въ виду только нравственное его значеніе и не заботился объ его научномъ развитіи и обработкѣ. Иначе посмотрѣлъ на него кн. Курбскій, который старался доказать его научное значеніе и большее, по сравненію съ польскимъ, богатство его формъ и словъ: „вѣрь ми, ваша милость, писалъ онъ кн. Острожскому, если бы и не мало ученыхъ сошлось, словенска языка клоняюще чины грамотическіе и прелагающе въ Польскую барбарію: изложити текстъ въ текстъ не возмогутъ, а не токмо словенскія або грецкія бесѣды, а ниже слюбимыя ихъ латинскія. Сенсъ (мыслъ) быти нѣяко можетъ; но околичность слогней зѣло будетъ далека" [2]). Подобнымъ образомъ, но уже въ противоположность „языку простому русскому",—„подлѣйшему и простѣйшему", превозносятся качества славянскаго языка въ „Предмовѣ" къ Учительному Евангелію 1616 г.; онъ называется здѣсь „взачнѣйшимъ, пекнѣйшимъ, звязнѣйшимъ, суптельнѣйшимъ и достаточнѣйшимъ". Въ силу такихъ его достоинствъ и согласованія по природѣ и по богатству съ греческимъ, онъ является, преимущественно предъ латинскимъ, годнымъ для перевода съ греческаго и вообще для науки. „Безпечнѣйшая есть рѣчь, пишетъ Захарія Копыстенскій, и увѣреннѣйшая философію и ѳеологію славенскимъ языкомъ писати и зъ грецкого переводити, нѣжли латинскимъ: который оскудный есть, же такъ реку до трудныхъ высокихъ и богословскихъ речій недоволный и недостаточный" [3]). Мало того. Наши писатели въ пылу усердія стали доказывать преимущества славянскаго языка даже предъ греческимъ. Уже Вышенскій мимоходомъ далъ знать, что онъ „предъ Богомъ честнѣйшій есть и отъ Еллинскаго и Латинскаго", и серьезно увѣрялъ, что это не басни, но отказался дать о томъ „доводъ широкій", такъ какъ это отвлекло бы его отъ темы [4]). Послѣ него мысль о превосходствѣ славянскаго языка предъ греческимъ доказывалась и историческимъ путемъ [5]).

Сказаннымъ достаточно выяснены причины, по которымъ славянскому языку отведено было въ братскихъ училищахъ первенствующее мѣсто. Онъ сталъ не только учебнымъ предметомъ, но и языкомъ пре-

---

[1]) А. Ю. и З. Р., II, 210. *Голубевъ*, Петръ Могила, прилож., стр. 94. 95.

[2]) Сказ. кн. Курбскаго, 254. 255.

[3]) «Бесѣды Златоуста на 14 посланій ап. Павла» (1623), — посвятит. «предмова». Точно также въ «Предмовѣ» къ Тріодіону (1627) Копыстенскій называетъ славянскій языкъ «глубокоразумнымъ, имѣющимъ разумъ и мудрость якоже греческая и прочая граматичная писанія».

[4]) А. Ю. и З. Р., II, 210.

[5]) Азбука 1621, Вильна. Еще въ IX в. черноризецъ Храбръ говорилъ, что такъ какъ «словѣнскія книгы единъ стый Кѡнстантинъ, нарицаемый Кирилъ, и писмена створи и книгы прѣложи въ малѣхъ лѣтѣхъ», тогда какъ надъ составленіемъ греческой азбуки трудилось семь человѣкъ въ продолженіе многихъ лѣтъ, — «тѣмже словѣнская писмена святѣйши сут и честнѣйша, святъ бо мужъ створилъ я есть, а Грѣчьскаа Еллини погани» (*Калайдовичъ*, Іоаннъ Экзархъ Болгарскій, 1824, прилож., 191).

подаванія. На него были переведены еще въ 1586 г. (или ранѣе) риторика, діалектика „и иные философские письма школе належачие“ [1]) и, вѣроятно, руководства по другимъ предметамъ; на немъ читались лекціи и производилась „аргументація“ [2]). Ученикамъ запрещалось уставомъ говорить въ классѣ другъ съ другомъ „простою мовою“, а непремѣнно такъ, чтобы спрашивающему по гречески товарищъ отвѣчалъ по славянски; по русски можно было отвѣчать только спрашивающему по славянски [3]). Мелетій Смотрицкій въ предисловіи къ своей грамматикѣ требуетъ даже, чтобъ „діалектъ въ звыклой школьной розмовѣ (разговорѣ) славенскій межи тщателми (т. е. студентами или спудеями,— буквальный переводъ) каранемъ (подъ угрозой наказанія) захованъ былъ“.

Относительно метода преподаванія славянскаго языка въ братскихъ училищахъ свѣдѣній сохранилось мало. Львовскій уставъ 1586 г. и луцкая его редакція говорятъ объ этомъ слѣдующее: „школы словенское наука починается. На первѣй научивши ся складовъ литеръ, потомъ грамматики учатъ, при томъ же и церковному чину учатъ, читаню спѣваню. также учатъ накажды день, абы дѣти единъ другого пыталъ по грецку, абы ему отповѣдалъ по словенску, и тыжъ пытаются по словенску, абы имъ отповѣдано на простой мовѣ“ (заключеніе). Въ другомъ мѣстѣ этотъ уставъ такъ опредѣляетъ порядокъ дневныхъ занятій учениковъ, имѣя прежде всего въ виду славянскій языкъ. „По рану напервѣе по молитвахъ маютъ мовити, кождый вчорашнюю науку свою, и письмо свое што дома писалъ, выкладъ науки своеи показовати маетъ и потомъ оучитися маютъ дроблѣ [4]) Ѱалтыри, или грамматики зъ розвязованемъ еи“... „По обѣдѣ [5]) хлопцы маютъ писати сами на таблицахъ кождый свою науку выданую имъ отъ дидаскала [6]), кромѣ малыхъ, котрымъ самъ виненъ (долженъ) будетъ дидаскалъ писати, а въ школѣ научившись о трудныхъ словѣхъ спытовати

---

[1]) Львовскій «Порядокъ» 1586 г., окончаніе.

[2]) Предисловіе къ грамматикѣ Мелетія Смотрицкаго, 1619.

[3]) Львовскій Порядокъ 1586 и луцкая его редакція, окончаніе. Такой порядокъ вопросо-отвѣтовъ заведенъ, вѣроятно, на слѣдующемъ основаніи. Для того, чтобъ отвѣтить по гречески на греческій вопросъ, задуманный, очевидно, раньше, нужно много сравнительно времени; поэтому казалось достаточнымъ, если спрошенный пойметъ его и отвѣтитъ хотя бы по славянски. Быстрый и толковый славянскій отвѣтъ на славянскій вопросъ тоже могъ быть нѣсколько затруднителенъ, потому допускалась здѣсь и русская рѣчь. Послѣдняя запрещалась въ разговорахъ.

[4]) Въ львовской редакціи 1586 г.—дрибли,—по частямъ, какъ переводятъ его. Въ греческомъ оригиналѣ этотъ параграфъ читается кратко: τὸ πρωὶ ἔχει τὰ παιδεῖα μαθεῖν τοῦ πινακιδίου καὶ τοῦ ψαλτηρίου...

[5]) Въ братскихъ школахъ, какъ и въ иновѣрныхъ того времени, учебный день дѣлился на двѣ части—до обѣда и послѣ.

[6]) Μετὰ τοῦ ἀρίστου ἔχουσι τὰ παιδεῖα γράφαι εἰς το πινακίδιον ἕκαστος... τὸ ἴδιον μάθημα... Точно также и въ Еллино-словенской грамматикѣ 1591 г. въ отдѣлѣ о спряженіяхъ рекомендуется записывать на «дшицы или листы» болѣе трудныя формы (л. 137). Г. Лавровскій справедливо объясняетъ этотъ способъ обученія отсутствіемъ печатныхъ учебниковъ. Оттого мы встрѣчаемъ указанія на него еще задолго до этого. Въ житіи св. Петра митрополита разсказывается объ его школьныхъ занятіяхъ: «елика написоваше ему учитель его, малымъ проученіемъ изучеваше» (*Лавровскій*, о. с., 111).

маетъ единъ другого (то есть диспутоватися) а до дому отходячи съ тых потвердити, абы оу вечеръ изъ школы пришедши до дому дѣти оумѣли... науки... прочитати... зъ выкладомъ по обычаю науки школное, а что учили того дне маютъ оу вечеръ дома написати и до школы принести порану показати предъ дидаскаломъ своимъ“ (§§ 10. 11). Къ этому Мелетій Смотрицкій добавляетъ, что издревле повелось послѣ азбуки изучать часословъ и псалтырь, а также писать, а послѣ приступать къ грамматикѣ, почему и совѣтовалъ учить сначала букварь, „по часословѣ зась и псалтири (которыи опусканы быти не маютъ) выучению ся овая грамматика з выкладами, то есть, з показованемъ и уживанемъ еи пожитковъ, наступитъ“ [1]). Послѣднее велось, вѣроятно, такъ, что сначала растолковывалось ученикамъ извѣстное правило, которое выяснялось на устныхъ и письменныхъ примѣрахъ; часто учитель обращался къ посредству лучшихъ учениковъ, которые и доводили до сознанія своихъ менѣе толковыхъ товарищей то или другое грамматическое положеніе. Но, къ сожалѣнію, оказывается, что дѣло не всегда велось такъ раціонально. Такъ какъ случалось, что въ учителя славянскаго языка попадали люди, которые „сами граматичного худозства не учили“, то приходилось внушать имъ, чтобъ они дѣтямъ, уже умѣющимъ читать по славянски, грамматику „до выученья подавали, которая памяти повѣрена лацно (легко) и скоро за оказіею прест'я (перехода) ихъ до знаменитшеи школы вырозумѣна ими будетъ и до пожитечного въ худозствѣ и уживанья приведена“,—т. е. предлагалось задавать ученикамъ уроки изъ грамматики для зубренія, въ надеждѣ, что она будетъ „вырозумѣна“ ими въ старшемъ классѣ или въ высшей школѣ (предисловіе къ грамматикѣ 1619 г.; тоже, вѣроятно, было и съ другими учебными предметами). Дальнѣйшей ступенью въ изученіи славянскаго языка былъ переводъ съ него на русскій священныхъ книгъ, что совѣтовалъ М. Смотрицкій въ своей грамматикѣ, употребленіе его на урокахъ и въ рѣчи и, наконецъ, въ сочиненіяхъ.

Второе мѣсто въ системѣ наукъ, преподававшихся въ братскихъ училищахъ, принадлежало *греческому языку*. Объясняя этотъ фактъ, Головацкій восходитъ къ первымъ вѣкамъ христіанства на Руси и на основаніи ссылокъ нашихъ лѣтописцевъ на греческихъ классическихъ и христіанскихъ писателей заключаетъ, что „у насъ знали греческій языкъ и читали творенія греческіи въ тое время, коли еще на западѣ о нихъ ледвищо слышно было“ [2]). Но мы можемъ найти въ исторіи нашей западнорусской церкви конца XVI ст. еще особыя обстоятельства, обусловившія высокое положеніе греческаго языка въ нашихъ школахъ. Напоръ протестантства и латинства на православную церковь и религіозное шатаніе умовъ заставляли западнороссовъ обращаться за помощью и поддержкою туда, откуда пришло къ намъ христіанство въ формѣ

[1]) Предисловіе къ грамматикѣ 1619 г. Относительно чистописанія, какъ особаго учебнаго предмета, мы встрѣчаемъ указаніе въ львовскомъ «Реестрѣ» школьномъ, гдѣ священикъ Сиховскій при опредѣленіи сына поставилъ условіемъ, чтобъ его научили «писати, абы умѣлъ *скорописъ* и иныхъ братственныхъ наукъ» (*Крыловскій*, Акты, № 33.) Учили писать не только скорописью, но и уставомъ и полууставомъ.

[2]) Зоря Галицкая, 1860, 448.

православія: естественно было теперь въ твореніяхъ греческихъ св. отцовъ и богослововъ искать опроверженія неправославныхъ ученій. Возобновившіяся же сношенія съ Востокомъ сами по себѣ уже требовали знанія греческаго языка для чтенія посланій, грамотъ. Нужно оно было и для исправленія богослужебныхъ, каноническихъ книгъ и перевода святоотеческой литературы, необходимость чего уже сознавалась кн. Курбскимъ. Даже задолго до него одинъ супрасльскій архимандритъ, оправдываясь въ письмѣ къ митрополиту Макарію отъ обвиненія въ самовольномъ исправленіи устава церковнаго, говорилъ (1536): „а того ради, абы съборное правило святое было не пестро, але однолично... не отъ Литвы а ни отъ Москвы, но оттоль, отколь намъ крещеніе процвете и вѣра, яже въ Отца и Сына и св. Духа, израсте, и благочестіе насадися, и святыя книги на нашь словеньскый языкъ изъ грѣческого и съелинского выложенія изыйдоша, и еще бы теперь исходили, ихъ же не имамы, естль бы о нихъ попеченіе было“ [1]). Но ближайшимъ образомъ на введеніе греческаго языка въ школьное преподаваніе повліяли патріархи, которые были, такъ сказать, воспріемниками нашихъ зарождавшихся училищъ, которымъ они дали и учителей и которымъ оказывали всяческую поддержку. Наконецъ, отъ греческаго языка львовскіе братчики не могли отказаться уже потому, что онъ преподавался даже въ католической городской школѣ. Благодаря этимъ то обстоятельствамъ, создались наши „греческія“ училища съ ихъ „дидаскалами“ и „спудеями“. Греческій языкъ получилъ въ нихъ значеніе, подобное значенію латинскаго въ польско-европейскихъ школахъ; на немъ даже говорили въ школахъ. Съ самаго же начала онъ такъ хорошо былъ поставленъ въ братскихъ училищахъ, что ученики скоро оказались въ состояніи переводить съ греческаго на славянскій учебники и патріаршія грамоты, писать и произносить на немъ привѣтствія. Въ школьное употребленіе входятъ мало-по-малу греческія изданія греческихъ св. отцовъ и классиковъ. Даже Аристотель, которымъ, казалось, всецѣло завладѣла западная Европа, штудируется въ львовской школѣ по греческимъ изданіямъ его. И языкъ греческій, несмотря на то, что уже съ конца XVI ст. явился опасный соперникъ для него въ латинскомъ, который оказался болѣе полезнымъ въ виду богатства современной литературы, написанной на немъ, долго еще сохранялъ все свое обаяніе, какъ языкъ православія, богословія и настоящей, церковной науки, церковной философіи [2]). Даже въ самомъ концѣ изслѣдуемаго нами періода проповѣдники западнорусскіе считали и умѣстнымъ и возможнымъ цитовать Священное Писаніе по гречески и предлагать греческія названія нѣкоторыхъ предметовъ и церковныхъ дѣйствій („Омилія“ Захаріи Копыстенскаго, 1626 г.) [3]).

---

[1]) Арх. Ю.-З. Р., I, VII, 14.

[2]) Предисловіе Захаріи Копыстенскаго къ «Бесѣдамъ Златоуста на 14 посланій ап. Павла» (1623).

[3]) Въ исторической литературѣ поддерживается извѣстіе объ одной западнорусской писательницѣ, переведшей съ греческаго на славянскій Бесѣды Златоуста. Это—Софія Боговитиновая, урожденная Чарторыйская, волынская хорунжая (*Siarczynski*, Obraz wieku panowania Zygmunta III, I, 38. 39. *Wiszniewski*, VIII, 484. *Васильевскій*, Вильна, VI, 182.

То, что сказано о методѣ преподаванія славянскаго языка, вѣроятно, приложимо и къ греческому. Объясненіе правилъ на устныхъ и письменныхъ примѣрахъ, записываніе ихъ на доскахъ или въ тетрадяхъ, спрашиваніе учениками другъ друга о труднѣйшихъ вещахъ, чтеніе текста, быть можетъ письменныя упражненія,—все это имѣло мѣсто и здѣсь.

Русскій языкъ. Если православную вѣру въ западной Руси хотѣли поддержать изученіемъ первоисточниковъ ея—Священнаго Писанія и священнаго преданія—на греческомъ и славянскомъ языкахъ, то русскій языкъ былъ необходимъ, какъ знамя русской народности, которая въ польско-латинскомъ государствѣ подвергалась стѣсненіямъ и, вслѣдствіе этого, сліянію съ польскимъ элементомъ. Русскій языкъ, т. е. южно-и западнорусское нарѣчіе, ко времени люблинской уніи уже въ достаточной мѣрѣ развился, обособившись отъ общаго корня славянской рѣчи и принявъ отдѣльное отъ него теченіе. Въ литовскомъ государствѣ онъ получилъ права гражданства; употребленіе его въ русскихъ областяхъ при судопроизводствѣ и административныхъ сношеніяхъ было узаконено. Потому то онъ долженъ былъ сдѣлаться и предметомъ школьнаго изученія. Послѣднее являлось прямой необходимостью въ виду двухъ частнѣйшихъ обстоятельствъ. Во 1-хъ, знатные люди, которые давно пріобщились къ польско-европейской культурѣ, стали пренебрегать своимъ роднымъ языкомъ, смотрѣть на него „со взгардою“: и не только русскіе аристократы, но и духовенство наше учили своихъ дѣтей по польски, сами не зная русскаго языка и не понимая его, по совершенному отсутствію школъ для изученія его („але и ани школы коу науце его нигде маютъ“). Это одна сторона дѣла, и на нее обратилъ вниманіе переводчикъ и издатель Тяпинскаго Евангелія [1]). Другимъ обстоятельствомъ побуждавшимъ изучать русскій языкъ, было все большее отклоненіе простой, разговорной рѣчи отъ славянскаго языка, вслѣдствіе чего послѣдній дѣлался все болѣе непонятнымъ для народа, который лишался такимъ образомъ возможности понимать богослуженіе. Отсюда происхо-

---

Теодоровичъ, Описаніе Волынской епархіи, III, 372, и мн. др.). Г. Васильевскій называетъ это извѣстіе драгоцѣннымъ. Оно и было бы такимъ, такъ какъ представляло бы новое доказательство и распространенности и значенія въ западной Россіи греческаго языка въ концѣ XVI и началѣ XVII ст., если бы оно не опиралось всецѣло на неправильно понятомъ свидѣтельствѣ Кирилла Транквилліона въ его «Учительномъ Евангеліи» (1619). Транквилліонъ въ посвященіи его кн. Юрію Чарторыйскому говоритъ о томъ, что свой трудъ онъ составилъ, между прочимъ, на основаніи «бесѣдъ евангельскихъ и почасти апостольскихъ, которыхъ преложила зъ гредкого языка на словенскій, старанямъ, промыслемъ и коштомъ своимъ ея милость.... Софія Боговитинова». Отсюда видно, что ей принадлежали инициатива перевода и матеріальныя затраты, а не литературный трудъ, что подверждается и слѣдующимъ извѣстіемъ, заключающимся въ предисловіи къ «Бесѣдамъ Златоуста на 14 посланій». Здѣсь Боговитиновая, хорунжая волынская (впрочемъ, уже съ именемъ Ѳеодоры) является, какъ «умолившая преп. Кипріана, суща отъ града Острога... яко да бесѣдъ св. І. Златоустаго... отъ Еллинскаго языка на славенскій превожденіе сътворитъ, иже и сътвори изъображеніе, обаче тѣхъ типографна видѣти не получи». Этимъ переводомъ Кипріана, очевидно, Кириллъ Транквилліонъ и воспользовался,—Кипріана, но не Боговитиновой.

[1]) Пред. къ Евангелію Вас. Тяпинскаго. Кіев. стар., 1889, янв., прилож. III, стр. 3.

дятъ попытки переводить священныя и богослужебныя книги на „простую мову“. Первую попытку въ этомъ родѣ сдѣлалъ д-ръ Фр. Скорина, издавшій Библію съ цѣлью „наученія простыхъ людей русскаго языка“; но у него это стремленіе выразилось собственно въ толкованіи нѣкоторыхъ славянскихъ словъ и передачѣ ихъ по русски. Чрезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ появился настоящій переводъ части Священнаго Писанія на западнорусскую рѣчь. Разумѣемъ Пересопницкое Евангеліе архим. Григорія (1556—1561). Замѣчательно, что переводчикъ расчитывалъ и на потребности римско-католиковъ. Онъ объясняетъ, что въ Евангеліи его кромѣ зачалъ указаны и главы, а написаны онѣ „для людей закону римского, сирѣчъ латинянъ. иже внихъ не взываются зачала едно капитулы а по нашемоу языкоу главы. Буде же онь тебе о што просити абы еси ему немедло, сирѣчь борзо нашедьши указалъ“ [1]). Для простого народа перевелъ Евангеліе и Василій Тяпинскій. Такому же стремленію слѣдовали и издатели учительныхъ евангелій. Первая попытка—Ходкевича не осуществилась, благодаря тому, что его совѣтчики нашли, что „прекладаніемъ здавныхъ пословицъ на новые, помылка чинится не малая“ [2]). Послѣ этого вышло нѣсколько сборниковъ толкованій евангельскихъ чтеній на русскомъ языкѣ. Таково, напр., Учительное Евангелій Евьевское (1616), изданное ради „пренезнаемости и неумѣетности языка словенскаго многихъ“, вслѣдствіе чего нѣкоторые „удавались до заразливыхъ еретической науки пастваскъ“. Точно также и въ „Тріодіонѣ“ (1627) синаксари переведены „на россійскую бесѣду общую“, что сдѣлано „ревностью и жалѣніемъ рода нашего Малои Россіи Благородныхъ, Гражданскихъ и прочіихъ различнаго причта людей, неучившихся словенскаго языка глубокоразумнаго“ [3]). Даже І. Вышенскій, убѣжденный защитникъ славянскаго языка, сурово внушавшій: „Книгы церковные всѣ и уставы словенскимъ языкомъ друкуйте... Евангелія и Апостола въ церкви на литургіи простымъ языкомъ не выворочайте“,— и онъ, уступая этому стремленію, далъ позволеніе: „по литургіи же, для вырозумѣнья людского, по просту толкуйте и выкладайте“ [4]). Такимъ образомъ, западнорусская рѣчь получала въ нѣкоторомъ родѣ значеніе богослужебнаго языка. Въ этомъ отражалось вліяніе не только Запада, гдѣ реформація поддержала права народныхъ языковъ на церковное употребленіе, но и Византіи, такъ какъ и здѣсь уже въ XVI в. проповѣдники начали дѣлать уступки народной рѣчи, въ виду того, что классическій языкъ сталъ непонятенъ толпѣ. Такъ, уже п. Іеремія произнесъ въ 1573 г. три или четыре проповѣди на народномъ языкѣ (lingua vulgari) [5]). Новый греческій языкъ во второй половинѣ XVI ст.

---

[1]) Труды III археологическаго съѣзда, т. II, прилож. къ реферату г. Житецкаго: «О пересопницкой рукописи», стр. 54.

[2]) Предисловіе къ Заблудовскому Учит. Еванг. 1568—1569 г.

[3]) *Голубевъ*, Петръ Могила, I, 399.

[4]) А. Ю. и З. Р., II, 210. У насъ, дѣйствительно, проповѣдывали на русскомъ языкѣ; на него переводили даже славянскія поученія. Такова «наука пред споведю з словенскаго переложена» (Требникъ, 1621 г. Вильна. Приложеніе 3).

[5]) Σαθα, o. c., 44, прим. 4.

настолько отошелъ отъ классическаго, что Ѳеодосій Зигомала, которому была подсказана Крузіемъ мысль о желательности и необходимости составленія грамматики его и лексикона, а также перевода на него священныхъ книгъ, согласился съ нею, но замѣтилъ, что безъ вознагражденія никто не станетъ трудиться надъ этимъ. Если бы кто прислалъ изъ Германіи награду, писалъ онъ, мы въ одинъ годъ совершили бы работу. Впрочемъ, на народный языкъ были переведены уже многія книги, такъ что, по словамъ Ст. Герлаха, онъ въ Константинополѣ не могъ найти ничего на древнемъ греческомъ языкѣ, кромѣ нѣкоторыхъ богослужебныхъ книгъ [1]). Ясно отсюда, что разъ русскій языкъ получалъ всѣ права гражданства и становился рядомъ съ славянскимъ, хотя нѣкоторыми и отличался отъ послѣдняго, какъ „подлѣйшій, простѣйшій“,— его нужно было и изучать. И, дѣйствительно, русскій языкъ былъ введенъ въ наши братскія школы, хотя, нужно замѣтить, не вездѣ. Такъ, не видно, чтобъ онъ изучался въ Минскѣ,—по крайней мѣрѣ отдѣльно отъ славянскаго. Въ луцкой школѣ „простая мова“ хотя не получила по первому школьному уставу (львовской редакціи) равенства съ славянскимъ языкомъ, но въ 1627 г. уже преподавалась, какъ отдѣльный предметъ, по крайней мѣрѣ возный видѣлъ послѣ іезуитскаго нападенія много изорванныхъ книгъ славянскихъ, *русскихъ* и польскихъ [2]). О постановкѣ русскаго языка въ братскихъ школахъ мы не знаемъ ничего. Вѣроятно, онъ изучался практически, такъ какъ грамматики его не было. Дѣлать какіе-нибудь выводы изъ сообщенія Игнатія Іевлевича, что въ Кіевѣ русскій языкъ преподавалъ великоруссъ (Moskal rodem) [3]),—мы не беремся.

Изученіе *латинскаго языка*, хотя противъ него были многіе ревнители православія, проникло очень скоро въ наши школы. Этому способствовало прежде всего то, что безъ латинскаго языка невозможенъ былъ доступъ къ „внѣшнимъ наукамъ“ и къ университетскому образованію не только за границей, но и у себя—въ Краковѣ, Вильнѣ, Замостьѣ. Кромѣ научной стороны дѣла была и другая: латинскій языкъ въ польско-литовскомъ государствѣ имѣлъ весьма важное общественное и политическое значеніе,—онъ былъ языкомъ разговорнымъ и— трибуналовъ, сеймовъ, судовъ и пр. „Въ латинскомъ языкѣ, аргументируетъ Сильвестръ Коссовъ въ своемъ Exegesis'ѣ, намъ прежде всего та нужда, чтобы бѣдной Руси не звали глупой Русью. „Учитесь, говоритъ обманщикъ (Udawca), по гречески, а не по латыни“. Совѣтъ добрый, но полезный въ Греціи, а не въ Польшѣ, гдѣ латинскій языкъ наиболѣе успѣваетъ (płuży). Поѣдетъ бѣднягa русинъ на трибуналъ, на сеймъ, на сеймикъ, въ городской или земскій судъ — безъ латины платитъ вины. Безъ нея ни судьи, ни стряпчаго, ни ума, ни посла;

---

[1]) Письмо Зигомалы къ Мартину Крузію отъ 15 апрѣля 1576 г. и письмо Герлаха къ Давиду Хитрею изъ Константинополя въ 1574 г. *Dauidis Chytraei* Oratio de statu ecclesiarum hoc tempore in Graecia, Asia, Boëmia etc. 1583, pp. 72. 95 (cf. 164); ср. *Малышевскій*, Мелетій Пигасъ, I, 82 и слѣд.

[2]) П. К. К., I, стр. 115. Арх. Ю.-З. Р., I, VI, № 239.

[3]) *Голубевъ*, Исторія Кіев. академіи, прилож., 75.

но только присматривается то къ тому, то къ другому, вытаращивъ глаза, какъ коршунъ (kania). Не нужно насъ побуждать къ изученію греки: стараемся и о ней при латинѣ, такъ что, дастъ Богъ, будетъ Graeca ad Chorum, a łacina ad forum. Не вспоминаемъ о диспутахъ: не много въ Польшѣ грекой надиспутировалъ бы" [1]). Впослѣдствіи авторъ Лиѳоса, отвѣчая на то мѣсто „Перспективы", гдѣ Саковичъ предлагалъ, чтобъ русскіе учились въ своихъ школахъ только по гречески, славянски и польски, такъ формулировалъ необходимость для нихъ латинскаго языка. Нельзя безъ него обойтись въ королевствѣ, гдѣ онъ употребляется не только въ церкви, но и въ сношеніяхъ съ королемъ, въ сенатѣ, въ трибуналѣ, въ посольской избѣ, на сеймѣ, сеймикахъ и во всѣхъ политическихъ дѣлахъ; если кто и не хочетъ самъ быть ораторомъ, то нужно. чтобъ могъ хотя понять, что говорятъ другіе. И въ религіозныхъ дѣлахъ, когда тебя спрашиваютъ объ артикулахъ вѣры по латыни или по польски съ примѣсью латинскихъ выраженій, нужно отвѣчать на тѣхъ языкахъ, на какихъ спрашиваютъ, а не по славянски или по гречески. Кромѣ того, на славянскомъ языкѣ мало богословскихъ книгъ и нѣтъ свѣтскихъ (politickich), греческія же можно пріобрѣтать только съ большими трудностями и издержками, тогда какъ латинскія доставать легко. Наконецъ, начавши учиться по латыни, Русь пожелала только выбиться изъ того невѣжества, въ которомъ ее упрекали [2]). Безъ сомнѣнія, всѣ эти соображенія имѣли мѣсто еще въ періодъ возникновенія братскихъ школъ. Не даромъ Василій Загоровскій, этотъ типичнѣйшій представитель русской національности и православія, завѣщалъ дѣтямъ, чтобы они послѣ того, какъ пройдутъ „въ своемъ языку Рускомъ, въ писме светомъ, науку досконалую", учились у бакаляра латинскому языку [3]). Потому то послѣдній очень скоро занялъ извѣстное положеніе въ программѣ браткихъ училищъ, а въ нѣкоторыхъ сталъ даже на первое мѣсто (въ Вильнѣ, Кіевѣ). И хотя процвѣтанію его препятствовало отсутствіе способныхъ преподавателей, которыхъ братства должны были искать у протестантовъ и приготовлять за границей въ иновѣрныхъ академіяхъ [4]), во всякомъ случаѣ наши полемическія сочиненія того времени свидѣтельствуютъ, что братскимъ воспитанникамъ онъ не былъ чуждъ, что имъ они такъ же свободно пользо-

---

[1]) *Голубевъ*, Ист Кіев. академіи, прилож., 82, 83. Г. Голубевъ полагаетъ, что тотъ Udawca, съ которымъ полемизируетъ авторъ Exegesis'a, есть не кто другой, какъ м. Іосифъ Рутскій. Но г Голубевъ, доказывая свою мысль, сдѣлалъ двѣ натяжки: понялъ выраженіе Коссова—zasnął—въ смыслѣ умеръ (Udawca на самомъ дѣлѣ только уснулъ, успокоился: Коссовъ вызываетъ его на литературный бой и ждетъ его пробужденія) и—укоротилъ жизнь Рутскаго почти на два года: Рутскій умеръ не «не задолго до изданія Exegesis'a», а спустя около двухъ лѣтъ (текстъ, стр. 230. 231). А затѣмъ, насколько мы знакомы съ тогдашнимъ состояніемъ уніатскихъ училищъ, никакъ не можемъ утверждать, чтобъ авторомъ пасквиля противъ православныхъ школъ былъ уніатъ: ему едва ли Коссовъ сказалъ бы, что онъ имѣетъ латинской науки «nie tylko z gębę, ale y za gębę» (прилож., 83).

[2]) Арх. Ю-З. Р., I, IX, 375. 376.

[3]) Арх. Ю-З. Р., I, I, № 16.

[4]) Exegesis. *Голубевъ*, Ист. Кіев. акад., прилож., 83.

вались, какъ и греческимъ. Достаточно просмотрѣть цитаты изъ латинскихъ авторовъ и изданій, чтобы убѣдиться въ этомъ; даже Библія цитуется ими иногда по латыни [1]).

Введеніе въ школьную программу *польскаго языка* было такой же уступкой требованіямъ времени, какъ и латинскаго. Проникновеніе его, какъ и вообще польской культуры, въ обиходъ русской жизни началось давно. Самый языкъ русскій подвергся къ концу XVI в. такому сильному вліянію польскаго, что даже человѣкъ, не получившій спеціальнаго филологическаго образованія, вызванъ былъ въ такое сравненіе: „Якъ Поляцы у свой языкъ намѣшали словъ Латинскихъ, которыхъ южъ и простые люди зъ налогу уживаютъ (по привычкѣ употребляютъ); такъ же и Русь у свой языкъ намѣшали словъ Польскихъ и оныхъ уживаютъ“ [2]). Религіозная же борьба католиковъ съ протестантами создала польскому языку такое положеніе, что онъ сдѣлался литературнымъ, и сами православные избрали его орудіемъ полемики съ латино-уніатами.

Польскій языкъ изучался, какъ достовѣрно извѣстно, въ виленской, могилевской, львовской, луцкой, кіевской братскихъ школъ. Хорошо ли или нѣтъ преподавался онъ здѣсь,—прямыхъ указаній мы не имѣемъ. Н. А. Скабалановичъ, на основаніи сличенія западнорусскаго перевода Апокрисиса съ польскимъ его подлинникомъ, высказываетъ сужденіе, что польскій языкъ въ православныхъ школахъ былъ поставленъ невысоко, такъ какъ переводчикъ при всей своей добросовѣстности допустилъ множество грамматическихъ ошибокъ [3]). Но неизвѣстно, имѣлъ ли переводчикъ какое-нибудь отношеніе къ братскимъ училищамъ и былъ ли воспитанникомъ ихъ. Дошедшая же до насъ рѣчь одного изъ воспитанниковъ виленской братской школы, помѣченная 1618 годомъ, даетъ видѣть, что авторъ ея довольно хорошо владѣлъ польскимъ языкомъ [4]). О томъ же могутъ свидѣтельствовать письма и сочиненія людей, несомнѣнно вышедшихъ изъ братскихъ училищъ (Іовъ Борецкій, Ѳеофилъ Левоновичъ, Сильвестръ Коссовъ). Не видно, грамматически ли изучался здѣсь польскій языкъ: въ каталогахъ братскихъ библіотекъ нѣтъ ни одной грамматики его и ни одного словаря.

Хотя наши школы обыкновенно назывались школами такихъ то и такихъ языковъ, это не должно понимать, конечно, въ томъ смыслѣ, что въ нихъ только и занимались грамматическимъ и практическимъ изученіемъ ихъ. Напротивъ, языки были не цѣлью школьнаго образованія, а только средствомъ къ изученію другихъ предметовъ, „ключемъ“ къ нимъ. Грамматика составляла только „основание перьвое и подошву всѣмъ хитростемъ“ [5]). Излагая исторію отдѣльныхъ школъ, мы старались выяснить, какія изъ этихъ „хитростей“ преподавались въ каждой.

---

[1]) Напр., Андреемъ Мужиловскимъ въ «Отписѣ на листъ унитовъ Виленскихъ», 1616 г. (Арх. Ю.-З. Р., I, VII, 266 и слѣд.).

[2]) Перестрога. А. З Р., IV, стр. 229.

[3]) *Н. Скабалановичъ*, Объ Апокрисисѣ Христофора Филалета, 24—27.

[4]) Рукописный сборникъ кіево-софійской библіотеки, № 46, л. 190: Oratio in nativitate Christi. Напечатана въ Лит. еп. вѣд., 1897 г., № 22.

[5]) *Лавровскій*, о. с., 180.

Теперь займемся вопросомъ, какіе вообще предметы изучались у насъ и какъ было поставлено преподаваніе ихъ.

Относительно постановки и характера препоподаванія *діалектики* существуетъ два мнѣнія—г. Линчевскаго, по которому въ нашихъ западнорусскихъ училищахъ изучалась діалектика Дамаскина [1]), и проф. Голубева, утверждающаго, что она у насъ проходилась по латинскимъ руководствамъ, переведеннымъ на русскій языкъ [2]). Полагаемъ, что правы они оба. Безъ сомнѣнія, у насъ употреблялась діалектика или логика Дамаскина [3]). Въ западной Россіи, кромѣ древняго перевода ея, приписываемаго обыкновенно экзарху Іоанну [4]), существовалъ въ концѣ XVI ст. еще новѣйшій переводъ, сдѣланный кн. Курбскимъ съ латинскаго. Послѣдній въ своемъ „сказѣ о лоикѣ“, которую онъ называетъ свѣтлѣйшею наукой, способствующей уразумѣнію философскихъ писаній христіанскихъ и языческихъ и имѣющею при умственной работѣ то же значеніе, что у кузнеца клещи,—заявляетъ, что перевелъ ее съ латинскаго потому, что, какъ говорилъ ему его учитель Максимъ Грекъ, въ Греціи словесныя науки едва ли остались, такъ какъ по разрушеніи греческаго царства онѣ перешли къ латинамъ, а тѣ „перевели на свой имъ языкъ, и переведше наши греческіе книги пожъгли (многіе ради зависти) еже были наилепшие премудрыхъ ельниновъ ученія, сирѣчь, физику и метафизику, и тую то лоику, або діалектикоу“ [5]). Но названное сочиненіе Дамаскина, заключавшее въ себѣ и физику, и метафизику, и діалектику, было очень кратко, по сознанію самого Курбскаго, и не вполнѣ соотвѣтствовало тому, что называется логикой. Потому то кн. Курбскій рѣшилъ приложить къ нему „толкованіе (переводъ) отъ другіе диалектики иwна спанинъбергера о силогизме“. Въ „Сказѣ Андрѣя чего ради сіи написаны“ поясняется, что хотя не всѣ силлогизмы защищаютъ правду, но важно знать всѣ ихъ, чтобъ умѣть отличать истину отъ лжи и мочь заграждать уста сопротивниковъ правды указаніемъ на ихъ логическіе промахи и софизмы: „святые-де нашіе страны премудрые навыкше той словесной силе“, изобличали съ успѣхомъ еретиковъ [6]). Но такъ какъ трудно допустить, чтобъ люди,

---

[1]) Педагогія древнихъ братскихъ школъ (Тр. Кіев. дух., акад. 1870, III, 133).

[2]) Ист. Кіев. акад., I, 202.

[3]) Философская книга или діалектика Дамаскина предваряла его Богословіе; въ ней авторъ «бесѣдуетъ о разумѣ, мысли; опредѣляетъ науку, наставницу жизни; предлагаетъ раздѣленіе оной; говоритъ о ея пользѣ и, соединяя логическія умствованія съ филологіею, заключаетъ свое сочиненіе краткимъ обозрѣніемъ явленій природы». (*Калайдовичъ*, Іоаннъ экзархъ болгарскій, 81).

[4]) Горскій и Невоструевъ, описатели славянскихъ рукописей московской синодальной библіотеки, отрицаютъ принадлежность этого перевода экзарху Іоанну (II, ч. 2, 314—318).

[5]) *Поповъ*, Описаніе рукописей Хлудова, 117. 118.

[6]) Ibid., 116. 117. Намъ кажется, что оригиналомъ для Курбскаго было слѣдующее изданіе: Trivii Erotemata. Hoc est. Grammaticae, Dialecticae. Rhetoricae. Qaestiones, ex doctissimorum nostri seculi virorum libris, in puerorum usum congestae, per *Ioannem Spangenberg*, Hendersianum, apud Northusianos verbi Dei ministrum, вышедшее въ Краковѣ дважды, въ 1544 и 1552 г. (*Wierzbowski*, о. с., №№ 1225. 1298).

ставшіе во главѣ нашего учебно-воспитательнаго дѣла, притомъ знакомые съ кн. Курбскимъ, не знали о его переводческихъ трудахъ и не воспользовались ими въ то время, когда въ нихъ была самая настоятельная нужда, то мы и находимъ возможнымъ утверждать, что въ нашихъ школахъ съ самаго же начала употреблялись и діалектика Дамаскина и латинскіяруководства [1]). Но, съ другой стороны, такъ какъ сочиненіе Дамаскина не было діалектикой въ собственномъ смыслѣ, то съ теченіемъ времени оно должно было уступить свое мѣсто учебникамъ, употреблявшимся въ польскихъ и европейскихъ, католическихъ и протестантскихъ школахъ. Фактическое подтвержденіе этой мысли даютъ прежде всего каталоги львовскаго братства,изъ которыхъ въ первомъ (1601 г.) цитуется „Діалектика Мѣнанѣ и реторика", а во второмъ (1638)—она же, кажется, называется ея настоящимъ именемъ: „Dyalectycae et retorycae prescepta" [2]), а затѣмъ—изложенный выше разсказъ о Войславскомъ, ученикѣ виленской братской школы (1614), который хотѣлъ купить у іезуитскихъ студентовъ „библію латинскую и *діалектику*",—тоже, очевидно, латинскую [3]). Въ пользу того, что въ нашихъ школахъ преподавалась латинская діалектика, говорятъ и тѣ ожесточенные нападки, какіе сыпались на нее съ вершины Аѳона. Аѳонскіе иноки едва ли позволили бы себѣ назвать діалектику Дамаскина наукой, учащей „зъ бѣлаго черное, а зъ черное бѣлое прекладати".

Если справедливо, что въ братскихъ школахъ употреблялась на первыхъ порахъ діалектика Дамаскина, то въ этомъ должно видѣть доказательство и того, что тамъ проходились и другія части философіи, такъ какъ въ философскомъ трактатѣ этого св. отца заключалась и физика съ метафизикой. И когда русская редакція львовскаго Порядка школьнаго 1586 г. говоритъ о томъ, что въ Львовѣ имѣются въ славянорусскомъ переводѣ „диалектика и реторика и иные *философские* писма школе належачие", и въ § 12 предлагаетъ учить и „отъ философовъ" [4]),—намъ думается, что здѣсь прежде всего имѣлся въ виду Іоаннъ Дамаскинъ, философія котораго считалась „священной" въ Россіи и была извѣстна и въ первый періодъ нашего просвѣщенія (іерод. Іоакимъ). Но братства не чуждались и языческихъ философовъ: у нихъ были не только „Официумъ и Сентенціе Цицеронисъ", Платонъ, Эпиктетъ, но и самъ Аристотель, который во всѣхъ среднихъ и высшихъ училищахъ среднихъ и даже новыхъ вѣковъ былъ какъ бы столпомъ и утвержденіемъ истины. Что дѣйствительно въ нашей школѣ дано было мѣсто и философіи и притомъ—языческой, видно изъ программы обученія, предложенной Вышенскимъ, который совѣтуетъ изучать октоихъ

---

[1]) Порядокъ школьный 1586 г. уже упоминаетъ «о диалектице и реторице, которые науки по словенску переведеные вынайдено въ школѣ львовской рускимъ языкомъ списано, диалектику и реторику и иные философские писма школѣ належачие» (Dipl. stat., № 6), но не указываетъ авторовъ ихъ.

[2]) *Голубевъ*, Петръ Могила, прил., № 21. Чт. въ общ. Нестора лѣтоп., V, матеріалы, стр. 195. Означенная книга издавалась дважды—въ 1563 и 1581 гг.

[3]) Арх. уніат. митроп., № 371.

[4]) Въ греческомъ оригиналѣ этого мѣста нѣтъ.

„вмѣсто философіи свѣтской и настраивающей мысль на скитаніе по воздуху“, причемъ онъ отличаетъ собственно философію отъ діалектики и риторики [1]).

Положеніе *риторики*, науки „словъ и мовы“, какъ опредѣляетъ ее „Евхаристиріонъ“, было аналогично съ положеніемъ діалектики,— сначала, вѣроятно, она изучалась по греческимъ руководствамъ и образцамъ, а затѣмъ—по латинскимъ. Кое-какія свѣдѣнія по риторикѣ пришли къ намъ съ Востока еще въ XI в. [2]). Въ XVI в. наши западнорусскіе педагоги могли пользоваться при изложеніи ея Аристотелемъ въ подлинникѣ. Но скоро появились и латинскія переработки того-же Аристотеля, Цицерона и польско-европейскія попытки болѣе или менѣе самостоятельнаго изложенія правилъ краснорѣчія. Польско-латинское вліяніе въ области риторики проникало въ наши школы довольно медленно, выражаясь первоначально только въ случайномъ заимствованіи чуждыхъ восточному краснорѣчію фигуръ и въ испещреніи рѣчей польскими и латинскими словами. Но памятниковъ школьнаго краснорѣчія (не церковнаго) до насъ дошло немного и то изъ одного только періода времени, такъ что по нимъ можно судить не о быстротѣ хода латино-польскаго риторическаго вліянія, а о томъ, какъ говорили наши воспитанники въ это время. Предъ нами пять школьныхъ рѣчей, произнесенныхъ воспитанниками виленскаго братскаго училища въ 1617—1618 и 1621 гг., въ дни Рождества Христова и Пасхи, первыя предъ св.-духовскимъ архимандритомъ Л. Карповичемъ, послѣдняя, вѣроятно, предъ Мелетіемъ Смотрицкимъ [3]). Рѣчи начинаются выраженіемъ радости по случаю свѣтлаго и великаго праздника и слабости силъ оратора изобразить прилично событіе, „таемница“ котораго скрыта отъ премудрыхъ вѣка сего. Затѣмъ говорится о важности событія боговоплощенія (или воскресенія Христова), причемъ ораторы естественно простираются въ глубину вѣковъ, къ паденію человѣка. Въ заключеніи ораторы обращаются къ „преосвященному господину о. архимандриту и въ любви своей милому патронови и непреодолѣемому пастырю и учителю своему“, поздравляютъ его съ праздникомъ и желаютъ ему (и братіямъ) Божьяго благословенія во всѣхъ его дѣлахъ и особенно въ заботахъ о школьномъ образованіи. Въ послѣдней рѣчи авторъ желаетъ архіепископу расширенія и расцвѣта, подобно лиліи въ долинѣ и масличному дереву на полѣ и кедру на горѣ ливанской [4]). Какъ проста

---

[1]) Петръ Могила, прилож., 73.

[2]) Въ Изборникѣ Святослава (1073) содержится статья «Георьгия Хоуровьска о образѣхъ» (*Востоковъ*, Опис. рукописей Румянц. музея, № 356, стр. 503).

[3]) Сборн. кіево-соф библ., № 46, лл. 180, 190 и 306 об. Годъ—1618—обозначенъ только на 3 и 4 рѣчахъ, на русскомъ и польскомъ языкахъ, произнесенныхъ въ день Р. Х. Возможно, что въ томъ же году составлена и вторая рѣчь—на день Пасхи; тогда первую—на Р. Х. легко отнести къ 1617 г. Послѣдняя рѣчь—на день Пасхи—обращена къ «преосвященному в бзе превелебному гдну отцу архіепископу», подъ которымъ, вѣроятно, должно разумѣть не кого другого, какъ Мелетія Смотрицкаго, который въ этомъ санѣ встрѣчалъ первую Пасху въ 1621 г.

[4]) Ср. подобное же желаніе въ «орацыйкѣ мовенной в Люблинѣ» въ 1634 г. Петру Могилѣ Ѳеофиломъ Леоновичемъ (Рукоп. кн. Ак. Мирославскаго, л. 36 об.).

форма этихъ рѣчей, такъ просто и изложеніе. Впрочемъ, во второй рѣчи должно отмѣтить пріемъ распространенія евангельскихъ словъ: Божія Матерь, обращаясь къ Спасителю, висѣвшему на крестѣ, „горко и жалостливо плачучи мовила: вижу тя нынѣ прелюбезный мой сынъ накрестѣ завѣшеного и естемъ зраненна наддеръ (весьма) сердцемъ... (слово не разобрано) але дай ми утѣшное слово добротливей служебницѣ твоей. Не есть утаенна от мене смотренія твоего Сыне и Боже мой тайна: хотячи абовѣмъ з невымовного милосердія своего створене свое волное от проху (отъ тлѣнія) учинити, зезволилъ еси умрѣти але воскреснеши яко Богъ“ и т. д. Въ языкѣ изрѣдка встрѣчаются польскія и латинскія слова: ангельскіе гуфы, элемента натуры, тріумфальне, затраценье, сказа, вѣкуистый, фикгура, афект весе́ля...

Здѣсь же должно сказать нѣсколько словъ о двухъ примѣрныхъ панегирическихъ рѣчахъ, составленныхъ ректоромъ кіевской школы Кассіаномъ Саковичемъ и изданныхъ имъ въ 1622 г. вмѣстѣ съ стихами на смерть гетмана Сагайдачнаго [1]). Первая изъ нихъ озаглавливается: „Матеріа для учиненя подякованя при погребѣ якого зацного чловѣка“, вторая есть образецъ „мовы“, которую можетъ сказать кто-либо изъ гостей къ осиротѣвшему семейству почившаго. Въ первой рѣчи высказываетъ сожалѣніе о смерти NN, какое она вызвала въ его семьѣ, среди родныхъ, пріятелей, въ государствѣ, у священнаго чина и у сиротъ; всѣ они оплакиваютъ въ немъ его добродѣтели, его образованіе, знатный родъ, мужество въ бояхъ и пр. Собравшіеся на его похороны уже этимъ самымъ доказываютъ и его достоинства и свое къ нему уваженіе, что́ можетъ служить примѣромъ и утѣшеніемъ и для дѣтей почившаго. Въ заключеніе ораторъ благодаритъ всѣхъ отъ имени вдовы и проситъ ихъ „на хлѣбъ жалосный“ (на поминальный обѣдъ). Во второй „мовѣ“ Кассіанъ Саковичъ предлагаетъ утѣшать семейство умершаго мыслію о неизбѣжности смерти, которой ничѣмъ нельзя „преломити и зъмякчити“, историческими примѣрами мужественнаго перенесенія смерти близкихъ и размышленіемъ о достоинствахъ умершаго, доказательство чего его семейство можетъ видѣть въ томъ, что отдать ему послѣдній долгъ собралось столько его пріятелей, которые готовы молиться Богу и оказывать вдовѣ свои услуги. Хотя и въ этихъ рѣчахъ попадаются польскія слова и выраженія, но польско-латинское вліяніе и въ нихъ еще довольно слабо [2]).

Болѣе опредѣленно выразилось оно въ двухъ отрасляхъ науки и литературы, непосредственно примыкающихъ къ риторикѣ—въ поэтикѣ и поэзіи, съ одной стороны, и гомилетикѣ и проповѣди, — съ другой.

Западноруссы издавна получили вкусъ и склонность къ поэтическому выраженію своихъ мыслей, но ихъ творчество въ этомъ напра-

---

[1]) *Голубевъ*, Исторія Кіев. акад., прил., стр. 41—46.

[2]) Интересно было бы сличить съ этими ораторскими произведеніями хранящіяся въ библіотекѣ имени гр. Оссолинскихъ рѣчи Кирилла Транквилліона и Лаврентія Зизанія (Труды III археол. съѣзда, II, прилож.. *Г. Калужняцкій*, Обзоръ славянорусскихъ памятниковъ языка и письма, находящихся въ библіотекахъ и архивахъ львовскихъ, стр. 219. 220).

вленіи было очень небогатымъ и далекимъ отъ оригинальности: все оно сводилось къ панегирикамъ, какой видъ поэзіи былъ такъ развитъ въ польской школѣ и литературѣ. Изъ Польши же русскіе заимствовали и форму ея (первичными образчиками ея были стихи на гербы тѣхъ лицъ, которымъ посвящались новыя изданія, безъ чего и въ Польшѣ и у насъ рѣдко выпускалась въ свѣтъ книга) и самый стихъ—силлабическій, въ которомъ все состояло въ соблюденіи риѳмъ, цезуры и количества слоговъ. И несмотря на все неудобство этого рода стихосложенія, въ которомъ требованіе ударенія неизмѣнно на предпослѣднемъ слогѣ каждаго стиха вело къ отступленію отъ естественнаго произношенія русскихъ словъ и даже къ нарушенію правилъ синтаксиса, въ виду чего уже Лаврентій Зизаній и Мелетій Смотрицкій пытались перенести въ славяно-русскую грамматику правила греческой просодіи [1]), —оно и послѣ удержалось у насъ, очевидно, подъ живымъ вліяніемъ польскихъ поэтическихъ образцовъ Безъ сомнѣнія, и нашей „поетикѣ“, которая во Львовѣ преподавалась, быть можетъ, какъ предметъ совершенно отдѣльный отъ риторики [2]) (обыкновенно она входила въ составъ грамматики, подъ названіемъ просодіи), была дана та постановка, съ какой преподавалась и польская поэтика въ польскихъ училищахъ, хотя это совершилось не сразу, какъ даетъ видѣть сравненіе тѣхъ поэтическихъ произведеній, которыя вышли изъ братскихъ школъ. Мы считаемъ нелишнимъ нѣсколько остановиться на анализѣ нѣкоторыхъ изъ нихъ, чтобъ очевиднѣе была та перемѣна, какую вносила въ поэтическія понятія и выраженіе ихъ польская поэтика.

Первое мѣсто въ ряду такихъ произведеній занимаетъ „*Προσφωνημα* привѣтъ преосвященному архіепископу *Κυρ*-Михаилу, митрополиту кіевскому и галицкому и всея Россіи. Въ братской школѣ Львовской составленный. Егда же въ градѣ Львовѣ, первѣе по священномъ рукоположеніи бѣ. Генуарія 17. року 1591. Тогда таково приглашеніе, въ церкви пред народом от дѣтей пріемъ, первое. Во утріе же въ школу любезно посѣщающе прійде, и тамо отъ нищебѣдныхъ моленіе к нему бѣ, второе. Во Львовѣ. В друкарни братской, февруалія 1. року 1591“. Привѣтъ этотъ состоитъ изъ 8 стиховъ на гербъ города (Львова) „предословія отъ малыхъ“ (*προλογος των μικρων*—прозой), нѣсколькихъ строфъ самаго текста (по большей части—четверостишій) и послѣсловія. Онъ имѣетъ драгоцѣнное значеніе, какъ матеріалъ для сужденія о характерѣ риторики въ нашихъ школахъ въ самое первое время ихъ существованія. На ряду съ немногими стихотвореніями на выходныхъ листахъ богослужебныхъ книгъ, онъ представляетъ образецъ риторическаго произведенія, почти совершенно свободнаго отъ вліянія польско-латинской поэтики. Если панегирики позднѣйшей эпохи характеризуются латинскимъ или польскимъ языкомъ, вычурностью и замысловатостью формы, богатствомъ миѳологическаго матеріала, множе-

---

[1]) *Засадкевичъ*, Мелетій Смотрицкій, какъ филологъ, 95—97.

[2]) Грамота патріарха Іереміи львовскому братству въ ноябрѣ 1589 г.

ствомъ цитатъ изъ классиковъ, тонкими сравненіями и т. п., то нельзя не видѣть, что „Просфонима“ представляетъ полнѣйшую противоположность имъ—и по языку западнорусскому, близкому даже къ церковнославянскому, почти безъ всякой примѣси польскихъ словъ, и по внѣшнему построенію, и по содержанію и изложенію, чуждому всякихъ утонченныхъ метафоръ и миѳологическихъ прикрасъ, и по простотѣ и естественности тона. Сравненія и метафоры не миѳологическія, а библейскія или взятыя прямо изъ природы, какъ у св. Кирилла туровскаго. Дѣти сравниваютъ свое желаніе видѣть митрополита—съ „прагненемъ“ земли, жаждущей воды, свою радость—съ радостью Лота, спасеннаго ангелами, пастырей, услышавшихъ благовѣстіе, трехъ отроковъ въ пещи, увидѣвшихъ ангела... Въ этомъ еще мало фразерства и напыщенности, и немного больше ихъ—въ прилагаемыхъ къ митрополиту эпитетахъ: „солнце свѣтлое“, „едіно око Россіи“, „Европы звѣзда“. Только силлабическое стихосложеніе, помѣщеніе герба города съ объяснительными стихами, присутствіе польскихъ словъ могутъ быть принимаемы за слѣды польско-латинскаго вліянія. Для сужденія о стихосложеніи и языкѣ приведемъ слѣдующую строфу:

Ликъ вторый:—„Прагнула тя душа наша, прагнули тя и кости мои,
Якъ земля прагнетъ дожда в лѣтніи знои,
Нѣ единъ такъ покармъ тѣлу не смакуетъ,
Якъ упріймия душа видѣти тя роскошуетъ“ [1]).

„Вѣршѣ на Рождество Христово“ (1616) [2]) представляютъ уже значительное уклоненіе въ сторону польской риторики, характеризуемое прежде всего множествомъ словъ и выраженій польскихъ, не соотвѣтствующихъ притомъ важности предмета. Таковы: маестатъ, моцарство, рыцарство небесное, хентне (охотно), чины ангельскіе гуфомъ отступали и т. п. По изложенію и содержанію „Вѣршѣ“ напоминаютъ даже мистеріи: одинъ изъ мальчиковъ говоритъ, какъ человѣкъ, лично слышавшій отъ виѳлеемскихъ пастырей объ явленіи имъ ангеловъ; декламація прерывается пѣніемъ и пр. [3]).

„Вѣршѣ на жалосный погребъ Зацного Рыцера Петра Конашевича Сагайдачного, гетмана Войска Его Кор. Милости Запорозкого, Зложоны презъ инока Касіана Саковича Ректора школъ Кіевскихъ въ Брацтвѣ. Мовленые отъ его спудеовъ на погребѣ того цного рыцера въ Кіевѣ, въ недѣлю проводную, року Божого, тисяча шесть сотъ двад-

---

[1]) *Голубевъ*, Кіев. епарх. вѣдомости, 1874, №№ 5 и 6.

[2]) Съ ними одно цѣлое составляютъ Вирши «на Стефана первомученника», на Обрѣзаніе Господне, въ честь Василія великаго.

[3]) Вѣроятно, съ этими Вѣршами сходны и по содержанію, и по формѣ, и по изложенію «Верше съ трагодіи Григорія Богослова во св. вел. Пятокъ и на день Воскресенія Христова» (1630, Львовъ), а также Вирши Іоанникія Волковича—«Размышленіе о муцѣ Христовой и на Воскресеніе Христово» (Львовъ, 1631).

цать-второго",—являются новымъ шагомъ къ сближенію нашей поэтики съ польской. Возвышенный тонъ, разсматриваніе заслугъ восхваляемаго лица со всѣхъ сторонъ и особенно со стороны древности рода, военныхъ и гражданскихъ отличій, риторическія фигуры, сравненія заимствованныя изъ миѳологіи и древней исторіи (Сагайдачный сравнивается, напр., съ Несторомъ, съ Ахилломъ, Аяксомъ, Гекторомъ, Периклоломъ, Ѳемистокломъ, „Курциушомъ и Помпеушомъ"),—всѣ эти характерныя свойства латино-польской панегирической литературы достаточно сильно отразились на Виршахъ Саковича, что было тѣмъ естественнѣе, что авторъ ихъ самъ воспитывался въ католическихъ академіяхъ [1]).

Полнаго расцвѣта панегирическая литература въ польско-схоластическомъ духѣ достигла къ концу изслѣдуемаго нами періода и выразилась уже въ „Евхаристиріонѣ", поднесенномъ Петру Могилѣ въ 1632 г. спудеями его лаврской школы. Произведеніе это составлено было профессоромъ риторики Софроніемъ Почаскимъ, однимъ изъ тѣхъ 20-ти учениковъ кіевской братской школы, которые десять лѣтъ тому назадъ говорили Вирши при гробѣ Сагайдачнаго. Къ числу панегириковъ типа „Ехваристиріона" относятся также „Вѣзерунокъ цнотъ превелебнаго въ Бозѣ Е. М. Ел. Плетенецкаго" (1618), два панегирика, поднесенные Петру Могилѣ служащими въ кіево-печерской лаврской типографіи: „Имнологія (1630) [2]) и *Ευφωνια*" [3]), „Мнемозина" (1633) [4]) и др. Д-ръ Студиньскій, перепечатавшій текстъ „Евфоніи", хотя считаетъ этотъ панегирикъ только „початкомъ новой науки", т. е. польско-латинскаго направленія риторики, но не можетъ уже отыскать

---

[1]) Если эти свойства не такъ ясно отразились на примѣрныхъ рѣчахъ Саковича, то, вѣроятно, именно въ силу того, что онѣ были только формой, содержаніе которой имѣлъ дать погребаемый индивидуумъ. Интересно было бы сопоставить съ Вѣршами Саковича однородныя по содержанію: а) «Плачъ альбо Лямент по зестю з свѣта сего вѣчной памяти годного Григорія Желиборскаго» (1615, Львовъ), б) «Епикидіонъ албо Вѣрше жалобныя на погребеніе Василисы Яцковны» *Стеф. Полумерковича* (Луцкъ, 1628), в) «Лямент по пресвитерѣ Іоаннѣ Васильевичѣ» *іерод. Давыда Андреевыча* (Луцкъ, 1628).

[2]) «Имнологія си естъ, пѣснословіе. Албо пѣснь през части Писмом мовленая на день въскресенія Господа Нашего Іисуса Христа». Перепечатана—г. Студиньскимъ въ XII выпускѣ «Записокъ наукового товариства імени Шевченка». Этотъ панегирикъ г. Студиньскій относитъ къ памятникамъ греко-славянской эпохи въ исторіи нашихъ школъ, такъ какъ «мітольогія старинного сьвіта тутки майже цілкомъ виключена» (стр. 2. 3). Наше мнѣніе опирается на обиліи польскихъ словъ и выраженій, пестрящихъ текстъ Имнологіи.

[3]) «Εὐφωνια веселобрмячая. На высоцеславный ѳронъ митрополіи кіевскои щасливе вступуючему: в бозѣ Преосв., его милости: Гдну Отцу Куръ Петру Могилѣ... митрополиту Кіевскому... отъ типографовъ въ той же ст. Чудотворной Лаврѣ Печерской працуючих, при унижономъ поклонѣ прудко Дедикованная. 1633, 5 іюля» (Перепечатана г. Студиньскимъ въ VIII томѣ «Записокъ... імени Шевченка». ср. *Пекарскій*, Отеч. зап., 1862, III, 197. 204—209).

[4]) «Mnemozyne Sławy, 'prac y trudow przeoswieconego w Bogu oyca, j. M. oyca Piotra Mohiły, na pożądany onego wjazd do Kijowa, od Studentow gymnasium w Bractwie Kijowskim przezen fundowanego, światu podana. r. 1633».

въ немъ „иньшихъ ознакъ давноі грецко-славянскоі школи“—„крім грецкого заголовку“ и, пожалуй, русской рѣчи [1]). Панегирикъ состоитъ изъ стиховъ на гербъ Могилы, изъ самой „Евфоніи веселобрмячей, которой краегранесіе: Петр Могила, митрополит кіевский“, и „Дедикаціи“. Въ образецъ стиха мы приведемъ нѣсколько строфъ:

1) „Пречъ з'розолянскихъ, смутки уступуйте
Границъ, ляменты сердца не турбуйте.
Южъ естъ веселье, ах досытъ стогнаня!
Пречъ нареканя!

3) Триумфу зачни Евфрозіно смѣле
Гимнъ выкрикати: почни волат миле;
Што то за радость в россійском Сіонѣ:
въ Кіевской Зонѣ...

„Савроматы“, „Зефир лагодный“, „горкотиранскій“, „ратунокъ“, „фрасунокъ“, „тарча Сіона“, „атлянтъ“, „адамантъ“—все это характеризуетъ стихотвореніе со стороны языка и стиля. Тѣмъ не менѣе собственно въ братскихъ школахъ простота и естественность риторическихъ произведеній не такъ скоро уступили мѣсто изысканности и вычурности. Такъ, изъ виленской школы еще въ 1635 г. вышло сочиненіе: „Echo żalu na głos lamentującego“, состоящее, по словамъ историка польской литературы Вишневскаго, изъ „двѣнадцати элегій (trenow) и двухъ эклогъ, отличающихся изящной простотою“ [2]). Къ грекославянскому направленію примыкаетъ также и „Ἀναθῆμα τῆς τιμῆς“ Іакова Седовскаго (Венеція, 1641), вышедшаго, повидимому, изъ львовской школы [3]).

Къ риторикѣ тѣсно примыкаетъ гомилетика, какъ наука духовнаго краснорѣчія. Необходимость ея въ кругѣ братскаго образованія вызывалась развитіемъ проповѣдничества у протестантовъ и католиковъ, съ одной стороны, и полнымъ почти забвеніемъ у насъ проповѣднической обязанности, въ связи съ необразованностью духовенства, съ другой. Существовали, правда, у насъ толковыя или учительныя евангелія, но они не вездѣ имѣлись, чтобъ всюду могли удовлетворять созрѣвшей нуждѣ въ проповѣданіи слова Божія [4]). „Не мовлю я, говоритъ право-

---

[1]) Записки наукового товариства імени Шевченка, том VIII (1895), 5. 6.

[2]) *Wiszniewski*, VIII, 410.

[3]) Перепечатана *Головацкимъ* въ статьѣ: «Библіограф. находки въ Львовѣ» (Зап. Имп. акад. наукъ, XXII, прил. № 4, стр. 21 и слѣд.) и г. *Студинськимъ* въ Запискахъ наукового товариства імени Шевченка, т. XII. Панегирикъ этотъ написанъ въ честь Григорія Кирницкаго, «обывателя Львовскія земля въ Россіѣ», по случаю полученія имъ степени доктора философіи въ падуанской академіи.

[4]) Въ инвентарѣ одного имѣнія (1571 г.), при перечисленіи церковныхъ книгъ, сказано: «евангелеи толковое нѣтъ, изъ чого бы попъ мѣлъ людъ въ церкви учить науки и воли Божьи» (Арх. сб., IV, № 68).

славный въ одномъ полемическомъ діалогѣ, жебы проповѣди слова Божого и науки въ церкви Божой непотреба было и овшемъ (наоборотъ), и барзо (очень) есть речь потребна и забвенна“ [1]). Этимъ и создавалась нужда въ преподаваніи гомилетики, тѣмъ болѣе, что нѣкоторыя братскія школы, напр., виленская, одно время ставили своей прямой задачей приготовленіе „искусныхъ іереевъ не точію во градѣхъ, но и въ весѣхъ“ [2]). Что, дѣйствительно, проповѣдываніе слова Божьяго имѣло непосредственное отношеніе къ школьнымъ задачамъ, видно изъ благословенной грамоты м. Михаила Рагозы двумъ дидаскаламъ львовской школы „и инымъ спудеямъ“, 24 янв. 1591 г. [3]). И это былъ не единичный примѣръ,—и послѣ дидаскалы школъ одновременно съ преподаваніемъ проповѣдывали, служа образцомъ для своихъ учениковъ.

Конечно, на первыхъ порахъ наша западнорусская проповѣдь имѣла характеръ вполнѣ греческій: наши проповѣдники стояли „на певномъ фундаментѣ писма святого“, не ступая „на песокъ змышленныхъ речій“. Они ясно понимали различіе направленій восточной проповѣди и западной и осуждали пріемы католическихъ церковныхъ ораторовъ, которые „мимо науку апостольскую и отцевъ святыхъ, выдворными якими або полными филозофіи своее думами и марными (пустыми) мозку своего снами людъ Божій... заражаютъ и тревожатъ“ [4]). Подобнымъ образомъ характеризуется разность греческаго и латинскаго направленій въ проповѣди—въ предисловіи къ Учительному Евангелію 1616 г.: „То есть каждого христіанскаго казнодѣй повинность, не дискурсы о непонятыхъ вѣры таемницъ скрытостяхъ строити, але воли и приказаням Бозским простыхъ и неукихъ людей учити“. Мудрый проповѣдникъ, говорится здѣсь же, ищетъ не славы своимъ остроумiемъ, а спасенія людей; онъ долженъ помнить, что пять словъ, хорошо понятыхъ, полезнѣе тысячи непонятыхъ.

Но мало-по-малу польско-латинское вліяніе въ области науки вообще проникло и въ гомилетику. Совершилось оно на почвѣ практическаго пользованія инославными сборниками проповѣдей, „постиллами“. Уже Кириллъ Ставровецкій свидѣтельствовалъ о тѣхъ „духовныхъ, которыи стали подражать чужимъ проповѣдямъ и разнымъ постиламъ, противнымъ церкви Божей, аріанскимъ, понурскимъ и калвѣнскимъ“ [5]). Мелетій Смотрицкій по переходѣ въ унію тоже констатировалъ фактъ вліянія католической проповѣди на православную. Обращаясь къ православному проповѣднику, онъ говоритъ: „Если бы не римскія поученія, не поспѣшилъ бы на каѳедру ораторъ и не имѣлъ бы чѣмъ удивить слушателей софистъ. Цѣлуй Бессія, который поучаетъ тебя произносить съ каѳедры; безъ него, я хорошо знаю, твои колеса скрипятъ, какъ у кучера безъ мазницы. Одинъ на каѳедру съ Ороссіемъ, другой съ Фабриціемъ,

---

[1]) «Вопросы и отвѣты православному съ папежникомъ», 1603 г. (П. П. Л., II, 81).

[2]) А. З. Р., IV, № 217.

[3]) А З. Р., IV, № 27.

[4]) П. П. Л., II, 83. Ср. требованіе м. Михаила, чтобы проповѣдь не отклонялась отъ ученія св. отцовъ и церкви (А. З. Р., IV, № 27).

[5]) Учит. Евангеліе, 1619 г. «Предмова до чителника».

третій со Скаргой, а иные съ другими проповѣдниками римской церкви, безъ которыхъ вы ни шагу“ [1]). И свидѣтельства этихъ писателей не были голословны: мы, дѣйствительно, находимъ въ братскихъ библіотекахъ и у частныхъ православныхъ проповѣдниковъ изданія католическихъ церковныхъ ораторовъ. Въ львовскихъ каталогахъ упоминаются Постилла польская и Постилла Бялобурискаго (?), въ луцкомъ—„Латинскіе двѣ книги доказаня, што ихъ зовутъ Бессеи опера (Bessei opera) ин кварто, за злотыхъ, 15 купленые“ [2]). А въ спискѣ книгъ извѣстнаго русскаго „казнодѣи“ Ѳ. Леоновича, проповѣдывавшаго въ Вильнѣ, Люблинѣ, Бѣльскѣ и, наконецъ, въ Кіевѣ, значился знаменитый польскій проповѣдникъ Фабіанъ Бирковскій, который по таланту былъ не ниже Скарги, но превосходилъ его ученостію [3]).

Этимъ и объясняется то, что на рѣдкомъ изъ нашихъ проповѣдниковъ того времени не отразилось болѣе или менѣе ясно польско-латинское вліяніе—въ построеніи ли проповѣдей, или въ испещреніи славянскаго или русскаго языка полонизмами и выраженіями, съ нашей точки зрѣнія не совсѣмъ удобными (напр. Леонтій Карповичъ въ своихъ Казаньяхъ называетъ Іисуса Христа „навышшимъ гетманомъ“, который „рыцеровъ своихъ контентуетъ“; святыхъ онъ называетъ „рыцарями, жолнерами“ и т. п.). Въ сторонѣ отъ него стояли немногіе: Захарія Копыстенскій (см. его „Казанье погребовое“ и „Омилію“) и Кириллъ Транквилліонъ, котораго проф. А. И. Соболевскій считаетъ даже единственнымъ исключеніемъ изъ общаго положенія [4]). Поученія послѣдняго изданы подъ именемъ Учительнаго Евангелія. Въ предисловіи къ нимъ самъ Кириллъ заявилъ, что пособіями для него служили греческіе проповѣдники: Іоаннъ Златоустъ, п. Филоѳей и др. Слѣдовательно, на немъ всего сильнѣе должно было сказаться вліяніе ихъ краснорѣ-

---

[1]) Exethesis, 6 об.—«Kazania na niedziele i święta całego roku» П. Скарги издаваемы были много разъ: въ 1595, 1597, 1602, 1609, 1610, 1618 гг. (*L. Łukaszewicz*, Rys dziejów piśmiennictwa polskiego, wyd. 2, 108) и, при извѣстности автора, дѣйствительно, могли сдѣлаться пособіемъ для многихъ православныхъ проповѣдниковъ. Саковичъ увѣрялъ, что схизматическіе попы въ его время пользовались проповѣдями Скарги, Вуйка, Бялобржескаго (Мартина, каменецкаго епископа), Житіями святыхъ Скарги, а одинъ изъ нихъ, за Львовомъ, по невѣжеству предложилъ своей паствѣ выслушать «казанья св. Рея»... (Επανορθωσις, 105).

[2]) П. К. К., I, 269.

[3]) Рукоп. кн. Аѳ. Мирославскаго, л. 46. Кромѣ Бирковскаго, въ библіотекѣ Леоновича были еще слѣдующія книги: Библіи славянская и латинская, Новый Завѣтъ славянскій, Требникъ, Flores doctorum, Лексиконъ, Compendium Кромера, Часовникъ, Учительное Евангеліе, Бароній въ славянскомъ переводѣ, Политика Аристотеля...—Проповѣди Бирковскаго вышли въ 1620 и 1623 гг. подъ заглавіемъ: «Kazania na niedziele i święta coroczne», Krakow (Encykl. powsz., III, 569—571). Прекрасную исторію польскаго свѣтскаго и духовнаго краснорѣчія даетъ г. Mecherzyński въ своей Historya wymowy w Polsce, tt. I—III.

[4]) Ж. М. Н. Пр., 1887, мартъ, Критика, 44, прим. 1. Сюда же примыкаютъ тѣ «казанья» и «науки», которыя помѣщены въ концѣ Требника, изданнаго въ Вильнѣ въ 1621 г.

чія. По формѣ почти всѣ поученія Транквилліона представляютъ ораторское слово. Состоятъ они изъ *вступленія*, предшествующаго евангельскому тексту, *изслѣдованія*, основаніе которому даетъ извлеченная изъ текста главная мысль (изслѣдованіе дѣлится на двѣ и даже на три части, посвященныя главнымъ мыслямъ евангельскаго чтенія и празднику; каждая часть предваряется своимъ *приступомъ* и *темой*), и *заключенія*, относящагося или ко всему изслѣдованію или къ одной изъ частей его, преимущественно къ третьей; содержаніемъ его служитъ выводъ изъ изслѣдованія или похвала Богородицѣ и святымъ или исповѣданіе изъясненнаго догмата. Изслѣдованіе у Кирилла Ставровецкаго состоитъ преимущественно въ истолкованіи евангельскаго текста, каждаго слова и дѣйствія, сопровождаемомъ назиданіемъ. Въ этомъ онъ идетъ по стопамъ своихъ руководителей — греческихъ проповѣдниковъ. У нихъ же онъ, безъ сомнѣнія, заимствовалъ и тѣ пріемы и обороты, какіе составляютъ существо краснорѣчія, въ отличіе отъ философскихъ трактатовъ,—изобразительность, употребленіе сравненій, подобій, аллегорій и примѣровъ, которые берутся изъ окружающей природы, изъ Библіи, отеческихъ твореній и богослужебныхъ книгъ, драматизмъ, выражающійся въ обращеніи къ слушателямъ, къ Божіей Матери, святымъ и даже къ отсутствующимъ людямъ и неодушевленнымъ предметамъ и въ діалогахъ, распространеніе евангельскихъ разговоровъ и даже присвоеніе евангельскимъ лицамъ такихъ рѣчей и дѣйствій, о которыхъ въ священныхъ книгахъ не говорится [1]).

Такую постановку и такое развѣтвленіе получили у насъ науки trivium'a. Въ худшемъ сравнительно положеніи были науки quadrivium'a и прежде всего—*математика*. Въ Европѣ она вообще не пользовалась тогда большимъ уваженіемъ. Тоже было и у насъ. Не даромъ Саковичъ ставилъ въ 1640 г. на видъ, что на Руси никогда еще не было математика [2]). Безъ сомнѣнія, математическія свѣдѣнія были позаимствованы русскими прямо изъ Греціи [3]) и съ самаго начала исторіи нашего просвѣщенія были у насъ въ ходу, доказательствомъ чего служитъ статья — „Кирика діакона и доместика новгородскаго антоніева монастыря ученіе, имже вѣдати человѣку числа всѣхъ лѣтъ“. Кирикъ показываетъ, какъ можно опредѣлить число мѣсяцевъ, недѣль, дней, индиктовъ, солнечныхъ и лунныхъ круговъ, протекшихъ отъ созданія міра, какъ находить „дробные часы“ (т. е. доли часа отъ постепеннаго дѣленія на пять). Но, къ сожалѣнію, онъ не объясняетъ, какимъ обра-

---

[1]) Руководство для сельскихъ пастырей, 1873, I, 304—309; 403—408; 571.

[2]) «W jednem mieście krakowskim, wileńskim, lwowskim, lubelskim, poznańskim, powiem bespiecznie w jednym klasztorze wielkim więcéj jest ludzi uczonych i teologów, niżli we wszystkiej Rusi, a Matématyka żadnego dotąd w Rusi niemasz» (Kalendarz stary—y *Łukaszewicza*, Hist. szkół, I, 352).

[3]) Здѣсь въ XI в. былъ написанъ Михаиломъ Пселломъ трактатъ по математикѣ, напечатанный въ 1556 г. подъ заглавіемъ: De quatuor mathematicis scientiis (ариѳметикѣ, музыкѣ, геометріи, астрономіи). «Счетная мудрость»—Изд. общ. любит. древней письменности, 1879, пред., стр. 14.

зомъ должно производить всѣ эти сложныя операціи умноженія и дѣленія. Послѣ Кирика математическое развитіе русскихъ подвинулось впередъ еще далѣе: самъ онъ сотни тысячъ называетъ „невѣдіями“, а въ XIII в. счетъ раздвинулся уже до милліона, въ ходу превращеніе именованныхъ чиселъ и т. д. [1]). Но и теперь и, вѣроятно, долго и послѣ вся сумма математическихъ познаній, сообщавшихся въ русскихъ школахъ, ограничивалась ариѳметикой, такъ какъ у насъ „землемѣріе“ и „остронумѣя звѣздочетья“ и „знаменіе лунное и солнечное“ запрещены были наряду съ „сонникомъ, волхованіями и чарованьемъ птичнымъ“. Тѣмъ не менѣе въ Россіи уже въ XVI в. существовало практическое руководство по геометріи [2]).

Въ какомъ объемѣ преподавались въ нашихъ братскихъ училищахъ математика и другія части квадривіума, точно неизвѣстно. Программу по математикѣ „Порядокъ школьный“ такъ опредѣляетъ: „учити маютъ пасхаліи и лунного теченія и личбы и рахованя“ (§ 13). Ариѳметика, вѣроятно, не шла у насъ далѣе первоначальныхъ правилъ, могшихъ имѣть примѣненіе и въ житейскомъ обиходѣ, при торгово-промышленныхъ операціяхъ мѣщанъ, и въ пасхалистическихъ вычисленіяхъ, составлявшихъ въ первые годы существованія братскихъ школъ злобу дня, такъ какъ споры о преимуществахъ двухъ календарей, юліанскаго и григоріанскаго, не потеряли своей жгучести съ изданіемъ королемъ Баторіемъ грамоты, освобождавшей православную Русь отъ обязательнаго принятія произведенныхъ папой Григоріемъ поправокъ въ лѣтосчисленіи. Намъ кажется, что ариѳметика, вошедшая въ составъ „Счетной мудрости“ и написанная въ XVII ст., — не великорусскаго происхожденія, а заимствована съ Запада при посредствѣ, всего вѣроятнѣе, братскихъ училищъ. На это указываетъ, прежде всего, заглавіе ея: „Сия книга глаголема по гречески ареѳметика, *а по немецки альгоризма*, а по руски цифирния счетная мудрость“... А на л. 131 об. нѣкоторыя астрономическія свѣдѣнія прямо предваряются замѣчаніемъ: „Изъ острономи немецкихъ переводовъ“; за это же говорятъ слова: „субстракціо“ (вычитаніе), „дивизия“ (дѣленіе), „крыжъ“ (крестъ). Если можно поэтому судить по данной „Счетной мудрости“ о постановкѣ математики въ братскихъ школахъ нашего періода, то въ нихъ ариѳметика ограничивалась правилами о „нюмерасии“ или счетѣ (леодръ или милліонъ и здѣсь есть то число, „болѣ котораго нѣсть человѣческому уму разумѣвати“, стр. V), сложеніи, вычитаніи, умноженіи и дѣленіи цѣлыхъ чиселъ и дробей; далѣе шла „статья тройная въ цѣлыхъ и въ доляхъ“, т. е. тройное правило, мѣры жидкостей и сыпучихъ тѣлъ. Наконецъ, еще менѣе мы ошибемся, если предположимъ, что кое-какіе изъ учебниковъ ариѳметики, употреблявшихся въ католическихъ школахъ XVI и начала XVII в., были извѣстны и братскимъ педагогамъ.

---

[1]) *В. Бобынинъ*, Состояніе математическихъ наукъ въ Россіи до XVI в. (Ж. М. Н. Пр., 1884, апрѣль, 186—188. 191. 194—198).

[2]) «Счетная мудрость», пред., 11—13.

Въ „Евхаристиріонѣ“ *геометрія* понимается какъ наука, которая „учитъ землѣ размѣреня“. Если у насъ она преподавалась, то именно какъ наука, имѣвшая ближайшій практическій интересъ [1]).

Что касается *астрономіи*, то едва ли она свелась у насъ, какъ въ католическихъ школахъ, къ ученію о „лунномъ теченіи какъ искать мѣсяцовъ рождение“, къ опредѣленію вруцелѣта, золотого числа и прочихъ пасхалистическихъ терминовъ [2]). Вѣроятно, въ составъ ея входило немало свѣдѣній и изъ другихъ наукъ, въ родѣ физической географіи и метеорологіи, каковыя свѣдѣнія помѣстилъ было въ свой Катихизисъ Лаврентій Зизаній. Его московскіе оппоненты ставили ему въ счетъ, что у него въ Катихизисѣ шла рѣчь „о крузѣхъ небесныхъ, і о планитахъ, і о зодіяхъ и о затмѣніи солнца, о громѣ. і о молніи, і о тресновеніи, і о шибеніи. і о перунѣ. о комитахъ і о прочихъ звѣздахъ. потому что тѣ статіи искниги острологіи“. Л. Зизаній придерживался обычныхъ въ то время объясненій этихъ явленій, отъ которыхъ, впрочемъ, уже отстали московскіе книжники. Послѣдніе указывали, напр., автору, что нѣтъ правды въ его объясненіи грома и молніи, по которому „облака надувшися сходятся и ударяются. и от того бывает, яко отъ камени и желѣза громъ і огнь“. И звѣзды Л. Зизаній „называлъ животными зверми, яже на тверди небеснѣй“. Но нужно однако сказать, что астрономія братскихъ школъ не состояла цѣликомъ изъ „ходячихъ выдумокъ и басней астрономическихъ“, какъ увѣряетъ проф. Голубевъ [3]): Лаврентій Зизаній „не писалъ кола ни счастія ни рожденія человѣческаго. ни по звездам правленія житію нашему“... [4]).

Послѣдняя наука изъ семи свободныхъ — *музыка*, подъ именемъ которой въ нашихъ братскихъ училищахъ было извѣстно церковное пѣніе. Сдѣлать послѣднее предметомъ преподаванія было прямой необходимостью: къ срединѣ XVI ст. оно у насъ до того упало, что дьяки должны были изучать его за границей, какъ видно изъ одного письма молдавскаго господаря Александра къ львовскому братству отъ 6 іюля 1558 г. „Пришлите до насъ, писалъ онъ, чотыри діяки млоденци добрыи, а мы ихъ дамо на наученіе пѣтья Греческого и Сербского, и коли ся научатъ, а мы ихъ зася пустимо до васъ, одно штобы мѣли голосы добрыи, бо изъ Перемышля такожъ до насъ посланы суть дьякове на науку“ [5]). Въ виду этого упадка церковнаго пѣнія въ Россіи, а также по причинѣ воспитательнаго значенія его, оно сразу же получило мѣсто въ программахъ братскихъ училищъ, являясь уже въ „Порядкѣ школьномъ“ подъ именемъ „мусики“ (§ 12), и уже въ 1591 г.

---

[1]) Съ русской геометріей XVI—XVII вв. можно познакомиться по «Счетной мудрости».

[2]) «Счетная мудрость». Ср. «Порядокъ школьный», § 13.

[3]) Исторія Кіевской дух. академіи, 206.

[4]) «Засѣданіе въ книжной палатѣ», 33. 34. Ср. рукописный экземпляръ Пренія— въ софійской библіотекѣ (Петербург. дух. акад.), № 1185 (1656—1657 г.), л. 210.

[5]) А. Ю. и З. Р., I, № 133, ш.

львовскіе школьники обнаружили свое искусство въ пѣніи, встрѣтивъ тремя ликами м. Михаила.

Должно остановиться на разъясненіи самаго термина „музыка“. Нѣкоторые усиливаются видѣть въ немъ указаніе на изученіе въ нашихъ братскихъ школахъ инструментальной музыки, отдѣльно отъ вокальной [1]). Но слово музыка даже въ католическихъ школахъ употреблялось, какъ названіе искусства пѣнія (Muzika zaś spiewania... uczy). Такъ она опредѣляется и въ „Порядкѣ школьномъ“: „мусикъ церковного пѣнія“ (§ 12), а въ „Евхаристиріонѣ“ прямо сказано, что „музика учитъ спѣвания“. За это же говоритъ и § 7 Инструкціи учителю Рузкевичу: (Учитель) „обязательно долженъ позаботиться *о музыкѣ*, чтобы басъ былъ съ хорошимъ голосомъ и ровнымъ (pomiernym), дисканты —съ возможно болѣе (звонкими и) пріятными голосами, тоже и альтъ съ теноромъ, и дискантовъ чтобы содержалъ прилично, дабы кто вслѣдствіе недостатка не сбѣжалъ“ [2]). Былъ, повидимому, въ Львовѣ разговоръ о введеніи въ церковное употребленіе и, слѣдовательно, въ школьную программу и инструментальной музыки, но онъ не могъ, конечно, имѣть фактическихъ результатовъ: противъ этого была и вѣковая церковная практика, и авторитетъ греческихъ патріарховъ. Когда львовское братство обратилось къ п. Мелетію Пигасу съ запросомъ относительно того, можно ли ввести въ церковь фигуральную или партесную музыку, т. е. пѣніе [3]), патріархъ, котораго, вѣроятно, спрашивали и объ органахъ, отвѣтилъ въ посланіи ко всѣмъ православнымъ Польши (въ 1594—1598 гг.): „Что̀ скажемъ о музыкѣ? То, что восхвалимъ Бога и живымъ голосомъ или и голосами, какъ гдѣ и у кого принято пѣть Богу... Мы не порицаемъ ни одногласнаго, ни многогласнаго пѣнія, лишь бы оно было вполнѣ прилично и благопристойно. Что же касается до шума и гудѣнія бездушныхъ органовъ, то Іустинъ философъ и мученикъ осуждаетъ это и никогда это не было принято въ церкви восточной“ [4]).—У защитниковъ мысли объ изученіи въ нашихъ братскихъ школахъ музыки есть еще одно доказательство. Г. Линчевскій видитъ въ тѣхъ инструментахъ, которые запрещено было ученикамъ носить въ классы, музыкальные именно инструменты и заключаетъ: очевидно, у учениковъ сильна была страсть къ музыкѣ и послѣдняя, значитъ, преподавалась имъ. Но, во первыхъ, запрещеніе

---

[1]) *Линчевскій*, Тр. Кіев. дух. акад., 1870, III, 140. *Г. Ильинскій*, въ Вол. еп. вѣд., 1893, 967.

[2]) Dipl. stat, p. 111—112. Id. *Крыловскій*, Акты.... № 171. Г. Крыловскій датируетъ эту инструкцію 1586 годомъ и фамилію учителя читаетъ нѣсколько иначе—Руркевичъ. Содержаніе этого документа будетъ изложено ниже.

[3]) «A ieśli się o figuralną albo partesną musykę ktora się w cerkwi Ruskiey, jakoby rzecz nowa na on czas być zdawała, swego własnego pasterza, patryarchy Konstantynopolskiego pytali,—słusznie czynili i nie godziło się im bowiem bez pasterskiego błogosławieństwa y pozwolenia do cerkwi takowego śpiewania przyimować»... (Лиюсъ, Арх. Ю.-З. Р. I, IX, 352).

[4]) *Малышевскій*, Мелетій Пигасъ, II, 89.

носить въ классы музыкальные инструменты логичнѣе принять за доказательство того, что въ классахъ они не были нужны, а затѣмъ, въ луцкомъ уставѣ рѣчь идетъ только о военныхъ снарядахъ (рынштукахъ) и ремесленныхъ инструментахъ.

Итакъ, церковное пѣніе такъ-же, какъ и другія части системы семи свободныхъ наукъ, очень скоро подверглось сильному западному вліянію. До конца XVI ст., а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и дольше, въ юго-западной Россіи было пѣніе хомовое, съ растяженіемъ гласныхъ. И у насъ, какъ въ московской Руси, пѣли: „согрѣши*хомо*, беззаконова*хомо*“, „о рекошеихо мони“ (вмѣсто „о рекшихъ мнѣ“), „Христосо Бого наше“ (вм. „Христосъ Богъ Нашъ“) и т. п. [1]). Братства поняли, что такое пѣніе не имѣетъ въ себѣ ни смысла, ни привлекательности, особенно по сравненію съ пѣніемъ католическимъ, и задумались надъ новой постановкой его и въ церкви, и въ школахъ. Конечно, у нихъ не было бы никакихъ сомнѣній относительно законности введенія искусственнаго пѣнія, если бы оно тогда было въ Греціи. Но тамъ давно уже прошло то время, когда греки чрезъ своихъ пѣвцовъ насаждали въ православныхъ странахъ „ангелоподобіе пѣніе: — изрядное осмогласіе, трисоставное сладкогласованіе и самое красное демественное пѣніе“ [2]). „Cantus figuralis apud Graecos non est“, писалъ въ 1575 г. Стефанъ Герлахъ Мартину Крузію [3]). Надлежало въ виду этого обратиться къ Западу, что̀ братства и сдѣлали, испросивши предварительно разрѣшеніе у вселенскаго патріарха. Правда, и тутъ не обошлось безъ протеста со стороны Іоанна Вышенскаго, который въ „Порадѣ о очищеніи церкви“ (послѣ 1608 г.) строго внушалъ православнымъ: „Латинскій смрадъ пѣсней изъ церкви изжденѣте, простою же нашею пѣснію Русскою поюще, Бога благодарѣте“ [4]). О развитіи искусственнаго пѣнія болѣе другихъ братствъ заботилось, кажется, луцкое, которое владѣло немалымъ числомъ „партѣсъ“, нотныхъ тетрадей для 5, 6 и 8 голосовъ [5]) и пѣвчіе школьники котораго возбуждали зависть даже у іезуитовъ луцкихъ. Были извѣстны братствамъ и сочиненія по теоріи музыки. Таково „Квестіонесъ музика“, упоминаемое въ каталогѣ львовскаго братства [6]).

---

[1]) «Лиѳосъ», Арх. Ю.-З. Р., I, IX, 115, прим.; 350, прим. 2.

[2]) «Степенная книга», I, 224.

[3]) «Danidis Chytraei oratio», 1583, p. 163.

[4]) А. Ю. и З. Р., II, 209. *Франко*, о. с., 358. Повидимому, не одинъ Вышенскій былъ противникомъ новаго пѣнія, если впослѣдствіи Смотрицкій писалъ по адресу православныхъ: «Вы кричите: злая унія, злая унія! а давно ли говорили: злая проповѣдь, проклятое искусное (figuralne) пѣніе! Однакожь теперь, когда все это заимствовали, считаете добромъ» (Exethesis, л. 100 об).

[5]) П. К. К., I, 266.

[6]) Петръ Могила, прилож., № 21. «Quaestiones musicae in usum scholae Northusianae per Jo. Spangenbergium collectae diligenterque ab auctore recognitae. Crac. typ. Mathiae Garivoli. a. 1584» (*Bandtkie*, o. c., I, 186. 187).

Наконецъ, въ нашихъ школахъ преподавалось кое-что и изъ *исторіи*. По крайней мѣрѣ, „Порядокъ школьный“ велитъ учителю „на писмѣ подавати“ ученикамъ „отъ философовъ, поетовъ, *гисториковъ* и прочая“ [1]). Такъ какъ исторія въ то время не была обработана систематически для потребностей низшихъ и среднихъ школъ, то можно согласиться съ проф. Голубевымъ, что въ братскихъ училищахъ „историческіе факты сообщались самые отрывочные и служили прикладными знаніями къ другимъ предметамъ (напр. риторики, чтобы „при случаѣ блеснуть ерудиціею“) [2]). Впрочемъ, въ каталогахъ львовской братской библіотеки находимъ нѣкоторыя сочиненія по древней гражданской исторіи (Θукидидъ, Ксенофонтъ, Плутархъ, Аппіанъ), по церковной (Евсевій), по новѣйшей европейской („Гисторыя Венгерская“) и польской (Хроника Бѣльскаго).

Въ такомъ видѣ древняя система семи свободныхъ наукъ нашла приложеніе къ нашимъ братскимъ училищамъ. Но, разумѣется, не ею создавалось то положеніе школъ, въ которое ихъ поставили обстоятельства времени, и не изученіемъ пяти языковъ онѣ могли спасти западнорусскій народъ отъ увлеченія протестантствомъ разныхъ оттѣнковъ и латинствомъ. Напротивъ, знакомство, хотя бы поверхностное, съ внѣшней, „Аристотелевскою“ мудростью скорѣе могло содѣйствовать переходу въ иновѣріе, что и засвидѣтельствовалъ Іоаннъ Вышенскій [3]). Надлежало дать воспитанникамъ, какъ и совѣтовалъ онъ, прочное богословское образованіе и тогда только приступать къ свѣтскимъ наукамъ. И, дѣйствительно, изученіе основаній православной вѣры и нравственности христіанской было выдвинуто на первый планъ, и утвержденіе учащихся въ благочестіи стало главнѣйшей миссіей братскихъ школъ. Такое именно направленіе ихъ обусловилось, впрочемъ, не только религіозными интересами западнорусской церкви, но и общеевропейскимъ направленіемъ школьнаго образованія. XVI вѣкъ былъ вѣкомъ богословствованія, какъ XVIII-й — философствованія (проф. Шуйскій), и этотъ характеръ его долженъ былъ отразиться и на школахъ. Поэтому даже протестантскіе педагоги, ратовавшіе за отдѣленіе школы отъ церкви, на практикѣ оставили дѣло въ прежнемъ положеніи [4]). Въ католическихъ же и особенно въ іезуитскихъ школахъ связь съ церковью была еще сильнѣе. Тоже должно было повториться и у насъ, несмотря на то, что наши училища взяло въ свои руки не духовенство, а міряне въ лицѣ братствъ.

Религіозно-нравственный характеръ образованія проходитъ у насъ чрезъ весь курсъ ученія. Параллельно съ изученіемъ азбуки и грамматики шло уже обученіе „церковному чину, читаню, спѣваню“ [5]). Матеріаломъ для первоначальнаго славянскаго чтенія служили псалтирь и

---

[1]) § 12 львовской редакціи 1586 г. и луцкой.

[2]) *Голубевъ*, Исторія Кіевской академіи, 206.

[3]) Арх. Ю.-З. Р., I, VII, 28. 29.

[4]) *Шмидтъ*, Исторія педагогики, III, 27. 30.

[5]) «Порядокъ школьный», редакціи львовская 1586 года и луцкая, окончаніе.

часословъ. Дидаскалъ долженъ былъ предлагать уроки, между прочимъ, „отъ св. евангелія, отъ книгъ апостолскихъ, отъ пророковъ всѣхъ, отъ отецъ святыхъ ученія“ [1]). § 15 „Порядка“ требовалъ: „Въ недѣлю и въ праздники Господскія со всѣми маетъ дидаскалъ поки пойдутъ до литургіи розмовляти (бесѣдовать) и ихъ учити о святѣ и празднику томъ и учити ихъ волѣ Божой, а по обѣдѣ евангелію и апостолу праздника того маетъ всѣхъ научити: блаженъ бо, рече, поучаяйся закону Господню день и нощь“. А предыдущій—14-й—параграфъ велитъ учителю субботніе дни, преимущественно предъ другими, посвящать развитію нравственныхъ понятій воспитанниковъ, „учачи ихъ страху Божіему и обычаемъ встыдливымъ младенческимъ“. Что касается собственно учебныхъ духовныхъ предметовъ, то приведенныя выдержки уполномочиваютъ насъ признать, что въ братскихъ училищахъ преподавались свящ. писаніе, церковный уставъ съ литургикой, догматическое и нравственное богословіе. Въ частности, на Свящ. Писаніе обращалось особенное вниманіе, какъ на источникъ другихъ богословскихъ наукъ, почему п. Іеремія и признавалъ необходимымъ прилежное изученіе его [2]). Но оно, очевидно, изучалось не все и не въ обычномъ порядкѣ; на первомъ планѣ стоялъ Новый Завѣтъ, затѣмъ—каноническія книги Ветхаго Завѣта [3]). Догматическое богословіе, вѣроятно, въ большинствѣ школъ исчерпывалось рамками катихизисовъ, гдѣ находило мѣсто и нравственное богословіе.—Но вопросъ о постановкѣ учебныхъ предметовъ переводитъ насъ къ учебникамъ братскихъ школъ, гдѣ онъ болѣе можетъ выясниться.

Учебники и учебныя пособія братскихъ школъ.

Славянскій языкъ. а) Первая славянская грамматика была издана въ 1586 г. съ такимъ выходомъ или послѣсловіемъ: „Бога благаго благодатію. а за прозбою жителей столицы великаго князства Литовъскаго града вильни. Сія Кграматыка словеньска языка. згазофилакіи славнаго града Острога властное отчизны яснѣвельможнаго княжати и пана. пана Константина Константиновича княжати на Острогу, пана на Дубнѣ, воеводы Кіевъского. маршалька земли Волынъское и прочая. Зъ щодробливое его милости ласки выдана для наученья и вырозумѣнья божественнаго писанья. а за помочью Хрістовою на несмертную славу народу дому его княжатской милости выдрукована вмѣсте виленьскомъ. В року отъ нароженья Слова и Бога и Спаса Нашего Ісуса Хріста ,αφπϑ. мѣсяца октяврія и дня, на память преподобныя матере нашея Пелагеи. а

---

[1]) Ibid., § 12. Въ львовской редакціи 1588 г. въ качествѣ источниковъ вѣро-и нравоученія указаны только Евангелія и Посланія.

[2]) П. К. К., III, № 3.

[3]) Неканоническія книги авторъ «Зачапки», хотя и допускаетъ, но только какъ «забаву» и вещь, во всякомъ случаѣ болѣе полезную, чѣмъ «поганскіе учители» (Петръ Могила, прилож., 73, 74).

отсотворенія света ѧѕчє-го. в друкарни дому Мамоничовъ“ [1]).—Въ томъ экземплярѣ грамматики, какой былъ у насъ подъ руками, нѣтъ ни начала, ни конца; къ тому же онъ бракованный. Авторъ ея обозначенъ въ новѣйшей припискѣ: „Святаго Іоанна Дамаскина о осми частехъ слова“. И, дѣйствительно, текстъ ея есть текстъ той грамматики, которая извѣстна по нѣсколькимъ спискамъ XVI—XVII вв., какъ составленная св. Іоанномъ Дамаскинымъ и переведенная на славянскій языкъ болгарскимъ экзархомъ Іоанномъ въ X вѣкѣ. Разница самая незначительная, если не считать латинскихъ заголовковъ на поляхъ [2]). Другой вопросъ—въ самомъ ли дѣлѣ первый Іоаннъ есть авторъ этой грамматики, а послѣдній—переводчикъ,—со времени Калайдовича, открывшаго Іоанна болгарскаго, успѣлъ уже породить цѣлую литературу. Самъ Калайдовичъ рѣшилъ его въ положительномъ смыслѣ. За нимъ пошли Шафарикъ, Востоковъ, Бодянскій и др. Но въ 1859 г. авторы „Описанія рукописей московской синодальной библіотеки“ А. В. Горскій и К. И. Невоструевъ высказали мнѣніе, что ни самая грамматика Дамаскину не принадлежитъ, такъ какъ между твореніями этого св. отца она не упоминается, ни переводъ ея нельзя усвоить экзарху Іоанну. Они склонялись къ мысли, что грамматика—произведеніе неизвѣстнаго сербскаго писателя [3]). Къ мнѣнію Горскаго и Невоструева присоединился Ягичъ, на сторонѣ Калайдовича стали Срезневскій, Потебня, г. Малининъ [4]). Предоставляя филологамъ вѣдаться съ этимъ вопросомъ, мы обратимъ только вниманіе на то, что означенная грамматика едва ли была удобной для изученія славянскаго языка по своей краткости, преслѣдовавшей, повидимому, не школьныя задачи, а общее знакомство съ теоріей языка [5]), и по своей неупорядоченности. Такъ, здѣсь §§ слѣдуютъ въ такомъ порядкѣ латинскихъ заголовковъ: Numeri nominum. Numerus pluralis. Nomini accidunt quinque, genus, species, figura, numerus, et casus. Deriuativa nomina (названія лицъ отъ рода ихъ дѣя-

---

[1]) До послѣдняго времени фактъ напечатанія грамматики въ 1586 г. удостовѣрялся только существованіемъ этого выхода при нѣкоторыхъ рукописныхъ текстахъ грамматики (см., напр., *Строева* Описаніе рукописей Царскаго, № 423). Въ настоящее время извѣстны два печатные экземпляра ея—въ Петербургѣ и въ Перемышлѣ (*Каратаевъ*, Описаніе... 1883, № 113. *Голубевъ*. Ист. Кіев. акад., 190, прим. 2). Теперь теряетъ значеніе «Свѣдѣніе о неизвѣстной книгѣ виленской печати 1586 г.» А. Н. Попова (Чт. въ моск. общ. ист. и др. росс., 1881 г., II, Матеріалы, XI), по которому этой книгой была діалектика, какъ думалъ г. Поповъ на основаніи положенія этого выхода въ Сборникѣ чудова монастыря послѣ «Сказа Андрея» (Курбскаго) о силлогизмахъ. Вмѣсто «граматика» Поповъ, нужно еще замѣтить, читалъ «грамотка»...

[2]) Мы сличали печатный текстъ ея съ тою частью рукописнаго текста, какая перепечатана у Калайдовича въ его сочиненіи: Іоаннъ экзархъ болгарскій, 1824, 167—173.

[3]) «Описаніе», II, 2 ч., 311—313.

[4]) *В. Малининъ*, Грамматика Іоанна, экзарха болгарскаго (Сборникъ статей по славяновѣдѣнію, 1883, СПБ.).

[5]) *Малининъ*, ibid., 194.

тельности: древодѣль, ковачъ...). Nomen Simplex. Nomen compositum. Tempus praeteritum, Futurum. Далѣе о дѣйствительномъ и страдательномъ залогахъ (заголовковъ нѣтъ) и о прочихъ измѣненіяхъ, какимъ подвергаются глаголы. Participium. Casus. De verbo narratio, I. explicatio... Съ другой стороны, здѣсь дана только часть грамматики—этимологія, и то безъ фонетики.

б) Вторымъ учебникомъ славянской грамматики была книжка Лаврентія Зизанія: „Грамматика словеньска совершеннаго искуства осми чястій слова, і иныхъ нуждныхъ. Новосъставлена Л. Z. [1]). Въ Вилнѣ. въ друкарни братской. Року Божого 1596, а отъ созданія міра 7103, мѣсяца февраля 12“ (95 листовъ).—На 2 листѣ помѣщена „Епиграмма на грамматику“, изъ которой читатель узнаетъ, что грамматика состоитъ изъ четырехъ частей: орѳографіи, просодіи, „синтаксисоса“ и этимологіи, и есть „ключъ отворяючій всѣмъ умъ, къ познанію въ препрaвый разумъ“, и что по ней „власне якъ по всходѣхъ (по ступенькамъ) пойдетъ, каждый если хочетъ всѣхъ наукъ дойдетъ“ [2]). Въ „посланіи къ спудеомъ“ авторъ разсуждаетъ о двухъ „скуткахъ“ (результатахъ) отъ изученія грамматики—умѣніи хорошо понимать читаемое и самому „правописати“, и удостовѣряетъ, что она чрезъ „риторику и словесницу, вкупѣ чѳсной философіи“, доводитъ до „естественнаго богословія“. Далѣе рѣчь идетъ о метрѣ и риѳмѣ — „Перестрога хотящимъ вѣршѣ складати“. — Хотя въ началѣ текста вторично заявляется, что грамматика состоитъ изъ четырехъ частей, на самомъ дѣлѣ здѣсь даны только три: орѳографія или правописаніе (1—4 л.) [3]), просодія или припѣло (о мѣстѣ ударенія въ словахъ, 5—15 л.) и этимологія или истинословіе (до конца книги). Послѣдняя часть трактуетъ о осьми видахъ слова или частяхъ рѣчи и даетъ общіе „каноны“ правописанія. Съ 89 листа говорится о метрахъ: „ироическомъ, элегіаческомъ, іамвическомъ“, даются образцы каждаго и совѣтуется въ писаніи стиховъ слѣдовать греческимъ поэтамъ, хотя самъ Зизаній пишетъ риѳмованные силлабическіе стихи [4]). Къ грамматикѣ приложено истолкованіе молитвы Господней.

в) Въ томъ же году Л. Зизаній выпустилъ славянскую азбуку подъ заглавіемъ: „Наука ку читаню и розумѣню писма славенскаго. Ту тыж о святой Тройци и о въчловеченю Господни. Въ Вилни. В друкарни братской“. На заглавномъ же листѣ расположены буквы славянскаго алфавита и слоги, послѣдніе—и на оборотѣ его. За слогами слѣдуютъ молитва Іисусова съ объясненіемъ того, какая мысль содержится въ каждомъ ея словѣ, какой догматъ, противъ какихъ ересей, молитвы св. Духу, Пресв. Троицѣ, Богу Отцу (молитва Господня), символъ вѣры.

---

[1]) Инціалы раскрыты далѣе, въ началѣ текста.

[2]) Мысли этой «эпиграммы», какъ и стихотворнаго обращенія «Типографа (къ) младенцемъ», заимствованы, повидимому, изъ предисловія къ греческой грамматикѣ 1591 г.

[3]) Эта часть изложена на двухъ языкахъ—славянскомъ и западнорусскомъ.

[4]) *Головацкій*, Зоря Галицкая, 1860, 453.

Съ 5 листа—„Лексисъ, сирѣчъ реченія, Въ кратцѣ събранны. Изсловенскаго языка. на простыи руский діалектъ истолкованы. L. Z. Кромѣ этого перваго славяно-русскаго словаря, къ азбукѣ приложено „Стефана Зизанія изложеніе о православной вѣрѣ“ (о немъ ниже).

г) Въ 1619 г. вышла въ свѣтъ знаменитая грамматика Мелетія Смотрицкаго: „Грамматіки славенскія правилное синтагма потщаніемъ многогрѣшнаго мніха Мететія Смотриского, въ коіновіи Братства церковного Виленскаго, при храмѣ Сошествія пресвятаго и животворящаго Духа назданномъ, странствующаго, снисканное и прижитое, лѣта отъ воплощенія Бога Слова 1619. правящу апостольскій престолъ великія Божія Константинопольскія церкве вселенскому патріарсѣ, господину отцу Тімоѳею. Виленскому же коіновію предстателствующу господину отцу Леонтію Карповичу архімандриту. в'Евю“ (248 листовъ) [1]).—Грамматика Смотрицкаго разнится отъ грамматики Лаврентія Зизанія, которую первый, повидимому, совсѣмъ игнорируетъ (см. предисловіе), не только тѣмъ, что здѣсь разработана уже и четвертая часть ея—синтаксисъ, но и большей обстоятельностью и самостоятельностью въ установкѣ законовъ славянскаго языка, „начомъ барзо сходило“ до него. Установленныя Смотрицкимъ правила послужили основаніемъ для дальнѣйшей разработки грамматическаго матеріала славянскаго языка. Грамматика Смотрицкаго издавалась нѣсколько разъ [2]) и надолго сохранила свое научное значеніе; еще Ломоносовъ называлъ ее „вратами учености“, а Добровскій самого автора—princeps Grammaticorum Slavicorum [3]). Тѣмъ не менѣе грамматика Смотрицкаго не безупречна: по общему отзыву ученыхъ и знатоковъ славянскаго языка она грѣшитъ тѣмъ, что въ ней многое взято изъ греческой грамматики и даже изъ латинской, какъ замѣтилъ еще Юрій Крыжаничъ [4]). Особенно несамостоятеленъ Смотрицкій въ отдѣлѣ о синтаксисѣ, гдѣ онъ не только прилагаетъ къ славян-

---

[1]) Нѣкоторые утверждаютъ, что первое изданіе грамматики Смотрицкаго было сдѣлано въ Вильнѣ въ 1618 г. и что евьевское изданіе было вторымъ, ссылаясь на другой заглавный листъ. Дѣйствительно, существуютъ экземпляры грамматики съ двумя выходными листами. различающимися датами, отчасти шрифтами и бордюрами. Но трудно допустить, чтобы первое изданіе разошлось въ теченіе одного года. Естественнѣе предположить, что печатаніе грамматики, начатое въ 1618 г., по какимъ либо причинамъ было пріостановлено и вышло въ слѣдующемъ году съ новымъ заглавнымъ листомъ или цѣлымъ предисловіемъ, если справедливо сообщеніе Я. Ѳ. Головацкаго, что приводимое Іос. Левицкимъ въ прибавленіи къ его «Грамматицѣ рускаго языка» (Перемышль, 1834) предисловіе Смотрицкаго «оучителемъ школнымъ» отличается отъ предисловія 1619 г. «не только въ правописаніи, но и во многихъ разнословіяхъ» (Зоря Галицкая, 1860 г., 460, прим.).

[2]) Въ 1629 г. въ Вильнѣ, въ 1648 и 1721 гг. въ Москвѣ, въ 1755 г. въ Валахіи для сербовъ и болгаръ. Головацкій думаетъ, что и «Грамматика или писменница языка словенскаго тщателемъ в кратцѣ издана в Кремянци», 1638 г., есть передѣлка или сокращеніе грамматики Смотрицкаго (l. c.; ср. *Каратаевъ*, о. с., № 474).

[3]) Зоря Галицкая, 1860, 460.

[4]) Чт. въ моск. общ. ист. и др. рос., 1888, I, 108 въ прим.

скому языку греческія правила, но и заимствуетъ греческія слова даже въ ихъ собственной формѣ и съ ихъ окончаніями (парадигмати, схимати, синтаксеосъ). Всего больше онъ попользовался греческой грамматикой архіеп. Арсенія (1591 г.).

Грамматика М. Смотрицкаго спеціально обслѣдована г. Засадкевичемъ [1]), къ которому мы и отсылаемъ читателя, желающаго поближе познакомиться съ нею, помимо самой грамматики. Мы же укажемъ здѣсь на любопытное предисловіе къ ней, обращенное къ „учителемъ школнымъ". Мелетій Смотрицкій ведетъ въ немъ рѣчь о „пожиткахъ" отъ славянской грамматики, очевидныхъ особенно для тѣхъ, „которыи грецкои любъ латінскои грамматики худозству учили", и рекомендуетъ учителямъ заботиться о развитіи и распространеніи среди русскаго народа „занедбаннаго" въ немъ славянскаго языка, содѣйствуя его пониманію, употребленію и пользѣ. Онъ обѣщаетъ успѣхъ, если при изученіи грамматики будутъ читаться и лекціи на славянскомъ языкѣ, какъ это обычно, и если книги Соломоновы, Сирахова и другія, переведенныя съ греческаго на чистый славянскій языкъ, будутъ переводиться на русскій при помощи словаря и если, наконецъ, бесѣды въ школѣ будутъ вестись на славянскомъ языкѣ.

д) „Грамматика албо, сложеніе писмена, хотящимъся учити словеньского языка. Младолѣтнимъ отрочатомъ... Въ Вилни, року, 1621" (68 листовъ, съ шестью картинками). Изученіе алфавита здѣсь идетъ параллельно съ спряженіями и склоненіями. Напр., при буквѣ Буди стоятъ формы: „Будя—онъ; Будиши—ты; Будитъ—той; Будима—мы два" и т. д. Сопоставляя такую особенность этой азбуки, въ связи съ помѣщенными въ ней выдержками изъ часослова и ветхозавѣтныхъ мудрецовъ, и поясненіемъ: „а сія азбука. отъ книги осмочастныя. сирѣчь грамматики" (2-й листъ), — съ находящимися въ предисловіи къ грамматикѣ 1619 г. словами: „Дѣткамъ учитися починаючимъ букварь, звыкле рекши алфавитаръ этоиж грамматики вычерпненый, абы склоненіямъ грамматичнымъ злѣтъ детинных змовою заразъ привыкали, до выученя подаванъ нехай будетъ. По часословѣ зас и псалтыри (которыи опусканы быти не маютъ) выученю ся овая грамматика... наступитъ", — сопоставляя одно съ другимъ, мы получаемъ нѣкоторое основаніе считать М. Смотрицкаго авторомъ и этой азбуки, которая „вычерпнена" изъ его грамматики и напечатана только въ 1621 г.—Но содержаніе „грамматики" 1621 г. не исчерпывается алфавитомъ и спряженіями,—здѣсь помѣщены краткія свѣдѣнія „по прозодіи" (сопоставленіе формъ словъ, въ которыхъ удареніе можетъ стоять на различныхъ слогахъ: бу́ди и буди́, вари́те и варите́...), „по ортографіи" (ознакомленіе съ сокращеніями и титлами: Бгъ, Бъ, Бга, Ба...). Послѣ всего этого мы находимъ краткія изреченія и тексты Свящ. Писанія въ алфавитномъ порядкѣ: „а. азъ есмь свѣтъ міру; б. Богъ есть прежде всѣхъ вѣкъ.... н. на крестѣ пропяша мя; о. оцта и желчи на-

[1]) «Мелетій Смотрицкій, какъ филологъ». Одесса, 1883 г.

поиша мя; п. праведна Сына Божія“ и т. д. [1]). Далѣе помѣщены прерываемыя священными изображеніями молитвы и отрывки изъ Свящ. Писанія: молитвы Іисусова, Господня, Василія великаго („Господи Боже, избави насъ отъ всякія стрѣлы, летящія во дни“...), Св. Духу, 50-й псаломъ, символъ вѣры, „Ослаби, остави“, „Всесвятая Троице“, молитва Манассіи царя, пѣснь Богородицы и молитва, которую можно назвать школьной: „Премудрости наставниче и смыслу давче, немудрымъ наказателю и нищимъ защитниче“...; отрывки изъ Притчей, Товита, Сираха, Посланія къ римлянамъ. Далѣе—„Сказаніе како состави св. Кирилъ философъ азъбуку“, аскетическое разсужденіе—„о възгорженіи свѣта“, гимнъ блаж. Амвросія, десятословіе, двѣ заповѣди Новаго Завѣта, девять заповѣдей блаженства, 20-я глава Исхода [2])... Всего 136 страницъ.

е) „Букваръ сирѣчъ, начало ученія дѣтемъ начинающимъ чтенію извыкати. въ Кутейнѣ изобразися. в типографіи Спиридона Соболя“, 1631, in 12, 40 листовъ [3]).

ж) Для филологическаго изученія славянскаго языка служилъ также „Лексиконъ славено-росскій, и именъ Тлъкованіе“ Памвы Берынды, написанный и изданный имъ въ пользу спудеевъ (1627). Словарь этотъ во много разъ обширнѣе Лаврентіева „Лексиса“ (475 столбцовъ), выходъ котораго въ свѣтъ совпалъ съ намѣреніемъ Памвы выбирать и систематизировать славянскія слова. Такимъ образомъ, Берында трудился надъ своимъ словаремъ болѣе 30 лѣтъ. Источниками и пособіями для него служили: Библія, толкованія Максима Грека, Мануилъ риторъ, Василій в., Кириллъ іерусалимскій, Григорій Богословъ, Никонъ Черногорецъ, Іоаннъ, экзархъ болгарскій, Андрей критскій, Іоаннъ Лѣствичникъ, Патерики, Уставъ Ѳеодора Студита, Ѳукидидъ, Аристотель, Плутархъ. Въ 1653 г. Лексиконъ Берынды, „якъ потребный и пожитечный многимъ“, былъ переизданъ въ кутеинскомъ монастырѣ [4]).

---

[1]) Это—то же самое, что въ великорусскихъ рукописныхъ учебникахъ извѣстно подъ именемъ азбукъ—границъ или толковыхъ азбукъ. Онѣ часто имѣли догматико-полемическое содержаніе, иногда библейско-историческое. Это содержаніе, изложенное въ стихахъ, начинающихся каждый особой буквой алфавита (акростихъ), оживляло и облегчало изученіе азбуки и такимъ образомъ имѣло дидактическое значеніе (*Миропольскій С.*, Очеркъ исторіи церковно-приходской школы, III, 28—30. 112—116).

[2]) Изданная въ Москвѣ въ 1634 г. азбука Вас. Бурцева почти буквально воспроизводитъ виленскую азбуку 1621 г.: тѣ же молитвы, примѣры, выдержки изъ Свящ. Писанія, даже фраза: «а сія азбука. отъ книги осмочастныя»... Только послѣсловіе принадлежитъ самому Бурцеву.

[3]) *Каратаевъ*, о. с., № 381. Г. Каратаевъ первый изъ библіографовъ дѣлаетъ указаніе на этотъ учебникъ, единственный экземпляръ котораго онъ видѣлъ во Львовѣ. Очевидно, этотъ же Букварь былъ вторично напечатанъ Соболемъ въ Могилевѣ въ 1637 г. (ibid., № 437).

[4]) Сл. *Головацкій*, Зоря Галицкая, 457 Чт въ моск. общ. ист. и др. росс., 1888, I, 109, прим; 173. — Извѣстенъ еще одинъ «Лексисъ съ толкованіемъ словенскихъ мовъ просто», вписанный въ острожскую Библію, принадлежавшую о. архим. Амфилохію, и напечатанный имъ въ Чт. моск. общ. ист. и др. росс., 1884, II, отд. II.

Для практическаго ознакомленія съ славянскимъ языкомъ въ братскихъ школахъ, какъ и вообще въ русскихъ училищахъ всѣхъ временъ, служили священныя и богослужебныя книги, но были и спеціальныя учебныя изданія, въ родѣ Скорининской псалтыри 1517 г., назначенной „детемъ малымъ“, въ качествѣ „початка всякое доброе науки, грамоты“, учащей „добре чести и мовити“. Впрочемъ, по своему составу Псалтырь Скорины, какъ и сходныя съ нею другія учебныя псалтири (заблудовская 1570 г. и виленскія 1586 и 1593 гг.), ничѣмъ не отличаются отъ прочихъ, неучебныхъ [1]). Изъ учебныхъ часослововъ извѣстны острожскій 1602 г. (въ немъ очень крупный шрифтъ) и кіевскій 1617 г. Была, наконецъ, у львовскаго братства „школьная библія“, неизвѣстно чьего изданія.

Греческій языкъ. Упомянутое нами не разъ львовское братское изданіе носитъ такое названіе: „*Γραμματικὴ συντεθεῖσα ἐκ διαφόρων γραμματικῶν διὰ σπουδαίων, οἱ ἐν τῷ τῆς Λεοπόλεως παιδοτριβίᾳ*“, или: „Грамматика сложонна отъ различныхъ грамматикъ, спудеймы иже во львовской школѣ“. Подъ этимъ заголовкомъ на первомъ листѣ помѣщено на двухъ языкахъ изреченіе: „Пріимѣте наказаніе да не когда прогнѣвается Господь и погибнете отъ пути неправеднаго“. На оборотѣ этого листа (ненумерованнаго) и на 2-мъ помѣщено нѣсколько опредѣленій грамматики на греческомъ и славянскомъ языкахъ (изъ нихъ самое простое: „Грамматика естъ, художество зрителное и дѣлательное еже благоглаголати и благописати учащее насъ“). Съ оборота 2-го листа начинается самая грамматика: „о раздѣленіи писменъ“, о числѣ ихъ, о слогѣ, словѣ,—всего четыре листа. Далѣе текстъ прерывается четырьмя вставными листами, на которыхъ помѣщены новый заголовокъ и предисловіе. Новое заглавіе такое: „*Ἀδελφότης*. Грамматика доброглаголиваго еллинословенскаго языка. Совершеннаго искуства осми частей слова. Ко наказанію многоименитому російскому роду. Во Львовѣ. В друкарни Братской. року 1591“. На оборотѣ этого заглавнаго листа помѣщенъ гербъ Львова со стихами, на слѣдующемъ—предисловіе: „правовѣрнымъ оученія любителемъ“ (греческій текстъ короче славянскаго). Потомъ титулы греческихъ патріарховъ и буквы греческаго алфавита. Славянскій текстъ лицевой стороны 9 листа является переводомъ греческаго текста оборота 4 листа [2]). Такимъ образомъ, имѣется греко-славянская грамматика съ двумя заглавными листами, причемъ первый—безъ даты. Нѣкоторые ученые (напр. Лелевель, Головацкій, г. Оглоблинъ, А. И. Соболевскій), основываясь на извѣстномъ посланіи виленскаго братства львовскому отъ 28 мая 1588 г., относятъ

---

[1]) *Владимировъ*, Докторъ Францискъ Скорина, 208. 210.

[2]) Таковъ порядокъ первыхъ 8 листовъ въ экземплярѣ Импер. публ. библіотеки. Въ другихъ извѣстныхъ намъ экземплярахъ (петербургскихъ духовныхъ академій—православной и римско-католической) онъ нѣсколько иной. Въ экземплярѣ, который описываетъ г. Студиньскій («Адельфотес», 1895, Львів, стр. 10) листы 1—4 соотвѣтствуютъ нашимъ 5—8-му. Въ экземплярѣ же литовской духовной семинаріи совсѣмъ нѣтъ 5—8 листовъ.

первый заглавной листъ къ 1588 г. и утверждаютъ, что въ этомъ году была напечатана вся грамматика и что въ 1591 г. было второе ея изданіе. Но справедливо возражаютъ, что посланіе не даетъ права относить къ 1588 г. напечатаніе всей грамматики,—оно говоритъ только о началѣ ея: „посласте намъ начало, проображеніе святыхъ писаній Грамматическихъ языка Греческого и Словеньского, наказующе ны, да пріймемъ со благоразуміемъ, да и прочимъ сподобимся, по евангельскому реченію. Сія убо разсмотрѣвше достойно молихомъ Спаса Нашего, да яко же прежде начатъ, такожде и да совершитъ во васъ благодать сію. Егда же сподобитъ вы оно благодарственное и спасителное начало совершити, молимъ, да избытокъ благодати ихъ будетъ и въ нашемъ лишеніи. И съ проста рещи, 100 или 200 книгъ пошлите намъ". Для всякаго должно быть очевидно, что здѣсь идетъ рѣчь о началѣ книги, а не о началѣ издательской дѣятельности львовскаго братства. При этомъ, допущеніе двухъ изданій необходимо вызываетъ возраженія. Трудно согласиться, чтобы братство, издавая вторично грамматику, въ предисловіи къ ней не сказало объ этомъ, какъ о крупномъ проявленіи школьныхъ успѣховъ, когда оно съ такими подробностями излагаетъ исторію своего училища. Еще труднѣе допустить, чтобы первое изданіе грамматики могло разойтись въ два—три года при какихъ-нибудь пяти школахъ съ греческимъ языкомъ (львовская, виленская, острожская, брестская, владимирская), тогда какъ второе изданіе, при существованіи гораздо большаго числа ихъ, продавалось еще въ 1617 г. Всего естественнѣе предположить, что львовское братство, напечатавъ въ 1588 г. начало грамматики (4 листа), прекратило на время работу по случаю отъѣзда архіеп. Арсенія и, быть можетъ, вслѣдствіе затрудненій типографскаго характера. Въ 1591 же году, составивъ новое заглавіе и необходимое предисловіе и прибавивъ пропущенный - было греческій алфавитъ, оно продолжило печатаніе и выпустило книгу въ свѣтъ, присоединивъ, конечно, первые четыре листа. Таково самое вѣрное, по нашему мнѣнію, объясненіе состава извѣстныхъ экземпляровъ „Еллинословенской грамматики".—Проф. Голубевъ, доказывая, что было только одно изданіе грамматики—1591 г., высказалъ предположеніе, не было ли прислано виленскому братству въ 1588 г. рукописное начало ея [1]). Но противъ этого говорятъ и текстъ отвѣтнаго посланія вильнянъ, и существованіе двухъ заглавныхъ листовъ, и сличеніе шрифтовъ первыхъ четырехъ листовъ нашей грамматики съ остальными листами. Оказывается, что въ той части ея, которая признается нами напечатанной въ 1591 г., есть одна особенность, отличающая ее отъ первыхъ четырехъ листовъ, именно здѣсь нѣкоторыя начальныя буквы славянскаго текста —греческаго характера: *N* (вм. Н), *Z* (вм. З), *Ψ* (вм. Ч), *Δ* (вм. Д), *Σ* (вм. С), *H* (вм. И) [2])... Обстоятельство это служитъ доказательствомъ

[1]) Тр. Кіев. дух. акад., 1887, II, 123, прим.

[2]) Эту особенность шрифта славянскаго текста въ изданіи 1591 г. замѣтилъ уже Головацкій, но онъ не сличалъ его съ частью, напечатанною въ 1588 г.

того, что изданіе было сдѣлано не въ одинъ пріемъ и что, слѣдовательно, виленскому братству было послано напечатанное въ первый разъ.

Грамматика 1591 г. напечатана на греческомъ и славянскомъ языкахъ [1]). Авторомъ ея считается обыкновенно архіепископъ Арсеній, монограмма котораго помѣщена въ концѣ книги. Но онъ не былъ оригиналенъ и самостоятеленъ: онъ сложилъ учебникъ, сильно попользовавшись тѣми „различными грамматиками“, о которыхъ говоритъ первый заголовокъ. Болѣе другихъ Арсенію принесла пользы грамматика Константина Ласкариса, издававшаяся нѣсколько разъ въ теченіе XV ст. [2]). Пользовался онъ также грамматиками Крузія, Меланхтона, Кленарди, изъ которыхъ онъ бралъ цѣлые отдѣлы, обнаруживая самостоятельность только въ умѣломъ выборѣ надлежащаго матеріала и формулировкѣ нѣкоторыхъ новыхъ законовъ [3]). Что до славянскаго текста, то онъ представляетъ по большей части буквальный переводъ греческаго. Техническіе же термины въ немъ заимствованы изъ грамматики, извѣстной подъ именами Дамаскина и экзарха Іоанна. Потому несправедливо считать Арсенія творцомъ западнорусской грамматической терминологіи [4]). Въ переводѣ съ греческаго языка на славянскій участвовали подъ редакціей Арсенія ученики львовской школы, какъ это сказано въ заголовкѣ грамматики и какъ подтверждается авторомъ Перестроги, который говоритъ, что Арсеній „грамматику чрезъ своихъ учневъ зъ друку выдалъ“ [5]).

Были извѣстны братствамъ и другія греческія грамматики. Такъ, въ каталогѣ львовской братской библіотеки упоминается „Кленарди грамматика“ на латинскомъ языкѣ [6]). Возможно, что это экземпляръ виленскаго ея изданія 1600 г. [7]).

Въ исторической литаратурѣ есть извѣстіе о греческой грамматикѣ, написанной будто бы Мел. Смотрицкимъ на латинскомъ языкѣ и изданной имъ въ Кельнѣ въ 1615 г. подъ заглавіемъ: „Institutionum

---

[1]) На одномъ славянскомъ языкѣ изложены правила о «вынятіяхъ» (исключеніяхъ) въ отдѣлѣ о спряженіяхъ. Не составлены ли они кѣмъ-нибудь изъ братскихъ педагоговъ уже послѣ отъѣзда Арсенія?

[2]) *О. Лепкій*, «Нѣсколько словъ о греческо-славянской грамматицѣ, изданной во Львовѣ 1591 г.» Львовъ, 1872.

[3]) *Д-ръ Кирилъ Студинськый*, «Аделфотес», 12—23. Впрочемъ, г. Студиньскій, понимая буквально заглавіе грамматики, говоритъ не объ одномъ авторѣ (Арсеніи), а о многихъ, доказывая, что первые ученики Арсенія могли быть съ знаніемъ греческаго языка, которое дали имъ иновѣрныя школы. Такими онъ считаетъ братьевъ Зизаніевъ (стр. 4). Но Ст. Зизаній уже съ 1586 г. состоитъ учителемъ львовской школы, и ученикомъ Арсенія не могъ быть.

[4]) *О. Лепкій*, о. с., 14.

[5]) А. З. Р., IV, стр. 222. Тр. Кіев. дух. акад., 1898, янв., 17—19.

[6]) Петръ Могила, прилож., № 21.

[7]) Намъ извѣстно, впрочемъ, и болѣе раннее ея изданіе—франкфуртское 1590 г.: «Institutiones ac meditationes in graecam linguam».

linguae graecae libri duo“ [1]). Но никто изъ библіографовъ не видѣлъ ея. Суша, говоря о Лексиконѣ Смотрицкаго и его славянской грамматикѣ, о греческой не упоминаетъ [2]). Потому и нужно признать это извѣстіе невѣрнымъ, тѣмъ болѣе, что въ 1615 г. Мелетій Смотрицкій въ Кельнѣ не былъ и не имѣлъ никакихъ причинъ и поводовъ писать грамматику на латинскомъ языкѣ и издавать ее за границей.

Для изученія *латинскаго языка* употреблялись грамматики Доната, Альвара, какого то Корнелія (не Ультраектина-ли?) и—неизвѣстнаго автора, обозначенная въ львовскомъ каталогѣ словами: „Грамматика латынская партесъ осмъ“. Во второй каталогъ книгъ львовскаго братства внесено три экземпляра греко-латинской грамматики. Здѣсь же упоминаются латинскій словарь и нѣсколько латинскихъ классиковъ и историковъ, которые могли служить для братскихъ воспитанниковъ матеріаломъ для примѣненія къ дѣлу ихъ познаній въ латинскомъ языкѣ [3]).

Богословіе и катихизисы.—Православные западноруссы вступили въ новый періодъ исторіи своего просвѣщенія не совершенно безоружными и чуждыми средствъ къ богословскому образованію. У нихъ уже былъ одинъ катихизисъ—„Френцѣшкова друку“ [4]), и переводная система одного изъ замѣчательнѣйшихъ греческихъ богослововъ—Богословіе св. Іоанна Дамаскина. Переводъ Богословія Дамаскина на славянскій языкъ былъ совершенъ еще экзархомъ болгарскимъ Іоанномъ, который, впрочемъ, перевелъ изъ 100 главъ только 48 [5]). Это и дало поводъ ревнителю православія и просвѣщенія кн. А. М. Курбскому дополнить его, а заодно и исправить устарѣвшій Іоанновъ переводъ по греческому и латинскому текстамъ. Въ новомъ переводѣ Богословіе Дамаскина изложено въ 4 книгахъ и въ 105 главахъ. Первая книга трактуетъ о Богѣ, Его сущности, единствѣ, непостижимости, о Лицахъ св. Троицы, о божескихъ именахъ, объ Его духовности и другихъ свойствахъ (20 главъ). II-ая книга говоритъ „о вѣку“, о твари, объ ангелахъ и демонахъ, о сотвореніи міра видимаго, о небесахъ. огнѣ, свѣтѣ и свѣтилахъ небесныхъ, о воздухѣ, водѣ, землѣ, человѣкѣ, причемъ вдается въ область психологіи, о промыслѣ Божіемъ, о предвѣдѣніи и предуставленіи (30 гл.). Въ III и IV книгахъ рѣчь идетъ „о божественномъ строительствѣ и нашемъ заступленіи“, о боговоплощеніи, о способѣ и слѣдствіяхъ его по отношенію къ Самому Сыну Божію и Пресв.

---

[1]) *Wiszniewski*, VI, 215, прим. 326. *Lelewel*, I, 353. *Maciejowski*, III, 469. *Головацкій*, Зоря Галицкая, 1860, 460. *Сливовъ*, Рус. вѣстн., 1875, IX, 24. Сярчинскій высказалъ даже мысль, что М. Смотрицкій исправилъ собственно греческую грамматику Юрія Либанія, краковскаго профессора начала XVI в.

[2]) «Saulus et Paulus»... 19. О словарѣ М. Смотрицкаго мы рѣшительно нигдѣ не встрѣтили болѣе упоминаній.

[3]) Петръ Могила. прилож., № 21. Чт. въ общ. Нестора лѣтописца, V, Матеріалы, сообщенные С. Т. Голубевымъ, № 5.

[4]) Петръ Могила, прилож., № 21. Во второмъ каталогѣ о немъ нѣтъ и помину.

[5]) Перечень ихъ у Калайдовича (Іоаннъ, экзархъ болгарскій, 1824, стр. 19. 20). Весь же переводъ напечатанъ въ Чт. моск. общ. ист. и др. росс., 1877, IV).

Дѣвѣ, о вѣрѣ, крещеніи, крестѣ, о таинствахъ, о молитвѣ, о почитаніи Дѣвы Маріи и святыхъ, о цѣли творенія, о законѣ Божіемъ, антихристѣ и воскресеніи мертвыхъ (27 и 28 главъ [1]).

а) Первымъ православнымъ катихизисомъ, вышедшимъ изъ братскихъ школъ, былъ катихизисъ Стефана Зизанія 1595 г. [2]) Такъ какъ катихизисъ этотъ католикъ Жебровскій называетъ „объясненіемъ Никейскаго символа“, то можно думать, что содержаніе его состояло если не цѣликомъ, то главнѣйшимъ образомъ изъ истолкованія символа [3]). Изъ брошюры этого же Жебровскаго открывается, что катихизисъ Ст. Зизанія имѣлъ въ виду учебные интересы: авторъ увѣряетъ, что полемизируетъ противъ Зизанія не изъ вражды къ нему, а по любви христіанской, боясь, чтобы столь самовольнымъ ученіемъ многія души какъ

---

[1]) *Поповъ*, Описаніе рукописей А. И. Хлудова, № 60: Творенія Дамаскина въ переводѣ Курбскаго.

[2]) Извѣстенъ еще болѣе ранній катихизисъ, приписываемый виленскому братству (*Bandtkie*, II. 259): «Катехизмъ или наука всѣмъ православнымъ христіаномъ къ повченію велми полезно златинского языка на русскій языкъ новопреложено. Друкованъ у Вильни, 1585, здозволеньемъ старшихъ». Но приходится спорить не только относительно принадлежности его св. троицкому братству, но даже относительно того, православными ли онъ изданъ. Можно утверждать, какъ это и дѣлаетъ м. Макарій, что этотъ катихизисъ—католическаго происхожденія (IX, 421). Правда, проф. Голубевъ допускаетъ, что онъ православный: «Имѣя въ виду общее содержаніе катихизиса, говоритъ онъ, нѣтъ основаній предполагать, что онъ изданъ былъ не православными, а католиками въ видахъ своей пропаганды». Впрочемъ, окончательное рѣшеніе вопроса г. Голубевъ оставляетъ будущему времени, когда будетъ найденъ полный экземпляръ катихизиса (Ист. Кіев. акад., 194, прим.).—Означенный катихизисъ состоитъ изъ пяти главъ: о вѣрѣ и преданіи, о надеждѣ и молитвѣ Господней, о любви и заповѣди Божіи, о сакраментахъ, о повинности справедливости христіанское. Въ томъ экземплярѣ его, который хранится въ Импер. публ. библіотекѣ и которымъ пользовались проф. Голубевъ и мы, имѣется только пятая глава, т. е. та, содержаніе которой всего менѣе можетъ служить къ выясненію занимающаго насъ вопроса. Тѣмъ не менѣе мы думаемъ, что катихизисъ вышелъ изъ латинскаго лагеря. Прежде всего намъ подозрителенъ самый терминъ «здозволеньемъ старшихъ». Какіе это старшіе? св. троицкаго братства? Но мы не знаемъ ни одного братскаго изданія, которое было бы разрѣшено къ печати старшинами братства и чтобы это разрѣшеніе было обозначено на книгѣ. При томъ же, если бы виленское братство и успѣло до 1585 г. реорганизоваться такимъ образомъ, что для должностныхъ лицъ его были уже опредѣлены и такія обязанности его, какъ цензура книгъ, что̀ весьма сомнительно, то гдѣ оно напечатало этотъ катихизисъ? Въ типографіи Мамоничей, откуда вышла и славянская грамматика 1586 г.? Но Мамоничи на своихъ изданіяхъ почти всегда обозначали свое имя. Наконецъ, сомнительно и то, чтобы православные въ пору усиленія реакціи противъ католичества стали переводить латинскіе катихизисы. Всего вѣроятнѣе, что этотъ «Катехизмъ» принадлежитъ къ серіи тѣхъ сочиненій, которыя были рекомендованы Скаргой и Поссевиномъ для распространенія среди православныхъ, съ чѣмъ соглашается и кс. Ликовскій (Przewodnik Polski, 1886, zesz. X., str. 10). Что онъ не православными изданъ, это открывается и изъ сообщенія Бергія объ упсальскомъ экземплярѣ его, въ которомъ первая глава излагаетъ «правильное» ученіе объ исхожденіи св. Духа и отъ Сына (*Bergius Nic.*, Libro de statu ecclesiae et religionis Moscoviticae. Holmiae, 1764, p. 31). Не переводъ ли это катихизиса Канизія, который тоже дѣлился на пять главъ съ тѣми же заголовками?

[3]) Руковод. для сел. пастырей, 1865, II, 416. 460.

простыхъ людей, такъ въ особенности невинныхъ дѣтей, которымъ указанныя заблужденія даются къ школьному изученію, не были заражены и осуждены навѣки [1]).

б) Учебнымъ же руководствомъ по предмету вѣроученія могло служить приложенное къ азбукѣ Лаврентія Зизанія 1596 г. „Стефана Зизанія изложеніе о православной вѣрѣ. Короткимъ пытаніемъ и отповѣданьемъ для латвѣйшого (легчайшаго) вырозумѣня христіанскимъ дѣтемъ“ (6 листовъ). Оно выясняетъ главнѣйшіе пункты нашей догматики посредствомъ бесѣды между „страннымъ“ и „зловѣрнымъ“, причемъ особенное вниманіе обращено на ученіе объ исхожденіи св. Духа [2]) и „о вѣчловеченіи Господни“. Въ концѣ говорится о томъ, какъ слагать персты для крестнаго знаменія.

в) „Катехизісъ, албо вызнане вѣры святое, соборное, апостолъское, въсходнее церкви“, 1600 г. [3]). Катихизисъ этотъ обнимаетъ не всю совокупность православнаго ученія, а есть скорѣе собраніе трактатовъ по нѣкоторымъ важнѣйшимъ вопросамъ православной догматики, причемъ вопросъ объ единствѣ и троичности лицъ въ Богѣ изложенъ съ особой полнотой, — быть можетъ, въ противовѣсъ социніанамъ. Представлялъ ли „Катехизісъ“, напечатанный, по свидѣтельству уніата Дубовича, dla nauk dzieciom, нѣчто цѣлое или былъ только извлеченіемъ изъ болѣе обширнаго курса догматики, читаннаго въ виленской школѣ, какъ догадывается проф. Голубевъ [4]), неизвѣстно. Но правдоподобнѣе послѣднее мнѣніе въ виду неупорядоченности главъ, негармоническаго распредѣленія догматическаго матеріала и отсутствія цѣлыхъ отдѣловъ. Состоитъ катихизисъ изъ 12-ти главъ, которыя расположены въ такомъ порядкѣ. 1) Первый членъ символа вѣры, — объясненіе словъ: Вѣра, Богъ, Отецъ, Вседержитель, Творецъ. 2) Доказательства бытія Божія. Его духовность. 3) Объясненіе мѣстъ Свящ. Писанія, въ которыхъ Богу приписывается тѣлесность. 4 и 5) Единство Божіе при троичности Лицъ. 6) „О крестѣ: о утискахъ, албо бѣдахъ, людий побожныхъ и благочестивыхъ“. 7 и 8) О тайнахъ ветхозавѣтныхъ и новозавѣтныхъ. 9) О пресв. Троицѣ или о трехъ Божескихъ Лицахъ. 10) Объ исповѣданіи православной вѣры и объ ея символахъ. 11 и 12) О вѣрѣ, ея „пожиткахъ“ и необходимости добрыхъ дѣлъ.

г) „Книга о вѣрѣ“. До сихъ поръ не выяснены вопросы ни о числѣ изданій такъ называемой Азаріевой книги, ни о времени и мѣстѣ ихъ, ни объ отношеніи ихъ другъ къ другу. Въ рѣшеніи ихъ г. Голубевымъ, по которому было два ея изданія—виленское 1602 г. и кіевское

---

[1]) Вол. еп. вѣд., 1887, 231: *Бѣляновскій*, «Стефанъ Зизаній».

[2]) Это мѣсто діалога перепечатано проф. Голубевымъ въ Ист. Кіев. академіи, 196—198, а весь онъ—въ Вол. еп. вѣд., 1837, 551—559.

[3]) Перепечатанъ проф. Голубевымъ въ Чт. общ. Нестора лѣтоп., IV, отд. III. Возможно, что этотъ катихизисъ былъ изданъ вторично въ Евьѣ, какъ свидѣтельствуютъ уніатъ Дубовичъ и іезуитъ Рутка (ibid., предисл., 2. 3).

[4]) Ibid., 5.

1619 г. [1]), послѣ возраженій, сдѣланныхъ г. Гильтебрандтомъ, остается вѣрнымъ только то, что около 1619 г. въ Кіевѣ была издана Захаріей Копыстенскимъ „Книга о вѣрѣ“. Что же до другого изданія ея, то гдѣ оно вышло—неизвѣстно; можно только допустить, что оно предшествовало кіевскому изданію [2]). Нельзя даже согласиться съ тѣмъ мнѣніемъ г. Голубева, что первое изданіе „Книги о вѣрѣ“ составляютъ тѣ сочиненія о пресв. Троицѣ и „О образѣхъ, о крестѣ, о хвалѣ Божіей и молитвѣ святыхъ, и о иныхъ артикулахъ вѣры, единое правдивое церкви Христовы“, которыя до того считались отдѣльными. Видѣть въ нихъ двѣ части одного и того же произведенія мѣшаетъ, во первыхъ, то, что извѣстны экземпляры первой книжки съ современными выходу надписями на ней самой и на переплетѣ, удостовѣряющими, что она была именно „Книжкой о пресв. Троицѣ“ [3]). Во вторыхъ, и послѣ эти книжки считались отдѣльными произведеніями. Такъ, въ каталогѣ библіотеки, оставшейся послѣ смерти виленскаго бургомистра Степана Лебедича въ 1649 г., значится книга: „O obraziech y o krzyżcie kathechizm in 8“ [4]). Какъ бы то ни было, оба эти сочиненія въ совокупности и кіевское изданіе 1619 г. представляли богатый догматическій матеріалъ. заключая въ себѣ статьи: о пресвятой Троицѣ, о божествѣ и воплощеніи Сына Божія, о божествѣ и исхожденіи Духа св., „о понуреньи новокрещенскомъ, и о крещеніи дѣтей“, о пречистыхъ тайнахъ Тѣла и Крови Христовыхъ (въ изданіи 1619 г.), о образахъ, о крестѣ, о призываніи святыхъ, о молитвѣ и милостынѣ за усопшихъ, „противъ огневи чистителному“ (въ изд. 1619 г.), о постѣ, объ исповѣди. Въ изданіи 1619 г. сюда присоединены еще два слова преп. Максима Грека о цѣлости символа вѣры и объ исхожденіи св. Духа [5]).

д) Руководствомъ по богословію или пособіемъ къ нему могъ служить Rozdział X Ѳриноса, представляющій по своему содержанію „Katechizm. t. j. sumariusz albo krótkie zebranie wiary y ceremoniy cerkwie św. Wschodniey“, и изложенный въ формѣ исповѣданія вѣры. Здѣсь разъясняются собственно два догматическіе вопроса: о троичности Божескихъ Лицъ (л. 208—209) и о воплощеніи Христа (209—210); главное же содержаніе этого отдѣла составляетъ истолкованіе и выясненіе въ православномъ духѣ множества догматическихъ, нравственныхъ и литургическихъ понятій и терминовъ, какъ напр.: Mundi creatio et providentia, prudentia vel precognitio, contingentia (противъ необходимости, проповѣдуемой стоиками), praedestinatio, fides, charitas, lex, liberum arbitrium, bona opera, angeli et daemones, sacramenta etc. etc.

е) Такимъ же пособіемъ могъ служить изданный въ 1603 г. въ Острогѣ на греческомъ и русскомъ языкахъ „Діалогъ албо Розмова“ п. Мелетія: онъ, представляя, по словамъ м. Макарія, родъ краткаго ка-

---

[1]) «Библіографическія замѣчанія».... Тр. Кіев. дух. акад., 1876, I, 363 и слѣд.

[2]) Ср. *Завитневичъ*, Палинодія Захаріи Копыстенскаго, 278. 279.

[3]) П. П. Л., I, прим., 23. 24.

[4]) А. В. А. К., IX, № 168.

[5]) Тр. Кіев. дух. акад., 1876, I, 371—377.

тихизиса, могъ замѣнять для православныхъ Литвы отсутствіе надлежащаго руководства [1]).

ж) Но, повидимому, въ Острогѣ былъ изданъ и настоящій катихизисъ. По крайней мѣрѣ, въ опись имущества упомянутаго уже нами виленскаго бургомистра Ст. Лебедича внесенъ Катихизисъ острожской печати, in 4-to [2]).

з) „Зерцало богословіи“ Кирилла Транквилліона, 1618 г. [3]), хотя и не было одобрено Іовомъ Княгиницкимъ, который нашелъ въ немъ нѣкоторыя „прегрѣшенія“,—вѣроятно, употреблялось нашими догматистами въ качествѣ пособія при преподаваніи богословія: недостатки, замѣченные Іовомъ, происходили отъ неточности выраженія и маловнимательности автора [4]), притомъ же относились не къ самому „Зерцалу“, а къ присланному Кирилломъ „исповѣданію вѣры“ или „оглавленію“. „Зерцало богословіи“ дѣлится на двѣ части. Первая (15 главъ) трактуетъ о познаніи Бога, объ Его именахъ, свойствахъ и существѣ, о Лицахъ въ Богѣ, въ частности—о Сынѣ Божіемъ, Его вочеловѣченіи, искупленіи, вознесеніи. Вторая (35 гл.)—о твореніи міровъ невидимаго и видимаго, о четырехъ элементахъ послѣдняго, о человѣкѣ и составѣ его, о врагахъ человѣчества, о Вавилонѣ (духовномъ), о трубномъ гласѣ, о церкви и послѣднихъ судьбахъ ея, о страшномъ судѣ.

и) „Събраніе въкратцѣ словесъ отъ Божественнаго писанія и съ объясненіемъ изложеніа св. Апостолъ двунадесяти аръткуловъ православной вѣры“, 1618 г., въ Угорцахъ (самборскаго повѣта), напечатано иждивеніемъ Александра Шептицкаго іером. Павломъ Домживъ-Лютковичемъ и іерод. Сильвестромъ (48 л. in 4-to) [5]).

і) Катихизисъ Лаврентія Зизанія, напечатанный въ 1627 г. въ Москвѣ, послѣ сдѣланныхъ здѣсь измѣненій, подъ заглавіемъ: „Книга глаголемая по гречески катихисис. Политовски оглашеніе. Рускимже языкомъ нарицаемъ бесѣдословіе, Избрана от божественных писаніи. Евангельскія проповѣди. и апостольских ученіи. ісвятых богоносных отецъ. Ввопросахъ и отвѣтех. рекше во образѣ хотящаго разумѣти. і во образѣ могущаго разумъ дати“.—Мы видѣли, что этотъ катихизисъ былъ написанъ на западнорусскомъ нарѣчіи, и возможно, что онъ упо-

---

[1]) *М. Макарій*, X, 335.

[2]) А. В. А. К., IX, № 163 (стр. 483). Интересенъ составъ библіотеки Лебедича; большинство книгъ—латинскія.

[3]) «Сія книга наріцаемая зерцало богословіи, избранна отмногих книг богословскихъ и трудолюбіем съставлена еромонаха Кирила Транъквилиона и проповѣдника слова Божіа его власнымъ коштомъ и накладомъ выдрукована вманастыру почаевскомъ вмаетности его милости пана андрѣя Фирлѣя. року ΑΧΝΙ, мца марта 12 дня», 84 листа.

[4]) Кириллъ писалъ, напр., что хлѣбъ видимый премѣняется въ истинное Тѣло и Кровь Христа, а Іовъ усмотрѣлъ въ этомъ латинство, такъ какъ по католическому вѣрованію облатка премѣняется въ Тѣло и Кровь одновременно. Въ упрекъ Кириллу его рецензентъ ставилъ и то, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ онъ «богословствуетъ и догматизуетъ сокращеннѣ», не давая нужныхъ объясненій (Петръ Могила, прилож., № 35).

[5]) Памятн. рус. старины въ зап. губерніяхъ имперіи, VI, 180.

треблялся въ нашихъ школахъ задолго до своего напечатанія [1]). Возможно также, что Л. Зизаній вывезъ изъ Москвы въ Литву экземпляры своего катихизиса, хотя нужно замѣтить, что существуетъ гораздо больше рукописныхъ экземпляровъ его, чѣмъ печатныхъ [2]), что объясняютъ тѣмъ, что Лаврентіева катихизиса не одобрили будто бы восточные патріархи, къ которымъ посылалъ его п. Филаретъ и которые велѣли сжечь его [3]).—Катихизисъ Лаврентія Зизанія состоитъ изъ слѣдующихъ частей: 1) Символъ вѣры, 2) Молитва Господня, 3) О любви и десятословіи, 4) О Богѣ, 5) Объ исхожденіи св. Духа отъ Отца и 6) о семи таинствахъ [4]).

Кромѣ всего этого, пособіями при изученіи православной вѣры служили многочисленныя полемическія сочиненія. Интересъ къ религіознымъ вопросамъ въ ту пору былъ такъ живъ и силенъ въ нашемъ обществѣ, что сочиненія православныхъ полемистовъ прочитывались сообща [5]) и чаще всего въ школахъ именно, гдѣ учитель могъ и прочитать ихъ вслухъ всѣхъ и истолковать непонятное. Указаніе на это мы встрѣчаемъ въ сочиненіи Вышенскаго: „Краткословный отвѣтъ Феодула“, къ которому приложена небольшая статья: „О чину прочитанія сего писанія“. Здѣсь Вышенскій убѣждаетъ: „соборно собравши братію православныхъ въ школу рано проспаніи нощномъ доколѣ еще молва мирская, сомущеніе и попеченіе на мысль бодрую и здравую не взыйдетъ и не оболѣетъ промысломъ земнымъ, и доколѣ еще чрево неналадовано (не набито) гноемъ снѣднымъ, тогда да читаетъ“—„прочитатель во чтеніи искусенъ“, но не въ одинъ пріемъ, чтобы не утомить и не разсѣять вниманія слушателей. „Сеже вездѣ на соборахъ братскихъ тако да исправляется, идѣже сіе писаніе дойдетъ, яко знаютъ христіане что есть наша простая восточныхъ вѣра, и что другихъ отщепенцовъ хитрое безвѣріе“ [6]). Что это былъ не единичный случай и что желаніе Іоанна Вышенскаго не было вызвано авторскимъ самолюбіемъ его, а отображало существовавшую въ братствахъ практику, видно изъ слѣдующаго.

---

[1]) Окончательно отдѣланъ или дописанъ катихизисъ послѣ 1620 г., судя по ссылкѣ въ немъ, по вопросу объ исхожденіи св. Духа, на п. Θеофана, съ которымъ, повидимому, Л. Зизаній лично объяснялся (Вол. еп. вѣд., 1890, 9. 10; ср. Тр. Кіев. дух. акад., 1898, февр., 168. 169).

[2]) Печатные экземпляры имѣются въ Румянцевскомъ музеѣ, въ библіотекахъ Хлудова и Солдатенкова («Засѣд. въ книж. палатѣ», пред., 3).

[3]) Руков. для сел. паст., 1865, II, 508. 509. Вол. еп. вѣд., 1890, 137—140. Впослѣдствіи катихизисъ Л. Зизанія былъ перепечатанъ раскольниками въ Гроднѣ въ 1783 и 1788 гг. и единовѣрцами въ Москвѣ въ 1874.

[4]) *Архим. Леонидъ*, Описаніе рукописей гр. Уварова, I, №№ 270. 271.

[5]) Сказанія кн. Курбскаго, 262. 263.

[6]) *Голубевъ*, Петръ Могила, прилож., 144. 145, Ср. *Франко*, 281. 282, гдѣ онъ выражаетъ увѣренность, что эта статейка впослѣдствіи самимъ Вышенскимъ была помѣщена въ началѣ составленнаго имъ сборника своихъ сочиненій.—Какъ широко распространены были произведенія Вышенскаго, видно изъ письма священноинока скитской обители Леонтія къ одному львовскому мѣщанину (*Голубевъ*, «Объяснительные параграфы».... Кіев. еп. вѣд., 1893, 320).

Тарасій Земка, касаясь въ предисловіи къ служебнику 1629 г. вопроса объ еретичествѣ автора Апокрисиса, оправдываетъ православную церковь тѣмъ, что она и не принимала соборно книги Филалета: „Когда (церковь) отъ него изданное похвали и утвръди; гдѣ *въ училищехъ*, гдѣ въ церквахъ отъ амвона людемъ прочитывашеся?“ спрашиваетъ Земка [1]). Значитъ, другія полемическія произведенія читались въ школахъ и ихъ, разумѣется, слушали не только взрослые, но и ученики.

Вотъ все, что мы знаемъ о печатныхъ учебникахъ братскихъ школъ. Но, конечно, ихъ было больше, а затѣмъ, недостатокъ печатныхъ руководствъ восполнялся записками, выдавать которыя ученикамъ уполномочивалъ дидаскаловъ § 12 „Порядка школьнаго“. Безъ сомнѣнія, всѣ означенныя руководства распространялись чрезъ посредство братствъ и по другимъ православнымъ училищамъ, небратскимъ, и ими же пользовались домашніе учителя. Но, вѣроятно, ни одно братство не имѣло полнаго подбора учебниковъ; тѣмъ бѣднѣе ими были менѣе значительныя школы. Въ иныхъ захолустныхъ городахъ и селахъ вся учебная литература исчерпывалась кругомъ богослужебныхъ книгъ, только иногда выходя за предѣлы его, если случалось, что въ церковь кто-нибудь завѣщалъ свою библіотеку. Иногда жертвователь давалъ книгѣ спеціальное учебное назначеніе. Драгоцѣнное указаніе въ этомъ родѣ даетъ замѣтка на одной книгѣ, хранящейся въ виленской публичной библіотеки: „Книга тайная тайныхъ, или наставленія Аристотеля Александру Македонскому“. Замѣтка эта гласитъ: „Сия книга рекомая до науки и выразуменя людского дана ми есть отъ пана швакъгра моего отъ пана Яроша Каспоровича Лединскаго въ р. 1607 22 ноября, которую я Григорей по животе своемъ при церкви Девятковской, храме светое пятницы вечне, а непорочне (sic) зоставую, *которое книги кажный верный крестьянинъ* а иле кгрецкое веры *читати и учитисе буде*“... [2]).

Педагогія братскихъ школъ; организація ихъ.

Какъ были устроены братскія училища, на сколько классовъ дѣлилось каждое, что изучалось въ отдѣльномъ классѣ, въ какомъ порядкѣ выполнялась программа, каковы были средства нравственнаго воздѣйствія братскихъ педагоговъ на учащихся,—свѣдѣній обо всѣмъ этомъ сохранилось, нельзя сказать, чтобы вполнѣ достаточно. Въ дошедшихъ до насъ памятникахъ мы имѣемъ отображеніе далеко не всей школьной жизни, благодаря тому, что братства находили, что „обычаи всея школы и порядки вси—много бы писати“. На основаніи же записаннаго картина школьной жизни представляется намъ въ слѣдующемъ видѣ.

Высшій надзоръ надъ всѣми братскими школами въ изслѣдуемый нами періодъ времени принадлежалъ, конечно, константинопольскимъ патріархамъ и кіевскимъ митрополитамъ. Они оказывали покровитель-

---

[1]) *Голубевъ*, «Библіограф. замѣчанія»... (Тр. Кіев. дух. акад., 1876, I, 143).

[2]) *Ф. Добрянскій*, Описаніе рукописей виленской публичной библіотеки, № 272.

ство школамъ и слѣдили за тѣмъ, чтобы школы оставались вѣрны духу православія.

Каждая отдѣльная школа находилась въ нравственной и матеріальной зависимости отъ устроившаго ее братства. Но такъ какъ отъ вмѣшательства въ ея жизнь всѣхъ и каждаго могло потерпѣть учебное дѣло, что и случилось въ десятыхъ годахъ XVII ст. въ Львовѣ, то братства непосредственный вадзоръ надъ училищами передали особымъ должностнымъ лицамъ изъ своей среды. „Мають быти приставлены отъ братий два человѣка искусные ради строенія школного—говорится въ Порядкѣ 1588 г.,—да соглядаютъ науки, и дѣлъ дидаскаловыхъ благыхъ и лукавыхъ, еже бо сѣетъ человѣкъ, тоже и пожнетъ. И тымъ братіямъ маеть быти данъ реестръ подъ печатью братскою, въ который мають дидаскали вписовати дѣти данные до науки“ (§ 1). Эти „строители школные“, наблюдая за исполненіемъ устава какъ учителями, такъ и учениками, время отъ времени напоминали родителямъ и хозяевамъ ученическихъ квартиръ, чтобы дѣти и дѡма поступали „ведле порядку науки школной“. И если оказывалось въ ученикахъ что-нибудь противное „наукѣ“ и „людскости“, они подвергали взысканію виновныхъ—учителя или тѣхъ, кто препятствовалъ ученію и добрымъ нравамъ, увольняя перваго и удаляя вторыхъ (§§ 18 и 20). Въ виленскомъ братствѣ „дозорцы школьные“ (они же и шпитальные) заботились также „о поживеню (о содержаніи) нищихъ убогихъ школнихъ“. Въ случаяхъ, выходящихъ изъ ряда обыкновенныхъ, они привлекали къ совѣщанію и прочихъ четырехъ представителей братства—братій старшихъ и строителей церковныхъ. А затѣмъ школьныя нужды были предметомъ разсужденій на общихъ сходкахъ, на которыхъ братчики контролировали дѣйствія преподавательскаго состава и дозорцевъ школьныхъ [1]).

Къ концу нашего періода надзоръ надъ нѣкоторыми братскими училищами перешелъ къ духовнымъ членамъ братствъ. Въ Вильнѣ начальство надъ нимъ стало принадлежать „старшему и ректору“ св.-духовскаго монастыря съ десятыхъ годовъ XVII ст., въ Луцкѣ—съ 1624 г. Въ зависимости отъ этого находилось различіе въ обязанностяхъ ректора школы: тогда какъ въ Львовѣ онъ былъ вмѣстѣ и преподавателемъ, въ Луцкѣ онъ соотвѣтствовалъ львовскимъ „строителямъ школнымъ“,—былъ обыкновенно только администраторомъ. Здѣсь онъ наблюдалъ за учителями, учениками и порядкомъ въ классахъ, производилъ мѣсячные экзамены, принималъ въ школу новичковъ и слѣдилъ за тѣмъ, чтобы ученики не держали у себя иновѣрческихъ и еретическихъ книгъ [2]). Наконецъ, ректоръ училища являлся—одинъ ли или вмѣстѣ съ „строителями“—представителемъ интересовъ его предъ гражданскими властями.

---

[1]) Артикулы виленскаго братства, §§ 6 и 9 (*Голубевъ*, Петръ Могила, прилож., 243 и 245). И. Іеремія въ соборной грамотѣ отъ 17 мая 1591 г. называетъ наблюдателя надъ школой—ὁ ἐφημέριος, «недѣльникъ» (Dipl. stat., № 22; id. А. Ю. и З. Р. II, № 159). Но невидно, чтобы «дозорца» былъ только одинъ и чтобы его служба продолжалась такъ недолго: обыкновенно «старшіе» избирались на годъ.

[2]) «Постановенье порядное», П. К. К., I, 67. 68. Луцкій школьный уставъ, §§ 1. 2. 9.

Учителя избирались и нанимались братствами или въ полномъ ихъ составѣ или ихъ уполномоченными, т. е. тѣми же строителями, а въ нѣкоторыхъ городахъ—игуменами братскихъ монастырей. Такъ какъ дидаскалы должны быть примѣромъ для дѣтей во всѣхъ добрыхъ дѣлахъ, то требовалось, чтобы они удовлетворяли извѣстнымъ нравственнымъ условіямъ,—чтобы были людьми благочестивыми, разсудительными, смиренными, цѣломудренными, воздержными [1]). Но, конечно, при этомъ обращалось вниманіе и на ихъ умственную правоспособность; виленское братство приняло Кирилла Транквилліона послѣ пробныхъ уроковъ. При наймѣ учителя братство заключало съ нимъ письменный или устный договоръ, содержаніе котораго составляли вопросы о срокѣ службы, о жалованьи, о предметахъ преподаванія. Иногда братчики давали новому учителю письменную инструкцію, соблюдать которую онъ обязывался собственноручной подписью. Такова инструкція Рузкевичу, въ силу которой онъ долженъ былъ: 1) хранить трезвость; 2) присутствовать въ церкви на клиросѣ, особенно въ праздничные дни, а въ случаѣ невозможности—замѣнить себя кѣмъ-либо другимъ и объяснить старшему (panu prowizorowi szkolnemu) причину своей неявки; 3) установить дежурства по колокольнѣ, наказывая непослушныхъ плетью, а болѣе возрастнымъ дѣлая выговоръ или донося дозорцѣ школьному; 4) въ школѣ поддерживать уваженіе къ себѣ и согласіе и любовь между учениками; 5) наблюдать, чтобы чередной во время богослуженія не пускалъ въ школу разныхъ подмастерьевъ (szewczykow, krawczykow); 6—8) пріискать хорошихъ пѣвчихъ и заботиться о церковномъ пѣніи; 10) наблюдать, чтобы ученики во время проповѣди въ церкви стояли противъ каѳедры, и каждый урокъ начинать молитвой; 11) слѣдить, чтобы бѣдные ученики не ходили за сборомъ милостыни долѣе опредѣленнаго часа ночи. 9-й пунктъ этой инструкціи возлагалъ на Рузкевича особую обязанность, не имѣвшую отношенія къ его прямому дѣлу, именно приготовленіе свѣчъ,—для членовъ братства, вѣроятно.

Отсюда видно, что братскіе учителя служили не только школѣ, не и церкви, организуя для послѣдней пѣвческіе хоры и, очевидно, принимая непосредственное участіе въ церковномъ пѣніи и чтеніи. Это же подтверждается и довольно часто прилагавшимся къ нимъ названіемъ „дьякъ“ [2]), а также исторіей рогатинскаго бакаляра Ѳеодора, которымъ городскія власти въ Рогатинѣ остались недовольны за то, что онъ пѣлъ „не по нашему, а по литовски“; рискуя лишиться его, тамошнее братства просило львовянъ прислать человѣка, который бы „у церкви рядъ отправлялъ, ачеи бы нѣчто и по грецку учити могль“ [3]). Насколько часто

---

[1]) Порядокъ школьный, §§ 1. 20. Инструкція учителю Рузкевичу, § 1 (Dipl. stat., 111; id. *Крыловскій*, Акты, № 171). Уставъ вилен. братства, § 9 (Петръ Могила, прилож., стр. 245).

[2]) Въ 1590 г. подъ именемъ «дьяка Стефана» фигурируетъ львовскій учитель Стефанъ Зизаній (Monum. confr., I, № 146), а въ 1604 г.—учитель школы онуфріевскаго монастыря (Наук сборн., 1868 г., Акты, № 19). Дьяками называются школьные учителя въ Брестѣ въ 1590 г. (Арх. сб., XI, № 6), въ Минскѣ въ 1619 г. (Минскія грам., № 74), въ Луцкѣ въ 1626 г. (Рукоп. кн. Аѳ. Мисловскаго, л. 59 об.).

[3]) Monum. confr., I, №№ 180. 283.

происходило въ тѣ времена совмѣщеніе бакалярства съ дьячествомъ, показываетъ и отвѣтъ К. Саковича на упрекъ автора Лиѳоса, что онъ не знаетъ устава церковнаго, хотя былъ дьякомъ: „Нисколько не вредитъ доброй славѣ ни моей, ни другихъ то, что, будучи прежде бакалярами, или дьяками, послѣ становимся священниками и пресвитерами, ибо изъ хорошаго бакаляра выходитъ также добрый священникъ. А я былъ не только бакаляромъ, но старшимъ надъ бакалярами, т. е. ректоромъ въ вашихъ кіевскихъ школахъ“ [1])...

Въ связи съ вопросомъ о сложныхъ обязанностяхъ нашихъ братскихъ ректоровъ и учителелей стоитъ вопросъ объ обезпеченіи ихъ. „Стропители школьные“ жалованья не получали: эта должность была почетной. Не получали его и ректора-игумены [2]). Прочіе ректоры находились въ одномъ положеніи съ рядовыми дидаскалами, учительскіе труды которыхъ они раздѣляли. Братскіе учителя были наемными, „юркгелтовыми“ слугами братствъ и состояли на ихъ полномъ иждивеніи, получая отъ нихъ не только деньги, но и пищу, одежду и вообще все нужное для жизни [3]). Точно также и въ меньшихъ школахъ—приходскихъ и патронируемыхъ братствами—учителя получали содержаніе натурою. Такъ, бакаляръ ельненской школы, по фундушовому листу ея основателя, участвовалъ наряду съ членами причта во всѣхъ ихъ ружныхъ доходахъ, состоявшихъ изъ жита, ячменя, bałwupy (?), гречихи, гороху, солода, пшеницы, масла, сыровъ, соли; сверхъ того онъ получалъ 4 к. гр. на одежду (na suknię rasse) [4]). Размѣры жалованья не были одинаковы въ различныхъ братствахъ и даже въ одномъ и томъ же подвергались колебаніямъ, въ зависимости отъ благосостоянія его; принимались также во вниманіе и количество и важность предметовъ, которые преподавали учителя. Такъ, львовское братство назначило въ 1604 г. своему новому ректору Іоанну Борецкому, который взялся преподавать древніе языки, 40 зл. въ годъ, а Сидоровичу, учителю славянскаго языка и регенту,—20 зл. [5]). Преподаватель польскаго и латинскаго языковъ въ виленской школѣ Чаплинскій сговоренъ былъ въ 1605 г. за 20 к. гр., т. е. приблизительно за 60 рублей, по нынѣшнему счету [6]). Кромѣ жалованья братскіе учителя имѣли и другіе денежные доходы [7]). Въ числѣ ихъ были проценты съ завѣщанныхъ благотворителями капиталовъ (напр., Сагайдачнымъ въ Львовѣ) и взносы за право ученія. Что

---

[1]) Арх. Ю.-З. Р., I, IX, 326, прим. (замѣчаніе Саковича).

[2]) Впрочемъ, въ Луцкѣ игуменъ Митрофанъ, принявшій на себя и ректорство и проповѣдываніе въ храмѣ, получалъ отъ братства 100 зл. (Рукоп. кн. Аѳ. Мислављскаго, л. 59).

[3]) Письмо Ѳ. Скумина къ львовскому братству 22 окт. 1591 г. (Monum. confr., I, № 205). А. В. А. К., VIII, № 26.

[4]) Рукоп. кн. Аѳ. Мислављскаго, л. 113 об.

[5]) Лѣтоп. Львов. брат., 91. Тр. Кіев. д. акад., 1887, II, 129. 130.

[6]) А. В. А. К., VIII, № 26.

[7]) На разнообразіе ихъ указываетъ луцкое братство, когда говоритъ: «доходы всѣ которые колвекъ на дяка нашего при монастыре мешкаючого, якимъ колвекъ именемъ названые шли».. (Рукоп. кн. Аѳ. Мислављскаго, л. 59 об.).

послѣдніе поступали въ ихъ именно пользу, указаніе на это мы видимъ въ „Порядкѣ школьномъ“. „И тымъ братіямъ (т. е. строителямъ школьнымъ), говорится здѣсь, маеть быти данъ реестръ подъ печатью братскою, въ который маютъ дидаскали вписовати дѣти данные до науки, и ведлугъ лѣтъ и науки дитинное маетъ быти и заплата имъ, т. е. дидаскаломъ“ [1]).

Плата за право ученія на первыхъ порахъ совсѣмъ не была опредѣлена. Въ первой редакціи „Порядка“ о ней нѣтъ и помину. Отношеніе братства львовскаго къ этому вопросу было самое свободное: оно предоставляло родителямъ платить по силѣ возможности. Еп. Гедеонъ писалъ 1 мая 1587 г., что Арсеній елассонскій учитъ убогихъ „за прости Богъ“, а богатыхъ—„за рожнымъ даткомъ“. Изъ другихъ современныхъ документовъ мы узнаемъ, что „нищіе“ и сироты совсѣмъ освобождались отъ взноса за право ученія, замѣняя плату молитвами за братство [2]), а съ болѣе состоятельныхъ взималось по 6, 8, 10, 12 и даже 16 грошей за четверть года. Сумма взноса опредѣлялась, очевидно, степенью состоятельности родителей и тѣмъ классомъ, куда принимался ученикъ. Если отецъ приводилъ сразу двухъ сыновей, за одного платилъ обыкновенно 12 грошей, за другого вдвое менѣе. Иные обѣщали прибавить къ этому возъ дровъ на зиму. Заслуживаетъ вниманія еще одна запись въ „Реестрѣ школьномъ“: „Священникъ Сиховскій Іоаннъ Лазара сына своего далъ учити писати, абы умѣлъ скоропис и иныхъ братственныхъ наукъ, змовилъ до Великодне (до Пасхи) быти ему, за то маеть дати 30 грошей, (возъ дров)ъ, или што ласка его“. Повидимому, онъ хотѣлъ, чтобы его сына обучили въ нѣсколько мѣсяцевъ, почему и долженъ былъ уплатить больше другихъ, причемъ обѣщалъ наградить учителей еще чемъ-нибудь. Такое рѣшеніе вопроса о платѣ осталось дѣйствующимъ въ львовскомъ братствѣ, повидимому, навсегда, такъ какъ оно было узаконено „Порядкомъ“ 1588 г., гдѣ сказано, что „заплата“ учителямъ имѣетъ быть „ведлугъ лѣтъ и науки дитинное“, почему размѣръ ея опредѣлялся каждый разъ по соглашенію строителей школьныхъ съ родителями „хлопца“ (§ 1). Въ луцкомъ братствѣ въ этомъ вопросѣ руководились сначала „Порядкомъ“ 1586 г., а потомъ установили опредѣленный взносъ при поступленіи ученика—4 гроша, которые шли въ школьную кассу [3]). Что касается, въ частности, братчиковъ, то хотя въ школьномъ реестрѣ и они значатся вносящими извѣстную плату за своихъ дѣтей (напр., Ив. Красовскій, Ив. Рогатинецъ), но на ихъ волю было предоставлено, сколько давать. Въ протоколѣ львовскаго братства 1604 г. вписана такая статья: „Братія, которые сыны свои

---

[1]) Редакція 1588 г., § 1. Впослѣдствіи въ Львовѣ эти взносы зачитывались учителю въ качествѣ жалованья (Тр. Кіев. дух. акад., 1887, II, 132. 133).

[2]) Реестръ учениковъ, поступившихъ въ львовскую школу въ 1586—1590 гг. (*Крыловскій*, Акты, № 33). Въ инструкціи учителю Рузкевичу мы читаемъ: «Niszcze po wieczornią koniecznie mają przed obrazem Panny Przeczystey «za wsich molyszysia» co dzien odspiewywać» (§ 6).

[3]) Луцкій уставъ, § 2. Здѣсь не выяснены ни назначеніе школьной кружки, ни роль «пенитарха», который записывалъ «въ большой школьный реестръ» внесшихъ деньги.

даючи до школы учити языка грецкого и латинскаго схоти (по желанію) своей поступаючи кождый съ преможеня своего отъ сына братству всему, с которыхъ то грошій маетъ давати тую контентацію (вогнагражденіе) дидаскалови вышмененную“ (т. е. жалованье Ивану Борецкому) [1]). Въ другихъ школахъ, напр. виленской, могилевской, дѣти братчиковъ учились совершенно даромъ [2]).

Наши братскія школы были общесословными, и потому происхожденіе мальчика нисколько не вліяло на пріемъ его въ училище. Въ львовскую школу, какъ видно изъ ея „Реестра“, принимались дѣти „пановъ“, т. е. шляхты, священниковъ, діаконовъ, кузнецовъ, пекарей, маляровъ, кравцовъ, кушнеровъ и даже нищіе. И въ самой школѣ къ богатому относились такъ же, какъ и къ бѣдному: „богатыи над убогимъ в школѣ нѣчимъ вышшии не маютъ быти, только самою наукою, плотію же равно вси, всѣ бо есми о Христѣ братія, Христа главы единоя уды, ни единъ же уудъ, око руцѣ и рука нозѣ рещи можетъ не требѣ ми еси“ („Порядокъ“, § 4). Точно также пріемъ въ училище не обусловливался ни возрастомъ дѣтей, ни временемъ года. Хотя и есть данныя предполагать, что въ болѣе благоустроенныхъ школахъ учебный годъ начинался съ сентября и вообще осенью [3]), но на первыхъ порахъ и въ этомъ отношеніи господствовала полная свобода. Изъ львовскаго „Реестра“ мы узнаемъ, что сынъ пана Алексѣя былъ принятъ 16 ноября, сынъ священника Ѳеодора—3 декабря, сыновья Ивана Коваля Когута и Григ. Щуцкаго—4 февраля (1588 г.), около 10 человѣкъ—7 марта и четыре—10 марта, затѣмъ обозначены 10, 14 апрѣля, 8 и 20 мая, великій постъ, 2 и 4 недѣли по Пасхѣ..

Но существовали все же извѣстныя формальности, которыми обставлялся пріемъ въ школу. Мальчикъ непремѣнно долженъ былъ приводиться отцомъ или матерью, а въ случаѣ круглаго сиротства—опекуномъ или человѣкомъ, извѣстнымъ братству. Такъ, мы читаемъ въ львовскомъ „Реестрѣ“, что „Сташковская, удова съ предмѣстыя Галицкого, отдала Антонія, сироту“, что „Варвара Грицковая отдала, презъ пана Леска, сына своего Ѳедька“, что „панъ Стефанъ самъ презъ себе далъ хлопця Арсения“... Требовалось также, чтобы отецъ, приводя сына, бралъ съ собой сосѣда или двухъ, въ присутствіи которыхъ и договаривался бы съ учителемъ и дозорцами школьными относительно того, чему должно обучать его и сколько за него платить. Предварительно онъ долженъ былъ познакомиться съ уставомъ училища, „абы вѣдалъ, яковымъ способомъ будутъ сына его учити (и што за то повиненъ), и яко бы мѣлъ ему въ томъ порядку непрешкажати, але помагати всякимъ способомъ дѣтину ку науцѣ, и послушенству дидаскаловому приводячи, якъ

---

[1]) Тр. Кіев. дух. акад., 1887, II, 132. 133.

[2]) А. В. А. К., IX, № 53. А. З. Р., IV, № 119. «Дѣтей братьи уписной и убогихъ сиротъ... накладомъ братскимъ дармо учити повинны», говорится въ королевскихъ грамотахъ, утверждавшихъ братскіе уставы.

[3]) 1 сентября начиналось ученіе въ могилянской коллегіи (Петръ Могила, прилож., № 89). Каникулы братскихъ училищъ приходились приблизительно на мѣсяцы іюль и августъ (см. переписку львовскаго братства съ перемышлянами; ibid., №№ 7—9).

правдивый отецъ, хотячи потѣху по працѣ (и накладѣ) благый плодъ видѣти, и маетъ въ реестръ по обычаю вписатися“ [1]). Съ этой же цѣлью въ луцкомъ уставѣ предлагается новопоступающему и самому присматриваться въ теченіе трехъ дней къ школьнымъ порядкамъ и къ ученію, пользуясь въ случаѣ бѣдности даровымъ содержаніемъ, „жебы сквапливе (поспѣшно) почавши, прудко (скоро) не раскаялся, и предсявзятья (намѣренія) не покинулъ“, и только послѣ этого предварительнаго знакомства съ школой онъ вносился въ число ея учениковъ (§§ 1. 2). Нѣкоторыми же формальностями сопровождалось и взятіе ученика изъ школы, если только при опредѣленіи не было сказано, что онъ отданъ на такой-то срокъ. Именно требовалось, чтобы отецъ или опекунъ бралъ мальчика изъ школы при тѣхъ же свидѣтеляхъ, при которыхъ и отдалъ его, чтобы не нанесено было обиды и поношенія учителю [2]).

Въ нашихъ братскихъ школахъ первоначально не было дѣленія на классы. Ученики могли поступать въ теченіе круглаго года и начинали или съ азбуки или съ другого учебнаго предмета, смотря по своей подготовкѣ и развитію и по желанію родителей. Такъ, напр., „панъ Дубовичъ далъ сына псалтыру учити“, а свящ. Сиховскій требовалъ, чтобы его сына научили „писати, абы умѣлъ скоропис и иныхъ братственныхъ наукъ“. Съ другой стороны, и самому ученику давалась иногда свобода выбора спеціальности. Луцкій уставъ позволилъ новопоступившему, если онъ не могъ быстро оріентироваться въ программѣ и опредѣлить, къ какимъ наукамъ онъ способенъ, спросить „старшаго“, за что ему взяться; въ такомъ случаѣ уже послѣдній совѣтовалъ то или другое, сообразуясь съ лѣтами, наклонностями и способностями ученика (§ 4). Вслѣдствіе всего этого приходилось дѣлить учениковъ не болѣе или менѣе значительное число группъ. Въ „Порядкѣ школьномъ“ относительно этого сказано: „Въ школѣ маютъ быти дѣти роздѣлены на трое: едны которые ся будутъ оучити словъ познавати и складати, другіи которыися будутъ оучити читати и на памятъ многихъ ся речий оучити, третіи ся будутъ оучити читаючи выкладати, розсуждати и розумѣти; рече бо Павелъ святый: егда бѣхъ младенецъ, младенческая мудрствовахъ и смышляхъ, егда же достигохъ въ муж совершенъ, млека не потребую“ (§ 9). Но легко понять, что это дѣленіе относится только къ первоначальнымъ

---

[1]) «Порядокъ школьный», § 1. Словъ, взятыхъ нами въ скобки, нѣтъ въ редакціи 1586 г. и въ луцкой.

[2]) Кгды бы тыж кто хотѣлъ от дидаскала сына своего на потребу иную взяти, теды небезочне, а не презъ кого иного, толко самъ своею особою и при томъ же человѣку единомъ, или двома, при которыхъ его отдалъ на науку взяти его маетъ, абы ся тымъ оуближеня недѣяло, оучню и ему самому за непорядное поступованя, такъ теж и дидаскалови, от которого бы не отповѣдне оучня взялъ, гдыж тотъ порядокъ вси иные ремесницы маютъ, кгды при людехъ и порядне не толко сына, але и слугу до ремесника приказуютъ, и потомъ кгды ся чого научитъ, тымъ барзѣй занехати того нехотятъ, многихъ зобравши, статечность и терпеливость родичовъ и его залецаютъ, отколя и мистрови великая потѣха кгды видитъ оучня не подлѣйшого, што далеко болше въ школахъ и людехъ христіанскихъ мѣти потреба; писано бо: всякъ дѣлаяй злая не приходитъ ко свѣту, творяй же истину, грядетъ къ свѣту, да явятся дѣла его яко о Бозѣ сутъ содѣянна» («Порядокъ школьный», § 19).

ученикамъ, изучавшимъ „славянскую науку“, и не указываетъ, сколько вообще группъ было въ школѣ. Но съ теченіемъ времени, когда могло быть урегулировано поступленіе учениковъ, было введено опредѣленное дѣленіе ихъ на классы. Въ виленской школѣ въ 1617—1619 гг. было пять классовъ: шли они, вѣроятно, въ такомъ порядкѣ: классъ русскаго языка, славянскаго и греческаго и три—„латинской науки“. Послѣдніе соотвѣтствовали, конечно, тремъ латинскимъ классамъ кіевской школы—инфимѣ, грамматикѣ и синтаксимѣ. Въ такомъ случаѣ, дѣленіе „латинской науки“ на три „училища“, какъ названы классы въ извѣстномъ посланіи виленскаго братства къ львовянамъ 1619 г., являлось сколкомъ съ іезуитскихъ коллегій, въ которыхъ латинская грамматика преподавалась въ теченіе трехъ лѣтъ въ классахъ подобныхъ же названій.

Принятый въ учебное заведеніе мальчикъ долженъ былъ жить или у родителей или на квартирѣ у людей достойныхъ и извѣстныхъ школьному начальству. Впрочемъ, для сиротъ, нищихъ и иногородныхъ учениковъ существовали при нѣкоторыхъ школахъ общежитія [1]), гдѣ они содержались „коштомъ, старанемъ и працею“ братствъ, причемъ пѣвчіе, обязанные бывать ежедневно у богослуженія, получали отъ нихъ и жалованье [2]). Но братства не лишали своихъ интерновъ, а также экстерновъ возможности восполнять недостатокъ своего содержанія издавнимъ и всеобщимъ способомъ—путемъ выпрашиванія „живности“. Въ актахъ того времени очень часто можно натолкнуться на упоминаніе, что „павперове [3]) (той или другой) школы брацъкое... водлугъ звычаю жебруючи (выпрашивая) собе поживенья и штуки (куска) хлѣба ходили спиваючи въ домахъ розныхъ“, и не только дѣти низшихъ сословій, но и шляхетскаго. Братства защищали даже это право своихъ воспитанниковъ отъ попытокъ католиковъ стѣснить его [4]). Они старались однако о томъ, чтобы упорядочено было пользованіе имъ посредствомъ опредѣленія времени для сбора подаяній. „Лѣтомъ бѣдные ученики могутъ ходить съ пѣніемъ только до часу ночи, а послѣ часа калитка должна быть непремѣнно заперта. Если кто придетъ позже часу—его нужно наказать, болѣе же возрастнаго отослать къ дозорцѣ школьному для внушенія (tego dać na delacie im. p. prowizorowi). Зимой же могутъ ходить до

---

[1]) Такія общежитія, какъ документально извѣстно, были въ Львовѣ, Могилевѣ. По отношенію къ Могилеву свидѣтельство такого рода заключается въ жалобѣ мѣстныхъ городскихъ властей на Іоанна Дубовича, намѣстника полоцкаго уніатскаго архіепископа. Онъ, временно проживая въ спасскомъ монастырѣ, въ ночь на 22 сент. 1619 г. напалъ съ толпой вооруженныхъ людей на братскую школу, избилъ до полусмерти учителя Павла Попеля, изломалъ двери, окна и разогналъ «нищихъ, которые при той школѣ мѣшкаючи учились»... (Арх. уніат. митроп., № 434).

[2]) Арх. Ю.-З. Р., I, VI, № 239. Изъ этого документа видно также, что пѣвчіе опускали даже уроки ради того, чтобы присутствовать при богослуженіи.

[3]) Отъ латинскаго pauper—бѣдный.

[4]) Порядокъ школьный, § 5. Арх. Ю.-З. Р., I, VI, № 305. Suppl., №№ 61. 62. Ср. Прошеніе отъ «нищебѣдныхъ» львовскихъ школьниковъ въ «Просфонимѣ».

третьяго часа ночи, въ это время церковный дворъ обязательно долженъ былъ запертъ“ (Инструкція Рузкевичу, § 11).

Въ основѣ братскаго образованія лежало желаніе воспитать изъ учениковъ убѣжденныхъ христіанъ. Это достигалось не только сообщеніемъ имъ истинъ христіанскаго вѣроученія и требованій христіанской нравственности, но и привитіемъ имъ нравственныхъ навыковъ и добродѣтелей. Много поводовъ для всего этого давало уже содержаніе уроковъ. Но помимо этого „Порядокъ школьный“ назначилъ особые дни для развитія въ ученикахъ нравственныхъ понятій и чувствъ—субботы и праздники. Въ эти дни ученики выслушивали, можно сказать, цѣлыя лекціи по нравственному богословію и научались волѣ Божіей изъ истолкованія дневныхъ апостола и евангелія. Чувство благоговѣйнаго страха по отношенію къ Богу и Его святымъ, послушаніе родителямъ и дидаскаламъ, покорность и уваженіе ко всѣмъ вообще, „встыдъ и цнота“ по отношенію къ себѣ—вотъ тѣ главныя добродѣтели, которыя старалась развить въ молодомъ поколѣніи братская педагогія (§§ 14. 15). Однимъ изъ лучшихъ средствъ къ тому, а также проявленіемъ истинно-христіанскаго настроенія считалось ею неопустительное посѣщеніе въ праздники богослуженій — вечерни, утрени, литургіи и опять вечерни. Было также въ обычаѣ водить учениковъ въ церковь и въ будни по очереди, по списку. Кто могъ пѣть—пѣлъ, а всѣ вообще приглашались стоять въ церкви съ подобающимъ мѣсту благоговѣніемъ, внимательно слушая и молитвы и поученія, для чего ихъ ставили противъ каѳедры проповѣдника. Такъ какъ Источникъ мудрости есть Христосъ, то братства въ цѣляхъ приближенія къ ней рекомендовали ученикамъ какъ можно чаще пріобщаться Его Тѣла и Крови,—болѣе рачительнымъ во всѣ Господскіе праздники и въ большіе посты, а менѣе набожнымъ и всѣмъ вообще, по крайней мѣрѣ, четыре раза въ годъ, въ посты великій, петровъ, успенскій и рождественскій, предварительно исповѣдавъ свои грѣхи [1]). Наряду съ церковью ученики должны были показывать уваженіе и къ другимъ мѣстамъ, посвященнымъ Богу, — монастырямъ, кладбищамъ, школамъ, воздерживаясь въ нихъ отъ неприличныхъ поступковъ, словъ, шутокъ. Свое почтеніе къ духовнымъ и свѣтскимъ людямъ они должны были выражать поклонами при встрѣчахъ и сниманіемъ шапокъ. Съ другой стороны, имъ надлежало избѣгать мѣстъ непристойныхъ, всякихъ неприличныхъ собраній и пирушекъ и лицъ, наклонныхъ къ нимъ.

Классная дисциплина братскихъ училищъ слагалась изъ слѣдующихъ правилъ. Всѣ ученики—и пансіонеры и приходящіе—собираются на уроки къ 9-ти часамъ утра; зимой, въ „дни меншіе“, время для начала занятій назначаетъ учитель. Дидаскалъ тщательно наблюдаетъ, всѣ ли явились; если кого нѣтъ налицо, онъ посылаетъ за нимъ дежурнаго, который разузнаетъ причину неявки (сонъ, лѣнь, игры по дорогѣ) и приводитъ его въ школу, „бо писано: иныхъ страхомъ и нуждею спасай“ (Порядокъ школьный, §§ 6. 7). Неявка въ училище или опозданіе ведетъ за собой строгое наказаніе, а въ случаѣ двукратнаго повторенія—исключеніе. Можно не пойти въ классъ только по особенно важ-

[1]) Луцкій уставъ, §§ 11 и 12. Инстр. Рузкевичу, § 10.

нымъ причинамъ, и то съ позволенія учителя (§ 17; луцкій уставъ, § 7). Ученики должны приходить въ школу только съ учебными принадлежностями, безъ всякаго оружія и ремесленныхъ инструментовъ, чтобы послѣдніе не препятствовали прямымъ занятіямъ—обученію наукамъ и добродѣтелямъ (Луцкій уставъ, § 9). Садятся ученики въ классѣ на опредѣленныя мѣста и начинаютъ уроки молитвой („Премудрости наставниче“...) и „обычнымъ предсловіемъ“ (Порядокъ, §§ 3. 8. Инструкція Рузкевичу, § 10). Въ классѣ они должны отсидѣть положенное время; выйти съ урока можно только съ разрѣшенія учителя (Луцкій уставъ, § 7). Во время уроковъ должно сидѣть тихо, не переходя съ мѣста на мѣсто, не пересмѣиваясь и не перешептываясь, а слушая внимательно то, что говоритъ учитель, и стараясь запомнить не только мысли, но и слова его (Луцкій уставъ, § 5). Но не только въ классѣ учитель имѣетъ власть и значеніе,—ими онъ пользуется и внѣ его. Безъ вѣдома и разрѣшенія учителя ученики не должны производить никакихъ сдѣлокъ—продажи, покупки, заклада; во всемъ должны совѣтоваться съ нимъ.

Вообще отношенія учениковъ къ учителямъ и къ старшимъ школьнымъ по луцкому уставу должны характеризоваться совершеннымъ, почти безусловнымъ повиновеніемъ. Но оно было не слѣпымъ и вынужденнымъ, а добровольнымъ и сознательнымъ. Ученикамъ предлагалось помнить, въ первыхъ, что дидаскалы учатъ ихъ только полезному и приличному, и во вторыхъ, что послушаніе необходимо вездѣ, даже при обученіи ремесламъ (§§ 3. 6. 7). Съ другой стороны, и учителя должны были поддерживать свой авторитетъ и уваженіе къ себѣ одинаково благожелательнымъ отношеніемъ ко всѣмъ, „уча и любя вси заровно, якъ сыновъ богатыхъ, такъ и сиротъ убогихъ, и которые ходятъ по улицамъ живности просячи, якъ который водлугъ силы научитися можетъ“ (Порядокъ школьный, § 5).

Во взаимныхъ своихъ отношеніяхъ ученики должны были поддерживать миръ, согласіе и любовь, живя честно (honorificie; Инстр. Рузкевичу, § 4). Впрочемъ, безусловнаго равенства между ними не было: хотя учителю предлагалось учить ихъ всѣхъ „заровно... не пилней единаго нѣжли другаго“, но различіе природныхъ дарованій выдѣляло нѣкоторыхъ изъ среды прочихъ, а Порядокъ велѣлъ отмѣчать этихъ лучшихъ по успѣхамъ сажаніемъ на переднія мѣста: „котрый болше умѣетъ, сидѣти будетъ выше, бы и барзо нищъ былъ (хотя бы былъ очень бѣденъ), котрый меньшъ умѣти будетъ—на подлѣйшемъ (низшемъ) мѣсцу сидѣти маетъ“ (§§ 3 5). Но кромѣ внѣшняго отличія у лучшихъ учениковъ было и внутреннее, болѣе существенное, именно они дѣлались помощниками учителей и тѣмъ становились въ особыя отношенія къ своимъ менѣе успѣвавшимъ товарищамъ. Уже въ программѣ архіеп. Арсенія было упомянуто о „протосхолахъ“ (*προτοσχολοι*), которые должны были излагать и объяснять въ классѣ предъ младшими то, что слышали сами отъ учителя [1]). Львовское братство, дѣйствительно, ввело

---

[1]) «Я обязуюсь учить учениковъ безъ перерыва въ теченіе двухъ часовъ съ такой скоростью, съ какой они могутъ воспринять науку. Послѣ того ихъ будутъ учить *протосхолы*, показывая имъ въ такомъ порядкѣ, въ какомъ узнали отъ меня, вплоть до

въ свою педагогическую систему этихъ помощниковъ учителей, тѣмъ болѣе, что они существовали въ Польшѣ и во всей Европѣ и могли оказать большую пользу школѣ при малочисленности преподавательскаго персонала. Въ инструкціи учителю Рузкевичу мы находимъ ясно выраженное требованіе, „чтобы каждый студентъ или взрослый ученикъ помогалъ бѣдному товарищу своему въ награду за услуги съ его стороны (aby student każdy albo wyrostek pauperowi swemu naukę dawał w nagrodę usługi iego“; § 4). Отсюда уже открывается, что болѣе возрастные ученики (предполагается, что они были и лучшими) за свой трудъ пользовались нѣкоторыми услугами со стороны младшихъ и слабѣйшихъ товарищей.

Протосхолы могли быть полезны не только въ дидактическомъ, но и въ воспитательномъ отношеніи. Въ болѣе значительныя школы отдавались дѣти не только мѣстныхъ гражданъ, но и уроженцы сосѣднихъ городовъ и селъ, а также сироты. Жили ли они при школѣ или монастырѣ, или на „госпòдѣ“, т. е. въ частныхъ квартирахъ, необходимъ былъ надъ ними извѣстный надзоръ. Сами учителя при сложности своихъ занятій не всегда могли слѣдить за жизнью и поведеніемъ воспитанниковъ, „старшіе“ же школьные не были облечены инспекторскими полномочіями. Являлась необходимость поручить дѣтей старшимъ и болѣе надежнымъ товарищамъ ихъ, и такимъ образомъ протосхолы стали „педагогами“. Упоминаніе о послѣднихъ встрѣчается очень рано. Въ жалобѣ львовскихъ братчиковъ и онуфріевскаго игумена на еп. Гедеона Балабана отъ 2 іюля 1590 г. говорится, что слуги послѣдняго наканунѣ, при заходѣ солнца, „схватили бѣдныхъ сиротъ—школьныхъ педагоговъ (sieroth ubogich szkolnych pedagogow), которымъ даны были въ опеку малыя бѣдныя дѣтки (учащіяся) въ томъ нашемъ монастырѣ для воспитанія (wychowywacz) ихъ согласно съ порядками нашей братской школы, и разогнали малыхъ дѣтокъ—сиротъ“... Въ числѣ захваченныхъ „педагоговъ“ упоминаются Сава и Ермолай, а въ числѣ „хлопцевъ“ — 12-тилѣтній сынъ Ѳеодора Грека, рогатинскаго мѣщанина, отданный въ львовскую школу [1]). Но вмѣстѣ съ этими школьными, такъ сказать, педагогами, которые были чѣмъ то въ родѣ классныхъ наставниковъ, мы видимъ и домашнихъ. Подобно тому, какъ у іезуитовъ лучшіе студенты нанимались въ дома болѣе состоятельныхъ лицъ, чтобы слѣдить за успѣхами и поведеніемъ ихъ дѣтей, — и у насъ нѣкоторые болѣе возрастные ученики, продолжая сами учиться, поступали къ знатнымъ и богатымъ людямъ на такого же рода службу: они помогали ихъ дѣтямъ приготовлять уроки, отводили ихъ въ школу и приводили назадъ, дѣлаясь въ буквальномъ смыслѣ педагогами, т. е. дѣтоводителями. Такими были въ Вильнѣ Фирсъ Ольшевскій, педагогъ сына кн.

девятаго часа, съ опасеніемъ и осторожностью (μέτα φόβου καὶ εὐλάβειας). И къ нимъ дѣти обязаны имѣть страхъ немалый и почтительность» (Dipl. stat., № 5; id. *Крыловскій*, Акты, № 172).

[1]) Monum. confr., I, № 149. Таковъ же, вѣроятно, былъ виленскій «педагогъ» Тимоѳей, 1598 г. (А. В. А. К., VIII, №№ 13—15).

Огинскаго (1598 г.), Мартинъ Войславскій, педагогъ малолѣтнихъ родственниковъ пана Яна Дубовича (1614 г.) [1]).

Кромѣ педагоговъ въ братскихъ училищахъ имѣли еще нѣкоторое воспитательное значеніе дежурные по школѣ, которые являлись помощниками учителей и составляли служебный персоналъ школы. „Порядокъ школьный“ такъ опредѣляетъ ихъ число и обязанности: „Двохъ или четырехъ хлопцовъ на кождый тыждень (недѣлю) иншимъ порядкомъ (т. е., по очереди) маютъ на сохраненіе выставляти, зъ чого ся ни единъ вымовляти (отказываться) не можетъ, гды на него черга (очередь) прийдетъ. Дѣло ихъ будетъ ранѣй до школы прийти, школу помести, въ печи затопити, и оу дверий сидѣти, а которыи выходятъ и входятъ, о всѣхъ вѣдати, и которыи ся бы неучили, пустовали, или въ церкви нерядне стояли, или до дому идучи обычайне бы ся незаховали, написовати и оповедати ихъ маютъ; речено бо: блюдѣтес како да опасно ходите, не яко немудры, но яко премудры, искупующе время, яко дни лукави сутъ“ (§ 16). Инструкція Рузкевичу указала дежурному (она говоритъ объ одномъ) еще одну функцію. Такъ какъ случалось, что въ школу во время богослуженія набирались массы городскихъ мальчишекъ, то ему вмѣнено было въ обязанность запирать ее и не пускать туда никого, кромѣ тѣхъ бѣдныхъ мальчиковъ, которые желали бы обогрѣться въ ней. Въ случаѣ же слишкомъ настойчивыхъ попытокъ со стороны подмастерьевъ проникнуть въ школу, дежурному слѣдовало бѣжать въ церковь и извѣстить объ этомъ старшаго школьнаго или кого нибудь изъ братчиковъ (§ 5). Наконецъ, вѣроятно съ еженедѣльными дежурствами по школѣ совпадали дежурства по колокольнѣ, — по очереди же ученики отправлялись по сигналу звонить къ богослуженію не только въ праздники, но и въ будни (ibid., § 3).

Братская педагогія не чужда была и дисциплинарныхъ мѣръ и взысканій въ духѣ того времени. Тѣлесныя наказанія существовали тогда во всѣхъ почти западно-европейскихъ училищахъ, пользовались ими польскіе педагоги, не чуждалась ихъ и византійская школа, наслѣдовавшая завѣтъ премудраго сына Сирахова: „любяй сына своего, участитъ ему раны“ (XXX, 1). Воззрѣнія грековъ того времени на воспитательное значеніе ихъ выразились весьма ясно въ началѣ одной изъ главъ Стослова Геннадіева: „боится ученикъ учителева жезла паче самого учителя“, а также въ замѣчаніи Максима Грека, что изученіе грамматики совершается у добраго учителя долго и со многимъ трудомъ и біеніемъ [2]). Не отвергъ ихъ и п. Кириллъ Лукарисъ, имѣвшій ближайшее отношеніе къ братскимъ училищамъ. Онъ именно совѣтовалъ львовянамъ не препятствовать дидаскалу „бить и карать“ ихъ дѣтей [3]). Въ виду всего этого можно утверждать, что въ этомъ отношеніи брат-

---

[1]) А. В. А. К., VIII, №№ 13. 14. Арх. ун. митр., № 371.

[2]) *Востоковъ*, Описаніе рукописей Румянцевскаго музея, №№ 186 и 262 (стр. 233 и 370).

[3]) Петръ Могила, прилож., стр. 201.

ская система взысканій была не мягче пресловутой домостроевкой [1]). И, дѣйствительно, Порядокъ школьный внушаетъ учителю „не боронити памятного по чаши школной; писано бо есть: любяй сына прилежнѣе наказуетъ, а нелюбяй щадитъ жезла; и паки: отрочатю безуміе на сердци привязано, жезломъ же изженеши е“ (§ 14). Подобнаго рода педагогическіе совѣты, извлеченные изъ Сираховой книги, заключаются и въ грамматикѣ 1621 г. Но на практикѣ библейскій жезлъ замѣнялся розгами и плетью или ремнемъ (korbarz, korbacz) [2]). Нужно замѣтить однако, что братскіе педагоги старались ограничить не только злоупотребленіе этимъ наказаніемъ, но и примѣненіе его. Дидаскалъ, говорится въ „Порядкѣ школьномъ“, долженъ наказывать дѣтей за непослушаніе, чтобы небрежностью не погубить порученную ему душу, „но не тирански, а учительски, не выше, но по силѣ, не роспустне, но покорне и смиренне, не толико мирски, но и выше мирскихъ“ (§ 2) [3]). Съ другой стороны, они совсѣмъ освободили отъ тѣлеснаго наказанія старшихъ учениковъ: въ то время, какъ учитель Рузкевичъ могъ бить плетью младшихъ, болѣе возрастнымъ за ту же вину онъ дѣлалъ только выговоръ или доносилъ о ней дозорцѣ школьному (§§ 3. 11). Высшей и послѣдней мѣрой наказанія было удаленіе провинившагося изъ училища. Она примѣнялась въ случаяхъ упорнаго непосѣщенія уроковъ и обна-

---

[1]) Домострой, гл. 19 и 21 (Чт. въ моск. общ. ист. и др. росс., 1881, II, Матеріалы, 58. 60).

[2]) Инструкція Рузкевичу, § 3. Издатели виленской грамматики 1621 г. поступили не очень тактично, помѣстивъ на заглавномъ листѣ картинку, изображающую сѣченіе ученика... Картинка эта интересна и въ томъ отношеніи, что даетъ нѣкоторое представленіе объ обстановкѣ класса. За столомъ (не за партой) сидятъ четыре «младенца»; предъ ними лежатъ книжки, стоитъ чернильница съ гусинымъ перомъ. Всѣ они съ ужасомъ смотрятъ на ражаго учителя, который, держа въ лѣвой рукѣ пукъ розогъ, возится съ барахтающимся въ его ногахъ мальчуганомъ, изъ глазъ котораго большими ручьями текутъ слезы (Подобная картинка приложена и къ азбукѣ Бурцева 1634 г.). Впрочемъ, виленскіе братчики подражали въ данномъ случаѣ старому европейскому обычаю (*Mecherzyński*, Historya języka łacińskiego w Polsce, 10).

[3]) Изслѣдователи школьнаго дѣла въ древней Руси расходятся въ пониманіи этого выраженія. Г. Владимірскій—Будановъ толкуетъ это мѣсто такъ, что виновный наказывается «не по формальному соотвѣтствію проступка съ наказаніемъ, а по нравственной мѣркѣ» (Ж. М. Н. Пр., 1873 г., окт., 200). Проф Леонтовичъ справедливо возражаетъ, что при этомъ пониманіи не соблюдается двойственность въ родѣ наказанія, выражающая въ словахъ: «не только... но и». Подъ наказаніемъ «по мірски» онъ разумѣетъ наказаніе по общему, государственному закону; по его мнѣнію, учителю должно руководиться не только общими законами о проступкахъ и наказаніяхъ, но и своей личной оцѣнкой виновности ученика (Школьный вопросъ въ древней Россіи, Варш. ун. изв., 1894, V, 41, 42 и прим. 1). Но если мы примемъ во вниманіе, что наши западнорусскія братства и ихъ школы пользовались самоуправленіемъ и неподсудностью общимъ установленіямъ и судамъ, то для толкованія г. Леонтовича не остается мѣста, тѣмъ болѣе, что рѣчь идетъ о наказаніяхъ не за какіе либо уголовные проступки, а за непослушаніе. Мы полагаемъ, что наказаніе мірски—тѣлесное наказаніе, которому противопоставляются мѣры духовнаго наказанія—увѣщанія, выговоры и т. п.

руженія въ ученикахъ такихъ пороковъ, какъ пьянство, блудъ, воровство, сребролюбіе, клеветничество, гордость (Порядокъ школьный, §§ 17. 20).

Наконецъ, для полноты картины внутренней жизни братскихъ школъ должно упомянуть о младшихъ или младенческихъ братствахъ и о школьныхъ спектакляхъ.

Во многихъ западнорусскихъ городахъ при главныхъ братствахъ были такъ называемыя младенческія братства. Они состояли изъ юношей, которые, подражая взрослымъ, соединялись въ общества, преслѣдовавшія тѣ же религіозно-нравственныя задачи, что и старшія братства. Послѣднія давали имъ свой уставъ и руководителей. Первое такое братство—замостское упоминается въ 1606 г., когда оно вмѣстѣ съ старшимъ, получило благословеніе отъ еп. Гедеона Балабана [1]). Но уже въ 1620 г. п. Ѳеофанъ, давая грамоту кіевскимъ братствамъ—старшему и младшему, о послѣднемъ выразился, что оно благословляется „по образу православныхъ благочестивыхъ братствъ въ мнозѣхъ градовѣхъ“ [2]). Общій характеръ такихъ братствъ ясно выраженъ въ посланіи м. Исаіи Копинскаго къ луцкому младенческому братству 1632 г. Митрополитъ хвалитъ его членовъ, что они, будучи отроками возрастомъ, „мужеская мудрствовати предначинаютъ, еже въ благочиніи цѣломудрено церковному возслѣдовати наказанію“, и укрѣпляетъ ихъ въ стремленіи къ нравственному совершенству. М. Исаія повелѣваетъ, чтобы ихъ собранія не бывали безъ поученія и наставленія книжнаго, во избѣжаніе смѣха и празднословія, и внушаетъ заботиться объ училищѣ и дѣлахъ милосердія [3]). Но хотя ни въ одномъ документѣ не говорится, что эти братства образовались внутри школъ и состояли изъ воспитанниковъ послѣднихъ,—возрастъ ихъ членовъ позволяетъ думать, что и ученики входили въ ихъ составъ. Старѣйшія братства и руководители училищъ могли допустить это, такъ какъ участіе въ нихъ учениковъ должно было сильно способствовать нравственному преуспѣянію ихъ, подобно тому, какъ это было и въ іезуитскихъ коллегіяхъ. А въ виленской школѣ мы видимъ нѣчто въ родѣ настоящаго студенческаго братства. Это—„студенческая конгрегація свв. Константина и Елены“, о которой упоминается въ „Echo żalu“ (1635).

Еще яснѣе можно усматривать вліяніе инославныхъ школъ во введеніи въ наши училища діалоговъ и спектаклей, которые могли имѣть значеніе и педагогическое и дидактическое. Что, дѣйствительно, они у насъ имѣли мѣсто, на это указываютъ какъ сообщеніе г. Франка о найденныхъ имъ и относящихся, повидимому, къ изслѣдуемому нами періоду времени „двухъ религіозныхъ драмахъ, двухъ школьныхъ діалогахъ“, такъ и свидѣтельство Іоанна Вышенскаго, представляющее, по словамъ д-ра

---

[1]) Кіев. стар., 1882, II, 156. Ср. 158. 159.

[2]) *Голубевъ*, Ист. Кіев. акад., прилож., № 3.

[3]) П. К. К., I, № 12. Изъ другихъ младенческихъ братствъ намъ еще извѣстно могилевское, образовавшееся предъ 1625 г., какъ видно изъ посвященія ему Ѳомой Іевлевичемъ своего «Лабиринта» (Чтенія въ истор. обществѣ Нестора лѣтоп., V, Матеріалы, 226, прим.).

Франка, „драгоцѣнное въ историко-литературномъ отношеніи извѣстіе о значительномъ распространеніи и любви къ драматическому искусству въ тогдашнихъ школахъ православныхъ". Именно Вышенскій, констатируя тотъ фактъ, что при принятой львовскимъ братствомъ системѣ воспитанія пропадаетъ въ русскомъ народѣ церковность, такъ какъ „досягнувшіе стиха якого басней аристотельскихъ... псалтыри читати ся соромѣютъ и прочее правило церковное ни за что не вмѣняютъ", замѣчаетъ: „А тежъ не вижу иншихъ, толко простою наукою нашего благочестія воспитавшіеся, тые и подвигъ церковный носятъ и отправуютъ; а латинскихъ басней ученицы, зовемые казнодѣи, трудитися въ церкви не хочютъ, *толко комедіи строютъ и играютъ*" [1]).

Заслуги братскихъ школъ.

Обслѣдованный нами періодъ исторіи братскихъ училищъ составляетъ первые полвѣка ихъ существованія,—время довольно значительное для того, чтобы можно было подвести нѣкоторые итоги ихъ дѣятельности.

По сравненію съ католическими и протестантскими училищами, наполненными сотнями учащихся, блиставшими учеными титулами профессоровъ и выходившихъ изъ нихъ студентовъ, славившимися ихъ учеными трудами, публичными диспутами, пышными празднествами и спектаклями, разыгрывавшимися въ ихъ стѣнахъ, — наши школы были болѣе чѣмъ скромны. Ученыхъ званій онѣ не давали, и образованіе, въ нихъ получавшееся, было настолько недостаточно, что за учителями братства обращались къ протестантамъ, прося милостыни, по выраженію Сильвестра Коссова, по разнымъ Ингольштадтамъ и Ольмюцамъ [2]). Даже около 1620 г. православные не могли похвалиться избыткомъ хорошихъ учителей и ученыхъ богослововъ, что̀ Захарія Копыстенскій не находилъ и удивительнымъ. „Въ многомъ Ізраилю, писалъ онъ, единъ Моисей, еденъ Веселеилъ, одинъ Давидъ, одинъ и Соломонъ. Силныхъ немного, якъ Сампсонъ, Давидъ и Ависай. Одинъ межи діаконы мудрый и мужный архидіаконъ Стефанъ. Якъ камень дорогій рѣдко находится, такъ и правая мудрость и правая ѳеологія не лацно (не легко) ся въ многихъ находити можетъ" [3]). Не удивляемся и мы, но по другимъ основаніямъ. Мы имѣемъ въ виду тѣ неблагопріятныя внѣшнія условія, въ какихъ находилось большинство нашихъ школъ, и то, что онѣ и не стремились къ дальнѣйшей разработкѣ науки и къ тому, чтобы давать своимъ питомцамъ высшее образованіе. Цѣлью ихъ было — укрѣпить массы народа въ православіи, и этого онѣ достигали

---

[1]) Арх. Ю.-З. Р., I, VII, 28. 29. *Франко*, Іван Вышеньскій, Передне слово, IV, и 313.

[2]) *Голубевъ*, Ист. Кіев. акад., прилож., 83.

[3]) П. П. Л, I, 912. 913.

съ успѣхомъ. Если вообще нашимъ братствамъ принадлежитъ та заслуга, что они парализовали успѣхи уніи и латинства въ западной Россіи [1]), то огромная часть этой заслуги падаетъ на долю школъ, которыя и процвѣли то на почвѣ противодѣйствія уніи [2]). Братскія училища достигали этого не только преподаваніемъ, но и развитіемъ проповѣдничества и богословско-полемической литературы, произведенія которой нерѣдко и читались и истолковывались въ классахъ вслухъ всего народа. Въ виду послѣдняго нельзя съуживать кругъ благотворнаго вліянія нашихъ школъ только тѣми лицами, которыя въ нихъ учились. Сама школьная наука не была удѣломъ только молодого поколѣнія: она была достояніемъ и взрослыхъ людей, умственныя потребности которыхъ имѣли въ виду составители „Порядка школьнаго“. Здѣсь именно проведено требованіе, чтобы ученики предъ уходомъ изъ школы домой вытвердили урокъ, „абы оу вечер изъ школы пришедши до дому дѣти оумѣли пред родичми своими или посторонныи дѣти всякого стану живучи въ господѣ предъ господаремъ своимъ науку, што въ школѣ оучили, прочитати повинни зъ выкладомъ по обычаю науки школнои“ (§ 11). Конечно, можно и должно видѣть здѣсь желаніе, чтобы и родители и квартирные хозяева контролировали и содѣйствовали успѣхамъ учениковъ, чего у нихъ требуетъ и § 1; но если мы примемъ во вниманіе, что огромное большинство ихъ было не настолько образовано, чтобы могло судить, правильно или неправильно передаетъ ученикъ содержаніе урока, придется допустить, что здѣсь имѣлось въ виду познакомить съ учебными предметами и старшее поколѣніе. И это предположеніе станетъ еще болѣе естественнымъ, когда мы сопоставимъ съ даннымъ параграфомъ „Порядка“ 8-ую статью „Луцкихъ Артикуловъ“: „Вшколѣ штося кол векъ мовити албо дѣяти будет, жаден запорог школный выносити немает“, — статью, на которой отразился переходъ луцкой школы въ руки монастырскаго духовенства и, быть можетъ, вліяніе іезуитской педагогики: ни іезуиты, ни иноки наши не могли такъ близко принимать къ сердцу умственные интересы всего народа, какъ мѣщане.

Но братскія школы достигли извѣстныхъ результатовъ не только въ силу того, что онѣ стояли очень близко къ жизни. Другая черта ихъ характера—общесословность, народность—содѣйствовала не въ меньшей степени какъ религіозно-нравственнымъ успѣхамъ школъ, такъ и національнымъ. Наши школы были общесословными и по происхожденію, такъ какъ устроены были не только „старанемъ и накладомъ мѣщанъ“ городовъ, но и „милостынями всѣхъ православныхъ християнъ, яко стану духовного, также особъ княжецкихъ, панскихъ, шляхецъскихъ и всего посполитого народу, даже и до убогихъ вдовицъ“ [3]), и по составу учениковъ, среди которыхъ мы встрѣчаемъ представителей различныхъ классовъ, начиная съ князей (Огинскій въ Вильнѣ) и кончая

---

[1]) Эту заслугу признаетъ за братствами даже Ликовскій (Unia brzeska, 1897, 66).

[2]) *Бантышъ-Каменскій*, Историческое извѣстіе о возникшей въ Польшѣ уніи, 1805, 69.

[3]) Пред. къ «Порядку школьному» редакціи львовской 1586 г. и луцкой.

„нищими“. Конечно, это не было специфической особенностью братскихъ школъ: такъ повелось у насъ со временъ Владимира св., когда „дѣти первостепеннаго боярина обучались точно такъ же и по тѣмъ же самымъ книгамъ, какъ и дѣти простолюдина“ [1]). Съ другой стороны, тоже представляли и инославныя училища. Но въ то время, какъ въ іезуитскихъ коллегіяхъ больше заботились о дѣтяхъ знатныхъ, у насъ богатымъ не дѣлалось никакого предпочтенія... Вотъ это то имѣло огромное педагогическое значеніе. Та идея братства и равенства всѣхъ о Христѣ, которая лежала въ основѣ самихъ братствъ, проникала и школьныя отношенія, укрѣпляя юныя поколѣнія въ чувствѣ искренняго народничества и самаго законнаго демократизма [2]). Объединяя представителей различныхъ сословій, она привлекала всѣхъ ихъ къ любви и служенію всему тому, что было народнымъ, русскимъ и, слѣдовательно, православнымъ.

Наши братскія школы, далѣе, имѣли значеніе не только національное и религіозное, но и культурно-общественное. Братчики видѣли, что гуманитарный и цивилизующій характеръ школы заключается не только въ связи ея съ церковью, но и въ самой наукѣ. Они воздвигали училища, „промышляючи о всякомъ недостатку законное науки, нерадивыхъ человѣкъ подвизающе, противныхъ же уста заграждающе, дабы отъ сюду злобѣ измѣнивше ся, благыхъ начало восприяти и по всей братіи спасенію распространитися, измѣненіе бо злобы начатокъ есть во спасеніе, близъ бѣды спасеніе“ [3]). Братства стремились не только укрѣпить въ своихъ питомцахъ православныя убѣжденія, но и сообщить имъ знанія по тѣмъ предметамъ, которые могли быть полезны и для общаго ихъ развитія, „полеруя“ ихъ умы, и для служенія обществу и государству. Потому то они расширили свои программы свѣтскими, „латинскими науками“. Мало того. Они нашли, что и воспитательная часть не должна ограничиваться только сообщеніемъ ученикамъ христіанской морали и укрѣпленіемъ ихъ въ нравственныхъ навыкахъ, но что слѣдуетъ знакомить ихъ и съ кодексомъ свѣтскихъ приличій, которыя не всегда вѣдь такъ условны и неважны и знаніе которыхъ въ такомъ государствѣ, какъ Польша, было такъ необходимо, почему ввели и этотъ предметъ въ воспитательную систему, подъ именемъ „людскости“, „учтивости“ [4]).

Затѣмъ, наши братскія школы немало послужили и самой наукѣ. Наибольшую услугу онѣ оказали, конечно, догматическому богословію составленіемъ и изданіемъ катихизисовъ и догматико-полемическихъ сочиненій, въ которыхъ обслѣдованы главнымъ образомъ вопросы спорные между восточной церковью, съ одной стороны, и католической и проте-

---

[1]) *Забѣлинъ*, Характеръ древняго народнаго образованія въ Россіи (Отеч. зап., 1856, т. 105, Критика, стр. 9).

[2]) Ср. *Сумцовъ Н.*, Характеристика южно-русской лит-ры XVII в. (Кіевъ, 1885), 11. 12

[3]) Предисловіе къ львовскому уставу 1586 г. и луцкой его редакціи.

[4]) Въ виду этого должно ограничить утвержденіе проф. Леонтовича, что въ до-Петровскій періодъ всѣ русскія школы и въ томъ числѣ братскія имѣли только миссіонерское значеніе, а не культурное (Варш. унив. изв., 1894, V, 43. 44).

стантской — съ другой. Тѣ же сочиненія являются большимъ шагомъ впередъ и въ развитіи общей и русской церковной исторіи и исторіографіи, такъ какъ въ нихъ истина православія защищается не только отъ Свящ. Писанія и философски, но и путемъ историческихъ доказательствъ и письменныхъ памятниковъ. „Ектезисъ“, „Апокрисисъ“, „Перестрога“, „Ѳриносъ“, „Палинодія“ и другія западнорусскія полемическія сочиненія наполнены драгоцѣнными историческими свидѣтельствами и актами, многіе изъ которыхъ авторами этихъ сочиненій были впервые открыты и спасены отъ истребленія ихъ людьми и временемъ. Кромѣ богословія и исторіи, братскимъ школамъ нашего періода обязана и филологія славянская, для которой особенно много сдѣлали Л. Зизаній, М. Смотрицкій и П. Берында, первые изданіемъ грамматикъ, второй — словаря [1]).

Если ко всему этому мы прибавимъ, что братская школа нашего періода принесла огромную пользу просвѣщенію народному, какъ расширеніемъ его программы и составленіемъ и изданіемъ учебниковъ, такъ и содѣйствіемъ умноженію училищъ во всѣхъ областяхъ зап. Россіи, и если укажемъ на вліяніе ея на приходскія училища восточной Руси, что̀ удостовѣряется сходствомъ великорусскихъ азбуковниковъ съ Порядкомъ школьнымъ [2]) и употребленіемъ въ Великороссіи западнорусскихъ школьныхъ книгъ,—то заслуги ея и значеніе въ исторіи русской культуры выступятъ въ еще болѣе яркомъ свѣтѣ.

Но все же главное значеніе ея состоитъ въ укрѣпленіи религіозныхъ устоевъ православныхъ западноруссовъ и въ противодѣйствіи уніи. Послѣдняя же потому и имѣла малый успѣхъ, что у нея не было своихъ училищъ, подобныхъ нашимъ. Къ уніатскимъ школамъ мы теперь и переходимъ.

---

[1]) *Сумцовъ*, о. с., 9. 10.

[2]) Такъ, напр., §§ 3 и 4 «Порядка» требуютъ, чтобы учитель разсаживалъ учениковъ не по знатности и богатству, а по успѣхамъ въ наукахъ, и азбуковники гласятъ: «Маліи въ васъ и велицыи вси равни, Ученій же ради вящшихъ мѣстомъ да будутъ знатни». § 16 «Порядка» велитъ назначать дежурныхъ, которые бы и печи топили, и азбуковники повторяютъ: «школу кто нагрѣваетъ, той и все въ ней пристроятъ» (*Мордовцевъ Д.*, «О русскихъ школьныхъ книгахъ XVII в.». Чт. въ моск. общ. ист. и др. рос. 1861, IV, 7. 12. Ср. *Миропольскій* С., о. с., 101; 105).

ОТДѢЛЪ IV.

УНІАТСКІЯ ШКОЛЫ.

ГЛАВА XIII.

Уніатскія школы до уніи и въ періодъ уніи. Устройство ихъ.

Тѣ усиленныя заботы о развитіи просвѣщенія въ западнорусскомъ народѣ, какія проявили въ концѣ XVI ст. наши церковныя братства и отдѣльные ревнители православія, были ни въ силахъ совершенно предотвратить грозившія послѣднему опасности. Какъ ни велики были ихъ просвѣтительныя средства, они оказались значительно ниже и бѣднѣе тѣхъ, которыми владѣли враги православной церкви и, въ частности, латиняне.

Впрочемъ, не побѣда латинской науки, выразившаяся въ сближеніи съ ней православной науки и школы, доставила римской церкви то торжество, въ память котораго папа Климентъ VIII велѣлъ выбить медаль съ изображеніемъ колѣнопреклоненныхъ предъ нимъ русскихъ епископовъ. Не потому Ипатій Потѣй и Кириллъ Терлецкій кланялись папѣ до земли и цѣловали его ноги, что видѣли въ немъ и его церкви свѣточъ истины и знанія, а въ латинской наукѣ—орудіе спасенія своего народа отъ бездны русско-греческаго невѣжества; ибо едва-ли могли судить о достоинствахъ католической науки люди, изъ которыхъ одинъ учился въ протестантскихъ школахъ, а другой не зналъ даже латинскаго языка. Оба они, какъ и ихъ довѣрители, дѣйствовали по другимъ, болѣе сильнымъ мотивамъ—отчасти общаго, отчасти личнаго характера. И если въ переговорахъ, предшествовавшихъ заключенію уніи, они не прошли молчаніемъ вопроса о просвѣщеніи и школахъ, то ради того только, чтобы нѣсколько скрыть другого рода побужденія: дальнѣйшая исторія ихъ отношеній къ нему рѣшительно доказываетъ это. Не станемъ касаться ни тѣхъ церковныхъ и политическихъ обстоятельствъ, которыя привели къ брестской уніи, ни того, какимъ образомъ она совершилась: объ этомъ читатель найдетъ много и въ спеціальныхъ монографіяхъ, посвященныхъ ей, и въ общихъ курсахъ церковной исторіи.

Исторія русскихъ уніатскихъ школъ старѣе самой уніи. Папы и іезуиты давно поняли, что однимъ изъ лучшихъ средствъ къ пропагандѣ католическихъ идей среди различныхъ народностей, не менѣе сильнымъ, чѣмъ пріобрѣтеніе политическаго вліянія въ государствѣ, является школьное образованіе въ духѣ латинской церкви. Воспитывать въ послѣднемъ молодыхъ людей изъ извѣстной націи, чтобы затѣмъ отправлять ихъ на родину, какъ нѣкоторую закваску латинства,—казалось папамъ превосходнымъ лекарствомъ для возстановленія силъ римской церкви, потрясенной двукратнымъ отторженіемъ отъ нея „схизматиковъ“ —грековъ и „еретиковъ“—протестантовъ. Эта-то идея нашла себѣ сильное сочувствіе въ папѣ Григоріи XIII, который преобразовалъ въ 1573 —1574 гг. германскую коллегію, основанную въ Римѣ папой Юліемъ III, учредилъ въ 1577 году въ Римѣ же греческую коллегію, въ 1579 г. —англійскую, въ 1584 г.—маронитскую [1]). Греческая коллегія и была первой, въ которой стали вырабатываться дѣятели русской церковной уніи [2]).

Основывая ее 13 января 1577 года, Григорій XIII не скрывалъ истинной ея цѣли. Такъ какъ въ Греціи, говорилось въ буллѣ, даже духовныя лица по незнанію свящ. богословія и католическихъ догматовъ расположены къ уклоненію въ ереси и расколы, куда тянутъ и народъ,—то папа, изъ любви къ погибавшимъ и заботясь объ ихъ душевномъ спасеніи, и рѣшилъ открыть въ Римѣ коллегію, гдѣ бы дѣти и юноши греческіе изучали при помощи мужей испытанной вѣры и знаній, греческія письмена, свободныя науки и въ особенности—священное писаніе и церковные обряды. Воспитанные здѣсь въ католическомъ духѣ, молодые греки, по намѣренію папы, должны были по возвращеніи на родину утверждать соотечественниковъ въ латинскомъ ученіи, принявъ-ли духовный или монашескій санъ, или оставаясь свѣтскими учителями. Наставленія въ монашеской дисциплинѣ по чину католической церкви, проповѣди и школы должны были служить орудіями въ ихъ спасительной дѣятельности. Открываемой коллегіи Григорій XIII далъ всѣ тѣ права и привиллегіи, какія принадлежали римскимъ главнымъ курсамъ (Studium Generale) [3]),—въ частности, право производить своихъ студентовъ въ ученыя степени баккалавровъ, лиценціатовъ, докторовъ, магистровъ. Надзоръ за административно-педагогическою и экономическою частями папа возложилъ на четырехъ кардиналовъ - протекторовъ, освободивъ всѣхъ лицъ, прикосновенныхъ къ коллегіи, и принадлежащее ей имущество отъ подчиненности всякимъ другимъ властямъ и судамъ. На содержаніе ея папа назначилъ изъ казны своей и апо-

---

[1]) Magnum bullarium romanum, II, pp. 375. 386. 409. 422. 475.

[2]) Для греческихъ юношей еще въ началѣ XVI ст. была заведена въ Римѣ у подошвы квиринальскаго холма гимназія, устроенная Іоанномъ Ласкарисомъ по предложенію папы Льва X (Bibliogr. Hellén. s. XV et XVI, t. II, p. 54).

[3]) Это была академія іезуитскаго ордена, въ которой кромѣ іезуитскихъ студентовъ слушали иногда науки и воспитанники національныхъ коллегій (*Архим. Никодимъ*, Римская пропаганда, ея исторія и нынѣшнее состояніе, СПБ., 1889, стр. 29. 30).

стольской камеры 1200 скути (scuta) ежегодно и сверхъ того доходы (за вычетомъ 300 скути) въ теченіе 15 лѣтъ съ вакантной сельской (rurale) епископіи въ Киссамо на Критѣ. 28 марта означенная булла была явлена въ апостолической камерѣ [1]). Сначала коллегія помѣщалась въ наемной, повидимому, квартирѣ, затѣмъ для нея купленъ особый домъ, приспособленный къ потребностямъ училища въ 1581 г. Зданіе это было украшено греческими и латинскими надписями, свидѣтельствовавшими о щедрости папы и о назначеніи этой коллегіи, окрещенной именемъ св. Аѳанасія, александрійскаго архіепископа [2]). Въ апрѣлѣ 1581 г. извѣстный Ѳеодосій Зигомала писалъ М. Крузію: „нынѣшній папа основалъ большое училище, собралъ мальчиковъ греческихъ, досталъ изъ Греціи же и учителей для нихъ. И теперь, какъ я узналъ изъ писемъ моихъ друзей, учителя и ученики, съ Божіей помощію, приложно занимаются“ [3]).

Высшая власть надъ аѳанасіевской коллегіей принадлежала папѣ, который самъ назначилъ для нея четырехъ протекторовъ изъ числа приближенныхъ кардиналовъ. Послѣдніе избирали ректора коллегіи, которому и передали ближайшій надзоръ за всѣми сторонами жизни коллегіи и ея воспитанниковъ, оставивъ за собой право каждый разъ контролировать дѣятельность ректора. Такъ какъ аѳанасіевская коллегія была учреждена съ цѣлью приготовленія католическихъ миссіонеровъ для народовъ восточнаго православія, то въ ней религіозно-нравственному воспитанію было отведено столько же мѣста, сколько и наукѣ (если не больше). Такой характеръ учрежденія проявлялся во всей его жизни; имъ обусловливался самый пріемъ воспитанниковъ. Сюда принимались мальчики хорошихъ дарованій, добрыхъ нравовъ, послушные и не старше 14 лѣтъ, такъ какъ юноши старше этого возраста менѣе склонны къ повиновенію школьно-церковной дисциплинѣ. Исключенія допускались самимъ святѣйшимъ отцомъ для лицъ, имѣющихъ даже 18 лѣтъ, если они отличались усердіемъ къ религіи и по своей подготовленности обѣщали быть полезны церкви [4]). Прежде окончательнаго пріема въ колле-

---

[1]) Magnum bullarium romanum, II, pp. 409. 410. Доходы съ киссамской каѳедры, по ходатайству протекторовъ коллегіи, навсегда остались за ней (*Петръ Аркудій*, Collegii Graecorum de Urbe primordia—Историческая записка о началѣ коллегіи, составленная въ 1624 г. Bibliographie Hellénique s. XVII, t. III, 483). Кромѣ того, коллегіи были уступлены аббатство милетское и виноградники папы Юлія и на счетъ папы выстроены въ ней капелла св. Григорія Назіанзина и церковь въ память св. Аѳанасія (ibid., 483. 484).

[2]) *Leo Allatius*, De ecclesiae occidentalis atque orientalis perpetua consensione libri tres (1648), pp. 985. 986. Bibliogr. Hellénique s. XVII, t. III, 482.

[3]) *Малышевскій*, Мелетій Пигасъ, I, 232. По свидѣтельству Аркудія, въ аѳанасіевской коллегіи въ самомъ началѣ ея существованія (при п. Григоріи XIII и одномъ изъ первыхъ ея протекторовъ—Северино) обучалось свыше 60 человѣкъ; большая часть ихъ была съ греческихъ острововъ, принадлежавшихъ Венеціи (Bibliographie Hellénique s. XVII, t III, p. 484. 485). Аллацій говоритъ о 65 учащихся (ibid., 985).

[4]) Впослѣдствіи (1624 г.) для воспитанниковъ назначенъ былъ возрастъ отъ 12 до 16 лѣтъ; свыше 16-ти принимались съ разрѣшенія протектора и старше 18 лѣтъ—съ разрѣшенія папы (Bullarium romanum, XIII, 245).

гію юношамъ предлагалось ознакомиться съ ея уставомъ и даже жить въ ней нѣкорое время, чтобы они сознательно могли дать клятвенное обязательство подчиняться ея правиламъ и затѣмъ содѣйствовать осуществленію ея плановъ [1]).

Религіозно-нравственное воспитаніе въ греческой коллегіи осуществлялось путемъ преподаванія Закона Божія (на латинскомъ или итальянскомъ языкѣ, а для незнающихъ ихъ—на греческомъ), изъясненіемъ Катихизиса св. Кирилла іерусалимскаго, утренней, полуденной и вечерней—умной и словесной молитвой, соединенной съ испытаніемъ своей совѣсти, ежедневнымъ слушаніемъ обѣдни съ прислуживаніемъ при богослуженіи, а по воскресеньямъ — слушаніемъ слова Божія, ежемѣсячнымъ совершеніемъ мессъ за основателя коллегіи, за ея протекторовъ - кардиналовъ и за Грецію, еженедѣльной исповѣдію и частымъ принятіемъ св. Таинъ, соблюденіемъ постовъ римской церкви и греческой, чтеніемъ душеспасительныхъ книгъ, упражненіемъ въ христіанскихъ добродѣтеляхъ [2]). Этой же цѣли имѣло служить участіе въ братствѣ св. Дѣвы, учрежденномъ при коллегіи 2 февр. 1592 г. [3]).

Самой главной изъ этихъ добродѣтелей считалось послушаніе и преданность церковной власти. Она укрѣплялась соблюденіемъ устава коллегіи во всѣхъ его подробностяхъ, „такъ какъ онъ данъ сіятельнѣйшими отцами—покровителями коллегіи не безъ внушенія Бога", какъ средство къ ихъ преуспѣянію въ духовной жизни. Относясь съ полнымъ довѣріемъ къ своему ректору и наставникамъ, воспитанники безпрекословно должны исполнять всѣ ихъ требованія, видя въ самомъ повиновеніи удовольствіе. Воспитанники должны, затѣмъ, избѣгать всякихъ проявленій гордости, самовосхваленія, ропота, праздныхъ словъ, клятвопреступленія, богохульства... Преступившій эти требованія строго наказывается ректоромъ; провинившійся трижды удаляется изъ коллегіи [4]).

---

[1]) Правила греческой коллегіи, оглашенныя 5 іюня 1583 г. (Ordini per il Collegio Greco)—Bibliogr. Hellénique s. XVII, t. III, 495. 496. Дополненія къ Правиламъ, изданныя въ октябрѣ 1584—ibid. pp. 507 et sqq. Форма присяги слѣдующая — для лицъ, готовящихся по окончаніи коллегіи принять священный санъ: «Я, такого то города или такой то епархіи, даю обѣщаніе принять духовный санъ по греческому обряду, одобренному св. Римскою церковію; никогда не буду заниматься гражданскимъ правомъ или медициной (juris civilis aut medicinae studia nunquam professurum); ни въ какомъ случаѣ не оставлю этой греческой коллегіи до полнаго окончанія курса ученія и безъ приказанія святѣйшихъ и достопочтеннѣйшихъ кардиналовъ—покровителей коллегіи; обѣщаюсь охотно исполнять то, что тѣмъ же достопочтеннымъ кардиналамъ покажется полезнымъ для спасенія душъ и выгоднымъ для коллегіи, даже ранѣе вышеписаннаго срока, и это предъ Богомъ и вами я обѣщаю и клянусь. Такъ да поможетъ мнѣ Богъ и сіе св. Его Евангеліе» (ibid. p. 507). Означенная присяга дается по достиженіи мальчикомъ 12 лѣтъ (507), а по конституціи 1624 г. — 16-ти лѣтъ (Bullar. roman., XIII, № 98).

[2]) Правила греч. коллегіи (ibid., pp. 496—498. 506). Ср. Bullar. rom., XIII, № 98.

[3]) Bibliogr. Hellén. s. XVII, t. III, p. 515.

[4]) Ibid., pp. 498—499. Интересно правило о наказаніяхъ. Ректоръ долженъ имѣть при себѣ кошелекъ (бумажникъ) съ тремя отдѣленіями и носить въ нихъ билетики съ

Во взаимныхъ отношеніяхъ воспитанники должны проявлять полную любовь и доброжелательство и избѣгать грубости и доносовъ другъ на друга. Послѣднимъ дается мѣсто въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло касается нравственной пользы самого провинившагося и когда онъ не внялъ увѣщанію товарища. Впрочемъ, изданныя въ 1584 г. дополненія къ правиламъ коллегіи вводятъ въ дѣйствіе цѣлую систему шпіонства и доносовъ. Они предписываютъ ректору „приложить всѣ старанія къ тому, чтобы имѣть между воспитанниками такого, который доводилъ бы до его свѣдѣнія все, что дѣлается". Самъ ректоръ могъ посѣщать жилыя комнаты воспитанниковъ даже безъ ихъ вѣдома. „Для этого онъ долженъ былъ имѣть ключи отъ всѣхъ комнатъ, чтобы имѣть возможность входить, когда ему угодно, и смотрѣть, какія книги, какія письма, какія рукописи и какія одежды имѣются въ шкафахъ". Эти тайные осмотры ему предлагалось дѣлать какъ можно искуснѣе, чтобы не возбудить ни въ комъ изъ учениковъ подозрѣній.

Подъ надзоромъ ректора воспитанники находились постоянно—и днемъ, во время занятій и прогулокъ, и ночью, такъ какъ въ спальнѣ горѣла лампа. Каждый шагъ алюмновъ былъ подверженъ контролю. Безъ разрѣшенія ректора они не могли входить въ чужія комнаты, отправлять и получать писемъ, даже распорядиться своими деньгами и вещами, ни принимать постороннихъ лицъ (при бесѣдѣ воспитанника съ посѣтителемъ присутствовалъ самъ ректоръ или одинъ изъ воспитателей), ни выходить изъ зданія. Воспитанникъ, которому разрѣшенъ выходъ, сопровождается префектомъ или своимъ товарищемъ, которые слѣдятъ за его поведеніемъ. Ректоръ долженъ былъ наблюдать, чтобы между учениками не завязывались тѣсныя дружескія отношенія; запрещалось поэтому бывать вмѣстѣ двумъ ученикамъ и уединяться по угламъ: разговоръ долженъ быть общій [1]).

Программа коллегіи состояла изъ слѣдующихъ предметовъ: закона Божія или краткаго катихизиса для начинающихъ, и для болѣе возрастныхъ—катихизиса Кирилла іерусалимскаго и римскаго катихизиса. Для изученія греческаго языка правилами рекомендовались Константинъ Ласкарисъ, Хризолоръ и другіе авторы, которые писали о греческомъ языкѣ. Для пріобрѣтенія слога указывались Исократъ, Демосѳенъ, Софоклъ, Ѳукидидъ, свв. Василій вел. и Іоаннъ Златоустъ. Изгонялись писатели ненравственные, въ родѣ Лукіана и Аристофана. Латинскій языкъ изучался по Гуарино и Сидицино, а въ старшихъ классахъ по Эммануилу (Альвару); изъ латинскихъ авторовъ читали Цицерона, Саллюстія, Цезаря, Виргилія, Горація и другихъ „хорошихъ" писателей. По латыни обязаны были говорить всѣ воспитанники, кромѣ старшаго класса, и за исключеніемъ рекреаціоннаго времени. Діалектика и философія изучались по сочиненіямъ Аристотеля, Порфирія, Ѳемистія, Фи-

---

обозначеніемъ наказаній за крупные проступки, средніе и маловажные и затѣмъ предлагать провинившемуся ученику самому вытащить изъ извѣстнаго отдѣленія билетикъ... (p. 511).

[1]) Bibliogr. Hellén. s. XVII, t. III, pp. 500. 501. 503. 510. 511.

лопона и имъ подобныхъ; предлагалось читать ихъ по латыни, слѣдуя порядку, принятому въ итальянскихъ школахъ. Собственно богословское образованіе заканчивалось изученіемъ системы богословія (Summa totius Theologiae) Ѳомы Аквината, чтеніе котораго сопровождалось частыми ссылками на восточныхъ отцовъ—Іоанна Дамаскина, Діонисія Ареопагита, приводимыми обыкновенно на греческомъ языкѣ. Окончившимъ полный курсъ схоластики позволялось читать Аѳанасія вел., Григорія Назіанзина, Василія в., Златоуста, Кирилла, Максима и другихъ греческихъ отцовъ и дѣянія вселенскихъ соборовъ. Наклоннымъ къ монашеской жизни предлагались правила св. Василія (Аскетика), проповѣди Ефрема Сирина и т. п. Воспитанники коллегіи должны были постоянно упражняться въ диспутахъ, чтобы пріобрѣсти навыкъ въ защитѣ истинъ вѣры, и въ писательствѣ — съ тою же цѣлью. Воспитанниковъ коллегіи, утвердившихся въ истинахъ католической вѣры, знакомили съ полемической литературой, съ твореніями Марка Ефесскаго, Паламы, Максима Плануди, съ одной стороны, и съ другой — съ греческими трактатами кардинала Виссаріона, Іоанна Векка, протосингела Григорія, Георгія (Геннадія) Схоларія, Димитрія Сидонія, Георгія Трапезундскаго, св. Ѳомы, папы Льва IX и съ постановленіями вселенскихъ соборовъ католической церкви. Для упражненія въ духовномъ краснорѣчіи воспитанники по очереди читали въ столовой во время ѣды, вмѣсто обычнаго священнаго чтенія, проповѣди,—изучающіе грамматику—на греческомъ языкѣ, прочіе на своихъ родныхъ языкахъ. Въ рекреаціонные дни воспитанники изучали церковное пѣніе и обряды церковные [1]). Послѣ передачи аѳанасіевской коллегіи при папѣ Григоріи XV (1621—1623 г.) подъ завѣдываніе общества Іисусова, она приблизилась къ строю жизни іезуитскихъ коллегій и къ программѣ послѣднихъ. Отъ курса іезуитскихъ коллегій программа аѳанасіевской стала отличаться, кажется, тѣмъ только, что въ ней особенное вниманіе удѣлялось греческому языку. По окончаніи риторики, гдѣ изучались оба классическіе языка, давался еще одинъ годъ для спеціальнаго изученія греческаго; въ послѣднемъ упражнялись и на высшихъ курсахъ путемъ лекцій, диспутовъ, писанія сочиненій. Точно также и греческому обряду дано теперь преимущество предъ латинскимъ [2]).

---

[1]) Bibliogr. Hellén. s. XVII, t. III, 501. 502. 504. 505. 512. 513.

[2]) Первоначально аѳанасіевская коллегія была поручена монаху изъ августинскаго ордена, затѣмъ бѣлому священнику и опять монаху; съ 1591 по 1604 г. она находилась подъ завѣдываніемъ ордена іезуитовъ; съ 1609 г. ею управляли доминикане (Bibliogr. Hellén. s. XVII, t. III, pp. 217, прим. 6; 440 486. 488. 490. 491). Вторично аѳанасіевская коллегія была передана іезуитскому ордену при п. Григоріи протекторомъ ея кардиналомъ Барберини, составившимъ новую конституцію ея, утвержденную имъ же 23 ноября 1623 г. подъ именемъ папы Урбана VIII (Bullarium romanum, XIII, № 98, pp. 245 et sqq.; id.—Iuris pontificii de propaganda fide pars I-ma, vol. I, Urbanus VIII, № 6. Ed. *Martinis de Raphaëlis*). По новой конституціи ректора коллегіи назначалъ и смѣщалъ генералъ іезуитскаго ордена, какъ и служащихъ - іезуитовъ. Самыя важныя дѣла рѣшались собраніемъ всѣхъ протекторовъ коллегіи и старшихъ (суперіоровъ) іезуитскаго ордена.

Сфера спасительнаго вліянія аѳанасіевской коллегіи, по намѣренію Григорія XIII, не должна была ограничиться предѣлами греческой церкви, — она должна была захватить и русскихъ. 21 мая 1577 г. было послано папскому нунцію въ Польшѣ Лаурео статсъ-секретаремъ папы и отъ его имени предложеніе озаботиться „пріисканіемъ пяти или шести мальчиковъ изъ такъ называемыхъ польскихъ грековъ и русиновъ и столькихъ же изъ московскаго царства, которые были бы рождены отъ законнаго брака, воспитаны въ греческомъ обрядѣ, въ возрастѣ отъ 12 до 18 лѣтъ, съ хорошими наклонностями, съ понятливымъ умомъ и способностями къ наукамъ и которые при томъ имѣли бы родныхъ, или что нибудь такое, вслѣдствіе чего охотнѣе возвратились бы въ свои родныя мѣста; хорошо, если бы они были благороднаго званія и знали первые начатки наукъ". Нунцій, послѣ всѣхъ усилій и переписки съ различными польскими епископами, могъ чрезъ годъ представить только трехъ человѣкъ, вмѣсто требуемыхъ 10—12. Первые двое, найденные жмудскимъ епископомъ, были родомъ изъ зап. Россіи, 17 и 12 лѣтъ. Послѣдній былъ „сынъ виленскаго консула, котораго считаютъ шляхтичемъ, который богатъ и настолько преданъ своей русской религіи, что на свои средства приказываетъ печатать въ Вильнѣ русскія книги"... Оба мальчика порядочно говорили по латыни. Но такъ какъ изъ московскаго государства нельзя было достать требуемыхъ людей, ибо „русскіе были настолько упрямы и суевѣрны въ своихъ заблужденіяхъ, что согласились бы скорѣе умереть, нежели послать въ Римъ своихъ дѣтей",—то Лаурео пришлось, согласно съ совѣтомъ изъ Рима, гдѣ предвидѣли это обстоятельство, завербовать одного тринадцатилѣтняго мальчика, попавшагося въ плѣнъ при возвращеніи какой то ливонской крѣпости, хотя онъ не умѣлъ ни читать, ни писать. Въ іюлѣ 1578 г. нунцій послалъ всѣхъ троихъ въ Римъ съ Антоніемъ Поссевиномъ, возвращавшимся изъ Швеціи [1]).

Такая неудача папской политики обусловливалась прежде всего и главнымъ образомъ отдаленностью Рима отъ западной Россіи, а во вторыхъ—русскихъ затрудняло преподаваніе въ аѳанасіевской коллегіи наукъ на греческомъ языкѣ, далеко не всѣмъ имъ знакомомъ. Въ виду этихъ обстоятельствъ Антоній Поссевинъ, который во время своего посольства къ Іоанну Грозному достаточно хорошо, казалось, изучилъ положеніе церковныхъ дѣлъ въ Россіи—западной и восточной, выступилъ съ другимъ проектомъ, изложеннымъ и обоснованнымъ въ его сочиненіи: „Com-

---

[1]) *Ѳ. Вержбовскій*, Отношенія Россіи и Польши въ 1574—1578 гг., по донесеніямъ папскаго нунція В. Лаурео (Ж. М. Н. Пр., 1882, августъ, стр. 238—241). Ср. *Pierling*, La Russie et le Sainte—Siège, t. I (Paris, 1896), p. 400. 401. Интересно, что Поссевинъ, въ бытность свою въ Москвѣ въ 1581 г., предлагалъ царю послать молодыхъ людей, которые умѣли бы читать и писать по русски, въ Римъ, гдѣ ихъ станутъ учить вѣрѣ греческой вмѣстѣ съ приглашенными изъ Греціи. Грозный отвѣчалъ: «А чтобы послать въ Римъ людей учитись Римскому языку, и такихъ вскорѣ изобрати невозможно, которые бы къ такому дѣлу были годны; а какъ такіе люди обраны будутъ, и впредь такихъ людей къ Папѣ пришлютъ» (Древн. Росс. Вивліоѳика, VI, 97, 101).

mentarius primus de rebus Moscoviticis ad religionem spectantibus", написанномъ въ концѣ 1581 года въ с. Боръ, между Новгородомъ и Псковомъ. Признавая однимъ изъ дѣйствительнѣйшихъ средствъ къ распространенію католичества въ Россіи учрежденіе семинаріи для русскихъ, которая могла бы доставить хорошихъ дѣлателей на нивѣ Христовой,— Поссевинъ находилъ, что открытіе ея въ Римѣ и особенно въ соединеніи съ греческой коллегіей было бы весьма полезнымъ. Но, добавляетъ онъ, трудности дальняго пути и то высокомѣріе, которое можетъ возникнуть у этихъ уроженцевъ сѣвера отъ предположенія, что ихъ обязаны окружать извѣстными заботами, дѣлаетъ не особенно удобной посылку въ Римъ русскихъ, тѣмъ болѣе, что если кто нибудь изъ нихъ и знаетъ латинскій или греческій языкъ, ему должно еще изучить итальянскій, что служитъ большимъ затрудненіемъ, какъ и случилось съ тѣмъ москвитяниномъ, котораго я привезъ три года тому назадъ. Въ Римъ можно было бы посылать очень немногихъ, избранныхъ, и то послѣ того, какъ они на родинѣ получатъ солидное гуманитарное образованіе. Въ Вильнѣ, продолжалъ Поссевинъ, есть университетъ общества іезуитовъ, но русскихъ въ немъ не такъ много (nonnuli) учится, и то безъ пользы для вѣры католической: бѣдные, которыхъ большинство, прилежнѣе изучаютъ тѣ науки, которыя кажутся имъ болѣе выгодными для веденія частныхъ дѣлъ, а болѣе богатые не склонны посвящать свои труды на дѣло Божіе. Что касается уроженцевъ Московіи, то князь никого еще не послалъ сюда для образованія, и нѣтъ надежды на то, особенно вслѣдствіе войны и постояннаго нерасположенія къ литовцамъ. Въ виду этого Поссевинъ совѣтовалъ открыть въ Вильнѣ или Полоцкѣ семинарію для русскихъ Польши и для тѣхъ москвитянъ, которые попались въ плѣнъ въ теченіе трехъ лѣтъ войны. Уроженцевъ Московіи можно было бы посылать въ папскія семинаріи въ Ольмюцъ или Прагу, гдѣ имъ нетрудно было бы учиться по причинѣ родства русскаго и чешскаго языковъ. Во время пребыванія ихъ тамъ слѣдовало бы, чтобы ихъ посѣщали опытные дѣлатели (operarii), которые снабжали бы ихъ письмами и книгами для пересылки воспитанниками къ своимъ. По окончаніи образованія эти люди могли бы уже работать на пользу церкви въ различныхъ мѣстахъ своего отечества [1]). На необходимости учрежденія національной семинаріи въ предѣлахъ Россіи Поссевинъ настаивалъ и въ своемъ письмѣ къ папскому секретарю кардиналу ди-Комо, отъ 13 янв. 1582 г. [2]).

Въ Римѣ мысль Поссевина приняли сочувственно и тотчасъ же занялись ея осуществленіемъ. Уже 5 февр. 1582 г. была подписана папой Григоріемъ XIII булла объ открытіи въ Вильнѣ семинаріи для русскихъ. „Чѣмъ дальше отстоятъ члены Христа отъ своей главы, говорится здѣсь, тѣмъ сильнѣе должно согрѣвать ихъ жаромъ вѣры. Пе-

---

[1]) *Starczewski*, Historiae ruthenicae scriptores exteri saeculi XVI, t. II, pp. 284. 285. (id. Supplem., p. 35. 36).

[2]) Supplem., № 30 (p. 72).

чально положеніе страны русиновъ и москалей, заселенной схизматиками и турками, отдаленной отъ насъ и находящейся въ холодѣ и темнотѣ. Посему, а также зная объ усердіи въ вѣрѣ и въ воспитаніи общества іезуитовъ, благодаря которымъ тамъ уже укрѣпилась вѣра, мы, продолжаетъ папа, учреждаемъ въ Вильнѣ коллегію, которая должна называться семинаріей и въ которой русская и московская молодежь изучала бы самую чистую католическую вѣру, ученіе Христово и добрыя науки и успѣвала въ добрыхъ нравахъ, наподобіе другихъ семинарскихъ коллегій, открытыхъ нами въ Богеміи, Польшѣ, Германіи, Трансильваніи, и поручаемъ ее заботливости и управленію нынѣшняго ректора виленской іезуитской коллегіи—его самого или кого онъ назначитъ". Ректору и алюмнамъ семинаріи папа усвоивалъ права и привиллегіи другихъ подобныхъ заведеній, а на содержаніе ихъ ассигновалъ по 1200 скути золотомъ въ теченіе 15 лѣтъ [1]). Извѣстіе объ этой милости доставило Поссевину большое удовольствіе и онъ поспѣшилъ подѣлиться имъ съ другимъ іезуитомъ, сообщивши ему въ апрѣлѣ въ письмѣ изъ-подъ Риги о назначеніи папой виленской русской коллегіи по 1200 коронатовъ ежегодно [2]). Въ тотъ же день и оттуда же король Стефанъ въ письмѣ къ п. Григорію выразилъ свою радость и надежду на то, что новая семинарія окажется весьма полезной для королевства, для Московіи и всей схизматической Руси [3]).

Litterae annuae сообщаютъ, что Поссевинъ до своего возвращенія въ Римъ, т. е. до сентября 1582 г., успѣлъ уже выполнить папское повелѣніе относительно открытія семинаріи въ Вильнѣ [4]). Но въ дѣйствительности послѣднее произошло нѣсколько позже—по отсутствію ли денегъ въ распоряженіи Поссевина, или по недовольству его самой папской буллой. По крайней мѣрѣ, мы видимъ, что онъ осенью работаетъ въ Римѣ надъ составленіемъ проекта диплома на семинарію и, заручившись обѣщаніемъ помощи отъ генерала іезуитскаго ордена, проситъ кардинала Комскаго о дальнѣйшемъ движеніи дѣла (15 окт. 1582 г.). Вторично отправленный въ Польшу для посредничества между Баторіемъ и императоромъ Рудольфомъ, Поссевинъ въ началѣ декабря былъ уже въ Варшавѣ, гдѣ обрадовалъ короля папской буллой на семинарію (не знаемъ, новой редакціи или старой) и деньгами на нее и гдѣ совѣтовался съ польскимъ провинціаломъ относительно способовъ ея открытія. 6 февраля 1583 г. онъ писалъ изъ Кракова, что папскія семи-

---

[1]) Рукоп. вилен. публ. библ. Б. 53. 37: Bulla erectionis seminarii Vilnae pro Ruthenis (копія 1741 г.). О ней см. также въ буллѣ п. Бенедикта XIV отъ 1753 г. (А. В. А. К., XVI, № 138).

[2]) Suppl., p. 402. Коронатъ, очевидно, равняется скути, а цѣнность послѣдняго въ Litterae annuae (которыя почему то говорятъ о 700 скути) опредѣляется такъ: «centum rublionibus id est scutatis circiter ducentis», т. е. скути равнялось приблизительно полурублю (1582, pp. 256. 266).

[3]) *Theiner*, Annales ecclesiastici, III, a. 1582, № 28; cf. № 40.

[4]) Lit. an. 1582, p. 256.

наріи въ Трансильваніи, Пруссіи и *Литвѣ* открываются (instituuntur) [1]).

Историки расходятся въ рѣшеніи вопроса, дѣйствительно ли была открыта папская семинарія въ Вильнѣ. Ростовскій кратко передаетъ, что намѣреніе п. Григорія XIII осуществилъ Поссевинъ [2]). Крашевскій въ одномъ мѣстѣ полагаетъ, что дѣло ограничилось только совѣтомъ Поссевина, въ другомъ—говоритъ, что Поссевинъ выхлопоталъ іезуитамъ право открыть школку для обращенія дѣтей иныхъ исповѣданій, особенно русскаго, и что на этотъ предметъ были даны средства и доходы и школу поручили ордену [3]). Митрополитъ Макарій на основаніи заявленія самого Поссевина утверждаетъ, что она была открыта, но существовала недолго, такъ какъ преемники Григорія XIII († 1585 г.) перестали высылать нужныя средства [4]). Есть историческія свидѣтельства, говорящія за то, что семинарія была учреждена, но скоро упала. Такъ іезуитъ Велевицкій по поводу смерти п. Григорія XIII говоритъ, что онъ воздвигъ (excitauit) нѣсколько семинарій, въ томъ числѣ въ Вильнѣ [5]). Въ Litterae annuae S. J. 1586—1587 гг. разсказывается объ одномъ любекскомъ юношѣ, пріѣхавшемъ въ Вильну учиться польскому языку и пожелавшемъ послѣ поступить въ „папскую семинарію“ (seminarium pontificis) [6]). Съ другой стороны, въ пользу того увѣренія митрополита Макарія, что папскій алюмнатъ въ Вильнѣ прекратилъ было свое существованіе, говоритъ письмо папы Климента VIII къ виленскому электу— епископу Бенедикту Войнѣ, отъ 9 сентября 1600 г. Въ немъ папа убѣждаетъ епископа, для пользы уніи, способствовать учрежденію въ Вильнѣ русской коллегіи, причемъ указываетъ на средства къ тому въ сбереженіяхъ, какія скопились въ виленской каѳедрѣ за нѣсколько вакантныхъ лѣтъ. Въ руководство же Войнѣ Климентъ VIII предложилъ тѣ распоряженія и декреты, какіе изданы были Александромъ Комулеемъ, ревизовавшимъ епархію нѣсколькими годами раньше [7]). Епископъ Война дѣйствительно внялъ призыву папы: 11 декабря 1600 г. онъ сдѣлалъ предложеніе виленской капитулѣ относительно „возведенія семинаріи, или школы для уніатскихъ дѣтей“ [8]).

Какъ бы то ни было, виленская папская семинарія дѣйствовала уже въ самомъ началѣ XVII ст. и въ ней существовали спеціальныя стипендіи для русскихъ уніатовъ. Вѣроятно, она именно имѣлась въ

---

[1]) *Pierling*, Bathory et Possevino, №№ 65 и 72. Ср. *Wielewicki*, Scriptores rerum polonicarum, VII, 26. 28. 39.

[2]) *Rostowski*, 113.

[3]) Wilno, I, 301 и II, 422.

[4]) Исторія русской церкви, IX, 408.

[5]) Script. rerum polon., VII, 80.

[6]) Lit. an. 1586—1587, pp. 138—140.

[7]) *Theiner*, Vetera monumenta Poloniae et Lithuaniae, t. III, № 207, p. 275.

[8]) Выпись изъ протоколовъ вил. капитулы, № 205, пунктъ 4 (Опис. рук. отд. вил. публ. библ., вып. I, прилож., стр. 74).

виду составителями инструкціи для второго Лжедимитрія (1607), совѣтовавшими ему, въ интересахъ распространенія уніи въ московскомъ государствѣ, посылать молодыхъ людей для обученія въ Вильну или туда, гдѣ нѣтъ отщепенцевъ, въ Римъ [1]). Виленская русская семинарія помѣщалась рядомъ съ іезуитской коллегіей [2]). Послѣ пожара 1610 года, истребившаго папскую коллегію вмѣстѣ съ іезуитской [3]), она вновь была возстановлена, и съ 1615-го года въ ней стало учиться на папскій счетъ по шести уніатскихъ „законниковъ“ [4]).

Виленская папская семинарія въ своемъ устройствѣ воспроизводила типичныя черты другихъ папскихъ семинарій и ближе всего — аѳанасіевской, объединяясь съ ними и единствомъ цѣлей и высшей власти— Конгрегаціи распространенія вѣры [5]). До насъ дошло нѣсколько извлеченій изъ учредительной буллы Григорія XIII (1582). При пріемѣ воспитанниковъ ихъ подвергали шестимѣсячному искусу, причемъ обращалось главное вниманіе на пригодность и готовность кандидата къ принятію священнаго сана и на его благочестивую настроенность. Съ точки зрѣнія благочестія оцѣнивали воспитанниковъ и послѣ: обладавшихъ имъ избавляли отъ наказаній, а не обладавшихъ и служившихъ соблазномъ для другихъ изгоняли изъ заведенія. Удаленіе изъ семинаріи грозило за всевозможныя нарушенія школьной дисциплины, за неприличные дѣйствія, слова и взгляды въ храмѣ, за нежеланіе изучать свящ. церемоніи или упражняться въ нихъ или бывать въ церкви и участвовать въ хорѣ. Отлучиться изъ семинаріи алюмнъ могъ, только получивши себѣ отъ сеніора спутника, который и слѣдилъ за нимъ [6]).

Заботы Римскаго престола о привлеченіи къ себѣ русскихъ, встрѣтившись съ уніональными стремленіями нѣкоторыхъ православныхъ владыкъ, разрѣшились брестскимъ соборомъ 1596 г. Съ этого времени и стала существовать унія, какъ новая форма церковной жизни, какъ религіозное общество, отличное отъ католической и православной церквей. Это обстоятельство заставляло представителей уніи позаботиться о сво-

---

[1]) *Соловьевъ*, Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ, изд. 2-е, кн. 2, 847.

[2]) Іезуитская коллегія занимала въ Вильнѣ цѣлый кварталъ, ограниченный улицами: Замковой, Ивановской, Бискупской (Дворцовой) и Скоповской. Въ зданіи нынѣшней генералъ-губернаторской канцеляріи помѣщалась епархіальная семинарія, а рядомъ —папская (А. В. А. К., XX, пред. 194. 195).

[3]) *Васильевскій*, Пам. рус. стар. въ зап. губ., V, 75.

[4]) Оборона уніи—П. П. Л., I, 286.

[5]) Аѳанасіевская коллегія служила образцомъ для виленской и послѣ—въ XVIII ст. (А. В. А. К., XVI, № 154).

[6]) Рукоп. вилен. публ. библ. Б. 53. 37. Excerpta ex bulla Gregorii XIII. Такъ какъ виленская папская семинарія была поручена іезуитамъ, въ завѣдываніи которыхъ находилась до XVIII ст., когда была передана въ вѣдѣніе базиліанскаго протоархимандрита (А. В. А. К., XVI, № 154), то, понятно, на устройство ея повліяло Ratio et institutio studiorum S. I.—Отмѣтимъ, что у папскихъ алюмновъ въ Вильнѣ существовало братство по образцу іезуитскаго студенческаго (Lit. an. S. I. 1609, 442).

ихъ собственныхъ школахъ, отдѣльныхъ и отъ католическихъ и отъ православныхъ. Хотя католическія школы всегда оставались открыты для русскихъ уніатовъ и были для нихъ идеаломъ и образцомъ, какъ по своему устройству, такъ и по высшему достоинству богословской и свѣтской науки,—совершенно удовлетворить ихъ онѣ не могли, потому что были очень немногочисленны въ областяхъ съ сплошнымъ русскимъ населеніемъ и потому, затѣмъ, что у русскихъ уніатовъ были сильны, особенно на первыхъ порахъ, такія умственныя потребности и практическія нужды, на какія плохо отвѣчали и іезуитскія и всякія другія латинскія училища. Уніаты были по національности русскіе и по старымъ церковнымъ преданіямъ—славяне восточнаго обряда. Въ силу перваго русскій языкъ долженъ былъ быть имъ не менѣе дорогъ, чѣмъ и латинскій языкъ, этотъ ключъ ко всякой мудрости и истинному, католическому богословію. Съ другой стороны, соединившись съ Римомъ подъ условіемъ сохраненія чистоты обряда, руководители уніи естественно должны были заботиться и о славянскомъ языкѣ, какъ богослужебномъ, и объ изученіи славянской церковной обрядности. Наконецъ, не могли они забыть и о греческомъ языкѣ, игравшемъ такую важную роль въ исторіи христіанства въ Россіи и столь дорогомъ для западноруссовъ, которые столько вѣковъ воспитывались на твореніяхъ восточныхъ отцовъ. Въ іезуитскихъ же школахъ греческій языкъ если и преподавался, то во всякомъ случаѣ шелъ позади латинскаго и не стоялъ на желательной для уніатовъ высотѣ; а русскій и славянскій языки далеко не во всѣхъ коллегіяхъ и изучались. Папская же семинарія въ Вильнѣ, хотя вполнѣ соотвѣтствовала всѣмъ этимъ требованіямъ, но какъ разъ ко времени заключенія уніи перестала подавать признаки своего существованія.

Такія именно стремленія въ постановкѣ школьнаго дѣла въ уніатской церкви обнаружились еще до оффиціальнаго провозглашенія самой уніи и до учрежденія уніатскихъ школъ. Еще 1 іюля 1595 г. митрополитъ Михаилъ Рагоза и три епископа подписали условія соединенія съ Римомъ, въ числѣ которыхъ были подчиненіе имъ церковныхъ братствъ и полная свобода въ учрежденіи типографій, школъ и семинарій греческаго и славянскаго языковъ [1]), и король, утвердивъ 2 августа всѣ статьи составленнаго владыками договора, предоставилъ имъ свободу

---

[1]) Collegia sive confraternitates speciales — просили епископы—non ita pridem a patriarchis constitutae et a S. R. Majestate confirmatae, quemadmodum Vilnae, Leopoli, Brestae et alibi ut integrae et illaesae maneant ita tamen, ut obedientiam Summo Pontifici nobisque Eppis Religionis Graecae praestare teneantur sintque astricti. Scholas, seminaria graecae slavicae linguae extruere ubi commodius videbitur, ut liberum nobis sit, sic et officinas imprimendorum librorum, quae quidem omnia sub obedientia Epporum sint. Текстъ этихъ условій—Articuli sive conditiones, quas a S. Regis Majestate confirmari petimus,—напечатанъ у *Малиновскаго*, Die Kirche und Staats-Satzungen, bezuglich des griechisch—katholischen Ritus der Ruthenen in Galizien (s. 20. Bemerk), у *Пелеша*, Geschichte der Union, I, 532—534. На русскомъ языкѣ у митр. Макарія (IX, 574, 575). Ср. Арх. гр.-ун. митр., кн. II, № 55, numero 10, гдѣ они отнесены къ 1594 г.

и въ отношеніи устройства школъ съ этими именно языками [1]). Эти тенденціи продолжали существовать и послѣ, хотя все болѣе уступали предъ другими образовательными идеалами и системами и, благодаря нерадѣнію епископовъ, слабо проводились въ жизнь. Послѣдніе, не смотря на то, что свой переходъ въ унію объясняли, между прочимъ, тѣмъ, что хотѣли вывести русскій народъ изъ того невѣжества, въ какомъ онъ погрязъ вслѣдъ за греками,—не слишкомъ спѣшили пользоваться своимъ новымъ положеніемъ для исправленія указаннаго зла. Сравнительной близостью къ латинской наукѣ и къ латинскимъ источникамъ знанія они готовы были больше теоретически наслаждаться и ставить ее въ укоръ православнымъ грекамъ и русскимъ, чѣмъ практически пользоваться ею, просвѣщая свою церковь. Ничего въ частности не сдѣлалъ для просвѣщенія уніатской церкви первый ея митрополитъ, Михаилъ Рагоза, хотя по одной, заподозриваемой въ подлинности инструкціи, составленной для него іезуитами около 1596 г., ему совѣтовалось учреждать школы для дворянскихъ дѣтей, въ которыхъ бы они подготовлялись къ дальнѣйшему образованію въ іезуитскихъ училищахъ [2]).

Первымъ уніатскимъ училищемъ было (или, вѣрнѣе, могло быть) *брестское*. Но это была не вновь устроенная самими уніатами школа, а—отнятая у православнаго братства. 26 іюня 1597 года, король, желая, чтобы въ брестской русской школѣ „лѣпшій (лучшій) порядокъ и наука быти могла“, передалъ ее въ вѣдѣніе Ипатія Потѣя, брестскаго епископа. Вмѣстѣ съ тѣмъ король пожаловалъ „на выхованье учителей въ той школѣ и дѣтей людей убогихъ, которые ся учити будуть, и для опатренья всякихъ потребъ и порядку въ той школѣ“ села Торокань и Лѣсну, принадлежавшія жидичинскому монастырю [3]). Однако не видно, чтобы Потѣй тотчасъ же приступилъ къ переустройству училища. По крайней мѣрѣ, еще въ августѣ 1599 года король говорилъ о брестской уніатской школѣ, какъ о будущей [4]). Между тѣмъ у Потѣя былъ уже

---

[1]) А. З. Р., IV, № 79. П. П. Л., II, 1144. *Malinowski*, o. c., 21, Bemerk; cf. Арх. Ю.-З. Р., I, VII, 629.

[2]) *Крачковскій*, Очерки уніатской церкви. Чт. въ моск. общ. ист. и древн. росс., 1871, I, 43—45.

[3]) А. З. Р., IV, № 122. «Прилучене до тоѣ школы» Тороканя и Лѣсны не осталось безъ протеста со стороны жидичинскаго архимандрита Григорія Балабана, который постарался отнять одно изъ нихъ (Торокань) силой Но Сигизмундъ III, подавая, по словамъ автора Антиррисиса, своимъ подданнымъ примѣръ уваженія къ закону, вернулъ Торокань владимирскому епископу «не безъправне, ани кгвалтомъ», но путемъ позова и суда (П. П. Л., III, 859). Вѣроятно, въ связи съ оспариваніемъ жидичинскихъ имѣній архим. Балабаномъ стоятъ тѣ королевскіе привилеи на с. Торокань, отъ 1598, 1599, 1600, 1610, 1611 гг., о которыхъ упоминаетъ прот. А. Сосновскій, какъ о находившихся въ его время въ архивѣ тороканскаго монастыря. «Записка о средствахъ умноженія въ греко-унитскомъ духовенствѣ просвѣщенія» (А. В. А. К., XVI, № 233; впервые эта записка была напечатана въ Лит. еп. вѣд., 1874 г., №№ 19—24).

[4]) «Кгды колегіумъ албо семинаріумъ для науки людей молодыхъ религѣи Греческой тамъ заложено будетъ»... (А. З. Р., IV, № 141).

и человѣкъ, годный для устройства первой уніатской школы или даже семинаріи. Это былъ Петръ Аркудій, „писма святого докторъ и священникъ вѣры руской подлугъ закону греческаго“. Родомъ корцирянинъ, Аркудій въ 1578 г. поступилъ въ аѳанасіевскую коллегію, изъ которой вышелъ въ 1591 г. съ степенью доктора философіи и богословія [1]). По окончаніи коллегіи онъ отправленъ былъ въ зап. Россію по просьбѣ луцкаго католическаго епископа Бернарда Мацѣевскаго, и здѣсь обратилъ многихъ къ общенію съ римской церковью, между прочимъ Ипатія Потѣя. По возвращеніи въ Римъ онъ 21 марта 1596 г. вторично отправился въ зап. Россію съ еп. Потѣемъ, и провелъ здѣсь около 20 лѣтъ, дѣйствуя въ пользу уніи ученіемъ, жизнью, проповѣдями и сочиненіями. Онъ бывалъ даже съ польскими послами въ Московіи, вездѣ распространяя католическую вѣру и „возвращая русскихъ къ повиновенію апостольскому престолу“ [2]). Вотъ этого то Аркудія Потѣй въ 1599 г. рекомендовалъ королю „какъ человѣка въ наукахъ греческихъ бѣглаго“ и способнаго и другихъ научать, и просилъ Сигизмунда утвердить за нимъ им. Торокань, уступленное имъ послѣднему. Король 23 августа 1599 г. исполнилъ просьбу Потѣя, поставивъ только условіемъ, чтобы Аркудій, когда въ Брестѣ будетъ открыта коллегія или семинарія для русскихъ юношей греческой религіи, „научалъ ихъ, ведучи до добрыхъ обычаевъ и вѣры старожитной греческой подъ послушествомъ костела повшехного римского“. Впрочемъ, за Аркудіемъ оставлялось право требовать себѣ за свои труды „слушнаго выхованья, кромѣ доходовъ села Тороканя“ [3]).

---

[1]) Арх. ун. митрополитовъ, № 248. *Theiner*, Vetera monumenta... III, № 245. Bibliogr. Hellén. s. XVII, t. III, 209—211. Въ библіотекѣ коллегіи хранится до сихъ поръ дипломъ Аркудія отъ 24 янв. 1591 г. Изъ него мы узнаемъ, что Петръ Аркудій, послѣ 14-ти-лѣтняго изученія греческихъ и латинскихъ письменъ, свободныхъ наукъ, философіи и богословія и послѣ публичнаго диспута по философіи и двухъ по богословію, признанъ достойнымъ докторства и по учености и по добрымъ нравамъ. Для публичныхъ лекцій ему были даны темы: по философіи—изъ физики Аристотеля мѣсто, гдѣ содержится опредѣленіе природы, по богословію—§§ 2 и 4-й 36-го вопроса первой части «Суммы» ѳомы Аквината (объ исхожденіи св. Духа отъ Сына и о томъ, Отецъ и Сынъ суть ли одно начало Духа).

[2]) Bibliogr. Hellén. s. XVII, t. III, pp. 212. 216. 523. *Allatius*, o. c., 999. *Petri Arcudii* corcyraei presbyteri, philosophiae ac Sacrae Theologiae doctoris, libri VII. De concordia ecclesiae occidentalis et orientalis, in septem sacramentorum administratione. Посвященіе Аркудія королю Сигизмунду III, написанное въ 1624 или 1625 г. (Мы пользовались парижскимъ изданіемъ 1671 г.; первое изданіе вышло въ Парижѣ въ 1626 г. Ср. Bibliogr. Hellén. s. XVII, t. I, № 153). О пребываніи Аркудія въ Москвѣ мы имѣемъ свидѣтельство Annuae litterae S. I. 1591: «Изъ Вильны съ Львомъ Сапѣгой двое нашихъ отправились въ Москву. Третьимъ съ ними поѣхалъ греческій пресвитеръ изъ Корциры, съ перваго возраста воспитанный въ греч. коллегіи въ Римѣ и сверхъ того докторъ теологіи» (p. 769). Вторично Аркудій былъ въ Москвѣ въ концѣ 1600 и нач. 1601 г. (*Pierling*, La Russie et le Saint-Siège, II, 375. 376).

[3]) А. З. Р, IV, № 141.

Но едва ли Петру Аркудію приходилось заниматься въ брестской школѣ: мы не встрѣчаемъ больше указаній на его педагогическую дѣятельность или званіе. Повидимому, онъ съ самаго начала былъ принятъ Потѣемъ на должность секретаря и въ ней оставался и послѣ, работая въ то же время на пользу уніи. Такъ, онъ скрѣпляетъ архіерейскую присягу съ исповѣданіемъ вѣры Гедеона Брольницкаго, нареченнаго архіепископа полоцкаго, учиненную въ Вильнѣ 6 августа 1601 г. [1]). Не говорится объ его учительствѣ или ректорствѣ ни въ жалованной грамотѣ короля на лаврашевскую архимандрію 4 мая 1601 г., гдѣ онъ именуется „отцемъ Петромъ Аркудіушомъ, грекомъ", ни въ листѣ Сигизмунда, отъ 3-го марта 1603 г., разрѣшавшемъ Аркудію промѣнять на кобринское архимандритство пинское протопопство, которымъ онъ владѣлъ до того, ни въ письмѣ виленскаго епископа Войны, рекомендовавшаго его папѣ, какъ человѣка, которымъ онъ пользовался въ интересахъ уніи во всѣхъ важнѣйшихъ дѣлахъ. Изъ этого письма Войны, датированнаго 1 марта 1609 г., видно также, что въ это время Аркудій собрался уже въ Римъ [2]). Навсегда ли онъ оставилъ зап. Россію или еще разъ являлся сюда и окончательно возвратился въ Римъ только въ 1613 г.—точно неизвѣстно, но можно скорѣе принять первое предположеніе: 16 іюня 1612 г. Потѣй отдалъ лаврашевскій монастырь, какъ вакантный, епископу Рутскому [3]). Имѣ-

---

[1]) Архивъ ун. митр., № 248.

[2]) А. З. Р., IV, № 155. А. Ю. и З. Р., II, № 13. *Theiner*, Vetera monumenta Poloniae et Lithuaniae, III, № 245. Въ августѣ 1609 г. Аркудій былъ еще въ Вильнѣ (*Harasiewicz*, 258. 259).

[3]) Арх. ун. митр., № 334. А. З. Р., IV, № 185 и прим 95. Въ Римѣ II Аркудій былъ цензоромъ сочиненій Такъ, въ 1616 г. имъ разрѣшенъ къ печати переводъ на греческій языкъ катихизиса Беллярмина (Διδασκαλία χριστιανική...), въ 1621 г. Греческо-италіанскій словарь, и еще нѣсколько въ 1628 г (Bibliogr. Hellén s. XVII, t. I, №№ 87. 123. 179. 181. 183). — Аркудій остатокъ дней провелъ въ аѳанасіевской коллегіи, въ церкви которой и погребенъ († 1633 г.). Bibliogr. Hellén. s. XVII, t. III, p. 216 — 218. Кромѣ цитованнаго выше сочиненія, Аркудію принадлежатъ еще слѣдующіе труды и изданія: а) Bessarionis Cardinalis, Archiepiscopi Nicoeni Opusculum de processione Spiritus s., переведенное Аркудіемъ на латинскій языкъ и изданное въ 1602 г. въ Краковѣ; въ 1605 г. оно издано вновь въ польскомъ переводѣ кс. Яна Янушовскаго; б) Іоанна Векка Собраніе изреченій св. отцовъ объ исхожденіи св. Духа, переведенное Аркудіемъ на лат. языкъ и изданное въ 1603 г. въ Краковѣ съ посвященіемъ краковскому архіепископу Б. Мацѣевскому (ему же посвящено первое изданіе); в) Латинскій переводъ двухъ греческихъ надписей, касающихся Ирода Антипы и его жены (изданъ послѣ 1606 г.); г) Opuscula aurea theologica quorundam clariss. virorum posteriorum grecorum... circa processionem Spiritus Sancti.» (Romae, 1630), д) Utrum detur purgatorium et an illud sit per ignem (Romae, 1632), е) De purgatorio igne adversus Barlaam, на греч. и лат. языкахъ, посмертное сочиненіе (1637, Romae), ж) Латинскій переводъ греческаго Менологія императора Василія Младшаго. Изъ неизданныхъ сочиненій П. Аркудія г Легранъ называетъ между прочимъ: Historia de Ruthenorum cum Romana sede unione и Collegii Graecorum de Urbe primordia, хранящіяся въ архивѣ грече-

емъ основанія утверждать, что Аркудій и не могъ заниматься въ брестской уніатской школѣ, такъ какъ ея и не существовало. Королевскія грамоты виленскому троицкому монастырю, отъ 20 декабря 1613 г. и 2 сентября 1621 г., говорятъ о ней такимъ образомъ: — „которое-то школы не заложивши (Ип. Потѣй) съ сего свѣта зшолъ“, а за его смертью „тая школа въ Берестьи фундована быти не могла“ [1]). . . Итакъ, одной русской школой стало меньше: брестское братское училище было потеряно не только для православной церкви, но и вообще.

Нѣсколько лучше обстояло дѣло съ другой уніатской школой— *владимирской*, бывшей православной. Она перешла къ Потѣю вмѣстѣ съ соборомъ, при которомъ находилась, и вмѣстѣ съ соборнымъ проповѣдникомъ пользовалась доходами съ владимирскаго спасскаго монастыря, наданнаго для этой цѣли королемъ. Потѣй отдалъ этотъ монастырь со всѣми его доходами владимирской капитулѣ, преобразованной имъ 20 февраля 1598 г. по типу латинскихъ капитулъ, и „уряду казнодѣйскому“ (проповѣдникамъ). Хотя въ „листѣ“ Потѣя о школѣ и ея потребностяхъ не сказано ни слова, но можно думать, что она не была совершенно устранена отъ пользованія монастырскими доходами или что ей были даны какія-нибудь другія средства, на которыя она кое-какъ могда существовать. Положеніе ея улучшилось только въ 1609 году, когда митрополитъ Ипатій Потѣй значительно увеличилъ ея доходы. Продавши церковное имѣніе Илинщизну, Потѣй отдалъ часть денегъ (2 $^1/_2$ т. зл.) въ долгъ пану Василію Коптю подъ залогъ одного его имѣнія, которое приносило ежегодно 250 зл. Вотъ эти то 250 зл. митрополитъ и обратилъ „на школу при церкви Владимирской лежащую, т. е. на бакаляра какого-нибудь хорошаго и на ремонтъ самой школы въ случаѣ нужды“, причемъ бакаляру онъ назначилъ 200 зл., а на ремонтъ училища 50. Но, повидимому, владимирская школа и при фун-

---

ской коллегіи въ Римѣ (Bibliogr. Hellén. s. XVII, t. III, №№ 201. 218. 254; pp. 220. 225. 228. 230—232. Ср. Allatius, o. c., 998. 999. Encykl. powsz., II, 180). «Primordia» изданы самимъ Леграномъ (ibid., pp. 481—493). Наконецъ, тотъ же г. Легранъ окончательно рѣшаетъ вопросъ объ авторѣ Антирриса—въ пользу Петра Аркудія. Высказанное Стебельскимъ (Dwa wielkie światła, I... «Arkudiusz») мнѣніе о томъ, что «Антиррисисъ или Апологія противъ Христофора Филалета» написанъ Аркудіемъ по порученію Ипатія Потѣя, поддержано Ехеромъ (Iocher, o. c., III, № 9452, p. 553) и проф. Голубевымъ (Тр. Кіев. дух. акад., 1876, I, 156—161), но оспаривается проф. Скабалановичемъ (Объ Апокрисисѣ Хр. Филалета, 56. 57). Н. А. Скабалановичъ въ своемъ отрицаніи исходитъ изъ сомнѣнія въ достовѣрности извѣстія Стебельскаго о томъ, что Антиррисисъ написанъ въ 1598 г. Аркудіемъ *на латинскомъ языкѣ*, между тѣмъ какъ «содержаніе Антиррисиса показываетъ, что онъ составленъ въ 1599 г. на русскомъ языкѣ (въ 1600 переведенъ на польскій) и только одно предисловіе написано по-латыни». Теперь оказывается, что Стебельскій правъ: у г. Леграна былъ въ рукахъ манускриптъ 17 ст., содержащій латинскій текстъ Антиррисиса (169 л. in 8-o), съ такимъ заглавіемъ: «Petri Arcudii Corcyraei Apologia adversus Christophorum Philalethem (Bibliogr. Hellén. s. XVII, t. III, pp. 221. 222).

[1]) А. З. Р., V, № 6.

даціи Потѣя не могла подняться надъ уровнемъ элементарныхъ школокъ: самъ онъ называетъ образованіе, получаемое въ ней, „кой-какимъ“ (nauka... taka jaka) и надѣется для дѣтокъ бо̀льшаго отъ благочестивыхъ преемниковъ своихъ. Такіе, дѣйствительно, нашлись, хотя и нескоро. Только 3-го февраля 1631 года владимирскій епископъ Іоакимъ Мороховскій записалъ на соборную школу 600 зл. съ тѣмъ, чтобы проценты съ нихъ шли въ пользу учителя. По смерти епископа сумму эту взялъ въ долгъ изъ 8 % годовыхъ панъ Адамъ Кисель, который, выдавая 26 марта заемную запись и обязательство аккуратно выплачивать проценты бакаляру школы, тутъ же вручилъ о. Прокопію Хмѣлевскому 48 зл.—за годъ впередъ [1]).

Кромѣ о. Хмѣлевскаго извѣстенъ еще одинъ бакаляръ владимирскаго уніатскаго училища—соборный діаконъ Ѳеодоръ Мелешковичъ. Въ качествѣ „ректора школы католицкой Володимирской“, онъ вмѣстѣ съ епископомъ Іоакимомъ Мороховскимъ принесъ въ городской урядъ жалобу на шляхтича Соколовскаго, который избилъ студентовъ училища во время ихъ прогулки [2]). Повидимому, Ѳедоръ Мелешковичъ или Мелешко очень долго занималъ должность учителя во Владимирѣ, какъ можно заключать изъ сообщенія автора рукописи: Indicium, t. j. pokazanie cerkwie prawdziwey“ (1638), что послѣ смерти холмскаго уніатскаго епископа Аѳанасія Пакосты на его мѣсто былъ назначенъ „нѣкій Ѳеодоръ, человѣкъ мудрый и ученый по мнѣнію свѣта, владимирскій бакаларъ“. Аѳанасій Пакоста, который ошибочно называется здѣсь владимирскимъ епископомъ, умеръ въ началѣ сентября 1625 г. и 28 сент. королемъ дана была грамота на холмскую епископію владимирскому архидіакону Ѳеодору Мелешко, но послѣдній въ день посвященія во епископа скончался во время обѣдни отъ падучей болѣзни, какъ объясняетъ авторъ [3]).

Несравненно больше заботъ и средствъ митрополитъ Ипатій Потѣй употребилъ на устройство *духовной семинаріи въ виленскомъ троицкомъ монастырѣ*, который формально сталъ принадлежать уніатамъ только съ 1609 г., но фактически перешелъ въ ихъ руки нѣсколькими годами раньше. Начало троицкой уніатской семинаріи надо относить къ 21 январю 1601 г., когда митрополитъ Потѣй обезпечилъ ея суще-

---

[1]) Арх. Ю.-З. Р., I, VI, №№ 84. 152. 253. 256.

[2]) Арх. Ю.-З. Р., I, VI, № 174.

[3]) *Головацкій*, Библіографическія находки во Львовѣ (Зап. Имп. акад. наукъ, XXII, прилож. № 4, стр. 9). Свидѣтельно «Indicium» о внезапной смерти Ѳеодора подтверждается донесеніемъ въ Римъ Якова Суши. Произошла она въ 1626 г., между 11 іюля, когда былъ явленъ отъ лица Ѳеодора позовъ Ѳомѣ Замойскому, кіевскому воеводѣ, и 7 ноября, когда папа Урбанъ VIII опротестовалъ назначеніе м. Рутскимъ М. Терлецкаго холмскимъ епископомъ (А. В. А. К., XXIII, №№ 62. 65. 66. 68 и предисл., стр. 60—62. 68).

ствованіе фольваркомъ Печерскомъ съ селами, лежавшими въ оршанскомъ повѣтѣ. Въ данномъ королемъ подтвержденіи этой фундаціи читаемъ, что митрополитъ основалъ „семинарыумъ виленское пры церкви светое Троицы для цвиченя людей молодыхъ такъ законныхъ яко и светскихъ въ побожности и наукахъ, скоторыхъ бы выходили на потом люди годные до услугованя церкви Божое“, и что онъ назначилъ „старшимъ“ этой семинаріи честнаго отца Петра Ѳедоровича Суромятника (кова). А 15 августа 1601 г. троицкій іеромонахъ Самуилъ Сенчило, надворный митрополичій пресвитеръ, явившись лично въ Печерскъ, передалъ въ присутствіи понятыхъ этотъ фольварокъ съ приписанными къ нему селами: Цвирковомъ, Борсуками и Тарасовичами „въ моцъ и вдержане“ посланцу этого Суромятника, „старшого на тотъ часъ того семинарыумъ, и тымъ которые на потомъ по нимъ на тое старшенство наступятъ, вечными часы, такъ ижъ вже отъ того року и дня вси пожытки (доходы) того именя до выш помененого семинарыумъ отдаваны быти маютъ“ [1]).

Однако средства, данныя митрополитомъ новой семинаріи, были настолько недостаточны и не гарантированы, что самъ Потѣй выразилъ сожалѣніе объ ея шаткомъ положеніи и о необезпеченности семинаристовъ [2]). Дѣло въ томъ, что означенныя имѣнія издавна принадлежали кіево-печерскому монастырю. Въ 1597 г. король назначилъ архимандритомъ послѣдняго Михаила Рагозу, но печерскіе монахи во главѣ съ архимандритомъ Никифоромъ Туромъ воспротивились этому. И новый митрополитъ Потѣй, которому король передалъ печерское архимандритство, точно также не былъ допущенъ ни въ монастырь, ни въ имѣнія его, за исключеніемъ тѣхъ, которыя лежали въ великомъ княжествѣ литовскомъ и, слѣдовательно, Печерска съ названными селами: ими онъ успѣлъ овладѣть насильно, на что и занесена была въ оршанскія книги протестація (22 ноября 1600). Съ тѣхъ поръ эти имѣнія сдѣлались предметомъ продолжительной тяжбы между уніатскими митрополитами и кіево-печерской лаврой. Повидимому, послѣдняя скоро отняла имѣнія назадъ, за что говорятъ тѣ жалобы и усиленныя просьбы о помощи бѣднымъ воспитанникамъ виленской семинаріи, какія посылалъ митрополитъ Потѣй къ своему благодѣтелю, канцлеру литовскому Льву Сапѣгѣ [3]). Вліяніе послѣдняго, а также епископа виленскаго Войны, который помогалъ уніатской семинаріи не только при учрежденіи ея, но и послѣ [4])—побудило короля еще разъ дать Потѣю 20 февраля 1605 г.

---

[1]) Арх. гр.-ун. митр., № 249. Дѣло о передачѣ имѣнія Печерска виленской троицкой семинаріи.

[2]) Archivum Sapiehanum, I, № 437. «I seminarium owo nasze ubogie Ruskie, co ledwie jako kokosze żarno dostało się, i to w niwecz się obróci... W Panu Bogu tylko nadzieja» (Письмо къ Льву Сапѣгѣ отъ 5 апрѣля 1603 г.).

[3]) 1603—1604 гг. Archivum Sapiehanum, №№ 433. 437. 438.

[4]) *Iocher*, II, 495 (посвященіе Суромятника къ книгѣ: «Obrona s. soboru Florenskiego); Arch Sapieh., I, 437.

подтвердительный привилей на всѣ имѣнія печерскаго монастыря и, въ частности, на села, наданныя имъ „на семинарыумъ Рускую Виленьскую“ [1]). Но новый печерскій архимандритъ Елисей Плетенецкій поднялъ опять дѣло изъ-за означенныхъ имѣній. Послѣ присужденія ихъ въ пользу Плетенецкаго новгородскимъ земскимъ судомъ въ 1609 г., дѣло проходило послѣдовательно различныя судебныя инстанціи. Въ 1613 году по смерти Потѣя имѣніями завладѣлъ было Плетенецкій, но въ томъ же году взялъ ихъ въ держаніе по королевскому привилею митрополитъ Рутскій. Черезъ два года Рутскій, убѣдившись изъ представленныхъ Плетенецкимъ документовъ въ издавней принадлежности печерскому монастырю имѣній въ великомъ княжествѣ литовскомъ и въ Бѣлоруссіи, добровольно отказался отъ нихъ, взявши, впрочемъ, „певную (извѣстную) суму пенезей“, и король 1-го апрѣля 1615 г. вновь утвердилъ ихъ за печерскимъ монастыремъ. Но Рутскій при этомъ поступилъ не совсѣмъ честно: онъ отдалъ Плетенецкому далеко не всѣ документы, и когда послѣдній послалъ уполномоченнаго, чтобы завладѣть этими имѣніями, могилевскій подстароста Водорацкій воспротивился этому, какъ представитель будто бы митрополита. Въ это же время выступилъ новый претендентъ на имѣніе Печерскъ съ селами. Это былъ старшій виленской уніатской семинаріи Іосафатъ Кунцевичъ, явившійся защитникомъ интересовъ троицкой семинаріи и представившій королевскій привилей 1601 г. Хотя въ одномъ судѣ нашли, что семинарія потеряла права на имѣніе Печерскъ въ силу истекшей давности, такъ какъ не заявляла ихъ съ 1609 г., съ какого года это дѣло успѣло пройти 8 инстанцій,—тѣмъ не менѣе тяжбу рѣшено было отослать на королевскій судъ. Чѣмъ рѣшилъ король, документально неизвѣстно. Можно догадываться, что дѣло выигралъ троицкій монастырь. По крайней мѣрѣ, въ сентябрѣ 1620 г. его настоятель Левъ Кревза отдалъ имѣніе Печерскъ съ селами упомянутому Водорацкому въ аренду срокомъ на 3 года и съ платой по 200 к. гр.; и, повидимому, имѣніе было прочно закрѣплено за монастыремъ, если отъ арендатора требовалось, чтобы онъ выстроилъ въ немъ мельницу (въ счетъ платы). А въ 1634 году намѣстникъ виленскаго монастыря Ал. Дубовичъ вновь отдалъ его въ аренду могилевскому игумену съ платой по 700 зл. [2]). Но по универсалу короля Владислава IV, отъ 14 марта 1635 года, означенныя имѣнія должны были поступить на содержаніе мстиславскаго и могилевскаго православнаго владыки [3]).

---

[1]) А. Ю. и З. Р., II, № 16.

[2]) Арх. ун. митр., №№ 390. 457. 599. 600. 647. *Голубевъ*, Петръ Могила, прилож., №№ 30. 31.

[3]) Арх. Ю.-З. Р., I, VI, № 280. Для представленія хода тяжбы изъ-за печерскихъ имѣній, кромѣ цитованныхъ документовъ, служитъ Рукоп. книга кіево-печерской лаврской библіотеки, № 236 (Документы, относящіеся къ исторіи лавры, переводъ архим. Модеста): №№ 4—8, 11—14, 25. 28, 30 et sqq. См. также кн. № 205, л. 310—312. Многое напечатано въ А. З. Р., IV; А. Ю. и З. Р., II; Арх. сб., IV. См. также статью *К. Малевича*: «Кіево-печерская лавра въ XVI и нач. XVII ст.» (Лит. еп. вѣд., 1877).

Такимъ образомъ, фундушъ троицкой семинаріи былъ очень ненадежнымъ. Возможно, что у нея были и другіе источники доходовъ, но во всякомъ случаѣ недостаточностью ихъ нужно объяснить какъ то, что учебное дѣло въ ней далеко не сразу было поставлено на должную высоту, такъ и то, что она скоро захирѣла. Какъ невысоко она стояла до поселенія въ монастырѣ Іосифа Рутскаго, т. е. до 1606 года, видно изъ слѣдующаго факта. Когда въ основанный имъ новиціатъ стали стекаться молодые люди, преимущественно изъ учениковъ іезуитской коллегіи, ихъ принимали, но приказывали заниматься науками тамъ же, освобождая ихъ отъ монашескихъ обязанностей. Очевидно, въ троицкомъ монастырѣ тогда еще не было ничего, чѣмъ бы можно было замѣнить іезуитскую школу [1]). Впрочемъ, скоро новиціатъ былъ снабженъ приличными преподавателями изъ папскихъ алюмновъ, а также изъ іезуитовъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ поднялось значеніе и семинаріи, которая, очевидно, тоже пользовалась ими; ее стали посѣщать и православные юноши [2]).

Нужно нѣсколько остановиться на біографіи Рутскаго, чтобы понять то направленіе, какое приняли въ его управленіе уніатскою церковью и церковная жизнь вообще и школьное преподаваніе въ частности. Отпрыскъ великорусской фамиліи, Іосифъ Вельяминъ Рутскій (род. 1573 г.) имѣлъ родителей протестантовъ и послѣ домашняго образованія въ духѣ кальвинской секты отправленъ былъ въ виленскую протестантскую гимназію. Знакомство съ іезуитскими студентами и проповѣдями было началомъ обращенія его къ католичеству, законченнаго его дальнѣйшимъ образованіемъ въ Прагѣ и въ аѳанасіевской коллегіи. Дарованія Рутскаго и его ревность по вѣрѣ обратили на него вниманіе іезуитскихъ властей и папы Климента VIII, которые нашли, что онъ принесетъ больше пользы церкви, если сдѣлается католикомъ по греческому обряду, т. е. уніатомъ. Они и не ошиблись. Ознакомившись съ положеніемъ дѣлъ въ зап. Россіи въ 1603—1605 гг., во время личнаго пребыванія тамъ, Рутскій вторично ѣхалъ изъ Рима въ Вильну (въ концѣ 1606 года) уже съ опредѣленнымъ планомъ переустройства русскаго монашества,—планомъ, который долженъ былъ поставить всю уніатскую церковь на подобающую ей высоту и который вызвалъ въ Римѣ сочувствіе и одобреніе, такъ какъ здѣсь надѣялись, что онъ привлечетъ къ апостольскому престолу и московскую Русь [3]).

Предполагавшееся преобразованіе монашества должно было состоять, при возможной вѣрности правиламъ и имени Василія великаго, въ приближеніи его къ устройству и духу рим.-католическихъ монашескихъ орденовъ и въ частности—іезуитскаго. Имѣлось въ виду создать изъ уніатскаго монашества стройный и цѣльный организмъ, который былъ

---

[1]) Тр. кіев. дух. акад., 1870, II, 452—453.

[2]) Арх. сб., VI, № 88.

[3]) Инструкція кардинала Боргезе епископу Симонетти ди-Фолиньо, 11 ноября 1606 (Relacye nunc. apost., II, 101. 107).

бы квинтъ-эссенціей всего, что есть лучшаго въ уніи, и сосредоточить въ немъ всѣ высшія должности уніатской церкви. Но для этого необходимо было повысить образовательный уровень монашества, что̀ нужно было прежде всего для самого монашества, а затѣмъ для того, чтобы распространять чрезъ него просвѣщеніе и во всей уніатской церкви [1]). И вотъ Рутскій сразу по прибытіи въ Вильну основываетъ при троицкомъ монастырѣ новиціатъ. Послѣдній, какъ и католическіе новиціаты, не былъ въ собственномъ смыслѣ училищемъ, а былъ только приготовительнымъ къ монашеству учрежденіемъ, почему въ него принимались люди и взрослые и неграмотные [2]). Но, разумѣется, и въ немъ преподавались науки и свободныя, и богословскія, какъ необходимыя для будущаго служенія церкви этихъ кандидатовъ монашества и духовныхъ должностей. Въ новиціатѣ Рутскаго скоро собралось до 100 юношей, и онъ, съ 1609 г. уже архимандритъ троицкаго монастыря, строитъ для нихъ въ этомъ году новое зданіе. Очень скоро новиціатъ Рутскаго получилъ возможность поставлять образованныхъ монаховъ и въ другіе уніатскіе монастыри.

Усилія Рутскаго къ поднятію образованія въ уніатскомъ клирѣ скоро оцѣнилъ и отмѣтилъ митрополитъ Потѣй. Назначая его своимъ епархіальнымъ намѣстникомъ, онъ въ окружной грамотѣ по этому случаю писалъ, что заботами о. Іосифа въ Вильнѣ „теперь хвала Божая общимъ житіемъ и цвиченіемъ людей молодыхъ якъ въ законѣ Божомъ, такъ тежъ и въ наукахъ учтивыхъ, ко помноженію единости святоѣ зачала“ [3]). Спустя нѣсколько мѣсяцевъ Рутскій опять проявилъ заботливость о троицкой семинаріи. Дѣло шло собственно о томъ, чтобы выжить изъ монастыря архимандрита Самуила Сенчилу, который измѣнилъ уніи и засѣлъ здѣсь, чтобы удержать монастырь за православными. Интересно, что Рутскій мотивировалъ необходимость удаленія Сенчилы такимъ, между прочимъ, образомъ: если онъ останется въ монастырѣ, то мы всѣ уйдемъ, но тогда прекратится и хвала Божія при троицкой церкви, ибо при ней не останется никого ни изъ священниковъ и діаконовъ, ни изъ братіи, „закроется школа и семинарія дѣтей шляхетскихъ, которая недавно получила тамъ начало ради распространенія нашей вѣры, прекратятся проповѣди и исповѣдь, которыми украшался монастырь, вслѣдствіе чего ослабѣетъ дѣло уніи, къ великой радости схизматиковъ и еретиковъ, давно и всячески добивающихся этого, и къ большому огорченію правовѣрныхъ, полагающихъ всю свою надежду на это св. мѣсто“ [4]). Сенчило, дѣйствительно, долженъ былъ оставить монастырь, и семинарія могла теперь совершенно спо-

---

[1]) Relacia y uważenie postępków niektorych około cerkwi Ruskich Wileńskch, r. 1608. y 1609... Rozdz. I.

[2]) Объ устройствѣ уніатскихъ новиціатовъ можно читать у проф. Петрова въ Трудахъ киев. дух. акад., 1870, II, 460—465.

[3]) А. З. Р., IV, № 175.

[4]) Арх. сб., VI, № 54 (стр. 119).

койно работать на пользу уніи, тѣмъ болѣе, что по завѣщанію Потѣя (27 апрѣля 1613 г.) она получила его латинскія книги духовнаго содержанія, между прочимъ книги Свящ. Писанія, свв. отцовъ [1]).

Заслуги, въ самое короткое время оказанныя троицкимъ монастыремъ уніатскому просвѣщенію и духовному и свѣтскому, позволили Іосифу Рутскому думать, что онъ въ состояніи уже взять въ свои руки образованіе всей уніатской церкви, скудной „школами порадными (порядочными), для твиченя людей молодыхъ“, и вотъ Рутскій 31 марта 1613 года, еще будучи галичскимъ епископомъ, выхлопоталъ у короля привилей, по которому виленскимъ троицкимъ монахамъ, успѣвшимъ уже зарекомендовать себя „побожностью и въ наукахъ вызволеныхъ твиченьемъ“, предоставлено было завѣдывать всѣмъ образованіемъ въ народѣ русскомъ. Король позволялъ инокамъ „основывать школы въ Новгородкѣ, въ Минскѣ и въ другихъ мѣстахъ, гдѣ бы имъ казалось наиболѣе удобнымъ, и въ этихъ школахъ учить, по силѣ возможности, всѣмъ наукамъ, на языкахъ греческомъ, латинскомъ, славянскомъ, польскомъ и русскомъ. Имѣютъ они, говорилъ далѣе король, тѣми своими школами управлять и распоряжаться по своему усмотрѣнію, подчиняясь въ этомъ своимъ духовнымъ старшимъ — уніатскимъ церковнымъ властямъ. Никто изъ нашихъ городскихъ, земскихъ и главныхъ трибунальныхъ чиновъ не долженъ имѣть никакого касательства къ этимъ школамъ и къ учащимся въ нихъ и не можетъ судить ихъ; въ случаѣ же провинности должны отсылать учащихся къ ихъ школьнымъ старшимъ“. Однимъ словомъ, Сигизмундъ III предоставлялъ будущимъ уніатскимъ училищамъ „вси права, вольности и привилея“ польскихъ католическихъ школъ, для того, чтобы въ нихъ „молодой людъ тымъ охотнѣй брался“ за науки. Уніатскимъ школамъ король „для бо́льшого такихъ школъ безпеченства“ предоставилъ этой же грамотой монополію на образованіе, запретивъ быть въ государствѣ всякимъ другимъ учебнымъ заведеніямъ, кромѣ католическихъ [2]).

Такимъ образомъ, Рутскій, испрашивая королевскую привиллегію, имѣлъ въ виду поставить уніатское монашество въ такія же отношенія къ школьному дѣлу, въ какихъ стояли іезуиты, если еще не владѣвшіе образованіемъ всей католической церкви, то стремившіеся къ тому и

---

[1]) Дополненіе къ духовному завѣщанію. Арх. Ю.-З. Р., I, VI, № 162. Извѣстна одна изъ такихъ книгъ, перешедшихъ въ троицкій монастырь. Это—Homiliae, sive conciones praestantissimorum Ecclesiae Catholicae doctororum. Coloniae. M. D. LXXIV, in fol. (Тр. Кіев. дух. акад., 1876 г., I, 629, 630. *Голубевъ*, Археологическая замѣтка). Изъ надписей на этой книгѣ, которую проф Голубевъ видѣлъ въ 1875 г. въ дерманскомъ монастырѣ, открывается, что до 1601 г. она была собственностью какого-то діакона, продавшаго ее въ этомъ году за 60 гр. лит. нѣкоему Леонтію Васильевичу Шелову (Szelow) (ibid.).

[2]) А. Ю. и З. Р., II, № 45. Спустя немного, 20 декабря 1613 г., король, поощряя просвѣтительную дѣятельность троицкихъ монаховъ, далъ имъ село Торокань, перешедшее къ нему по смерти митр. Потѣя, а 2 сент. 1621 г. — и другія села, лежавшія въ пинскомъ повѣтѣ (А. З. Р., V, № 6).

фактически бывшіе недалеко отъ этой цѣли. Но Рутскій не расчиталъ силъ этого монашества. Оно оказалось не въ состояніи не только задавить всякія другія училища и, прежде всего, православныя, но и поставить надлежащимъ образомъ свое собственное образованіе.

Самъ Рутскій, повидимому, тотчасъ же по полученіи королевской грамоты и митрополичьей каѳедры (Потѣй скончался 18 іюля 1613 г.), открылъ на своемъ дворѣ *въ Новгородкѣ* школку для шляхетскихъ и городскихъ дѣтей, причемъ нѣкоторыхъ содержалъ на свой счетъ, надзоръ же за школой поручилъ „инокамъ новгородскаго монастыря, закону св. Василія“ [1]). Жалоба игумена этого монастыря Сильвестра Котлубая на новгородскихъ кальвинистовъ, занесенная въ гродскія книги 30 мая 1616 г., открываетъ и еще нѣкоторые факты изъ исторіи этой школы. Кальвинисты, поселившись въ августѣ мѣсяцѣ предыдущаго года въ Новгородкѣ и построивши противъ соборной церкви свои зборъ и русскую школу, старались поживиться на счетъ уніатской школы и въ короткое время успѣли „отмовить до себе“ не только двухъ учениковъ уніатской школы, но и ея учителя Александра Предримерскаго... Неудачи въ дальнѣйшихъ посягательствахъ на цѣлость уніатской школы раздражили кальвинистовъ, и они допустили рядъ крупныхъ насилій по отношенію и къ „студентамъ“, и къ монахамъ, и къ зданіямъ монастырскимъ, соборнымъ и школьнымъ. Жалоба монаховъ новгородскому судьѣ Ѳ. Евлашевскому не улучшила ихъ положенія: онъ же еще пригрозилъ жалобщикамъ [2]).

Нѣсколько позже была заведена школа и *въ Минскѣ*, при козмодемьянскомъ монастырѣ. Настоятель послѣдняго Аѳанасій Пакоста внесъ 19 октября 1615 г. въ трибунальныя минскія книги королевскій привилей 1613 г., которымъ онъ хотѣлъ, очевидно, защитить или открытое уже училище или только открываемое. Во всякомъ случаѣ, оно въ февралѣ 1617 г. несомнѣнно уже существовало и въ немъ учило два бакаляра: о. Діонисій Хмѣльницкій и Николай Новакъ [3]).

Между тѣмъ предоставленная королемъ уніатскимъ монахамъ монополія образованія юношества in bonis artibus ac doctrina christiana была подтверждена 3 декабря 1615 г., по ходатайству митрополита Іосифа, папой Павломъ V, который при этомъ въ видахъ поощренія молодежи къ занятіямъ сравнилъ въ правахъ уніатскія школы и воспитанниковъ съ іезуитскими [4]). Вмѣстѣ съ тѣмъ митрополитъ Рут-

---

[1]) Вѣроятно, это былъ монастырь свв. Бориса и Глѣба: въ 1638 г. упоминается такой монастырь и «вся школа того кляштору» (Арх. уніатскихъ митрополитовъ, № 692).

[2]) Арх. ун. митрополитовъ, № 393. Г. Рункевичъ читаетъ: „Прецримерскій“.

[3]) А. Ю. и З. Р., II, № 45. Минскія грамоты, № 62.

[4]) Bullae et brevia summorum Pontificum, sacrarum Congregationum. Decreta nec non serenissimorum Regum Poloniae, 1767, Pars. I, p. 30—35. Id. *Первовъ*, Папскія буллы по греко-уніатскому вопросу, стр. 27. Въ этой буллѣ воспитанники уніатскіе приравниваются собственно къ членамъ іезуитскихъ студенческихъ братствъ.

скій ходатайствовалъ о принятіи четырехъ уніатскихъ юношей въ греческую коллегію въ Римѣ, и папа издалъ 2 декабря 1615 г. распоряженіе о постоянномъ замѣщеніи четырехъ вакансій въ коллегіи русскими уніатами, съ которыми онъ велѣлъ обращаться какъ съ алюмнами другихъ національностей, содержа ихъ на счетъ заведенія [1]). Но милости папы къ уніатской церкви не ограничились этимъ: въ этомъ же году и въ началѣ слѣдующаго онъ предоставилъ уніатскимъ юношамъ еще 18 стипендій въ различныхъ алюмнатахъ, какъ видно изъ свидѣтельства Льва Кревзы, троицкаго виленскаго архимандрита, въ 1617 г. „Недавно, года два назадъ, мы получили отъ святого отца, говоритъ онъ, то благодѣяніе, что двадцать два законника (bracі zakonneу) могутъ учиться на его счетъ въ разныхъ христіанскихъ странахъ, въ важнѣйшихъ городахъ, гдѣ могутъ и науки изучить, и получить знакомство съ чужими краями, каковое служитъ украшеніемъ каждому человѣку, а именно: четыре въ Римѣ, въ греческой коллегіи, два въ Вѣнѣ, два въ Прагѣ, два въ Ольмюцѣ, шесть въ Брунсбергѣ, шесть въ Вильнѣ“ [2]). Наконецъ, примѣру папы послѣдовали польскіе епископы и іезуиты, которые съ своей стороны уступили русскимъ уніатскимъ юношамъ нѣсколько мѣстъ въ коллегіяхъ Калиша, Пултуска, Вильны и Брунсберга, какъ свидѣтельствовалъ о томъ митрополитъ Рутскій на новгородовичской конгрегаціи 1617 г. [3]).

Такимъ образомъ, къ 1617 г. уніатская церковь или точнѣе—базиліанскій орденъ—обладала слѣдующими образовательными средствами: виленской троицкой семинаріей, съ которой былъ соединенъ новиціатъ, тремя низшими школами: въ Минскѣ, въ Новгородкѣ и во Владимирѣ и нѣсколькими десятками стипендій въ католическихъ коллегіяхъ. Мы сказали: „точнѣе—базиліанскій орденъ“—не даромъ: къ этому времени проектированное Рутскимъ преобразованіе уніатскаго монашества въ орденъ, по образцу латинскихъ, закончилось и онъ, дѣйствительно, завладѣлъ всѣмъ просвѣщеніемъ уніатскимъ и даже захватилъ стипендіи въ латинскихъ коллегіяхъ, хотя ни папа Павелъ V, ни, вѣроятно, другіе благодѣтели уніатовъ не предоставляли означенныхъ стипендій монашествующимъ именно. Стремленіе высшихъ уніатскихъ властей держать эти стипендіи въ своихъ рукахъ доходило до того, что онѣ не

---

[1]) *Theiner*, Vetera monumenta Poloniae et Lithuaniae, III, № 287 (id. A. B. A. K., XVI, № 116). Протоіерей Ант. Сосновскій утверждаетъ на основаніи письма нунція къ Потѣю, отъ 23 авг. 1607 г., что еще въ этомъ году позволено было посылать русскихъ юношей въ алюмнаты Рима и Граца (A. B. A. K., XVI, стр. 523). Но едва ли уніаты воспользовались тогда этимъ дозволеніемъ: въ грацкой коллегіи мы совсѣмъ не видимъ русскихъ, а папская булла 1615 г. позволяетъ думать, что теперь впервые открыты были для русскихъ уніатовъ спеціальныя стипендіи въ аѳанасіевской коллегіи.

[2]) «Оборона уніи», П. П. Л., I, 286.

[3]) Базиліанскій рукописный капитулярій—Рук. Имп. публ. библ., Пол. F, I, № 48, л. 4 (Ср. капитулярій на русскомъ языкѣ—Разноз. Q, I, № 60, л. 3 об.).

замѣщали ихъ совсѣмъ, если не находили подходящихъ законниковъ [1]). И такое устраненіе бѣлаго клира и мірянъ отъ высшаго образованія не было случайнымъ, но вошло въ систему, которая была формулирована и закрѣплена на нѣсколькихъ базиліанскихъ конгрегаціяхъ.

Первую такую конгрегацію Рутскій созвалъ въ своемъ имѣніи Новгородовичахъ (слоним. пов.) въ іюлѣ 1617 г. Открывая её, онъ прямо заявилъ, что исправленіе духовенства уніатскаго возможно только чрезъ реформу монашества, а для этого необходимо, чтобы монахамъ дано было образованіе и духовныя упражненія. Съ этой цѣлью, говорилъ митрополитъ, я обращался къ кармелитамъ босымъ въ Краковѣ, но Провидѣнію угодно было сблизить съ нами іезуитовъ, которые и будутъ нашими учителяли въ духовной жизни [2]). Вопросомъ о монастырскихъ школахъ занялись на VI сессіи. Было высказано тогда убѣжденіе, что хотя желательно было бы имѣть во всякомъ монастырѣ молодыхъ людей, которые учились бы и духовной жизни и церковнымъ вещамъ, но что для размноженія ордена необходимо имѣть особое мѣсто, гдѣ бы братія училась тѣмъ наукамъ, къ которымъ способна и которыя соотвѣтствуютъ ея призванію. При этомъ постановлено было, чтобы въ тѣхъ монастыряхъ, гдѣ имѣютъ быть новиціаты и школы для братіи, монаховъ было немного, развѣ увеличатся ихъ фундуши; такъ, для виленскаго монастыря назначена цифра 25: 15 законниковъ и 10 братій. Впрочемъ, новиціаты должны находиться внѣ монастырей и въ нихъ должны учиться только лица, имѣющія священный санъ. Лаики какъ во всемъ прочемъ должны быть ниже посвященныхъ, такъ и въ отношеніи образованія: „имъ не должно дозволять учиться, развѣ бы только между ними нашелся столь способный (znaczny), отъ котораго бы ордену могла быть большая польза въ наукахъ; но и это можно допустить только съ разрѣшенія протоархимандрита“ [3]). На 8-й сессіи уніатскія власти опредѣлили перечислить къ ордену три овручскихъ монастыря, имѣнія которыхъ наданы были на виленскую русскую семинарію. „Ибо мы понимаемъ, говорили онѣ, что въ такомъ глухомъ краю, гдѣ нѣтъ учителей ни церковныхъ, ни свѣтскихъ, большая похвала будетъ отъ того Господу Богу“ [4])... Что касается свѣтскаго образованія, то новгородовичская конгрегація не прошла молчаніемъ и его, но уже предварительныя совѣщанія обнаружили стремленіе ордена оставить его за собой, такъ какъ вопросъ былъ формулированъ такимъ образомъ: имѣетъ быть сужденіе объ „особенной орденской школѣ для братіи“ и

---

[1]) П. П. Л., I, 286.

[2]) Рук. Имп. публ. библ. Пол. F, I, № 48, л. 4. Впослѣдствіи, въ 1624 г. Рутскій вновь обратился къ кармелитамъ (*Likowski*, о. с., 318).

[3]) Рук. Имп. публ. библ. Пол. F, I, № 48, л. 11.

[4]) Ibid., л. 12—13 (А. В. А. К., XVI, стр. 538; прим. 20: «три монастыри въ Овручомъ наданы суть на семинаріумъ Виленское русское... учинити о тое старане, якобы то до нашого держанія пришло». Когда они были даны троицкой семинаріи, не знаемъ; мы встрѣтили только указаніе, что въ 1607 г. митр. Ипатій Потѣй выхлопоталъ «добра Овруцкіе» у короля для виленскаго духовенства (Арх. сб., VI, № 61).

о „школахъ *нашихъ* для свѣтскихъ“ [1]). Сообразно съ этимъ, конгрегація прежде всего обратила вниманіе на существовавшія уже монастырскія школы въ Новгородкѣ и Минскѣ. Въ частности, она порѣшила латинское отдѣленіе минской школы раздѣлить на два класса, поручивъ каждый изъ нихъ профессору изъ братіи; въ русскомъ классѣ учителемъ могъ быть и свѣтскій, лишь съ подчиненіемъ его одному изъ первыхъ двухъ. Обѣ эти школы конгрегація рекомендовала особой заботливости старшихъ тѣхъ монастырей, гдѣ онѣ находились; старшіе обязывались наблюдать за способами ученія и успѣхами учащихся—сами или черезъ уполномоченныхъ, способныхъ къ тому. Программу преподаванія конгрегація поручила составить протоархимандриту и школьный порядокъ постановила сдѣлать предметомъ обсужденія слѣдующаго съѣзда, къ каковому времени должны были быть составлены правила для орденскихъ властей и другихъ лицъ, въ томъ числѣ для протоархимандрита и профессоровъ школьныхъ [2]).

Такова была образовательная тенденція новгородовичскаго съѣзда уніатскихъ властей, руководимаго Рутскимъ, и она продолжала жить и послѣ, хотя митрополитъ и находилъ препятствіе къ скорѣйшему ея осуществленію въ косности настоятелей монастырей [3]). Вторая конгрегація (1621 г.) обращаетъ исключительное вниманіе на образованіе молодыхъ монаховъ. Подтвердивъ высказанное раньше требованіе, чтобы „лаики никогда ни учились“ и чтобы никого изъ братьевъ—студентовъ не посылать на науку прежде произнесенія обѣта (przed professią),—она сдѣлала относительно учащихся базиліанъ нѣсколько новыхъ распоряженій. Въ виду обнаруженной многими братьями небрежности въ ученіи, съѣздъ опредѣлилъ подвергать ихъ наказанію („покутѣ“) и наблюденіе за ними возложилъ на одного изъ наиболѣе почтенныхъ монаховъ въ монастырѣ. Этотъ отецъ долженъ постоянно находиться при нихъ, присутствуя при репетиціяхъ, экзаменахъ, духовныхъ упражненіяхъ. Точно также долженъ быть назначенъ надзиратель за молодыми базиліанами въ тѣхъ городахъ, гдѣ есть коллегіи студентовъ, избираемый изъ отцовъ мѣстнаго монастыря; онъ долженъ наблюдать за поведеніемъ „русскихъ студентовъ“ вообще и за отправленіемъ ими религіозныхъ обязанностей въ частности. На пропитаніе учащихся братьевъ и на переѣзды ихъ для изученія наукъ изъ одного города въ другой конгрегація постановила взыскивать 20-й грошъ изъ доходовъ каждаго монастыря. Заботиться объ удовлетвореніи нуждъ иногороднихъ студентовъ долженъ былъ визитаторъ, который имѣлъ потому, по мысли кон-

---

[1]) Рук. Имп. публ. библ. Пол. F, I, № 48, 3 листъ. Пункты 19 и 26.

[2]) Ibid., л. 13 и 15 об.

[3]) Въ 17 пунктѣ меморіала, составленнаго на второй лаврашевской конгрегаціи, читаемъ такое интересное признаніе: «постановленія конгрегаціи, сказано здѣсь, должны быть приведены въ исполненіе—не такъ, какъ постановленія первой, оставшіяся на бумагѣ только, а не перешедшія въ дѣло» (ibid., л. 31).

грегаціи, сноситься съ ними письменно [1]). Точно также и рутская конгрегація (1623 г.) думаетъ только объ образованіи базиліанъ. Именно на ней рекомендовано было настоятелямъ монастырей, для утвержденія доброй славы ордена, замѣщать вакансіи въ папскихъ алюмнатахъ и особенно въ Римѣ наилучшими студентами [2]). Что подъ этими студентами разумѣлись базиліане, которыхъ почти однихъ уніатскія власти посылали въ папскія коллегіи и, въ частности, въ римскую, показываетъ слѣдующій случай. Въ 1623 г. Іосифъ Рутскій просилъ Конгрегацію распространенія вѣры объ увеличеніи числа русскихъ алюмновъ въ аѳанасіевской коллегіи. Она исполнила эту просьбу, прибавивъ для нихъ 23-го мая 1623 г. двѣ стипендіи, и при этомъ позволила посылать въ Римъ наряду съ духовными и свѣтскихъ уніатовъ: митрополитъ, повидимому, спрашивалъ и объ этомъ. Но, не былъ ли онъ извѣщенъ объ этомъ декретѣ или не понялъ его, какъ составленнаго въ неопредѣленныхъ выраженіяхъ, только въ слѣдующемъ году онъ опять обратился съ вопросомъ относительно того, можно ли посылать свѣтскихъ въ греческую коллегію. Конгрегація распространенія вѣры 30 апрѣля 1624 г. разрѣшила посылать и мірянъ, такъ какъ, говорила она, декретъ 23 мая 1623 г. имѣетъ и ихъ въ виду (complectitur), какъ и духовныхъ, но при этомъ сдѣлала оговорку, чтобы митрополитъ избиралъ изъ лаиковъ для посылки въ Римъ людей испытанной жизни, могущихъ приносить пользу церкви [3]). Такимъ образомъ, относительно этого вопроса къ 1623 г. установилась было настолько крѣпкая традиція, что даже митрополитъ не рѣшался нарушить ее своею властію.

Систематическія заботы высшей уніатской власти объ образованіи членовъ базиліанскаго ордена и о передачѣ въ его вѣдѣніе всего уніатскаго просвѣщенія позволили Рутскому уже въ 1624 г. похвалиться въ своемъ донесеніи въ Римъ, что „базиліане содержатъ школы, занимаясь обученіемъ юношества, и своими публичными спорами назидаютъ свѣтскихъ уніатовъ“ [4]). Но немного этихъ школъ содержалъ тогда орденъ: кромѣ минской и новгородской въ его рукахъ находились еще двѣ-три школы, отнятыя у православныхъ, каковы бѣльская, могилевская [5]), холмская [6]). Но теперь насущнымъ вопросомъ являлся вопросъ объ образованіи не столько мірянъ, сколько клира, бѣлаго духовенства, которымъ до сихъ поръ почти совершенно пренебрегали. Сами уніатскіе

---

[1]) Рук. Имп. публ. библ. Пол. F, I, № 48, л. 20. 21. 24. 25. 32.

[2]) Ibid., л. 38.

[3]) Арх. ун. митрополитовъ, № 500. Ср. А. В. А. К., XVI, 523.

[4]) *Harasiewicz Mich.*, Annales ecclesiae Ruthenae, p. 295.

[5]) Арх. сб., II, №№ 30, 102.

[6]) Упоминаніе о холмской монастырской школѣ встрѣчаемъ впервые въ 1628 г. въ жалобѣ еврея Авраама Савинскаго на ея ректора Захарію Острожика и его брата Ѳеодора, слугу митрополита Рутскаго, напавшихъ 23 ноября на еврейскій домъ (А. В. А. К., XXIII, пред., стр. 65). Подъ 1633 г. упоминается баккалавръ ея Валентинъ Дмовскій (ibid., 160).

писатели признавались, что въ то время, какъ въ орденъ базиліанскій поступило сто слишкомъ молодыхъ людей, прошедшихъ школы,—у нихъ „еще не было приступлено къ перевоспитанію (do przepolerowania) бѣлаго духовенства“ [1]). А между тѣмъ и сотня образованныхъ священниковъ составляла-бы только незначительную часть бѣлаго уніатскаго духовенства [2]). Правда, у уніатовъ еще въ началѣ XVII ст. была духовная семинарія при виленскомъ монастырѣ. Но мы видѣли, при какихъ неблагопріятныхъ матеріальныхъ условіяхъ она начала свое существованіе, и если новиціатъ, заведенный при томъ же монастырѣ, спасъ ея жизнь, то, съ другой стороны, онъ же долженъ былъ и погубить ее. Самое завѣдываніе семинаріей находилось въ рукахъ монаховъ, въ родѣ Іосифа Рутскаго, Іосафата Кунцевича, которымъ выгодно было заботиться больше о новиціатѣ, чѣмъ о ней, такъ какъ не въ интересахъ базиліанскаго ордена было развивать образованіе бѣлаго духовенства въ ущербъ черному. И, дѣйствительно, уже въ 1617 г. орденъ отчислилъ отъ семинаріи принадлежавшія ей имѣнія овручскихъ монастырей, а въ 1632 или 1633 году митрополитъ Рутскій отнялъ у виленскаго монастыря имѣніе Торокань, данное ему королемъ для воспитанія юношества [3]). И хотя семинарія троицкая еще продолжала существовать, какъ видно изъ пожертвованія въ пользу бурсаковъ, сдѣланнаго въ 1625 г. полоцкимъ войскимъ Евстафіемъ Корсакомъ Голубицкимъ [4]), — но значеніе ея, какъ духовной школы, настолько упало, что о ней не вспоминаетъ ни одна конгрегація при разсужденіяхъ своихъ объ образованіи бѣлаго духовенства, ни митрополитъ Рутскій.

Вопросъ объ устройствѣ новой духовной семинаріи назрѣлъ у митрополита, очевидно, еще задолго до 1620 г., если къ 15 іюня этого года уже было собрано нѣсколько тысячъ, какъ доносилъ въ Римъ самъ Рутскій, обратившійся къ Конгрегаціи распространенія вѣры съ просьбой ассигновать на семинарію тысячу талеровъ, находившуюся въ распоряженіи папскаго нунція въ Польшѣ [5]). Въ 1621 г. Рутскій просилъ папу Павла V подѣйствовать чрезъ нунція на короля, чтобы послѣдній по-

---

[1]) «Sowita wina», 1621 (Арх. Ю.-З. Р., I, VII, 499, cf. 505) и «Obrona Werificatiey» (441).

[2]) По словамъ одного папскаго нунція, на котораго ссылается кс. Ликовскій, скоро послѣ брестскаго собора уніатскихъ церквей въ зап. Россіи было 2169, а схизматическихъ 1089 (*Likowski*, Historya unii kościoła Ruskiego z kościołem Rzymskim (1875), str 72).

[3]) Bullarium romanum, XIV, p. 318.

[4]) Въ пользу бурсаковъ имѣла итти часть доходовъ съ завѣщаннаго Корсакомъ троицкому монастырю имѣнія Залѣсья (полоцкаго пов.). (Арх. сб., X, стр. 185). Завѣщаніе Корсака, впрочемъ, оспаривалось. Троицкій монастырь выигралъ дѣло только въ 1636 г., причемъ конгрегація постановила взять вмѣсто имѣнія 3 т. зл. (Рук. Имп. публ. библ. Пол. F, I, № 48, стр. 59).

[5]) Тр. Кіев. дух. акад., 1870, II, 474. Одновременно съ этимъ митрополитъ имѣлъ намѣреніе открыть въ Кіевѣ суффраганство и при немъ школу (Проектъ митрополита о мѣрахъ къ введенію въ Кіевѣ уніи. В. З. Р., 186⁴/₅, т. I, окт., 66. 67).

вліялъ на наслѣдниковъ кн. Острожскаго, чтобы они отдали на уніатскую семинарію имѣнія, отнятыя старымъ княземъ у луцкой каѳедры: впослѣдствіи митрополитъ готовъ былъ довольствоваться и половиной этихъ имѣній, но не получилъ ничего, такъ какъ они были переданы латинскимъ костеламъ и монастырямъ [1]). Съ тѣхъ поръ дѣло о семинаріи поднималось нѣсколько разъ, но оно свелось къ длинному ряду попытокъ завести ее, —ряду, далеко выходящему за рамки нашего изслѣдованія. Въ этомъ отношеніи къ уніатской церкви того времени вполнѣ можно примѣнить слова поэта: „Даны ей благіе порывы, свершить ничего не дано“... И это—не смотря на постоянную поддержку уніатской церкви ея „старшей сестрою“—римской церковью, которая всегда готова была оказывать и оказывала ей и нравственную и матеріальную поддержку. Такъ, когда Рутскій вновь написалъ въ Римъ 10 марта 1623 г. о своемъ желаніи открыть духовную семинарію, папа не только сочувственно отнесся къ нему, но и согласился помочь дѣлу деньгами, лишь бы было положено начало [2]). Митрополитъ серьезно принялся за дѣло и 27 января слѣдующаго года послалъ кардиналу Бандини проектъ собиранія денегъ на семинарію. Проектъ этотъ былъ здѣсь одобренъ, по крайней мѣрѣ на основаніи его состоялись черезъ два года постановленія по этому вопросу уніатскаго собора и базиліанской конгрегаціи [3]). Вмѣстѣ съ тѣмъ Конгрегація распространенія вѣры обратилась къ виленскому епископу и папскому нунцію въ Польшѣ (14 мая и 9 августа 1624 г.), чтобы они содѣйствовали учрежденію русской уніатской семинаріи [4]). Затѣмъ, чтобы побудить и самихъ уніатскихъ владыкъ къ энергичной помощи предпріятію, оо. Конгрегаціи, опредѣляя равенство уніатскаго духовенства во всѣхъ отношеніяхъ съ католическимъ (30 апр. 1624 г.), выразились, что русскимъ епископамъ и можно *и должно* открывать школы по священнымъ канонамъ [5]).

И сами они пришли къ сознанію необходимости школъ и духовныхъ семинарій, какъ это видно изъ донесенія Конгрегаціи распространенія вѣры о положеніи уніатской церкви (1624 г.). По этому донесенію, дѣла уніи и школьнаго просвѣщенія въ частности были не въ блестящемъ положеніи. Епископы хвалились нѣсколькими „богословами, свѣдущими въ греческомъ и латинскомъ языкахъ, чего на Руси не было (будто бы) видано на ихъ и ихъ отцевъ памяти“, но они тутъ же заявляли, что этого страшно мало для всей церкви и что нужно

---

[1]) *Likowski*, Unia brzeska, 299. 300. *Harasiewicz*, 296.

[2]) Письмо кардинала Бандини къ митр. Рутскому, 5 іюля 1623 г. (А. В. А. К., XVI, стр. 523).

[3]) А. В. А. К., XVI, 489.

[4]) Арх. ун. митр., кн. VI, № 437, л. 8 об.

[5]) Арх. ун. митр., кн. 66 (Копіи декретовъ Конгрегаціи распространенія вѣры, касающихся уніатской церкви,—книга, составл. въ 1710 г.), p. 1. Cf. Bullae et brevia summorum Pontificum.... 1767, Pars I, 44, b.

устроить семинарію, которая приготовляла бы безженныхъ священниковъ [1]), хорошихъ монаховъ и благочестивыхъ учителей школъ. Нужна была своя именно семинарія, такъ какъ въ латинскихъ школахъ, куда уніаты, особенно шляхта (nobiles), отдавали часто своихъ дѣтей, обнаружились случаи совращенія послѣднихъ въ латинство или къ латинскому обряду [2]). Притомъ же оказалось, что и католическое общество стало смотрѣть на унію очень несочувственно. Самымъ появленіемъ своимъ унія вызвала столько волненій, безпокойствъ и кровопролитныхъ схватокъ во множествѣ западнорусскихъ городовъ, что возбудила противъ себя большое недовольство со стороны здравомыслящихъ католиковъ [3]). А затѣмъ, и само духовенство латинское стало принципіально преслѣдовать уніатовъ за ихъ слишкомъ большое, по его мнѣнію, тяготѣніе къ старинѣ, къ греко-славянскому обряду [4]). Наконецъ, и въ заграничныхъ коллегіяхъ стало обнаруживаться стремленіе ограничить пріемъ уніатскихъ юношей. Такъ, папа Урбанъ VIII утвердилъ 23 ноября 1624 года новый уставъ аѳанасіевской коллегіи, по которому въ ней оставлялось для русскихъ не болѣе четырехъ стипендій [5]). И хотя

---

[1]) Безженные священники казались уніатскимъ владыкамъ удобнѣе женатыхъ по тѣмъ же причинамъ, по которымъ введенъ целибатъ и въ католической церкви. Имъ думалось, что целибатъ повыситъ нравственный и умственный цензъ духовенства. «Далъ бы то Панъ Богъ, говоритъ авторъ Антиррисиса, жебы ся и нашы попы обачыли, а женамъ покой давшы, въ чыстости правой жыти хотели. Подобно бы пильнейшые книгъ и науки были, ани бы дети ихъ дурѣные церквей дедичнымъ правомъ не домогалися» (П. И. Л., Ш, 745).

[2]) *Harasiewicz*, o. c., pp. 266. 274. 278. 284. 285. 296. 297. Изъ католическихъ школъ, писали епископы, почти 200 юношей перешли въ латинскій обрядъ и столько же при дворѣ и въ войскѣ; владыки требовали, чтобы русскихъ юношей, даже преданныхъ схизмѣ, благородныхъ и плебеевъ, воспитывающихся въ іезуитскихъ коллегіяхъ, не принуждали къ оставленію русскаго обряда и даже не допускали, если бы они и хотѣли этого. Объ этомъ же просилъ папу въ 1630 г. и Мелетій Смотрицкій (*Theiner*, Vetera monumenta... III, № 328, p. 386. Ср. *Likowski*, Unia brzeska (1596 r.), str. 266. 318. 320.

[3]) Извѣстное письмо литовскаго канцлера Льва Сапѣги къ Іосафату Кунцевичу, изображающее все зло, какое внесла въ государство унія, тѣмъ болѣе цѣнно, что Сапѣга былъ сторонникомъ ея (Оно напечатано у *Бантыша-Каменскаго* въ его Историческомъ извѣстіи о возникшей въ Польшѣ уніи, 1805, стр. 75 et sqq., у *Wiszniewskiego*, Hist. liter. pol., VIII, 497 sqq.).—13 іюля 1622 г. Рутскій писалъ Аркудію, что изъ латинянъ уніи симпатизировали нунцій Діоталлеви и король: «кромѣ ихъ двухъ мы, писалъ Рутскій, не имѣли никого, кто бы намъ столько помогъ» (*Likowski*, Unia brzeska, 304, прим. 1). Въ 1628 г. папа счелъ нужнымъ поручить русскихъ уніатовъ, которые подвергались обидамъ отъ католиковъ-поляковъ, особой защитѣ гнѣзненскаго архіепископа (*Raphaëlis de Martinis* pars I, vol. I, Urbanus VIII, № 40).

[4]) Красноставскій соборъ 1643 г. подъ страхомъ отлученія запретилъ католикамъ посылать дѣтей въ уніатскія училища (*Harasiewicz*, 352; id. *Brodowicz*, Widok przemocy na słabą niewinność srogo wywartej, II, Lwow, 1862, str. 81. 82). См. также постановленіе варшавскаго синода того же года о внѣшнихъ отличіяхъ уніатскихъ епископовъ (*Likowski*, o. c., 314).

[5]) Bullarium romanum, XIII, p. 245 (№ 98).

папа послѣ присоединилъ къ нимъ еще двѣ, но на дѣлѣ уніаты, кажется, были стѣснены въ своемъ поступленіи туда, если въ маѣ 1630 г. папа опять повелѣлъ кардиналу Барберини, протектору коллегіи, позаботиться о принятіи бо̀льшаго числа русскихъ [1]). Тотъ же папа, реформируя въ 1627 году пражскую и вѣнскую коллегіи, не оставилъ ни одной стипендіи для русскихъ, хотя прежде въ каждой изъ нихъ ихъ было по двѣ [2]). А изъ постановленія Конгрегаціи распространенія вѣры 22 ноября 1630 года мы узнаемъ, что ректоръ не только вѣнской коллегіи, но и ольмюцкой, отказывалъ русскимъ въ пріемѣ. Митрополитъ Рутскій жаловался на это въ Римъ, и тамъ поручили папскому нунцію въ Германіи спросить означенныхъ ректоровъ, по какой причинѣ они отказываются принимать русскихъ [3]).

Несмотря на это, дѣло затянулось опять. Наконецъ, папа Урбанъ VIII, извѣрившись въ энергіи уніатскаго митрополита и епископовъ, пишетъ къ нимъ 22 августа 1626 г. два письма, въ которыхъ заявляетъ, что рѣшилъ открыть въ предѣлахъ Польши семинарію, которая была бы гимназіей для русскаго юношества; желая, чтобы они считали его не только иниціаторомъ (author), но и участникомъ (comitem) въ этомъ благочестивомъ дѣлѣ, папа сообщаетъ, что распорядился объ отпускѣ тысячи скути. Призывая епископовъ поддержать пожертвованіями новую крѣпость религіи и надѣясь на ихъ благочестіе и щедрость, Урбанъ сравниваетъ ихъ съ семью свѣтильниками церкви, почему они должны разливать по всѣмъ направленіямъ свѣтъ не только истины, но и благодѣяній . . . Отъ митрополита же папа ожидалъ, что онъ вѣрѣ поможетъ не только деньгами, но и примѣромъ [4]). Но еще раньше, чѣмъ были получены въ западной Россіи эти письма, митрополитъ провелъ на лаврашовской базиліанской конгрегаціи, собравшейся 10 августа (по старому стилю), и на кобринскомъ соборѣ 26 авгу-

---

[1]) Арх. уніат. митр., кн., 66, стр. 49. Ср. кн. VI, № 437, л. 8 об. У Алляція мы читаемъ имена многихъ замѣчательныхъ дѣятелей уніатской церкви, вышедшихъ изъ аѳанасіевской коллегіи: кромѣ Петра Аркудія, Іосифа Рутскаго, тамъ учились еще Левъ Кревза, Анастасій Селява, Рафаилъ Корсакъ, Илія Мороховскій, Іеремія Почаповскій, Пахомій Война Оранскій, Меѳодій Терлецкій и мн. др. (De ecclesiae occid. et orient. perpetua consensione, 987. 988). Николай Комненъ Пападополи готовъ видѣть огромную историческую заслугу этой коллегіи уже въ воспитаніи одного Рутскаго, привлекшаго къ уніи 2 милліона русскихъ и названнаго папой Урбаномъ VIII «Athanasius Russiae, Atlas unionis» (Praenotiones Mystagogicae ex jure canonico, 1697, pp. 128, 129).

[2]) Magn. bullar. rom., IV, p. 122. 124 (ib. Bullarium romanum, XIII, №№ 246. 247, и Iuris pontificii de propaganda fide pars 1-ma *Raphaëlis de Martinis*, vol. I, Urbanus VIII, № 33, § 4; № 34, § 2).

[3]) Арх. ун. митр., кн. 66, стр. 49. Къ 1652 г. русскіе уніаты и, въ частности, базиліане лишились очень многихъ стипендій — по своей ли небрежности, или потому, что были вытѣснены изъ нѣкоторыхъ алюмнатовъ. Минская конгрегація, разсуждая объ этомъ, постановила стараться, чтобы онѣ опять были предоставлены ордену, и выслала въ Римъ двухъ монаховъ (Рук. Имп. публ. библ. Пол. F, I, 48, стр. 71. 74).

[4]) *Theiner*, Vetera monumenta Poloniae et Lithuaniae, III, № 318, p. 379.

ста 1626 г. [1]), а немного спустя и на новгородскомъ соборикѣ бѣлаго духовенства рядъ постановленій о взносѣ денегъ на проектированную семинарію.

На предложеніе Іосифа Рутскаго на 3-й сессіи IV лаврашевской конгрегаціи сдѣлать складчину на ея основаніе и содержаніе, Рафаилъ Корсакъ, новый протоархимандритъ и настоятель виленскаго троицкаго монастыря, ассигновалъ изъ его доходовъ $^1/_8$ часть, т. е. по 100 копъ грошей ежегодно, въ теченіе четырехъ лѣтъ. Вслѣдъ за нимъ настоятель лаврашевскаго монастыря обѣщалъ 100 зл. Столько же постановлено взять съ жировицкаго монастыря; съ монастырей новгородскаго, гродненскаго, черейскаго и могилевскаго предписано было взимать въ теченіе четырехъ лѣтъ $^1/_8$ дохода; точно также и польскіе монастыри (т. е. находившіеся въ областяхъ, принадлежавшихъ Коронѣ) должны были вносить $^1/_8$ часть, но въ первые два года они освобождались отъ налога. Доходы минскаго монастыря всецѣло обращены были на семинарію. Что касается бытеньскаго монастыря, то въ виду того, что въ немъ находился новиціатъ, предоставлено было на добрую волю архимандрита, сколько дать [2]).

На соборъ въ Кобринъ съѣхались митрополитъ, епископы, архимандриты, протопопы и игумены. Обсуждая дѣла своей церкви, уніатское духовенство пришло къ мысли, что все добро какъ въ церкви, такъ и въ политической жизни людей, происходитъ отъ наилучшаго воспитанія юношей, и единогласно постановило, чтобы въ предѣлахъ кіевской митрополіи была учреждена главная гимназія (Generale gymnasium, или по гречески φροντιστηριον), куда бы люди высокаго положенія (nobilis conditionis) изъ всѣхъ странъ Россіи присылали дѣтей для напоенія ихъ свободными науками и ученіемъ своей вѣры. На эту гимназію, или семинарію, отцы собора обязались сдѣлать изъ собственныхъ доходовъ пожертвованія въ такомъ размѣрѣ. Митрополитъ Рутскій записалъ 10 т. флориновъ; Іоакимъ Мороховскій, епископъ владимирскій, 2 т. одновременно и затѣмъ ежегодно до своей смерти по 100 флориновъ; Іеремія, епископъ острожскій и луцкій, по 2 т. въ теченіе первыхъ четырехъ лѣтъ и по 1200 въ теченіе четырехъ послѣдующихъ; Антоній, архіепископъ полоцкій, витебскій и мстиславскій,—тысячу; Григорій, епископъ пинскій и туровскій,—2500 флориновъ; Левъ, епископъ смоленскій и черниговскій, и Аѳанасій, епископъ перемышльскій и самборскій, по 500 флориновъ [3]). Игумены же базиліанскихъ

---

[1]) Митрополитъ Іовъ Борецкій писалъ 31 іюля царю, что «унитове огласиша духовный свой соборъ въ Кобрини въ лѣто сее августа 26 дня» (Арх. Ю.-З. Р., I, VI, № 233). Но этотъ соборъ датируется обыкновенно по новому стилю — 6 сентября (А. З. Р., IV, № 226).

[2]) Рук. Имп. публ. библ. Пол. F, I, 48, стр. 41. Арх. ун. митр., кн. I, № 27, л. 2: Particuli congr. Lauriszowiensis IV habitae 1628.

[3]) Флоринъ (florenum polonicum), или польскій злотый, въ 1626 году равнялся $59^5/_9$ коп. (*Н. Горбачевскій*, Словарь древняго актоваго языка, 133).

монастырей подтвердили свое обязательство о взносѣ въ теченіе первыхъ четырехъ лѣтъ $^1/_8$ своихъ доходовъ и объ обращеніи на семинарію минскаго монастыря со всѣми его доходами. Подписавшіеся обязывались въ случаѣ невнесенія денегъ дать вдвое, не внесшіе и вторично—рисковали лишиться своей должности. Далѣе, предположено было увеличить собранную сумму покупкой чрезъ четыре года имѣній (bona). По окончаніи сбора имѣло быть опредѣлено, сколько каждый изъ подписавшихся можетъ послать изъ своей епархіи учениковъ, сообразно съ внесеннымъ имъ капиталомъ (при расчетѣ по 100 флориновъ на пищу и одежду одному воспитаннику). Оставшіяся вакансіи замѣщаетъ митрополитъ. На собранныя деньги, или на счетъ самой семинаріи, должны содержаться только бѣднѣйшіе воспитанники и изъ нихъ тѣ, которые префектамъ семинаріи покажутся годными для распространенія славы Божіей по греческому обряду и въ священномъ санѣ. „Провизоры“ семинаріи имѣютъ избираться на общемъ собраніи епископовъ и подчиняться протоархимандриту базиліанскаго ордена и во всемъ зависѣть отъ него. На частныхъ соборахъ епископы должны убѣждать пресвитеровъ отдавать въ эту семинарію дѣтей къ назначенному сроку [1]). Программы преподаванія соборъ не выработалъ, хотя въ его опредѣленіи есть нѣкоторыя указанія на нее. Такъ, здѣсь говорится объ обѣщаніи базиліанскаго ордена дать семинаріи латинскихъ наставниковъ для низшихъ классовъ до риторики и учителей, которые бы излагали по русски необходимыя священному чину науки. А на основаніи текста утвержденія соборнаго постановленія папой Урбаномъ VIII (6 декабря 1629 г.) можно думать, что уніатскія власти имѣли въ виду приблизить свою семинарію къ латинскимъ, устраивавшимся по декретамъ тридентскимъ [2]).

Наконецъ, митрополитъ привлекъ къ участію въ пожертвованіяхъ на задуманную семинарію бѣлое духовенство кіевской епархіи. 15 октября 1626 г. съѣхались на соборикъ въ Новгородокъ нѣсколько десятковъ протопоповъ и поповъ въ качествѣ депутатовъ отъ всей епархіи. Они охотно отозвались на предложеніе митрополита и рѣшили пожертвовать по копѣ лит. грошей, не отказываясь дать и больше, если визитаторъ найдетъ чей-нибудь приходъ особенно хорошимъ; при этомъ они оговорились, что этотъ взносъ имѣетъ быть единичнымъ, а не постояннымъ. Духовенство обѣщало представить деньги на слѣдующемъ съѣздѣ — въ 1628 г. И, дѣйствительно, къ назначенному сроку было уже собрано 200 зл. [3]).

---

[1]) Изъ рѣчи митр. Рутскаго на соборикѣ бѣлаго духовенства въ Новгородкѣ, 15 окт. 1626 г., видно, что въ семинаріи имѣли учиться «дѣти священническіе и шляхетскіе и разныхъ становъ» (Арх. ун. митр., № 536).

[2]) *Kulczynski Ign.*, Appendix ad Specimen ecclesiae Ruthenicae, p. 89 et sqq. Ср. текстъ утвержденія папой постановленій кобринскаго собора, 6 дек. 1629 г. (*Raphaëlis de Martinis* p. I, vol. I, Urbanus VIII, № 49).

[3]) Арх. ун. митр., № 536. Тр. Кіев. дух. акад., 1870, II, 475.

Всѣхъ горячѣе относился къ дѣлу митрополитъ Рутскій. Кромѣ обѣщанныхъ десяти тысячъ флориновъ, онъ въ томъ же 1626 году назначилъ на будущую минскую семинарію большую часть доходовъ съ своего родового имѣнія Руты, въ теченіе четырехъ лѣтъ. Въ своемъ завѣщаніи (20 марта 1627 г.) митрополитъ Рутскій умолялъ, „жебы складанка на семинарыумъ през смерт (его) не разрывалась"; въ частности, онъ просилъ преемника порадѣть о столь благомъ дѣлѣ и собрать съ доходовъ митрополіи обѣщанныя 10 тысячъ злотыхъ, а съ доходовъ холмской епархіи, бывшей тогда вакантной,—двѣ тысячи, причемъ указывалъ, съ какого фольварка и какимъ образомъ могутъ быть получены эти всѣ тысячи (впрочемъ, самъ митрополитъ еще „ничого не спенежылъ" (не собралъ), живя въ этомъ фольваркѣ—въ Бѣломъ Полѣ) [1]. Нѣсколько позже онъ отнялъ у троицкаго монастыря имѣніе Торокань, чтобы увеличить имъ фондъ будущей семинаріи, и папа Урбанъ VIII подтвердилъ эту передачу [2]. Помнили о своихъ обязательствахъ и другіе епископы. Такъ, Іоакимъ Мороховскій по духовному завѣщаніи 3 февраля 1631 г. отказалъ „полтрети тысячи (золотыхъ польскихъ, т. е. 2500) на семинаріумъ наше, на сенодѣ Кобрынском от нас намовъленное (условленное) и постановленое" [3]. Не забыли о нихъ и настоятели монастырей, о чемъ свидѣтельствуетъ постановленіе жировицко-фалимичской конгрегаціи 1629 г., чтобы митрополитъ отдалъ на минскую семинарію 300 злотыхъ, взятыхъ имъ отъ пана Хрептовича [4]. Но сами они дѣлали взносы далеко не аккуратно, какъ видно прежде всего изъ письма протоархимандрита Рафаила Корсака къ митрополиту Рутскому отъ 13 февраля 1628 г. „Соборъ въ Минскѣ, писалъ онъ, я открылъ. Свя-

---

[1]) Арх. уніат. митрополитовъ, № 541. Интересно, что Рутскій такъ былъ увѣренъ въ близкомъ устройствѣ семинаріи, что въ завѣщаніи выговорилъ въ ней одно мѣсто для воспитанника изъ рода своего отца—Вельяминовскаго.—Послѣ смерти нареченнаго холмскаго епископа Ѳ. Мелешковича митрополитъ Рутскій назначилъ въ Холмъ Меѳодія Терлецкаго, чѣмъ нарушилъ права апостольскаго престола, о чемъ 7 ноября 1626 г. папа писалъ королю. По поводу этого же назначенія папскій нунцій требовалъ отъ Рутскаго часть епископскихъ доходовъ на нужды семинаріи. Тогда временное управленіе холмской епархіей взялъ самъ митрополитъ и держалъ его до 1630 г., хотя уже въ февралѣ 1629 г. Меѳодій Терлецкій былъ утвержденъ въ званіи холмскаго епископа (А. В. А. К., XXIII, пред., 67. 68. 71).

[2]) Bullarium romanum, XIV, p. 318 (№ 455).

[3]) Арх. Ю.-З. Р., I, VI, № 253, стр. 628.

[4]) Рук. Имп публ. библ. Пол. F, I. 48, л. 47. Еще на новгородовичской конгрегаціи было заслушано предложеніе Адама Хрептовича основать въ своемъ имѣніи Красный Боръ уніатскій монастырь. Съѣздъ тогда окончательно не принялъ предложенія, ибо, хотя онъ и находилъ, что тамъ можетъ быть послѣ учреждена школа монашеская, но былъ настроенъ противъ учрежденія монастырей въ мѣстахъ безлюдныхъ. Впослѣдствіи Хрептовичъ замѣнилъ красноборскую фундацію шестью тысячами злотыхъ, каковыми и завладѣлъ митрополитъ (ibid., л. 12 и замѣчаніе на полѣ). Ошибается потому Пелешъ, когда утверждаетъ, что въ Красномъ Бору дѣйствительно существовалъ новиціатъ (*Pelesz*, II, 139).

щенники внесли на семинарію контрибуціи 200 зл., которые я тотчасъ передалъ о. Александру для постройки (pro fabrica). Контрибуція (сборъ) съ монастырей нашихъ на семинарію можетъ считаться плохою: потому что, такъ какъ здѣсь только спорятъ, особенно въ Жировицахъ, Могилевѣ, Череи, то отсюда можно получить контрибуціи не болѣе 200 злотыхъ, изъ Вильны 1000. Всѣ остальные не хотятъ давать: Бытень 200, Жировицы 200, Новгородокъ 250, Могилевъ 20, Черея 100, Полоцкъ 250“ [1]). А къ 1636 году на одномъ могилевскомъ монастырѣ наросла недоимка до 400 зл.; она и не была выплачена, такъ какъ на виленской конгрегаціи этого года протоархимандритъ сложилъ ее, принявъ во вниманіе пожаръ въ могилевскомъ монастырѣ [2]).

Несмотря на всѣ эти постановленія, несмотря на то, что на помощь уніатской церкви пришли: папа, давшій 3 т. зл. и утвердившій передачу учреждаемой коллегіи им. Торокань [3]), король, виленскіе латинскіе епископы и „много мірскихъ господъ“ [4]), — само уніатское духовенство во главѣ съ базиліанскимъ орденомъ оказалось не въ силахъ справиться съ этимъ предпріятіемъ [5]) и—семинарія въ нашъ періодъ открыта не была. Правда, сдѣланъ былъ шагъ къ осуществленію кобринскаго проекта перенесеніемъ въ Минскѣ козмодемьянской школы въ монастырь св. Духа, причемъ ей, по одному современному документу, усвоено было имя семинаріи [6]), но дѣло не пошло дальше этого и дальше разсужденій на виленской конгрегаціи 1636 года относительно того, кто имѣетъ учить въ минской семинаріи [7]). „Рутскій, пишетъ Саковичъ, собралъ на минскую семинарію 50 тысячъ злотыхъ какъ отъ короля Сигизмунда III, такъ и отъ нѣкоторыхъ бискуповъ и владыкъ, и хоть школы были устроены, не было кому учить; хотя святой Отецъ

---

[1]) Тр. Кіев. дух. акад., 1870, II, 475.

[2]) Рук Имп. публ. библ. Пол. F, I, № 48. л. 60. Но есть основаніе думать, что это та сумма, которую конгрегація 1631 г. велѣла возвратить виленскому монастырю, какъ бывшую «семинарскую минскую», т. е., очевидно, эти 400 злотыхъ могил. монастырь взялъ въ долгъ у виленскаго монастыря (А. В А. К., XVI, 538, прим. 21).

[3]) Булла п. Урбана VIII отъ 21 февраля 1633 г. (Bullarium romanum, XIV, p. 318; id.—*Raphaëlis de Martinis* p. I, Vol. I, № 61). Іосифъ Рутскій доносилъ папѣ, что онъ самъ (ipse) хочетъ воздвигнуть коллегію для русскихъ и *московскихъ* юношей и ей намѣренъ передать им. Торокань, отданное Потѣемъ 30 лѣтъ назадъ русской уніатской коллегіи и на время приписанное къ виленскому монастырю. Папа разрѣшилъ эту передачу, добавивъ, что она должна имѣть силу, если коллегія будетъ учреждена не сразу, а потомъ (collegio... erigendo, si et postquam canonice erectum fuerit).

[4]) А. В. А. К., XVI, 523, 539, прим. 23; Ср. *Sakowicz*, Ἐπανόρθωσις, 113.

[5]) Мы объясняемъ неуспѣхъ дѣла исключительно инертностью уніатскаго духовенства, не придавая вѣры свидѣтельству автора Галицкой лѣтописи, будто въ 1630 г. казаки перехватили собранныя на семинарію деньги (Рус. ист. сб., III, 246): оно не подтверждается болѣе никѣмъ, хотя поводовъ къ упоминанію о немъ было немало.

[6]) Арх. уніат. митрополитовъ, № 702. Фактъ перенесенія датируютъ 1635 г. (Мин. еп. вѣд., 1877, стр. 424. 457; 1879, 82. 83).

[7]) Рукоп. Импер. публ. библіот. Пол. F, I, № 48, л. 57.

отвелъ 24 стипендіи въ разныхъ мѣстахъ, но не было пользы, такъ какъ не хотѣли учиться“ [1]). Дальнѣйшая исторія обнаруживаетъ все болѣе достойное жалости безсиліе уніатской церкви въ этомъ дѣлѣ. На минской, напр., конгрегаціи 1652 г. уніатскія власти, рѣшивъ открыть съ новаго года семинарію, преподавательскій ея составъ опредѣлили 2—3 человѣками, а число воспитанниковъ—только пятью [2]). Минская семинарія въ 1655 г. была разрушена при нападеніи на городъ московскаго войска [3]).

Внѣшняя исторія уніатскихъ училищъ за изслѣдуемый нами періодъ времени кончилась тѣмъ же, чѣмъ и началась, — захватомъ православной школы въ Пинскѣ въ 1631 году [4])...

Составъ преподавателей въ уніатскихъ училищахъ. Уніатскія школы находились въ рукахъ монашествующаго духовенства; бѣлое духовенство завѣдывало только школами сельскими, гдѣ онѣ были, а изъ городскихъ — владимирской, бѣльской, пинской. Въ послѣднихъ учило или оно само или низшіе члены причтовъ. Въ школахъ же монастырскихъ преподавали, конечно, сами базиліане, изрѣдка только допуская въ низшіе классы свѣтскихъ бакаляровъ. Многіе изъ преподавателей—базиліанъ прошли, конечно, курсы наукъ въ папскихъ и іезуитскихъ коллегіяхъ [5]), и на этомъ основаніи можно было бы утверждать, что они стояли на высотѣ своего призванія, если бы не извѣстны были, съ одной стороны, мѣропріятія базиліанскихъ конгрегацій противъ „недбальства“ лѣнивыхъ студентовъ [6]), съ другой—признаніе Саковича по поводу быстраго паденія минскаго училища по его возведеніи въ семинарію. Изъ базиліанъ—педагоговъ выдаются три ректора виленской троицкой семинаріи.

Личность перваго ректора ея и старшаго троицкаго монастыря *Петра Ѳедоровича Суромятника* остается невыясненной. Извѣстно только, что онъ въ 1602 г. написалъ, по порученію митрополита Потѣя, опроверженіе вышедшей въ 1598 г. въ Острогѣ Исторіи о флорентійскомъ соборѣ [7]). Послѣ его смерти книга его вышла въ свѣтъ въ 1602 г. въ польскомъ переводѣ, сдѣланномъ виленскимъ архиман-

---

[1]) Επανόρθωσις, 113.

[2]) Рук. Импер. публ. библ. Пол. F, I, № 48, стр. 71, 75, 76.

[3]) А. В. А. К., XVI, 523.

[4]) Арх. сб., VI, № 57.

[5]) Виленская конгрегація 1636 г. сдѣлала формальное постановленіе, чтобы папскіе алюмны, пріѣхавши съ наукъ, поступали въ вѣдѣніе старшихъ и учили въ школахъ (Рук. Имп. публ. библ. Пол. F, I, 48, л. 62).

[6]) Постановленія лаврашевской конгрегаціи 1621 и виленской 1636 гг. (Рук. Имп. публ. библ. F, I, № 48, стр. 19. 64).

[7]) Посвященіе опроверженія датировано 1 апр. 1602 г. (*Jocher*, II, № 3051 и стр. 494—497. *Pelesz*, II, 384. 385). Ликовскій считаетъ авторомъ «Obrony» самого Потѣя (о. с., 289; ср. Arch. Sapiehanum, 368).

дритомъ Геласіемъ Русовскимъ [1]). Вторымъ извѣстнымъ ректоромъ былъ *Іосифъ Рутскій*. Впрочемъ, мы утверждаемъ фактъ ректуры Рутскаго только на основаніи того обстоятельства, что онъ былъ устроителемъ новиціата и руководителемъ не только духовной жизни новиціевъ, но и ихъ умственнаго развитія [2]). Преемникомъ его былъ *Іосафатъ Кунцевичъ*, изъ Владимира волынскаго. Образованія школьнаго онъ не получилъ [3]) и изъ языковъ зналъ польскій и славянскій, и только живя уже въ троицкомъ монастырѣ, гдѣ готовился къ принятію габита, чтеніемъ богословскихъ книгъ и приватнымъ слушаніемъ лекцій іезуитскихъ профессоровъ дошелъ до такой степени совершенства въ богословіи, что на диспутахъ, по свидѣтельству его біографа—епископа владимирскаго Мороховскаго, былъ непобѣдимъ [4]). Извѣстно даже нѣсколько богословскихъ трактатовъ, авторомъ коихъ онъ выставляется. Таковы: О порчѣ славянскихъ книгъ противниками митрополита и о заблужденіяхъ, которыя разсѣеваются братскими типографіями Вильны, Острога и Львова; О крещеніи св. Владимира; О духѣ и обязанностяхъ мо-

---

[1]) «Obrona ś. Synodu Florenskiego powszechnego, dla prawowierney Rusi napisana przez Piotra Fiedorowicza w Wilnie, Collegium Ruskiego I. M. Księdza Mitropolity Kijowskiego Rectora, a przez Gelasia Rusowskiego, archimandritę Wileńskiego na polski ięzyk przełożona» (*Голубевъ*, Библіографич. замѣчанія... Тр. Кіев. дух. акад., 1876, I, 359. 360). Не былъ ли въ 1605 г. напечатанъ оригиналъ книжки? Вишневскій указываетъ, по крайней мѣрѣ, — «Оборону собору флорентійскаго осмаго, противъ фальшивому недавно отъ противниковъ згоды выданному», Вильна, 1605, in 4-o, 126 стр. (VIII, 315).

[2]) «Θεσεσ Сиречъ. Изъвѣстны предъложенія отъ ученій еже о тайнахъ церъковныхъ. Наразмышленіе къобщему состезанію данны. Честнымъ отцемъ Іосифомъ Велямином Рутъскимъ, Инокомъ. Закону святого Василія, въ М—ру Виленъском святое Живоначалное Троицы. Состязаніе же се наобычномъ мѣсте ученій будетъ, прым-ри предреченномъ. Року отнароженя Х-ва, 1608, мѣс. генваря дня и. часу второго пополудни». Параллельно съ славянскимъ текстомъ «Тезисовъ» идетъ польскій—«Theses To jest Pewne pszełożenia z nauki o Sakramentach cerkiewnych. Wydane na Disputacia pospolita. Przez oyca Jozepha Wielamina Rutskiego Professora (вм. Professa) zakonu św. Bazylego»... Всѣхъ тезисовъ шесть: 1) Человѣкъ состоитъ изъ души и тѣла; справедливо потому, что благой Богъ сопровождаетъ прощеніе грѣховъ нѣкоторыми вещественными знаками. 2) Μυστηρια или тайны, т. е. дѣйствія, которыя при видимыхъ знакахъ даютъ человѣку очищеніе, существовали еще въ ветхомъ завѣтѣ. 3) Для совершенія новозавѣтнаго таинства нужны матерія, форма и вѣра (интенція) совершающаго. 4) Новозавѣтныя таинства, дѣйствительно,—орудія божественной милости и оставленія грѣховъ; церковь не ошибается, когда креститъ младенцевъ. 5) Какъ матерія дѣйствуетъ на тѣло, такъ Божія благодать дѣйствуетъ на духъ; таинство не есть «умышленіе наго». 6) Таинствъ семь; непреклонная и единая вѣра во всѣхъ ихъ служитъ признакомъ единства церкви. Каждый тезисъ кромѣ положительной стороны представляетъ и отрицательную, такъ какъ опровергаетъ лжеученія еретиковъ, преимущественно протестантовъ. «Тезисы» обнаруживаютъ знакомство Іосифа Рутскаго какъ съ святоотеческой литературой, такъ и съ протестантской.

[3]) Не знаемъ, на какомъ основаніи Ликовскій увѣряетъ, что Кунцевичъ учился во владимирской школѣ (Unia brzeska, 375).

[4]) «Relacia o zamordowaniu okrutnym... Wiel. oyca Iosaphata Kuncevicii»... w Zamosciu, 1624.

нашеской жизни; О целибатѣ клира; Совѣты іереямъ (Regula presbyter.), Катихизисъ; Разсужденіе о спорныхъ пунктахъ между схизматиками и католиками [1]). Въ 1608—1609 г. Іосафатъ Кунцевичъ состоялъ если не ректоромъ, то однимъ изъ преподавателей троицкой семинаріи, на что указываетъ жалоба архим. Сенчилы, что Іосафатъ „зъ студентами“ покушался на его здоровье [2]). Послѣ краткаго игуменства въ Бытенѣ и Жировицахъ Іосафатъ Кунцевичъ въ 1613 г. былъ назначенъ архимандритомъ виленскаго троицкаго монастыря, а въ 1617 г. коадьюторомъ архіепископа полоцкаго Брольницкаго и затѣмъ его преемникомъ. Здѣсь онъ заявилъ себя какъ разумными мѣрами на пользу своей паствы, такъ и фанатизмомъ въ отношеніи къ православнымъ, который и довелъ витеблянъ до кровавой расправы съ Кунцевичемъ (1623 г.) [3]).

Однако мы составили бы невѣрное представленіе и о богатствѣ научныхъ силъ базиліанскаго ордена въ изслѣдуемый нами періодъ времени, и о характерѣ школьнаго уніатскаго образованія, еслибы подумали, что уніатская школа держалась на ногахъ сама собой, безъ помощи со стороны католической церкви. Въ числѣ другихъ проявленій этой помощи мы должны указать на пользованіе учителями іезуитскаго и другихъ католическихъ орденовъ. Въ ближайшее отношеніе къ уніатскому школьному дѣлу стали виленскіе іезуиты со времени устройства при троицкомъ монастырѣ новиціата. Въ самомъ устройствѣ его Рутскій, прошедшій курсъ духовныхъ упражненій въ несвижской коллегіи, руководился указаніями Валентина Фабриція, доктора богословія [4]). Этотъ же Фабриційи Гружевскій были учителями Іосафата Кунцевича и нѣкоего монаха Варсонофія [5]). Но кромѣ этихъ приватныхъ профессоровъ были и въ троицкой школѣ учителя—іезуиты: не даромъ въ концѣ 1608 г. архимандритъ Сенчило и виленское духовенство жаловались на Потѣя, что онъ, въ своемъ тяготѣніи къ сближенію съ латинской церковью, „езуитовъ и кармелитовъ до того монастыра Святое Троицы впровадилъ (ввелъ), якожъ вжо и школъ своихъ для науки языка нашого словенского не маемо, о дьяка трудно“ [6]). А что означенные іезуиты занимались въ это время именно школьнымъ преподаваніемъ, а не руководствовали новиціевъ въ духовной жизни, видно изъ слѣдующаго: въ 1612 г. виленскому архимандриту случилось посѣтить вмѣстѣ съ епископомъ Рутскимъ іезуитскій новиціатъ и онъ такъ восхитился видѣннымъ тамъ, что обѣщалъ присылать сюда для наста-

---

[1]) *Iacobus Susza*, Cursus vitae et certamen martyrii B. Iosaphat Cuncevicii, 7. *Pelesz*, II, 306—307. *Likowski*, Unia brzeska, 347. *Коялович*, Лит. церк. унія, II, 329—330.

[2]) Арх. сб., VI, стр. 116. 117.

[3]) *Pelesz*, o. c., 308 sqq.

[4]) *Kojałowicz*, Miscellanea, 16. 17.

[5]) *Susza*, Cursus vitae... Iosaphat Cuncevicii (1665), pp. 5. 11. 17.

[6]) Арх. сб., VI, № 62.

вленій и духовныхъ упражненій своихъ новиціевъ [1]). Впослѣдствіи, когда уніатскимъ митрополитомъ сдѣлался Рутскій, питомецъ іезуитовъ, и когда папа Павелъ V разрѣшилъ послѣднимъ вступать въ базиліанскій орденъ (1613) [2]), между обоими орденами должны были завязаться еще болѣе близкія отношенія, повліявшія, разумѣется, и на постановку и характеръ школьнаго уніатскаго образованія, въ частности—монашескаго. Кромѣ того, что уніатамъ іезуиты предоставили нѣсколько мѣстъ въ своихъ коллегіяхъ,—митрополитъ Рутскій въ бытность свою въ Римѣ (около 1615 года) выпросилъ у генерала ордена двухъ іезуитовъ съ тѣмъ, чтобы они жили съ уніатами, пока вся братія получитъ хорошее духовное воспитаніе, т. е., значитъ, пока не утвердится въ правилахъ монашеской жизни и католическаго богословія [3]). Всѣ эти сношенія уніатовъ съ іезуитами вызвали у православныхъ вильнянъ подозрѣніе относительно характера ихъ, и Левъ Кревза, троицкій архимандритъ, долженъ былъ оправдывать базиліанъ тѣмъ, что они ищутъ у іезуитовъ не чего другого, а только науки. „Въ Вильнѣ нѣкоторые подозрѣваютъ насъ, что мы входимъ въ соглашеніе (nakładamy się) съ оо. іезуитами. Нашъ отвѣтъ такой. Самъ природный умъ учитъ человѣка искать у сосѣдей того, чего нѣтъ у самого. Нашей монашествующей братіи нужна наука для размноженія славы Божіей. Дома мы еще ее не можемъ имѣть. Что же удивительнаго, если за нею обращаемся къ тѣмъ, у кого она есть,—къ своимъ сосѣдямъ, нашимъ согражданамъ и братьямъ? Не къ непріятелямъ мы обращаемся, не такъ, какъ другіе, которые насъ осуждаютъ и въ то же время приглашаютъ въ свои школы учителей изъ Гданска и Кролевца или изъ виленскаго сбора, и имъ поручаютъ своихъ дорогихъ дѣтей“ [4]). И впослѣдствіи уніатскія власти на своихъ конгрегаціяхъ не разъ поднимали рѣчь о болѣе тѣсномъ союзѣ съ іезуитами и о приглашеніи послѣднихъ въ свои новиціаты и семинаріи, и переписка между митрополитомъ и генераломъ іезуитскаго ордена не разъ касалась этого вопроса [5]).

Организація уніатскихъ школъ.

О внутреннемъ устройствѣ уніатскихъ школъ изслѣдуемаго періода сохранилось очень немного свѣдѣній; но на основаніи отношеній къ нимъ іезуитовъ можно утверждать сходство ихъ съ іезуитскими коллегіями и въ правилахъ дисциплины, и въ характерѣ взаимныхъ отноше-

---

[1]) Lit. an. S. I. 1612, pp. 507. 508.

[2]) *Harasiewicz*, 70.

[3]) Рук. Имп. публ. библ. Пол. F, I, № 48, л. 4. 5. Эти два іезуита—Симонъ Прусскій и Андрей Конинскій, назначенные въ 1616 г. руководителями бытенскаго общаго новиціата и въ слѣдующемъ году участвовавшіе въ дѣяніяхъ рутской конгрегаціи (*Likowski*, Unia brzeska, 297).

[4]) П. П. Л., I, 285.

[5]) Рук. Имп. публ. библ. Пол. F, I, 48, стр. 19. 30. 57. А. В. А. К., XVI, 522. *Митр. Макарій*, X, 491.

ній преподавателей и воспитанниковъ, и въ программахъ и методѣ обученія, и, наконецъ, въ нѣкоторыхъ учебникахъ [1]).

Высшій надзоръ за уніатскими школами предоставленъ базиліанскими конгрегаціями протоархимандриту, какъ генералу іезуитскаго ордена—надъ іезуитскими. Ему вмѣнено правилами въ обязанность заботиться, чтобы орденъ имѣлъ школы упорядоченныя, съ достаточнымъ числомъ учащихся и съ надлежащимъ составомъ учителей, чтобы братія прилежно изучала церковныя пѣніе и церемоніи; ему же предоставлялось наблюдать за занятіями учащихся, неуспѣвшихъ въ свободныхъ наукахъ не допускать учиться дальше, прошедшихъ новиціатъ отсылать, послѣ того какъ дадутъ монашескіе обѣты, въ высшія школы или назначать ихъ на духовныя должности. Раздѣленіе школы на классы тоже зависѣло отъ протоархимандрита, который въ своемъ отношеніи къ училищамъ долженъ былъ вообще руководиться тѣмъ убѣжденіемъ, что школа — единственное дѣйствительное средство къ распространенію ордена. Все это касается отношеній протоархимандрита собственно къ орденской школѣ, но ему же были подчинены и всѣ другія училища, содержимыя базиліанами. На его же обязанности лежало воздвигать въ удобныхъ мѣстахъ школы для свѣтскихъ юношей, гдѣ бы преподавались имъ свѣтскія науки и христіанское ученіе. Онъ же по порученію первой конгрегаціи долженъ былъ составить и программы для нихъ. Контролировались уніатскія школы тоже протоархимандритомъ,—орденская лично имъ, всѣ прочія особыми должностными лицами, визитаторами, которые не упускали изъ виду и юношей, учившихся въ алюмнатахъ и коллегіяхъ. Ближайшій надзоръ за каждой отдѣльной школой принадлежалъ настоятелю того монастыря, гдѣ она находилась, который или самъ входилъ во всѣ подробности училищной жизни или поручалъ это лицу довѣренному [2]).

Обращаясь къ программѣ уніатскихъ школъ, остановимся прежде всего на языкахъ. Въ этомъ отношеніи у уніатовъ нѣтъ слѣпого подражанія іезуитамъ: здѣсь они руководились своими нуждами, почему и выхлопотали въ 1613 году право „учыти всѣхъ наукъ, водлугъ преможенья (своего), языкомъ кгрецкимъ, латинскимъ, словенскимъ, польскимъ и рускимъ“. Но желаніе ихъ стать поближе къ источникамъ католической науки выдвинуло на первый планъ изъ всѣхъ этихъ языковъ—*языкъ латинскій*. Уже минская школа въ составѣ своихъ трехъ классовъ считала съ 1617 года два латинскихъ и только одинъ русскій. Одно изъ правилъ протоархимандриту требуетъ, чтобы ученики хорошо и совершенно изучали латинскій языкъ, такъ чтобы и говорить и писать могли на немъ. А въ орденской школѣ, или новиціатахъ, можно думать, латинскій языкъ былъ даже языкомъ преподаванія, какъ видно изъ того, что протоархимандриту повелѣвается поощрять къ изученію

---

[1]) *Łukasz.*, Hist szkół, I, 354.

[2]) Regulae protoarchimandritae, cap. IV. De scholis (Рук. Имп. публ. библ Разноя Q, I, № 60). Правила орденскія составлены митроп. Рутскимъ и утверждены на конгрегаціи 1621 г. (*Pelesz*, II, 455).

нравственнаго богословія не только знающихъ латинскій языкъ, но и незнающихъ его [1]). И въ проектированной въ нашъ періодъ духовной семинаріи латинскому языку отводилось очень видное мѣсто, такъ что она называется то просто латинской школой, то латинской и славянской [2]).

Хотя потребность въ *греческомъ языкѣ* первыми русскими уніатами сознавалась, но у нихъ не хватало силъ и средствъ ввести его въ кругъ преподаванія. По крайней мѣрѣ еще въ 1617 г. онъ не изучался даже въ виленской троицкой школѣ: Левъ Кревза въ этомъ году высказываетъ только надежду, что онъ скоро будетъ введенъ туда [3]). Въ то же время уніатскія власти составляютъ проектъ устройства даже отдѣльныхъ греческихъ школъ. Такъ, въ правилахъ протоархимандриту требуется, чтобы для уніатскихъ юношей была одна особенная (singularis) школа греческая, въ которой бы этотъ языкъ, столь необходимый, изучался основательнымъ образомъ (e fundamentis ordinateque); протоархимандритъ могъ, впрочемъ, соединить ее съ латинской школой, если бы нашелъ удобнымъ [4]). Кажется, это желаніе уніатскихъ властей осталось въ области pia desideria. Греческій языкъ, если и изучался въ нѣкоторыхъ уніатскихъ школахъ, то такъ неуспѣшно, что въ 1642 году Саковичъ увѣрялъ, что Русь и алфавита греческаго не знаетъ, хотя и называется греческой [5]).

Не пользовался большимъ значеніемъ въ уніатскихъ школахъ и *славянскій языкъ*, хотя онъ имѣлъ всѣ права на особенное къ себѣ вниманіе, какъ языкъ богослужебный. Каково было его положеніе, напр., въ троицкомъ виленскомъ монастырѣ, даетъ видѣть цитованная уже жалоба архимандрита Самуила Сенчила на то, что, благодаря іезуитамъ и кармелитамъ, въ немъ уже въ 1608 г. не было мѣста „для науки языка нашого словенского“. Не лучше онъ былъ поставленъ и въ другихъ школахъ, какъ это открывается между прочимъ изъ сочиненія Смотрицкаго: Werificatia niewinności (1621 г.). М. Смотрицкій свидѣ-

---

[1]) Reg. protoarchimandritae, c. IV, p. 2 и 5.

[2]) Арх. ун. митр., №№ 536. 541.

[3]) «Miedzy inszemi naukami Grecki ięzyk z collegium Greckiego w krotkim, dali Bog, czasie wprowadzi się do nas, bo to już nam obiecano. Ledwie gdzie w krześciaństwie uczą tak dobrze po Grecku, jako w pomienionym Collegium! Uczinili‘ż co podobnego temu patryarchowi(e) Carogrodzcy przez siedem set lat, jako się Ruś okrzciła?» («Obrona jedności», 1617, П. П. Л., I, 287). Тоже повторяетъ другой уніатскій писатель Дубовичъ (Hierarchia, 1644, p. 201). Удивительная похвальба и ослѣпленіе! Какъ будто они не знали, что пока изъ Рима обѣщали только ввести греческій языкъ въ уніатскія школы, въ православныхъ училищахъ уже 30 лѣтъ какъ ему было отведено первенствующее мѣсто.

[4]) Reg. protoarchimandritae, cap. IV, p. 4.

[5]) Ἐπανόρθωσις, 111. Интересно, что впослѣдствіи сами папы рекомендовали уніатскимъ монашествующимъ властямъ, наряду съ сохраненіемъ греческаго обряда, и тщательное изученіе греческаго языка, напр., папа Бенедиктъ XIV въ 1751 году (А. В. А. К., XVI, № 139).

тельствуетъ, что соединеніе съ Римомъ принесло вообще малую пользу русскому народу и, въ частности, не помогло просвѣщенію уніатскаго духовенства, которое продолжаетъ оставаться „въ невѣжественной простотѣ: о школахъ нѣтъ попеченія, славянскій языкъ въ пренебреженіи, русскій осмѣивается“ [1]). Пренебрежительное отношеніе къ славянскому языку, какое обнаружили вожди уніи съ самаго начала, способствовало тому, что черезъ какіе нибудь сто лѣтъ онъ сталъ совершенно непонятенъ даже духовенству уніатскому, въ силу чего у него отнято было еще одно средство образованія. „Теперь нѣтъ уже славянскихъ школъ и наукъ, свидѣтельствуетъ одинъ уніатскій писатель конца XVII или начала XVIII в.,—всѣ науки изложены латинскимъ языкомъ. Вся наука о священствѣ (o stanie kapłanskim), о таинствахъ содержится въ латинскихъ книгахъ, и если кто не понимаетъ ихъ, конечно, не въ состояніи будетъ уразумѣть тѣ тайны“ [2]). Ко времени замойскаго собора изъ поставляемыхъ въ священники уже едва сотый понималъ славянскій языкъ, такъ что митр. Кишкѣ пришлось озаботиться изданіемъ „Лексикона, сирѣчь словесника словенскаго, имѣющаго въ себѣ словеса первѣ словенскія, азбучныя, по семъ же польскія, благопотребнаго къ выразумѣнію словесъ словенскихъ, обрѣтающихся въ книгахъ церковныхъ“ (Супрасль, 1722) [3]). Въ уніатскихъ школахъ славянскій языкъ изучался, вѣроятно, по православнымъ изданіямъ его азбукъ и грамматикъ и по церковно-богослужебнымъ книгамъ [4]).

Положеніе *русскаго языка* должно было быть въ уніатскихъ училищахъ нѣсколько лучшимъ сравнительно съ славянскимъ уже въ силу того, что безъ знанія его нельзя было сноситься съ тѣмъ простымъ народомъ, который и составлялъ главнымъ образомъ уніатскую церковь. Послѣдній настолько былъ отчужденъ отъ славянскаго языка, что приходилось вводить русскій даже въ богослуженіе, что и узаконила виленская конгрегація 1636 г., предписавъ на своей XV сессіи, чтобы монахи—проповѣдники произносили проповѣди на русскомъ языкѣ [5]). Впрочемъ, фактъ школьнаго употребленія русскаго языка, даже какъ языка преподаванія, доказывается уже тѣмъ, что уніатскія училища часто называются русскими [6]); на немъ имѣли преподаваться священныя

---

[1]) Арх. Ю.-З. Р., I, VII, 336.

[2]) Рукоп. сборн. кіевской дух. акад. № 122 (по Опис. проф. Петрова): Epitome albo krotka nauka kapłanow... пред., л. 9 об.

[3]) *Ю. Крачковскій*, Чт. въ моск. общ. ист. и древн. рос., 1871 г., II, 219. 220.

[4]) На одномъ октоихѣ XVII вѣка, принадлежащемъ виленской публ. библіотекѣ, есть надпись: «азъ многогрѣшный Францишек Ланѣвскій тутъ у Супраслю з ласки его милости о. архимандриты Іосафата Михневича милъ (имѣлъ) позволеніе на той книзи учитися» (*Добрянскій*, Описаніе рукописей... 79). Вѣроятно, богослужебныя именно книги послалъ м. Рутскій въ луцкую іезуитскую коллегію для изученія славянскаго языка (Lit. an. S. I., 1613—1614, p. 414).

[5]) Рукоп. Имп. публ. библ. Пол. F, I, № 48, стр. 62.

[6]) Ср. извѣстіе о заложеніи супрасльскимъ архимандритомъ Дубовичемъ szkoły dla uczenia Ruszczyzny (Арх. сб., IX, № 63). Дубовичъ былъ настоятелемъ супрасльскаго монастыря въ 1645—1652 гг. (ibid. № 56 и стр. 215).

науки даже въ проектированной на кобринскомъ соборѣ минской семинаріи [1]); ему же дано въ ней одинаковое мѣсто съ латинскимъ и по постановленію минской конгрегаціи 1652 г. И русскій и польскій языкъ изучались, конечно, практически, путемъ разговорнаго и письменнаго употребленія, какъ это было и въ православныхъ училищахъ.

Относительно того, какія „вызволенныя науки“ и въ какомъ объемѣ преподавались въ уніатскихъ школахъ въ первое время ихъ существованія, свѣдѣній мы не имѣемъ никакихъ, хоти могли бы воспользоваться для этого аналогіей ихъ съ іезуитскими и отчасти православными школами. Увѣреннѣе мы можемъ судить о духовныхъ предметахъ ихъ курса. Конечно, конфессіональный элементъ былъ сильнѣе въ троицкой семинаріи и въ новиціатахъ, чѣмъ въ прочихъ школахъ. Отъ воспитанниковъ ихъ требовалось изученіе церковнаго пѣнія, церемоній, нравственнаго богословія и, конечно, катихизиса И если въ методѣ преподаванія нравственнаго богословія уніаты напоминали нѣсколько католиковъ, придавая ему казуистическій характеръ [2]), то во всѣхъ прочихъ предметахъ духовныхъ употреблялись, вѣроятно, пріемы изученія и учебныя пособія православные. Даже въ изученіи катихизиса уніатская школа не совершенно примкнула къ католической. По крайней мѣрѣ митрополитъ Ипатій Потѣй воспользовался ученостью Петра Аркудія, чтобы имѣть свой катихизисъ. Написанная послѣднимъ „Сума науки христіанское“ была оставлена имъ въ виленскомъ монастырѣ, но, повидимому, нашла доступъ и въ другія обители и школы; супрасльскій, напр., монастырь владѣлъ уже въ 1614 г. экземпляромъ ея [3]). Быть можетъ, онъ именно былъ напечатанъ въ типографіи виленскаго троицкаго монастыря въ 1628 г. (in 12-to, 24 листа) [4]). Могли быть, затѣмъ, учебниками и руководствами по катихизису тѣ многочисленныя сочиненія въ латино-уніатскомъ духѣ, переводы которыхъ на греческомъ и славянскомъ языкѣ по совѣту Поссевина стали издаваться въ началѣ 80-хъ годовъ XVI ст. и распространяться въ тысячахъ экземпляровъ по Греціи, южной и западной Россіи [5]). Наконецъ, что касается ме-

---

[1]) *Kulczynski*, Appendix ad Specimen ecclesiae Ruthenicae, p. 93. Впрочемъ, въ постановленіи новгородскаго соборика бѣлаго духовенства о пожертвованіи на семинарію она названа со словъ митр. Рутскаго «школой латинской и словенской», но это произошло вслѣдствіе обычнаго въ то время смѣшенія русскаго и славянскаго языковъ (Арх. ун. митроп., № 536).

[2]) По правиламъ протоархимандриту, нравственное богословіе должно было преподаваться въ тѣхъ монастыряхъ, гдѣ есть опытный человѣкъ, могущій разрѣшать сомнѣнія совѣсти. Рук. Имп. публ. библ. Разноя. Q, 1, 60. Правила протоархимандриту, сар. IV, p. 5.

[3]) *Архим. Николай*, Супрасльскій благовѣщенскій монастырь, 98 и 99, прим. 1. Въ вилен. публ. библіотекѣ, куда по сообщенію автора поступилъ означенный экземпляръ, его не оказывается.

[4]) *Васильевскій*, Вильна, VI, 173.

[5]) Supplementum . . . 39. 40. Изъ катихизисовъ, изданныхъ въ Римѣ до уніи, мы знаемъ два: катихизисъ Александра Комулея, напеч. въ 1582 г. на слав. яз. латинскими буквами, и катихизисъ Петра Канизія — Сумма наука христіанскаго част-

тода преподаванія богословскихъ предметовъ, то мы должны отмѣтить употребленіе въ уніатскихъ школахъ, духовныхъ, по крайней мѣрѣ, диспутовъ, на что указываетъ „Θεσες“ І. Рутскаго.

Еще меньше извѣстны школьные порядки и педагогическіе пріемы. Въ этомъ отношеніи уніатскія школы стояли посрединѣ между православными и іезуитскими. Къ первымъ примыкали больше училища, отнятыя у православныхъ и подчиненныя бѣлому духовенству, ко вторымъ болѣе тяготѣли базиліанскія. Іезуитское вліяніе можно усматривать въ братствѣ студенческомъ, существовавшемъ одно время при троицкой семинаріи и возстановленномъ по предложенію митрополита на виленской конгрегаціи 1636 г.: и оно, подобно іезуитскимъ училищнымъ братствамъ, имѣло цѣлію развитіе благочестія въ учащихся и „привлеченіе ихъ къ монашеству“ [1]). И благочестіе, насаждаемое въ уніатскихъ школахъ, было такого-же свойства, какъ и то, какого добивались іезуиты, т. е. нечуждо было фанатизма. Студенты троицкой школы, предводительствуемые старшимъ монастыря и ректоромъ своимъ Іосафатомъ Кунцевичемъ, не разъ совершали насилія надъ православными въ теченіе 1607, 1608 и 1614—1617 гг. [2]). Въ Минскѣ ученики уніатской школы тоже не отличались спокойнымъ нравомъ: въ февралѣ 1617 г. они до того избили многихъ православныхъ школьниковъ, что возный, свидѣтельствовавшій ихъ, сомнѣвался относительно нѣкоторыхъ, останутся ли они живы. Интересно, что „бакалары“ минскаго уніатскаго училища, посылая своихъ питомцевъ противъ православныхъ школьниковъ и вообще для „розруховъ и до звад“, дали имъ „хоронкгевку (знамя)“ [3]). Въ 1628 г. Захарія Острожикъ, ректоръ холмской монастырской школы вмѣстѣ съ своимъ братомъ разгромилъ домъ еврея Савинскаго [4]). Особеннымъ буйствомъ отличались ученики холмской гимназіи [5]).

Жалоба владимирскаго уніатскаго епископа Мороховскаго въ 1616 г. открываетъ еще одну любопытную черту быта уніатскихъ школьниковъ. Послѣдніе были избиты шляхтичемъ Соколовскимъ „в ден Марии Мак-

---

наго научителя Богослова Петра Конисіе тоумачена изъ латинскаго языка оу словенскы... Шимономъ Будиничемъ, въ 1583 г. О послѣднемъ—*Головацкій*, Бібліогр. находки въ Львовѣ (Зап. Имп. акад. наукъ, XXII, прил. № 4, 31—34).

[1]) Р. И. П. Б. Пол. F, I, № 48, стр. 64.

[2]) А. В. А. К., VIII, № 28. Арх. сб., VI, стр. 116. 117. Арх. греко-уніат. митропол., № 382.

[3]) Минскія грамоты, № 62.

[4]) А. В. А. К., XXIII, пред., стр. 15.

[5]) Ibid., №№ 192—196. 200. 202. 206. Холмская гимназія была основана въ 1639 г. еп. Меѳодіемъ Терлецкимъ для обученія юношества греческимъ и латинскимъ наукамъ и утверждена была кор. Владиславомъ (1640 г.) и Конгрегаціей распространенія вѣры (1643). Вмѣстѣ съ тѣмъ папа Урбанъ VIII просилъ краковскую академію удѣлить холмской школѣ привилегіи своей колоніи, хотя и подъ управленіемъ оо. базиліанъ (*Theiner*, Vetera monum. Poloniae, III, № 376. А. В. А. К., XXIII, № 338. Холмскій греко-уніатскій мѣсяцесловъ 1868 г.: «Informatio de scholis Chelmae erectis ad ecclesiam Ritus Graeci Cathedram»... 92—95. «Ostatnie Stebelskiego prace»—Scriptores rerum polonic., IV, 313).

гдалены рымского свята", когда „ходили въ поле адъ виркатум" [1]). Значеніе послѣдняго выраженія объясняетъ г. Левицкій указаніемъ на древне-германскій школьный обычай заготовленія учениками лозъ для сѣченія. Школьники въ праздничные дни ходили въ сопровожденіи учителя въ лѣсъ за розгами и, нарѣзавъ пуки послѣднихъ, возвращались домой съ пѣснями (Ruthenzug, Virgatum Gehen) [2])... Наконецъ, и уніатскіе школьники восполняли недостатокъ средствъ существованія выпрашиваніемъ милостыни, „подъ окна ходячи спивая" [3]).

Заканчивая отдѣлъ объ уніатскихъ училищахъ, приведемъ два отзыва о нихъ уніатскихъ же писателей Мелетія Смотрицкаго и Кас. Саковича, которые вполнѣ безпристрастно, надѣемся, охарактеризуютъ и количественную и качественную стороны уніатскаго школьнаго просвѣщенія, — отзывы тѣмъ болѣе цѣнные, что авторы ихъ были нѣкогда православными и имѣли самое близкое отношеніе къ нашимъ училищамъ. И Смотрицкій и Саковичъ послѣ знакомства съ уніатскими школами выразили убѣжденіе, что унія съ Римомъ не привела русскій народъ къ полной уніи съ католическимъ просвѣщеніемъ и не создала умственнаго оживленія. Такъ, первый изъ нихъ, совѣтуя русскимъ въ Paraenesis'ѣ (1628 г.) избрать своего патріарха, высказался, что такая мѣра поведетъ къ „устроенію школъ и семинарій, къ снабженію церквей хорошими проповѣдниками, къ водворенію порядка въ монастыряхъ, къ изданію катихизиса соединеннаго вѣроисповѣданія, къ исправленію напѣвовъ, къ пересмотру церковныхъ книгъ. А то въ настоящее время имѣемъ ли мы катихизисъ, есть ли у насъ проповѣди, житія святыхъ" [4]). Впрочемъ, не видно, чтобы самъ Смотрицкій, который сильнѣе другихъ сознавалъ органическую связь школъ съ церковью [5]),—заботился о развитіи уніатскаго школьнаго образованія и содѣйствовалъ церкви уніатской по всѣмъ указаннымъ пунктамъ. Саковичъ же ставитъ современныя ему уніатскія училища не только ниже католическихъ, но и православныхъ кіевской и гощской, гдѣ „добрѣ и искусно учатъ". Изъ свидѣтельства Саковича (ок. 1642 г.) видно также, что въ его время уніаты могли хвалиться только соборными школами, но и онѣ были немногочисленны и малолюдны: во Владимирѣ училось только нѣсколько человѣкъ, въ Новгородкѣ и Минскѣ также учащихся немного, а „холмское училище какъ недавно основано, такъ недолго

---

[1]) Арх. Ю.-З. Р., I, VI, № 174.

[2]) *Ор. Левицкій*, Ист. описаніе влад.-вол. успенск. храма, стр. 78. Ср. *Кулишеръ*, Очерки сравнительн. этнографіи и культуры, 141.

[3]) *Левицкій*, о. с., 79.

[4]) Paraenesis, 32. Exethesis, 100. 101. Не отрицаемъ, что Смотрицкій не высокаго мнѣнія и о православномъ просвѣщеніи. Ср. его отзывъ о состояніи русскаго, въ частности уніатскаго, образованія въ «Obrona Werificatiey» (Арх. Ю.-З. Р., I, VII, 441).

[5]) «Школы, писалъ Смотрицкій, — житницы церкви; онѣ обогащаютъ города, мѣстечки и села мудрыми людьми, умѣлыми дьяками, искусными (rozt'ropnymi) духовниками, учителями и проповѣдниками. Безъ школъ церковь, какъ тѣло безъ души» (Exethesis, 100 об.).

будетъ и свѣтить“ [1]). Вообще Саковичъ обнаружилъ въ этомъ сочиненіи большое недовольство положеніемъ школьнаго дѣла у русскихъ, указывая и на незнаніе попами русскаго языка, и на незнакомство Руси съ греческимъ алфавитомъ, даже на то, что изъ русскихъ школъ не вышло еще ни одного порядочнаго латиниста, почему и предлагалъ, чтобы латинскій языкъ русскіе изучали въ латинскихъ коллегіяхъ, обративъ въ своихъ школахъ все вниманіе на греческій и русскій языки [2]). Въ частности, базиліанскій орденъ не оправдалъ возлагавшихся на него надеждъ и въ отношеніи образованія монашества, хотя о немъ всего болѣе заботился. Новиціаты его скоро до того упали, что на конгрегаціяхъ 1636 и 1652 гг. приходилось заботиться о возстановленіи ихъ въ Вильнѣ и Жировицахъ, и сами уніатскія власти выразились въ 1636 г. о своей „малой братіи, что она имѣетъ еще только початокъ наукъ“ [3]).

---

[1]) Ἐπανόρθωσις, 112—113.

[2]) Ἐπανόρθωσις, 111—112. Хотя это мѣсто относилось и къ православной Руси, что видно изъ возраженія автора Лиѳоса (Арх. Ю.-З. Р., I, IX, стр. 375. 376), но оно главнымъ образомъ имѣло приложеніе къ уніатской церкви.

[3]) Рук. Имп. публ. библ. Пол. F, I, № 48, стр. 57. 72.

УКАЗАТЕЛИ.

УКАЗАТЕЛЬ

личныхъ именъ, встрѣчающихся въ сочиненіи, и цитуемыхъ авторовъ.

А.

Абрамовичи, дворянская фамилія, 146.

Абрамовичъ Янъ, смоленскій воевода, 162. 177. 211.

Августинъ блаж., 29. 125. 130. 135. 308.

Аверроесъ, арабскій философъ, 91.

Ависай (Авесса), іудейскій полководецъ, 473.

Авраамій, епископъ пинскій и туровскій, 359.

Авраамъ, предполагаемое имя «Клирика Острожской церкви», 270.

Авреліи Викторъ, римскій историкъ, 307.

Авукаръ Ѳеодоръ, еп. карійскій, писатель IX в., 260.

Адамовичъ А., цит. авторъ, 143. 144. 152. 155. 203.

Адріанъ, московскій патріархъ, 176.

Азарія—псевдонимъ Захаріи Копыстенскаго, 308. 455.

Аквавива Клавдій, генералъ іезуитскаго ордена, 79. 80. 90. 106.

Аквинатъ Ѳома, католическій богословъ, 80. 87. 91. 93. 94. 98. 214. 265. 484. 492.

Алабіанъ Гарсій, ректоръ виленской коллегіи, 61.

Аландъ, несвижскій іезуитъ, профессоръ богословія, 72.

Александровичъ Тимоѳей, членъ кіевскаго ученаго кружка, 408.

Александръ:

— царь македонскій, 459.

— древній языческій писатель, 308.

— король польскій, 5. 192. 193.

— молдавскій господарь, 440.

— перемышльскій братскій учитель, 364. 365.

— **(Сколдыскій или Школдицкій),** игуменъ св.-духов. монастыря въ Минскѣ, 513.

Алексѣй, львовскій житель, 464.

Алкивіадъ, аѳинскій военачальникъ, 308.

Алляцій Левъ, греко-уніатъ, цитуемый авторъ, 481. 492. 494. 509.

Альбертранди, цитуемый авторъ, 4. 37. 40. 42. 121. 148. 209.

Альбертъ I бранденбургскій, послѣдній великій магистръ тевтонскаго ордена и первый прусскій герцогъ, 144. 152. 174. 191.

Альбинъ Юрій, виленскій суффраганъ, 56.

Альбрехтъ Янъ, король польскій, 4.

Альваръ Эммануилъ, авторъ латинской грамматики, 84. 85. 96. 306. 368. 453. 483.

Амвросій:

— епископъ медіоланскій, 7. 449.

— сотрудникъ кн. Курбскаго, 217.

— іеромонахъ, цитуемый авторъ, 353.

Аммоній, философъ, 220.

Амфилохій:

— епископъ иконійскій, 390.

— **(Сергіевскій),** архимандритъ (нынѣ епископъ), 449.

Андреевичъ Давидъ, западнорусскій писатель, 434.

Андреевичъ Савва, кіевскій и могилевскій братскій бакаляръ, 341. 355. 357. 358. 362.

Андрей:

— архіепископъ Кессаріи Каппадокійской, 383. 398.

— критскій, преп., 449.

— гочовскій плебанъ и баккалавръ, 5.

— львовскій священникъ, 188.

Андрушковичъ Петръ, учитель виленской братской школы, 401.

Анна, королева польская, сестра Сигизмунда II и жена Стефана Баторія, 46.

Аннибалъ изъ Капуи, папскій нунцій въ Польшѣ, 156.

Анничъ Тимоѳей, учитель острожской школы, 246. 275.

Антоній:

— печерскій, преп., 240.

— сербскій епископъ, 353.

— (въ мірѣ **Анастасій) Селява,** полоцкій уніат. архіепископъ, послѣ митрополитъ, 340. 509 510.

Антонинъ, императоръ, 174.

Аѳоимъ, архіепископъ, 295.

Аполлоній александрійскій, грамматикъ, 308.

Аппіанъ, историкъ 2 вѣка по Р. Хр., 308. 443.

Аргентъ Янъ, визитаторъ іезуитскихъ учрежденій, цитуемый авторъ, 59. 64. 69. 77. 84. 89. 103. 112. 118.

Аріасъ Антоній, іезуитъ, 89.

Арій, ересіархъ, 47.

Аристотель, философъ, 29. 62 80. 86. 87. 91. 92. 97. 98. 126. 131. 138. 139. 179. 181. 182. 217. 221 231. 234. 235. 264. 265. 307. 308. 414. 422. 429. 430. 437. 443. 449. 459. 483. 492.

Аристофанъ, греческій комическій поэтъ, 82. 483.

Аркудій Петръ, греко-уніатскій пресвитеръ, цитуемый авторъ, 481. 492. 493. 494. 508. 509. 521.

Арсеній:

— архіепископъ елассонскій и димоникскій, 223. 292. 299. 374—377. 411. 412. 413. 416. 448. 451. 452. 464. 468.

— терновскій архіепископъ, 413

— ученикъ львовской братской школы, 464.

— настоятель троицкаго монастыря въ Кіевѣ, 359. 361.

— **(Брянцевъ),** архим. (нынѣ архіеп.), цитуемый авторъ, 187. 242. 244. 254. 264. 266.

Артемій старецъ, б. игуменъ троицкосергіева монастыря, цитуемый авторъ, 147. 151. 196. 209. 213. 216. 217. 231.

Артикъ, ректоръ виленской кальвинской гимназіи, 159.

Архангельскій А., цитуемый авторъ, 201. 219.

А—скій, цитуемый авторъ, 294.

Аскоченскій В., цитуемый авторъ, 300. 346. 348. 353. 358.

Ахавъ, царь израильскій, 318.

Аффендикъ Иванъ, львовскій купецъ, 311.

Аѳоній, греческій риторъ, 139.

Ахиллъ, греческій герой, 434.

Аѳанасій:
— архіепископъ александрійскій, 308 481. 484.

— **(Крупецкій)**, епископъ перемышльскій и самборскій (уніатскій), 510.

Аяксъ, греческій герой, 434.

Б.

Бабичъ:
— **Васко**, гологурскій мѣщанинъ, 294.

— **Яковъ**, виленскій бургомистръ, 198.

Байковскіе, западнорусская фамилія, 356.

Балабанъ:
— **Васко**, 294.

— **Гедеонъ**, львовскій православный епископъ, 192 226. 227. 231. 274. 280. 281. 283. 284. 288. 289. 290. 291. 292. 293. 294. 295. 296. 297. 598. 299. 301. 302. 303. 306. 334. 343. 364. 366. 370. 381. 384. 388. 463. 469 472.

— **Григорій**, жидичинскій архимандритъ, 491.

— **Исаія**, архим., 260.

Балинскій Михаилъ, цитуемый авторъ. 6. 8. 9. 10. 17. 20. 21. 40 41. 42. 47. 48. 49. 50. 51. 52. 53. 54 55. 56. 57. 58. 59. 62. 63. 88. 94. 97. 100. 101. 121. 157. 159. 273.

Бальцеръ Панкратій, ректоръ паневецкой кальвинской школы, 161.

Бандини, кардиналъ, 507.

Бандтке, цитуемый авторъ, 65. 74. 131. 161. 177. 180. 442. 454.

Бантышъ-Каменскій, цитуемый авторъ, 275. 281. 286. 474. 508.

Баранецкій, цитуемый авторъ, 30.

Барановичъ Иларіонъ, минскій намѣстникъ уніатскаго митрополита, 336. 337.

Барберини:
— кардиналъ (послѣ папа Урбанъ VIII), 484 (см. Урбанъ VIII).

— кардиналъ, протекторъ аѳанасіевской коллегіи, 509.

Баргель Андрей, учитель львовской каѳедральной школы, 13. 22.

Бароній Цезарь, авторъ Анналовъ, 391. 437.

Баронъчъ, цитуемый авторъ, 13. 14. 73.

Барсовъ Е. В., 370.

Бартоломей (Варѳоломей), сотрудникъ кн. Курбскаго, 218.

Бартошинъ, фундаторъ таурогенской школы, 20.

Бартшъ (Borussius) Фридрихъ, ректоръ виленской коллегіи, 61.

Баторій Стефанъ, польскій король, 5. 40. 41. 48. 49. 50. 51. 52. 57. 58. 66. 67. 69. 78. 99. 121. 126. 155. 192. 207. 251. 255. 281. 288. 312. 337. 338. 372. 439 487.

Батюшковъ П., цитуемый авторъ, 28. 255. 279. 366.

Баузе, московскій профессоръ, 275.

Баянъ, древне-русскій пѣвецъ, 189.

Бедрицкій Н., цитуемый авторъ, 187. 409.

Бейнартъ Амвросій, виленскій ксендзъ, 55

Беканъ Михаилъ, ректоръ полоцкой коллегіи, 68.

Беллярминъ, кардиналъ, авторъ римскаго катихизиса, 33. 493.

Бенедиктъ:
— XIV, папа, 487. 519.

— **Врачиславскій**, ректоръ львовской католич. школы, 11.

Бенедиктъ Николай, преподаватель полоцкой коллегіи, 68.

Бергій Ник., цитуемый авторъ, 454.

Березецкій Василій, учитель кіевской братской школы, 355.

Берында Памва, типографъ львовскаго братства, 307. 309. 310. 408. 449. 476.

Бессій, католическій проповѣдникъ, 436. 437.

Бёстель, цитуемый авторъ, 5.

Бестужевъ-Рюминъ К., цитуемый авторъ, 3.

Бирковскій:
— **Симонъ,** профессоръ и ректоръ замостской академіи, 129. 131. 132. 139.

— **Фабіанъ,** учитель львовской каѳедральной школы, польскій проповѣдникъ, 13. 437.

Блажковичъ Алексій, виленскій братскій діаконъ, 378.

Бландрата, проповѣдникъ социніанства въ Польшѣ, 44. 154.

Блецкій Симеонъ, профессоръ виленской академіи, 60. 62.

Боболя (псевдонимъ Росцѣшевскаго) Іоаннъ, студентъ виленской академіи, 94.

Бобриковичъ:
— **Іосифъ,** старшій и ректоръ виленскаго духовскаго монастыря и школы, послѣ—епископъ могилевскій, 329. 400. 401. 402. 405. 406.

— **Леонтій,** виленскій священникъ, 400.

Бобровичъ, цитуемый авторъ, 44. 126. 127. 128. 136. 137. 145. 148.

Бобынинъ, цитуемый авторъ, 439.

Богатырецъ:
— **Иванъ,** львовскій лавочникъ, 377.

— **Михаилъ,** сынъ Ивана, ученикъ братской школы, 377.

Богданецъ (Богданъ), 194.

Богданъ, писецъ Лжедимитрія, 370.

Боговитиновая Софія (Ѳеодора), княгиня, волынская хорунжая, 274. 422. 423.

Богухвалъ Павша, овручскій земскій «врадникъ», 228.

Богушъ Ксаверій, виленскій прелатъ, цитуемый авторъ, 9.

Бодянскій О., цитуемый авторъ, 445.

Бозграве Яковъ, профессоръ виленской академіи, 51.

Бойеръ Лаврентій, профессоръ виленской академіи, 62.

Бокша Павелъ, ректоръ виленской коллегіи, послѣ литовскій іезуитскій провинціалъ, 60. 61.

Болѐнетто, папскій нунцій въ Польшѣ, 250. 251.

Бона, польская королева, супруга Сигизмунда I, 21. 194.

Бонецкій, цитуемый авторъ, 305. 331.

Бонжіованни Бернардъ, папскій нунцій, 145. 151.

Бонифацій IX, папа, 4.

Боргезе, кардиналъ, 498.

Борецкій Іовъ (Іоаннъ), ректоръ львовской и кіевской братскихъ школъ, кіевскій митрополитъ, 159. 211. 272. 276. 285. 307. 309. 310. 311. 329. 343. 351. 355. 358. 361. 367. 385. 388. 389. 390. 393. 394. 395. 396. 400. 427. 462. 464. 510.

Борисъ Ѳеодоровичъ (Годуновъ), московскій царь, 191. 376.

Борромей Карлъ, кардиналъ, 4,42.

Бортйнскій Янъ, ректоръ острожской коллегіи, 77.

Боэцій, философъ и математикъ, 126.

Брелій Самуилъ, учитель любартовской социніанской школы, 164.

Бренцій, авторъ протестантскаго катихизиса, 171.

Брикнеръ Александръ, цитуемый авторъ, 270. 392.

Бродовичъ Ѳ., цитуемый авторъ, 508.

Брозка Лаврентій, учитель львовской каѳедральной школы, 13.

Брозовскій:
— студентъ виленской академіи, 58.

— **Ѳома,** учитель львов. каѳедр. школы, 13.

Брольницкій Гедеонъ, полоцкій, могилевскій и мстиславскій уніатскій архіепископъ, 338. 493. 516.

Бросцій Янъ (Бржозка), краковскій профессоръ, цитуемый авторъ, 90. 113. 117.

Брумъ, сотрудникъ кн. Курбскаго, 218.

Брянцевъ:
— **Александръ,** свящ., см. **Арсеній** архим.

— **П. Дм.,** цитуемый авторъ, 187. 244.

Будиловичъ А., цитуемый авторъ, 366.

Будиничъ Симонъ, переводчикъ канизіевскаго катихизиса, 522.

Будный Симонъ, кальвинскій, послѣ социніанскій министръ, 163. 175. 176. 196. 212. 231.

Будринъ Евл., проф., цитуемый авторъ, 143. 146. 161. 180. 181.

Бужица Тышкевичъ Григорій, виленскій братскій писарь, 321.

Буковскій кс., цитуемый авторъ, 9. 39. 143. 144. 146. 152. 160. 161. 163. 174. 177. 182.

Бурскій или Бурсій (Bursius) Адамъ, ректоръ львовской каѳедральной школы, потомъ—профессоръ замостской академіи, 13. 131. 132. 138.

Бурцевъ Вас., авторъ азбуки, 449. 471.

Бухананъ Георгій, поэтъ и историкъ, переводчикъ псалмовъ, 179.

Бухау, путешественникъ по Россіи, цитуемый авторъ, 191.

Бычковъ А. Ѳ., цитуемый авторъ, 300.

Бѣлецкій А., цитуемый авторъ, 202.

Бѣлорусскій, цитуемый авторъ, 353. 354.

Бѣльскій, историкъ польскій, цитуемый авторъ, 157. 378. 443.

Бѣляевъ Ив., цитуемый авторъ, 279.

Бѣляновскій, цитуемый авторъ, 381. 455.

Бялобржескій Мартинъ, каменецкій католическій епископъ, 437.

В.

Валеріанъ еп.—см. **Протасевичъ—Сушковскій.**

Ваноцци, секретарь папской миссіи въ Польшѣ, 126. 127. 128. 136.

Ваповская, фундаторша люблинской коллегіи, 69.

Варлаамъ, монашеское имя Василія Игнатовича, виленскаго братскаго попа, 271.

Варсонофій, монахъ уніатскій, 516.

Варшевицкій Станиславъ, ректоръ виленской коллегіи, 46. 61.

— **Христофоръ,** польскій писатель и политическій дѣятель, 5.

Василій:
— **Вел.,** св., 86. 105. 217. 307. 308. 416. 433 449. 483. 484. 498. 501.

— греческій императоръ, 272.

— **II Младшій,** императоръ византійскій, 493.

— авторъ разсказа объ ослѣпленіи Василька Галичскаго, 189.

— **Ивановичъ,** вел. князь московскій, 191.

— православный острожскій богословъ, цитуемый авторъ, 215. 232. 270. 271.

— люблинскій священникъ, 230.

— **(Игнатовичъ)** Троицкій, виленскій братскій попъ, 271.

Васильевичъ:
Іоаннъ, пресвитеръ, 434.

— **Михаилъ,** переписчикъ Пересопницкаго Евангелія, 194.

Васильевскій В., цитуемый авторъ, 58. 157. 214. 399. 422 423. 489. 521.

Василько, кн. галичскій, 189.

Васко, дьякъ, 200.

Вассіанъ, московскій вольнодумецъ, 147.

Вега Эммануилъ, профессоръ виленской академіи, 61. 94.

Векк Іоаннъ, константинопольскій патріархъ, 484. 493.

Велевицкій Янъ, іезуитъ, цитуемый авторъ, 13. 57. 61. 63. 64. 66. 67. 68. 69. 70. 71. 72. 73. 74. 75. 79. 84. 88. 105. 106. 110. 117. 274. 370. 488.

Величко Самуилъ, цитуемый авторъ, 15. 354.

Величко Янъ, ошмянскій подстолій, 52.

Вельзіушъ Андрей, изъ Данцига, ректоръ вилен. кальвинской гимназіи, 159.

Венгерскій (псевдонимъ Регенвольскаго Адріана), 143. 147. 159 163. 266.

Вендландъ Іоаннъ, ректоръ виленской кальв. гимназіи, 159.

Вербицкій Тимоѳей Ал., кіевскій типографъ, 390.

Вергерій, протестантскій писатель—педагогъ, 171.

Верещинскій Іосифъ, кіевскій католическій епископъ, 201.

Вержбицкій:

— **Адріанъ**, королевскій секретарь, 53. 56.

— **Викторинъ**, луцкій католическій епископъ, 28.

— **Іеронимъ**, студентъ замостской академіи, 132.

Вержбовскій Ѳеод., цитуемый авторъ, 32. 57. 115. 171. 175. 177. 275. 428. 485.

Веринъ Михаилъ, авторъ, 24.

Веселіилъ, одинъ изъ устроителей скиніи 473

Веселовскій Ѳома, авторъ-панегиристъ, 135.

Вивисъ Людовикъ, писатель-латинистъ, 174.

Вигилянцій Григорій, учитель львовской каѳедральной школы, 13.

Виклефъ, церковный реформаторъ, 152.

Викулъ П., свящ., цитуемый авторъ, 388. 390.

Вильчовскій Ст., виленскій каноникъ, 52. 57.

Винглеръ Янъ, проповѣдникъ лютеранства въ Вильнѣ и основатель лютер. школы, 152.

Виргилій, римскій поэтъ, 7. 19. 20. 26. 85. 86. 116 126. 174. 307. 483.

Вислоцкій, цитуемый авторъ, 14.

Виссаріонъ, кардиналъ, 484. 493.

Виталій, іеродіаконъ, 326. 408.

Витовтъ, великій князь литовскій, 9.

Вишневецкіе, княжескій родъ, 146.

Вишневецкая Ирина, владѣлица Рахманова, 485.

Вишневецкій:

— **Адамъ**, князь, 305.

— князь, 274.

— **Юрій**, 76.

Вишневскій, цитуемый авторъ, 63. 261. 321. 422. 435. 453. 508. 515.

Вишоватый Андрей, социніанскій писатель, 166. 182. 183.

Владимировъ П., цитуемый авторъ, 193. 195. 196. 197. 198. 227. 307. 450.

Владимирскій-Будановъ М., цитуемый авторъ, 413. 471.

Владимиръ кн., св. 176 188. 189. 263. 475. 515.

Владиславъ (III) Варнскій, король польскій. 11.

Владиславъ IV, король польскій, 36. 51. 62. 150. 152. 158. 279. 286. 329. 331. 335. 337. 340. 341. 363. 365. 366. 367. 368. 369. 407. 497. 522.

Влошекъ Станиславъ, ректоръ вилен. коллегіи, 61.

Водорацкій Николай, могилевскій подстароста, 497.

Воеводка Бернардъ, авторъ учебника ариѳметики, 30

Войдовскій Андрей, учитель любартовской социніанской школы, 164. 165. 178

Войны, дворянскій родъ, 146.

Война:
— **Бенедиктъ,** виленскій катол. епископъ, 54. 55. 488. 493. 496.

— **Григорій,** брестскій каштелянъ, 283.

— **Семенъ,** мстиславскій каштелянъ, 283.

Война-Оранскій Пахомій, епископъ пинскій и туровскій (уніатскій), 509.

Войславскій Мартинъ, педагогъ пана Яна Дубовича, 327. 429. 470.

Войснаровичъ Казимиръ, виленскій каноникъ, 56.

Войцицкій, цитуемый авторъ, 371.

Войшевскій Станиславъ, бакаляръ кн. Курбскаго, 218.

Воланъ Андрей, кальвинскій пасторъ и писатель, 47. 61. 94.

Волковичъ Іоанникій, западнорусскій авторъ-стихотворецъ, 433.

Волловичи, дворянскій родъ, 146.

Волловичъ:
— **Евстаѳій,** литовскій подканцлеръ, послѣ канцлеръ, 49. 275.

— **Евстаѳій,** виленскій катол. епископъ, 56.

Вольскій, виленскій каноникъ, 54.

Вольтеръ, цитуемый авторъ, 33, 172.

Вольфъ Іер., нѣмецкій педагогъ, 81. 169.

Вольфъ, цит. авт., 244.

Волюцкій Павелъ, луцкій католическій епископъ, 75. 104.

Вондловскій Лука, ректоръ новгородской кальвинской школы, 162.

Востоковъ Ал., цитуемый авторъ, 199. 247. 368. 417. 430. 445. 470.

Всеволодъ Ярославичъ, князь кіевскій, 189.

Всеславъ, князь полоцкій, 189.

Вуйкъ:
— **Станиславъ,** преподаватель каменецкой коллегіи, 76.

— **Яковъ,** іезуитъ, ректоръ виленской коллегіи, 33. 61. 114. 437.

Вулканъ Пога, слуга Шонберга, 191.

Вырвичъ Карлъ, польскій историкъ и географъ, 80.

Высоцкій, королевскій писарь, 225.

Вышенскій Іоаннъ, аѳонскій подвижникъ, цитуемый авторъ, 226, 227. 231. 232. 233. 234. 235. 259. 284. 412. 413. 414. 418. 419. 424. 429. 442. 443. 458. 472. 473.

Г.

Г—въ А., цитуемый авторъ, 385.

Гаетанъ, папскій нунцій въ Польшѣ, 25.

Гай Янъ, учитель риторики въ вилен. іезуитской коллегіи, 46.

Галенъ, врачъ-писатель II в. по Р. Хр., 131. 139.

Галонзка Станиславъ, учитель виленской каѳедр. школы, послѣ—виленскій юристъ, 10.

Галшка Гулевичевна, жена Стефана Лозки, фундаторша кіевскаго братскаго монастыря, 348. 349. 351. 355.

Гарабурда Лука, шляхтичъ, 283.

— **Михаилъ,** литовскій королевскій писарь, 240.

— **Ѳеодоръ Наумовичъ,** бояринъ дерманскій, 246.

Гарасевичъ, цитуемый авторъ. 242. 247. 330. 347. 493. 505. 507. 508. 517.

Гартлибъ Войтѣхъ, ректоръ виленской кальв. гимназіи, 159.

Гаштольдъ Войтѣхъ Мартиновичъ, виленскій воевода, 8. 21.

— **Мартинъ,** кіевскій воевода, 21.

— **Станиславъ Войтѣховичъ,** воевода трокскій, 153.

Гваньини, польскій историкъ, 25.

Гедеонъ Балабанъ, см. **Балабанъ.**

Гедеонъ Мануилъ, цитуемый авторъ, 348.

Гедройцъ Мельхіоръ, жмудскій епископъ, 52. 56. 123.

Гезіодъ, греческій поэтъ, 87. 220. 221. 308.
Гейденштейнъ, цитуемый авторъ, 372.

Гейнекцій Мих., цитуемый авторъ, 323.

Гекторъ, троянскій герой, 434.

Геліашевичъ, кс., депутатъ виленскаго трибунала, 323.

Гелладій (Елладій) Александръ, цитуемый авторъ, 416.

Геннадій:
— св. патріархъ цареградскій, авторъ Стослова, 470.
— архіепископъ новгородскій, 190. 202. 240.

Генрихъ Валуа, король польскій, 288.
Георгій:
— **Хуровскій**, авторъ статьи «о образѣхъ», 430.

— **(Геннадій) Схоларій**, см. Схоларій.

— **Трапезундскій**, ученый грекъ, 484.

— молдавскій архіепископъ, 302.

— **(Конисскій)**, могилевскій архіепископъ, 254.

— ректоръ перемышльской каѳедральной школы, 14.

— изъ Эйпшишекъ, магистръ свободныхъ наукъ, 8 21. 152.

— **(Юрій)**, родственникъ кн. К. Острожскаго (сынъ Януша Заславльскаго?), 391.

Герасимъ, священникъ виленскаго братства (прежде львовскій братскій діаконъ), 264 301.

Гербачевскій, свящ., цитуемый авторъ, 366.

Гербестъ Бенедиктъ, ректоръ львовской каѳедр. школы, краковской маріинской, скерневицкой, познанской, впослѣдствіи іезуитъ; цитуемый авторъ, 13. 18. 19. 20. 22. 24. 30. 32. 33. 64. 65. 263.

— **Янъ**, іезуитъ, 22. 29. 65.

Гербуртъ, польскій историкъ, 32.

— **Валентинъ**, перемышл. латин. епископъ, 77.

— **Янъ**, кодификаторъ польскихъ законовъ, 206.

Герлахъ Стефанъ, 220. 411. 425. 442.

Германнъ Даніилъ, авторъ-панегиристъ, 128.

Гермогенъ, греческій риторъ, 220. 221.

Гизе Тидеманъ, кульмскій католическій епископъ, 144.

Гизель Иннокентій, архимандритъ кіево-печерскій, 358.

Гиловскій Пав., авторъ протестант. катихизиса, 158.

Гильтебрандтъ П. А., цит. авт., 196. 456.

Глареанъ Генрихъ, авторъ учебника ариѳметики, 30.

Гличнеръ Эразмъ, польскій писатель-педагогъ, 115. 203.

Глоговскій Іоаннъ, краковскій профессоръ, 26.

Глѣбовичи, дворянскій родъ, 146.

Годуновъ, см. **Борисъ Ѳеодоровичъ**.

Гожалчинскій, цитуемый авторъ, 193

Гозій Станиславъ, вармійскій епископъ, 39. 42. 43. 44. 45. 112, 117. 148.

Гойскіе:
— дворянскій родъ, 165.

— **Гавріилъ и Романъ**, владѣльцы Гощи, кіевскіе каштеляны, 166.

Головацкій Я. Ѳ., цитуемый авторъ, 192. 200. 260. 261. 295. 321. 343. 386 393. 402. 408 421. 435. 446. 447. 449. 450. 451. 453. 495. 522.

Голубевъ С. Т., цитуемый авторъ, 27. 71. 107. 109. 130. 195. 200. 211. 213. 223. 228. 232. 244. 246. 253 260 261. 263. 267. 273. 275 278 280. 282. 285. 286. 300. 302. 304 305 306. 307. 308. 315 319. 324. 327. 330. 341. 346. 347. 348. 349 350 351. 352. 353 354. 355. 356. 357. 358. 359. 360. 361 362 363. 365. 367. 371. 377. 380. 381 384. 385. 388. 390. 391. 393 394. 395. 398. 399. 400. 401 403. 405. 406. 416. 419. 424. 425. 426 428 429, 431. 433. 440. 443. 445. 451. 454. 455. 456. 458. 459. 460. 472. 473. 494. 497. 500. 515.

Голубинскій Е. Е., цитуемый авторъ, 189. 194. 219.

Голубниковъ Григорій, острожскій дѣятель, 275.

Голубъ Олиферъ, гетманъ запорожскій, 311.

Голшанская Марія, княжна, 202.

Гомеръ, греческій поэтъ, 87.

Гомолинскій Станиславъ, холмскій католическій епископъ, 132.

Гонезій Петръ, социніанскій ученый, 146.

Горацій, римскій поэтъ, 62. 86. 96. 114. 174. 182. 307. 483.

Горбацкій Іосифъ Кононовичъ, ректоръ кіевской могилянской коллегіи, бѣлорусскій епископъ, 406. 407.

Горбачевскій Никита, цитуемый авторъ, 11. 34. 136. 160. 201. 239. 510.

Горецкій Стан., виленскій каноникъ, 54.

Горностай Евстаѳій, новгородскій воеводичъ, 154.

Горностаевая Елена (изъ рода Чарторыйскихъ), 369.

Горскіе, дворянская фамилія, 146.

Горскій А., цитуемый авторъ, 361. 363. 428. 445.

Гостиловскій Гервасій, могилевскій уніат. игуменъ, 339. 340.

Грабовскій, цитуемый авторъ, 118.

Грабянка, цитуемый авторъ лѣтописи, 353.

Градовскій Мартинъ, новгородъ-сѣверскій плебанъ, 78.

Грамматинъ Ив., думный дьякъ, 348.

Грассеръ, издатель, 28.

Грековичъ Антоній Ѳеодоровичъ, виленскій братскій діаконъ и бакаляръ, кіевскій намѣстникъ уніат. митрополита, 324. 325. 347.

Гретцеръ Іаковъ, авторъ греческой грамматики, 26. 97.

Грибачъ Тимоѳей, могилевскій братскій бакаляръ, 341.

Григорій:

— **Богословъ (Назіанзинъ),** 25. 26. 86. 202. 217. 266. 433. 449. 481. 484.

— **Палама,** архіепископъ солунскій, 218. 484.

— **XIII,** папа, 38. 50. 99. 103. 221. 251. 273. 439. 480. 485. 486. 487. 488. 489.

— **XV,** папа, 484.

— **Протосингелъ,** 484.

— іером., переводчикъ Пересопницкаго Евангелія, 196. 424.

— изъ Жарновца, авторъ кальвинскихъ Постиллъ, 158.

— нотарій на брестскомъ соборѣ, 188.

— (**Грегоръ**), луцкій ксендзъ, 15. 106.

— владѣлецъ «Книги тайная тайныхъ», 459.

— торнскій игуменъ, 400.

— (**Михаловичъ**), епископъ пинскій и туровскій (уніатскій), 368. 510.

Грицковая Варвара, 464.

Гродзискій Станиславъ, профессоръ вилен. академіи, 57. 62.

Гроховскій:

— **Ак.,** луцкій катол. епископъ, 16.

— профессоръ виленской юридической школы, 36.

Гроцій Гуго, голландскій юристъ, государств. дѣятель и писатель (конца XVI и нач. XVII в.), 62.

Гружевскій:

— **Григорій,** профессоръ вилен. академіи. 62. 516.

— **Іоаннъ,** ректоръ вил. коллегіи, 61.

Грушевскіе, дворянская фамилія, 146.

Гуарино, филологъ-латинистъ, 483.

Гулевичевна-Лозкина Елизавета (Галшка), см. **Галшка Гулевичевна.**

Гулевичъ:
— **Дрозденскій, Гневошъ Семеновичъ**, владѣлецъ с. Дроздна, 342.

— **Воютинскій Семенъ**, луцкій земскій писарь, послѣ — перемышльскій правосл. епископъ, 346.

Гулькевичъ Яковъ, кіевскій протопопъ, 194.

Гурій, архіепископъ казанскій, 190.

Гурницкій Лука, польскій писатель, 115.

Гурскій Яковъ, 13. 29.

Д.

Давидъ, псалмопѣвецъ, 179. 203. 240. 473.

Дамаскинъ Іоаннъ св., писатель-богословъ, 204. 216. 218. 221. 316. 360. 411. 428. 429. 445. 452—454. 484.

Даміанъ (Налевайко), острожскій пресвитеръ, 259. 271. 272.

Даніилъ, галицкій король, 192.

Даниловичъ, цитуемый авторъ, 3. 42. 144.

Даукша Николай, жмудскій каноникъ, 33. 172.

Дашкевичъ Н., цитуемый авторъ, 27. 28.

Деколоній, педагогъ—іезуитъ, 80.

Дементіановичъ Митрофанъ, луцкій братскій игуменъ и ректоръ, 344. 345. 462.

Демосѳенъ, греческій ораторъ, 87. 100. 126. 174. 250. 308. 483.

Демьяновичъ А., цитуемый авторъ, 65.

Деукша, литовскій іезуитскій провинціалъ, 90.

Дзѣдушицкій, цитуемый авторъ. 61.

Димитрій Сидоній, грекъ, противо-православный полемистъ, 484.

Димитровичъ Павелъ, ректоръ вилен. кальвинской гимназіи, 159. 174.

— **Павелъ**, переводчикъ Кромера, 63.

Діонисій: Ареопагитъ, 308. 484.

— Галикарнасскій, римскій риторъ 131. 139.

— константинопольскій патріархъ, 413.

— тырновскій архіепископъ, 295. 375.

— протосингелъ п. Іереміи II, 222.

Діоталлеви, папскій нунцій въ Польшѣ, 508.

Диплицъ Геласій (псевдонимъ), цитуемый авторъ, 165. 270. 359. 381. 384. 396. 402.

Дискордія (Пражницкій) Лавр., проповѣдникъ протестантства въ Польшѣ, 145.

Диціусъ Николай, виленскій деканъ, 56.

Длугошъ, польскій историкъ, цитуемый авторъ, 189.

Дмитріевскій А., проф., цитуемый авторъ, 292. 374. 375. 376. 377.

Дмитровичъ (Луба), сынъ Марины Мнишекъ, 373.

Дмовскій Валентинъ, баккалавръ холмской уніат. школы, 505.

Добржанскій Андрей, новгородскій кальвинскій пасторъ, 173.

Добровскій Іосифъ, славистъ, 447.

Добрянскій:
— **Ант.**, цитуемый авторъ, 279. 365.

— **Фл.**, цит. авт., 196. 239. 459. 520.

Долматы, дворянская фамилія, 369.

Долматъ Константинъ, фундаторъ цеперскаго монастыря, 371.

Домецкій Гавріилъ, архимандритъ симонова, потомъ юрьева монастыря, цит. авт., 357. 358. 361.

Домживъ-Лютковичъ Павелъ, іеромонахъ, типографъ, игуменъ черненскаго монастыря, 457.

Домникія, старица, 234.

Донатъ Элій, авторъ латинской грамматики, 26. 47. 131. 345. 453.

Дорогостайскіе, дворянская фамилія, 146.

Дорогостайскій— Монвидъ Николай, полоцкій воевода, 66. 67.

Дороѳеевичъ Гавріилъ, львовскій братскій учитель, 265. 266. 267. 275. 310. 351. 352. 387. 388.

Дороѳеевичъ Дан., настоятель вилен. св.-духов. монастыря, 322.

Дороѳей, мнимый авторъ Хронографа Дороѳеева, 376. 413.

Достоевскій Стеф., минскій земянинъ, 225.

Древинскій Лаврентій, волынскій чашникъ, 281. 342. 397. 402. 403.

Дрезнеръ Ѳома, замостскій профессоръ, 130. 132. 139.

Друцкій-Соколинскій Михаилъ, маршалокъ, 283.

Дубовичъ:
— **Алексѣй**, архимандритъ супрасльскій, потомъ намѣстникъ виленскаго троицкаго монастыря, 497. 520.

— **Янъ**, намѣстникъ полоцкаго уніат. архіепископа, цитуемый авторъ, 214. 256. 455. 466. 519.

— **Янъ**, панъ, 327. 470.

— львовскій житель, 465.

Дуксъ (Дуксовъ) Ѳеодоръ, болгарскій черноризецъ (X ст.), 194

Дудо Петръ. венеціанскій посолъ въ Польшѣ, 148.

Дуроссій Даніилъ, ректоръ гощской социніанской школы, 166.

Духъ (Spiritus), проповѣдникъ протестантизма въ Польшѣ, 146.

Дѣвочка Онисифоръ, кіевскій митрополитъ, 221. 287. 312. 313. 314. 317.

Дюканжъ, французскій византистъ и лингвистъ, цитуемый авторъ, 202.

Дягилевичъ Андрей, кіевлянинъ, 225.

Е.

Евгеній:
— **XIV**, папа, 11. 214.

— (**Болховитиновъ**), кіевскій митрополитъ, цитуемый авторъ, 189. 262. 263. 346. 358. 359.

— священникъ слуцкій, 189.

Евлашевскій Ѳеодоръ, новгородскій подсудокъ и судья, 203. 501.

Евлашковичъ Василій, кандидатъ въ епископы, 225.

— **Михаилъ Васильевичъ**, писарь королевскій, 225.

Еврипидъ, греческій трагикъ, 308.

Евсевій, церковный историкъ, 308. 443.

Евстафій, архіепископъ солунскій, писатель и церк. ораторъ (XII в.), 308.

— воспитанникъ виленской братской школы, 401.

Евфросинъ преп., 229.

Елена, мать императора Константина, 401. 472.

Еленевскій К., цитуемый авторъ, 243. 390.

Еленекъ (Ielenek) Николай, учитель виленской каѳедральной школы, 9.

Елеонскій Ѳ., цитуемый авторъ, 339.

Елисавета, англійская королева, 51.

Елисей, аѳонскій старецъ, 235.

Еліашевичъ Мельхіоръ, жмудскій епископъ, 55.

Ерличъ Іоакимъ, цитуемый авторъ, 359. 361.

Ермолай, львовскій братскій «педагогъ», 469.

Ермоличъ Ѳеодоръ, минскій священникъ, 337.

Ефремъ Сиринъ, св., писатель, 484.

— (мнимый) епископъ луцкій и острожскій, 193.

Ехеръ Адамъ, цитуемый авторъ, 6. 13. 18. 26. 33. 63. 96. 97. 114. 115. 128. 131. 135. 138. 139. 165. 174. 175. 179. 180. 270. 381. 402. 494. 496. 514.

Ж.

Жагель Мартинъ, студентъ виленской академіи, послѣ вилен. каноникъ, 94. 116.

Жачковскій Варѳоломей, вилен. протопопъ, 370.

Ждановичъ Григорій, виленскій священникъ, 341.

Жебровскій Феликсъ, католическій писатель-полемистъ, 274. 380. 381. 454.

Желиборскій Григорій, 434.

Житецкій П., цитуемый авторъ, 424.

Жудро Ѳ., цитуемый авторъ, 337. 339. 341,

Жуковичъ Пл., цитуемый авторъ, 143. 148. 354.

З.

Забѣлинъ И., цитуемый авторъ, 475.

Завитневичъ В., цитуемый авторъ, 267. 269. 276. 381. 388. 456.

Завиши, литовская дворянская фамилія, 63. 146.

Загоровскій:
— авторъ латинской орѳографіи, 175.

— **Василій**, брацлавскій каштелянъ, 199. 200. 201. 207. 218. 426.

— **Іеронимъ**, іезуитъ, 110.

Задзикъ Іаковъ, краковскій епископъ, 28.

Заерскій Францискъ, препозитъ олыкской коллегіаты, 17.

Зажецкій Рафаилъ, учитель кіево-могил. коллегіи, 358.

Закревскій Н., цитуемый авторъ, 346.

Залѣнскій Стан., кс., цитуемый авторъ, 80. 85. 88. 96. 105. 106. 108. 112. 215. 271.

Замойская:
— **Варвара**, супруга Яна Замойскаго, 70.

— **Екатерина**, супруга Ѳомы Замойскаго, 120.

Замойскій: Янъ, польскій канцлеръ и гетманъ коронный, 15. 65. 116. 126. 127. 128. 129. 130. 131. 132. 135. 136. 137. 138. 139. 162. 247.

— **Ѳома**, сынъ Яна, кіевскій воевода, 129. 135. 138. 139. 386. 495.

— **Янъ**, львовскій католическій архіепископъ, 12.

Зандъ, цитуемый авторъ, 40. 146. 147. 149. 163. 165. 166. 175. 177. 179. 180. 181. 182. 183.

Заремба, профессоръ замостской академіи, 132.

Зарѣцкіе, виленскіе граждане, 198.

Засадкевичъ, цит. авт., 432. 448.

Заславскіе, княжеская фамилія, 22.

Заславскій Александръ, князь, владѣлецъ острожскихъ имѣній, 403.

Захарія Копыстенскій—см. Копыстенскій Зах.

Зделаритцъ Ѳома, профессоръ философіи въ виленской коллегіи, 47.

Зебржидовскій Н., люблинскій воевода, 69.

Земка Тарасій Левоновичъ, кіево-печерскій типографъ и проповѣдникъ, 356. 358. 408. 459.

Зеновичи:
— дворянская фамилія, 146.

— **Христофоръ**, брестскій воевода, 162.

Зигомала:
— **Іоаннъ**, ректоръ константинопольской патріаршей школы, великій риторъ, 220. 411.

— **Ѳеодосій**, сынъ Іоанна, константинопольскій протоноторій, цит. авт., 219. 221. 425. 481.

Зигровскій (Зегровіушъ) Янъ, новгородскій кальвинскій министръ, 162.

Зизаній Лаврентій (Тустановскій), братскій педагогъ, 210. 301. 304. 333. 351. 371. 373. 377. 381. 382. 383. 384. 415. 431. 432. 440. 446. 447. 449. 452. 455. 457. 458. 476.

Зизаній Стефанъ (въ монаш. Сильвестръ), братскій педагогъ, 212. 270. 271. 292. 300. 301. 304. 315. 321. 322. 324. 377. 378. 379. 380. 381. 382. 384. 415. 447. 452. 454. 455. 461. 464.

Зилитинкевичъ Ил., цит. авт., 314.

Зиморовичъ, цитуемый авторъ, 73.

Зиновій, инокъ отенскій, писатель, 147.

Златоустъ Іоаннъ, св., 85. 86. 105. 217. 272. 274. 296. 307. 308. 309. 352. 353. 380 383. 399. 416. 417. 419. 422. 423. 437. 483. 484.

Зубрицкій Діон., цит. авт., 249. 290.

И.

Ивановичъ Грынь, львовянинъ, 288.

Ивановъ В., цитуемый авторъ, 193.

Иванъ, ученикъ луцкой братской школы, 345.

Ивашковскій Алексѣй, кіевскій бакаляръ, 408.

Ивашковскій о., учитель кіевской лаврской школы, 359.

Игнатій:
— патріархъ московскій, 376.

— авторъ житія Іова Княгиницкаго, 252. 269.

— діаконъ, послѣ священникъ, проповѣдникъ львовскаго братства, 294. 301.

— могилевскій братскій бакаляръ, 341.

— московскій вольнодумецъ, 147.

Изократъ, аѳинскій ораторъ, 7. 86. 483.

Иконниковъ В., цитуемый авторъ, 28. 191.

Илья, богоявленскій игуменъ въ Москвѣ, книжный справщикъ, 384. 386.

Илко (Илья), кандидатъ въ рогатинскіе учителя, 364.

Илковскій Елисей, о., учитель луцкой братской школы, 345.

Ильинскій Ѳ., цитуемый авторъ, 377. 382. 410. 441.

Иляшевичъ Іоаннъ, уставникъ бѣлиловецкій, 368.

Ипполитовичъ Паисій, холмскій православный епископъ, 359. 367. 401.

Ипполитъ, папа римскій, 380.

Иродъ Антипа, царь, «четвертовластникъ» галилейскій, 493.

Исаакій (Борисковичъ), настоятель дерманскаго монастыря, послѣ луцкій и острожскій епископъ, 269. 359.

І.

Іаковъ, ректоръ саноцкой католической школы, 5.

Іевлевичъ:
— **Игнатій**, игуменъ могилевскаго богоявл. монастыря, послѣ архимандритъ полоцкій, цит. авт., 130. 341. 355. 356. 357. 358 359. 363. 371. 425.

— **Ѳома**, дядя Игнатія, ректоръ кіевской братской школы, 355. 362. 404. 405. 472.

Іеремія II (Траносъ), констант. патріархъ, 220. 221. 222. 240. 289. 290. 291. 295. 296. 297. 298. 299. 300. 301. 302. 303. 313. 316. 319. 333. 334. 337. 340. 343. 347. 363. 374. 375. 376. 380. 384. 412. 413. 424. 432. 444. 460.

Іеронимъ блаж., 25. 26.

Іероѳей, митрополитъ монемвасійскій, 376. 412. 413.

Іоакимъ, антіохійскій патріархъ, 222. 250. 289. 290. 291. 292. 317. 333. 365. 412.

Іоакимъ, кіевскій іеродіаконъ, 204. 221. 240. 413. 429.

Іоаннъ:
— **Златоустъ**, см. Златоустъ.

— **Лѣствичникъ** св., 307. 449.

— экзархъ болгарскій, 316. 428. 445. 449. 452. 453.

— **IV Грозный**, московскій царь, 190. 240. 374. 411. 485.

— **Сакробусго** (de Sacro Busto), авторъ учебника ариѳметики, жившій въ XIII ст., 30. 31.

— великій «прагматевтъ» (Янъ Замойскій, великій коронный канцлеръ и гетманъ?), 265. 266.

— гочовскій плебанъ и баккалавръ, 5.

— изъ Ланцуты, авторъ учебника ариѳметики, 30.

Іоасафъ:
— II, констант. патріархъ, 220. 411.

— монемвасійскій митрополитъ, 385.

— архимандритъ вилен. троицкаго монастыря, 379.

Іовъ:
— митрополитъ московскій, 375. 376.

— новгородскій митрополитъ, 358

Іосафатъ Кунцевичъ—см. Кунцевичъ.

Іосифъ, протосингелъ константин. патріарха, 211. 222. 352. 353. 367.

Іустинъ:
— Философъ, 441.

— историкъ II в. по Р. Хр., 32. 174.

К.

Кавечинскій Матвѣй, несвижскій староста и владѣлецъ типографіи, 175.

Казаневичъ Янъ, жмудскій каноникъ, 124.

Казимирскій Николай, владѣлецъ Любартова, 163. 164.

Казимиръ:
— великій, король польскій, 3. 4.

— **Ягелловичъ**, король польскій, 59.

— польскій королевичъ, святой, 10. 21. 59. 103.

Калайдовичъ К., цит. авторъ, 194. 419. 428. 445. 453.

Калигари, папскій нунцій въ Польшѣ, 65. 69.

Калишскій Войтѣхъ-Альбертъ, цит. авторъ, 117. 126. 131. 163. 164. 165. 179. 180.

Каллистъ Никифоръ, греческій хроникеръ, 217.

Калугинъ Ѳ., цит. авт., 147.

Калужняцкій Е. І., цит авт., 385. 431.

Кальвинъ, реформаторъ, 47. 151. 169. 173. 177.

Кальнофойскій Іоан., іеромонахъ, цит. авторъ, 198. 389.

Калѣчицкій Сасинъ, державца маренинскаго монастыря на Жмуди, 229.

Каманинъ И, цит. авт., 347. 349.

Канизій Петръ, іезуитъ, авторъ катихизиса, 32. 33. 39. 214. 454. 521. 522.

Капелла Марціанъ, римскій филологъ, 29.

Каперій Войтѣхъ, ректоръ гощской социніанской школы, 166.

Капишовскій Даміанъ, бакаляръ греческаго языка въ вилен. братской школѣ, 323.

Каратаевъ И., цит. авт., 227. 234. 263. 271. 272. 380. 445. 447. 449.

Карачонъ Станиславъ, мстиславскій подстолій, 283.

Карканъ Іоаннъ, виленскій типографъ, 97.

Карнковскій Станиславъ, катол. влоцлавскій (или куявскій) епископъ, 121.

Карпентарій Іаковъ, естествовѣдъ, 131.

Карповичъ Леонтій (въ мірѣ Логинъ), виленскій духовскій архимандритъ, 276. 304. 325. 326. 369. 393. 395. 397. 398. 399. 400. 430. 437. 447

Карскій Е., цит. авт., 206.

Карѣевъ Н. цит. авт., 143. 145. 151.

Кассанида Ѳеодоръ Ѳерапонтъ, дидаскалъ и игуменъ львовскаго братства, 295. 308.

Кастелліонъ, латинскій писатель XVI в., 174.

Катонъ старшій, римскій государственный дѣятель и писатель, 7. 24. 33. 174.

Катуллъ, римскій лирическій поэтъ, 85.

Квятковскій Мартинъ, польскій протестантскій писатель, 115. 144. 171.

Кебесъ (Κεβης), ученикъ Сократа, писатель—философъ, 85.

Кедринъ, историкъ, 265.

Кимбаръ Сергій, супрасльскій архимандритъ, 195. 196.

Кипріанъ:
— епископъ, виленскій суффраганъ, 10. 21.

— іеромонахъ, острожскій дѣятель, 235. 265. 266. 274. 275. 370. 383. 423.

Кирдей Василій, 283

Кирикъ, діаконъ новгород. антоніева монастыря, 438. 439.

Кирилловичъ Іосифъ, членъ кіевскаго ученаго кружка, 408.

Кириллъ: александрійскій св., 217. 484.

— іерусалимскій св., 212. 321. 380. 383. 449. 482. 483.

— (**Константинъ**), первоучитель славянъ, 419. 449.

— св., еп. туровскій, 189. 433.

— еп. пинскій и туровскій, 222.

— аѳонскій старецъ, 235

— «Великій», львовскій мѣщанинъ, 367.

— **Транквилліонъ**, см. Ставровецкій

Кирницкій Григорій, львовянинъ, докторъ философіи, 435.

Кисель Адамъ, владѣлецъ Гощи, каштелянъ кіевскій и брацлавскій, воевода кіевскій, 166. 402. 495.

— (или **Гизель**) **Евстаѳій**, ректоръ киселинской социн. школы, 165.

Китайчичъ Аѳанасій, книжный справщикъ въ Москвѣ, 386.

Кишки, дворянская фамилія, 146

— Левъ, уніатской митрополитъ, 520.

— Станиславъ, жмудскій епископъ, 124.

— Янъ, жмудскій староста, потомъ виленскій каштелянъ, 147 161 175.

Кленардъ Николай, авторъ греч. грамматики, 26. 97. 174. 307. 452.

Климентъ VIII, папа, 128. 130. 479. 488. 498.

— баккалавръ и алтаристъ львовскій, 11.

Кмициць Николай, авторъ поэмы о смерти Кунцевича, 63.

Клосъ О., ксендзъ, авторъ учебника ариѳметики, 30.

Кнапскій Григорій, авторъ лексикона, 97. 114.

— **Станиславъ**, преподаватель полоцкой коллегіи, 68.

Кноглеръ Квиринъ, учитель вилен. кальв. гимназіи, 159.

Княгиницкій Іовъ (Іоаннъ), западнорусскій подвижникъ, 200. 252 253. 269. 275. 285. 385. 386. 457.

Коваль Когутъ Иванъ, львовской житель, 464.

Ковальскій (Фабриціій) Вал., см. Фабриціій.

Ковнацкій Михаилъ, ректоръ крожской іезуит. коллегіи, 77.

Колаковскій Іеронимъ, замостскій профессоръ, 130.

Колій І. Р., цит. авт., 264. 266.

Колковскій Илар, коадъюторъ черниговскаго уніатскаго архимандрита, 386.

Коллинсъ, путешественникъ по Россіи, цит. авт., 191.

Коменскій Янъ Амосъ, епископъ чешскихъ братьевъ, педагогъ, 81.

Коммендоне Янъ Францискъ, папскій нунцій въ Польшѣ, кардиналъ, 4. 37. 39. 42. 47. 120. 121. 148. 208.

Комо (Комскій), кардиналъ, 65. 486. 487.

Комулей (Комуловичъ) Александръ, папскій легатъ въ Польшѣ и Россіи, 54. 55. 122. 123. 488. 521.

Кондратовичъ Л., цитуемый авторъ, 63.

— **Яковъ**, виленскій братчикъ, 320.

Конецпольскій, люблинскій земскій судья, 70.

Конинскій Андрей, іезуитъ, 517.

Конисскій Георгій, см. Конисскій.

Константинъ Великій, императоръ, 401. 472.

— могилевскій братскій бакаляръ, 341.

Коперникъ Николай, авторъ ариѳметики, астрономъ, 31.

Копинскій Исаія, перемышльскій епископъ, послѣ кіевскій митрополитъ, 276. 285. 349. 359. 361. 472.

Конть Василій, 494.

Копыстенскій Захарія, архимандритъ печерскій, цит. авторъ, 209. 235. 236. 250. 261. 263. 268. 276. 285. 304. 348. 350. 351. 380. 381. 397. 408. 419. 422. 437. 456. 473.

— **Михаилъ**, перемышльскій епископъ, 282 304. 364. 365.

Корецкая Анна, княгиня, урожденная Ходкевичь, 382.

Корецкій Іоакимъ, кн., 382.

— **Самуилъ**, князь, сынъ Іоакима, 385.

Коридалей Ѳеофилъ, ректоръ константинопол. патр. школы, 408.

Корнелій, см. Ультраектинъ.

Корняктъ Константинъ, львовскій братчикъ, 296. 309.

Корсакъ Голубицкій Евстаѳій, полоцкій войскій, 506.

— **Рафаилъ**, настоятель вилен. троицкаго монастыря, послѣ уніат. митрополитъ, 509. 510. 512.

— **Янъ Николай**, земскій судья ошмянскаго повѣта, 52. 55.

Кортазій, іезуитъ, 397.

Косовичъ, кіевскій студентъ, послѣ могилевскій братскій бакаляръ, 341. 357.

Коссовъ Сильвестръ, преподаватель львовской школы, префектъ могилянской коллегіи, могилевскій епископъ, кіевскій митрополитъ, цит. авт, 140. 304. 311. 329, 352. 354. 358. 359. 360. 361. 362. 363. 367. 389. 393. 395. 400. 405. 406. 407. 425. 426. 427. 473.

Костка Янъ, сандомирскій воевода, 245. 248.

Костомаровъ Н., цит. авторъ, 187. 237. 239. 278. 339. 358. 418.

Котковскій, проповѣдникъ могилевскаго братства, 338.

Котлубай Сильвестръ, игуменъ новгородскаго уніат. монастыря, 162. 501.

Кохановскій Янъ, польскій писатель, 179.

Кошутскій Станиславъ, польскій переводчикъ, 115.

Коялович Альбертъ Вуйкъ, іез., цитуемый авторъ, 27. 45. 53. 56. 63. 120. 124. 144. 147. 152. 154. 516.

— **М. О.**, цит. авторъ, 107. 215. 267. 271. 278. 321. 390. 401. 516.

Краинскій Христофоръ, авторъ кальвинскаго катихизиса, 158.

Кракіери Леонардъ, ректоръ виленской коллегіи, 61.

Крамеръ Даніилъ, кальвинскій богословъ, 61.

Красинскій В, гр., цитуемый авторъ, 39. 143. 146. 149. 150. 156. 158. 163. 171. 172. 180. 181.

Красицкій Гер., перемышльскій пробощъ, 77.

Краснодубскій Лука, ксендзъ, 56.

Красовскій Иванъ, львовскій братчикъ, 463.

— **Лука**, преподаватель грамматики въ виленской коллегіи, 47.

Крачковскій Юл, цит. авторъ, 491. 520.

Крашевскій Іос., цитуемый авторъ, 8. 9. 20. 21 37. 42. 46. 49 54. 55. 56. 57. 58. 63. 87. 89. 90. 111. 153.

Кревза Левъ. архим. вилен. троицкаго монастыря, цит. авторъ, 270. 328. 497. 502. 509. 517. 519.

Крелль Іоаннъ, раковскій профессоръ, социніанскій писатель, цит. авт., 179. 181. 182.

Криспъ блаж., 65.

Кромеръ Мартинъ, польскій историкъ, 25. 63. 117. 437.

Крузій Мартинъ. тюбингенскій ученый, 219. 221 425 442. 452. 481.

Круповичъ, цит. авторъ, 162.

Крыжаничъ Юрій, ученый хорватъ (XVII ст.), 447.

Крыловскій А. С., цит. авт., 249. 274. 283 288. 291. 292. 297. 301 308. 318. 367. 377. 412. 421. 441. 461. 463. 469.

Крымскій А., цит. авт., 234.

Крышковскій Лаврентій, кальвинскій министръ, 163. 175.

Крыштофъ (Христофоръ), ректоръ львовской каѳедрал. школы, 304.

Крюгеръ, профессоръ вилен. академіи, 61.

Ксенофонтъ, греческій историкъ, 174. 308. 443.

Кудринскій Ѳ., цит. авт., 267.

Кузьмичъ Ивашко, бакаляръ холмской монастырской школы, 200.

Кулеша, цит. авторъ, 363.

Куликовская Александра, виленская игуменья, 394.

Кулишеръ, цитуемый авторъ, 523.

Кулишъ П., цитуемый авторъ, 41. 187. 218. 219. 231. 237. 238. 245. 280. 304. 322. 337. 382. 409. 410.

Кульва Авраамъ, основатель виленской лютеранской школы, кролевецкій профессоръ, 152.

Кульчинскій Игнатій, цитуемый авторъ, 511. 521.

Кунцевичъ Іосафатъ, полоцкій уніат. архіепископъ, 62. 63. 268. 275. 339. 396. 497. 506 508. 515. 516. 522.

Курбскій Андрей Михайловичъ, князь, цит. авт., 165. 175. 198. 202. 206. 209. 212. 213. 215. 216. 217. 218. 221. 222. 238. 239. 245. 270. 278. 413. 417. 419. 422. 428. 429. 445. 453. 454. 458.

Курцевичъ Іезекіиль, владимирскій и брестскій епископъ, 285. 370.

Курцій Руфъ, римскій историкъ, 32. 86. 96.

Л.

Лаврентій:
— кипрскій митрополитъ, 302.

— Зизаній—Тустановскій, см. Зизаній Лаврентій.

Лавровскій Н., цит. авт., 188. 189. 190. 202. 420. 427.

Лазовскій Ѳеодосій, епископъ луцкій и владимирскій, 226. 227. 237. 252. 369.

Лайнезъ Іаковъ, генералъ іезуитскаго ордена, 39. 42.

Ланѣвскій Францишекъ, 520.

Ласкарисъ:
— **Константинъ**, авторъ греческой грамматики, 220. 452. 483.

— **Яносъ (Іоаннъ)**, основатель греческой гимназіи въ Римѣ, 413. 480.

Ласковскій, студентъ виленской академіи, 58.

Лаурео Викентій, папскій нунцій въ Польшѣ, 485.

Лашкаревъ П., цит. авт., 347.

Лебедевъ:
— А. П., проф., цит. авт., 219. 412. 413.

— Ст., цит. авт., 410.

Лебедичъ Степанъ, виленскій бургомистръ, 456. 457.

Левицкій:
— **Іосифъ**, цит. авт., 447.

— **Орестъ**, цит. авт., 143. 163. 165. 197. 523.

Левъ:
— IX, папа, 484.

— X, папа, 480.

— сынъ императора Василія I, 272.

— князь, сынъ галицкаго короля Даніила, 192.

— епископъ смоленскій и черниговскій (уніатскій), 510.

Легеръ Антоній, цит. авт., 264. 265. 267.

Легранъ Эмиль, цит. авт., 264. 265. 266. 267. 268. 274. 306. 323. 357. 408. 481. 482. 484. 492. 493. 494.

Ледесма, іезуитъ, авторъ Катихизиса, 33.

Лединскій Ярошъ Каспоровичъ, 459.

Лелевель Іоакимъ, пол. историкъ, цит. авт., 206. 450. 453.

Леонидесъ Янъ, замостскій профессоръ, 130.

Леонидъ (Кавелинъ), архимандритъ, цит. авт., 239. 369. 399. 458.

Леоновичъ Ѳеофилъ, западнорусскій проповѣдникъ, 363. 366. 398. 401. 402. 427. 430. 437.

Леонтій:
— еп. ростовскій, 189.

— священноинокъ, 458.

— настоятель кіевскаго кириллова монастыря, 407.

Леонтовичъ Ѳ., проф., цит. авт., 189. 471. 475.

Леонтовичъ-Доруминъ Ѳеофанъ, старшій св.-духова вилен. монастыря, 211.

Леополита Янъ, издатель Библіи на польскомъ языкѣ, 174. 206.

Лепкій О., цит. авт., 224 452.

Леско панъ, житель Львова, 464.

Лещинскіе, дворянскій родъ, 161.

Лжедимитрій (Димитрій Самозванецъ), 70. 72. 88. 116. 166. 276. 370. 376. 489.

Либаній Юрій, краковскій профессоръ, 453.

Ливаній софистъ, 416.

Ливій Титъ, римскій историкъ, 85. 86. 96.

Лизманини, проповѣдникъ реформы въ Польшѣ, 145.

Ликовскій Эдуардъ, еп., цит. авт., 251. 255. 256. 454. 474. 503. 506. 507. 508. 514. 515. 516. 517.

Лилеевъ, цит. авт., 130.

Линчевскій М., цит. авт., 428. 441.

Липинскій Тим., цит. авт, 159. 273.

Липпомани, папскій нунцій въ Польшѣ, 145.

Лисевичъ, цит. авт., 207.

Листархъ Михаилъ (Гормодоръ), ректоръ константинопол. школы, 413.

Лихачевъ Ѳеодоръ, думный дьякъ, печатникъ и начальникъ посольскаго приказа, 384.

Лициній см. Намысловскій.

Лозка Стефанъ, мозырскій маршалокъ, 348.

Лойола Игнатій, основатель іезуитскаго ордена, 38. 79. 107.

Ломоносовъ М. В, 447.

Лонгиновъ Ар., цит. авт., 365.

Лоренцо Франко, итальянецъ, 106.

Лорихій Рейнардъ, писатель-педагогъ, 115.

Лотъ, 433.

Луговскій, лелевскій староста, 115.

Лука, м. бѣлградскій, 336.

Лукарисъ Кириллъ, патріархъ константинопольскій, 109. 211. 212. 222. 251. 253. 254. 255. 258. 264. 265. 266. 267. 274. 309. 310. 323. 324. 343. 352. 353. 359. 367. 387. 388. 391. 394. 407. 408. 470.

Лукашевичъ Іосифъ, цитуемый авторъ, 4. 5 6. 11 13. 14. 17, 18. 21. 23. 24. 26. 29. 30. 32. 33. 34. 35. 37. 40. 43. 44. 45 47. 48. 49. 50. 51. 53. 55. 56. 60. 65. 74. 76. 77. 78. 82. 83. 84. 85. 86. 87. 92. 94. 96. 97. 99. 100. 101. 106. 107. 108. 109. 118. 119. 121. 122. 123. 125. 127. 128. 129. 130. 132. 133. 134. 135. 137. 138. 139. 143. 146 149. 150. 151. 152. 154 156. 157. 158. 159. 160. 161. 163. 165. 172. 173. 174. 178. 179. 180. 182. 183. 213. 243. 245. 328. 438. 518.

— **Леславъ**, цитуемый авторъ, 17. 63. 120. 175. 437.

Лукіанъ (Самосатскій), философъ и ораторъ (II ст. по Р. Хр.), 85. 174. 307. 483.

Лукьяновичъ. цит. авт. 241. 242. 243. 244. 245. 246. 247. 248. 249. 250. 251. 252. 253. 258. 262

Лупула Василій, молдавскій господарь, 407. 408.

Лушковскій, слуга кн. Острожскаго, 211.

Лычанка Катерина, черница духовскаго монастыря въ Вильнѣ, 324.

Лэнчицкій Ник., сынъ вилен. типографа, 156.

Любартъ Гедиминовичъ, князь луцкій и владимирскій, 192. 193.

Люббертъ Зибрандъ, протестантскій писатель, 212. 231. 304. 380.

Любенецкій Станиславъ, социніанскій писатель, цитуемый авторъ, 71. 131. 143. 162. 165. 166. 175.

Любкеръ Фр., цитуемый авторъ, 85.

Любовичъ Н., цитуемый авторъ, 39. 40. 42. 46. 64. 65. 66. 69. 121. 126 143. 144. 145. 146. 148 151. 172. 215.

Любомирскій:
— **Станиславъ**, князь, 403.

— **Юрій**, 115

Лютеръ Мартинъ, реформаторъ, 6 7. 47. 81. 120. 143. 144. 151. 167. 168. 169. 171. 391.

Лэнчицкій Станиславъ, преподаватель полоцкой коллегіи, 67.

Лянкусъ Викентій, папскій легатъ въ Польшѣ, 121. 154.

Лятошъ (Лятосъ) Янъ, краковскій профессоръ, 241. 250. 273. 274.

М.

Маджіо, австрійско-польскій іезуитскій провинціалъ, 45. 46. 48.

Мазановичъ Павелъ, виленскій ксендзъ, 322.

Мазингъ, цитуемый авторъ, 30.

Май Янъ, вице-ректоръ паневецкой кальвинской школы, 161.

Макарій:

— **Великій (Египетскій)**, блаженный, 274. 275.

— антіохійскій патріархъ, 372. 373.

— кіевскій митрополитъ XVI в, 196. 422.

— **(Булгаковъ)**, митр., цит. авт., 187. 190. 192. 214 229. 235 243. 276. 279. 286. 293. 314 340. 348. 353. 358. 366. 369 370. 372. 381. 386. 390. 394. 395. 396 398. 399. 406. 407. 454. 456. 457. 488. 490. 517.

— архіепископъ елассонскій, 376.

— неизвѣстный западнорусскій писатель, 275.

— изъ Головчина, бакаляръ шкловской прав. школы, 371.

— игуменъ пинскаго монастыря, 368.

Максимовичъ М. А., цит. авторъ, 187. 198. 243. 249. 253. 260. 261. 276. 311. 346. 350. 382. 399.

Максимъ Валерій, римскій писатель, 307.

— **Исповѣдникъ**, церковный учитель, 484

— **Грекъ**, инокъ Аѳонской горы, жившій въ Москвѣ, писатель, 191. 217. 227. 240. 307. 308. 428. 449. 456. 470.

Макушевъ В., цитуемый авторъ, 25. 115. 151.

Маласпина, папскій нунцій въ Польшѣ, 22.

Малевичъ К., цит. авторъ, 497.

Малининъ В., цит. авторъ, 445.

Малиновскій Мих., цит. авторъ, 490. 491.

Малышевскій Ив., цит. авт., 143. 147. 176. 212. 219. 221. 222. 239. 245. 249. 258. 264. 267. 273. 274. 306. 310. 346. 409. 413. 425. 441. 481.

Мамоничи Козьма и Лука, вилен. типографы, 198. 218. 275 445. 454.

— **Лука**, типографъ и скарбникъ вел. княжества литовскаго, 283. 284.

Манассія, царь іудейскій, 449.

Мануилъ риторъ, 449.

Маргуартъ Іаковъ, іезуитъ, профессоръ богословія, 98.

Маргуній Максимъ (въ мірѣ Еммануилъ), кіевскій епископъ, 220. 264.

Марина Мнишекъ, жена Лжедимитрія, 373. 376.

Марицкій, цитуемый авторъ, 17.

Маркевичъ Н., цитуемый авторъ, 15.

Марковъ Вл., цит. авторъ, 90. 102.

Маркъ:
— евангелистъ, 267.

— митрополитъ ефесскій, 484.

Мартинъ:

ректоръ перемышльской каѳедральной школы, 14.

— изъ Душниковъ, виленскій каноникъ, 9.

Мартыновъ И., іез., цит. авт., 263. 271. 391.

Марціалъ Валерій, римскій поэтъ эпиграммистъ, 96.

Марципоръ, ректоръ вилен. лютер. школы, 153.

Масальскій: Вацлавъ,
— **Георгій**, 283.

— **Ѳ.**, кн., 331.

Матвѣй:
— **Бритскій**, 413.

— монахъ, учитель трикѣской школы, 412.

— виленскій іерей, 201.

Мацѣевскій:
— **Вацлавъ**, цитуемый авторъ, 6. 29. 35. 128. 130. 131. 132. 138. 139. 174. 175. 333. 391. 393. 402. 403. 404. 453.

— **Бернардъ**, луцкій и краковскій католическій епископъ, впослѣдствіи гнѣзненскій архіепископъ, 15. 69. 74. 78. 274. 334. 492. 493

Медвѣцкій, виленскій мѣщанинъ, 58.

Мезгеръ, цитуемый авторъ, 87. 91. 122

Меланхтонъ Филиппъ, реформаторъ, 7. 81. 82. 144. 169. 452.

Мелетій:
— антіохійскій патріархъ, 302.

— **Пигасъ**, константиноп. патріархъ, см. Пигасъ.

— **Смотрицкій**, см. Смотрицкій М.

Мелецкій, 12.

Мелецкій Николай, подольскій воевода и хмѣльницкій староста, 163.

Мелешко:
— **Авраамъ**, 283.

— **Иванъ**, смоленскій каштелянъ, 207.

— **Янъ**, 55.

Мелешковичъ (Мелешко) Ѳеодоръ, ректоръ владимирской уніат. школы, послѣ — холмскій епископъ, 495. 512.

Мемлевичъ Яковъ, учитель кіев. братской школы, 355.

Мемората Анна, польская поэтесса, 151.

Мехержинскій Карлъ, цитуемый авторъ, 61. 437 471.

Меѳодій меленикскій, 413.

Микуличъ Герасимъ, игуменъ черницкаго монастыря, 342. 344.

Милецкій (Милецыусъ) Симонъ, докторъ философіи, 45.

Миловидовъ А., цит. авт., 320. 368.

Мина, типографъ львов. братства, 294.

Миндоній Леонардъ, хіосскій врачъ, 220.

Миропольскій С., цит. авт., 188. 189. 190. 192. 202. 449. 476.

Мирскій Севастьянъ, браславскій земскій судья, 372.

Мирославскій:
— **Аѳанасій**, б. владѣлецъ рукописной книги, цитуемой подъ его именемъ, 235. 261. 327. 329. 345. 363. 366. 367. 371. 389. 394. 396. 398. 400. 401. 405. 430. 437. 461. 462.

— **Самуилъ**, ректоръ кіевской академіи, 353.

Митрофанъ, лѣтописецъ пинскій, 189.

Митура Александръ, львовскій братскій учитель, 351.

Митуричъ Дмитрій, уставникъ и бакалярь туровскій, 199.

Михаилъ Ѳеодоровичъ, царь, 355. 376. 377. 386.

Михаилъ Корибутъ Вишневецкій, король польскій, 139.

Михаилъ:
— учитель виленской каѳедральной школы, 10.

— баккалавръ перемышльской каѳедральной школы, 14.

Михайловичъ Тимоѳей, острожскій дѣятель, 275.

Михалонъ Литвинъ, цитуемый авторъ, 28.

Михневичъ Іосафатъ, супрасльскій уніат. архимандритъ, 520.

Могила:
— **Петръ**, кіевскій митрополитъ, 165. 211. 351. 357. 358. 359 360. 361. 362. 363. 365. 366. 387. 389. 390. 398. 399. 402. 405. 406. 407. 408. 415. 430. 434. 435.

— **Симеонъ**, молдавскій господарь, отецъ Петра Могилы, 373.

Модестъ архим., 497.

Модржевскій Андрей, польскій публицистъ XVI ст., 17. 115. 117.

Моисей, 473.

Молиторъ Ѳеофилъ, ректоръ гощской социніанской школы, 166.

Моллеръ Кириакъ, учитель вилен. кальв. гимназіи, 159.

Молчановъ, цит. авт., 399.

Монегинъ Бернардъ, замостскій профессоръ, 130.

Моравинскій, 12.

Мордовцевъ Дан., цитуемый авторъ, 476.

Мороховскій Илія (въ монашествѣ Іоакимъ), королевскій секретарь, послѣ владимирскій уніат. епископъ, цит. авторъ, 212. 392. 495. 509. 510. 512. 515. 522.

Морштинъ, виленскій купецъ, 152.

Москопулъ, грекъ, 255. 256.

Мотовилло, западнорусскій еретикъ, 212. 238. 241.

Мошкоровскій Іеронимъ, социніанскій писатель, 180. 181.

Мстиславецъ Петръ Тимоѳеевъ, московскій первопечатникъ, 198. 216. 239.

Мужиловскій Андрей, слуцкій протопопъ, цитуемый авторъ, 384. 393. 394. 397. 408. 427.

Музоній Андрей, ректоръ слуцкой кальвинской гимназіи, 160.

Муканте, секретарь нунція Гаетана, 25.

Муравьевъ А., цит. авт., 220. 221.

Муретъ Маркъ Антоній, профессоръ вилен. академіи, 62.

Мухаммедъ ибнъ-Муза Альхваризми, авторъ арабской ариѳметики, 30.

Мучковскій Іос., цитуемый авторъ, 8. 24. 197.

Мышковскій:
— **Петръ**, краковскій епископъ, 118.

— **Петръ**, люблинскій каштелянъ, 115.

Н.

Навинъ Іисусъ, 234.

Налевайко Северинъ, предводитель казацкаго возстанія, 271. 272.

Намысловскій Іоаннъ Лициній, новгородскій пасторъ и ректоръ социн. школъ, 147. 175.

Нарамовскій, іезуитъ, историкъ, 58.

Нарбуттъ:
— **Войтѣхъ**, кіевскій католич. епископъ, 15.

— **Ѳеод.**, цитуемый авторъ, 36. 37. 45. 58. 120. 152. 153.

Нарушевичи, дворянская фамилія, 146.

Нарушевичъ Янъ, виленскій домовладѣлецъ, 319. 320.

Насѣдка Иванъ, московскій книжный справщикъ, 386.

Неандеръ Михаилъ, нѣмецкій педагогъ, 81. 169.

Невоструевъ К. И., цит. авт., 428. 445.

Негалевскій Валентинъ, социніанинъ переводчикъ Н. Завѣта на малорос. нарѣчіе, 176.

Негребецкій Павелъ, воспитанникъ, львовской школы, цит. авт., 308.

Немиричъ Юрій, социн. писатель, 175. 176.

Немоевскій Янъ, кальвинскій богословъ, 215.

Непотъ Корнелій, римскій историкъ, 84. 96.

Нерцъ, виленскій переплетчикъ, 325.

Несторъ, лѣтописецъ, цит. авт., 189.

— греческій герой, 434.

Нестерецъ (Несторъ), дьякъ западнорусскій, 196.

Никифоръ:
— **Григора**, греческій историкъ, 307.

— цареградскій патріархъ, 229.

— протосингелъ конст. патріарха Іереміи II, 222.

— острожскій учитель, 265.

— грекъ, протосингелъ констант. патріарха, 131 247. 251. 255. 258. 266. 267. 268. 269. 338.

— чернецъ вилен. братскаго монастыря и учитель братской школы, 323.

Никлевичъ Симонъ, ректоръ вилен. коллегіи, 61.

Никодимъ архим., цитуемый авторъ, 480.

Николай:

— мирликійскій свят., 203. 332.

— изъ Конаровъ, магистръ львовской каѳедр. школы, 11.

— архимандритъ супрасльскій, цитуемый авторъ, 521.

Никольскій А., цит. авт., 271.

Никонъ Черногорецъ, писатель, 261. 307. 449.

Нилъ, архіеп. солунскій, 218.

Новакъ Николай, учитель минской уніат. школы, 501.

Новицкій И., цит. авт., 348.

Носковскій Андрей, плоцкій католич. епископъ, 39. 40.

Нѣмцевичъ Янъ, цит. авторъ, 127. 131.

Нѣсецкій К., цит. авт., 242. 247.

О.

Оболенскій Мих., кн., 217.

Обухъ Андрей, кіевскій земянинъ, 347.

Овидій Назонъ, римскій поэтъ, 26. 85. 96. 114. 307. 308.

Огинскіе, княжеская фамилія, 146. 369.

Огинская:
— **Анна Богдановна**, 372.

— **Варвара**, жена М. Шемета, виленскаго подкоморія, 371.

— **Раина Воловичовна**, жена Богдана Огинскаго, 371. 372.

Огинскій Богданъ кн., троцкій подкоморій, 323. 328. 371. 402. 470. 474.

— **Янъ Богдановичъ**, 340. 341.

Оглоблинъ, цит. авт., 306. 374. 375. 376. 450.

Одерборнъ Павелъ, лютеранскій проповѣдникъ, цит. авт, 200. 203. 246.

Одровонжовая Софія, основательница ярославской коллегіи, 64.

Одровонжъ Станиславъ, владѣлецъ г. Ярослава, 21. 35.

Озиминскій Балтазаръ, студентъ вилен. академіи, 88.

Оксеновичъ-Старушичъ Игнатій, ректоръ кіево-могилянской коллегіи, 358. 407.

Олесницкіе, Самуилъ и Николай, владѣльцы г. Хмѣльника, 163.

Ольшевскій Фирсъ, педагогъ князя Огинскаго, 323. 469.

Онацевичъ З., цитуемый авторъ (издатель сочиненія Альбертранди), 49. 50.

Онисимовъ Григорій, книжный справщикъ въ Москвѣ, 384.

Онисифоръ митр., см. **Дѣвочка Онисифоръ**.

Оньковъ Богданъ, виленскій житель, 198.

Оранскій-Война Пахомій, жидичинскій уніат. архимандритъ, послѣ епископъ пинскій и туровскій, цит. авт., 403. 509.

Оржѣховскій Станиславъ, краковскій каноникъ, польскій писатель, 115. 117. 163. 174. 206.

Оросій, католическій проповѣдникъ, 436.

Ортицъ Михаилъ, ректоръ вилен. коллегіи, 61.

Ортизій (Ортицъ) Іаковъ, виленскій іезуитскій профессоръ, 62. 98.

Ортологъ Ѳеофилъ, псевдонимъ М. Смотрицкаго, 270. 391. 392. 415.

Орѣховскій Варѳоломей, іезуитскій питомецъ, поэтъ, 63.

Освѣцимскій Янъ, каноникъ, краковскій профессоръ и ректоръ, 29.

Оссолинскіе, 431.

Оссолинскій Іос., цитуемый авторъ, 36. 37.

Остородтъ Христофоръ, социніанскій писатель, 181. 182.

Острожикъ:
— Захарій, ректоръ холмской уніат. школы, 505. 522.

— Ѳеодоръ, слуга м. Рутскаго, 505.

Острожскіе:
— Константинъ Ивановичъ, гетманъ литовскій, 198. 241. 242. 244.

— Константинъ—Василій Константиновичъ, кіевскій воевода, маршалокъ волынскій и староста владимирскій, 131. 162. 166. 199. 211. 212. 213. 218. 221. 222. 227. 234. 237. 238. 239. 240. 241. 242. 243. 245. 246. 247. 248. 249. 250. 251. 252. 253. 254. 255. 256. 257. 258. 259. 260. 261, 262. 263. 264. 265. 266. 267. 268. 269. 272. 273. 277. 278. 282. 288. 294 296. 303. 305. 316. 322. 334. 346. 351. 369. 378. 380. 382. 391. 417. 419. 444. 507.

— Александръ, сынъ Кон—на Кон—ча, 65. 242. 244. 248. 253. 269. 382.

— Константинъ, сынъ Кон—на Кон—ча, 65. 242.

— Янушъ, сынъ кн. Кон—на Кон—ча, 77. 242. 244. 248. 251. 260.

Острожская Анна Костковая, супруга кн. Александра, 65. 77. 382.

— Беата (Косцелецкая), супруга кн. Ильи Константиновича Острожскаго, 21.

Отвиновскій Эразмъ, социніанскій поэтъ, 175.

Оттманъ Рудольфъ, цитуемый авторъ, 115.

П.

Пабіановскій Самуилъ, учитель любартовской социніанской школы, 164.

Павелъ:
— апостолъ, 6. 7. 23. 173. 234. 274. 294. 308. 383. 419. 422. 465.

— Самосатскій, еретикъ, 238.

— III, римскій папа, 38.

— V, папа, 129. 501. 502 506. 517.

— баккалавръ перемышльской каѳедральной школы, 14.

— Гольшанскій, виленскій католич. епископъ, 9. 21. 152.

— еп. далматскій, 336.

— могилевскій братскій бакалярь, 341.

— Алепискій, архидіаконъ, сынъ антіохійскаго патріарха Макарія, цитуемый авторъ, 372. 373.

Павинскій Адольфъ, цитуемый авторъ, 6. 7.

Пансій:
— еп. дирахійскій, 374.

— еп., см. Ипполитовичъ Пансій.

Пакоста Аѳанасій, минскій уніат. архимандритъ, послѣ холмскій епископъ, 335. 495. 501.

Палама, см. Григорій Палама.

Палеологъ:
— Діонисій, грекъ, 251.

— монахъ, 255. 256.

Палюдій Соломонъ, ректоръ гощской социніан. школы, 166.

Панковичъ Василій, перемышльскій мѣщанинъ, 364.

Пападополи Николай Комненъ, цитуемый авторъ, 509.

Панковъ А., цит. авт., 276.

Панроцкій:
— **Варѳоломей**, іезуитъ, 97. 98.

— **Франц.**, іезуитъ, историкъ, 80.

Парвовъ, цитуемый авторъ, 501.

Паркосскій Яковъ, ректоръ краковской академіи, 175.

Парѳеновичъ Іоаннъ, виленскій соборный протопопъ и митрополичій намѣстникъ, 379.

Паули Григорій, краковскій социніанскій пасторъ и сеніоръ, 180.

Пафнутій грекъ, 268.

Пафнутій, іеромонахъ, львовскій братскій переводчикъ, 309.

Пафнутій, аѳонскій старецъ, 235.

Пацы, литовская дворянская фамилія, 146.

Пацъ Николай, епископъ жмудскій, 56. 123. 124.

Пацевскій, священникъ, учитель кіевомогилянской коллегіи, 363.

П(ашкеви)чъ М., цит. авт., 314.

Пекарскій П., цит. авт., 434.

Пекнорзецкій Іосифъ (псевдонимъ Шембека Фридриха), цитуемый авторъ, 40. 77. 90. 109. 110. 117. 120.

Пелешъ Юліанъ, цитуемый авторъ, 3. 256. 282. 286. 391. 490. 512. 514. 516. 518.

Пельцель Самуилъ, учитель паневецкой кальв. школы, 161.

Пельчицкій Леонтій, холмскій правосл. епископъ, 226.

Пелясъ Флоріанъ, королевскій пажъ, 320.

Пенацкій Педіанъ, докторъ, учитель львовской каѳедр. школы, 13.

Пенатій Ст., учитель львовской каѳедр. школы, 13.

Пенкальскій Симонъ, цит. авт., 253. 254.

Периклъ, аѳинскій полководецъ и государственный дѣятель, 434.

Перлицкій кс., оффиціалъ львовской капитулы, 304.

Перлштейнъ, цит. авт., 255. 342.

Перлицкій, докторъ, учитель львовской каѳедр. школы, 13.

Пероговскій Вас., цит. авторъ, 78.

Петкевичъ:
— **Юрій**, жмудскій католич. епископъ, 123. 124.

— **Петръ**, ксендзъ, 123.

Петрижицкій Иванъ, гетманъ запорожскій, 362.

Петровъ Н., проф., цит. авт., 196. 204. 242. 254. 255. 353. 367. 399. 401. 408. 499. 520.

Петръ:
— апостолъ, 234.

— московскій митрополитъ, 190 192. 420.

— **Могила**, см. Могила Петръ.

Петрушевичъ А. С., цит. авт., 239 288. 291. 293. 303.

Пеховичъ (Пеховскій) Симонъ, профессоръ замостской академіи, 131. 132. 139.

Пигасъ (Пига) Мелетій, антіохійскій, потомъ константинопольскій патріархъ, 221. 222. 235. 249. 258. 259. 264. 265. 266. 267. 306. 370. 376. 387. 441. 456.

Пій:
— **IV**, папа, 34, 38. 214.

— **V**, папа, 38.

Пиндаръ, греческій лирическій поэтъ, 87. 308.

Пиравскій, цитуемый авторъ, 12.

Пирлингъ П О., цитуемый авторъ, 65. 66. 126. 485. 488. 492.

Пихлеръ Алоизій, цит. авт., 264. 267.

Пиѳагоръ философъ, 182.

Плавтъ, римскій поэтъ-драматургъ, 82.

Плануди Максимъ, греческій монахъ (XIV в), писавшій противъ латинянъ, 434.

Платонъ:
— греческій философъ, 86. 87. 126. 131. 182. 232. 234. 235. 308. 414. 429.

— митр. московскій, 358.

Плетенецкій Елисей, кіево-печерскій архимандритъ, 350. 351. 383. 389. 434. 497.

Площанскій, цитуемый авторъ, 21. 35.

Плутархъ, греческій историкъ, 25. 26. 86. 307. 308. 443. 449.

Погодинъ М. П., цит. авт., 230.

Подвысоцкій, острожскій священникъ, 261, 400.

Полетаевъ Н., цит. авт., 189.

Полубенскій Алекс. Иван., кн., новгородскій каштелянъ, 321. 322.

Полумерковичъ Стефанъ, западнорусскій авторъ-панегиристъ, 434.

Помпей, римскій полководецъ и тріумвиръ, 434.

Попель Павелъ, бакаляръ могилевской прав. школы, 340. 466.

Поповъ А. Н., цит авторъ, 188. 196. 216. 218. 428. 445. 454.

Порфирій:
— языческій философъ и риторъ (III ст. по Р. Х.), 139. 265. 483.

— (Успенскій), еп., цит. авт., 229.

Поссевинъ Антоній, іезуитъ, папскій посолъ и цитуемый авторъ, 65. 104. 127. 214. 227. 243. 246. 248. 251. 257. 454. 485. 486. 487. 488. 521.

Потебня А. Ао., ученый филологъ, 445.

Потоцкій Янъ (Іоаннъ), брацлавскій воевода и каменец. староста, 161.

Потѣй Ипатій (Адамъ), брестскій каштелянъ, послѣ—брестскій уніатскій епископъ и митрополитъ, 162. 200. 213. 219. 222 226. 244. 245. 246. 258. 268. 270. 271. 272. 322. 325. 333. 334. 348. 366. 369. 379. 479. 491. 492. 493. 494. 495. 496. 497. 499. 500. 501. 502. 503. 513. 514. 516. 521.

Потѣй Христофоръ, сынъ Ипатія, 348.

Почаповскій Іеремія, епископъ луцкій и острожскій (уніатскій), 509. 510.

Почаскій Софроній, профессоръ кіевской лаврской школы, ректоръ могилянской коллегіи, ясскій игуменъ, 358. 359. 360. 405. 407. 408. 434.

Поэтивинскій Іоаннъ, учитель любартовской социніанской школы, 165.

Поюанъ Бонав., цит. авт., 119. 121. 125.

Предримерскій Александръ, учитель новгородской уніат. школы, 501.

Пржерембскій Янъ, гнѣзненскій архіепископъ, польскій примасъ, 13.

Проклъ, философъ-неоплатоникъ, астрономъ, математикъ и грамматикъ, 131.

Пронскіе, княжескій родъ, 146.

Проперцій, римскій поэтъ, 85. 96.

Протасевичъ-Сушковскій Валеріанъ, виленскій катол. епископъ, 9. 10. 42. 43. 44. 45. 46. 47. 48. 49. 50. 51. 52. 53. 54. 56. 57. 121. 154.

Прохаска Ант., цитуемый авторъ, 23.

Прохницкій Іоаннъ Андрей, каменецъ-подольскій епископъ, послѣ львовскій катол. архіепископъ, 74. 76.

Прохоръ, еп. ростовскій, 192.

Прусскій Симонъ, іезуитъ, 517.

Пршыалговскій Викентій, цитуемый авторъ, 6. 10. 21. 22. 23. 34.

Пселлъ Михаилъ, философъ и математикъ, 438.

Пташицкій Ст., цит. авт., 239.

Пузины, дворянская фамилія, 146.

Пыпинъ А. Н., цит. авт., 414.

Пясецкій Пав., цит. авт., 145.

Р.

Рагоза Михаилъ, уніатскій митрополитъ, 188. 206. 207. 211. 271. 281. 282. 290. 291. 296. 297. 298. 300. 302. 303. 310. 314. 317. 322. 324. 364. 365. 366. 377. 378. 381. 432. 436. 441. 490. 491. 496.

Радивиллы, литовская княжеская фамилія, 22.

Радивиллъ:
— **Николай (Черный)**, князь олыкскій и несвижскій, виленскій воевода и литовскій канцлеръ († 1565), 42. 57. 153. 154. 176. 245.

— **Юрій**, сынъ Николая Чернаго, виленскій коадъюторъ, послѣ—кардиналъ († 1600), 43. 57. 60. 70. 116. 121. 122. 154. 156.

— **Николай Христофоръ (Сиротка)**, сынъ Николая Чернаго, князь на Олыкѣ и Несвижѣ, воевода трокскій и виленскій († 1616), 45. 48 56. 63. 71. 72. 76. 78. 97. 116. 121. 154. 155. 172. 246. 259. 275.

— **Станиславъ**, владѣлецъ Олыки, староста жмудскій, сынъ Николая Чернаго († 1599), 15. 16. 52.

— **Альбертъ (Альбрехтъ)**, сынъ Станислава, владѣлецъ Олыки, литовскій канцлеръ († 1656), 16. 17. 78. 368. 369.

— **Николай Рыжій**, виленскій воевода и литовскій канцлеръ († 1588), 49. 154. 155. 159. 176. 245.

— **Христофоръ**, сынъ Николая Рыжаго, виленскій воевода и литовскій гетманъ († 1603), 211. 272.

— **Христофоръ**, второй сынъ Христофора, польный гетманъ литовскій, виленскій воевода, князь на Слуцкѣ, Биржахъ и Дубинкахъ († 1640), 159. 160. 176. 211. 355.

— **Анна**, жена его, изъ рода Кишекъ, 160.

— **Янъ**, сынъ Христофора и Анны, вел. гетманъ литовскій 1656), 174.

— **Янъ Христоферъ**, сынъ Христофора и его второй жены Екатерины Острожской, князь на Биржахъ и Дубинкахъ, подчашій литовскій и каштелянъ виленской († 1620), 157. 159.

— **Войтѣхъ**, сынъ Яна, 159.

Радко, проповѣдникъ могилевскаго братства, 338.

Радошевскій Богуславъ, кіевскій католич. епископъ, 77.

Радошинскій Георгій, ковенскій земскій судья, 283.

Радрузіанъ Михаилъ, учитель краснославской каѳедральной школы, красноставскій оффиціалъ, 14.

Раецкій, луцкій шляхтичъ, 342.

Разій Адамъ, ректоръ биржанской кальвинской гимназіи, 159.

Рангони, папскій нунцій, 72.

Раумеръ Карлъ, цит. авт., 80. 81. 82. 87. 92. 94. 95. 106. 167. 168.

Рафаилъ Мартинъ, цит. авторъ, 484. 508. 509. 511. 513.

Рафальскій Лука, цит. авт., 261.

Ревера Станиславъ, владѣлецъ им. Наневцы, 161.

Регенвольскій Адр., см. **Венгерскій**.

Рей Николай изъ Нагловицъ, польскій поэтъ и писатель, 114. 206. 437.

Рейнгольдъ Адамъ, ректоръ слуцкой кальв. гимназіи, 160.

Рейхлинъ Іоаннъ, извѣстный гуманистъ, авторъ первой еврейской грамматики, 167.

Ржетельскій Войтѣхъ, учитель виленской братской школы, 328.

Ржеховскій Мартинъ, авторъ, 73.

Ржечицкій Юрій, староста уржендовскій, 179.

Рий Филонъ, ученикъ луцкой братской школы, 342.

Риневицкій Іаковъ, ректоръ киселинской школы, 175.

Робертъ Стефанъ, издатель, 173. 177.

Рогатинецъ:
— **Юрій**, львовскій братчикъ и цитуемый авторъ, 188. 231. 249. 273. 284. 294. 295. 305. 322.

— **Иванъ**, братъ Юрія, 234. 295. 463.

Роговскій Палладій, докторъ богословія, учитель заиконоспасской славяно-греколатинской академіи, 407.

Родецкій Алекс., раковскій типографъ, 40.

Родосскій Ал., цит. авт., 176.

Розенъ Гаврінлъ, львовскій шляхтичъ, 12.

Розумскій Бенедиктъ, ректоръ виленской кальвинской гимназіи, 158.

Розэій Петръ, виленскій архидіаконъ, начальникъ юридической школы, 36. 37. 46.

Роотганъ Янъ, генералъ іезуитскаго ордена, 80.

Ростовскій Станиславъ, іез., цитуемый авторъ, 22. 41. 45. 46. 47. 48. 52. 53. 54. 58. 59. 60. 63. 66. 67. 68. 69. 71. 72. 77. 78. 89. 117. 144. 152. 153. 154. 155. 156. 488.

Росцій Генрихъ, учитель любартовской социн. школы, 165.

Росцѣшевскій, см. **Боболя**.

Ротундъ-Милезій (или Мелескій) Августинъ, докторъ права, виленскій войтъ и королевскій секретарь, 37. 40. 44. 45. 58. 112. 238.

Руаръ Мартинъ, раковскій профессоръ, 179.

Рубанъ В., цит. авт., 353.

Руджіери Фульвій, папскій нунцій въ Польшѣ, 151.

Руджіери Юлій, папскій нунцій въ Польшѣ, 44. 148.

Рудольфъ, императоръ германскій, 487.

Рузкевичъ, львовскій братскій учитель, 441. 461. 463. 467. 468. 469. 470. 471.

Рункевичъ Ст., цит. авт., 327.

Ружинскій Кирикъ, кн., 305.

Руссовскій Геласій, архимандритъ виленъ. троицкаго монастыря, 515.

Рутка, іез., писатель, 406. 455.

Рутскій Іоспфъ-Вельяминъ, уніат митрополитъ, 75. 219. 246. 259. 330. 336. 347. 352. 381. 396. 426. 493. 495. 497. 498. 499. 500. 501. 502. 503. 504. 505. 506. 507. 509. 510. 511. 512. 513. 515. 516. 517. 518. 520. 521. 522.

Рымша Андрей, западнорусскій писатель, 252. 275.

Рыпинскій Ѳеофанъ, полоцкій православный архіепископъ, 66. 67.

С.

Сабеликусъ, неизвѣстный историкъ, 307.

Сава, львовскій братскій «педагогъ», 469.

Савинскій Авраамъ, холмскій еврей, 505. 522.

Савицкій:
— **Каспаръ**, профессоръ вилен. академіи, духовникъ Марины Мнишекъ, цитуемый авторъ (писавшій, между прочимъ. подъ псевдонимомъ **Цихоцкаго**), 62. 111. 120. 164.

Сагайдачный Петръ Конашевичъ, гетманъ запорожскій, 253. 261. 275. 311. 353. 354. 403. 407. 431. 433. 434. 462.

Саковичъ Кассіанъ (Каллистъ), ректоръ кіевской братской школы, 140. 253. 275. 352. 354. 355. 357. 360. 367. 393. 394. 395. 396. 402. 403. 404. 426. 431. 433. 434. 437. 438. 462. 513. 514. 519. 523. 524.

Сакро Бусто Іоаннъ, см. **Іоаннъ Сакро-Бусто**.

Саллюстій, историкъ, 32. 85. 86. 96 483.

Самаринъ Ю. Ѳ., цитуемый авторъ, 110.

Самборчикъ-Вигилянцій Григорій, краковскій профессоръ, польско-латинскій поэтъ, 22.

Самсонъ, 473.

Самуилъ Литвинъ, учитель могилевской соборной школы, 356

Сангушко Ѳеодоръ Андреевичъ, князь, 196.

Сапуновъ, цитуемый авторъ, 68.

Сапѣги, литовская дворянская фамилія, 22. 146.

Сапѣга:
— **Богданъ Павловичъ**, смоленскій каштелянъ, минскій воевода, 278. 283. 314 317. 318.

— **Аполлонія**, его жена (урожденная Друцкая-Соколинская), 317.

— **Павелъ**, сынъ, 318.

— Левъ, литовскій канцлеръ. 51. 52. 72. 157. 268. 275. 340. 373. 492. 496. 508.

Сарбѣвскій Мацѣй Казимиръ, профессоръ вилен. академіи и поэтъ, 62. 63.

Сарыгозинъ Маркъ, московскій бѣглецъ, слуга кн. Слуцкаго, 217.

Сата К., цитуемый авторъ, 220. 299. 376. 411. 413. 424.

Сафанъ, писецъ во времена царя Іосіи, 250.

Свѣчковичъ Лаврентій, учитель львовской каѳедр. школы, 13.

Святославъ Ярославичъ, вел. князь, 430.

Северино, кардиналъ, 481.

Седовскій Іаковъ, львовянинъ, 435.

Секлюціанъ Янъ, авторъ протестантскаго катихизиса, 144. 171.

Селява—см. **Антоній Селява**.

Семекъ (Siemek) **Каспаръ**, краковскій профессоръ философіи и математики, цитуемый авторъ, 5.

Семеновичъ Иванъ, священникъ виленскаго братства, 325.

Сендульскій Ап., свящ., цитуем. авторъ, 257. 274.

Сенека, римскій философъ, 7. 182.

Сенчило (или Сенчиловичъ) Самуилъ, виленскій троицкій архимандритъ, 496. 499. 516. 519.

Сергій:

— преп., 376.

— епископъ микачоскій и мароморитскій (?), 336.

— архим., цитуемый авторъ, см. также **Соколовъ**, 409.

Сестренцевичъ Петръ, ректоръ вилен. кальв. гимназіи, 158. 159.

Сехиній Янъ, профессоръ и ректоръ замостской академіи, 132.

Сигизмундъ:

— I, король польскій. 21. 56. 144. 225.

— II Августъ, король польскій, 10. 28. 36. 37. 39. 42. 47 .56. 145. 199.. 204. 240. 287. 311.

— III, король польскій, 40. 41. 56 59. 60. 61. 78. 88. 116. 150. 155. 192. 225. 268. 281. 286. 303. 311. 319. 320. 325. 332. 338. 355. 365. 396. 491. 492. 493. 500. 513.

Сигонъ Карлъ, издатель Аристотеля, 29.

Сидицино, филологъ-латинистъ, 483.

Сидоровичъ Ѳедоръ, львовскій братскій учитель, 309. 462.

Сикстъ:

— V, папа, 103. 118.

— Эразмъ, львовскій мѣщанинъ, 74.

Сила, священникъ, сотрудникъ кн. Курбскаго, 218.

Силиніусъ Іеремія, ректоръ слуцкой кальвинской гимназіи, 160.

Сильванъ, ученикъ Максима грека, 240.

Сильвестръ:

— александрійскій патріархъ, 221. 229.

— **Бѣлькевичъ**, кіевскій митрополитъ, 198.

— **Коссовъ**, митр., см. **Коссовъ Сильвестръ**.

— іеродіаконъ, типографъ, 457.

Симашкевичъ М, цитуемый авторъ, 23. 76. 163.

Симеонъ:

— полоцкій епископъ, 229.

— львовскій братскій священникъ, 301.

— изъ Буйничъ, учитель, 356.

— дубецкій дьякъ, 370.

Симонетти Фолиньо, епископъ, папскій нунцій въ Польшѣ, 121. 498.

Симоновичъ Симонъ, профессоръ замостской академіи, 129. 138.

Симонъ:

— московскій митрополитъ, 190. 202.

— слуга смоленской воеводини, 323.

Синезій, 86.

Спрахъ, 448. 449. 470. 471.

Сиръ Публилій (мимъ), римскій писатель и актеръ, 24.

Сиховскій:
— Іоаннъ, священникъ львовскій, 421. 463 465.

— Лазарь, ученикъ львовской братской школы, 463.

Скабалановичъ Н., цит. авт., 212. 273. 278. 391. 427. 494.

Скарга Петръ, ректоръ виленской коллегіи, цитуемый авторъ, 6. 43. 47. 56. 61. 62. 64. 66 67. 94. 114. 120. 150. 164. 200. 209. 214. 216. 219. 227. 238. 241. 248. 249. 251. 257. 267. 273. 278. 392. 417. 418. 437. 454.

Скорина:
— Францискъ, издатель Библіи, 197. 198. 202. 203. 234. 239. 307. 407. 424. 450.

— Алхимъ и его сынъ Сава, подданные полоцкаго архіепископа, 197.

Скобельскій, цитуемый авторъ, 293.

Скуминъ Ѳеодоръ, новгородскій воевода, виленскій братчикъ, 211. 278. 283. 296. 302. 303. 314. 315. 318. 462.

Сливовъ И., цитуемый авторъ, 122. 453.

Слуцкій:
— Юрій Юрьевичъ Олельковичъ, отецъ, князь, 217. 243. 278.

— Юрій Юрьевичъ, сынъ, князь, 159.

Смера Иванъ, мнимый авторъ подложнаго письма къ кн. Владимиру, 176.

Смитъ Ѳома, цитуемый авторъ, 264. 265. 267. 268. 323.

Смирновъ С., прот, цитуемый авторъ, 407.

Смогоржевскій Іасонъ, полоцкій уніатскій архіепископъ, послѣ митрополитъ, 254.

Смотрицкій:

— Герасимъ Даниловичъ, острожскій дѣятель, 204. 205. 215. 244 245. 246. 253. 254. 257. 262. 263. 264. 390.

— Мелетій (Максимъ), братскій педагогъ, послѣ полоцкій архіепископъ, 165. 195. 203. 212. 213. 226. 230. 244. 248. 253. 262. 263. 264. 270. 271. 273. 277. 304. 325. 328. 329 330. 354. 355. 357. 371. 373. 381. 382. 384 390. 391—7. 398. 402. 403. 405. 420. 421. 430. 432. 436. 442. 447. 448. 452. 453. 476. 508. 519. 523.

Сниглетонъ Ричардъ, профессоръ виленской академіи, 60.

Соболевскій А., проф., цит. авт., 195. 272. 346. 350. 355. 395. 417. 437. 459.

Соболь Спиридонъ, западнорусскій типографъ, 372. 390. 449.

Собѣсскій Яковъ, красноставскій староста, 23.

Соколовскій:
— Бартошъ, владимирскій шляхтичъ, 495. 522.

— Іоаннъ, учитель любартовской социніанской школы, 164.

— краковскій ксендзъ, 118.

— домашній учитель Стеткевичей, 357.

Соколовъ:
— Ив. (въ монашествѣ Сергій, архим. и епископъ), цит. авт., 143. 161. 162. 165. 187. 254. 255. 409. 410.

— Пл., цит. авт., 224.

Сократъ, греческій философъ, 85.

Солдатенковъ, владѣлецъ собранія старопечатныхъ книгъ, 458.

Соликовскій Янъ Димитрій, королевскій секретарь, львовскій катол. архіепископъ и цитуемый авторъ, 14. 41. 48. 49. 50. 73. 267.

Соловьевъ С. М., цит. авт., 268. 278. 279. 390. 406. 489.

Соломи(е)рецкіе, дворянская фамилія, 304. 391.

Соломи(е)рецкая:
— Ева, супруга кн. Богдана Ивановича Соломирецкаго, урожденная Корсакъ, 340.

— Регина или Раина (Ирина), урожденная Гойская, владѣлица Гощи (острожскаго повѣта), 166. 367.

Соломирецкій:
— **Богданъ (Исаакій) Богдановичъ**, воспитанникъ Л. Зизанія и М. Смотрицкаго, 304. 371. 382.

— его сестра **Елена**, супруга Богд. Стеткевича, 371.

Соломонъ, 23. 234. 448. 473.

Солтановичъ Александръ, шляхтичъ логойскаго повѣта, 201.

Солтанъ:
— **Іосифъ**, кіевскій митрополитъ, 228.

— **Сам. Вас.**, луцкій бурмистръ, 342.

— **Ярославъ**, владѣлецъ им. Волчинъ, 418.

Солтыковичъ Іосифъ, цит. авторъ, 13. 22. 138.

Сольскій Каспаръ, профессоръ замостской академіи, 129. 130.

Сосновскій Ант., прот., цит. авт., 491. 502.

Софоклъ, греческій драматургъ, 82. 483.

Социнъ:
— **Лелій**, основатель секты антитринитаріевъ, 146.

— **Фаустъ**, еретикъ, племянникъ Лелія, цит. авт., 146. 149. 163. 165. 178. 179. 180. 183.

Спангенбергъ Іоаннъ, авторъ учебниковъ по грамматикѣ, риторикѣ и діалектикѣ, 32. 428. 442.

Спанноки, секретарь нунція Боленетто, 251.

Спрогисъ Ив. Як., цит. авт., 315.

Срезневскій Изм. Ив., славистъ, 445.

Ставровецкій КириллъТранквилліонъ, братскій учитель, перешедшій въ унію, 200. 231. 266. 269. 285. 299. 300. 301. 318. 377. 382. 384. 385. 386. 387. 415. 423. 431. 436. 437. 438. 457. 461.

Стадницкій:
— **Адамъ**, белзскій воевода, 77.

— владѣлецъ Дубецка, 163.

Станиславъ (Костка) блаженный, 65. 70. 107. 108.

Станкаръ:
— **Петръ**, гродненскій городской писарь, 71.

— **Францискъ**, ректоръ пинчовской и дубецкой социніанскихъ школъ, цит. авт, 146. 163.

Старнигельскій Лаврентій, замостскій профессоръ, 130.

Старовольскій Симонъ, цит. авт, 13. 126. 138. 139 273.

Старосельская Рапна, сестра м. М. Рагозы, 206.

Стархіи Іоаннъ и Фридрихъ, сеніоры кейданской кальвинской школы, 161.

Старчевскій Войтѣхъ, цит. авт., 191. 203. 243. 376. 486.

Статорій Петръ, ректоръ пинчовской кальвин. школы, потомъ социніанскій писатель, 173 175. 180.

Сташковскій Яковъ, первый виленскій схоластикъ, 9.

Сташковская, вдова родомъ изъ Львова, 464.

Сташковскій Антоній, ученикъ львовской братской школы, 464.

Стебельскій Иги., цит. авторъ, 78. 242. 243. 250. 268. 273. 390. 494. 522.

Стегманъ:
— **Іоаннъ**, раковскій ректоръ, 182.

— **Хр.**, социніанскій писатель, 182.

Стеткевичи, 341.

— **Богданъ Заерскій**, подкоморій мстиславскій, 357. 371. 372.

Стефановичъ Мельхіоръ, профессоръ и ректоръ замостской академіи, 132.

Стефановскій Іер., профессоръ виленъ. академіи, 62.

Стефанъ:

— архидіаконъ и первомученникъ, 433. 473.

— **Махрицкій**, св., 192.

— **Баторій**, см. **Баторій**.

— **Зизаній**, см. **Зизаній Стефанъ**.

— викарій и ректоръ перемышльской каѳедральной школы, 14.

— бакалярь шкловской православной школы, 371.

Стецкій Ѳаддей, цит. авт., 243.

Стобницкій Войтѣхъ, ректоръ виленской каѳедральной школы, 10.

Сгороженко А., цит. авт., 15. 201.

Стравинская Доминика, жена витебскаго каштеляна, 157.

Строевъ П., цит. авт., 250. 260. 445.

Стрыйковскій Матвѣй, цит. авторъ, 3. 187.

Стрѣлецкій Аѳанасій, могилевскій братскій бакалярь и пинскій, 341. 356. 368.

Студиньскій Кириллъ, цит. авт., 165. 212. 218. 231. 237. 267. 380. 381. 434. 435 450. 452.

Студитъ:

— **Дамаскинъ**, митрополитъ навпактскій и артскій, 412. 413.

— **Ѳеодоръ**, исповѣдникъ, церк. писатель IX в., 449.

Суарецъ Кипріанъ, авторъ учебника риторики, 86. 97.

Сумцовъ Н., цит. авт., 475. 476.

Суннеръ Францискъ, іезуитъ, викарій австрійскаго провинціала, 42. 45.

Суромятникъ(-овъ) Петръ Ѳедоровичъ, ректоръ виленской уніатской семинаріи, цит. авт., 270. 381. 496. 514. 515.

Суходольскій Март., виленскій каноникъ, 54.

Суша Яковъ, холмскій уніатскій епископъ, цит. авт., 242. 243. 247. 250. 253. 257. 262. 264. 268. 270. 328. 330. 390. 391. 392. 399. 453. 495. 516.

Схоларій Геннадій (въ мірѣ **Георгій**), цареградскій патріархъ, 214. 220. 484.

Сымонъ, Францыскъ-Альбинъ, католическій епископъ, цитуемый авторъ, 15. 16. 17.

Сѣдларь Симеонъ, львовскій мѣщанинъ, 198.

Сярчинскій Фр., цит. авторъ, 162. 422. 453.

Т.

Тавборовичъ Ѳома, проповѣдникъ могилевскаго братства, 338.

Тарло:

— **Павелъ**, львовскій катол. архіепископъ, 120.

— **Петръ**, люблинскій воевода, 183.

Тарновская (Одровонжовая) Софія, основательница ярославской коллегіи, 64.

Татищевъ В., цит. авт., 189

Тацитъ, римскій историкъ, 96.

Ташицкій Станиславъ, 40.

Тейнеръ Августинъ, цит. авт., 48. 50. 52. 59. 60. 71. 118. 121. 155. 156. 245. 251. 286. 334. 487. 488. 492. 493. 502. 508. 509. 522.

Тенчинскій:

— **Андрей**, белзскій воевода, 69.

— **Станиславъ**, каштелянъ львовскій, воевода краковскій, 161.

Теодоровичъ Н., цит. авт., 22. 23. 78. 200. 227. 257. 423.

Теренцій, римскій комикъ, 82. 96. 174.

Терещенко А., цит. авт., 196

Терлецкій:

— **Кириллъ**, епископъ луцкій и острожскій, 226. 227. 479.

— **Меѳодій**, холмскій уніат. епископъ, 495. 509. 512. 522.

Терновскій Ф., цит. авт., 221. 376.

Тибуллъ, римскій элегикъ, 85. 96.

Тимоѳей:

— константинопольскій патріархъ, 348. 447.

— виленскій братскій педагогъ, 323. 469.

Типловскій, польскій мемуаристъ, цит. авторъ, 15.

Тиссаровскій Іеремія, львовскій прав. епископъ, 289. 309. 310. 385.

Товитъ, благочестивый израильтянинъ, авторъ, 449.

Толетъ, авторъ учебника логики, 91.

Толстой:

— М., цит. авт., 353.

— Ѳ. А., гр., владѣлецъ библіотеки старопечатныхъ книгъ, 250.

Тольгсдорфъ Эдуардъ, ректоръ рижской коллегіи, 89.

Торресъ, папскій нунцій, 148.

Транквилліонъ, см. Ставровецкій.

Трепка Евстаѳій, проповѣдникъ лютеранства въ Польшѣ, 144.

Тризна Иванъ, 283.

Тротцендорфъ Валентинъ, нѣмецкій педагогъ. ректоръ гольдбергской гимназіи, 81. 82. 109. 169.

Трофимовичъ-Козловскій Исаія, ректоръ могилянской коллегіи, игуменъ кіевскаго николо-пустынскаго монастыря. 140. 311. 329. 357. 358. 359. 360. 363. 401. 405. 406. 407.

Трубницкій, цит. авт., 341.

Трущевичъ Іоиль, игуменъ кутеинскаго, потомъ оршанскаго монастыря, 372.

Тумасовъ Н., цит. авт., 27.

Тургеневъ А. И., цит. авт, 67.

Туръ Никифоръ, кіево-печерскій архимандритъ, 274. 496.

Тышкевичъ:

— -Бужица Григорій см. Бужица.

— Петръ, минскій воевода, 336.

— Юрій, королевскій дворянинъ, 52.

— Юрій, профессоръ вилен. академіи, 62.

Тяпинскій Вас., переводчикъ Евангелія на малороссійскій языкъ, 200. 227. 423. 424.

У.

Уваровъ А. С., гр., владѣлецъ рукописнаго собранія, 239. 458.

Угневскій Симонъ, ректоръ виленской іез. коллегіи, 61.

Узбекъ, ханъ татарскій, 190.

Ультраектинъ Корнелій, авторъ латин. грамматики, 26. 308. 453.

Уманецъ, цит. авт., 151.

Урбанъ VIII, папа, 62. 107. 263. 397. 484. 495. 508. 509. 511. 512. 513. 522.

Урсинъ Янъ, ректоръ львовской каѳедральной школы и профессоръ замостской академіи, авторъ латинской грамматики, 13. 18. 29. 130. 131. 132. 138. 139.

Ф.

Фабрицій (Ковальскій) Валентинъ, профессоръ виленской академіи и католическій проповѣдникъ, 62. 436. 516.

Фабръ, путешественникъ, цит. авторъ, 191.

Фалимичъ Стефанъ, естествовѣдъ, 206.

Фальконій:

— Іоаннъ, учитель бѣльской кальвинско-социніанской школы, 161. 163.

— Ѳома, люблинскій каѳедральный каноникъ, потомъ клецкій кальвинскій пасторъ, перешедшій затѣмъ въ социніанство, 163. 175.

Фальтинъ Павелъ, преподаватель каменецкой коллегіи, 76.

Фарновскій, социніанскій писатель, 175.

Федръ, римскій баснописецъ, 84.

Фелльгибель Балтазаръ, ректоръ паневецкой кальвинской школы, 161.

Фёлькель (Volkelius), социніанскій писатель, 181.

Фердинандъ, императоръ, 36.

Фёретеманнъ, цит. авторъ, 144.

Филалетъ Христофоръ (псевдонимъ Бронскаго), 270. 273. 427. 459. 494.

Филаретъ:
— (**Никитичъ**), патріархъ московскій. 383. 384. 386.

— архіеп., цит. авторъ, 270. 271. 280. 308. 385 399.

Филипповичъ Аѳанасій, игуменъ брестскій, преподобномученикъ, 276. 333. 373.

Филопонъ, греческій риторъ, 483. 484.

Филоѳей:
— константинопол. патріархъ, 385. 437.

— настоятель троицкаго монастыря въ Кіевѣ, 359.

Финкель Людвигъ, цитуемый авторъ, 275.

Фирлей:
— **Андрей**, владѣлецъ почаевскій, 457.

— **Николай**, люблинскій воевода, 163.

Фирлеевая, супруга Николая, 163. 164.

Фишеръ Г. В., цит. авторъ, 161.

Флавій Іосифъ, іудейскій историкъ, 275.

Флеровъ І., свящ., цит. авт., 278. 279. 304. 337.

Флоръ, историкъ II в. по Р. Хр., 32.

Фонсека, философъ-схоластикъ, 91.

Фотинусъ (Фотинъ), еретикъ, 238.

Фотій, константинопол. патріархъ, 308.

Франкенъ, ректоръ хмѣльницкой социн. школы, 40. 163.

Франко Иванъ, цит. авт., 188. 233. 234. 235. 442. 458. 472. 473.

Францискъ:

— (**Боржіа**), генералъ іезуитскаго ордена, католическій святой, 42. 108.

— (**Ксаверій**), св., 107.

Фризій:

— ректоръ вилен. академіи, 55. 61.

— авторъ ариѳметики, 32.

Х.

Хаціентовскій, домашній учитель Стеткевичей, 357.

Хитрей Давидъ, цит. авторъ, 203. 219. 220. 425. 442.

Хлудовъ А. И., владѣлецъ библіотеки старопечатныхъ книгъ, 458.

Хмѣлевскій Прокопій, ректоръ владимирской уніатской школы, 403. 404 495.

Хмѣльницкій:
— **Богданъ**, гетманъ запорожскій, 15. 373.

— **Діонисій**, учитель минской уніат. школы, 501.

Ходкевичи, литовская дворянская фамилія, 22. 146. 369.

Ходкевичъ:
— **Анна-Алоиза**, дочь кн. А. К. Острожскаго, жена Яна-Карла Ходкевича, 77. 78. 261.

— **Анна**, жена князя Іоакима Корецкаго, 369.

— **Александръ Ивановичъ**, новгородскій воевода, фундаторъ супрасльскаго монастыря, 224. 228.

— **Григорій Александровичъ**, кіевскій воевода, потомъ виленскій каштелянъ и вел. гетманъ литовскій, 22. 199. 228. 239. 424.

— **Іеронимъ**, виленскій каштелянъ, потомъ воевода, 228.

— **Юрій Александровичъ**, каштелянъ троцкій, 228.

— **Юрій Юрьевичъ**, староста жмудскій, 54.

— **Янъ-Карлъ**, жмудскій староста, виленскій воевода, великій гетманъ литовскій, 59. 69. 76.

— **Янъ**, жмудскій староста и виленскій каштелянъ, 229.

Храбръ, черноризецъ, 419.

Хрептовичъ:
— **Адамъ**, подкоморій новгородскій, 512.

— **-Богуринскій Мелетій**, владимирскій и брестскій епископъ, 332. 333. 334. 351.

Хризолоръ, греческій филологъ, 483.

Ц.

Царскій Ив., владѣлецъ рукописнаго собранія, 260. 445.

Цвингли, религіозный реформаторъ, 47. 81. 169.

Цезарь:
— **Іоаннъ**, авторъ діалектики, 30.

— **Юлій**, римскій полководецъ и писатель, 85. 86. 96. 126. 483.

Цепорянъ Іаковъ, авторъ греческой грамматики, 26.

Циммерманъ Ѳ., студентъ паневецкой кальвинской школы, 161.

Цихоцкій, псевдонимъ **Савицкаго**,—см. **Савицкій Каспаръ.**

Цицеронъ, римскій ораторъ, писатель и государственный дѣятель, 7. 13. 18. 19. 20. 23. 25. 26. 29. 84. 85. 86. 87. 96. 97. 98. 100. 131. 134. 138. 139. 174. 182. 232. 307. 429. 430. 483.

Ч.

Чаплинскій Ольбрихтъ (Альбрехтъ), учитель виленской братской школы, 325. 462.

Чапличи—Шпановскіе:
— **Мартинъ**, фундаторъ берестечской социніанской школы, 166.

— **Юрій**, фундаторъ киселинской социн. школы, 165. 166.

Чарторыйская Евдокія, княгиня, супруга кн. Ивана Ѳеодоровича Чарторыйскаго, 215.

Чарторыйскій Юрій, сынъ ея, князь на Клевани, первый изъ Чарторыйскихъ, измѣнившій православію, 215.

Чарторыйская Софія, княгиня, 384.

Чарторыйскій Юрій, 385. 423.

Чацкій Ѳаддей, цитуемый авторъ, 5.

Червяковскій Евст., цитуемый авторъ, 407.

Черкасскій Ив. Бор., думный дьякъ, 334.

Чермакъ, цитуемый авторъ, 115.

Чеховичъ Мартинъ, кальвинскій, послѣ социніанскій пасторъ, 163. 175. 212.

Чистовичъ И. А., цитуемый авторъ, 384. 406

Чунча Симеонъ, ученикъ львовской братской школы, 364.

Ш.

Шараневичъ Исидоръ, цитуемый авторъ, 29. 298. 300. 367.

Шарфенбергеръ, краковскій типографъ, издатель польской Библіи (леополитовской), 174.

Шафарикъ Павелъ Іосифъ, цитуемый авторъ, 445.

Швейковскій, сеніоръ литовскихъ кальвинистовъ, 157.

Шеловъ Леонтій Васильевичъ, 500.

Шембекъ Фридрихъ, см. **Пекноржецкій.**

Шеметъ:
— **(Шеміотъ) Мельхіоръ**, виленскій подкоморій, 371.

— **Варвара**, жена его (урожденная Огинская), 371.

Шептицкій Александръ, 457.

Шидловскій, профессоръ львовской коллегіи, 97. 98.

Ширвидъ Константинъ, профессоръ виленской коллегіи, 62. 89. 114.

Шишковскій Мартинъ, краковскій католическій епископъ (прежде луцкій), 7. 14.

Шляпкинъ А. И., цитуемый авторъ, 197.

Шмальцъ Валентинъ, социніанскій писатель, 175. 178. 180. 181.

Шмиглецкій Мартинъ, профессоръ виленской академіи, 62.

Шмидтъ Карлъ, цитуемый авторъ, 79. 80. 81. 167. 168. 169. 443.

Шолковичъ Сем., цитуемый авторъ, 27.

Шоманъ Георгій, авторъ социніанскаго катихизиса, 180.

Штурмъ Іоаннъ, нѣмецкій педагогъ, ректоръ страсбургской гимназіи, 81. 88. 164.

Шонбергъ, посолъ Альберта, прус. магистра, 191.

Шуйскій:
— **Вас.**, царь московскій, 376.

— **Іос.**, проф., цитуемый авторъ, 143. 443.

Щ.

Щербицкій О. В., цит. авторъ, 320

Щипрецкій Дмитрій, дьякъ межибожской школы, 371.

Щуцкій Григорій, житель Львова, 464.

Э.

Эвклидъ, александрійскій математикъ, 82. 92.

Эврипидъ, греческій драматургъ, 82.

Эзопъ, греческій баснописецъ, 7. 19. 26. 85.

Эльгеръ Юрій, ректоръ рижской коллегіи, 90.

Эпиктетъ, стоическій философъ, 308. 429.

Эразмъ Роттердамскій, гуманистъ, 33. 167.

Эстикомніанъ Янъ, писатель-педагогъ, 29.

Ю.

Ювеналъ, римскій сатирикъ, 96.

Ювенцій, педагогъ-іезуитъ, 80.

Юзефовичъ Ѳома, цитуемый авторъ, 12. 14. 73. 74.

Юлій III, папа, 38 480. 481.

Юстиніанъ, императоръ, 179.

Юцевичъ Людвигъ Адамъ, ксендзъ, цит. авт., 123. 124.

Я.

Яблонскій, цит. авт., 149. 163.

Яворовскій Матвѣй, профессоръ и ректоръ замостской академіи, 132.

Яворскій Станиславъ, преподаватель несвижской коллегіи, 97.

Ягелло (Ягайло)—Владиславъ, великій князь литовскій и король польскій, 3. 4. 11. 14. 27. 150. 223.

Ягичъ В., цит. авт., 445.

Ядвига, польская королева, 3.

Яковъ, галицкій архіепископъ, 10. 11.

Янп, слуга кн. Острожскаго, 268.

Яницкій Клим., польско-латинскій поэтъ и историкъ, 32.

Янка, дочь кн. Всеволода Ярославича, 189.

Янушовскій Янъ, ксендзъ, переводчикъ, 493.

Янъ:
— **Альбрехтъ**, король польскій, 4.

— виленскій католическій епископъ, 6. 9. 144.

— **Русинъ**, настоятель маріинскаго костела въ Львовѣ, 10.

Ярославичъ Ѳедоръ Ивановичъ, кн., 197.

Ярославъ Мудрый, кіевскій князь, 189. 263.

Ярошевичъ Іос., цитуемый авторъ, 8. 10. 15. 20. 21. 22. 23. 27. 45. 53 55 93. 110. 113. 114. 117. 118. 121. 122. 123. 127. 153. 198.

Ярушевичъ Ае., цит. авт., 242.

Ясинскій:
— виленскій архидіаконъ, 44.

— **Михаилъ**, наслѣдникъ архидіакона, 44.

Яцко, 195.

Яцковна Василиса, 434.

Ѳ.

Ѳедько, ученикъ львовской братской школы, 464.

Ѳемистій, греческій риторъ, 483.

Ѳемистоклъ, аѳинскій полководецъ, 434.

Ѳеогнидъ, греческій элегическій поэтъ, 86.

Ѳеодоровъ Иванъ, діаконъ, русскій первопечатникъ, 216. 230. 239. 240. 250. 288.

Ѳеодоръ:
— мних, современникъ Златоуста, 272.

— **Ивановичъ**, царь московскій, 221. 303. 306. 375. 376. 377.

— сынъ зимненскаго архимандрита, переписчикъ Законоправила 1565 г., 200.

— студей, 221. 222.

— львовскій братскій священникъ, 301. 464.

— грекъ, рогатинскій мѣщанинъ, 363. 469.

— учитель рогатинской школы, 363. 364. 461.

— **Москвитянинъ**, учитель кіевской братской школы, 355.

Ѳеодосій:
— преп., кіево-печерскій игуменъ, 189.

— **Косой**, московскій еретикъ, 147.

— скитскій игуменъ, 386.

Ѳеодулъ, псевдонимъ Вышенскаго, 233. 458.

Ѳеолиптъ, патріархъ конст-скій, 290. 291. 374.

Ѳеона, архіепископъ ѳессалоникскій, 413.

Ѳеофанъ:
— патріархъ іерусалимскій, 223 310. 315. 336. 347. 352. 353. 354. 384. 388. 394. 395. 396. 458. 472.

— меглинскій епископъ, настоятель жидичинскаго монастыря, 255.

Ѳеофилактъ, архіеп. болгарскій, 307.

Ѳома:
— **Кемпійскій**, 165.

— (въ монашествѣ **Ѳеофанъ**) **Элеавулкосъ**, риторъ константинопольской церкви и частный наставникъ, 413.

— западнорусскій еретикъ, 147.

Ѳукидидъ, греческій историкъ, 86. 87. 307. 443. 449. 483.

УКАЗАТЕЛЬ

географическихъ названій и школъ, упоминаемыхъ въ сочиненіи.

А.

Адріанопольская школа, 220.

Азія, 66.

Александрія, 267.

Амбуковъ, деревня близъ Олыки (на Волыни), 17.

Америка, 66.

Англія, 51. 191.

Антверпенъ, 62.

Аравія, 260.

Аррагонское королевство, 37.

Аѳонъ, 205. 218. 221. 233. 234. 269. 274. 327. 399. 429.

Б.

Базель, 28.

Баклаевка, село, 264.

Баръ, городъ въ Подоліи, и барская іезуитская школа, 77.

Безданы, фольваркъ, 52.

Бельзъ, городъ, 208.

Берестечко (или Бересткъ), мѣстечко луцкаго повѣта, 166.

Берестечская кальвинская, послѣ социніанская школа, 163. 166.

Берестовица Великая, село гроднен. пов., и велико-берестовицкая катол. школа, 23.

Биржи, м. упитскаго пов., и биржанская кальвинская школа, 159.

Блоне, имѣніе, 53. 56.

Богемія, 487.

Бологое, дер., 55.

Болонія, городъ въ Италіи, 36.

Борисовка, село, 264.

Борисовъ, городъ, и борисовскій повѣтъ, 21. 23.

Боркулабовъ, им. оршанскаго повѣта, 382.

Боркулабовскій православн. монастырь и училище, 371.

Борсуки, с. въ оршан. пов., 496.

Борча, село въ Галиціи, 388.

Боръ, село между Новгородомъ и Псковомъ, 486.

Браплавъ (или Браславль), гор. въ Подоліи, 16.

Брацлавское воеводство, 349. 363.

Бреславль, гор. въ Германіи, и бреславльскій университетъ, 391.

Брестъ литовскій, гор., 56. 78. 143. 175. 197. 245. 280. 282. 301. 303. 314. 331. 333. 334. 349. 461. 490. 492. 494.

Брестскій повѣтъ, 147.

Брестская братская православная школа, 281. 331—335. 363. 382. 451. 461. 491. 494.

Брестская уніатская школа, 491—494.

Бр(а)унсбергъ, городъ въ Варміи, 39. 40. 44. 45. 502.

Брунсбергская іезуитская коллегія съ гимназіей, 39. 40. 44. 45. 61. 502.
— папская семинарія, 502.

Бугъ:
— Западный, рѣка, 23.

— Южный, р., 371.

Бужокъ, р., 371.

Буйничи, им. близъ Могилева, 356. 371.

Буйничскій православный монастырь и школа, 371.

Буковина, им., 127. 128.

Бытень, м. слоним. пов., 513. 516.

Бѣла, городъ сѣдл. губ., 23. 161.

Бѣльскія школы: католическая, 23.

— кальвинская, 161. 163.

— социніанская, 161. 163.

Бѣлжица, им. близъ Люблина, 161. 165.

Бѣлжицкая кальв. школа, 161.

— социн. — , 165.

Бѣлиловецъ, городокъ въ Бѣлоруссіи, 367. 368.

Бѣлиловецкая братская школа, 281. 367. 368.

Бѣлковщизна, село, 372.

Бѣлое Поле, фольваркъ, 512.

Бѣлостокъ, городъ, 21.

Бѣлый Стокъ, село на Волыни, 23. 346.

Бѣлостокская катол. школа, 23.

Бѣльскъ, городъ гродн. губ., 313. 366. 437.

Бѣльскій повѣтъ, 20. 165.

Бѣльскія школы: кальвинская, 161.

— — православная, 231. 366.

— — уніатская, 366. 505.

Бѣнюницы, село, 45. 121.

В.

Валахія, Молдовалахія, 239. 258. 268. 357. 447.

Варшава, 15 16. 39 40. 320. 321. 324. 338. 487.

Варшавская іезуитская коллегія, 40.

Васильковъ, городъ кіев. пов., 228.

Венеція, 219. 264. 267. 274. 435. 481.

Вераны, мѣстечко на Волыни, 226

Верждоловo, мѣстечко на прусской границѣ, 76.

Византія, 202. 219. 424.

Вилейка, городъ, и вилейскій уѣздъ, 199.

Вилія, рѣка, 49. 52.

Вильна, городъ, 3. 6. 8—10. 20—22. 26. 34. 36. 37. 39. 40. 42—55. 57—62. 64. 66. 68. 71. 77. 82—84. 89. 94. 103. 104. 106. 107. 111. 112. 121. 123. 124. 143. 148. 150. 152—156. 158. 165. 169. 170. 174. 175. 177. 178. 197. 198. 201. 207. 214. 215. 218. 239. 245. 249. 253. 261. 265—267. 271. 274. 275. 278—280. 282—284. 286. 301. 303. 311. 313. 316. 318—320. 322—324. 329. 331. 334. 336. 345. 357. 367. 371. 380. 382. 384. 387. 392. 395—401. 404. 405. 415. 417. 419. 424—426. 437. 438. 444. 446—448. 454. 460. 469. 474. 485—490. 492. 493. 498. 499. 502. 513. 515. 517. 524.

Виленскій повѣтъ, 157. 162. 321.

Виленскія школы: католическая-каѳедральная, 6. 8—10. 54. 117.

— св.-яиская, 8. 10. 20. 21. 58.

— юридическая (Роизіевская), 36. 37.

— іезуитская коллегія (академія), 10. 16. 21. 40. 42—64. 71. 84. 88. 89. 92—94. 99—101. 107. 116. 121. 123. 125. 155—158. 214. 215. 244. 248. 253. 327. 391. 486. 487. 489. 498. 502.

— католическая епархіальная семинарія, 56. 60. 116. 121—123. 489.

— кальвинская школа, 43. 45. 49. 58—60. 117. 150. 153—158. 174. 498.

— лютеранская — , 58. 152. 153. 169—171.

— православная братская, 58. 222. 253. 265. 266. 280—286. 301. 311—325. 326—331. 333. 363. 379. 382. 397. 398. 400. 401. 405. 414. 415. 427. 429. 430. 435. 451. 460—462. 464. 466. 472.

— папская или русская семинарія (алюмнатъ), 56. 60. 486—490. 502.

— уніатская семинарія, 495—500. 502. 503. 506. 513. 514. 516. 522.

— уніатскій новиціатъ, 498. 499. 502. 506. 515. 516. 524.

Вилькійская католич. школа россіен. повѣта, 23.

Вильскъ, мѣст., 273.

Винница, городъ, 77. 367.

Винницкія школы: іезуитская, 77.

— православная, 281. 360. 363. 367. 405. 406.

Витебскъ, городъ, 153.

Витебская лютеранская школа, 153.

— кальвинская — , 162 (см. въ опечаткахъ).

Виттембергъ, городъ, 37. 144. 152. 267.

Виттембергскій университетъ, 144. 267. 391.

Владимиръ волынскій, городъ, 189. 199. 200. 218. 225. 237. 252. 404. 495. 502. 515. 523.

Владимирскій повѣтъ, 165. 218.

Владимирскія школы: православная, 199. 200. 201. 227. 237. 252. 369. 451. 494.

— уніатская, 369. 403. 494. 495. 502. 523.

Влодава, городъ, 23. 161. 201.

Влодавская кальвинская школа, 161.

Влоцлавъ, влоцлавская катол. епархіальная семинарія, 121.

Возгелишки, фольваркъ, 121.

Войковая, деревня, 28.

Войкуцкая католич. школа россіен. пов., 23.

Волославъ, островъ на р. Лугѣ, 226.

Волчинъ, м-ко, и волчинская церковь, 418.

Волынь, 23. 147. 165. 166. 175. 176. 189. 191. 192. 195. 206. 217. 246. 254. 369. 393. 394. 402. 403.

Волынское воеводство, 348. 363.

Ворне(и) или Мѣдники, м-ко на Жмуди, 3. 123. 124.

Ворненская жмудская епарх. семинарія, 123. 124.

Ворияны, им. виленскаго повѣта, 162.

Ворнянская кальвин. школа, 162.

Вышня, с. въ Галиціи, и вышенская приходская школа, 232.

Вѣна, 36. 61. 358. 502.

Вѣнская академія, 405.

— папская семинарія, 502. 509.

Вюртембергское княжество, 209.

Г.

Гаевъ, село борисовскаго повѣта, и гаевская католич. школа, 21.

Галиція. 5. 64. 145. 191. 200. 206 207. 224. 232. 269. 279. 301. 302 305. 363. 364. 382. 385. 388. 402.

Галичъ, городъ въ Галиціи, 3. 11. 222. 280. 353 367.

Галичскій повѣтъ, 5.

Галичская братская школа, 367.

Германія. 6. 116 146 163. 168. 169. 209. 219. 391. 392. 425. 487. 509.

Глубокое, мѣстечко полоцкаго пов., 162.

Глубокская кальвин. школа, 162.

Гологуры, мѣст. въ Галиціи, 280. 294.

Головчинъ, с. оршанскаго пов., 371.

Гольдбергъ. гольдбергская гимназія, 82.

Городокъ, городъ въ Галиціи, 280, 364.

Городокская братская школа, 364.

Горы. с. оршан. пов, и горинская католич. школа, 23.

Гочовъ, гор. въ Галиціи, и гочовская католич. школа, 5.

Гоща, имѣніе острожскаго уѣзда, 166. 367.

Гощская социніанская школа, 166.

Гощская (или гойская) прав. школа, 166. 286. 367. 523.

Грацъ, городъ, и грацкая папская коллегія, 502.

Греція. 190. 219. 221. 237. 246 259. 409. 411. 412. 416. 425. 428. 438. 442. 480. 481. 482. 485. 521.

Гродна, 21. 78. 381. 458.

Гродненскій повѣтъ, 21. 23.

Гродненская католич. школа, 21

Гуковичи, м. въ Галиціи, и гуковичская катол. школа, 5.

Д.

Даниловская католич. школа дисн. пов., 23.

Данцигъ (Гданскъ), городъ, 41. 143. 159. 172. 268. 328. 517

Данцигская іезуит. резиденція, 40. 61.

Двина Западная, рѣка, 66.

Дворище, фольваркъ, 45.

Декшицкая катол. школа борисов. пов., 23.

Делосъ, островъ, 254.

Дермань, село луцкаго повѣта, 324. 397. 404.

Дерманскій учительный монастырь, 259. 269. 394. 397.

Дерптъ (Юрьевъ), городъ, 41. 71. 89. 164.

Дерптская іезуит. коллегія, 40. 41. 89.

Дисна, дисненскій повѣтъ, 23.

Днѣпръ, рѣка, 325. 360.

Днѣстръ, р., 372.

Дроздно, село на Волыни, 342.

Друя, гор. браславскаго пов., и друйская католич. школа, 23.

Дубецкая (въ саноцкомъ повѣтѣ) кальвинская, послѣ социніанская школа, 161. 163.

Дубно. городъ на Волыни, 265. 267. 326. 370. 403.

Дубенская прав. школа, 370.

Душники, 9.

Е.

Европа, 6. 25. 29. 38 39. 81. 97. 139. 144—146. 148. 202. 214. 267. 410. 411. 418. 422. 433. 438. 469.

Евье, мѣстечко близъ Вильны, 371. 393. 399. 402. 447. 455

Евьевская прав. школа, 371. 393.

Екимани, им., 67.

Елассонъ, городъ въ Θессаліи, 374.

Ельно, им., 371.

Ельненскій православ. монастырь и школа, 371. 462.

Етонъ (Iton), городъ въ Англіи, 388.

Ж.

Жвинговская россіен. повѣта катол. школа, 23.

Женева, 144. 148. 267.

Женевскій университетъ, 144. 267.

Жижморы, село троскаго повѣта, и жижморская католич. школа, 21.

Жировицы, м-ко слоним. пов., 513. 516. 524.

Жировицкій уніатскій новиціатъ, 524.

Жмудь, 3. 27. 76. 120.

Жмудская (или мѣдницкая) каѳедральная школа, 15.

Жмудская или ворненская, послѣ крожская, епарх. семинарія, 116. 123. 124.

Жоговская катол. школа шавельскаго пов., 23.

Жодзинская катол. школа новоалександрвскаго пов., 23.

З.

Заблудовъ, м-ко близъ Бѣлостока, 199. 201. 239. 288.

Заблудовскія школы:

— католическая, 21. 199.

— православная, 199.

Задорожъ, село диснен. повѣта, и задорожская катод. школа, 23.

Залѣсье, им. полоцкаго пов., 506.

Замостье, городъ, 65. 126. 128. 131. 133. 135. 137—139. 161. 299. 357. 366. 375. 386. 405. 425.

Замостская іезуитская школа, 65.

— академія, 13. 64. 116. 126—137. 139 247. 354. 384. 402. 405.

— духовная семинарія, 129.

— прав. братская школа, 281. 366.

Заславль, городъ на Волыни, и заславльская катол. школа, 23.

Заславъ, городъ минскаго повѣта, 147.

Зимненскій монастырь близъ Владимира волын., 200. 228.

Зимненская монастыр. школа, 200.

Зѣньки, село на Волыни, 257.

И.

Изерно, село на Волыни, 257.

Иказнь, село диснен. пов., и иказненская катол. школа, 23.

Илинщизна, им., 494.

Ингольштадтъ, 62. 473.

Инфлянты, 156. 159.

Испанія, 116.

Италія, 72. 116. 148. 152. 217. 219. 370.

I.

Іерусалимъ, 71.

К.

Казань и казанская монастырская школа, 190.

Калишъ, городъ, 70. 502.

Калишская іезуит коллегія, 40. 502.

Каменецъ-Подольскъ, 3. 76. 204. 279. 366.

Каменецкія школы:

— іезуитская, 40 76. 162.

— кальвинская (подкаменецкая), 76.

— православная, 366.

Каменный Лохъ (или Мѣдники), село, 45.

Капуя, 156.

Квасовъ, м-ко на Волыни, 225.

Кейданы, м-ко на Жмуди, 160. 178. 203.

Кейданская кальвин. школа, 160. 174.

Кельнъ, гор., 452. 453.

Кены, им. вилен. пов., 157.

Киселинъ, м-ко владимир. пов., и киселинская социніан. школа, 165. 166. 175.

Киссамо, городъ на Критѣ, 481.

Кіевъ, 3. 15. 36 165. 192. 195. 200. 222. 225. 309. 312. 325. 346—349. 351—353. 355—358. 360—362. 367. 383. 384. 388—390 393—396. 402 403. 405. 406. 425. 426. 433. 437. 456. 506.

Кіевское воеводство, 348. 363.

Кіевскія школы—католическія:

— каѳедральная, 15.

— приходская, 21.

— открытая генуэзцами, 36.

— іезуитская, 77. 354.

— — православныя:

— въ михайловскомъ золотоверхомъ монастырѣ, 200. 228.

— братская богоявленская, 140. 275. 281. 285. 307. 310. 329. 341. 346—349. 351—358. 361—363 367. 389. 393. 394. 402. 404. 405. 407. 414. 425. 427. 433. 434. 462.

— лаврская, 346. 349—351. 356—361. 466.

— могилянская коллегія (братская школа по соединеніи съ лаврской), 140. 165. 286. 329. 357. 359—363. 367. 399. 405. 406. 414 464. 523.

Клаваньская катол. школа упитскаго пов, 23.

Клавдіополь, городъ, 61.

Климовичскій повѣтъ, 22.

Княгининскій ключъ, 77.

Кобринъ, городъ, 510.

Ковна, 78. 153. 203.

Ковенскій повѣтъ, 372.

Ковенская лютеран. школа, 153.

Коломыйскій повѣтъ, 5.

Комарно, м-ко въ Галиціи, 280. 365.

Комарнскія школы:
— католическая, 5.

— православная, 365.

Конары, м-ко въ серадзьскомъ воеводствѣ, 11.

Константинополь (Царьградъ), 219—222. 264 265. 267. 274. 291. 298. 357. 375. 376. 387. 407. 413 425.

Константинопольская патріаршая школа, 220. 408. 411. 413.

Корецъ, м-ко на Волыни, 382.

Корцира, о-въ, 492.

Коссовъ, м-ко слоним. пов., и коссовская католич. школа, 23.

Краковъ, 4. 8. 13. 18. 26. 29. 30. 32. 36. 39 40. 61. 112. 117—119. 127. 131. 138. 139. 146. 152. 165. 171. 178. 197. 206. 217. 251. 273. 278. 299. 357. 402—404. 425. 428. 437. 438. 487. 493 503.

Краковскій университетъ (академія), 4—7. 13 14. 22. 24—26. 29. 32. 33. 36. 49. 61. 73. 117. 118. 131. 136. 138. 145. 155. 197. 273. 274. 294. 299. 303. 404.

Краковское марінское училище, 13. 18.

Краковская іезуитская коллегія, 84. 118.

Красноставъ (Красный Ставъ), гор., 14. 15. 199. 280.

Красноставскія школы:

— католическая городская или каѳедральная, 14. 15. 126.

православная, 199.

Красный Боръ, им., 512.

Кременецъ, городъ на Волыни, 21. 447.

Кременецкія школы:

— католическая, 21.

— православная, 281.

Криничинская католич. школа упитскаго пов, 23.

Критъ, о-въ, 481.

Кроже(и), на Жмуди, 62. 76. 77. 124.

Крожскія:
— іезуит. коллегія, 40. 76. 77. 89. 124.

— епарх. семинарія, 140.

Кролевецъ (Кенигсбергъ), 144. 171. 328. 517.

Кролевецкій университетъ, 144. 152. 153.

Крони ковен. повѣта, 372.

Кронскіе православн. монастырь и школа, 372.

Кросенская іезуит. резиденція въ перемышл. повѣтѣ, 40. 78.

Куренецъ, м-ко вилейскаго уѣзда, и куренецкая прав. школа, 199.

Курляндія, 156. 159.

Курскъ и курская школа, 189.

Кутеинъ, им. оршан. пов., 372. 449.

Кутеинскіе православ. монастырь и школа, 372. 449.

Кѣсь, 284.

Л.

Лазовичи, село климовичскаго пов., и лазовичская католич. школа, 22.

Ланцута, село перемышл. пов., 30. 161.

Ланцутская кальвин. школа, 161.

Латычовъ, городъ въ Подоліи, 76.

Лезово, село, 70.

Лейденъ, лейденскій университетъ, 153.

Лейпцигъ (Липскъ), городъ, 144.

Лейпцигскій университетъ, 144. 391.

Лепель, городъ, и лепельская католич. школа, 23.

Ливецъ, рѣка, 15.

Лида, лидскій уѣздъ, 324.

Липская волость, 71.

Литва, литовское, литовско-русское государство, 3. 4. 21. 26—28. 36. 37. 42—44 46. 107. 144. 150. 151. 153. 156. 159. 167. 178. 183. 193. 197. 209. 214. 240. 302. 323. 330. 336. 358. 370. 405. 422. 423. 457. 458. 488. 497.

Литвиновъ галичскаго повѣта и литвиновская католич. школа, 5.

Логойскъ, логойскій повѣтъ, 201.

Логойская катол. школа, 23.

Лозки, им. ошмян. пов., 147.

Ломжа, 77.

Ломжинская іез. коллегія, 40.

Львовъ, 5. 10. 11. 17. 18. 39. 62. 65. 73. 74. 77. 83. 84. 89. 93. 108. 131. 138. 139. 143. 198. 207. 221—223. 230. 234. 235. 239. 248. 249. 266. 274. 278—284. 286—293. 295. 297—300. 303. 305. 306. 308. 310. 311. 317. 318. 320. 349. 351. 353. 357. 358. 363—367. 374. 375. 377. 382. 387. 388. 399. 405. 408. 412. 415. 416. 422. 432—435. 437. 438. 441. 449. 450. 452. 460. 462. 463. 466. 490. 515.

Львовскія школы:

— католическая каѳедральная, 5. 10—14. 17—20. 24. 73. 117. 131. 138. 287. 288. 292. 304. 305. 377. 417.

— іезуитская коллегія, 12—14. 40. 73. 74. 84. 93.

— братская успенская, 140. 222. 237. 247—250. 253. 266. 269. 280—311. 315. 333. 351. 352. 363. 364. 366. 373. 375. 377. 382. 384. 387—389. 412. 414—417. 422. 427. 429. 432. 435. 436. 441. 450—453. 460—466. 469. 470.

— братская въ онуфріевскомъ монастырѣ, 297. 461. 469.

— братская богоявленская, 366. 367.

Луга, рѣка на Волыни, 226.

Лудзинъ, дер. близъ Олыки, 17.

Лукишки, предмѣстье Вильны, 52. 153.

Луцкъ, городъ на Волыни, 3. 16. 74. 75. 93. 106. 120. 165. 215. 285. 286. 341. 345. 404. 417. 434. 460—462.

Луцкій повѣтъ, 166.

Луцкія школы:
— католич каѳедральная, 15.

— іезуитская коллегія, 40. 74—76. 89. 93. 104. 343. 520.

— братская православная, 76. 247. 254. 281. 286. 310. 329. 341—346. 363. 417. 425. 427. 442. 460—463. 465. 474.

Лѣсна, село, 491.

Любаровъ, село въ Галиціи, 269.

Любартовъ, городъ, 163—165.

Любартовская социн. школа, 131. 163. 164. 179. 180.

Любекъ, городъ, 175. 191.

Люблинъ, 5. 69. 70. 71. 83. 93. 101. 107. 143. 150. 161. 197. 329. 365. 367. 401. 403. 405. 430. 437. 438.

Люблинская губернія, 126.

Люблинское воеводство, 161.

Люблинскія школы:

— католическая, 5.

— іезуитская коллегія. 40. 69—71. 88. 93. 101. 107. 137. 161. 405.

— кальвинская, 161.

— социніанская, 150. 165.

— православная, 281.

Любчъ, им. новгородскаго повѣта, 147. 160.

Любомльская католич. школа въ холмскомъ повѣтѣ, 23.

Ляховичи, село слуцкаго повѣта, 23. 203.

Ляховичская католич. школа, 23.

М.

Мадера, о-въ, 96.

Мальбургъ (Маріенбургъ), 268. 269.

Марбургскій университетъ, 153.

Мацѣевская католич. школа близъ Влодавы, 23.

Межибожъ въ латычовскомъ повѣтѣ, 371.

Межибожская прав. школа, 371.

Мейшаголы, м-ко виленскаго повѣта, 44. 45.

Меречь, м-ко въ троицкомъ повѣтѣ, 45. 121. 153.

Миляновичи, м ко владимир. повѣта, и школа, 218.

Минскъ, 189. 335. 336. 392. 425. 461. 500—502. 504. 512. 513. 522. 523.

Минскій повѣтъ, 23. 147.

Минскія школы:

— православная, 189. 281. 335—337. 385. 425. 461. 522.

— уніатская. 336. 500—502. 504. 505. 513. 514. 518. 522 523.

— уніатская семинарія, 506—514. 519. 521.

Мозырь, городъ, и мозырское училище; 189.

Могилевъ, городъ, 23. 312. 337—339. 355—358. 367. 368. 370. 404. 406. 449. 466. 513.

Могилевскія школы:
— католическая, 23. 356.

— православная братская, 281. 337—341. 356. 357. 363. 414. 427. 464. 466.

— православная приходская, 370.

— уніатская, 505.

Могунція, городъ, 79.

Москва, 70. 72. 147. 191. 202. 204. 214. 220. 222. 239. 240. 263. 288. 291. 292. 295. 299. 308. 319. 353 374—376. 383. 384. 386. 390. 392. 406. 413. 415. 422. 447. 449. 457. 458. 485. 492.

Московская школа, 353.

Мосты, село гроднен. пов., и мостовская католич. школа, 21.

Мушинскій ключъ, 28.

Мѣдники (или Ворне), м-ко на Жмуди, 3.

Мѣдницкая (или жмудская) каѳедр. школа, 15.

Мѣдники или Каменный Лохъ, село, 45. 121.

Н.

Нагловицы, 114. 206.

Наревская католич. школа, 21 (см. въ опечаткахъ).

Нарочъ, озеро, 55.

Начская католич. школа (на Подляшьи), 21.

Недзвѣдская католич. школа (въ слуцкомъ пов.), 21.

Немировъ брацлавскаго пов., 367.

Немировская братская школа, 281. 367.

Несвижъ. городъ, 60. 61. 63. 68. 71. 72. 89. 245.

Несвижскія:
— іезуит. коллегія, 40. 60. 63. 71. 72. 88. 516.

— кальв. школа, 117.

Новгородокъ (литовскій), 162. 312. 378. 380. 381. 500—502. 504. 511. 513. 523.

Новгородское воеводство, 209.

— повѣтъ, 147. 209. 371.

Новгородскія школы:
— кальвинская, 162. 501.

— уніатская, 500—502. 504. 505. 523.

Новгородовичи, им. слоним. пов., 503.

Новгородъ (Великій), 189. 190. 486.

Новгородское училище, 189.

Новгородъ—Сѣверскъ, 78.

Новгородъ—сѣверская іезуитская школа, 78.

Новоалександровскій повѣтъ (ковен. губ.), 23.

Новый Городъ (Nowe Miasto, Nova Civitas), городъ въ Галиціи, 13. 197.

Новый Дворъ. м-ко близъ Гродны, и новодворская катол. школа, 21.

Новый Сончъ, городъ въ Галиціи. и новосончская катол. школа, 5.

Носковцы, село, 45. 121.

Нюренбергскій университетъ, 391.

О.

Овручъ, городъ на Волыни, 228. 503.

Оксфордскій университетъ (въ Англіи), 153.

Олыка, мѣстечко на Волыни, 15. 16. 124.

Олыкская коллегіатская школа, 15. 16. 17. 124.

— дух. семинарія, 17. 124.

Ольмюцъ, городъ, 473 486. 502.

Ольмюцкая іезуит. коллегія, 214.

— папская семинарія, 486. 502. 509.

Оносковичи, село на Волыни, 257.

Орловъ, городъ вятской губ., 386.

Орша, 68. 69. 314.

Оршанскій повѣтъ, 23. 371. 372.

Оршанская іезуит. коллегія, 40. 68. 69.

Остапковичи, городъ въ Галиціи, коломыйскаго повѣта, 35.

Остапковичская катол. школа, 5. 35.

Островъ, островъ на р. Полотѣ, 66. 68.

Острогъ, городъ на Волыни, 77. 211. 215. 227. 237. 239. 241. 242. 244. 245. 247—271. 273—275. 323. 329. 383. 387. 388. 423. 444. 456. 457. 514. 515.

Острожскій повѣтъ, 166.

Острожскія школы:

— іезуитская, 77. 78. 261.

— православная, 131. 201. 222. 236. 237. 241—265. 267—271. 274. 275. 382. 410. 451.

Ошмянскій повѣтъ, 21. 147. 324.

П.

Падуя (Паттавія), городъ въ Италіи, 36. 126. 130. 138. 197. 219. 264. 267. 274. 408.

Падуанская академія, 126. 267. 274. 285. 435.

Палестина, 95.

Паневцы, им. въ Подоліи, и паневецкая кальвин. школа, 161.

Парижъ, 139. 165. 492.

Перемышль, городъ въ Галиціи, 3. 77. 83. 197. 266. 280. 303. 364. 365. 402. 440. 445.

Перемышльскій повѣтъ, 5. 22. 78. 128.

Перемышльскія школы:

— католическая каѳедральная, 5. 14.

— іезуитская, 40. 77.

— православная братская, 364. 365.

Пересопницкій прав. монастырь на Волыни и школа, 369. 370.

Петроковъ, городъ, 39. 121.

Печерскъ, фольваркъ, 496. 497.

Пильцюны, село, 45. 121.

Пинскъ, городъ, 16. 78. 117. 189. 197. 314. 368. 514.

Пинскій повѣтъ, 397. 500.

Пинскія школы:

— іезуитская, 78 368.

— православная, 117. 189. 281. 368. 369. 415. 514.

— уніатская, 514.

Пинчовъ, городъ въ сандомирскомъ воеводствѣ, 146. 163.

Пинчовская кальвинская, послѣ социніанская школа, 164. 173. 175.

Плоцкъ, плоцкая іезуит. резиденція, 40.

Повенденъ, м-ко тельшев. уѣзда, и повенденская катол. школа, 23.

Поврозникъ, дер. въ мушинскомъ ключѣ, 28.

Подкаменецкая (см. Каменецкая) кальв школа, 161.

Подляшье, 21. 161.

Подолія, 23. 145. 161. 163. 164. 191. 371. 391.

Подтеличъ, село въ Галиціи, 402.

Познань, городъ, 39. 61. 143. 145. 215. 238.

Познанская лютер. школа, 145.

— іезуит. коллегія и гимназія, 13. 40. 61.

Полота, рѣка, 66.

Полоцкъ, городъ, 41. 49. 57. 66—68. 88. 89. 197. 372. 396. 486.

Полоцкій повѣтъ, 162. 506.

Полоцкая іезуитская коллегія, 40. 41. 66—68. 89.

Полоцкая кальв. школа, 162 (см. въ опечаткахъ).

Полоцкая прав. школа, 372.

Польша, польское, польско-литовское государство, Рѣчь Посполитая, Корона, 3—5. 17. 22. 23. 25—29. 32. 39—44. 58. 59. 64. 66 97. 107. 110. 112. 114. 119. 127. 130. 143. 145—148. 151. 156. 161. 166. 171—174. 178. 183. 188. 193. 203. 205. 206. 214. 227. 240. 245. 247. 250. 258 264. 267. 268. 273. 330. 332. 333. 336. 343. 358. 374 375. 390. 396. 405. 410. 414. 425 426. 432. 441. 469. 475. 486. 487. 506. 507. 509. 510.

Почаевъ, им., 385.

Прага, городъ въ Чехіи, 198. 486. 498. 502.

Пражская папская семинарія, 486. 502. 509.

Пруссія, 144. 146. 156. 488.

Псковъ, 40. 191 486.

Пултускъ, городъ, 39. 40. 44. 60. 61. 502.

Пултуская іезуит. коллегія, 39. 40. 44. 502.

Путивль, городъ, 383.

Р.

Рава, городъ. Равская іезуит. резиденція, 40.

Радомысль, м-ко житомир. повѣта, 228. 350.

Раковъ, городъ въ сандомир. воеводствѣ, 112. 164. 175. 179. 180. 183.

Раковская социн. академія, 112. 162. 164. 166. 179.

Рахмановъ, м-ко на Волыни, 274. 385.

Рашковъ, городъ брацлавскаго пов., 372.

Ржеша (Rzesza), фольваркъ, 52.

Рига, 41. 89. 128. 164. 203. 229. 284. 487.

Рижская іезуит. коллегія, 40. 41. 89.

Рикойна, село, 45. 121.

Римъ, 11. 33. 37. 61. 62. 64. 66. 69. 128. 145. 211. 219. 221. 251. 256 258. 259. 268. 281. 302. 330. 334 347. 378. 381. 390. 392. 397. 408. 480. 485—487. 489. 490. 492—495. 498. 502. 505—507. 509. 517. 519—521. 523.

Римскія учебныя заведенія:

— іезуитская коллегія, 61. 80.

— главные курсы (Studium Generale), 480.

— греческая гимназія Яноса Ласкариса, 413. 480.

— національныя коллегіи — германская, англійская и маронитская, 480.

— греческая (аѳанасіевская), 256. 480—485. 489. 492. 493. 498. 502. 505. 508. 519.

Ровенская катол. школа на Волыни, 21.

Рогатинъ, городъ въ Галиціи, 23. 280 461.

Рогатинскія школы:

— католическая, 23.

— православная, 363. 364. 461.

Россіенскій повѣтъ, 20. 23.

Ростовъ яросл. губ. и ростовское училище, 189.

Русь, Россія, 3 28. 88. 114. 139. 189—191. 193 194. 208. 211. 216. 222. 223 247. 252. 255. 258. 267. 285. 291. 298. 316. 328. 357. 359. 360. 372. 374 375. 381. 394. 397. 406. 418. 421. 423. 425—427. 429. 432. 433. 435. 438—440. 486. 490. 507. 510. 519. 524.

Бѣлая Русь, 222. 352. 497.

Восточная Россія, Московія, 147. 176. 187. 188. 190. 191. 195. 201—203. 221. 229. 442. 476. 485—487. 489. 492. 498.

Западная Россія, 4. 6. 20. 22. 23. 26—28 40. 41. 53. 64. 78. 82. 83. 87. 89. 93. 106. 112—114 120. 143. 144. 146. 147. 149—152. 156. 169. 175. 179 184. 187. 188. 191. 192. 194. 197. 198 202. 204. 205—209. 211—213. 216. 221—223. 228. 230. 234. 237. 239. 240. 255. 258. 264. 267. 268. 274. 290. 295. 337. 343. 348. 368. 372. 373. 383. 385. 392. 409. 414. 415. 417. 423. 428. 442. 474. 476. 485. 492. 493. 498. 506 509. 521.

Малая Россія, 406. 424.

Червонная Русь, 207.

Южная Россія, 372. 373. 521.

С.

Савинъ, городокъ холмскаго пов., 74.

Савинскія катол. школы: приходская и іезуитская, 74.

Савсупы, урочище, 52.

Самборъ, городъ въ перемышл. землѣ, 13. 22. 457.

Самборская катол. школа, 22.

Сандомиръ, городъ, 110. 148. 155.

Сандомирская епарх. семинарія, 17.

— іезуитская коллегія, 40. 110.

Санокъ, городъ въ Галиціи, 5.

Саноцкій повѣтъ, 161.

Саноцкая католическая школа, 5.

— православная — , 281.

Сатановъ, городъ въ Галиціи, 280.

Семятичи, м-ко бѣльскаго повѣта, 165.

Семятичскія школы:
— католическая, 20. 35.

— социніанская, 165.

Сіена, городъ въ Италіи, 152

Скерневицы, въ равскомъ воеводствѣ, и скерневицкое училище, 13.

Скилондзіовская катол. школа тельшевскаго повѣта, 23.

Скміанъ шавельскаго повѣта и скміанская катол. школа, 23.

Слонимскій повѣтъ, 503.

Слуцкъ, городъ, 159. 178. 189. 355.

Слуцкій повѣтъ, 21. 23. 203.

Слуцкія школы:
— кальвинская, 159. 160. 173. 355.

— православная, 189. 243. 246.

Смоленскъ, 59. 61. 77. 88. 325.

Смоленская іезуитская резиденція, 40. 77.

Сморгонь, м-ко ошмян. повѣта, и сморгоньская кальв. школа, 162.

Смотричъ, м-ко въ Подоліи, 23. 263. 391.

Смотричская катол. школа, 23.

Соловки, 216.

Старжинъ, село минскаго повѣта, и старжинская катол. школа, 23.

Страсбургъ, 165.

Страсбургская гимназія, 81. 164. 172.

Стрыянице, дер близъ Львова, 14.

Стрятинъ, имѣніе, и стрятинская прав. школа, 294. 306. 370.

Судерви, им. въ виленск. пов., 321. 322.

Суздаль, городъ, 376.

Супрасль, 404. 520.

Суражъ, м-ко на Волыни, 257.

Т.

Тарасовичи, село въ оршанскомъ повѣтѣ, 496.

Тарнополь, городъ, 299.

Таурогенъ, городъ россіенскаго повѣта, и таурогенская католич. школа, 20.

Тельшевскій повѣтъ, 23.

Тельшевская католич. школа (на Жмуди), 23.

Тетеревъ, село на Волыни, 257.

Толочинъ, м-ко въ оршан. пов., и толочинская катол. школа, 23.

Торнъ, городъ, 143 149. 172. 211.

Торнская іез. коллегія, 40.

— протестантская гимназія, 172.

Тороканъ, село, 491. 492. 500. 506 512 513.

Трабская католич. школа (ошмян. пов.), 21.

Трансильванія, 41. 487. 488.

Трикки, городъ въ Θессаліи, 374.

Триккская школа, 374. 375. 411. 412.

Троки, городъ близъ Вильны, 284.

Трокскій уѣздъ, 324.

Трокская католич. школа, 6.

Туробинская (близъ Замостья) кальвинская, послѣ социн. школа, 161. 163.

Туровъ, городъ, 189. 199.

Туровская прав. школа, 189. 199. 237. 247.

Туровъ, село на Волыни, 257.

Турція, 239. 292. 353.

Тыкоцинъ, городъ, 16.

У.

Угорцы (самбор. повѣта), 457.

Украина, 273.

Умань, городъ, 16.

Уневъ, 385.

Уневскій монастырь въ Галиціи и школа въ немъ, 200. 228. 252.

Упитскій повѣтъ (ковен. губ.), 23.

Ф.

Фастовъ, городъ, 77. 354.

Фастовская іезуит. школа, 77.

Феррарскій университетъ, 413.

Феціерна (?). имѣніе, и феціернская катол. школа, 23.

Франкфуртъ на Віадрѣ, 165.

Франція, 96. 112. 116.

Х.

Харизмъ, провинція персидская, 30.

Ходаки, село на Волыни, 257.

Холмъ, городъ люблин. губ., 3. 23. 74. 106. 225. 367. 404. 512.

Холмскій повѣтъ, 74.

Холмскія школы:
— католич приходская, 23 106.

— православная монастырская, 200. 228.

— братская, 367.

— уніатская школа, 505. 522. 523.

— гимназія, 522.

Хмѣльникъ, городъ въ Подоліи, и хмѣльницкая соц. школа, 163.

Хорошово, село на Волыни, 176.

Хотинъ, городъ, 263.

Ц.

Цвирково, село въ оршанскомъ пов., 496.

Цеперскій монастырь новгород. повѣта и школа, 371.

Ч.

Чекусская католич. школа россіян. пов., 23.

Черея, м-ко оршан. пов., 23. 513.

Черейская катол. школа, 23.

Черниговъ, 269. 386.

Черновцы, 16.

Чечела, деревня близъ Семятичъ, 35.

Чехія, 146.

Ш.

Шавли и шавельскій повѣтъ, 23.

Шаргородъ, городъ, 268.

Швеція, 485.

Ширвинты, имѣніе, 45.

Шкловъ, м-ко оршан. пов., и шкловская прав. школа, 371.

Шкуды, мѣстечко тельшевскаго пов., и шкудская катол. школа, 23.

Шмигла, им., 178.

Шотландія, 128.

Э.

Эйшишки (близъ Вильны), 8. 152.

Эльбингъ, 172.

Ю.

Юхновецкая катол. школа (близъ Бѣлостока), 21.

Юрьевка, имѣніе, 355.

Я.

Яново, мѣстечко на Подлясьи, 16.

Ярославъ, городъ въ Галиціи, 21. 35. 64. 70. 83. 84. 110. 245. 248 370. 382.

Ярославскія школы:

— католическая приходская, 21.

— іезуит. коллегія, 40. 64. 65 137. 214. 263.

— православная, 370.

Ясевъ, имѣніе въ ошмян. повѣтѣ, 55.

Ассы, 222. 310. 407. 408.

Ястребецъ, деревня въ мушинскомъ ключѣ, 28.

Ѳ.

Ѳеодосія, городъ, 36.

Ѳессалія, область, 374.

ВАЖНѢЙШІЯ ОПЕЧАТКИ.

Стр.	*Строка.*	*Напечатано.*	*Должно читать.*
V	7	существованія	существовавшія
	28	инословныя	инославныя
	39	католическихъ	католическимъ
	—	предметовъ	предметомъ
VI	11	говорится	и говорится
	28	отразились	отразилось
IX	11	Auqustiae	Augustae
X	1	seriptores	scriptores
	4 сн.	do	od
XI	6 сн.	Seschichte	Geschichte
	—	Fortschritt	Fortschritts
5	18 сн.	иониками	иониками
6	18 св.	князей незаконный	князей (незаконный
	7 сн.	sposabia	sposabiae'
9	23 св.	богослуженіи	богослуженія
	25	послѣдній	послѣдней
	32	протококовъ	протоколовъ
10	10 сн	Rutnenus	Ruthenus
12	24	епископа	архіепископа
13	21 сн.	припасомъ	примасомъ
	12 —	Computns	Computus
	1 —	Simomis Storovolsci	Simonis Starovolsci
15	1 св.	кононикъ	каноникъ
	9	архидіаконъ	архидіаконъ, а также каноникъ,
16	1	Браславлемъ	Брацлавомъ
20	1 сн.	4 прим.	4 и прим.
21	10 сн.	*гродненскоя* (1555), *заблудовская,*	*гродненская* (1555), *наревская* бѣльскаго нов. (1560 г.—А. В. А. К., XIV, стр. 68), *заблудовская,*
22	3 сн.	1538 г.	1598 г.
	1 —	I,	II,
23	17 св.	капитана	старосты
	27 —	школы	школъ
	2 сн.	304	704
25	2 сн.	[1])	[2])
28	4 сн.	nobus	nobis
29	14 сн.	Rtetorica	Rhetorica
	10 —	направивъ	направилъ
	5 —	rhectoricae	rhetoricae
32	15 св.	Spandenbergio	Spangenbergio
	5 сн.	debilum	debitum
35	2 св.	овса	овса и ржи
	9 сн.	ими	или

38	2 сн.	Григорій VIII	Григорій XIII
40	6 сн.	Ташуцкому	Ташицкому
41	8 сн.	2 янв.	20 янв.
42	8 сн.	10, 170,	10, 11, 115, 170,
44	8 —	Михаилъ	Николай
48	12 сн.	19 окт.	29 окт.
	9 —	29 окт.	26 іюля
51	13 сн.	Льва	Казимира Льва
53	12 сн.	Bostowski	Rostowski
55	7 сн.	№ IV	№ VI
57	1 сн.	Script.	(Script.
58	8 св.	къ	въ
62	3 св.	Валер.	Валентинъ
63	17 сн.	F, I, IV,	F, IV,
	—	o	do
64	4 св.	Ярославлѣ	Ярославѣ
66	14	ровизоровъ	ревизоровъ
	22	2 января	20 января
	9 сн.	епископомъ	архіепископомъ Ѳеофаномъ
67	11 св. / 5 сн.	епископа	архіепископа
68	26 св.	здѣсь	въ Полоцкѣ
	27 —	для нихъ	для учащихся
	34 —	2 января	20 января
71	11 сн.	(16)	(6)
73	22 / 25	граждане	горожане
	11 сн.	996—	696—
77	5 сн.	Cratis	Gratis
78	17 сн.	Вол. епарх. вѣд.	Вол. губ. вѣд.
83	17 сн.	50	60
84	6 св.	налицо; лишній	налицо лишній
89	15 сн.	289.	299.
94	5 и 6 св.	—не видно, чтобы преподавалось въ нашъ періодъ даже въ виленской академіи.	преподавалось въ львовской, несвижской и виленской коллегіяхъ; въ Вильнѣ — та его часть, которая примыкаетъ къ казуистикѣ (moralis theologia, quae conscientiae jura docet. Lit. an. S. I. 1608, 741. 742).
96	4 сн.	Теренцій, Марціалъ и	Теренцій и
114	14 св.	что тѣ два	что два
115	11 сн.	1588	1558 и 1606 г.
122	5 сн.	213 circa Trid. sess. 23.	231 circa decret. Trid. sess. 2. 3.
123	3 сн.	75.	74.
124	24 св.	нашн	нами
146	1 сн.	23 sqq.	231 et sqq.
155	12 св.	коп.	копъ
157	19 сн.	школу.	школы.
	14 —	воеводы	кашеляна
	2 —	176.	376.
162	6 св.	Къ нимъ принадлежали *ворнянская*	Къ нимъ принадлежали: *полоцкая* (1589 г. Rost., 173), *витебская* (упоминаемая подъ 1641 г. Вит. ст., I, 600), *ворнянская*
167	3 сн.	учился;	учился
169	4 сн.	людер.	лютеранской
172	21 св.	он	но
175	6 / 8 св.	Фарновскаго	Рарновскаго
176	8 св.	народу	народу языкъ
	2 сн.	влад.	владѣльцами ея
181	7 св.	Regnum	Regnum
188	1	время подобно,	время, подобно
189	25	л. 20	2
190	19	бора	собора
	20	въ вел.	и въ вел.
	30	быти	быть

197	7 сн.	II	кн. III, отд. 1.
201	14 св.	упомянутаго выше	кіевскаго католич. епископа
209	9 сн.	[3])	[1])
	8 —	[1])	[2])
	7 —	[2])	[3])
211	7	въ 1597—8 и 1605 г.	въ 1597—8 г.
	11	опять обратилось	обратилось
	12 св.	Хр. Радивиллу	Христофору Христофоровичу Радивиллу
	11 сн.		
	14 сн.	лл. 49 и 118	л. 49 (ср. 118: письмо К. К. Острожскаго къ Янушу Радивиллу съ ходатайствомъ за вил. братство, 1605 г.)
216	9 сн.	еще	аще
	6 —	III	II
219	16 сн.	VII	II
235	20 св.	Конюстенскій	Конюстенскій
236	4 —		
238	26	Сомосатскаго	Самосатскаго
243	7 сн.	1586;	1579;
	6 —	который	сынъ котораго Юрій
254	17 св.	епископомъ)	архіепископомъ)
	2 сн.	те	тѣ
	1 —	42).	427).
268	13 сн.	361	161—
272	3 св.	выбраннымъ	выбранныхъ
273	3 сн.	№ 53	№ 64.
274	27	Боговитиновны	Боговитиновой
275	13	канцлера	подканцлера
	14 сн.	Смѣсь.	смѣсь, стр. 54.
283	2 —	Карагономъ	Карачономъ
284	8 —	Ригѣ	Рыдлѣ
288	4—5 сн.	libris ad eandem Ecclesiam antiquitus institutae	libris institutionem ad eandem Ecclesiam antiquitus institutam
295	12 св.	1 декабря	2 декабря
298	2	милостью	пилностью (усердіемъ)
300	29	уходитъ	уходилъ
302	5 сн.	антіохійскому	александрійскому
306	19 св.	академію	академіи
	4 сн.	№ 159.	№ 164.
309	13 св.	колы.	школы.
318	25	граматычна	граматычное
	33	священники	священника
319	11 сн.	№ 5	№ 4
322	11 —	82	81
324	2 —	1609	1605
327	19 св.	заедва	яко заедва
	32	сооружало	сооружило
330	8 сн.	Тр. Кіев. дух. акад., 1887,	Кіев. епарх. вѣдом., 1877,
333	1 —	А. З. Р.,	А. З. Р., IV,
335	12 св.	шпительное	шпитальное
337	12 сн.	(1590)	(1597)
338	18 и 25 св.	епископъ	архіепископъ
340	5 сн.	6 марта	3 марта
348	2 —	Лозка:	Лозка;
350 (напеч.-440)	19 св.	письма	письма святого
351	3 сн.	А. З. IV, Р.,	А. З. Р., IV,
354	13 —	Имт.	Имп.
364	2	города	Городка
	2 сн.	№ 8.	№ 3.
365	26	братскомъ	брестскомъ
367	5 и 6 сн.	Соломирецкаго	Соломирецкой
368	6—7 —	имѣла будто бы	имѣла
369	16 св.	пріимныи	страннопріимныи
375	22	торжествовахъ	торжествахъ

375	34 св.	лѣтъ	лѣтѣ
376	13 сн.	сп.	митрополитъ
379	13 св.	юлдей	людей
380	13 сн.	А. З. Р.,	А. З. Р., IV,
382	16 сн.	Г. Ильинскій,	Ѳ. Ильинскій,
	11 —	на 11-мъ	на 9-мъ
383	10 —	книжки	книжники
389	7 —	кн. Ао. Мисловскаго,	кіево-печ. лавр. библ., № 202,
391	26 —	май-іюнь	іюнь-іюль
	25 —	Seschichte	Geschichte
395	12 —	нагробнымъ	надгробнымъ
405	22 —	тамъ, же,	тамъ же,
406	11 —	1894	1893
413	9 св.	оесало-	оессало-
427	6	культуры	культуры
	17	школъ.	школахъ.
433	22	уиріймия	уиріймая
446	2	praeteritum,	praeteritum, praesens,
448	23	Буди	Буки
458	9 сн.	Москвѣ	Псковѣ
469	24 св.	іюля	іюня
470	3 сн.	262	254
479	3 св.	ни въ силахъ	не въ силахъ
481	4 сн.	985	986
492	12 —	212. 216.	212—216.
494	15 —	Антиррпса	Антиррпенса
496	3 —	438.	538.
502	9 —	№ 116	№ 115
506	7 —	185	195
510	3 —	1628	1626.
511	2 —	№ 49	№ 47
512	13 —	1629 г.	1628 г.
514	13 —	1602 г.	1603 г.
520	7 —	79	№ 179.
522	9 —	стр. 15	стр. 65.
VI	1 св., 2 ст.	овручскій	писарь земли кіевской,
XV	3 сн., 2 ст.	Сакробусго	Сакробусто
XVI	16 св., 1 ст.	констант.	александрійскаго
XXIX	10 св., 2 ст.	62. 111.	62. 104. 111.
XXXIV	7 сн., 2 ст.	Фарновскій	Рарновскій

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

ВВЕДЕНІЕ . . . . . III—XIII.

Отдѣлъ первый. Католическія школы.

Глава I. Школы каѳедральныя и приходскія.

Распространеніе католичества въ западной Россіи. Условія происхожденія древняго католическаго просвѣщенія въ зап. Россіи и характеръ его; католическія школы до XVI в. Обстоятельства, содѣйствовавшія развитію католическаго просвѣщенія въ зап. Россіи съ начала XVI ст.; протестантство, какъ одно изъ нихъ; заботы соборовъ объ умноженіи и улучшеніи школъ. Каѳедральныя школы: виленская, лововская, перемышльская, красноставская, кіевская, мѣдницкая, луцкая и олыкская - коллегіатская. Устройство каѳедральныхъ школъ. Приходскія училища до прибытія іезуитовъ въ зап. Россію и вліяніе послѣднихъ на народное образованіе. Парохіальныя школы второй половины XVI и первой XVII ст. Устройство ихъ; росписаніе уроковъ и программа; языки, система семи свободныхъ наукъ. Воспитательная часть. Содержаніе учителей и учениковъ. Кіевская генуэзская школа. Римская юридическая школа въ Вильнѣ . . . . . 1—37.

Глава II. Іезуитскія училища. Исторія ихъ.

Условія распространенія іезуитскаго ордена по зап. Европѣ и по польско-литовскому государству. Симпатіи къ іезуитамъ польскихъ епископовъ и короля Стефана Баторія. *Виленская академія.* Дѣятельность еп. Валеріана Протасевича по вызову въ Польшу іезуитовъ и первые ихъ шаги въ этомъ городѣ. Преобразованіе гимназіи въ академію. Бурсы, библіотека, типографія. Внутренняя жизнь академіи. Ректора и профессора ея. Ярославская коллегія. Замостская школа. Полоцкая коллегія. Оршанская школа. Люблинская, несвижская, львовская

Стр.

коллегіи. Савинская школа. Коллегіи луцкая, каменецкая, крожская, перемышльская, смоленская, барская, винницкая, фастовская, острожская, пинская, новгородъ-сѣверская . . 38—78.

Глава III. Іезуитскія училища. Организація ихъ.

Происхожденіе іезуитскаго учебно-воспитательнаго плана. Дидактика іезуитовъ: дѣленіе низшихъ школъ (gymnasia) на классы; планъ наукъ въ каждомъ; общій характеръ гимназическаго образованія. Философскій и богословскій курсы. Учебныя руководства. Администрація іезуитскихъ школъ; преподавательскій персоналъ. Педагогика іезуитовъ; воспитательные пріемы; дисциплина; награды и наказанія. Достоинства и недостатки іезуитской педагогической системы . . . 79—118.

Глава IV. Духовныя семинаріи.

Необходимость духовныхъ семинарій въ зап. Россіи. Семинаріи виленская и жмудская. Устройство духовныхъ семинарій по плану тридентскаго собора . . . . . 119—125.

Глава V. Замостская академія.

Основатель ея—канцлеръ Янъ Замойскій. Мотивы и цѣль учрежденія. Средства содержанія. Дѣленіе на классы. Администрація, профессора, студенты. Причины непопулярности академіи. Болѣе видные представители ея. . . . . 126—140.

Отдѣлъ второй. Протестантскія школы.

Глава VI. Распространеніе реформаціи въ зап. Россіи и судьба протестантскихъ школъ.

Школа и книга—главныя орудія распространенія протестанства въ зап. Россіи. Отношеніе къ протестантству короля Сигизмунда Августа. Лютеранство, кальвинство, социніанство; взаимная борьба ихъ и паденіе. Отношеніе протестантовъ къ школѣ и къ просвѣщенію. Школы лютеранскія, кальвинскія (виленская, биржанская, слуцкая, кейданская и др.) и социніанскія . . . . . 141—166.

Глава VII. Организація протестантскихъ школъ.

Общее значеніе реформаціи въ исторіи педагогики. Лютеръ. Устройство лютеранскихъ школъ въ зап. Россіи; уставъ виленской школы. Администрація, внутренніе порядки, программа кальвинскихъ школъ. Устройство социніанскихъ училищъ . . . . . 167—184.

Отдѣлъ третій. Православныя школы.

Стр.

Глава VIII. Православное просвѣщеніе въ зап. Россіи до учрежденія острожской и братскихъ школъ и обстоятельства, обусловившія появленіе ихъ.

Различное рѣшеніе историками вопроса о количественной и качественной сторонахъ западнорусскаго просвѣщенія въ XVI—нач. XVII в Дѣленіе этого періода на двѣ части: до начала 1580-хъ годовъ и—послѣ. Западнорусскія школы до XVI в. Данныя о распространеніи грамотности среди духовенства и монашества, аристократіи и шляхты, горожанъ и крестьянъ. Приходскія и монастырскія школы, существованіе которыхъ удостовѣряется въ первую половину XVI в. (до 1580-хъ годовъ). Характеръ ихъ, учителя, учебные предметы и книги. Недостаточность даваемаго ими образованія въ виду новыхъ запросовъ времени и возникающее отсюда въ западнорусскомъ обществѣ умственное оживленіе. Руководители его—аристократія и горожане въ лицѣ братствъ. Анализъ различныхъ просвѣтительныхъ вліяній, которымъ подвергалась зап. Русь во вторую половину XVI ст. Вліяніе польской культуры. Протестантство и взаимныя отношенія между православными и протестантами. Католическое вліяніе и іезуиты. Московское вліяніе и греческое; характеръ отношеній грековъ и западнорусовъ въ концѣ XVI и нач. XVII ст. Патронатъ и его вліяніе на судьбу нашего школьнаго образованія. Реакція духовенства противъ улучшенія образованія вообще и противъ польско-европейской постановки его въ частности; примиреніе съ ними въ концѣ нашего періода. 185—236.

Глава IX. Острожское училище.

Общее значеніе кн. Константина Константиновича Острожскаго въ исторіи нашего просвѣщенія. Вліяніе на кн. Острожскаго кн. А. М. Курбскаго. Друкарь Ив. Ѳеодоровъ и открытіе типографіи въ Острогѣ. Острожская школа. Учрежденіе ея не К. И. Острожскимъ, а Константиномъ Константиновичемъ, около 1580 г. Отрицательныя и положительныя доказательства того, что острожская школа была не академіей, но и не низшимъ училищемъ, а скорѣе всего—среднимъ. Отсутствіе историческихъ данныхъ объ ея внутреннемъ устройствѣ. Внѣшняя исторія училища. Ея устройство и успѣхи. Ослабленіе послѣднихъ въ 90-хъ годахъ XVI ст. Подача ей помощи изъ Греціи. Дерманскій монастырь. Попытка кн. К. К. Острожскаго преобразовать училище въ академію. Существованіе острожской типографіи и школы послѣ смерти фундатора. Острожскіе ученые: Герасимъ Смотрицкій,

Стр.

Кириллъ Лукарисъ, Никифоръ Грекъ, „Клирикъ острожской церкви", Василій, пресвитеръ Даміанъ, Христофоръ Филалетъ Бронскій, Лятошъ, іером. Кипріанъ и др. . . . . 237—276.

Глава X. Братскія школы.

Общая причина происхожденія и размноженія братствъ и братскихъ училищъ. Обстоятельства, побудившія братства именно взяться за просвѣщеніе народа. Общая исторія братскихъ школъ; отношеніе къ нимъ правительства, іерархіи. Стремленіе братствъ монополизировать въ своихъ рукахъ народное образованіе; противодѣйствіе этому. Вопросъ о правѣ православной церкви и братствъ заводить школы—при восшествіи на престолъ Владислава IV.—Львовская школа. Реорганизація львовскаго братства, пріобрѣтеніе имъ типографіи и устройство училища. Антіохійскій патріархъ Іоакимъ, еп. Гедеонъ Балабанъ, п. Іеремія, м. Михаилъ Рагоза и ихъ отношенія къ братству и просвѣтительнымъ учрежденіямъ его. Успѣхи львовской школы и ея отношенія къ школамъ другихъ городовъ. Привилей к. Сигизмунда III отъ 15 октября 1592 г. Нападенія на братскую школу. Братская библіотека въ 1600—1601 гг., какъ показатель постановки школьнаго дѣла. Упадокъ братской школы и ея возстановленіе. Виленская школа. Время происхожденія братства и училища. Недостатокъ преподавателей и отношенія къ львовской школѣ. Подтвердительныя грамоты п. Іереміи и к. Сигизмунда. Пожертвованія въ пользу школы. Нападеніе іезуитскихъ студентовъ. Непріятности съ учителями. Враждебныя отношенія латино-уніатовъ. Іосифъ Бобриковичъ улучшаетъ школу. Виленское братство и монастырь дѣлаются центромъ просвѣтительныхъ стремленій православныхъ западноруссовъ. Утвержденіе братства съ школой к. Владиславомъ IV. Брестская школа, начало ея, отношенія къ львовскому училищу и переходъ въ руки уніатовъ. Минскія школы—шпитальная и петропавловская; нападеніе на послѣднюю со стороны уніатовъ. Могилевская школа. Привилей могилевцамъ на открытіе школы короля Стефана. Устройство ея беретъ на себя братство. Вопросъ о количествѣ братствъ (и школъ) въ Могилевѣ въ нач. XVII ст. Отнятіе уніатами у спасскаго братства монастыря и школы. Судьба послѣдней. Луцкая школа. Происхожденіе ея и утвержденіе. Уставъ ея. Переходъ ея въ руки монаховъ братскаго монастыря. Постановка учебнаго дѣла. Кіевскія школы — братская и лаврская. Начало кіевскаго братства и школы въ 1614—1615 гг. Отсутствіе въ Кіевѣ до того времени правильно организованныхъ училищъ. Утвержденіе школы п. Ѳеофаномъ. Гетманъ Конашевичъ-Сагайдачный. Судьба братской школы до соединенія ея съ лаврской.